ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXII.

1884.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Средняя Подъяческая, д. № 1.
2546.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXII.

1884.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Средняя Подъяческая, д. № 1.
2553.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (29-го ноября 1883 года). Объ учрежденіи Александровскаго евангелическаго училища въ городѣ Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи Александровскаго евангелическаго училища въ городѣ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Александровскаго евангелическаго училища въ городѣ Москвѣ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить евангелическимъ приходамъ въ городѣ Москвѣ учредить въ семъ городѣ двухклассное училище на основаніи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1872 года положенія о городскихъ училищахъ (полн. собр. зак. т. XLVII, № 50909) и нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Заведеніе именуется „Александровское евангелическое училище“ и имѣетъ цѣлію доставлять сыновьямъ недостаточныхъ прихо-

Библиотека "Руниверс"

жанъ евангелическихъ приходовъ въ гор. Москвѣ начальное умственное и религіозно-нравственное образованіе.

2) Училище, подчиняясь вѣдѣнію попечителя Московскаго учебнаго округа, состоитъ въ ближайшемъ завѣдываніи директора народныхъ училищъ Московской губерніи.

3) Училище содержится на счетъ: а) процентовъ съ капитала въ двадцать пять тысячъ рублей, пожертвованнаго прихожанами евангелическихъ церквей въ городѣ Москвѣ; б) ежегоднаго взноса, производимаго барономъ Л. Кноопомъ въ размѣрѣ одной тысячи рублей; в) платы за ученіе, и г) пожертвованій, дѣлаемыхъ въ пользу заведенія.

4) Непосредственное управленіе училищемъ ввѣряется училищному совѣту, состоящему изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ. Первыми признаются, по своему званію, всѣ проповѣдники евангелическихъ церквей въ гор. Москвѣ, а послѣдніе избираются совѣтами оныхъ на три года въ такомъ числѣ, сколько имѣется духовныхъ членовъ. Предсѣдатель совѣта избирается совѣтомъ, изъ своей среды или изъ лицъ постороннихъ. Предсѣдатель имѣетъ право приглашать въ засѣданія совѣта завѣдывающаго училищемъ, при чемъ этому лицу предоставляется только совѣщательный голосъ.

5) Училищный совѣтъ:

а) разсматриваетъ представляемые ему завѣдывающимъ училищемъ отчеты о состояніи заведенія по учебной и воспитательной частямъ;

б) представляетъ попечителю учебнаго округа и сообщаетъ церковнымъ совѣтамъ отчетъ по училищу и ведетъ переписку по дѣламъ послѣдняго;

в) избираетъ: инспектора училища—преимущественно изъ числа духовныхъ членовъ совѣта и казначея—изъ среды свѣтскихъ его членовъ;

г) избираетъ кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ должностей въ заведеніи и представляетъ ихъ на утвержденіе попечителя учебнаго округа;

д) входитъ къ попечителю съ представленіями объ утвержденіи учителя старшаго класса въ должности завѣдывающаго училищемъ (ст. 10), о награжденіи тѣхъ служащихъ въ училищѣ лицъ, которыя будутъ заслуживать того своею полезною дѣятельностью, а равно объ увольненіи завѣдывающаго и учителей отъ должностей;

Библиотека "Руниверс"

е) испрашиваетъ служащимъ отпуски;

ж) завѣдываетъ имуществомъ и зданіемъ училища, а также кассою онаго, раздѣляя съ казначеемъ отвѣтственность по сей послѣдней;

з) назначаетъ жалованье служащимъ въ училищѣ;

и) опредѣляетъ плату за ученіе, имѣя при этомъ въ виду, что она не должна превышать одной трети той платы, которая взимается училищами, состоящими при евангелическихъ приходахъ въ городѣ Москвѣ;

і) освобождаетъ, по мѣрѣ возможности, отъ платы за ученіе сиротъ и дѣтей совершенно неимущихъ родителей, принимая при этомъ за основаніе своихъ распоряженій свидѣтельства, выдаваемыя пасторами приходовъ, къ которымъ принадлежатъ малолѣтніе.

Примѣчаніе. Представленія училищнаго совѣта поступаютъ къ попечителю учебнаго округа чрезъ директора народныхъ училищъ.

6) Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, а въ случаѣ раздѣленія ихъ поровну — согласно тому изъ мнѣній, которое принято предсѣдателемъ. Относительно увольненія отъ службы и въ отпуски должностныхъ лицъ, пользующихся преимуществами государственной службы, а равно въ представленіяхъ служащихъ къ наградамъ, соблюдаются существующія по симъ предметамъ узаконенія.

7) Для обсужденія вопросовъ, относящихся къ учебной и воспитательной частямъ училища, при немъ учреждается педагогическій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго училищемъ (ст. 5 п. *д* и 10), изъ всѣхъ учителей, преподающихъ въ немъ научные предметы (ст. 9).

8) Преподаваніе въ училищѣ русскаго языка, а равно исторіи и географіи Россіи, происходитъ на русскомъ языкѣ; остальные предметы, входящіе въ составъ учебнаго курса училища, могутъ быть преподаваемы и на нѣмецкомъ языкѣ.

9) Въ училищѣ полагаются три учителя, изъ коихъ двое (по одному въ каждомъ классѣ) — для преподаванія предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ, а третій—для предметовъ, преподаваемыхъ въ обоихъ классахъ на русскомъ языкѣ.

10) На учителя старшаго класса возлагаются обязанности завѣдывающаго училищемъ.

Библиотека "Руниверс"

11) Учителямъ научныхъ предметовъ предоставляются всѣ служебныя преимущества, присвоенныя по закону учителямъ городскихъ училищъ, за исключеніемъ только пенсій и единовременныхъ пособій изъ государственнаго казначейства.

12) На учениковъ Александровскаго училища, окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ онаго, распространяются всѣ права, присвоенныя ученикамъ двухклассныхъ городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Выбывшіе изъ училища по окончаніи курса младшаго класса принимаются, безъ испытаній, въ первый классъ гимназій и реальныхъ училищъ; а пробывшіе въ младшемъ классѣ два года пользуются льготою четвертаго разряда по отбыванію воинской повинности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (23-го декабря 1883 года). Объ измѣненіи назначенія капитала, пожертвованнаго купцомъ Житенскимъ.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 22-го ноября за № 15210 (по деп.), объ измѣненіи назначенія капитала, пожертвованнаго купцомъ Житенскимъ.

Усматривая изъ настоящаго представленія, что точное исполненіе воли умершаго купца Житенскаго объ устройствѣ, на пожертвованныя имъ деньги, переправы черезъ озеро Селигеръ для перевозки нижнихъ чиновъ, отправляющихся въ отпускъ, не достигало бы нынѣ указанной жертвователемъ цѣли вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, комитетъ не встрѣчалъ съ своей стороны препятствія къ удовлетворенію ходатайства Осташковской городской думы объ обращеніи оставленнаго Житенскимъ капитала на выдачу пособій обучающимся въ городскихъ училищахъ гор. Осташкова.

Но при этомъ, однако, комитетъ находилъ, что, такъ какъ Житенскій, при совершеніи своего пожертвованія, имѣлъ, очевидно, намѣреніе оказать благодѣяніе, главнымъ образомъ, лицамъ, принадлежащимъ къ военному сословію, а именно—нижнимъ воинскимъ чинамъ, то представлялось бы желательнымъ таковое намѣреніе жертвователя, по возможности, осуществить и при новомъ употребленіи пожертвованныхъ денегъ.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ: настоящее представленіе министра народнаго просвѣщенія утвердить съ тѣмъ, чтобы при назна-

Библиотека "Руниверс"

ченіи, на счетъ пожертвованнаго Житенскимъ капитала, пособій обучающимся въ Осташковскихъ городскихъ училищахъ были избираемы преимущественно дѣти нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Государь Императоръ, въ 23-й день декабря 1883 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

3. (27-го декабря 1883 года). О штатѣ шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о штатѣ шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о штатѣ шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

Проектъ штата шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ 27 Декабря 1883 г. *„Быть по сему“.*

ШТАТЪ

шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Содержаніе въ годъ. Рубли.	Классы и разряды. По должности	По питью на мундирѣ.	По пенсіи.
Директору (при казенной квартирѣ)	1	—	2000	V	V	По учебной службѣ.
Законоучителю	1	11	600			
Ему же за добавочные уроки	—	—	120			
Учителямъ:						
Русскаго языка, исторіи и географіи	1	20	1450			
Латинскаго и греческаго языковъ	3	60				
Математики	1	25	6890			
Исторіи и географіи (уроки этихъ предметовъ распредѣляются между директоромъ и учителемъ русскаго языка)	—	16	5440	VIII	VIII	
Французскаго языка	1	15	750			
Нѣмецкаго »	1	15	750			
Польскаго	1	12	600			
Чистописанія	1	5	250	IX	IX	VII
Класснымъ наставникамъ	5	—	800			
Ихъ помощникамъ (при казенной квартирѣ)	2	—	440	X	X	По учебной службѣ.
Врачу	1	—	200	VIII	VIII	По медицинской службѣ.
На уплату учителямъ пѣнія и гимнастики	—	—	250			
Письмоводителю или бухгалтеру	1	—	300	X	X	
На канцелярскія расходы	—	—	150			
На учебныя пособія	—	—	300			
Добавочнаго жалованья секретарю совѣта и библіотекарю	—	—	150			
Итого	—	—	14550			

Библиотека "Руниверс"

Примѣчанія.

1-е. Въ шестиклассныхъ прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа учители раздѣляются на 3 разряда по окладамъ жалованья (750 р., 900 р. и 1250 р.). Особое вознагражденіе учителямъ отечественнаго и древнихъ языковъ, за исправленіе ученическихъ упражненій, производится изъ остатковъ суммъ личнаго состава прогимназій, по возможности, въ размѣрѣ 100 р. на каждаго. Учители русскаго языка съ церковно-славянскимъ, исторіи и географіи, а равно учители новыхъ языковъ и языка польскаго, за установленіемъ для нихъ окладовъ жалованья, показанныхъ въ штатѣ, не входятъ въ установленные уставомъ разряды окладовъ жалованья.

2-е. Въ шестиклассныхъ прогимназіяхъ, гдѣ польскій языкъ не преподается, исчисленная въ штатѣ сумма уменьшается на 600 р., назначенные на вознагражденіе преподавателя этого языка.

3-е. Сверхъ исчисленныхъ выше суммъ на шестиклассную прогимназію полагается на содержаніе приготовительнаго класса безъ польскаго языка 880 р., а съ польскимъ языкомъ 960 р. въ годъ, считая по 40 р. за каждый недѣльный урокъ, будутъ ли уроки распредѣлены между учителями прогимназій, или ввѣрены особымъ учителямъ. Кромѣ того, на содержаніе дома отпускается по 1120 р. на каждую шестиклассную прогимназію.

4 е. Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наименьшимъ окладомъ, по выслугѣ ими пятилѣтія, на ближайшій высшій окладъ, и при недостаточности штатной суммы на покрытіе сего расхода, недостающая сумма вносится въ смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственнаго казначейства.

5-е. Вознагражденіе за дополнительные уроки производится въ размѣрѣ 40 р. за каждый урокъ.

6-е. Въ шестиклассныхъ прогимназіяхъ, въ коихъ, согласно примѣчанію 1-му къ § 63, будутъ назначены особые надзиратели, они получаютъ содержаніе по 700 р. каждый; должность означенныхъ надзирателей относится къ VIII классу, а по шитью на мундирѣ къ VIII разряду и считается по учебной службѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

4. (30-го декабря 1883 года). Объ открытіи школы иконописанія при Холуйскомъ начальномъ народномъ училищѣ Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 30-го ноября 1883 г., за № 15729 (по деп.), объ открытіи школы иконописанія при Холуйскомъ начальномъ народномъ училищѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Комитетъ полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при Холуйскомъ двухклассномъ начальномъ училищѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, школы иконописанія, на предположенныхъ статсъ-секретаремъ Деляновымъ основаніяхъ, предоставивъ ему, министру народнаго просвѣщенія, утвердить уставъ означенной школы.

Государь Императоръ, въ 30-й день декабря 1883 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

13-го января 1884 г. (№ 1). Производятся: инспекторъ работъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Николай Лабзинъ — въ статскіе совѣтники, за отличіе.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и сверхъ штата, къ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Василій Шемякинъ — въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 26-го ноября 1881 г.

Учитель городскаго приходскаго училища, занимавшій должность учителя приходскаго училища генералъ-адъютанта князя Воронцова въ Одессѣ Василій Ковалевъ — въ коллежскіе регистраторы, съ 20-го ноября 1883 г. (Выс. пов. 20-го ноября 1883 г.).

Назначаются: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайный совѣтникъ Вышнеградскій — членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи профессора означеннаго института и въ другихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Гришинъ и учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища,

Библиотека "Руниверс"

статскій совѣтникъ Чеховичъ—окружными инспекторами учебныхъ округовъ: первый С.-Петербургскаго и послѣдній Оренбургскаго; изъ нихъ Гришинъ съ 1-го января 1884 года.

Утверждаются: адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Баклундъ — ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по астрономіи, съ 3-го декабря 1883 года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій — почетнымъ попечителемъ Орловской гимназіи на три года.

Директоръ Одесскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и почетный членъ Одесскаго городскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, коллежскій секретарь Маврокордато — почетнымъ попечителемъ Херсонской гимназіи на три года, съ оставленіемъ на службѣ по вѣдомствамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и учрежденій Императрицы Маріи.

Муромскій уѣздный предводитель дворянства, отставной гвардіи поручикъ Бурцевъ, отставной поручикъ Лихаревъ, докторъ медицины Вагнеръ, Самарскій 1-й гильдіи купецъ Субботинъ и Камышинскій 1-й гильдіи купецъ Каширскій — почетными попечителями реальныхъ училищъ: Бурцевъ — Муромскаго, Лихаревъ — Скопинскаго, Вагнеръ — св. Павла въ Одессѣ, Субботинъ — Самарскаго Александровскаго и Каширскій — Камышинскаго; всѣ пятеро на три года.

Продолжается срокъ командировки заграницу съ ученою цѣлію: приватъ-доценту Императорскаго Дерптскаго университета, доктору медицины Подвысоцкому — на одинъ годъ, съ 3-го февраля 1884 года.

Магистру Вольтеру—на два года, съ 1-го апрѣля 1884 года.

Командируется заграницу съ ученою цѣлію: кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Видеманъ, на два года, съ 29-го декабря 1883 г. (Выс. пов. 29-го декабря 1883 г.).

Продолжается срокъ отпуска въ Россіи: заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра, тайному совѣтнику Митюкову — на одинъ годъ, съ 1-го января 1884 г., по болѣзни (Выс. пов. 24-го декабря 1883 г.).

Увольняются въ отпускъ: попечитель Дерптскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Капустинъ—на двадцать-четыре дня, въ Москву и Ярославль (Выс. пов. 20-го декабря 1883 г.).

Попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лавров-

Библиотека "Руниверс"

скій—на двадцать-пять дней,, въ Московскую и Тверскую губерніи (Выс. пов. 10-го декабря 1883 г.).

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: почетному попечителю Великолуцкаго реальнаго училища, тайному совѣтнику Семевскому — за полезную дѣятельность его по сему училищу.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейлисова Брониславы Нейлисовой при гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго завѣдующимъ гимназіею при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Нейлисовымъ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ облигаціи III восточнаго займа, учреждается при названной гимназіи одна стипендія имени Брониславы Нейлисовой.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Ежегодные проценты съ означеннаго капитала назначаются для взноса платы за ученіе въ названной гимназіи избраннаго стипендіата..

§ 4. Стипендія назначается одному изъ болѣе нуждающихся и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ гимназіи, по выбору педагогическаго совѣта, которому принадлежитъ также право лишенія оной за проступки или неудовлетворительные успѣхи стипендіата.

§ 5. Пользованіе стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

2. (12-го августа 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи научно-художественнаго журнала „Изографъ“.

Въ текущемъ году наша литература обогатилась новымъ научно-художественнымъ журналомъ „Изографъ“, издаваемымъ художникомъ

Библиотека "Руниверс"

И. Красницкимъ. Въ программу этого изданія, посвященнаго спеціально дѣлу русской иконографіи, входятъ и слѣдующія отрасли знанія: „свѣдѣнія о древней иконописи западной и восточной"; „греческая, славянская и русская письменность"; „древнее и современное художество въ Россіи"; „святительскія, великокняжескія, боярскія одежды и утварь"; „мѣсяцесловъ и иконописный подлинникъ".

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе какъ весьма полезную цѣль предпринятаго г. Красницкимъ изданія, такъ и безукоризненность въ типографскомъ и художественномъ отношеніи вышедшихъ въ настоящее время двухъ первыхъ выпусковъ журнала „Изографъ", нашелъ справедливымъ рекомендовать это изданіе для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

О таковомъ постановленіи ученаго комитета, съ которымъ я согласенъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для зависящаго, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія.

3. (6-го октября 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи сочиненія Вейнберга „Лѣсъ".

Окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейнбергъ обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ пріобрѣтенію учебными заведеніями сего министерства изданнаго имъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Лѣсъ, значеніе его въ природѣ и мѣры къ его сохраненію".

Признавая весьма желательнымъ распространеніе помянутаго изданія въ видахъ противодѣйствія повсемѣстному въ Россіи лѣсоистребленію, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ на названную книгу, на случай выписки оной для фундаментальныхъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

4. (31-го октября 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи „Собранія вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи" Верещагина.

Преподавателемъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскихъ 6-й и 1-й гимназій, надворнымъ совѣтникомъ

Библиотека "Руниверс"

Верещагинымъ въ текущемъ году издана книга подъ заглавіемъ: „Собраніе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи, для гимназій и реальныхъ училищъ. С.-Петербургъ. 1883 года", удостоившаяся одобренія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ пособія при прохожденіи курса тригонометріи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Признавая весьма желательнымъ распространеніе помянутаго изданія между учащимися, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ учебнаго округа пріобрѣсти названное сочиненіе, если они, по своимъ средствамъ, найдутъ это возможнымъ.

5. (13-го ноября 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи „Пермской лѣтописи", изд. Шишонко.

Директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шишонко издалъ двѣ первыя части своего труда „Пермская лѣтопись съ 1263—1881 г. Пермь. 1882 г.", обнимающія періодъ времени съ 1263 по 1645 годъ.

Признавая желательнымъ распространеніе помянутаго изданія между учащими, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на названную книгу, на случай выписки оной для фундаментальныхъ библіотекъ названныхъ заведеній.

6. (10-го декабря 1883 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при Бѣльской VI-классной мужской прогимназіи въ ознаменованіе дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 1-й день декабря 1883 г., учреждаются при Бѣльской прогимназіи, въ ознаменованіе дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, двѣ стипендіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ означенной прогимназіи, Бѣльскимъ купцомъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ Рѣзниковымъ капитала въ 600 руб. Означеннымъ стипендіямъ присвоивается наименованіе „Александровскихъ".

§ 2. Капиталъ, обезпечивающій означенныя стипендіи и заклю-

Библиотека "Руниверс"

чающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую и навсегда неприкосновенную собственность Бѣльской прогимназіи и хранится въ Бѣльскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Проценты съ этого капитала получаетъ начальство прогимназіи и употребляетъ ихъ для взноса платы за ученіе за 2-хъ учениковъ прогимназіи изъ дѣтей бѣдныхъ жителей города Бѣлаго.

§ 4. Въ случаѣ выхода въ тиражъ облигацій восточнаго займа, обезпечивающихъ стипендіи, начальство прогимназіи замѣняетъ ихъ новыми облигаціями того же займа, или какими-либо другими государственными бумагами % съ которыхъ обезпечивали бы безпрепятственную выдачу двухъ стипендій.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ почетному попечителю Бѣльской прогимназіи, бѣльскому купцу Ѳедору Козьмичу Рѣзникову, изъ кандидатовъ, представляемыхъ въ тому педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи, послѣ же смерти Рѣзникова право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Бѣльской прогимназіи. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія своего въ прогимназіи, если того заслуживаютъ по своему поведенію и успѣхамъ. За неуспѣшность или неодобрительное поведеніе, стипендіатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта прогимназіи, можетъ быть лишенъ стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіями не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ стипендій по случаю временнаго незамѣщенія ихъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра означенныхъ стипендій.

7. (9-го января 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи сочиненія Велишскаго „Бытъ Грековъ и Римлянъ“.

Въ дополненіе къ циркулярному предложенію министерства народнаго просвѣщенія отъ 31-го марта 1880 года за № 4022, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что вдова профессора Пражскаго университета Велишскаго обратилась въ министерство съ ходатайствомъ о пріобрѣтеніи оставшихся нераспроданными экземпляровъ сочиненія покойнаго мужа ея: „Бытъ Грековъ и Римлянъ“, по уменьшенной цѣнѣ, то-есть, по 3 руб. за экземпляръ.

Библиотека "Руниверс"

Въ виду выдающихся достоинствъ означеннаго труда, рекомендованнаго ученымъ комитетомъ въ 1880 году для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, а также для раздачи, въ видѣ наградъ, преуспѣвающимъ ученикамъ, долгомъ считаю покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, обратить особое вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа на означенную книгу Велишскаго и предложить имъ въ возможно непродолжительномъ времени доставить прямо отъ себя въ департаментъ народнаго просвѣщенія какъ свѣдѣнія о томъ, сколько экземпляровъ означеннаго сочиненія каждое изъ заведеній по средствамъ своимъ находитъ возможнымъ пріобрѣсти, такъ и потребную на это сумму, считая по три рубля за экземпляръ.

8. (14-го января 1884 г.), Положеніе о стипендіи, въ память спасенія жизни въ Бозѣ почившаго Императора Александра II 2-го апрѣля 1879 г., при Уржумской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го апрѣля 1879 г., учреждается стипендія при Уржумской женской прогимназіи изъ процентовъ съ капитала, собраннаго, по подпискѣ, жителями города Уржума деревни Турека и другими лицами, 3-го апрѣля 1879 г., въ память спасенія жизни 2-го апрѣля 1879 г. въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ банковыхъ билетахъ, по нарицательной цѣнѣ въ 1500 руб., и дающій годоваго дохода 75 руб., находится въ завѣдываніи попечительнаго совѣта Уржумской женской прогимназіи, отъ котораго и зависятъ распоряженія капиталомъ.

3) Стипендія учреждается для предоставленія средствъ къ обученію въ Уржумской женской прогимназіи одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ, преимущественно круглой сиротѣ, изъ жителей города Уржума и Уржумскаго уѣзда, которая и пользуется пособіемъ до окончанія курса въ прогимназіи.

4) Выборъ стипендіатки, согласно 2-му пункту положенія, зависитъ отъ попечительнаго совѣта. При назначеніи, кромѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о бѣдности ученицы, должно быть потребовано отъ педагогическаго совѣта прогимназіи удостовѣреніе о способности кандидатки къ обученію.

Библиотека "Руниверс"

5) Стипендіатка пользуется непосредственнымъ и особеннымъ надзоромъ начальницы прогимназіи. Начальница имѣетъ въ своемъ завѣдываніи деньги, слѣдующія на содержаніе стипендіатки, заботится о наймѣ для нея квартиры, о ея пищѣ, покупаетъ нужное платье и производитъ прочіе расходы. По окончаніи учебнаго года, начальница подаетъ попечительному совѣту подробный счетъ.

6) Въ случаѣ неуспѣшности или дурнаго поведенія стипендіатки она можетъ быть лишена стипендіи, по постановленію попечительнаго совѣта, на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ педагогическаго совѣта. Если бы это случилось среди учебнаго года, немедленно избирается другая стипендіатка.

7) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (19-го января 1884 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Петра Алексѣевича Бильбасова, учрежденныхъ при Полтавской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ собраннаго по частной подпискѣ капитала 1200 р., учреждаются при Полтавской Маріинской женской гимназіи двѣ стипендіи.

2) Означеннымъ стипендіямъ присвоивается наименованіе „стипендіи тайнаго совѣтника Петра Алексѣевича Бильбасова".

3) Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ (билетахъ восточнаго займа), состоитъ въ вѣдѣніи попечительнаго совѣта гимназіи, а получаемые съ нихъ проценты засчитываются совѣтомъ въ установленную въ гимназіи плату за ученіе за двухъ стипендіатокъ; всякій же излишекъ процентовъ, каковой, по какому-либо случаю, могъ бы оказаться, причисляется къ капитальной суммѣ, для приращенія процентами и обезпеченія тѣмъ платы за ученіе въ случаѣ увеличенія таковой.

4) Стипендіатки избираются тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Алексѣевичемъ Бильбасовымъ, а въ случаѣ не назначенія имъ таковыхъ — попечительнымъ совѣтомъ.

5) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

10. (23-января 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи изданнаго г. Родевичемъ „Сборника дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ".

Членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Родевичъ издалъ въ текущемъ году „Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія, съ послѣдовавшими съ 1870 г. измѣненіями и дополненіями. С.-Петербургъ". 1884 года.

Принимая во вниманіе, что Сборникъ Родевича трудъ весьма основательный и полезный, ученый комитетъ министерства, на разсмотрѣніе котораго была передана означенная книга, нашелъ справедливымъ одобрить оную для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, а также уѣздныхъ и городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Соглашаясь, съ своей стороны, съ такимъ постановленіемъ ученаго комитета, покорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній на означенное изданіе Родевича.

11. (29-го января 1884 г.). Положеніе о стипендіи Мусина-Пушкина въ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. По Высочайше утвержденному въ 5 день іюня 1845 г. положенію комитета министровъ, при Казанскомъ университетѣ учреждена стипендія подъ названіемъ Мусина-Пушкина на счетъ процентовъ съ собраннаго для того капитала въ 4,000 руб. сер., нынѣ увеличевшагося до 7,000 руб. и хранящагося въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 2. Сей неприкосновенный капиталъ и получаемые съ него проценты находятся въ вѣдомствѣ университетскаго правленія; счетъ прихода и расхода онаго ведется по книгамъ особою статьею.

§ 3. Правленію предоставляется требованіе процентовъ на содержаніе одного стипендіата, отчисленіе изъ нихъ по разчету денегъ въ сумму содержанія студентовъ и храненіе остатка.

§ 4. Изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ съ капитала отчисляется 300 руб. на содержаніе стипендіата въ теченіе года; при

Библиотека "Руниверс"

чемъ всѣ остатки отъ %, а равно остатки отъ стипендіи вслѣдствіе незамѣщенія ея въ теченіе какого-либо промежутка времени присоединяются съ обращеніемъ въ % бумаги государственнаго банка, къ основному капиталу стипендіи, для образованія послѣдующихъ такихъ же стипендій имени Мусина-Пушкина.

§ 5. Стипендіатъ Мусина-Пушкина можетъ быть только сынъ чиновника или преподавателя Казанскаго университета и учебнаго округа, не исключая и дѣтей законоучителей, по предварительномъ ихъ увольненіи изъ духовнаго званія.

§ 6. Чиновники и преподаватели, участвовавшіе въ составленіи капитала для стипендіи, преимущественно предъ другими пользуются правомъ на помѣщеніе своихъ дѣтей въ университетъ стипендіатами Мусина-Пушкина.

§ 7. Искатель стипендіи долженъ окончить полный курсъ и получить отъ гимназіи или Нижегородскаго дворянскаго института совершенно одобрительный аттестатъ, котораго отмѣтка въ общемъ выводѣ соотвѣтствуетъ цифрѣ 4; быть свободнымъ отъ всякихъ обязанностей за первоначальное свое воспитаніе и представленъ къ помѣщенію въ университетъ на счетъ стипендіи отъ начальства этихъ заведеній.

§ 8. Университетъ, гимназіи и институты, удостоивая искателя стипендіи при сказанныхъ условіяхъ, отдаютъ преимущество отличнымъ по успѣхамъ и поведенію.

§ 9. Желающій поступить въ стипендіаты Мусина-Пушкина долженъ подать самъ или родные его о томъ прошеніе директору гимназіи или института, въ которомъ онъ обучался, съ приложеніемъ установленныхъ актовъ о происхожденіи, формулярнаго списка или увольнительнаго отъ службы аттестата своего отца и свидѣтельства извѣстныхъ лицъ о средствахъ содержанія родителей. Директоръ обязанъ самъ удостовѣриться въ недостаточномъ состояніи просителя и свидѣтельствовать, съ своей стороны, что искатель стипендіи признается недостаточнаго состоянія.

§ 10. Директоръ, приложивъ къ тому свѣдѣнія объ отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ искателя и поведеніи его предлагаетъ на заключеніе педагогическому совѣту ввѣренной ему гимназіи или института. Совѣтъ, въ случаѣ нѣсколькихъ соискателей, избираетъ, на основаніи вышеизложенныхъ условій, одного, о которомъ чрезъ директора входитъ съ представленіемъ къ попечителю округа, съ приложеніемъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ документовъ искателя, принятыхъ въ основаніе удостоенія его права на стипендію.

§ 11. Окончательное назначеніе въ стипендіаты, по собраніи свѣдѣній объ искателяхъ по всему округу и разсмотрѣніи документовъ ихъ, зависитъ отъ попечителя, которому предоставляется: требовать избраннаго въ университетъ и подвергать, по собственному усмотрѣнію, явившагося стипендіата испытанію въ томъ факультетѣ, въ который онъ предназначается.

§ 12. Въ случаѣ совершенной бѣдности избраннаго стипендіата, ему можетъ быть выдаваемо пособіе, равное прогоннымъ деньгамъ на двѣ лошади, по разстоянію до Казани, изъ суммы, собираемой въ гимназіяхъ съ учениковъ за ученіе, или изъ экономическихъ суммъ институтовъ.

§ 13. Стипендіатъ Мусина-Пушкина пользуется содержаніемъ наравнѣ съ казенными студентами; но по выходѣ своемъ изъ университета, ему предоставляется свобода въ избраніи службы. Его содержаніе, какъ стипендіата Мусина-Пушкина, означается въ свидѣтельствѣ на званіе студента, кандидата и лѣкаря.

§ 14. Въ продолженіе же курсовъ отъ него требуется постоянная успѣшность, а потому не можетъ онъ оставаться въ одномъ курсѣ болѣе одного года. Неудостоенный перевода въ слѣдующій курсъ немедленно смѣщается на свое содержаніе.

§ 15. Если бы стипендіатъ умеръ или былъ исключенъ изъ университета въ срединѣ учебнаго года, тогда вакансія его замѣщается другимъ искателемъ, какъ скоро онъ будетъ находиться въ числѣ студентовъ, нуждающихся въ содержаніи. Такое замѣщеніе производится тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ ст. 9, 10 и 11 для помѣщенія въ стипендіаты воспитанниковъ гимназій или института.

§ 16. О каждой вакансіи на стипендію Мусина-Пушкина, дѣйствительно уже открывшейся или ожидаемой въ концѣ учебнаго года, ректоръ университета извѣщаетъ заблаговременно всѣ гимназіи Казанскаго учебнаго округа и дворянскій институтъ для представленія г. попечителю объ искателяхъ стипендіи.

12. (30-го января 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи окончившимъ курсъ семинаристамъ учительскихъ должностей въ начальныхъ сельскихъ училищахъ безъ требованія отъ нихъ даже пробнаго урока.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по всеподд-

Библиотека "Руниверс"

даннѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія; дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, въ 23-й день февраля 1876 г., лица, окончившія курсъ въ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, получаютъ званіе учителя начальнаго народнаго училища безъ особыхъ для того испытаній, на основаніи однихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ объ окончаніи ими курса; при чемъ, для удостовѣренія въ педагогическихъ способностяхъ такихъ лицъ, постановлено требовать отъ нихъ лишь дачи пробнаго урока.

Принимая во вниманіе, что въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика и что при оныхъ устроены воскресныя школы, для практическаго ознакомленія учениковъ семинаріи съ пріемами начальнаго обученія, министерство народнаго просвѣщенія полагало возможнымъ предоставить лицамъ, окончившимъ полный курсъ въ названныхъ заведеніяхъ, право на занятіе учительскихъ должностей въ сельскихъ начальныхъ училищахъ безъ требованія отъ нихъ дачи упомянутаго пробнаго урока.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему моему о семъ докладу, въ 13-й день сего января, Высочайше соизволилъ на осуществленіе изъясненнаго предположенія.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго руководства по ввѣренному вамъ учебному округу.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го января 1884 года (№ 1). Утверждаются: сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Зедерштедтъ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 25-го августа 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Эттингенъ и бывшій ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бетхеръ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора; послѣдній съ 28-го мая 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Гершельманъ—деканомъ историко-филологиче-

Библиотека "Руниверс"

скаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Субботинъ — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 10-го января 1884 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Самоквасовъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права, съ 1-го декабря 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Стороженко—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ всеобщей литературы, съ 13-го января 1884 года.

Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, докторъ Рунге — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, съ 20-го ноября 1883 года.

Инспекторъ Кіевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Тихомировъ — директоромъ Немировской гимназіи; съ 24-го декабря 1883 года.

Инспекторъ Оренбургской гимназіи, коллежскій ассесоръ Алфіоновъ—директоромъ Пермской гимназіи, съ 23-го января 1884 года.

Исполняющій обязанности инспектора Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Пересвѣтовъ — директоромъ Житомирскаго еврейскаго учительскаго института.

Преподаватель Московской шестой гимназіи, коллежскій совѣтникъ Тихомировъ — директоромъ Дерптской второй учительской семинаріи, съ 20-го декабря 1883 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Солнцевъ—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Костромской губернаторъ, тайный совѣтникъ Андреевскій — членомъ попечительства Костромскаго реальнаго училища, на три года.

Дѣйствительные статскіе совѣтники Смирнитскій и Алабинъ, коллежскій совѣтникъ Ѳедоровъ, надворный совѣтникъ Бюрно, губернскій секретарь Арычкинъ, самарскіе купцы: Дунаевъ, Зло-

Библиотека "Руниверс"

бинъ, Жуковъ, Буслаевъ и Санинъ — членами попечительства Самарскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Камышинскіе участковые мировые судьи, надворный совѣтникъ Рѣзановичъ и коллежскій ассессоръ Петровъ и поселянинъ-собственникъ Лукъ — членами попечительства Камышинскаго реальнаго училища, на три года.

Надворный совѣтникъ Миловидовъ и провизоръ Гофманъ — членами попечительства Саратовскаго и Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аѳанасьевъ—вновь почетнымъ попечителемъ Егорьевской прогимназіи, на три года.

Графъ Толстой—почетнымъ попечителемъ Лебедянской прогимназіи, на три года.

Кандидатъ правъ Пазухинъ—почетнымъ попечителемъ Алатырской прогимназіи, на три года.

Серпуховскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ Рюминъ—почетнымъ попечителемъ Серпуховской Александровской прогимназіи, на три года.

Борисоглѣбскій 2-й гильдіи купецъ Рыжковъ—почетнымъ попечителемъ Борисоглѣбской Александровской прогимназіи, на три года.

Краснослободскій 2-й гильдіи купецъ Ненюковъ — почетнымъ попечителемъ Краснослободской прогимназіи, на три года.

Надворный совѣтникъ Пантусовъ—почетнымъ попечителемъ Порѣцкой учительской семинаріи, на три года.

Назначаются: инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, коллежскій совѣтникъ Семигановскій — исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи.

Исправляющій должность директора Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища Завадскій — директоромъ Ставропольскихъ женскихъ гимназій св. Александры и Ольгинской, съ 23-го сентября 1883 года.

Учитель Глуховской прогимназіи Малеванскій—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора философіи въ историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 14-го декабря 1883 года.

Помощникъ классныхъ наставниковъ Костромской гимназіи, коллежскій секретарь Жоховъ — исправляющимъ должность правителя канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Опредѣляются: инспекторъ Ташкентской женской гимназіи,

Библиотека "Руниверс"

надворный совѣтникъ Граціанскій — директоромъ сей гимназіи, съ 1-го августа 1883 года.

Исправлявшій должность инспектора Вѣрненской женской гимназіи, надворный совѣтникъ Груздевъ — директоромъ сей гимназіи, съ 22-го ноября 1883 года.

Домашняя учительница Надежда Бардовская—главною надзирательницею Ташкентской женской гимназіи, съ 1-го августа 1883 г.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михаилъ Козловскій—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному, съ 20-го января 1884 года.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра по каѳедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, коллежскій совѣтникъ Эйхельманъ—тѣмъ же званіемъ на каѳедру международнаго права сего университета.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи Кузнецовъ — тѣмъ же званіемъ на каѳедру госпитальной терапевтической клиники сего университета.

Переводятся на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: причисленный къ государственной канцеляріи, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Ниротморцевъ, съ 13-го января 1884 года.

Учитель Перервинскаго духовнаго училища Мошковъ, съ 20-го января 1884 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Горнбергъ, съ 30-го ноября 1883 года.

Оставляются на службѣ: по 1-е іюля 1884 года: исправляющій должность директора Егорьевской прогимназіи, статскій совѣтникъ Парновъ, съ утвержденіемъ въ сей должности.

На три года: директоръ Ѳеодосійскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ, съ 24-го ноября 1883 г.

На пять лѣтъ: директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ, съ 6-го ноября 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шефферъ, съ 10-го декабря 1883 года.

Предсѣдатель Виленской коммиссіи для разбора и изданія древ-

Библиотека "Руниверс"

нихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, съ 13-го декабря 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцынъ, съ 15-го декабря 1883 года.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ—на двадцать восемь дней, въ Москву и С.-Петербургъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Хабаровъ—на двадцать восемь дней, въ Москву, Вильну и Витебскъ.

и б) за границу: учитель С.-Петербургской первой гимназіи, статскій совѣтникъ Кондратьевъ—на шестнадцать дней.

Учитель Петергофской прогимназіи Лямихъ — на семьнадцать дней.

Преподаватель въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Юргенсенъ — на двадцать одинъ день.

Увольняется отъ должности: директоръ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ Лешъ, съ 13-го мая 1883 года, по разстроенному здоровью.

Увольняются отъ службы: а) согласно прошеніямъ: инспекторъ народныхъ училищъ Забайкальской области, статскій совѣтникъ баронъ Майдель, съ 16-го октября 1883 года.

Директоръ Пермской гимназіи, тайный совѣтникъ Грацинскій, съ 31-го декабря 1883 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, деканъ медицинскаго факультета сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Томса, съ 10-го января 1884 года.

Правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Аплавинъ.

и б) за выслугою срока: директоръ Немировской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Должиковъ, съ 22-го ноября 1883 года, и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Мануйловичъ, съ 24-го декабря 1883 года, съ дозволеніемъ обоимъ носить

Библиотека "Руниверс"

въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Варшавскому генералъ-суперъ-интенденту Эверту—за сочувствіе дѣлу народнаго образованія.

Начальнику Млавскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, статскому совѣтнику Лабудзинскому — за дѣятельность его на пользу народнаго образованія.

Почетному попечителю Бобровской мужской прогимназіи, статскому совѣтнику Рубашевскому, за пожертвованіе въ пользу сей прогимназіи.

Землевладѣльцу Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи Садовскому—за заслуги дѣлу народнаго образованія.

Женѣ капитана Мустяцъ — за пожертвованіе ею 6,000 рублей на устройство церкви въ зданіи Бѣлгородской мужской гимназіи.

Почетному попечителю Нижнечирской прогимназіи князю Трубецкому—за пожертвованіе въ пользу этой прогимназіи физическихъ приборовъ.

Бывшему почетному смотрителю Лебединскаго уѣзднаго училища, графу Каннисту—за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Почетному смотрителю Лебединскаго уѣзднаго училища, коллежскому регистратору Мокшицкому — за произведенныя имъ на свои средства ремонтныя исправленія въ зданіи училища.

Потомственному почетному гражданину Синебрюхову — за пожертвованіе въ пользу Кронштадтской женской гимназіи.

Почетному блюстителю приходскаго училища въ хуторѣ Моисеевомъ, Баклановской станицы, Донской области, купцу Винникову—за пожертвованія въ пользу сего училища.

Почетному гражданину Жеребцову—за пожертвованія въ пользу начальнаго народнаго училища въ поселкѣ Каменкѣ, Донецкаго округа, Донской области.

Дорогобужскому 2-й гильдіи купцу Смирнову—за пожертвованіе на устройство и открытіе въ г. Дорогобужѣ 2-го приходскаго училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Борзенковъ и Новороссійскаго — статскій совѣтникъ Шпилевскій и почетный попечитель Аккерманской прогимназіи, отставный маіоръ Мерманъ.

Библиотека "Руниверс"

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Составилъ А. Фроловъ, часть I: приложеніе алгебры къ геометріи. По программѣ военныхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Пятое изданіе, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1883"—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ и какъ учебное пособіе для VIII класса гимназій.

2) „Элементарная начертательная геометрія съ чертежами въ текстѣ и съ задачами для самостоятельныхъ работъ учащимся. Составилъ А. Фроловъ. С.-Петербургъ, 1884"—рекомендовать реальнымъ училищамъ въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія при преподаваніи начертательной геометріи.

3) „Epitome of the English grammar. Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ И. Милославскій. Казань. 1881",—одобрить для употребленія при преподаваніи англійскаго языка въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается англійскій языкъ, и

4) „Подробный словарь къ запискамъ К. Юлія Цезаря о Галльской войнѣ. Составилъ И. Шрамекъ, директоръ 5-й С.-Петербургской гимназіи. С.-Петербургъ, 1882",—допустить въ гимназіи и прогимназіи въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Теорія словесности. Составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній П. Смирновскій: С.-Пб. 1883",—одобрить какъ пособіе по теоріи словесности.

— Книгу: „Начертательная геометрія. Руководство для реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инженеръ-механикъ П. М. Тетеревъ, преподаватель Кіевскаго реальнаго училища. Кіевъ 1883",—одобрить въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ С. Бѣликовъ, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное статьями о межеваніи, нивеллированіи, составленіи картъ и другими. Съ чертежами

Библиотека "Руниверс"

въ текстѣ. Москва 1884",—включить въ число одобренныхъ ученымъ комитетомъ руководствъ для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Grammaire française comparée à la grammaire russe. Французская грамматика въ сравненіи съ русской. Составилъ Н. Фену. Часть I. Лексикологія. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1883. Цѣна 30 коп.— Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 45 коп."— одобрить какъ руководство при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Chréstomatie française. Французская хрестоматія, съ статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ спряженія неправильныхъ глаголовъ, съ объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ. Для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Фену. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб. 35 коп., въ папкѣ 1 руб. 45 коп."—одобрить какъ пособіе при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Разказы стараго матроса. Выпускъ I. Составилъ Н. П. Боголюбовъ. Изд. „Народной Библіотеки". Москва 1883 г. Въ 8 д. л., 31 стр., съ 4 рисунками. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, а также для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Кавказскій плѣнникъ. Разказъ гр. Л. Н. Толстаго. Изд. „Народной Библіотеки". Москва, 1883 г. Въ 8 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „За Дунаемъ. Война съ Турками за освобожденіе Славянъ 1877—1878 г. Очерки и разказы для дѣтей изъ сочиненій В. И. Немировича-Данченка. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой. Москва 1884 г. Въ б. 16 д. л., 162 стр. Цѣна 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Напутное молодому русскому солдату. Священника Петро-Павловской церкви въ г. Волковыскѣ Дмитрія Булгаковскаго. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 15 стр. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. Съ 227 рисунками въ текстѣ. 12-е изданіе, дополненное 30 хрестоматическими статейками и 117 новыми политипажами. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 263 стр. Цѣна 75 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ счетоводства для начальныхъ городскихъ, земскихъ и др. училищъ. Счетоводство по дотчетныхъ прикащиковъ по самоповѣрочной русской тройной системѣ, предлагаемой Ѳедоромъ Езерскимъ“. Изд. 2-е, передѣланное. С.-Пб. 1883 г. Въ 8 д. л., 56 стр. Цѣна 60 коп.“,—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ, а также допустить въ видѣ учебнаго пособія въ тѣ училища, въ которыхъ введены дополнительные курсы для преподаванія счетоводства.

— Книгу: „Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей. Составилъ В. Лядовъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1883 г. Въ 8 д. л., 178 стр. Цѣна 75 коп.“,—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Для солдатъ и народа. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разказъ III. Чесменскій бой. Изданіе склада учебныхъ пособій для войскъ. В. А. Березовскаго. С.-Пб. 1883. Цѣна 15 коп.“,—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Милости хочу, а не жертвы. Разказъ для народа. Соч. В. К. Туренина. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1882 г. Цѣна 25 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ Германа Вагнера. Переводъ Вал. Висковатова. Книжка 3-я. С.-Пб. 1875. Цѣна 1 руб.“,—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 1-й день минувшаго декабря, Каменецъ-Подольская гимназія 21-го того же мѣсяца праздновала 50-лѣтній юбилей своего существованія по слѣдующей программѣ: На канунѣ юбилея, въ присутствіи помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ростовцева, въ гимназической церкви отслужена была всенощная, на которой присутствовали ученики православнаго исповѣданія, а также личный составъ педагогическаго совѣта Каменецъ-Подольской гимназіи. На слѣдующій день ученики православнаго исповѣданія вмѣстѣ съ личнымъ составомъ педагогическаго совѣта были на обѣднѣ и молебнѣ, которые совершалъ епископъ Каменецъ-Подольскій и Брацлавскій Іустинъ. Ученики же римско-католическаго исповѣданія слушали обѣдню и молебенъ въ каѳедральномъ костелѣ. Послѣ обѣдни преосвященный Іустинъ обратился къ учащимся со словомъ, въ которомъ объяснилъ важное значеніе божественнаго откровенія при изученіи науки. Въ часъ пополудни того же дня имѣло мѣсто торжественное собраніе въ актовой залѣ гимназіи, на которомъ находились, кромѣ всѣхъ учениковъ гимназіи и педагогическаго совѣта, высшія власти города, а также многіе родители и бывшіе ученики Каменецъ-Подольской гимназіи. Послѣ молитвы: „Царю небесный“ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ростовцевымъ объявлено было Высочайшее соизволеніе на празднованіе Каменецъ-Подольской гимназіею пятидесятилѣтія ея существованія и сказана была краткая рѣчь, въ которой объяснено значеніе вообще юбилейныхъ празднествъ, отмѣчены главные моменты въ прошедшей жизни заведенія и выражены пожеланія относительно будущаго преуспѣянія, Каменецъ-Подольской гимназіи. По окончаніи рѣчи хоромъ воспитанниковъ и воспитанницъ пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ оркестра учениковъ народный гимнъ. Затѣмъ г. директоромъ произнесено было краткое привѣтствіе присутствующимъ, съ выраженіемъ признательности тѣмъ, которые своимъ посѣщеніемъ оказали вниманіе заведенію. Послѣ привѣтствія директора прочитана была учителемъ русской словесности Михалевичемъ краткая историческая записка, въ которой представленъ ходъ учебной и воспитательной части въ гимназіи съ оцѣнкою трудовъ главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Наконецъ, наставникомъ Каменецъ-Подольской духовной семинаріи

Библиотека "Руниверс"

прочитанъ былъ адресъ этого послѣдняго заведенія, исполненный сердечнаго сочувствія къ трудамъ своихъ собратьевъ по призванію. Торжество закончилось духовною пѣснью: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", исполненною хоромъ учениковъ и учениць съ аккомпаниментомъ ученическаго оркестра; затѣмъ послѣдовало благословеніе, преподанное преосвященнымъ заведенію на дальнѣйшіе его труды. Въ тотъ же день въ присутствіи родителей и почетныхъ лицъ города, а также учителей и учебнаго начальства былъ музыкально-литературный вечеръ учениковъ, и затѣмъ танцы, въ которыхъ участвовали только воспитанники и воспитанницы гимназій, при чемъ имъ предложено было угощеніе, состоящее изъ лакомствъ.

На другой день, то-есть, 22-го декабря въ 11 часовъ утра, происходилъ годичный актъ, на которомъ прочитанъ отчетъ за истекшій учебный годъ, и розданы награды отличнымъ ученикамъ.

Въ 1881 году одно лицо завѣщало 350 руб., для выдачи процентовъ съ этого капитала въ пособіе бѣдному ученику Усть-Медвѣдицкой гимназіи, на вѣчныя времена. Капиталъ этотъ былъ внесенъ исполнителемъ завѣщанія въ Скопинскій городской общественный банкъ вѣчнымъ вкладомъ, и билетъ пересланъ въ Усть-Медвѣдицкую гимназію. Нынѣ, вслѣдствіе прекращенія платежей Скопинскимъ банкомъ, названная гимназія лишилась завѣщаннаго ей капитала. Такимъ образомъ помѣщеніе капитала въ частномъ банкѣ оказалось непрочнымъ, а между тѣмъ, еслибъ этотъ капиталъ былъ обращенъ въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, то проценты съ этого капитала могли бы выдаваться въ пособіе одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, согласно волѣ завѣщателя, на вѣчныя времена.

Поступило въ продажу удостоившееся Высочайшаго принятія Ихъ Императорскихъ Величествъ изданіе: „Гимнъ. Мольба Русскаго о Державной Четѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны". Слова А. П. Мая. Музыка А. И. Дюбюка. С.-Петербургъ. Цѣна изданія съ пересылкою для пѣвческаго хора 2 руб., для фортепіано съ нѣніемъ 1 руб. Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ зданіе Николаевскаго дворца, кв. № 61, на имя издателя А. П. Мая.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: 1) двухклассныя: въ с. Ольшанкѣ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, при 92 учащихся; въ с. Юнаковкѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, 2) одноклассныя: въ с. Поповкѣ, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 22 учащихся; въ с. Перенахъ, Кишиневскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 36 учащихся; второе приходское училище въ г. Могилевѣ, съ женскою смѣною; инородческое для караимовъ въ Евпаторіи, Таврической губерніи, при 62 учащихся. Сверхъ того, приходское въ станицѣ Егорлыкской, Донской области, училище преобразовано въ двухклассное.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (17-го января 1884 года). Объ учрежденіи въ городѣ Читѣ мужской гимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта объ учрежденіи въ городѣ Читѣ мужской гимназіи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Читѣ мужской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ городѣ Читѣ восьмиклассную мужскую гимназію съ пансіономъ при оной, открывъ съ 1-го іюля 1884 года приготовительный, I и II классы сей гимназіи и прибавляя затѣмъ, ежегодно, начиная съ 1-го іюля 1885 г., по одному слѣдующему классу.

II. Отпустить на содержаніе въ 1884 г. упомянутыхъ выше (п. 1) низшихъ классовъ Читинской гимназіи и десяти казенныхъ воспи-

Библиотека "Руниверс"

танниковъ оной шесть тысячъ двѣсти семьдесятъ пять руб., съ тѣмъ, чтобы, начиная съ 1-го января 1885 г. потребныя на содержаніе этой гимназіи суммы, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, были вносимы, ежегодно, установленнымъ порядкомъ, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: а) принять, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, мѣры къ надлежащему контролю и учету пожертвованій, поступившихъ и могущихъ поступить на постройку зданія для Читинской гимназіи, съ тѣмъ, чтобъ означенныя пожертвованія обращены были въ свое время полностью на предметъ ихъ назначенія; б) сообразить, на основаніи имѣющихся данныхъ о числѣ учениковъ въ существующихъ въ Сибири гимназіяхъ и объ отношеніи этого числа къ цифрамъ мѣстнаго населенія, какъ велико можетъ быть число учениковъ во всѣхъ классахъ учреждаемой Читинской гимназіи, и какое именно потребуется для этой гимназіи зданіе, и в) по исправленіи составленной для зданія названной гимназіи смѣты, на основаніи указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ данныхъ, войдти въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ о назначеніи необходимой дополнительной на постройку сего зданія суммы, въ томъ случаѣ, если весь расходъ по этой части окажется невозможнымъ покрыть на счетъ поступившихъ на мѣстѣ пожертвованій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

6. (15-го февраля 1884 года). Объ учрежденіи преміи имени А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма.

Члены Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы собрали послѣ празднованія 50-ти лѣтняго докторскаго юбилея президента сего общества, тайнаго совѣтника Фишера-фонъ-Вальдгейма, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ размѣрѣ 2500 руб., на учрежденіе преміи имени А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма, за лучшія сочиненія по ботаникѣ, съ тѣмъ, чтобы конкурсъ на соисканіе преміи назначался чрезъ каждые три годы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15-й день февраля 1884 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе въ распоряженіе Императорскаго Москов-

Библиотека "Руниверс"

ского Общества испытателей природы означеннаго капитала, и 2) на учрежденіе преміи имени А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма, выдаваемой изъ процентовъ съ сего капитала черезъ каждые три года за лучшія сочиненія по ботаникѣ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

15-го февраля 1884 года (№ 2). Утверждается: отставной тайный совѣтникъ Градинскій—почетнымъ попечителемъ Пермской гимназіи.

Утверждаются на три года: дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Павелъ Строгоновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Куприяновъ и отставной гвардіи полковникъ Поповъ—почетными попечителями гимназій: первый—Александровской Сумской, вторый—Костромской и послѣдній—Симферопольской.

Отставной корнетъ гвардіи Иванъ Терещенко и Сызранскій 1-й гильдіи купецъ Чуринъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Кіевскаго и послѣдній—Сызранскаго.

Командируются съ ученою цѣлію: а) за границу и въ Россіи: доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Смирновъ—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1884 года.

и б) за границу: директоръ главной физической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вильдъ—на два мѣсяца, съ 17-го марта 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Догель, экстраординарный профессоръ сего университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Левшинъ, прозекторъ того же университета Любимовъ и доцентъ Дерптскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ Гутманъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Аршеневскій—на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Репяховъ и кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ждановъ и Форстенъ—на два года.

Библиотека "Руниверс"

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13. (15-го февраля 1884 г.). Положеніе о русскомъ филологическомъ институтѣ при Лейпцигскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Русскій филологическій институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ, учрежденный на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го (26-го) августа 1873 г., имѣетъ цѣлью приготовлять свѣдущихъ преподавателей древнихъ языковъ для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Въ означенномъ институтѣ полагается 15 стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и столько же своекоштныхъ студентовъ.

3) Желающіе получить стипендію, вмѣстѣ съ прошеніемъ о принятіи въ институтъ, представляютъ письменное обязательство прослужить въ званіи преподавателя древнихъ языковъ по назначенію министерства народнаго просвѣщенія въ предѣлахъ Европейской Россіи по два года за каждый годъ полученія стипендіи. Отъ своекоштныхъ же студентовъ такое обязательство не требуется, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они приравниваются къ стипендіатамъ.

4) Въ названный институтъ принимаются русскіе подданные православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, съ отличнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ, институтахъ и лицеяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, при чемъ по отечественному, нѣмецкому и обоимъ древнимъ языкамъ отъ нихъ требуется по каждому изъ названныхъ предметовъ имѣть отмѣтку не менѣе 4 въ аттестатѣ зрѣлости.

Примѣчаніе. Принимаются также молодые люди, съ отличіемъ кончившіе полный гимназическій курсъ въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ они вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ.

5) Желающіе поступить въ институтъ подаютъ о томъ прошеніе, на простой бумагѣ, директору того учебнаго заведенія, въ которомъ

Библиотека "Руниверс"

окончили курсъ, при чемъ желающіе быть стипендіатами министерства прилагаютъ обязательство, упомянутое выше въ п. 3.

6) Буде кандидатъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ для пріема въ институтъ, директоръ предлагаетъ ему написать, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, или кого-либо изъ должностныхъ лицъ заведенія, собственное жизнеописаніе или какое-либо другое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, обычнаго на испытаніяхъ зрѣлости по русскому языку объема, и затѣмъ удостовѣряетъ своею подписью, что оно написано безъ всякой посторонней помощи.

7) Директоръ принимаетъ на себя ходатайство о пріемѣ просителя въ институтъ лишь въ томъ случаѣ, если къ этому ходатайству онъ можетъ приложить отъ себя или отъ педагогическаго совѣта ввѣреннаго ему заведенія свидѣтельства: а) объ отличныхъ дарованіяхъ и любознательности рекомендуемаго имъ кандидата, б) о его нравственной и политической благонадежности, и в) медицинское свидѣтельство состоящаго при учебномъ заведеніи врача о неимѣніи болѣзней или расположенія къ онымъ, которыя могли бы препятствовать прохожденію кандидатомъ преподавательскаго поприща.

8) Съ ходатайствомъ о пріемѣ кандидата въ институтъ директоръ обращается непосредственно въ министерство народнаго просвѣщенія, къ завѣдывающему дѣлами сего института, прилагая какъ прошеніе и обязательство кандидата, его автобіографію или другое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ съ упомянутою въ п. 6 подписью директора, такъ и аттестатъ зрѣлости кандидата, письменныя работы его, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости по русскому и обоимъ древнимъ языкамъ, свидѣтельство о приписке къ призывному участку по исполненію воинской повинности, фотографическую карточку кандидата съ собственноручною его подписью и съ обозначеніемъ адреса, по которому онъ долженъ быть увѣдомленъ о рѣшеніи министерства. Всѣ эти документы должны быть доставлены въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія на имя завѣдывающаго дѣлами института, не позднѣе какъ 1-го (15-го) іюля каждаго года.

9) О пріемѣ или отказѣ въ пріемѣ въ институтъ каждый кандидатъ получаетъ прямое увѣдомленіе отъ завѣдывающаго дѣлами онаго, при чемъ не принятые получаютъ обратно всѣ необходимые имъ для поступленія въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе документы. Удостоенные же пріема имѣютъ прибыть въ С.-Петербургъ не позднѣе 1-го (13) октября съ удостовѣреніемъ о безупречномъ ихъ поведеніи за все время по окончаніи ими гимна-

Библиотека "Руниверс"

зическаго курса отъ полиціи той мѣстности, въ которой они проживали, и явиться къ завѣдывающему дѣлами института, отъ котораго они получаютъ какъ заграничный паспортъ, такъ и всѣ документы, необходимые для зачисленія ихъ въ студенты Лейпцигскаго университета и русскаго филологическаго института, а также и деньги на проѣздъ въ Лейпцигъ (п. 12).

10) Принятые въ институтъ молодые люди обязаны явиться въ Лейпцигъ къ директору института къ началу зимняго семестра (4-го (16-го) октября) и записаться въ числе студентовъ тамошняго университета.

11) Еслибы вскорѣ послѣ принятія въ институтъ, кто-либо изъ студентовъ оказалъ слишкомъ малыя познанія или недостаточныя способности, то директоръ имѣетъ право такого студента уволить изъ института, безъ требованія отъ него возврата издержанныхъ на него денегъ.

12) Стипендіаты получаютъ: а) ежемѣсячную стипендію по 120 марокъ на свое содержаніе и пріобрѣтеніе необходимыхъ для нихъ, книгъ; б) по 60 р. на проѣздъ въ Лейпцигъ и пріѣздъ оттуда, по окончаніи курса; сверхъ того, за нихъ уплачивается: в) гонораръ за 2 — 3 курса въ каждомъ семестрѣ (до 12 недѣльныхъ лекцій) и г) издержки по зачисленію въ студенты Лейпцигскаго университета и отчисленію изъ онаго (имматрикуляція и экматрикуляція).

13) Занятіями студентовъ руководствуютъ директоръ института и два его помощника (адъюнкта).

Хотя ближайшее опредѣленіе порядка занятій и всего внутренняго быта института предоставляется вполнѣ и безусловно директору онаго, тѣмъ не менѣе для особеннаго свѣдѣнія молодыхъ людей, желающихъ поступить въ институтъ, постановляется нижеслѣдующее:

а) Для нихъ учреждается особая семинарія, въ которой они всѣ, раздѣляясь на два отдѣленія, обязаны принимать участіе, и въ которой по двѣнадцати разъ въ недѣлю происходятъ правильныя методическія упражненія въ латинской и греческой грамматикѣ, въ вѣрномъ пониманіи и толкованіи классическихъ авторовъ и въ навыкѣ правильно выражаться по латыни какъ устно, такъ и письменно, а сверхъ того, повторяются и прочіе предметы филологическаго образованія, а именно: элементы греческо-римской метрики, исторія классической литературы съ исторіей древней философіи, римская и греческая исторія, древности и миѳологія.

б) Сверхъ этихъ, для всѣхъ равно обязательныхъ занятій, каж-

Библиотека "Руниверс"

дому изъ студентовъ, соотвѣтственно его индивидуальнымъ особенностямъ, будетъ указываемо директоромъ института посѣщеніе въ теченіе каждаго семестра двухъ или трехъ курсовъ, обыкновенно читаемыхъ въ университетѣ, исправное посѣщеніе каковыхъ курсовъ, равно какъ и прочихъ вышесказанныхъ занятій, вмѣняется имъ въ обязанность. Но при этомъ имъ предоставляется также слушать еще и другія лекціи, какія они пожелаютъ по собственному выбору; касательно числа и предмета означенныхъ лекцій они обязаны руководствоваться совѣтомъ и указаніями директора и его помощниковъ.

Распредѣленіе учебныхъ занятій въ институтѣ, а также печатное официальное росписаніе лекцій въ университетѣ, въ началѣ каждаго семестра сообщается министерству народнаго просвѣщенія.

в) Каждый студентъ ввѣряется спеціальному руководству одного изъ трехъ преподавателей института, которому обязанъ время отъ времени давать отчетъ въ своемъ домашнемъ чтеніи древнихъ классическихъ авторовъ, и отъ котораго всегда можетъ получать совѣты и наставленія, какъ въ научныхъ вопросахъ, такъ и относительно своихъ частныхъ желаній и потребностей.

г) Наконецъ, два часа въ недѣлю однимъ изъ адъюнктовъ посвящаются на обсужденіе съ отдѣльными группами студентовъ того, что было ими прослушано и усвоено на профессорскихъ лекціяхъ въ университетѣ за извѣстный періодъ времени.

14) Для каждаго отдѣленія избирается изъ числа студентовъ, наиболѣе заслуживающихъ довѣрія по своимъ нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ въ наукахъ, одинъ старшій (senior). На него возлагается наблюденіе за правильнымъ распредѣленіемъ занятій по толкованію классиковъ и за своевременнымъ представленіемъ студентами письменныхъ работъ. Онъ наблюдаетъ также за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами своего отдѣленія; тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ замѣчены въ неисправномъ посѣщеніи лекцій, или поведеніе коихъ можетъ дурно повліять на ихъ образованіе, или же поколебать репутацію института, сеніоръ долженъ всѣми силами стараться возвратить къ исполненію ихъ обязанностей, какъ личными увѣщаніями, такъ и при содѣйствіи товарищей; если же это ему не удастся, то онъ обязанъ о такихъ студентахъ довести до свѣдѣнія того изъ преподавателей, которому поручено спеціальное руководство сими студентами.

15) Тѣхъ студентовъ, которые, не смотря на сдѣланныя имъ увѣ-

Библиотека "Руниверс"

щанія, продолжали бы пренебрегать своими обязанностями или же предосудительно вести себя, директоръ имѣетъ право немедленно лишить стипендіи на время или на всегда, съ донесеніемъ о томъ министерству народнаго просвѣщенія.

16) Къ концу каждаго учебнаго года директоръ института представляетъ министерству народнаго просвѣщенія отчетъ о состояніи и дѣятельности института и объ успѣхахъ и способностяхъ каждаго изъ студентовъ.

17) Нормальный курсъ для каждаго стипендіата продолжается три года. О стипендіатахъ, которые въ продолженіе этого времени не оказались бы способными выдержать испытаніе на званіе учителя древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, директоръ доводитъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, для зависящихъ отъ него распоряженій относительно исполненія ими означеннаго въ § 3-мъ обязательства. Стипендіаты же, особенно отличающіеся своими успѣхами и способностями и намѣревающіеся подготовиться къ магистерскому экзамену по классической филологіи, могутъ, если того пожелаютъ, остаться въ институтѣ еще на четвертый годъ.

18) Окончившіе свое приготовленіе къ учительскому званію подвергаются въ томъ испытанію со стороны директора и его помощниковъ, какъ устно, такъ и письменно, и успѣшно выдержавшіе оное получаютъ въ томъ свидѣтельство, съ приложеніемъ печати института. Эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ исполненными стипендіатами на латинскомъ языкѣ письменными экзаменаціонными работами и университетскими свидѣтельствами (absolutorium), отсылаются въ министерство народнаго просвѣщенія. При семъ уплаченныя стипендіатами за сіи послѣднія свидѣтельства пошлины имъ возвращаются. Означенныя свидѣтельства подраздѣляются на степени: I, II-a, II, II-b и III, соотвѣтствующія отмѣткамъ „отлично„ или „очень хорошо“, „хорошо“, „удовлетворительно“, „достаточно“ и „едва достаточно“.

19) Выдержавшіе успѣшно вышеозначенное испытаніе, на основаніи приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія 14-го—26-го августа 1873 г. опредѣляются учителями древнихъ языковъ въ одну изъ россійскихъ гимназій или прогимназій, со всѣми правами и преимуществами, учительскому званію присвоенными, при чемъ выборъ для нихъ мѣстности хотя и принадлежитъ самому министерству народнаго просвѣщенія, но при семъ по возможности принимаются во вниманіе какъ заявленныя самими молодыми людьми желанія, такъ и потребности различныхъ учебныхъ округовъ и установившіяся въ нихъ

Библиотека "Руниверс"

требованія, коимъ должны удовлетворять кандидаты на учительскую должность по древнимъ языкамъ.

20) Студенты института, успѣшно выдержавшіе окончательное испытаніе, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го апрѣля 1876 г., имѣютъ право быть допущенными къ пріобрѣтенію степеней магистра и доктора греческой или римской словесности безъ предварительнаго испытанія на званіе кандидата. По отношенію къ исполненію воинской повинности они пользуются правами, присвоенными окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (ст. 53 уст. о воин. повин. приложеніе).

21) По опредѣленіи въ должность по назначенію отъ министерства народнаго просвѣщенія, каждый таковой учитель получаетъ въ видѣ пособія, третное не въ зачетъ жалованье, присвоеннаго ему по службѣ, и прогоны до мѣста своего служенія. (Т. III Св. Зак. изд. 1876 г. уст. о сл. Правит., ст. 235, 248 и др.).

22) Потребная на содержаніе Русскаго филологическаго института въ Лейпцигѣ сумма отпускается изъ ежегодно ассигнуемаго въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія кредита на приготовленіе профессоровъ и учителей. Завѣдываніе денежною частью института поручается кому-либо изъ Лейпцигскихъ финансистовъ, который производитъ всѣ необходимые по институту расходы по требованію директора онаго, а въ концѣ каждаго года представляетъ отчетъ министерству народнаго просвѣщенія.

Нормальный штатъ русскаго филологическаго института при Лейпцигскомъ университетѣ.

А. Приходъ.

17,500 рублей=35,000 марокъ.
(по курсу 100 р. за 200 марокъ).

Б. Расходъ.

1) Содержаніе директора	6,000	мар.
2) „ перваго адъюнкта	2,400	„
3) „ втораго адъюнкта	1,500	„
4) Проѣздъ въ Лейпцигъ при поступленіи въ институтъ и обратно по окончаніи въ немъ курса, по 60 руб. (120 марокъ) на стипендіата	1,200	„
5) Стипендіи 15 стипендіатамъ (по 120 марокъ ежемѣсячно или 1,440 мар. въ годъ каждому)	21,600	„

Библиотека "Руниверс"

6) Уплата гонорара за 12 лекцій (по 16⅔ мар. за каждый полугодичный курсъ изъ 4 лекцій въ недѣлю) за 15 стипендіатовъ	1,485 „
7) Издержки по имматрикуляціи (21 мар.) и эксматрикуляціи (5¼ мар.)	132 „
8) Переписка бумагъ и почтовыя издержки . . .	60 „
9) На пріобрѣтеніе книгъ, необходимыхъ при занятіяхъ стипендіатовъ по толкованію классиковъ (по 6 марокъ на стипендіата на каждое полугодіе). . . .	180 „
10) Частные уроки нѣмецкаго языка для тѣхъ, кто оказался бы имѣющимъ въ нихъ надобность, и не предвидѣнные расходы	443 „
Итого .	35,000 „

Примѣчаніе. Въ случаѣ могущихъ оказаться къ концу года остатковъ отъ суммы на содержаніе названнаго института, изъ оныхъ можетъ быть выдаваемо дополнительное содержаніе адъюнктамъ по представленію директора института и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

14. (23-го февраля 1884 г.). **Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Гавриловича Осокина при Императорской Казанской первой гимназіи.**

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго дворянствомъ Казанской губерніи капитала въ тысячу двѣсти рублей учреждается при Императорской Казанской первой гимназіи одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Гавриловича Осокина.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда не прикосновеннымъ.

3) Изъ % съ стипендіальнаго капитала вносится установленная плата за ученіе стипендіата; остающаяся затѣмъ сумма начальствомъ гимназіи выдается стипендіату на учебныя пособія, а могущій произойдти за всѣми этими расходами излишекъ выдается ученику, по окончаніи имъ курса, на экипировку.

4) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ приходящихъ учениковъ гимназіи, изъ бѣдныхъ дворянъ Казанской губерніи, заслуживающій

Библиотека "Руниверс"

того по своимъ успѣхамъ и поведенію, и назначается по усмотрѣнію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осокина, а послѣ его смерти предводителемъ дворянства Казанской губерніи.

5) Стипендіатъ этотъ въ теченіе курса можетъ оставаться въ которомъ, либо классѣ не болѣе одного раза; въ случаѣ, если онъ не будетъ удостоенъ перевода въ слѣдующій классъ вторично, лишается права пользоваться стипендіей, и на нее назначается другой ученикъ.

6) По выходѣ изъ гимназіи, стипендіатъ не стѣсняется никакими обязательствами за пользованіе стипендіей.

15. (28-го февраля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о времени пребыванія учениковъ учительскихъ семинарій въ одномъ и томъ же классѣ.

Попечитель одного изъ учебныхъ округовъ обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разъясненіи вопроса: могутъ ли воспитанники учительскихъ семинарій сего министерства оставаться на два года въ одномъ изъ нормальныхъ классовъ семинарій и, если могутъ, то сколько разъ въ теченіе курса семинаріи?

По обсужденіи означеннаго вопроса, я нахожу полезнымъ принять за общее правило, что воспитанники учительскихъ семинарій и школъ (съ приготовительнымъ классомъ и безъ онаго) могутъ быть педагогическими совѣтами сихъ заведеній оставляемы на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, но не болѣе одного раза въ теченіе трехлѣтняго или четырехлѣтняго курса семинаріи или школы, за исключеніемъ, однако же, тѣхъ воспитанниковъ, которые пробыли два года въ приготовительномъ классѣ по маловозрастности.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго руководства по ввѣренному намъ учебному округу.

16. (29-го февраля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о закрытіи учебныхъ заведеній въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по вопросу о закрытіи учеб-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ заведеній, въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней.

Нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой увѣдомилъ меня, что медицинскій совѣтъ находитъ цѣлесообразнымъ рекомендовать подлежащимъ начальствамъ закрывать школы и пріюты только въ исключительныхъ случаяхъ, когда эти заведенія, особенно школы съ интернатомъ, сами дѣлаются гнѣздами заразныхъ болѣзней; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, и гдѣ это будетъ возможно, учреждать ежедневный, а если окажется удобоисполнимымъ, то и двукратный осмотръ всѣхъ дѣтей предъ началомъ и по окончаніи классныхъ занятій.

Въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ ближайшія начальства учебныхъ заведеній и пріютовъ охотно прибѣгаютъ къ закрытію сихъ заведеній и прекращенію занятій на все время существованія эпидеміи и тѣмъ несомнѣнно устраняютъ возможность передачи и распространенія заразы чрезъ посредство посѣщающихъ школы; но такая отрицательная мѣра, устраняющая только одинъ изъ многихъ моментовъ, благопріятныхъ для распространенія заразы, ни мало не обезпечиваетъ успѣха общихъ санитарныхъ мѣръ, направляемыхъ къ пресѣченію эпидеміи, и напротивъ даже въ значительной степени можетъ противодѣйствовать имъ, потому что при закрытіи школъ и пріютовъ и оставленіи дѣтей по домамъ на попеченіи родныхъ и квартирныхъ хозяевъ, возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій для надзора за здоровьемъ и учащихся и вообще дѣтскаго населенія неблагополучной мѣстности; въ особенности становится затруднительнымъ своевременное обнаруживаніе заболѣвающихъ, принятіе надлежащихъ мѣръ разобщенія и обезвреживанія и сужденіе объ интензивности эпидеміи, времени прекращенія ея и т. п.

Между тѣмъ положительная мѣра, состоящая въ учрежденіи въ школахъ и пріютахъ тщательнаго врачебнаго надзора на время существованія эпидеміи, приноситъ существенную и дѣйствительную пользу, такъ какъ школы и пріюты становятся при этомъ условіи пунктами самыми удобными для обнаруженія заболѣвшихъ и принятія мѣръ къ разобщенію больныхъ дѣтей и лѣченію ихъ.

Объ изложенномъ заключеніи медицинскаго совѣта имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій и руководства.

Библиотека "Руниверс"

17. (5-го марта 1884 года). **Положеніе о стипендіи въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Аполлоновича Ареиса.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты въ двѣсти пять рублей съ капитала, собраннаго въ 1877 году по добровольной подпискѣ чинами интендантскаго вѣдомства бывшей дѣйствующей арміи и заключающагося въ 82 облигаціяхъ восточнаго займа за №№ 191913—191915, 191934—191936, 191943—191956, 641000—641020, 641001—641007, 131203, 131204, 191957—191976, 191902—191904, 191925—191933, 761191, 761192, 191801, 191014—191020 по номинальной цѣнѣ въ пятьдесятъ рублей каждая, всего на сумму четыре тысячи сто рублей, съ купонами на срокъ іюля 1880 года, учреждается въ Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Аполлоновича Ареиса.

2) Стипендіатами могутъ быть только сыновья недостаточныхъ офицеровъ и чиновниковъ интендантскаго вѣдомства, служившихъ въ бывшей дѣйствующей арміи, преимущественно же состоявшихъ въ ней на службѣ съ 1-го ноября 1876 года по 1-е ноября 1877 г., а за неимѣніемъ таковыхъ, сыновья недостаточныхъ офицеровъ и чиновниковъ интендантскаго вѣдомства вообще, и предпочтительно тѣхъ изъ нихъ, которые состояли или состоятъ на службѣ въ Одесскомъ военномъ округѣ; во всякомъ случаѣ, означенными стипендіатами могутъ быть лишь студенты одобрительнаго поведенія и оказавшіе хорошіе успѣхи въ наукахъ.

3) Право избранія и утвержденія стипендіатовъ предоставляется начальству университета.

4) Пожертвованный капиталъ состоитъ въ вѣдѣніи правленія университета.

5) Въ случаѣ неизрасходованія процентовъ по какимъ бы то ни было причинамъ, излишки отдѣляются отъ капитала для составленія особой суммы, которая, съ разрѣшенія начальства университета, выдается въ пособіе стипендіатамъ при окончаніи ими курса, но съ тѣмъ, чтобы пособіе это не превышало двухъ сотъ рублей. Могущій же и за симъ получиться излишекъ присоединяется къ капиталу для увеличенія самой стипендіи.

Библиотека "Руниверс"

18. (5-го марта 1884 года). **Положеніе о стипендіи въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ имени доцента сего университета Димитрія Александровича Кожевникова.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Потомственный почетный гражданинъ Владиміръ Александровичъ Кожевниковъ, желая увѣковѣчить память покойнаго брата своего, доцента Императорскаго Новороссійскаго университета Димитрія Александровича Кожевникова, пожертвовалъ капиталъ въ 3,000 рублей, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа за №№ 32629, 71185, 236096, по тысячѣ рублей каждая, съ купонами на срокъ 2-го января 1884 года, приносящихъ ежегодно 150 рублей дохода.

2) Стипендія, учрежденная на проценты съ этого капитала, въ 150 руб., именуется „стипендіей доцента Димитрія Александровича Кожевникова".

3) Стипендія имени Димитрія Александровича Кожевникова предоставляется бѣдному студенту физико-математическаго факультета, естественнаго отдѣленія, оказавшему хорошіе успѣхи по ботаникѣ и выдается ему разомъ.

4) Право избранія, по представленію физико-математическаго факультета, предоставляется совѣту Новороссійскаго университета.

5) Если избранный съ перваго курса стипендіатъ за неуспѣхи въ наукахъ или неодобрительное поведеніе будетъ лишенъ стипендіи, то факультетъ немедленно можетъ представить въ совѣтъ для выбора на освободившуюся стипендію другаго кандидата.

19. (6-го марта 1884 года). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о правахъ на пенсію чиновъ учебнаго вѣдомства.**

По Высочайше утвержденному 1-го мая 1879 года мнѣнію государственнаго совѣта старшимъ и младшимъ помощникамъ библіотекарей, ученымъ хранителямъ музеевъ и кабинетовъ и лаборантамъ Императорской Академіи Наукъ, кои пользовались до того правами по пенсіи общегражданской службы, предоставлены права учебной службы по министерству народнаго просвѣщенія.

При разсмотрѣніи правъ на пенсію одного изъ означенныхъ должностныхъ лицъ, между министерствами народнаго просвѣщенія и

Библиотека "Руниверс"

финансовъ возникло разногласіе въ отношеніи расчета его службы: министерство народнаго просвѣщенія, основываясь на послѣднемъ узаконеніи, считало всю службу этого чиновника, проведенную въ одной и той же должности, какъ до изданія закона 1-го мая 1879 года, такъ и по изданіи сего закона, учебною службою. Между тѣмъ министерство финансовъ полагало, что время службы упомянутаго чиновника до воспослѣдованія закона 1-го мая 1879 года слѣдуетъ считать, по прежнимъ правиламъ, гражданскою службой и зачитать ее въ учебную не иначе, какъ по пропорціи 7: 5, при обязательной выслугѣ для таковаго зачета, установленнаго ст. 355 пенс. уст. (изд. 1876 г.) 10-тилѣтняго срока по учебной части, а такъ какъ названный чиновникъ не выслужилъ по учебной части 10-тилѣтняго срока, то послѣдующая его учебная служба должна быть причислена къ прежней гражданской службѣ. Въ такомъ видѣ настоящее дѣло было представлено на разрѣшеніе комитета министровъ.

Комитетъ министровъ, выпиской изъ журналовъ от 3-го и 7-го января 1884 года, далъ мнѣ знать, что хотя по Высочайше утвержденному, 1-го мая 1879 г., мнѣнію государственнаго совѣта нѣкоторымъ должностямъ Императорской Академіи Наукъ предоставлены права учебной службы министерства народнаго просвѣщенія, но не сдѣлано указанія на то, чтобы дѣйствіе сего законоположенія распространялось и на предшествовавшее его изданію время. Посему комитетъ министровъ не усматриваетъ, чтобы содержащіяся въ пенсіонномъ уставѣ общія правила разрѣшали зачислять годъ за годъ въ учебную службу лицамъ, занимающимъ упомянутыя должности по Академіи Наукъ, время, проведенное ими въ тѣхъ должностяхъ до изданія закона 1-го мая 1879 года.

Имѣя въ виду, что разрѣшеніе комитетомъ министровъ вышеизложеннаго вопроса въ отношеніи расчета службы нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ Императорской Академіи Наукъ можетъ имѣть примѣненіе и къ другимъ чиновникамъ учебной службы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящимся въ одинаковомъ съ означенными должностными лицами положеніи, долгомъ считаю сообщить объ этомъ вашему превосходительству для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

Библиотека "Руниверс"

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

28-го февраля 1884 года (№ 2). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нелидовъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 23-го декабря 1883 года.

Докторъ Тома и докторъ Мукке — ординарными профессорами Императорскаго Дерптскаго университета: первый — по каѳедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи, съ 8-го января 1884 г., и послѣдній — по каѳедрѣ географіи, этнографіи и статистики, съ 23-го января 1884 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, надворный совѣтникъ Добіашъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета, съ 6-го февраля 1884 года.

Статскій совѣтникъ Уманецъ, коллежскій совѣтникъ Липницкій, титулярный совѣтникъ Черноусскій, штабсъ-капитаны Силаковъ и Будагосскій и коллежскій секретарь Сребдольскій — членами попечительства Новозыбковскаго реальнаго училища, на три года, съ 7-го октября 1883 года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Голубцовъ, титулярный совѣтникъ Надеждинъ, купцы Шевелинъ и Юшмановъ и крестьянинъ Хрущевъ — членами попечительства Красноуфимскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го января 1884 года.

Статскій совѣтникъ Муравьевъ, коллежскій ассессоръ Елагинъ, ротмистръ Дерфельденъ, отставный капитанъ Непѣнинъ, коллежскій секретарь Корвинъ-Круковскій, губернскій секретарь Желѣзновъ, Великолуцкій купецъ Баженовъ и Великолуцкій мѣщанинъ Косицкій—членами попечительства Великолуцкаго реальнаго училища, на три года.

Дворянинъ Дроздовскій, 1-й гильдіи купцы Шанбаровъ, Иванъ Чуринъ, Ледневъ и Сысуевъ и 2-й гильдіи купцы Корманъ, Кувшиновъ и Сопляковъ — членами попечительства Сызранскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: младшій астрономъ-наблюдатель Варшавской астрономической обсерваторіи, докторъ астрономіи, коллежскій совѣтникъ фонъ-Бергъ—профессоромъ института сельскаго хозяйства

Библиотека "Руниверс"

и лѣсоводства въ Новой Александріи по предметамъ начертательной геометріи и практической механики, съ 29-го января 1884 года.

Шушинскій уѣздный начальникъ, подполковникъ Ганзіели — членомъ попечительства Шушинскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василій Латкинъ, съ 23-го января 1884 года.

Кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета Александръ Максимовскій, съ 23-го января 1884 года, съ командированіемъ для занятій въ департаментѣ народнаго просвѣщенія.

Служившій въ департаментѣ государственной полиціи чиновникомъ для письма Евгеній Сушковъ, съ 29-го января 1884 года.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета князь Семенъ Абамелекъ-Лазаревъ, съ 2-го февраля 1884 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: управляющій лечебницею для приходящихъ вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эберманъ, съ 23-го января 1884 года.

Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, нотаріусъ С.-Петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи, титулярный совѣтникъ Бейзе, съ 10-го февраля 1884 года, съ оставленіемъ въ должности нотаріуса и съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Командируется по дѣламъ службы: инспекторъ чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа коллежскій секретарь Яковлевъ—въ С.-Петербургъ.

Оставляются на службѣ: на два года: директоръ Аренсбургской гимназіи коллежскій совѣтникъ Видеманъ, съ 12-го февраля 1884 года.

На два съ половиною года: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, съ 26-го января 1884 года.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій, съ 22-го января 1883 года.

Библиотека "Руниверс"

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго, съ 15-го августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра статскій совѣтникъ Авенаріусъ, съ 11-го ноября 1883 г.

Директоръ Александровской Сумской гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Сибилевъ, съ 8-го января 1884 г.

Директоръ Рижскаго городскаго реальнаго училища надворный совѣтникъ Бергъ, съ 28-го января 1884 г.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Гомельской прогимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳеоктистовъ—на десять дней, въ С.-Петербургъ.

Учитель, завѣдывающій Копальскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ, губернскій секретарь Поповъ — на четыре мѣсяца, въ Европейскую Россію и на Кавказъ, съ 20-го апрѣля 1884 года, по болѣзни.

б) Въ Россіи и за границу: директоръ Острожской учительской семинаріи дѣйствительный статскій совѣтникъ Богатиновъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г., по болѣзни.

и в) За границу: директоръ Московской прогимназіи, статскій совѣтникъ Кашкадамовъ—на двадцать восемь дней.

Учитель Шуйской гимназіи Янушка, учители реальныхъ училищъ: Харьковскаго — Осиповъ и Вольскаго — Адамекъ и учитель Казанской учительской семинаріи Бобровниковъ — на лѣтнее вакаціонное время 1884 г.; изъ нихъ Янушка по болѣзни.

Директоръ Александровской Старобѣльской гимназіи коллежскій совѣтникъ Гаекъ — на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и десять дней, по болѣзни.

Дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера надворный совѣтникъ Комовскій—на два мѣсяца, по болѣзни.

Директоръ Симферопольской гимназіи коллежскій совѣтникъ Тимошевскій — на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и двадцать восемь дней.

Надзирательница Гольдингенскаго 6-тикласснаго городскаго женскаго училища Бушъ — съ 31-го марта по 28-е іюля 1884 года, по болѣзни.

Врачъ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища надворный совѣтникъ Пергаминъ — на четыре мѣсяца.

Библиотека "Руниверс"

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія:

Причисленные къ сему министерству: откомандированный для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку коллежскій секретарь Радловъ, съ 1-го февраля 1884 г., по случаю назначенія его исправляющимъ должность библіотекаря упомянутой Библіотеки, и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Козловскій, со дня назначенія учителемъ Калишской мужской гимназіи.

Увольняются: директоръ Екатерининскаго учительскаго института въ г. Тамбовѣ статскій совѣтникъ Поповъ — отъ сей должности, за выслугою срока съ 6-го февраля 1884 г.

Директоръ Лифляндской общественной гимназіи въ г. Феллинѣ коллежскій совѣтникъ Зеземанъ — отъ этой должности, согласно прошенію.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: потомственному почетному гражданину Пирогову — за пожертвованіе въ пользу начальнаго народнаго училища въ селѣ Михалевѣ, Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи.

Исключаются изъ списковъ умершіе: сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Фрезе, директоръ Николаевской гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ, и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру". Изданіе Общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціей Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустошкаго и Ф. Зелинскаго. Выпускъ I. A — Echo. 1883. — одобрить какъ учебное пособіе по древнимъ классическимъ языкамъ, какъ книгу для наградъ ученикамъ гимназій и прогимназій, а равно для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ этихъ учебныхъ заведеній и для фун-

Библиотека "Руниверс"

даментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— „Объяснительный словарь“ къ сочиненію Ю. Цезаря: Commentarii de bello gallico, Германа Пертеса, пособіе при домашнемъ повтореніи переведеннаго въ классѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Лилова. Часть первая. Тифлисъ, 1883—допустить какъ учебное пособіе для гимназій.

— „Учебникъ геометріи“. Составилъ А. Левшинъ, преподаватель Гомельскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища при Либаво-роменской желѣзной дорогѣ. Минскъ. 1883 — одобрить какъ учебное пособіе для техническихъ школъ, подобныхъ желѣзно-дорожнымъ, а также для библіотекъ реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— „Руководство къ средней исторіи“. Курсъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Беллярминовъ. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и съ 40 рисунками. С.-Пб. 1883. Цѣна 60 коп. — одобрить какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— „Очерки и картины изъ географіи Азіи, Африки, Америки и Австраліи“. Составилъ Н. Малининъ, преподаватель Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Москва. 1883 — одобрить для ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Русская хрестоматія“. Часть II. Для третьяго и четвертаго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1884—одобрить какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разказамъ современниковъ“. Ивана Барсукова. Москва. 1883 — одобрить для ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Орестейя. Единственная дошедшая до насъ трилогія Эсхила, данная на греческомъ театрѣ въ Аѳинахъ въ 459 г. до Р. Хр. или за 2342 года до нашего времени“. Перевелъ съ греческаго Н. Котеловъ. Спб. 1883. Цѣна 3 р. 75 к. и 2) „Греческій театръ. Антигона. Трагедія Софокла (441 г. до Р. Х.)“. Съ греческаго перевелъ Н. Котеловъ. Выпускъ I. Спб. 1884. Цѣна 1 р.—

Библиотека "Руниверс"

одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно и для библіотекъ учительскихъ институтовъ министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ для диктовки, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Для элементарнаго курса. Часть 1-я. Составилъ Д. Тихомировъ, 9-е изданіе. Москва, 1884 г. Цѣна 35 к.“,—допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ А. Воронецкій. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской имперіи. 2-е исправленное изданіе. С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна 50 к.“—внести въ число книгъ, допущенныхъ для класснаго употребленія въ городскія и двухклассныя сельскія училища.

— Книгу: „Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать. Составилъ Н. Горбуновъ. Съ 6-ю рисунками. 6-е изданіе. Цѣна 10 к., пересылка отъ 1 до 5 экз. 15 коп. С.-Петербургъ. 1883 г. Изданіе Товарищества. „Общественная Польза“,—включить въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ министерства на прежнихъ основаніяхъ, то-есть, въ отдѣлъ книгъ для ученическихъ библіотекъ.

— Брошюры, изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ: 1) „Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ. А. Извергинъ. Москва, 1882 г. Цѣна 3 к.“, и 2), „Не стыдись насмѣшекъ (съ англійскаго). Москва. 1882 г. Ц. 3 к.“,—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книги, изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ: 1) „Исторія Бѣднаго Ѳеди. Приключеніе маленькаго Словака. Разказъ Фрица Маутнера. Переводъ съ нѣмецкаго М. И. Иловайской. Москва. 1882 г.“ и 2) „Крутыя горки. М. Юрьева. Москва, 1882 г. Ц. 20 к.“—допустить: первую изъ названныхъ книгъ—

Библиотека "Руниверс"

въ ученическія библіотеки городскихъ начальныхъ училищъ, а вторую—въ ученическія же библіотеки народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Руководство къ обученію грамотѣ и началамъ русскаго языка. Съ приложеніемъ русскаго букваря для начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа. Составлено И. Соломоновскимъ. Отд. I. Сравнительное обозрѣніе звуковъ русской и польской рѣчи и русской и польской графики. Отд. II. Обученіе грамотѣ и началамъ русскаго языка. Варшава. 1884 г. Ц. 50 к."—одобрить какъ руководство для учительскихъ семинарій и въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа.

— Журналъ: „Народная школа, издаваемый А. П. Пятковскимъ, за 1882 и 1883 гг. Ц. въ годъ 4 р. 50 к. съ пересылкою"—одобрить за 1882 и 1883 гг. для пріобрѣтенія въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ 42 типами народовъ и 92 другими рисунками. Составилъ Ѳ. Пуцыковичъ. Изд. 6-е. С.-Петербургъ. 1883 г. Ц. 50 к."—одобрить въ видѣ руководства для городскихъ училищъ и какъ учебное пособіе для двухклассныхъ училищъ.

— Книги, изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ: 1) „Гриша или любовь сестры. Изд. 3-е. Ц. 2 к.", и 2) „Золотой гусь. Изд. 2-е. Москва, 1883 г. Ц. 2 к."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Разказы стараго матроса. Выпускъ 1-й. Составилъ П. П. Боголюбовъ. Изданіе „Народной библіотеки". Москва, 1883. Ц. 5 к."—одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ вообще, а также и для народныхъ чтеній.

— Книгу: „Робинзонъ (для народныхъ училищъ). Изъ Ясной Поляны гр. Л. Н. Толстаго. Изданіе „Народной библіотеки". Москва, 1883. Въ 8. 16 д. л., 84 стр. Цѣна 10 к." — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка. Сочиненіе Модеста Богданова, профессора зоологіи С.-Петербургскаго университета. Изд. редакціи журнала Родникъ. С.-Петербургъ, 1884. Въ 8 д. л., 149 стр., съ рисунками. Цѣна 1 руб." — одобрить для библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу „Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Составилъ, по порученію коммиссіи для построенія храма, правитель ея канцеляріи М. Мостовскій. Изд. 2-е, дополненное манифестами. Москва, 1883 г. Въ 16 д. л., 235 стр. Цѣна 50 к."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Прописи и образцы рисованія по клѣткамъ. (Учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ). 15-е изданіе, перепечатанное съ 5-го изданія, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Составилъ В. С. Гербачъ. С.-Петербургъ, 1884 г. Цѣна 8 коп.",— одобрить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія постановилъ книгу: „Начальная Алгебра. Составилъ Н. В. Бугаевъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1881. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкой 1 р. 50 коп."—допустить въ видѣ учебнаго пособія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 15-го текущаго марта за № 3980, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе, съ начала 1884—1885 учебнаго года: въ мужскихъ гимназіяхъ: Сѣдлецкой—въ приготовительномъ классѣ съ 17 на двадцать р. и въ остальныхъ съ 29 на сорокъ р., въ Сувалкской—въ приготовительномъ классѣ съ 17 на двадцать р. и въ остальныхъ классахъ съ 29 на тридцать пять р., въ Маріампольской — въ приготовительномъ классѣ съ 18 на двадцать р. и въ остальныхъ съ 25 на тридцать р., въ Сандомирской прогимназіи—въ приготовительномъ классѣ съ 12 на пятнадцать р. и въ остальныхъ съ 12 на двадцать р. и въ Влоцлавскомъ реальномъ училищѣ—во всѣхъ классахъ съ 30 на тридцать пять р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 5-го текущаго марта за № 3393, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе, съ начала 1884—1885 учебнаго года, въ Бѣльской мужской гимназіи, въ приготовительномъ классѣ съ 10 на двадцать и въ прочихъ классахъ съ 12 на тридцать пять р. въ годъ съ каждаго ученика, и въ гим-

Библиотека "Руниверс"

назіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, въ гимназическихъ классахъ съ 30 до 40 р. и въ приготовительномъ классѣ съ 20 до 30 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 3-го марта сего 1884 г. за № 3327, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Холмской мужской гимназіи съ 1-го іюля сего года, въ приготовительномъ классѣ съ 8 на 15 р. и въ прочихъ классахъ съ 12 на 25 р. въ годъ съ ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: двухклассное вмѣсто существовавшаго однокласснаго въ селѣ Чубаровскомъ, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи, при 91 учащихся; одноклассныя: въ с. Вассіеннахъ, Кишиневскаго уѣзда Бессарабской губерніи, въ с. Пятигорскомъ, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, при 41 учащихся; въ с. Рождественскомъ, Курской губерніи и уѣзда, при 150 учащихся; въ деревнѣ Тряпиной, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губерніи для Чувашъ, при 25 учащихся; въ дер. Ибраевой того же уѣзда и губерніи, инородческое, при 10 учащихся; въ с. Борышковцахъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи, при 45 учащихся; въ дер. Тунгатаровой, Троицкаго уѣзда Оренбургской губерніи, инородческое для Башкиръ, при 16 учащихся; въ дер. Кокташъ, Ѳеодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи инородческое для Башкиръ, при 33 учащихся; при Богородице-Рождественскомъ монастырѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, женское, при 15 учащихся.

ОТЪ ГЛАВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

Изученіе грозовыхъ явленій ихъ силы и пространства, на которомъ они чаще или рѣже повторяются, равно какъ и знаніе количества дождя и снѣга, падающаго въ различныя времена года, въ разныхъ мѣстностяхъ, помимо ихъ научнаго интереса, имѣютъ также весьма важное практическое значеніе для сельскаго хозяйства, лѣ-

Библиотека "Руниверс"

соводства, работъ, производимыхъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ сооруженій на открытыхъ мѣстахъ. Эти атмосферныя явленія, хотя и служатъ предметомъ наблюденій на метеорологическихъ станціяхъ, учрежденныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи, но для полнаго ознакомленія съ ними необходимы наблюденія изъ гораздо бо́льшаго числа пунктовъ, такъ какъ они, завися отъ мѣстныхъ условій, измѣняются весьма рѣзко на небольшихъ разстояніяхъ.

Въ разныхъ странахъ Европы уже давно сознана важность организаціи наблюденій надъ грозами и атмосферными осадками въ многочисленныхъ пунктахъ. Такъ, въ одной Великобританіи еще въ 1881 году было 2,155 станцій, на которыхъ производились измѣренія количества падающихъ атмосферныхъ осадковъ. Во Франціи, Италіи, Швеціи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ число подобныхъ станцій также считается многими сотнями.

Учрежденіе станцій для наблюденій надъ грозами и атмосферными осадками не сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ производство этихъ наблюденій весьма просто. Наблюденія надъ появленіемъ, силою и распространеніемъ грозы не требуютъ никакихъ инструментовъ, опредѣленіе же количества выпадающаго дождя и снѣга производится при помощи весьма простаго инструмента (дождемѣра), обращеніе съ которымъ легко и не нуждается въ особомъ навыкѣ. Но эти наблюденія могутъ имѣть только тогда значеніе, если они будутъ добросовѣстно произведены по одной опредѣленной, научноустановленной системѣ.

Въ надеждѣ, что общеполезная цѣль этихъ наблюденій возбудитъ сочувствіе многихъ, главная физическая обсерваторія, получивъ въ настоящее время отъ правительства средства для организаціи этого рода наблюденій, обращается съ просьбою ко всѣмъ любителямъ науки, сельскимъ хозяевамъ, лѣсоводамъ и начальникамъ желѣзнодорожныхъ станцій, оказать ей просвѣщенное содѣйствіе въ дѣлѣ, успѣхъ котораго возможенъ только при дѣятельномъ участіи лицъ, взявшихъ на себя трудъ добровольно производить наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками.

Всѣмъ лицамъ, которыя заявятъ главной физической обсерваторіи (Вас. Остр., 23-я линія, домъ № 2) желаніе производить названныя наблюденія, будутъ высланы подробныя указанія, инструкціи и бланки для записыванія наблюденій. Корреспонденція же съ главною физическою обсерваторіей во всѣхъ почтамтахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ Россійской имперіи принимается безплатно.

Библиотека "Руниверс"

Наблюденія надъ метеорными осадками и грозами главная физическая обсерваторія будетъ ежегодно обработывать и печатать въ издаваемомъ Академіею Наукъ „Метеорологическомъ Сборникѣ", при чемъ будутъ названы лица, производившія наблюденія. Обсерваторія озаботится также о распространеніи въ публикѣ свѣдѣній относительно этихъ важныхъ для практики изслѣдованій.

Лица, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ будутъ вести хорошія наблюденія, могутъ быть представлены обсерваторіей Академіи Наукъ къ утвержденію ихъ въ званіи корреспондентовъ главной физической обсерваторіи.

Всѣмъ лицамъ, принявшимъ на себя добровольное производство названныхъ наблюденій и сообщающимъ ихъ въ главную физическую обсерваторію, будутъ высылаемы, какъ выводы изъ ежегодныхъ наблюденій надъ грозами и метеорными осадками, такъ и всѣ статьи, относящіяся до этого рода наблюденій, печатаемыя въ изданіяхъ главной физической обсерваторіи.

ОТЪ СОВѢТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Во исполненіе постановленія общаго собранія гг. членовъ Славянскаго Общества, состоявшагося 14-го февраля 1884 г., совѣтъ Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе премій — Кирилло-Меѳодіевской и имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга собраніемъ утверждены слѣдующія темы:

I. На соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи.

(Исключительно для студентовъ университетовъ и духовныхъ академій).

(на 1 годъ).

Представить критическій разборъ Паннонскихъ житій и житія св. Климента, съ обзоромъ литературы предмета съ 1842 г. (послѣ изслѣдованія Горскаго) до послѣдняго времени и съ приложеніемъ критической оцѣнки прежде извѣстныхъ и новооткрытыхъ римскихъ источниковъ, относящихся до славянскихъ апостоловъ и славянскаго богослуженія въ Моравіи.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ совѣтъ Общества (въ С.-Пб., на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, № 7) не позже 14-го февраля 1885 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны девизъ или эпиграфъ рукописи.

Библиотека "Руниверс"

За лучшій трудъ на эту тему автору будетъ выдана въ торжественномъ собраніи Общества, 5-е апрѣля 1885 года, Кирилло-Меѳодіевская премія въ 200 р., и онъ сохранитъ всѣ авторскія права на свою рукопись.

II. На соисканіе преміи въ память А. Ѳ. Гильфердинга.

(на 2 года).

I. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ внѣшнюю исторію:

1) Венгріи — въ правленіе короля Коломана (1095—1114), Стефана II (1114—1131], Белы II, Слѣпаго (1131—1141);

2) Чехіи—въ правленіе Брачислава II (1092—1100), Боривоя II, Святополка, Владислава († 1125), Собѣслава I (1125—1140);

3) Польши—въ правленіе Владислава Германскаго и Болеслава Кривоустаго (1139).

4) Руси—въ правленіе вел. князя Святополка-Михаила (1093—1113), Владиміра Мономаха (1113—1125), Ярополка Владиміровича (1125—1339), Всеволода Ольговича (1139—1146).

II. Представить отношенія этихъ странъ, съ одной стороны, къ Нѣмецкой имперіи и къ папству, съ другой—къ Восточному императору и патріарху Константинопольскому.

III. Прослѣдить взаимныя отношенія этихъ странъ между собою, при чемъ описать внутреннее состояніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, объяснить, въ чемъ заключалось ихъ сходство, и въ чемъ состояли ихъ отличительныя особенности.

Примѣчаніе. Автору предоставляется ограничиться двумя странами (Чехіи и Венгріи, Чехіи и Польши, Венгріи и Польши, Венгріи и Руси), но при условіи, въ такомъ случаѣ, довести обзоръ событій въ этихъ странахъ до конца XII вѣка.

Сочиненія на изложенную тему должны быть доставлены въ совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, № 7) не позже 25-го декабря 1885 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны девизъ или эпиграфъ рукописи.

За лучшій трудъ на указанную тему автору будетъ выдана въ торжественномъ собраніи Общества, 14-го февраля 1886 года, премія въ память А. Ѳ. Гильфердинга, въ 300 р., при чемъ авторъ сохранитъ всѣ авторскія права на свою рукопись.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКѢ.

Еслибы пишущій эти строки былъ спеціалистомъ по славяновѣдѣнію, быть можетъ, онъ не рѣшился бы выступить съ своимъ мнѣніемъ по такому сложному и запутанному вопросу, какъ вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ, которымъ много и долго занимались чуть ли не всѣ выдающіеся слависты. Но авторъ—не спеціалистъ по славяновѣдѣнію и потому, оградивъ себя словами videant periti, рѣшился сказать откровенно, что̀ онъ вынесъ изъ чтенія литературы, относящейся къ этому вопросу, и изъ нѣкоторыхъ наблюденій. Еслибъ оказалось, что его взглядъ на данный вопросъ ошибоченъ, то и это, быть можетъ, не было бы безплодно для дальнѣйшаго движенія науки: критикъ-спеціалистъ долженъ былъ бы еще разъ тщательно пересмотрѣть вопросъ и по поводу чужаго заблужденія нашелъ бы возможность сдѣлать цѣнныя для науки замѣчанія. Вѣдь нерѣдко бываетъ, что у спеціалиста по тому или иному вопросу накапливаются отрывочныя замѣтки и наблюденія, которыя неудобно выпустить въ свѣтъ въ не обдѣланномъ видѣ, но которыя удобно могутъ быть утилизированы при разборѣ чужаго мнѣнія.

Покойный А. А. Котляревскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ [1]) высказываетъ о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи славянскихъ азбукъ слѣдующее мнѣніе, съ которымъ, вѣроятно, всякій согласится: „Рядъ усилій разъяснить темное происхожденіе славянскихъ письменъ, время ихъ возникновенія и взаимныя отношенія далеко не можетъ быть признанъ законченнымъ. Достовѣрныхъ,

[1]) Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе, стр. 209 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

не подлежащихъ болѣе спору или сомнѣнію положеній — очень не много, гораздо болѣе существуетъ вѣроятныхъ, или такихъ, которыя требуютъ новыхъ изслѣдованій, разысканій и доказательствъ. Достовѣрнымъ можно признать только: а) связь глаголицы съ кириллицей, то-есть, что изобрѣтателю второй была извѣстна первая, или на оборотъ, и б) весьма раннее, хотя и не широкое распространеніе глаголицы у Славянъ Русскихъ и юго-западныхъ. Остатки глаголицы на Руси еще требуютъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій. Вѣроятными или болѣе вѣроятными, чѣмъ противоположныя, должно признать слѣдующія положенія: а) глаголица древнѣе той кириллицы, какую мы имѣемъ въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ; б) изобрѣтателемъ глаголицы былъ св. Кириллъ Солунецъ, или по крайней мѣрѣ прямыя и косвенныя историческія свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилла удобнѣе объясняются и толкуются въ смыслѣ глаголицы, чѣмъ кириллицы, в) устроителемъ кириллицы въ ея славянскомъ видѣ былъ епископъ Климентъ".

Въ сложномъ и обширномъ вопросѣ о кириллицѣ и глаголицѣ мы намѣтили себѣ только небольшой уголокъ — вопросъ о происхожденіи тѣхъ буквъ кириллицы, которыя добавлены ея устроителемъ къ греческимъ „по словѣнстѣй рѣчи". Но въ виду несомнѣнной связи обѣихъ славянскихъ азбукъ, мы не имѣемъ возможности обойдти вопросъ о ихъ древности, изобрѣтателяхъ и должны такъ или иначе разобраться въ тѣхъ положеніяхъ, которыя А. А. Котляревскій считалъ вѣроятными. Прежде всего напомнимъ нѣкоторые выводы, къ которымъ приводитъ сличеніе между собою обѣихъ славянскихъ азбукъ.

1) Какъ въ кириллицѣ, такъ и въ глаголицѣ, начертанія нѣкоторыхъ буквъ объясняются нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ греческихъ письменъ. Таковы глаголическія: д, е, л, м, р, ѳ, ѡ, ф.

2) Въ нѣкоторыхъ глаголическихъ буквахъ можно замѣтить сходство съ греческими курсивами IX в. Таковы, по видимому: б, г, можетъ быть—к, н, п, т, можетъ быть—в (=υ). Тэйлоръ въ своей замѣткѣ о происхожденіи глаголической азбуки [1]) распространяетъ это наблюденіе на всю глаголическую азбуку и старается доказать, что ж, з (земля), у, ш, щ, ц, ч, ѣ, ю, ѧ, ѩ, ѵ, ъ, ы, ь, ѭ, ѣ составлены изъ греческихъ курсивныхъ лигатуръ, съ чѣмъ едва ли можно

[1]) См. *Archiv f. slav. Philologie*, V, стр. 191.

Библиотека "Руниверс"

согласиться. Архимандритъ Амфилохій [1]) объясняетъ буквы: а, в, г, д, е, л, м, н, о, ѡ, р, с, ф, х, ч, ѕ (зѣло) ѧ, ѳ изъ греческихъ IX в., буквы б, к, т, ш, ц—изъ еврейскихъ, букву—п изъ латинской, и считаетъ также глаголическія з, и, і, оу, у заимствованными изъ греческихъ письменъ, но болѣе оразнообразненными, чѣмъ предыдущія 18 греческихъ буквъ.

3) Многія глаголическія буквы, восходящія, какъ и соотвѣтствующія кирилловскія, къ греческимъ, отличаются большею вычурностью и сложностью рисунка. Желаніе пріукрасить болѣе простое начертаніе особенно кружечками видно изъ рисунка многихъ буквъ, напримѣръ, в, д, л, м, ф (см. таблицу); то же относится къ буквѣ щ, почти тожественной въ глаголицѣ съ кириллицей, съ тѣмъ отличіемъ, что въ глаголицѣ прямая перпендикулярная черточка замѣнена излюбленнымъ кружечкомъ.

4) Въ начертаніи глаголическихъ буквъ замѣтна бо́льшая искусственность, нежели въ кирилловскихъ: общее впечатлѣніе, которое эта азбука производитъ, то, что она—дѣло личнаго изобрѣтателя, и потому до сихъ поръ такъ мало успѣха имѣли попытки ученыхъ отыскать въ письменахъ разныхъ народовъ прототипы глаголическимъ буквамъ. Ганушъ старался доказать сходство нѣкоторыхъ буквъ съ германскими рунами [2]); Шафарикъ [3]) указывалъ на сходство нѣкоторыхъ начертаній съ письменами восточными (сирскими, армянскими, пальмирскими и друг.); Тэйлоръ [4]) стоитъ за происхожденіе всѣхъ буквъ глаголицы изъ греческаго курсива X в., архимандритъ Амфилохій—за происхожденіе большинства буквъ изъ греческихъ письменъ (курсива и тайнописи), а нѣкоторыхъ буквъ—изъ латинскихъ и еврейскихъ. Трудно думать, что наука не доискалась до сихъ поръ прототиповъ глаголическихъ буквъ потому, что не достаточно знаетъ современныя изобрѣтателю глаголицы письмена восточныхъ и западныхъ народовъ. Эти письмена хорошо извѣстны, и еслибы составитель глаголицы пользовался тѣмъ или другимъ восточнымъ или западнымъ алфавитомъ, не стараясь замаскировать свой источникъ, то конечно, во-

---

[1]) См. въ III томѣ Галичскаго Четвероевангелія статью о подложности отрывковъ глаголическихъ, такъ-называемаго, Реймскаго Евангелія, относимаго археологами славянскими къ XI в., и о ключѣ къ глаголическому письму.

[2]) См. его статью: Zur Slav. Runenfrage, въ *Archiv f. Kunde Oesterreich. Geschichts-Quellen* XVIII, I.

[3]) Památky hlaholsk. písemnictví § 10.

[4]) *Archiv f. Slav. Philologie*, V, стр. 191.

Библиотека "Руниверс"

просъ объ источникахъ глаголицы былъ бы давно рѣшенъ. Неудача попытокъ ученыхъ, кажется, должна быть объясняема тѣмъ, что составитель глаголицы дѣйствительно хотѣлъ быть изобрѣтателемъ совсѣмъ новыхъ письменъ, и если нѣкоторыя начертанія были ему навѣяны какими-нибудь уже извѣстными письменами (греческими или восточными), то въ большинствѣ случаевъ онъ старался быть оригинальнымъ. Если это такъ, то едва ли наукѣ удастся разъяснить точно процессъ изобрѣтенія глаголицы, и едва ли можно идти дальше нѣкоторыхъ догадокъ. Такъ, можно думать, что благочестивая мысль руководила изобрѣтателемъ, когда онъ придалъ первой буквѣ, открывавшей азбуку, видъ, напоминающій крестъ; или, быть можетъ, выбралъ изъ греческихъ курсивныхъ начертаній звука *а* такую форму, которая представляла крестъ (см. таблицу); что нѣкоторыя буквы навѣяны греческими письменами, при чемъ все же проглядываетъ желаніе видоизмѣнить, замаскировать оригиналъ (буквы г, д, л, м, п и др.) прибавленіемъ кружечковъ, обращеніемъ буквъ въ другую сторону (напримѣръ, е) или вверхъ ногами (sit venia verbi), напримѣръ, р; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертанія, близкія по формѣ, установлялись для близкихъ другъ ко другу звуковъ: напримѣръ, начертаніе для г (вышедшее, по Тэйлору и архим. Амфилохію, изъ греческой курсивной гаммы, произносившейся въ IX вѣкѣ уже какъ новогреческая, то-есть, какъ звучный гортанный спирантъ) было съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ детали утилизовано для х, начертаніе для о въ удвоенномъ видѣ пригодилось для у. Но всѣ эти домыслы имѣютъ уже второстепенный интересъ для науки; они, на нашъ взглядъ, могутъ только подтвердить убѣжденіе, что составитель глаголицы былъ въ полномъ смыслѣ изобрѣтатель, что глаголица не есть азбука, возникшая исторически, а дѣло личнаго творчества. Это убѣжденіе, возникающее само собою при внимательномъ просмотрѣ глаголическихъ буквъ, на нашъ взглядъ, можетъ объяснить отчасти различную судьбу, постигшую обѣ славянскія азбуки: быть можетъ, покажется страннымъ, но мы рѣшаемся предположить, что глаголица не имѣла успѣха именно потому, что была дѣломъ личнаго творчества, была изобрѣтеніемъ, и что, напротивъ, кириллица восторжествовала именно въ силу того, что была азбука, сложившаяся исторически. Дѣйствительно, исторія письменъ показываетъ, что широкораспространенныя письмена складываются исторически; что въ основѣ большинства алфавитовъ Азіи и Европы лежитъ азбука финикійская, которая въ разныя времена у разныхъ народовъ подвергалась различнымъ видоиз-

Библиотека "Руниверс"

мѣненіямъ; что народы, вступавшіе послѣдовательно въ кругъ грамотныхъ, обыкновенно получали письмена отъ болѣе культурныхъ сосѣдей и составляли свою азбуку, болѣе или менѣе прилаживая чужія письмена къ выраженію звуковъ роднаго языка. Подобныя наблюденія въ исторіи письма побудили Вильгельма Гримма [1]) даже сказать, что изобрѣтателя азбуки можно столь же мало допустить, какъ изобрѣтателя грамматики. Извѣстные изобрѣтатели письменъ обыкновенно оказываются лишь реформаторами: они находили у народа, для котораго составляли новый алфавитъ, уже зачатки письменъ, и устроеніе азбуки заключалось въ томъ, что такъ-называемый изобрѣтатель составлялъ болѣе точную и полную азбуку, соединивъ прежнія письмена съ письменами какого-нибудь сосѣдняго культурнаго народа. По изслѣдованію Цахера [2]), епископъ Вульфила составилъ готскую азбуку слѣдующимъ образомъ: 1) онъ приблизилъ германскія руны съ небольшими измѣненіями къ соотвѣтствующимъ греческимъ буквамъ; 2) принялъ нѣкоторыя греческія начертанія, гдѣ рунническія, по практическимъ потребностямъ, казались неудобны; 3) сохранилъ руны для національныхъ готскихъ звуковъ, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ; 4) придалъ рунническимъ знакамъ, похожимъ на нѣкоторые греческіе, звуковое значеніе сихъ послѣднихъ. Тотъ же ученый замѣчаетъ, что для буквъ этой новой, христіанской, азбуки еще долгое время сохранялись древнія названія германскихъ рунъ.

Не бо́льшимъ изобрѣтателемъ, чѣмъ Вульфила, былъ и блаженный Месропъ, составитель армянской азбуки. Изъ легенды о немъ, сообщаемой Моисеемъ Хоренскимъ, видно, что до Месропа Армяне уже употребляли письмена сассанидскія (персидскія). Месропъ долго занимался вопросомъ о національныхъ письменахъ и наконецъ, въ 15-й годъ царя Врамшапуха, по божественному вдохновенію, составилъ армянскую азбуку. Сличеніе ея съ греческою и персидскою (временъ Сассанидовъ) показываетъ, по мнѣнію Фридриха Мюллера [3]), что основаніе ея арамейское, при чемъ нѣкоторыя буквы заимствованы изъ греческой азбуки. Впрочемъ Гардтгаузенъ, старается всѣ буквы армянской азбуки вывести изъ греческихъ унціаловъ и курси-

---

[1]) D. Runen, 25, 39.

[2]) Das gothische Alphabet Vulfila's, 1855, p. 53.

[3]) *Fr. Müller*, Ueber den Ursprung der armenischen Schrift, въ *Sitzungsberichte d. K. A. d. Wiss.* XLVIII pp. 431 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

вовъ [1]). Для насъ въ этомъ частномъ вопросѣ важно только то, что и армянскій изобрѣтатель письменъ былъ не болѣе какъ реформаторъ, и что составленная имъ азбука восходитъ къ письменамъ другаго (или другихъ) культурныхъ народовъ. Исходя изъ этихъ и другихъ данныхъ исторіи письменъ, можно намѣтить то различіе между глаголицей и кириллицей, что послѣдняя есть азбука, сложившаяся исторически, такъ какъ въ основѣ ея лежитъ азбука Грековъ, азбука того народа, который оказывалъ наибольшее культурное вліяніе на извѣстныя славянскія племена. Но въ этой азбукѣ изъ греческихъ письменъ взяты 24; для остальныхъ славянскихъ звуковъ греческая азбука не могла дать начертаній, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующихъ звуковъ въ греческомъ языкѣ. Составителю славянской азбуки пришлось дополнить греческую рядомъ новыхъ буквъ „по словѣнстѣй рѣчи", и по обычному мнѣнію, онъ придумалъ эти буквы, пользуясь для нѣкоторыхъ буквами латинскими, еврейскими, можетъ быть, коптскими и армянскими. Во мнѣніяхъ, откуда была взята та или другая буква изъ числа добавленныхъ къ греческимъ, ученые расходятся, а начертанія нѣкоторыхъ буквъ (напримѣръ, ѕ, ѣ, ѧ, ѫ) приписываются личной изобрѣтательности составителя. Признаемся, что такой процессъ составленія азбуки не кажется намъ правдоподобнымъ. Историческая аналогія показываетъ, что азбуки не складываются изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что онѣ слагаются обыкновенно не болѣе какъ изъ двухъ другихъ, при чемъ одна обыкновенно принадлежитъ народу, вліяющему своею культурой и религіей на народъ, для котораго вводятся новыя письмена, другая же иногда представляетъ національныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе раннія письмена народа, употреблявшіяся „безъ устроенія". Изобрѣтатель кириллицы, черпавшій для добавочныхъ къ греческой азбукѣ письменъ по одной или двѣ буквы изъ трехъ, четырехъ иноземныхъ азбукъ,—явленіе далеко не заурядное, и такого изобрѣтателя скорѣе можно было бы найдти въ лицѣ какого-нибудь лингвиста XIX вѣка, нежели въ лицѣ даже очень образованнаго Грека IX вѣка. По нашему мнѣнію, очень стоитъ подумать о томъ, не есть ли кириллица—историческая азбука и въ своей второй, не греческой половинѣ, не восходятъ ли „добавленныя" буквы всѣ сплошь къ какой-нибудь одной азбукѣ, которая могла употребляться у Славянъ, и не состоитъ

[1]) Ueber den griechisch. Ursprung der armenisch. Schrift, въ *Zeit. d. D. Morg. Ges.* XXX. p. 74 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ли изобрѣтеніе автора кириллицы лишь въ томъ, въ чемъ состоитъ изобрѣтеніе Вульфилы, то-есть, въ томъ, что онъ реформировалъ азбуку, уже раньше употреблявшуюся у Славянъ, замѣнивъ въ ней 24 буквы соотвѣтствующими греческими и сохранивъ остальныя буквы въ неприкосновенномъ видѣ (кромѣ нѣкоторыхъ детальныхъ измѣненій), такъ какъ замѣнить ихъ греческими не было возможно.

Конечно, въ добавленныхъ буквахъ нельзя видѣть славянскихъ рунъ, вопросъ о существованіи которыхъ до сихъ поръ стоитъ открытымъ. Скорѣе слѣдуетъ искать прототиповъ этимъ буквамъ на Востокѣ, и нѣкоторые изслѣдователи уже искали ихъ въ еврейскихъ, армянскихъ и иныхъ письменахъ. Но можно спросить себя: не было ли на Востокѣ такого народа, котораго письмена были широко распространены, который могъ бы, при посредствѣ другихъ народовъ, передать свои письмена Славянамъ, и въ письменахъ котораго можно было бы найдти не двѣ-три буквы сходныхъ съ добавленными, а всѣ или почти всѣ эти буквы, и притомъ безъ палеографическихъ натяжекъ. Намъ кажется, что такимъ народомъ были Персы въ періодѣ династіи Сассанидовъ (отъ III по VII вѣкъ), которыхъ власть при Хозроѣ I и II простиралась широко по всей передней Азіи отъ Средиземнаго моря до Инда, отъ Сыръ-Дарьи до Аравіи, Египта и Либіи. Этотъ народъ съ сравнительно высокою и древнею культурой, съ обширною религіозною литературой велъ долгія и упорныя войны съ обоими сосѣдами южныхъ Славянъ—съ Греками на западѣ и Хазарами на востокѣ, именно въ Закавказьѣ, гдѣ границы Хазаръ примыкали къ персидскимъ. Персидскія письмена временъ Сассанидовъ сохранились на монетахъ и надписяхъ; изъ этихъ письменъ, арамейскаго (и въ концѣ концовъ финикійскаго) происхожденія, именно изъ тѣхъ формъ, которыя они имѣли въ началѣ VI вѣка, развилось, какъ предполагаютъ иранисты, письмо, употребительное въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ Авесты. Хотя извѣстныя доселѣ рукописи священныхъ книгъ религіи Заратустры довольно поздніе (не раньше XIII вѣка), но всѣ иранисты согласны въ томъ, что въ нихъ тщательно сохранены формы древнихъ письменъ, и что азбука Авесты уже существовала въ VI вѣкѣ. Замѣтимъ, что это азбука чрезвычайно богатая: Масуди [1]) говоритъ, что въ языкѣ Авесты употребляется не менѣе шестидесяти буквъ, и хотя это число нѣсколько преувеличено, но въ дошедшихъ до насъ руко-

[1]) Maçoudi—Les Prairies d'or, II, p. 124.

Библиотека "Руниверс"

писяхъ употребляется 48 буквъ. Изъ этихъ-то письменъ, по видимому, можно безъ натяжекъ выводить формы кирилловскихъ добавочныхъ буквъ, какъ это поясняетъ прилагаемая таблица.

Наша таблица нуждается въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

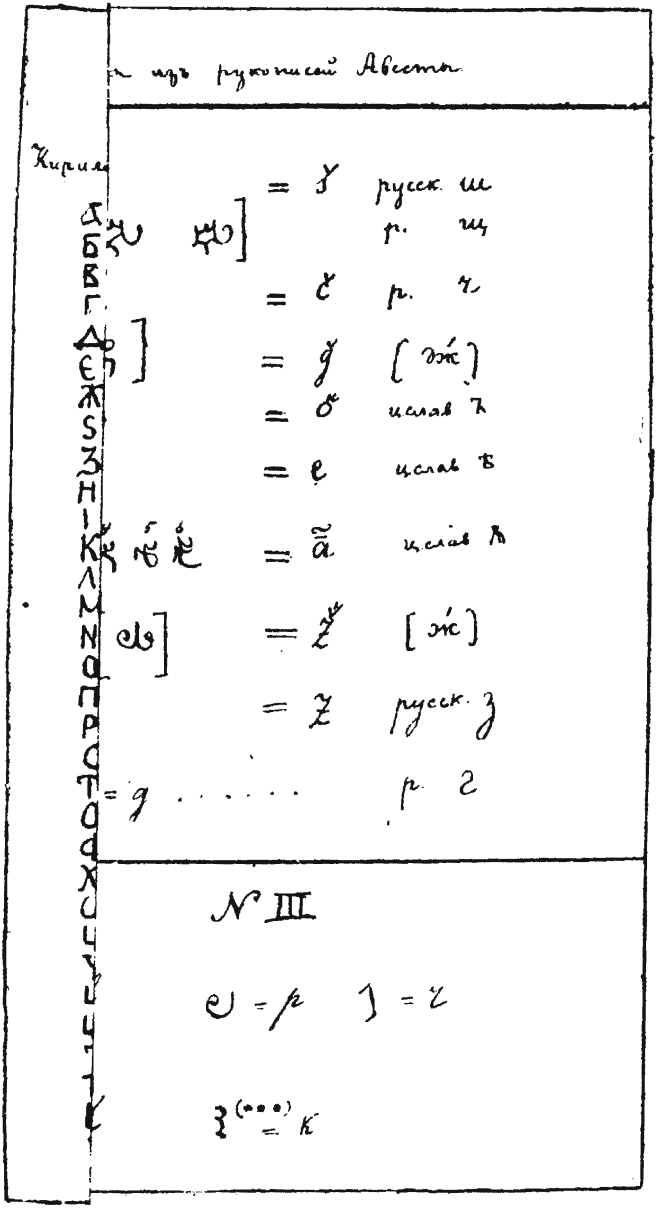
Прежде всего нужно принять въ разчетъ, что кирилловскія буквы выпрямлены подъ типъ греческихъ унціаловъ, между тѣмъ какъ начертаніе авестійскихъ буквъ округло и наклонно, и соотвѣтствуетъ нашему курсиву.

Вовторыхъ, авестійскія буквы пишутся справа на лѣво, и потому въ кириллицѣ онѣ являются повернутыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ради бо̀льшаго практическаго удобства. Просмотримъ теперь отдѣльныя буквы.

1) Кирилловская ш, тожественная съ глаголическою, совершенно совпадаетъ съ буквой для звука ш на монетахъ Сассанидовъ; въ рукописяхъ Авесты эта буква лишь слегка видоизмѣнилась, ставъ курсивною: третій штабъ не доводился до низу; а потому и черта, соединяющая его со среднимъ, поднялась кверху. Впрочемъ, въ рукописяхъ встрѣчаются формы ш болѣе близкія къ славянскому, нежели типъ, установленный для печати. Конечно, авестійскій ш (š), какъ и еврейскій шинъ, восходитъ къ финикійской буквѣ, также состоящей изъ трехъ штабовъ; но нѣтъ основанія предполагать, что составитель славянской азбуки взялъ эту букву непосредственно изъ еврейской, такъ какъ другія добавленныя буквы восходятъ къ иному источнику, и притомъ начертаніе ш на сассанидскихъ монетахъ ближе къ славянскому, нежели еврейскій шинъ, который притомъ звучалъ и с и ш, смотря по діакритическому пункту.

2) Кирилловскую букву щ, отличающуюся отъ глаголической тѣмъ, что въ послѣдней нижняя отвѣсная черточка замѣнена кружечкомъ, принято считать лигатурой, составленною изъ ш и т. Съ перваго взгляда въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства: 1) Такая лигатура въ азбукѣ, избѣгающей лигатуръ, представляетъ исключеніе: буквы ѕ и ѱ прямо взяты съ греческаго, а буквы ъ, ю и іотированныя ѣ, ѥ, ѧ едва ли могутъ быть названы лигатурами съ такимъ же правомъ, какъ щ, ибо въ нихъ оба элемента стоятъ рядомъ, и ихъ сложность весьма наглядна. 2) Если щ есть лигатура изъ ш—т и произносилась какъ шт, то можно было бъ ожидать, что мы найдемъ эту букву всюду какъ обозначеніе группы шт. Однако, въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго письма болгаро-паннонскаго извода

Библиотека "Руниверс"


из рукописей Авесты
Кирил
= ɣ русск. ш
р. щ
= ɛ р. ч
= ʒ [жъ]
= ō цслав ъ
= ę цслав ѣ
= ą̃ цслав ѧ
= ẑ [жъ]
= z русск. з
= g ..... р. г
№ III
= r
= z
= k

Библиотека "Руниверс"

мы находимъ для группы шт не эту лигатуру, а чаще двѣ рядомъ стоящія буквы шт. Такое написаніе этой группы употребительно, напримѣръ, въ Зографскомъ глаголическомъ Четвероевангеліи, въ Клоціевой Глаголитѣ, въ Супрасльской рукописи, въ Македонскомъ листкѣ, а изъ памятниковъ, переписанныхъ на Руси, въ Чудовской толковой Псалтири, въ Евгеніевской Псалтири, въ обоихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 гг. Напротивъ, въ изводахъ болѣе окрашенныхъ русскимъ или сербскимъ характеромъ, не находимъ шт, но щ: напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, въ Туровскомъ Евангеліи, въ Саввиной книгѣ евангельскихъ чтеній, въ XIII словахъ Григорія Богослова, въ ноябрьской Минеѣ 1097 г., а также въ сербскихъ Евангеліяхъ XII в. (Мирославово, Волкановo). Изъ древнихъ рукописей, въ которыхъ дѣйствительно смѣшивается щ и шт, можно назвать, напримѣръ, Ватиканское глаголическое Евангеліе (аще и аште, ищетъ и обрѧштеши и т. п.), Аѳонское Григоровичево глаголическое Евангеліе (съвѣщавъ и стоѧшта, отъвѣщавъ и съвѣштахъ, и т. п., но съ преобладаніемъ шт), Болонскую Псалтирь, и отчасти Сборники Святослава, но опять-таки съ значительнымъ преобладаніемъ болгарскаго шт надъ щ. Изъ такого употребленія въ однихъ рукописяхъ шт, въ другихъ не менѣе древнихъ щ, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что едва ли составителемъ азбуки начертаніе щ было съ самаго начала введено какъ лигатура или замѣна шт: вѣдь не счелъ же онъ нужнымъ внести лигатуры для такой же группы жд, составляющей, также какъ и шт (вмѣсто щ), существенную черту ц.-славянскаго консонантизма. Вѣроятнѣе, что буква щ выражала иной звукъ, нежели группа шт. звукъ, котораго не было въ нѣкоторыхъ областяхъ церковно-славянскаго языка, но который существовалъ въ русскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ, и что эта буква не была нужна для нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Извѣстно, что церковно-славянскимъ группамъ жд, шт соотвѣтствуетъ въ новоболгарскомъ жд, шт (межда, свѣшта), въ сербскомъ ђ, ћ (међа, свијећа), въ хорутанскомъ j, č (meja, sveča), въ чешскомъ z, c (meze, svice), въ польскомъ dz, c (miedza, świeca), въ русскомъ ж, ч (межа, свѣча). Церковно-славянскія жд, шт являются результатомъ первоначальныхъ dj, tj и далѣе дж, тш; но эти жд и шт образовались не черезъ перестановку изъ дж и тш, а, по болѣе вѣроятному объясненію, посредствомъ вставки передъ группою дж, тш новаго паразитнаго дыхательнаго ж, ш, при чемъ получались группы ждж, штш, изъ которыхъ могли уже образоваться группы жд, шт при опущеніи втораго дыхательнаго:

Библиотека "Руниверс"

такое опущеніе довольно обычно въ церковно-славянскомъ языкѣ и даже можетъ быть названо правиломъ: дъсцѣ и дъстѣ, русск. пищаль (то-есть, пищаль) и церковно-славянск. пищаль, русск. ищу (то-есть, ищу) и церковно-славянск. иштѫ, русск. изжену (то-есть, изжену) и церковно-славянск. ижденѫ, русск. возжелать (то-есть, вожелать) и церковно-славянск. въжделѣти и т. п. [1]). Можно думать поэтому, что въ тѣхъ говорахъ, для которыхъ нужна была буква ѱ, она выражала тотъ звукъ, который эта буква выражаетъ въ русскомъ, то-есть, шш, вышедшее изъ шч (šš). Отмѣтимъ еще, что въ пользу выговора щ, отличнаго отъ шт, свидѣтельствуетъ извѣстная молитва, въ которой порядокъ начальныхъ буквъ въ стихахъ есть порядокъ азбуки. Въ этой молитвѣ, напечатанной академикомъ Срезневскимъ по рукописи XII—XIII вѣка [2]), за стихомъ для буквы ш, начинающимся словомъ шестокрилатъ, слѣдуетъ стихъ для слѣдующей буквы щ, начинающейся словомъ шьствоую. (Въ спискѣ Волоколамскомъ предъ стихомъ буква щ: шествіе творя послужи оучителю). Такимъ образомъ для щ взято слово, въ которомъ слышалось нѣбное ш (передъ ь). Далѣе названіе буквы щ, на сколько можно судить по несовершенной передачѣ его греческими и латинскими буквами, доказываетъ отличный выговоръ щ отъ шт: въ азбукѣ, найденной Бандуричемъ въ одной изъ рукописей парижскихъ XIII в., названіе буквы щ передано чрезъ σθία; такъ какъ ш передано чрезъ σ (σάα), то σθία слѣдуетъ произносить шта или шча, а не шта.

Эти данныя, доказывающія, что щ не была простою графическою замѣною ш т, а имѣла свое особое произношеніе, дозволяютъ намъ искать прототипа для буквы ѱ въ томъ же источникѣ, изъ котораго мы пытаемся вывести остальныя добавленныя буквы. Дѣйствительно, въ авестійской азбукѣ есть буква, представляющая почти такое же графическое видоизмѣненіе сравнительно съ š, какое представляетъ ѱ по отношенію къ ш, и произносившаяся, вѣроятно, близко къ нашему щ: эта авестійская буква представляетъ ш, къ которому сбоку слѣва прибавленъ хвостикъ, нѣсколько загнутый влѣво (см. табл. № II).

По формѣ своей эта буква напоминаетъ наше современное курсивное *щ*. Она встрѣчается въ рукописяхъ только передъ і и ꙗ и изобра-

[1]) См. *Будиловича*, Начертаніе церковно-славянской грамматики. 1883, стр. 112.

[2]) См. *Срезневскаго*, Древніе глаголическіе памятники etc. 1868, стр. 23 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

жаетъ небный спирантъ, звучавшій, по всей вѣроятности, какъ ш́ [1]). Этимологически этотъ авестійскій звукъ, выражаемый Бартоломеемъ буквою ṡ, соотвѣтствуетъ въ обоихъ словахъ, гдѣ онъ встрѣчается—ṡjaoθna и ṡjaoṭąm древне-индійскому ć (ч́ русс.); что же касается его начертанія, то оно, по мнѣнію того же ученаго, составлено изъ s+i (русск. ш+і). Вмѣсто этого начертанія въ рукописяхъ нерѣдко употребляется лигатура изъ s+k (русск. ш+к); такъ, напримѣръ, вмѣсто вышеприведеннаго слова ṡjaoθna пишется и skjaoθna (сравн. ищѫ изъ искjѫ); но часто является и правильно ṡ. Нерѣдко эта буква смѣшивается въ употребленіи съ другою (см. табл. № II, буквы въ скобкахъ), выражающею звукъ ш съ какимъ-то оттѣнкомъ [2]); но все же Парсамъ было извѣстно, что настоящее мѣсто буквы ṡ (ш́, щ) только передъ i, такъ какъ въ одной авестійской, еще не изданной азбукѣ (хранящейся въ Мюнхенской библіотекѣ) находимъ шипящія въ такомъ порядкѣ: sa ša ṡja, при чемъ, по мнѣнію Бартоломея, буква i послѣ ṡ должна обозначать, что ṡ можетъ стоять только передъ i. Мы думаемъ, что въ этомъ же можно видѣть прямое указаніе на произношеніе авестійской буквы, которая едва ли могла звучать иначе чѣмъ мульированное нёбное ш, то-есть, щ. Сравнивая авестійскую букву съ славянскою, мы видимъ, что наше щ съ боковымъ хвостикомъ ближе къ ней, нежели кирилловское ѱ. Это вызываетъ вопросъ, почему характеристическая боковая черточка предполагаемаго прототипа славянской буквы была перенесена подъ средній штабъ, ради ли симметріи или ради того, что получившаяся такимъ образомъ фигура буквы напомнила лигатуру изъ ш+т и стала удобна для тѣхъ говоровъ, въ которыхъ вмѣсто щ слышалось шт. Рѣшить этотъ вопросъ мы не умѣемъ; но обращаемъ вниманіе на то, что рядомъ съ глаголическимъ щ, въ которомъ нижній кружечекъ помѣщается подъ среднимъ штабомъ, употреблялось иногда такое начертаніе щ, въ которомъ два первые штаба соединены внизу, подъ чертою, какъ бы скобочкой; см. у Срезневскаго снимокъ изъ Охридскаго Евангелія 2-я строка.

3) Кирилловская ч (ч) есть несомнѣнно авестійская буква, выражающая тотъ же звукъ (см. таблица № II). При перемѣнѣ направленія письма нижній прямой штабъ очутился направо и, вѣроятно, ради

[1]) См. *Bartholomae*, Beiträge zur altiranischen Grammatik въ *Beiträge zur Kunde der Indogerman. Sprachen* VII p. 192.

[2]) См. о. с. p. 191, u ejusdem—Handbuch der Altiranischen Dialekte 1883 p. 9.

Библиотека "Руниверс"

симметріи (какъ, можетъ быть, въ ψ) сталъ ставиться подъ серединой верхняго полукруга; но наше курсивное ч ближе къ авестійскому, нежели ц.-славянское. Такую же бо̀льшую близость славянскихъ курсивныхъ буквъ къ авестійскимъ можно указать и на другихъ примѣрахъ.

4) Буква ц напоминаетъ весьма близко авестійскую (см. табл. II), которая произносилась, впрочемъ, не какъ ц, а какъ дж, итал. gi, звука же ц вовсе не было въ авест. языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что авестійское начертаніе развилось изъ того же типа, къ которому восходитъ евр. цадэ, произносившееся какъ ц, и можно легко предположить, какъ при ш, что составитель кириллицы прямо заимствовалъ еврейскую букву. Но намъ все-таки, на основаніи дальнѣйшихъ соображеній, кажется вѣроятнѣе, что эта буква (заимствована ли она изъ еврейскаго или авестійскаго алфавита) была въ употребленіи у Славянъ ранѣе устроенія правильной азбуки. Аналогію тому, что буква, выражавшая звукъ дж, могла быть утилизирована для звука ц, представляетъ сербская буква для дж, видоизмѣнившаяся изъ ц такимъ образомъ, что боковая черточка подвинута влѣво. Сербская буква употреблялась уже въ XVII в. (а можетъ быть, и раньше).

5) За этими четырьмя буквами, которыя въ кириллицѣ идутъ въ порядкѣ ц, ч, ш, щ, а въ глаголицѣ въ порядкѣ щ, ц, ч, ш, слѣдуютъ добавочныя гласныя, начиная съ ъ. Эта буква, имѣющая по рукописямъ различныя формы (см табл. № II 2-ю, 3-ю и 4-ю формы ъ), можетъ быть сопоставлена съ авестійскою, выражающею звукъ о закрытый. Начертаніе болѣе близкое къ ъ, употребляется въ рукописяхъ какъ вторая часть дифтонга ao, при чемъ звукъ о вышелъ изъ древняго u (у). Отсюда видно, что онъ нѣкогда произносился какъ краткое глухое о, склонявшееся къ u, то-есть, также какъ ц.-слав. ъ. Этимологически авестійское о также восходитъ къ a, какъ ц.-слав. ъ. Въ началѣ словъ о почти не встрѣчается, а напротивъ есть самый излюбленный звукъ въ концѣ: здѣсь онъ смѣнилъ въ языкѣ Авесты индо-иранскій конечный слогъ as, напримѣръ, авест. daevo, ц.-сл. дивъ, dasiio—дьсьнъ и т. д.

6) Что касается буквы ѣ, то опять можно сдѣлать наблюденіе, что къ авестійской соотвѣтствующей буквѣ ближе наше курсивное ѣ, нежели церк.-слав. уставное. Впрочемъ, древность нашего курсивнаго ѣ засвидѣтельствована, напримѣръ, такимъ памятникомъ, какъ Святославовъ Изборникъ 1073 г., въ которомъ рядомъ съ ѣ встрѣчается форма, напоминающая іотированное ь (см. таблицу № II**); въ

Библиотека "Руниверс"

другихъ рукописяхъ встрѣчаются и формы переходныя (см. тамъ же 3-ю форму ѣ). Мы далеко не компетентны въ палеографіи, но все же рѣшаемся предположить, что форма ѣ вышла изъ формы, употребляющейся въ Изборникѣ Святослава, какъ ея упрощеніе, а не на оборотъ, и думаемъ, что при сближеніи ѣ съ авестійскою буквой, мы имѣемъ право исходить изъ начертанія ѣ въ Святославовомъ Сборникѣ. Соотвѣтствующее авестійское начертаніе (см. табл. № II) выражаетъ звукъ ę. Весьма обычна также форма этой буквы съ продолженіемъ лѣваго штаба внизъ (см. тамъ же 2-ю форму). Быть можетъ, говоритъ Шпигель,—оба начертанія первоначально различались такъ, что ę съ хвостомъ внизъ употреблялось исключительно, какъ вторая часть дифтонга aę, и можетъ быть также, на концѣ словъ—для выраженія ē, вышедшаго изъ ai; но въ нашихъ рукописяхъ нельзя провести такого различія; въ нихъ дифтонгъ aę пишется равно часто съ ę обоихъ видовъ, и на концѣ словъ лучшія рукописи употребляютъ ę первое, все равно, восходитъ ли оно къ aiy или ja [1]). Произносясь несомнѣнно какъ e (хотя точный оттѣнокъ не совсѣмъ ясенъ), авестійское ę, по словамъ Шпигеля, стояло въ близкомъ отношеніи къ i: это видно изъ того, что оно выходитъ изъ a, если этому a предшествуетъ y или въ слѣдующемъ слогѣ стоитъ i или y: изъ *yadi вышло yę-i ði, изъ yaŋhiá вышло yesnia [2]). Что касается происхожденія авестійской буквы, то предполагаютъ, что она вышла изъ лигатуры a+i.

7) Происхожденіе кирилловскаго начертанія большаго юса также довольно легко объясняется изъ авестійской лигатуры, состоящей изъ a и n. Въ рукописяхъ встрѣчается нѣсколько формъ носоваго a (ã) (см. таблицу II буквы подъ цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6), которыя, если всмотрѣться въ нихъ и принять въ соображеніе различіе между курсивомъ и уставомъ, состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ сложена фигура юса: верхняя развилка юса соотвѣтствуетъ авестійской *a*, а три нижніе штабы—хвосту отъ *a* и подписанной подъ *a* буквы n (н); всего яснѣе это на типахъ 2, 3, 4, 6. Нужно только замѣтить, что все начертаніе, напримѣръ, 2-го типа выпрямлено, чтобы подойдти подъ характеръ греческихъ унціалъ, и что верхняя развилка (a) передвинута лѣвѣе, такъ что помѣстилась симметрично надъ вершиной нижней фигуры, состоящей изъ двухъ сходящихся острымъ угломъ линій и изъ средняго штаба.

[1]) *Spiegel*, Vergl. Grammatik der Alteranisch. Sprachen p. 46.
[2]) Ibid. p. 47.

Библиотека "Руниверс"

Что касается звуковаго значенія, то авестійское ā (а носовое) вполнѣ соотвѣтствуетъ ѫ. Шпигель замѣчаетъ [1]), что эта буква выражаетъ слогъ an, въ которомъ *n*, исчезнувъ, окрасило въ носовой предшествующій гласный: такъ пишется mā̊ra=санскр. mantra. Но ā произносилось вѣроятно и какъ ō (носовое *o*), склонявшееся къ ū (у). Это видно изъ того, что даже въ лучшихъ рукописяхъ нерѣдко буква ā смѣняется буквой ū или u, напримѣръ, ϑrāsanām и ϑrusanām, dadarām и dadrum, haνaiñhodām и haνaiñhodum [2]). Нечего и говорить, какъ близко эта діалектическая черта въ языкѣ Авесты напоминаетъ соотвѣтствіе церковно-славянскаго ѧ русскому *у*.

Чтобы покончить съ добавочными гласными остается объяснить происхожденіе ъ и малаго юса ѧ, такъ какъ прочіе—ы, ю ѭ, ѣ—не нуждаются въ объясненіи. Буквы для ъ нѣтъ соотвѣтствія въ авестійской азбукѣ: можно думать, что эта буква видоизмѣненіе ъ-ра. Такое отношеніе ея къ ъ-ру, довольно наглядное въ кириллицѣ, совершенно очевидно изъ глаголицы (см. таблицу № I). Вѣроятно, въ древнѣйшемъ составѣ славянской азбуки не было особенной буквы для еря, и она внесена послѣдующими исправленіями.

Малый юсъ ѧ едва ли есть видоизмѣненіе большаго: на его сходство съ глаголическою буквой для ѣ и, съ другой стороны, съ греческимъ числовымъ знакомъ sampi, обозначающимъ 900, какъ и ѧ въ кириллицѣ, было не разъ указываемо. Очевидно также соотношеніе между ѧ кирилловскимъ и глагольскимъ, который еще болѣе напоминаетъ обращенную въ другую сторону sampi. Для насъ вопросъ о происхожденіи ѧ неясенъ, но мы склонны думать, что въ древнѣйшей славянской азбукѣ, послужившей основою для кириллицы, этой буквы не было, и что она была введена устроителемъ письменъ.

8) Остальныя три добавленныя буквы вставлены на соотвѣтствующія мѣста въ началѣ азбуки.

Буква для ж также напоминаетъ *ш*, какъ соотвѣтствующая авестійская ž восходитъ къ š (ш), при чемъ снова можно отмѣтить, что авестійская буква болѣе напоминаетъ наше курсивное *ж*, нежели уставное (см. табл. № II). Звукъ, выражаемый этою буквой въ языкѣ Авесты, происходитъ либо изъ ǧ (дж), либо изъ š, если оно становится звонкимъ, напримѣръ: žnu — колѣно, žnatar—знатокъ, darežnvanti отъ dareš; это замѣчаемъ мы потому, что, кромѣ этого,

[1]) Spiegel O. c. p. 52.
[2]) Ibid. p. 93.

Библиотека "Руниверс"

въ языкѣ Авесты есть другой ж (см. табл. № II форму въ скобкахъ) [1]). Буква для ж первая встрѣчается исключительно въ рукописяхъ, писанныхъ въ Индіи, и принимается за у; но Лепсіусъ, а за нимъ Гюбшманнъ, весьма правдоподобно доказываютъ, что это начертаніе произносилось какъ ж. Впрочемъ, и обычное авестійское ж (буква въ скобкахъ на табл. № II) могло бы быть оригиналомъ славянской буквы: сходство между нимъ и глаголическою ж довольно большое, а глаголическую букву нельзя отдѣлять отъ кирилловской.

9) Буква зѣло ѕ черта въ черту совпадаетъ съ авестійскимъ з; нѣкоторымъ затрудненіемъ при возведеніи зѣла къ авестійской буквѣ для з могло бы быть лишь то, что, по догадкѣ славистовъ, ѕ произносилось нѣкогда какъ дз, а не какъ з, и только впослѣдствіи совпало съ з въ произношеніи. Въ виду этого можно было бы допустить, что устроитель славянской азбуки, введя для звука з греческую ζ, сохранилъ также раньше употреблявшуюся для я у Славянъ восточную букву ѕ, придавъ ей условное произношеніе дз. За исключеніемъ болгаро-македонскаго говора, въ другихъ славянскихъ говорахъ звукъ дз уже рано слился съ з, и буква ѕ стала излишня. Во всякомъ случаѣ, выведеніе буквы ѕ изъ латинскаго s или греческаго ς встрѣчаетъ въ виду несовпаденія въ звукѣ еще бо́льшія затрудненія, чѣмъ выведеніе ея изъ авестійскаго з.

Наконецъ, кирилловское Ѣ есть только разновидность греческой буквы В и не имѣетъ оригинала въ авестійской азбукѣ.

Здѣсь кстати поставить нашимъ палеографамъ запросъ: откуда происходитъ курсивная форма нашего ѕ (строчнаго), и какъ рано является она въ рукописяхъ? Этотъ вопросъ мы ставимъ въ виду весьма близкаго сходства нашего курсивнаго ѕ съ авестійскою буквой, выражавшею звукъ γ, то-есть, заднеязычный звонкій спирантъ (см. таблицу № II). Существованіе одной буквы ѕ составляетъ, какъ извѣстно, недостатокъ славянской азбуки, такъ какъ въ славянскихъ языкахъ, кромѣ г, существовалъ и доселѣ существуетъ звукъ, выражаемый ново-греческимъ γ, и латинцей чрезъ h: напримѣръ, въ словахъ Бога, благо, господь. Мы выше видѣли, что курсивныя (скорописныя) формы буквъ иногда сохраняютъ болѣе архаическій типъ, чѣмъ уставныя. Не сохранилъ ли и въ данномъ случаѣ курсивъ форму буквы ѕ, какъ наслѣдіе глубокой старины, и не объясняется ли существованіе двухъ начертаній для г (ѕ и г) тѣмъ, что нѣкогда они выражали два

[1]) *Hübschmann*, Iranische Studien. въ *Zeitschr. f. vergl. Spr.* XXIV p. 354.

Библиотека "Руниверс"

отдѣльные звука (какъ з и ѕ)? Вообще важно было бы знать происхожденіе тѣхъ буквъ нашей скорописи, которыя не могутъ объясняться изъ видоизмѣненія уставныхъ. Впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что и авестійская буква для *g* довольно близка къ кирилловскому скорописному г и отличается отъ него лишь тѣмъ, что какъ бы опрокинута навзничь.

Если вышеприведенныя сопоставленія сдѣлали нѣсколько вѣроятнымъ наше предположеніе о томъ, что добавочныя кирилловскія буквы, если не всѣ, то большею частью восходятъ къ авестійскимъ, то разсмотрѣніе расположенія буквъ въ азбукѣ, быть можетъ, возвыситъ правдоподобность нашей догадки.

Расположеніе буквъ въ извѣстномъ порядкѣ азбуки всегда является одновременно съ изобрѣтеніемъ письменъ. Первыя двѣ, три и даже четыре буквы обыкновенно даютъ названіе азбукѣ; сравн. слова: азбука, alphabet, Abecedarium, арабское abǧad; нерѣдко буквы получаютъ и цифровое значеніе, какъ было въ греческомъ, арабскомъ, славянскомъ и т. д. При этомъ каждая буква получаетъ свое названіе, и иногда изобрѣтатель азбуки, выбирая въ языкѣ для названій буквъ извѣстныя слова, начинающіяся тою или другою буквой, старается составить изъ этихъ словъ разумныя фразы (азъ буки вѣдѣ, глаголи добро и т. п.).

Въ виду этого, расположеніе буквъ въ томъ или иномъ порядкѣ имѣетъ значеніе въ вопросѣ о происхожденіи азбуки: обыкновенно устроители новыхъ письменъ сохраняютъ на сколько возможно то расположеніе, которое имѣютъ буквы въ азбукѣ-оригиналѣ, не задаваясь вопросомъ, на сколько такое расположеніе научно. Этимъ объясняется, что во всѣхъ азбукахъ, сводящихся въ послѣдней инстанціи къ финикійской, мы находимъ такое же ненаучное смѣшеніе гласныхъ съ согласными, какъ въ этомъ прототипѣ большинства современныхъ и древнихъ европейско-азіатскихъ азбукъ.

Разсматривая расположеніе буквъ кириллицы, мы должны обратить вниманіе, конечно, лишь на порядокъ добавочныхъ буквъ, такъ какъ взятыя съ греческаго буквы сохраняютъ порядокъ греческой азбуки. Только ради близости звуковъ изъ добавленныхъ буквъ *б* вставлено послѣ А, какъ въ латинской азбукѣ, Ж и ѕ вставлены передъ з (земля). Остальныя добавленныя идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ послѣ ѡ: сначала согласныя въ кириллицѣ ц, ч, ш, щ, въ глаголицѣ ⱋ ц ч, ш, а затѣмъ гласныя: ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѧ, ѩ, ѫ, ѭ. Чѣмъ объяснить такой порядокъ? Почему къ конечной

Библиотека "Руниверс"

гласной ѡ не были непосредственно прикрѣплены добавочныя гласныя? Почему гласныя расположены въ такомъ порядкѣ, какъ будто устроителемъ руководила мысль за краткою гласною ставить долгую, сравн. ъ, ꙑ, ь, ѣ? Не слѣдовалъ ли устроитель славянской азбуки въ этомъ какой-нибудь традиціи, не былъ ли онъ въ этомъ отношеніи подражателемъ?

Отвѣтъ можно найдти въ расположеніи буквъ въ авестійской азбукѣ.

Въ рукописяхъ зендскихъ найдено пять перечней авестійскихъ буквъ. Эти азбуки были предметомъ изслѣдованій профессоровъ Лепсіуса [1]) и Шпигеля [2]), которыя выяснили слѣдующія особенности авестійскихъ азбукъ. Расходясь въ деталяхъ, азбуки согласны въ главномъ принципѣ, въ отдѣленіи гласныхъ отъ согласныхъ, при чемъ согласныя предшествуютъ гласнымъ. Первыя расположены слѣдующимъ образомъ: всѣ азбуки равно начинаются съ гортанныхъ, и именно съ буквы г или (№ 5) съ γ, то-есть, g, γ, q, χ, k, h; за ними слѣдуютъ z, ṯ, ǧ (дж), š, s, Š, далѣе зубныя: d, ð, ḍ, t, губныя b, f, p, m, hm, наконецъ v, hv; за этимъ слѣдуютъ гласныя. Въ расположеніи нѣкоторыхъ согласныхъ встрѣчаются варіаціи между азбуками № 1, 2, 3 и азбуками № 4 и 5. Замѣтимъ, что въ азбукѣ № 5 при переходѣ между согласными и гласными стоятъ буквы, изъ которыхъ мы выводимъ начертанія ц, ч, щ, именно ǧ, Š, ć; а нѣсколько далѣе слѣдуютъ гласныя, при чемъ за каждою краткою слѣдуетъ соотвѣтствующая долгая: ę, ę̄, a, ā, i, ī, u, ū, o, ō, e, ē, а потомъ носовая гласная ã, соотвѣтствующая кирилловскому ю с у. Въ азбукѣ № 4 гласныя слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: a, ā, i, ī, o, ō, (=ъ), e, ē, u, ū, ã (=ѫ) и въ концѣ ę, ę̄ (=ѣ). Соединяя порядокъ гласныхъ обѣихъ азбукъ, мы поймемъ, что устроитель славянскихъ письменъ старался сохранить расположеніе авестійской азбуки, на сколько это было возможно. Отнеся буквы щ, ц, ч приблизительно на то мѣсто, гдѣ онѣ стоятъ въ авестійской азбукѣ, то-есть, передъ гласными, онъ расположилъ добавочныя гласныя по парсійскому принципу, то-есть, за краткою поставилъ подходящую (по его мнѣнію) долгую, опустивъ, конечно, тѣ гласныя, которыя уже были раньше помѣщены по порядку греческаго алфавита, именно a, e, и, i, o, у. Такимъ образомъ получился рядъ ъ, ꙑ, ь, ѣ,

[1]) Das Ursprüngliche Zendalphabet.

[2]) Vergl. Gramm. d. Altiran Spr. p. 13 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

а за ними (за выпускомъ ю, котораго, вѣроятно, не было въ первоначальной редакціи, какъ и другихъ сложныхъ іотированныхъ буквъ ѩ, ѭ, ѧ) [1] большой юсъ ѫ. Почему малый юсъ (можетъ быть, добавленный впослѣдствіи) слѣдуетъ за большимъ, а не на оборотъ, объясняется, можетъ быть, слѣдующею чертой авестійскихъ азбукъ № 1, 2 и 3. Послѣ буквы, соотвѣтствующей большому юсу, слѣдуютъ написанныя буквенно слоги um, im, и притомъ это повторяется двукратно, то-есть, = ũm. ũm, ĩm, затѣмъ непонятное слово euoie (варіанты eüoye, evoye), затѣмъ снова ã (или ãm) ũm, ĩm, и этимъ оканчивается азбука.

Разсматривая другія техническія стороны славянской азбуки, мы рѣшаемся сдѣлать еще нѣсколько догадокъ, болѣе смѣлыхъ чѣмъ предыдущія, именно относительно славянскихъ названій для нѣкоторыхъ буквъ. Мы видимъ, что устроитель письменъ для большинства буквъ ввелъ названія осмысленныя, представляющія слова, и притомъ назидательнаго значенія. Эта назидательность кончается словами р рьци, с слово, т тврьдо, и быть можетъ, еще названіемъ буквы у—укъ—doctrina, какъ бы представляющимъ конечное заключеніе предыдущихъ назиданій [2]. Затѣмъ слѣдуютъ непонятныя названія: фрѣтъ, хѣръ (херъ, хуръ) далѣе, послѣ отъ (предлога), буква безъ названія ц, затѣмъ слово чрьвь (червякъ?), далѣе буквы ш и щ безъ названій, далѣе непонятныя названія (едва ли слова) для ъ, ь, ѣ и юсы. Отсюда видно, что устроитель азбуки не счелъ почему-то нужнымъ дать дополнительнымъ буквамъ осмысленныя названія, изъ которыхъ можно было бы составить фразы. Но помимо того, и для ф и х не введены понятныя слова, и названія этихъ буквъ звучатъ какъ-то странно, какъ-то не по славянски, такъ что является мысль, не сохранились ли въ этихъ названіяхъ имена иноземныхъ буквъ. Дѣйствительно, для объясненія

---

[1]) Для опредѣленія первоначальнаго числа славянскихъ буквъ важно указаніе Солунской легенды, приписывающей изобрѣтеніе ихъ непосредственно божественному откровенію: голубь съ неба приноситъ Константину тридцать пять буквъ: видѣхъ голуба глаголюща, въ устѣхъ ношаше зборьк... и врьзе мнѣ на крило, и прѣчтох ихъ, и ѡбрѣтох всѣхъ $\bar{\Lambda\varepsilon}$. Это число получается, если откинуть буквы, ѭ, ѩ, ѧ, ѯ, Ѳ, Ѱ, и Ѵ, или же, что вѣроятнѣе, прибавить глаголич. *дзерво* и откинуть Ѡ. О наличности j въ древнѣйшей глаголицѣ см. *Срезневскій*, Древніе глаголическіе памятники, стр. 29.

[2]) Срав. у *Миклошича* въ словарѣ подъ словомъ оукъ: „не оукомь чловѣчьскомъ, нъ божиѭѣ благодатию очищаета недугы.

Библиотека "Руниверс"

названія фрьтъ было указываемо на имя готской руны для п (p) pairtha, англо-саксонск. peord [1]); можно указать еще на названіе армянской буквы p̔ p̔iur, которое, впрочемъ, также темно, какъ pairtha и фертъ; но все это нисколько не объясняетъ, почему для названія буквы ф взято слово съ плавнымъ р. Хотя и съ рискомъ—ибо мы задѣваемъ темный вопросъ авестійской палеографіи—рѣшаемся указать на то, что авестійская буква для f можетъ быть объяснена, какъ лигатура изъ р (r) и г (р). (см. табл. № III). Такая лигатура, произносившаяся однако какъ f, могла бы быть объяснена фонетическимъ закономъ авестійскаго языка, по которому всякое древнее р (п) превращается въ f передъ слѣдующимъ г, такъ что для наглядиаго объясненія звука ф можно было удобно указать на то, что f есть р + г или р передъ г; дѣйствительно, почти всѣ слова, начинающіяся съ f, имѣютъ его въ группѣ fr, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ слова на f въ авестійскомъ словарѣ Юсти. Можетъ быть, и для названія буквы f употреблялась группа fr, изъ которой могло бы объясниться и армянское, и славянское, и быть можетъ, готское названіе для родственныхъ буквъ. Если у Персовъ, какъ у другихъ народовъ, употреблялись въ качествѣ названій буквъ слова, начинавшіяся съ извѣстной буквы, то всего удобнѣе можно было выбрать названіемъ буквы f слово friti (благословеніе, молитва), которое могло бы быть искажено въ фрьтъ.

Въ названіи хѣръ, очевидно не славянскомъ, уже по присутствію ѣ послѣ х, также по непонятной причинѣ, присутствуетъ плавный р. Опять можно отмѣтить, что по авестійской фонетикѣ всякій k передъ г переходитъ въ χ, и что въ рукописяхъ изъ Кирмана буква χ нѣсколько отличается отъ χ въ индійскихъ рукописяхъ. На нашъ взглядъ кирманское χ (см. табл. № III) состоитъ также изъ k + г. при чемъ правый нижній крючекъ есть k, а верхній загибъ буква г.

Такимъ образомъ, если для начертанія χ служила лигатура k + г, то можетъ быть, слогъ χг или слово, имъ начинавшееся, служилъ для названія буквы х, а изъ этого χг могло произойти (черезъ заимствованіе) и славянское названіе хѣръ (или хыръ?).

Названіе еръ (у Малоруссовъ іоръ) совершенно темно. Шафарикъ и Ганушъ указываютъ на названіе германскихъ рунъ Yr или Ior, но ни въ начертаніи, ни въ звукѣ нѣтъ родства между ъ и этими рунами. Цахеръ говоритъ, что руна уг обозначаетъ глухое г и въ

[1]) *Schafarik*, Pamatky etc. p. 9.

Библиотека "Руниверс"

сѣверныхъ азбукахъ прибавляется къ исходу словъ [1]), руна же ior совершенно темна.

Названіе буквы ѣ также темно: Шафарикъ гадательно указываетъ на армянскую букву ječ (e), которая и по виду нѣсколько напоминаетъ кирилловскій ѣ; можно съ такою же вѣроятностью указать на букву jeth, произносящуюся какъ ĕ. Армянскія названія также темны и, конечно, заимствованы, хотя, быть можетъ, никогда не удастся найдти источника. Напомнимъ, что Фр. Мюллеръ старается доказать сассанидскую основу месроповскихъ письменъ; если это основательно, то могло бы объяснить сходство въ названіяхъ вышеприведенныхъ армянскихъ буквъ съ славянскимъ ѣ.

Все это, конечно, гадательно и поднимаетъ рядъ другихъ вопросовъ также по авестійской и армянской азбукѣ.

Наконецъ, напомнимъ, что всѣ авестійскія азбуки начинаются буквой г, и въ виду того факта, что въ названіе азбуки входятъ первыя буквы, авестійская азбука по справедливости могла бы назваться глаголицей, такъ какъ начинается глаголью. Но почему по имени четвертой буквы названа одна изъ славянскихъ азбукъ? Не потому ли, что нѣкогда Славянамъ была извѣстна азбука, начинавшаяся съ г, и затѣмъ это названіе, обобщившееся до понятія азбуки вообще, было перенесено на новоизобрѣтенную?

Но оставляя пока въ сторонѣ всѣ эти домыслы, мы можемъ поставить вопросъ: какіе можно сдѣлать выводы по отношенію къ изобрѣтателямъ обѣихъ славянскихъ азбукъ изъ вышеприведенныхъ соображеній о сассанидскомъ происхожденіи добавленныхъ буквъ?

Мы уже выше сдѣлали сравненіе кирилловскихъ буквъ съ глагольскими и пришли къ нѣкоторымъ выводамъ. Но слѣдуетъ снова вернуться къ этому сличенію, приложивъ къ нему вышеприведенныя соображенія о сассанидскомъ происхожденіи добавленныхъ буквъ, и сличить между собою эти буквы въ глаголицѣ и кириллицѣ. Такое частное сличеніе приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ относительно отдѣльныхъ буквъ:

1) Буква ш одинакова въ обѣихъ азбукахъ.

2) Глаголическая буква щ есть видоизмѣненіе кирилловской, съ явнымъ желаніемъ прiукрасить послѣднюю.

3) То же относится вполнѣ къ глаголической буквѣ ч, въ которой отвѣсный кирилловскій штабъ замѣненъ любимымъ кружечкомъ.

---

[1]) *Zacher*, o. c., p. 20.

Библиотека "Руниверс"

4) Глаголич. ъ есть украшенный кирилловскій ъ, при чемъ верхній крючекъ былъ загнутъ окончательно, такъ что составилъ кружокъ, который помѣстился правильно надъ нижнимъ. Вслѣдствіе того получилась фигура, напоминающая цифру 8. Небольшой кружечекъ съ лѣвой стороны, можетъ быть, появился тогда, когда явилось желаніе различить ъ отъ ь.

5) Глаголическій малый юсъ есть, кажется, опрокинутый на бокъ и округленный кирилловскій, съ прибавкой на лѣвой сторонѣ кружечка (какъ въ глаголическомъ ъ). Напомнимъ, что тотъ же пріемъ опрокидыванія или обращенія въ другую сторону замѣтенъ и въ другихъ глаголическихъ буквахъ: (сравн. глаголическія и кирилловскія ⰵ и ⰻ).

6) Отношеніе между глаголическимъ и кирилловскимъ большимъ юсомъ не совсѣмъ ясно, хотя несомнѣнно, что архаизмъ на сторонѣ кирилловскаго. Глаголическій большой юсъ состоитъ либо изъ о+малый юсъ, при чемъ изобрѣтатель употребилъ фигуру малаго юса какъ знакъ носоваго произношенія предшествующаго о; либо вся фигура глаголическаго большаго юса произошла изъ опрокинутаго на лѣвый бокъ и стилизованнаго во вкусѣ прочихъ буквъ большаго кирилловскаго юса, при чемъ верхняя развилка получила обычные кружечки и такимъ образомъ случайно совпала по формѣ съ глаголическимъ о. Намъ кажется правдоподобнѣе первое предположеніе, то-есть, сложеніе глаголическаго ⰾ изъ ⰻ+ⰰ въ виду того, что подобное сложеніе глаголическаго ⱔ изъ буквы е и малаго юса весьма наглядно. Если это такъ, то въ глаголическихъ начертаніяхъ большаго и малаго (іотированнаго) юса проглядываетъ осмысленность, желаніе изобрѣтателя-филолога указать въ самомъ рисункѣ буквъ, что первая есть носовое о, вторая — носовое е. Составъ глаголическаго большаго іотированнаго юса для насъ неясенъ, именно въ первой части: она напоминаетъ глаголическое зѣло, обращенное внизъ головой, но при чемъ тутъ звукъ з (или дз)?. Шафарикъ [1]) замѣчаетъ, что большой іотированный юсъ въ первой глаголической вставкѣ въ Апостолѣ Охридскомъ у Григоровича пишется нѣсколько иначе, такъ что первая часть похожа на глаголическое с. Дѣйствительно, судя по снимкамъ, приложеннымъ Срезневскимъ къ его изслѣдованію: Древніе глаголическіе памятники, можно придти къ заключенію, что печатная болгарская

[1]) Památky, p. 15.

Библиотека "Руниверс"

глаголическая буква не совсѣмъ точно выражаетъ фигуру большаго іотированнаго юса, который въ Ватиканскомъ Евангеліи имѣетъ нѣсколько иной видъ (см. табл. № I), при чемъ первая часть сложенія не напоминаетъ намъ никакой другой глаголической буквы, изъ которой можно было бы ее объяснить. Не пытаясь разгадать эту загадку, можно только предположить, что большой іотированный глаголическій юсъ есть лигатура, сложенная изобрѣтателемъ по нѣкоторой (хотя намъ и неизвѣстной) идеѣ, и если родство этой фигуры съ кирилловскою и неясно, то во всякомъ случаѣ глаголическая буква не архаичнѣе кирилловской, слѣдовательно, не могла послужить послѣдней оригиналомъ.

7) Глаголическій ѣ не имѣетъ ничего общаго съ кирилловскимъ. Онъ долженъ былъ быть изобрѣтенъ для такого славянскаго говора, въ которомъ произносился сходно съ я, ибо въ глаголицѣ оба звука имѣютъ лишь одну букву. Такъ какъ мы выше видѣли, что кирилловская буква ѣ восходитъ къ авестійской, звучавшей какъ е съ извѣстнымъ оттѣнкомъ, то не мудрено, если между кирилловскимъ и глаголическимъ ѣ нѣтъ сходства въ формѣ, такъ какъ звуки, выражаемые той и другой буквой, различны.

8) Глаголическое ж восходитъ къ кирилловскому, но по видимому, къ такой не дошедшей до насъ формѣ, въ которой между боковыми развилками не было отвѣснаго средняго штаба: въ глаголическомъ находимъ опять излюбленные ея составителемъ кружечки.

9) Глаголическое зѣло не представляетъ никакого сходства съ кирилловскимъ и затруднительно для объясненіи. Намъ сдается, что оно перевернутое внизъ и нѣсколько видоизмѣненное глаголическое ч, при чемъ составителемъ азбуки, можетъ быть, руководило нѣкоторое сходство въ звукахъ ч (tš) и dz; впрочемъ, можетъ быть, мы ошибаемся.

10) Между глаголическимъ и кирилловскимъ ц есть какое-то отношеніе, но неясное. Во всякомъ случаѣ, не глаголическое ц послужило оригиналомъ для кирилловскаго, а скорѣе на оборотъ: можетъ быть, кирилловокая буква была обращена въ другую сторону, а нижняя черточка замѣнена излюбленнымъ кружечкомъ.

11) Наконецъ, глаголическій б не имѣетъ никакого отношенія къ кирилловскому. Онъ несомнѣнно вновь изобрѣтенъ, и потому его происхожденіе едва ли можетъ быть уяснено. Тэйлоръ выводитъ эту букву изъ греческой курсивной β, что для насъ сомнительно; скорѣе можно видѣть въ ней сходство съ армянскою буквою, обозначающей п (русск.).

Библиотека "Руниверс"

Резюмируя эти сопоставленія добавочныхъ буквъ, мы выводимъ заключеніе, что, вопервыхъ, устроитель кириллицы не былъ упростителемъ глаголицы; вовторыхъ, составитель глаголицы зналъ кириллицу и слѣдовалъ нерѣдко ея начертаніямъ, стараясь только ихъ разукрасить (сравните въ обѣихъ азбукахъ ж, ч, щ, ъ), или осмыслить (сравните ж, ы); втретьихъ, что кирилловскія дополнительныя буквы, именно тѣ, которыя послужили оригиналомъ для глаголическихъ, ео ipso древнѣе глаголическихъ.

Спрашивается теперь: можно ли согласовать эти выводы съ господствующими мнѣніями о личностяхъ, изобрѣвшихъ ту и другую азбуку?

Мы видѣли, что А. А. Котляревскій считаетъ вѣроятнымъ мнѣніе, что изобрѣтателемъ глаголицы былъ святой Кириллъ Солунскій, а изобрѣтателемъ кириллицы—его ученикъ Климентъ, епископъ Величскій. Это мнѣніе, выставленное и развитое Шафарикомъ, принимаютъ Миклошичъ, Рачкій. Академикъ Срезневскій не высказывался такъ рѣшительно о томъ, что Кириллъ изобрѣлъ не кириллицу, а глаголицу, но и изъ его статьи въ Трудахъ 1-го Археологическаго съѣзда (1871, стр. CXV — CXXII) Котляревскій счелъ возможнымъ вывести косвенный аргументъ въ пользу изобрѣтенія Кирилломъ глаголицы. Дѣло въ томъ, что „если Константинъ Философъ изобрѣлъ кириллицу, то, какъ сынъ своего времени, онъ долженъ былъ для греческихъ начертаній ея усвоить тотъ образъ писанія, который въ его время, то-есть, въ IX вѣкѣ, господствовалъ у Грековъ. А между тѣмъ начертанія древнѣйшихъ славянскихъ рукописей существенно иныя, чѣмъ греческихъ IX — X вѣка. Славянскія начертанія древнѣе греческихъ, ибо у Грековъ господствуетъ уже скоропись, а у Славянъ уставъ, если же есть скоропись, то совсѣмъ иного, а не греческаго характера“... Это „приводитъ къ мысли, что если не въ VI, то въ VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка“.

Обычныя доказательства въ пользу того, что Константинъ былъ изобрѣтателемъ глаголицы, состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1. Азбука, составленная Константиномъ, казалась новою, вновь изобрѣтенною, между тѣмъ, какъ едва ли можно считать таковою азбуку, состоящую большею частью изъ греческихъ буквъ (какова кириллица). Латинское духовенство осуждало письмена Константина ради ихъ новизны, называя ихъ языческими; еслибъ азбука со-

Библиотека "Руниверс"

стояла изъ письменъ, большею частью греческихъ, затѣмъ латинскихъ (б) [1]) и еврейскихъ (ц, ш), то едва ли обвиненія были бы умѣстны. Константинъ въ защиту своихъ письменъ не ссылался, по видимому, на то, что они не новы, а въ сущности стары.

2. Въ греческой легендѣ о св. Климентѣ говорится, что онъ изобрѣлъ также другія начертанія письменъ, болѣе ясныя нежели тѣ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ. Это свидѣтельство слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что Климентъ замѣнилъ вычурныя и сложныя глаголическія письмена болѣе простыми, то-есть, тѣми, которыя мы называемъ кирилловскими.

3. Названіе кириллица было прилагаемо именно къ глаголической азбукѣ; это видно изъ Новгородской рукописи пророковъ, представляющей списокъ съ рукописи Упыря Лихаго 1047 г. Списокъ Упыря былъ сдѣланъ съ глаголическаго, какъ видно по нѣкоторымъ признакамъ, а между тѣмъ въ послѣсловіи Упырь благодаритъ Господа „яко съподоби мя написати книги си не кирилоцѣ".

Мы не станемъ излагать другія доказательства, приводимыя Шафарикомъ, Миклошичемъ и Рачкимъ, и разбирать доводы тѣхъ, которые придерживаются до сихъ поръ того мнѣнія, что Кириллъ былъ изобрѣтателемъ кириллицы, а не глаголицы, и что глаголица есть искаженіе (хотя и очень древнее) кириллицы, произведенное по неизвѣстнымъ, быть можетъ, сектаторскимъ побужденіямъ [2]). Разборъ литературы по этому вопросу вывелъ бы насъ далеко изъ поставленныхъ нами себѣ рамокъ. Мы должны только признаться, что и намъ мнѣніе Шафарика кажется болѣе правдоподобнымъ, нежели противоположное, хотя мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что кирилловскія добавленныя буквы представляютъ упрощеніе глаголическихъ. Изъ разсмотрѣнія глаголическихъ начертаній видно, что авторъ ихъ былъ изобрѣтатель, а такая роль вполнѣ приличествовала св. Кириллу, философу, знакомому съ нѣсколькими языками. Азбука же, которую мы привыкли называть кириллицей, вовсе не дѣло одного изобрѣтателя, а представляетъ только устроеніе, совершенствованіе письменъ, которыя, такъ-сказать, сами завелись у Славянъ вслѣдствіе практическихъ потребностей. Роль Кирилла и Климента представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: Кириллъ изобрѣлъ глаголицу, то-есть, придумалъ начертанія для славянскихъ звуковъ,

---

[1]) Такъ думаетъ Шафарикъ.

[2]) *Будиловичъ*, Начертаніе, стр. 56.

Библиотека "Руниверс"

но уже имѣлъ подъ руками образецъ, прототипъ будущей кириллицы, изъ котораго онъ заимствовалъ нѣкоторыя буквы, измѣнилъ ихъ въ деталяхъ, порядокъ буквъ и ихъ число. Составленная имъ азбука однако оказалась непрактична: фигуры были слишкомъ сложны и трудны, и хотя уже не мало рукописей было написано этою азбукой, однако она не могла вытѣснить прежнюю, хотя и несовершенную. И вотъ уже ученикъ св. Кирилла, Климентъ, возвращается къ прежней азбукѣ, но предварительно устроивъ ее на новый ладъ, усовершенствовавъ ее по образцу глаголицы. Такимъ путемъ возникла новая кириллица, которою стали переписывать глаголическія рукописи. Нерѣдко глаголическія рукописи смываются, и на томъ же матеріалѣ пишутъ кириллицей. Этимъ объясняется обиліе палимпсестовъ, на которые указываютъ слависты. Мало по малу глаголическія буквы приходятъ въ забвеніе (кромѣ Македоніи и Хорватіи) и являются, какъ архаизмы, украшеніемъ среди кирилловскихъ [1]).

Намъ однако могутъ возразить, что нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того, что Константинъ, изобрѣтая глаголицу, имѣлъ подъ руками уже образчикъ славянской азбуки, которымъ пренебрегъ, желая быть изобрѣтателемъ. Дѣйствительно, на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, но это намъ представляется правдоподобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Составить полную азбуку для какого-нибудь языка, никогда не имѣвшаго письменъ,—дѣло очень трудное. Трудность заключается не въ томъ, чтобы придумать ту или другую форму для буквъ, а въ опредѣленіи числа звуковъ въ языкѣ. Константинъ могъ съ малыхъ лѣтъ говорить по славянски и все же не знать числа славянскихъ звуковъ. Да будетъ намъ дозволено сослаться на собственныя наблюденія: у насъ есть знакомый Балкарецъ, знающій русскій языкъ, знакомый съ нѣмецкимъ и французскимъ; задумавъ, по нашему совѣту, составить азбуку для роднаго языка, онъ трудился не мало, чтобъ опредѣлить число звуковъ, хотя его языкъ далеко не изъ богатыхъ по согласнымъ и гласнымъ, такъ какъ принадлежитъ къ урало-алтайскимъ. Намъ лично удалось вывесть все число звуковъ осетинскаго языка только на мѣстѣ, среди туземцевъ, хотя мы уже имѣли грамматику Шёгрена, который установилъ осетинскую азбуку еще въ 40-хъ годахъ. Думаемъ, что и для Грека,

[1]) См. глаголическія буквы въ Сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры XIV вѣка, Толкованіе Псалтири (Евген.). Имп. Публ. Библ. XI в., въ XIV словахъ Григорія Богослова XI в., въ сборникѣ поученій XII вѣка, и мног. др.

Библиотека "Руниверс"

не имѣвшаго въ родномъ языкѣ цѣлаго ряда славянскихъ звуковъ (б, щ, ш, ц, ч, ъ, ѕ, ж, ь, ы, ѣ, ѧ, ѫ), вопросъ о числѣ всѣхъ звуковъ славянскаго языка былъ весьма труденъ, и конечно, этотъ Грекъ могъ бы получить не малую помощь, еслибы до него у Славянъ были хоть какія-нибудь, даже несовершенныя, письмена. Но были ли у Славянъ такія письмена? Черноризецъ Храбръ на это отвѣчаетъ, что были: крьстивше же сѧ римьскыми и грѣчьскыми писмены нѫждаахѫся словенскы рѣчь безь оустроениа... и тако бѣшѫ многа лѣта. Если мы вѣримъ Храбру, что греческими письменами пользовались Славяне много лѣтъ, то не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что въ теченіе этихъ многихъ лѣтъ сложилась уже традиція, и быть можетъ, уже были попытки дополнить греческія письмена иными, для выраженія славянскихъ звуковъ. Вѣдь греческими письменами писали крещеные Славяне, въ числѣ которыхъ могли быть просвѣщенные и ревностные христіане. Неужели у нихъ трудно допустить попытки написать по славянски какую-нибудь молитву или что-нибудь иное? Но стоитъ лишь попробовать написать какую-нибудь связную славянскую рѣчь однѣми греческими буквами, чтобъ убѣдиться, что это не возможно. Стоитъ припомнить только, какой видъ получаютъ отдѣльныя славянскія слова, всего чаще имена собственныя, въ передачѣ ихъ греческими буквами у византійскихъ писателей.

2. Другое указаніе на употребленіе Славянами греческихъ буквъ раньше IX вѣка, можно видѣть въ томъ, что формы буквъ такъ-называемой кириллицы совпадаютъ съ греческимъ уставомъ VII вѣка, на что указалъ академикъ Срезневскій. Не будучи достаточно знакомы съ палеографіей, мы не можемъ имѣть своего мнѣнія въ этомъ вопросѣ.

3. Въ Паннонскихъ житіяхъ, какъ извѣстно, есть любопытное свидѣтельство о какихъ-то русскихъ письменахъ, найденныхъ Константиномъ въ Корсуни, которыми были написаны евангеліе и псалтырь: „обрѣте же ту евангеліе и псалтырь руськыми писмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи пріимъ своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена гласнаа и согласнаа и къ Богу молитву творя, вскорѣ начатъ чести и сказати и мнози ся ему дивляху". Мы не видимъ основанія считать это мѣсто позднѣйшею вставкой, какъ это дѣлаетъ Бодянскій [1]), потому что не усматриваемъ разумнаго мотива для подобной стран-

[1]) О времени происхожденія славянскихъ письменъ, стр. 101.

Библиотека "Руниверс"

ной вставки. Не думаемъ также, чтобы подъ человѣкомъ, говорившимъ „русскою бесѣдою", можно разумѣть Варяга-Норманна, ибо такая бесѣда между Грекомъ и Норманномъ на скандинавскомъ языкѣ не могла бы состояться. Скорѣе можно было бы допустить, что Евангеліе и Псалтырь были на языкѣ (таврическихъ) Готовъ, но съ человѣкомъ, говорившимъ на готскомъ языкѣ, Кириллъ могъ также мало бесѣдовать, какъ и съ Норманномъ. Всего проще видѣть въ Русскомъ IX вѣка Славянина изъ Руси, жившаго, какъ, вѣроятно, многіе другіе русскіе Славяне, въ Корсуни. Съ нимъ Кириллъ, знавшій славянскій языкъ солунскихъ Славянъ, дѣйствительно могъ сносно разговаривать по близости обоихъ славянскихъ нарѣчій, и этотъ фактъ, удивившій Корсунцевъ, въ сущности не заключалъ ничего удивительнаго. Но это свидѣтельство сообщаетъ не только о бесѣдѣ, но и о существованіи русскихъ письменъ и перевода Евангелія и Псалтыря на русскій языкъ. Какія же могли быть это письмена? Опять всего проще допустить, что это были тѣ же греческія, которыми Славяне много лѣтъ нуждахуся, принявъ крещеніе. Едва ли кто-нибудь станетъ отрицать возможность того, что въ греческомъ городѣ Корсуни могли жить Славяне-христіане, вѣроятно, русскаго происхожденія, гораздо раньше оффиціальнаго принятія христіанства Владиміромъ. Если это такъ, то не трудно допустить, что у этихъ русскихъ христіанъ, вкусившихъ греческой культуры, могли явиться попытки переложенія Евангелія и Псалтыри на русскій языкъ, при чемъ уже до нѣкоторой степени была выработана славянская азбука, прототипъ будущей кириллицы. Здѣсь именно, въ Корсунѣ, гдѣ греческая культура сталкивалась съ восточною, хазарскою, могли выработаться письмена, смѣшанныя изъ греческихъ и восточныхъ (сассанидскихъ), которыя мы видимъ въ составѣ кириллицы. Приладившись къ языку Русскаго Славянина — силу рѣчи пріимъ — Константинъ началъ къ своей (солунской) рѣчи примѣнять найденныя письмена гласныя и согласныя (своей бесѣдѣ прикладая письмена) и вскорѣ началъ, на удивленіе многимъ, читать русскія письмена и говорить на этомъ нарѣчіи. Все это очень естественно и не представляетъ чуда. Но для Константина такое знакомство съ письменами Русскихъ Славянъ было огромнымъ подспорьемъ для его миссіонерской дѣятельности. Онъ могъ изъ корсунской славянской азбуки узнать болѣе точно число славянскихъ звуковъ и воспользоваться этими свѣдѣніями для изобрѣтенія новой азбуки. И дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи Константина изъ хазарской миссіи, которую

Библиотека "Руниверс"

относятъ приблизительно къ 861 году [1]), онъ изобрѣтаетъ письмена для Славянъ, которыя несетъ съ собою въ Моравію. Конечно, намъ могутъ возразить: къ чему было Константину изобрѣтать совершенно новыя письмена, тогда какъ было бы легче и практичнѣе усовершенствовать уже существовавшія? На нашъ взглядъ, Константинъ поступилъ такъ потому, что былъ ученый, лингвистъ, а не заурядный миссіонеръ, потому, что желалъ быть изобрѣтателемъ совершенно новыхъ письменъ, ибо это могло льстить его ученому самолюбію. Вѣдь могъ бы и св. Стефанъ Пермскій, апостолъ Зырянъ, ввести русскую азбуку для зырянскаго языка, но онъ предпочелъ изобрѣсть совсѣмъ новыя письмена. Быть можетъ, новизна этихъ письменъ была одной изъ причинъ, по которымъ Стефанова азбука (изобрѣтенная въ 1372 году) была заброшена преемниками зырянскаго апостола въ миссіонерскомъ дѣлѣ [2]). Думаемъ, что и славянскій апостолъ желалъ заслужить похвалу, дѣйствительно воздаваемую ему и его брату въ Словѣ похвальномъ „на памѧть свѧтыма и прѣславныма оучителема словѣньскоу языкоу", въ которомъ прославляются оба апостола „не на тоужемь основании свое дѣло полагающа, нъ изнова письмена въображьша" [3]).

Продолжая гадать, можно предположить, что и зачатки перевода Евангелія на славянскій языкъ, существовавшіе у корсунскихъ Славянъ, могли пригодиться Константину. Для всякаго филолога понятно, какой громадный трудъ представляетъ переводъ Священнаго Писанія на языкъ совершенно нелитературный, не имѣющій множества необходимыхъ отвлеченныхъ словъ для выраженія христіанскихъ понятій, не имѣющій грамматики и даже письменъ. Конечно, до насъ не дошелъ въ подлинномъ видѣ переводъ Константина, но кажется, существуетъ общее убѣжденіе, что текстъ славянскихъ Евангелій XI в. едва ли сильно отличается отъ основнаго Константинова переложенія. Между тѣмъ, этотъ переводъ, говоря относительно, на столько точенъ и складенъ, что филологу трудно примириться съ мыслью, что онъ представляетъ первый опытъ и сдѣланъ человѣкомъ, не имѣвшимъ предшественниковъ въ этой работѣ. Притомъ, припоминая хронологическія данныя, филологъ долженъ поражаться быстротой работы. Въ короткое время святымъ

[1]) См. *Бильбасова*, Кириллъ и Меѳодій, II стр. 22.

[2]) См. о дѣятельности Стефана Пермскаго статью г. *Лыткина* въ декабрьск. кн. *Ж. М. Н. Пр.* 1883 г. (Пятисотлѣтіе Зырянскаго края).

[3]) См. *Бодянскаго*, О времени происхожденія слав. письменъ, стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

братьямъ удается настолько изготовить переводовъ богослужебныхъ текстовъ, что они могутъ вводить славянское богослуженіе въ Моравіи. Что-то чудесно.

Теперь намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: изъ какихъ буквъ состоялъ корсунскій прототипъ кириллицы, и какъ сложилась эта азбука? Чтобъ уяснить наше предположеніе, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя черты хазарской миссіи Константина. Легенды говорятъ, что путешествіе Константина къ Хазарамъ было вызвано посольствомъ хагана къ императору. Въ это время Хазары уже частью исповѣдывали религію Моисея и частью исламъ. Были среди нихъ несомнѣнно и христіане, и язычники. Конечно, политика Византіи требовала поддержать христіанскій элементъ въ Хазарскомъ царствѣ и такимъ путемъ распространить на него византійское вліяніе. Вѣроятно, миссіонерскія попытки со стороны Византіи (или Корсуня) были и раньше миссіи Константина, и само по себѣ извѣстіе объ отправкѣ Константина не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Для того, чтобы миссія имѣла успѣхъ, принимаются надлежащія мѣры: миссіонеръ долженъ приготовиться, предварительно собравъ нужныя ему свѣдѣнія у корсунскихъ Грековъ, какъ ближайшихъ сосѣдей Хазаръ. По свидѣтельству латинской легенды о жизни и перенесеніи мощей св. Климента, въ Корсунѣ Константинъ пробылъ нѣкоторое время съ цѣлью изученія языка того народа (то-есть, Хазаръ) [1]. Дѣйствительно, въ Корсунѣ толклось много всякихъ иноземцевъ, приходившихъ по торговымъ дѣламъ съ востока и съ сѣвера, и въ этомъ полуварварскомъ городѣ, конечно, можно было видѣть немало и Хазаръ. О количествѣ пришлаго элемента населенія Корсуня свидѣтельствуетъ и вышеприведенная легенда, разказывая о разспросахъ Константина о мѣстѣ, гдѣ слѣдовало искать мощей Климента римскаго: „всѣ эти вышеназванные (то-есть, мѣстные жители), такъ какъ они были не туземцы, а пришельцы отъ различныхъ племенъ, сознались ему, что они ничего не знаютъ о томъ, что онъ разыскиваетъ“ [2]. Очевидно, что въ этомъ городѣ можно было удобно подготовиться для поѣздки на востокъ и научиться и по хазарски, и по еврейски (отъ крымскихъ Евреевъ), и по славянски отъ Русскихъ Славянъ, и по готски отъ азовскихъ Готовъ, и по булгарски, отъ

[1]) См. *Бильбасовъ*, o. c. II, p. 315.

[2]) Ad quem praefati omnes (sc. loci incolae), utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae, se quod inquireret omnino nescire professi sunt.

Библиотека "Руниверс"

черноморскихъ Булгаръ. Трудно было бы найдти пунктъ болѣе удобный служить операціоннымъ базисомъ Византійцамъ для сношеній съ припонтійскими народностями. Миссія Константина имѣла спеціальную цѣль — поддержать у Хазаръ христіанство противъ стремленій религій Моисея и Магомета. Извѣстно, что Хазары приняли частью законъ Моисея еще въ VIII вѣкѣ, слишкомъ за столѣтіе до миссіи Константина, и хотя оффиціально и была вѣротерпимость въ Хазарскомъ царствѣ, однако три религіи не уживались между собою и сторонники того или другого вѣроученія, конечно, старались пріобрѣсти первенство при дворѣ хагана. Вѣроятно, этотъ дворъ въ IX вѣкѣ представлялъ такую же борьбу религіозныхъ партій и также былъ занятъ религіозными дебатами, какъ современный ему византійскій дворъ. Въ виду того, что легенды мотивируютъ прибытіе хазарскаго посольства въ Византію желаніемъ хагана имѣть при дворѣ христіанскаго богослова-діалектика, можно думать, что снаряженіе посольства было дѣломъ христіанской партіи при дворѣ хагана, которая вызывала себѣ подмогу изъ Византіи, этого центра христіанства. Конечно, и послы, взявшіе на себя такое порученіе, были либо христіане, либо лица, расположенныя къ этой религіи, потому что едва ли были бы посланы магометане или Евреи за орудіемъ противъ нихъ же самихъ. Можно думать, что въ числѣ членовъ посольства, которое, конечно, вело переговоры въ Византіи по гречески, были Греки, натурализировавшіеся у Хазаръ, или Славяне, скорѣе другихъ народовъ могшіе знать греческій языкъ. Изъ арабскихъ источниковъ извѣстно, что въ Итилѣ былъ многочисленный контингентъ славяно-русскихъ жителей.

Спрашивается теперь: какія лингвистическія познанія долженъ былъ пріобрѣсть Константинъ, чтобы съ нѣкоторымъ успѣхомъ совершить свою религіозную миссію? Ему предстояло вести дебаты съ евреями объ ихъ писаніи и (по легендамъ) съ мусульманами. Могъ ли бы онъ отважиться на споръ съ первыми на еврейскомъ (или халдейскомъ) языкѣ? Конечно, нѣтъ: для подобнаго спора, чтобы хоть нѣсколько были уравнены шансы обѣихъ сторонъ, нужно было отлично владѣть языкомъ исповѣдниковъ религіи Моисея, а пріобрѣсти такія познанія въ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ возможности, что̀ ясно для всякаго, кто не допускаетъ чудесъ. Но, можетъ быть, Константинъ велъ пренія на языкѣ хазарскомъ? Мы не знаемъ, какой это былъ языкъ: арабскіе писатели говорятъ, что онъ не былъ похожъ ни на турецкій, ни на персидскій, ни на какой-нибудь дру-

Библиотека "Руниверс"

гой языкъ. Предположимъ, что онъ былъ самый легкій изъ языковъ, и все-таки будетъ непонятно, какимъ образомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ можно было — при тогдашнихъ пріемахъ преподаванія, безъ грамматики и словаря — научиться ему на столько, чтобы вести на немъ ученое словопреніе. Остается предположить, что Константинъ, для уравновѣшенія шансовъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ какому нибудь международному языку. Взглядъ же на карту и нѣкоторыя историческія соображенія показываютъ, что такою lingua franca могъ быть языкъ южно-русскихъ Славянъ. Въ половинѣ IX столѣтія Хазарамъ подвластна была вся юго-восточная полоса Россіи; они брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей. По указаніямъ арабскихъ писателей, Славяне простирались далеко на востокъ и юго-востокъ отъ Сѣверянъ и Вятичей Нестора; кажется, жили они колоніями и по побережьямъ Азовскаго моря, въ Тмутаракани. Съ VI вѣка замѣчается сильный приливъ славянской стихіи съ сѣвера на югъ, къ берегамъ Чернаго моря и далѣе къ Дунаю и за Дунай. Отливъ начался лишь въ X вѣкѣ, со времени вторженія Печенѣговъ и образованія Русскаго государства, въ которомъ Славяне, тѣснимые дикими пришельцами, находили убѣжище и возможность безпрепятственной колонизаціи.... Въ половинѣ IX столѣтія, когда Константинъ ѣздилъ въ Хазарію, отливъ Славянъ къ сѣверу еще не начинался: это было за полстолѣтія до вторженія Печенѣговъ.... Славянскія поселенія были, вѣроятно, весьма значительны въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать Константинъ, чтобъ изъ Константинополя чрезъ Корсунь прибыть къ ставкѣ хагана Хазарскаго... Съ другой стороны, какъ въ ханствѣ Хазарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ (разумѣется, въ европейской части имперіи). Вотъ, стало быть, посредствующее звено между обоими государствами (Хазаріей и Византіей)—элементъ славянскій, вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать Евангеліе при дворѣ хагана Хазарскаго и между его подданными,— языкъ славянскій; вотъ почему для миссіи былъ выбранъ Константинъ, который, какъ Солунецъ, чисто говорилъ по славянски. Эти соображенія, высказанныя Гильфердингомъ [1]), кажутся намъ весьма правдоподобными, и мы не видимъ достаточнаго основанія забраковывать ихъ вмѣстѣ съ г. Бильбасовымъ [2]). Напомнимъ, что въ одномъ пролож-

[1]) Собраніе сочиненій *Гильфердинга*, т. I, стр. 306 и 307.

[2]) О. с. р. 165.

Библиотека "Руниверс"

номъ житіи Меѳодія встрѣчаемъ оброненное какъ бы случайно извѣстіе, что Константинъ упросилъ Меѳодія сопутствовать ему къ Хазарамъ, по той причинѣ, „яко умѣяше языкъ славѣньскъ“,—извѣстіе, могущее подкрѣпить вышеприведенную догадку, хотя Бодянскій [1]) и старается объяснить внесеніе этихъ словъ въ прологъ мнѣніемъ, существовавшимъ въ средніе вѣка о славянствѣ Хазаръ. Намъ кажется, что фактъ сопровожденія Константина его братомъ вовсе не нуждался въ мотировкѣ, будучи весьма естественъ самъ по себѣ, и что поэтому слова — яко умѣяше языкъ словѣньскъ — не домыселъ позднѣйшаго книжника, вызванный желаніемъ объяснить, почему Меѳодій поѣхалъ съ Константиномъ [2]). Если братья были отправлены въ эту миссію, которой византійское правительство придавало большое значеніе, именно вслѣдствіе ихъ знанія славянскаго языка, то можетъ быть, Константинъ не случайно нашелъ въ Корсунѣ человѣка, бесѣдовавшаго по русски, а потому, что желалъ научиться этому языку и не ради одной филологической любознательности примѣнялся къ нему. Если въ Успеніи св. Кирилла говорится, что въ Корсунѣ Константинъ научился жидовской бѣсѣдѣ и книгамъ, а также самарянскимъ, то и это извѣстіе, хотя и пріукрашенное, могло бы сводиться къ далеко не удивительному факту, что, готовясь къ диспуту съ Евреями, философъ счелъ нужнымъ нѣсколько познакомиться съ ихъ писаніемъ въ оригиналѣ, но конечно, не для того, чтобы спорить на еврейскомъ языкѣ. Впрочемъ, стоять за подлинность этого извѣстія позднѣйшихъ легендъ слишкомъ рисковано.

Какъ бы то ни было, если мы допустимъ вѣроятность извѣстія о нахожденіи Константиномъ въ Корсуни славянской азбуки, то всего проще предположить, что это были письмена, сложившіяся у корсунскихъ крестившихся Славянъ изъ смѣшенія греческихъ письменъ съ какими-то восточными, при чемъ послѣднія были употреблены для спеціально славянскихъ звуковъ. Какія же восточныя письмена могли быть употребляемы припонтійскими Славянами? Происхожденіе этихъ письменъ, какъ видно изъ добавленныхъ буквъ, ведетъ насъ въ Персію; но такъ какъ прямыхъ сношеній Славянъ съ этимъ го-

---

[1]) O. c. p. 73.

[2]) Впрочемъ, еще нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что Меѳодій сопровождалъ брата въ Корсунь. Г. Бильбасовъ рѣшительно отвергаетъ это. По его мнѣнію, въ то время какъ Константинъ ѣдетъ къ Хазарамъ, Меѳодій просвѣщаетъ Болгаръ (II, 162).

Библиотека "Руниверс"

сударствомъ мы не знаемъ, то остается прибѣгнуть къ новой гипотезѣ о томъ, что посредниками при передачѣ этихъ письменъ Славянамъ служили Хазары, которымъ Славяне платили дань. Составляя значительный элементъ въ хазарскихъ городахъ, Славяне должны были подчиниться нѣкоторому вліянію хазарской культуры, которая, судя по нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, была не незначительна и, несомнѣнно, не ниже славянской. У нихъ были укрѣпленные города, пышный придворный штатъ, постоянное войско, постоянныя торговыя сношенія съ Востокомъ, и несомнѣнно, была письменность, хотя до насъ не дошло и ни одной строчки. Впрочемъ, до насъ не дошли даже развалины хазарскихъ городовъ. О томъ, что письменность должна была существовать, можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ: часть Хазаръ, съ каганомъ во главѣ, исповѣдовала культурную религію, основанную на писаніи—іудейство; другая часть религію Магомета, также основанную на книгѣ—Коранѣ; арабскіе писатели упоминаютъ о многочисленныхъ кадіяхъ въ столицѣ Хазаръ. Третья часть исповѣдовала христіанство. При дворѣ хазарскомъ должны были быть писцы, для письменныхъ сношеній съ Греками, а эти сношенія были довольно тѣсны. Намъ извѣстно, что Византійскіе императоры заискивали у хагановъ, и послѣдніе считались могущественнѣйшими изъ всѣхъ государей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ византійскій дворъ. Юстиніанъ Ринотметъ въ 702 г. женился на дочери хагана (Θеофанія), въ 732 г. Константинъ Копронимъ—на дочери хагана (Иринѣ, которая ввела при византійскомъ дворѣ въ моду хазарскую одежду цицакію). Хазарскимъ царямъ приписываются письма (письмо царя Іосифа къ Еврею Ибнъ-Хасдаю) и интересъ къ слушанію религіозныхъ диспутовъ. Словомъ, все указываетъ на то, что Хазары обладали уже извѣстною сравнительно высокою культурой, и что ихъ слѣдуетъ выдѣлять изъ массы полудикихъ азіатскихъ кочевниковъ, вторгавшихся въ Европу—Гунновъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Половцевъ. Сравнительная культурность Хазаръ объясняется, быть можетъ, сложностью племеннаго состава ихъ государства: это не былъ, по видимому, народъ одного племени, а рядъ народовъ, подчинившихся какому-то народу-завоевателю, можетъ быть, болѣе грубому, но въ теченіе времени воспринявшему нѣкоторую культуру отъ побѣжденныхъ, въ составъ коихъ входили, между прочимъ, крымскіе Готы, Евреи, Славяне, Булгары и друг. Воспринятіе культурныхъ элементовъ могло быть, впрочемъ, и болѣе раннее, такъ какъ Хазары на востокѣ, въ Закавказьѣ, сосѣдили съ

Библиотека "Руниверс"

Персами; не говоря уже о раннихъ ихъ вторженіяхъ въ Арменію, упоминаемыхъ Моисеемъ Хоренскимъ, слѣдуетъ вспомнить, что въ VI в. Персидскій царь Кобадъ сынъ Пероза строитъ противъ нихъ въ Закавказьѣ длинный валъ (Кавказская стѣна), а Хосро Аноширванъ—крѣпость Дербендъ, что въ VII в., пользуясь смутами въ Персіи, Хазары, въ союзѣ съ императоромъ Ираклiемъ, сильно тѣснятъ Персовъ, поставляютъ Византійцамъ 40,000 отборнаго войска, за что Хазарскій царь Зибель получаетъ корону съ головы Ираклія.

Равными сношеніями съ сосѣднею Сассанидскою монархіей слѣдуетъ объяснить и то, что предполагаемыя хазарскія письмена (выводимыя нами изъ добавленныхъ къ кириллицѣ буквъ) являются сколкомъ съ авестійскихъ. Дѣйствительно, если вообще допускать существованіе письменъ у Хазаръ, то всѣ историческія соображенія должны говорить въ пользу предположенія, что письмена зашли къ Хазарамъ отъ ихъ болѣе культурныхъ сосѣдей—Персовъ, ибо другаго источника нельзя предположить. Конечно, Хазары могли бы получить письмена вмѣстѣ съ религіей отъ крымскихъ Евреевъ, но это могло бы произойдти не ранѣе VIII вѣка; и если это дѣйствительно было такъ, то мы опять будемъ поставлены въ недоумѣніе, какимъ же путемъ объяснить существованіе авестійскихъ буквъ въ кириллицѣ. Изъ еврейской азбуки, какъ мы уже выше замѣтили, можно объяснить только буквы ц (цадэ) и ш (шинъ).

Итакъ, мы рискуемъ предположеніемъ, что къ славянскимъ подданнымъ Хазаръ попали нѣкогда списки авестійскихъ азбукъ, и они, какъ, можетъ быть, и Хазары, примѣняли эти начертанія къ звукамъ роднаго языка и нуждахуся писать восточными письменами словѣнску рѣчь безъ устроенія.

Устроеніе явилось, вѣроятно, у корсунскихъ Славянъ-христіанъ. Они-то, можно думать, замѣнили бо́льшую часть персидскихъ письменъ буквами греческой азбуки, и эта новая азбука, впослѣдствіи усовершенствованная, и были тѣ русскія письмена, которыя Константинъ нашелъ въ Корсуни. Философъ только отчасти воспользовался этими письменами при составленіи своей азбуки (глаголицы), но быть можетъ, она стала извѣстна его ученикамъ, и одинъ изъ нихъ, епископъ Климентъ, сталъ ради большей ясности употреблять ее въ своей Болгарской епархіи. По мнѣнію Шафарика и Бодянскаго, „Климентъ послѣдовалъ за Константиномъ въ Хазары, и будучи очевидцемъ обрѣтенія мощей Климента, папы Римскаго, Константиномъ, не только составилъ извѣстное сказаніе о томъ, но даже рѣшился, изъ особен-

Библиотека "Руниверс"

наго уваженія къ сему святителю, принять на себя имя его при постриженіи своемъ въ монашество" [1]). Естественно поэтому, что именно о Климентѣ, а не о какомъ-нибудь иномъ изъ учениковъ славянскихъ апостоломъ, разказываетъ преданіе, что онъ вводилъ иныя начертанія письменъ [2]).

Всев. Миллеръ.

---

[1]) *Бодянскій*, O. c. p. 74.

[2]) Предлагаемая статья была положена нами въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 8-го мая 1882 г. (см. Древности, томъ IX, протоколъ № 198). Уже когда она была въ наборѣ, намъ пришлось прочесть обширное изслѣдованіе *Гейтлера*: Die Albanesischen und Slavischen Schriften (Wien, 1883), въ которомъ авторъ выводитъ глаголицу изъ *албанскихъ* письменъ, дошедшихъ до насъ въ немногочисленныхъ рукописяхъ начала XIX в. изъ города Эльбассана. Гейтлеръ старается доказать, что эти письмена были въ употребленіи въ отдаленныя времена на родинѣ глаголицы Македоніи. *Добавочныя* къ кириллицѣ буквы авторъ выводитъ изъ греческихъ письменъ, (напримѣръ ш изъ ω, ч, ц изъ разныхъ рукописныхъ формъ греч. υ, ϑ, ѳ изъ α, ѣ изъ ε), а нѣкоторыя считаетъ заимствованными изъ глаголицы (ю, ѧ, ь, ъ, ы). Признаемся, что теорія Гейтлера не показалась намъ убѣдительною, хотя мы нашли въ его трудѣ много отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній. Впрочемъ, конечно, мы далеки отъ мысли, чтобъ и наша гипотеза была вполнѣ убѣдительна. Если нашу *случайную* догадку, навѣянную кажущимся сходствомъ *добавочныхъ* буквъ съ авестійскими, мы рѣшились обставить нѣкоторыми соображеніями и предать тисненію, то лишь въ виду того, что можетъ быть, нѣкоторыя наши замѣчанія пригодятся спеціалистамъ по славяновѣдѣнію.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ.

I.

До Зашейка.

На самомъ сѣверѣ Кандалашской губы Бѣлаго моря расположена деревня Кандалакша. Она лежитъ при устьи рѣки Нивы, среди высокихъ горъ, изъ которыхъ Желѣзная Тундра поднимается на высоту 900′. Другія горы мало уступаютъ ей въ высотѣ, какъ напримѣръ, Волостная Тундра, Крестовая, Плёсовая и др. Кандалакшане занимаются исключительно рыбнымъ промысломъ—ловомъ сельдей, семги, да еще бьютъ бѣлухъ (дельфиновъ), нерпъ или морскихъ зайцевъ и т. п. Какъ только вы ступаете на Кандалашскій берегъ, такъ тотчасъ убѣждаетесь, что громадную долю въ доходахъ Кандалакшанъ занимаетъ треска, въ присутствіи которой убѣждаетъ насъ обоняніе: зловоніе удушаетъ васъ въ теченіе первыхъ минутъ.

Въ знойный день 14-го іюля 1880 года вышла изъ Кандалакши „по тракту“ небольшая группа людей, состоявшая изъ двухъ молодыхъ естествоиспытателей, двухъ постоянныхъ ихъ работниковъ и восьми человѣкъ носильщиковъ. Однимъ изъ первыхъ былъ авторъ этой статьи. Не смотря на трудности пути, тяжести, которыя необходимо было взять съ собою, двадцатичетырехверстный переходъ и жару (въ тѣни было 17,5°), мы шли пѣшкомъ. Причиной того было отсутствіе средствъ сообщенія.

По всему западному Бѣломорью главнымъ способомъ перемѣщенія служитъ „бабья почта“, то-есть, ѣзда на „карбасахъ“ (лодкахъ), на которыхъ гребцами бываютъ всегда женщины. Береговыхъ дорогъ

Библиотека "Руниверс"

совершенно нѣтъ. Поэтому лошадей здѣсь можно видѣть только какъ рѣдкость; такъ, напримѣръ, въ Кандалакшѣ мѣстный купецъ Павковъ-Жидкихъ держитъ одну лошадь, на которой никогда не ѣздитъ. Оленей, лѣтомъ угоняютъ за нѣсколько сотъ верстъ, къ границамъ Финляндіи, а къ зимѣ приводятъ обратно и ѣздятъ на нихъ по снѣжному пути закладывая по одиночкѣ въ сани. Рѣка Нива, берущая начало въ озерѣ Имандрѣ, на высотѣ 110—130 метровъ, и впадающая у самой Кандалакши въ Бѣлое море, представляетъ собою бурный потокъ, съ уклономъ русла въ 22 раза болѣе крутымъ, чѣмъ въ Невѣ. Поэтому ѣзда на лодкѣ не мыслима. А между тѣмъ предстояло проходить чрезъ безлюдныя скалистыя пространства, гдѣ нельзя будетъ достать куска черстваго хлѣба. Приходилось позаботиться обо всемъ; все взять съ собою. Дѣло усложнялось еще слѣдующими обстоятельствами. Первый переходъ въ 24 версты можно было пройдти въ одинъ день: стоило только взять лишнихъ носильщиковъ; унести всю ношу было возможно. Но далѣе слѣдовали озера, на которыхъ имѣлось только по два небольшихъ карбаса, способныхъ поднять четырехъ человѣкъ съ ношей и двухъ гребцовъ. Почтарями на каждой станціи жили обязательно только два Лопаря, слѣдовательно, дальнѣйшая переправка тяжестей возможна была только въ предѣлѣ четырехъ *ташекъ* (ношъ). Въ виду такихъ соображеній пришлось бросить въ Кандалакшѣ заготовленную провизію и большую часть вещей и взять съ собою только самое необходимое—теплую одежду, оружіе, инструменты и т. п. да запасъ черныхъ сухарей въ два пуда. Эти сухари, вмѣстѣ съ чаемъ, составляли нашу пищу во время перехода отъ Кандалакши на Колу. Путь имѣетъ названіе „тракта", такъ какъ лѣтомъ здѣсь ходитъ почта. Длина его болѣе 200 верстъ.

Первый переходъ въ 12 верстъ. Впереди выступали наши носильщики съ ташками, сзади—мы съ работниками. Было 14-е іюля. День былъ жаркій. Солнце пекло во всю силу. Лучи его, накаляя каменистый грунтъ, усыпанный крупнымъ пескомъ, гравіемъ, отражались съ тѣмъ болѣе знойною силой. Въ тѣни было 17° Цельсія. Кромѣ необходимыхъ инструментовъ для научныхъ наблюденій, оружія, письменныхъ принадлежностей и альбомовъ, приходилось на себѣ нести и теплое платье, которое должно было пригодиться въ этотъ же вечеръ. На мнѣ было грузу болѣе пуда, и все это было навьючено сверхъ толстаго теплаго пальто, такъ что вплотную прижимало его къ тѣлу со всѣхъ сторонъ. Жара поэтому была подавляющая.

Каждый изъ насъ представлялъ странную фигуру. На головѣ,

Библиотека "Руниверс"

сверхъ шляпы съ широкими полями, надѣтъ комарникъ, то-есть, чехолъ изъ грубой матеріи марли, съ небольшими отверстіями въ сѣткѣ, да и то закрахмаленными. Концы этого комарника наглухо заправлены подъ воротникъ пальто, также застегнутое на всѣ пуговицы. Высокіе сапоги, ранецъ за спиной, нагруженный книгами, тетрадями и альбомами. Ремни отъ ранца, перекрещиваясь на груди, стѣсняютъ дыханіе. Сбоку ножъ, барометръ, термометръ, требующіе крайней осторожности движенія, и слѣдовательно, также стѣсняющіе. Въ карманѣ револьверъ. У моего спутника три ружья, со всѣми принадлежностями. При жарѣ насъ еще мучила духота подъ сѣтками изъ плотной марли. Изрѣдка приходилось снимать сѣтку, чтобъ отдышаться свободно. Но за то въ это самое время насъ свободно донимали комары, которые громаднымъ роемъ вились надъ нашими головами. Тому, кто не бывалъ на сѣверѣ, то-есть, въ сѣверной части Олонецкой губерніи и дальше, а тѣмъ болѣе среди лапландскихъ болотъ, не возможно себѣ даже представить до какой степени изнеможенія, до какого отчаянія могутъ довести эти маленькія, ничтожныя твари.

Начало пути очень заманчиво. Представьте себѣ, что, переваливъ чрезъ небольшой холмъ, или вѣрнѣе, каменистую гряду, сложенную изъ отдѣльныхъ валуновъ, и пройдя около полуверсты отъ села прямо къ сѣверу, вы подходите къ сосновому лѣсу, а далѣе ведетъ по самому берегу Нивы тѣнистая аллея. Дѣйствительно подъ громкимъ названіемъ тракта, здѣсь слыветъ небольшая тропинка, не шире одного, мѣстами полутора, аршина. По ней передвигается пѣшая почта, путешественники, Лопари, купцы, чиновники, однимъ словомъ— всѣ. Вотъ этотъ путь я и опишу.

И такъ, вы углубляетесь въ лѣсъ по аршинной тропинкѣ, въ началѣ очень ровной, укатанной, или вѣрнѣе, утоптанной. Она плотно усыпана довольно крупнымъ пескомъ, хорошо слежавшимся. Поэтому ходьба легкая и удобная. Лѣсъ здѣсь довольно ровный и рѣдкій; преимущественно сосны, березы, ольхи, ерникъ и проч. Благодаря преобладанію ровныхъ сосновыхъ стволовъ, нѣжной листвѣ березъ и однообразному сѣроватозеленому колориту подстилающей моховой листвы, лѣсъ производитъ пріятное впечатлѣніе, чего-то слегка запущеннаго: нѣчто въ родѣ стараго парка.

Сначала тропинка идетъ по самому берегу рѣки. Рѣка Нива здѣсь стелется у васъ подъ ногами, мѣстами на 5, а гдѣ и на 8 сажень. Отвѣсно поднимаются песчаные берега, въ которыхъ, кромѣ безчисленнаго количества голышей, видны громадные, включенные въ нихъ

Библиотека "Руниверс"

валуны, преимущественно краснаго или сѣраго цвѣта. Это крупныя глыбы гнейса или гранита, отчасти округленныя или обкатанныя, большею же частью сильно угловатые. Эти же каменныя глыбы, эти громадные валуны, достигающіе до 1 сажени въ поперечникѣ, а мѣстами и болѣе, выстилаютъ въ громадномъ количествѣ все русло Нивы. По нимъ бѣшено несется этотъ горный потокъ, этотъ не угомонившійся въ своемъ неистовомъ порывѣ вихрь пѣны, силы, рева, скачущихъ волнъ, громадной массы воды, которая дѣлала бы здѣсь чудеса, еслибы вздумали утилизировать ея силу. Бѣшено налетаетъ громадный потокъ на выдающійся валунъ, съ ревомъ разбивается онъ въ дребезги, отхлынетъ назадъ, взлетитъ взметнувшеюся водяною завѣсой наверхъ, разлетится тамъ въ массу брызгъ и пѣны, которая красивымъ бѣлымъ фонтаномъ иногда на сажень поднимается надъ русломъ рѣки, раздается потомъ на двѣ боковыя струи, и снова закрутившись, завертѣвшись въ неистовомъ спорѣ волнъ и пѣны, летитъ до слѣдующаго валуна, гдѣ опять съ ревомъ нахлынетъ на него, взметнется фонтаномъ кверху, обдастъ все кругомъ бѣлою пѣной и снова несется дальше.... Не смотря на страшную скорость, съ которою несется этотъ бурный горный потокъ, имѣющій скромное названіе „рѣки Нивы“, не смотря на громадную опасность, представляющуюся здѣсь на каждомъ шагу въ видѣ ли валуна обдаваемаго фонтанами пѣны, или пучины, въ которой съ ревомъ закрутились столкнувшіяся со всѣхъ сторонъ бѣшеныя волны, не смотря на все это,—все-таки находятся смѣльчаки Лопари, которые рѣшаются спускаться по Нивѣ. И еслибъ еще это была минутная безумная отвага, бравада—рискнуть спуститься по сильной струѣ водоската; но нѣтъ, это рискъ на 33 версты, изъ которыхъ только 9 верстъ рѣка течетъ спокойно. И не смотря на то, что почти ежегодно гибнутъ лучшіе представители этихъ смѣльчаковъ, все-таки чрезъ каждыя двѣ недѣли предпринимается новая поѣздка съ Имандры въ Кандалакшу.

Тропинка тянется вдоль рѣки не болѣе трехъ или четырехъ верстъ, и только на этомъ именно протяженіи она представляетъ вышеописанныя удобства. Затѣмъ она сворачиваетъ влѣво, то-есть, къ западу, и далеко уклоняется отъ главнаго направленія рѣки. По мѣрѣ удаленія отъ рѣки, исчезаетъ и сравнительная ровность мѣстности. Приходится то подниматься въ гору, на вараки, по довольно крутымъ подъемамъ. Вараками здѣсь называются горы такой вышины, которыхъ вершины покрыты еще лѣсомъ; тѣ горы, которыхъ вершины поднимаются выше предѣловъ распространенія лѣсной расти-

Библиотека "Руниверс"

тельности, носятъ названіе тундръ. Такъ какъ всѣ эти горы, и вараки и тундры, или прямо сложены изъ массы крупныхъ валуновъ, или состоятъ изъ матерой горнокаменной породы, которая сверху на большую толщину покрыта ледниковымъ наносомъ, обильно наполненнымъ такими крупными валунами, то вполнѣ понятна и зависимость между неровностью мѣстности и обиліемъ крупныхъ валуновъ. И дѣйствительно, сперва на берегу Нивы мы почти не встрѣчаемъ такихъ валуновъ на поверхности земли. Они залегаютъ на глубинѣ. Сверху же они занесены толстымъ слоемъ крупнаго песку, что доказываетъ, съ другой стороны, что здѣсь была широкая и высокая долина; такъ какъ такая разсортировка могла произойдти только при содѣйствіи перемывающаго дѣйствія воды, то мы смѣло можемъ сказать, что тамъ, гдѣ теперь бѣшено несется Нива, въ давнія доисторическія времена былъ спокойный широкій водный проливъ, и притомъ, какъ мы увидимъ далѣе—морской.

Все уже и уже становится тропинка, по мѣрѣ того какъ приходится все выше взбираться на крутизны варакъ. Крупный гравій и песокъ, выравнивавшіе неровности валуновъ, наполнявшіе ихъ промежутки, здѣсь вымыты и смыты, унесены водой внизъ. Тощій моховой покровъ, убогимъ сѣроватымъ ковромъ постилающій всѣ эти валуны, грудами нагроможденные одинъ на другой, точно на смѣхъ накинутъ здѣсь для того, чтобы затруднить путь. Тропинка становится не шире полуаршина, а мѣстами едва можно поставить, среди торчащихъ острыхъ валуновъ, двѣ ступни, такъ что единственная возможность продолжать путь заключается въ томъ, чтобы, пользуясь валунами, какъ лѣстницей, шагать съ одного на другой. Хорошо еще—если они голые, но случись моховой покровъ, и вы проваливаетесь и оступаетесь на каждомъ шагу. Но вотъ, наконецъ вы взобрались на вершину первой Осиновой вараки. Почему она названа Осиновою я не знаю; осинъ здѣсь я искалъ и слѣдилъ за ними по пути, но ни одной не нашелъ. Въ началѣ пути, около Кандалакши, онѣ еще попадаются. Здѣсь разстилается все такой же однообразный лѣсъ, какъ и ранѣе: преимущественно береза, сосна, ель, изрѣдка рябина, ольха. Далѣе путь опять улучшается, дорожка становится шире, ровнѣе. Но пройдя съ полверсты, приходится снова спускаться. Опять крутой склонъ вараки весь усыпанъ неровными валунами. Довольно долго приходится идти по гористой мѣстности и наконецъ спускаться въ узкую низменную долину, покрытую торфяниковымъ болотомъ. Чрезъ него переброшены дряхлые мостки, проложенные

Библиотека "Руниверс"

по шпаламъ. Такія мѣста называются вообще тайболой. Та тайбола, о которой я говорю, носитъ названіе Заборной тайболы; за нею слѣдуетъ Заборная варака. Это самый высокій пунктъ, на который приходится подниматься на пути между Кандалакшей и Имандрой. Высота ея равна 148 метрамъ (то-есть, 72 сажени). Подъемъ на эту вараку сначала, отъ тайболы, очень крутъ, затѣмъ становится все отложе, и вы постепенно поднимаетесь на большую высоту. Путь здѣсь гораздо ровнѣе. Длинною вереницей тянулась наша процессія по извилистой тропинкѣ. Далеко впереди шелъ привемистый, широкоплечій Лопарь Ларивонъ, предводитель всѣхъ Лопарей. Умный, хитрый мужикъ, онъ пользовался какимъ-то особеннымъ значеніемъ среди своихъ товарищей. Это самый ловкій и дерзкій смѣльчакъ, удалый кормчій, спускающійся два раза ежемѣсячно по Нивѣ къ Кандалакшу. Ларивонъ, маленькій, широкоплечій съ большою головой, черными какъ смоль, курчавыми, въ кольца завитыми всегда лохматыми волосами, ястребинымъ, слегка приплюснутымъ носомъ и рѣденькою бороденкой и усами, съ широкимъ, длиннымъ туловищемъ на короткихъ кривыхъ ногахъ, при каждомъ шагѣ перекачивавшійся съ боку на бокъ, производилъ бы казалось смѣшное впечатлѣніе. Нѣтъ! Далеко не то. Напротивъ, онъ такъ гордо закидывалъ голову, такъ самоувѣренно ступалъ, изрѣдка бросая назадъ чрезъ плечо ястребиные взгляды, что положительно производилъ впечатлѣніе начальника отряда. За нимъ шла колоссальная фигура Данилки Медвѣдя, добродушнаго Лопаря съ широкимъ лицемъ и скулами, глубокими, сѣрыми глазами и толстыми губами громаднаго рта. Онъ несъ два съ половиной пуда. Затѣмъ Андріанъ, малый, крупнаго роста, нанятый нами на двѣ недѣли, далѣе нашъ работникъ Илья и другіе. На самой вершинѣ Заборной вараки былъ сдѣланъ привалъ; разложили костры, чтобъ отгонять комаровъ, и всѣ расположились живописными группами вокругъ огня. На главномъ планѣ демоническая физіономія Ларивона освѣщалась багровымъ отблескомъ костра; затѣмъ Онисимъ-стрѣлокъ сидѣлъ надъ самыми кострами, особенно мучимый комарами. Всѣ они передавали другъ другу чарку съ водкой, наливая прямо изъ боченка, очень оживленно перебрасывались шутками, остротами и наконецъ прыгали чрезъ костеръ. Желая позабавить ихъ, я сталъ натирать себѣ руки амміакомъ. Они, конечно, тотчасъ же обратили на это вниманіе. „А что, баринъ—это отъ комаровъ трется“? „Отъ комаровъ“. „Что жь это наговорная вода“? „Нѣтъ, говорю, спиртъ, понюхайте“. Они, заинтересованные при словѣ спиртъ,

Библиотека "Руниверс"

подбѣгаютъ ко мнѣ. Въ пузырькѣ, въ карманѣ у меня концентрированный нашатырный спиртъ. Подходитъ одинъ. Я ему открываю подъ носомъ пробку. Амміакъ захватываетъ дыханіе, ударяетъ ему въ носъ. Лопарь отскакиваетъ, хватается за грудь, кашляетъ, чихаетъ, протираетъ себѣ глаза, изъ которыхъ градомъ льются слезы. Поднимается общій хохотъ, всѣ скачутъ, въ восторгѣ отъ эффекта, произведеннаго маленькимъ пузырькомъ. Являются охотники „понюхать еще", и вотъ, одинъ за другимъ прикладываются они носами къ пузырьку, и опять слезы градомъ сыплются изъ глазъ, кашель, чиханье, потрясаніе головой, но главное—гоготаніе и хохотъ достигаютъ неистовства, и всѣ, очень довольные, возбужденные потѣхой и водкой, принимаются пить чай. Затѣмъ, послѣ часоваго отдыха, двигаемся дальше.

Дорога на вершинѣ вараки довольно ровная, по мѣрѣ спуска, начинаетъ дѣлаться извилистѣе и каменистѣе, тропинка суживается, и мы снова съ большимъ трудомъ поднимаемся по неровному пути. Послѣ довольно крутаго спуска мы переходимъ чрезъ торфянниковую тайболу и снова шагаемъ по разрушившимся на половину мосткамъ.

Тайбола имѣетъ обыкновенно такой видъ: среди двухъ довольно крутыхъ склоновъ, параллельно одинъ другому тянущихся на довольно значительномъ протяженіи, простирается прямая узкая корытообразная долина, или вѣрнѣе, лощина. Къ ней по склонамъ спускаются изрѣдка разбросанныя деревья, преимущественно сосны и березы. Вся лощина покрыта толстымъ моховымъ покровомъ, на которомъ, какъ на красномъ коврѣ, изрѣдка красуются кусты багульника (Ledum palustre), ёрника (Betula nana), другаго ёрника (Empetrum nigrum), и изрѣдка разбросаны среди нихъ крупныя корявыя березы и сосенки. Береза имѣетъ здѣсь чрезвычайно типичный видъ. Представьте себѣ стволъ толщиной въ обыкновенную человѣческую руку. Онъ поднимается вертикально вверхъ, потомъ заворачиваетъ въ сторону, или круто извернувшись кольцомъ, снова направляется кверху. Но ни одного сучка не даетъ онъ до самой вершины. Тамъ главный стволъ сразу развѣтвляется въ массу толстыхъ, кривыхъ сучьевъ, которые, всѣ одинаковой толщины, тянутся кверху на одну высоту, и растопырившись въ разныя стороны, образуютъ крону дерева. Все это можно сравнить съ поломаннымъ зонтикомъ, желѣзныя прутья котораго исковерканы бурей.

Между тѣмъ какъ мы подвигались все далѣе впередъ и впередъ,

Библиотека "Руниверс"

время шло своимъ чередомъ; стало вечерѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно свѣжѣть. Вышли мы изъ Кандалакши въ 4 часа дня и вскорѣ должны были уже достигнуть плеса. Былъ девятый часъ на исходѣ. Благодаря только порядочному грузу, который былъ на мнѣ, я не замѣчалъ особеннаго холода, но какъ потомъ оказалось, температура упала до 5 съ небольшимъ градусовъ Цельсія. Толстое парусинное пальто, надѣтое на мнѣ, уже недостаточно предохраняло отъ холода, и я долженъ былъ облачиться еще въ толстую мохнатку, короткую шерстяную куртку, надѣваемую подъ пальто. За этимъ занятіемъ меня застала цѣлая группа женщинъ Лопарокъ, которыя въ ожиданіи своихъ спутниковъ бродили около озера. Характерные костюмы, бросающіеся въ глаза головные уборы, нѣчто въ родѣ татарскихъ женскихъ красныхъ шапочекъ, усыпанныхъ массой металлическихъ блях; ихъ черные небольшіе глаза, съ рѣзко обведенными бровями; толстыя губы, слегка вывернутыя; высокія, выдающіяся скулы и сильно прижатыя уши, все это было такъ типично, что невольно обращало на себя вниманіе наблюдателя. Онѣ собрались живописною группой около повалennой на бокъ лодки и раскладывали костеръ. Очевидно, онѣ должны были также примкнуть къ нашему каравану, потому что лодокъ на берегу оказалось всего двѣ. Тутъ во-очію видна была невозможность забирать большое количество носильщиковъ изъ Кандалакши; имъ некуда было бы помѣститься. А потому, слѣдовательно, пришлось бы отказаться отъ того багажа, который составлялъ ихъ ношу. Женщины эти, какъ потомъ оказалось, были нарочно сюда присланы въ качествѣ перевозчицъ.

Чудную картину представляло разстилавшееся передъ нами озеро. Совершенно ровное, гладкое какъ зеркало, серебрилось оно вдали, погружаясь въ густыя черныя тѣни поднимающихся скалъ. Справа высится громадный конусъ Плесовой тундры, составляющей ближайшій отрогъ Кандалакшскихъ горъ (Желѣзной, Крестовой и др.) Слѣва небольшой еловый лѣсокъ надвинулся къ самому озеру, темнозелеными, почти черными, макушечными стрѣлками рѣзко вырисовываясь на свѣтломъ, вѣрнѣе, блѣдномъ фонѣ неба. Больной свѣтъ больной сѣверной ночи. Но вотъ вдали что-то фантастическое. Какіе-то движущіеся дымчатые образы поднимаются по окраинамъ; вотъ они клубятся, колеблются и плывутъ — бѣгутъ къ намъ на встрѣчу, обхватывая воздухъ протянутыми, но расплывающимися руками. Это заклубилась ночная холодная роса, туманъ поднимается надъ плесомъ и, слегка подернутый лунnымъ свѣтомъ, онъ дразнитъ насъ

Библиотека "Руниверс"

какими-то сказочными образами,—формами, невольно приводящими вамъ на память, по странному сочетанію идей, бурныя рулады изъ Шубертова „Лѣсного Царя".

Но гдѣ мы? Куда мы идемъ? И зачѣмъ все это?

Тотъ „трактъ", на который мы вступили, и который ведетъ изъ Кандалакши въ Колу, составляетъ обычный путь нѣсколькихъ сотъ поморцевъ, тянущихъ на Мурманскій берегъ. Изъ Архангельской и Олонецкой губерній еще съ марта мѣсяца поднимаются судохозяева и простые рабочіе и идутъ. Идутъ, конечно, пѣшкомъ, забравъ весь необходимый скарбъ: тулупы, топоры, сѣти, хлѣбъ и мѣдные гроши, въ надеждѣ добыть и себѣ, и покидаемой семьѣ кусокъ хлѣба. Начиная съ конца марта и весь апрѣль тянутся они по Кольскому полуострову. Куда? зачѣмъ? Не красна ихъ обѣтованная земля. Это Мурманскій берегъ. Уже въ началѣ мая должны они быть на мѣстѣ. Поэтому приходится путь дѣлать въ самое непривѣтное время, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда царитъ распутица. Это самое бурное время; пурги и ураганы свирѣпствуютъ одинъ за другимъ. Поэтому самому „тракту", который я только началъ описывать, и который я проходилъ лѣтомъ, слѣдовательно, при условіяхъ въ десятеро легчайшихъ, приходится имъ идти громадными партіями. При отсутствіи пути идти по не населенной мѣстности, не имѣя никакихъ средствъ сообщенія, безъ пищи, съ жалкими крохами черстваго хлѣба, въ самое дурное время года—идти и не знать гдѣ пристанище, гдѣ можно отдохнуть. Вязнуть по поясъ въ снѣгу, измокнуть, продрогнуть и при этомъ полуголодать—это все ничего. Но при этомъ надо знать, что придешь домой, и тебя ждетъ теплая постель, самоваръ, да 16° въ комнатѣ, да весело потрескивающій камелекъ. Но если вы знаете, что и завтра, и послѣ завтра и чрезъ два, три, четыре дня, все опять одно и то же, тогда это мука, мука необходимая, возможная только ради куска хлѣба.

Но возвратимся къ нашему путешествію. Мы остановились на берегу перваго плеса отъ Кандалакши, у высокой Плесовой Тундры. Термометръ Цельсія показывалъ + 4, 3° (тепла). Было 9 часовъ вечера, когда мы пришли къ озеру. Скоро, постепенно подходя другъ за другомъ, собрались всѣ мы и стали снаряжать карбасы. Здѣсь карбасы весьма не велики. Если сѣло 6 человѣкъ, то клади почти вовсе нельзя класть. Поэтому мы распредѣлились такъ, что почти всѣ грузныя вещи сложили въ одинъ карбасъ и въ него сѣло четверо—два гребца, рулевой и одинъ носовой. Всѣ остальные сѣли во второй карбасъ. Гребли женщины.

Библиотека "Руниверс"

По дорогѣ я поинтересовался температурой воды, она = 4°, 1; тогда какъ температура воздуха упала до 2, 3°. Туманъ густыми, клубящимися столбами подымался вокругъ насъ, и суровая, холодная сырость пронизывала насъ насквозь. Этотъ ночной переѣздъ не далъ давно ожидаемаго отдыха и не укрѣпилъ насъ нисколько. Мы только невольно задерживали дыханіе, и каждый сидѣлъ притаившись и съежившись на своемъ мѣстѣ. Озеро продолжало быть совершенно спокойнымъ. Луна, гдѣ-то высоко, въ сѣдой мглѣ, свѣтилась тоскливымъ бѣловатымъ пятномъ. Тишина кругомъ мертвая. Только мѣрный всплескъ веселъ и звукъ мѣрно падающихъ, бисеромъ разсыпающихся по водѣ капель, нарушаютъ это полное безмолвіе. Внизу черная вода, отъ которой вѣетъ страшнымъ, леденящимъ холодомъ. Такъ и кажется, вотъ, вотъ потопитъ васъ эта живая стихія. Внизу вода, а кругомъ мгла да сѣдой, холодный туманъ, сквозь непрерывный покровъ котораго мы пробираемся почти ощупью. По временамъ болѣе густыя, сѣдыя клочья его такъ, кажется, и пронизываютъ васъ насквозь. Впереди онъ какъ бы разступается передъ нами, но сзади тотчасъ же заволакиваетъ оставленный слѣдъ, какъ бы говоря: „нѣтъ возврата".

Никто ни слова. Всѣ сидятъ стиснувъ зубы, съежившись по возможности всѣми членами. Вотъ одинъ изъ Лопарей опустился на дно карбаса, усѣлся тамъ на корточки, обхватилъ свою грудь тощими руками, и плотно прижавшись ею къ колѣнямъ, наклонилъ къ нимъ вплотную голову. Это самая спокойная, удобная, компактная, такъ сказать, поза. Такъ и теплѣе, и мѣста меньше занимаешь. Это любимая поза спокойно расположившагося дикаря, напримѣръ, Ново-Зеландца или Ново-Каледонца; это поза ребенка въ утробѣ матери; такъ хоронили своихъ сородичей люди каменнаго періода.

Долго плыли мы такимъ образомъ. Въ сущности намъ только казалось долгимъ время, а пришлось проплыть только 5 верстъ. Наконецъ Лопари стали сворачивать понемногу влѣво, и хотя мы еще очевидно не доѣхали до конца плёса, пристали къ берегу. Низменный, плоскій берегъ, густопоросшій кустарникомъ, преимущественно ивнякомъ, съ цѣпью тощихъ елочекъ на второмъ планѣ, непривѣтливо смотрѣлъ на насъ, и очевидно, не представлялъ ничего особенно заманчиваго, но мы были рады выйдти изъ своего окаменѣлаго положенія и поразмять свои члены. Опять снаряжались Лопари, надѣвая при обоюдной помощи свои ташки; опять отпускались остроты на счетъ тяжеловѣснаго Мишки—громаднаго Лопаря, о которомъ

Библиотека "Руниверс"

уже приходилось говорить. Хотя четыре версты — невеликій переходъ, но эти четыре версты пришлись намъ тяжелы. Вскорѣ за поворотомъ отъ берега, тамъ гдѣ дорога тянется еще низинкомъ, приходится подниматься въ гору, все круче и круче, и опять повтореніе прежняго — въ гору и подъ гору. По низинамъ сохранялись еще мѣстами остатки гнилыхъ бревешекъ, когда-то бывшихъ мостковъ; эти бревешки въ настоящее время положительно только мѣшаютъ ходьбѣ.

Свѣту прибавляется понемногу все болѣе и болѣе, и вотъ уже опять зачинается зарница. Кратковременность ночи здѣсь дѣйствительно поражаетъ. Въ Колѣ съ 20-го мая по 15-го іюля не заходитъ солнце. Въ серединѣ іюня мѣсяца, въ полночь, Колпие такъ описываютъ положеніе солнца. Если отойдти отъ хаты средней высоты шаговъ 50 и смотрѣть на конецъ крыши, такъ какъ разъ на немъ и приходится солнце. Такъ какъ мы въ описываемое время были на 200 верстъ южнѣе Колы и насъ отдѣляли отъ нея высокія горы, то понятно, что для насъ въ іюлѣ (14-го числа) солнце уже заходило, но очень ненадолго, на какихъ-нибудь два часа, и свѣту все время было слишкомъ достаточно, чтобы не уснуть въ подобную ночь.

„Вотъ и новый плёсъ! Ну этотъ почище того будетъ!.."

„А что же особеннаго?"

„Да такъ. Сначала-то еще ничего. Озерко".

„И всего четыре версты ѣхать?"

„Да четыре. Да эти четыре тоже станутъ тѣхъ четырекъ что только что прошли". Тутъ, видите ли, придется подниматься противъ теченія рѣки Нивы. Сначала-то она ничего: бурлива только малость. Ну, а тамъ, послѣ, какъ къ тайболѣ подъѣзжать станемъ, такъ какъ есть котелъ кипитъ. Такъ у насъ печкой и зовется!"

„Нельзя ли будетъ обойдти? Спокойные-то заводи да плёсы проѣдемъ, а тамъ бережкомъ обойдемъ? А? Ларивонъ?"

„Нельзя, барчукъ, нельзя! Тропинки тебѣ нѣтъ; на берегу лоски, болото. Увязнешь какъ разъ. Да ты не бойся! Я вотъ сколькѣ лѣтъ всю рѣку проѣзжаю! Каждый камень, какъ родной, знаю!"

Усѣлись мы въ лодки. Ѣдемъ. Что за странное дно здѣсь. Такъ причудливо измѣняются въ немъ глубины. Вотъ совершенно черно подъ лодкой, хотя вода и совершенно чистая, прозрачная; вотъ мелькнули хребты двухъ-трехъ громадныхъ саженныхъ валуновъ. Вотъ бѣжитъ лодка надъ самою песчаною отмелью близко-близко,—такъ и кажется, что задѣнетъ непремѣнно. Вотъ отмель смѣнилась камени-

Библиотека "Руниверс"

стою грядой, сложенною изъ цѣлой груды валуновъ и опять глубь—черная, непроглядная.

Вотъ, на дотолѣ совершенно гладкой поверхности воды, показываются струйки и зеркальные рѣзко очерченные круги; это признаки, что теченіе здѣсь довольно сильное. Вотъ эти большіе круги крутятся, точно выкипаютъ они снизу изъ глубины; рѣзко очерчены они кругомъ струящеюся водой, а въ нихъ самихъ вода стоитъ какъ зеркало, только слегка выпуклое кверху.

Надо сказать правду, всѣ Лопари отличные гребцы. Они опускаютъ въ воду и вынимаютъ весла изъ воды почти совершенно не слышно: доказательство того, что они умѣютъ придать веслу въ рукѣ должный уклонъ для того, чтобъ оно свободно прорѣзало поверхностный слой воды; каждый разъ только нѣсколько капелекъ воды спятятся съ весла. Но главное, при греблѣ Лопарь далеко закидываетъ весло назадъ, далеко впередъ вытягивая руки; вслѣдствіе того у него очень великъ размахъ; затѣмъ, достоинство его гребли состоитъ въ томъ, что, сильно занеся весло, онъ налегаетъ на него понемногу, постепенно усиливая нажимъ, а не дергаетъ его сразу къ своей груди какъ это дѣлаютъ аличники и въ особенности всѣ Чухны; доведя силу давленія весла на воду до опредѣленнаго максимума, онъ опять-таки постепенно ослабляетъ давленіе и вынимаетъ осторожно изъ воды. Вслѣдствіе того, вы ѣдете быстро и равномѣрно, плавно; вы не покачиваетесь и не подаетесь всѣмъ корпусомъ впередъ, какъ это бываетъ при порывистой греблѣ.

Но вотъ я начинаю замѣчать, что мѣрные удары веселъ понемногу измѣняютъ свой темпъ, и все чаще и чаще слышны всплески, слѣдующіе одни за другими; гребцы зачастили. Теченіе становится очень сильнымъ. Подъ носомъ карбаса сильно журчитъ фонтаномъ поднимающаяся вода, и мѣстами, на отмеляхъ, по камнямъ начинаетъ уже пѣниться и шумно попрыгивать бурливая Нива.

Вотъ сразу впереди открывается широкій порогъ, составленный изъ нѣсколькихъ рядовъ крупныхъ валуновъ. Мы на минуту останавливаемся, и нашъ „слѣдопытъ“ Ларивонъ отдаетъ свои распоряженія. На носу съ шестомъ садится одинъ Лопарь, другой такой же на кормѣ, самъ Ларивонъ и Онисимъ, лучшіе гребцы, садятся на четыре весла. Ударили; разогнали лодку и быстро пронеслись мимо первыхъ крупныхъ каменьевъ, но тутъ рѣка сильно сдавлена въ узкихъ берегахъ, теченіе стремительное. Впереди три-четыре крупные валуна, черезъ которые бѣшено несется масса пѣнящейся воды. Лодка почти стала

Библиотека "Руниверс"

подъ напоромъ струи воды, бьющей среди двухъ камней. Нѣсколько усилій—вотъ вотъ.... Вдругъ—кракъ! и мы сѣли на большомъ валунѣ; лодка совсѣмъ на боку, и ее начинаетъ понемногу поворачивать. Поднимается обычная суматоха. Кормчій кричитъ что-то, всѣ бросаются, чтобы что-то сдѣлать. Одинъ Ларивонъ не теряется и, однимъ сильнымъ ударомъ весла повернувъ лодку, сводитъ ее съ валуна, и послѣ нѣсколькихъ усилій, мы начинаемъ опять подвигаться впередъ. Ловко лавируя между крупными валунами, то работая весломъ, то давая сильный толчекъ впередъ шестомъ, пользуясь всякимъ прикрытіемъ, чтобъ избѣжать стремительныхъ струй, мѣстами пробивающихся среди двухъ валуновъ, нашъ кормчій ловко велъ лодку вдоль лѣваго берега. Такъ плыли мы, противъ сильнаго теченія, около получаса. Но теченіе все усиливалось; пока мы были еще прикрыты отъ главнаго напора воды довольно значительнымъ мысомъ, еще можно было кое-какъ управляться, хотя мы подвигались весьма медленно. Но вотъ мы огибаемъ мысъ, и рѣка превращается въ стремительнѣйшій бурный потокъ. Съ страшными усиліями подвигаемся мы впередъ, почти исключительно проталкиваясь на шестахъ; въ довершеніе всего приходится черезъ этотъ потокъ перѣхать поперекъ на противоположный берегъ. Мы всѣ протестуемъ. Какъ то страстно хочется переправы, и жутко становится, и сердце замираетъ отъ удовольствія. Ширина потока сажень 15. А уже въ 2—3 саженяхъ отъ берега, съ страшнымъ ревомъ и грохотомъ, бѣшено несется клокочущая масса воды, мѣстами грозно черная, вытянувшись въ толстыя струи потока, мѣстами неистово подпрыгивая вверхъ, перескакивая чрезъ валуны, а частью со свистомъ, взвиваясь вверхъ мимолетнымъ фонтаномъ и разсыпаясь потомъ тысячами брызгъ, пѣнящими кругомъ и безъ того сѣдую поверхность волны. Такъ и скачутъ, такъ и рвутся волны. Брызги, ревъ, грохотъ... Лодку остановили. Настала мертвая тишина. Ларивонъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ. Тѣ молча кивнули головой. Мы согласились ѣхать. Дружно ударили четыре весла. Разъ, два... три... вотъ насъ что-то подхватило, мелькаютъ валуны, пѣна, брызги... мы несемся впередъ, а теченіе съ страшною быстротой уноситъ насъ внизъ. Мы не разъ натыкаемся, соскакиваемъ снова... Вотъ нѣсколько крупныхъ валуновъ... Вода съ ревомъ несетъ насъ на нихъ. Какіе-то два-три удара шестомъ Ларивона, и мы пронеслись мимо. Вотъ мы сильно ударились обо что-то... Да, мы ужь у берега...

Нѣсколько мгновеній мы не могли опомниться. Только маленькій

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ спокойно стоялъ на кормѣ и тихо утиралъ свою вспотѣвшую голову, теперь такъ живописно покрытую косматыми черными волосами.

Это положительно художникъ своего дѣла! Его ястребиный носъ какъ-то еще пригнулся. Маленькіе черные глазки блестятъ наслажденіемъ и гордостью. Въ эту минуту онъ былъ прекрасенъ и великъ.

Когда мы опомнились, дружное ура огласило тихіе берега бурной Нивы. Нашъ энтузіазмъ не зналъ границъ; какъ всегда бываетъ послѣ важныхъ, тяжелыхъ минутъ опасности, наступила реакція, и всѣ старались какъ-нибудь выразить шумную радость, смѣнившую напряженное молчаніе. Всѣ заговорили разомъ. Носильщики, дотолѣ осторожные, безтолково засуетились. Мои альбомы для рисованія полетѣли на болотистый берегъ, всѣ мелочи изъ сумки вывалились въ мелкій кустарникъ, гдѣ ихъ пришлось съ четверть часа отыскивать.

Слѣдовавшая за нами лодка была далеко не такъ счастлива, и это, конечно, зависѣло отъ сравнительной неловкости кормчаго. Первую половину ширины рѣки они проѣхали также удачно, какъ и мы. Гребцы гребли изо всѣхъ силъ; лодка быстро неслась по діагонали, сильно увлекаемая теченіемъ. Но вотъ у одного изъ гребцовъ сорвалось весло вслѣдствіе усиленной и ускоренной гребли; онъ опрокинулся назадъ и произвелъ замѣшательство; лодка закачалась. Прошло нѣсколько мгновеній всеобщаго смущенія и бездѣйствія; лодку между тѣмъ нанесло на большіе валуны. Сильно качнулась она; всѣ попадали; новымъ напоромъ волны лодку сильно накренило черезъ валуны, и вода широкою струей полилась черезъ бортъ внутрь лодки. Тамъ была большая часть багажа и нашъ зуекъ, да еще три человѣка. Мы были нѣмыми зрителями ужасной картины; стоя на берегу, мы вторично переживали всѣ перепетіи угрожавшей намъ катастрофы. Но вотъ одинъ изъ Лопарей догадался помочь дѣйствію воды, вмѣсто того, чтобъ ей противодѣйствовать. Сильно наперевъ въ камни со стороны удара волны, они перевалили лодку черезъ камни, и она бѣшено понеслась дальше внизъ. Между тѣмъ весла заработали снова, и хотя саженъ на 30 ниже насъ, но они все-таки благополучно пристали къ берегу.

„Ну, Богъ помиловалъ! Укоризненно качая имъ на встрѣчу головой“, говорилъ Ларивонъ.

„Въ самой печкѣ проклятой чуть было не застряли. Только кабы не Гаврило, плохо бы было“.

Библиотека "Руниверс"

„Противъ Ларивона у насъ мало кто найдется выстоять", признавались Лопари.

„Вотъ только одинъ Онисимъ!"

„Да", говорилъ Ларивонъ,—„не даромъ мы съ нимъ въ лѣто разъ шесть-семь по Нивѣ въ Кандалакшу спускаемся! Вотъ это, да еще два-три такихъ проклятыхъ мѣста вынщется, не больше. Есть гдѣ на веревкѣ лодку проводимъ, а сами по берегу идемъ. А въ одномъ мѣстѣ свой карбасъ по берегу волокомъ волокемъ. Слава, пресвятой Христородицѣ! Берегла до сихъ поръ, матушка!"

Онисимъ все время молчалъ, не желая принимать участія въ объясненіяхъ, но въ то же время самодовольно улыбался, какъ бы не желая потерять должнаго величія.

„Онъ у насъ не смотри что корявый! Такого стрѣлка поискать надо! Олеия въ глазъ бьетъ на шестьдесятъ сажень! Щепку тонкую ему поставить, тоже на шестьдесятъ сажень собьетъ".

Переговариваясь такимъ образомъ, мы окончательно выгрузили свою кладь изъ карбасовъ и шли снова цугомъ по тропинкѣ, каждый со своею ношей. Это былъ большой переходъ, въ 7 верстъ. Мѣстность сначала нѣсколько волнистая потомъ становится совершенно ровна, и по ней проложены хорошіе мостки. Мѣстами только, особенно подъ конецъ, гдѣ не успѣли еще ихъ починить, сохранились лишь однѣ поперечныя балки и перекладины. Гнилыя, обратившіяся въ какую-то труху, доски валяются тутъ же по бокамъ, мѣшая только путнику. Приходится или поминутно всходить на доски и снова сходить съ нихъ, или шагать чрезъ балки, или лавировать во всѣ стороны, увязая при этомъ въ нѣсколько тонкомъ грунтѣ. Здѣсь дорога идетъ все время крупнымъ лѣсомъ. Высокія сосны, съ своими красноватыми голыми стволами, перемѣшаны съ яркозелеными елями, покрытыми сѣдыми мохнатыми лишайниками, свисающими съ вѣтвей. Они придаютъ этимъ деревьямъ какой-то унылый, старческій характеръ. Здѣсь уже начали намъ попадаться въ значительномъ количествѣ леммингн или, по мѣстному названію, пеструшки (Myodes torquatus). Прехорошенькіе звѣрьки, изъ породы полёвокъ. По формѣ они сильно напоминаютъ морскую свинку въ миніатюрѣ. Краснобураго цвѣта, съ широкою, совершенно черною полосой на шеѣ и очень короткимъ хвостомъ, они очень рѣзко отличаются отъ мышей еще и тѣмъ, что мордочки ихъ совершенно притуплены, что придаетъ круглую форму ихъ головѣ. Два большіе рѣзца на верхней челюсти видны изъ-подъ разрѣзныхъ губъ даже при закрытомъ ртѣ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ весьма продолжительнаго перехода по мосткамъ, приходится подниматься на покрытую густымъ, прекраснымъ лѣсомъ вараку, которая замѣчательна своею крутизной и живописностью. Масса громадныхъ дикихъ валуновъ угловатой формы разбросана по ея поверхности. На многихъ изъ нихъ растутъ высокія ели и сосны, которыя составляютъ, вѣроятно, уже не первую сотню поколѣній. Не смотря на сильную каменистость дороги, она здѣсь прекрасна. Это объясняется тѣмъ, что тропинка поднимается на поддонную морену глетчера, въ которой не разсортированъ матеріалъ, и потому при плотномъ грунтѣ поверхность тропинки песчаная.

Еще крутой подъемъ, поворотъ на лѣво, спускъ, поворотъ на право, и передъ вашими глазами открывается чудная картина Громадная водная поверхность въ 90 верстъ длиной и 30 шириной, при началѣ сжата въ узкихъ и высокихъ берегахъ. Было 5 часовъ утра, и солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ.

„Это Зашеекъ", скромно сказалъ Ларивонъ.

„Господа," мы на Имандрѣ!"

И всѣ стали устраивать бивуакъ.

II.

На Имандрѣ.

Озеро Имандра лежитъ на высотѣ 110 метровъ надъ уровнемъ океана [1]). Поэтому понятно, что всѣ накопляющіяся здѣсь воды должны быстро сливаться по большому уклону въ Кандалакшскій заливъ. Мы уже успѣли познакомиться съ рѣкой Нивой, которая служитъ главнымъ стокомъ этого громаднаго озера. Мы знаемъ, что это непрерывный, горный потокъ, несущій свои воды на протяженіи 33 верстъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 5 верстъ приходится вычесть на первый плесъ, и 4 на второй. Слѣдовательно, на протяженіи 9 верстъ эта рѣка протекаетъ сквозь озеро, и мы можемъ принять ея поверхность за горизонтальную. Остальныя 24 версты рѣка имѣетъ паденіе въ 110 метровъ или 360 футъ. Если вывести отсюда отношеніе длины рѣки къ высотѣ ея паденія, получимъ 10,000′ къ 43′. При

[1]) 1 метръ=3,28′=1,4 аршина; слѣдовательно, 110=360,8′.

Библиотека "Руниверс"

такомъ сильномъ уклонѣ, понятно, рѣка Нива быстро уноситъ свои воды отъ истока къ морю. Отсюда происходитъ и ея сила, и быстрота. Для того, чтобъ имѣть совершенно ясное представленіе о ея быстротѣ, сравнимъ ее съ общеизвѣстною рѣкой Невой. При длинѣ въ 67 верстъ и ширинѣ до 300 саж. она имѣетъ паденіе въ 50′. Что даетъ отношеніе на 234,500′—50′, или на каждые 10,000′—2,132′. Такъ какъ мы вывели отношеніе паденія рѣки къ той, же самой длинѣ въ 10,000′, то сравнивъ эти двѣ величины для рѣкъ Невы, и Нивы, получимъ соотношеніе чиселъ 2,132′ къ 43′, что составитъ приблизительно 21,1; то-есть, теченіе рѣки Нивы въ 21 разъ быстрѣе теченія Невы. Понятно, что сообразно съ такою быстротой рѣки и самое озеро Имандра быстро опоражнивается отъ весеннихъ водъ и затѣмъ все время стоитъ на одномъ уровнѣ, а рѣка сильно углубляетъ свое русло и размываетъ берега.

Озеро Имандра простирается съ сѣвера на югъ въ длину до 90 верстъ. Оно лежитъ въ очень глубокой и узкой котловинѣ, выточенной глетчернымъ льдомъ; ледникъ этотъ долженъ былъ идти съ юга на сѣверъ, на что имѣются геологическія доказательства, но ихъ не мѣсто приводить здѣсь. Озеро вытянулось въ почти прямую линію, что опять указываетъ на ледниковое происхожденіе ложа. Только на южномъ своемъ концѣ оно образуетъ крутой заворотъ на западъ, носящій названіе Бабинской Имандры, соединяющейся съ Іокостровскою, которая составляетъ самый южный конецъ озера. Ширина озера весьма непостоянна; средняя величина можетъ быть принята за 10 верстъ; но она варьируетъ отъ 7,8 до 30 верстъ, если считать, напримѣръ, Мончу-губу и Витти-губу. Это громадный водный бассейнъ, принимающій въ себя нѣсколько большихъ рѣкъ, какъ напримѣръ, истоки цѣлаго ряда Челмозеръ и Пиренгозеръ, съ запада, рѣку Печу, изъ Умбозера, съ востока, и еще съ запада въ Мончу-губу впадаютъ воды изъ цѣлаго ряда озеръ. Кромѣ рѣки Нивы, существуетъ еще только одинъ потокъ, именно озеро высылаетъ большую рѣку „Большую“, съ юго-востока; она впадаетъ первоначально въ озеро Кольвицкое, а затѣмъ въ Кандалакшскую губу. Не смотря на это громадное количество доставляемой въ озеро воды, оно все-таки остается мелкимъ. Именно, средняя глубина его колеблется отъ 2 до 3 саженъ, и дно притомъ всегда каменистое, устланное толстымъ слоемъ валуновъ. Мѣстами, конечно, случается находить и большую глубину, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ самому берегу подходятъ высокія горы. Такъ именно у Хибинныхъ горъ,

Библиотека "Руниверс"

она достигаетъ 25 саженъ, что впрочемъ составляетъ уже максимумъ глубины.

Чудную картину представляетъ это озеро, какъ въ ясную, такъ и въ бурную погоду. Сжатое въ узкой долинѣ громадными, высокими горами, покрытыми до извѣстной высоты сперва лиственнымъ, а затѣмъ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ, при скалистыхъ берегахъ, громадномъ количествѣ острововъ, совершенно чистой, прозрачной водѣ, оно вполнѣ имѣетъ характеръ горнаго озера.

Когда мы проснулись, въ день прихода изъ Кандалакши, послѣ недолгаго, но весьма глубокаго сна, какое-то странное чувство владѣло всѣмъ нашимъ организмомъ. Но дѣло было непонятно только до первой нашей попытки встать. Пройдя наканунѣ 24 версты пѣшкомъ, съ значительною ношей, до полутора пудовъ вѣсомъ, на спинѣ, мы неминуемо должны были быть совершенно разбиты. И дѣйствительно, первое, что я почувствовалъ, едва поднявшись съ земли, — была страшная ломота въ лопаткахъ, на которыхъ держалась моя сумка, укрѣпленная въ видѣ ранца. Чувство общей разбитости и какая-то одеревенѣлость ногъ не позволяли безнаказанно сдѣлать нѣсколько шаговъ. Мускулы ногъ горѣли, точно послѣ горчичниковъ, и съ каждымъ движеніемъ соединялась такая боль, что по неволѣ приходилось лежать на мѣстѣ. Чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ озеру, приходилось терпѣть муки, и невольно брался я руками за мускулы бедра и, сильно сжимая ихъ, утишалъ боль и такимъ способомъ могъ переступать. Въ качествѣ безногаго расположился я на берегу и разбиралъ свой гербарій, а затѣмъ пытался набросать карандашомъ прелестную перспективу Хибиныхъ горъ, которыя рисовались далеко на горизонтѣ, верстъ за 50 отъ Зашейка. Но, увы, только что взялся я за карандашъ, какъ надъ головой моею раздалось трубное пѣніе, и цѣлый рой комаровъ загудѣлъ въ воздухѣ. Тутъ позналъ я впервые истыя муки, причиняемыя комарами. Все лице, уши, шея и руки были немедленно покрыты цѣлымъ сѣрымъ слоемъ комаровъ, которые, плотоядно напѣвая свою пѣсню, ползали по тѣлу и поминутно жалили одно мѣсто за другимъ. Руки были одѣты какъ бы въ сѣрыя перчатки. Глаза приходилось закрывать. Особенно нападали они на заушье и вѣки. Къ нимъ присоединились вскорѣ и мошки. Лопари говорили, что „эта мошка тѣсныя мѣста больно любитъ“. И дѣйствительно, въ то время, какъ комары кусали руки и лицо, мошки заползали за очки и разъѣдали вкровь вѣки, забирались за уши, и вскорѣ тамъ показывалась кровь и тонкими

Библиотека "Руниверс"

полосками струилась по тѣлу. Понятно, при такихъ условіяхъ рисованіе шло плохо. Карандашъ только что коснется бумаги, какъ въ то же мгновеніе вы чувствуете два-три укола. Вотъ нѣсколько мошекъ суетливо бѣгаютъ по вѣкамъ, щекотатъ и раздражаютъ немилосердно. Вооружившись терпѣніемъ, хочешь пренебречь такою мелочью, тогда двѣ изъ нихъ, взбѣгаютъ на глазное яблоко,—вы мигаете и вмѣсто рисованья должны заняться удаленіемъ этого посторонняго тѣла. Однимъ словомъ, вскорѣ борьба становится не по силамъ, и волей-неволей раскладываешь костеръ, на который сверху бросается кусокъ сырого дерна, для полученія ѣдкаго дыма. Лопари обыкновенно кладутъ въ огонь кусты вороницы, гажьей ягоды и побѣги изящнаго ползучаго растенія Linnea borealis. Вскорѣ густой бѣловато-сѣрый дымъ клубами валитъ изъ костра, и отъ него комары и мошки дѣйствительно нѣсколько отлетаютъ въ сторону. Но за то ѣдкій дымъ начинаетъ разъѣдать глаза, щиплетъ горло, спазмодическій кашель начинаетъ душить спасающагося отъ комаровъ, и невольно отодвигаешься снова отъ костра и опять попадаешь въ область комаровъ и мошекъ.

Разложено три костра, въ видѣ треугольника. Въ промежуткѣ между ними помѣстились мы. Компанія состоитъ изъ насъ — двухъ путешественниковъ, трехъ Лопарей и нашего зуйка—Ильи. Лопари—наши старые знакомые—Ларивонъ, Онисимъ и Миронъ глухой. Этотъ послѣдній, большею частью, все молчитъ и улыбается.

„Былъ въ нашихъ мѣстахъ Англичанъ одинъ", разказываетъ Ларивонъ.—„Ноги у него все больно болѣли. Такъ для себя, нарочно, нанялъ онъ восемь человѣкъ, чтобъ они его изъ самой Кандалакши на креслѣ несли. Самъ здоровый такой, сильный. Все въ книжку записываетъ. Ну, несли его. Медвѣдь-то нашъ тоже несъ. Только на первомъ двѣнадцативерстномъ переходѣ, хоть и частенько присаживались, а поустали порядочно-таки. На одномъ мѣстѣ споткнулись они, да чуть не вывалили его. Сердился онъ очень на Мирона".

Замѣчу, что у этого глухого Мирона, совершенно своеобразная физіономія. У него сильно выраженъ монгольскій типъ, или вѣрнѣе, калмыцкій: косо поставленные глаза, сильно выдающіяся впередъ скулы, косматыя, рыжевато-бѣлокурыя волосы, толстый вздернутый носъ и толстыя красныя губы, глаза голубые. Онъ совершенно выдѣляется изъ общаго лопарскаго типа. Большая часть Лопарей длинноносые, даже съ орлиными носами. Глаза поставлены прямо. Скулы нѣсколько широки, но впередъ не выдаются.

Библиотека "Руниверс"

„Англичанъ этотъ три раза его срисовывалъ. Первый разъ здѣсь; потомъ у стоячаго камня, что подъ Сырою Тундрой. Посадилъ его на камень, отъѣхалъ и срисовалъ съ лодки".

Миронъ сидитъ и самодовольно улыбается.

„Все этотъ Англичанъ срисовывалъ. И вежу (избушку лопарскую), и лодки наши, и лѣсъ, и насъ самихъ, и горы... Оленей особенно радъ былъ увидѣть. На продажу вели".

„Неужели дикихъ?"

„Нѣтъ, баринъ, дикихъ не поведешь. Едва къ нему, косматому, подберешься съ нашею винтовкой, да и пулю въ бокъ. Вотъ тебѣ и конецъ".

„А покажите-ка свои винтовки!"

Онисимъ и Ларивонъ отправились и принесли каждый свою. Вотъ, что мы увидали. Очень толстый и длинный стволъ, вѣсомъ отъ 17 до 22—23 фунтовъ, имѣетъ толщину стѣнокъ несоразмѣрно великую. Собственно средній каналъ такой толщины, что пулей служитъ обыкновенная волчья картечь. А наружный діаметръ 35 миллиметровъ или одинъ англ. дюймъ съ четвертью. Слѣдовательно, толщина стѣнокъ дула равняется 14 или 15 миллиметрамъ. Понятно, отъ этого и зависитъ страшная тяжесть ружья, но также и вѣрность боя, и отсутствіе отдачи. Дуло никогда при выстрѣлѣ не кладется на руку, а ставится или на рогатку, или кладется на сучекъ, камень и т. п. Ложе ружья идетъ не внизъ, а вверхъ, и потому не упирается въ плечо, а кладется на плечо; для большей стойкости и вѣрности боя Лопарь еще притискиваетъ стволъ рукой. Ружья кремневыя съ полочкой. Тамъ, гдѣ находится замокъ, съ правой стороны, придѣланъ къ ложу кусокъ оленьей шкуры, мѣхомъ кверху, для защиты отъ сырости. Подъ мѣховымъ покрываломъ кладется еще промасленная бумага или тряпка. Лопари очень заботятся о своихъ ружьяхъ. Медленно, тщательно отвернетъ Лопарь шкурку, протретъ полочку, замокъ и все дуло масляною тряпкой; прочиститъ стволъ внутри желѣзнымъ шомполомъ, продуетъ, смахнетъ соринку и также истово, рачительно и крайне медленно начинаетъ заряжать. Пороху кладетъ Лопарь съ полъ-наперстка, потомъ для большей силы боя, прикалачиваетъ его крѣпко на крѣпко и съ тряпицей загоняетъ пулю-картечку.

„А ну-ка, ну-ка, Онисимъ, ты вѣдь стрѣлокъ знаменитый! Попади въ цѣль на 60 сажень!"

Торжественно и гордо поднялся Ларивонъ. Онъ не хотѣлъ усту-

Библиотека "Руниверс"

пать Онисиму. Долго, медленно цѣлилъ онъ въ укрѣпленную среди валуновъ на водѣ щепку; выстрѣлилъ, и пуля щелкнула по камню, у самой щепки. Сконфуженный неудачей, онъ тотчасъ удалился.

Выступилъ Онисимъ. Улегшись животомъ на землю, укрѣпивъ ружье среди камней, долго наводилъ онъ, выщѣливалъ, и когда выстрѣлилъ, щепка сдѣлала скачекъ къ верху и упала въ воду. Съ самодовольною улыбкой поднялся онъ съ земли и задумчиво поникъ потомъ своею курчавою головой.

Я между тѣмъ налилъ ему стаканъ коньяку. Какой эффектъ произвелъ этотъ стаканъ! Лицо полное мысли, крайне выразительное, хотя и некрасивое, вдругъ измѣнилось... Глаза сразу какъ-то засвѣтились, разгорѣлись. Страсть вспыхнула въ нихъ. Медленно, понемногу, сталъ онъ пить незнакомое ему вино, смакуя каждую порцію въ нѣсколько капель. Затѣмъ мы вернулись къ костру, и разговоръ зашелъ конечно вообще о стрѣльбѣ и объ охотѣ.

„Вотъ вамъ интересно вѣдь! Тутъ у насъ бобры есть!"

„Какъ, бобры!" удивились мы...

Извѣстно, что въ древнее время, въ Россіи жили бобры; при Владимірѣ Мономахѣ, Ярославѣ жили бобры даже въ Днѣпрѣ. Сѣвернѣе, какъ извѣстно, новгородскіе ушкуйники торговали мѣхомъ и подать платили бобрами. Но въ позднѣйшее время о нихъ упоминается рѣдко; по видимому, послѣ Ермака бобры стали вывозиться изъ Сибири.

„Да, тутъ, вотъ, недалеко есть озеро. Бабинская Имандра прозывается", разказывалъ Григорій кривой, присоединившійся къ нашей группѣ.

„Въ одномъ узкомъ рукавѣ и въ рѣкахъ, повыше, есть мѣста, гдѣ мы, вотъ, съ Потапомъ, еще года два тому, не больше, видѣли жилища ихъ; горками такими, шапками поднимаются изъ воды. А лѣтъ пять назадъ, такъ мы ихъ много еще били и шкуры продавали. На Гольцовомъ ручьѣ, еще подъ Хибинами Тундрами, тоже лѣтъ пять тому назадъ, бобры жили. А на Колѣ рѣкѣ, такъ и до сихъ поръ еще одинъ живетъ. Вотъ ужь за прошлое лѣто его два раза видѣли [1]). Тамъ подъ Колой верстахъ въ семи, живетъ Нѣмецъ, колонистъ Матвѣй, такъ вотъ онъ первый увидалъ и убить хотѣлъ, да исправникъ

[1]) Это фактъ. Кольскій исправникъ ѣздилъ, въ 1880 году, на лодкѣ къ колонисту, открывшему бобра, и видѣлъ его.

Библиотека "Руниверс"

сказалъ ему, что штрафъ большой возьметъ, такъ до сихъ поръ цѣлъ боберъ".

„Ну, а настоящіе дикіе олени есть у васъ? Говорятъ, вы вмѣсто дикихъ, все домашнихъ бьете?"

„Ну, баринъ, это и видно, что дикаря-то вы и не видали. Его не спутаешь! Теперь, возьмемъ, напримѣръ, хоть ручнаго домашняго оленя. Ростомъ онъ маленькій; бѣжитъ ли, такъ ли стоитъ,—шея и голова у него опущены; у дикаря всегда шея и голова гордо кверху закинуты. Въ лѣсу ли онъ стоитъ, сторожитъ, шея кверху вытянута, голову закинетъ, прислушивается, либо озирается. Рога у дикаря гораздо больше, чѣмъ у домашняго. Лопатка на рогахъ широкая, пальцы крючками загнетъ. Онъ ихъ копытами колотитъ, куетъ, и такую форму выкуетъ, какую захочетъ".

„А что вы знаете про маленькихъ?"

„Да, почитай, что ничего не знаемъ. Вѣдь теперь дикаря то въ кои вѣки увидишь. А маленькихъ совсѣмъ не видимъ. Маленькихъ, годовалыхъ, либо двухъ-годовалыхъ мы пыжиками зовемъ. Махонькіе они, махонькіе родятся. Насосутся какъ вдоволь, такъ и начинаютъ за маткой бѣгать. Иной съ ягненочка самаго молоденькаго, а такъ прытко скачетъ. Вѣдь у насъ и домашніе, на лѣто, на свободу выпускаются, такъ вотъ и приходится видѣть. Пока матка ихъ водитъ, отваживаетъ, зовутъ ее важенкой. Она ростомъ куда меньше самца. У пыжика рога сперва простыми бугорками торчатъ. Потомъ какъ длиннымъ клинышкомъ выростутъ, такъ сброситъ ихъ пыжикъ, а на новый годъ ужъ у него вилочкой рожки торчатъ. Каждый годъ онъ ихъ теряетъ, и каждый годъ они все больше и вѣтвистѣе ростутъ. Когда далеко ходить приходится, такъ мы свою винтовку оленю на верхнія вилки рогъ кладемъ, и бережно ее онъ несетъ. Если случится, что тропинка слишкомъ узка станетъ, такъ онъ, чтобы ружье не задѣвало за деревья, голову въ сторону поворотитъ, такъ что ружье не поперекъ, а вдоль тропинки приходится"...

Костеръ между тѣмъ догорѣлъ, но ѣдкій чадъ все еще расходился отъ него по землѣ во всѣ стороны. Комары временно оставили насъ въ покоѣ. Около меня лежалъ альбомъ съ жалкимъ наброскомъ Хибинныхъ горъ, который могъ служить доказательствомъ только того, до какой степени могутъ комары мѣшать занятому человѣку и измучить его. Я попросилъ одного изъ собесѣдниковъ посидѣть спокойно и черезъ десять минутъ показалъ Лопарямъ готовый портретъ. Хотя это былъ только набросокъ, но сходство мнѣ удалось схватить, такъ

Библиотека "Руниверс"

что не только всѣ присутствующіе Лопари одобрили его, но и впослѣдствіи въ Колѣ, за 200 верстъ, мнѣ приходилось слышать, показывая, мой альбомъ восклицанія: да это Онисимъ!..

За первымъ послѣдовала очередь втораго, Потапа, и притомъ я изобразилъ его въ двухъ видахъ. Лопари, очевидно, очень довольны, когда съ нихъ срисовываютъ; позируютъ они съ удовольствіемъ. Замѣчательно, что стоя вообще невысоко по своему развитію въ ряду европейскихъ племенъ, они имѣютъ замѣчательно развитый художественный вкусъ и способность разбирать рисунки и чертежи. Мнѣ приходилось нерѣдко удивляться неумѣлости русскаго народа понять и видѣть самый ясный оттушеванный рисунокъ. Лопари же по нѣсколькимъ штрихамъ эскиза узнаютъ рисунокъ горы и, замѣтивъ оттѣнки намѣченныхъ долинъ, логовъ, называютъ ихъ по именамъ. Это вовсе не такъ просто и неинтересно, какъ кажется съ перваго взгляда. По моему, это имѣетъ глубокій смыслъ, важное антропологическое значеніе. Это указываетъ на извѣстное развитіе, на врожденную способность къ образнымъ представленіямъ, къ ясному мышленію, къ сопоставленію. Умѣя представить, вспомнить и послѣдовательно прослѣдить по чертежу всѣ детали мѣстности, Лопарь, очевидно, при этомъ ясно видитъ предъ собою знакомую картину; и вотъ эта-то способность отъ линій плана и даже карты переносится къ отвлеченному, умственному представленію, сохранившемуся въ памяти, ясно указываетъ на существованіе у него высшаго ряда способностей. И я убѣжденъ, что Лопарю легко далась бы геометрія, а за нею и механика. Я зналъ университетскихъ товарищей, которые, связно передавая описаніе вещи, не могли ясно представить ее сами себѣ въ умѣ; описаніе заучивалось на память, а силы представленія у нихъ не было. И всякій, конечно, можетъ это провѣрить на самомъ себѣ. Когда человѣкъ доходитъ до совершенно яснаго пониманія предмета, тогда у него возникаетъ объ этомъ предметѣ образное представленіе, тогда оно становится картиннымъ. Такъ Тиндаль говоритъ, что только у того дѣйствительно развиты математическія способности, кто не только понимаетъ логическую связь формулъ, но и инстинктивно чувствуетъ ихъ, для кого одна формула, являясь въ видѣ образнаго представленія, воплощенія математической идеи, составляетъ роковую необходимость при извѣстныхъ условіяхъ, которыя уже сами собою чувствуются. Достигнуть такого картиннаго представленія составляетъ идеалъ пониманія въ каждой отрасли обширнаго круга

Библиотека "Руниверс"

наукъ. Самъ Тиндаль, стремясь къ этому идеалу, достигъ совершенства. Его объясненія и описанія до того образны, до такой степени осязательны, что, читая его, невольно увлекаешься и переносишься въ міръ картинныхъ представленій, имъ вызываемыхъ.

Часть этой высшей способности находимъ мы у Лопарей.

„Смотрите-ка, смотрите на горы! Какъ ихъ позолотило! Какъ снѣгъ блеститъ!“

Прямо передъ нашими глазами, далеко на горизонтѣ, рисовалась зубчатая линія вершинъ Хибинныхъ горъ. Онѣ отстояли отъ насъ на 50 верстъ. Воздухъ былъ такъ чистъ, что, не смотря на громадное разстояніе, виднѣлись, темною, черною полосой обрисовывавшіеся на самой водѣ сосновые лѣса, надъ ними скалистыя горы, съ рѣзко-очерченными долинами, хребтами, а на верху и по склонамъ блестѣлъ на солнцѣ розоватый снѣгъ.

„Тамъ снѣгу еще вдоволь. Вѣдь въ маѣ мѣсяцѣ на всемъ озерѣ Имандрѣ ледъ стоитъ; въ половинѣ іюня начинаетъ сходить,— тогда воды-то много! Вотъ за двѣ недѣли еще ледъ былъ, а сегодня, вѣдь, 15-е іюля. Ну, а теперь съ каждымъ днемъ все меньше, да меньше“.

Поэтому-то іюнь и іюль мѣсяцы тутъ самые богатые водой. Снѣга таютъ очень быстро, потому что на горахъ днемъ бываетъ 22—23° Цельсія; камни сильно накаляются; зной сообщается застоявшемуся воздуху въ лощинахъ, гдѣ преимущественно залегаетъ снѣгъ. Шумѣо бѣгутъ ручьи, набухаютъ торфяники на крутыхъ склонахъ горъ. Потомъ разрываются и цѣлые потоки грязной, мутной или ржавой воды, несутся по ложбинамъ, оттуда въ рѣки и озера, и попадаютъ въ Имандру, изъ которой бѣшеная Нива въ 3—4 часа доставитъ ихъ въ Бѣлое море.

„Отдохнули, кажется, достаточно. Не съѣздить ли куда-нибудь въ ближайшія окрестности. Сдѣлаемте маленькую экскурсію?“

„Поздно, вѣдь ужь вечеръ“.

„Хоть близко, куда-нибудь. Я на ночь уѣду!“

„А что, друзья мои, есть у васъ по близости здѣсь тундры, чтобы вершины скалистыя были голыя, безлѣсныя“.

„Есть, какъ же! Тутъ въ семи верстахъ Сырая Тундра. Вся она кругомъ покрыта крупнымъ лѣсомъ, а вершина голая. Тамъ и медвѣди есть, и орды водятся. На верхушкѣ горы прудовъ небольшой и болото. Оттого-то и зовутъ ее Сырою Тундрой“.

„Поѣдемте же, кто согласенъ? Миронъ, Григорій?“

Библиотека "Руниверс"

„Что жь? Мы согласны!“

И Миронъ Глухой и Григорій Кривой пошли готовить карбасъ къ поѣздкѣ.

Черезъ полчаса, ровно въ 9 часовъ вечера, мы выѣхали. Было еще совершенно свѣтло, такъ что по дорогѣ забывалось, что надвигается уже ночь, и казалось еще далеко-далеко до полночи.

Путь представлялъ мало интереснаго. Каменистые наволоки, вытянутые узкими грядами вдоль озера, параллельно общей береговой линіи; низкіе, длинные мысы, поросшіе ельникомъ, высокимъ и чахлымъ, вотъ общее впечатлѣніе, производимое монотонными берегами. Изрѣдка попадались кулики-перевозчики, перелетавшіе съ камня на камень, съ однообразнымъ писклявымъ троекратнымъ покрикиваніемъ. Вдали поднялись гагары и полетѣли... Тихо все и мертво кругомъ. Озеро совершенно спокойно, поверхность гладка какъ зеркало. Черными острыми линіями бѣжитъ въ немъ отраженіе проплываемаго нами берега. Тихо кругомъ и спокойно на душѣ и на сердцѣ. Полно, такъ ли мы далеко отъ родины, отъ своихъ близкихъ?

„А пули съ собою взялъ?“ спрашиваетъ вдругъ Григорій.

„Взялъ. А что такое?“

„Да, видишь ли, баринъ. Оно, можетъ, и ничего не будетъ, а сказывалъ только Потапъ, что пришлось ему быть на Сырой Тундрѣ, и видѣлъ онъ большущаго медвѣдя. Такъ, можетъ случится, если встрѣтится, чтобы не оплошать“.

„Не бойся, Григорій. Вѣдь у меня ружье Ѳедора Дмитрича. Стрѣлять умѣю. Да и слухъ у меня великолѣпный. Особенно въ лѣсу, шорохъ всякій, такъ до тонкости въ ухо самъ бѣжитъ“.

„Ну, смотри, баринъ!“

„Вотъ и пріѣхали“.

Каменистый берегъ весь устланъ громадными валунами, сначала въ полосѣ прибоя совершенно голыми, наваленными другъ на друга, безъ прослойки песку и гравія. Дальше тянется моховой покровъ. Но вотъ черезъ три-четыре сажени отъ берега, сразу начинается крутой подъемъ въ гору. Боже, что это за подъемъ. Ни тропинки, ни слѣда человѣческаго. Сначала идутъ крупные валуны, покрытые сплошнымъ моховымъ покровомъ. Но сперва полоса ихъ на столько незначительна, что вы совершенно незамѣтно переходите на обыкновенный ровный, крутой склонъ, покрытый довольно толстымъ растительнымъ слоемъ. Подъемъ постепенно становится все круче и круче. Поднявшись сажень на 50, вы замѣчаете, что мѣстность становится опять весьма

Библиотека "Руниверс"

неровною. Масса повалепныхъ стволовъ березъ, и сосенъ, которыхъ никто никогда не убираетъ изъ этихъ пустынныхъ областей. Громадные валуны опять грудами навалены другъ на друга. Мѣстами они покрыты тонкимъ дерновымъ слоемъ, зарослями брусники и вероники, но большею частью только толстымъ моховымъ слоемъ, который обманываетъ глазъ и ногу путника на каждомъ шагу. Поверхность мохового покрова довольно ровная, и вы принимаете ее за надежную опору, но въ дѣйствительности валуны такъ неровны, и ихъ раздѣляютъ такія громадные щели и провалы, что вы оступаетесь на каждомъ шагу, и потому путь дѣлается особенно утомительнымъ.

Вотъ поднялся справа, изъ густой чащи крупныхъ деревьевъ, громадный горный орелъ и, плавно замахавъ крыльями, поднялся, расправилъ ихъ и началъ парить, постепенно поднимаясь въ поднебесье.

Вотъ уже три, четыре раза присаживались мы чтобы перевести духъ, но еще все далеко до вершины.

Склонъ Сырой Тундры сильно размытъ водой, потому здѣсь образовалось много логовъ; они глубоки, но теперь уже сильно заросли кустарникомъ и даже крупнымъ, преимущественно еловымъ лѣсомъ. Тутъ гнѣздится множество дичи, и куропатки по нѣсколько штукъ, группами, одна за другою съ шумомъ поднимались изъ кустарника. Я зарядилъ ружье и спустился въ логъ.

Масса намытаго мелкаго лѣсу, сучьевъ и листьевъ слеглась валежникомъ, образовавъ высокія баррикады. Обыкновенно вода ихъ несла до первой значительной группы елей, которая ихъ задерживала, и тутъ они лежали отъ одного половодья до другаго. Поднявъ пару куропатокъ, я подвинулся за ними по логу еще ниже и, нѣсколько увлекшись охотой, бѣгомъ спускался по кучамъ валежника. Такъ набѣжалъ я на большую группу елей, какъ вдругъ за нею раздался сильный шорохъ, и что-то массивное поднялось отъ меня шагахъ въ тридцати и опрометью понеслось прочь, внизъ. Это былъ большой бурый медвѣдь. Съ разбѣгу я не могъ сразу остановиться и почти вплотную набѣжалъ на ели. Изъ-за нихъ я ясно увидалъ громадное косматое чудовище, и скажу правду, сердце невольно ёкнуло. Рука инстинктивно опустилась въ карманъ, и я моментально перемѣнилъ патронъ въ ружьѣ, опустивъ въ него пулю. Но эта предосторожность была уже излишняя, медвѣдь былъ далеко. Конечно, я тотчасъ же сталъ подниматься, совершенно забывъ о куропаткахъ.

Библиотека "Руниверс"

„Экъ тебя! Вижу бѣжитъ сломя голову, а передъ нимъ, ну, совсѣмъ носомъ къ носу медвѣдь!“ такъ встрѣтилъ меня Григорій.

„Мы съ Мирономъ хорошо его разглядѣли. Сперва-то, смотримъ— что это подъ большою елью лежитъ, что-то черное. Ну, съ горы-то подошли краешкомъ поближе, и видимъ медвѣдь. А тутъ и ты-то бѣжишь, да прямо таки на него. А онъ-то какъ испугается, да какъ вскочетъ, да въ припрыжку, вскачь, подъ гору, логомъ лупитъ и не оглядывается; такой трескъ поднялся“.

„Счастье твое, что самъ ты больно горячъ, такой стукъ поднялъ, да такъ скоро на него набѣжалъ, что онъ сряду и испугался“.

„А что много у васъ тутъ медвѣдей“.

„Много. Да мы ужь попривыкли къ нимъ. Этого твоего знакомца давно знаемъ. Давно ужь онъ тутъ живетъ. Большой медвѣдь, старый. Вонъ на Бабинской Имандрѣ, такъ тамъ ихъ два ходитъ. На Хибиныхъ есть“.

Между тѣмъ мы продолжали быстро подвигаться впередъ. Мѣстность стала ровнѣе, лѣсъ видимо мельчалъ, береза преобладала надъ всѣми другими родами деревьевъ. Вотъ кончается подъемъ, и мы выходимъ на ровную поверхность. Но это еще не самая вершина. Прямо передъ нами растилается широкая болотистая долина, покрытая моховымъ слоемъ. Вправо лежитъ небольшое озерко, изъ котораго вытекаетъ ручей, струящійся черезъ все болотцо и впадающій въ одинъ изъ многихъ логовъ. За этою долиной поднимается высокая отвѣсная стѣна, на двѣ-три сажени до перваго уступа и затѣмъ еще сажени на три. Вся она сложена изъ гранулита, массивной плотной породы, въ изобиліи наполненной недѣлимыми граната. Поискавъ нѣсколько правѣе, находимъ подъемную тропинку (конечно, воображаемую). Тутъ мѣстность начинаетъ быстро измѣняться. Растительность почти совершенно исчезаетъ, изрѣдка только разбросаны одиночныя, корявыя березы, не выше двухъ сажень; отдѣльными пятнами лежитъ на камняхъ моховой и лишайниковый покровъ. Валуновъ уже не видно, а вмѣсто нихъ масса мелкаго гравія и особенно остроугольнаго щебня, составленнаго изъ обломковъ того же самаго гранулита. Онъ разбросанъ неправильно, цѣлымъ, почти непрерывнымъ слоемъ. Нигдѣ не видно продольныхъ валовъ или кучъ, напоминающихъ морены. Съ четверть часа приходится идти по такому щебню. Замѣчается, что подъ нимъ поверхность очень ровная, не изрытая ложбинами или логами. Наконецъ, вотъ и самая вершина. Она совершенно голая. Наверху довольно большая площадка, сажень трид-

Библиотека "Руниверс"

цать въ длину и двадцать въ ширину. Всѣ склоны круты, только обращенный на сторону, противоположную озеру, положе другихъ. Первое дѣло, конечно, опредѣлить высоту: оказывается приблизительно 270 метровъ или 885,6 футъ надъ поверхностью озера, или абсолютная высота 380 метровъ.

Не смотря на позднее время и на значительность широты, подъ которою я находился, было еще тепло. Былъ одиннадцатый часъ въ исходѣ, а термометръ Цельсія показывалъ 10°. (Широта Сырой Тундры 67°30', то-есть, она лежитъ на одинъ градусъ сѣвернѣе полярнаго круга). Въ двѣнадцать часовъ ночи термометръ упалъ только до $9{,}4_0$ по Цельсію. Это меня удивило: быть за полярнымъ кругомъ на такой значительной высотѣ (ровно четверть версты надъ озеромъ и около одной трети версты абсолютныхъ), недалеко отъ снѣговыхъ горъ, и имѣть ночью, температуру обычную для этого времени въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д.

Поверхность верхушки горы совершенно гладко обточена; тутъ мы находимъ отличное доказательство того, что дѣятель, производившій это сглаживаніе, обладалъ громадною силой и громаднымъ промежуткомъ времени. А именно: на поверхности верхушки выходятъ нѣсколько жилъ полеваго шпата и кварца, значительно болѣе крѣпкихъ, чѣмъ сама основная порода. А сточены они совершенно вровень, безразлично, что̀ ясно указываетъ, что это стачиваніе нельзя приписать дѣятельности воды. Затѣмъ на поверхности можно ясно замѣтить нѣсколько глубокихъ, параллельныхъ желобовъ: они проточены камнями, вмерзшими въ глетчеръ. Слѣдовательно, мы и здѣсь, на этой громадной высотѣ, находимъ слѣды ледниковаго покрова.

Между тѣмъ поднялся довольно сильный холодный вѣтеръ, дувшій прямо съ Хибиныхъ горъ. Мы разложили костеръ. Что за волшебный видъ представляли эти снѣжныя горы, закутанныя толстымъ слоемъ облаковъ, которые сползали внизъ и бѣлымъ волнистымъ, туманнымъ моремъ ложились на озеро. Кое-гдѣ сквозили, точно щуки, длинные узкіе острова, параллельно вытянувшіеся вдоль озера.

Замѣчательна эта правильность. Каждый островъ имѣетъ длинную форму, два берега его параллельны между собою и съ берегомъ озера. Цѣлый рядъ такихъ тонкихъ, узкихъ острововъ вытянулся вдоль берега; они составляютъ какъ бы одинъ прибрежный каменистый валъ, насыпанный параллельно берегу, для его

Библиотека "Руниверс"

защиты; мѣстами сквозь него прорвалась вода и остались проливы, какъ въ прорванной плотинѣ. Мѣстами точно цѣлые ряды траншей воздвигнуты для защиты берега. Вотъ въ серединѣ озера черный, длинный островъ, заросшій лѣсомъ, это Савъ—островъ, вотъ лѣвѣе, повыше длинный островъ, на которомъ, точно куполъ, поднимается лѣсистая коническая шапка, это Высокій островъ. Нѣсколько правѣе группа мелкихъ острововъ — Ловушкинскіе острова. Всѣ они, точно щуки гонятся за добычей, всѣ смотрятъ въ одну сторону, одинъ островокъ въ хвостъ другому. Но повернемтесь на лѣво, на сѣверо-западъ, и вы увидите продолженіе воднаго бассейна; это заливъ, носящій названіе Бабинской Имандры. Тутъ тоже ряды острововъ, такихъ же вытянутыхъ, такихъ же лѣсистыхъ.

Вдругъ кто-то тихонько дернулъ меня за рукавъ. Это былъ Глухой Миронъ. Онъ осторожно указывалъ мнѣ на край ближайшей скалы, на которомъ красовалась живописная группа. Небольшая краснобурая важенка, то-есть, самка оленя, съ пѣгимъ пыжикомъ, дѣтенышемъ, стояли надъ самымъ обрывомъ. Она собрала свои ноги такъ, что они умѣщались на маленькой площадкѣ, вытянула шею и видимо была на сторожѣ. Пыжикъ жался къ ея брюху.

„Смотри, баринъ, маху не давай!“ съ какою-то странною усмѣшкой сказалъ Григорій, видя какъ я невольно схватился за ружье.

Я приложился, выстрѣлилъ.... Обѣ фигуры моментально скрылись за утесомъ.

„Конечно, мимо далъ. Да развѣ и можно стрѣлять. Вѣдь это Павковскіе олени“.

„Какъ, это домашніе!“ воскликнулъ я съ разочарованіемъ.

„Ну да! Эго Павковъ сюда своихъ оленей пригоняетъ изъ подъ Кандалакши“.

„Что же ты раньше не сказалъ! Я бы и стрѣлять не сталъ“.

„Да развѣ можно туда твоею пулей попасть. Я хоть сейчасъ стану, стрѣляй“.

„Вѣдь туда шаговъ полтораста, не больше“.

„Эхъ, баринъ, Видно, что ты здѣсь вновѣ. Первое дѣло утро, туманъ улегся; воздухъ чистый, пречистый. Второе, ты вѣдь на большой горѣ, а здѣсь воздухъ гораздо чище. Третье дѣло, что съ горы на гору всегда ближе кажетъ, а на низкую гору еще того ближе. Вѣдь на эту горушку отсюда шаговъ триста, а можетъ, четыреста

Библиотека "Руниверс"

будетъ. Вотъ съ берданки бы хватилъ такъ и втрое достать можно. А то выдумалъ тоже съ такой пищалью да на охоту идти!

Я невольно соглашался съ Григоріемъ. Всѣ Лопари знатоки охотничьяго дѣла и всего до него касающагося. Услышавъ первый выстрѣлъ берданки, они по звуку рѣшили, что она „страсть далеко беретъ". Надъ моимъ револьверомъ сперва посмѣялись, а когда я, попрактиковавшись дня три, на Хибиныхъ горахъ, семь пуль изъ десяти вогналъ въ кружокъ, въ двѣ ладони величиной, на разстояніи двадцати пяти шаговъ, тогда они и съ нимъ помирились и разсматривали съ удовольствіемъ и любопытствомъ эту диковинку. „Маленькое ружье„ или „ливальверъ", какъ нѣкоторые изъ нихъ выучились его называть, доставлялъ имъ громадное наслажденіе. Такое же удовольствіе доставлялъ имъ и мой спутникъ своею мѣткою стрѣльбой въ летъ, когда на берегу Имандры, стоя за лопарскою вежой (избушкой), онъ убивалъ случайно налетѣвшую клушу; при крикѣ той налетали новыя, и одну за другою сражали мѣткіе выстрѣлы „на вскидку", какъ говорили Лопари, и одна за другою падали они въ воду, сильно шлепаясь тѣлами о гладь воды, поднимая брызги ея и восторги зрителей. Они готовы бы были цѣлые часы, дни и недѣли проводить въ этой невинной забавѣ.

Этотъ эпизодъ съ важенкой и пыжикомъ очень оживилъ Лопарей, и они тотчасъ же начали не скончаемую серію разказовъ про свои охотничьи похожденія. Они разказывали, какъ ловятъ оленей петлей. Олени обыкновенно бѣгаютъ, все одною уже давно проторенною тропинкой. Оленя выслѣживаютъ легче всего у озера. Тутъ, въ лѣсу, обыкновенно въ густой чащѣ, ставятъ ему западню; а именно— срубаютъ молоденькую сосенку, толщиною въ руку, и кладутъ ее поперекъ тропинки на высотѣ груди оленя такъ, чтобъ онъ могъ принять ее за свалившееся отъ бури деревцо. Понятно, при легкомъ и быстромъ бѣгѣ, олень натыкается на такое препятствіе и тотчасъ же останавливается. Если чутье не откроетъ тутъ ему ничего подозрительнаго, то онъ напираетъ грудью, или обыкновенно отступаетъ и съ разбѣгу беретъ препятствіе, но ни за что не сворачиваетъ съ своей тропинки. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и пользуются. Къ перекладинѣ, преграждающей тропинку, прикрѣпляютъ толстую бичеву, захлестнутую выше петлей такъ, чтобы голова оленя пришлась въ ея середину. Тутъ употребляются различные пріемы: или верхушка сосѣдней березы сгибается силою внизъ, и къ ней прикрѣпляется живой конецъ петли, или онъ закрѣпляется накрѣпко. Въ первомъ

Библиотека "Руниверс"

случаѣ защелкой, сдерживающею силу упругости согнутой березы, служитъ таже самая перекладина. Тогда дѣло просто: олень съ разбѣгу ломаетъ препятствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приводитъ въ дѣйствіе березовую пружину, петля захлестывается, и чѣмъ сильнѣе бьется олень, тѣмъ крѣпче душитъ его мертвая петля.

Часто Лопари ловятъ оленя и западнями—ямами, которыя они нарочно роютъ на его пути; такая яма тщательно задѣлывается и забрасывается хворостомъ. Но этотъ способъ хлопотливѣе, и первый нравится имъ по той сложности комбинацій, по тому остроумію, которое нужно было для его изобрѣтенія.

Отдохнувъ на вершинѣ, у погасающаго уже костра, и еще разъ провѣривъ свои барометрическія и геологическія компасныя измѣренія, мы стали спускаться. Была половина втораго, а между тѣмъ уже совершенно свѣтло, и верхушки Хибиныхъ горъ позолотились уже первыми лучами солнечнаго восхода. Вотъ ярко багровый отблескъ голыхъ скалъ смѣняется нѣжно пурпуровымъ оттѣнкомъ весеннихъ снѣговъ, еще залежавшихся на этихъ сумрачныхъ, изрѣзанныхъ вершинахъ. Какъ-то все выше поднимаются они, по мѣрѣ того, какъ мы опускаемся; вотъ и опушка лѣса; за сумрачными, сѣдыми отъ лишайниковъ, деревьями его скрываются Хибины горы, и мы погружаемся въ сырой полумракъ хвойнаго лѣса, провожающаго насъ до самаго уровня воды. Черезъ часъ мы и дома и мирно отдыхаемъ, точно послѣ прогулки по Крестовскому острову.

Человѣкъ долженъ приспособиться ко всему. Если онъ приспособится то выживетъ, если нѣтъ—пропадетъ. Такъ приходилось и намъ приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстной безкормицѣ. Бросивъ всю свою провизію въ Кандалакшѣ, вслѣдствіе невозможности перевозить и переносить лишніе пять пудовъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ обезпеченія себя въ пищѣ.

Всѣ крупы, консервы и проч. были покинуты; взятъ былъ съ собою черный сушеный хлѣбъ. Мы надѣялись доставать что-либо у Лопарей, но они преимущественно ѣли провяленную, полугнилую рыбу, отъ одного запаха которой насъ тошнило. Поэтому каждый день у насъ бывалъ импровизованный обѣдъ или завтракъ. Какъ рѣдкость, при удачной охотѣ, мы лакомились горными куропатками, тетеревами, конечно вареными, за неимѣніемъ масла. Завтракъ состоялъ часто изъ жареной кумжи, то-есть, крупной мѣстной форели. За нею каждое утро посылали мы Лопарей, которые на лодкахъ спускались

Библиотека "Руниверс"

въ Ниву, до первой „печки", то-есть, стремнины, и укрѣпившись тамъ въ камняхъ, на наживку ловили эту прелестную розовую рыбу.

Кумжа достигаетъ одного аршина длины. Держится она исключительно въ стремнинахъ рѣкъ и въ мелкихъ горныхъ потокахъ, въ самой бѣшеной пѣнѣ. Чудное розовое мясо ея такъ жирно, что Лопари жарятъ ее въ собственномъ жиру. Для этого рыбу протыкаютъ насквозь, вдоль ото рта до хвоста тонкимъ прутомъ; брюхо надрѣзываютъ, потрошатъ, а затѣмъ дѣлаютъ надрѣзы; она жарится на колышкѣ, какъ на вертелѣ, надъ горячею золой догорѣвшаго костра. Ее при этомъ сильно солятъ. Чрезвычайно толстое, сладкое, жирное мясо сильно прожаривается, такъ что снаружи хруститъ, какъ сухарь, и только внутри остается сочнымъ. Какъ мясо свѣжей семги, такъ и кумжи прелестно на первый разъ, и пожалуй на второй; на третій и четвертый оно хорошо, вкусно, но вы находите его приторнымъ. Затѣмъ оно уже вамъ противно, именно потому, что оно слишкомъ сладко и жирно.

При обѣдѣ и завтракѣ неизбѣженъ чай. Но тутъ, необходима особая снаровка при питьѣ его. Комары такъ надоѣдливо лѣзутъ вамъ въ ротъ, глаза и стаканъ съ чаемъ, что вы невольно глотаете комариную настойку. Летая надъ самымъ стаканомъ, они обжигаются паромъ и падаютъ въ чай. Такъ какъ ихъ летаетъ несмѣтное количество, то вся поверхность чая въ стаканѣ сплошь покрыта комарами. Снаровка состоитъ именно въ томъ, чтобы, поднявъ стаканъ къ губамъ, наклонить его прочь отъ себя, дунуть на поверхность, смахнувъ вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ чаю и всѣхъ комаровъ, быстро глотнуть, затѣмъ повторить ту же процедуру и т. д. Иногда вмѣсто чаю удавалось полакомиться какао, которое сохранилось въ сухомъ видѣ, а молоко для него въ консервахъ. Странное впечатлѣніе производило такое лакомство на берегахъ Имандры, тамъ, гдѣ нельзя получить и куска хлѣба, такъ какъ нѣтъ селеній. Нашъ главный запасъ пищи, какъ я сказалъ, состоялъ изъ черныхъ сухарей. Но увы, и эта убогая пища на первыхъ же порахъ испортилась. Сухари были сложены въ два мѣшка по пуду въ каждомъ. Еще при переправѣ черезъ Ниву они подмокли, затѣмъ во вторую нашу ночевку на Зашейкѣ шелъ сильный дождь, отъ котораго мѣшки наши, конечно, были покрыты брезентомъ, но такъ какъ дождь былъ сильный, то изрядныя лужи подтекли снизу, и въ концѣ концовъ мѣшки вымокли. Затѣмъ ихъ просушили, они вымокли вторично и за нашимъ отсутствіемъ пролежали закрытыми на солнцѣ. Вслѣдствіе того всѣ

Библиотека "Руниверс"

сухари насквозь проплесневѣли, и можно было съ полною увѣренностью, разламывая любой сухарь, найдти внутри его большое гнѣздо зеленой, нитчатой, волокнистой плесени.

Зашеекъ, то-есть, южный берегъ Имандры, на которомъ мы провели пять дней, не представляетъ собою въ сущности особенно живописнаго мѣста. Видъ оттуда прекрасенъ; самая же полоса южнаго берега составляетъ сельгу, вытянутую съ востока на западъ. Сельгой называется на сѣверѣ каменистая гряда, длинная и узкая, поросшая обыкновенно лѣсомъ. Мнѣ не приходилось видѣть мѣстности болѣе типичной въ смыслѣ сельгъ, какъ дорога на сѣверъ отъ Повѣнца до Телекина. Особенная типичность ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ всегда длинны, совершенно прямы и строго параллельны однѣ другимъ. Такъ, въ указанной мѣстности приходится ѣхать версты три-четыре по совершенно прямой линіи такъ, что справа и слѣва отъ васъ на разстояніи трехъ-четырехъ сажень стоитъ вода; дорога идетъ по сельгѣ на высотѣ полутора или двухъ сажень. А рядомъ справа и слѣва буквально фотографическіе снимки съ этой сельги. Очень оригинально, характерно, но и однообразно. Откуда эта законность? Гдѣ причина всего этого? Я полагаю, что самъ читатель дастъ отвѣтъ: ледниковое выпахиваніе, телескопическое борозденіе.

Сельга, которая составляетъ берегъ Имандры и вмѣстѣ съ тѣмъ упирается острымъ концомъ въ мѣсто выхода рѣки Нивы изъ озера, поросла лѣсомъ. Она поднимается на высоту до двухъ сажень, при ширинѣ въ пять или шесть и длинѣ во сто. Лѣсъ состоитъ изъ невысокихъ трехъ и четырехсаженныхъ сосенъ и елей. Удаляясь болѣе на востокъ, мы можемъ слѣдить за постепеннымъ увеличеніемъ лѣса; деревья все крупнѣе, мѣстность понижается, попадаются низко-холмистыя лужайки, поросшія тысячелистникомъ, мамурой, костяникой; къ удивленію моему, здѣсь же нашелъ я три великолѣпные экземпляра краснаго клевера. Самый берегъ здѣсь скалистый и составленъ выходами краснаго гранита. Далѣе мѣстность еще понижается и переходитъ въ болото, поросшее пушицей, сабельникомъ и по окраинамъ особенно обильно корнусомъ (Cornus suecica), интереснымъ здѣсь въ томъ отношеніи, что нерѣдко изъ середины цвѣтка его начинаетъ снова расти листо-стебельный побѣгъ. Растительность здѣсь вообще весьма разнообразна, благодаря чему у меня легко составился довольно значительный гербарій.

Въ Ильинъ день я отправился дальше. Мой спутникъ остался на мѣстѣ. Этотъ переѣздъ интересенъ, а потому я остановлюсь на немъ

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько дольше. Отправились мы, конечно, на карбасѣ; я взялъ съ собою зуйка Илью и двухъ Лопарей гребцами. Чудная погода, совершенная тишина и теплый солнечный день обѣщали пріятный переѣздъ. Сложивъ свои пожитки въ средину лодки, на дно, и накрывъ ихъ брезентомъ, я расположился на нихъ, какъ на диванѣ. Чтобы не терять времени, срисовывалъ виды и записывалъ свои наблюденія. Между прочимъ Лопари сообщали мнѣ мѣстныя названія острововъ, мысовъ, заливовъ и рѣчекъ, встрѣчавшихся намъ на пути, по обоимъ берегамъ озера Имандры. Ихъ такая масса, что только одинъ перечень ихъ занимаетъ у меня въ дневникѣ 26 страницъ убористаго письма. Это даетъ понятіе читателю до какой степени изрѣзаны берега этого громаднаго озера, и какая масса острововъ раскинута по его поверхности. А между тѣмъ посмотрите на карту, и вы увидите только однѣ ровныя линіи и только два острова—Сявъ островъ и Высокій, тогда какъ крупныхъ острововъ, здѣсь съ полсотни.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Зашейка, все болѣе выяснялось очертаніе южнаго берега. Далеко назади стояли высокія тундры — Волосная, Желѣзная, Крестовая, сосѣди Кандалакши. Вотъ налѣво обозначается понемногу и знакомая намъ Сырая Тундра, Сары-Уайвичь по лопски. Около нея глубоко врѣзавшаяся въ материкъ Губа-Сары-лухтъ, съ сильно выдающимся Кари-ньяркомъ или Каринымъ наволокомъ. Когда мы были отъ нея въ трехъ или четырехъ верстахъ, то ея очертанія такъ выяснились со всѣми деталями, логами, лѣсами, скалистыми площадками, что мнѣ удалось сдѣлать съ нея весьма удачный снимокъ. Общій видъ ея не представляетъ ничего особеннаго. Онъ совершенно гармонируетъ съ общимъ характеромъ мѣстности. Все на ней сглажено. Вершина закругленная, обточенная, голая; рѣзкихъ и глубокихъ логовъ нѣтъ, тогда какъ сосѣднія Хибины тундры имѣютъ рѣзко зубчатыя вершины.

Мы подвигались медленно, на веслахъ. Вода была замѣчательно чиста, и мѣстами, когда мы проходили близъ наволоковъ, ясно виднѣлось каменистое крупновалунное дно. Было совершенно тихо и рыба играла на солнцѣ, дѣлая безпрестанно круги на водѣ.

„Не ко времени выѣхали“, сумрачно замѣтилъ Лопарь.

„А что? Вѣдь погода хорошая“?

„Хорошая-то, хорошая. А посмотри-ка на рыбу, какъ она играетъ. Развѣ къ хорошей погодѣ она такъ рѣзвится? Да сегодня еще и

Библиотека "Руниверс"

Ильинъ день. Да и тихо что-то. Мертво-тихо! По нашему, такъ быть морянкѣ".

„Еге! Смотри-ка, вотъ и буревѣстники налетѣли".

Это показалось нѣсколько моевныхъ чаекъ и крупныхъ клушъ, которыя стали кружиться въ воздухѣ и кувыркаясь бросались въ воду или только скользили по водѣ, касаясь ея крыльями. Это, дѣйствительно, былъ очень дурной признакъ. И я по опыту знаю, что обитателямъ воздуха — птицамъ и насѣкомымъ, какъ чисто воздушнымъ твореніямъ, слѣдуетъ вполнѣ довѣряться въ ихъ предвѣдѣніи погоды.

Но мы спокойно продолжали свой путь, и пока не было еще ни малѣйшаго вѣтерка. Мы доѣхали такимъ образомъ до Еловаго наволока, узкой скалистой косы, на которой стоитъ маленькая вѣжа. Въ ней едва можно помѣститься вдвоемъ. Поэтому я предоставилъ ее Лопарямъ, а самъ остался на берегу. Вдали показалась черная рябь на поверхности воды. Она быстро пронеслась къ намъ, и скоро внезапный, сильный порывъ вѣтра ударилъ по деревьямъ: это былъ суровый сѣверный вѣтеръ, морянка. Намъ оставалось еще двѣнадцать верстъ; одиннадцать мы уже проѣхали. Между тѣмъ Лопари жаловались на усталость, просили отдыха. Они разложили костеръ въ маленькой вѣжѣ и варили похлебку изъ вяленой, полупротухшей рыбы. Въ виду такой ожидавшейся впереди трапезы, имъ не хотѣлось торопиться, и мнѣ пришлось ждать, тѣмъ болѣе что я сознавалъ необходимость для нихъ отдыха.

Когда мы отчалили отъ островка, то волненіе разыгралось уже не на шутку, и гресть было дѣйствительно трудно. Сразу, справа и слѣва, съ нагорныхъ вершинъ надвинулись черныя тучи, потомъ урывками стали набѣгать разорванные сизоватые клочки облаковъ, которые такъ низко проносились надъ нашими головами, что, казалось, задѣвали ихъ своими свисающими хлопьями. Озеро почернѣло, и мѣстами по немъ забѣгали зайчики. Вѣтеръ отдѣльными порывами набѣгалъ на насъ и съ страшною силой разбивалъ волны о нашъ карбасъ, который поминутно обдавался брызгами и пѣной. Крупныя капли, одна за другою, застучали по водной поверхности и по карбасу. Сперва рѣдко, потомъ все чаще и чаще закапалъ дождь, а тамъ вдругъ, съ новымъ порывомъ вѣтра, сразу ударилъ такой страшный ливень, какого я не запомню въ своей жизни. Кругомъ стемнѣло, какъ ночью. Это былъ страшный ливень, который заслонялъ свѣтъ. Всякій сѣверянинъ знаетъ, что такое морянка; съ нею шутить нельзя. Не про-

Библиотека "Руниверс"

шло и десяти минутъ послѣ первыхъ дождевыхъ капель, какъ разыгралась настоящая буря, съ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ, съ которымъ намъ приходилось къ тому же бороться, такъ какъ онъ дулъ намъ прямо на встрѣчу. Поднялась килевая качка; волны обдавали всю лодку и перехлестывали черезъ носъ, перелетая даже на корму. Съ каждымъ порывомъ вѣтра, со свистомъ и ливнемъ, налетавшимъ на насъ, лодку поворачивало бокомъ, метало со стороны въ сторону, и волны заливали насъ. Не было силъ бороться съ ураганомъ. Я сидѣлъ на кормѣ и весломъ правилъ лодкой. Но она почти вовсе не слушалась руля. Волны били съ такою силой, что, казалось, разсвирѣпѣвшее озеро хотѣло погубить насъ во что бы то ни стало. Ливень былъ такъ силенъ, что набѣгавшіе порывы вѣтра хлестали въ насъ дождевыми каплями, точно свинцовыми дробинками. Поверхность озера полосами рябилась и чернѣла, а самыя капли отскакивали отъ поверхности воды.

Наконецъ, мы всѣ совершенно выбились изъ силъ. Отъ сильнаго напряженія мускулы ломило такъ, что начинало тошнить. Лодка до половины была налита водой. Всѣ мы и не думали скрываться отъ ливня; поэтому, хотя на мнѣ и былъ надѣтъ резиновый макинтошъ, но уже давно холодная струйка воды затекла за воротникъ и теперь вода съ промокшихъ волосъ струилась по спинѣ. Все это, конечно, не придавало особенной бодрости, но за то понуждало къ лихорадочной дѣятельности. Гребцы бросили весла на какія-нибудь пять минутъ, чтобы перевести дыханіе и затѣмъ съ новою энергіей принялись за работу. Еще прошло съ полчаса, и наконецъ мы достигли какой-то каменной гряды, за которою отгораживалась спокойная лагуна. Конечно, мы воспользовались этимъ пристанищемъ и пробыли тамъ около часу. Это былъ Желѣзный наволокъ—высокая, отвѣсная стѣна, сложенная изъ очень крупныхъ валуновъ. Когда волненіе нѣсколько затихло, мы пробрались къ цѣли нашего путешествія—Іокостровской станціи.

Н. Кудрявцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ.

Methodus Cantus Ecclesiastici Graeco-Slavici auctore *Ioanne De Castro* Hispano, quem Pius IX P. M. ob musices ecclesiasticae scripta argenteo numismate donavit. Accedit Enchiridion Canticorum Ejusdem Ecclesiae ab eodem auctore concinnatum. Romae. Ex Typographia Polyglotta S. C. De Propaganda Fide. MDCCCXXXI.

Авторъ книги, заглавіе которой выписано выше, Де-Кастро на основаніи ученыхъ изслѣдованій о происхожденіи и свойствахъ нашего церковнаго пѣнія имѣетъ въ виду дать методическое руководство къ изученію славянскаго церковнаго пѣнія; къ своему руководству онъ присоединилъ сборникъ (Енхиридіонъ) образцовыхъ церковныхъ пѣснопѣній, расположивъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ, этотъ сборникъ онъ назначаетъ для пользованія не только при обученіи въ школахъ, но и въ церквахъ при богослуженіи.

О побужденіяхъ, заставившихъ автора взяться за этотъ трудъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Давно уже было у меня въ намѣреніи подвергнуть старательной разработкѣ древнія мелодіи Греко-Славянской церкви, дошедшія до нашего времени въ устномъ преданіи, и методически возстановить оныя, приведши ихъ въ болѣе чистый видъ, сообразный съ древними образцами: когда будутъ устранены тѣ новизны, которыя появились въ той или другой мѣстности, въ то или другое время, тогда единство и однообразіе церковнаго пѣснопѣнія послужитъ къ выраженію единства догматическаго ученія и вѣры.... Далѣе я почитаю для себя весьма пріятнымъ и благо-

Библиотека "Руниверс"

пріятнымъ то обстоятельство, что этотъ мой трудъ, начатый за много лѣтъ раньше и съ большимъ стараніемъ оконченный, выходитъ наконецъ, въ свѣтъ въ такое время, когда святѣйшій папа Левъ XIII прилагаетъ великое стараніе—освободить Славянскую церковь отъ нечистоты (ad Slavicae Ecclesiae squalorem tergendum!), дабы разсѣянныя чада его собрались во единое стадо, бдительность и власть надъ которымъ свыше поручена блаженному апостолу Петру и его преемникамъ" и проч. („Посвященіе").

Итакъ авторъ, движимый католическою ревностію, желаетъ способствовать собиранію чадъ во единое стадо, чтобы привести ихъ къ Римскому пастырю, и удобнымъ для себя средствомъ къ этой цѣли избираетъ славянское церковное пѣніе. Дѣйствительно, священное пѣснопѣніе есть одно изъ могущественныхъ средствъ къ внушенію и утвержденію догматическаго ученія того или другаго вѣроисповѣданія; средствомъ этимъ издревле пользовались желавшіе распространить свое вѣроученіе и привлечь возможно-большее число послѣдователей. Въ этомъ отношеніи одинъ IV вѣкъ христіанской церкви можетъ представить много примѣровъ того, какъ, съ одной стороны, еретики старались посредствомъ пѣснопѣнія привлечь въ свое общество слабыя души, а съ другой — какъ отцы церкви заботились объ улучшеніи пѣнія въ своихъ церквахъ, чтобы предохранить православно-вѣрующихъ отъ увлеченія искусственнымъ пѣніемъ еретиковъ. Такъ дѣйствовали: св. Ефремъ Сиринъ въ Едесской церкви противъ еретиковъ Вардесана и Гармонія, св. Аѳанасій Великій въ Александрійской церкви противъ мелетіанъ, св. Іоаннъ Златоустъ въ Константинопольской церкви противъ аріанъ и св. Амвросій противъ нихъ же въ церкви Медіоланской. Но чтобы дѣйствовать успѣшно въ томъ или другомъ направленіи, необходимо хорошо знать предметъ, которымъ хотятъ пользоваться какъ средствомъ, требуется умѣнье владѣть избраннымъ пѣснопѣніемъ въ совершенствѣ, а для этого необходимо предварительное и многостороннее его изученіе.

Де-Кастро говоритъ, что для изученія избраннаго имъ предмета онъ пересмотрѣлъ древнія библіотеки, находящіяся въ Римѣ, посѣщалъ монастыри и коллегіи, принадлежащіе къ восточному исповѣданію, изучалъ ихъ нотныя книги, совѣщался съ преподавателями славянскаго церковнаго пѣнія, просматривалъ нотныя книги въ церкви русскаго посольства въ Римѣ и наконецъ слушалъ пѣніе въ греческихъ церквахъ. При посѣщеніи Греко-уніатской коллегіи, профессоръ литургики и церковнаго пѣнія въ этой коллегіи вручилъ автору боль-

Библиотека "Руниверс"

шую нотную книгу, называемую Ирмологій, изданную въ Львовѣ 1816 г. и заключающую въ себѣ пѣніе уніатской церкви (весьма сходное съ пѣніемъ русскихъ нотныхъ церковныхъ книгъ). Внимательно изучивъ пѣніе Львовскаго Ирмологія, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что пѣснопѣнія, въ немъ заключающіяся, представляютъ лучшій и первобытный образецъ греко-славянскихъ мелодій, и хотя они не чужды недостатковъ общихъ греко-славянскому пѣнію, однако заслуживаютъ того, чтобъ ихъ положить за основаніе къ научному изложенію метода, какъ руководства къ обученію и изученію славянскаго-церковнаго пѣнія (Prologus, pag. XVII).

Авторъ не говоритъ подробно, какія именно нотныя русскія книги онъ пересматривалъ въ церкви русскаго посольства: старыя, съ тѣмъ древнимъ пѣніемъ, о которомъ самъ онъ пишетъ изслѣдованіе, или новыя, пѣніе которыхъ никакъ не старше одного столѣтія. О существованіи древняго русскаго пѣнія онъ, конечно, знаетъ, ибо пользовался извѣстнымъ сочиненіемъ о. Д. В. Разумовскаго: „Церковное пѣніе въ Россіи", но внимательнаго изученія, или по крайней мѣрѣ, сличенія древняго пѣнія, заключающагося въ русскихъ церковныхъ книгахъ съ таковымъ же пѣніемъ Львовскаго Ирмологія, не замѣтно въ его изслѣдованіи. Это намѣренное невниманіе къ обширному кругу церковно-славянскаго пѣнія, заключающемуся въ нашихъ нотныхъ книгахъ, не могло остаться, какъ увидимъ, безъ дурныхъ послѣдствій для труда, который мы разсматриваемъ.

Книга назначается ближайшимъ образомъ для школьнаго и церковнаго употребленія Русскимъ въ Галиціи (уніатамъ), но авторъ надѣется и на болѣе широкое распространеніе своего руководства онъ не затрудняется сказать, что всѣ послѣдователи греческаго обряда остались бы въ выигрышѣ, если бы приняли въ руководство обработанный имъ Ирмологій: „meo judicio omnes ritus graeci asseclae lucrarentur adoptando illud (Hirmologion)" (c. 10).

Во вниманіе къ важности предмета, о которомъ трактуетъ авторъ, а съ другой стороны, чтобы на основаніи разбора сдѣлать надлежащую оцѣнку этому труду, которому въ Римѣ придаютъ неподобающее значеніе, онъ заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія [1]).

---

[1]) Тотъ профессоръ литургики и церковнаго пѣнія въ уніатской римской коллегіи, который вручилъ автору нотный Ирмологій Львовскаго изданія, даетъ такой отзывъ о трудѣ автора: «Г. Де-Кастро впервые познакомилъ свѣтъ съ истиннымъ методомъ этого рода пѣнія, ибо отъ самаго начала и до нашихъ дней не

Библиотека "Руниверс"

I.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе краткимъ очеркомъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія отъ временъ св. Владиміра и до временъ царя Алексія Михайловича (гл. I). Отъ иностраннаго изслѣдователя мы и не ожидали ни обстоятельности, ни надлежащей точности въ историческомъ изложеніи предмета; но все же можно было требовать отъ автора болѣе внимательнаго изученія исторіи того пѣнія, которому онъ вознамѣрился обучать другихъ, и которое думаетъ даже исправлять. На дѣлѣ оказывается, что онъ не понимаетъ ни одного сколько-нибудь выдающагося факта изъ исторіи славянскаго пѣнія, а между тѣмъ въ качествѣ реформатора рѣшается на критику церковнаго пѣнія нашего.

При изложеніи обстоятельствъ заимствованія нашими предками церковнаго пѣнія, авторомъ опущена очень важная подробность, а именно: древнее церковное пѣніе, дошедшее до насъ и употребляемое теперь нами, заимствовано нашими предками не отъ Константинопольской церкви X вѣка (какъ утверждаетъ авторъ на стр. 2 и 6), но отъ южныхъ Славянъ. Объ этомъ есть и лѣтописное извѣстіе, по которому къ Владиміру Святославичу вмѣстѣ съ первымъ митрополитомъ, родомъ изъ Болгаръ, прибыли **демественники** отъ Славянъ, то-есть, славянскіе пѣвцы и учители пѣнія [1]). Но если свидѣтельство указанной лѣтописи признается недостаточнымъ, то нельзя сомнѣваться въ подлинности такихъ документовъ, каковы первыя наши нотныя книги, а онѣ всѣ—происхожденія южно-славянскаго, то-есть, или писаны у Славянъ, или списаны съ экземпляровъ южно-славян-

появлялось таковаго (метода) ни у Греко-Славянъ (?), ни даже у Грековъ» (См. Одобреніе, приложенное къ книгѣ). Въ изданіи этой книги принимала участіе Congregatio de propaganda fide: книга издана съ внѣшней стороны очень опрятно. Въ числѣ подписавшихся на изданіе читаются: Альфонсъ XII, король Испанскій, кардиналъ Симеони, Іосифъ Сембратовичъ, митрополитъ Львовскій, Іосифъ Штроссмайеръ, епископъ Боснія и много другихъ кардиналовъ и епископовъ. Изъ русскихъ именъ встрѣчаются: кн. Голицына, кн. Волконская, кн. Левъ Урусовъ, гг. Влад. Веневитиновъ и Евгеній Вагнеръ; послѣдніе двое—члены русскаго посольства въ Римѣ.

[1]) Іоакимовск. лѣтоп. у *Татищева* въ Росс. Исторіи, ч. I. кн. I, стр. 38. Объясненіе слова δομεστικος см. у *Дюканжа* Glossarium Graecitatis.

Библиотека "Руниверс"

скихъ [1]). Если мы обратимъ вниманіе на ноты заключающіяся въ этихъ книгахъ, и сличимъ ихъ съ нотами греческими, находящимися въ греческихъ книгахъ тѣхъ же вѣковъ (именно начиная съ XI вѣка; раньше этого времени мы не имѣемъ славянскихъ книгъ), то замѣтимъ только небольшое сходство въ отдѣльныхъ нотахъ греческихъ и славянскихъ; за то цѣлыя нотныя системы, какъ греческая, такъ и славянская, оказываются совершенно особыми и отличными одна отъ другой, какъ въ это первое время, такъ и въ послѣдующее, даже до нашихъ дней. Это замѣчаніе относительно разности нотныхъ системъ важно въ томъ отношеніи, что крюковыя ноты имѣютъ самую тѣсную связь съ изображаемою мелодіей и самымъ характеромъ пѣнія. Ноты эти изображаютъ не только высоту и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительность звука, но многія изъ нихъ изображаютъ и извитіе голоса, то-есть, цѣлое сочетаніе звуковъ, свойственное только этому, а не другому пѣнію. Такимъ образомъ нотныя системы эти обыкновенно приспособлены были только къ одному кругу мелодій съ опредѣленнымъ строемъ основныхъ звуковъ (гаммой) и извѣстнымъ характеромъ ихъ напѣвовъ. Итакъ, если мы видимъ, что надъ славянскими пѣснопѣніями стоятъ однѣ ноты, а надъ греческими (тѣхъ же вѣковъ, и даже въ тѣхъ же пѣснопѣніяхъ)—другія ноты, то необходимо должны заключить о разности напѣвовъ греческихъ и славянскихъ; и это должно сказать не объ отдѣльныхъ только пѣснопѣніяхъ, но о цѣломъ составѣ тѣхъ и другихъ мелодій, ибо разность касается не отдѣльныхъ нотъ, но цѣлыхъ нотныхъ системъ.

Различіе въ греческомъ и славянскомъ церковномъ пѣніи замѣчается не теперь только, но очень давно; оно отмѣчено еще предками нашими, которые уже въ XVII вѣкѣ говорили, что пѣніе наше отлично отъ греческаго, и что даже оно не отъ Грековъ взято. Такъ одинъ изъ древнихъ писателей о пѣніи, передавая извѣстіе Степенной Книги о приходѣ къ великому князю Ярославу въ 1053 году трехъ греческихъ пѣвцовъ, отъ которыхъ будто бы и началось у насъ знаменное, троестрочное и демественное пѣніе, говоритъ: „Намъ же убо мнится, яко се не истинно есть; понеже во всѣхъ греческихъ странахъ и въ Палестинѣ, и во всѣхъ

[1]) См. Истор. Русск. Церкви преосвящ. *Макарія*, т. I, стр. 70; *Ученыя Зап. 2-го отд. Имп. Ак. Н.* кн. II, вып. 2, стр. 121, 126; Описаніе рукоп. гр. Толст. 1825 г. отд. II. № 1; Матеріалы для исторіи письм. *Буслаева*, 1855 г. стр. 18.

Библиотека "Руниверс"

великихъ обителяхъ, пѣніе отлично отъ нашего пѣнія, подобно мусикійскому, еже мы грѣшніи у многихъ спрашивали, и слыхали какъ они поютъ". А другой писатель утверждаетъ: „Великія Россіи сіе знаменное единогласное пѣніе переведено нѣзри повѣдаютъ отъ греческаго пѣнія; намъ же мнится сложено быти нѣкоимъ слогателемъ отъ Грекъ и Славянъ по своему согласію. Яко же св. Кириллъ состави и написа словенскую азбуку, такожде и сіе осмогласное пѣніе гласы различіемъ раздѣли ради словеснаго осмочисленнаго разума" [1]). Все это мы сочли нужнымъ сказать по тому поводу, что Де-Кастро желаетъ исправить наше церковное пѣніе по образцу современнаго греческаго пѣнія, на сколько оно извѣстно ему въ настоящемъ его состояніи (Methodus, pag. 7—8). Очевидно, онъ не знаетъ, что славянское пѣніе хотя происходитъ отъ одного источника съ византійскимъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ свои особенности въ обстоятельствахъ происхожденія и историческихъ судьбахъ, а отсюда различіе и въ характерѣ самыхъ мелодій.

Употребленіе собственно греческаго пѣнія на греческомъ языкѣ (о чемъ авторъ говоритъ на стр. 2—3) было у насъ во всѣ времена очень ограничено. Сначала греческое пѣніе употреблялось хоромъ княгини Анны, привезеннымъ ею изъ Константинополя въ Кіевъ; потомъ употреблялось въ домовыхъ церквахъ первыхъ нашихъ святителей родомъ изъ Грековъ; наконецъ, пріѣзжавшіе по временамъ греческіе пѣвцы, напримѣръ, при Ярославѣ въ 1053 г. и при Мстиславѣ около 1130 г., знакомили Русскихъ съ своимъ пѣніемъ. Но всѣ эти случаи были исключительные, потому они и отмѣчались лѣтописями. Нѣсколько чаще греческое пѣніе употреблялось у насъ уже позже, во времена патріаршества, именно въ XVII столѣтіи, но и въ это время употреблялось не по необходимости, а частію для большей торжественности патріаршаго служенія, частію во свидѣтельство единовѣрія съ Греками. Вообще же надо сказать, что у Русскихъ, какъ и у южныхъ Славянъ, никогда не было нужды употреблять греческое пѣніе, какъ и все богослуженіе, на непонятномъ греческомъ языкѣ, потому что богослуженіе на славянскомъ языкѣ вмѣстѣ съ церковнымъ пѣніемъ, было установлено еще въ IX вѣкѣ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ для южныхъ Славянъ: конечно это, а не другое, бого-

[1]) *Ундольскаго*: Матеріалы для исторіи русск. церк. пѣнія—въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Р.* 1846 г. № 3, 20; *Сахарова*: Изслѣдованіе о русск. ц. пѣніи—въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1849, Авг., с. 96.

Библиотека "Руниверс"

служеніе могло быть употребляемо и у насъ съ первыхъ вѣковъ существованія нашей церкви.

Тѣ слѣды вліянія древне-византійскаго пѣнія, которые замѣчаются въ немногихъ дошедшихъ до насъ рукописяхъ славянскихъ, касались не всего стариннаго русскаго пѣнія, но только тѣхъ родовъ его, которые въ настоящее время уже оставлены и вовсе не употребляются нами. Таково было пѣніе кондакарное, съ его доселѣ неразгаданною нотною системой, сохранившее весьма явственные слѣды греческаго происхожденія, какъ въ этой нотной системѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ пѣвческихъ пріемахъ и прибавленіяхъ къ поемому тексту; таково было пѣніе демественное, принявшее въ себя тѣ же особенности, замѣчаемыя въ кондакаряхъ. Употребленіе кондакарнаго пѣнія не продолжалось у насъ дольше XIV вѣка, а демественное оставлено въ XVII вѣкѣ; то и другое употреблялись сравнительно рѣдко и всегда относились къ искусственному роду пѣнія [1]). Что же касается пѣнія знаменнаго самаго обширнаго и употребительнаго у насъ издревле, то оно осталось наиболѣе свободнымъ отъ вліянія византійскаго пѣнія, и сохранившись по своему характеру такимъ, какимъ впервые было принято отъ южныхъ Славянъ, оно и доселѣ употребляется нами Русскими по печатнымъ московскимъ изданіямъ, а Галичанами по Ирмологію Львовскаго изданія. Де-Кастро и не подозрѣваетъ этого различія, существовавшаго между отдѣльными родами древне-русскаго церковнаго пѣнія, и безъ разбора распространяетъ вліяніе византійскаго пѣнія на весь составъ онаго, такъ что изъ его изложенія выходитъ, будто церковное пѣніе наше въ настоящемъ его видѣ утратило нѣкоторыя древнія свои особенности, которыя слѣдовало бы возстановить. (Method., pag. 3—5).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи предмета авторъ находитъ много пороковъ, вкравшихся въ церковное славянское пѣніе; но на самомъ дѣлѣ онъ или не понимаетъ этихъ пороковъ, или выдумываетъ какихъ и не было, а другихъ дѣйствительно бывшихъ онъ не замѣтилъ. Такъ объ одномъ изъ очень важныхъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Другой, особенный и рѣдкій способъ исполненія пѣснопѣній, который и теперь еще кое-гдѣ употребляется, состоитъ въ томъ, что двое или трое произнося вмѣстѣ речитативомъ, и притомъ одинъ выше другого, образуютъ нѣкоторый родъ гармоническаго созвучія (duo aut tres legendo aut recitando simul, sed quique voce

[1]) Подробнѣе объ этомъ сказано нами въ статьѣ „О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія“. *Правосл. Обозр.* 1866 г, октябрь, ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

altiori prae alio, efforment genus quoddam concordiae harmonicae). Отъ этого и отъ другихъ причинъ пѣніе стало подвергаться упадку, разнообразію и порокамъ; епископы жаловались на это, и на то, что пѣли гармонически въ четыре, пять, шесть и семь голосовъ (quot caneretur in harmonia quatuor, quinque, sex et septem vocum), ибо это производило большое замѣшательство въ пѣніи. Жалобы эти по видимому относятся къ вышесказанному способу пѣнія или чтенія или къ новѣйшей гармоніи" (Meth. стр. 5).

Очевидно, рѣчь идетъ о такъ называемомъ многогласномъ древнемъ русскомъ пѣніи. Это былъ дѣйствительно порокъ и очень распространенный въ практикѣ церковнаго богослуженія; онъ вызывалъ многочисленныя жалобы епископовъ и другихъ лицъ и наконецъ осужденъ и запрещенъ постановленіемъ Московскаго собора въ 1651 году. Только авторъ напрасно считаетъ его музыкальнымъ; это былъ чисто обрядовый порокъ, касавшійся чина всего богослуженія. Онъ состоялъ въ томъ, что извѣстное богослуженіе при исполненіи его разбиралось на нѣсколько частей и каждую часть исполняли одновременно съ другими; напримѣръ, въ утреннее богослуженіе одинъ читалъ шестопсалміе, другой въ то же время каѳизмы, третій каноны и такъ далѣе до 5-ти и 6-ти голосовъ вдругъ [1]). Причину этого порока видѣли въ небреженіи: „отъ небреженія вѣлося многогласное пѣніе", жаловались обыкновенно негодовавшіе на этотъ порокъ. Но принимая во вниманіе всеобщность и давность порока, нельзя отъ одной небрежности производить его: не всегда же и не вездѣ богослуженіе совершалось небрежно, но судя по жалобамъ многогласіе было весьма обычнымъ порокомъ. Замѣчательно, что въ числѣ жалобъ на неустройство службы церковной мы не встрѣчаемъ жалобъ на обычное опущеніе нѣкоторыхъ частей ея, что такъ утвердилось въ наше время. Отсюда заключаемъ, что предки наши исполняли церковную службу всю, сполна, какъ предписано уставомъ. Но многочисленность церковныхъ службъ и молитвъ, иногда нужда, а часто, конечно, и небрежность заставляли сокращать богослуженіе: отсюда-то и явилось многогласіе, дававшее возможность сравнительно въ

---

[1]) Что такого рода многогласіе называется *пѣніемъ*, это не должно бы казаться новостію для автора: рѣчь, произносимая при священнодѣйствіи, или только священнымъ лицомъ, издревле, даже у язычниковъ, называлась *пѣніемъ*; напримѣръ, у Виргилія: Extemplo temptanda fugâ *canit* aequora Calchas, Aen. II, 176.

Библиотека "Руниверс"

короткое время исполнить многое. Такимъ образомъ это былъ старинный способъ сокращенія церковной службы, единственно возможный при исполнительности нашихъ предковъ, то-есть, при желаніи ихъ непремѣнно вычитывать и пропѣть все, положенное по уставу.

Де-Кастро обратилъ свое вниманіе и на знаменитыя коммиссіи, бывшія при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ въ 1652 и 1668 годахъ, изъ которыхъ бывшая и въ томъ и другомъ году, по роду своихъ занятій, называлась „Правленіе знаменное праворѣчнаго пѣнія". Нашъ авторъ недоволенъ этими коммиссіями, находя, что онѣ не выполнили своихъ задачъ надлежащимъ образомъ. Онъ говоритъ: „Жалобы епископовъ относительно порчи церковнаго пѣнія произвели то, что около XVII в. составлены были нѣкоторыя Коммиссіи, съ тѣмъ чтобъ исправить и привести въ порядокъ пѣніе, принявъ за основаніе пѣніе, заключающееся въ древнихъ рукописяхъ. Но такъ какъ при переводѣ пѣнія съ нотъ крюковыхъ на линейныя не хотѣли или не могли соблюсти всѣхъ оттѣнковъ выразительности и всѣхъ особенностей древняго пѣнія, изложеннаго крюковыми нотами, то позднѣйшее пѣніе и оказалось не соотвѣтствующимъ въ своихъ свойствахъ пѣнію древнему" (стр. 6). Что это за оттѣнки и особенности, которыхъ исправлявшіе не хотѣли или не могли наблюсти, авторъ объясняетъ нѣсколько ниже: „Славянскіе мастера, переводившіе пѣніе съ древнихъ крюковъ на новѣйшую нотную систему, опустили, какъ я сказалъ, знаки выразительности и оттѣнковъ, обозначавшіе звуки связные, соединенные (?), дрожащіе, носовые, болѣе или менѣе явственные или глухіе, издаваемые ртомъ болѣе или менѣе открытымъ и проч. (omiserunt signa expressionis sev coloris, quae repraesentabant sonos ligatos, vinculos, tremulos, nasales, plus minusve claros aut obscuros, emissos ore plus minusve aperto etc.),—тѣ звуки, которые употребляютъ доселѣ константинопольскіе и другіе восточные пѣвцы. Оттого Славяне исполняютъ свои пѣснопѣнія просто, соблюдая интонацію (степень высоты) звуковъ и ритмъ, явствующій изъ различнаго значенія нотъ по мѣрѣ" (с. 7).

Думаемъ, что въ этихъ словахъ заключается скорѣе указаніе на достоинство и важность славянскаго пѣнія и исполненія его, но отнюдь не на недостатки его. Простота и трезвость пѣнія, столь приличныя христіанскому богослуженію, должны быть свято соблюдаемы и охраняемы отъ порчи со стороны разныхъ „носовыхъ, дрожащихъ, нѣмыхъ и другихъ подобныхъ звуковъ". Можетъ быть, авторъ и слыхалъ у восточныхъ пѣвцовъ пѣніе съ подобными звуками, но славянскимъ и

Библиотека "Руниверс"

въ особенности русскимъ пѣвцамъ такое пѣніе не сродно; и въ старинныхъ нотныхъ рукописяхъ нашихъ нѣтъ такихъ знаковъ, которые выражали бы вышеозначенные звуки.

Что касается заслугъ „Правленія", то онѣ признаны наукой, и такой изслѣдователь, какъ Де-Кастро, не можетъ поколебать важности значенія ихъ, яснаго для каждаго понимающаго дѣло. Трудъ членовъ „Правленія", исполненный съ необычайнымъ искусствомъ, знаніемъ дѣла и усердіемъ къ предмету, извѣстенъ теперь намъ во всей его обширности и разнообразіи. Этотъ трудъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Члены „Правленія" исправили текстъ нотныхъ книгъ, устранивъ изъ него, такъ-называемое, раздѣльнорѣчіе и согласивъ его съ текстомъ церковныхъ не нотныхъ книгъ. (Раздѣльнорѣчіе состояло въ томъ, что при пѣніи протягивались усѣченные звуки, обозначаемые буквами ъ-мъ и ь-мъ (ъ при пѣніи переходилъ въ звукъ о, а ь въ е). Перешедши къ намъ отъ Болгаръ вмѣстѣ съ ихъ нотными книгами (надъ буквами ъ и ь въ этихъ книгахъ вездѣ стоятъ ноты), раздѣльнорѣчіе существовало у насъ съ самаго начала богослужебнаго пѣнія вплоть до Коммиссіи 1652—1668 года,—и Русскіе въ продолженіе стольких вѣковъ терпѣли этотъ недостатокъ, не могши съ нимъ справиться. Этого недостатка Де-Кастро и не замѣтилъ. 2) Тѣ же славянскіе мастера приспособили къ новоисправленному тексту древнія мелодіи, справляясь для сего съ древними харатейными нотными книгами, XIII в. и ранѣе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ членовъ—Александръ Мезенецъ. Задача эта была особенно трудна и исполнена прекрасно: въ нотныхъ книгахъ нашихъ мы можемъ наблюдать легкость, свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важность и простоту церковныхъ напѣвовъ, древній характеръ которыхъ вполнѣ сохраненъ, какъ убѣждаетъ въ этомъ послѣднемъ простое сличеніе древнихъ и позднихъ нотныхъ книгъ. 3) Члены „Правленія" составили пространныя руководства для изученія крюковаго пѣнія. Какъ лучшіе знатоки этого пѣнія, они изложили въ систематическомъ порядкѣ тѣ свѣдѣнія по теоріи и практикѣ крюковаго пѣнія, которыя были извѣстны въ ихъ время. Можетъ быть, со временемъ наука найдетъ нѣкоторую неполноту въ ихъ системѣ; тѣмъ не менѣе въ настоящее время, благодаря ихъ руководствамъ, есть возможность разбирать ноты и напѣвы самыхъ древнихъ рукописей, начиная съ XI вѣка. 4) Наконецъ, они составили сводъ крюковой и линейной нотныхъ системъ, показавъ, какимъ линейнымъ нотамъ соотвѣтствуютъ тѣ или другія знаменія (крюковыя ноты),

Библиотека "Руниверс"

а чрезъ это они положили начало къ переводу церковныхъ напѣвовъ съ древнихъ нотъ на новѣйшія болѣе удобныя и легкія. По тщательности и отчетливости нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ отъ того времени сводныхъ книгъ (то-есть, такихъ, напѣвы которыхъ изложены обѣими нотными системами—крюковою и линейною совокупно), можно заключать, что эти экземпляры исполнены были подъ наблюденіемъ самихъ членовъ „Правленія".

Переходимъ къ другому отдѣлу изслѣдованія, который озаглавленъ авторомъ: „Музыкально-богослужебная система Греко-славянской церкви" (гл. II). Здѣсь авторъ, сказавъ, что всѣ пѣснопѣнія Греко-Славянской церкви раздѣляются на осмогласныя и не-осмогласныя, излагаетъ затѣмъ классификацію первыхъ.

Осмогласныя пѣснопѣнія, по его мнѣнію, раздѣляются на слѣдующіе шесть классовъ: 1) на стихиры, которыя подраздѣляются на самогласныя, подобныя, болгарскія и догматики, 2) на тропари, 3) сѣдальны, 4) степенны, 5) ирмосы и 6) прокимны.

Не говоря ужь о томъ, что этотъ перечень различныхъ родовъ пѣснопѣній нашей церкви не полонъ, нельзя не видѣть съ перваго же взгляда въ этой классификаціи большой путаницы. Въ самомъ дѣлѣ, согласно заглавію этого отдѣла, слѣдовало ожидать въ немъ разсмотрѣнія церковныхъ пѣснопѣній сначала съ музыкальной ихъ стороны, а затѣмъ съ литургической, объясняющей происхожденіе, содержаніе и значеніе пѣснопѣній въ общемъ кругѣ богослуженія: У автора все это смѣшивается: онъ, напримѣръ, ставитъ рядомъ пѣснопѣнія болгарскія и догматики, тогда какъ и музыкальное и литургическое значеніе этихъ пѣснопѣній совершенно различно. Болгарскими пѣснопѣніями—въ Львовскомъ Ирмологіѣ, какъ и въ нашихъ нотныхъ книгахъ—названы потому, что напѣвы ихъ произошли изъ Болгаріи, а въ литургическомъ отношеніи это суть стихиры стиховныя, названныя такъ потому, что предъ ними въ видѣ запѣвовъ поются стихи, избранные изъ псалмовъ и приспособленные къ данному празднеству. Догматиками же называются заключительныя стихиры, составленныя св. Іоанномъ Дамаскинымъ въ честь Богоматери и содержащія въ себѣ, кромѣ того, догматическое ученіе о Лицѣ Господа Іисуса Христа. Что же касается музыкальной стороны догматиковъ, то они принадлежатъ къ такъ-называемому большому знаменному роспѣву, самому употребительному и обширному какъ въ нашихъ нотныхъ книгахъ, такъ и въ Львовскомъ Ирмологіѣ.

Этой путаницы, по крайней мѣрѣ въ музыкальномъ отношеніи,

Библиотека "Руниверс"

авторъ легко могъ избѣжать чрезъ простое сличеніе напѣвовъ Львовскаго Ирмологія съ напѣвами нашихъ нотныхъ книгъ: въ нашихъ существуютъ надписанія, къ какому роспѣву относится извѣстное пѣснопѣніе. Авторъ не позаботился сдѣлать этого сличенія; оттого различіе славянскихъ мелодій по роспѣвамъ для него осталось совершенно неизвѣстнымъ, а это въ свою очередь произвело большой безпорядокъ въ его классификаціи.

Роспѣвомъ называется особое изложеніе первоначальной церковной мелодіи (какъ бы варіація ея), образовавшееся въ той или другой мѣстности съ теченіемъ времени и принятое сначала въ мѣстное, а затѣмъ и во всеобщее церковное употребленіе. Пѣснопѣнія Львовскаго Ирмологія принадлежатъ къ слѣдующимъ осмогласнымъ роспѣвамъ: Стихиры „Господи воззвахъ", стихиры „Подобны" и „Прокимны" поемые на литургіи относятся къ кіевскому роспѣву.

Стихиры „Стиховны" и „Сѣдальны"—къ болгарскому. „Догматики", „Степенны" и „Ирмосы" относятся къ большому знаменному роспѣву. Что касается „Тропарей", то въ нѣкоторыхъ гласахъ (въ 1-мъ и 8-мъ) они походятъ нѣсколько на греческій роспѣвъ, имѣющійся въ нашихъ книгахъ, а напѣва другихъ гласовъ въ нашихъ нотныхъ книгахъ не находится. Точно также нѣтъ у насъ роспѣвовъ „Прокимновъ" утрени и нѣкоторыхъ не осмогласныхъ роспѣвовъ; вѣроятно, это—мѣстные роспѣвы Галиціи. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что напѣвы Львовскаго Ирмологія, оставаясь въ сущности одинаковыми съ нашими (то-есть, въ построеніи и характерѣ мелодіи), представляютъ въ подробностяхъ и отдѣльныхъ музыкальныхъ фразахъ нѣкоторыя отмѣны отъ нашихъ, что, конечно, легко объясняется отдаленностью отъ насъ и даже отчужденностью церковной жизни Русскихъ въ Галиціи [1]).

Объясненія слѣдующихъ родовъ осмогласныхъ пѣснопѣній у автора

---

[1]) Мы не имѣемъ въ настоящее время подъ руками Львовскаго Ирмологія, а пользуемся Сборникомъ автора, приложеннымъ къ его книгѣ и составленнымъ преимущественно изъ пѣснопѣній Ирмологія. Думаемъ, что авторъ, не смотря на свои реформаторскія стремленія, не посягнулъ на цѣлость древнихъ мелодій Ирмологія, хотя и высказываетъ подобныя намѣренія, именно: «для улучшенія состоянія пѣнія слѣдовало бы вновь систематически изложить пѣснопѣнія Ирмологія, написать ихъ, правда на томъ же тональномъ и ритмическомъ основаніи, но въ болѣе опредѣленной мелодіи, во фразахъ болѣе выразительныхъ, характеристическихъ и удобныхъ для пѣнія» (стр. 20). Авторъ раздѣлилъ мелодіи Ирмологія на музыкальныя строки; объ этомъ дѣленіи скажемъ ниже.

Библиотека "Руниверс"

тоже оказываются мало удовлетворительными; такъ, въ объясненіе стихиръ самогласныхъ и подобныхъ онъ говоритъ слѣдующее: „Стихиры самогласныя имѣютъ одну только мелодическую формулу въ каждомъ гласѣ, а подобныя—многія и притомъ схожія между собою; отъ этого-то антитеза, то-есть, отъ одной только и многихъ формулъ мелодическихъ, думается мнѣ, и получилъ свое названіе этотъ родъ стихиръ. Въ самомъ дѣлѣ, ἰδιόμελον мы можемъ назвать то, что имѣетъ особую, единственную, или одну только мелодію. Славянскій переводъ этого слова (самогласный) допускаетъ именно это значеніе; ибо мѣстоименіе самъ употребляется иногда вмѣсто одинъ только, напримѣръ, въ словѣ самодержецъ, Αὐτοκράτωρ, или монархъ“ (ex hac antithesi inter unam et plures formulas melodicas, has sticherorum classes nomen suum accepisse facile crediderim. Ἰδιόμελον enim interpretari possumus pro eo quod est peculiaris, singularis sev unius meli sev melodiae. Slavica quoque hujus vocis versio, quae est самогласный, praedictum sensum admittit; siquidem pronomen самъ ipse usurpatur quandoque pro solus, sicut ex. gr. in Самодержецъ, Αὐτοκράτωρ sev Monarcha“ (pag. 13).

Не входя въ разборъ филологическихъ соображеній, на которыхъ держится объясненіе автора (и по которымъ выходитъ, будто бы славянское самъ можетъ значить—одинъ только), предложимъ наше объясненіе названій этихъ стихиръ. Названія эти произошли отъ различнаго способа составленія и исполненія стихирныхъ и вообще осмогласныхъ мелодій. Древнѣйшій способъ составленія и исполненія церковныхъ пѣснопѣній былъ устный, на память; онъ возникъ конечно, въ то время, когда было очень мало, или и вовсе еще не было ни нотныхъ книгъ, ни умѣющихъ пѣть по нимъ. Этотъ способъ исполненія, сохранившійся до настоящаго времени состоитъ въ томъ, что затверженная наизусть мелодія того или другаго гласа прикладывается къ готовому тексту во время самаго пѣнія. Музыкальною формулою здѣсь служитъ простая гласовая мелодія, состоящая обыкновенно изъ немногихъ музыкальныхъ строкъ, правильно слѣдующихъ одна за другой и неизмѣнно повторяющихся. Этотъ самый обыкновенный способъ исполненія, въ настоящее время называется просто пѣніемъ на гласъ [1]).

Второй способъ составленія и исполненія церковныхъ мелодій

[1]) О такомъ же способѣ исполненія у Грековъ по *коммамъ*, или музыкальнымъ строкамъ, при помощи *канонарховъ*, см. у *Гоара* въ Евхологіѣ, стр. 434.

Библиотека "Руниверс"

называется пѣніемъ по подобнымъ. Въ немъ музыкальною формулой служитъ мелодія цѣлаго пѣснопѣнія, которую поэтому необходимо также заучить на память, съ тѣмъ, чтобы по подобію этой мелодіи, какъ по образцу, выполнять другія пѣсни. Но въ этомъ случаѣ требуется: вопервыхъ, чтобы пѣснопѣніе, служащее образцомъ, было не обширно по объему, а иначе его трудно было бы запомнить (въ нашихъ нотныхъ книгахъ подобны имѣютъ отъ шести до двѣнадцати музыкальныхъ строкъ); а вовторыхъ, чтобы тѣ пѣснопѣнія, которыя хотятъ исполнять по образцу подобныхъ, имѣли съ этими послѣдними одинаковое количество музыкальныхъ строкъ [1]). Есть и третій способъ составленія и исполненія осмогласныхъ пѣснопѣній—самогласный. Онъ состоитъ въ томъ, что количество и послѣдовательность музыкальныхъ строкъ располагается свободно и въ каждой стихирѣ своеобразно. Мелодистъ подчиняется только основному строю и характеру избраннаго гласа, но въ выборѣ музыкальныхъ стиховъ (строкъ), которые въ такомъ случаѣ бываютъ весьма разнообразны по своей мелодіи, въ ихъ количествѣ и послѣдовательности одного за другимъ—онъ свободенъ. Это уже позднѣйшій способъ композиціи и исполненія, возможный только при посредствѣ нотъ. Всѣ эти три способа могутъ быть приложены и къ одному пѣснопѣнію; напримѣръ, стихира Небесныхъ чиновъ радованіе въ нашемъ нотномъ октоихѣ на листѣ 15-мъ (изд. 1772 г.) роспѣта самогласно, на листѣ 12 об. она распѣта подобно, но она же часто поется и безъ нотъ, просто на гласъ.

При объясненіи тропарей авторъ говоритъ: „Тропари это суть краткіе напѣвы (moduli); ибо греческое τροπάριον есть уменьшительное отъ τρόπος—напѣвъ (modus), точно также какъ и латинское modulus есть уменьшительное отъ modus; корень этого слова есть глаголъ τρέπω, verto, обращаю; тропарь называется такъ потому, что голосъ при пѣніи разнообразно обращается и наклоняется (radix nominis est verbum τρέπω, verto; quare τροπάριον ita appellatur ob vocem in cantando varie versam et inflexam" (pag. 14).

Голосъ разнообразно обращается и наклоняется при пѣніи не однихъ тропарей, а всѣхъ вообще пѣснопѣній. Тропари получили такое

---

[1]) Въ греческихъ пѣснопѣніяхъ это требованіе наблюдалось такъ строго, что въ *подобныхъ* пѣснопѣніяхъ заключалось даже одинаковое количество *словъ*; см. въ Евхологіѣ *Γοαρα* стихиру Πανεύφημοι μάρτυρες, Прехвальныя мученицы, и слѣдующія за нею стихиры, стр. 188.

Библиотека "Руниверс"

названіе (то-есть, обращающихся) по отношенію къ другимъ пѣснопѣніямъ, по образу которыхъ они слагаются и поются; таковы суть ирмосы (εἱρμός—связь). Ирмосы и тропари входятъ въ составъ каноновъ, этого сложнаго и обширнаго рода пѣснопѣній. Канонъ обыкновенно состоитъ изъ 9-ти пѣсенъ, каждая пѣснь состоитъ изъ одного ирмоса и нѣсколькихъ тропарей; ирмосы и служатъ образцомъ для тропарей въ словесномъ и мелодическомъ отношеніи, а именно: сколько словесныхъ и музыкальныхъ стиховъ заключается въ ирмосѣ, столько же ихъ и въ тропаряхъ, по какому гласу и роспѣву поются ирмосы, по тому же и тропари. Такимъ образомъ ирмосы, служа связью для тропарей, и цѣлому канону придаютъ единство въ словесномъ и музыкальномъ отношеніи. (Въ настоящее время для краткости богослуженія поются одни ирмосы, а тропари читаются, кромѣ пасхальнаго канона, который поется сполна). Тѣ тропари, которые объясняетъ Де-Кастро, относятся не къ канону, а суть тропари воскресные; но и они поются по образцу предшествующихъ имъ краткихъ пѣснопѣній Богъ Господь и явися на 8-мь гласовъ.

Мы указали здѣсь на болѣе важныя погрѣшности, допущенныя авторомъ въ историческомъ и богослужебно-музыкальномъ изложеніи славянскаго церковнаго пѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ его книги встрѣчается не мало и другихъ погрѣшностей—правда, менѣе важныхъ, допущенныхъ по связи ихъ съ главными; но такъ какъ для характеристики свѣдѣній автора объ избранномъ предметѣ достаточно и сказаннаго, то мы и не будемъ разбирать послѣднихъ его погрѣшностей. Самая слабая сторона его изслѣдованія—это исторія православнаго богослужебнаго пѣснопѣнія. Отъ незнанія исторіи зависятъ ложныя представленія автора о происхожденіи пѣснопѣній нашей церкви съ ихъ богослужебной и музыкальной стороны; отъ того же незнанія у автора оказывается недостатокъ въ стройномъ и цѣльномъ изложеніи предмета, какъ въ общей системѣ построенія, такъ и въ подробностяхъ; это же незнаніе служитъ причиной того, что авторъ приписываетъ церковному пѣнію нашему такія музыкальныя свойства, какихъ оно не имѣло и не имѣетъ. Для основательнаго знакомства съ предметомъ автору, очевидно, не только слѣдовало обратиться къ изученію славянскаго церковнаго пѣнія, но и ознакомиться и съ греческимъ древнимъ пѣснопѣніемъ, отъ котораго произошло славянское; въ такомъ только случаѣ можно судить, на сколько наше пѣніе осталось вѣрнымъ своему прототипу, и нуждается ли оно въ какихъ-либо исправленіяхъ и преобразованіяхъ. Такое изученіе, раскрывъ истинныя до-

Библиотека "Руниверс"

стоинства богослужебнаго пѣснопѣнія православной церкви, внушило бы автору больше уваженія къ предмету, которому онъ взялся обучать другихъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей статьи мы постараемся вкратцѣ объяснить исторически происхожденіе и образованіе пѣснопѣнія нашей церкви и указать обстоятельства перехода богослужебно-музыкальнаго круга пѣснопѣній Восточной церкви отъ Грековъ къ Славянамъ.

II.

Происхожденіе пѣснопѣній нашей церкви со стороны ихъ содержанія, внѣшняго состава и даже характера ихъ мелодій слѣдуетъ искать не иначе какъ въ первенствующей церкви христіанской. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ такъ излагаетъ составъ пѣснопѣній современнаго ему общества вѣрующихъ: „исполняйтеся духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви". Πληροῦσθε ἐν Πνεύματι, λαλοῦντες ἑαυτοῖς ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς ᾄδοντες καὶ ψάλλοντες ἐν τῇ καρδίᾳ ὑμῶν τῷ Κυρίῳ. (Гл. 5, ст. 18—19). Что здѣсь не случайно перечисляются нѣкоторыя только роды пѣснопѣній, но указывается на опредѣленный составъ ихъ, извѣстный христіанамъ первенствующей церкви, въ этомъ убѣждаемся подобнымъ же мѣстомъ изъ посланія къ Колосеянамъ, гдѣ перечисляются тѣ же самыя роды пѣснопѣній (то-есть, псалмы, гимны и пѣсни духовныя) и въ томъ же самомъ порядкѣ: „Слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себѣ самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ (ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς), во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви" (гл. 3, ст. 16). Итакъ, несомнѣнно, псалмы, гимны и пѣсни духовныя представляли собою опредѣленный кругъ пѣснопѣній первенствующей церкви еще со временъ апостоловъ.

Первые изъ указанныхъ апостоломъ родовъ пѣснопѣній суть—псалмы; это, конечно, псалмы ветхозавѣтной церкви, имѣвшіе такое обширное употребленіе въ Іерусалимскомъ храмѣ и внѣ его. Употребленіе псалмовъ для новозавѣтной церкви освящено Самимъ Спасителемъ нашимъ на Тайной Вечери: ибо Онъ воспѣлъ (Мѳ. 26, 30) съ учениками, конечно, то, что было предписано пѣть на праздникъ Пасхи, именно псалмы хвалитные (113—117). Въ новозавѣтной церкви употребленіе псалмовъ было и есть весьма обширно: псалмы

Библиотека "Руниверс"

поются или въ полномъ ихъ составѣ, или по частямъ (напримѣръ, „Господи воззвахъ къ Тебѣ услыши мя“ и проч. „Да исправится молитва моя“ и проч.), или въ отдѣльныхъ стихахъ (напримѣръ, въ прокимнахъ и такъ-называемыхъ запѣвахъ). Кромѣ того, псалмы произвели цѣлый весьма обширный по составу родъ пѣснопѣній, именно стихиры. Названіе это происходитъ отъ слова стихъ. Извѣстно, что псалмы имѣютъ дѣленіе на отдѣльные стихи; стихотворная форма, составляя принадлежность священной и поэтической рѣчи, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ удобнѣйшему выполненію стихотвореній при пѣніи. Стихиры, такимъ образомъ, по внѣшнему устройству текста сообразовались съ устройствомъ текста псалмовъ для удобнѣйшаго и совмѣстнаго исполненія тѣхъ и другихъ посредствомъ пѣнія. Приспособляясь по формѣ, и даже по содержанію, къ тѣмъ или другимъ псалмамъ, стихиры получили различныя названія по тѣмъ же псалмамъ. Такъ у насъ извѣстны стихиры на Господи воззвахъ: это тѣ, которыя поются со стихами псалма, начинающагося этими словами (140); есть стихиры стиховныя, поемыя со стихами заимствованными изъ псалмовъ 141, 129, 116, и приспособленными къ данному празднеству. Стихиры хвалитныя поются со стихами, взятыми изъ хвалитныхъ псалмовъ (148—150); такъ-называемыя стихиры степенны составлены примѣнительно къ псалмамъ, называемымъ „пѣсни степеней“ (119—133); эти же стихиры по способу пѣнія на два лика называются еще антифонами. Въ подражаніе всѣмъ этимъ стихирамъ составлены—уже въ позднѣйшее время—стихиры блаженны—примѣнительно къ тексту нагорной бесѣды Спасителя о блаженствахъ.

Второй указываемый у апостола родъ пѣснопѣній—гимны—тоже заимствованъ изъ св. книгъ Ветхаго и частью Новаго Завѣта. У Евреевъ извѣстны были слѣдующіе гимны отцевъ: а) пѣснь Израильтянъ воспѣтая на берегу Чермнаго моря (Исх. гл. 15), б) обличительная пѣснь Моисеева (Второзак. гл. 32), в) пѣснь Анны матери Самуиловой (1 Цар. гл. 2), г) хвалебная пѣснь Израильскаго народа (Исх. гл. 26), д) пѣснь пророка Іоны (гл. 2), е) пѣснь пророка Аввакума (гл. 3), ж) пѣснь Вавилонскихъ отроковъ (Дан. гл. 3) Всѣ эти пѣсни, употребляемыя у насъ доселѣ (въ утреннее богослуженіе великаго поста), находились въ употребленіи съ первыхъ вѣковъ христіанской церкви. Въ этомъ убѣждаютъ древнѣйшіе письменные памятники христіанскіе до насъ дошедшіе; такъ въ Александрійскомъ кодексѣ Библіи IV вѣка, послѣ псалмовъ помѣщены эти и другіе гимны въ такомъ порядкѣ: Ὑμνος α) ᾠδὴ Μωυσεος εν τη εξοδω;

Библиотека "Руниверс"

ωμνος β) ωδη Μωυσεως εν τω δευτερονομιω; ωμνος γ) προσευχη Αννας μητρος Σαμουηλ; ωμνος δ) προσευχη Ησαια; ωμνος ε) προσευχη Ιωνα; ωμνος ς) προσευχη Αββακημ; ωμνος ζ) προσευχη Εζεκια; ωμνος η) προσευχη Μανασση; ωμνος θ) προσευχη Αζαριω. ωμνος ι) ωμνος των πατερων ημων; ωμνος ια) προσευχη Μαριας της Θεοτοκη; ωμνος ιβ) προσευχη Σημεων; ωμνος ιγ) προσευχη Ζαχαριω; ωμνος ιδ) ωμνος αωθινος Δοξα εν υφιστοις Θεω [1]). **Какъ отъ псалмовъ произошли стихиры, такъ и отъ этихъ гимновъ произошелъ обширный родъ церковныхъ пѣснопѣній—каноны. Если мы вникнемъ въ содержаніе пѣсней каноновъ, то увидимъ, что каждая такая пѣснь основное содержаніе свое заимствуетъ изъ вышеуказанныхъ гимновъ. Такъ, первая пѣснь канона составляется на тему изъ словъ: поимъ Господеви, славно бо прославися и пр. (Исх. 15, 1—19); вторая пѣснь составляется на тему: вонми небо и возглаголю и пр. (Второзак. 32, 1—43); третья пѣснь изъ словъ: утвердися сердце мое во Господѣ и пр. (1 Цар. 2, 1—10); четвертая пѣснь: Господи услышахъ слухъ твой и убояхся и пр. (Аввак. 3, 1—19); пятая пѣснь: отъ нощи утреннюетъ духъ мой къ Тебѣ Боже и пр. (Иса. 26, 9—19); шестая: воззопихъ въ скорби моей ко Господу Богу и пр. (Іон. 2, 3—10); пѣснь седмая: благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ и пр. (Дан. 3, 26—56); осмая: благословите вся дѣла Господня Господа, пойте и превозносите Его во вѣки и пр. (Дан. 3, 57—88); пѣснь девятая пишется въ честь Богоматери на слова изъ Ея пѣсни: величитъ душа моя Господа (Луки 1, 46—55), а также изъ пѣсни Захаріи о рожденіи сына его—Іоанна Крестителя: благословенъ Господь Богъ израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людямъ своимъ и пр. (Лук. 1, 68—79).**

Послѣдній родъ пѣснопѣній у апостола называется пѣсни духовныя. Это всѣ остальныя пѣснопѣнія—уже христіанскаго происхожденія. Названіемъ духовныхъ не только отличаются эти пѣсни отъ мірскихъ, но и указывается на происхожденіе ихъ отъ христіанскаго духа, обновленнаго благодатію (1 Кор. 14, 15). Количество этихъ пѣснопѣній вначалѣ было конечно не велико; но получивъ свое происхожденіе въ апостольской церкви (1 Кор. 14, 26), и этотъ родъ пѣснопѣній умножался, опредѣлялся и приводился въ порядокъ по образцу, данному первенствующею церковію. Нѣкоторые изъ этихъ

---

[1]) **Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія Греческой церкви, преосвященнаго *Филарета*, 1860, стр. 27.**

Библиотека "Руниверс"

пѣснопѣній заимствованы изъ книгъ Новаго Завѣта буквально, напримѣръ, Молитва Господня, Нынѣ отпущаеши и пр., другія составлены и распространены примѣнительно къ содержанію, заимствованному изъ тѣхъ же св. книгъ; напримѣръ, изъ привѣтствія Ангельскаго „радуйся, Благодатная, Господь съ тобою“ (Лук. 1, 28), составилась пѣснь Пресвятой Дѣвѣ: Богородице Дѣво, радуйся; изъ ангельскаго славословія: „Слава въ вышнихъ Богу“ (Лук. 2, 14) образовалось постепенно обширное пѣснопѣніе—такъ-называемое великое славословіе. Но были, конечно, и болѣе или менѣе самостоятельныя пѣснопѣнія въ первенствующей церкви; лучшія изъ нихъ тѣ именно, которыя ближе подходили къ содержанію и характеру пѣсней Св. Писанія, были принимаемы во всеобщее употребленіе, таковы, напримѣръ, дошедшія до насъ отъ глубокой древности пѣснопѣнія: Свѣте тихій, Сподоби Господи и др.

Изъ этого краткаго указанія на происхожденіе и первоначальное образованіе состава пѣснопѣній нашей церкви видно, что, получивъ свое начало въ апостольской церкви, пѣснопѣнія эти развивались и умножались затѣмъ, какъ со стороны своего содержанія, такъ и формы, по извѣстному порядку и чину, данному позднѣйшимъ вѣкамъ тою же апостольскою церковію (1 Кор. 14, 40). Но то же самое слѣдуетъ сказать и о мелодіяхъ для этихъ пѣснопѣній: и онѣ ведутъ свое начало отъ временъ Апостольскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, относительно псалмовъ должно признать, что напѣвы для нихъ употреблялись въ первые вѣка христіанской церкви тѣ именно, которые установлены были въ первенствующей церкви. Освященные употребленіемъ Самого Спасителя и Его Апостоловъ, напѣвы псалмовъ должны были сохраняться въ практикѣ христіанскаго богослуженія какъ святыня и завѣщаніе для пѣнія позднѣйшихъ временъ; они должны были служить образцомъ и для другихъ пѣснопѣній. Такъ несомнѣнно, пѣніе стихиръ совершалось по подобію пѣнія псалмовъ; ибо отъ псалмовъ произошли и сами стихиры, слагаясь по ихъ примѣру для совмѣстнаго исполненія съ ними посредствомъ пѣнія. Позднѣйшій способъ пѣнія стихиръ, сохранившійся до нашего времени, вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе: у насъ стихиры поются тѣмъ же напѣвомъ, какъ и предшествующія имъ пѣснопѣнія, заимствованныя изъ псалмовъ, каковы: Господи воззвахъ къ Тебѣ услыши мя и Да исправится молитва моя. Точно также и всѣ другія стихиры имѣютъ предъ собою стихи, взятые изъ псалмовъ, которые и поются передъ стихирами въ видѣ запѣвовъ однимъ гласомъ съ ними; таковы

Библиотека "Руниверс"

напѣвы суть: Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ Господи, Господи услыши гласъ мой; Хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его вси людіе и пр. Относительно пѣнія каноновъ должно сказать то же самое: происходя отъ гимновъ, заимствованныхъ изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта и употреблявшихся въ церкви апостольской, каноны пѣлись, конечно, по подобію гимновъ. Ибо какъ словесная тэма гимновъ вошла въ содержаніе ирмосовъ и тропарей канона, такъ точно и музыкальная тэма древнихъ гимновъ должна была послужить основою и образцомъ для развитія музыки каноновъ. И пѣсни духовныя пѣвались такъ, какъ установлено было пѣть ихъ въ церкви апостольской. Въ музыкальномъ составленіи ихъ (какъ и въ словесномъ) слѣдуетъ предположить, правда, бо́льшую свободу, ибо это былъ новый родъ пѣснопѣній, допускавшій большую самостоятельность изложенія. Но вопервыхъ, общій типъ предшествующихъ пѣснопѣній (псалмовъ и гимновъ), какъ общеупотребительныхъ и общеизвѣстныхъ, долженъ былъ сообщить нетолько одинаковый складъ въ словесномъ, но одинаковый мотивъ и въ музыкальномъ отношеніи этому новому роду пѣснопѣній; а вовторыхъ, тотъ способъ пѣнія, который употреблялся въ церкви первенствующей и вообще въ первые вѣка христіанства, долженъ былъ сообщить этому роду, какъ и всему церковному пѣнію, одинаковый музыкальный характеръ, именно характеръ простоты, легкости и общедоступности составленія и исполненія. Извѣстно, что христіане первыхъ вѣковъ принимали живое и непосредственное участіе въ пѣніи: въ церкви пѣли всѣ присутствовавшіе при богослуженіи; а при такомъ способѣ исполненія, церковное пѣніе, будучи само по себѣ просто, должно было переходить отъ одного поколѣнія къ другому безъ особенно важныхъ измѣненій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ могли пѣть только то, что̀ извѣстно всѣмъ, а всѣмъ извѣстно бываетъ только то, что̀ усвоено путемъ преданія, что̀ установилось издавна и неизмѣнно передается отъ временъ древнѣйшихъ къ позднѣйшимъ. Сила преданія, вообще крѣпкая въ дѣлахъ церковныхъ, въ дѣлѣ церковнаго пѣнія должна быть еще значительнѣе; ибо по опыту извѣстно, что напѣвы усвояемые народными массами и развиваемые сообразно съ духомъ и обычаемъ цѣлыхъ многочисленныхъ обществъ, становятся неизмѣннымъ достояніемъ этихъ массъ на долгое время; напѣвы эти въ продолженіе многихъ столѣтій передаются отъ одного поколѣнія къ другому безъ измѣненія въ первоначальномъ своемъ характерѣ и въ обычныхъ пріемахъ исполненія. Произволу и вообще нововведеніямъ

Библиотека "Руниверс"

представляется здѣсь сильная преграда въ лицѣ этихъ массъ, которыя, заключая въ себѣ пѣвцовъ разнообразныхъ способностей и знаній, въ среднемъ однако представляютъ уровень посредственный, не способный усвоивать искусственныя извитія голоса и изысканные пріемы въ исполненіи пѣнія.

Дальнѣйшая судьба церковнаго пѣснопѣнія тѣсно связана съ устройствомъ христіанскаго богослуженія вообще. Будучи неразлучнымъ спутникомъ богослуженія, церковное пѣснопѣніе подвергалось вмѣстѣ съ нимъ устройству, преобразованіямъ и вообще тѣмъ перемѣнамъ, которыя вызывались нуждами различныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Но при всѣхъ перемѣнахъ, которымъ подвергалось церковное пѣснопѣніе въ словесномъ и музыкальномъ отношеніи, оно несомнѣнно удержало въ себѣ типъ, наслѣдованный отъ первенствующей церкви.

Устройство богослуженія въ вѣка, послѣдовавшіе за апостольскимъ, продолжало совершаться путемъ преданія дотолѣ, пока сочтено было нужнымъ и возможнымъ изложить предметъ и порядокъ богослуженія въ письмени. Тотъ чинъ богослуженія, который заимствованъ нашею церковію, составленъ былъ въ предѣлахъ церкви Іерусалимской, именно въ обителяхъ палестинскихъ, и не вдругъ составленъ, но впродолженіе многихъ столѣтій опредѣлялся, измѣнялся и усовершался, оставаясь въ главныхъ чертахъ вѣрнымъ типу, указанному церковью апостольскою. Только въ VI столѣтіи этотъ чинъ богослуженія впервые изложенъ былъ письменно препод. Саввою Освященнымъ, основателемъ лавры близъ Іерусалима. Хотя дѣло устроенія богослуженія было общимъ дѣломъ всѣхъ монастырей и церквей палестинскихъ, но лаврѣ св. Саввы Освященнаго въ этомъ отношеніи принадлежитъ первое мѣсто: въ ней воспитались и образовались святые мужи, потрудившіеся надъ устройствомъ богослуженія вообще и священнаго пѣснопѣнія въ особенности.

О преп. Саввѣ Освященномъ письменно изложившемъ такъ-называемый Іерусалимскій уставъ (Типикъ), передаетъ слѣдующее извѣстіе бл. Симеонъ архіепископъ Солунскій († 1430 г.), извѣстный знатокъ христіанскихъ древностей. „Въ обителяхъ и почти во всѣхъ церквахъ соблюдается чинъ одного Іерусалимскаго устава св. Саввы: потому что его можно совершать и одному, такъ какъ онъ и составленъ для монаховъ, и онъ часто выполняется въ киновіяхъ безъ пѣнія.... Св. отецъ нашъ Савва начерталъ этотъ уставъ, принявъ

Библиотека "Руниверс"

его отъ святыхъ Евфимія и Ѳеоктиста, а они приняли отъ бывшихъ прежде нихъ и отъ исповѣдника Харитона“ [1]).

Это свидѣтельство бл. Симеона вполнѣ подтверждается надписаніями, находящимися въ древнихъ нашихъ церковныхъ уставахъ, во множествѣ дошедшихъ до насъ въ рукописяхъ. Такъ, напримѣръ, церковный уставъ, писанный на пергаменѣ въ XIV в., имѣетъ такое надписаніе: „Книга уставъ церковнаго возслѣдованія, еже въ Іерусалимѣ святыя Лавры преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы. Сій же уставъ, сотворяется и въ прочихъ яже въ Іерусалимѣхъ святыхъ монастырѣхъ“ [2]). Слѣдующее надписаніе устава, писаннаго въ XVII в., гораздо полнѣе: „Сія книга именуемая Типикъ, сирѣчь законникъ, и зерцало духовное, и око церковное, въ немъ же писано, еже предано бысть во святыхъ монастырехъ и лаврахъ отъ святыхъ отецъ Евфимія Великаго, и Саввы Освященнаго, и Ѳеодосія Великаго, и Герасима иже на Іорданѣ, и Харитона исповѣдника святѣй, соборнѣй апостольстѣй церкви“ [3]). Итакъ, по свидѣтельству Симеона Солунскаго, подтверждаемому надписаніями нашихъ древнихъ церковныхъ уставовъ, чинъ богослуженія, перешедшій къ намъ, составленъ въ палестинскихъ монастыряхъ подвижниками и основателями обителей, и этотъ чинъ богослужебный принимался преемственно позднѣйшими поколѣніями отъ древнѣйшихъ. А именно: св. Савва († 532 г.) изложенный имъ церковный уставъ принялъ отъ Евфимія Великаго, жившаго отъ 376 до 473 г. и подвизавшагося въ основанномъ имъ монастырѣ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Ѳеоктистомъ († 476 г.). По надписаніямъ же нашихъ уставовъ этотъ же чинъ богослуженія наблюдался и св. Ѳеодосіемъ Великимъ (жившимъ отъ 425 до 529, то-есть, 104 года), въ основанной имъ обители близъ Іерусалима, и св. Герасимомъ, другомъ Евфимія Великаго, основателемъ монастыря близъ р. Іордана (ум. въ 475 г.). Этотъ же богослужебный чинъ совершался отцами и предшествовавшихъ временъ, и между ними исповѣдникомъ Харитономъ, который основалъ недалеко отъ Іерусалима три обители и умеръ въ глубокой старости въ 340 году. Очевидно, ни согласія,

---

[1]) Писанія отцевъ и учителей церкви по истолкованію православнаго богослуженія. С.-Петербургъ. 1856, т. II, стр. 404.

[2]) Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. Библіотеки, *Горскаго* и *Невоструева*, отд. III, ч. I. № 383, стр. 276. Такія же надписанія находятся въ уставахъ №№ 384—388.

[3]) Тамъ же, стр. 330, № 391.

Библиотека "Руниверс"

ни однообразія въ предметѣ и порядкѣ божественной службы нельзя было ожидать, если бы каждый изъ основателей многочисленныхъ монастырей палестинскихъ былъ предоставленъ въ дѣлѣ устройства богослуженія самому себѣ и не имѣлъ въ виду общаго и для всѣхъ обязательнаго преданія; а это преданіе могло быть не иное, какъ только то, которое наслѣдовано было отъ апостольскихъ временъ.

Послѣ св. Саввы дѣло устройства богослуженія церковнаго не прекратилось, а продолжало еще болѣе устрояться и украшаться,— и преимущественно въ лаврѣ св. Саввы. Объ этомъ далѣе Симеонъ Солунскій повѣствуетъ слѣдующее: „Начертаніе устава Саввы Освященнаго, затерянное при опустошеніи того мѣста варварами, впослѣдствіи при своемъ трудолюбіи изложилъ патріархъ святаго града, святый отецъ нашъ Софроній. Послѣ него этотъ уставъ возобновилъ божественный отецъ нашъ и богословъ Іоаннъ Дамаскинъ, и написавъ предалъ его для употребленія. Такимъ образомъ, ему послѣдовали всѣ священные монастыри и церкви, только нѣкоторые изъ нихъ оставили у себя на извѣстныя времена свой уставъ, издревле заимствованный у великой Константинопольской церкви".

Упоминаемые здѣсь св. Софроній и св. Іоаннъ Дамаскинъ принадлежатъ къ знаменитымъ отцамъ Восточной церкви; первый изъ нихъ былъ сначала инокомъ обители Ѳеодосія Великаго, а послѣ патріархомъ Іерусалимскимъ († 644 г.), а второй подвизался въ лаврѣ св. Саввы и умеръ въ глубокой старости въ 776 г. Какъ св. Софроній, такъ и въ особенности св. Іоаннъ, трудившіеся надъ устройствомъ богослуженія извѣстны еще какъ пѣснопѣвцы, обогатившіе нашу церковь своими твореніями словесными и вмѣстѣ музыкальными. Пѣснопѣнія ихъ и другихъ отцевъ, принадлежавшихъ къ Іерусалимской церкви по воспитанію (напримѣръ Андрея, инока Іерусалимской церкви, потомъ архіепископа Критскаго, ум. 713 г., Козмы, друга и сподвижника І. Дамаскина въ лаврѣ св. Саввы, впослѣдствіи епископа Маюмскаго, а также и жившихъ впослѣдствіи: Стефана Савваита, ум. въ VIII в., Ѳеодора и Ѳеофана начертанныхъ, жившихъ въ IX в. и другихъ), доселѣ находятся въ большомъ употребленіи въ нашей церкви.

Значеніе литургическихъ трудовъ Іоанна Дамаскина въ нашей церкви особенно велико; онъ не только самъ составилъ множество священныхъ пѣснопѣній, иногда очень обширныхъ, каковы, напримѣръ, стихиры, каноны, но вмѣстѣ съ своими произведеніями привелъ въ стройную систему Осмогласія и то, что̀ извѣстно ему

Библиотека "Руниверс"

было дошедшимъ отъ древности, какъ самое лучшее и достойное увѣковѣченія. Оттого Октоихъ его сталъ распространяться еще при жизни своего составителя, а по смерти его скоро вошелъ во всеобщее употребленіе въ Восточной церкви. Но препод. Іоаннъ составлялъ свои произведенія въ томъ же направленіи и духѣ, въ тѣхъ же самыхъ родахъ, какіе наслѣдованы имъ отъ временъ предшествующихъ. И это слѣдуетъ сказать о его пѣснопѣніяхъ не только съ ихъ словесной стороны, но и со стороны музыкальной. Въ отношеніи мелодій замѣчаніе о пользованіи ихъ напѣвами, дошедшими отъ древности слѣдуетъ принять даже въ болѣе строгомъ смыслѣ. Въ древности церковный пѣснописецъ, слагая извѣстное пѣснопѣніе, имѣлъ въ виду уже готовую мелодію, то-есть, опредѣленный гласъ, который онъ обыкновенно и надписывалъ надъ своимъ произведеніемъ. Если даже онъ полагалъ на ноты свое произведеніе, то-есть, употреблялъ способъ пѣнія такъ-называемый самогласный, то и тогда обязанъ былъ держаться предѣловъ извѣстнаго гласа, то-есть, его музыкальнаго строя и мелодическаго характера. Такъ было у Грековъ, такъ было въ древней Русской церкви, это же соблюдается и до нашихъ дней, напримѣръ, при составленіи службъ новопрославленнымъ святымъ. Въ этомъ именно смыслѣ и слѣдуетъ понимать то общепринятое мнѣніе, что поэтъ и музыкантъ въ древности совмѣщались въ одномъ лицѣ.

Что преп. Іоаннъ Дамаскинъ не былъ собственно изобрѣтателемъ особыхъ родовъ церковныхъ пѣснопѣній ни въ словесномъ, ни въ музыкальномъ отношеніи, а только усовершителемъ и систематизаторомъ оныхъ, это несомнѣнно видно изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о существованіи родовъ пѣснопѣній, различныхъ по содержанію и напѣвамъ, еще въ IV вѣкѣ. Между этими извѣстіями видное мѣсто занимаетъ разговоръ одного отшельника Нитрійской пустыни (въ Египтѣ) аввы Памвы съ своимъ ученикомъ о церковномъ пѣніи; изъ этого разговора видно, что въ Александрійской церкви уже въ IV вѣкѣ (когда жилъ св. Памва) находились въ употребленіи тропари, каноны, азматики и гласы [1]).

Дѣлаемъ извлеченіе изъ этого любопытнаго документа.

„Авва Памва послалъ своего ученика въ Александрію для продажи ихъ издѣлій. Проживая въ городѣ въ продолженіи 16 дней, ученикъ

[1]) Разговоръ напечанъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ у *Герберта* въ изданіи: Scriptores Ecclesiastici de Musica Sacra, vol. I, p. 1. У Де-Кастро онъ напечатанъ только въ латинскомъ переводѣ.

Библиотека "Руниверс"

ночью спалъ въ церковномъ преддверіи (на паперти) храма св. Марка, и насмотрѣвшись на богослуженіе въ св. церкви, возвратился къ старцу; онъ (ученикъ) уже научился и тропарямъ (τροπάρια). И говоритъ ему старецъ: вижу чадо, что ты находишься въ смущеніи; не случилось-ли съ тобою въ городѣ какого искушенія? Отвѣчаетъ братъ старцу: Да, отче; въ небреженіи проводимъ мы дни въ этой пустынѣ, и не поемъ мы ни каноновъ (κανόνας), ни тропарей (τροπάρια). Вотъ когда я ходилъ въ Александрію, видѣлъ тамъ церковныя службы, (слышалъ) какъ поютъ, и сильно опечалился, отчего и мы не поемъ каноновъ и тропарей? Ему старецъ отвѣчалъ: горе намъ, чадо! ибо наступаютъ дни, когда монахи оставятъ твердую пищу, указанную св. Духомъ и будутъ гнаться за пѣснями и гласами (ᾄσματα καὶ ἤχους). Какое сокрушеніе, какія слезы происходятъ отъ тропарей? Да и что за сокрушеніе у монаха, когда онъ стоя въ церкви, или въ кельи, возвышаетъ свой голосъ подобно быку? Если мы стоимъ предъ лицемъ Божіимъ, то должны стоять съ великимъ сокрушеніемъ, а не съ крикомъ голоса. Монахи удалились въ эту пустыню не для того чтобы возвышать голосъ, или пѣть пѣсни (ᾄσματα), или роспѣвать на гласы (ἤχους), или размахивать руками и притопывать ногами; намъ должно въ скромности и благоговѣніи возносить къ Богу молитвы, голосомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ..." и пр.

Съ IX вѣка начали просвѣщаться христіанскимъ ученіемъ Славянскіе народы, и прежде другихъ — Моравы и Болгары. Солунскіе братья Константинъ и Меѳодій, призванные къ труду перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій, по изобрѣтеніи славянской азбуки, озаботились прежде всего перевести все нужное для богослуженія новопросвѣщаемыхъ Славянъ; именно они перевели весь церковный чинъ: „вскорѣ же ся весь церковный чинъ прѣложи (говорится о Константинѣ въ его житіи), и научи я утреніи и годинамъ, обѣднѣи и вечерніи и павечерници и таинѣи службѣ" (литургіи). Послѣ же смерти Константина, въ монашествѣ названнаго Кирилломъ, случившейся въ Римѣ въ 869 году, Меѳодій, поставленный архіепископомъ Моравскимъ, перевелъ уже все Священное Писаніе и докончилъ переводъ богослужебныхъ книгъ; между переведенными книгами упоминается и Октоихъ Дамаскина (Полн. собр. Р. Л. I, 11). Такимъ образомъ, славянское Богослуженіе и въ частности церковное пѣніе, устроилось еще при жизни свв. братьевъ-просвѣтителей. Дѣйствительно, въ житіи св. Кирилла говорится, что во время пребыванія свв. братьевъ въ Римѣ ученики

Библиотека "Руниверс"

ихъ, прибывшіе вмѣстѣ съ ними и рукоположенные тамъ, „пѣша литургію въ церкви св. Петра словеньскимъ языкомъ... и паки у великаго Учителя языческаго Павла Апостола въ церкви въ нощи пѣша св. литургію словеньски". Въ житіи же св. Меѳодія говорится, что по кончинѣ его (послѣдовавшей въ 885 г.), ученики совершили надъ почившимъ учителемъ своимъ службу „латински, греческы и словеньскы",[1]).

Откуда же просвѣтители славянскіе заимствовали богослужебный чинъ и церковное пѣніе? Извѣстно, что богослуженіе восточныхъ церквей, хотя удержало въ себѣ въ общихъ чертахъ одинаковое содержаніе и одинаковый порядокъ, въ частностяхъ однако всегда представляло болѣе или менѣе замѣтныя отличія, конечно въ несущественныхъ частяхъ. Такъ мы видѣли, что Симеонъ Солунскій отличаетъ уставъ Іерусалимскій отъ устава великой Константинопольской церкви: „Нѣкоторые изъ монастырей и церквей, говоритъ онъ, оставили у себя свой уставъ, издревле заимствованный у великой Константинопольской церкви". Отличіе Іерусалимскаго устава отъ устава Константинопольской церкви касалось конечно болѣе внѣшнихъ сторонъ: какъ богослуженіе по уставу св. Саввы отличалось скромностію церковныхъ церемоній и простотою послѣдованій „ибо уставъ Іерусалимскій составленъ для монаховъ, его можно совершать и одному, безъ пѣнія" (по замѣчанію Симеона Солунскаго), такъ и богослуженіе по уставу великой Константинопольской церкви отличалось со внѣшней стороны торжественностію, приличною патріаршему служенію въ столицѣ греческихъ императоровъ. Нѣкоторыя церковныя послѣдованія этого устава требовали много священнослужителей и пѣвцовъ; таково, напримѣръ, пѣсненное послѣдованіе (ἀσματικὴ ἀκολουθία), названное такъ потому, что оно исполнялось однимъ пѣніемъ, безъ чтенія, исключая молитвъ священниковъ и прошеній діаконовъ. Симеонъ Солунскій дѣлаетъ подробное изъясненіе пѣсненной вечерни и утрени (loco citato глл. 266, 268, 309 sequ.), и изъ его изложенія видно не малое отличіе въ предметѣ и порядкѣ послѣдованія этихъ службъ отъ послѣдованія ихъ по Іерусалимскому уставу. Итакъ, Константинопольскій или Іерусалимскій богослужебный чинъ вмѣстѣ и съ церковнымъ пѣніемъ заимствованъ былъ Кирилломъ и Меѳодіемъ для славянскихъ церквей?

---

[1]) *Москвитянинъ*, 1843 г., ч. III, стр. 424, 434.

Библиотека "Руниверс"

Судя по тому, что Кириллъ и Меѳодій имѣли въ виду установить богослуженіе для Славянъ, не имѣвшихъ и начатковъ просвѣщенія, которое самимъ же братьямъ Солунскимъ приходилось впервые насаждать въ юной славянской церкви, слѣдуетъ думать, что они избрали не тотъ богослужебный чинъ, который отличался торжественностію церковныхъ церемоній и искуственностію мелодій, ибо для этого потребовалось бы много священнослужителей, и приходилось бы содержать цѣлые хоры пѣвцовъ, а удовлетворить тому можно было развѣ только отчасти, въ главныхъ городахъ при служеніи епископовъ. Напротивъ, естественнѣе было избрать такое богослуженіе, которое, не отличаясь внѣшнею торжественностію, сопровождалось простыми чинопослѣдованіями и скромными напѣвами, но которое въ замѣнъ этого заключало бы въ себѣ богатство внутренняго содержанія; а таковымъ именно было и есть церковное богослуженіе по чину Іерусалимскаго устава. Сдѣлать такой именно выборъ Кириллъ и Меѳодій, кромѣ указаннаго побужденія, имѣли и полную возможность. Правда, въ IX вѣкѣ въ великой Константинопольской церкви богослуженіе совершалось еще по своему чину, установившемуся отъ древности, но уже въ началѣ этого вѣка сталъ входить въ употребленіе и уставъ Іерусалимскій, первоначально — въ монастыри, находившіеся въ греческой столицѣ. Такъ, преподобный Ѳеодоръ, возстановитель Студійскаго монастыря († 826 г.), ввелъ въ него именно Іерусалимскій уставъ, нѣсколько приспособивъ его къ мѣстнымъ условіямъ своего монастыря, въ которомъ онъ былъ игуменомъ. Братъ св. Ѳеодора Студита, Іосифъ Студитъ, былъ архіепископомъ въ Солуни († 825), въ томъ городѣ, гдѣ родились Меѳодій и Константинъ. А такъ какъ оба брата Студиты были знаменитыми пѣснописцами и пѣснопѣвцами своего времени, то не удивительно, что братья Солунскіе еще въ дѣтствѣ ознакомились въ Солунской церкви не только съ пѣснопѣніями студійскихъ отцевъ, но и отцевъ Іерусалимскихъ, и въ частности — съ осмогласными мелодіями Дамаскина [1]); быть можетъ, архіепископъ Іосифъ, по примѣру брата, ввелъ въ Солунскую церковь и весь богослужебный чинъ по Іерусалимскому уставу.

[1]) Надо думать, что Меѳодій и Константинъ провели свое дѣтство въ родномъ городѣ, ибо конечно тамъ, а не въ Константинополѣ, они научились *чисто говорить по славянски*: «вы бо іеста Селунянина, да Селуняне вьси чисто словѣнски бесѣдуютъ», говоритъ императоръ Михаилъ, убѣждая братьевъ на трудъ просвѣщенія Славянскихъ народовъ. О Константинѣ, младшемъ братѣ, извѣстно, что онъ взятъ къ императорскому двору уже четырнадцати лѣтъ отъ роду.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ Солунскіе братья могли заимствовать богослуженіе по чину Іерусалимскаго устава изъ Студійскаго монастыря, или даже изъ Солунской церкви, если только богослуженіе это введено было въ нее св. Іосифомъ Студитомъ.

Лучшее рѣшеніе вопроса о томъ, откуда заимствовали Кириллъ и Меѳодій богослужебный чинъ, а вмѣстѣ и пѣніе для Славянской церкви, могли бы дать славянскія богослужебныя книги IX вѣка, еслибъ онѣ дошли до насъ. Но отъ IX, и даже отъ X вѣка, мы не имѣемъ славянскихъ книгъ, а имѣемъ ихъ уже отъ XI вѣка, и притомъ книги эти принадлежатъ намъ—Русскимъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи содержанія этихъ рукописей, мы не только можемъ утверждать о существованіи богослужебнаго чина по Іерусалимскому уставу—и притомъ въ студійской его редакціи — въ Русской церкви, въ первые вѣка ея существованія, даже до XIV вѣка (когда тотъ же богослужебный чинъ сталъ излагаться уже въ собственно Іерусалимской редакціи), но можемъ заключать о существованіи богослуженія по тому же чину и у южныхъ Славянъ въ IX—X вѣкахъ.

Мы уже говорили, что первыя наши богослужебныя и вмѣстѣ съ тѣмъ нотныя книги XI—XIII вв. происхожденіемъ своимъ обязаны южнымъ Славянамъ, то-есть, онѣ или писаны у Славянъ, или переписаны съ экземпляровъ южно-славянскихъ [1]).

Содержаніе этихъ рукописей въ обиліи заимствовано изъ твореній выше указанныхъ пѣснописцевъ Іерусалимской церкви, а также и изъ твореній студійскихъ отцевъ, которые въ дѣлѣ пѣснопѣнія были продолжателями трудовъ отцевъ іерусалимскихъ, ибо писали въ тѣхъ же родахъ, въ томъ же духѣ и направленіи. И не только содержаніе этихъ книгъ заимствовано изъ богослужебнаго состава пѣснопѣній Іерусалимской церкви, но и самый порядокъ церковныхъ службъ расположенъ въ нихъ согласно съ древними уставами (XI—XIII вв.), до насъ дошедшими, именно съ уставами студійской редакціи, какъ въ этомъ убѣждаетъ сличеніе содержанія и порядка службъ въ богослужебныхъ книгахъ съ порядкомъ, указаннымъ въ уставахъ [2]). Въ

[1]) Перечень важнѣйшихъ нотныхъ рукописей до насъ дошедшихъ, съ указаніемъ ихъ происхожденія, на основаніи филологическихъ изслѣдованій, находится въ статьѣ нашей „О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія“ въ *Правосл. Обозрѣніи* 1866 г. сент. стр. 50—53).

[2]) См. Полный мѣсяцесловъ Востока архим. *Сергія*, т. 1, стр. 151. Исторію Русской Церкви *Е. Е. Голубинскаго*, т. 1, полов. 2, стр. 653 sequ. Описаніе синодальной библіотеки *Горскаго* и *Невоструева*, Отд. III, ч. 1.

Библиотека "Руниверс"

одномъ изъ древнихъ нотныхъ стихирарей, принадлежащемъ Московской синодальной библіотекѣ, писанномъ въ 1157 году, находится надписаніе, прямо указывающее на этотъ богослужебный чинъ, а именно: „Стихирарь мѣсячный съ Богомъ починаемъ по уставу святаго Ѳеодора Студійскаго“ (л. 1 об.). Все это несомнѣнно доказываетъ существованіе въ Русской церкви, съ самаго перваго времени ея бытія Іерусалимскаго чина богослуженія по изложенію Студійскаго монастыря.

Русскія лѣтописныя извѣстія передаютъ, что Студійскій уставъ впервые заимствованъ у насъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ, посылавшимъ около 1070 года за этимъ уставомъ въ Константинопольскій Студійскій монастырь, и что послѣ того, какъ былъ полученъ и введенъ этотъ уставъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, стали изъ сего послѣдняго заимствовать тотъ же уставъ и прочіе монастыри и церкви русскіе [1]). Что же касается богослужебныхъ книгъ, то онѣ, конечно, существовали у насъ и до Ѳеодосія, какъ существовало и самое богослуженіе, совершавшееся по тѣмъ книгамъ. Книги эти могли быть не иныя, какъ тѣ, которыя получались нами отъ южныхъ Славянъ, или списывались у насъ съ экземпляровъ южно-славянскихъ; даже тѣ книги XI столѣтія, которыя дошли до насъ, переписаны съ этихъ же экземпляровъ, какъ доказываетъ ихъ правописаніе южно-славянское. Итакъ, если древнѣйшія русскія богослужебныя книги первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ обязаны южнымъ Славянамъ, а богослужебное содержаніе и порядокъ этихъ книгъ заимствованы изъ богослужебнаго чина Іерусалимской церкви (по студійскому его изложенію), то отсюда слѣдуетъ, что не нами впервые принятъ отъ Грековъ этотъ богослужебный чинъ, а южными Славянами, что ими онъ заимствованъ при переводѣ книгъ съ греческаго языка на славянскій, и слѣдовательно, былъ у нихъ въ употребленіи въ IX—X вѣкахъ, а потомъ ими же переданъ намъ вмѣстѣ съ церковными книгами въ X—XI вѣкахъ. Преп. Ѳеодосій Печерскій обратился за уставомъ въ Студійскій монастырь потому главнымъ образомъ, что самымъ содержаніемъ богослужебныхъ книгъ, находившихся въ его время въ церковномъ употребленіи, онъ былъ вынужденъ обратиться именно въ этотъ монастырь.

---

[1]) Исторія Русской Церкви преосв. *Макарія*, изд. 2, т. II, 60—62. Это извѣстіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что преп. Ѳеодосій получилъ изъ Студійскаго монастыря *писанный уставъ* этого монастыря (и притомъ уставъ не только богослужебный, но и монастырскій).

Библиотека "Руниверс"

Пѣніе, принятое Русскою церковію въ нотныхъ богослужебныхъ книгахъ славянскаго происхожденія, извѣстно доселѣ подъ именемъ знаменнаго (знамя—знакъ, нота). Знаменнымъ или нотнымъ это пѣніе названо въ отличіе отъ пѣнія не нотнаго, усвоеннаго по слуху и исполнявшагося изустно, на память. Какъ первое, такъ и второе, то-есть, не нотное пѣніе, исполняемое по преданію, на память, совершенно сохранились до нашего времени. Въ какой мѣрѣ осталось вѣрнымъ своему прототипу пѣніе второго рода, не нотное, судить въ настоящее время, конечно, трудно. Впрочемъ, тожество церковныхъ напѣвовъ (при нѣкоторомъ, вообще незначительномъ ихъ разнообразіи), въ особенности напѣвовъ осмогласныхъ, употребляющихся одинаково въ различныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, свидѣтельствуетъ о томъ, что пѣніе это не удалилось по своему характеру отъ первоначальнаго своего источника, а сохранилось путемъ преданія, вѣрнымъ первобытнымъ своимъ музыкальнымъ качествамъ. Что же касается пѣнія знаменнаго, нотнаго, то о немъ можемъ съ полною увѣренностью сказать, что оно сохранилось до настоящаго времени въ замѣчательной чистотѣ и цѣлости первоначальнаго своего характера. Имѣвшіе случай дѣлать сличенія нотныхъ пѣснопѣній, заключающихся въ древнѣйшихъ книгахъ, съ таковыми же пѣснопѣніями въ книгахъ позднѣйшаго времени, свидѣтельствуютъ объ этой неповрежденности церковныхъ напѣвовъ, употребляемыхъ нами доселѣ [1]). Съ своей стороны можемъ свидѣтельствовать о томъ же: мы также дѣлали сличенія нѣсколькихъ нотныхъ стихиръ и ирмосовъ по вѣкамъ, начиная съ XI и до XVII-го—когда начали переводить пѣніе съ крюковъ на линейныя ноты, и даже до настоящаго времени по нотнымъ книгамъ линейнымъ и крюковымъ, старообрядческимъ. Ноты какъ въ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ рукописяхъ надъ пѣснопѣніями, сравниваемыми по вѣкамъ, оказались тѣ же самыя, за незначительными исключеніями, не измѣняющими ни основнаго строя мелодіи, ни древняго ея характера. Отсюда заключаемъ, что знаменное пѣніе сохранилось до настоящаго времени въ существенныхъ чертахъ такимъ, какимъ оно принято нами впервые отъ южныхъ Славянъ.

Оставаясь само въ себѣ неизмѣнно вѣрнымъ древнему своему характеру, знаменное пѣніе произвело у насъ съ теченіемъ времени

---

[1]) См. Церковное пѣніе въ Россіи о. *Разумовскаго*, стр. 171; Руководство къ изученію пѣнія Правосл. Церкви *Потулова*, стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько особыхъ роспѣвовъ, образовавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ и принятыхъ во всеобщее употребленіе въ Русской церкви. Роспѣвы эти представляютъ собою отдѣльные виды древне-русскаго церковнаго пѣнія, и имѣютъ свойственныя каждому изъ нихъ музыкальныя особенности; но эти особенности нисколько не препятствуютъ въ каждомъ изъ роспѣвовъ признать древне-церковный характеръ и безошибочно отнести ихъ къ общему кругу древне-церковныхъ мелодій, не смѣшивая съ церковными напѣвами позднѣйшаго западнаго происхожденія.

Въ прежнее время на Руси существовало очень много церковныхъ роспѣвовъ; почти въ каждой сколько нибудь значительной мѣстности былъ свой церковный роспѣвъ. (Таковы, напримѣръ, извѣстны древніе роспѣвы: Кіевскій, Казанскій, Новгородскій, Московскій, Псковскій, Смоленскій, Черниговскій, Усольскій, Соловецкій, Кирилловскій, Тихвинскій и др.). Многіе изъ древнихъ роспѣвовъ заключены въ нотныя рукописи крюковаго пѣнія и остаются доселѣ въ библіотекахъ не разобранными; другіе переведены на линейныя ноты въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, но также остаются въ рукописяхъ безъ употребленія, ибо не вошли въ печатныя изданія нотныхъ церковныхъ книгъ.

Что касается печатныхъ изданій, то въ нихъ вошли слѣдующіе роспѣвы, имѣющіе дѣленіе на восемь гласовъ:

1) Большой знаменный роспѣвъ; это самый древній видъ славянскаго церковнаго пѣнія, впервые принятый нами отъ южныхъ Славянъ вмѣстѣ съ ихъ нотными книгами. Роспѣвъ этотъ есть вмѣстѣ самый обширный и употребительный издревле, положившій основаніе и послужившій образцомъ для другихъ, образовавшихся впослѣдствіи, уже собственно русскихъ роспѣвовъ.

2) Малый знаменный роспѣвъ. Онъ образовался у насъ чрезъ сокращеніе большаго знаменнаго роспѣва. Древнія знаменныя мелодіи, употреблявшіяся иногда на память, безъ нотъ, съ теченіемъ времени сокращались въ своей протяжности и извитіяхъ голоса, и упростившись, образовали особый кругъ осмогласныхъ мелодій сокращенныхъ, положенныхъ впослѣдствіи и на ноты.

3) Кіевскій роспѣвъ, образовавшійся тоже чрезъ сокращеніе древняго знаменнаго, но имѣющій свои, ему свойственные мелодическіе пріемы и исполняющійся медленнѣе малаго знаменнаго распѣва, въ особенности въ тѣхъ пѣснопѣніяхъ, которые не подчиняются осмогласію.

Библиотека "Руниверс"

4) Путевой роспѣвъ, образовавшійся чрезъ расширеніе и украшеніе голосовыми извитіями древнихъ знаменныхъ мелодій.

5) Къ роспѣвамъ произшедшимъ отъ знаменнаго пѣнія слѣдуетъ отнести и Галичскіе роспѣвы, сохранившіеся въ Львовскомъ печатномъ Ирмологіѣ. Къ нимъ относится осмогласный роспѣвъ воскресныхъ тропарей (въ нѣкоторыхъ гласахъ сходный съ греческимъ роспѣвомъ нашихъ книгъ), роспѣвъ утреннихъ прокимновъ, неосмогласный роспѣвъ Да исправится молитва моя и Великій канонъ св. Андрея Критскаго.

Кромѣ этихъ русскихъ роспѣвовъ, въ печатныхъ нотныхъ книгахъ заключены и иностранные осмогласные роспѣвы, какъ-то:

6) Греческій роспѣвъ, образовавшійся въ самой Греціи, вѣроятно, отъ Дамаскинскаго осмогласнаго пѣнія и нами принятый въ довольно позднее время; впрочемъ онъ встрѣчается въ рукописахъ подъ крюковыми еще нотами. Пасхальный канонъ Львовскаго Ирмологія принадлежитъ, кажется, къ этому, то-есть, греческому роспѣву.

7) Болгарскій роспѣвъ извѣстенъ въ двухъ видахъ: первымъ роспѣты стиховныя стихиры Львовскаго Ирмологія, а другимъ сѣдальны нашего обихода и Львовскаго Ирмологія. По сродству съ русскимъ знаменнымъ пѣніемъ болгарскій роспѣвъ легко полагался на крюковыя ноты, а съ нихъ переведенъ былъ и на линейныя.

Такова вкратцѣ исторія происхожденія и образованія пѣснопѣнія нашей церкви съ его богослужебной и музыкальной стороны. Получивъ свое начало въ первенствующей церкви, пѣснопѣніе это въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ приводилось въ полноту и стройность въ предѣлахъ Іерусалимской церкви, сохранившей въ себѣ наиболѣе явственные слѣды устройства церкви апостольской. Въ лаврѣ св. Саввы православное пѣснопѣніе имѣло лучшихъ своихъ представителей въ лицѣ знаменитыхъ пѣснопѣвцевъ, обогатившихъ оное своими твореніями словесными и вмѣстѣ музыкальными. Здѣсь же пѣснопѣніе это подверглось опредѣленію чрезъ точныя правила, положившія законы составленія и исполненія его: письменнымъ выраженіемъ этихъ правилъ и былъ Октоихъ Дамаскина, какъ произведеніе словесно-музыкальное. Принятый вскорѣ послѣ смерти Дамаскина (лѣтъ черезъ 20—30) въ Студійскій монастырь, въ Константинополѣ, Октоихъ чрезъ посредство этого же монастыря перешелъ въ церковь Славянскую, а затѣмъ и въ Русскую церковь, въ которой не только свято сохранился предметъ пѣснопѣнія, но и самые напѣвы остались въ той цѣлости, въ какой существовали въ глубокой

Библиотека "Руниверс"

древности. Дѣйствительно, мы должны признать, что Дамаскинъ вѣрно изложилъ въ своемъ Октоихѣ древнія мелодіи Іерусалимской церкви; а такъ какъ эти мелодіи приняты нами изъ вторыхъ, или если считать южныхъ Славянъ особо,—изъ третьихъ рукъ, то мы должны признать и то, что въ осмогласныхъ знаменныхъ напѣвахъ церковь Русская владѣетъ самыми древними и подлинными христіанскими мелодіями.

Пѣснопѣніе православной церкви есть предметъ великой важности не только потому, что имѣетъ за собой авторитетъ глубокой и священной древности, но и по своему содержанію и по художественному словесно-музыкальному выраженію. Оно заключаетъ въ себѣ здравое ученіе православной церкви (въ видѣ истинъ догматическихъ, нравственныхъ и пр.); въ немъ предлагается прекрасное выраженіе прошеній, благодареній, славословій и вообще молитвенныхъ обращеній человѣческой души къ Богу; въ музыкальномъ отношеніи оно обладаетъ мелодіями простыми и строгими, но полными безыскусственной искренности и неувядаемой красоты. Въ устройствѣ обширнаго и разнообразнаго круга церковнаго пѣснопѣнія принимали преемственное участіе многія христіанскія поколѣнія; надъ нимъ трудились блестящія дарованія, сообщившія ему полноту, стройность и совершенную цѣлесообразность его назначенію. Все это необходимо знать и имѣть въ виду тому, кто пожелалъ бы дѣлать въ области православнаго пѣснопѣнія какія-либо преобразованія, вызываемыя нуждами времени: въ противномъ случаѣ, безъ этого знанія, онъ можетъ сообщить что-либо чуждое исконному характеру древняго пѣснопѣнія нашего или пренебречь какимъ-либо существеннымъ его качествомъ. Что же касается тѣхъ исправленій и нововведеній, которыя предполагаютъ произвести въ церковномъ пѣснопѣніи нашемъ изслѣдователи, подобные автору разбираемой нами книги, то эти нововведенія, какъ основанныя на поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ и вытекающія единственно изъ побужденій вѣроисповѣдной пропаганды, конечно, должны имѣть слѣдствіемъ не созиданіе и устройство, а разстройство и разрушеніе славянскаго церковнаго пѣснопѣнія.

III.

Обращаемся къ тому отдѣлу книги Де-Кастро, который составляетъ результатъ ученыхъ изслѣдованій автора, и которому онъ далъ заглавіе: Методъ обученія.

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ отдѣлѣ излагается устройство церковной гаммы, на которой основывается наше богослужебное пѣніе, предлагаются методическія замѣчанія для учащихъ и практическіе пріемы изученія гаммы для учащихся, и присоединяются такъ-называемыя экзерциціи для изученія звуковъ и отношеній между ними, то-есть, интерваллов, говорится о различіи звуковъ по мѣрѣ протяженія (гл. I—III). Затѣмъ (въ гл. IV) говорится о гласахъ, на которые дѣлятся церковныя мелодіи; наконецъ (въ V гл.), говорится о способѣ исполненія пѣснопѣній, между прочимъ—о хоровомъ, то-есть, съ гармоническимъ сопровожденіемъ. Отдѣлъ этотъ довольно разнообразный, но не очень систематичный, какъ впрочемъ и вся книга.

У Де-Кастро былъ предшественникъ въ изложеніи методическаго руководства къ изученію славянскаго церковнаго пѣнія; мы разумѣемъ нашего соотечественника, покойнаго Н. М. Потулова, „Руководство" котораго вышло раньше, именно въ 1872 году, въ Москвѣ. Но этому напрасно авторъ и его „одобритель" утверждаютъ будто доселѣ ни у Славянъ, ни у Грековъ не было и нѣтъ такой книги, которая служила бы къ изученію православнаго церковнаго пѣнія (Prologus pag. XVII et Approbationes). Въ особенности тому профессору литургики и церковнаго пѣнія въ греко-уніатской коллегіи (въ Римѣ), который называетъ книгу Де-Кастро „весьма спасительнымъ памятникомъ" (valde salutare monumentum) слѣдовало бы знать то, что̀ выходитъ по предмету, имъ преподаваемому, у родственнаго народа. „Руководство къ изученію православнаго пѣнія" Потулова имѣетъ болѣе скромную задачу, чѣмъ Методъ Де-Кастро, но за то эта задача исполнена Потуловымъ совершенно добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и полнымъ вниманіемъ къ предмету. Де-Кастро избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, познакомившись съ книгой Потулова.

Въ изложеніи правилъ пѣнія, пока эти правила не касаются особенностей славянскаго пѣнія, Де-Кастро выражается кратко и точно; методическіе совѣты его дѣльны и основаны на практикѣ. Но какъ скоро приходится ему говорить объ особенностяхъ нашего церковнаго пѣнія, рѣчь его становится многословною и неопредѣленною, а свѣденія оказываются недостаточными, поверхностными, а иногда совсѣмъ ложными. Такъ, упражненія, предложенныя имъ для первоначальнаго изученія звуковъ и ихъ отношеній взаимныхъ (стр. 38—42), годятся для всякаго пѣнія, но къ особенностямъ нашего пѣнія, имѣющаго свой строй и свой характеръ, нисколько не приспособлены.

Библиотека "Руниверс"

Церковная гамма наша состоитъ, какъ извѣстно, изъ соединенныхъ тетрахордовъ такимъ образомъ, что послѣдній звукъ низшаго тетрахорда становится первымъ звукомъ слѣдующаго высшаго тетрахорда. Поэтому и слѣдовало расположить упражненія сначала въ предѣлахъ одного тетрахорда, потомъ въ предѣлахъ двухъ соединенныхъ и т. д. Затѣмъ, для первоначальныхъ упражненій было бы полезно выбрать изъ пѣснопѣній краткія, но характеристическія музыкальныя фразы и группировать эти фразы по гласамъ для того, чтобъ учащіеся съ первыхъ же упражненій не только знакомились практически съ характеристическими особенностями церковнаго пѣнія, но и пріучались бы по этимъ фразамъ отличать одинъ гласъ отъ другого. Для изученія длительности звуковъ у автора и совсѣмъ нѣтъ начальныхъ упражненій. Для знакомства съ нотами со стороны ихъ длительности авторъ совѣтуетъ начать пѣніе съ догматика 8-го гласа Царь небесный, на томъ основаніи, что въ немъ встрѣчаются всѣ ноты, различающіяся другъ отъ друга по мѣрѣ протяженія (стр. 48). Но именно этого и не слѣдуетъ дѣлать: здравая методика даетъ не все вдругъ, а по немногу и въ строгой послѣдовательности.

Въ главѣ, излагающей систему осмогласія, Де-Кастро полагаетъ такое различіе между церковными осмогласными мелодіями. „Осмогласныя мелодіи", говоритъ онъ,—„различаются между собою типомъ или характеромъ мелодическимъ, господствующими звуками или нотами, то-есть, такими, которые наиболѣе господствуютъ или чаще встрѣчаются въ извѣстномъ пѣніи, наконецъ такими (звуками, или нотами), которые образуютъ окончанія фразъ, называемыя у Грековъ καταλήξεις" (стр. 49).

Что осмогласныя мелодіи различаются между собою каждая особенностью своего характера,—это вѣрно и понятно само собою; но дальнѣйшее разъясненіе этого различія оказывается ложнымъ. Что такое звуки господствующіе въ мелодіи, которыми будто бы отличается одинъ гласъ отъ другого? Такіе звуки, отвѣчаетъ авторъ,—которые чаще встрѣчаются въ пѣніи. Но въ мелодическомъ пѣніи чаще встрѣчаются звуки средніе, такіе, которые находятся въ срединѣ, между крайними верхними и нижними. И такъ какъ это положеніе голоса на среднихъ звукахъ есть самое удобное и естественное, то понятно оно и наблюдается, за нѣкоторыми исключеніями, во всякой мелодіи. А если это наблюдается въ каждой мелодіи, то очевидно, ничего характеристическаго для того или другаго гласа въ среднихъ нотахъ не заключается. Господствующій звукъ, или доминанта—тер-

Библиотека "Руниверс"

минъ собственно гармоническій и въ гармоніи дѣйствительно имѣетъ свое особое значеніе, почему и названіе такое носитъ не безъ основанія. Въ гармоническомъ строю доминанта занимаетъ господствующее положеніе въ отношеніи къ другимъ, нижнимъ и верхнимъ звукамъ, сопровождающимъ ее, именно: доминанта, если можно употребить такое сравненіе, занимаетъ центральное положеніе въ отношеніи къ сопровождающимъ ее звукамъ, которые размѣщаются какъ бы по ея окружности. Поэтому то доминанта остается сравнительно въ спокойномъ и неподвижномъ состояніи, тогда какъ сопровождающіе звуки постоянно мѣняютъ свои мѣста, ближе или дальше помѣщаясь въ ея окружности. Такъ какъ ничего подобнаго въ мелодическомъ пѣніи не бываетъ, то и теорія звуковъ господствующихъ не приложима къ мелодіи.

Далѣе авторъ говоритъ о звукахъ, составляющихъ заключенія въ музыкальныхъ фразахъ и образующихъ голосовое отличіе осмогласныхъ мелодій. Здѣсь больше правды въ словахъ автора, но неточность въ томъ, что для характера церковнаго гласа важенъ не отдѣльный звукъ, или нота, хотя бы и въ окончаніяхъ, но сочетаніе звуковъ, или цѣлыя музыкальныя фразы. Разнообразный характеръ этихъ фразъ, особенная ихъ группировка и послѣдовательность, наблюдаемыя въ каждомъ гласѣ, и составляютъ главное отличіе осмогласныхъ мелодій одной отъ другой. Что же касается того, на какую именно ноту оканчивается та или другая пѣснь, это далеко не важно, и въ этомъ отношеніи въ нашемъ церковномъ пѣніи замѣчается большое разнообразіе, напримѣръ, во 2-мъ гласѣ знаменнаго роспѣва пѣснопѣнія оканчиваются на утъ, на ре, ми, фа и на соль. (см. нотный Ирмологъ и октоихъ).

Мыслью о важности отдѣльныхъ заключительныхъ звуковъ авторъ руководился при дѣленіи мелодій на музыкальныя строки и болѣе крупные отдѣлы. Основаніе къ своему дѣленію авторъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ, выражающихъ его ученіе о заключеніяхъ въ музыкальныхъ фразахъ. „Заключенія фразъ", говоритъ онъ,—„бываютъ несовершенныя и совершенныя. Заключеніе несовершенное у Грековъ называется ἄτελος, совершенное ἔντελος, окончаніе пѣснопѣнія—τελικὴ (финалъ), которое въ свою очередь бываетъ не всегда совершеннымъ. Заключеніе несовершенное (κατάληξις ἀτελὴ) есть такое окончаніе, въ которомъ смыслъ пѣнія остается какъ бы нерѣшеннымъ, несовершеннымъ, показывающимъ, что чего-то недостаетъ. Заключеніе совершенное (ἐντελὴ) есть такое, въ которомъ смыслъ пѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія закончень. Поэтому съ нѣкоторою аналогіей (можно сказать, что) заключеніе совершенное по значенію подобно точкѣ или двоеточію (similis valori puncti, aut duorum punctorum), показывающимъ въ грамматикѣ окончаніе періода, или смысла; а несовершенное подобно другимъ знакамъ препинанія и въ частности—черточкѣ (запятой? similis virgulae); впрочемъ, въ пѣніи заключенія часто имѣютъ мѣсто и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого грамматическаго знака препинанія" (стр. 49). Въ этихъ словахъ, хотя и не совсѣмъ ясно, высказывается въ сущности правильная мысль—объ аналогіи въ устройствѣ мелодіи православнаго пѣнія съ устройствомъ обыкновенной, болѣе или менѣе правильно составленной рѣчи. Но теорія объ окончательныхъ звукахъ или нотахъ и здѣсь совратила автора съ надлежащаго пути и привела къ очень ошибочнымъ слѣдствіямъ. Полагая, что въ каждомъ гласѣ окончанія должны выражаться тою или другою нотой, авторъ производитъ дѣленіе мелодіи такимъ образомъ: онъ поставляетъ знакъ совершеннаго окончанія (punctum) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть эта, по его мнѣнію, окончательная нота, а гдѣ такой ноты нѣтъ, ставитъ знакъ несовершеннаго окончанія (virgulam). Напримѣръ, въ догматикѣ 1-го гласа (Всемірную славу) заключительною нотою, думаетъ онъ,—служитъ нижнее ре: онъ и ставитъ punctum, гдѣ встрѣчается въ заключеніи фразы эта нота, а въ другихъ мѣстахъ ставитъ virgulam—гдѣ нѣтъ этой ноты при окончаніи музыкальнаго стиха.

Такъ какъ авторъ этимъ способомъ, какъ бы посредствомъ знаковъ препинанія, размѣтилъ мелодію всѣхъ пѣснопѣній, заключающихся въ его „Сборникѣ", то для ознакомленія съ его способомъ мы представляемъ въ образецъ, сдѣланное имъ дѣленіе вышесказаннаго догматика 1-го гласа. Избираемъ это пѣснопѣніе потому, между прочимъ, что многіе изъ нашихъ читателей знаютъ на память эту пѣснь; въ Львовскомъ Ирмологіѣ мелодія его та же, что и въ нашемъ Октоихѣ. Нижнее ре, встрѣчается въ немъ при окончаніяхъ на словахъ: прозябшую, Божество, утвержденіе—здѣсь и стоитъ у автора знакъ совершеннаго окончанія—punctum (эти болѣе крупныя части мелодіи мы назвали отдѣленіями), а въ другихъ случаяхъ при окончаніяхъ музыкальныхъ фразъ стоитъ virgula (это мы обозначаемъ отдѣльными строками: 1, 2, 3 и пр.).

Отдѣленіе I: 1) Всемірную славу, 2) Отъ человѣкъ прозябшую.

Отдѣленіе II: 1) И Владыку родшую, 2) Небесную дверь,

Библиотека "Руниверс"

3) Воспоимъ Марію Дѣву, 4) Безплотныхъ пѣснь, 5) И вѣрныхъ удобреніе: 6) Сія бо явися небо 7) И храмъ Божества.

Отдѣленіе III: 1) Сія преграженіе вражды 2) Разрушивши, миръ введе 3) И царствіе отверзе, 4) Сію убо имуще, 5) Вѣры утвержденіе,

Отдѣленіе IV: 1) Поборника имамы, 2) Изъ нея рождшагося Господа. 3) Держайте убо, 4) Держайте людіе Божіи: 5) Ибо той побѣдитъ враги, 6) Яко всесиленъ.

Кому извѣстна мелодія этого пѣснопѣнія, тотъ поймет, что дѣленіе автора вѣрно только въ отношеніи стиховъ или музыкальныхъ строкъ (отдѣленныхъ у насъ цифрами), которыя на столько явственно отдѣляются одна отъ другой, что не замѣтить этого нельзя [1]). Что же касается крупныхъ дѣленій автора, именно того, что мы назвали отдѣленіями, то въ нихъ характернаго въ музыкальномъ отношеніи ничего нѣтъ, а въ отношеніи текста, которымъ мелодія не должна пренебрегать и не пренебрегаетъ, дѣленіе автора оказывается вовсе не сообразнымъ и совершенно ложнымъ, какъ видно изъ представленнаго образца.

Устройство церковной мелодіи, сказали мы, имѣетъ большое сходство съ устройствомъ текста, или вообще съ болѣе или менѣе правильнымъ составомъ рѣчи. Какъ мысль, облекаясь въ слово, образуетъ изъ отдѣльныхъ понятій предложенія, а изъ взаимнаго сопоставленія и подчиненія предложеній образуетъ разнообразные періоды, такъ и чувство, облекаясь въ звуки, слѣдуетъ тому же естественному закону. Изъ отдѣльныхъ мотивовъ и краткихъ музыкальныхъ фразъ оно составляетъ стихи или музыкальныя строки, а изъ взаимнаго соединенія и сопоставленія строкъ образуетъ болѣе или менѣе стройные періоды, которые какъ и словесные, раздѣляются на двѣ, соотвѣтствующія одна другой половины, изъ которыхъ одну можно назвать повышеніемъ, а другую пониженіемъ. Эта связь музыкальной стороны и словесной въ произведеніяхъ, назначаемыхъ для пѣнія идетъ издавна; она была особенно тѣсна въ древности, въ то время, когда музыка еще не отдѣлялась отъ поэзіи. Въ христіанской церкви мелодія явилась сначала какъ спутникъ священнаго текста для боль-

---

[1]) Впрочемъ и тутъ у автора есть ошибки, а именно: во II-мъ отдѣленіи 6-я строка, слово *небо* должно быть отнесено къ слѣдующей 7-й строкѣ; въ III-мъ отдѣленіи 1-я и 2-я строки, слова *вражды разрушивши* должны составить особую строку, какъ это будетъ видно ниже.

Библиотека "Руниверс"

шей его выразительности и вразумительности, а затѣмъ и какъ украшеніе, приличное христіанскому богослуженію. Въ томъ и другомъ случаѣ мелодія занимала значеніе второстепенное, служебное и уже поэтому она должна была во многомъ сообразоваться съ устройствомъ текста священныхъ пѣсней. Эта связь священнаго текста съ мелодіей наблюдается въ нашемъ церковномъ пѣніи доселѣ и служитъ свидѣтельствомъ древности его происхожденія и устройства. Не всегда, конечно, мелодическая сторона представляетъ совершенную правильность и стройное соотвѣтствіе въ членахъ, составляющихъ періоды; связь между музыкальными строками иногда бываетъ слаба, строгой соразмѣрности въ построеніи періодовъ также не всегда видно. Но то же самое должно сказать и о словесныхъ произведеніяхъ: только лучшія изъ нихъ въ логическомъ и художественномъ отношеніи отличаются строгою связностію и соразмѣрностью построенія, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ.

Если мы приложимъ сейчасъ нами сказанное къ тому догматику 1-го гласа, который выписали выше, по дѣленію его Де-Кастро, то легко замѣтимъ, что мелодія этого догматика имѣетъ правильное дѣленіе на періоды, что періоды дѣлятся на двѣ соотвѣтствующія другъ другу половины (эти половины мы обозначаемъ цифрами 1, 2, при чемъ первая половина третьяго періода оказывается сложенною изъ двухъ частей: 1 а, 1 б), и что наконецъ обѣ половины періода состоятъ изъ отдѣльныхъ стиховъ (это мы обозначаемъ отдѣльными строками). Заключительныя фразы одинаковымъ своимъ мотивомъ весьма явственно отдѣляютъ въ этомъ догматикѣ одинъ музыкальный періодъ отъ другого: стоитъ только сличить музыкальный мотивъ, заключающій каждый періодъ (именно въ словахъ: Дѣву, удобреніе отверзе, Господа, всесиленъ), чтобы убѣдиться въ этомъ,

Дѣленіе мелодіи.

Догматика 1-го гласа по музыкальнымъ періодамъ и строкамъ.

Періодъ первый:

1. Всемірную славу, / отъ человѣкъ прозябшую, / и Владыку родшую, — 2. Небесную дверь, / воспоимъ Марію, / Дѣву,

Періодъ второй:

1. (Безплотныхъ пѣснь, — 2. (и вѣрныхъ удобреніе.

Періодъ третій:

1а. Сія бо явися / Небо и храмъ Божества, — 1б. сія прегражденіе / вражды разрушивши, — 2. миръ введе / и царствіе отверзе.

Библиотека "Руниверс"

Періодъ четвертый:

1. { Сіе убо имуще / вѣры утвержденіе, } 2. { Поборника имамы— / изъ нея рождшагося Господа.

Періодъ пятый:

1. { Дерзайте убо, / дерзайте людіе Божіи, } 2. { Ибо Той побѣдитъ враги, / яко всесиленъ.

Вникая въ обѣ стороны этого пѣснопѣнія, то-есть, музыкальную и словесную вмѣстѣ, мы замѣчаемъ, что онѣ находятся въ тѣсной связи между собою и по своему устройству, и по выраженію: онѣ другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ, сливаясь въ одно художественно-цѣлое.

Въ главѣ о способахъ исполненія пѣснопѣній Де-Кастро предлагаетъ нѣсколько новыхъ, неизвѣстныхъ у насъ способовъ сопровожденія церковныхъ мелодій при хоровомъ исполненіи ихъ, въ особенности способъ гармоническаго сопровожденія созвучными голосами. Такъ, авторъ рекомендуетъ (стр. 61) ввести греческій способъ пѣнія съ такъ-называемымъ исономъ (ἴσον—ровное). Исонъ есть звукъ ровно, безъ измѣненія проходящій чрезъ всю пьесу и обыкновенно поручаемый у Грековъ въ хорѣ мальчикамъ, обладающимъ твердыми и сильными голосами. Въ своемъ „Сборникѣ“ нашъ авторъ дѣлаетъ надписанія надъ нѣкоторыми пѣснопѣніями, обозначая въ какомъ звукѣ, по его мнѣнію, долженъ проходить исонъ чрезъ всю піесу. Такъ, надъ пѣснопѣніемъ болгарскаго роспѣва Тебе одѣющагося (оно начинается въ тонѣ re-minor), авторъ ставитъ исонъ—la, надъ пѣснопѣніемъ Да молчитъ (начинается въ la-minor ставитъ исонъ—re (стр. 146, 151). Надписанія эти означаютъ: когда поютъ основную мелодію того или другого пѣснопѣнія, тогда голосъ сопровождающій эту мелодію, долженъ неизмѣнно держать одну ноту, указанную въ надписаніи (re, la, и пр.).

Рекомендуя это нововведеніе, авторъ не принялъ во вниманіе тѣ условія, при которыхъ употребляется исонъ у Грековъ. Во время пѣнія нѣкоторыхъ, болѣе искуственныхъ по композиціи пѣснопѣній, напримѣръ, Херувимской пѣсни, Греки допускаютъ свободныя варіаціи основной мелодіи. Эти варіаціи какъ дѣло свободное, плодъ вдохновенія, не выражаются, да и не могутъ быть выражаемы во всей полнотѣ нотами. Между тѣмъ вдохновеніе пѣвца (или пѣвцовъ, потому что ихъ бываетъ одновременно и нѣсколько), можетъ безъ руководителя увлечь его за предѣлы основной мелодіи: для этого то

Библиотека "Руниверс"

и употребляется Греками исонъ, который выражая основной тонъ, не дозволяетъ пѣвцамъ сбиваться съ главной мелодіи и даетъ возможность безъ труда возвращаться къ ней. [1]) Въ нашемъ славянскомъ пѣніи не допускается произвольныхъ импровизацій; пѣвцы поютъ или безъ нотъ, напѣвомъ издавна сложившимся и всѣмъ извѣстнымъ, или по нотамъ, гдѣ точно обозначена какъ основная мелодія, такъ и возможныя варіаціи ея: очевидно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не имѣемъ нужды въ исонѣ. Думаемъ даже, что онъ скорѣе сбивалъ бы нашихъ пѣвцовъ съ основной мелодіи, не сообщая притомъ нисколько пріятности пѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ, что въ продолженіе пѣнія обширной стихиры Тебе одѣющагося подпѣвающій голосъ сталъ бы тянуть одну ноту безъ измѣненія. Во-первыхъ, онъ могъ бы сбить съ надлежащаго тона исполняющихъ нотное положеніе этой стихиры, въ особенности тамъ, гдѣ мелодія изъ первоначальнаго тона переходитъ въ другой тонъ (напримѣръ, на словахъ: како погребу Тя Боже мой? или какою плащаницею обвію Тебе?), а во-вторыхъ, какою пріятностію мы были бы вознаграждены за это нововведеніе?.. А у насъ, Русскихъ, есть уже прекрасная гармонія этой мелодіи, сдѣланая Турчаниновымъ, перемѣнять которую на указанное нововведеніе было бы крайне неразумно.

Нельзя передѣлывать русскаго церковнаго пѣнія по образцу пѣнія хотя бы и Греческой церкви, столь близкой намъ по вѣроисповѣданію; это значило бы не возстановлять исконное пѣніе нашей церкви, но лишать его первобытнаго характера, сохранившагося до насъ въ замѣчательной цѣлости. Русское (или славянское) и греческое (собственно—византійское) церковное пѣніе имѣютъ свои особыя условія происхожденія и образованія; условія эти въ связи съ національнымъ характеромъ того и другого народа произвели столь рѣзкое различіе въ томъ и другомъ пѣніи, что не замѣтить этого уже нельзя. Славянское церковное пѣніе, какъ мы видѣли, получило свое происхожденіе и начальное образованіе въ первые вѣка Христіанства въ церкви Іерусалимской, преимущественно въ обителяхъ Палестинскихъ. Этимъ объясняется сохранившійся въ немъ характеръ простоты, близости его къ тексту и тѣсной связи съ послѣднимъ по техническому устройству. На образованіе же древне-византійскаго церковнаго пѣнія имѣли вліяніе другія условія мѣста и времени, какъ

---

[1]) См. *Villoteau* Description de l'Egypte, tom. XIV, pag. 367—369.

Библиотека "Руниверс"

то: назначеніе и употребленіе его въ столичномъ городѣ, при богослуженіи патріарховъ и др. Въ самыхъ даже первоначальныхъ основаніяхъ, въ устройствѣ гаммы того и другого пѣнія, замѣчается различіе, объясняемое ихъ происхожденіемъ: въ греческомъ пѣніи мы встрѣчаемъ такіе элементы, которыхъ не видимъ въ славянскомъ, и которые Греческая церковь очевидно получила отъ древне-эллинскаго до-христіанскаго міра. Такъ, въ церковномъ пѣніи Грековъ до настоящаго времени употребляется три рода тональности (градаціи звуковъ): діатоническій, хроматическій и энгармоническій; а въ нашемъ древнемъ пѣніи только одинъ родъ діатоническій. Звуки хроматическіе, въ мелодіи встрѣчаемые очень рѣдко, допускаются нашими композиторами (и то не всѣми) только при гармоническихъ сопровожденіяхъ, въ видѣ переходныхъ звуковъ, или когда церковная мелодія изъ основной тональности переходитъ въ другую. Что же касается энгармоническаго рода, который употреблялся единственно только въ древне-эллинской музыкѣ и пѣніи, то въ нашемъ пѣніи нѣтъ и слѣдовъ его. Впрочемъ у самихъ Грековъ теоретическія основанія этого рода недостаточно опредѣлены, а для выраженія интерваловъ этого рода въ европейской семіографіи не существуетъ даже и нотъ. Что же касается практическаго выполненія интерваловъ этого рода, составляющихъ четверть и треть цѣлаго тона, то оно должно быть очень затруднительно; самъ Де-Кастро по поводу этой трудности замѣчаетъ: „не удивительно, что Греки поютъ не особенно стройно“ (стр. 8).

Слѣдующій способъ исполненія пѣснопѣній, рекомендуемый Де-Кастро, состоитъ въ сопровожденіи церковной мелодіи созвучными голосами на извѣстныхъ гармоническихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Способъ гармонизаціи Де-Кастро отличается отъ того, который въ употребленіи у нашихъ композиторовъ, полагавшихъ церковныя мелодіи на три и четыре голоса (разумѣемъ Бортнянскаго, Турчанинова, Львова и др.). Этотъ послѣдній способъ состоитъ въ пользованіи всѣми вообще правилами, которыя предлагаетъ современная наука о гармоніи.

Де-Кастро того мнѣнія, что славянское церковное пѣніе, отличающееся особенностію своего характера, требуетъ и особенной гармонизаціи. Мысль эту онъ высказываетъ съ особенною рѣзкостію: „Тѣ изъ такъ-называемыхъ православныхъ“, говоритъ онъ,—„которые къ пѣснопѣніямъ Ирмологія прилагаютъ позднѣйшую музыкальную гармонію, придавая каждой нотѣ соотвѣтствующую ей созвучную,

Библиотека "Руниверс"

пользуясь, такимъ образомъ искусствомъ ново-европейской музыкальной композиціи (контрапунктомъ), впадаютъ въ нелѣпость; ибо этотъ послѣдній способъ композиціи, изобрѣтенный новѣйшими музыкантами для піесъ и музыки совсѣмъ другого рода, производитъ то, что церковныя пѣснопѣнія (славянскія) теряютъ свойственный имъ первоначальный характеръ или стиль и являются въ другомъ видѣ. Дѣлать это значитъ подражать тому живописцу, который изобразилъ охотницу Діану въ современномъ костюмѣ,—или тому, который, какъ говоритъ Горацій, къ человѣческой головѣ приставилъ конскую шею, прибавилъ разноцвѣтныхъ перьевъ" и пр. (стр. 60 — 61; слич. стр. 33, 46).

Мысль объ особенномъ мелодическомъ характерѣ церковнаго пѣнія нашего, требующемъ и особенныхъ способовъ гармонизаціи,— не новая; у насъ она высказывалась давно и много разъ. Покойный князь В. Ѳ. Одоевскій особенно настаивалъ на ней, при чемъ старался даже положить нѣкоторыя основанія къ осуществленію этой мысли. Послѣдователемъ его въ этомъ отношеніи былъ Н. М. Потуловъ, положившій въ гармонію (на основаніи теоретически-данныхъ высказанныхъ кн. Одоевскимъ) не мало церковныхъ пѣснопѣній, изъ которыхъ иныя существуютъ и въ печати (Четырехголосная литургія Кіевскаго роспѣва).

Главное средство, которымъ хотятъ достигнуть при гармонизаціи сохраненія подлиннаго характера въ церковномъ пѣніи нашемъ, состоитъ въ запрещеніи нѣкоторыхъ аккордовъ и ихъ послѣдовательности, допускаемыхъ современною наукой о гармоніи. Такъ Потуловъ, стараясь держаться въ предѣлахъ строгаго діатоническаго трезвучія, не употребляетъ аккордовъ съ септимой, съ секстой, и вообще онъ не допускаетъ, не только въ главной церковной мелодіи, но и въ сопровождающихъ голосахъ, звуковъ изображаемыхъ діэзами и бемолями, потому что основная мелодія не должна, по его мнѣнію, переходить изъ первоначальной и главной тональности въ другую, хотя бы и сродную ей. Де-Кастро доводитъ это ограниченіе до послѣдней крайности: для сопровожденія церковной мелодіи онъ допускаетъ только созвучіе совершенной кварты, совершенной квинты (рѣдко— терціи) и октавы, и притомъ сопровожденія его не идутъ нота въноту, какъ у Потулова, а для цѣлой музыкальной фразы дается у него одинъ сопровождающій аккордъ, который и тянется безъ измѣненія до перехода этой фразы въ другой тонъ (стр. 59—61).

Четырехголосныя переложенія Потулова, какъ добросовѣстная по-

Библиотека "Руниверс"

пытка сдѣлать церковныя мелодіи доступными для хороваго исполненія, съ удержаніемъ ихъ простоты и спокойствія, имѣютъ свое значеніе и достоинство; они дѣйствительно скромны и строги и въ этомъ отношеніи приличны важности православнаго богослуженія. Но они имѣютъ и свои недостатки, зависящіе именно отъ принятаго имъ способа гармонизаціи. Ограничивъ себя извѣстными предѣлами, композиторъ долженъ былъ испытывать стѣсненіе и принужденность и впасть въ повторенія и монотонность. Церковная мелодія, сама по себѣ естественная, свободная и выразительная, много теряетъ въ этихъ качествахъ отъ такого гармоническаго сопровожденія. Она стѣсняется и закрывается тяжелымъ и монотоннымъ сопровожденіемъ сопутствующихъ голосовъ, главная забота и опасеніе которыхъ состоитъ въ томъ какъ бы не образовать не дозволеннаго аккорда и не сдѣлать запрещеннаго хода. Вмѣсто того, чтобы способствовать выразительности гласовой мелодіи, гармонизація Потулова сглаживаетъ характерную особенность каждаго гласа на столько, что въ его четырехголосномъ переложеніи трудно отличить одинъ гласъ отъ другого; а такимъ образомъ не достигается и та цѣль, которая первоначально имѣлась въ виду, то-есть, сохраненіе характерности церковныхъ мелодій.

Что же касается гармонизаціи Де-Кастро, то допускаемые имъ три-четыре аккорда, которыми онъ думаетъ обойдтись, оказываются совершенно механическимъ прибавленіемъ къ церковной мелодіи, не имѣющимъ съ нею внутренней органической связи. Такую гармонію подбирать не трудно, но за то вмѣсто живаго и осмысленнаго участія въ пѣніи она представляется какимъ-то общимъ мѣстомъ, лишеннымъ содержанія и смысла. Расположеніе и послѣдованіе аккордовъ у Де-Кастро напоминаетъ то и другое въ инструментахъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ „тульскихъ гармоній“; думаемъ, что и впечатлѣніе, доставляемое тѣми и другими гармоніями, довольно сходно. Это сходство должно усиливаться еще отъ одной особенности, которую мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ книгѣ Де-Кастро; она состоитъ въ запрещеніи сопровождающимъ голосамъ произносить слова текста пѣснопѣній.

Какъ ни неожиданнымъ представляется подобное запрещеніе, но Де-Кастро не считаетъ нужнымъ сказать что-либо въ объясненіе и оправданіе его; онъ упоминаетъ о немъ въ одномъ мѣстѣ мимоходомъ въ скобкахъ. „Когда поютъ“, говоритъ онъ,—„съ гармоническимъ сопровожденіемъ (а этотъ родъ сопровожденія не дозволяетъ пѣвцамъ-гармонистамъ произносить словъ текста, это—дѣло пѣвца главной

Библиотека "Руниверс"

мелодіи), тогда голоса, исполняющіе сопровожденіе, должны пѣть пріятно, безъ шума, чтобы не закрывать и не заглушать голоса, исполняющаго основную мелодію. Этотъ голосъ, какъ главный, долженъ выдѣляться изъ остальныхъ" (стр. 56).

Задавшись мыслію исправить славянское церковное пѣніе (Ecclesiae Slavicae squalorem tergere), нашъ авторъ постепенно приближаетъ это пѣніе къ типу пѣнія латинскаго: запрещеніе хористамъ произносить слова текста служитъ къ тому вѣрнымъ средствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сначала хористы будутъ тянуть звуки безъ словъ сами, а потомъ должны будутъ убѣдиться, что эту обязанность съ бо̀льшимъ успѣхомъ и удобствомъ могутъ исполнять музыкальные инструменты. Такимъ образомъ текстъ, то-есть, слово и его содержаніе, отойдутъ на второй планъ; на первомъ останется музыка, какъ это и есть въ латинскомъ богослуженіи. Затѣмъ уже не такъ жаль будетъ замѣнить и самый славянскій текстъ латинскимъ; Де-Кастро и тутъ дѣлаетъ услужливый починъ: подъ нѣкоторыя нотныя пѣснопѣнія славянскія онъ подводитъ латинскій текстъ, напримѣръ, Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto et cet., Domine clamavi: ad Te, exaudi me et cet. (Vide in fine tabb. I—V). Такимъ-то образомъ онъ и надѣется со временемъ достигнуть того единства и однообразія въ церковномъ пѣснопѣніи, которое, по его словамъ, должно послужить выраженіемъ единства догматическаго ученія и вѣры.

Но если автору и желателенъ подобный исходъ дѣла, нельзя однако же признать правильными ни его нововведенія, ни вообще ту постановку пѣнія, которая существуетъ въ церкви латинской. Христіанское пѣніе должно быть прежде всего разумно, то-есть, оно должно имѣть опредѣленный смыслъ или содержаніе, выраженное въ словѣ и сознательно воспринимаемое умомъ участвующихъ въ общественной молитвѣ. Оно имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, доставить назиданіе и душевную пользу слушающимъ, а не развлеченіе и услажденіе чувства слуха; потому и музыкальными средствами пользуются для лучшаго выраженія предмета пѣснопѣнія. Оно не чуждается и пріятности звуковъ, достигаемой мелодическимъ и гармоническимъ сочетаніемъ ихъ, но не въ этомъ видитъ послѣднюю цѣль свою: охотно пользуясь музыкальными средствами, чтобы полнѣе дѣйствовать на душу человѣка—не на разумъ только, но и на чувство, оно однако не даетъ преобладанія внѣшней сторонѣ выраженія надъ внутреннею, музыкѣ надъ словомъ и чувству надъ разумомъ, но старается примирить все это и привести въ гармоническое соотноше-

Библиотека "Руниверс"

ніе. Отсюда истинныя качества христіанскаго церковнаго пѣнія суть ясность, трезвость и строгость музыкальнаго выраженія, а дѣйствія, производимыя имъ на человѣка, суть внутреннее удовлетвореніе, душевный миръ и гармонія.

Такой именно взглядъ на задачу и постановку церковнаго пѣнія оправдывается указаніями, находящимися въ Св. Писаніи и чистомъ церковномъ преданіи отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Апостолъ Павелъ, научая Коринѳянъ благочинному совершенію общественнаго богослуженія, требуетъ разумнаго исполненія молитвъ и пѣснопѣній: „Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ", говоритъ онъ (1 Кор. 14, 15). Пѣніе, какъ и вообще молитва, должны быть, по ученію апостола, исполнены живаго одушевленія, но должны быть руководимы разумомъ; и это потому, что главное назначеніе ихъ не развлекать и услаждать чувство, а приносить душевную пользу. Имѣя въ виду эту пользу, апостолъ не одобряетъ и излишняго проявленія въ церковныхъ собраніяхъ дара языковъ, которымъ такъ богата была первенствующая церковь: „Благодарю Бога моего паче всѣхъ васъ языки глаголя. Но въ церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати да и ины пользую, нежели тмы словесъ языкомъ" (ст. 18, 19). Итакъ, на основаніи этого ученія, нельзя одобрить въ церковномъ пѣснопѣніи ни преобладанія музыки надъ словомъ, ни безсловеснаго сопровожденія церковныхъ напѣвовъ, ни замѣны удобопонятнаго текста чуждымъ и непонятнымъ, какъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ—славянскаго латинскимъ.

Древняя христіанская церковь была свободна отъ всѣхъ этихъ недостатковъ; точно также и наша православная оказывается вѣрною хранительницею чистаго преданія апостольскаго относительно совершенія пѣснопѣнія при богослуженіи. Намъ извѣстно нѣсколько способовъ исполненія пѣснопѣній въ первые вѣка христіанской церкви. Древнѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что пѣли всѣ присутствовавшіе при богослуженіи. Пѣніе это было простое, безыскуственное, а потому и доступное всѣмъ. При этомъ присутствовавшіе иногда раздѣлялись на двѣ половины, пѣвшія поочередно (этотъ способъ пѣнія назывался антифоннымъ), иногда же пѣлъ одинъ, а прочіе подпѣвали. Это подпѣваніе состояло въ томъ, что всѣ присутствовавшіе пѣли заключительные стихи, напримѣръ, псалма, или же пѣвецъ пѣлъ одну половину стиха, а прочіе другую половину [1]). Со временъ Лаоди-

[1]) Подробнѣе объ этомъ можно читать у *Бингама*: Origines Ecclesiasticae, lib. XIV, cap. 1.

Библиотека "Руниверс"

кійскаго собора (364 г.) установленъ былъ особый чинъ пѣвцовъ—псальтовъ, положившихъ начало пѣнію на два хора, правый и лѣвый. Всѣ эти способы пѣнія частію сохранились въ нашей церковной практикѣ богослуженія, а частію могутъ быть возстановлены безъ нарушенія преданій церковныхъ, напримѣръ, общее пѣніе всѣхъ присутствующихъ въ церкви—была бы добрая воля молящихся.

Какъ пѣли христіане первыхъ вѣковъ: въ одинъ голосъ (унисономъ), или съ правильнымъ гармоническимъ сопровожденіемъ мелодіи, — рѣшить это по недостатку историческихъ свидѣтельствъ и письменныхъ памятниковъ трудно. Мы думаемъ, что пѣли по удобству, какъ умѣли и какъ могли: правильнаго гармоническаго сопровожденія мелодіи въ то время нельзя предполагать, потому что для этого у исполнителей недоставало ни знанія, ни средствъ; а съ другой стороны, унисонное пѣніе представляло бы то неудобство, что въ пѣніи принимали участіе всѣ, мужчины и женщины различныхъ возрастовъ, и конечно, съ голосами весьма разнообразными; а при этомъ условіи пѣть не только въ одинъ голосъ (унисономъ), но и на разстояніи октавъ не удобно, а иногда и не возможно физически. Итакъ, надо положить, пѣли способомъ среднимъ между унисоннымъ и гармоническимъ, то-есть, то сливаясь въ однозвучіе, то расходясь въ мѣстахъ удобныхъ на извѣстныя гармоническія разстоянія: терціи, квинты, сексты и проч. Образецъ такого пѣнія мы доселѣ слышимъ въ народныхъ хорахъ, когда въ нихъ участвуютъ пѣвцы и пѣвицы съ разнообразными голосами.

Какимъ бы изъ указанныхъ способовъ ни производилось пѣніе въ древнія времена, несомнѣнно то, что участіе въ немъ присутствовавшихъ было разумное, живое, непремѣнно сопровождаемое произношеніемъ словъ молитвы; безъ этого послѣдняго условія не возможно и представить общаго участія древнихъ въ церковномъ пѣніи. Такого участія, которое совершалось бы только безсловеснымъ гуденіемъ, древніе христіане не поняли бы и сочли бы его безсмысленнымъ и оскорбительнымъ для святости дѣла и мѣста. Первенствующая церковь, а за нею православная, не приняли въ церковное употребленіе даже музыки инструментальной потому именно, что не находили ее способною быть достойнымъ органомъ христіанскаго богослуженія, при которомъ должно пѣть разумно.

А. Ржевій.

Библиотека "Руниверс"

Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру. Изданіе Общества классической филологіи и педагогики подъ редакціей членовъ Общества *Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонскаго* и *Ф. Зелинскаго*. Выпускъ I. A—Echo. С.-Пб. 1883.

Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. Полный переводъ съ 6-го послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями профессора *В. И. Модестова*. Съ многими политипажами и картами въ текстѣ. Выпускъ первый. A—divinatio. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1884.

Недостатокъ пособій по такъ-называемымъ „реаліямъ“ давно ощущается въ нашей классической школѣ. Прекрасный трудъ г. Велишскаго: „Жизнь Грековъ и Римлянъ“ не восполняетъ этого недостатка, такъ какъ касается исключительно одной стороны жизни древнихъ, того, что̀ принято называть „частными древностями“. Между тѣмъ, при чтеніи древнихъ авторовъ ученикъ сразу встрѣчается съ такими данными, объясненія которымъ онъ не найдетъ ни въ словарѣ, ни въ грамматикѣ, и которыя, при его домашнемъ приготовленіи къ уроку, остаются для него или малопонятными, или совсѣмъ темными; хорошо, если эти данныя представляютъ для пониманія того или другаго мѣста автора значеніе второстепенное, или если у учащагося есть подъ рукою хорошій комментарій къ древнему автору—въ томъ и другомъ случаѣ безъ справочной книги по „реаліямъ“ еще можно обойтись. Но представимъ себѣ, что при приготовленіи къ уроку или въ особенности при такъ-называемомъ „домашнемъ чтеніи“ учащійся встрѣчается съ мѣстомъ, общее пониманіе котораго всецѣло зависитъ отъ точнаго знанія извѣстныхъ терминовъ и обозначаемыхъ ими понятій, отъ знанія той роли, которую играли извѣстныя данныя въ той или другой сторонѣ (напримѣръ, религіозной, юридической, государственной, военной) древней жизни. При отсутствіи пособія по реаліямъ учащемуся приходится оставить такое мѣсто, какъ непонятное, и нерѣдко сдѣлать это съ цѣлымъ, болѣе или менѣе значительнымъ отдѣломъ древняго текста. Если отсутствіе пособія по реаліямъ ощутительно для учащагося при домашнемъ приготовленіи, то съ другой стороны, ощутительно оно и для наставника, особливо начинающаго, который также нуждается въ подобной справочной книгѣ, долженствующей сберечь ему не мало времени и труда при его собственномъ приготовленіи къ класснымъ занятіямъ.

Значеніе реалій въ общей системѣ классическаго образованія давно

Библиотека "Руниверс"

понято западною школой, и вопросъ о томъ, какими путями довести учащихся до знакомства съ ними интересовалъ и интересуетъ доселѣ лучшихъ педагоговъ-классиковъ. По вопросу этому существуетъ цѣлая литература, и онъ неоднократно дебатировался на различныхъ съѣздахъ филологовъ и педагоговъ, премущественно въ Германіи [1]). Всѣ безъ исключенія, согласны въ томъ, что гимназическое обученіе древнимъ языкамъ не должно ограничиваться исключительно лексическими, грамматическими и стилистическими свѣдѣніями, но требуютъ, чтобы свѣдѣнія эти дополнялись и оживлялись данными изъ жизни древнихъ. Разница во взлядахъ обнаруживается по отношенію къ опредѣленію объема этихъ свѣдѣній и къ тому способу, которымъ они должны сообщаться учащимся. Въ виду важности этихъ вопросовъ и ихъ непосредственнаго отношенія къ книгѣ Любкера, считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе [2]).

Подъ „реаліями“ большинство педагоговъ понимаетъ все, что необходимо въ школѣ при объясненіи и пониманіи древняго автора, и чего не находитъ учащійся ни въ грамматикѣ (и стилистикѣ), ни въ лексиконѣ (а при чтеніи поэтовъ, еще и въ метрикѣ), слѣдовательно, свѣдѣнія, относящіяся къ общественной и частной, внутренней и внѣшней жизни древнихъ: такимъ образомъ, реаліи будутъ затрогивать исторію, географію, миѳологію, религію, этику, государственныя древности, древности права, древности военныя и частныя, литературу, умственную жизнь, искусство и его исторію. Сообщеніе вышеупомянутыхъ свѣдѣній предоставляется преимущественно въ низшихъ и среднихъ классахъ наставнику, который, при классномъ чтеніи древняго автора, сообщаетъ учащимся потребныя для его полнаго пониманія данныя. Прежде всего, при этомъ требуется соблюденіе наставникомъ должной мѣры, и если, съ одной стороны, не одобрительно искать въ чтеніи автора лишь средства для разъясненія и повторенія грамматическихъ, стилистическихъ и фразеологическихъ данныхъ, то съ другой — также неблагоразумно превращать это чте-

[1]) Для примѣра укажемъ на: Protocoll der.. in Soest gehaltenen achtzehnten Versammlung der Direktoren der Westphälischen Gymnasien und Realschulen. Paderborn. 1875; Verhandlungen der achten Directoren Versammlung der Provinz Preussen. Königsberg 1877.

[2]) Заимствуемъ многое изъ вышеупомянутыхъ протоколовъ, преимущественно изъ статьи: *Meinertz*, Ueber die zweckmässige Behandlung der Realien bei dem Unterricht in den alten Sprachen, помѣщенной въ протоколахъ съѣзда прусскихъ директоровъ.

Библиотека "Руниверс"

ніе въ средство для сообщенія учащимся массы антикварныхъ замѣчаній. Мѣру эту въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду начинающимъ наставникамъ, которые очень легко увлекаются сами и полагаютъ, что все интересное и поучительное для нихъ должно быть въ равной мѣрѣ любопытно и полезно для учащихся: всякое замѣчаніе, не имѣющее непосредственнаго отношенія къ разумѣнію даннаго мѣста древняго автора, мало полезно, и если изъ-за массы сообщаемыхъ свѣдѣній ученикъ теряетъ общій ходъ мыслей автора, то такія замѣчанія оказываются даже и вредными. Изъ сказаннаго однако не слѣдуетъ, чтобы наставникъ неизбѣжно ограничивался объясненіемъ лишь одного или двухъ частныхъ данныхъ, встрѣчающихся въ читаемомъ текстѣ; бываютъ случаи—и опредѣленіе ихъ вполнѣ зависитъ отъ такта наставника—когда необходимо ознакомить учащихся съ цѣлымъ, болѣе или менѣе обширнымъ отдѣломъ жизни древнихъ, какъ напримѣръ, съ общимъ положеніемъ древняго судоустройства и судопроизводства при чтеніи рѣчей Димосѳена или Цицерона, съ устройствомъ римскаго военнаго дѣла при чтеніи Цезаря и т. под.

Большинство педагоговъ признаетъ необходимымъ вести реальныя объясненія въ извѣстной, опредѣленной системѣ, непосредственно связывая ихъ съ содержаніемъ читаемаго автора и имѣя постоянно въ виду степень развитія и пониманія учащихся. Эти объясненія должно абсолютно исключить лишь изъ элементарнаго обученія (такъ было бы совершенно непедагогично, при изученіи склоненія слова Scythes, толковать дѣтямъ о Скиѳіи и Скиѳахъ, а при склоненіи Aeneas передавать, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе саги объ Энеѣ) и, начиная съ перваго автора, введеннаго въ школу—разумѣемъ Корнелія Непота—вести ихъ въ началѣ съ самою строгою воздержностью. Она необходима прежде всего потому, что учащійся еще только начинаетъ справляться съ пониманіемъ связнаго латинскаго изложенія, и потому всѣ усилія наставника должны быть устремлены къ тому, чтобы дать этимъ усиліямъ ученика надлежащее направленіе; затѣмъ, многія изъ реальныхъ объясненій, поводы къ которымъ предоставляетъ текстъ Непота, будутъ превосходить степень общаго развитія учащихся. Отдѣльныя частности, въ родѣ значенія остракизма въ жизнеописаніи Аристида, знаніе которыхъ существенно необходимо для пониманія текста, не могутъ быть обойдены безъ объясненія; но сдѣлалъ бы, съ другой стороны, большую ошибку тотъ наставникъ, который сталъ бы разъяснять ученикамъ различныя историческія детали или выяснять ту роль, которую играла та или другая

Библиотека "Руниверс"

изъ описываемыхъ Непотомъ личностей въ общемъ ходѣ греческой или римской исторіи. Гораздо шире должны быть поставлены реаліи при чтеніи Цезаря и Ксенофонта. Изъ этихъ авторовъ ученикъ знакомится съ многими сторонами античной жизни, преимущественно со стороной военною, наблюдая Грековъ и Римлянъ въ строю, въ походѣ, въ битвѣ и въ лагерѣ; детали изъ этой жизни, встрѣчающіяся при чтеніи, должны быть поняты учащимися,—иначе они не будутъ въ состояніи составить себѣ ясное и опредѣленное о ней понятіе. Чтеніе Овидія даетъ возможность знакомить учениковъ съ миѳологіей классическихъ народовъ, при чемъ однако наставнику слѣдуетъ воздерживаться отъ объясненія миѳовъ, такъ какъ оно, чтобы быть сдѣлано основательно, требуетъ много времени и, сверхъ того, врядъ ли будетъ доступно для учащихся; наконецъ, самое объясненіе миѳовъ далеко еще не имѣетъ надлежащей опредѣленности и законченности и потому рискуетъ быть односторонним или даже невѣрнымъ. Ливій и Саллюстій представляютъ богатый матеріалъ для знакомства со многими отдѣлами римскихъ государственныхъ древностей, а Цицероновы рѣчи—съ древностями римскаго права. Не менѣе любопытны и тѣ реальныя объясненія, поводъ къ которымъ даетъ чтеніе поэмъ Гомера. Изображаемый имъ міръ есть нѣчто отдѣльное, самостоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ законченное; въ этихъ поэмахъ находятъ себѣ выраженіе всѣ стороны общественной и частной жизни греческаго народа въ извѣстный, доисторическій періодъ, и потому на гомеровскія реаліи должно быть обращено особенное вниманіе; не излишне отмѣчать данныя гомеровской миѳологіи, любопытныя по своей отдѣльности отъ позднѣйшей переработки и распространенія миѳовъ и сагъ. Знакомство съ этими данными будетъ весьма полезно учащимся при послѣдующемъ чтеніи трагиковъ, для пониманія ихъ обращенія съ миѳами и драматической ихъ разработки. Гомеровскія реаліи должны идти съ надлежащею постепенностью и на первыхъ порахъ, пока учащіеся не свыклись еще съ особенностями гомеровскаго діалекта, должны удерживаться въ предѣлахъ строгой умѣренности, расширяясь по мѣрѣ того, какъ трудности формальныя будутъ все болѣе и болѣе устраняться. Ѳукидидъ и Димосѳенъ представляютъ богатый матеріалъ для знакомства съ греческими государственными древностями, а Софоклъ можетъ дать поводъ къ ознакомленію учащихся съ устройствомъ древняго театра; при чтеніи же Горація, Платона и философскихъ сочиненій Цицерона необходимо обращать ихъ вниманіе на извѣстныя данныя изъ философіи и ея исторіи. Ко-

Библиотека "Руниверс"

нечно, наставнику не слѣдуетъ задаваться мыслью представить учащимся общую картину развитія греческой философіи, равно какъ и обозрѣть всѣ главнѣйшія ея системы: задача эта была бы и безполезна, и излишня. Будетъ вполнѣ цѣлесообразно, если онъ при чтеніи Платона выяснитъ учащимся значеніе Сократа для греческой философіи, его отношеніе къ софистамъ и отношеніе Платона къ Сократу; при чтеніи философскихъ трактатовъ Цицерона будетъ достаточно дать краткое обозрѣніе развитія и значенія школъ стоической и эпикурейской, а также и нѣкоторыя данныя изъ исторіи академиковъ и перипатетиковъ.

Какъ видитъ читатель, порядокъ изучаемыхъ авторовъ даетъ возможность учащимся, въ теченіе гимназическаго курса, ознакомиться съ главнѣйшими отдѣлами реалій и, при значительномъ объемѣ прочтеннаго, ознакомиться съ достаточною полнотою. Въ перечисленный кругъ реальныхъ дисциплинъ не вошли только исторія литературы и искусство. Но данныя изъ первой сообщаются учащимся при введеніяхъ въ чтеніе отдѣльныхъ авторовъ, и затѣмъ многія мѣста изъ ихъ сочиненій вызываютъ объясненія, относящіяся къ этой области. Что же касается искусства, то хотя въ недавнее время и раздаются голоса за введеніе этой отрасли реалій въ гимназическое преподаваніе, однако большинство авторитетнѣйшихъ педагоговъ не сочувствуетъ этому и, какъ кажется, справедливо: исторія древняго искусства требуетъ отъ человѣка, приступающаго къ ея изученію, такой степени развитія, до которой не можетъ достигнуть ученикъ гимназіи, и толковать ему о стиляхъ и художественныхъ направленіяхъ различныхъ школъ было бы преждевременно и безполезно, а съ другой стороны, свести археологію искусства на простую номенклатуру значило бы поставить дѣло завѣдомо фальшиво.

Съ вопросомъ о томъ, какимъ способомъ должны сообщаться учащимся реальныя свѣдѣнія, тѣсно связанъ вопросъ о введеніи, которое предпосылается наставникомъ чтенію и объясненію автора. Умѣстность и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимость введенія не отрицается вообще, но разногласіе является въ опредѣленіи его объема и содержанія. Въ общемъ введеніе не должно быть слишкомъ обширнымъ и не должно переступать предѣла двухъ-трехъ уроковъ. Біографіи писателя благоразумно отвести въ немъ самое скромное мѣсто, остановившись преимущественно на томъ, что представляется необходимымъ для оріентированія учащихся въ содержаніи того сочиненія, къ чтенію котораго они приступаютъ: такъ напримѣръ, во

Библиотека "Руниверс"

введеніи къ рѣчи Цицерона pro lege Manilia нѣтъ никакой необходимости распространяться сообщеніемъ данныхъ изъ біографіи Цицерона, но представляется существенно важнымъ изложить очеркъ третьей войны съ Митридатомъ, равно какъ и краткую біографію Помпея. Особеннаго вниманія заслуживаетъ введеніе въ чтеніе Гомеровскихъ поэмъ: въ этомъ введеніи представляется весьма легкая возможность дать мѣсто самымъ различнымъ вопросамъ (объ особенностяхъ народнаго эпоса, о колонизаціи Грековъ въ Малую Азію, о Троѣ и раскопкахъ Шлимана, объ исторіи Гомеровскаго текста въ древнее и новое время и т. д. и т. д.), между которыми, болѣе чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, существенно необходимъ самый строгій выборъ; безъ него наставникъ рискуетъ потратить много времени на вещи, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ задачѣ гимназическаго преподаванія и потому безполезныя для учащихся.

Сказаннаго, какъ думаемъ, достаточно для того, чтобъ указать на ту роль, какую играютъ „реаліи" въ общемъ ходѣ обученія древнимъ языкамъ. При значеніи этой роли существеннымъ является вопросъ о пособіяхъ, которыми можетъ быть облегчено знакомство съ реаліями. Пособія эти разнообразны: то стѣнныя карты, то сборники иллюстрацій, то модели и фигуры, то компендіи по отдѣльнымъ отраслямъ реалій, то наконецъ, такъ-называемые реальные лексиконы. Мы не намѣрены здѣсь входить въ сравнительную оцѣнку всѣхъ этихъ видовъ пособій и остановимся исключительно на послѣднемъ изъ нихъ, на реальныхъ лексиконахъ. Всѣ они—какъ и совершенно естественно—предназначены для учениковъ старшихъ классовъ, для студентовъ и наконецъ для наставниковъ. Для учащихся въ среднихъ классахъ гимназій подобные лексиконы врядъ ли будутъ полезны, и знакомиться съ реаліями эти ученики удобнѣе всего могутъ изъ классныхъ объясненій наставника. Изъ различныхъ учебныхъ лексикоповъ по классическимъ древностямъ самыми распространенными въ настоящее время являются: Fr. Lübker's Reallexikon des classischen Alterthums für Gymnasien. 1-е изданіе въ 1854, 6-е—въ 1882; Rich Dictionnaire des antiquités romaines et grecques tr. p. Chéruel. Paris 1861 (подлинникъ на англійскомъ языкѣ; есть и нѣмецкій переводъ) и Smith Dictionary of Greek and Roman antiquities. London. 1-е изданіе 1848. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ словарю Любкера. Словарь Смита неудобенъ для употребленія учащимися по своему значительному объему; кромѣ того, въ виду недостаточнаго знакомства составителя съ трудами другихъ, не англійскихъ ученыхъ, онъ во

Библиотека "Руниверс"

многихъ мѣстахъ представляется и не вполнѣ удовлетворительнымъ; трудъ Рича имѣетъ въ виду лишь одну сторону древности, именно ту, которая нашла себѣ выраженіе въ вещественныхъ памятникахъ; слѣдовательно, онъ далеко не полонъ и потому во многихъ случаяхъ оставляетъ справляющагося въ немъ ученика безъ всякаго отвѣта. Сверхъ того, отличаясь весьма добросовѣстнымъ подборомъ вещественныхъ памятниковъ древности и передавая ихъ въ массѣ весьма удовлетворительно исполненныхъ рисунковъ, трудъ Рича очень рѣдко касается ученыхъ изслѣдованій новаго времени, вслѣдствіе чего въ немъ встрѣчаются статьи, отставшія отъ розысканій новыхъ ученыхъ; особенно чувствителенъ этотъ недостатокъ въ техническихъ терминахъ, изъ коихъ нѣкоторые уже давно уступили мѣсто въ изданіяхъ древнихъ авторовъ другимъ, болѣе вѣрнымъ, основывающимся на болѣе точномъ дипломатическомъ преданіи. Словарь Любкера по объему значительно менѣе словаря Смита, хотя и занимаетъ въ послѣднемъ (шестомъ) изданіи 1288 страницъ мелкой, убористой печати. Но эта сокращенность не мѣшаетъ нисколько обстоятельности изложенія, и про всѣ—за немногими исключеніями—статьи лексикона можно сказать, что онѣ вполнѣ достаточны для того, чтобы читатель могъ оріентироваться въ томъ или другомъ вопросѣ; кромѣ того, многочисленныя цитаты изъ древнихъ отсылаютъ желающихъ къ первоисточникамъ и даютъ имъ возможность, въ случаѣ охоты или необходимости, провѣрить и дополнить сообщаемое лексикономъ. Цитаты эти выбраны съ большимъ тактомъ и умѣньемъ и представляютъ, почти вездѣ, дѣйствительныя loci classici по извѣстному вопросу. Въ разъясненіяхъ своихъ Любкеръ сумѣлъ соединить рѣдкую сжатость съ надлежащею обстоятельностью, и вездѣ старался принять во вниманіе результаты новыхъ изслѣдованій, такъ что научный фондъ его словаря во многихъ случаяхъ оказывается болѣе твердымъ, чѣмъ у Смита. Само собою разумѣется, что при первомъ изданіи, хотя въ немъ и помогали составителю такіе спеціалисты, какъ Экштейнъ, Классенъ, Кейль, Рейнъ, Штолль и др., критика указала не мало промаховъ и неточностей; къ чести составителя слѣдуетъ сказать, что онъ съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ этимъ указаніямъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ (при жизни Любкера ихъ вышло три) сдѣлалъ весьма много улучшеній и исправленій, которыя продолжали и его преемники по изданію — Зифертъ и Эрлеръ. Они, кромѣ того, присоединили не мало существенныхъ добавленій и ввели библіографическія указанія, правда, еще довольно

Библиотека "Руниверс"

скудныя, но тѣмъ не менѣе весьма полезныя и даже необходимыя. Отъ словаря Рича трудъ Любкера отличается тѣмъ, что не ограничивается, подобно первому, исключительно памятниками вещественными, но вмѣщаетъ въ себѣ данныя и изъ другихъ областей античной жизни—исторіи, географіи, науки, религіи и т. д. Правда, онъ не такъ богатъ рисунками, и въ сравненіи съ количествомъ помѣщенныхъ у Рича изображеній, иллюстраціи Любкера должны представиться весьма скудными, тѣмъ не менѣе отсутствіе рисунковъ рѣдко препятствуетъ лицу, справляющемуся въ лексиконѣ Любкера, составить себѣ довольно опредѣленное и ясное понятіе о томъ или другомъ предметѣ античной жизни и цивилизаціи. Тамъ же, гдѣ безъ рисунка обойтись не возможно, Любкеръ прилагаетъ таковой, и про всѣ его иллюстраціи слѣдуетъ сказать, что онѣ выбраны съ большимъ тактомъ и исполнены весьма удовлетворительно. Мало того—бо̀льшій форматъ книги дозволилъ составителю помѣстить изображенія нѣкоторыхъ предметовъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ тотъ, который былъ возможенъ при форматѣ in-12 книги Рича, а слѣдовательно, и передать детали съ большею отчетливостью, а широкій планъ словаря далъ возможность отвести мѣсто и такимъ рисункамъ, которые не вошли въ иллюстраціи Рича (таково, напримѣръ, большинство плановъ и картъ, а также и весьма многія произведенія древней скульптуры). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одно достоинство словаря Любкера: частію желая сберечь мѣсто, частію имѣя въ виду потребности учащагося юношества, составитель счелъ возможнымъ ввести въ лексикальную форму изложеніе болѣе или менѣе цѣльныхъ и законченныхъ отдѣловъ, такъ что изъ чтенія статей словаря, къ нимъ относящихся, учащійся выноситъ связное и цѣлостное понятіе о болѣе или менѣе значительныхъ отдѣлахъ древней жизни. Таковы, напримѣръ, статьи: осада, скульптура, книжное дѣло, военная дисциплина, гаданіе, эпосъ, воспитаніе, войско, географія, грамматики, исторія, религія, школьное дѣло, одежда и т. д. и т. д. Иногда такія статьи довольно значительны по объему и представляютъ превосходные компендіи по тому или другому отдѣлу древностей.

Въ виду вышеуказаннаго значенія „реалій“ въ общемъ ходѣ обученія древнимъ языкамъ, а также и въ виду тѣхъ достоинствъ, которыми обладаетъ книга Любкера, нельзя не признать счастливою мысль сдѣлать эту книгу, черезъ переводъ на русскій языкъ, доступною и для нашего учащагося юношества, нельзя не привѣтствовать осуществленіе этой мысли. Въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ мы

Библиотека "Руниверс"

постараемся дать характеристику обоихъ русскихъ переводовъ словаря Любкера, первые выпуски которыхъ появились у насъ почти одновременно. По нашему убѣжденію, совмѣстному появленію двухъ переводовъ такой по истинѣ классической книги можно только радоваться, такъ какъ оно должно послужить единственно къ большему ея распространенію среди публики.

Обращаемся къ частному разсмотрѣнію того и другаго изданія, при чемъ словарь, изданный Обществомъ классической филологіи и педагогики, для краткости будемъ называть словаремъ Общества, тогда какъ изданіе товарищества М. О. Вольфъ—словаремъ Вольфа.

Въ заглавіи изданія Общества отмѣчено, что словарь этотъ составленъ по Любкеру. Всѣ просмотрѣнныя нами изъ разныхъ отдѣловъ выпуска параграфы представляются не составленными по Любкеру, но переведенными изъ словаря Любкера; поэтому, отмѣчая въ заглавіи, что словарь составленъ по Любкеру, его редакція, вѣроятно, имѣла въ виду указать на то, что ею измѣненъ порядокъ или расположеніе отдѣльныхъ объясняемыхъ словъ и терминовъ. Въ подлинникѣ слова расположены въ порядкѣ нѣмецкаго алфавита, при чемъ однако въ этомъ расположеніи безразлично употребляются латинскіе, греческіе и нѣмецкіе термины. Такъ, напримѣръ, читатель встрѣчаетъ рядомъ слѣдующія группы словъ: Σφραγίς, Spiele, Spina; Stephanos, Στέφανος, Sterculius, Sternbilder, Sterope; Epigenes, Epigonen, Epigramm, Ἐπιγραφεῖς; Bestiarii, Bett, Bias, Βίβλια, Βίβλος, и т. д. Такая пестрота въ терминологіи представилась редакціямъ обоихъ переводовъ неудобною, вслѣдствіе чего онѣ предпочли установить въ ней извѣстное однообразіе. Самымъ естественнымъ представлялось бы перевести заглавіе всѣхъ статей на русскій языкъ и расположить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. Но отъ этого расположенія совершенно основательно отказались обѣ редакціи: съ одной стороны, терминологія различныхъ предметовъ и понятій, изъясняемыхъ въ словарѣ, далеко не установилась въ русскомъ языкѣ (сравн. станъ и лагерь, библіотека и книгохранилище, театръ и зрѣлище, бракъ и свадьба и т. д.), съ другой—колеблется и транскрипція собственныхъ именъ (напримѣръ, Гомеръ и Омиръ, Тезей и Ѳисей, Аяксъ и Эантъ и т. д.). Найдти и провести опредѣленную послѣдовательность въ этомъ разнообразіи и колебаніи представляется невозможнымъ, а болѣе или менѣе строго проведенныя попытки къ этому скорѣе бы затруднили, чѣмъ облегчили справки и заставили бы читателя, отсылаемаго отъ одной орѳографической формы къ другой,

Библиотека "Руниверс"

тратить, и притомъ безполезно, значительное количество времени. Съ другой же стороны, въ виду того, что обращаться къ словарю Любкера могутъ съ пользою для себя главнымъ образомъ гимназисты старшихъ классовъ или студенты, достаточно знакомые съ латинскою рѣчью и съ терминами, явилась возможность ввести желаемое однообразіе черезъ подчиненіе почти всѣхъ греческихъ заглавій (за исключеніемъ такъ называемыхъ техническихъ терминовъ, въ родѣ ἀναγώγια, ἀναλοπτήρια, ἀγχιστεία, Βοιωτάρχαι и т. д.) латинскому языку и алфавиту. Это подчиненіе сдѣлали обѣ редакціи. Что же касается нѣмецкихъ терминовъ, въ родѣ: Ehe, Erziehung, Waffen, Wagen, Wechsler, то редакція изданія Общества рѣшила перевести и тѣ на латинскій языкъ и включить въ общій порядокъ словаря. Для облегченія же читателей, которые могутъ быть затруднены вслѣдствіе такого перевода (напримѣръ, гдѣ искать слово бракъ—подъ matrimonium или подъ nuptiae, слово домъ—подъ domus или подъ aedes), редакція словаря Общества обѣщаетъ въ концѣ всего изданія приложить русскій указатель всѣхъ переведенныхъ такимъ образомъ словъ. Редакція же словаря Вольфа рѣшила не включать означенныхъ статей въ общую номенклатуру латино-греческихъ словъ и терминовъ, но перенесла ихъ въ особый отдѣлъ, который будетъ помѣщенъ также въ концѣ всего изданія. Который изъ этихъ двухъ пріемовъ окажется болѣе удобнымъ на практикѣ, сказать, конечно, можно будетъ по окончаніи всего предпріятія и послѣ долговременнаго имъ пользованія.

Оба перевода, судя по заглавіямъ ихъ редакцій, сдѣланы съ VI-го послѣдняго нѣмецкаго изданія. Заглавіе это, будучи вѣрно относительно перевода Вольфа, оказывается не совсѣмъ точнымъ по отношенію къ переводу Общества. Переводъ этотъ, судя по тщательному сличенію нѣкоторыхъ его отдѣловъ съ подлинникомъ, представляетъ собою какъ бы конгломератъ переводовъ съ нѣсколькихъ изданій: VI-го и другаго, болѣе ранняго, V-го или IV-го. Вотъ этому доказательства: слово accensi, переведенное по IV (V-му? ставимъ здѣсь знакъ вопроса, ибо V-го изданія подъ руками не имѣемъ) изданію, занимаетъ 14 строкъ, тогда какъ въ переводѣ Вольфа, сдѣланномъ по VI-му, ему отведено 70 строкъ; подъ сл. Batavi городъ Batavodurum отожествляется съ Noviomagus, и оба приравниваются теперешнему Нимвегену (по IV-му изданію), тогда какъ въ VI-мъ изданіи эти города уже отдѣлены, и Batavodurum отожествляется съ Дурстеде, а Noviomagus съ Нимвегеномъ; подъ слов. Bubastis, по IV-му изданію сказано, что это „дочь Озириса и Изиды, египетская богиня, какъ

Библиотека "Руниверс"

и Артемида,—богиня луны, съ головою кошки". Между тѣмъ, въ VI-мъ изданіи читается, что „это дочь Озириса и Изиды, символъ благодѣтельнаго дѣйствія огня, ошибочно отожествленная Геродотомъ, какъ богиня луны, съ греческою Артемидой и изображаемая съ кошачьею головой". Сравн. еще сл. Ἄζοvες и Azania. Особенно замѣтно это уклоненіе отъ VI-го изданія въ указаніяхъ на мѣста древнихъ авторовъ и въ нѣкоторыхъ мелочныхъ деталяхъ. Приведемъ то, что мы отмѣтили при внимательномъ сличеніи словъ на букву B. Подъ сл. Babrius въ концѣ опущено извѣстіе объ открытіи шести доселѣ неизвѣстныхъ басенъ Бабрія въ одной рукописи Ватиканской библіотеки, изданныхъ Кнеллемъ въ 1879 г.; подъ сл. Babylon опущено значеніе этого слова: врата Божіи и извѣстіе о томъ, что теперешнія развалины этого города принадлежатъ не древнѣйшему Вавилону, разрушенному въ 683 г. до Р. Хр., а городу, возобновленному впослѣдствіи Навуходоносоромъ, и о томъ, что онѣ открыты раскопками Англичанина Раулинсона. Кромѣ того, храмъ Бела, помѣщенный въ IV-мъ изданіи въ западной части города, въ VI-мъ помѣщенъ въ восточной, и прибавлено извѣстіе Геродота о его высотѣ въ 600 футовъ. Въ этой же статьѣ въ концѣ опущена цитата на Strab. 16. 738 sqq. Въ слѣдующей статьѣ Babylonia опущено свѣдѣніе о томъ, что многочисленные города этой страны построены исключительно изъ кирпича и асфальта, служившаго цементомъ. Въ ст. Bactria опущено другое древнее названіе города Бактръ—Zariaspa, равно какъ и перечисленіе другихъ городовъ этой области: Alexandria, Oxiane, Demetrias, Eucratidela и Euthydemia. Въ концѣ опущена цитата на Strab. 11.516 sqq. Подъ сл. Βαίτυλοι опущено указаніе на Plin. Статья Baetica въ VI-мъ изданіи опущена, и при этомъ словѣ читатель отсылается къ сл. Hispania 6. Въ ст. Bagaudae опущено указаніе на сочиненіе Hudemann, Die Bauernaufstände in Gallien während der röm. Kaiserzeit 1872. Въ ст. Baleares insulae опущено указаніе на то, что города Ямна и Маго основаны Финикіанами. Въ ст. bărathrum опущено указаніе на то, что, вѣроятно, эта мѣстность находилась на западномъ склонѣ такъ-называемаго холма Нимфъ, а въ конечной цитатѣ опущено указаніе автора рѣчи противъ Леократа—Ликурга. Въ слѣдующей статьѣ barba фраза подлинника „Греки... прилагали къ бородѣ, какъ и къ прическѣ, величайшую заботу" замѣнена фразой IV-го изданія: „подстригая ее (бороду) немного"; затѣмъ опущена фраза, объясняющая, почему Александръ Великій ввелъ въ моду бритье бороды—„вслѣдствіе своего стремленія слить обитателей

Библиотека "Руниверс"

Востока съ своими Македонянами". Въ ст. barditus опущено производство этого слова отъ древненѣм. bardhi, а въ концѣ фраза VI-го изданія: „wohl aber hat es bei Klopstock den Namen Bardiet veranlasst für Gesänge deren Inhalt aus den Zeiten dieser fälschlich für die Germanen angenommenen Barden stammt" замѣнена фразою: такихъ бардовъ не было у древнихъ Германцевъ (это замѣненіе слѣдуетъ вполнѣ одобрить); подъ сл. Barea Soranus опущено указаніе причины, возбуждавшей ненависть Нерона къ этому лицу, — его честность; въ ст. basilica опущенъ годъ постройки Катономъ первой базилики въ Римѣ (184 до Р. Хр.), равно какъ и упоминаніе basilica Iulia и Ulpia, какъ доказательство того, что базилики звались по именамъ своихъ строителей. Въ ст. Basilius опущено указаніе на монографію объ св. Василіѣ Дергенса 1857. Въ ст. Bassus, 3, Saleius B. опущено указаніе на монографію о немъ Held'a 1834. Подъ сл. Bato въ VI-мъ изданіи слова: „Послѣ пораженія Римлянъ Далматійцемъ Батономъ, Тиберій повелъ войско въ Далматію, и побѣдилъ его, послѣ чего послѣдній бѣжалъ въ Паннонію" замѣнены: „Послѣ счастливыхъ битвъ съ Римлянами, начальство надъ войскомъ взялъ на себя Тиберій и разбилъ въ битвѣ Далматинца Батона, который послѣ того бѣжалъ въ Паннонію и соединился съ другимъ Батономъ". Подъ сл. Βαυχαλήματα опущена цитата на Athen. 14,10 p. 618. Въ ст. Belgica въ перечисленіи современныхъ областей, входившихъ въ составъ Бельгики, опущена Эльзасъ-Лотарингія. Въ ст. Bellovaci въ VI-мъ изданіи опущенъ городъ Curmilica (н. Cormeilles). Въ ст. beneficiarius опущено названіе льготъ, связаннымъ съ этимъ положеніемъ—vacatio commeatus, и затѣмъ слѣдующая фраза: Diejenigen Soldaten, welche nicht das Geld dazu (для подкупа центуріаловъ) besassen, suchten es sich auf irgend eine Weise, durch Raub oder Plünderung oder andere einen freien Soldaten entehrende Dienste (servilibus ministeriis) zu verschaffen, was sie auch unter dem Schutze der mitwissenden Centurionen ohne Strafe erreichten. Въ ст. Beneventum опущено указаніе на необычайно важное въ стратегическомъ отношеніи мѣстоположеніе города. Въ ст. Berenice 2 не упомянуто о томъ, что названіе созвѣздія „волосами Береники" идетъ отъ астронома Конона; ibid. 3, опущено указаніе на Juven. 6,158. Въ ст. Beroea 1 опущена цитата на Strab. 16,751.; въ ст. Berytos—цитата на Strab. 16,756. Въ ст. Βίβλος опущены: названіе листа бумаги plagula, перечисленіе другихъ писчихъ матеріаловъ, преимущественно въ древнѣйшее время (древесные листы, лыко,

Библиотека "Руниверс"

холстъ, шкуры, дерево, металлы), и наконецъ, указаніе на Blümner Technologie I, 308 sqq. Ст. Bistonis lacus замѣнена въ VI-мъ изданіи ссылкой на Bistones. Въ ст. Bithynia въ VI-мъ изданіи опущенъ эпитетъ Фригіи Ἐπίκτητος, теперешній мысъ Baba отожествленъ съ древнимъ Acherusion (а не Poseidonion), и древній Hypios съ рѣкою Milan-su, а не Kara-su. Въ ст. Brutus въ переводѣ опущено указаніе на то, что въ битвѣ при Диррахіѣ Брутъ командовалъ флотомъ. Въ ст. Bithynia не упомянуты лѣсистыя горы Олимпъ и Орминіонъ на югѣ Виѳиніи; въ ст. Bithynium—нынѣшнее названіе этого города Боли, а также опущена цитата на Strab. 12,565. Въ ст. Blemmyes опущена цитата на Strab. 17,786, а въ слѣдующей—Blosius, не упомянуто о томъ, что Г. Блозій былъ стоическій философъ. Въ ст. Boeotia опущены: современное названіе флейточнаго тростника фліерасъ (Phloieras), и указаніе на то, что такъ-называемое Ὑλικὴ λίμνη, можетъ быть, называлось также и Ἅρμα, и цитата на Strab. 9,400 sqq. Paus. кн. 9. Въ ст. Boethius не упомянуто изданіе его комментарія къ Аристотелю Мейзера, 1, 2, 1877 и сл. Въ ст. Boii опущена цитата на Strab. 5,213. Въ ст. Βόλβη опущено указаніе на то, что это озеро соединяется съ Стримонскимъ заливомъ короткимъ истокомъ на востокѣ. Въ ст. bombyx опущено другое названіе subserica — tramoserica, а также цитата на Marquardt Röm. Privatalterthümer II стр. 103 и сл. Въ ст. Βωμιῆς не помѣщена цитата на Strab. 10,451, а въ статьѣ Bomilcar, 1—на Liv. 24, 36. Въ ст. bonorum possessio, 6, опущено указаніе на то, что при bon. poss. secundum tabulas требовалось присутствіе семи свидѣтелей. Въ ст. Bosphorus опущена цитата на Strab. 11,494. Въ ст. Bostar, 2, не упомянуто о томъ, что Бостаръ былъ впослѣдствіи наказанъ за то, что отпустилъ на свободу испанскихъ заложниковъ. Въ слѣдующей ст. Bostra не упомянуто о томъ, что этотъ городъ былъ завоеванъ Траяномъ въ 105 г. Въ ст. Branchidae не упомянуто о томъ, что Бранхъ выселился изъ Дельфъ. Въ ст. Brasidas опущено упоминаніе о томъ, что Бразидъ, поставленный во главу небольшаго войска, защитилъ сперва при его помощи Мегару. Въ ст. Brennus оставлено ошибочное praenomen Манлія Titus, которое въ VI-мъ изданіи исправлено на Marcus. Въ ст. Briniates не упомянуто о томъ, что этотъ народъ былъ въ 187 г. до Р. Хр. покоренъ Римлянами. Въ ст. Britannia опущено другое названіе Bodotria aestuarium—Boderia; затѣмъ сказано, что Северъ выстроилъ стѣну, тогда какъ въ подлинникѣ, по VI-му изданію, читаемъ: Severus endlich scheint keine neue Befestigung angelegt, sondern nur

Библиотека "Руниверс"

an dem Walle Hadrians Reparaturen ausgeführt zu haben. При перечисленіи позднѣйшихъ отдѣловъ Британніи, которые въ IV-мъ изданіи (и въ переводѣ Общества) пріурочиваются извѣстнымъ частямъ острова, въ VI-мъ изданіи сказано, что ихъ Lage im einzelnen unbekannt ist. Изъ римскихъ колоній острова опущены: Deva (Честеръ), Viroconium (Розитеръ, со многими развалинами), Rutupiae (Ричборо); изъ рѣкъ Abus въ VI-мъ изданіи отожествляется не съ Гумберомъ, а съ Узой. Въ ст. Britannicus не упомянуто о томъ, что со смертью Британника прекратился родъ Клавдіевъ. Въ ст. Βροντεῖον опущена фраза подлинника: Oder man rollte Schläuche auf Erzplatten hin und her und brachte so ein donnerähnliches Getöse hervor. Въ ст. Brundisium опущена цитата на Strab. 6,282. Въ ст. Bruttius ager опущено указаніе на то, что эта область не зовется Bruttium, опущены: греческое ея названіе ἡ Βρεττιανή, фраза Verg. A. 3,553 navifragum Scyllaeum, греческое названіе Σκυλλήτιον (при этомъ въ VI-мъ изд. къ опредѣленію ея какъ аѳинской колоніи прибавлено: angeblich), другая форма Mesma, рядомъ съ Medama, также какъ и Tempsa, рядомъ съ Temesa, и наконецъ, цитата на Strab. 6,254 sqq. Наконецъ, въ этой же статьѣ по VI-му изданію упоминанія рѣки Метавра не находится. При сл. Brygi опущена другая его греческая форма Βρύγες, равно какъ и цитата на Strab. 12,550. При сл. Bubastus не упомянуто о томъ, что этотъ городъ былъ столицею при фараонахъ Эѳіопской династіи, а также не сказано, что остатки его сохранились въ развалинахъ Tell Basta близъ Загазига. Въ ст. Budini въ VI-мъ изданіи опущено греческое имя Γελωνός и цитата на Herodot. 4,122. Въ ст. Βουλή опущено греческое названіе для βουλή пятисотъ—ἡ βουλὴ οἱ πεντακόσιοι, но не τῶν πεντακοσίων, не упомянуто о томъ, что право ея членовъ носить миртовый вѣнокъ ограничивалось только случаями, когда они собирались, какъ коллегія, что плата или жалованье вулевтамъ впервые, вѣроятно, введено во время Перикла, что золотой вѣнокъ, которымъ награждался весь совѣтъ, хранился затѣмъ въ одномъ изъ храмовъ, что совѣту надлежала обязанность ежегодно отдавать на откупъ пошлины, что засѣданія совѣта въ βουλευτήριον были обыкновенно публичныя. Въ ст. Bullis не упомянуто современное названіе этого города Khaikali; въ ст. Burchana опущена цитата на Strab. 7,291. Въ ст. Busiris не упомянуто о томъ, что у Аполлодора онъ зовется сыномъ Посидона и Лисіанассы. Въ ст. Butes, 2, опущено указаніе на то, что родъ Бутадовъ былъ жреческимъ родомъ. Въ ст. Βουτώ опущена ссылка на Herodot. 2, 83, 152, 155.

Библиотека "Руниверс"

Однимъ изъ существенныхъ вопросовъ при переводѣ на русскій языкъ такой книги, какъ реальный словарь классической древности, въ которомъ на каждомъ шагу встрѣчаются греческіе и латинскіе слова и термины, является вопросъ о русской ихъ транскрипціи. Ему редакція перевода Вольфа посвятила въ предисловіи нѣсколько словъ, съ которыми нельзя не согласиться: при существующей у насъ путаницѣ въ транскрипціи греческихъ словъ, трудно иногда найтись и человѣку свѣдущему и опытному: одни слова перешли къ намъ прямо изъ Византіи и получили въ русскомъ языкѣ право гражданства въ ихъ византійскомъ произношеніи; другія же проникли къ намъ съ Запада въ новѣйшее, сравнительно, время, почему и укоренились въ нашей рѣчи или въ формѣ, полученной ими въ латинскомъ языкѣ или въ формѣ, соотвѣтствующей эразмовскому произношенію. Оттого у насъ рядомъ съ такими словами, какъ: Аѳины, Ѳивы, Египетъ, Александрія, существуютъ слова: библіотека, театръ, Гомеръ, эхо; употребленіе твердо установило въ нихъ опредѣленныя формы и насиловать ихъ, ради послѣдовательнаго проведенія, хотя бы и вѣрной теоріи, не приходится. Но рядомъ съ такими, уже разъ окрѣпшими въ той или другой формѣ транскрипціями, существуетъ еще гораздо болѣе значительная масса словъ, относительно которыхъ usus еще не установился. Приходится дѣлать транскрипцію ихъ на свой рискъ, при чемъ непремѣннымъ для нея условіемъ является сообразность съ духомъ языка и близкая къ ней аналогія. Русскій языкъ до предыдущаго столѣтія зналъ, за малыми исключеніями, лишь транскрипцію, соотвѣтствующую произношенію Рейхлина; даже и въ XVIII в. мы имѣемъ „Россійскій Ѳеатръ“ и „Россійскую Вивліоѳику“; это исторически объясняемое тяготѣніе къ указанному произношенію сказывается въ особенности при транскрипціи греческихъ дифтонговъ, передача которыхъ соотвѣтствующими русскими: ай, ей, ой рѣшительно не нравится русскому уху. Къ замѣнѣ β черезъ б, или η черезъ е оно нѣсколько привыкло, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія латинскихъ формъ, и потому такія слова, какъ Беотія, боедроміи, Босфоръ не представляются странными, но непрактично поступилъ бы тотъ, кто захотѣлъ бы ввести транскрипціи въ родѣ: Бойотія, Платайи, Хайронейя и т. д. Съ этой точки зрѣнія намъ представляются не совсѣмъ удачными такія транскрипціи въ словарѣ Общества, какъ Пройтъ (s. v. Bellerophontes), Посейдонъ (ibid.), Мелайна (s. v. Bithynia), Лейбеѳрій (s. v. Boeotia), Фойникій (ibid.), Акрайфій (ibid.), Пайрисадъ (s. v. Bosphorus) и т. д. Другимъ, также ореографиче-

Библиотека "Руниверс"

скимъ вопросомъ является вопросъ объ окончаніяхъ, которыя слѣдуетъ придавать собственнымъ именамъ, еще не получившимъ права гражданства въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи орѳографія словаря Вольфа выдержана строже, чѣмъ орѳографія словаря Общества, хотя и въ первомъ, какъ будетъ показано ниже, встрѣчаются уклоненія отъ разъ принятой системы. Редакція словаря Вольфа въ большинствѣ случаевъ придерживалась того, что образовывала русскія имена черезъ прибавленіе русскаго окончанія къ основѣ греческаго или латинскаго имени. Къ сожалѣнію, редакція словаря Общества въ этомъ отношеніи не соблюдаетъ однообразія: такъ, мы встрѣчаемъ написанія: Абидосъ, Озирисъ, Акамантъ, Эантъ (s. v. Acamas), но срв. Аянтъ (s. v. Centauri); Ахиллъ (s. v. Achilles), но срв. Ахиллей (s. v. Centauri); Гесперъ (s. v. Ceyx), Хрисесъ (s. v. Chryse) и т. д. Встрѣчаются даже совершенно неупотребительныя формы, какъ Гермій (s. v. Acastus=Hermes), Ювеналій (s. v. Bathyllos=Juvenalis), Марціалій (s. v. Baetica=Martialis).

Самый переводъ въ изданіи Общества въ общемъ исполненъ удовлетворительно, хотя мѣстами и встрѣчаются фразы неловкія, а изрѣдка и невѣрныя. Нижеслѣдующія замѣчанія взяты изъ внимательнаго разсмотрѣнія словъ въ началѣ и концѣ буквы A, буквы B и въ началѣ буквы C. Въ ст. Augustinus сказано, будто сочиненіе блаж. Августина de civitate Dei обнимаетъ собою 22 тома. Ошибка произошла оттого, что переводчикъ выраженіе подлинника 22 BB (=22 Bücher, 22 книги) принялъ за 22 Bände. Тамъ же, въ концѣ читаемъ: „До насъ дошло только Sex libri de musica... кромѣ того, подробныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ—propter simplicitatem fratrum breviter instruendam—изложенныя безъ всякой связи и послѣдовательности regulae въ изданіи полнаго собранія его сочиненій". Въ подлинникѣ читаемъ: Erhalten sind davon bloss sex libri de musica... ausserdem aber die ausführlicheren, aber gleichfalls propter simplicitatem fratrum breviter instruendam nur excerpirten regulae in den Ausgaben seiner sämmtlichen Werke", то-есть: изъ нихъ (disciplinarum libri) сохранились только sex libri de musica... и болѣе подробныя, но все же—propter simplicitatem fratrum breviter instruendam—изложенныя въ извлеченіи regulae, которыя помѣщены въ изданіяхъ полнаго собранія его сочиненій. Въ ст. Augustus читаемъ, что имя Augustus дало болѣе наглядное внѣшнее обозначеніе неприкосновенности и недосягаемости особы Октавіана. Въ подлинникѣ стоитъ: Unantastbarkeit und Unverletzlichkeit seiner Person, что̀ обозначаетъ

Библиотека "Руниверс"

римское: persona sacrosancta, каковыми, дѣйствительно, были всѣ народные трибуны. Слѣдовательно, о недосягаемости здѣсь нѣтъ рѣчи. Тамъ же: „Какъ много значило это имя (Августа) въ отношеніяхъ къ подданнымъ, явствуетъ прямо изъ того, что Тиберій чрезвычайно сдержанно и деликатно отклонялъ невыносимо надменное вмѣшательство въ государственныя дѣла матери своей Ливіи Августы". Въ подлинникѣ же читаемъ: Wie hoch diese Benennung über das Unterthanenverhältniss hinaus erhob, geht namentlich daraus hervor, dass Tiberius die unerträglich anmasslichn Eingriffe seiner Mutter Livia Augusta in die Regierungsangelegenheiten doch nur so überaus zurückhaltend und schonend zurückweisen konnte. Въ ст. aurum читаемъ: „Подобно этому, a. Iudaicum называлась ежегодная пошлина, наложенная на сокровища іерусалимскаго храма и собиравшаяся съ жившихъ въ Римской имперіи Евреевъ". Въ подлинникѣ: Aehnlich hiess a. Judaicum die jährlich an den Tempelschatz in Ierusalem gesteuerte Abgabe der im röm. Reiche lebenden Iuden. Такимъ образомъ выходитъ, что подать (не пошлина) не была наложена на храмъ, а напротивъ, платилась храму; это есть знаменитый евангельскій δίδραχμον, то золото, которое, по словамъ Цицерона (pro Flacc. 28): Iudaeorum nomine quotannis ex Italia et ex omnibus provinciis Hierosolyma exportari solebat. Въ ст. Ausonius: „Mosella, стихотворное описаніе путешествія по Рейну и Мозелю (отъ Бингена до Тріера, гдѣ и написано стихотвореніе) со всѣмъ блескомъ поэтическаго изложенія и множествомъ ученыхъ приложеній". Авзоніева Мозелла писана въ Тирѣ и не имѣетъ приложеній, но Beiwerken, то-есть, экскурсы или вставки, какъ точнѣе сказано въ подлинникѣ. Въ ст. Bacis: „эти сборники пріобрѣли вслѣдствіе набожнаго къ нимъ отношенія Писистрата и его сыновей не малую репутацію"— въ подлинникѣ: die gläubige Pflege, чѣмъ обозначается, что Писистратъ вѣрилъ въ предсказанія и заботился объ ихъ сохраненіи. Въ ст. Baetica болѣе правильная транскрипція испанскаго названія провинціи Alemtejo будетъ Алемтехо, а не Алемтейо, какъ стоитъ въ переводѣ. Въ ст. Balbi: „Поэтому обвиненіе, поднятое противъ него (Бальба) изъ-за дарованія ему права гражданства направлено было гораздо болѣе противъ тріумвировъ, нежели противъ самого Бальба". Въ подлинникѣ: wegen Anmassung des Bürgerrechts, чѣмъ указывается на то, что онъ имѣлъ (неосновательное) притязаніе воспользоваться правами римскаго гражданина. Ibid.: „Онъ (Бальбъ) старался, хотя безуспѣшно, склонить на сторону перваго

Библиотека "Руниверс"

(Цезаря) вліятельнаго оратора Цицерона"; въ подлинникѣ: den gefürchteten Redner, чѣмъ указывается не столько на вліяніе Цицерона, сколько на то, что онъ внушалъ страхъ. Въ ст. Balneum: „У Римлянъ купанье было въ общемъ обычаѣ вслѣдствіе болѣе теплаго климата и изъ гигіеническихъ видовъ; позднѣе оно выродилось и стало служить средствомъ къ порчѣ нравовъ". Выраженіе выродилось, въ приложеніи къ купанью, представляется не совсѣмъ удачнымъ. Въ ст. Bantia: „Особенную важность для изученія государственныхъ древностей представляетъ найденный въ 1790 г. и относящійся къ 133—118 гг. до Р. Х. камень съ надписью tabula Bantina". Надпись, извѣстная въ эпиграфикѣ подъ этимъ названіемъ, начертана на бронзѣ, а не на камнѣ; впрочемъ и въ подлинникѣ, страннымъ образомъ, та же ошибка (Steinschrift). Переводъ Вольфа избѣгъ ея, употребивъ просто слово надпись. Въ словѣ Basilica: „Базилика состояла изъ средняго корпуса и двухъ боковыхъ корпусовъ, отдѣленныхъ отъ него рядомъ колоннъ". Техническій терминъ для названія этихъ частей базилики есть: корабль, navis, Schiff. Въ ст. Bellona: „Отличать слѣдуетъ отъ нея смѣшиваемую съ нею азіатскую богиню, которая отъ имени государства была перенесена въ Римъ изъ Команы каппадокійской". Въ подлинникѣ: Zu unterscheiden von ihr ist die mit ihr verschmolzene asiatische Göttin, welche aus Komana in Kappadokien... in Rom eingeführt wurde. Такимъ образомъ, выраженіе verschmolzene указываетъ на то, что команская Беллона слилась съ Римскою. Кромѣ того, городъ Каппадокіи зовется τὰ Κόμανα (Strab. XII, 535; Dio C. XXXV, 11), слѣдовательно, долженъ быть переданъ въ русской формѣ: Команы. Та же ошибка и въ переводѣ Вольфа. Подъ тѣмъ же словомъ греч. Ἐνοώ передана въ неудачной формѣ: Eniona. Въ ст. Bessi выраженіе Haimosgebirge не точно передано черезъ: хребетъ Гемона, вм. Гема. Въ ст. Bocchus: „Посланнымъ къ нему посламъ... онъ (Бокхъ) показывалъ себя сначала дружественно расположеннымъ къ Римлянамъ". Въ подлинникѣ читаемъ: Den an ihn abgeschickten Gesandten... zeigte er sich zuerst geneigt, что̀ обозначаетъ, что Бокхъ сначала благосклонно принялъ пословъ. Въ ст. Bodotria нѣм. Ostseite ошибочно передана: западная часть. Въ ст. Boeotia: „На сѣв. зап. отъ него тянется по направленію къ Копаидѣ равнина". Въ подлинникѣ: Nordwestlich von ihm zieht sich eine gegen die Kopais geneigte Ebene hin, чѣмъ указывается на склонъ этой равнины къ Копаидскому озеру. Ibid.: „На границѣ съ Мегаридой и Аттикой высится суровый

Библиотека "Руниверс"

и непріятный Киѳеронъ, извѣстный... тѣмъ, что здѣсь былъ высаженъ Эдипъ. Въ подлинникѣ слово непріятный выражено черезъ unwirthbar—дикій; что же касается послѣдней фразы (bekannt durch die Aussetzung des Oidipus), то она неточно передаетъ общеизвѣстную черту изъ легенды объ Эдипѣ, который не былъ высаженъ на Киѳеронѣ, а брошенъ въ младенчествѣ своимъ отцемъ Лаемъ на этой горѣ. Ibid.: „Черепахи, на кору которыхъ натягивались струны и такимъ образомъ выдѣлывали изъ нея киѳары". Вмѣсто кора лучше было бы употребить слово черепъ, чаша. Точно также не совсѣмъ удачною представляется фраза ibid.: „Впрочемъ, Беотія создала не только дюжихъ солдатъ... но и великихъ полководцевъ". Въ ст. Boetius: „Когда въ Веронѣ, при храброй защитѣ консуляра Альбина, Боецій сказалъ, что еслибы (?) Альбинъ поступилъ такъ, онъ самъ и весь сенатъ единодушно поступили бы не иначе, то немедленно постигло его наказаніе". Вмѣсто этой неудачной и невразумительной фразы въ подлинникѣ читаемъ: Als er in Verona bei der muthigen Vertheidigung des Consulars Albinus äusserte, dass wenn Albinus solches gethan, er und der ganze Senat eines Sinnes dasselbe gethan hätten, folgte die Strafe auf dem Fusse nach. Въ ст. Bolanus, 2: „Неизвѣстный человѣкъ, котораго Горацій хвалитъ какъ cerebri felix". Уже изъ слова felix явствуетъ, что Горацій не хвалитъ Болана, а считаетъ его счастливымъ, слѣдовательно, скорѣе завидуетъ ему въ томъ, что онъ вспыльчивъ и скоръ на руку. Въ ст. Borsippa: „Городъ на восточномъ берегу Евфрата" — въ подлинникѣ: Am westl. Ufer des Euphrat. Въ ст. Britannicus: „Но Британникъ раскрылъ интриги Агриппины"—Aber Brit. merkte die Intriguen der Agrippina. Въ словѣ Βροντεῖον читаемъ не совсѣмъ удачную фразу: „Тетральная машина, посредствомъ которой изображались удары грома". Въ ст. Bruttius ager терминъ Сицилійцы лучше было бы замѣнить терминомъ: Сикулы. Въ ст. Βουλή: „Этотъ уже называется тогда также ἐπιστάτης"—фраза неудачная, равно какъ и въ слѣдующемъ словѣ Bulis выраженіе „финикійская колонія, доризованная затѣмъ изъ Коринѳа". Въ сл. Butes: „отъ него происходилъ родъ Бутадовъ или Етеобутадовъ"; въ подлинникѣ: von welchem das priesterliche Geschlecht der Butaden oder Eteobutaden sich ableitete. Та же неточность и въ переводѣ Вольфа. Тамъ же: „Аѳинскій аргонавтъ затѣмъ опять смѣшивается 3) съ сицилійскимъ Бутомъ... Этотъ принадлежалъ къ кругу Афродиты и есть лицо, сходное съ Анхисомъ"—Der athenische Argonaut ist dann

Библиотека "Руниверс"

wieder mit einem 3) Sicilischen Butes... verschmolzen worden. Dieser gehört dem Kreise der Aphrodite und ist eine dem Anchises ähnliche Gestalt. Въ ст. Byzantium имя Βύζας, αντος передано въ формѣ: Биза, вм. Византъ. Тамъ же: „близъ такъ-называемаго Золотаго Рога или Босфорскаго залива". Въ подлинникѣ о Босфорскомъ заливѣ не говорится, и Золотой Рогъ зовется частью Босфора, а не отожествляется съ нимъ: „an dem s. g. goldenen Horn, einem Busen des Bosporos". Въ ст. Cabiri: „На Лемносѣ онъ (культъ Кабировъ) соединился съ культомъ Гефеста, который здѣсь очевидно былъ понятъ, какъ божество подземнаго зиждущаго природнаго огня". Въ подлинникѣ мысль другая: „Auf Lemnos verband er sich mit dem des Hephaistos, der hier wahrscheinlich als der Gott des unterirdischen, schöpferisch wirkenden Naturfeuers aufzufassen ist". Тамъ же выраженіе подлинника: künstliche Werkmeisterei передано неудачно черезъ: „искусное мастерство". Въ ст. Cadmus фраза подлинника: An der Hochzeit auf der Kadmeia nahmen alle Götter Theil переведена: „Въ свадьбѣ, происходившей въ Кадмеѣ, принимали участіе всѣ боги"; тамъ же: die Bearbeitung des Erzes передано неудачно черезъ: употребленіе металловъ, и фраза: „котораго также Schaefer выдаетъ за миѳическое лицо" неловко выражаетъ фразу подлинника: „den auch A. Schaefer für eine mythische Person erklärt.

Словарь въ изданіи Общества напечатанъ шрифтомъ, хотя и убористымъ, но четкимъ и вообще довольно исправно въ корректурномъ отношеніи. Въ указанныхъ выше предѣлахъ мы замѣтили слѣдующія, нежелательныя опечатки: сл. Bessus—персидско-лидійскому вм. персидско-мидійскому; сл. Bibracte—Эдуовъ вм. Эдуевъ, Bilbilis—Baubola вм. Bambola; сл. Βιοαλτία—Каллипирами вм. Каллитерами; сл. Boeotia—Асона вм. Асопа; ibid. Helenica вм. Hellenica; ibid. Анфедонъ вм. Аѳедонъ; сл. Boii—Готамъ вм. Гетамъ; сл. Bosphorus—Рескупорисъ вм. Рескупоридъ; Britannïa вм. Britannia; ibid. секирой вм. сѣкирой; ibid. Bodatria вм. Bodotria; сл. Britomaris—Домбеллы вм. Долабеллы; сл. Bruttius Sura—побѣдилъ... будучи легатомъ, Сатурнина, одного изъ полководцевъ Митридата Метрофана вм. побѣдилъ... будучи легатомъ Сатурнина, одного изъ полководцевъ Митридата, Метрофана. Помѣщенные въ текстѣ рисунки вообще удовлетворительны.

Переходимъ къ отчету о переводѣ Вольфа. Кое-какія указанія на его особенности мы уже сдѣлали выше. Редакція перевода заявляетъ въ предисловіи, что она рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, прибѣгала къ измѣненію нѣмецкаго текста, ограничиваясь преимущественно добавле-

Библиотека "Руниверс"

ніями и отчасти измѣненіями въ библіографическихъ указаніяхъ Любкера на ученую литературу. Оставаясь въ указанныхъ выше предѣлахъ нашего наблюденія, отмѣтимъ лишь одно мѣсто въ текстѣ Любкера, котораго измѣненіе представляется намъ желательнымъ—это его отзывъ о боннскомъ изданіи Византійцевъ (s. v. Byzantini): оно зовется kritische und werthvolle Sammlung, что̀ невѣрно, такъ какъ, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ томовъ, это изданіе представляетъ перепечатку, и иногда довольно неряшливую, старыхъ изданій, преимущественно тѣхъ, которыя вошли въ сборникъ Лаббе [1]). Что касается дополненій и измѣненій въ библіографическихъ указаніяхъ, то нельзя не пожелать, чтобъ ихъ было сдѣлано больше. Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній: Въ статьѣ Aegina желательно было бы видѣть указаніе на монографію г. Прахова объ эгинскихъ мраморахъ (этого указанія нѣтъ и въ словарѣ Общества). Въ ст. Aegyptus слѣдовало бы указать на русскій переводъ исторіи фараоновъ Бругша, сдѣланный г. Властовымъ въ его трудѣ: Священная лѣтопись Востока (не указано и въ переводѣ Общества). Въ ст. Aeschylus слѣдуетъ добавить указаніе на переводъ Персовъ, сдѣланный Б. Ордынскимъ (указанъ въ переводѣ Общества); въ ст. Agrippina—на монографію Кудрявцева: „Римскія женщины по Тациту“ (указана въ переводѣ Общества); въ ст. Alexander (Magnus)—указаніе на превосходную монографію В. В. Григорьева о походѣ Александра Великаго въ Среднюю Азію (не указана и въ словарѣ Общества); въ ст. Anacreon—на переводъ Мартынова (указанъ въ словарѣ Общества) и на переводъ Бажанова (не указанъ l. l.); въ ст. Apollonius, 7—на монографію Добіаша: „Синтаксисъ Аполлона Дискола“ 1878 (указана l. l.); въ статьѣ Apuleius на переводъ „Золотаго осла“ Костровымъ (не указанъ и въ словарѣ Общества), въ ст. aquae ductus—на монографію Турцевича: Кіевъ 1882 (не указана и l. l.); въ ст. Archimedes—на русскій переводъ Псаммита, сдѣланный Петрушевскимъ (не указанъ и l. l.); въ ст. Aristophanes — на статью Ордынскаго, на переводы: Облаковъ—Муравьева-Апостола, Всадниковъ —Ордынскаго, Ахарнянъ — его же, Птицъ—Скворцова (указаны въ переводѣ Общества); въ ст. Aristoteles—на переводъ Категорій Касторскаго и Піитики Ордынскаго (не указаны и l. l.), въ ст. Arrianus на переводъ Перипла Евксин-

[1]) Было бы также умѣстно опустить и заключительную фразу въ сл. *barditus*, какъ имѣющую интересъ исключительно для нѣмецкихъ читателей словаря Любкера.

Библиотека "Руниверс"

скаго Понта Фабра; въ ст. Bantia на изданіе tabula Bantina, сдѣланное проф. Цвѣтаевымъ; въ ст. Byzantini на переводъ нѣкоторыхъ Византійцевъ, изданный С.-Петербургскою духовною академіей; въ ст. Callimachus—на переводъ Мартынова; въ ст. Cimon—на монографію Стасюлевича: „Защита Кимонова мира"; въ ст. Curtii—на переводъ Квинта Курція Крашенинниковымъ; въ ст. Demetrius—на монографію Бабста: „Димитрій Поліоркетъ". При послѣднихъ семи статьяхъ нѣтъ указаній на вышеупомянутыя книги и статьи и въ словарѣ Общества. Нельзя не одобрить того, что редакція изданія Вольфа въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о Римѣ и римскихъ древностяхъ, къ обозначенію годовъ по эрѣ Рождества Христова присоединила и обозначеніе ихъ по эрѣ основанія Рима, и исполнила это послѣдовательно. Мы уже упоминали о также довольно послѣдовательно проведенной орѳографіи и транскрипціи греческихъ и латинскихъ словъ. Здѣсь приведемъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ намъ видится несоблюденіе этой послѣдовательности: такъ, въ сл. Acarnan форма Каллирое употребляется какъ несклоняемая, тогда какъ въ сл. Callirhoe она является уже въ видѣ: Каллироя; въ сл. Acarnania встрѣчаемъ форму: Дематаская бухта; сообразнѣе съ принятою транскрипціей было бы сказать: Дематская; полное имя поэта Авзонія (s. v.) читается: Децимъ Магнусъ Авзоній вм. Магнъ; въ сл. Autolycus встрѣчаемъ форму Парнасъ вм. Парнассъ; въ сл. Boeotia почти рядомъ формы: копайская Беотія и Копаидское озеро.

Переводъ редакціи Вольфа можно назвать въ общемъ также удовлетворительнымъ, хотя и въ немъ мѣстами встрѣчаются нежелательныя неточности, и даже ошибки. Вотъ доказательства, взятыя также изъ разсмотрѣнія начала и конца буквы А, всей буквы В и начала буквы С. — Въ сл. Abacus читаемъ: „Доски его были большею частью изъ мрамора, иногда изъ серебра, также изъ лимоннаго, кленоваго или кедроваго дерева". Въ подлинникѣ: aus citrus, что обозначаетъ особый сортъ дерева (Thuja articulata), привозившагося изъ Африки; см. Marquardt Handb. VII, 2, стр. 412, пр. 5. Въ ст. Acamas: „Вмѣстѣ съ Діомедомъ онъ (Акамантъ) ѣздилъ посланникомъ въ Трою, чтобы требовать выдачи Елены. Послѣ этого оба брата, вмѣстѣ съ Элефенорамъ Эвбейскимъ, къ которому она посылала Ѳезея во время бѣгства своего изъ Аѳинъ, отправились въ Трою. Послѣ завоеванія Трои онъ... находитъ свою бабку Эѳру... и возвращаетъ ее въ Аѳины, гдѣ она, по смерти Менесѳея,

Библиотека "Руниверс"

снова достигла владычества". Въ подлинникѣ читаемъ: Er ging mit Diomedes als Gesandter nach Troja, um Helena zurückzufordern. Hierauf zogen die beiden Brüder mit Elphenor von Euboia, zu welchem sie Theseus bei seiner Flucht aus Athen gesandt hatte, nach Troja... Mit seinem Bruder trifft er nach Troja's Eroberung ihre Grossmutter Aithre... und führt sie nach Athen zurück, wo sie nach des Menestheus Tode wieder die Herrschaft erlangen; такимъ образомъ, Акаманта съ братомъ его Демофономъ, послалъ къ Елфенору (ихъ отецъ) Ѳесей, при своемъ бѣгствѣ изъ Аѳинъ, и оба брата, вмѣстѣ съ Елфеноромъ, отправились затѣмъ въ Трою. А по завоеваніи Трои и обрѣтеніи своей бабки Эѳры, они привезли ее обратно въ Аѳины и, по смерти Менесѳея, возвратили себѣ отцовскій престолъ.—Въ ст. Antronius Paetus: „Затѣмъ онъ сражался на сторонѣ Катилины и посягалъ на жизнь консуловъ Цицерона и Антонія". Въ подлинникѣ: Darauf schlug er sich auf Catilina's Seite, чѣмъ обозначается только, что Петъ перешелъ на сторону Катилины, то-есть, принялъ участіе въ его заговорѣ. Въ ст. Babylonia: „тогда при третьемъ царѣ Оаннѣ явилось баснословное чудовище-рыба"; „da sei unter dem dritten Könige Oannes, ein fabelhaftes Fischthier, gekommen". Слѣдовательно, Оаннесъ есть названіе чудовища, а не царя. Въ ст. Baetis болѣе правильная транскрипція испанскаго слова Xenil будетъ Хениль, а не Ксенилъ. Въ ст. Balbi: „При началѣ борьбы Кесарь отослалъ его (Бальба), по его желанію, въ Римъ". Выраженіе подлинника: liess in Rom zurück точнѣе выражается черезъ: „оставилъ въ Римѣ". Ibidem: „Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Цицерономъ, который выхлопоталъ ему послѣ смерти Помпея и Кесаря возвращеніе изъ ссылки". Здѣсь вмѣсто „и Кесаря" слѣдуетъ читать: у Кесаря. Въ ст. Bellona: „на задней сторонѣ ея храма... стояла статуя, у которой феціалы совершали церемонію объявленія войны". Въ подлинникѣ, согласно съ извѣстіемъ древнихъ (Ovid. Fast.), рѣчь идетъ о колоннѣ (Säule—columna bellica). Въ ст. Berecyntes слову Buchsbaum соотвѣтствуетъ скорѣе самшитъ, чѣмъ букъ. Въ ст. Berenice собственное имя Киренскаго царя Мага (Μάγας,α) неудачно выражено русскою формой Магадъ, также какъ въ ст. Bessus названіе τὰ Γαυγάμηλα формою женскаго рода Гавгамелла; тамъ же Птолемей сынъ Лага неточно названъ Птолемеемъ Лагомъ. Въ ст. Βίβλος: „Въ особенности употреблялись для письма покрытыя воскомъ дощечки". Въ подлинникѣ: Zu Briefen—для писемъ, въ перепискѣ. Въ ст. Blemmyes названіе народца Беджа (Bedja) неправильно отожествлено съ Бедуинами. Въ ст. Boa-

Библиотека "Руниверс"

dicea: „(Римляне) обезчестили ея (Боадицеи) дочь“. Въ подлинникѣ, согласно съ извѣстіемъ Тацита, рѣчь идетъ про нѣсколькихъ дочерей (Töchter). Ibid.: „Римскія владѣнія подверглись нападенію... и около 70,000 римскихъ солдатъ и колонистовъ было убито“; въ подлинникѣ: die römischen Besatzungen wurden überfallen... und über 70,000 römische Soldaten und Colonisten erschlagen. — Въ ст. Boeotia Мегарида (Megaris) неточно названа Мегарой; ibid.: „Киѳеронъ... суровый и мрачный, извѣстный киѳеронскою охотою на львовъ... и изгнаніемъ Эдипа“: О послѣднемъ выраженіи мы говорили выше, при цитатѣ этого же мѣста въ переводѣ Общества; здѣсь же замѣтимъ, что точнѣе было бы сказать: киѳеронскаго льва (см. Pausan. I, 41, 4); ibid.: „Происхожденіе этого сточнаго канала объясняется проще всего тѣмъ, что известковыя горы, какъ кора кипящей массы, поднимаются вверхъ, а внутри дѣлаются пустыми“. Въ подлинникѣ: „die Entstehung dieser Abzugscanäle erklärt sich am einfachsten dadurch, dass das Kalkgebirge, wie die Kruste einer kochenden Masse, emporgehoben und im Innern hohl wurde“. Ibid.: „рѣчка Меласъ, извѣстная своими купаньями“; въ подлинникѣ рѣчь идетъ о разливахъ или наводненіяхъ (Ueberschwemmungen); ibid.: „озеро... которое съ Копаидой и Гилико соединяется катабоѳрами и почти доходитъ до моря“; въ подлинникѣ говорится, что до моря доходятъ катабоѳры, а не озеро (See... der mit Kop. und Hyl. durch Katabothren verbunden ist, die bis ans Meer reichen); ibid.: „Мѣстности Беотіи, которыя, ради своей гористой природы, вообще не лишены способности къ обработкѣ, принадлежатъ къ плодороднѣйшимъ въ Греціи“; въ подлинникѣ мысль иная: die Gegenden Boiotiens, die nicht wegen ihrer Gebirgsnatur überhaupt culturunfähig sind, gehören zu den fruchtbarsten Griechenlands“, при чемъ имѣется въ виду, что тѣ изъ мѣстностей, воздѣлыванію которыхъ не ставитъ неодолимыхъ препятствій ихъ горная природа, оказываются плодороднѣйшими изъ всѣхъ мѣстностей Греціи. Ibid.: „Особенно вслѣдствіе развитія музыки дорого цѣнился тростникъ для флейты“. Въ подлинникѣ самое развитіе музыки ставится въ зависимость отъ количества и качества тростника: Eigenthümlich und für die Ausbildung der Musik von grossem Einfluss war das Flötenrohr; ibid.: прозвище εὐήθεις, которое придавали Аѳиняне Віотійцамъ, обозначаетъ не столько „добрыхъ, честныхъ людей“, сколько людей простоватыхъ, недалекихъ; ibid.: „Миніи... богатое племя, важное по сказаніямъ объ Аргонавтахъ“; въ подлинникѣ сказано точнѣе: wichtig für die Argonauten-

Библиотека "Руниверс"

sage; ibid.: „Гомеръ называетъ Ѳивянъ Кадмеонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ Беотійцами"; въ подлинникѣ: Homer nennt die Thebaner Kadmeionen, kennt aber auch schon Boiotier. Въ ст. Bononia: „Болонья, весьма древній извѣстный городъ въ верхней Италіи"; въ подлинникѣ: älteste bekannte Stadt in Oberitalien. Въ ст. Brasidas: „Своими переговорами онъ (Бразидъ) склонилъ на сторону Спарты многіе города". Въ подлинникѣ говорится не о переговорахъ, а о дарѣ убѣжденія или силѣ краснорѣчія (Ueberredungsgabe). Тамъ же названіе города Менды (ἡ Μένδη) неточно передается въ русской формѣ Менды, во множ. ч. Въ ст. Βουλή: „онъ (γραμματεὺς ὁ κατὰ πρυτανείαν κληρωθείς) имѣлъ право побуждать къ охраненію постановленій". Въ подлинникѣ: er hatte die Aufbewahrung der Beschlüsse zu veranlassen, чѣмъ обозначается, что это должностное лицо должно было заботиться о храненіи постановленій, слѣдовательно, соотвѣтствовало до извѣстной степени современнымъ архиваріусамъ. Въ ст. Buprasium выраженіе „hohle Elis" (ἡ κοίλη Ἦλις) скорѣе соотвѣтствуетъ русскому „глубокая Элида", чѣмъ „пустая". Ibid.: греческое выраженіе πολύπυρος обозначаетъ не то, чтобы мѣстечко было хорошо отстроено, а то, что оно было запахано и давало хорошую жатву (wohlbebaute). Въ ст. Butès: „Афродита родила ему Эрика, какъ Анхиза Энею". Слѣдовало бы сказать на оборотъ: Анхизу Энея. Въ ст. Cadmus вм. „пріѣхалъ въ Ѳессалію" слѣдуетъ читать: „во Ѳракію"; ibid.: „только въ послѣдующее время, когда чувствовалась древняя связь Греціи съ Востокомъ и когда старались греческое богослуженіе и культуру отнести именно къ Египту или Финикіи, образовалось сказаніе о переселенцѣ изъ Египта Кадмѣ". Въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно: „erst in späterer Zeit, wo man das Bewustsein einer uralten Verbindung Griechenlands mit dem Morgenlande hatte und bestrebt war, griech. Gottesdienst und griech. Cultur namentlich auf Aegypten und Phoinikien zurückzuführen, bildete sich die Sage von einem aus Phoinikien (oder Aegypten) eingewanderten Kadmos".

Шрифтъ, которымъ напечатана книга въ изданіи Вольфа, весьма убористъ, но не совсѣмъ четокъ; кромѣ того, типографская краска нѣсколько блѣдна, вслѣдствіе чего при чтеніи нѣкоторыхъ страницъ глаза утомляются. Въ корректурномъ отношеніи изданіе довольно исправно. Вотъ нѣсколько замѣченныхъ нами опечатокъ: s. v. Beneventum вм. Беневентъ слѣдуетъ читать: Беневенто; s. v. Boeotia вм. равнина, за которой сл. равнина, на которой; вм. Платеи сл. Платей;

Библиотека "Руниверс"

s. v. Brixia вм. муниципіемъ сл. муниципіемъ; s. v. Bruchium вм. Alexadria сл. Alexandria; s. v. Bucina вм. пе сл. не. Приложенные къ тексту рисунки не всѣ въ одинаковой степени удовлетворительны.

И. Помяловскій.

Наши педагогическіе вопросы. Сочиненіе *барона Н. А. Корфа*. Изданіе „Сотрудникъ школъ" А. К. Залѣсской. Москва. 1882.

Подъ этимъ заглавіемъ изданъ сборникъ педагогическихъ статей покойнаго барона Н. А. Корфа, появлявшихся разновременно въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Всѣхъ статей въ изданномъ сборникѣ 20. Первая небольшая статья, подъ заглавіемъ „Новая опасность для народной школы", вызвана возбужденнымъ коммиссіей по техническому образованію вопросомъ о введеніи въ народную школу преподаванія ремеслъ. Авторъ вооружается противъ такого новшества и выражаетъ большое опасеніе, чтобы масса нашего сельскаго населенія, мало видящая пользы въ общеобразовательной школѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми неопытными учителями не увлеклась заманчивою мыслью видѣть своихъ дѣтей обученными полезнымъ ремесламъ и не совратила бы современную школу съ того правильнаго пути, на который она поставлена заботами правительства и земства.

Во второй статьѣ, подъ заглавіемъ „Провинціальное ремесленное училище", обстоятельно разсматривается проектъ ремесленнаго Харьковскаго городскаго училища, составленный г. Фесенкомъ и отличающійся, по мнѣнію барона Корфа, отъ многихъ ему подобныхъ практичностью и согласіемъ съ требованіями науки и жизни.

Третья статья, подъ заглавіемъ „Сельско-хозяйственное и ремесленное образованіе народа", вызвана обнародованнымъ въ 1878 г. проектомъ Вольнаго Экономическаго общества объ учрежденіи въ Россіи особыхъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ училищъ. Въ этой довольно обширной статьѣ авторъ касается мнѣній, высказанныхъ по поводу проекта нашими сельско-хозяйственными съѣздами, нѣкоторыми земствами, а равно и періодическою печатью; затѣмъ авторъ излагаетъ свои соображенія, останавливаясь особенно на томъ, какъ учрежденіе такихъ школъ можетъ отозваться на всѣхъ сословіяхъ Россіи. По поводу ремесленныхъ школъ баронъ Корфъ отво-

Библиотека "Руниверс"

дитъ много мѣста проекту, оставшемуся впрочемъ безъ осуществленія, ремесленной школы въ имѣніи г. Гнѣдина (Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи).

Въ четвертой статьѣ, также довольно обширной, подъ заглавіемъ „Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства", имѣется въ виду школьное дѣло въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ составѣ населенія котораго почти нѣтъ дворянъ, а населеніе крестьянское находится подъ дѣльнымъ вліяніемъ болгарскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Сначала авторъ останавливается на постепенномъ возрастаніи народныхъ училищъ уѣзда, начиная съ 1858 г.; затѣмъ характеризуетъ отношеніе дирекціи народныхъ училищъ къ земству и заключаетъ свою статью призывомъ земства къ учрежденію повторительныхъ земскихъ школъ.

Пятое мѣсто занимаетъ небольшая статейка подъ названіемъ „Народное училище въ богатомъ селѣ". Здѣсь имѣется въ виду село Бѣленькое, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, пользующееся, въ силу особаго исключительнаго положенія, большимъ матеріальнымъ достаткомъ и имѣющее хорошо устроенную двухклассную школу.

Въ шестой статьѣ, подъ заглавіемъ „Малорусская народная школа", послѣ предварительныхъ разсужденій о томъ, что на всякой народной школѣ долженъ отражаться характеръ мѣстности и того населенія, среди котораго она находится,—авторъ описываетъ современное положеніе народной школы въ Малороссіи, при чемъ особенно останавливается на причинахъ, задерживающихъ успѣшное обученіе дѣтей.

Седьмая статья, подъ названіемъ „Воскресная школа", посвящена описанію Харьковской воскресной школы, съ успѣхомъ дѣйствующей болѣе десяти лѣтъ.

Восьмая статья посвящена вопросу о необходимости учрежденія воскресныхъ земскихъ повторительныхъ школъ, какъ для учениковъ, окончившихъ курсъ ученія, такъ и для не окончившихъ.

Девятая статья озаглавлена „Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ"; въ ней содержится весьма подробное изложеніе пріемовъ, употребленныхъ авторомъ при испытаніи 500 крестьянскихъ подростковъ Маріупольскаго, Александровскаго и Бердянскаго уѣздовъ, испытаній, произведенныхъ барономъ Корфомъ, съ цѣлью узнать, какъ скоро и въ какой степени крестьяне утрачиваютъ свои школьныя свѣдѣнія. Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе результатовъ личныхъ испытаній автора съ таковыми же испытаніями, про-

Библиотека "Руниверс"

изведенными по его программѣ графинею П. С. Уваровой 60 подросткамъ въ трехъ уѣздахъ Московской, Владимірской и Смоленской губерніи.

Десятая статья, подъ заглавіемъ „Къ вопросу объ обязательности обученія", вызвана проектомъ Е. Н. Андреева о возможно лучшей организаціи народныхъ школъ въ Россіи, доложеннымъ 22-го ноября 1880 г. коммиссіи по техническому образованію въ Петербургѣ.

Въ одинадцатой статьѣ, озаглавленной „Дешевый и раціональный способъ распространенія грамотности", баронъ Корфъ знакомитъ читателя съ проектомъ псковскаго земства, имѣющимъ цѣлью усиленіе грамотности уѣзда, при чемъ присоединяетъ къ проекту двѣ свои поправки.

Въ двѣнадцатой статьѣ, подъ заглавіемъ „Объ инспекціи народныхъ училищъ", развивается мысль, что нынѣ дѣйствующія узаконенія о надзорѣ за народными училищами не предотвращаютъ произвола со стороны инспекторовъ и такимъ образомъ косвенно задерживаютъ распространеніе образованія въ народѣ; затѣмъ авторъ предлагаетъ проектъ для устраненія указываемаго имъ произвола.

Тринадцатая статья, подъ заглавіемъ „Учительскіе съѣзды", посвящена описанію съѣзда учителей Херсонскаго уѣзда, руководителемъ котораго былъ самъ авторъ.

Въ четырнадцатой статьѣ, подъ заглавіемъ „Учители и помощники", авторъ развиваетъ ту мысль, что съ положеніемъ о народныхъ училищахъ 1874 г., возвысившимъ для учителей экзаменаціонный цензъ, дѣло народнаго образованія ослабло, такъ какъ сельское бѣдное общество не въ состояніи имѣть учителей по своимъ денежнымъ средствамъ. Зло, происходящее отсюда, по мнѣнію автора, усилилось еще распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, въ силу котораго учительскими помощниками могутъ быть только лица, выдержавшія равносильный съ учителемъ экзаменъ. Статья оканчивается заявленіемъ желанія, чтобъ училищнымъ совѣтамъ возвращено было право, принадлежащее имъ по положеніямъ 1864 г., выдавать временныя свидѣтельства на право преподаванія въ училищахъ безъ предоставленія такимъ учителямъ какихъ-либо льготъ по воинской повинности.

Пятнадцатая статья, подъ заглавіемъ „Научныя основы обученія по Бену", представляетъ изложеніе педагогическихъ и дидактическихъ положеній Бена съ пополненіями самого барона Корфа.

Шестнадцатая статья вызвана появленіемъ изданной святѣйшимъ синодомъ новой программы по Закону Божію. Въ ней въ краткихъ

Библиотека "Руниверс"

чертахъ представляется неудовлетворительное состояніе преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ, высказывается надежда на улучшеніе положенія этого предмета съ изданіемъ поименованной программы, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія о самой программѣ.

Въ семнадцатой статьѣ „Наши гимназіи" сообщаются впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ посѣщеній Маріинской женской гимназіи въ Одессѣ.

Въ восемнадцатой статьѣ, подъ заглавіемъ „Этнографическій элементъ въ дѣлѣ организаціи народной школы", баронъ Корфъ доказываетъ необходимость начальнаго обученія дѣтей на ихъ родномъ языкѣ или нарѣчіи, предполагая, что эта мѣра удовлетворила бы всѣ разноплеменныя части населенія Россіи и значительно подняла бы педагогическій уровень всѣхъ школъ.

Девятнадцатая статья, озаглавленная „Еврейскій элементъ въ дѣлѣ народнаго образованія", вызвана рѣшеніемъ совѣта Харьковской воскресной школы не принимать въ школу еврейскихъ дѣтей. Авторъ старается доказать несправедливость такого рѣшенія и приходитъ къ тому заключенію, что еврейскія дѣти должны имѣть одинаковыя права съ дѣтьми другихъ исповѣданій на посѣщеніе русскихъ школъ.

Въ двадцатой и послѣдней статьѣ, озаглавленной „Общество улучшенія народнаго труда", баронъ Корфъ знакомитъ читателя съ цѣлями общества по отношенію къ народному образованію и пытается опровергнуть мнѣнія учредителей общества относительно полезности для народа общихъ школъ безъ прикладныхъ знаній.

Такимъ образомъ, если исключить несамостоятельную статью „Научныя основы по Бену" и другую статью „Наши гимназіи", касающуюся средняго учебнаго заведенія, то мы можемъ сказать, что сборникъ главнымъ образомъ посвященъ вопросу о нашемъ народномъ образованіи въ различныхъ его развѣтвленіяхъ. Не весь матеріалъ этого рода одинаковаго достоинства. Такъ, статья подъ заглавіемъ „Еврейскій вопросъ въ дѣлѣ народнаго образованія" лишена основательности и убѣдительности. Въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ среди цѣнныхъ фактовъ, сужденій, доводовъ встрѣчается нѣчто такое, что не имѣетъ никакого отношенія къ данному вопросу и внесено только или ради оживленія статьи или ради приданія ей тона, отвѣчающаго общему характеру того періодическаго изданія, въ которомъ статья была напечатана впервые. Но и при такихъ недостаткахъ появленіе всѣхъ этихъ статей въ одной книгѣ должно быть признано не без-

Библиотека "Руниверс"

полезнымъ вкладомъ въ нашу скудную педагогическую литературу. Покойный баронъ Корфъ хорошо зналъ нашу зарождающуюся школу и усердно работалъ въ интересахъ ея; поэтому многія трезвыя мнѣнія и сужденія его по разнымъ школьнымъ вопросамъ могутъ имѣть цѣну, какъ въ глазахъ лицъ, интересующихся школьнымъ дѣломъ, такъ особенно въ глазахъ лицъ и учрежденій, призванныхъ содѣйствовать процвѣтанію народнаго образованія. Нѣкоторыя изъ статей барона Корфа важны еще и потому, что въ нихъ, кромѣ развитія спеціальной темы изъ сферы училищевѣдѣнія, встрѣчаются черты, рисующія экономическій и нравственный бытъ крестьянъ южной Россіи, слѣдовательно, такія бытовыя стороны, которыя безпрерывно оказываютъ прямое или косвенное вліяніе на положеніе народной школы; такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Школа въ богатомъ селѣ“ авторъ останавливается на вопросѣ о томъ, что развиваетъ и что задерживаетъ матеріальное благосостояніе сельскихъ жителей; въ статьѣ „Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ“ авторъ касается вопроса, какъ сама жизнь содѣйствуетъ къ поддержанію грамотности среди крестьянъ. Нельзя также не упомянуть о томъ, что, благодаря сочиненіямъ барона Корфа, сохранятся въ памяти Русскихъ имена просвѣщенныхъ и благородныхъ земскихъ дѣятелей южной Россіи, каковы гг. Гнѣдинъ, Миклашевскій и др., а равно нѣкоторыя имена лицъ, работающихъ на болѣе скромномъ поприщѣ, именно—въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ южной Россіи и въ Харьковской воскресной школѣ.

Статья „Наши гимназіи“, какъ сказано выше, касается женской городской Одесской гимназіи. Относясь вообще сочувственно къ учебной организаціи женскихъ гимназій, баронъ Корфъ усматриваетъ въ нихъ только одинъ существенный недостатокъ, который Песталоцци называлъ бичемъ училищнаго дѣла, именно то, что онѣ сообщаютъ знанія, но не даютъ навыковъ. Вотъ это заслуживающее вниманія мѣсто (стр. 355): „Министерская программа отличается такими до„стоинствами, что наши женскія гимназіи несомнѣнно относятся къ „числу лучшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Европѣ; тѣмъ не „менѣе, какъ мнѣ кажется, программа эта не свободна отъ нѣкото„рыхъ легко устранимыхъ недостатковъ. Если сравнить среднюю „изъ нашихъ гимназистокъ съ среднею воспитанницею высшей жен„ской школы Германіи или Швейцаріи, то наша окажется болѣе раз„витою и обладающею большею суммою научныхъ знаній; но гимна„зистка Запада окажется гораздо сильнѣе нашей въ самыхъ элемен-

Библиотека "Руниверс"

„тарныхъ предметахъ; она читаетъ вслухъ гораздо лучше нашей, пи„шетъ гораздо лучшимъ почеркомъ и гораздо правильнѣе и выч„сляетъ гораздо быстрѣе и вѣрнѣе; таково по крайней мѣрѣ впечат„лѣніе, вынесенное мною изъ восьмилѣтняго пребыванія въ западной „Европѣ и многочисленныхъ путешествій. Происходитъ это оттого, „что у насъ затрачивается на названные предметы въ большинствѣ „случаевъ лишь столько времени, что мы успѣваемъ сообщить знанія, „но не успѣваемъ привить навыковъ; въ воспитательномъ же отно„шеніи тутъ получается тотъ ущербъ, что мы, недостаточно отдѣлы„вая свое дѣло, поддерживаемъ въ себѣ свойственное намъ отсут„ствіе настойчивости и въ будущемъ подготовляемъ неосновательность и верхоглядство".

Но отдавая справедливость лучшимъ сторонамъ въ литературныхъ трудахъ барона Корфа, должно отмѣтить и темныя ихъ стороны. Статья „Научныя основы обученія по Бену" не можетъ быть никакъ рекомендована вниманію народныхъ учителей, для которыхъ она предназначена авторомъ. Въ самомъ началѣ статьи авторъ говоритъ объ ученыхъ заслугахъ Бена и о томъ, что сочиненіе его, изъ котораго сдѣлано извлеченіе, вышло въ короткое время въ трехъ изданіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заявленію барона Корфа объ ученыхъ заслугахъ Бена повѣритъ всякій интересующійся психологіей, но дѣлать заключеніе о достоинствѣ педагогическаго труда Бена по числу изданій преждевременно. На стр. 116 баронъ Корфъ, въ подтвержденіе одного своего мнѣнія, ссылается на авторитетъ Бокля, называя его знаменитымъ историкомъ, капитальнымъ ученымъ, оказавшимъ большое вліяніе на нашу читающую публику. Извѣстно, что трудъ Бокля также вышелъ относительно въ короткое время въ двухъ изданіяхъ; но также хорошо извѣстно и то, что его научныя достоинства съ самаго начала и до сихъ поръ мало признаются англійскими историками, и что сочиненія его читались больше въ Россіи, чѣмъ въ Англіи. Но, не говоря уже о прецедентахъ, можно утвердительно сказать, что Бенъ далеко не такой педагогическій авторитетъ, чтобъ идеи его необходимо было пропагандировать между нашими народными учителями. Къ тому же, основы душевной жизни представляются барону Корфу нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ изображаетъ ихъ Бенъ. Послѣдній признаетъ душу; у нашего же автора о душѣ или о какой-либо другой персонификаціи духовныхъ способностей человѣка нѣтъ и помину; даже слово душа у него не встрѣчается. Бенъ, какъ эмпирикъ, придаетъ больше зна-

Библиотека "Руниверс"

ченія психическимъ явленіямъ, чѣмъ соматическимъ; у нашего же автора вся умственная дѣятельность возводится къ простымъ, чтобы не сказать грубымъ, отправленіямъ мозга. Поэтому въ статьѣ читатель нерѣдко наталкивается на мѣста въ родѣ слѣдующихъ: „Задерживаніе впечатлѣній, запоминаніе представляетъ самое высшее усиліе нашего мозга, наибольшее употребленіе нервной дѣятельности" (стр. 286). „Воспріятіе требуетъ извѣстной продолжительности времени, для того, чтобы упрочиться въ мозгу" (стр. 287). „Работа вечернихъ школъ, какъ совершающаяся по готовымъ слѣдамъ, гораздо дешевле обходится мозгу, нежели трудъ начальныхъ школъ" (стр. 289). „Дѣти любятъ не только новенькое, что основывается на доступности для мозга воспріятій, только при извѣстномъ различіи между ними, но они любятъ и разнообразіе среди новизны" (стр. 292). На стр. 310, описавъ одинъ конкретный случай при обученіи, баронъ Корфъ говоритъ: „Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что и этотъ пріемъ не простъ до чрезвычайности, а между тѣмъ очевидно, что и имъ дѣти были выведены на поприще самодѣятельности, и такъ сказать, поставлены въ положеніе первыхъ изслѣдователей, но только съ цѣлью—содѣйствовать къ развитію ихъ умственныхъ силъ и доставленіемъ наслажденія закрѣпить воспріятія, отложившіяся въ ихъ мозгу". По вопросу о распредѣленіи учебныхъ предметовъ въ низшей школѣ Бенъ говоритъ, что это должно быть сдѣлано на основахъ психологическихъ; нашъ же авторъ поправляетъ его и говоритъ, что оно должно быть сдѣлано на основахъ физіологическихъ (стр. 325) Въ статьѣ есть и другія мѣста, которыя также не научатъ народныхъ учителей ничему, а только поколеблютъ въ нихъ установившіяся кое-какія здравыя педагогическія воззрѣнія. Мѣста эти тѣмъ соблазнительнѣе для народныхъ учителей, что онѣ выражены въ формѣ удобной для превращенія ихъ въ афоризмъ. Таково, для примѣра, мѣсто на стр. 316: „Авторитетъ, власть надъ другими, не составляетъ самъ по себѣ цѣль, но только средство; самое проявленіе его есть зло; оно нарушаетъ счастіе человѣка". Награды и наказанія допускаются Беномъ, который, на ряду съ авторитетными англійскими педагогами, считаетъ воспитаніе безъ такихъ мѣръ химерой. Нашъ же авторъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать безполезность наказаній и наградъ и даже вредъ ихъ для воспитанія, какъ ума, такъ и воли.

Но наиболѣе темную сторону сборника статей барона Корфа составляетъ то рѣшительно отрицательное отношеніе, въ которое

Библиотека "Руниверс"

авторъ постоянно становится къ министерству народнаго просвѣщенія въ тѣ годы, когда, при управленіи графа Д. А. Толстаго, въ основу дѣятельности министерства положены были истинно здравыя педагогическія начала. Названное даже на стр. 46 министерствомъ полиціи, вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія всюду представляется, по мнѣнію барона Корфа, помѣхою для народнаго образованія. Положеніе объ училищахъ 1874 года онъ называетъ полицейскими принципами (стр. 74) и говоритъ, что они затормозили у насъ все дѣло народнаго образованія (стр. 265). Дѣйствія инспекторовъ народныхъ училищъ, или какъ называетъ ихъ баронъ, полицейскихъ бюрократовъ (стр. 155), представляются въ превратномъ видѣ. Онъ увѣряетъ даже, что министерство съ 1874 г. смотрѣло на училищные совѣты, какъ на „шайку, посвящающую себя подпольной агитаціи для развращенія народа посредствомъ нравственнаго искалѣченія дѣтей“ (стр. 259). Что въ обсужденіи дѣйствій министерства баронъ Корфъ относится къ дѣлу никакъ не sine ira et studio, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерствомъ издано было постановленіе, обязывающее помощниковъ народныхъ учителей имѣть одинаковую научную подготовку съ учителемъ,—постановленіе, необходимое по отношенію къ школамъ и справедливое къ учителямъ. Самъ баронъ Корфъ соглашается, что уровень образованія, требуемый министерствомъ отъ учителей, не высокъ, и что онъ не долженъ быть понижаемъ; а между тѣмъ названное постановленіе даетъ автору поводъ высказать такое сужденіе: (стр. 256): „Къ числу узаконеній и распоряженій, состоявшихся при бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія (графѣ Д. А. Толстомъ) и задержавшихъ развитіе народнаго образованія, относятся тѣ законодательныя и административныя мѣры, которыми по настоящее время рѣшается вопросъ: кого допустить на должность учителя и учительскаго помощника“.

Не жалѣя такимъ образомъ черныхъ красокъ для характеристики отношеній министерства народнаго просвѣщенія къ народнымъ школамъ, баронъ Корфъ не жалѣетъ также красокъ, но на этотъ разъ уже розовыхъ, для того, чтобъ ярче выставить свои личныя заслуги для народнаго образованія въ Россіи. Вотъ что̀ читаемъ на стр. 133: „Не далѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ не было на Руси народнаго училища въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и оно создано земствомъ; земскіе люди доказали возможность осуществленія относительно толковой школы при нашихъ скудныхъ матеріальныхъ и

Библиотека "Руниверс"

нравственныхъ средствахъ, земскіе люди создали первыхъ народныхъ учителей, первые раціональные учебники, впервые очерченную программу обученія и самые методы преподаванія, сообразно условіямъ нашей жизни; все это создано на югѣ Россіи, и южно-русская школа послужила путеводнымъ свѣточемъ для всего остальнаго отечества".

Все это показываетъ, что книга барона Корфа содержитъ въ себѣ очень много тенденціознаго, и потому самому не можетъ представить полезной пищи для педагоговъ русской народной школы.

И. Б.

Маріинское Четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ *В. Ягича*. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ 1883.

Наконецъ-то, послѣ сорокалѣтняго почти ожиданія, славяновѣдѣніе дождалось изданія, и притомъ изданія образцоваго, одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности, именно глаголическаго Четвероевангелія, найденнаго въ 1844 — 1845 гг. В. И. Григоровичемъ въ Маріинскомъ (Пресв. Богородицы) скитѣ на Аѳонѣ, а потому и извѣстнаго въ наукѣ подъ наименованіями Евангелія Григоровичева, Аѳонскаго, Маріинскаго. Академику И. В. Ягичу посчастливилось соединить свое имя съ судьбами уже третьяго глаголическаго Евангелія, и мы смѣло можемъ сказать, что его труды по изученію Евангелій Ассеманіева, Зографскаго и Маріинскаго, особенно же по изданію двухъ послѣднихъ, представляютъ самые крупные и долговѣчные его вклады въ науку вообще, а славянскую въ частности, Нельзя не выразить при этомъ благодарности и нашей Академіи Наукъ за доставленіе г. Ягичу средствъ на столь роскошное изданіе великолѣпнаго славянскаго кодекса, не уступающаго по важности ни Ватиканскому, ни Зографскому Евангеліямъ. Отнынѣ кодексъ этотъ будетъ однимъ изъ краеугольныхъ камней славянскаго языковѣдѣнія и исторіи нашей церковной письменности.

Разсматриваемое изданіе Маріинскаго Четвероевангелія состоитъ изъ трехъ частей: 1) введенія, 2) текста Четвероевангелія, съ подстрочными къ нему замѣчаніями и варіантами, и 3) приложеній палеографическаго, грамматическаго и лексикальнаго содержанія.

Во введеніи излагается исторія открытія и постепеннаго изученія Маріинскаго Четвероевангелія. Тутъ мы узнаемъ между прочимъ,

Библиотека "Руниверс"

что г. Ягичу помогалъ при изданіи кодекса его ученикъ г. Козловскій, принимавшій участіе и при изданіи Академіей Наукъ записокъ митрополита Іосифа Сѣмашка. Изъ другихъ данныхъ, сообщенныхъ издателемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду для правильной оцѣнки его труда, что, не говоря о многихъ меньшихъ отрывкахъ, появившихся раньше въ печати, все Евангеліе отъ Луки, занимающее стр. 186—312 разсматриваемаго изданія, было уже издано въ точномъ фотолитографическомъ воспроизведеніи въ 1881 г., какъ №№ 59-й и 79-й изданій Общества любителей древней письменности. Но изданіе это не было сопровождаемо кирилловскою транскрипціей, безъ которой въ настоящее время глаголическая рукопись бываетъ доступна лишь немногимъ присяжнымъ любителямъ, и то болѣе въ Хорватіи, чѣмъ въ Россіи.

Затѣмъ мы узнаемъ изъ изданія г. Ягича, что, не смотря на сравнительную полноту евангельскаго текста, рукопись Маріинскаго Четвероевангелія, принадлежащая нынѣ Московскому Румянцевскому музею, не свободна отъ пробѣловъ: въ ней недостаетъ, вопервыхъ, начала, заключавшаго Ев. Матѳ. I—VI, 16, вовторыхъ, въ срединѣ Ев. Іоанн. I, 1—23, и втретьихъ, конца, Ев. Іоанн. XXI, 17—25. Два листка изъ начала (Ев. Матѳ. V, 24 — VI, 16) оказались у проф. Миклошича въ Вѣнѣ, гдѣ они и списаны были для изданія г. Ягичемъ. Остальные пробѣлы пришлось пополнить изъ другихъ кодексовъ. При выборѣ этихъ кодексовъ г. Ягичъ остановился на Зографскомъ Евангеліи, какъ наиболѣе подходящемъ къ типу Маріинскаго; но первыя пять главъ (до V, 23) Матѳея, не находящіяся и въ Зографскомъ Евангеліи, заимствованы имъ изъ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописи Дечанскаго Четвероевангелія, XIII в. Къ сожалѣнію, причины такого именно выбора не объяснены издателемъ.

Текстъ изданъ съ полною палеографическою точностью, строка въ строку и буква въ букву, со вставкой лишь въ него нумераціи стиховъ и опущеніемъ отмѣтокъ и приписокъ на поляхъ и подъ строкою, которыя приведены отдѣльно, въ приложеніяхъ, на стр. 407—415. Этимъ способомъ, конечно, значительно упрощенъ наборъ изданія и его оптическія достоинства, которымъ издатель придаетъ существенное значеніе (стр. 407); но эти преимущества едва ли искупаютъ недостатокъ той наглядности и полноты печатнаго воспроизведенія церковно-славянскаго текста, которой достигалъ, напримѣръ, Срезневскій при тѣхъ же типографскихъ средствахъ. Успѣхъ типо-

Библиотека "Руниверс"

графскаго дѣла долженъ бы, кажется, выражаться въ увеличеніи, а не въ уменьшеніи буквальной точности и наглядности палеографическихъ (не каллиграфическихъ) изданій. Вѣдь дѣлалъ же г. Ягичъ, хотя и скрѣпя сердце (стр. 418), нѣкоторыя уступки этой точности, удержавъ, напримѣръ, надстрочные знаки, титла, четвероточія и т. п. „палеографическія мелочи". Для послѣдовательности слѣдовало бы сдѣлать еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи и помѣстить по крайней мѣрѣ всѣ первоначальныя отмѣтки при текстѣ рукописи, если не въ немъ самомъ, то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, существо дѣла отъ этой непослѣдовательности не особенно страдаетъ, такъ какъ издатель не лишилъ читателя возможности самому вписать въ соотвѣтствующія мѣста текста отмѣтки, подробно исчисленныя на стр. 406 и сл. разсматриваемаго изданія.

Способъ транскрипціи глаголическаго текста кирилловскими буквами удержанъ г. Ягичемъ тотъ же, какой примѣненъ имъ въ изданіи Зографскаго Евангелія. Это было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что Академія Наукъ пріобрѣла изъ Вѣны матрицы того шрифта, которымъ напечатано въ Берлинѣ Зографское Евангеліе. Намъ шрифтъ этотъ не представляется столь совершеннымъ въ художественномъ отношеніи, какъ г. Ягичу (стр. XVI): на оборотъ, Остромировскій кажется намъ гораздо изящнѣе; но для удержанія усвоенной себѣ издателемъ и довольно цѣлесообразной методы передачи глаголическихъ начертаній кирилловскими шрифтъ вѣнскій представлялъ большія удобства. За то мы вполнѣ присоединяемся къ предпочтенію, которое оказалъ издатель шрифту церковному передъ гражданскимъ въ изданіи столь древняго памятника, хотя первый и уступаетъ послѣднему въ убористости и простотѣ: „Гражданскими типами пользоваться при изданіи столь древняго памятника мнѣ какъ-то не хотѣлось", говоритъ онъ въ объясненіе этого предпочтенія (стр. XVI). Пріятно видѣть, что такимъ образомъ сохранено то невольное, но естественное благоговѣніе, которое внушаетъ къ себѣ наша древняя азбука, вопреки вѣковымъ усиліямъ вытѣснить и уронить ее со стороны сначала Рима, а потомъ—Вѣны, и не смотря на всѣ теоріи о глаголическомъ прототипѣ кирилло-меѳодіевской азбуки. Впрочемъ, г. Ягичъ не чуждается и гражданской азбуки въ транскрипціи древне-славянскихъ текстовъ: онъ пользовался ею въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, приводя варіанты для текста Маріинскаго изъ пяти другихъ кодексовъ. Да это и не удивительно; при тѣсной исторической связи гражданскаго типа съ церковнымъ, почитатель послѣдняго при нѣкоторой

Библиотека "Руниверс"

послѣдовательности взглядовъ не можетъ быть противникомъ перваго, хотя бы тотъ и носилъ на себѣ печать „россійско-схизматическую". Въ этомъ отношеніи г. Ягичъ имѣетъ рѣшительное преимущество передъ каноникомъ Рачкимъ и передъ г. Черничемъ, изъ коихъ первый издалъ Ассеманіево Евангеліе въ мало кому доступномъ глаголическомъ воспроизведеніи, а второй — въ неуклюжей латинской транскрипціи.

Точное воспроизведеніе текста издаваемой рукописи составляетъ, конечно, главное достоинство труда г. Ягича, но далеко не единственное. Собственно говоря, снятіе кирилловской копіи съ рукописи, столь хорошо сохранившейся, какъ Маріинское Евангеліе, для столь опытнаго чтеца глаголицы, какимъ безспорно является г. Ягичъ, не представляло большихъ затрудненій и даже не требовало значительной траты времени. Печатаніе этой копіи также не соединено было съ большими хлопотами, при содѣйствіи столь внимательнаго корректора, какимъ оказался г. Козловскій. Болѣе механическаго труда представило издателю подведеніе варіантовъ изъ пяти другихъ древне-славянскихъ евангельскихъ кодексовъ, именно: Зографскаго, Ассеманіева, Савина, Остромирова и Никольскаго съ Болонскимъ. Трудъ этотъ сдѣланъ очень добросовѣстно и значительно облегчитъ дальнѣйшія работы по изученію евангельскаго текста въ лексикальномъ и фразеологическомъ отношеніи. Правда, г. Ягичъ ограничился подведеніемъ лишь болѣе рѣзкихъ разночтеній, оставивъ безъ вниманія второстепенныя, особенно чисто грамматическія ихъ отличія. Къ тому же и число кодексовъ, выбранныхъ для сравненія съ Маріинскимъ, не можетъ быть признано вполнѣ достаточнымъ для исчерпывающей обработки славянскаго перевода въ указанномъ отношеніи. Но полноты, исчерпывающей столь трудную тему, нельзя и требовать отъ подстрочныхъ примѣчаній къ одному опредѣленному, а не сводному евангельскому тексту. Достаточно, что нашъ издатель, на ряду съ архимандритомъ Амфилохіемъ, облегчилъ составленіе такого своднаго текста, которое можно считать теперь значительно подготовленнымъ и стоящимъ на очереди въ наукѣ.

Прежде чѣмъ перейдти отъ текста Маріинскаго Евангелія къ приложеніямъ издателя, мы остановимся еще на одномъ нововведеніи его: это способъ передачи въ печати сплошнаго письма словъ въ рукописи. Прежніе издатели ограничивались при этомъ оставленіемъ промежутковъ между словами, не заполняя ихъ знаками соединительными или переносными. Г. Ягичъ самъ держался этого метода въ

Библиотека "Руниверс"

Зографскомъ Евангеліи; но въ Маріинскомъ онъ ввелъ тире и печатаетъ, напримѣръ, въ срединѣ строки: мы оутолимы-и (113), вы-истинѫ (110), бе-страха, из-д-рѣкы (195), предаме-и (98), избавиты-и (108), вы-инѫ (239), поемы-и (143), дѣитере-ѥ (143), рече-и (143), видѣвы-и (166), сънемы-и, обиты-и (183), и-чрѣва (190), вьииде вы-июдѫ (296), можето-сь (340), и т. п. При переносѣ же слова изъ строки въ строки онъ всегда вставляетъ переносную черту. Едва ли представляется какая-либо надобность подчинять въ этомъ отношеніи древніе тексты новымъ орѳографическимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что издатель не счелъ нужнымъ замѣнить оригинальную интерпункцію рукописи знаками препинанія по господствующей теперь системѣ. Другое дѣло, еслибы г. Ягичъ измѣнилъ дѣленіе строкъ и, какъ это нерѣдко дѣлается, игнорируя старое, ввелъ свое особое, примѣнительно къ формату изданія. Но онъ этого не сдѣлалъ, печатая текстъ строка въ строку: не было никакой надобности при этомъ вводить переносные знаки, которые неопытный читатель можетъ, пожалуй, принять за принадлежность рукописи.

Нельзя вполнѣ согласиться съ крайнимъ дробленіемъ въ изданіи словъ на составныя части, особенно въ адвербіальныхъ выраженіяхъ. Такъ г. Ягичъ печатаетъ: въ інѫ вм. вѣнѫ (62 стр.), до колѣ (150 ср. 404), въ скорѣ (152 ср. 404), отъ кѫдоу (161), съ вѣше (322, 393), до селѣ (332), отъ селѣ (347), іде же (353, ср. 404), въ испрь (364), въ коупѣ (400), и т. п. Подобнаго рода дѣленіе словъ въ печати тѣмъ страннѣе, что рядомъ съ указанными формами мы встрѣчаемъ многочисленные случаи scripturae continuae даже тамъ, гдѣ она противорѣчитъ этимологическимъ началамъ, напримѣръ: нѝбсехъ (19, 20, 62, 323), вѝи вм. въ издраили (28), гл҃вмъ вм. гл҃жвамъ (33), работъ (64), домотъ (125), надорось (144, 346), родось (171, 296), чл҃вѣкотъ (173), гл҃ось вм. глаголъ сь (282), селвы, вм. се ли вы (341), и т. п.

Очевидно, что г. Ягичъ при изданіи не установилъ твердаго неизмѣннаго начала въ раздѣленіи выраженій на слова, то не доходя до естественныхъ ихъ граней, то переходя за оныя. Это, конечно, мелочь, но не лишенная значенія въ изданіи, столь образцовомъ.

Приложенія къ изданію текста Маріинскаго Евангелія состоятъ изъ 4 частей: 1) отмѣтки при текстѣ, 2) о палеографическихъ особенностяхъ памятника, 3) о грамматическихъ его особенностяхъ и 4) словоуказатель. Объ „отмѣткахъ при текстѣ“ была уже рѣчь впереди. Здѣсь

Библиотека "Руниверс"

мы отмѣтимъ, съ своей стороны, лишь то наблюденіе г. Ягича, что Маріинское Евангеліе, судя по припискамъ на поляхъ, подъ строкой и т. д., съ явными признаками сербо-хорватскаго извода XIII и XIV вв., находилось съ древняго времени въ рукахъ сербскихъ, и притомъ съ XIV в. на Аѳонѣ, въ скитѣ Пресв. Богородицы (стр. 413), гдѣ оно и найдено было В. И. Григоровичемъ. На стр. 410 г. Ягичъ выражаетъ даже догадку, повторяемую и въ другихъ мѣстахъ приложеній, что Маріинское Евангеліе и „написано въ предѣлахъ тѣхъ странъ, гдѣ въ XI в. жили Хорваты и Сербы, по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь въ Босніи или южнѣе". Дѣйствительно, на языкѣ этого памятника отразились нѣсколько вліяніе сербо-хорватскаго нарѣчія; но пріурочивать его вслѣдствіе того къ Босніи, по нашему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній, или лучше сказать, никакой вѣроятности. Будь этотъ кодексъ переписанъ въ Босніи или иной чисто-сербской странѣ, на немъ отразились бы особенности мѣстнаго говора по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ на Остромировомъ, напримѣръ, Евангеліи. На самомъ дѣлѣ этого не замѣтно. Если исключить пять-шесть дюжинъ случаевъ смѣшеній буквъ ж и оу, то и не останется въ языкѣ Маріинскаго Евангелія почти ничего сербскаго, кромѣ такихъ спорадическихъ и одиночныхъ формъ, какъ сега вм. сего (Марка VI, 14). Смѣшенія ѧ съ е, составляющаго главную особенность сербо-хорватскаго извода, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ въ Маріинскомъ Евангеліи: одного этого наблюденія достаточно для сомнѣній въ сербской родинѣ этого кодекса. Скорѣе онъ возникъ въ сѣверной Албаніи или сѣверной Македоніи, а то пожалуй, и на Аѳонѣ, въ средѣ болгарской, съ легкими лишь примѣсями элемента сербскаго. Нѣкоторымъ тому подтвержденіемъ служитъ кругловатый обликъ буквъ Маріинскаго Евангелія, для котораго самъ г. Ягичъ (стр. 416) признаетъ мѣстомъ распространенія Македонію и Аѳонъ, а не области сербско-хорватскія. Тотъ же выводъ получаемъ изъ наблюденій надъ правильнымъ употребленіемъ въ Маріинскомъ Евангеліи буквы ѕ, характеризующей, по словамъ самого г. Ягича (стр. 420), именно говоръ Македоніи, но очень сомнительной—прибавимъ отъ себя—для говоровъ сербо-хорватскихъ.

На той же стр. 410 въ вышеприведенныхъ словахъ г. Ягичъ косвенно опредѣляетъ и вѣроятное время написанія Маріинскаго Евангелія, именно XI в. Очень жаль, что издатель не остановился подробнѣе на этомъ вопросѣ и не представилъ доказательствъ означеннаго предположенія. Въ настоящее время глаголическое письмо

Библиотека "Руниверс"

и письменность на столько уже разработаны, что можно бы попытаться такому ихъ знатоку, какъ г. Ягичъ, опредѣлить хоть въ сотняхъ лѣтъ, хронологическія даты самыхъ выдающихся памятниковъ, какъ Зографское, Ватиканское и Маріинское Евангелія. При такомъ сравненіи едва ли оказалось бы возможнымъ относить первое и третье къ тому же вѣку, а скорѣе къ двумъ различнымъ, напримѣръ, Зографское Евангеліе къ XI в., а Маріинское къ XII, быть можетъ—къ первой его половинѣ.

На стр. 418 г. Ягичъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ изъ условій палеографическаго изданія рукописей, утвердившихся со временъ Востокова въ Россіи, вопреки образцамъ и мнѣніямъ славистовъ западныхъ, напримѣръ, Шафарика, Миклошича и др. Къ числу такихъ излишнихъ палеографическихъ мелочей г. Ягичъ относитъ именно надстрочные знаки, знаки препинанія, даже титла. Къ счастью, этотъ взглядъ не обнаружилъ вліянія на способъ изданія рукописи. Издатель все-таки не рѣшался въ этомъ отношеніи сойдти съ колеи, проторенной его предшественниками по каѳедрѣ. И слава Богу! Ставъ разъ на почву изданій правленыхъ, а не палеографически точныхъ, мы незамѣтно дойдемъ, при логическомъ развитіи мысли, къ исправленію въ текстѣ описокъ и ошибокъ, къ возстановленію „правильнаго чтенія“ по личному усмотрѣнію и даже капризу, и въ концѣ концовъ, получимъ печатное воспроизведеніе не древней рукописи, а новаго, никому не интереснаго ея списка.

Относительно знаковъ препинанія я позволю себѣ замѣтить еще, что не исключена возможность соединить въ изданіи вѣрность палеографическую съ „интерпункціей раціональною“ (418), разставивъ, напримѣръ, знаки рукописи по срединѣ, а новые по низу строки, какъ это сдѣлано лѣтъ десять тому назадъ въ моемъ изданіи рукописи XIII словъ Григорія Богослова.

На стр. 428 г. Ягичъ утверждаетъ, что „писецъ Маріинск. Евангелія постоянно смѣшивалъ“ буквы ѫ и оу, очевидно, произнося ѫ какъ оу. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, то мы должны бы отнести Маріинское Евангеліе къ редакціи сербо-хорватской или русской, но не юсовой или—какъ выражается Миклошичъ—паннонской На самомъ дѣлѣ смѣшеніе это встрѣчается хотя и очень часто, но отнюдь не „постоянно“, ибо 70—100 случаевъ его на рукопись въ 172 листа не представляютъ столь значительнаго количества, чтобы можно было употребить въ приведенномъ мѣстѣ слово „постоянно“. Изъ этого же слѣдуетъ, что и увѣренность г. Ягича въ босанской

Библиотека "Руниверс"

или вообще сербо-хорватской родинѣ это памятника не можетъ считаться особенно основательною.

Столь же не убѣдительными представляются намъ доводы г. Ягича въ пользу возникновенія Маріинскаго Евангелія „въ предѣлахъ штокавскаго нарѣчія сербо-хорватскаго языка“ (стр. 425): единственнымъ тому доказательствомъ служитъ употребленіе префикса оу вмѣсто въ въ двухъ мѣстахъ рукописи (оу селенѫ и оуорѫжь сѧ). Вѣдь этакъ мы могли бы, пожалуй, отнести рукопись и къ южнорусскимъ, гдѣ тоже встрѣчается рано оу вм. въ, равно какъ и смѣшеніе, дѣйствительно „постоянное“, буквъ ѫ и оу. Странно, что встрѣчающееся въ Маріинскомъ Евангеліи всего два раза употребленіе оу вм. въ кажется г. Ягичу „многознаменательною опискою“ (стр. 428), а съ дюжину разъ встрѣчаемое употребленіе о вм. ѫ (стр. 424) представляется ему „несомнѣнною опискою“, не имѣющею никакого значенія при опредѣленіи діалектическихъ наслоеній въ этомъ памятникѣ. Столь же случайными описками считаетъ онъ и дюжину случаевъ смѣшенія ы съ ъ, изъ коихъ десятокъ приходится на слово слꙑшати (стр. 425), а между тѣмъ въ единственномъ случаѣ написанія въ-ноушиꙗ вм. въ оушиꙗ нашъ авторъ расположенъ видѣть уже не опиcку, а „всплытіе наружу“ звука н, якобы „изъ самаго предлога вън—вѫ, собственно ъ, ѫ“, хотя гораздо легче объяснить эту форму (если она не описка) вліяніемъ глагола въноушити.

Не извѣстно, почему г. Ягичъ считаетъ на стр. 425 слитное написаніе ассимилированныхъ или тожественныхъ гласныхъ, напримѣръ, иже-си вм. иже-еси, единого-тъ вм. единого-отъ, рече-и вм. рече-еи и т. п. „замѣчательною чертой, свидѣтельствующею о глубокой древности“ издаваемаго текста. Вѣдь на аналогичномъ основаніи можно бы утверждать, что формы стяженныя: добраго, читахъ и т. п. древнѣе формъ не стяженыхъ: добрааго, читаахъ и т. п.

На стр. 426 г. Ягичъ говоритъ объ „окончательномъ“, по его мнѣнію, „подтвержденіи факта, давно уже подмѣченнаго Миклошичемъ, что въ старо-словенскомъ языкѣ паннонско-моравской и македонско-болгарской редакціи господствовало въ личной флексіи глаголовъ окончаніе тъ вмѣсто древнерусскаго ть“. Такимъ рѣшающимъ фактомъ являются для г. Ягича встрѣчающіяся въ Маріинскомъ Евангеліи формы типа: избавитъı-и вмѣсто избавитъ и, прѣдастъı-и вмѣсто прѣдастъ и, и т. п. Но вѣдь никто и не сомнѣвается въ твердомъ окон-

Библиотека "Руниверс"

чаніи означенной флексіи въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ того времени, когда написано Маріинское Евангеліе, то-есть, въ XI—XII вв. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и за 200—300 лѣтъ раньше, во дни Кирилла Философа, въ той мѣстности, гдѣ господствовалъ въ живомъ употребленіи примѣненный имъ къ письменности церковно-славянскій языкъ, означенная флексія имѣла тотъ же твердый характеръ, а не мягкій, столь послѣдовательно выдержанный въ Остромировомъ Евангеліи и во многихъ другихъ памятникахъ, переписанныхъ, правда, на Руси, но съ изводовъ юго-славянскихъ? Вѣдь на аналогичномъ основаніи можно бы отрицать существованіе и въ древне-русскомъ флексіи ть, ибо черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Остромирова Евангелія мы видимъ въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого ть форму тъ. Г. Ягичъ даетъ широкое примѣненіе особой теоріи о vis latens какого-либо исчезнувшаго звука, разумѣя подъ этою „скрытою его силой“ способность при благопріятныхъ условіяхъ выйдти снова наружу или воскреснуть въ какомъ-либо перезвукѣ, напримѣръ, въ видѣ ъı изъ ъ или е изъ ь и т. п. Если эта „скрытая сила“ исчезнувшихъ звуковъ есть не мистическое, а реальное свойство языка, то мы легко можемъ объяснить форму емлетъı-и изъ емлеть-и черезъ промежуточную форму емлетъ-и.

Задавшись мыслію, что Маріинское Евангеліе было написано непремѣнно въ области сербо-хорватскаго нарѣчія, г. Ягичъ долженъ быть устранить само собою представляющееся возраженіе слѣдующаго рода: почему же въ Маріинскомъ Евангеліи глухіе Ъ и Ь замѣняются не въ А, какъ бы слѣдовало по сербски, а въ О и Е, то-есть, согласно съ звуковыми особенностями древне-болгарскихъ и древне-русскихъ говоровъ? Возраженіе это г. Ягичъ старается устранить (на стр. 428) предположеніемъ, что замѣна Ъ=О, Ь=Е „иллюстрируетъ только произношеніе книжное, господствовавшее въ извѣстную эпоху времени лишь въ церковномъ, какъ въ книжномъ языкѣ“. Но если жизнь въ этомъ случаѣ столь рѣзко расходилась съ книгой, то спрашивается: почему же мы не встрѣчаемъ въ Маріинскомъ Евангеліи хотя бы изолированныхъ случаевъ торжества первой надъ послѣднею въ разсматриваемомъ отношеніи? Почему рядомъ съ десятками случаевъ написанія: вонъ, весь, день и т. п. мы ни разу не встрѣчаемъ написанія: ванъ, вась, дань или иного подобнаго? Почему Маріинское Евангеліе столь рѣзко отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ Остромирова и всѣхъ другихъ древнихъ памятниковъ, „попав-

Библиотека "Руниверс"

шихъ въ теченіе времени въ другую этническую среду", выражаясь словами г. Ягича (стр. 430)?

Нѣтъ, что-нибудь да не такъ: либо въ сербскомъ нарѣчіи XI—XII вв. еще не было замѣны этимологическихъ ѧ черезъ е, ъ и ь черезъ а и т. п., либо Маріинское Евангеліе возникло не въ сербской, а въ иной „этнической средѣ".

Замѣчательно, какъ скоро ученыя гипотезы переходятъ иной разъ въ аксіомы, при нѣкоторомъ лишь напряженіи воли даже самыхъ осторожныхъ авторовъ. Г. Ягичъ, напримѣръ, считаетъ выраженную имъ гипотезу о книжной струѣ въ орѳографіи Маріинскаго Евангелія столь вѣроятною, что говоритъ даже: „Это произношеніе попало къ Сербамъ и Хорватамъ несомнѣнно вмѣстѣ съ книгами изъ Паннонін" и т. д. (стр. 428). Очевидно, что при произнесеніи магическаго слова „Паннонія" въ душѣ нашего осторожнаго изслѣдователя оживаютъ воспоминанія довѣрчиваго отрочества и закрываютъ собою всѣ швы моравско-паннонской теоріи, которые при другихъ условіяхъ безъ труда бы разглядѣлъ глазъ столь опытнаго и внимательнаго наблюдателя.

На стр. 430 г. Ягичъ объясняетъ переходъ ъ въ о въ такихъ формахъ, какъ: родось, образось и т. п. „напоромъ ударенія", считая впрочемъ это объясненіе лишь „вѣроятнымъ". Для признанія этой вѣроятности мы должны предположить въ церковно-славянскомъ столь глубокія отличія отъ нынѣшней системы славянской акцентуаціи, между прочимъ и древнѣйшихъ ея представителей—русской и хорватской, что она становится очень невѣроятною. Едва ли потому кто-либо удовлетворится этою попыткой замѣнить не вполнѣ ясный, правда, съ физіологической стороны терминъ: „замѣнительное усиленіе" или „растяженіе" терминомъ: „напоръ ударенія".

На стр. 434 г. Ягичъ опять прибѣгаетъ къ теоріи vis latens для объясненія нѣкоторыхъ явленій, противорѣчащихъ его теоріи о глубокой древности сербо-хорватскаго г sonans или сонанта $\overset{\circ}{\text{Р}}$. Онъ думаетъ, напримѣръ, что форма брение возникла изъ брѣние или брѣние не замѣною ъ или ь въ е, а „выходомъ наружу" „скрытой силы" при такомъ сонантѣ $\overset{\circ}{\text{Р}}$. Если мы однако станемъ на точку зрѣнія нашего автора и предположимъ, что уже во времена Кирилла Философа или времена близкія къ нему брѣние выговаривалось какъ новосербское брние, то непонятно, какимъ образомъ изъ этого сонанта $\overset{\circ}{\text{Р}}$ можетъ „выступить наружу" давно уже исчезнувшій при немъ вокальный тембръ е или другаго чистаго гласнаго?

Библиотека "Руниверс"

Говоря „о зависимости полугласныхъ предыдущаго слога отъ физіологическаго характера гласной слѣдующаго слога“ (стр. 434). г. Ягичъ ссылается при этомъ только на свою статью о Зографскомъ Евангеліи въ Архивѣ славянской филологіи. Справедливость требовала бы упоминанія при этомъ и другихъ изслѣдователей, отмѣтившихъ раньше г. Ягича то же явленіе, напримѣръ, Срезневскаго, который на стр. 33 своихъ „Юсовыхъ памятниковъ“ прямо говоритъ: „Взаимную замѣну ъ и ь можно отчасти объяснить мягкимъ произношеніемъ твердыхъ слоговъ передъ мягкими и твердымъ произношеніемъ мягкихъ слоговъ передъ твердыми, напримѣръ, сьли вмѣсто съли, пръвоѥ вмѣсто пръвоѥ и т. п.“. Та же мысль не разъ и давно была выражаема академикомъ Я. К. Гротомъ и всѣми тѣми лингвистами или физіологами, которые писали о неизбѣжномъ взаимодѣйствіи сосѣднихъ слоговъ, при преобладающемъ воздѣйствіи слога послѣдующаго на характеръ предшествующаго. Къ кому же обращаетъ нашъ академикъ свои укоризненныя слова на стр. 434: „Кто боится смотрѣть явленіямъ языка въ глаза прямо по памятникамъ... тѣмъ сдѣланное мною наблюденіе не поправилось; однакожь этимъ вопросъ не устраняется“ и т. д.?

На стр. 435 г. Ягичъ выражаетъ мнѣніе, что ь переходитъ въ е передъ и, если послѣднее принимаетъ значеніе русскаго й, напримѣръ, велеи, крѣплеи и т. п. Очень жаль, что ученый авторъ не развилъ доказательствъ превращенія—очень вѣроятнаго, но все же не доказаннаго еще — такого и въ й. Не мѣшало бы также объяснить отношеніе къ формамъ типа: велеи формъ: велии, встрѣчающихся очень часто и въ Маріинскомъ Евангеліи и наводящихъ на предположеніе, что еи могло здѣсь развиться не только изъ ьи, но и изъ ии, для диссимиляціи, напримѣръ, или по иному фонетическому стремленію.

Несправедливо приписываетъ авторъ на стр. 435 сербскому вліянію передѣлку въ Маріинскомъ Евангеліи сочетанія сп (изъ ск) въ стп, напримѣръ, ѥюдеистпѣи вмѣсто ѥюдеистѣи или ѥюдеисцѣи: вѣдь самъ г. Ягичъ на слѣдующей страницѣ признаетъ сочетаніе сц въ древнѣйшихъ памятникахъ глаголическихъ и кирилловскихъ не-сербской редакціи (напримѣръ, Савина книга), а ст называетъ господствующимъ въ памятникахъ македонско-болгарскихъ, то-есть, допускаетъ оба сочетанія: сц и ст въ памятникахъ юсовыхъ одной и той же древней редакціи. То же констатировано уже давно Срезневскимъ въ „Юсовыхъ памятникахъ“ (161). Очевидно, что и

Библиотека "Руниверс"

скрещеніе или смѣшеніе этихъ сочетаній въ видѣ стц могло образоваться на той же діалектической почвѣ и никакъ не можетъ служить доказательствомъ отстаиваемаго г. Ягичемъ сербскаго происхожденія Маріинскаго Евангелія.

Вопросы, возбужденные, но не разрѣшенные г. Ягичемъ на стр. 437, о происхожденіи и первоначальной роли нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ, значительно приближены къ рѣшенію загребскимъ славистомъ г. Гейтлеромъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи: „Die Albanesischen und Slavischen Schriften“ (Wien, 1883).

Нѣсколько увлекается далѣе нашъ авторъ, „смѣло“ признавая на стр. 438 форму розьство вм. рождьство „отголоскомъ моравско-паннонскаго говора“, остаткомъ котораго онъ считаетъ и „замѣчательную описку визѣ“, якобы изъ „паннонско-моравскаго визь“. Прежде всего является тутъ вопросъ: существовалъ ли вообще когда-нибудь „паннонско-моравскій“ или „моравско-паннонскій“ (нашъ авторъ колеблется въ образованіи этого термина) говоръ, и если существовалъ, то принадлежалъ ли онъ къ сѣверо-западной или юго-восточной группѣ славянскихъ нарѣчій? Едва ли г. Ягичъ согласится признать „паннонскую“ основу церковно-славянскаго языка принадлежащею къ первой изъ означенныхъ группъ [1]). А между тѣмъ это слѣдуетъ само собою изъ „паннонско-моравскихъ“ или „моравско-паннонскихъ формъ: розьство, визь. Или, быть можетъ, г. Ягичъ считаетъ дуализмъ сѣверо-западной и юго-восточной группъ славянскаго языка развившимся позже IX вѣка? Или наконецъ, онъ предполагаетъ существованіе въ Панноніи (съ Моравіей и даже Хорватіей, Славоніей, Срѣмомъ, по мнѣнію г. Ягича: стр. 428) въ IX вѣкѣ промежуточнаго говора между двумя вышеозначенными группами? Сомнѣваемся. Скорѣе всего г. Ягичъ употребилъ здѣсь свои термины: „моравско-паннонскій“ и „паннонско-моравскій“ въ значеніи чехословенскихъ говоровъ, слѣды которыхъ дѣйствительно замѣтны въ нѣкоторыхъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ, напримѣръ, въ глаголическихъ отрывкахъ Пражскихъ и Кіевскихъ. Но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ ему было вставлять въ терминъ упоминанія о языкѣ паннонскомъ.

---

[1]) На стр. 443 онъ прямо говоритъ, что «старо-словѣнскій языкъ» принадлежитъ «къ юго-восточной группѣ славянскихъ нарѣчій». На стр. же 447 г. Ягичъ называетъ Словенцевъ племенемъ «очень близкимъ къ старымъ паннонскимъ Словѣнамъ по географическому положенію и этническому родству».

Библиотека "Руниверс"

Нѣтъ сомнѣнія, что розьство и визжь могли образоваться изъ рождьство и виждь на моравской основѣ; но не могло ли первое образоваться и самостоятельно, на почвѣ юго-славянской, черезъ формы: рож(дь)ство, розство? Что касается визжь, то можно ли дѣлать какіе-либо выводы изъ этого unicum въ памятникѣ, особенно автору, дающему столь широкое примѣненіе гипотезѣ „описокъ", съ различеніемъ лишь описокъ замѣчательныхъ и незамѣчательныхъ, смотря по ихъ отношенію къ теоріи сербскаго происхожденія Маріинскаго Евангелія? Если можно признавать описной форму: слъшати, встрѣчающуюся въ памятникѣ болѣе десяти разъ, то почему же не признать описной единичной формы визжь? Случается, впрочемъ, изрѣдка автору строить смѣлыя гипотезы на уникахъ и въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ отношенія ни къ сербо-хорватской, ни къ паннонской теоріямъ. Такъ на стр. 17, встрѣтивъ описку тѣ вмѣсто то въ выраженіи: аще оубо свѣтъ иже въ тебѣ тьма есть, тѣ тъма кольми, г. Ягичъ пишетъ въ примѣчаніи: тѣ зогр. то остр. асем. слав., съ тѣ сличи литовское tai. Итакъ, архаическая форма тѣ вмѣсто литовскаго tai уцѣлѣла въ одномъ лишь этомъ мѣстѣ Зографскаго и Маріинскаго Евангелій, хотя въ другихъ не менѣе древнихъ спискахъ мы находимъ тутъ правильное то. Можно ли назвать подобный способъ оцѣнки подходящихъ и неподходящихъ „описокъ" особенно осторожнымъ?

На стр. 445 г. Ягичъ, самъ того не замѣчая, констатировалъ болгарское происхожденіе Маріинскаго Евангелія на основаніи многочисленныхъ случаевъ ассимилирующаго дѣйствія ѣ на е съ измѣненіемъ послѣдняго въ а, напримѣръ, разумѣатъ вмѣсто -етъ, дѣата вмѣсто дѣета и т. п. Подобное измѣненіе Е въ А подъ вліяніемъ предшествовавшаго Ѣ, аналогичное измѣненіе Е въ А послѣ А же (напримѣръ, знаате вмѣсто -ете и т. п.) предполагаетъ въ Ѣ участіе, даже преобладаніе вокальнаго тембра А, то-есть, выговоръ Ѣ какъ ‘а (по мнѣнію самого г. Ягича, стр. 445), что̀ возможно допускать о древне-болгарскихъ, но не о древне-сербскихъ говорахъ. Значительное число случаевъ подобнаго рода исключаетъ мысль объ „описках". Съ другой стороны, несогласіе подобныхъ явленій съ общеизвѣстными нормами церковно-славянскаго языка исключаетъ возможность для г. Ягича сослаться при этомъ на „книжное вліяніе", какъ онъ это дѣлаетъ въ отношеніи къ глухимъ гласнымъ. Остается предположить одно изъ двухъ: или что Маріинское Евангеліе писано на почвѣ болгарскихъ говоровъ, или что оно переписано съ болгарскаго

Библиотека "Руниверс"

оригинала. Мы предполагаемъ первое, г. Ягичъ—послѣднее: въ обоихъ случаяхъ является констатированнымъ болгарскій субстратъ этого памятника, его принадлежность къ болгарскому изводу церковно-славянскихъ рукописей, если не непосредственно, какъ намъ думается, то хотя бы посредственно.

Болгарскій характеръ памятника приходится г. Ягичу признать и на стр. 446 изъ множества форма типа трѣбоуоутъ вмѣсто трѣбоуѭтъ. Ужели и этимъ „заразился" сербскій переписчикъ отъ болгарскаго подлинника?

На стр. 447 г. Ягичъ опять пользуется совершенно одиночною опиской бѫтъ вмѣсто бѫдѫтъ для подтвержденія своей гипотезы о происхожденіи словъ бѫдѫ изъ *бѫ *бѣши, *бѣтъ, основывающейся на словинскихъ формахъ: bom, boš, bo и т. д. Положимъ, гипотеза эта возможна: не слѣдуетъ ли изъ этой возможности ея несомнѣнность („я не сомнѣваюсь" и т. д. стр. 447), какъ это допускаетъ нашъ авторъ? Ужели онъ не замѣчаетъ, что между формою новословинскою и праславянскою (по крайней мѣрѣ „доцерковнославянскою") не имѣется никакихъ историческихъ звеньевъ, слѣдовательно, лежитъ пропасть, черезъ которую можно перекинуть развѣ фантастическій, а не реальный мостъ?

Изъ того обстоятельства, что въ глаголическихъ памятникахъ есть нѣкоторые архаизмы, напримѣръ, различеніе въ дв. ч. глаголовъ 2 и 3 лл. (на та и те), нельзя дѣлать столь поспѣшнаго и якобы несомнѣннаго заключенія, что памятники глаголическіе вообще древнѣе „болѣе позднихъ кирилловскихъ" (стр. 448), такъ какъ при логическомъ развитіи этой мысли пришлось бы утверждать, что XII вѣкъ древнѣе XI.

Не что иное, какъ смѣшеніе гипотезъ съ аксіомами, мы должны видѣть въ пріемахъ почтеннаго нашего академика и на стр. 450 въ его утвержденіи, что „подлинникъ Остромировскаго Евангелія.... былъ кирилловскій списокъ евангельскихъ чтеній, сдѣланный въ сѣверовосточной Болгаріи въ X вѣкѣ, трудъ литературной эпохи Симеоновской". Допускаемъ, что это очень вѣроятно, но доказано ли оно какими-либо документальными данными?

Не понимаемъ, почему г. Ягичъ, въ приложеніяхъ къ изданію текста Маріинскаго Евангелія, счелъ умѣстнымъ распространяться о разныхъ грамматическихъ вопросахъ, имѣющихъ такое же отношеніе къ этому Евангелію, какъ и къ любому другому древне-славянскому—глаголическому, а пожалуй и кирилловскому—тексту, на-

Библиотека "Руниверс"

примѣръ, о причинахъ усиленія гласнаго въ сигматическомъ аористѣ и другихъ его особенностяхъ (стр. 452—454), о славянскомъ имперфектѣ (454—462) и т. п. Нѣкоторыя изъ изложенныхъ тутъ соображеній, безспорно, новы и цѣнны, но для нихъ мѣсто въ отдѣльныхъ статьяхъ ученыхъ журналовъ, а не въ приложеніяхъ къ изданію Маріинскаго Евангелія.

Послѣдніе (463—474) страницы приложеній посвящены разсмотрѣнію особенностей „словообразованія и подбора словъ“ въ Маріинскомъ Евангеліи, при чемъ г. Ягичъ желалъ представить образецъ „умѣнья читать съ толкомъ“ (стр. 474) и „заставлять проговорить“ (стр. 475) варіанты лексикологическаго характера. Руководящею нитью для варіантовъ и замѣчаній нашего автора служило и здѣсь, какъ индѣ, его неноколебимое убѣжденіе въ первенствѣ кодексовъ глаголическихъ передъ кирилловскими, въ большей оригинальности первыхъ и вторичности, подражательности послѣднихъ. То же убѣжденіе служитъ для г. Ягича и основнымъ критеріемъ при опредѣленіи сравнительной древности того или другаго термина, приставки, окончанія, хотя на словахъ (стр. 403) онъ и признаетъ при этомъ первенствующее значеніе „соображеній о личности переводчиковъ и народности окружавшей ихъ среды“. Встрѣчая, напримѣръ, въ средѣ варіантовъ два синонимные термина: блюдо и миса, изъ коихъ первое распространено главнѣйше у юго-восточныхъ Славянъ, а второе—у сѣверо-западныхъ, нашъ авторъ не колеблется признать послѣднее болѣе древнимъ, забывая, что Кириллъ и Меѳодій были Солуняне, проведшіе большую часть жизни (первый почти всю) на почвѣ греко-юго-славянской и, слѣдовательно, гораздо скорѣе знавшіе терминъ блюдо, чѣмъ миса. Почти то же слѣдуетъ сказать и о мнимомъ первенствѣ формъ: братръ передъ братъ, вельи передъ великъ (стр. 466), распатъ передъ пропатъ (ib.), балии передъ врачь (468), шоуи передъ лѣвъ (470), ѣдро передъ скоро (ib.) и т. п. Архаизмъ извѣстнаго термина не ручается самъ по себѣ за то, что именно онъ былъ употребленъ св. Кирилломъ или другимъ первоавторомъ какого-либо церковно-славянскаго текста, такъ какъ архаизмы болѣе или менѣе равномѣрно—тогда, какъ и теперь,—были разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и не соединены непремѣнно въ одномъ говорѣ, положимъ, родномъ для славянскихъ первоучителей. Искуственно же собирать отовсюду залежи старины имъ не было никакой надобности, такъ какъ они были практическіе дѣятели, а не какіе люби-

Библиотека "Руниверс"

тели или собиратели древностей. Эти соображенія не могутъ быть опускаемы изъ виду при опредѣленіи сравнительной древности кодексовъ глаголическихъ и кирилловскихъ. Если бы даже было доказано, что въ первыхъ общій обликъ языка древнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, то отсюда еще отнюдь не слѣдовало бы, что тѣ проистекаютъ изъ школы кирилло-меѳодіевской, а эти—изъ симеоновской, какъ думаетъ, по видимому, г. Ягичъ. Если кодексъ типа, положимъ, Зографскаго Евангелія, при перепискѣ гдѣ-либо „въ сѣверо-восточной Болгаріи“ (стр. 450), могъ преобразоваться въ типъ Остромировскаго списка, то почему же не могло произойдти аналогическое измѣненіе и съ кодексомъ послѣдняго типа при перепискѣ, напримѣръ, въ Албаніи, Далмаціи или—если угодно—въ Паннонiи? Общій болгаро-македонскій характеръ церковно-славянскаго языка древнѣйшихъ, да и позднѣйшихъ кодексовъ гораздо легче объяснить болгаро-македонскимъ, чѣмъ „паннонско-моравскимъ“ или „моравско-паннонскимъ“ его происхожденіемъ. Мы легко объяснимъ себѣ, какимъ образомъ въ Паннонiи и Моравіи на фонъ болгаро-македонскій могли лечь наслоенія—впрочемъ, довольно рѣдкія и тонкія—говоровъ подкарпатскихъ и подальпійскихъ; но какимъ образомъ самая основа паннонско-моравскаго (на половину, слѣдовательно, сѣверо-западнаго) типа могла на югѣ преобразиться въ болгарско-македонскую, оставшись сама лишь въ скудныхъ остаткахъ,—этого понять мы не въ состояніи.

Г. Ягичъ считаетъ подтвержденіемъ своей „паннонской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „глаголической“ теоріи, даже то обстоятельство, что существуютъ кирилловскіе кодексы того же грамматическаго и терминологическаго типа, что̀ и глаголическіе, напримѣръ, Савина книга, Хвалево Евангеліе, Карпинское Евангеліе (475). Но кто же доказалъ или можетъ доказать, что эти кирилловскіе кодексы непремѣнно проистекаютъ изъ глаголическихъ первоисточниковъ? Развѣ не возможно и обратное, то-есть, происхожденіе Евангелій Зографскаго, Ассеманіева, Маріинскаго, на ряду съ Савиною книгой, кодексами Хвалевымъ и Карпинскимъ, изъ первоисточника кирилловскаго? Письменность кирилловская и глаголическая представляютъ, безспорно, два рукава одной и той же рѣки; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы до раздѣленія потокъ этотъ имѣлъ непремѣнно характеръ глаголическій: возможно, даже очень вѣроятно, противоположное.

Не вполнѣ понимаемъ мы цѣль помѣщенія въ концѣ разсматриваемой книги подробнаго „Словоуказателя“, въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ онъ изготовленъ авторомъ. Мысль сопровождать подобное

Библиотека "Руниверс"

изданіе „Словоуказателемъ“ не нова: и въ Востоковскомъ изданіи Остромирова Евангелія мы находимъ таковой, съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ отличался большею полнотой и для своего времени новизною. Но уже одно то обстоятельство, что церковно-славянское Евангеліе издано — именно Востоковымъ—съ присоединеніемъ самаго точнаго и подробнаго „Словоуказателя“, казалось бы, избавляло г. Ягича отъ необходимости вторично составлять и издавать таковой же. Положимъ, въ Маріинскомъ Евангеліи есть нѣкоторыя главы евангельскаго текста, не находящіяся въ Остромировомъ спискѣ; но ихъ очень немного, и изъ-за нихъ составлять словоуказатель ко всему тексту не представлялось особенно нужнымъ. Несомнѣнно затѣмъ, что въ Маріинскомъ Евангеліи есть слова и варіанты совершенно чуждые списку Остромирову; но стоило ли изъ-за нихъ вновь перебирать весь лексикальный матеріалъ церковно-славянскаго перевода Евангелій, вмѣсто того, чтобы представить лишь дополнительный списокъ къ существующему Востоковскому словоуказателю? Стоило ли, напримѣръ, приводить 60 цитатъ для доказательства, что абие значитъ statim, continuo и 25 цитатъ для абье въ томъ же значеніи? Стоило ли документировать 250-ми цитатами ту великую истину, что азъ означаетъ ἐγώ. ego? Еслибъ еще авторъ ограничился перечисленіемъ лишь категорій значенія или грамматическихъ формъ каждаго слова, съ достаточнымъ количествомъ примѣровъ или ссылокъ для каждой, то мы понимали бы научную цѣль такого словоуказателя; но приводить 250 доказательствъ того, что азъ означаетъ ἐγώ, это, кажется, совершенно излишне! Въ опроверженіе сказаннаго г. Ягичъ не можетъ ссылаться на важность полноты указателей подобнаго рода, ибо онъ все-таки далеко не достигаетъ ея въ своемъ индексѣ. Тамъ, напримѣръ, при первомъ его словѣ: а καὶ et, δέ vero, autem мы не находимъ не только многихъ, но и хотя бы одной цитаты, съ замѣною ихъ латинскою (почему не русскою? Вѣдь вся обстановка изданія предполагаетъ уже въ пользующемся знакомство съ русскимъ языкомъ) фразою: saepissime occurrit, которая повторяется затѣмъ при аще, бо, же и многихъ другихъ словахъ.

Допуская въ однихъ случаяхъ столь общее и неточное обозначеніе цитатъ, г. Ягичъ для послѣдовательности долженъ бы ограничиться подобною фразой и при множествѣ другихъ словъ, напримѣръ, для архиереи въ значеніи ἀρχιερεύς, богъ θεός, глаголати λέγω (занимаетъ 4 столбца) и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Главною цѣлію г. Ягича было при этомъ, по видимому, желаніе сдѣлать глаголическіе кодексы, хотя бы даже Маріинское Евангеліе, основою для изученія церковно-славянскаго языка со стороны грамматической и терминологической, оттѣснивъ на задній планъ кодексы кирилловскіе, особенно типа Остромирова Евангелія, въ которомъ паннono-глаголитисты" видятъ самаго опаснаго соперника для Зографскаго и другихъ глаголическихъ кодексовъ той же редакціи. Задача эта не такъ однако легка; никому до сихъ поръ не удалось „сдѣлать хотя одного столь блестящаго изданія глаголическихъ памятниковъ, какъ Востоковское изданіе Остромирова Евангелія. Едва ли и самъ г. Ягичъ станетъ отрицать, что все же ни его Зографское, ни Маріинское Евангелія, не говоря уже объ Ассеманіевомъ въ изданіяхъ Рачкаго или Чернчича, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ стать въ рядъ съ монументальнымъ изданіемъ Востокова: преимущество послѣдняго заключается не только въ палеографической точности воспроизведенія текста памятника, съ подборомъ соотвѣтствующаго ему греческаго оригинала, но еще болѣе въ полнотѣ и строгости грамматическаго и лексикальнаго къ нему комментарія.

Привѣтствуя въ заключеніе г. Ягича съ прекраснымъ изданіемъ столь важнаго памятника церковно-славянской письменности, мы позволимъ себѣ выразить желаніе и надежду, что оно будетъ лишь первымъ звеномъ въ длинной цѣпи русскихъ изданій этого ученаго, занявшаго нынѣ въ русской Академіи Наукъ кресло Востокова и Срезневскаго.

А. Будиловичъ.

Учено-литературныя новости по классической филологіи.

Hermann Fritzsche. Die Sullanische Gesetzgebung. 1882.

Цѣль этого труда—дать критическій очеркъ прежнихъ изслѣдованій о законодательствѣ Суллы. Чѣмъ короче извѣстія о немъ, тѣмъ больше расходятся мнѣнія. Фритче прежде всего говоритъ о законахъ и учрежденіяхъ, которые Сулла издалъ въ 88 году, а затѣмъ о ихъ возобновленіи въ 82—80 гг. Онъ разсматриваетъ сначала основы государственнаго устройства по законамъ Суллы, и затѣмъ уголовное законодательство и уголовный процессъ. Въ заключеніе помѣщены замѣчанія о законахъ, касающихся нравовъ.

Библиотека "Руниверс"

Фритче раздѣляетъ взглядъ большинства изслѣдователей, что Сулла дважды принимался за государственное устройство Римской республики. Вмѣстѣ съ Ланге онъ думаетъ, что ранѣе изданные Сульпиціевы законы были уничтожены постановленіемъ сената, и отвергаетъ мнѣніе Гёттлинга, что постановленіе это не коснулось распредѣленія новыхъ гражданъ и вольноотпущенниковъ по всѣмъ трибамъ. Власть трибуновъ была ограничена закономъ, по которому ни какое предложеніе не должно было быть дѣлаемо народу безъ предварительнаго одобренія сената. Вопреки мнѣнію Моммзена и Ланге, Фритче полагаетъ, что трибутныя комиціи совершенно потеряли законодательную власть, которая была снова перенесена въ комиціи центуріатныя. Едва ли основательна попытка автора доказать, что уже въ 88 году сенатъ былъ увеличенъ на 300 членовъ; по крайней мѣрѣ мотивы, которые приводитъ Аппіанъ,—необыкновенно малочисленный составъ корпораціи и упадокъ ея значенія, ничѣмъ не подтверждаются для 88 г. Несравненно важнѣе была реформа 82 г. Хотя Сулла и получилъ по lex Valeria высшую власть въ государственномъ управленіи, законодательствѣ и судопроизводствѣ, однако несомнѣнно, всѣ болѣе важныя постановленія онъ предлагалъ сенату и народу для утвержденія, и вѣроятно, только такія предписанія, которыя были одобрены народомъ, носили названіе lex. Самымъ важнымъ изъ законовъ Суллы былъ lex de tribunicia potestate. Трибуны потеряли прежде всего ius legum ferendarum, такъ какъ трибутныя комиціи лишились законодательной власти. Почти навѣрно можно также сказать, что трибуны потеряли также ius accusandi. Еще въ 76 году одинъ трибунъ пользовался правомъ producendi, а потому вѣроятно, ius contionis habendae осталось за ними. Ius intercedendi было во всякомъ случаѣ ограничено Суллой, можетъ быть, оно сохранилось по отношенію къ служебнымъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ, не основаннымъ на постановленіи сената, а въ сенатѣ было допускаемо лишь до принятія рѣшенія, что, конечно, уже не было на дѣлѣ intercessio. Бывшіе трибуны потеряли право пассивнаго выбора на курульныя должности. Число преторовъ было увеличено до восьми. Справедливо опровергаетъ Фритче взглядъ А. В. Цумпта, основанный на показаніи Помпонія, что Сулла довелъ число преторовъ до десяти, и что до Цезаря ихъ выбиралось по восьми. Число квесторовъ возрасло до 20, и послѣ сложенія своей должности они прямо вступали въ сенатъ. Должность цензоровъ Сулла не уничтожилъ, но старался не допускать ихъ избранія. Консульству должна была предшествовать претура, а

Библиотека "Руниверс"

претурѣ квестура; быть до этого эдиломъ не было необходимостью. Вторичное исправленіе одной и той же должности было возможно лишь по прошествіи десяти лѣтъ.

Жреческимъ коллегіямъ Сулла возвратилъ право кооптаціи, но pontifex maximus избирался, какъ и прежде, посредствомъ minor pars tribuum. Число понтифексовъ и авгуровъ было увеличено до 15. Остается вопросомъ: было ли также увеличено число decemviri sacris faciundis. Еще сомнительнѣе, чтобы Сулла довелъ число epulones до семи. Сенатъ былъ пополненъ пріемомъ новыхъ 300 членовъ. Но невѣроятно при этомъ, чтобы Сулла заставилъ трибутныя комиціи голосовать вопросъ о пріемѣ въ сенатъ каждаго сенатора отдѣльно, какъ объ этомъ повѣствуетъ Аппіанъ, и какъ это принимаетъ Фритче. Далѣе, весьма вѣроятно, что имъ былъ изданъ lex de provinciis. Консульскія провинціи должны были быть распредѣлены до выборовъ, и intercessio трибуновъ противъ этого не была допускаема. Годъ своего преторства и консульства преторы и консулы должны были проводить въ Римѣ, и лишь на второй годъ они могли, но не были обязаны отправляться въ провинцію. Въ теченіе 30 дней послѣ прибытія новаго намѣстника въ провинцію прежній долженъ былъ оставить ее. Въ законѣ своемъ de maiestate Сулла запретилъ намѣстникамъ покидать провинціи безъ особаго на то приказанія, а равнымъ образомъ и самовольно вести войны.

Еще больше и прочнѣе были заслуги Суллы въ области уголовнаго законодательства. Ему обязаны своимъ происхожденіемъ lex de repetundis, въ которомъ Сулла, вѣроятно, только повторилъ содержаніе Сервиліева закона съ нѣкоторыми прибавленіями, коихъ требовали обстоятельства. Почти совершенно новымъ былъ lex Cornelia de maiestate. Не давъ точнаго опредѣленія понятія minuta maiestas, Сулла привелъ тутъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, вѣроятно, чаще всего повторяющихся случаевъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности законъ этотъ сдѣлался страшнымъ оружіемъ, особенно во времена императоровъ. По lex de sicariis и veneficis наказанію подвергался: 1) тотъ, который ходилъ съ оружіемъ съ намѣреніемъ совершить убійство или кражу, 2) тотъ, кто убилъ человѣка, 3) виновникъ или пособникъ при убійствѣ. На оборотъ Фритче опровергаетъ мнѣніе Цумпта, что и ложное свидѣтельство въ уголовныхъ дѣлахъ подлежало наказанію по этому закону. Но къ этому же разряду принадлежали поджоги и продажа гражданина въ рабство. Высшимъ наказаніемъ было aquae et ignis interdictio, и только parricidae наказывались по lex Cornelia смертью. Затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

особымъ закономъ Фритче считаетъ, отступая отъ Цумпта, lex de iniuriis. Законъ этотъ касался только оскорбленія дѣйствіемъ и нарушенія домашняго мира; жалобу приносить могъ только самъ оскорбленный. Lex de falsis или testamentaria запрещалъ: 1) подлогъ завѣщаній и печатей, 2) утайку, вскрытіе, перемѣну въ настоящихъ завѣщаніяхъ и наказывалъ какъ нравственныхъ виновниковъ, такъ и всѣхъ принимавшихъ завѣдомо участіе въ преступленіи, и 3) поддѣлку монетъ. На оборотъ, Фритче отвергаетъ мнѣніе Цумпта, который, основываясь на одномъ мѣстѣ у Paulus Sent. V, 25, 2, говоритъ, что въ этомъ законѣ опредѣлялось наказаніе и для тѣхъ, которые подкупали судей. Сомнителенъ законъ de peculatu и Фритче ограничивается здѣсь словами non liquet. Еще менѣе вѣроятенъ законъ de ambitu.

По мнѣнію Фритче вѣроятно, что Сулла помѣстилъ весь уголовный процессъ въ одномъ lex iudiciaria. Кто подлежалъ суду присяжныхъ—не совсѣмъ ясно. Законы de sicariis et veneficis относились несомнѣнно ко всѣмъ сословіямъ, но рабы и не граждане были, несомнѣнно, судимы преторомъ. Всѣ преступленія по должности разбирались въ судѣ присяжныхъ. Преступники, захваченные in flagranti, были судимы преторомъ. Присяжные засѣдатели отнынѣ избирались исключительно изъ сенаторовъ, при чемъ весь сенатъ былъ раздѣленъ на декуріи; лишь лица, занимавшія должности, и сенаторы, находившіеся въ отсутствіи по дѣламъ государства, были освобождаемы отъ обязанности быть присяжными. Число декурій соотвѣтствовало числу судебныхъ учрежденій, и въ каждой декуріи было 40—50 человѣкъ. Дѣленіе на декуріи происходило ежегодно по жребію подъ руководствомъ претора. Всякая декурія судила въ теченіе всего года преступленія одной и той же категоріи. При всякомъ процессѣ изъ извѣстной декуріи выбиралось по жребію опредѣленное число присяжныхъ, при чемъ сторонамъ разрѣшалось нѣсколькихъ присяжныхъ отвести. Замѣна отведенныхъ присяжныхъ посредствомъ subsortitio, какъ говоритъ псевдо-Асконій, невѣроятна; являлась же subsortitio, если присяжнымъ что-нибудь мѣшало принимать участіе въ составленномъ уже судѣ. Предсѣдательствовалъ преторъ или iudex quaestionis, котораго назначалъ, вѣроятно, преторъ. Въ процессахъ о лихоимствѣ разбирательство дѣлилось на двѣ actiones, въ остальныхъ же случаяхъ голоса подавались послѣ первой actio. Если же большинство отвѣчало словами non liquet, то бывала ampliatio. Апелляція къ народу послѣ суда присяжныхъ не допускалась. Кромѣ того, Сулла издалъ еще законъ о бракахъ, о содержаніи котораго ничего не извѣстно,

Библиотека "Руниверс"

и затѣмъ еще lex sumptuaria, который Фритче принимаетъ такъ, какъ его излагаетъ Геллій.

Изъ этого краткаго изложенія сочиненія Фритче видно богатство его содержанія; книга Фритче хотя и не даетъ новаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, однако весьма полезна, такъ какъ здраво и мѣтко резюмируетъ наиболѣе вѣроятные результаты всѣхъ изслѣдованій касательно законодательства Суллы.

Gustav Braumann. Die Principes der Gallier und Germanen bei Caesar und Tacitus. 1883.

Вопросъ о principes—одинъ изъ самыхъ спорныхъ и наиболѣе обсуждавшихся изслѣдователями въ области галльскихъ и германскихъ древностей. Въ настоящее время спорящія стороны подѣлились на два лагеря—историковъ права и филологовъ. Первые (Waitz, Dahn, Thudichum, Roth) подразумѣваютъ подъ principes лицъ, занимавшихъ республиканскую должность, слѣдовательно, законную власть въ civitates; послѣдніе (Baumstark въ своихъ „Urdeutsche Staatsalterthümer" и „Ausführliche Erklaerung des allgemeinen Theiles der Germania des Tacitus") держатся того мнѣнія, что положеніе principes основывалось исключительно на личномъ уваженіи, которымъ они пользовались, и отнюдь не было имъ сообщаемо какимъ-нибудь законнымъ актомъ, что названіе это означаетъ вообще знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ въ общественной жизни. Третья гипотеза (A. Holtzmann, Germanische Alterthümer, стр. 180), по которой principes—прирожденные князьки и властелины, такъ слаба, и въ ея пользу было приведено такъ мало доказательствъ, что она не нуждается въ опроверженіи. Въ настоящемъ сочиненіи Брауманнъ старается доказать на основаніи Цезаря и Тацита и не касаясь при этомъ новѣйшихъ толкованій, что principes могутъ быть поняты лишь въ томъ смыслѣ, какой даютъ имъ филологи.

Прежде всего онъ занимается вопросомъ о томъ, какое значеніе вообще имѣло слово princeps и спеціально—въ примѣненіи къ классическимъ народамъ. Этимологически оно обозначаетъ „передній", и говоря о времени—„самый ранній" (аналогично готскому „fruma", древне-германскому „furistêr", изъ котораго съ измѣненнымъ значеніемъ образовалось существительное „Fürst"). Изъ первоначальнаго значенія развивается мало по малу значеніе „первый, наиболѣе уважаемый въ массѣ лицъ", для выраженія котораго со временъ Августа употребляли по преимуществу „primores" и „proceres", такъ какъ prin-

Библиотека "Руниверс"

ceps въ единственномъ числѣ обозначало κατ' ἐξοχήν наиболѣе человѣка, выдающагося изъ всего римскаго народа, императора. Такимъ образомъ качество princeps заключается въ преимуществѣ, и гдѣ родъ преимущества ничѣмъ ближе не обозначенъ, тамъ подразумѣвается всегда политическое преимущество; поэтому такія выраженія, какъ nobiles, cives amplissimi, встрѣчаются какъ синонимы къ principes. Представители олигархически-аристократическаго элемента въ государственномъ правленіи, отличающіеся по своему выдающемуся положенію отъ остальныхъ лицъ своего сословія, и безъ того имѣющихъ извѣстныя преимущества, также обыкновенно называются principes; такъ назывались сенаторы въ Римѣ, или главныя должностныя лица, при чемъ впрочемъ аттрибутъ princeps отнюдь не требуетъ безусловно послѣдняго, потому что principatus никогда не обозначаетъ власти по должности. Аттрибутъ этотъ никогда не былъ установленъ объективно, но являлся результатомъ субъективнаго взгляда того, кто его давалъ—было ли то одно лицо, или же общественное мнѣніе. Поэтому если отдѣльнымъ лицамъ, давали титулъ princeps своего государства, то это дѣлалось съ предвзятымъ намѣреніемъ представить власть ихъ какъ основанную, до нѣкоторой степени, на расположеніи общественнаго мнѣнія, въ противоположность къ регулированной закономъ власти царя (rex).

И относительно Галловъ Брауманнъ приходитъ къ тому результату, что у нихъ словомъ princeps обозначался тотъ, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на политическія дѣла своего государства и что вліяніе это у Галловъ основывалось главнѣйшимъ образомъ на знатности происхожденія, значительномъ состояніи и многочисленной свитѣ на войнѣ; что при этомъ необходимо было и лично пользоваться любовью, подтверждается многими отдѣльными примѣрами въ комментаріяхъ Цезаря. Лишь въ томъ случаѣ, когда слово princeps встрѣчается въ военномъ смыслѣ, подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть только полководца. Напротивъ, должностныя лица 90 галльскихъ civitates, сенаторъ и ежегодно избираемый глава въ каждой civitas, не имѣющій военныхъ обязанностей, называются principes отнюдь не по своей должности; скорѣе на оборотъ, они бывали часто въ явной или тайной оппозиціи къ этимъ регулированнымъ закономъ властямъ; власть ихъ, коренившаяся не въ законѣ, а исключительно въ ихъ личномъ вліяніи, проявлялась нерѣдко въ ниспроверженіи существующаго порядка вещей. Обладая большою поземельною собственностью, они имѣли значительное число дружинниковъ (амбак-

Библиотека "Руниверс"

товъ); дружина эта еще увеличивалась добровольнымъ присоединеніемъ лицъ совершенно независимыхъ, которые вслѣдствіе соображеній своей партіи становились подъ знамя задававшаго тонъ могущественнаго предводителя, princeps. Такимъ образомъ principes являются тоже главами партій, а очевидно, что быть преводителемъ какой-нибудь партіи возможно только подъ условіемъ расположенія къ себѣ и основаннаго на этомъ расположеніи вліянія. Все это впрочемъ не исключало возможности, чтобы такой princeps занималъ ту или другую должность, и по всѣмъ вѣроятіямъ, вездѣ, гдѣ эти principes ведутъ переговоры съ цезаремъ, или съ другими общинами Галліи въ качествѣ legati, они дѣлаютъ это не по своему произволу, а получаютъ спеціально для того извѣстныя полномочія отъ concilium въ качествѣ должностныхъ лицъ.

Равнымъ образомъ и у Германцевъ подъ principes никакъ нельзя подразумѣвать избранныхъ должностныхъ лицъ или родовыхъ князей; они не дѣлаются principes вслѣдствіе того, что concilium привлекаетъ ихъ къ занятію важныхъ должностей, особенно къ должности главнаго судьи, но какъ разъ на оборотъ,—ихъ избираютъ для выполненія этихъ обязанностей потому, что они выдѣляются изъ всей массы уже сами по себѣ, по своему спеціальному положенію и по пріобрѣтенному ими въ народѣ вліянію. Principes у Германцевъ происходятъ только изъ родовой знати, какъ у Галловъ—изъ сословія всадниковъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ нашей ученой литературѣ значеніе principes было объяснено приблизительно въ томъ же смыслѣ, какъ у Брауманна, еще около двадцати лѣтъ тому назадъ. Именно г. Георгіевскій въ своемъ изслѣдованіи о Галлахъ въ эпоху К. Юлія Цезаря, прямо говоритъ, что principes называются у Цезаря тѣ всадники, которые наиболѣе выдвигались изъ среды этого класса знатностью своего происхожденія и своимъ богатствомъ. Сравнивая ихъ съ брейрами (breyr) Кимровъ Вельса, авторъ замѣчаетъ между прочимъ, что въ противоположность Вельсу у Галловъ несравненно большее значеніе имѣла обширность поземельныхъ владѣній, чѣмъ знатность происхожденія. Какъ и въ сочиненіи Брауманна, здѣсь указывается на то, что principes эти стояли во главѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ крѣпостныхъ людей и рабовъ. Равнымъ образомъ и мнѣніе Брауманна о томъ, что principes были главами партій, было уже высказано г. Георгіевскимъ. Онъ доказываетъ, что principes стояли во главѣ факцій, къ которымъ добровольно примыкали сво-

Библиотека "Руниверс"

бодные люди, кліенты, выбиравшіе себѣ того princeps, который былъ знатнѣе и богаче и, сверхъ того, умѣлъ внушить имъ большее къ себѣ расположеніе и былъ имъ болѣе угоденъ и вообще заслуживалъ, по ихъ мнѣнію, большаго уваженія. Не имѣя никакой законной власти, principes дѣйствовали на своихъ кліентовъ не повелѣніями, а примѣромъ и убѣжденіями. Существенно расходится нѣмецкій авторъ съ г. Георгіевскимъ въ опредѣленіи степени значенія principes, такъ какъ, по мнѣнію г. Георгіевскаго, они были природными вождями и представителями своихъ колѣнъ, не только въ общихъ ихъ войнахъ, но и въ мирныхъ ихъ сношеніяхъ, такъ что случалось даже, что они вели переговоры съ другими колѣнами, не только не имѣя на то особаго полномочія, но и безъ вѣдома своего колѣна; этому впрочемъ у Цезаря есть только одинъ примѣръ, какъ это и указано авторомъ. Разногласіе это однако не по существу дѣла, такъ какъ называя principes свѣтскою правительственною аристократіей, г. Георгіевскій объясняетъ это тѣмъ, что изъ ихъ среды выходили всѣ должностныя лица и учреждались законныя власти въ каждомъ колѣнѣ, но прибавляетъ къ этому, что „даже первенствующій въ своемъ колѣнѣ princeps, при всемъ своемъ могуществѣ и вліяніи, былъ только частнымъ лицомъ, какъ это прямо видно изъ словъ вергобрета Лиска, который жаловался Цезарю (B. G. 1, 17), что значеніе нѣкоторыхъ лицъ такъ велико въ народѣ, что они частнымъ образомъ болѣе могутъ сдѣлать, чѣмъ сами начальства. Власть первенствующаго брейра (principatus) была только фактическая, основанная на личномъ его положеніи и вліяніи, на личныхъ отношеніяхъ, съ перемѣною которыхъ она могла исчезнуть“. Изъ этого видно, что г. Георгіевскій отнюдь не думаетъ, что должностныя лица называются principes, но высказываетъ только, что на всякія должности назначались principes, что и подтверждается вполнѣ примѣрами.

Oscar Bohn. Ueber die Heimat der Praetorianer. Berlin. 1883.

Свое изслѣдованіе о родинѣ преторіанцевъ авторъ основалъ на тщательномъ изученіи матеріала, который находится въ источникахъ, при чемъ помѣстилъ въ особомъ приложеніи всѣ ихъ свидѣтельства какъ о преторіанцахъ, такъ и о cohortes urbanae. Изъ изслѣдованія этого выясняется, что слова Тацита (Annal. 4, 1), что гвардія эта состояла изъ италійскихъ гражданъ и преимущественно изъ жителей Умбріи, Этруріи, Лаціума и древнѣйшихъ колоній, совершенно вѣрны для первыхъ вѣковъ. Очень рѣдкія исключенія изъ

Библиотека "Руниверс"

этого правила объясняются по большей части происхожденіемъ нѣкоторыхъ императоровъ изъ провинцій, какъ напримѣръ, Гальбы, Вителлія, Веспасіана. Всѣ вновь принятые солдаты были обыкновенно гражданами или сыновьями декуріоновъ, имѣвшихъ jus Latii, или же получали право гражданства тотчасъ по своемъ вступленіи въ гвардію. Измѣненіе въ этой системѣ, произведенное Септиміемъ Северомъ, имѣло послѣдствіемъ исключеніе Италійцевъ, такъ что съ тѣхъ поръ и преторіанцы пополнялись почти безъ исключенія надежными и способными жителями провинцій, и спеціально, какъ старается доказать Бонъ, изъ воинственныхъ иллирійскихъ провинцій, Македоніи, Панноніи, Ѳракіи и т. п., а также изъ Германіи. Позже, правда, встрѣчаются между преторіанцами снова и Италійцы, но національная связь въ войскѣ и прочность этой связи между солдатами была уже уничтожена. Совершенно основательно замѣчаетъ авторъ, что служба въ легіонѣ отнюдь не была обязательною предварительною ступенью передъ службой въ числѣ преторіанцевъ. Впрочемъ, противъ этого до сихъ поръ никто, сколько извѣстно, и не споритъ.

Ed. Joannes Jülg. Vita L. Aeli Seiani. Innsbruck. 1883.

Цѣль автора этой книги — сопоставить дошедшія до насъ извѣстія о Сеянѣ, чтобы дать такимъ образомъ вѣрное описаніе его характера. Первую часть этой задачи онъ выполнилъ вполнѣ добросовѣстно и изъ года въ годъ разсказалъ все, что извѣстно о дѣяніяхъ Сеяна. При этомъ въ строго хронологическомъ расположеніи является то неудобство, что весьма трудно составить себѣ ясное и цѣльное представленіе о государственной дѣятельности префекта, и что нѣкоторыя событія, годъ коихъ нельзя точно опредѣлить, произвольно помѣщаются въ тотъ или другой годъ. Такъ напримѣръ, сооруженіе лагеря преторіанцевъ помѣчено 23-мъ годомъ единственно потому, что Тацитъ упоминаетъ о немъ, говоря о событіяхъ этого года. Но Тацитъ (Ann. 4, 2) дѣлаетъ это въ общей характеристикѣ Сеяна совершенно независимо отъ событій 23-го года; на оборотъ, Діонъ Кассій (59, 19, 5, 6) уже въ 20-мъ году говоритъ объ этомъ лагерѣ, и при томъ какъ о существовавшемъ прежде и какъ о первомъ дѣлѣ Сеяна, когда онъ одинъ получилъ начальство надъ преторіанцами. Въ виду этого, соединеніе преторіанскихъ когортъ въ одно цѣлое слѣдовало бы отнести къ 17-му году или въ ближайшее послѣ того время. Свидѣтельства источниковъ о Сеянѣ собраны Юльгомъ весьма тщательно;

Библиотека "Руниверс"

равнымъ образомъ и новѣйшею литературой авторъ воспользовался въ достаточной мѣрѣ, хотя и не вполнѣ. За то чувствуется въ этомъ трудѣ недостатокъ критики источниковъ.

Jos.-Jul. Binder. Die Bergwerke im römischen Staatshaushalte. 1880 и 1881.

Въ началѣ своего труда авторъ высказываетъ сожалѣніе о скудости дошедшихъ до насъ извѣстій о римскихъ финансахъ. Счастливыя находки надписей за послѣднее время должны отчасти восполнить этотъ пробѣлъ, который нигдѣ не обнаруживается такъ ощутительно, какъ въ этой отрасли государственнаго управленія. По мнѣнію автора, Римляне стояли въ горномъ дѣлѣ гораздо ниже Грековъ и Карѳагенянъ; это доказывается тѣмъ, что они въ теченіе столѣтій владѣли открытыми этими народами рудниками, но нисколько не усовершенствовали этого промысла въ техническомъ отношеніи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только остатки рудниковъ, которые обрабатывались нѣкогда Римлянами, но и описанія самихъ авторовъ. Даже употребительнѣйшія выраженія, относящіяся къ горному промыслу, были заимствованы у туземцевъ, которые впервые открыли металлоносныя жилы. У Римлянъ считалось почетнымъ занятіемъ обрабатывать землю лишь на поверхности, тогда какъ подземную работу въ рудникахъ они представляли туземнымъ племенамъ или же поручали рабамъ, а во время императоровъ осужденнымъ. Этимъ объясняется и то, что сочиненій объ этой отрасли промышленности Римляне не писали: сочиненія Ѳеофраста, Посидонія, Стратона и Филона потеряны, равно какъ и сочиненіе Полибія объ Испаніи; извѣстія же Плинія и Страбона основаны большею частью на только что названныхъ сочиненіяхъ. Въ высшей степени поучительно и то обстоятельство, что даже на вопросъ о собственности относительно минеральныхъ сокровищъ земли въ римскомъ правѣ былъ данъ отвѣтъ столь неопредѣленный, что недавно было въ ходу мнѣніе, будто еще въ римскомъ законодательствѣ была проведена идея о государственной собственности рудниковъ, тогда какъ послѣ трудовъ Ахенбаха, исчерпавшаго вопросъ о прусскихъ горныхъ законахъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что установленіе государственной собственности рудниковъ не восходитъ ранѣе XII столѣтія. Въ послѣднее время Гюбнеръ, авторъ статей о свинцовыхъ рудникахъ въ Британіи, надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важное значеніе найденной не такъ давно въ Португаліи мѣдной доски, содержащей въ себѣ часть legis metalli Vipascensis; благодаря этой счастливой находкѣ можно ближе позна-

Библиотека "Руниверс"

комиться со всею системой горнаго управленія, гораздо ближе, чѣмъ прежде при самыхъ удачныхъ комбинаціяхъ свидѣтельствъ авторовъ; поэтому Биндеръ счелъ необходимымъ въ приложеніи къ своему сочиненію подробно познакомить читателей съ этимъ горнымъ закономъ и его важными результатами.

Уже изъ сказаннаго видно, что область, которую Биндеръ выбралъ для своего изслѣдованія, представляетъ большой интересъ, но еще бо̀льшія трудности. Понимая ихъ хорошо, авторъ соблюдалъ большую осторожность, хотя и шелъ твердо и значительно подвинулъ вопросъ о римскихъ рудникахъ. Прежде всего онъ подробно освѣщаетъ вопросъ о собственности и приходитъ при этомъ къ очень важнымъ результатамъ относительно права владѣнія. Затѣмъ авторъ подробно говоритъ объ императорскихъ рудникахъ, какъ въ сенатскихъ, такъ и въ императорскихъ провинціяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ изслѣдуя исторію ихъ перехода къ различнымъ владѣльцамъ и производителямъ: отъ Августа до Адріана и отъ Адріана до Юстиніана. Послѣдній включилъ въ свои пандекты только мнѣнія ученыхъ юристовъ о горномъ дѣлѣ; между тѣмъ на западѣ, у Вестготовъ и Франковъ, римское право сдѣлало шагъ впередъ какъ разъ по этому вопросу, такъ что въ XII в., какъ было выше сказано, законы на этотъ счетъ получили полное развитіе въ смыслѣ государственной собственности рудниковъ, что̀ было, строго говоря, чуждо римскому государственному праву. Если трудно было найдти вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о собственности вслѣдствіе того, что нигдѣ ясно не опредѣляется отношеніе государства къ находящимся подъ землей сокровищамъ, то еще труднѣе было выяснить условія, при которыхъ Римское государство принимало участіе въ доходѣ отъ рудниковъ. При этомъ замѣтно, что Римляне, не проявившіе никакой оригинальности въ техническомъ развитіи горнаго промысла, не больше проявили ее и въ финансовой сторонѣ дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Италіи гораздо раньше, чѣмъ Римъ перешелъ естественныя границы полуострова, занимались горнымъ дѣломъ; но намъ не извѣстно, какія основанія существовали относительно занесенія доходовъ по этой отрасли хозяйства въ цензъ. Уже во времена республики замѣчается различіе между рудниками государственными и частными. Авторъ задается по этому поводу въ высшей степени важнымъ вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи къ послѣднимъ стояло государство. Съ увѣренностью можно сказать только то, что поземельной подати съ руд.

Библиотека "Руниверс"

никовъ не взималось, а такъ какъ о горномъ налогѣ нигдѣ нѣтъ рѣчи, то вѣроятно они подлежали подоходному налогу или подати съ промысловъ. Слѣдить за авторомъ въ его подробныхъ изслѣдованіяхъ объ этомъ вопросѣ было бы слишкомъ долго. Конечный результатъ, къ которому онъ приходитъ, отрицательный. Какъ ни важенъ вопросъ о финансовыхъ успѣхахъ римскаго горнаго управленія, на него отвѣтить нельзя. Трудъ свой авторъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобъ археологи и горные техники потрудились сообща для выясненія технической стороны горнаго дѣла у Римлянъ.

G. Lumbroso. L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani. Roma. 1882.

Греческій и римскій періоды въ исторіи Египта составляютъ до нѣкоторой степени одно цѣлое; Римляне почти сплошь сохранили учрежденія Птолемеевъ и даже взяли ихъ себѣ за образецъ. Такъ напримѣръ, Августъ преобразовалъ управленіе собственно города Рима по александрійскому образцу; при дворѣ его наслѣдниковъ часто встрѣчаются тѣ же самые порядки, которые были прежде въ Александріи; попытка, которую сдѣлалъ Маркъ Антоній (тріумвиръ) во время своего пребыванія въ Александріи, организовать римскую монархію по образцу эллинистическихъ государствъ, нашла себѣ продолженіе въ Римѣ, что потомъ мало по малу привело къ превращенію формъ римскаго принципата въ типъ византійскаго государства. Равнымъ образомъ и въ области наукъ, литературы и искусствъ въ Италіи слѣдовали образцамъ, даннымъ Греко-Египтянами.

Большая часть настоящей книги посвящена самому городу Александріи: здѣсь говорится подробно о составѣ и организаціи городскаго населенія, объ образованіи, придворной жизни, театрѣ, играхъ, характерѣ тамошней философіи, взаимодѣйствіи различныхъ религіозныхъ системъ, при чемъ приняты въ соображеніе различные спорные вопросы, а равно и тѣ мѣста древнихъ писателей, на которыя не было обращено до сихъ поръ достаточно вниманія; прочія главы занимаются культомъ Нила, который игралъ такую важную роль у Египтянъ, характеромъ страны съ государственно-экономической точки зрѣнія, при чемъ излагаются цѣлесообразныя мѣры Птолемеевъ и ихъ наслѣдниковъ-императоровъ въ этомъ отношеніи. Далѣе помѣщенъ найденный авторомъ въ Туринѣ отчетъ объ экспедиціи въ 1800 г. Французовъ къ Красному морю, при чемъ авторъ дѣлаетъ историческое описаніе окружающихъ долину Нила пустынь. Особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія его объ египетскихъ

Библиотека "Руниверс"

каналахъ во времена имперіи. Лумброзо, въ противоположность мнѣнію другихъ ученыхъ, думаетъ, что подъ „Augustus amnis", который въ IV в. по Р. Х. далъ имя провинціи Августамникѣ, слѣдуетъ разумѣть не Нилъ, но каналъ, соединявшій Нилъ съ Краснымъ моремъ, а слѣдовательно, Красное море со Средиземнымъ. Имя Augustamnica доказываетъ, по его мнѣнію, что каналъ этотъ былъ въ то время въ хорошемъ положеніи и обусловливалъ процвѣтаніе этой страны. Далѣе говорится о дорогѣ отъ Копта до Береники, о южныхъ, пограничныхъ съ Египтомъ странахъ, о возмущеніи туземнаго населенія противъ греческаго и римскаго владычества и затѣмъ о различныхъ частныхъ вопросахъ, изъ коихъ въ литературно-историческомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія объ историкѣ Николаѣ Дамасскомъ и глава „Allessandria nel romanzo greco dei fatti d'Allessandro", въ которой авторъ искусно воспользовался псевдо-Каллисѳеномъ. Вообще все сочиненіе отличается тою основательностью и знаніемъ дѣла, которыхъ слѣдовало ожидать отъ автора „Les recherches sur l'économie politique de l'Egypte sous les Lagides" (1872). Должно однако сказать, что книга не вполнѣ исчерпываетъ предметъ, къ которому относится заглавіе; христіанско-александрійскою литературой авторъ воспользовался только отчасти, тогда какъ она могла бы во многомъ дополнить его изложеніе, напримѣръ при описаніи мирнаго сліянія греческаго и египетскаго культа.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОСТОЯНІЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ЗВАНІЙ ВЪ РОССІИ ДО XVI ВѢКА.

Письменная математическая литература у тѣхъ народовъ, которые не заимствовали у другихъ математическія знанія, напримѣръ, у Египтянъ и Халдеевъ, появлялась весьма поздно, когда уже первоначальныя математическія знанія—владѣніе числомъ и мѣрою—успѣли достигнуть, говоря относительно, довольно высокой степени развитія. Эти послѣднія знанія пріобрѣтались постепенно, трудомъ длиннаго ряда поколѣній, при посредствѣ наблюденія и опыта и черезъ приложеніе простѣйшихъ индуктивныхъ и эмпирическихъ методовъ, и сохранялись путемъ устной передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Приложеніе письма къ сохраненію этихъ знаній и ихъ дальнѣйшему развитію, сосредоточивавшее научную дѣятельность въ рукахъ кружка немногихъ избранныхъ, не останавливало, да и не могло остановить дальнѣйшаго развитія этой, такъ-сказать, народной математики—въ ея первоначальномъ направленіи. Это развитіе продолжало идти своимъ путемъ, можетъ быть, достигая въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчательныхъ въ отношеніи своеобразія результатовъ. Сказанное сейчасъ о самостоятельномъ развитіи народной математики даже послѣ появленія письменной математической литературы не только остается во всей своей силѣ, но и пріобрѣтаетъ несравненно большее значеніе въ тѣхъ гораздо болѣе многочисленныхъ случаяхъ, когда письменная математическая литература народа была заимствованною, когда, слѣдовательно, она не являлась естественнымъ продолженіемъ народной математики и могла быть чуждою для послѣдней, какъ по точкамъ исхода, такъ и по направленію.

Библиотека "Руниверс"

Но въ настоящее время изученіе этой собственно народной математики находится еще въ зародышѣ. Кромѣ изслѣдованій филологовъ о числительныхъ именахъ и системахъ счисленій у различныхъ народовъ да отрывочныхъ свѣдѣній, доставленныхъ путешественниками и этнографами, о математическихъ знаніяхъ тѣхъ или другихъ племенъ и народовъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ такомъ же положеніи находится и дѣло изученія народной математики, какъ самого Русскаго народа, такъ и инородцевъ, обитающихъ въ Россіи. Вслѣдствіе того мы вынуждены ограничить наши изслѣдованія касательно развитія математическихъ знаній въ Россіи только одними памятниками письменной математической литературы, цѣликомъ заимствованной, какъ увидимъ впослѣдствіи, у сосѣднихъ народовъ — изъ сокровищницы общечеловѣческой науки. Отъ изображенія развитія народныхъ математическихъ знаній въ эпохи, предшествующія введенію письменности, а также отъ изученія явленій, представляемыхъ развитіемъ народной математики въ позднѣйшія эпохи, намъ приходиться отказаться, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда эти явленія оставляли болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ письменной математической литературѣ, намъ удастся приходить съ ними въ нѣкоторое соприкосновеніе и такимъ образомъ достигать нѣкоторыхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ выводовъ о характерѣ русской народной математики и ея направленіи [1]).

---

[1]) Пробѣлы въ исторіи развитія математическихъ знаній въ Россіи, происходящіе вслѣдствіе такого положенія даннаго вопроса, имѣютъ существенное значеніе; восполнить ихъ, или по крайней мѣрѣ собирать матеріалы для того, крайне необходимо, и всякая добросовѣстная работа по этой части принесетъ общей исторіи математики существенную пользу. Изъ подлежащихъ собранію памятниковъ русской народной математики мы назовемъ слѣдующіе: 1) счисленіе и счетъ; 2) пріемы мѣры и вѣса; 3) геометрическія свѣдѣнія и ихъ выраженіе въ постройкахъ, рукодѣліяхъ, нарядахъ и украшеніяхъ; 4) способы межеванія; 5) народныя задачи; 6) пословицы, загадки и вообще произведенія народной словесности, имѣющія отношеніе къ математическимъ знаніямъ; 7) памятники древней народной математики, находящіеся въ старинныхъ рукописяхъ, музеяхъ, коллекціяхъ и т. д. или находимые при раскопкахъ кургановъ, могилъ, городищъ и т. д. Только послѣ накопленія этихъ матеріаловъ въ достаточномъ количествѣ станетъ возможнымъ изученіе русской народной математики въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такого рода изслѣдованія могутъ, между прочимъ, обнаружить особенности, свойства и характеръ, математическаго таланта націи въ ихъ существенныхъ, основныхъ и, слѣдовательно, непреходящихъ чертахъ. Главная, такъ сказать—опредѣляющая роль въ направленіи и ходѣ развитія математическихъ

Библиотека "Руниверс"

Греко-болгарское духовенство, пришедшее въ Россію послѣ принятія ею христіанства при Владимірѣ Святомъ, принесло съ собою новую для Русскаго народа форму письменности—кириллицу—и положило начало школамъ и первоначальному школьному образованію. Курсъ ученія въ этихъ школахъ ограничивался исключительно грамотою и изученіемъ Псалтыри и Часослова. Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія единогласно убѣждаютъ насъ въ томъ, что какъ въ эти первыя времена, такъ и впослѣдствіи до второй половины XVII столѣтія ни одна наука или, какъ говорили въ XVI и XVII вѣкахъ, „свободная мудрость", не преподавалась въ этихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе любознательность, недовольство узкими рамками школьнаго преподаванія и стремленіе расширить ихъ давали себя чувствовать на Руси даже и во времена, весьма близкія къ первоначальному заведенію школъ. У монаха Кирика, писателя первой половины XII столѣтія, о которомъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже, мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о „числолюбцахъ и риторахъ". Нѣсколько позже, въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія, духовенство въ лицѣ святого Ефрема зачисляетъ въ число отреченныхъ книгъ, въ которыя не долженъ заглядывать „добровѣрующій" христіанинъ, „астронумѣю (астрономію), звѣздочетье и землемѣрье". Учиться этимъ наукамъ любознательные Русскіе люди должны были, слѣдовательно, внѣ школъ, при помощи знающихъ людей, или самостоятельно изъ письменныхъ книгъ. Каковы были эти книги, и изъ какихъ источниковъ черпались математическія знанія въ эпоху, предшествовавшую XVI столѣтію,—мы не знаемъ. Но что эти источники существовали—въ томъ убѣждаетъ насъ несомнѣннымъ образомъ возможность появленія въ XII столѣтіи такихъ знатоковъ пасхаліи и счетной мудрости, каковъ былъ Кирикъ.

Кирикъ жилъ въ первой половинѣ XII столѣтія. По его собственнымъ словамъ, относящимся къ 1134 году, онъ былъ діакономъ и доместикомъ (уставщикомъ) Новгородскаго Антоніева монастыря. Такъ

наукъ въ извѣстной націи, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, принадлежатъ, очевидно, именно этимъ постояннымъ непреходящимъ національнымъ чертамъ. Знаніе этихъ чертъ становится, слѣдовательно, существенно необходимымъ для установленія правильныхъ, строго-научныхъ, философскихъ взглядовъ на состояніе математики у извѣстной націи, иначе говоря, для пониманія явленій, представляемыхъ жизнью науки у этой націи, во-первыхъ, и для предвидѣнія хода ея дальнѣйшаго развитія, во-вторыхъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ въ это время, то-есть, въ 1134 году, онъ считалъ себѣ 26 лѣтъ, то годомъ его рожденія нужно признать 1108 годъ. Первыя свѣдѣнія о Кирикѣ доставлены статьею, озаглавленною „Вопрашаніе Кюриково (Кюрьяково), еже въпраша Епископа Новгородьского Нифонта и инѣхъ", списки которой находятся во многихъ старописьменныхъ кормчихъ книгахъ. Эта статья — одинъ изъ памятниковъ русской словесности XII вѣка—состоитъ изъ вопросовъ, предложенныхъ Кирикомъ относительно религіозныхъ обрядовъ и постановленій, умѣстности съ религіозной точки зрѣнія различныхъ житейскихъ пріемовъ и обычаевъ и проч., и изъ отвѣтовъ на эти вопросы со стороны лицъ, къ которымъ они были обращены, — Новгородскаго епископа Нифонта, игумена и затѣмъ также Новгородскаго епископа Аркадія, перваго новгородскаго архіепископа Иліи и малоизвѣстныхъ лицъ— Савина, Клима, игуменьи Марины и епископскаго черница Луки-Евдокима. Многіе изъ этихъ вопросовъ позволяютъ составить самое выгодное понятіе объ умѣ и степени начитанности ихъ автора. Священное Писаніе, соборныя постановленія, творенія св. отцевъ были, по видимому, весьма близко извѣстны Кирику. Разсматриваемая статья была напечатана въ Москвѣ въ „Памятникахъ россійской словесности XII вѣка", изданныхъ въ 1821 году К. Калайдовичемъ; но кромѣ указаній о времени жизни и имени, эта статья не давала никакихъ свѣдѣній о Кирикѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ были доставлены другимъ его трудомъ, открытымъ въ Новгородской Софійской библіотекѣ въ сборникѣ подъ № 475. Этотъ трудъ есть хронологическая статья, озаглавленная „Кирика діакона и доместика Новгородскаго Антоніева монастыря ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ". Эта статья для исторіи развитія въ Россіи математическихъ знаній имѣетъ особенно важное значеніе. Поэтому, мы должны разсмотрѣть ее болѣе подробно. Первымъ ознакомленіемъ съ содержаніемъ этой статьи русская ученая публика обязана Евгенію, митрополиту Кіевскому и Галицкому, изложившему это содержаніе въ статьѣ „Свѣдѣніе о Кирикѣ, предлагавшемъ вопросы Нифонту, епископу Новогородскому", помѣщенной имъ въ Трудахъ Общества любителей россійской словесности 1828 года [1]).

„Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ" состоитъ изъ 19-ти перенумерованныхъ параграфовъ. Вычисленія начинаются со

[1]) Часть IV, книга I, стр. 122.

Библиотека "Руниверс"

втораго параграфа и оканчиваются послѣднимъ. Разсмотримъ содержаніе каждаго изъ нихъ отдѣльно.

§ 2-й содержитъ въ себѣ опредѣленіе числа мѣсяцевъ, прошедшихъ отъ сотворенія міра. Въ дошедшемъ до насъ спискѣ сохранилась только часть этого числа, именно 9728 (вмѣсто 79728). Для нахожденія этого числа рекомендуется считать по 12 мѣсяцевъ въ каждомъ году.

§ 3-й посвященъ опредѣленію числа недѣль, протекшихъ отъ сотворенія міра, но найденное число въ дошедшемъ до насъ спискѣ, по видимому, пропущено писцомъ. Для отысканія этого числа предлагается слѣдующее правило: Въ одномъ году (лѣтѣ) 52 недѣли и одинъ день и четверть дня; изъ этой четверти на четвертый годъ составится одинъ день; сперва слѣдуетъ счесть число полныхъ недѣль, содержащихся во всемъ числѣ лѣтъ; затѣмъ „избыточные“ дни и четверти дня нужно привести въ недѣли, считая въ каждой по семи дней. Приложеніемъ этого числа недѣль къ прежде найденному числу опредѣляется искомое.

§ 4-й содержитъ въ себѣ опредѣленіе числа дней, протекшихъ отъ сотворенія міра. Число это изображено слѣдующимъ образомъ: 24 невѣдіи (сотни тысячъ) и 6721, при чемъ число десятковъ тысячъ—2—пропущено. Для отысканія этого числа предлагается слѣдующее правило: Сперва опредѣляютъ число дней, считая въ каждомъ году по 300 по 60 и по 5 дней; затѣмъ считаютъ високосные дни и число ихъ прикладываютъ къ прежде найденному.

§ 5-й посвященъ опредѣленію числа дневныхъ часовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра. Число это дано въ слѣдующемъ неполномъ видѣ: 200 невѣдіи (сотни тысячъ) и 90 невѣдіи и 1 (невѣдіе) 652 часа, при чемъ число десятковъ тысячъ—2—пропущено. Для нахожденія этого числа предлагается, принимая по 12 дневныхъ часовъ въ каждомъ днѣ, счесть число часовъ сперва въ недѣлѣ, потомъ въ мѣсяцѣ и годѣ. Окончательный результатъ получался, по видимому, черезъ послѣдовательное прикладываніе другъ къ другу чиселъ дневныхъ часовъ, содержащихся въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ годовъ. Вѣроятно въ утѣшеніе „промузговъ, числолюбцевъ и риторовъ“, желающихъ взяться за трудное дѣло предлагаемыхъ вычисленій, Кирикъ заканчиваетъ параграфъ разсужденіемъ: „по малу бо созидается градъ и велій бываетъ; тако и вѣданіе по малу на много приходитъ“.

§ 6-й содержитъ въ себѣ „ученіе объ индиктѣ“, опредѣляемомъ какъ 15-ти лѣтній періодъ (кругъ), начинающійся каждый разъ съ сентября·

Библиотека "Руниверс"

Для опредѣленія, какимъ годомъ индикта является какой-нибудь разсматриваемый годъ, предлагается слѣдующее правило: Все число лѣтъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до разсматриваемаго года включительно, нужно разложить на группы, по 15-и въ каждой, тогда число лѣтъ, оставшихся за исчисленіемъ полныхъ круговъ индикта, выразитъ желаемое. „Если останется одинъ годъ, то разсматриваемый годъ будетъ первымъ въ индиктѣ; если два года, то—вторымъ; если 15 лѣтъ, то—пятнадцатымъ". Для примѣра разсматриваемымъ годомъ берется годъ написанія статьи—6644-й отъ сотворенія міра. Оказывается, что до этого года полныхъ круговъ индикта „изошло 442" и что самъ онъ составляетъ 14-й годъ текущаго индикта.

§ 7-й трактуетъ о солнечномъ кругѣ. Солнечный кругъ опредѣляется какъ 28-ми-лѣтній періодъ, начинающійся каждый разъ съ 1-го октября. Опредѣленіе нумера какого-нибудь года въ соотвѣтствующемъ солнечномъ кругѣ ведется по слѣдующему правилу: „Разочти вся лѣта отъ зачала міру по 28"; число лѣтъ, оставшееся послѣ исчисленія и меньше 28, выразитъ искомый нумеръ. „Тѣмъ чти Пасху и всѣ мѣсяцы. Если одно лѣто останется, то разсматриваемый годъ будетъ первымъ въ солнечномъ кругѣ, если два, то вторымъ, если 28, то 28-мъ". Для примѣра, какъ и прежде, опредѣляется въ соотвѣтствующемъ солнечномъ кругѣ нумеръ года написанія статьи. Оказывается, что до этого года „изошло отъ Адама 237 солнечныхъ круговъ и послѣдняго круга идетъ восьмое лѣто, имъ же и Пасху я обрѣлъ сего лѣта 6644".

§ 8-й посвященъ „разумѣнію" луннаго круга, чего „нельзя не вѣдати". Лунный кругъ опредѣляется какъ 19-тилѣтній періодъ, начинающійся каждый разъ съ 1-го января. Опредѣленіе нумера какого-нибудь года въ соотвѣтствующемъ лунномъ кругѣ ведется по правилу, отличающемуся отъ правилъ двухъ предыдущихъ параграфовъ только числомъ лѣтъ—19. Приложеніе этого правила къ году написанія статьи показываетъ, что „есть отъ Адама лунныхъ круговъ до сюду полчетверта ста безъ единаго, то-есть, 349, а послѣдняго круга идетъ 13-е лѣто; имъ же и Пасху я обрѣлъ сего лѣта 6644".

§ 9-й содержитъ въ себѣ результатъ опредѣленія числа „вѣковъ міра", протекшихъ „отъ Адама" до года написанія статьи. Этихъ вѣковъ оказывается шесть, „а седьмаго вѣка минуло лѣтъ 644, такъ какъ тысяча лѣтъ составляютъ одинъ вѣкъ".

§§ 10—13 имѣютъ дѣло съ предметами, очевидно заимствованными изъ области древней астрологіи. Именно въ нихъ опредѣляются

Библиотека "Руниверс"

соотвѣтственно числа поновленій, считая отъ Адама, небесъ, земли, моря и водъ. Первое изъ этихъ поновленій совершается, по словамъ Кирика, „за 80 лѣтъ", второе—„за 40 лѣтъ", третье—„за 60 лѣтъ" и четвертое „за 70 лѣтъ". „Поновленій небесъ отъ Адама въ 6644 лѣтахъ есть 83 и избывается послѣдняго круга 4 лѣта". „Земленыхъ поновленій въ томъ же числѣ лѣтъ 166, а послѣдняго поновленія 4 лѣта". „Поновленій моря въ столькихъ же лѣтахъ есть 110, да послѣднихъ лѣтъ остается 44". Наконецъ, „поновленій водъ изошло отъ Адама до нынѣ 94 и остается лѣтъ 64".

Въ § 14-мъ содержится результатъ опредѣленія числа високосныхъ годовъ, прошедшихъ отъ Адама. Этихъ годовъ оказывается 1660 и одинъ, приходящійся на годъ написанія статьи, такъ какъ „високосъ бываетъ на четвертое лѣто".

§ 15-й трактуетъ „о великомъ кругѣ", опредѣляемомъ какъ 532-хлѣтній періодъ. Въ этомъ параграфѣ дается только результатъ опредѣленія числа великихъ круговъ, „минувшихъ отъ Адама". Этихъ круговъ оказывается 12, „а тринадцатаго изошло лѣтъ 260".

Остальные §§ 16—18 не содержатъ въ себѣ ни вычисленій, ни ихъ результатовъ. Въ нихъ соотвѣтственно описывается составъ года изъ мѣсяцевъ обыкновенныхъ или, какъ называетъ Кирикъ, книжныхъ и лунныхъ, изъ недѣль и изъ дней.

Послѣдній параграфъ „Ученія", почему-то не имѣющій нумера, представляетъ общій сводъ свѣдѣній, относящихся къ году написанія статьи и пріобрѣтенныхъ въ предыдущихъ параграфахъ, впрочемъ съ нѣкоторыми дополненіями. Эти дополненія состоятъ въ обозначеніи дня Пасхи (22-е марта), продолжительности Петрова поста, числа лѣтъ, долженствующихъ пройдти отъ разсматриваемаго года до того, когда Пасха опять придется на 22-е марта (248 лѣтъ), и наконецъ, въ указаніи числа лѣтъ (356), отдѣляющихъ разсматриваемый годъ отъ окончанія седьмаго тысячелѣтія.

Статья оканчивается слѣдующими словами: „Писахъ же въ Великомъ Новѣгородѣ азъ грѣшный и худый Калугеръ, Антоновскій Кирикъ Діаконъ Доместикъ церкви Святыя Богородица, при Гречестѣмъ Іоаннѣ, князю-же Святославу сыну Олегову въ княженіи живущу въ Новгородѣ лѣто 1, а отъ рода лѣтъ 30. Богъ же ему да продолжитъ лѣта. И еще, при архіепископѣ Новогородстѣмъ Нифонтѣ. Рожденія моего до сюда бяше лѣтъ 26, а мѣсяцевъ 312, а недѣль 1300, а дній 9500 безъ три дни, а часовъ (число, вѣроятно, искаженное переписчиками, ѧѧтѧ) а нощныхъ только же". Приведенныя

Библиотека "Руниверс"

здѣсь выраженія возраста Кирика въ мѣсяцахъ, недѣляхъ, дняхъ и часахъ были получены имъ, конечно, при посредствѣ тѣхъ же пріемовъ, которые употреблялись въ соотвѣтствующихъ случаяхъ въ предыдущемъ.

Вскорѣ послѣ открытія митрополитомъ Евгеніемъ разсматриваемой статьи Кирика, былъ найденъ болѣе полный списокъ ея. Этотъ списокъ содержится въ рукописи, принадлежавшей прежде Погодину и озаглавленной: „Сія книга 1 небеси створенія, 2 исхода, 3 левитская“ и проч. На стр. 340 этой рукописи находится хронологія Кирика, показывающая промежутки времени, протекшіе между каждыми двумя изъ особенно важныхъ событій библейской и церковной исторіи. Содержаніе ея слѣдующее:

Отъ Адама до потопа лѣтъ	2242
» потопа до «размѣшенія» языковъ	530
» размѣшенія языковъ до «начала Авраамля»	552
» перваго лѣта Авраамля до проитія (исхода) Жидовскаго за море лѣтъ	505
» исхода сыновъ Израилевыхъ до умертвія царя Давида	630
» начала царства Соломона до взятія Іерусалима	448
» плѣненія Іерусалима до умертвія Александра Македонскаго	261
» умертвія Александра до начала царствія Августа царя	290
» начала царствія Августа до Рождества Христова	42
» Рождества нашего Господа Іисуса Христа до воскресенія его	33
» воскресенія его и на небеса восшествія до перваго лѣта Константина	279
» перваго лѣта царства Константина до перваго Собора Никейскаго	13
» перваго Собора до втораго	60
» втораго до третьяго	5
» третьяго паки до четвертаго	10
» четвертаго до пятаго	100
» пятаго до шестаго паки лѣтъ есть	130
» шестаго до седьмаго	122
» седьмаго до послѣдняго Собора, до переложенія священныхъ книгъ на словенскій гласъ Святымъ Кириломъ философомъ есть лѣтъ	77
Отъ переложенія книжнаго до крещенія Русскія земли	123
Отъ крещенія Русскаго до сего лѣта 6644, въ которомъ я писалъ эти книги лѣтъ	
Отъ сего жъ лѣта до исполненія седьмой тысячи, то-есть седьмаго вѣка лѣтъ есть	356

Аминь.

Далѣе, на стр. 342—346 находится списокъ разсмотрѣнной выше статьи Кирика, но въ болѣе полной редакціи, такъ какъ въ немъ, кромѣ 18 параграфовъ списка митрополита Евгенія, находятся еще 9 слѣдующихъ параграфовъ (19—27), въ которыхъ разказывается соотвѣтственно о числѣ часовъ въ „единомъ лѣтѣ“ и въ „единомъ

Библиотека "Руниверс"

днѣ“ (§§ 19 и 20) и о „дробныхъ часѣхъ единаго дне“ (§§ 21—27). Часовъ въ „единомъ лѣтѣ“ оказывается 4380 и 3, а въ „единомъ днѣ“ 12, „а также и въ нощи“. „Дробными часами“ Кирикъ называетъ части часа, происходящія отъ раздѣленія послѣдняго на 5 частей и затѣмъ отъ раздѣленія также на 5 частей его пятой части, двадцать-пятой, сто-двадцать-пятой и т. д. Получаемые при этомъ послѣдовательномъ дѣленіи „дробные часы“ онъ называетъ по порядку ихъ нахожденія „вторыми“, „третьими“ и т. д. до „седьмыхъ“ включительно, заявляя, что „болеже сего не бываетъ, то-есть не рождаются отъ седмыхъ дробныхъ“. §§ 21—27 имѣютъ цѣлью выразить соотвѣтственно содержаніе этихъ часовъ въ днѣ и даютъ для этого числа 60, 300, 1500, 7000 (пропущено 500), 7500 (пропущено 30000), 1 (сотня тысячъ) 8 (десятковъ тысячъ) 7500 (аи҂зф҃ должно равняться 187500), 9 (сотенъ тысячъ) 7500 (пропущено 3 десятка тысячъ, такъ какъ вмѣсто 937500 написано ѳзф҃). Во всѣхъ разсматриваемыхъ параграфахъ нѣтъ никакихъ указаній на способы вычисленія, приведшіе Кирика къ даннымъ въ этихъ параграфахъ числамъ. Вслѣдствіе того мы лишены возможности что-нибудь сообщить о нихъ.

При выполненіи своихъ хронологическихъ вычисленій Кирику какъ показываетъ предыдущее изложеніе, приходилось имѣть дѣло съ каждымъ изъ четырехъ основныхъ ариѳметическихъ дѣйствій—сложеніемъ, вычитаніемъ, умноженіемъ и дѣленіемъ. Умѣнье производить эти дѣйствія, также какъ и хронологическія знанія, были добыты Кирикомъ, по всей вѣроятности, изъ византійскихъ источниковъ. Такъ какъ разсмотрѣнное выше сочиненіе Кирика не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на процессы выполненія имъ четырехъ основныхъ дѣйствій, то для возстановленія ихъ мы воспользуемся тѣмъ, что̀ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ. Сложеніе производилось чаще всего при помощи инструментальныхъ средствъ, слѣдовательно, почти механически. Сложеніе большихъ чиселъ при посредствѣ отдѣльныхъ сложеній единицъ, десятковъ, сотенъ и т. д. хотя и было извѣстно, но употреблялось рѣдко вслѣдствіе затрудненій, представляемыхъ существующими способами изображенія чиселъ. Чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ затрудненіяхъ, сравнимъ сложеніе слѣдующихъ чиселъ при прежнемъ способѣ ихъ изображенія (напримѣръ, въ греческихъ цифрахъ по обозначенію Евтокія) и при современномъ:

Библиотека "Руниверс"

$$\overset{\pi}{M} + \overset{\beta}{M},\vartheta + \overset{\alpha}{M}\overline{\chi\varepsilon} + \overline{\alpha\varphi} + \overline{\sigma\chi\varepsilon} + \overline{\psi\iota\nu} + \lambda\vartheta = \overset{\pi\nu}{M},\overline{\alpha\varphi\lambda\vartheta}$$

$$\begin{array}{rr} & 900000 \\ & 39000 \\ & 10000 \\ + & 1500 \\ & 225 \\ & 750 \\ & 30 \\ \hline & 951539 \end{array}$$

Умноженіе чаще всего разсматривалось какъ повторенное сложеніе. Въ этомъ видѣ оно встрѣчается, напримѣръ, въ сочиненіи De argumentis lunae (объ аргументахъ луны), написанномъ въ 944 году и назначенномъ для употребленія духовенства. Такъ для умноженія по этому способу числа 409 на 15 нужно умножить на 5 и на 10 сперва 400, а потомъ 9; для умноженія 400 на 5 составляется рядъ 400, 800, 1200, 1600, 2000 и послѣднее число этого ряда складывается съ числомъ 400, взятымъ 10 разъ, то-есть, съ 4000; такимъ же образомъ поступаютъ и относительно числа 9, то-есть, составляютъ рядъ 9, 18, 27, 36, 45 и послѣднее число 45 складываютъ съ 9, взятымъ 10 разъ; результаты обоихъ сложеній 6000 и 135 складываются, и въ суммѣ получается искомое произведеніе 6135. Извѣстенъ еще и другой, болѣе совершенный способъ умноженія многозначныхъ чиселъ. Мы находимъ его у Евтокія, жившаго въ VI вѣкѣ послѣ Р. Хр. комментатора сочиненій Архимеда. Для примѣра воспользуемся слѣдующимъ случаемъ этого умноженія въ переводѣ его на современныя цифры:

$$\begin{array}{l} 265 \\ 265 \\ \hline 40000, \quad 12000, \quad 1000 \\ 12000, \quad 3600, \quad 300 \\ 1000, \quad 300, \quad 25 \\ \hline 70225 \end{array}$$

Кирикъ, по видимому, пользовался именно этимъ способомъ умноженія. Намекъ на это содержится въ § 4, посвященномъ опредѣленію числа дней, прошедшихъ отъ сотворенія міра, гдѣ находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „если хочешь вѣдать дни, сколько

Библиотека "Руниверс"

ихъ есть до сего дня, или до какого-либо, то считай первое по 300 и по 60 и по 5 въ лѣтѣ, и когда совокупишь все то число, сочти опять сколько есть дней високосныхъ и приложи ко всѣмъ днямъ, и такимъ образомъ можешь вѣрно счесть ихъ". У Евтокія также мы находимъ примѣры, которые даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о томъ, какъ въ его время производилось дѣленіе цѣлыхъ чиселъ. Число 6152 дѣлится на 15. Съ этою цѣлью составляется рядъ чиселъ кратныхъ 15 отъ 15 до 6000, впрочемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями: 15, 30, 60, 90, 120, 150, 180, 210, 240, 270, 300, 600, 900, 1200, 1500, 1800, 2100, 2400, 2700, 3000, 6000. Остается 152; для раздѣленія этого остатка на 15 также составляется рядъ 15, 30, 60, 90, 120, 150. Остается 2. Примѣры Евтокія имѣютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ большее значеніе, что самъ Евтокій жилъ въ Восточной Римской имперіи.

Составитель кириллицы, какъ извѣстно, заимствовалъ систему численныхъ знаковъ и способъ изображенія чиселъ у Грековъ. Но это заимствованіе, какъ показываетъ статья Кирика, привилось у насъ вполнѣ не сразу. Это можетъ показаться страннымъ въ виду наличности законченнаго образца, но едва ли что-нибудь другое можетъ быть выведено изъ слѣдующихъ фактовъ, представляемыхъ статьею Кирика. Часть числа, состоящая изъ тысячъ, сотенъ, десятковъ и единицъ, всегда оказывается въ этой статьѣ написанною правильно, если не считать нѣсколькихъ немногихъ пропусковъ, очевидно—принадлежащихъ переписчику. Совершенно въ другомъ видѣ представляется часть числа, состоящая изъ высшихъ разрядовъ: въ ней не только часты пропуски и ошибки, но и вся она по способу своего изображенія представляетъ весьма характеристичныя отклоненія отъ греческаго оригинала. При изображеніи чиселъ на письмѣ, Греки, какъ извѣстно, различали часть числа, состоящую изъ тысячъ, отъ части числа, состоящей изъ единицъ первыхъ трехъ разрядовъ. Числа класса тысячъ изображались посредствомъ тѣхъ же знаковъ, какъ и числа класса единицъ; средствомъ различенія служило положеніе боковой черточки, которая ставилась сверху и справа отъ послѣдняго знака—въ случаѣ числа класса единицъ—и снизу и слѣва отъ перваго знака—въ случаѣ числа класса тысячъ. У позднѣйшихъ писателей, напримѣръ, у Евтокія, мы встрѣчаемся съ весьма важнымъ отступленіемъ отъ этого способа. Отступленіе это состояло во введеніи особаго знака—именно буквы М—для обозначенія десятка тысячъ, и въ помѣщеніи числа, выражающаго число десятковъ тысячъ,

Библиотека "Руниверс"

надъ знакомъ М, какъ это можно видѣть въ приведенныхъ выше примѣрахъ вычисленій. Способъ изображенія числа десятковъ и сотенъ тысячъ, употребляемый Кирикомъ, очевидно, сложился подъ вліяніемъ этого отступленія. Какъ показываютъ приведенныя выше изъ статьи Кирика числа, онъ называлъ сотни тысячъ „невѣдіями“ и изображалъ ихъ число отдѣльно отъ числа десятковъ тысячъ, прибавляя въ большинствѣ случаевъ къ первому его именованіе, то-есть, слово „невѣдіе“. Что же касается до десятковъ тысячъ, то ихъ число (всегда меньшее 10) помѣщалось между числами сотенъ тысячъ и тысячъ. Значеніе послѣдняго такимъ образомъ опредѣлялось занимаемымъ имъ мѣстомъ. Въ большей части чиселъ Кирика число десятковъ тысячъ, впрочемъ, оказывается пропущеннымъ. Такимъ образомъ оказывается, что способъ изображенія десятковъ тысячъ, употребляемый Евтокіемъ, непосредственно примѣняется у Кирика только къ сотнямъ тысячъ. Странность такого отступленія отъ греческаго оригинала, употребленіе слова „невѣдіе“ въ значеніи сотни тысячъ, и наконецъ, замѣчательно частые пропуски знаковъ и ошибки въ изображеніи части числа, состоящей изъ десятковъ и сотенъ тысячъ, наводятъ на мысль, что во времена введенія кириллицы Русскіе умѣли считать только до 10,000, и что введенное кириллицей дальнѣйшее распространеніе границъ счета усвоивалось Русскими медленно и постепенно.

Слѣдующимъ по времени за разсмотрѣнною статьею Кирика и столь же важнымъ въ отношеніи къ развитію математическихъ знаній въ Россіи памятникомъ являются нѣкоторыя изъ статей „Русской Правды“. Всѣхъ статей этого рода 17. Предметъ ихъ состоитъ или въ опредѣленіи количества скота (овецъ, козъ, свиней, лошадей и коровъ), происходящаго въ теченіе даннаго числа лѣтъ (12, 10 или 9) отъ даннаго числа самокъ (22 овцы или козы, 3 свиньи, двѣ или одна кобыла, одна корова) вслѣдствіе естественнаго размноженія, или въ опредѣленіи величины прибытка, доставляемаго даннымъ количествомъ извѣстнаго зерноваго хлѣба (40 копенъ ржи, 15 копенъ полбы, 21 половникъ молоченнаго овса и 6 половниковъ молоченнаго ячменя). Кромѣ того, въ трехъ изъ этихъ статей опредѣляются соотвѣтственно количество роевъ пчелъ, происходящихъ въ теченіе 12-ти лѣтъ отъ двухъ роевъ, число стоговъ сѣна, получаемыхъ съ луга въ теченіе 12-ти лѣтъ, и деньги, зарабатываемыя въ теченіе 12-ти лѣтъ лѣтнею работою двухъ женщинъ (вдовы съ дочерью). Въ каждой изъ этихъ статей содержится также опредѣленіе стоимости найденнаго числа

Библиотека "Руниверс"

соотвѣтствующихъ предметовъ; въ статьяхъ, относящихся къ овцамъ и коровамъ, кромѣ того, опредѣляются еще количества и стоимость получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ, то-есть, рунъ отъ овецъ и сыровъ и масла отъ коровъ. Изъ множества извѣстныхъ, болѣе или менѣе полныхъ, списковъ Русской Правды эти статьи содержатся только въ тѣхъ, которые находятся въ позднѣйшей Новгородской лѣтописи, извѣстной подъ названіемъ Софійскаго Временника. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Калачовымъ [1]), число этихъ списковъ не превышаетъ пяти (Карамзинскій, Бальзеровъ, Воскресенскій, Толстовскій V и Горюшкинскій). Нельзя не обратить вниманія на то знаменательное обстоятельство, что и статья Кирика, и разсматриваемыя статьи Русской Правды—новгородскаго происхожденія. По видимому, Новгородъ былъ не только колыбелью Русскаго государства, но и колыбелью русской образованности. Что касается до времени, къ которому относится составленіе разсматриваемыхъ статей Русской Правды, то оно не можетъ быть опредѣлено съ достаточною степенью точности. Списки, въ которыхъ содержатся эти статьи, относятся къ XV и XVI вѣкамъ, Горюшкинскій даже къ XVIII. Но выводить отсюда, что разсматриваемыя статьи составлены въ XV вѣкѣ, нѣтъ никакого основанія: вопервыхъ, потому что упомянутые списки представляютъ только болѣе или менѣе измѣненныя копіи болѣе древнихъ списковъ, и вовторыхъ, потому что Русская Правда, какъ источникъ права, имѣла силу только въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ [2]). Поэтому, за время составленія нашихъ статей мы должны принять время составленія самой Русской Правды, которая, какъ показываютъ изслѣдованія г. Калачова, въ полномъ своемъ составѣ есть произведеніе конца XII или начала XIII вѣка.

Для ознакомленія читателей съ содержаніемъ и формой изложенія разсматриваемыхъ статей Русской Правды мы приведемъ въ качествѣ примѣра статью объ овцахъ, какъ болѣе полную и почти свободную отъ ошибокъ и пропусковъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ. „А отъ 20 овець и отъ двою приплода на 12 лѣтъ 90,000 овець и 100 овець и 12 (овець) а барановъ 90,000 и 100 и 11 [3]) барановъ а

---

[1]) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе *Николая Калачова*. Москва. 1846.

[2]) Тамъ же. Положеніе X.

[3]) Въ подлинникѣ 12; но сличеніе съ послѣдующими вычисленіями, а также и съ данными статьи о козахъ, показываетъ необходимость сдѣланной поправки.

Библиотека "Руниверс"

всего барановъ и овецъ на 12 лѣтъ 180,000 и 200 и 23. А овца метана по 6 ногатъ а боранъ по 10 рѣзанъ а за то за все кунами 40,000 гривенъ и 5000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на боранѣхъ рупъ 300,000 и 60,000 и 400 и 40 и 6 рунъ а на тѣхъ рупѣхъ кунами 7000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 (50 въ Бальзеровомъ спискѣ) и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ а руно чтено по рѣзанѣ" [1]).

Наибольшій интересъ, представляемый разсматриваемыми статьями Русской Правды съ математической точки зрѣнія, сосредоточивается, очевидно, на двухъ предметахъ: вопервыхъ, на опредѣленіи приплода скота или прибытка зерноваго хлѣба въ теченіе опредѣленнаго времени, и вовторыхъ, на вычисленіи стоимости этого приплода или прибытка.

Изъ всѣхъ статей Русской Правды только пять — о пчелахъ, о не молоченной ржи, о не молоченной полбѣ, о молоченномъ овсѣ и о молоченномъ ячменѣ—представляютъ достаточно полноты и ясности для разрѣшенія вопросовъ о способахъ опредѣленія приплода или прибытка. Что же касается до всѣхъ остальныхъ, то онѣ или не содержатъ необходимаго эмпирическаго даннаго о величинѣ ежегоднаго прироста, или же представляются недостаточно ясно изложенными. Обращаясь поэтому къ разсмотрѣнію результатовъ вычисленій въ упомянутыхъ пяти статьяхъ, мы находимъ, что всѣ они въ большей или меньшей степени невѣрны. Такъ напримѣръ, въ статьѣ о не молоченной ржи [2]) данный тамъ результатъ 4660 копенъ не соотвѣтствуетъ другимъ даннымъ задачи и долженъ быть замѣненъ числомъ 5190 копенъ или, по отнятіи первоначальнаго числа копенъ—40, числомъ 5150. Не трудно видѣть, что это несогласіе даннаго результата съ истиннымъ не могло быть слѣдствіемъ опытной провѣрки послѣдняго такъ какъ древняя Русь не обладала ни нужнымъ для этого количествомъ рабочихъ рукъ, ни даже достаточнымъ количествомъ обработанной земли. Въ виду того въ настоящемъ случаѣ не остается ничего другаго, какъ признать преднамѣренную, можетъ быть, даже сообразованную съ эмпирическими данными, неточность вычисленія. Весьма возможно, что эта неточность происходила отъ стремленія къ округленію

[1]) Предварит. юрид. свѣдѣнія для полн. объясн. Русской Правды, стр. 90.

[2]) „А ржи немолоченные 40 копенъ а на ту рожь прибытка на одно лѣто 20 копенъ, а на всю 12 лѣтъ въ тои ржи прибытка 4000 копенъ и 600 и 60 копенъ ржи".

Библиотека "Руниверс"

чиселъ, получаемыхъ при требуемыхъ условіями вопроса и обстоятельствами времени послѣдовательныхъ вычисленіяхъ—стремленія, проистекающаго самымъ законнымъ образомъ изъ недостаточной опредѣленности условій вопроса и неточности эмпирическихъ данныхъ. Такъ, въ приведенной нами статьѣ о не молоченной ржи, отбрасывая отъ этихъ чиселъ числа разряда единицъ, мы получаемъ довольно близкій къ данному въ статьѣ числу результатъ 4700 копенъ. Получаемыя при этомъ числа суть слѣдующія: 60, 90, 130, 190, 280, 420, 630, 940, 1410, 2110, 3160 и 4740. Что это округленіе, если оно дѣйствительно существовало, сообразовалось съ эмпирическими данными,—видно изъ того, что въ статьѣ о не молоченной полбѣ данный результатъ превосходитъ истинный, тогда какъ въ каждой изъ остальныхъ четырехъ разсматриваемыхъ сейчасъ статей онъ меньше его. Изъ остальныхъ статей—въ трехъ (XXVII, XXVIII и XXIX), относящихся къ лошадямъ и коровамъ, данные результаты, при ограниченности данныхъ чиселъ, представляютъ по всей вѣроятности числа, добытыя эмпирически, то-есть, изъ непосредственнаго наблюденія. Что же касается до статей объ овцахъ, козахъ и свиньяхъ, то въ виду значительной величины данныхъ въ нихъ результатовъ, едва ли допускающей мысль о возможности ихъ опытной провѣрки, приходится предположить, что ихъ результаты получены болѣе или менѣе гадательно, на основаніи весьма неполныхъ и недостаточныхъ эмпирическихъ данныхъ.

Результаты вычисленія стоимости приплода или прибытка и получаемыхъ отъ скота продуктовъ, данные въ разсматриваемыхъ статьяхъ Русской Правды, совершенно точны и потому показываютъ, что составители этихъ статей были весьма хорошо знакомы съ умноженіемъ и дѣленіемъ, то-есть, съ дѣйствіями, представляющими для ихъ современниковъ наибольшія затрудненія. Дѣйствительно, при этихъ вычисленіяхъ приходилось, напримѣръ, множить 90112 на 6 и дѣлить 540672 на 20 или 901110 на 50. Особенно замѣчательно обнаруживаемое при этомъ составителями близкое знакомство съ превращеніемъ именованныхъ чиселъ, именно монетныхъ знаковъ низшаго наименованія—рѣзанъ и ногатъ—въ знаки высшаго наименованія—гривны, что достигалось относительно рѣзанъ дѣленіемъ даннаго ихъ числа на 50, а относительно ногатъ—дѣленіемъ на 20. Что касается до употребляемыхъ составителями способовъ производства дѣйствій, нужныхъ для полученія искомыхъ результатовъ, то за отсутствіемъ въ разсматриваемыхъ статьяхъ всякихъ указаній на этотъ предметъ, мы не можемъ сообщить о немъ

Библиотека "Руниверс"

ничего достовѣрнаго. По всей вѣроятности, эти способы были такіе же, какъ и употребляемые Кирикомъ.

Разсматриваемыя статьи Русской Правды показываютъ, значительные успѣхи въ счисленіи сравнительно съ знаніями Кирика. Обращеніе съ десятками и сотнями тысячъ, представлявшее такія затрудненія для современниковъ Кирика, стало вполнѣ доступнымъ для авторовъ статей Русской Правды, какъ это съ большою вѣроятностью можетъ быть выведено изъ полнаго отсутствія въ этихъ статьяхъ пропусковъ и ошибокъ, еще столь частыхъ у Кирика въ части чиселъ, состоящей изъ десятковъ и сотенъ тысячъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ право заключить, что къ началу XIII вѣка границы доступнаго для Русскихъ счета подвинулись впередъ до милліона. При этомъ нельзя не замѣтить, что усвоеніе новыхъ областей счета хотя и было достигнуто, но все еще не представляло достаточной степени прочности. Дѣйствительно, способъ изображенія чиселъ, принятый въ статьяхъ Русской Правды и состоящій въ разложеніи числа на разряды (напримѣръ, 300,000 и 60,000 и 400 и 40 и 6 рунъ, 70,000 и 3000 и 700 и 20 и 8 свиней, 30,000 и 6000 и 800 и 60 гривенъ и 4 гривны), показываетъ, что авторы еще не имѣли достаточной легкости и бѣглости въ обращеніи съ числами и законами ихъ изображенія.

Точность результатовъ вычисленій стоимости скота и различныхъ растительныхъ и животныхъ продуктовъ даетъ возможность съ совершенной точностью опредѣлить отношенія между употреблявшимися въ древней Руси денежными знаками. Произведенныя съ этою цѣлью вычисленія показываютъ, что гривна содержала въ себѣ 20 ногатъ или 50 рѣзанъ, а ногата—$2^1/_2$ рѣзаны. Интересны также данныя о существовавшихъ въ древней Руси цѣнахъ на скотъ и растительные или животные продукты:

Кобыла	стоила	3	гривны
Корова	„	2	„
Свинья	„	10	ногатъ
Вепрь.	„	6	„
Овца	„	6	„
Баранъ	„	4	„
Коза	„	6	„
Козелъ	„	6	„
Рой пчелъ съ медомъ . .	„	10	„
Руно съ одной овцы.	„	1	рѣзану

Библиотека "Руниверс"

Горнецъ масла.	„	10 „
Стогъ сѣна.	„	1 гривну

Въ заключеніе настоящаго изслѣдованія намъ остается разсмотрѣть вопросъ: съ какою цѣлью были введены разсматриваемыя статьи въ Русскую Правду? Самый фактъ введенія ихъ въ кодексъ права показываетъ, что при этомъ имѣлось въ виду ихъ практическое значеніе. Но признавать за ними такое значеніе въ дѣйствительности значитъ впадать въ очевидное заблужденіе. „Земледѣльческіе законы“ Юстиніана, послужившіе, по мнѣнію г. Калачова, образцомъ для разсматриваемыхъ статей Русской Правды, имѣютъ совершенно другой характеръ и далеки отъ крайностей послѣднихъ. Наши авторы, если и подражали этому (мнимому) уставу Юстиніана, то зашли въ этомъ подражаніи весьма далеко. Созданіе этихъ статей, по всей вѣроятности, вызвано свойственною новичкамъ въ наукѣ склонностью до крайности преувеличивать значеніе практическихъ приложеній пріобрѣтенныхъ ими теоретическихъ знаній. Вліяніе этой склонности къ преувеличенію, хотя и въ несравненно меньшей степени, замѣтно и у Кирика.

Межеваніе земель существовало въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, можетъ быть, съ самаго основанія государства или даже ранѣе. Первое письменное свидѣтельство о немъ встрѣчается, впрочемъ, значительно позже, именно въ Русской Правдѣ, изданной дѣтьми Ярослава между 1054 и 1068 годами, гдѣ полагается пеня за нарушеніе полевыхъ и лѣсныхъ межъ [1]). Позднѣе, въ уставѣ Владиміра Мономаха различаются уже три рода межъ: бортныя, ролейныя (пахатныя) и дворовыя [2]). Какъ показываетъ изложеніе соотвѣтствующихъ статей этого устава, границы лѣсныхъ владѣній обозначались перетесами, то-есть, замѣтками на деревьяхъ, границы пахатныхъ полей—обыкновенными межами, вырытыми рвами или межевыми деревьями, и наконецъ дворовые участки ограничивались тыномъ или

---

[1]) «А иже межу переореть, любо перетесъ, то за обиду 12 гривенъ». См. Древнѣйшее Русское право *Эверса*, стр. 362; также *Иванова*, Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. 1846; стр. 3.

[2]) «Аже разнаменуетъ боргъ, то 12 гривенъ. Аже межу перетнетъ оборт-ную, и ролейную разореть, или дворовую тыномъ перегородитъ межю, то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ потнетъ знаменный, или межевый, то 12 гривенъ продажи». См. Русская Правда, изд. *Дубенскимъ*, стр. 56, также *Иванова*, «Опытъ» и пр., стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

заборомъ. Въ другихъ статьяхъ того же устава опредѣляются пошлины за рѣшеніе межевыхъ дѣлъ присягою или судомъ [1]). Упоминается также и о разграниченіи промысловъ между звѣроловами и птицеловами [2]).

Каковы были способы межеванія, употреблявшіеся Русскими въ домонгольскій періодъ, въ настоящее время еще не сдѣлалось извѣстнымъ. Но что они существовали, въ томъ убѣждаетъ насъ установленный сейчасъ фактъ существованія межеванія. Основываясь на приведенномъ въ началѣ настоящаго очерка запрещеніи св. Ефремомъ чтенія книгъ по землемѣрію, мы можемъ пойдти далѣе и сказать, что разсматриваемыя правила были изложены въ особыхъ, спеціально посвященныхъ имъ сочиненіяхъ; но до сихъ поръ таковыхъ еще не найдено. Очень возможно также, что эти способы сохранились и до настоящаго времени въ крестьянскомъ населеніи нѣкоторыхъ мѣстностей въ болѣе или менѣе ясномъ выраженіи.

Опустошительное нашествіе Татаръ на Россію въ 1237 году и послѣдовавшій затѣмъ почти 250-ти-лѣтній тяжелый гнетъ Монгольскаго ига нанесли тяжкій ударъ благосостоянію Россіи и надолго остановили въ ней развитіе научныхъ знаній. За все время монгольскаго ига (1237—1480) мы не только не находимъ ни одного выдающагося математическаго произведенія, но и вообще не встрѣчаемъ, на сколько намъ извѣстно, оригинальныхъ произведеній, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ математикѣ. Такія произведенія начинаютъ мало по малу появляться только послѣ сверженія Монгольскаго ига, то-есть, съ послѣднихъ годовъ XV столѣтія. Именно въ это время, въ 1592 году, окончился Пасхальный или Великій міротворный кругъ; вмѣстѣ съ нимъ отслужили свой срокъ и сдѣланныя для него прежде пасхальныя вычисленія. Явилась настоятельная нужда въ продолженіи этихъ вычисленій и на періодъ наступающаго новаго пасхальнаго круга. Удовлетвореніемъ этой потребности, какъ и слѣ-

---

[1]) «А се оуроци ротнии: отъ головы 30 коунъ, а отъ бортной земли 30 коунъ бестреи коунъ, такоже и отъ ролеиной земли». См. Древн. Русск. Право *Эверса*, стр. 399. «А се оуроци судебни отъ бортной земли 30 коунъ». См. *Иванова* Опытъ и проч., стр. 4.

[2]) «Аже перетнетъ вървъ въ перевесѣ, то 3 гривнѣ продажи, а за вървъ гривна кунъ. Аже кто оукрадетъ въ чіемъ перевесе песъ, или соколъ или ястребъ, то продаже 3 гривны». См. Древн. Русск. Право *Эверса*, стр. 407; *Иванова*, «Опытъ» и проч., стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

довало ожидать, занялось духовенство. Новгородскій архіепископъ Геннадій произвелъ пасхальныя вычисленія для первыхъ 70 лѣтъ новаго пасхальнаго круга. Таблицы, содержащія результаты этихъ вычисленій, находятся въ рукописи XVII столѣтія, принадлежавшей прежде графу Ѳ. А. Толстому [1]), а нынѣ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и озаглавленной: „Кругъ Великій міротворный или Пасхалія на осмую тысячу лѣтъ, составленная Геннадіемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, съ приложеніемъ выписки изъ словъ преподобнаго Іосифа Волоцкаго на еретиковъ Новгородскихъ и другихъ статей, къ сему предмету принадлежащихъ". Вычисленія Геннадія были произведены по повелѣнію собора. Имъ предшествовала работа митрополита Зосимы, который соборнѣ вывелъ Пасхалію на 20 лѣтъ осмыя тысячи. Выводы митрополита Зосимы были повѣрены Пермскимъ епископомъ Филоѳеемъ. Многія изъ послѣдующихъ духовныхъ лицъ продолжили таблицы Геннадія далѣе на слѣдующіе годы. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ продолженій является Пасхалія „Новгородскаго Софійскаго собора, при церкви святыхъ Гурія, Самона и Авива" священника Агаѳона составленная въ 1540 году [2]).

Въ періодъ Монгольскаго ига и особенно въ концѣ его совершилось событіе, имѣвшее весьма важное значеніе для развитія русскаго просвѣщенія. Мы говоримъ о постепенномъ паденіи вліянія на Россію византійской образованности и о замѣнѣ его вліяніемъ Запада. Какъ глубоко пала древне-греческая образованность въ Византіи по отношенію къ наукамъ математическимъ, всего лучше можно видѣть изъ того въ высшей степени знаменательнаго факта, что, имѣя, напримѣръ, въ своихъ книгохранилищахъ подлинныя произведенія астронома Птолемея, византійскіе ученые не могли пользоваться ими и должны были черпать свои астрономическія знанія изъ различныхъ обработокъ и переводовъ на греческій языкъ жалкихъ персидскихъ астрономическихъ компиляцій. Такъ, въ 1322 году появилась въ свѣтъ сдѣланная неизвѣстнымъ переводчикомъ обработка персидскаго астрономическаго сочиненія Шамсальдина Бухарскаго. Въ томъ же направленіи работали и другіе византійскіе ученые изъ которыхъ главнѣйшими были слѣдующіе: Хіоніадъ Константинопольскій,

[1]) См. Описаніе славяно-россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого, изданное *Калайдовичемъ* и *Строевымъ*, отд. I, № 63.

[2]) Тамъ же. Отдѣленіе II, № 17. Рукопись конца XVII столѣтія.

Библиотека "Руниверс"

живший въ первой половинѣ XIV столѣтія, Георгъ Хризококцесъ въ 1346 году, Ѳедоръ Мелитеніота, живший, по видимому, въ царствованіе императора Іоанна Палеолога въ 1361 г., и извѣстный составитель двухъ византійскихъ сочиненій по геодезіи и геометріи монахъ Исаакъ Аргира, живший около 1368 года. Съ XVI столѣтія обнаруживается знакомство образованнѣйшихъ изъ Русскихъ людей съ произведеніями писателей Западной Европы. Такъ, въ одномъ сборникѣ XVI—XVII вѣка, принадлежавшемъ прежде библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, а теперь хранящемся въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи, между прочимъ, содержится такая статья: „а это перечень лѣтамъ отъ начала міра до сего настоящаго лѣта 7044-го. По нашему русскому счету отъ созданія Адама до воплощенія Христова 5500, а по римскимъ лѣтописцамъ 5210 лѣтъ; а отъ Христова воплощенія до нынѣшняго настоящаго лѣта 7044-го по нашему русскому счету прошло лѣтъ 1543 а четвертое настало, а по латинскому счету отъ рождества Христова лѣтъ 1535, а шестое настанетъ съ рождества Христова. Иначе у насъ. различіе въ лѣтахъ съ латинскимъ счетомъ слѣдующее: до рождества Христова у насъ болѣе прошло лѣтъ на 290, а по рождествѣ Христовомъ по нашему же счету по русскому прошло также болѣе латинскаго счета на 8 лѣтъ. Такъ писалъ Исидоръ епископъ Испаленьскый, а въ другихъ латинскихъ лѣтописцахъ я не знаю есть ли согласіе съ тѣмъ или нѣтъ; можетъ быть въ той книгѣ описка". За этою статьей слѣдуетъ другая—о счетѣ лѣтъ изъ книги Исидора „епископа Испаленьскаго". Въ ней помѣщенъ перечень лѣтъ отъ сотворенія міра до императора Ираклія, раздѣленный на шесть временъ: 1-е время—до потопа: 2242; при этомъ замѣтка: „доселѣ счетъ римскій ровенъ съ русскимъ". 2-е время—до Зороастра: 3184. 3-е время—до Давида: 4124. 4-е время—до Еврейскаго плѣненія: 4609. 5-е время—до рождества Спасителя: 5210 и 6-е до императора Ираклія 5807. Обѣ эти статьи, какъ показываетъ первая изъ нихъ, написаны въ 1536 году или же, по счету записавшаго, въ 1543 году[1]). Имя писателя, упоминаемаго приведенными сейчасъ мѣстами сборника, очень хорошо характеризуетъ степень умственнаго развитія, достигнутаго въ эту эпоху Россіею въ лицѣ ея передовыхъ представителей. Исидоръ Севильскій (Hispalensis), умершій въ 636 году, написалъ весьма

[1]) *Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XL, стр. 95—96.

Библиотека "Руниверс"

распространенную въ средніе вѣка, особенно въ теченіе первой ихъ половины, энциклопедію, озаглавленную Origines или Etymologiae. Эта энциклопедія причисляетъ, по примѣру Марціана Капеллы, ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію къ свободнымъ художествамъ (artes liberales, „свободныя мудрости“ нашихъ старинныхъ книжниковъ), отводя имъ, впрочемъ, очень немного мѣста, не болѣе четырехъ страницъ. Совершенно игнорируя реальное содержаніе этихъ предметовъ, изложеніе Исидора ограничивается только сообщеніемъ опредѣленій и грамматическимъ объясненіемъ искусственныхъ выраженій. Обращеніе къ такому писателю, какъ Исидоръ Севильскій въ XVI вѣкѣ, когда просвѣщеніе западной Европы достигло уже весьма высокой степени развитія, бросаетъ яркій свѣтъ на отсталость Россіи отъ западной Европы и раздѣляющую ихъ въ этомъ направленіи пропасть. Другимъ, и притомъ болѣе крупнымъ свидѣтельствомъ совершавшейся замѣны византійскаго вліянія вліяніемъ Запада является знакомство нашихъ предковъ разсматриваемой эпохи съ ученіемъ Коперника. Доказательствомъ тому служитъ полемическое сочиненіе ученаго Максима Грека противъ Коперника, называемаго имъ Николаемъ Нѣмчиномъ. Это сочиненіе, озаглавленное „На Николая Нѣмчина предестника звѣздочетца“, написано въ концѣ XVI столѣтія. Оно трактуетъ ученіе Коперника, согласно съ богословами Запада, какъ богопротивную ересь. Списокъ этого сочиненія находится, между прочимъ, въ скорописной рукописи конца XVI или начала XVII столѣтія, принадлежавшей прежде библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго, а нынѣ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]).

Начиная съ монгольскаго періода, межеваніе земель въ Россіи вступаетъ, по видимому, въ новый фазисъ своего развитія и получаетъ при этомъ несравненно большее распространеніе и значеніе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Изъ области исключительныхъ интересовъ частныхъ лицъ оно переходитъ въ область интересовъ общегосударственныхъ, и притомъ важнѣйшихъ. Какъ не только на главную, но и на единственную причину этого перехода, мы должны указать на принятіе за основаніе раскладки податей имущества и промысловъ лицъ. „А платить по силѣ, по мірскому разрубу по животомъ (имуществамъ) и промысломъ“, весьма нерѣдко говорится

[1]) Описаніе славяно-россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстаго, изданное *Калайдовичемъ* и *Строевымъ*, отдѣленіе I, № 190.

Библиотека "Руниверс"

въ грамотахъ Монгольскаго періода при описаніи раскладки податей. Но важнѣйшимъ видомъ имущества въ земледѣльческой Россіи была, конечно, земельная собственность. Отсюда важность для государства точнаго опредѣленія величины земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Починъ введенія этого новаго принципа раскладки податей принадлежитъ, по видимому, Монголамъ, которые, по словамъ Никоновской лѣтописи, прислали въ 1257 году „численниковъ" для „изочтенія" земель Суздальской, Рязанской и Муромской и для установленія въ нихъ „уряда" съ цѣлью, по видимому, раскладки податей на основаніи новаго устава о налогахъ, изданнаго третьимъ преемникомъ Чингисхана, ханомъ Мункомъ. Затѣмъ уже разсматриваемый принципъ началъ мало по малу входить въ употребленіе въ княжествахъ сѣверо-восточной и юго-западной Руси.

Вызванное указанными причинами, широкое развитіе межеванія дѣлало необходимымъ существованіе людей, спеціально занимающихся этимъ дѣломъ. Эти люди составляли особое служилое сословіе и были извѣстны подъ именемъ писцовъ. Первое упоминаніе о писцахъ въ дошедшихъ до насъ древнихъ грамотахъ относится ко второй половинѣ XIV вѣка, именно къ 1361 — 1365 гг.; оно содержится въ граматѣ Кашинскаго князя Василія Васильевича. Развитіе этого сословія въ количественномъ, а можетъ быть, и въ качественномъ отношеніи шло рука объ руку съ распространеніемъ межеванія. Позднѣе, въ Московской Руси было велѣно выбирать въ писцы „добрыхъ" дворянъ. На обязанности писцовъ лежало не только описаніе и межеваніе уѣздовъ, волостей, селъ и отдѣльныхъ полей, но также и опредѣленіе пространства дворовъ, какъ это видно изъ многихъ дошедшихъ до насъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, напримѣръ, изъ Двинской Уставной грамоты 1358 года, правой Бѣлоозерской грамоты 1490 года и др. Относительно уровня образованности писцовъ слѣдуетъ однако замѣтить, что онъ, по видимому, былъ весьма не высокъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ утверждаетъ историкъ Татищевъ, не знали даже грамоты. Отсюда слѣдуетъ заключить, что способы межеванія и измѣренія земель, употреблявшіеся такими неграмотными писцами, могли быть только чисто-народными. Въ помощь писцамъ для веденія письменной части дѣла посылались обыкновенно грамотные люди, въ Московской Руси дьяки и подъячіе.

Писцы обязаны были составлять подробныя описанія размежеванныхъ ими земель и мѣстностей. Эти описанія извѣстны подъ именемъ писцовыхъ книгъ. Впослѣдствіи писцовыя книги распались

Библиотека "Руниверс"

на двѣ группы—на собственно писцовыя и межевыя или писцовыя-межевыя. Изъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ, написанныхъ ранѣе начала XVI вѣка, до настоящаго времени вполнѣ не сохранилось ни одной; до насъ дошли только отрывки нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ монгольскій періодъ установились, по видимому, увеличивавшіяся съ теченіемъ времени различія въ пріемахъ межеванія, употреблявшихся въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ юго-западной Россіи древне-русскіе пріемы межеванія подверглись сильному вліянію Литвы и Польши и потому должны были измѣниться въ весьма значительной степени. Что касается до сѣверо-восточной Россіи, то въ ней, за исключеніемъ Новгорода, замѣчается монголо-китайское вліяніе, хотя и гораздо менѣе сильное. Кромѣ этого общаго подраздѣленія, нѣкоторыя менѣе коренныя различія наблюдаются также и въ пріемахъ межеванія, употреблявшихся въ отдѣльныхъ областяхъ. Какъ коренныя, такъ и второстепенныя изъ упомянутыхъ различій, на сколько намъ извѣстно, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, выражаются главнымъ образомъ въ разницѣ единицъ и системъ мѣръ, употреблявшихся при измѣреніи земли. Въ юго-западной Россіи въ областяхъ, присоединенныхъ къ Литвѣ, земельными мѣрами служили уволока, моргъ и прутъ. Въ уволокѣ содержалось 30 морговъ и въ моргѣ 30 прутовъ. Уволока служила для администраціи общею мѣрою при раскладкѣ податей. Главною единицей земельной мѣры въ московскихъ владѣніяхъ, служившею въ то же время и общею мѣрою при раскладкѣ податей, была соха—по видимому, древнѣйшая изъ русскихъ земельныхъ мѣръ. Соха, впрочемъ, не представляла постоянной величины: она измѣнялась въ зависимости отъ качествъ почвы и правъ владѣльцевъ. Такъ, одна величина сохи служила для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, другая—для монастырскихъ, одна—для городскихъ и слободскихъ дворовъ, другая, для крестьянскихъ и бобыльскихъ. Что касается до качества земель, составлявшихъ соху, то онѣ обыкновенно дѣлились въ этомъ отношеніи на три рода: на лучшія, среднія и худшія, какъ это дѣлалось также и въ юго-западной Россіи. Соха дѣлилась на четверти, выражаясь, на основаніи сейчасъ сказаннаго, различнымъ числомъ ихъ въ различныхъ случаяхъ. Въ отношеніи къ качествамъ почвы, напримѣръ, соха представляла слѣдующія величины: соха доброй земли состояла изъ 800 четвертей, средней изъ 1,000 и худой изъ 1,200. Весьма замѣчательны употреблявшіяся иногда дробныя подраздѣленія

Библиотека "Руниверс"

сохи, которыя обозначались обыкновенно слѣдующими характерными названіями:

1/2	сохи —	пол-сохи
1/4	„	четь-сохи
1/8	„	пол-четь-сохи
1/16	„	пол-пол-четь-сохи
1/32	„	пол-пол-пол-четь-сохи
1/3	„	треть-сохи
1/6	„	пол-треть-сохи
1/12	„	пол-пол-треть-сохи
1/24	„	пол-пол-пол-треть-сохи и пр.

Второю единицею мѣры была четверть, содержавшая въ себѣ около $1^1/_2$ нынѣшнихъ десятинъ, то-есть, почти по 1/2 десятины въ полѣ, какъ показываетъ выраженіе: „четверть въ полѣ, а въ дву потому жъ". Подраздѣленія четверти носили тотъ же характеръ, какъ и подраздѣленія сохи. Они были слѣдующія:

1/2	четверти —	осмина
1/3	„	третникъ
1/6	„	пол-третникъ
1/12	„	пол-пол-третникъ
1/24	„	пол-пол-пол-третникъ
1/48	„	пол-пол-пол-пол-третникъ
1/96	„	пол-пол-пол-пол-пол-третникъ
1/192	„	пол-пол-пол-пол-пол-пол-третникъ
1/384	„	пол-пол-пол-пол-пол-пол-пол-третникъ
1/768	„	пол (повторенное 8 разъ)-третникъ
1/1536	„	пол (повторенное 9 разъ)-третникъ
1/3072	„	пол (повторенное 10 разъ)-третникъ.

Первоначально четвертью земли называлось, по всей вѣроятности, количество земли, засѣваемое одною четвертью зернового хлѣба, также какъ осминою—количество земли, засѣваемое осминою хлѣба. Третьею единицею мѣры была десятина. Въ древнѣйшее время она употреблялась исключительно въ значеніи мѣры сѣнокоса и представляла квадратную площадь земли, каждая сторона которой равнялась десятой части версты, то-есть, 50-ти саженямъ, что составляетъ 2,400 кв. сажень. Значеніе общей земельной мѣры десятина пріобрѣла не ранѣе начала XVI вѣка. Впослѣдствіи, именно въ XVII вѣкѣ, ея величина нѣсколько измѣнилась, какъ это видно изъ

Библиотека "Руниверс"

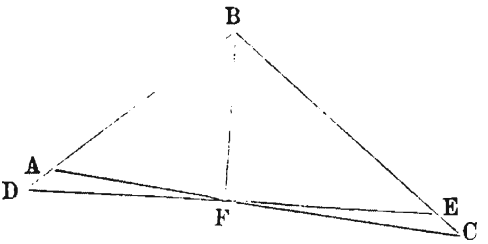
принятія за длину нормальной десятины 80 сажень, а за ширину 30 сажень, что составляетъ 2,400 кв. сажень. Въ Новгородскихъ владѣніяхъ земли измѣрялись сохами, обжами и коробьями. Соха содержала въ себѣ 3 обжи, обжа — 5 коробьевъ. Новгородская соха или, какъ ее называли позднѣе московскіе писцы, сошка отличалась отъ московской величиною и постоянствомъ. Она составляла десятую часть московской и употреблялась для измѣренія земли всякаго качества безразлично. Обжа равнялась 10-ти московскимъ четвертямъ, а коробь—2-мъ московскимъ четвертямъ. Подраздѣленія обжи были такими же, какъ и приведенныя выше подраздѣленія московскихъ сохи и четверти. Въ Тверскомъ княжествѣ тоже существовали для измѣренія земли свои мѣры, несходныя съ московскими. До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній объ этихъ мѣрахъ, хотя фактъ ихъ существованія вполнѣ достаточно подтверждается повелѣніемъ Іоанна III измѣрить Тверскія земли по московски сохами, изданнымъ тотчасъ же послѣ присоединенія Твери.

Въ изложенномъ содержится все, что намъ извѣстно о землемѣріи въ Россіи монгольскаго періода. Что же касается до пріемовъ землемѣрія, употреблявшихся въ этомъ періодѣ, то о нихъ намъ извѣстно столь же мало, какъ и о пріемахъ предшествовавшаго періода. Безграмотность многихъ писцовъ заставляетъ, какъ мы замѣтили выше, думать, что эти пріемы во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, были чисто-народными. Поэтому, изученіе пріемовъ землемѣрія, употребляемыхъ народомъ въ настоящее время, только одно и можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о землемѣріи древнихъ писцовъ. Съ этою цѣлью приведемъ описаніе пріемовъ измѣренія земли, употребляемыхъ нынѣ крестьянами Рязанской губерніи. Знакомствомъ съ этими пріемами мы обязаны г. В. Селиванову, впервые описавшему ихъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 года [1]). Орудіемъ измѣренія служитъ жердь длиною сажени въ двѣ или болѣе, смотря по установившимся издавна обычаямъ, но непремѣнно разъ на всегда опредѣленной длины. Поле обыкновенно разбиваютъ на прямоугольные четыреугольники, границы и площади которыхъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: Описанною сейчасъ, положимъ, двухъ-саженною жердью отмѣриваютъ по длинѣ 25 жердей и по ширинѣ 24 жерди; въ результатѣ получаютъ,

[1]) Книга II. Годъ русскаго земледѣльца. Стр. 10—11. См. также программу для собиранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи *П. С. Ефименко* въ журналѣ *Слово* 1878 г., № 6, стр. 15—16.

Библиотека "Руниверс"

какъ не трудно видѣть, десятину. Необходимое, какъ для измѣренія десятины въ ширину, такъ и для намѣченія ея границъ, опредѣленіе направленія перпендикулярныхъ линій производится на глазъ; для этого берутъ прямую палочку, иногда также прямую былинку или соломинку, и кладутъ ее по направленію линіи, къ которой нужно провести перпендикуляръ; поперекъ этой палочки кладутъ на крестъ другую, стараясь установить ее возможно правильнѣе въ перпендикулярномъ направленіи; продолженіе направленія этой палочки отмѣчается на сколько нужно кольями или вѣхами. Въ томъ случаѣ, когда измѣряемый участокъ земли имѣетъ видъ неравносторонняго треугольника, площадь его опредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ: Дѣло идетъ, напримѣръ, объ измѣреніи площади треугольника ABC. Дѣлятъ пополамъ уголъ B, проводя на глазъ равнодѣ-



лящую BF такимъ образомъ, чтобъ она во всѣхъ точкахъ своихъ находилась бы на равномъ разстояніи отъ линій AB и BC. Черезъ точку пересѣченія F этой линіи съ противоположною углу B стороной AC проводятъ линію DE, перпендикулярную къ равнодѣлящей BF; получаютъ равнобедренный треугольникъ DBE, площадь котораго принимаютъ равною площади даннаго треугольника ABC. Что же касается до опредѣленія площади равнобедреннаго треугольника DBE, то оно достигается измѣреніемъ саженями линій BF и FE и слѣдующимъ затѣмъ перемноженіемъ полученныхъ при этомъ измѣреніи чиселъ. Умѣя такимъ образомъ совершенно точно опредѣлять величину площади равнобедреннаго треугольника, а слѣдовательно, и равносторонняго, рязанскіе крестьяне опредѣляютъ площадь неравносторонняго треугольника только приближеннымъ, болѣе или менѣе ошибочнымъ образомъ. Величина ошибки, при этомъ совершаемой, какъ не трудно видѣть, выражается разностью площадей треугольниковъ AFD и EFC. Эта разность тѣмъ меньше, чѣмъ ближе подхо-

Библиотека "Руниверс"

дитъ данный треугольникъ къ треугольнику равнобедренному или равностороннему.

Въ заключеніе настоящаго очерка не можемъ не указать на крайнюю скудость находящихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, рѣшительно лишающую насъ возможности сдѣлать сколько-нибудь прочные общіе выводы о состояніи математическихъ знаній въ разсматриваемую эпоху. Все, что̀ мы можемъ заключить на основаніи согласнаго свидѣтельства всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше источниковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Относительно распространенія и развитія математическихъ знаній въ разсматриваемую эпоху первое мѣсто между русскими городами занималъ Великій Новгородъ. Для Русскихъ людей разсматриваемой эпохи ариѳметическія знанія едва ли представляли самостоятельный научный интересъ. По всей вѣроятности, они пріобрѣтались въ громадномъ большинствѣ случаевъ исключительно съ цѣлями церковными, юридическими и, можетъ быть, торговыми.

В. Бобынинъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ[1]).

III.

Прямо отъ Іокострова можно проѣхать къ интереснѣйшему пункту на Кольскомъ полуостровѣ—громадному плато, носящему названіе Хибиныхъ тундръ. Горы эти тянутся вдоль восточнаго берега Имандры, на протяженіи около сорока верстъ. Въ глубь материка они заходятъ мѣстами до пятидесяти, и даже шестидесяти верстъ, по показанію Лопарей. Принявъ за среднее первыя числа, мы получимъ для всего плато величину въ 2000—квадратныхъ верстъ. Одинъ изъ высочайшихъ прибрежныхъ пунктовъ Хибиныхъ тундръ, Высокій мысъ, поднимается на высоту 910 метровъ, но далѣе есть отдѣльныя вершины, поднимающіяся еще выше. На этихъ высотахъ залегаетъ снѣгъ, который остается въ нагорныхъ логовинахъ даже до конца іюля или начала августа, то-есть, почти до новаго снѣга, выпадающаго въ Колѣ около 20-го августа. Таяніе этого снѣга даетъ матеріалъ для образованія массы ручейковъ и рѣчекъ, которые весьма оживляютъ эти дикіе горные утесы.

У подножія горъ, на самомъ берегу, стоитъ станціонная изба, въ которой я прожилъ цѣлую недѣлю. Все это мѣсто носитъ названіе Высокаго мыса. Островокъ, лежащій по срединѣ озера, противъ названнаго мыса, носитъ то же наименованіе,—верстъ 6—7 въ окружности. Нѣсколько правѣе островка, то-есть, къ сѣверу отъ него, находится самое глубокое мѣсто озера. Здѣсь я дѣлалъ промѣры и мѣстами не досталъ дна двадцатипяти-саженною веревкой. Прямо противъ

---

[1]) *Окончаніе* см. мартовскую книжку *Ж. М Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

Хибиныхъ тундръ, на противоположномъ берегу, поднимаются Чауны тундры, которыя еще выше, но пробраться къ нимъ нѣтъ возможности, такъ какъ онѣ отдѣлены отъ озера широкою, болотистою полосой. Вершины ихъ сплошь покрыты снѣгомъ.

Стоитъ нарочно отъѣхать отъ берега на лодкѣ, на середину озера, правѣе Высокаго острова, и полюбоваться горами. Прямо передъ вами тянется въ гору ущелье, разбивающее плато на двѣ части. Это ущелье носитъ у Лопарей характерное названіе—„Двери". За нимъ открывается глубокая и широкая долина, по которой протекаетъ Гольцовъ ручей. Направо отъ Дверей поднимается Высокій мысъ, налѣво—Гребенье-утесистыя горы. Между ними Шестимежный логъ, по которому ходили какія-то фантастическія существа—шиши; преданіе о нихъ живетъ до сихъ поръ и весной и осенью Лопари ни за что не пойдутъ къ вечеру этимъ логомъ. Верхній конецъ этого лога суживается въ ущелье и называется Дверьми. Такъ какъ оно сжато съ боковъ отвѣсными утесами, которые постепенно разрушаются, то все ущелье завалено грудами крупныхъ обломковъ скалъ. Поэтому Лопари зовутъ это мѣсто „щельемъ", такъ какъ приходится пробиваться по щелямъ, оставшимся среди этихъ громадныхъ глыбъ.

Для того, чтобы ясно представить себѣ форму береговыхъ утесовъ Хибиныхъ горъ, вообразите себѣ громадную каменную стѣну, мѣстами ровную, мѣстами зубчатую или даже обвалившуюся. Отъ самой вершины ея тянутся внизъ параллельныя каменныя гряды такой формы, что самыя гряды выпуклы кверху, а желоба между ними въ разрѣзѣ представили бы острый уголъ, повернутый вершиной внизъ. Между основаніемъ горъ и собственною береговою полосой тянутся высокія, сплошныя, каменистыя гряды, сложенныя изъ очень крупныхъ валуновъ обточенныхъ, обкатанныхъ, круглыхъ. Тутъ нѣтъ ни песку, ни щебня: доказательство того, что здѣсь долго работала вода, на значительной высотѣ. Вслѣдствіе многихъ фактовъ, необходимо допустить, что вся эта мѣстность когда-то была покрыта водой на высоту до 200 метровъ (955') или, что все равно, материкъ былъ въ то время на ту же высоту ниже и съ тѣхъ поръ поднялся.

Общій характеръ Хибиныхъ тундръ, масса въ нихъ громадныхъ, сильно развитыхъ „roches moutonnées" („бараньихъ лбовъ"), ущелья въ горахъ съ выпуклыми стѣнками, которыя внизу круче, наверху отложе, общее телескопическое борожденіе, масса ледниковыхъ шрамовъ, бороздъ и царапинъ (на Высокомъ островѣ), закругленность всѣхъ вершинъ, до извѣстной высоты, все это приводитъ къ убѣж-

Библиотека "Руниверс"

денію, что здѣсь мощно были развиты глетчеры. Наконецъ, громадныя морены, всюду параллельныя, общая географія мѣстности, (косы, мысы, губы, заливы, острова, озера), все вытянуто въ одномъ направленіи; борозды и шрамы повторяются одинаково сильно на различныхъ высотахъ (на вершинѣ Сырой тундры и на Высокомъ островѣ); все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что не бо́льшему распространенію ледниковаго моря съ плавающими айсбергами, а именно громаднымъ материковымъ ледникамъ надо приписать всѣ эти явленія

На противоположномъ берегу Имандры, какъ разъ прямо противъ Хибиныхъ тундръ, тянутся длинною цѣпью громадныя Чауны или Чуны тундры. Онѣ подходятъ къ самому Іокострову и простираются слѣдовательно, на большее разстояніе, нежели Хибины тундры. Вообще, и площадь ихъ гораздо значительнѣе, и высота больше. Вершины почти сплошь были покрыты снѣгомъ. Въ Чунахъ замѣчаются тѣ же общія черты, что̀ и въ Хибинскихъ горахъ. Тѣ же закругленныя вершины, то же телескопическое борожденіе смежной мѣстности. Но что̀ нѣсколько отличаетъ ихъ отъ Хибиныхъ, это то̀, что Хибины тундры представляютъ одинъ массивъ, разбитый узкими, неглубокими и сравнительно небольшими логами, тогда какъ Чауны-тундры явственно состоятъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей горъ, изъ которыхъ каждая распадается на группы. Относительно того, что онѣ выше, я сужу изъ того факта, что въ то время, какъ на Хибиныхъ горахъ весь почти снѣгъ стаялъ, на Чауно-тундрахъ онъ лежалъ еще сплошною пеленой. Отъ него масса талой воды стекаетъ къ по́дножію и образуетъ обширное болотное пространство, тянущееся вдоль всего берега.

Странно то, что оба громадные залива Имандры—Вити- и Мончагубы, исходятъ отъ подножія Чауны-тундръ. Изъ нихъ Монча-губа далеко врѣзывается въ материкъ, болѣе 20 верстъ; она очень узка и глубока, тогда какъ со стороны Хибиныхъ тундръ мы не находимъ ни одного, хотя бы и незначительнаго залива. Напротивъ, этотъ берегъ отличается своею крутизной и прямизной.

Давно уже меня интересовало провѣрить карты этой мѣстности, изданныя главнымъ штабомъ. Случай представлялся, и не могло быть ничего лучше, какъ подняться на громадную высоту Высокаго мыса, отъ̀куда вся орографія мѣстности представилась бы какъ на ладони. Я уже нѣсколько разъ срисовывалъ виды съ высотъ, а потому и здѣсь расчитывалъ снять видъ à vol d'oiseau. Въ одно прелестное, но жаркое утро мы собрались двумя компаніями. Мой спутникъ съ двумя

Библиотека "Руниверс"

проводниками отправился въ горы, на охоту. Я съ кривымъ Григоріемъ намѣревался взойдти на вершину горы и опредѣлить ея высоту.

„Не дойдти только намъ съ тобой, баринъ!“ такъ сразу началъ сопровождавшій меня Лопарь.

„Отчего? Развѣ непроходимо“.

„Нѣтъ. Оно, положимъ, болотъ нѣтъ. Да тяжело. Провалы глубокіе. Темь, дикое мѣсто, камень на камнѣ, страсть!“

„А что, бывалъ кто-нибудь въ здѣшнихъ мѣстахъ?“

„Годовъ тому нѣсколько будетъ, былъ здѣсь одинъ Англичанъ. Сперва-то порато-шибко взялся онъ идти. Ну, да, за то и угомонился шибко. Дошелъ онъ только до самаго начала Медвѣжьяго лога, да и сѣлъ. Вынулъ книжку, да давай рисовать. Потомъ посмотритъ, да пишетъ, опять посмотритъ и опять пишетъ. Долго сидѣлъ, все писалъ. Потомъ спрашиваетъ: очень, молъ, далеко на верхъ?—Очень далеко, говоримъ.—А тяжело идти?—Да на рукахъ лѣзть придется, говоримъ. Ну и испугался. Такъ и обернули мы назадъ. Нечего говорить, трудно идти“, заключилъ свою рѣчь Григорій.

„Что же, это тотъ самый, что Мирона срисовывалъ?“

„Да, тотъ самый“.

Во время этого разговора, мы по немногу поднимались въ гору, удаляясь все время отъ озера, по направленію прямо перпендикулярному къ направленію берега. Подъемъ становился все круче. Мы шли крупнымъ и довольно частымъ сосновымъ лѣсомъ. Сосна тутъ особенная, толстый стволъ ея прямою колонной поднимается вверхъ, совершенно не пуская сучьевъ. Только на самой вершинѣ, на высотѣ 60, 70 и даже 80 футовъ, стволъ, главная колонна, вѣтвится на три или четыре толстые сучка, составляющіе густую крону дерева. Громадныя голыя колонны этихъ красноватыхъ стволовъ, толщиною въ обхватѣ въ два метра слишкомъ, производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. Какъ всегда въ сосновомъ лѣсу, сосны снизу не много почернѣли; все это вмѣстѣ производило отчасти какое-то грустное или мрачное впечатлѣніе, отчасти носило отпечатокъ аккуратности, чистоты парка. Сучья, вверху, толстые, прихотливо изогнутые, напоминали какія-то мускулистыя, жилистыя руки съ крючковатыми пальцами, косматыя, поросшія мхомъ. Внизу, вмѣсто обычнаго у насъ слоя сухихъ хвой, иглъ, сначала мы находимъ смѣшанныя заросли брусники, вороники, линней, съ двумя изящными розовыми цвѣточками, андромеды; потомъ все это понемногу замѣняется моховымъ

Библиотека "Руниверс"

покровомъ и лишайниками. Все круче и круче подъемъ. Вотъ мы, наконецъ, взобрались на вершину большой, длинной каменистой валунной гряды, морены, и снова приходится круто спускаться внизъ.

Съ этой стороны особенно бросаются въ глаза валуны, составляющіе морену. Они почти голые, безъ щебня и песку и только сверху покрыты толстымъ, пушистымъ и упругимъ слоемъ мху, который обманываетъ глазъ своею однообразною поверхностью. Вотъ струится маленькій ручей, журча и пробивая себѣ дорогу по каменистому ложу, среди валуновъ. Это самый низкій пунктъ лога, отдѣляющаго боковую морену отъ массива горъ. Логъ этотъ параллеленъ озеру. Здѣсь мѣстность сразу мѣняется. Множество молоденькихъ березокъ, осинъ и рябинъ примѣшивается къ сосновому лѣсу, также какъ и на самомъ берегу Имандры.

Тутъ представляются двѣ дороги. Одна по логу, ведущему къ Дверямъ; надо свернуть по ручью влѣво и подниматься вдоль его русла. Другой путь труднѣе: надо взять вправо и прямо взбираться по неровностямъ на тотъ „бараній лобъ", который своею крутизной издали бросается въ глаза. Я такъ и сдѣлалъ. На это были причины. На крутомъ подъемѣ вѣрнѣе можно опредѣлить границы распространенія лѣсной растительности, вѣрнѣе и скорѣе вычислить разность атмосфернаго давленія по барометру. Однимъ словомъ, мы выбрали крутой путь. Сначала онъ очень труденъ, потомъ свыкаешься. Труденъ онъ потому, что крутъ, но особенно потому, что начало его идетъ по грудамъ валуновъ очень неровныхъ. Невольно спотыкаешься, падаешь, при этомъ приходится больше вниманія обращать на сохранность длиннаго термометра и барометра, чѣмъ на свою особу.

По мѣрѣ того, какъ поднимаешься выше, лѣсъ понемногу мельчаетъ, переходитъ въ кустарникъ, низкорослый ёрникъ; такъ называется очень мелколистная береза. Рядомъ съ нею идетъ собственно мѣстный ёрникъ (Empetrum nigrum). Ужъ подъ ногами у васъ давно голыя скалы, не имѣющія сплошнаго покрова, а корявыя березки еще долго сопровождаютъ васъ, и среди ерниковъ вы сдѣлаете по крайней мѣрѣ полчаса пути. Вышли мы изъ дому ровно въ полдень, и ровно въ два часа и 45 минутъ я былъ на первомъ уступѣ горы, лишенномъ всякой растительности, даже ёрниковъ. Это была высота въ триста метровъ (или въ 984'). Вершина совершенно гладкая, куполообразная, спускающаяся одинаково крутыми склонами во всѣ стороны, кромѣ одной. Именно сторона, обращенная къ главной вер-

Библиотека "Руниверс"

шинѣ, куда намъ надо было идти, кончалась отвѣснымъ обрывомъ. Приходилось, значитъ, во второй разъ спускаться на громадную глубину лощины, чтобы снова подняться. Но пока мы рѣшились отдохнуть. Вотъ и отличный диванъ: громадный валунъ, кубической формы лежитъ на площадкѣ. Какъ онъ попалъ сюда, на такую высоту? Также какъ на вершину Сырой тундры попали борозды и шрамы. Оттого и куполъ этотъ получилъ свою форму, что вся мѣстность до вдвое большей высоты (до 700 метровъ) была покрыта сплошнымъ ледниковымъ покровомъ.

Что за чудная панорама открывается передъ нами! Прямо передъ глазами, внизу, блеститъ широкою серебряною полосой вытянувшееся озеро Имандра; мѣстами нѣжною лазурью отливаютъ его тихія воды; вотъ около самаго Высокаго острова видно нѣсколько серебристыхъ струекъ: это слабое теченіе огибаетъ выдающійся южный мысокъ. А ближе, прямо подъ ногами, темная синева водъ отливаетъ какимъ-то матово-бархатистымъ лазоревымъ цвѣтомъ. Вотъ блестятъ широкія полосы того же Высокаго острова, вотъ нѣсколько мелкихъ островковъ, голыхъ и скалистыхъ, всегда длинныхъ и узкихъ, назойливо напоминающихъ заснувшихъ или притаившихся щукъ. Вотъ и лѣсистый Савъ-островъ и длинная, далеко уходящая отъ меня въ глубь извилистая водная лента, это Монча-губа. Вотъ и великолѣпныя Чауны-тундры. Какими громадными темными массивами поднимаются онѣ, вытянувшись правильными рядами! Нѣсколько обточенныхъ куполовъ точно дружно взялись за руки,—такъ сливаются другъ съ другомъ; потомъ спустятся они внизъ и сольются въ широкую долину, потомъ опять плавно поднимается линія и круто вздымается кверху, образуя настоящіе пики, выше другихъ, опять круто упадетъ до извѣстной высоты, гдѣ опять слѣдуетъ рядъ однообразныхъ куполовъ. За этимъ рядомъ второй, третій—такіе же, за ними еще и еще, все слабѣе, слабѣе, и вотъ еле-еле голубѣютъ вдали мягкія плавныя очертанія высокихъ шапокъ, посѣдѣвшихъ отъ времени: это снѣгъ убѣлилъ ихъ могучія и ветхія головы. Это уже даль безпредѣльная... Съ той высоты, гдѣ я стоялъ, онѣ мнѣ казались тоже гдѣ-то наверху, выше горизонта и почти сливались своею голубоватою дымкой съ небеснымъ сводомъ. Здѣсь внизу, подъ самыми моими ногами, виднѣлся еще узкою полосой тотъ берегъ, на которомъ я самъ стоялъ. Это былъ довольно высокій мысъ, покрытый крупнымъ лѣсомъ; но сверху, въ ракурсѣ, онъ казался какимъ-то приземистымъ ежомъ, пріютившимся на самомъ берегу.

Срисовавъ два вида, которые въ совокупности могли бы дать

Библиотека "Руниверс"

ясное представленіе о мѣстности, мы рѣшились идти дальше. Какъ я уже сказалъ, съ той стороны, куда намъ лежалъ путь, былъ отвѣсный обрывъ. Поэтому почти на ту же высоту, до которой мы только что поднялись, предстояло снова спуститься внизъ, въ глубокій и темный логъ. Съ энергіей, достойною лучшей участи, отправились мы въ отрицательный путь. Найдя сбоку узенькую лазейку въ видѣ трещины въ скалѣ, съ крупными, карнизообразными выступами на отвѣсной скалѣ, я рѣшился спуститься здѣсь. Прежде всего, свернувъ въ одинъ валекъ свою мохнатку и пальто, я отправилъ ихъ однимъ толчкомъ ноги внизъ, за ними послѣдовала кожаная сумка съ веревками, изъ которыхъ только одна была употреблена на осторожное спусканіе внизъ барометра. Затѣмъ я сталъ спускаться на мускулахъ рукъ и ногъ, цѣпляясь за выступы и изрѣдка садясь на нависшій карнизъ для отдыха. Тутъ мнѣ очень пригодились прежніе уроки гимнастики. Для кого-либо другаго это было бы сумасброднымъ предпріятіемъ; для меня, отличнаго гимнастера когда-то, это было только нѣсколько сильное ощущеніе. Спусканіе продолжалось долго; послѣ трехъ, четырехъ отдыховъ, минутъ черезъ 20, мы были внизу.

Что за дикая, чудная красота! Цѣлый рядъ черныхъ, плотныхъ, только снаружи изъѣденныхъ пластовъ роговообманковой породы былъ стоймя поставленъ на голову (какъ говорятъ геологи), и на самомъ верху на нихъ висѣли, сползая мѣстами, заросли ерника и березняка, вороники и гажьей ягоды. Пласты эти, точно циклопическая постройка какихъ-то титановъ, стояли стѣна за стѣной, образуя мѣстами широкія, черныя разсѣлины, мѣстами узкія трещины; кое-гдѣ вывалились большіе куски породы, тутъ же, у подножія, на вѣки лежащіе, смирно почивъ послѣ своей когда-то бурной жизни; выпады ихъ образовали глубокія, но узкія пещеры, въ которыхъ можно хорошо укрыться отъ непогоды. Налѣво стѣна эта кончается страшнымъ хаосомъ.

„Вотъ, баринъ, посмотри!“ началъ Григорій.—„Видишь ли эти глыбы камня! Эти кучи мусора. Это все работа страшныхъ шишей. Когда-то были они хорошими и добрыми. Забрались они тоже сюда наверхъ, и на самомъ верху такъ имъ понравилось, такъ имъ хорошо стало, что рѣшили они тутъ поселиться“.

„Что, это—люди были?“

„Давно это было. Люди-то они были люди, да видно не такіе, какъ мы. Прежде народъ былъ дичѣе“.

„Ну, разказывай дальше!“

Библиотека "Руниверс"

„Спустились они опять внизъ. А жили они прежде далеко за Чунами-тундрами. Вотъ захватили весь свой скарбъ, свои топоры и ружья,—нѣтъ, стой, ружьевъ у нихъ не было", поправился разкащикъ,— „взобрались они опять сюда на Хибины горы и поселились на самыхъ высокихъ ущельяхъ, въ горахъ. И стало имъ такъ привольно, такъ хорошо, что выше ихъ только орелъ одинъ летаетъ, что вся вода отъ нихъ бѣжитъ, и что никогда вода ихъ не затопитъ; такъ ясно и далеко все видно кругомъ, что они и возгордились. И послалъ тогда Сильный на нихъ своихъ слугъ. А они озлобились. Какъ, они выше всего,—и кто-то все-таки власть надъ ними имѣть хочетъ! Стали они вотъ отсюда, эти камни громадные скатывать, иной въ три-четыре сажени длиной... Стонъ пошелъ по всему ущелью; земля загудѣла, лѣса зароптали, озеро страшно заколыхалось. И вдругъ, когда они больше всего камней пустили, сразу такой страшный вихрь на нихъ налетѣлъ, что пургой этой ихъ всѣхъ съ утеса внизъ смело, а внизу ихъ же этими самыми каменьями и подавило. Другіе, что цѣлы остались, — по лѣсамъ разошлись и злятся, и силу свою чуютъ, и зная, что какъ только захотятъ, соберутся, такъ вновь пойдутъ на верхъ и свои утесы отобьютъ, и ходятъ они по лѣсу, и въ злой радости гогочутъ. И такъ иной разъ опъ, шишъ, загогочетъ, что морозъ тебя по кожѣ подереть".

„И видалъ кто-нибудь теперь этихъ самыхъ шишей".

„А какже не видалъ! Видалъ и я самъ. Вечеромъ поздно, либо ночью, идетъ онъ мохнатый, черный такой, большой, идетъ, такъ претъ, что стонъ въ лѣсу стоитъ; больше они въ непогодь ходятъ. Всѣхъ птицъ они распугаютъ. Совы, филины, сычи разлетаются; мыши разбѣгаются. Онъ эту всю силу знаетъ. Это его сила. Такъ у тебя въ ту ночь надъ головой птицы и полоскаютъ, такъ и полоскаютъ".

Смолкъ онъ, и сурово насупившись, поднялся.

„Не къ мѣсту разговоръ затѣяли! Это мѣсто дикое, глухое; тутъ евоная сила сидитъ. Ишь, вонъ волкъ прыснулъ!"

И онъ схватился за винтовку. Пришлось опять карабкаться, опять лѣзть на верхъ. Помогая другъ другу, подсаживая и втаскивая, поочередно, мы долго лѣзли на крутую вершину и наконецъ, изодравъ платье, руки, изцарапавъ ружье, добрались до перваго уступа второй горы.

Еще не успѣлъ я вполнѣ выбраться на площадку этого уступа, какъ вниманіе мое остановилось на разбросанныхъ отдѣльными экземплярами

Библиотека "Руниверс"

небольшихъ цвѣтахъ прелестнаго палево-желтаго цвѣта. Это альпійскіе маки (Papaver alpinum). Нѣжный, довольно сильно разсѣченный листъ, тонкій стебель, отъ трехъ до четырехъ вершковъ высотой, покрытый нѣжными пушистыми волосиками и главное—цвѣтокъ,—все вполнѣ гармонировало одно съ другимъ. Здѣсь они росли на голыхъ скалахъ, укрѣпляясь своими плотными корнями въ тонкихъ разсѣлинахъ скалъ. Всякіе признаки кустарной растительности совершенно исчезли, и только рядомъ съ этими одиночными экземплярами Papaver alpinum, встрѣчались еще Dryas octopetala, растущія небольшими группами, переплетаясь корнями, образуя при этомъ толстыя плотныя подушечки. Листочки зазубренные; бѣлые цвѣты довольно крупные, имѣютъ по восьми лепестковъ въ цвѣткѣ. Рядомъ съ ними встрѣчаются настоящіе представители альпійской флоры — весьма низкорослые, мелкіе пунцовые цвѣты изъ семейства розоцвѣтныхъ. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ не растетъ уже ни грубый ерникъ Empetrum nigrum, ни березовый ерникъ Betula nana и Betula alpina, тамъ существуетъ какой-то переломъ. Вотъ исчезли и моховыя поросли, и сплошной покровъ скалъ—лишайники и печеночницы, и тутъ же являются представители нѣжнѣйшей альпійской флоры, которой не побрезговалъ бы никакой диллетантъ, любитель изысканной культурной флоры. Дѣйствительно, нѣжнѣе этихъ растеній трудно себѣ что-либо представить.

Отсюда открывается широкій видъ почти во всѣ стороны. Прямо передъ вами высоко стоитъ глава Высокаго мыса; справа широкій и глубокій Медвѣжій логъ; слѣва логъ шишей съ Дверями. Нѣсколько лѣвѣе главнаго купола открывается равнина рѣки Гольцовъ-ручей. Дорога здѣсь идетъ по самому крутому, почти острому ребру главнаго спуска гряды Высокаго мыса. Вся гряда покрыта остроугольными валунами, уже сильно разрушившимися. Вся порода здѣсь, также, какъ и внизу, поставлена на голову, такъ что приходится идти какъ бы по развалинамъ какой-то гигантской стѣны или бреши. Порода чрезвычайно разрушена; поэтому мѣстами можно легко отыскать прекрасные крупные кристаллы матоваго, блѣдно-зеленаго полеваго шпата. Вотъ приходится пройдти по какому-то глубокому и довольно широкому колодцу, съ совершенно отвѣсными, мѣстами даже вогнутыми стѣнками; дно его овальной формы; на немъ лежитъ довольно толстый слой снѣгу. Еще и еще крутой подъемъ; глыбы, скалы, дичь страшная, и наконецъ, мы на вершинѣ. Совершенно ровная, гладкая площадка, и на ней опять Papaver alpinum, и опять цвѣтки

Библиотека "Руниверс"

его стоятъ по одиночкѣ, поникнувъ желтыми головками, точно пригорюнившись надъ своей участью. Какой широкій горизонтъ, какая чудная картина! Вотъ, далеко-далеко, на сѣверо-востокѣ, узкою серебряною лентой блеститъ Гольцовъ-ручей; кругомъ него дремучіе еловые лѣса лѣзутъ на гору и точно воинственная армія лѣсомъ штыковъ покрываетъ его. Таковъ видъ сверху. Слѣва, надъ Гольцовымъ-ручьемъ какой-то каменный утесъ отвѣснымъ обрывомъ стоитъ надъ бездной. Вотъ и „Двери". Подъ самыми ногами, отвѣсно, страшная бездна; какая-то дымчатая мгла заволакиваетъ все, и еле-еле видны груды чего-то, наваленныя въ тѣснинѣ. Обманъ ли это глаза, или въ самомъ дѣлѣ тамъ лежатъ глыбы громадныхъ оторвавшихся скалъ? Но какая же это высота? Смотрю: барометръ съ 744 мм. упалъ на 680. По точному опредѣленію, она ровняется 920 метрамъ надъ уровнемъ океана.

Сильный вѣтеръ отгоняетъ комаровъ, которые до сихъ поръ насъ мучили. Становится холодновато, термометръ Цельсія упалъ до 9,4° (7,52° R°). Правда, что было уже не рано—ровно семь часовъ вечера. Слѣдовательно, мы шли, если выключить тѣ два часа, которые я употребилъ на отдыхъ и рисованіе, около пяти часовъ, притомъ самою напряженною ходьбой. Я считаю поэтому удаленность вершины горы отъ берега до 10—12 верстъ.

Посмотрите на озеро. Но гдѣ же оно? Гдѣ громадная Имандра? Эти ли ничтожныя полоски воды, блестящія изъ-за далеко внизу выдающагося купола перваго уступа! Того уступа на которомъ я рисовалъ. Чауны-тундры какъ-то близко. Онѣ точно пододвинулись. Но что это? Точно какіе-то крупные клочья ваты ползутъ снизу. Разорванные клочья быстро бѣгутъ вверхъ и также быстро расплываются. За ними новыя опять и опять безъ конца. Такъ и застилаютъ они всю окрестность и расплываются, таютъ; но это обманъ глаза. Вдали они кажутся густыми, оформленными; вблизи расплываются въ полупросвѣчивающій туманъ. Но вотъ и надъ головой черная туча; кругомъ все застлало. Крупныя капли западали одна за другою на рисунокъ моего альбома; вотъ вамъ и насиліе природы. Пришлось бросить только что начатое рисованіе и бѣжать въ ближайшую пещеру. Но замѣчу, сначала, поразившій меня фактъ; вершина была совершенно плоская, черная, голая поверхность скалы, изрѣдка съ цвѣтами. Ниже въ логу лежалъ снѣгъ.

Дождь быстро усиливался и скоро перешелъ въ крупный ливень. Мы бѣгомъ спускались по крутому склону, и искали знаменитой

Библиотека "Руниверс"

медвѣжьей пещеры, но такъ и не нашли ея. Эта пещера служила, какъ-то разъ, пріютомъ нѣсколькимъ лопарямъ. Вотъ что разказалъ о ней Григорій.

„Шло насъ тутъ пять или шесть человѣкъ. Выслѣживали мы оленей. Дѣло было поздней осенью. Поднялась непогодь, вьюга, буря, страшный громъ, молнія; ливень по временамъ переходилъ въ градъ. Вотъ мы шли тутъ, этимъ самымъ логомъ; прошли мы тогда вотъ эту снѣжную полянку; тутъ такимъ ливнемъ ударило, что всѣ мы подъ скалу поджались. Только вдругъ съ скалы-то на насъ и полило. Бросились мы куда-то въ стороны, и кричитъ одинъ изъ нашихъ, чуть ли не Потапъ: сюда, братцы, скорѣй. Мы къ нему,—не видимъ. Идемъ на голосъ,—сидитъ онъ въ глубокой пещерѣ. Забрались мы тоже въ пещеру. Сидимъ себѣ тихонечко, вода отливаетъ съ нашего платья. Отъ вѣтру и косаго ливня завѣсили мы входную дыру чьимъ то армякомъ. Кругомъ вѣтеръ ревetъ, буря шумитъ, ливень хлещетъ, молонья полоскаетъ, а мы себѣ вольготно сидимъ въ пещерѣ—тепло, да уютно. Только, вдругъ, поднимается уголокъ нашей завѣски—кафтана, и большая медвѣжья голова просунулась внутрь пещеры. Глаза-то блестятъ; сопитъ и точно спрашиваетъ: А что, Потапушко, хорошо тебѣ тутъ? Только, на благо, случилось у насъ съ собой три винтовки. Схватились мы за нихъ; курки-то какъ щелкнули—онъ сейчасъ голову-то назадъ; мы выстрѣлили, да видно не попали, потому что только онъ зарычалъ, да услышали мы какъ онъ затрусилъ отъ насъ рысцой. Вотъ, братецъ вы мой, какая это пещера".

„Такъ чего же ты меня туда хотѣлъ вести? Можетъ, и теперь тоже медвѣдь тамъ сидитъ?"

„Ну, нѣтъ, баринъ. Ужь если разъ онъ въ пещерѣ на такую оказію наткнулся, да человѣческій духъ есть, онъ туда не пойдетъ".

Мы обождали главный ливень подъ выступомъ скалы. Затѣмъ, считая направленіе отъ снѣговой глубокой ямы, взяли лѣвѣе и стали спускаться. Сначала спускъ не слишкомъ крутъ, то-есть, вѣрнѣе сказать, послѣ того, какъ спустишься почти по отвѣсному обрыву, сажени въ три-четыре, по грудѣ наваленныхъ обломковъ, потомъ можно смѣло идти среднимъ шагомъ, не прибѣгая къ помощи рукъ. Затѣмъ мы взяли еще лѣвѣе и прямо направились къ медвѣжьему логу. Поверхность, по которой приходится спускаться, составляетъ почти четвертую часть цилиндрической поверхности, ось которой совпадаетъ съ осью горы. То-есть, иначе говоря, разрѣзъ этой поверхности представилъ бы сильно выпуклую кнаружи дугу, почти

Библиотека "Руниверс"

четверть окружности. Поэтому понятно, что, чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ круче становился спускъ; наконецъ, на высотѣ послѣднихъ пятнадцати или двадцати сажень, онъ обратился въ отвѣсный. Я нѣсколько разъ соскальзывалъ внизъ, прокатываясь сажени двѣ-три внизъ на локтяхъ, по совершенно гладкой, почти отполированной поверхности; къ счастью, мѣстами, вѣроятно вслѣдствіе вывѣтрѣлости матерой породы, крѣпко сидѣло нѣсколько валуновъ, точно примерзли. Сверху черезъ мою голову летѣли и сыпались валуны и гальки, срывавшіеся изъ-подъ ногъ слѣдовавшаго за мною Григорія. Наконецъ я рѣшился окончательно соскользнуть внизъ; выбравъ мѣсто поглаже, безъ растительности и валуновъ, я на локтяхъ, оберегая свой барометръ, проѣхался внизъ и увязъ выше колѣнъ въ грудѣ щебня и галекъ. Спускъ совершенъ былъ благополучно. Мы были уже въ медвѣжьемъ логу.

Верховье его страшно круто и очень узко. Было бы немыслимо подниматься здѣсь. Затѣмъ дно его становится отложе и идетъ подъ угломъ около 50°, затѣмъ быстро дѣлается еще отложе и доходитъ до 30°. Мы были, приблизительно, въ этомъ именно пунктѣ. Тутъ груда песку, намытаго, очевидно, водой, масса галекъ, щебня, мелкихъ и среднихъ валуновъ; тутъ было очень удобно идти,—дорога плотная и почти ровная. Дальше количество песку уменьшается, величина валуновъ все растетъ, при чемъ ясно видно, что они выходятъ изъ-подъ песку, то-есть, они существуютъ и выше въ логу, но занесены щебнемъ и другимъ матеріаломъ. Тутъ тоже есть слѣды альпійской растительности, въ тѣхъ же самыхъ родахъ и видахъ, что и наверху. Но, кромѣ того, попадались наши старинные знакомые—купальница—Trientalis europaea, которой такъ много подъ Петербургомъ, около Павловска; она развита въ этомъ логу въ роскошныхъ представителяхъ. Но что за странность! Путь становится все труднѣе, валуны—все крупнѣе и крупнѣе; они совершенно лишились своего песчанаго покрова, и вотъ уже между ними пробивается чистый, какъ хрусталь, источникъ, несущій студеную воду. Валуны стали такъ велики и навалены они такими грудами, что приходится идти все время гимнастическимъ шагомъ, перескакивая съ одного на другой; при этомъ надо замѣтить, что они совершенно круглые и обкатанные. Изъ этого ясно—какое напряженіе глазомѣра, мускуловъ ногъ и нервной системы необходимо было употреблять, чтобы все время навѣрняка перебѣгать по такой мѣстности. А мы до этого сдѣлали уже около

Библиотека "Руниверс"

двадцати верстъ по самой отчаянной и крутой дорогѣ, мѣстами цѣпляясь просто на рукахъ. Утомленіе наше стало быстро расти.

По такимъ громаднымъ валунамъ пришлось скоро вскарабкиваться на высокую морену, метровъ въ 25—30 высотой; она покрыта уже первымъ лѣсомъ. Отсюда начинаются истыя муки. Не стану утруждать читателя подробнымъ описаніемъ пути; скажу только, что вскорѣ напали на насъ комары, пришлось надѣть сѣтки, а мы уже выбивались изъ силъ. Скачки, гимнастическій шагъ, съ постояннымъ напряженіемъ мускуловъ; спотыканіе и проваливаніе сквозь толстый моховой покровъ, который опять затянулъ толстымъ слоемъ всѣ громадные валуны, обманывая глазъ, перемежаемость валунныхъ грядъ съ широкими, мелкими, но сильно кочковатыми болотцами, по которымъ приходилось съ одной рыхлой кочки перескакивать на другую,—все это до такой степени изнурило насъ, что на одномъ изъ болотъ, споткнувшись на кочку, я упалъ навзничъ и не имѣлъ силъ подняться. Я лежалъ въ водѣ на спинѣ; все тѣло страшно ломило, руки были разбиты. Я не догадался взять коньяку; это бы подкрѣпило. Вѣроятно, къ утомленію въ значительной степени присоединилась и лихорадка, такъ какъ съ семи часовъ еще, на вѣтру, я былъ мокръ насквозь. Такъ лежалъ я, радуясь инерціи, извѣдывая истое блаженство настоящаго dolce far niente. Отдышавшись и сдѣлавъ крайнее нервное усиліе, я поднялся, и черезъ полчаса мы были дома. Только передъ самымъ домомъ по лѣсу пронеслось страшное гоготаніе.

„Вотъ, это онъ! Это шишъ!“

Надъ головой нашею мѣрно пронеслась большая птица. Невдалекѣ она усѣлась на дерево, и снова, ясно въ ея направленіи, раздалось страшное гоготаніе: Не было сомнѣнія — это крикъ птицы. (Одна изъ породъ сарычей—Buteo—точно неопредѣленная).

Придя домой, я не имѣлъ силъ снять съ себя что-либо; меня раздѣли, какъ ребенка, и выпивъ полстакана коньяку, промокшій и продрогшій, я моментально заснулъ.

Отправляясь съ послѣдней на Имандрѣ станціи—Куреньги дальше на сѣверъ, вы прощаетесь съ озеромъ, такъ какъ, уже поднявшись на нѣсколько сажень вверхъ, по горѣ Куреньга-варака, состоящей изъ бѣлаго сіенита, вы вступаете по очень извилистой тропинкѣ въ крупный лѣсъ, изъ-за котораго и не видно озера.

Тропинка круто поднимается вверхъ, затѣмъ послѣ нѣсколькихъ

Библиотека "Руниверс"

извилистыхъ заворотовъ вы начинаете опять спускаться. Пройдя такимъ образомъ лѣсомъ около 4 верстъ, приходите къ новому озеру, носящему названіе Пиресъ-Яури. Озеро своеобразно потому, что здѣсь особенно сильно развиты длинные, узкіе и высокіе каменистые наволоки. Они отдѣляютъ отъ озера весьма узкія, длинныя бухты, тянущіяся почти параллельно самому озеру. По этому озеру приходится проѣхать двѣнадцать верстъ, тогда вы достигаете водораздѣла, то-есть, той узкой полосы земли (всего полторы версты шириной), которая отдѣляетъ другъ отъ друга два смежныхъ озера—Пиресъ-Яури отъ сѣвернаго Колозера. Воды Пиреса текутъ на югъ въ Бѣлое мо́ре; воды Колозера въ рѣку Колу, впадающую въ Ледовитый океанъ. Этотъ водораздѣлъ не заключаетъ въ себѣ какого-либо каменистаго кряжа; это просто низменная, болотистая полоса земли, поднимающаяся надъ обоими озерами метра на три или четыре (не болѣе двухъ сажень на протяженіи полутора верстъ).

Колозеро заканчивается на сѣверѣ высокими Масельскими тундрами, совершенно голыми, сѣрыми, утесистыми горами, скалистые отроги которыхъ продолжаются и на востокъ, и на западъ. Отъ Колозера идетъ на сѣверъ сухопутный переходъ на Пуолъ-озеро, длиной въ 4 версты. Тутъ нѣтъ ничего интереснаго, а потому перейдемъ прямо къ Пулозеру.

Озеро это вполнѣ вознаграждаетъ путешественника за тотъ страшно трудный переходъ, который приходится сдѣлать съ Колозера на Пулозеро. Оно прелестно. При своей вообще сильно извилистой формѣ, множествѣ заливовъ и бухтъ и изрѣзанности общей береговой линіи, съ массою мысовъ и наволоковъ, оно имѣетъ, большею частью, крутые берега, покрытые ровнымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. По ровной водной поверхности разбросана масса островковъ съ широкими песчаными берегами и яркою зеленью лиственныхъ деревъ. Берега круто ползутъ въ гору, и за угрюмыми голыми скалами, высящимися надъ ближайшими вершинами еловаго лѣса, мягко голубѣютъ вдали громадныя тундры, голыя скалистыя горы. Прелесть озера заключается особенно въ томъ, что оно не докучаетъ вамъ унылостью своихъ однообразныхъ формъ и очертаній; оно богато быстрою смѣною характера береговъ, быстрою перемѣной видовъ, которые, при крутыхъ поворотахъ озера, неожиданно открываются предъ вами изъ-за каждаго высокаго наволока, изъ-за каждаго мыса.

Берега, то совершенно прямые, вытянутые въ струнку, съ одинаково крутымъ склономъ и точно повсюду искусственно устроенною

Библиотека "Руниверс"

набережной—грядой валуновъ, которая на одинаковой высотѣ, тянется на нѣсколько верстъ вдоль берега. Затѣмъ идутъ игриво извивающіеся берега съ сельгами и наволоками, смѣняющимися бухтами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, берега то падаютъ, то снова возвышаются утесистыми скалами надъ гладкою поверхностью озера. Послѣ круто падающей сельги, покрытой моховымъ покровомъ и поросшей рѣдкимъ соснякомъ, съ грядою валуновъ у ватерлиніи, вдругъ берегъ становится отлогимъ, поросшимъ березнякомъ, съ узкою полосой гравія; а вдали виднѣется уже совершенно другаго характера—темный сосново-еловый, вообще хвойный, боръ, съ широкою песчаною полосой побережья.

Прелестно это сочетаніе темнаго, почти черно-зеленаго, густаго бора на круто вздымающихся скалахъ; внизу широкая полоса ярко оранжеваго песку, опоясывающаго нѣжно голубую, изрѣдка темно-синюю поверхность Пулозера. Съ правой стороны поднимается голая, на своей вершинѣ, тундра Чурма-Уавинчъ. Она, судя только по одному глазомѣру близко подходитъ по высотѣ къ Сырой тундрѣ. Но если принять во вниманіе распространеніе лѣсной растительности и широту, то надо признать, что она значительно ниже послѣдней; а именно, растительность лѣсная здѣсь немного не доходитъ до самой вершины; на Сырой Тундрѣ довольно далеко отъ вершины прекращаются лѣса. Затѣмъ эта Чурма-Вавинчъ лежитъ гораздо сѣвернѣе Сырой тундры, по крайней мѣрѣ на 140 верстъ; поэтому здѣсь растительность должна была бы быть значительно ниже той высоты, до которой она поднимается по Сырой тундрѣ. Противъ Чурма-Вавинчъ, на противоположномъ берегу лежитъ Варака, называемая Кустменъ-Варынчъ. Она значительно ниже Чурмы, уже потому, какъ показываетъ и самое лопское названіе ея, что это варака, то-есть, гора, вершина которой покрыта сплошнымъ лѣсомъ.

Когда вы находитесь какъ разъ посрединѣ между Чурма-тундрой и Кустменъ-Варакой, и притомъ близъ середины озера, то передъ вами открывается цѣлый рядъ песчаныхъ мысовъ, съ лѣваго берега острою стрѣлкой вдающихся въ озеро и своимъ ярко желтымъ или оранжевымъ цвѣтомъ, бросающихся въ глаза еще издали. За спиной у васъ поднимается громадная Пу-чокъ-Варанчъ, или просто Чокъ-Варанчъ, которая лежитъ на пути четырехверстнаго перехода съ Колозера на Пулозеро и остается влѣво. Она имѣетъ двойную вершину. По срединѣ длины Пулозера, на западномъ его берегу, выдаются острыми мысами двѣ длинныя песчаныя косы. Это наволоки—Стольбеняркъ и Оккольни-няркъ (зимній наволокъ). Между ними образуется

Библиотека "Руниверс"

глубоко врѣзавшаяся въ материкъ губа или, вѣрнѣе, бухта. Стольбе-нярк̀ъ очень низкій и песчаный; прямо противъ него находится на противоположномъ берегу глубокая бухта. Вообще въ этомъ мѣстѣ озеро сильно расширяется, такъ что достигаетъ до двухъ верстъ ширины. Какъ Стольбе-нярк̀ъ, такъ и Оккольнинярк̀ъ сильно, врѣзывается въ озеро. Послѣдній—также песчаный наволокъ, но нѣсколько выше перваго и при основаніи слегка поросъ еловымъ лѣсомъ. Въ этомъ мѣстѣ, среди двухъ бухтъ, озеро очень глубоко и, по словамъ Лопарей, достигаетъ 27 сажень глубины, тогда какъ Имандра, при своей девятидесятиверстной длинѣ и тридцативерстной ширинѣ и при томъ, что извѣстно своими бурями и страшными волнами, имѣетъ наибольшую глубину только въ 20 сажень. Берега здѣсь опять также гористы, какъ и раньше. Такъ съ лѣвой стороны поднимаются двѣ тундры одного имени — Куалда Вуавинчъ; изъ нихъ южная выше. За ними поднимается высокая, но очень отлогая Пульчекъ Вавинчъ. Впереди еще Ангись-Варь или Гангесъ – гора; съ юга виднѣются, за спиной, Чекъ-Варанчъ; а за нею голубыя, въ дымкѣ, Хибины тундры, съ ихъ бѣлыми, свѣжными пятнами на вершинахъ.

Въ трехъ верстахъ отъ конца Пулозеро сильно суживается, такъ что ширина его не превосходитъ полуверсты. Интересно то, что это суживаніе, начинающееся въ озерѣ, задолго служитъ предвѣстникомъ тѣхъ тѣснинъ, въ которыхъ течетъ рѣка Кола, берущая начало въ Пулозерѣ и впадающая въ слѣдующее Мурдозеро. Здѣсь, при въѣздѣ въ рѣку и въ устьѣ ея, приходится спуститься по небольшимъ, но крутымъ водопадамъ.

Я былъ занятъ своимъ дневникомъ и приведеніемъ въ порядокъ лопарскаго словаря.

„Баринъ, а баринъ, читай молитву!“

Я съ недоумѣніемъ поднялъ голову. Лопарь спокойно гребъ. Кругомъ все было совершенно тихо, спокойно. Водная поверхность рѣки совершенно гладкая; песчаныя отмели такъ привѣтливо опоясывали лѣсистые берега. Изрѣдка виднѣлись на нихъ стрѣлки розовыхъ луговъ, мѣстами густо покрывающихъ песчаныя берега.

„А что?“

„А вотъ тутъ мало-тка проѣдемъ, такъ какое каменье перво пойдетъ; потомъ тебѣ пахты (скалистые береговые утесы) будутъ. Въ пахтахъ-то больно узко, ну вода и поднялась, да черезъ каменье съ пѣною бѣжитъ; а мѣстомъ однимъ, такъ и совсѣмъ лодку

Библиотека "Руниверс"

подхватитъ. Дѣйствительно, прошло минутъ десять. Лопарь обратился къ сестрѣ, что-то сказалъ ей по лопски. Она положила весла, намочила руки. Потомъ разстегнула одежду и что-то сказала ему. Братъ тряхнулъ головой, снялъ поярковую шляпу, перекрестился нѣсколько разъ, поплевалъ на руки, и оба они стали усиленно и часто грести.

„Держись за лодку!“ крикнулъ онъ мнѣ.

„Да я и такъ крѣпко сижу“.

„Держись, говорю. Храни Богъ тряхнетъ; всю лодку опрокинешь!“

Я взялся за борта. Дѣйствительно, спереди, справа и слѣва бѣжали намъ на встрѣчу громадные валуны, торчавшіе изъ воды. Они быстро мелькали по сторонамъ лодки и оставались за нами. Теченіе видимо усиливалось. Поверхность воды стала струистая. Лопари все сильнѣе налегали на весла и гребли уже изо всѣхъ силъ. Вотъ показались впереди два особенно крупные валуна; по обѣимъ ихъ сторонамъ утесы пахтъ, сжимавшіе русло рѣки въ тѣснинахъ. За камнями водная поверхность, казалось, какъ-то обрывалась и исчезала. Слышалось какое-то рокотаніе.

„Ну, баринъ, смирно держись!“

И съ этими словами Лопарь, какъ-то усиленно зачастивъ, нѣсколько разъ сильно ударилъ веслами; лодка летѣла, какъ стрѣла, насъ потянуло еще шибче. Вотъ и скалы; онъ ударилъ еще два раза; мы очутились среди большихъ валуновъ. На разстояніи сажени—или полутора, вода била внизъ сплошною струей и кончалась внизу массой рокочущей пѣны; потомъ былъ „отбой“, и опять рѣчка бурливо неслась дальше. Высота этого водопада всего два аршина, но крутизна его могла бы погубить неопытнаго. Разогнавъ сильно лодку, мы только скользнули по водопаду, перелетѣли черезъ полосу возвратнаго отбоя, и быстро обогнувъ торчащій почти противъ прохода струи большой валунъ, понеслись дальше. Первое впечатлѣніе было сильно; но дальше такіе водопадики встрѣчались часто, и на нихъ привыкаешь смотрѣть, какъ на заурядное явленіе.

IV.

Проѣхавъ послѣднее—Мурдозеро и нѣсколько верстъ по Колѣ-рѣкѣ. вы достигаете послѣдней передъ Колой станціи—Кицъ. Это—одна изба, стоящая при сліяніи двухъ рѣкъ, образующихъ крупные водоскаты.

Библиотека "Руниверс"

Оттуда приходится сдѣлать большой переходъ пѣшкомъ, болѣе восемнадцати верстъ. На этомъ пути меня заинтересовалъ вопросъ: когда же, наконецъ, кончится лѣсная растительность? Мы шли все дальше и дальше, подвигаясь постоянно на сѣверъ, а между тѣмъ вовсе не было видно признаковъ ослабѣванія лѣсной растительности. Мы находились на широтѣ 68° 30′, на горѣ Овечьей Варакѣ, въ 35 верстахъ къ югу отъ города Колы. Между тѣмъ, не смотря на значительность этой широты (мы были далеко за полярнымъ кругомъ, верстъ на 200 дальше его), не смотря на ту большую высоту, на которой находились (высота Овечьей Вараки 93 сажени), деревья поражали меня своимъ разнообразіемъ и мощностью. Тутъ были ели, сосны нѣсколькихъ породъ; громадныя березы, рябины, даже осины, которыя, какъ извѣстно, относятся къ разряду тополей (Populus tremula). Заинтересованный этимъ предметомъ вообще, а еще потому, что Нѣмцы-географы, означая границу лѣсной растительности для русской Лапландіи, ведутъ ее почти по самому полярному кругу, я занялся измѣреніемъ толщины деревьевъ. Вообще надо замѣтить, что лѣсная растительность здѣсь развита гораздо сильнѣе, чѣмъ мы привыкли себѣ представлять. Такъ на 10 верстъ сѣвернѣе Колы, подъ 69° сѣв. шир., лѣсная растительность поднимается на высоту 250 метровъ (или 820[1]). Поэтому привожу здѣсь нѣсколько чиселъ, показывающихъ обхватъ деревьевъ, на высотѣ одного метра (1,4 аршина) отъ поверхности земли. Встрѣчались сосны въ 130, 139, 135, 133, 133, 127, 120, 170, 149, 133, 137 и 155 сантиметровъ въ обхватѣ. И это притомъ числа среднія, то-есть, экземпляры были не нарочно выисканы, а брались тѣ, которые ближе къ дорогѣ. И при этомъ находились деревья, обхватъ которыхъ равнялся безъ малаго двумъ съ половиной аршинамъ. Березы были относительно тоньше. Но все-таки вотъ числа—въ сантиметрахъ: 72, 66, 55, 57, 82, 104, 75, 82.

Среднее для сосенъ . . . . 126,22 sm. (1,8 аршина)

Среднее для березъ . . . . 74,1 sm. (1 аршинъ),

Значитъ, мы приходимъ къ тому очень важному выводу, что растительность не ослабѣваетъ на сѣверѣ вслѣдствіе климатическихъ условій. А если и замѣчается мѣстами отощавшая растительность, то этотъ фактъ нужно приписать исключительно тому, что въ этихъ пунктахъ грунтъ чрезвычайно тощій. Дѣйствительно, если въ Маселькѣ [1])

[1]) *Маселька*—станція на берегу Колозера.

Библиотека "Руниверс"

и между Кицами и Колой мы видимъ чрезвычайно убогую растительность, то только потому, что въ обоихъ этихъ пунктахъ грунтъ состоитъ изъ сплошной скалы, покрытой только весьма тонкимъ ледниковымъ наносомъ, состоящимъ изъ гранитнаго щебня, толщиной въ четверть или до полу-аршина. Существованіе лѣсной, лиственной растительности въ Кольской губѣ, подъ 69° сѣв. широты, притомъ на высотѣ до 250 метровъ, на горѣ Горѣлая тундра, блистательно подтверждаетъ мою мысль.

Отъ Овечьей Вараки, которая находится почти у самой станціи Кицы, всего верстахъ въ трехъ отъ нея, дорога идетъ сильно подъ гору и проходитъ по очень широкой равнинѣ, въ началѣ поросшей рѣдкимъ сосновымъ и березовымъ лѣсочкомъ; дальше она видоизмѣняется въ жалкое болотце, сильно кочковатое, поросшее богульникомъ, двумя ёрниками и сильно корявыми березышками. По всему болоту блеститъ ржаво-красная вода; удушливый запахъ испареній воды и дурманъ отъ богульника захватываютъ вамъ духъ, и вы спѣшите скорѣе выбраться изъ этой области. Но напрасенъ трудъ: путь длиненъ. Переходъ составляетъ восемнадцать верстъ, и изъ нихъ семь идутъ по самой неприглядной мѣстности.

Изрѣдка видны очень небольшія озерки. Изъ нихъ берутъ начало ничтожныя рѣченки, пробивающіяся среди болотистыхъ равнинъ. Мѣстами поднимаются среди болотъ отдѣльные купола скалистыхъ утесовъ, со срѣзанными и круто обточенными, закругленными вершинами. Они разсѣяны по равнинѣ совершенно особняками, и я не замѣтилъ никакой правильности въ ихъ расположеніи. Скучная, чрезвычайно однообразная мѣстность сразу смѣняется на новую. Пройдя широкую долину, вы достигаете, наконецъ, противоположнаго берега и поднимаетесь на крутую гору. Здѣсь растительность снова поражаетъ своею силой. Совершенно прямыя, высокоствольныя березы, ивы, рябины, лонницеры, изъ жимолостевыхъ, все это перемѣшано съ великолѣпными темно-зелеными елями, образующими у самой земли густой шатеръ сучьевъ. Сосны, можжевельникъ, ёрникъ, папоротники дополняютъ картину. Разрѣзной, тонко-разсѣченный листъ папоротника перемежается своими легкими воздушными формами съ тяжелыми по очертаніямъ листьями лопушника. Вотъ забѣлѣла масса вѣчно колоніальныхъ корпусовъ [1]), и также вѣрныхъ ихъ соговарищей—

[1]) Cornus suecica.

Библиотека "Руниверс"

тріенталисовъ (звѣздчатка); [1]) желтые лютики ярко блестятъ въ густо-зеленой листвѣ, точно весело разбѣжались они по лугу и тамъ игриво переглядываются съ разныхъ концовъ. Вотъ рядомъ двѣ воздушныя эфемерныя красавицы сѣвера съ нѣжно-розовыми цвѣточками—высокая андромеда и ползучая, вьющаяся линнея, съ тонкими нѣжными стрѣлками, несущими всегда только по два розовые колокольчика, задумчиво поникшіе головами. Вотъ и нѣжныя незабудки кокетливо щеголяютъ своимъ небесно-голубымъ цвѣтомъ, и точно какое-то соревнованіе сближаетъ здѣсь эти прелестные цвѣты. Дальше и дальше вы углубляетесь въ громадный лѣсъ. Узкая тропинка, проложенная здѣсь, своевольно извиваясь, завлекаетъ васъ въ невѣдомую темную глубь лѣсовъ все выше и выше; чище становится воздухъ. Нѣтъ больше удушливыхъ испареній и одурманивающихъ запаховъ. Чистое чудно-голубое небо у васъ надъ головой, прелестная густая листва подъ ногами. Цвѣты щедрою рукой разбросаны по лужайкамъ. А кругомъ! Чудесный сосновый боръ, съ примѣсью крупныхъ березъ, смѣняетъ тотъ подлѣсокъ смѣшаннаго характера, который преобладалъ около болотистой опушки. Это Шонга-варака. Вотъ нѣсколько прихотливыхъ поворотовъ дорожки, ведущей васъ черезъ скалы, вотъ крутые спуски и снова подъемы.. Еще нѣсколько поворотовъ, и вдругъ предъ вами открывается волшебная картина. Тропинка выводитъ васъ къ обрыву крутой скалы. Лѣсъ разступается и предъ вами, далеко внизу, необъятная равнина, по которой тихо, задумчиво катитъ свои воды широкая, темно-синяя рѣка. Это Кола-рѣка. Эта синяя лента окаймлена широкими рѣзко очерченными берегами, песчаными наносами ярко желтаго цвѣта. На верху, дальше, поднимаются громадныя скалы, на которыя до самаго верху всползаетъ громадный сосновый боръ. Внизу у воды цѣлая кайма ярко зеленыхъ громадныхъ березъ, сажень по 10 высотой. Среди громаднаго, сосново-еловаго бора ярко блестятъ изрѣдка разбросанныя зеленыя березы. Растительность такъ густа, такъ могущественна, что сочетаніе чудеснаго ландшафта и мощной природы переноситъ невольно ваши мысли куда-то далеко, на югъ, на чудные берега южнаго Чернаго моря. Спускаетесь вплизъ съ Шонга-вараки, и вотъ—у самыхъ вашихъ ногъ та Кола-рѣка, по которой вы уже раньше ѣхали, и по которой предстоитъ те-

[1]) Trientalis europaea.

Библиотека "Руниверс"

перь проѣхать еще восемнадцать верстъ. Опять пороги, пахты, скалы и подводные, и надводные камни. Опять водоскаты и каскады; мѣстами водопады на берегахъ,—это впадаютъ ручьи, съ прелестною студеною ключевою водой. Кругомъ, и справа, и слѣва, опять граниты и гнейсы; высокія скалы, а на нихъ крупные хвойные лѣса. Вотъ, наконецъ, первое жилище цивилизованнаго человѣка. Вы видите избу, скотный дворъ, коровъ, плетни, невода и прочія мелочи, которыя сами по себѣ не составляютъ ничего особеннаго, но когда вы прошли 270 верстъ, не видавъ ничего подобнаго, а раньше того мѣсяцъ ѣхали по Бѣлому морю, то вы дѣйствительно оцѣните это жилище цивилизованнаго человѣка. Здѣсь вы можете напиться молока и даже взять его про запасъ. Здѣсь, подъ 69° с. ш., вы видите поле-обработанное и засѣянное ячменемъ; вотъ нѣсколько грядъ картофелю, брюквы и рѣпы. Это финляндскій колонистъ Матвѣй. Мѣсто это интересно еще и потому, что здѣсь, въ Колѣ, рѣкѣ, живетъ послѣдній боберъ, сохранившійся до сихъ поръ. Меня только беретъ сомнѣніе, не нерпа ли это, зашедшая сюда въ половодье? Еще верстъ семь ѣзды—и конецъ путешествію. Остается пройдти пѣшкомъ три версты, и вы въ Колѣ.

Опять сгружается весь багажъ съ лодокъ, опять дѣлаются ташки и опять гуськомъ тянется нашъ караванъ.

Сперва идетъ небольшая поляна, всего на нѣсколько аршинъ возвышающаяся надъ рѣкой; далѣе тропинка вводитъ въ небольшой лѣсъ; затѣмъ поднимаетесь въ гору все круче и круче и идете по поверхности довольно значительнаго плато, совершенно ровнаго. Это возвышенная равнина; только на самомъ концѣ ея вы замѣчаете двѣ-три поднимающіяся на ней горушки, одинаковой формы—совершенно правильныхъ конусовъ. Они составлены изъ массы щебня и песку. Это такъ-называемыя „сахарныя головы“. За ними тотчасъ же, тропинка круто спускается внизъ, въ лощину, обильно усѣянную валунами всевозможныхъ размѣровъ. Они краснорѣчиво говорятъ вамъ о способѣ образованія и вообще объ главномъ виновникѣ топографическаго строенія этой мѣстности. Снизу вы замѣчаете, что и на „сахарныхъ головахъ“ сидятъ тоже нѣсколько крупныхъ валуновъ; слѣдовательно, онѣ ледниковаго образованія.

Наконецъ, вотъ послѣдній подъемъ, говоритъ вамъ проводникъ. Это Соловарака. Подъемъ на нее невысокъ. Вы опять на плато, поверхность котораго кажется вамъ совершенно ровною и гладкою. Только крупные валуны да лѣсокъ нарушаютъ однообра-

Библиотека "Руниверс"

зіе равнины. Но въ дѣйствительности здѣсь существуютъ двѣ глубокія котловины, посреди нихъ—озера. Спускъ, края котловинъ очень круты; форма почти правильная, конусообразная; лѣсъ покрываетъ окрестности ея. Затѣмъ еще одна глубокая поперечная долина прорѣзываетъ Соловараку; она соединяетъ долину рѣки Колы съ долиной Туломы. Мѣстами по Соловаракѣ разбросаны небольшіе участки мелкаго березоваго лѣска, поднимающагося не выше двухъ сажень. Пройдя около полуверсты по Соловаракѣ, вы приходите къ отвѣсному обрыву ея и видите передъ собою, на глубинѣ 80 метровъ (40 сажень), широкую равнину, мысомъ вдающуюся въ громадное водное пространство. Это сліяніе двухъ рѣкъ Колы и Туломы. При сліяніи ихъ стоитъ городъ Кола. На самомъ дальнемъ, мысу, отъ Соловараки, на концѣ равнины, расположенъ городъ. Спустившись внизъ съ высоты болѣе чѣмъ 40 сажень, вы видите, что находитесь опять-таки на довольно значительной высотѣ; но самый городъ теперь скрывается отъ васъ. Только правѣе, на сѣверо-востокѣ блеститъ высокая бѣлая каменная церковь.

Кола—маленькій торговый или, скорѣе, промышленный городъ. Здѣсь живутъ преимущественно или рыбопромышленники, поморы, китобои, все судохозяева;—нѣкоторые очень богатые (напримѣръ, Ловушкинъ, Хохловъ), или же чиновники. Исправникъ, полицейское правленіе, училище и священникъ съ причтомъ, вотъ все, на чемъ можно остановиться. Маленькій городокъ этотъ раскинулся широко по всему мысу. Всего домовъ около двухъ сотъ. Нѣкоторые вытянуты вдоль Кольской губы, тамъ, гдѣ находится каменная церковь. Это сѣверный конецъ города. На востокѣ, вдоль рѣки Колы, мало домовъ. На западѣ, вдоль очень высокаго, сажень до восьми, берега, вытянулся большой рядъ построекъ. На самомъ мысу, на песчаномъ берегу, идетъ рядъ амбаровъ, въ которыхъ сложены оленьи шкуры, рога, рыба въ бочкахъ и боченки съ моченою морошкой. Кольская морошка славится на сѣверѣ. Такъ какъ городъ вытянулся главнымъ образомъ, по двумъ направленіямъ, угломъ, то поэтому здѣсь всего двѣ пересѣкающихся улицы. Лѣтомъ (я былъ здѣсь отъ 2-го до 28-го августа) вы здѣсь почти не видите мужчинъ. Всѣ расходятся на заработки. Судохозяева, еще зимой, или ужь самою раннею весной, запасаются рабочими, матросами, зуйками и сотоварищами по промыслу. На лѣто все уходитъ „на Мурманъ“, то-есть, въ Терібергу, на Три острова, Гавриловку и т. д. Тамъ, въ становищахъ, остаются до поздней осени, и въ октябрѣ всѣ собираются домой. Поэтому лѣтомъ Кола—городъ

Библиотека "Руниверс"

женскій. Недаромъ, дѣйствительно, мнѣ говорили Лопари, что въ Колѣ все великаны. Въ самомъ дѣлѣ, Коляне и Колянки—народъ рослый. Это чисто Русскіе, Великороссы; они считаются новгородскими выходцами. Изъ мужчинъ я видѣлъ только стариковъ. Громадные, широкоплечіе, широко-сложенные, коренастые, нѣсколько тяжелые на ходьбѣ: вотъ общій типъ. Женщины такія же;—высокія, плотныя, высокогрудыя, бѣлыя и красивыя лицомъ. Такъ какъ всѣ онѣ зажиточны, то не только изысканно одѣваются, но и носятъ золотыя украшенія, отдѣланныя мѣстнымъ жемчугомъ.

„Что, батюшка, каковъ нашъ городъ?“ спрашивалъ меня вечеромъ мѣстный исправникъ, добродушный старикъ, очень радушно принявшій насъ.

„Да, по правдѣ вамъ сказать, городишко дрянной, скучный, маленькій. Голо все кругомъ. Хоть бы одно деревцо“.

„Вотъ это правда. Да, нѣтъ, вотъ, возьмите что. Говорятъ Повѣнецъ—свѣту конецъ. А Кола-то куда за Повѣнецъ ушла! Вѣдь то возьмите въ разчетъ, сообщеній никакихъ нѣтъ. Ну, хорошо — вы, человѣкъ молодой! А вотъ кому старику служащему надо ѣхать. Только и есть что пароходъ на Архангельскъ. Да вѣдь и это, если лѣто, да если морянки нѣтъ. А другая дорога вотъ „трактъ“, которымъ вы шли. Шутка ли восемнадцать верстъ пѣшкомъ. А если распутица, или дожди, напримѣръ. Вѣдь нѣтъ пути. А зимой вьюга, пурга—иди пѣшкомъ, да неси еще, что придется. Народъ-то простой жалѣешь; а самому и не въ моготу“.

На другой день, рано утромъ, мы по предложенію исправника отправились на охоту на рѣку Тулому. Выѣхали мы втроемъ изъ Колы. У насъ было два хорошихъ гребца, Финляндца. Приливъ только что начинался, такъ что мы собрались во время. Обогнувъ низкій каменистый мысъ, выдающійся отъ крайнихъ амбаровъ, какъ разъ у того мѣста, гдѣ Кола рѣка сливается съ Туломой и образуетъ Кольскую губу, мы въѣхали въ рѣку Тулому. Теченіе сталкивалось здѣсь съ напиравшею морскою приливною волной, и вода кружилась, тихо журча и образуя на поверхности зеркально-блестящія выпуклины. Съ лѣвой стороны тянулся высокій берегъ, на которомъ цѣлымъ рядомъ вытянулись дома Колы. Этотъ песчаный берегъ почти отвѣсно поднимается на шесть сажень. Затѣмъ берегъ съ лѣвой стороны (правый берегъ) далеко отступаетъ отъ главнаго русла, образуя широкую бухту. Лѣвый же берегъ тянется почти прямо, образуя только небольшія излучины. Здѣсь, въ широкомъ разливѣ Туломы, помѣстился ма-

Библиотека "Руниверс"

ленькій Татарскій островокъ. Онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что состоитъ весь изъ наноснаго, мелкаго, сыпучаго песку, образующаго среднюю его часть въ формѣ высокаго конуса. Кругомъ него совершенно правильнымъ кольцомъ, расположилась масса крупныхъ валуновъ, мѣстами въ одинъ, а гдѣ—и въ два ряда. Съ нимъ связаны преданія. Говорятъ, онъ прежде былъ довольно большимъ островомъ; такъ что на немъ хоронили Лопарей, Кореловъ, Чухонъ и „всякую нечисть", какъ объяснялъ мнѣ одинъ старый рыбакъ. По этому-то этотъ островъ и получилъ названіе Татарскаго. Затѣмъ на немъ хоронили утопленниковъ, самоубійцъ и преступниковъ. Поэтому теперь, при разрушеніи островка, дѣйствительно, не трудно отыскать ту или другую кость отъ человѣческаго скелета: Я, напримѣръ, нашелъ здѣсь хорошо сохранившійся черепъ и бедряную кость. Теперь острозокъ имѣетъ форму сахарной головы, окруженной точно заборомъ изъ большихъ каменьевъ. По откосамъ, мѣстами, здѣсь берега его поросли Elymus arenarius. Дальше, тянется большой и высокій островъ, носящій названіе Нѣмецкаго. Онъ также сложенъ, главнымъ образомъ, изъ песку и также находится въ періодѣ сильнаго разрушенія.

Съ правой стороны, на лѣвомъ берегу Туломы, начали одна за другой обрисовываться ярко-красныя пахты, береговыя, отвѣсныя скалы. Выше ихъ поднимается очень крупный сосновый и еловый лѣсъ; нѣкоторыя ели достигаютъ здѣсь высоты въ 12—13 саженъ. Къ главнымъ хвойнымъ породамъ въ значительномъ количествѣ примѣшиваются ивы на берегу, затѣмъ большія березы, осины, мѣстами образующія цѣлыя рощи, рябины, можжевельникъ; и проч.

Верстъ семь приходится ѣхать по Туломѣ совершенно прямо; теченіе обратное, образовавшееся отъ приливной волны, такъ-называемый боръ, видимо несло насъ вверхъ. Быстро подвигались мы впередъ. Вотъ съ лѣвой стороны высоко поднимается отдѣльнымъ куполомъ стоящая Караульная варака. Сначала внизу она поросла лѣсомъ; дальше вертикально вверхъ поднимаются отвѣсныя сѣрыя скалы, мѣстами сильно изрытыя трещинами, въ которыхъ какимъ-то чудомъ пріютилось нѣсколько корявыхъ березокъ и сосенокъ. Самая вершина слабо зеленѣетъ. Очевидно,—тамъ владычествуютъ мхи и лишаи, да развѣ еще кустарниковые ёрники да вороника поддерживаютъ славу древесной растительности. Эта варака поднимается на высоту около двадцати саженъ. Надъ вершиной ея мѣрно кружатъ три сарыча (Archibuteo), держась все время на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ

Библиотека "Руниверс"

друга и послѣдовательно то исчезая, то снова появляясь изъ-за остраго угла колоннообразнаго утеса Караульной вараки.

Вотъ съ правой стороны еще выше поднимается живописная Соколиная варака; въ нѣсколько ярусовъ, утесами поднялась она къ небу, и точно какой-нибудь средневѣковой, феодальный замокъ рисуется на немъ своими одиноко стоящими громадами.

„Смотрите-ка, здѣсь вотъ, мы теперь совершенно спокойно проѣзжаемъ. Вамъ и въ голову не придетъ, что тутъ внизу, подъ этою высокою водой, сильнѣйшій и крутой порогъ.

„Да неужели же приливъ хватаетъ такъ далеко? Вѣдь мы отъ Колы отъѣхали верстъ на восемь? Да къ тому же Кольская губа еще 60 верстъ длины; значитъ, сколько надо приливу, чтобъ и до Колы добраться".

„Придетъ хорошая волна, такъ приливъ за восемьдесятъ верстъ отъ моря воду подыметъ. Да еще, видите ли, въ чемъ дѣло. Здѣсь на Туломѣ пять большихъ пороговъ. Вотъ этотъ, на первомъ поворотѣ отъ Колы направо, первый и самый большой. Послѣдній, пятый, до котораго можно еще доѣхать верстъ за тридцать отсюда, и въ немъ все-таки еще вода поднимается, такъ что до половины его можно на лодкѣ въ половодье проѣхать".

Дѣйствительно, мы круто завернули направо, въѣхали въ какую-то излучину и, обогнувъ высокую столовую гору, опять повернули налѣво, и предъ нами открылась широкая рѣка, съ блестящими, песчаными берегами. Здѣсь рѣка, встрѣчая препятствіе въ камняхъ пороговъ и въ крутомъ поворотѣ, сильно разливается въ ширину и скорѣе похожа на озеро, нежели на рѣку.

Мы быстро подвигались впередъ, и виды смѣнялись одинъ за другимъ. Мое вниманіе было обращено на какіе-то кружки, матово-желтыхъ пленокъ, которые, медленно вращаясь, тихо плыли по самой поверхности воды.

„Что это, не знаете ли?"

„Да часто я видалъ эти круги. А въ толкъ взять не могу! Я думаю—рыба какая-нибудь шкурку теряетъ".

Я внимательно разсматривалъ эти тѣльца, быстро проплывавшія мимо насъ, но ничего не могъ объяснить себѣ. Наконецъ, взявъ одинъ кружокъ на ладонь и тщательно разобравъ его, я убѣдился, что это ничто иное, какъ плювчій песокъ. Дѣйствительно это былъ цѣлый рядъ сцѣпившихся песчинокъ, образовавшихъ сѣтку. Я такъ объяснилъ себѣ это плаваніе кварцевыхъ зеренъ. Сухой песокъ

Библиотека "Руниверс"

лежитъ на берегахъ пороговъ. Онъ совершенно пересыхаетъ на солнцѣ, и возможно даже, что онъ перекатывается. Каждая песчинка окружена воздухомъ. Приливная вода, сталкиваясь съ теченіемъ, какъ стѣна со стѣной, первоначально напоромъ своимъ производитъ только вертикальное поднятіе. Поэтому вода сама осторожно приподнимаетъ верхній слой песку, который, не смачиваясь, плаваетъ поверху.

Проѣхали мы и второй порогъ, и предъ нами открывается прекрасный песчаный островокъ весь въ зелени. Это Матрешкинъ островъ. Какая дивная растительность. Въ серединѣ густыя заросли ивы, около нихъ таволга, Spiraca ulmaria, болѣе сажени высоты; вся она завита и густо запутана викой и какимъ-то Latyrus; рядомъ, на песчаной площадкѣ густые кусты краснаго чертополоху (Cirsium), болѣе сажени высотой; какъ бы въ подлѣсокъ ему кругомъ стоитъ двухъ-аршинный тысячелистникъ (Achillea millifolium). Кругомъ по сторонамъ луговая ерань, какіе-то неизвѣстные мнѣ ярко-голубыя цвѣты.

„Утки, утки!“ толкнулъ меня осторожно спутникъ.

Мы быстро перебрались опять въ лодку и огибали мысокъ, надѣясь остаться не замѣченными. И дѣйствительно, утки подпустили насъ близко, но хотя мы стрѣляли старательно, ни одной не убили. Это были нырки: они такъ осторожны, что при первомъ движеніи охотника ныряютъ и остаются очень долго подъ водой.

Все это, конечно, насъ сильно раздосадовало. Мы видѣли очень близко передъ собою дичь, на разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла, но ни одной не было у насъ въ лодкѣ; разстояніе тоже не уменьшалось, потому что хотя мы и гнались за утками, но онѣ, ныряя, равномѣрно удалялись отъ насъ. Такимъ образомъ, онѣ какъ бы завлекали насъ все дальше и дальше. Наконецъ, пара молодыхъ лежала у насъ въ лодкѣ. Далеко впереди передъ нами, среди блестящей зеркальной поверхности воды, чернѣли крупные камни, очевидно громадные валуны. Стрѣляя, прицѣливаясь нѣсколько разъ въ томъ направленіи, я нѣсколько разъ ясно видѣлъ эти черныя массы. Занятые утками, мы совершенно незамѣтно для самихъ себя приблизились къ нимъ. Гоняясь за раненнымъ молодымъ селезнемъ, мы подъѣзжали все ближе и ближе. И мнѣ уже приходило въ голову, какъ бы, проѣзжая чрезъ эти пороги, заторопившись, сгоряча не опрокинуть лодки. Вдругъ, шагахъ въ сорока отъ меня, въ моихъ глазахъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ камней внезапно исчезъ

Библиотека "Руниверс"

подъ водой. Пораженный такимъ небывалымъ обстоятельствомъ, я пристально всматривался въ дальнѣйшіе камни и замѣтилъ и въ нихъ начинающееся движеніе. Они, послѣдовательно, въ томъ порядкѣ, какъ были удалены отъ насъ, начинали всплывать на поверхность и затѣмъ ныряли. При этомъ не ясно обозначалось массивное неуклюжее тѣло и маленькая круглая тюленья голова. Это, очевидно, были громадныя морскія животныя, изъ млекопитающихъ, конечно. Дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, это были нерпы.

Нерпы, или морскіе зайцы, какъ ихъ зовутъ въ Кандалакшѣ и вообще по Бѣломорью, принадлежатъ къ роду очень близкому къ тюленямъ. Они неуклюжи въ мелководьи, но замѣчательно ловкіе пловцы въ морѣ. За ними сильно охотятся по Бѣлому морю; способъ охоты весьма трудный; надо изъ винтовки пулей попасть въ эту маленькую голову, которая такъ не надолго показывается надъ водой. Стрѣлять приходится съ лодки, и потому промахи очень часты.

Когда мы на другой день ѣхали обратно, нерпы спустились уже гораздо ниже, ко второму порогу, около Матрешкина острова. Въ очень широкомъ разливѣ рѣки онѣ помѣстились на весьма отлогомъ песчаномъ берегу и лежали на боку, на глубинѣ полуаршина, такъ раздувъ свое тѣло, что ихъ можно было принять за громадныхъ быковъ; онѣ видимо нѣжились на солнцѣ. При нашемъ приближеніи, нерпы выпускали задержанный воздухъ, такъ что тѣло ихъ сразу спадало втрое, по величинѣ, и очень ловкимъ ударомъ ласта, онѣ спрыгивали въ болѣе глубокую воду.

Одна изъ нерпъ близко проплыла мимо нашей лодки; можно было разобрать совершенно голое тѣло, покрытое толстою крупнопористою кожей, аспидно-сѣраго цвѣта. Голова, такого же почти чернаго цвѣта, очень небольшая, съ круглымъ, весьма покатымъ лбомъ и очень маленькими блестяще-черными глазами. Затѣмъ мелькнулъ одинъ разъ очень узкій носъ, съ небольшими сближенными и впередъ направленными ноздрями. Все это было некрасиво, но оригинально. И какъ съ этимъ не гармонировало громадное неуклюжее тѣло.

Быстро, одна за другою, ныряли нерпы, спѣша удалиться въ ту сторону, откуда мы пріѣхали. Онѣ мелькнули еще разъ, два невдалекѣ отъ лодки; каждый разъ, показываясь надъ водой, сильно фыркали и, дохнувъ нѣсколько разъ, снова ныряли. Наконецъ и послѣднія, отставшія изъ нихъ, стали тоже не видимы.

Мы постепенно подвигались впередъ, и мимо насъ мелькали все

Библиотека "Руниверс"

тѣ же сѣрыя или красныя пахты, съ правой стороны; онѣ, большею частію, состояли изъ выходовъ гранитовъ и гнейсовъ, и только въ одномъ мѣстѣ гнейсъ, сдѣлавшись сильно мелкозернистымъ, съ обильными пропластками черной слюды, носитъ вполнѣ характеръ слюдянаго сланца. Съ правой стороны, слѣдовательно, тянулся каменистый берегъ; съ лѣвой начали сильно возрастать въ вышину песчаные берега. Мѣстами, надъ обрывомъ песку, высотой въ двѣ, три сажени, зеленѣла чудесная луговина, съ сочною яркою травой, часто составленною изъ преобладающихъ подмаренниковъ, бѣлаго клевера, звѣздчатокъ, вики, полеваго горошка и массы ползучихъ мотыльковыхъ. Чудесныя мѣста, съ прекраснымъ кормомъ; это было бы золотымъ дномъ для устройства здѣсь пастбища.

„Вы какъ думаете про нерпъ?“

„Вѣдь онѣ должны были перебраться черезъ пороги. Какова должна быть вода, чтобъ этакія махины перевалили. А вѣдь въ малую воду на порогахъ ревъ и стонъ стоитъ. Ни за что не проѣхать!“

„Да видите ли, вѣдь вотъ въ отчетахъ у насъ, въ печатныхъ, сказано, что въ Колѣ приливъ поднимается на шесть футъ. Это выходитъ меньше сажени. Такъ какже это такъ? Въ двадцати верстахъ отъ Колы, въ порогѣ, поднимается вода и закрываетъ порогъ. Мѣстами здѣсь бьютъ ясные каскадики въ одинъ футъ и больше. Два, три такихъ маленькихъ порожка, вотъ вамъ и полсажени долой. А приливу надо еще поднять воду на протяженіи двадцати верстъ. Вѣдь если рѣка течетъ на этихъ двадцати верстахъ, слѣдовательно, она имѣетъ паденіе? А первый-то порогъ,—вѣдь онъ самый большой,—онъ падаетъ на четыре слишкомъ фута. Значитъ, по моему разчету выходитъ, что еслибы приливъ имѣлъ высоту только одной сажени, то былъ бы задержанъ уже первымъ порогомъ и дальше бы не пошелъ“.

„Нѣтъ! Судя по тѣмъ громаднымъ валунамъ, по которымъ въ половодье свободно проѣзжаешь въ карбасѣ и потомъ видишь ихъ на сажень поднимающимися на совершенно обсохшемъ берегу, я думаю, что высота его никакъ не меньше 12—15 футовъ“.

„Вѣдь есть мѣста на Мурманскомъ берегу, гдѣ приливъ поднимается на 21—22′. Этимъ же высокимъ приливомъ объясняется прохожденіе семги въ громадномъ количествѣ въ рѣки, не смотря на бурные, пѣнящіеся пороги“.

„Вотъ я вамъ разкажу; тутъ происходитъ удивительное измѣненіе. Идетъ семга обыкновенно толпой, большою стаей; она въ это

Библиотека "Руниверс"

время тупорылая. Идетъ она метать икру. Тутъ она вскорѣ слиняетъ, такъ что станетъ гладкая, прегладкая. Это онѣ свадьбы играютъ. Зовутъ ее тогда „гольцомъ“. Пройдетъ много времени, и все она въ рѣкѣ живетъ. За это время носъ у нея крючкомъ наростать начинаетъ, такъ что внизъ, какъ ястребиный клювъ, загибается. Тогда ее зовутъ „вальчакъ“. Съ этимъ крючковатымъ носомъ семга и въ море уходитъ. И только она попробуетъ соленой воды—увѣряютъ поморы—у нея чрезъ недѣлю или двѣ, тотчасъ же по прежнему тупорылый носъ выростетъ“.

Проѣхавъ узкимъ проливомъ, среди водяныхъ лилій и узкихъ острововъ, тянущихся вдоль берега, мы вышли на лѣвый берегъ. На самомъ берегу прелестныя, высокія ветлы цѣлымъ рядомъ свѣшивали свои вѣтви надъ водой, точно протягивая руки за бѣлыми кувшинками. Онѣ бросали темную тѣнь на узкіе проливы острововъ, и тѣмъ ярче и эффектнѣе выдѣлялось на темномъ фонѣ зеленое отраженіе луговаго склона берега, ярко залитаго солнцемъ. Поднявшись на берегъ, мы увидали совершенно ровную луговину, покрытую сочною густою травой. Масса вики, горошка, подмаренника (Galium uliginosum), колокольчиковъ, бѣлыхъ звѣздчатокъ, луговой ерани, золотыхъ лютиковъ, бѣлаго клевера. Все это придавало такой живой характеръ растительности, что по неволѣ вспоминалось то впечатлѣніе унылости, которое производила болѣе южная растительность Масельки, Кандалакши и даже повѣнецкихъ окрестностей. Въ послѣдней мѣстности, напримѣръ, сильно преобладали морошка, мамура или полиника, майникъ или сольи, иванъ-чай (Epilobium angustifolium). Всѣ эти растенія цѣлыми зарослями, широкою и длинною вереницей тянулись вдоль дороги отъ Повѣнца до Телекина. Очевидно, что главное значеніе для характера растительности имѣетъ никакъ не та малая разница температуры, которая существуетъ во взятыхъ мѣстностяхъ, а главнымъ образомъ плодородіе и характеръ грунта.

На Тулмѣ, острова и берегъ, на которомъ мы находились, были очевидно намывнаго образованія. Состоятъ они изъ массы песку и глины, вѣроятно, съ значительною примѣсью извести, вообще изъ продуктовъ окончательнаго разрушенія гранитовъ, гнейсовъ и слюдяныхъ и глинистыхъ сланцевъ. Какъ плодородны глинистые сланцы, знаетъ всякій, гулявшій по крымскимъ виноградникамъ и внимательно присматривавшійся къ почвѣ. Тамъ нѣтъ растительнаго слоя даже на 1 миллиметръ толщины, а прямо въ щебнѣ глинистаго сланца сидятъ лозы винограда или табакъ.

Библиотека "Руниверс"

Объяснять, далѣе, улучшеніе растительности на Туломѣ, дѣйствіемъ гольфстрема, проходящаго около Рыбачьяго полуострова чрезъ Ледовитый океанъ, нѣтъ никакого основанія, потому что, переходя сѣвернѣе, то-есть ближе къ гольфстрему, на полосу гранитовъ и гнейсовъ, мы видимъ опять ослабленіе растительности, какъ напримѣръ, на голыхъ скалахъ ледниковаго поля, къ сѣверу отъ Колы.

Довольно долго бродили мы по кустарнику, покрывающему эти наносные острова. Но ничего не попадалось намъ такого, что могло бы привлечь вниманіе охотника. Вотъ пронесся надъ головой ястребъ, плавно паря въ воздухѣ, неподвижно расправивъ свои длинныя, острыя крылья. Пролетѣла небольшая стая утокъ, которыя, какъ нарочно, заманивали насъ опять въ лодку.

Проѣхавъ еще нѣсколько времени въ лодкѣ, миновавъ довольно большіе острова, сильно стѣсняющіе главный рукавъ Туломы, мы выбрались наконецъ на широкій разливъ рѣки, гдѣ крупные валуны ясно обозначали новые пороги.

По лѣвой рукѣ здѣсь приходится Харитоновъ ,ростровъ; высокій берегъ поднимается саженя на три. На самомъ берегу растутъ осины, березы, рябины, ольха и ивнякъ. Онѣ такъ тѣсно перепутаны, что образуютъ сплошныя заросли. Берегъ сильно кочковатый, мелко-холмистый. Среди густой травы, сквозь которую едва продираешь ноги, все время копошились и сновали какіе-то маленькіе звѣрьки. Иногда мелькнетъ рыжеватая спинка, быстро юркнетъ подъ ногами и скроется въ норкѣ. Это пеструшки (Myodes torquatus) или иначе — лемминги. Это тѣ знаменитыя полевки, которыя въ несмѣтномъ количествѣ совершаютъ свои переселенія изъ одной мѣстности въ другую. Питаются онѣ въ травѣ и сидятъ спокойно. Подходите вы—и вдругъ изъ подъ самыхъ ногъ, съ пискомъ и визгомъ разсыпаются онѣ въ разныя стороны. Всѣ холмики насквозь проточены ихъ норками и ходами, и потому мнѣ не разъ приходилось оступаться, проваливаясь на четверть аршина въ разрыхленную землю. Засядутъ онѣ въ норкахъ, и ни минуты не просидятъ тихо спокойно. Вотъ ужь и высунулась темная мордочка, съ тупымъ носомъ, длинными усами и черными, какъ смоль, точно бархатнымъ воротникомъ. На круглой головѣ ихъ сидятъ круглыя же, точно обрѣзанныя уши. Черные, блестящіе, живые глаза, сильно выпуклые, придаютъ особенно игривый характеръ ихъ физіономіи. Тѣло рыжевато-бураго цвѣта, на верхней сторонѣ несетъ темную, мѣстами черную, полосу; оканчивается оно короткимъ хвостомъ.

Библиотека "Руниверс"

Это прелестные звѣрьки. Живые, подвижные какъ ртуть, они ни мгновенія не могутъ пробыть спокойно и молча. На свободѣ постоянно въ оживленіи, они снуютъ взадъ и впередъ; прячутся, черезъ мгновеніе выскакиваютъ; писк, визгъ, шорохъ травы отъ тысячи шуршащихъ ногъ, скачки на воздухъ, мелканіе красивыхъ спинокъ съ бархатными воротниками, оскалившіеся большіе бѣлые зубы рѣзцы, черные глаза, плутовато смотрящіе на васъ изъ норки, точно дразнятъ—вотъ пестрое впечатлѣніе, вынесенное отъ этой, кипящей жизнью, колоніи пеструшекъ.

Но неволи онѣ не переносятъ. Два, три дня, небольше способны они провести въ клѣткѣ. Тоскливое молчаніе, точно сознательная грусть, смѣняется порывами свирѣпой ярости. Они разламываютъ и разгибаютъ толстые прутья рѣшетки и выбираются на волю. Въ противномъ случаѣ гибнутъ на третій или четвертый день.

Мы проникали все дальше въ глубь острова. Мѣстность слегка волнистая и замѣчательно разнообразная по растительности. Около берега я увидѣлъ довольно большіе кусты, покрытые ярко-красными ягодами. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: это была совершенно спѣлая, красная смородина. На 68° сѣв. шир., 9-го августа, спѣлая красная смородина! По вкусу она ничѣмъ не отличается отъ нашей, обыкновенной. Захвативъ съ собою нѣсколько вѣтокъ ея для гербарія, какъ рѣдкость, мы двинулись дальше. Въ верстѣ отъ описанной мѣстности расположена небольшая лопарская деревушка. На противоположномъ берегу, средн скалъ, есть вежа, или просто шалашъ, въ которомъ мы и провели ночь. Здѣсь во время ночевки исправникъ разказалъ мнѣ слѣдующее:

„Привелось мнѣ какъ-то быть въ йолѣ (парусной лодкѣ) на морѣ. Поднялась буря. Дѣло было за Кильдинымъ. На наше счастіе были мы недалеко отъ берега, морянка ударила страшная; стали мы присматриваться, нѣтъ ли хоть какой бухточки. На наше счастье удалось выбраться. Богъ помогъ! Вышли мы на берегъ. Стоитъ на голыхъ камняхъ крестъ. Камни навалены. Кругомъ бушуетъ буря, реветъ море, холодъ — страсть! Развели мы огонь, а я пошелъ съ ружьемъ въ сторону. Вижу: лежитъ прекраснѣйшая шиферная плита. Такъ и просится на столъ. Я позвалъ молодцовъ, приказалъ взять и отнести на берегъ. Въ шестеромъ подняли ее, сняли, а подъ нею человѣческій скелетъ, громаднѣйшій. Мы такъ и оторопѣли. Потомъ накрыли опять плитой, да такъ и не знаемъ, гдѣ это мѣсто точно было“.

Библиотека "Руниверс"

На другой день, дождавшись прилива, въ половинѣ его, когда была высшая вода, мы повернули обратно и начали спускаться. Вода была на столько высока, что мы отлично прошли два порога. Опять видѣли множество утокъ, нерпъ. Поднялись на берегъ и нѣсколько углубились въ лѣсъ, охотясь за тетеревами. Но это намъ сильно повредило. Время прошло незамѣтно, и когда мы, нагруженные дичью, спустились къ лодкѣ, она была совершенно на сушѣ. Вода сильно спала, и пришлось торопиться, чтобъ еще воспользоваться „водой“ (то-есть, отливомъ). Конечно, отливъ намъ очень помогалъ въ быстротѣ нашего движенія, но когда мы подъѣхали къ послѣдней излучинѣ Туломы, не доѣзжая Колы въ 7 верстахъ, то на поворотѣ намъ открылся бурный порогъ, ревущій и пѣнящійся, выставившій, на протаженіи сажень десяти, громадные, полусаженные и саженные валуны; не оставалось ничего иного, какъ очерти голову спуститься на лодкѣ по порогу. Въ серединѣ мы налетѣли на валунъ, и насъ раза три чуть не опрокинуло, но лодка вертѣлась на мели, а теченіе подхватывало и сбрасывало ниже....

Изъ Колы выѣхали мы на большомъ пароходѣ „Архангельскъ“ въ городъ того же имени. Наступили сильные вѣтры. 22-го августа шелъ въ Колѣ первый снѣгъ. Не смотря на позднюю осень, было еще такъ свѣтло, что въ 10 часовъ вечера можно было, безъ свѣчи, читать у окна.

Съ сожалѣніемъ разставался я съ Кольскимъ полуостровомъ, гдѣ нашелъ такъ много, хотя и суровыхъ, но величественныхъ красотъ природы. Мѣстность, вполнѣ безлюдная, дикая, гдѣ пришлось вынести столько матеріальныхъ лишеній, невзгодъ и полное отсутствіе самаго необходимаго комфорта, — она стала мнѣ привлекательною. Какой-то поэтическій оттѣнокъ тотчасъ же ложился на прошедшее, на пережитое.

Въ черную, мрачную ночь пароходъ нашъ быстро разсѣкалъ волны Ледовитаго океана. Въ сторонѣ, на небѣ, фосфорическими огнями играли завѣса и столбы сѣвернаго сіянія. А изъ-подъ руля и винта съ трескомъ сыпались бриліантовыя звѣзды и, крутясь, выносились крупныя колеса, напоминая кружащихся медузъ. Чуднымъ, изумрудным, слабо-фіолетовымъ, электрическимъ свѣтомъ мѣстами загоралась вода, снизу, изнутри освѣщаемая этимъ волшебнымъ свѣтомъ. Съ трескомъ лопались новыя колеса, кружились и разсыпались на тысячу искръ, освѣщая воду и постепенно теряясь въ темнотѣ холодной изумрудной глуби. Быстро пронеслись мы

Библиотека "Руниверс"

мимо голаго, неприглядnаго Мурманскаго берега. Высокій Кильдинъ островъ, потомъ Гавриловка, Териберка, Три острова, потомъ Бѣлое Море, наконецъ и Архангельскъ.

Изъ Архангельска я отдѣлился отъ спутниковъ и поднялся по Сѣверной Двинѣ до Березной, верстъ около 300. Это плаваніе медленное, однообразное, скучное. Но кто способенъ заинтересоваться окружающею природой, смысломъ измѣняющихся ландшафтовъ, тому и здѣсь, при бѣгломъ осмотрѣ, можно найдти свой интересъ. Сначала идутъ низкіе песчаные берега, переметы; потомъ берега сильно поднимаются и переходятъ въ высокіе, гипсовые—голубые, покрытые чудесными лиственичными лѣсами. Ель, пихта и лиственница здѣсь преобладаютъ. Высокій, голубой берегъ изрытъ гротами и пещерами, подземными ходами, изъ которыхъ въ изобиліи вытекаютъ минеральные источники. Цѣлая жизнь, цѣлая ясная исторія жизни земли вложена въ нѣмыя уста этихъ мертвыхъ камней и утесовъ.

Изъ Березной вы ѣдете на почтовыхъ черезъ Шенкурскъ на Вологду; но при этомъ изъ шести сотъ верстъ около семидесяти приходится ѣхать по ужасно тряской гати. Гать эта разбита на два участка, оба вблизи Вологды. Изъ Вологды по желѣзной дорогѣ—на Ярославль; потомъ на пароходѣ въ Рыбинскъ и по Рыбинско-Бологовской, желѣзной дорогѣ а оттуда на Николаевскую. 10-го сентября я былъ уже въ Петербургѣ, оцѣнивъ впервые вполнѣ родной кровъ и свой кругъ сроднившихся людей [1]).

Н. Кудрявцовъ.

---

[1]) Интересующіеся научными результатами этой поѣздки найдутъ полный отчетъ автора въ *Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей*, 1883 года, томъ XIV, выпускъ первый.

Библиотека "Руниверс"

ТРЕТЬЯ САТИРА ЮВЕНАЛА.

День склоняется къ вечеру (ст. 316); изъ Капенскихъ воротъ (porta Capena) — теперь это Porta di S. Sebastiano — выходитъ на Аппіеву дорогу Ювеналъ съ своимъ другомъ, Умбриціемъ, который твердо рѣшился навсегда оставить ненавистный ему Римъ и поселиться въ Кумахъ, съ тѣмъ, чтобы провести въ этомъ тихомъ убѣжищѣ остатокъ своей жизни. Вдали видна повозка, на которой безъ труда уложился весь убогій скарбъ переселенца.

Друзья останавливаются на прощаньѣ у рощи, посвященной нимфѣ Эгеріи, гдѣ когда-то, по преданію, Нума совѣщался съ нею по вопросамъ своей законодательной дѣятельности. Ювеналъ скорбитъ о томъ, что эта священная роща утратила свое былое величіе и, ради корысти, отдана во владѣніе грязнымъ и нищенствующимъ Евреямъ. Затѣмъ, до самаго конца сатиры, рѣчь переходитъ къ Умбрицію. Разумѣется, кто бы онъ ни былъ, въ его уста поэтъ влагаетъ здѣсь свои собственныя мысли и чувства.

Въ своемъ блестящемъ и патетическомъ монологѣ Умбрицій вычисляетъ разнообразныя причины, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго свойства, которыя отравляли въ Римѣ жизнь бѣднаго и въ то же время честнаго человѣка, всѣ тѣ опасности, которыя грозили ему въ этой всесвѣтной столицѣ. Любимая мечта Умбриція сельскій бытъ или столь сходная съ нимъ простая и мирная жизнь въ какомъ-нибудь захолустномъ городкѣ, въ родѣ Соры, Фабратеріи или Фрузинона.

Таково общее и главное содержаніе разсматриваемой сатиры, которая, по справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ созданій Ювенала. Значеніе ея дѣйствительно не малое и разностороннее.

Библиотека "Руниверс"

Бытовыя черты данной эпохи рисуются здѣсь такъ живо и такъ наглядно, что даже мало знакомый съ античнымъ міромъ читатель какъ бы во-очію созерцаетъ всю эту роковую и знаменательную суматоху вѣчнаго города въ заключительную пору его древнихъ судебъ. Всѣ эти такъ-называемыя мелочи жизни, на которыя историкъ обыкновенно не обращаетъ никакого вниманія, какъ на недостойныя своей науки, уясняютъ однако нравственный уровень римскаго общества и характеристическія черты его паденія болѣе поучительно, чѣмъ иныя громкія событія. Въ особенности указанныя мелочи драгоцѣнны и не замѣнимы для человѣка, который желаетъ ближе вникнуть въ это паденіе, составляющее едва ли не самую любопытную сторону римской исторіи въ эпоху Кесарей. Жаль только, что классическіе авторы очень скупы на такія подробности.

Описаніе этихъ бытовыхъ проблесковъ замѣчательно въ данномъ случаѣ и въ литературномъ отношеніи. Недаромъ же Буало избралъ для себя третью сатиру образцомъ при описаніи современнаго ему Парижа. Это цѣлый рядъ живыхъ картинъ изъ области такъ-называемаго жанра и съ чисто, столь цѣнимымъ въ наше время, реалистическимъ характеромъ. Для примѣра можно указать на описаніе жилища бѣднаго поэта Кодра и пожара, при которомъ онъ лишился всего своего имущества (ст. 198 и слѣд.), или на ночную уличную сцену, жертвою которой является также бѣдный и скромный обыватель, при чемъ ему безнаказанно наноситъ всякаго рода оскорбленія великосвѣтскій буянъ, возвращающійся съ веселой пирушки (ст. 278 и сл.). Сколько здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, неподдѣльнаго юмора самой высокой пробы! Не мало и такихъ эпизодовъ, въ которыхъ съ обычною силою гремитъ знаменитая ювеналовская, „indignatio“, хотя и здѣсь можно указать на реторическія гиперболы, столь свойственныя римскому сатирику. Это, вмѣстѣ съ ничѣмъ иногда не вызваннымъ цинизмомъ, невольная дань, которую онъ платилъ своему вѣку. Вообще картина древняго Рима, не смотря на свои мѣстами слишкомъ густыя и яркія краски, набросана здѣсь умѣлою кистью опытнаго художника.

Со стороны своей морали, третья сатира также очень замѣчательна. Ювеналъ и здѣсь скорбитъ о томъ, что ему суждено жить въ ужасный вѣкъ, когда, по его мѣткому выраженію (въ 1-й сат. ст. 149), „omne vitium in praecipiti stetit“, то-есть когда пороки остановились на крутизнѣ, выше и дальше которой идти уже было некуда; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это обычное его сѣтованіе принимаетъ здѣсь еще

Библиотека "Руниверс"

новый и неожиданный оттѣнокъ, который дѣлаетъ задушевную рѣчь древняго поэта особенно симпатичною новому читателю. Это—чувство гуманности или, выражаясь точнѣе, филантропіи, которымъ проникнута третья сатира, и въ силу котораго поэтъ является здѣсь такимъ краснорѣчивымъ ходатаемъ за обдѣленныя судьбою классы римскаго общества. Онъ искренно и честно негодуетъ при этомъ на то обидное неравенство, какое существовало въ Римѣ между богатыми и бѣдными его представителями, не смотря на то, что въ числѣ послѣднихъ, рядомъ съ обыкновенными смертными, было также не мало людей, выдававшихся изъ толпы не только своимъ именемъ, но и высокими нравственными качествами, а равно и общественными заслугами. И на нихъ смотрѣла свысока римская денежная аристократія, среди которой въ періодъ Кесарей было такъ много отпущенниковъ съ ихъ ничтожнымъ, въ глазахъ Ювенала, потомствомъ. Вотъ та тема, къ которой онъ постоянно и настойчиво возвращается въ третьей своей сатирѣ. И этотъ ея характеръ тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ рѣже онъ встрѣчается въ классической древности, литература которой вообще, за весьма незначительными исключеніями, равнодушно относилась къ бѣдствующему человѣчеству. Этимъ объясняется и непонятная на первый взглядъ возможность существованія въ такъ-называемыхъ республикахъ древняго міра милліоновъ совершенно безправныхъ рабовъ, на которыхъ даже греческіе философы, по выраженію Аристотеля, смотрѣли, какъ на „живое имущество“ (ἔμψυχον κτῆμα). Только христіанство, какъ извѣстно, внесло въ человѣческое сознаніе элементъ гуманности и громко заявило святую проповѣдь о любви къ ближнему.

Наконецъ, для насъ, Русскихъ, третья сатира не только интересна, но и поучительна своимъ патріотически-національнымъ чувствомъ, которымъ она такъ сильно проникнута. Никто изъ римскихъ писателей, за исключеніемъ Катона Старшаго, не высказалъ его такъ краснорѣчиво и откровенно, какъ Ювеналъ. Здѣсь онъ съ особеннымъ паѳосомъ и благороднымъ негодованіемъ возвысилъ свой голосъ противъ обиднаго для него преобладанія въ римской жизни всякой чужеземщины. Коснувшись мимоходомъ вреднаго вліянія на эту жизнь со стороны Азіи (ст. 62), сатирикъ мощно направляетъ свои перуны противъ главныхъ просвѣтителей Рима — Грековъ, презрительно называя ихъ „Graeculi“, и сѣтуя на рабское его подчиненіе греческимъ взглядамъ и греческой модѣ, въ ущербъ своему, родному. Эта нелюбовь Ювенала къ эллинизму, казалось бы, съ обычной на-

Библиотека "Руниверс"

шей точки зрѣнія, должна была возбудить сильный протестъ со стороны современной науки, а между тѣмъ она, и притомъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, напримѣръ, въ лицѣ Моммзена, вполнѣ допускаетъ, что Греки, вмѣстѣ съ благами своей цивилизаціи, внесли въ римскую жизнь много и дурнаго. Впрочемъ, западная литература не обратила особеннаго вниманія на указанную черту въ сатирахъ Ювенала: она взглянула на нее, какъ на явленіе вездѣ обычное, и потому нисколько не нуждающееся ни въ оправданіи, ни въ объяснительныхъ замѣткахъ. Чувство національности или, если угодно, „народничество", развито повсюду и, какъ извѣстно, нерѣдко доходитъ въ современной Европѣ до размѣровъ аномальныхъ. Оно сильно проявляется не только въ могущественныхъ державахъ, но и среди такихъ народовъ, которые ничѣмъ особеннымъ не ознаменовали себя въ исторіи или, въ силу ея неумолимой логики, давно уже утратили не только свое былое величіе, но и политическую самостоятельность. Словомъ, это исконное европейское чувство, и отсутствіе его въ писателѣ скорѣе знаменуетъ собою Азію, чѣмъ Европу, которая, какъ извѣстно, началась въ древне-классическомъ мірѣ. Потому на Ювенала мы должны смотрѣть, какъ на законное ея чадо.

Къ сожалѣнію, со стороны своего патріотизма и національнаго чувства, онъ стоялъ среди римскаго общества почти одиноко и представлялъ собою личность вполнѣ трагическую. Въ Римѣ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, національная партія хотя и существовала, но была слишкомъ малочисленна, и потому безсильна, что̀ едва ли не главнымъ образомъ содѣйствовало его паденію. Уже задолго до Ювенала всесвѣтная столица древняго міра кишѣла выходцами со всѣхъ его концевъ, и въ этой разноплеменной толпѣ окончательно и почти безслѣдно должны были затеряться коренные Римляне, для которыхъ святы были преданія родной старины. Съ другой стороны, Греки „стремившіеся", по выраженію сатирика, „на холмъ Эсквилинскій", были дѣйствительно большею частію выродившимися потомками своихъ когда-то знаменитыхъ предковъ и, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, далеко не лучшими представителями своей націи. Потому рабское подчиненіе хотя бы и культурному ихъ вліянію не могло быть для Рима особенно полезнымъ, а патріотическій протестъ, который съ особенною силою выраженъ въ разсматриваемой сатирѣ, къ сожалѣнію, долженъ былъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ объ Умбриціи, которому посвя-

Библиотека "Руниверс"

щена третья сатира. Его обыкновенно принимаютъ за того жреца, который, по словамъ Плинія (Hist. nat. X, 6), считался въ свое время самымъ опытнымъ и искуснымъ гаруспексомъ („Aruspicum in nostro aevo peritissimus"), и который, по свидѣтельству Тацита (Hist. I, 27), предсказалъ Гальбѣ его печальный конецъ. Едва ли, однако, такое мнѣніе справедливо. Уже въ вѣкъ Цицерона гаруспексы, авгуры и тому подобные гадатели считались шарлатанами и не пользовались уваженіемъ людей образованныхъ. Едва ли Ювеналъ могъ дружить съ такими обманщиками и особенно влагать въ ихъ уста свою возвышенную мораль, такъ искренно громящую всю ту ложь, которая вѣками накопилась въ римской жизни. Кромѣ того, это ясно видно изъ 77 ст., гдѣ рѣчь объ авгурахъ. Изъ заключительныхъ словъ третьей сатиры видно, что Умбрицій былъ литературнымъ другомъ и даже „пособникомъ" („adiutor") Ювенала. Поэтъ, какъ видно, читалъ ему свои произведенія до выхода ихъ въ свѣтъ и, слѣдовательно, дорожилъ его судомъ. Все это какъ-то не вяжется съ нравственною физіологіей гаруспексовъ, авгуровъ и тому подобныхъ личностей.

„Хотя и огорченный отъѣздомъ стариннаго друга, я, однако, одобряю намѣреніе его поселиться въ пустынныхъ Кумахъ и подарить Сивиллѣ еще одного гражданина. Кумы — это преддверіе Баій, это восхитительное морское побережье, гдѣ такъ пріятно отшельничество. Впрочемъ, я готовъ предпочесть Субурѣ хотя бы Прохиту; ибо гдѣ же видано что-нибудь до того жалкое, до того пустынное, чтобы не думать, что еще хуже того быть въ постоянномъ страхѣ отъ пожаровъ, отъ безпрерывныхъ паденій домовъ, отъ тысячи другихъ опасностей ужаснаго города (Рима) и отъ поэтовъ, рецитирующихъ свои произведенія въ августѣ мѣсяцѣ?

Пока, однако, весь скарбъ Умбриція укладывается на одну повозку, самъ онъ остановился у старинныхъ сводовъ мокрой Капены. Здѣсь, гдѣ Нума когда-то переговаривался съ своею ночною подругою, теперь и роща съ своимъ священнымъ источникомъ, и капища отданы въ аренду Жидамъ, все то хозяйство которыхъ состоитъ изъ кошницы, да клочка сѣна; потому что каждое дерево обязано платить дань народу, и эта роща, по изгнаніи изъ нея Каменъ, кишитъ нищими.

Библиотека "Руниверс"

Мы спустились въ долину Эгеріи, къ гротамъ, столь непохожимъ на настоящіе: на сколько сильнѣе чувствовалось бы въ этой водѣ присутствіе божества, если бы (просто) трава окаймляла ее зеленою полосою и мраморъ не оскверилъ природнаго туфа!

Если—такъ заговорилъ здѣсь Умбриціи—если въ Римѣ нѣтъ мѣста для честнаго дѣла, нѣтъ никакой прибыли отъ (честнаго) труда, если твое имущество сегодня меньше, чѣмъ было вчера, а на завтра и еще убавится изъ того немногаго (что еще у тебя осталось), то вотъ я рѣшаюсь отправиться туда, гдѣ Дедалъ сложилъ свои усталыя крылья. Пусть я удалюсь съ родины, пока моя сѣдина еще вновѣ, а старость въ началѣ и еще не согнула меня, пока у Лахезы еще есть что прясть, и пока я еще хожу на своихъ ногахъ, не опираясь рукою на посохъ. Пусть живутъ себѣ здѣсь Арторій и Катулъ, пусть остаются тѣ, что превращаютъ черное въ бѣлое, кому ничего не значитъ (легко) брать на откупъ храмы, рѣки, гавани, чистку клоаковъ (осушку нечистотъ), кому ничего не значитъ таскать (выносить) трупы съ костровъ и выставлять у владычнаго (властительнаго) копья свои продажныя головы. И вотъ, эти-то люди, въ былое время (когда-то) трубачи и постоянные участники въ представленіяхъ на аренахъ по разнымъ муниципіямъ, эти всѣмъ извѣстные въ разныхъ городахъ горланы (прекоиы), теперь и сами устраиваютъ (на свой счетъ) зрѣлища (игры) и, по данному народомъ знаку, ради популярности (populariter), убиваютъ, кого онъ прикажетъ, а воротясь оттуда (съ этихъ зрѣлищъ домой), берутъ на откупъ клоаки—и зачѣмъ уже не все? такъ какъ эти люди изъ тѣхъ, какихъ изъ никакой доли Фортуна возводитъ на вершину почестей, всякій разъ, когда ей хочется пошутить.

Что мнѣ дѣлать въ Римѣ? Лгать я не умѣю; хвалить и выпрашивать (для прочтенія) книгу, если она дурна, не могу, астрологіи (движенія звѣздъ) не знаю, обѣщать (предсказывать) смерть отца (нетерпѣливому наслѣднику) не хочу и не могу, да и внутренностей лягушекъ никогда не разсматривалъ. Относить посылки (подарки) къ замужнимъ женщинамъ и исполнять порученія ихъ любовниковъ знаютъ другіе и безъ меня. Никакой воръ никогда не будетъ имѣть меня своимъ пособникомъ, и вотъ почему я ухожу отсюда, не состоя ни у кого провожатымъ (не будучи ничьимъ кліентомъ), словно какой-нибудь калѣка, словно какое-нибудь безполезное, сухорукое тѣло.

Кого теперь любятъ, если это не сообщникъ, какъ не того, чья распаленная (корыстью) душа мятется отъ такихъ тайнъ, о которыхъ вѣчно нужно молчать. Тотъ, кто сдѣлалъ тебя участникомъ

Библиотека "Руниверс"

честной тайны, не считаетъ себя твоимъ должникомъ и никогда ничего тебѣ не дастъ: дорогимъ для Верра (Верреса) будетъ лишь тотъ, кто въ любое время можетъ уличить Верра. Но пусть весь золотоносный песокъ тѣнистаго Тага, все то золото, что катится въ море, не имѣетъ для тебя цѣны на столько, чтобы не спать изъ за него, тоскливо брать презрѣнные подарки и постоянно держать въ страхѣ твоего сильнаго друга.

Скажу тебѣ наскоро, какой теперь людъ наиболѣе пріятенъ нашимъ богачамъ и отъ кого я въ особенности бѣгу, и не помѣшаетъ мнѣ въ этомъ моя скромность. Не могу я, Квириты, выносить греческаго (огреченнаго) Рима, хотя какую ничтожную часть составляютъ Ахейцы въ его подонкахъ! Уже прежде (до Ахейцевъ) въ Тибръ направился сирійскій Оронтъ, принеся съ собою свой языкъ, обычаи, и, вмѣстѣ съ флейщиками, свои кривострунныя арфы, національные тимпаны и дѣвчонокъ, которымъ велѣно промышлять (стоять) у цирка. Ступайте туда, кому милы заморскія развратницы въ вышивныхъ повязкахъ! И вотъ, Квиринъ, твой Римлянинъ, когда то земледѣлецъ, одѣвается параситомъ (надѣваетъ трехедипну) иноситъ на своей умащенной шеѣ знаки отличія за одержанную (въ палестрѣ) побѣду!

Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой Амидонъ, тотъ Самосъ, тотъ Андросъ, а этотъ—Траллы или Алабанду—всѣ они (Греки) стремятся на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что получилъ свое имя отъ поросшаго на немъ кустарника (Виминальскій). Все это нутро знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текучѣе, чѣмъ у Изея. Скажи мнѣ, за кого считаешь ты такого человѣка? Онъ принесъ къ намъ съ собою кого угодно: онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, авгуръ, канатный плясунъ, врачъ, магъ—онъ все знаетъ. Прикажи только, и голодный гречонокъ полѣзетъ на самое небо. Словомъ, то былъ не Мавръ, не Сарматъ, не Ѳракіецъ, что приладилъ себѣ крылья, а человѣкъ, родившійся въ самой серединѣ Аѳинъ.

И мнѣ не бѣжать отъ ихъ багряницъ? И такой человѣкъ, привезенный въ Римъ вмѣстѣ (однимъ вѣтромъ) со сливами и смоквами, будетъ ставить свое имя прежде (выше) моего? ложе, на которомъ онъ лежитъ, будетъ лучше, чѣмъ мое? До того ничего не значитъ здѣсь то, что мы въ дѣтствѣ нашемъ, вскормленномъ сабинскими плодами, вдыхали въ себя воздухъ Авентина! Что же, если этотъ народъ, столь опытный въ лести, хвалитъ рѣчи неуча, лицо уродливаго милостивца (друга) и длинную шею слабосильнаго человѣка

Библиотека "Руниверс"

сравниваетъ съ вышей Геркулеса, держащаго Антея высоко надъ землею; если онъ удивляется крошечному голосу, не хуже котораго кудахтаетъ и пѣтухъ, когда онъ, въ качествѣ мужа, топчетъ свою курицу? Все это позволено хвалить и намъ, но вѣрятъ то только имъ (Грекамъ). Да и кто превзойдетъ Грека, когда онъ на сценѣ (въ комедіи) играетъ роль Ѳаиды, или замужней женщины, или Дориды, не прикрытой даже хотя бы коротенькимъ платьицемъ (не наряженной даже хотя бы въ коротенькій palliumъ)? Вѣдь такъ и кажется, что говоритъ (со сцены) сама (настоящая) женщина, а не маска: ты бы сказалъ, что и подъ животомъ у ней все пусто, ровно и раздвоено тонкою трещиной. Не возбудятъ тамъ (въ Греціи) удивленія ни Антіохъ, ни Стратоклъ, ни Деметрій съ нѣжнымъ Гемомъ: вся тамъ нація состоитъ изъ комедіантовъ. Если ты смѣешься, то онъ (Грекъ) трясется отъ хохота, онъ плачетъ, если увидитъ слезы своего друга (патрона), и нисколько (при этомъ) не скорбитъ. Если ты въ зимнее время требуешь жаровню, онъ (тотчасъ же) надѣваетъ эндромиду (теплую одежду), если скажешь „мнѣ жарко“—онъ потѣетъ. И такъ, мы не ровня: лучшимъ (здѣсь, въ Римѣ) всегда будетъ тотъ, кто всегда, днемъ и ночью, можетъ надѣвать на себя чужую личину и воздѣвать руки, кто можетъ прославлять своего патрона за то, что онъ хорошо сблевалъ, ловко пустилъ струю или произвелъ трескъ, выпятивъ (вывернувъ) дно своей золотой лохани. Затѣмъ, нѣтъ для нихъ ничего святого и ничто не безопасно отъ ихъ похоти: ни мать семейства, ни дочь-дѣвица, ни самъ ея еще безбородый женихъ, ни сынъ въ былое время цѣломудренный. Если же въ домѣ нѣтъ никого изъ таковыхъ, то онъ (Грекъ) валитъ навзничь бабушку своего друга. Эти люди стремятся проникнуть въ домашнія тайны и тѣмъ всѣхъ держать въ страхѣ [1]). Нѣтъ для Римлянина мѣста тамъ, гдѣ царитъ какой нибудь Протогенъ, или Дифилъ, или Гермархъ, который, по врожденному его націи порочному свойству, никогда не дѣлится другомъ, а владѣетъ имъ одинъ. И стоитъ Греку влить въ легковѣрное ухо (патрона) хотя бы малую каплю изъ своего прирожденнаго и отечественнаго яда, и вотъ, меня гонятъ съ порога, и даромъ пропало все время (моей) долгой и раболѣпной службы: нигдѣ утрата кліента не цѣнится меньше.

Да и какая же (говоря по правдѣ), чтобы не льстить и намъ, мо-

[1]) О слѣдующихъ затѣмъ пяти стихахъ см. въ примѣчаніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть здѣсь услуга или заслуга, со стороны бѣднява, что накинувъ тогу, озабоченно спѣшитъ среди ночи (къ своимъ милостивцамъ), если самъ преторъ понукаетъ своего ликтора бѣжать по Риму сломя голову въ ту раннюю пору, въ которую уже давно не спятъ бездѣтныя старухи, для того, чтобы товарищъ (другой преторъ) не поздравилъ раньше его съ добрымъ утромъ Альбину или Модію? Сынъ благородныхъ родителей провожаетъ здѣсь (въ числѣ кліентовъ) богатаго отпущенника, потому что тотъ даритъ какой-нибудь Кальвинѣ или Катіенѣ за каждую ихъ ласку столько, сколько въ легіонахъ (за цѣлый годъ) получаютъ трибуны, а ты, если тебѣ приглянется лицо разодѣтой прелестницы, медлишь и задумываешься свести Хіону съ ея высокаго сѣдалища (съ подмостокъ). Выставь въ Римѣ въ свидѣтели такого же святаго человѣка, какимъ былъ тотъ, что гостепріимно встрѣтилъ идейскую богиню (Цибелу), пусть выступитъ свидѣтелемъ хоть самъ Нума, или тотъ, кто спасъ изъ объятаго пламенемъ храма испуганную Минерву, тотчасъ же рѣчь сводится на цензъ (имущество), а вопросъ о нравственныхъ качествахъ будетъ послѣднимъ. „Сколько у него (спрашиваютъ) рабовъ? сколько десятинъ земли? сколько у него за столомъ блюдъ и какой они величины?“ Сколько кто хранитъ денегъ въ своемъ сундукѣ, на столько къ нему и довѣрія. Ты можешь (сколько угодно) божиться у жертвенниковъ Самооракіи (чужеземныхъ) и у нашихъ, все-таки бѣднякъ— въ томъ всѣ увѣрены — ни во что ставитъ боговъ съ ихъ перунами, да и сами боги прощаютъ ему за это. Что же, когда этотъ бѣднякъ даетъ (въ Римѣ) поводъ и предлогъ къ общимъ шуткамъ, если лацерна у него плоха и разорвана, а тога грязненькая, если одинъ изъ башмаковъ зіяетъ отъ лопнувшей на немъ кожи, а заплаты на заштопанныхъ дырьяхъ выставляютъ какъ бы на показъ и замасленныя (старыя), и новыя нитки. Несчастная бѣдность ничего не заключаетъ въ себѣ болѣе тяжкаго, какъ то, что она дѣлаетъ людей смѣшными. „Уходи“, говорятъ, „прочь съ всадническихъ (дворянскихъ) подушекъ тѣ, чей капиталъ не доросъ до узаконеннаго ценза“..... и пусть сидятъ здѣсь сыновья сводниковъ, родившіеся гдѣ нибудь въ непотребномъ домѣ, пусть здѣсь рукоплещетъ сынъ наряднаго прекона среди молодыхъ щеголей (обычныхъ гостей) пиннирапа или хозяина гладіаторской школы: это угодно было пустому Отону, который насъ такъ разметнулъ. Какой зять нравился здѣсь, если онъ бѣднѣе невѣсты и неровня ей своимъ скарбомъ? Какой бѣднякъ вносится въ завѣщаніе, какъ наслѣдникъ? Когда онъ (засѣдаетъ) въ совѣтѣ у

Библиотека "Руниверс"

эдиловъ? Когда-то бѣдные Квириты должны были выселиться изъ Рима цѣлою гурьбою.

И вездѣ не легко всплываютъ тѣ, доблестямъ которыхъ мѣшаютъ стѣсненныя домашнія обстоятельства, но въ Римѣ ихъ попытки соединены еще съ бо́льшими трудностями. Дорого здѣсь стоитъ (даже) жалкая квартира, дорого обходятся желудки рабовъ, а самый умѣренный обѣдъ—и тотъ дорого стоитъ. Здѣсь считается за стыдъ обѣдать съ глиняной посуды, а человѣкъ, внезапно перенесенный къ Марзамъ и къ Сабельскому столу (навѣрное) станетъ утверждать, что это вовсе не безобразно, довольствуясь тамъ (въ то же время) простымъ (голубоватымъ) и изъ грубой ткани капишономъ.

Въ значительной части Италіи, говоря по правдѣ, никто не надѣваетъ тоги, кромѣ покойниковъ. Даже и въ то время, когда великіе праздники чествуются зрѣлищами въ устроенномъ изъ дерна театрѣ и наконецъ то возвращается на сцену всѣмъ извѣстный экзодій (фарсъ), при чемъ деревенскій мальчуганъ, сидя на колѣнахъ у своей матери, пугается зѣва блѣдной маски, ты увидишь тамъ одинаковые наряды и совершенное сходство (въ этомъ отношеніи) между орхестрою и народомъ; бѣлыя туники, какъ одежда (покровы) лицъ знатныхъ, считаются тамъ достаточными для высокостепенныхъ эдиловъ. А здѣсь блескъ въ нарядахъ превышаетъ силы (щеголей), здѣсь (постоянно) тратится больше, чѣмъ достаточно, и это больше иногда берется изъ чужого сундука. Это общій порокъ: здѣсь всѣ мы живемъ хвастливыми бѣдняками. Что тутъ много говорить (задерживать тебя)? Въ Римѣ на все такса (цѣна). Сколько ты платишь (тебѣ приходится платить), чтобы иногда привѣтствовать Косса! или за то, чтобы, поджавъ губы (молча) взглянулъ на тебя Вейентомъ! Одинъ твой патронъ (въ первый разъ) брѣетъ бороду, а другой стрижетъ волосы своего любимца, и вотъ весь домъ наполняется жертвенными лепешками. Узнай также и считай поводомъ къ досадѣ и то, что мы же, кліенты, должны платить подать щеголеватымъ рабамъ (патроновъ) и увеличивать ихъ капиталъ.

Кто боится, или когда нибудь боялся, что домъ обрушится, живя гдѣ нибудь въ прохладной Пренестѣ, или въ лежащихъ среди лѣсистыхъ кряжей Волзиніяхъ, или въ безхитростныхъ Габіяхъ, или на высотѣ покатаго Тибура? А мы населяемъ городъ, подпертый въ значительной своей части тонкими подставками—вотъ тѣ мѣры, которыми управители домовъ противятся ихъ паденію; задѣлавъ зѣвы старыхъ щелей, они приказываютъ жильцамъ спать себѣ спокойно въ этихъ

Библиотека "Руниверс"

нависшихъ развалинахъ. Нужно жить тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ пожаровъ, никакихъ по ночамъ страховъ. Вотъ Укалегонъ уже требуетъ воды, вотъ онъ уже выноситъ свой драгой скарбъ, у тебя (въ домѣ, гдѣ ты живешь) дымится уже третій этажъ, а ты ничего не знаешь, такъ какъ, если суматоха начинается съ нижнихъ ступеней лѣстницы, то вѣдь тотъ, кого защищаетъ отъ дождя одна только крыша, гдѣ нѣжные голубки несутъ свои яица, погоритъ послѣднимъ.

Была у Кодра всего одна кровать, да и та короче, чѣмъ его Прокула, да шесть горшечковъ (маленькихъ вазъ), составлявшихъ украшеніе его стола, внизу кантаръ (сосудъ съ ручками) и подъ тѣмъ же мраморнымъ столомъ поколщійся Хиронъ. Старый ларь хранилъ греческія книжки и (тамъ же) невѣжественныя мыши грызли его (Кодра) божественныя стихотворенія. Ничего не имѣлъ Кодръ— кто же это отрицаетъ? и однако онъ, несчастный, потерялъ все это ничто (отъ пожара). Послѣдняя же степень горя въ томъ, что голому и просящему корку хлѣба (погорѣльцу) никто не поможетъ ни пищею, ни гостепріимнымъ кровомъ.

Рухни только огромный домъ Астурика, сейчасъ же матроны перестаютъ обращать вниманіе на свои наряды, вельможи надѣваютъ черныя тоги, преторъ откладываетъ свои судебныя дѣла. Тогда мы вздыхаемъ о постигшемъ Римъ несчастіи и проклинаемъ пожары. Домъ еще горитъ, а уже поспѣшно являются къ Астурику его друзья съ подарками изъ мрамора, готовые пополнить всѣ его убытки (издержки). Одинъ даритъ обнаженныя, изъ бѣлаго мрамора статуи, другой что нибудь изъ знаменитыхъ произведеній Евфранора или Поликлета, изъ тѣхъ что были старинными украшеніями азіатскихъ храмовъ; тотъ подаритъ книги и полки для нихъ, и Минерву, что ставится въ серединѣ (библіотечной залы), а тотъ цѣлый четверикъ серебра. И Персикъ, самый пышный изъ всѣхъ людей бездѣтныхъ, возстановляетъ все въ лучшемъ и въ болѣе изобильномъ видѣ, такъ что его, по справедливости, подозрѣваютъ въ томъ, не самъ ли онъ сжегъ свои палаты.

Если ты въ состояніи оторваться отъ зрѣлищъ (игръ) въ циркѣ (покинуть Римъ), то гдѣ нибудь въ Сорѣ, Фабратеріи или въ Фрузинонѣ можно купить цѣлый домъ за ту цѣну, какую ты теперь платишь въ годъ за твое мрачное жилище. Здѣсь (будетъ у тебя) и садикъ и неглубокій колодезь, изъ котораго нѣтъ нужды черпать воду при помощи каната, для того, чтобы поливать ею безъ особаго труда простые злаки. Живи себѣ здѣсь любителемъ сельскаго быта,

Библиотека "Руниверс"

хозяиномъ воздѣланнаго огорода (сада), откуда ты могъ бы задать пиръ цѣлой сотнѣ Пиѳагорейцевъ. Что нибудь да значитъ сдѣлаться владѣльцемъ хотя бы одной горсти (пяди) земли, гдѣ бы то ни было, въ какомъ угодно захолустьѣ.

Бо́льшая часть больныхъ умираетъ здѣсь отъ безсонницы, но самый упадокъ силъ производитъ въ нихъ скверная (неудобоваримая) пища, остающаяся въ воспаленномъ желудкѣ. Да и какія же наемныя жилища допускаютъ сонъ? Въ Римѣ спится только за большія деньги. Отсюда главная причина болѣзней. Переѣзды телегъ по узкимъ извилинамъ улицъ и перебранка у стоящаго обоза отнимутъ сонъ хоть у самого Друза и у морскихъ тюленей.

Богача, если его призываютъ дѣла, понесутъ (рабы его) среди разступающейся толпы, и онъ быстро будетъ двигаться впередъ надъ ея головами въ своей просторной (огромной) либурнѣ, и на пути будетъ читать или писать, или спать, такъ какъ лектика наводитъ сонъ, когда окна въ ней заперты. И, однако, онъ прибудетъ (явится на мѣсто) раньше, чѣмъ мы (бѣдняки), потому что намъ, въ то время, какъ мы спѣшимъ, мѣшаютъ (двигаться впередъ) переднія волны народа, а тѣ, которые сзади, отдавливаютъ тебѣ бока въ этой огромной толпѣ. Одинъ толкаетъ тебя локтемъ, а другой твердымъ шестомъ, тотъ бьетъ тебя въ голову бревномъ, а этотъ винною бочкой. Ноги покрываются толстымъ слоемъ грязи, и вслѣдъ за тѣмъ со всѣхъ сторонъ наступаютъ на меня огромныя подошвы, и въ пальцы вонзается солдатская шпора.

Видишь ли, съ какимъ дымомъ справляется складчинный обѣдъ (пикникъ)? Пирующихъ гостей цѣлая сотня и за каждымъ изъ нихъ слѣдуетъ своя кухня. Самъ Корбулонъ едва ли могъ бы вынести столько огромныхъ сосудовъ, столько взваленныхъ на голову разныхъ вещей, сколько несетъ ихъ, выпрямившись, на своей макушкѣ несчастный маленькій рабъ, раздувая въ то же время на бѣгу огонь. Рвутся (въ этой толпѣ) только что заштопанныя туники, длинная ель колеблется отъ движенія воза, а тутъ еще другая телѣга тащитъ сосну, и онѣ качаются на высотѣ и грозятъ народу (своимъ паденіемъ). Ибо, попробуй только рухнуть хоть та телѣга, что везетъ цѣлыя лигурскія скалы (мраморъ изъ Лигуріи) и выгрузить надъ толпою эту опрокинувшуюся гору, что тогда останется отъ человѣческаго тѣла? Кто въ состояніи отыскать его члены и кости? Такъ исчезаетъ, на подобіе души, всякій истертый въ порошокъ трупъ простолюдина. Между тѣмъ, беззаботная челядь уже моетъ тарелки

Библиотека "Руниверс"

и, раздувъ щеки, усиливаетъ огонь въ жаровнѣ, шумитъ умащенными стригилями (щетками) и, наполнивъ (благовоннымъ масломъ) узкогорлые флаконы, складываетъ простыни. Рабы проворно справляютъ всѣ эти разнообразныя работы, а онъ (ихъ товарищъ) сидитъ уже на берегу Стикса и, какъ новичекъ, пугается гадкаго кормчаго (Харона). Онъ, бѣдный, не разчитываетъ на лодку въ этой грязной пучинѣ, не имѣя во рту тріента (мелкой монеты), для уплаты за перевозъ.

Теперь обрати вниманіе на другія, и притомъ разнообразныя опасности въ ночное время. Какое пространство отъ высокихъ крышъ, откуда бьетъ тебя по головѣ черепица! Какъ часто падаютъ съ оконъ расколотыя и разбитыя въ дребезги огромныя вазы и, ударяясь всею своею тяжестью о камни, портятъ мостовую, оставляя на ней знаки! Можно бы было счесть тебя за человѣка безпечнаго и не предусмотрительнаго на счетъ внезапныхъ случайностей, если бы ты отправился куда нибудь на ужинъ, не сдѣлавъ напередъ завѣщанія; при этомъ грозитъ тебѣ даже столько смертей, сколько въ ту ночь на твоемъ пути открытыхъ (бодрствующихъ) оконъ. И такъ желай и неси съ собою жалкую молитву, чтобы они хотя довольствовались обливаніемъ тебя изъ широкихъ лаханей.

Пьяный нахалъ, который случайно никого не избилъ, какъ бы наказывается за это, проводитъ ночь въ терзаніяхъ, подобно оплакивающему своего друга Пелиду; лежитъ то ничкомъ, то вслѣдъ за тѣмъ, на спинѣ: только ссора даетъ ему спать. Но, хотя и строптивый, ради своихъ юныхъ лѣтъ, хотя и разгоряченный виномъ, онъ, однако, остерегается того человѣка, сторониться отъ котораго внушаютъ ему пурпуровая его лена (накидка), длиннѣйшая вереница провожатыхъ, да, кромѣ того, множество свѣточей (факеловъ) и бронзовый канделябръ. А такъ какъ меня обыкновенно провожаетъ только луна или небольшое пламя восковой витушки, при чемъ я бережливо расправляю ея свѣтильню—меня онъ презираетъ. Узнай же (теперь) предисловіе къ прискорбной ссорѣ, если только можно назвать ссорою, когда бьешь ты, а меня только бьютъ. Онъ (нахалъ) останавливается противъ тебя и тебѣ приказываетъ остановиться. Необходимо повиноваться. Да и что тутъ подѣлаешь, когда принуждаетъ тебя къ тому бѣшеный человѣкъ, который еще притомъ сильнѣе тебя? Откуда ты идешь? кричитъ онъ, отъ какого уксуса и отъ чьихъ бобовъ ты такъ раздулся? Какой сапожникъ жралъ съ тобою крошенный лукъ и губы варенаго барана? А, ты ничего мнѣ не отвѣ-

Библиотека "Руниверс"

чаешь? Или говори, или вотъ тебѣ пинокъ! Говори, гдѣ ты торчишь (гдѣ твоя столика)? Въ какой искать тебя синагогѣ (молельнѣ)? Попробуешь ли ты что нибудь отвѣчать или молча отойдешь въ сторону—все равно: и такъ, и эдакъ они тебя бьютъ, а потомъ сами же, разгнѣвавшись, заводятъ съ тобою процессъ. И вотъ она свобода бѣдняка: исколоченный, онъ же проситъ, избитый кулаками, онъ же умоляетъ, чтобы ему позволено было воротиться оттуда (съ мѣста побоища) домой, хотя бы съ немногими зубами!

И, однако, не одного только этого ты бойся, такъ какъ нѣтъ недостатка и въ такихъ, что грабятъ въ ту пору, когда дома уже затворены, а въ лавкахъ, запертыхъ цѣпями и засовами, водворяется тишина. Иногда внезапно нахлынувшіе разбойники работаютъ и кинжалами, и это всякій разъ, какъ Понтинскія болота и Галлинарскій сосякъ занимаются, для безопасности, вооруженною стражей. Тогда всѣ они бѣгутъ оттуда въ Римъ (сюда), словно въ какую-нибудь живодерню.

Въ какомъ горнѣ, на какой наковальнѣ не готовятся тяжелыя цѣпи? Громадное количество желѣза потребляется на оковы, такъ что приходится бояться, чтобы не оказалось недостатка въ сохахъ, грабляхъ и боронахъ. Ты бы могъ назвать счастливыми предковъ нашихъ прадѣдовъ и тѣ вѣка, которые когда-то, подъ владычествомъ царей и трибуновъ, видѣли, какъ Римъ довольствовался только одною темницей.

Ко всему этому я могъ бы присоединить и другія причины (моего отъѣзда), и еще въ большемъ количествѣ, но меня ждетъ моя повозка, да и солнце на закатѣ: необходимо отправиться въ путь. Мой возница давно уже дѣлаетъ мнѣ знаки своимъ бичемъ. Итакъ, прощай, помни обо мнѣ и всякій разъ, какъ Римъ будетъ возвращать тебя твоему (родному) Аквину, когда ты спѣшишь туда на отдыхъ, сворачивай и меня отъ Кумъ къ Гельвинской Церерѣ и къ твоей Діанѣ. И я приду во всеоружіи на прохладныя поля Аквина пособникомъ въ твоихъ сатирахъ, если только ты не стыдишься моей помощи.

Примѣчанія къ III-й сатирѣ.

Ст. 1—9. Сивиллами назывались въ древнемъ мірѣ прорицательницы. Въ Греціи онѣ имѣли тѣсную связь съ культомъ Аполлона и обыкновенно упоминаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были его оракулы. Въ Италіи также насчитывалось нѣсколько Сивиллъ и знаме-

Библиотека "Руниверс"

нитѣйшею изъ нихъ была Кумская, извѣстная также изъ VI-й книги Виргиліевой Энеиды. Байямъ (ст. 4) и веселой въ нихъ жизни посвящена особая статья въ „Пропилеяхъ“ (кн. III стр. 337). Субурою (ст. 5) назывался одинъ изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ кварталовъ древняго Рима и теперь носящій прежнее свое названіе. Онъ находился въ лощинѣ между Целіемъ и Эсквилиномъ. Марціалъ называетъ Субуру „clamosa“ (XII, 18). Безъ сомнѣнія однако, эта мѣстность не нравилась Умбриціи и потому, что она представляла много соблазновъ для разврата. На эту характеристическую черту Субуры обращено вниманіе и въ V-й сатирѣ Персія, ст. 32. Прохита—небольшой островъ въ Неаполитанскомъ заливѣ, и теперь извѣстна подъ тѣмъ же именемъ (Procida, Procida). О публичныхъ рецитаціяхъ въ древнемъ Римѣ (ст. 9) и о взглядѣ на нихъ Ювенала см. въ моей брошюрѣ „Ювеналъ“ (С.-Петерб., 1860) и въ III т. сборника „Пропилеи“. Старинная и едва ли не лучшая монографія по этому вопросу написана Веберомъ, подъ заглавіемъ: „De recitationibus publicis apud Romanos“. Августъ и до сихъ поръ считается въ Римѣ однимъ изъ самыхъ жаркихъ и нездоровыхъ мѣсяцевъ. Публичныя чтенія въ такую пору, разумѣется, должны были казаться несносными. Климатическое значеніе для Рима означеннаго мѣсяца очень пластично выставлено Гораціемъ, въ самомъ началѣ VII-го его посланія I-й книги. Русскій переводъ означеннаго посланія, столь важнаго для уясненія отношеній этого поэта къ Меценату, представленъ мною въ книгѣ „Горацій и его время“, стр. 95 и слѣд.

Ст. 10—33. Подъ Капеною (ст. 10) разумѣются здѣсь Капенскія ворота (porta Capena), которыя находились въ южной части Рима. Отсюда начиналась знаменитая Аппіева дорога (regina viarum, какъ ее называли), которая вела въ Капую. Причину, по которой эти ворота называются здѣсь мокрыми, или влажными (madida), хорошо объясняетъ древній схоліастъ въ короткой своей замѣткѣ къ разсматриваемому мѣсту. „Madidam“, говоритъ онъ,—„ideo, quia super eam aquaeductus est, quem nunc appellant Arcum stillantem“. Дѣйствительно, къ этимъ воротамъ примыкалъ одинъ изъ римскихъ водопроводовъ, называвшійся aqua Marcia, потому что былъ построенъ преторомъ Кв. Марціемъ Рексомъ въ 610 г. города. Этотъ водопроводъ проходилъ надъ аркою Капенскихъ воротъ, при чемъ вода, просачиваясь, падала съ нихъ на прохожихъ. Вотъ почему и Марціалъ говоритъ: „Capena grandi porta quae pluit gutta“ (III, 47). Старинныя арки, или своды aqua Marcia (veteres arcus), примыкали на этомъ

Библиотека "Руниверс"

мѣстѣ къ Капенскимъ воротамъ, которыми, какъ это было въ Римѣ въ обычаѣ, строители водопровода воспользовались для своихъ цѣлей. Винительный падежъ въ концѣ 11-го стиха могъ бы быть, для большей точности, замѣненъ родительнымъ, какъ мы это и выразили въ нашемъ переводѣ. Замѣтимъ еще, что они существуютъ и по настоящее время и называются теперь воротами св. Себастіана (porta di S. Sebastiano).

Передъ самыми Капенскими воротами, влѣво отъ нихъ, на Аппіевой дорогѣ, находилась роща музъ (lucus Camenarum) и долина Эгеріи, достаточно извѣстной изъ преданій о Нумѣ Помпиліи, древнѣйшемъ установителѣ римскаго культа (ст. 12). Далѣе Ювеналъ скорбитъ о томъ, что это священное мѣсто было обезображено (не въ художественномъ, а въ нравственномъ смыслѣ) разными, не идущими къ нему украшеніями, а затѣмъ отдано въ аренду нищенствующимъ Евреямъ, которые, какъ по всему видно, устроились здѣсь на подобіе цыганскаго табора. Число ихъ уже въ вѣкъ Цицерона было въ Римѣ очень значительно, и Юлій Цезарь дозволилъ имъ совершенно свободно отправлять свое богослуженіе. Римское правительство вообще долгое время безразлично относилось къ разнымъ восточнымъ культамъ, которые проникли въ Италію, и если по временамъ преслѣдовало ихъ, то по причинамъ не политическаго, а скорѣе полицейскаго свойства. Только христіанство составляло въ этомъ случаѣ исключеніе. Однако, назойливость Евреевъ, ихъ обособленность и безпокойный характеръ, духъ прозелитизма и наглая эксплоатація, отъ которой много терпѣло остальное римское народонаселеніе, все это привело впослѣдствіи къ такимъ же мѣрамъ, какія были принимаемы, относительно этого племени, и въ новой Европѣ. Уже Тиберій установилъ за ними строгій полицейскій надзоръ, а Клавдій вовсе удалилъ ихъ изъ Рима. Объ этомъ ясно говорятъ Светоній и Тацитъ. При болѣе кроткомъ правленіи Веспасіана, и особенно послѣ разрушенія Іерусалима, Евреи опять втерлись въ Римъ и начали свободно отправлять свой культъ, подъ условіемъ небольшой дани Юпитеру Капитолійскому, а вслѣдъ затѣмъ, при Домиціанѣ, какъ видно изъ разсматриваемаго мѣста, снова подверглись гоненію. Высланные изъ города, они пріютились въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Интересная ихъ характеристика встрѣчается также у Ювенала въ сат. XIV, ст. 96.

Ст. 25. По одному изъ преданій, которое имѣлъ здѣсь въ виду поэтъ, Дедалъ окончилъ свой полетъ въ Кумахъ. Разъясненіе значенія

Библиотека "Руниверс"

этой миѳической личности см. въ „Пропилеяхъ", кн. I, стр. 15 и слѣд.

Ст. 29. Выраженіе „cedamus patria" находится, по моему мнѣнію, въ непосредственной грамматической и логической связи съ предшествующими словами. Потому послѣ слова „bacillo" (въ 28 ст.) не слѣдуетъ ставить точки.

Ст. 31. Всѣ общественныя работы, какія здѣсь упоминаются, были въ Римѣ сдаваемы съ торговъ на откупъ. Можетъ показаться страннымъ, почему Ювеналъ считалъ безнравственнымъ заниматься такимъ дѣломъ, разумѣется, если оно велось безъ обмана. Таково, однако, было убѣжденіе древнихъ моралистовъ, особенно изъ секты стоиковъ. Для примѣра, можно указать аналогическое мѣсто въ пятой сатирѣ Персія, ст. 132—160. См. въ моемъ изданіи Персія, стр. 23 и 237.

Ст. 33. Слова „praebere caput domina venale sub hasta" не безъ основанія считаются очень темными. Потому Гейнрихъ предлагалъ вмѣсто domina читать domino, такъ какъ первое изъ этихъ чтеній, въ соединеніи съ „hasta", казалось ему непонятнымъ. Отчего, однако, не принять это выраженіе въ смыслѣ владычное копье, на томъ основаніи, что публичные аукціоны были очень обычны, и потому какъ бы царили въ Римѣ, а внѣшнимъ ихъ символическимъ знакомъ служило воткнутое въ землю копье (hasta)? Отсюда „vendere sub hasta" значило: продавать съ публичнаго торга, а слово субгастація усвоилось и новымъ языкамъ, составляя одинъ изъ юридическихъ терминовъ, для обозначенія аукціона. Но дѣло въ томъ, о какомъ аукціонѣ идетъ здѣсь рѣчь? Обыкновенно думаютъ, что о публичной продажѣ рабовъ. Этимъ дѣйствительно позорнымъ ремесломъ (Римляне справедливо относили его къ числу quaestus sordidi) занимались mangones, которыхъ поэтъ имѣлъ право заклеймить позоромъ. Согласно съ такимъ объясненіемъ, приведенныя слова могутъ получить такое значеніе: „выставлять у владычнаго копья продажныя головы рабовъ"; но, вопервыхъ, слово рабъ вовсе не упоминается въ разсматриваемомъ стихѣ, а затѣмъ рабы продавались въ древнемъ мірѣ не съ публичнаго торга, а обыкновеннымъ порядкомъ, какъ и теперь на Востокѣ. Потому, „владычное копье" было бы тутъ не при чемъ. Для того, чтобы выйдти изъ этого затрудненія, гораздо удобнѣе принять здѣсь слово „caput" въ томъ юридическомъ значеніи, какое оно имѣло въ древности, а именно въ значеніи совокупности тѣхъ правъ, которыя закономъ были присвоены римскому гражданину. Въ

Библиотека "Руниверс"

числѣ ихъ однимъ изъ главныхъ являлся status libertatis. Всякое нарушеніе, или умаленіе этихъ правъ, называлось на юридическомъ языкѣ deminutio capitis и имѣло нѣсколько видовъ или степеней. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о лишеніи гражданина его свободы и, какъ можно заключить изъ замѣтки схоліаста „qui poscunt a fisco vendi, quasi debitores fisci", о должникахъ казны, которые за разныя неустойки подвергались лишенію того или другаго изъ своихъ правъ. При этомъ имущество ихъ, для пополненія убытковъ казны, продавалось съ аукціона. Такой случай приводитъ Светоній (Claud. 9). Въ данномъ случаѣ разсматриваемое выраженіе, по всей вѣроятности, имѣетъ непосредственное отношеніе къ тѣмъ подрядчикамъ и откупщикамъ, о которыхъ говорится выше.

Ст. 34. Говорится о людяхъ, которые изъ самыхъ низкихъ общественныхъ сферъ достигали, и притомъ кривыми путями, высокаго общественнаго положенія, не отставая, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ тѣхъ спекуляцій, которыя считались у Римлянъ за quaestus sordidi. Въ числѣ этихъ высочекъ упоминаются здѣсь бродячіе музыканты, которые участвовали въ представленіяхъ гладіаторовъ по разнымъ муниципіямъ, и преконы или глашатые, которые, между прочимъ, принимали участіе и въ аукціонахъ. Въ эту должность выбирались обыкновенно люди съ громкимъ голосомъ. Поэтъ называетъ ихъ buccae, откуда и одно изъ постоянныхъ дѣйствующихъ лицъ въ ателланахъ называлось Буккономъ. См. „Пропилеи" кн. II, стр. 161. Такіе-то люди, прибавляетъ поэтъ,—теперь, разбогатѣвъ, устраиваютъ на свой счетъ для народа разныя зрѣлища и для снисканія у него популярности (populariter), что имѣло большую важность при выборахъ въ высшія должности, которыхъ они домогались, по данному зрителями условному знаку, готовы убивать поверженнаго на землю борца. Рѣчь, конечно, идетъ о гладіаторскихъ играхъ. Болѣе подробное объясненіе выраженія „vertere или invertere pollicem" можно найдти въ каждомъ лексиконѣ. Въ ст. 39 мы слѣдуемъ чтенію „quum libet", а не „quem libet".

Ст. 41—58. Рѣчь о другаго сорта людяхъ, которые, по убѣжденію поэта, также прокладывали себѣ дорогу, какъ выражались Римляне, per malas artes. Къ числу ихъ относятся здѣсь астрологи (ихъ называли также mathematici), которые промышляли предсказаніями по звѣздамъ и готовы были обѣщать смерть отца (funus promittere patris) нетерпѣливымъ его наслѣдникамъ, а затѣмъ гаруспексы, которые заключали о волѣ боговъ по внутренностямъ животныхъ

Библиотека "Руниверс"

(extispicium). Едва ли, впрочемъ, не вѣрнѣе думать, что здѣсь говорится о приготовленіи яда изъ внутренностей лягушекъ и вообще объ artes veneficae (ср. 70-й ст. 1 сат.). Въ Римѣ было не мало людей, которые занимались этимъ ремесломъ, и въ числѣ ихъ знаменитая Локуста. Такъ понималъ это мѣсто и схоліастъ, который, въ примѣчаніи къ нему, объясняетъ: „non sum veneficiis".

Въ 47 ст. выраженіе „nulli comes exeo" дало поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Между прочимъ, оно принимается въ смыслѣ: „оставляю Римъ не въ свитѣ какого-нибудь проконсула, то-есть, не принадлежа къ его когортѣ" (cohors), въ которую обыкновенно зачислялись люди, желавшіе нажиться въ провинціи. По точному смыслу Ювеналовой рѣчи, какъ особенно видно изъ послѣдующихъ словъ, приведенное выраженіе, какъ мнѣ кажется, значитъ: „выхожу изъ Рима не состоя ни у кого (не будучи ничьимъ) кліентомъ". Слова comes и cliens нерѣдко употребляются у Ювенала безразлично.

Ст. 53. Верръ, знаменитый, въ своемъ родѣ, сицилійскій преторъ, память о которомъ увѣковѣчена Цицерономъ въ „Orationes Verrinae", является и здѣсь нарицательнымъ именемъ, какъ типическій представитель того разряда римскихъ чиновниковъ, которые грабили ввѣренныя ихъ управленію провинціи.

Ст. 55. Испанская рѣка „Tagus" (теперешняя Тайо), какъ видно, считалась золотоносною. Такою она обозначается Ювеналомъ и въ XIV его сатирѣ, ст. 299. Въ слѣд. стихѣ выраженіе „ponenda praemia" употреблено въ смыслѣ deponenda, то-есть, подарки, которые слѣдуетъ отложить, бросить въ сторону, какъ презрѣнные, а можетъ быть, и такіе, съ которыми въ концѣ концовъ, по смерти, все же придется разстаться.

Ст. 58—126. Знаменитое мѣсто о Грекахъ, селившихся въ Римѣ, объ отношеніи къ которымъ Ювенала уже сказано выше. Здѣсь (въ 60 ст.) онъ не безъ цѣли обозначаетъ Римлянъ старинными названіемъ квириты, которое возникло задолго до вліянія на нихъ Греціи и представляетъ рѣзкую антитезу съ выраженіемъ „graecam urbem". Затѣмъ, порицая Грековъ, поэтъ предварительно замѣчаетъ, что и до нихъ Римъ уже подвергался разнымъ, и притомъ вреднымъ чужеземнымъ вліяніямъ, въ особенности со стороны Азіи, и что среди разноплеменнаго его населенія они составляютъ незначительную часть. И тѣмъ не менѣе, поэтъ считаетъ ихъ главными развратителями Рима, какъ людей, превосходившихъ другихъ иноплеменниковъ своимъ

Библиотека "Руниверс"

образованіемъ, пролазничествомъ и особеннымъ умѣньемъ возбудить къ себѣ общее довѣріе, которымъ эти люди ловко пользовались для своихъ личныхъ цѣлей. Они-то ещё задолго до Ювенала, по его выраженію, устремились „на холмъ Эсквилинскій и на тотъ, что̀ получилъ свое названіе отъ поросшаго на немъ кустарника", то-есть Виминальскій (Viminalis, отъ vimen), устремились туда со всѣхъ сторонъ древняго міра, населенныхъ эллинскимъ племенемъ: съ острововъ Эгейскаго моря, изъ Амидона (въ Македоніи), Тралловъ (въ Іоніи) и Алабанды (въ Каріи).

Ст. 62. Вредоноснаго восточнаго вліянія на Римъ поэтъ касается мимоходомъ и исключительно со стороны разврата, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Онъ указываетъ на Сирію, откуда вывозились въ Римъ разныя ambubaiae, fidicinae, crotalistriae и тому подобныя музыкантши и плясуньи, которыя были въ то же время проститутками. Онѣ были почти необходимою принадлежностію римскихъ пировъ и промышляли своимъ ремесломъ на улицахъ и въ тавернахъ, о чемъ поэтъ упоминаетъ въ этомъ же мѣстѣ. Ближайшее отношеніе къ нему имѣетъ одно очень изящное и очевидно классическое стихотвореніе, подъ названіемъ Copa (трактирщица), которое долгое время приписывалось Виргилію. Оно начинается словами: „Сирійская трактирщица, съ греческою повязкою на головѣ, та, которая такъ хорошо умѣетъ извивать свое гибкое тѣло подъ звуки кротала, пляшетъ передъ знакомою всѣмъ таверною" и пр. Полный переводъ этого стихотворенія когда-то былъ помѣщенъ мною въ Отечеств. Запискахъ (въ статьѣ „Гостинницы въ древности"). Подъ „chordae obliquae" (ст. 64) разумѣется здѣсь сирійская арфа, которая называлась самбукою (sambuca), а подъ тимпанами (tympana) — тамбурины. Болѣе подробное разъясненіе о струнныхъ инструментахъ древности у Гуля и Конера (съ рисунками), въ ихъ книгѣ: „Das Leben der Griech. u. Röm., стр. 229 и слѣд.

Изъ ст. 65 видно, что помянутыя женщины, между прочимъ, „prostabant" (то-есть, стояли передъ своими каморками, образцы которыхъ и теперь можно видѣть въ Помпеяхъ) у цирка (circus maximus). Замѣтимъ также, что отъ этого глагола онѣ получили свое спеціальное названіе prostibulum. Головной уборъ этихъ азіатскихъ красавицъ состоялъ (ст. 66) изъ „mitra picta" (стр. 66), то-есть, изъ вышитой повязки. Почему Вейднеръ принимаетъ picta въ смыслѣ versicoloria и отвергаетъ общепринятое объясненіе — понять довольно

Библиотека "Руниверс"

трудно. Очень вѣроятно и, положимъ, даже несомнѣнно, что эти повязки были разноцвѣтныя, но только Ювеналъ объ этомъ не говоритъ.

Ст. 67. За этимъ отступленіемъ о вліяніи на Римъ Азіи, поэтъ возвращается къ Грекамъ и очень яркими красками рисуетъ ихъ нравы. Онъ скорбитъ о томъ, что они, вмѣстѣ съ греческою модой окончательно проникли въ римскую жизнь и вытѣснили старинный, патріархальный бытъ, когда въ ней господствовала еще сабинская простота. Это любимая тема Ювенала. О его сабинофильствѣ подробнѣе говорится въ моей брошюрѣ: „Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи“ и пр., стр. 46. Въ такомъ значеніи слѣдуетъ понимать и обращеніе поэта къ Квирину, какъ назывался Ромулъ, послѣ его апоѳеозы, а равно и обозначеніе первобытнаго римскаго народа словомъ „rusticus“. О, Квиринъ, говоритъ Ювеналъ, — этотъ твой народъ, когда-то отличавшійся простотою сельскихъ нравовъ, утратилъ свои національныя качества и теперь находится подъ вредоноснымъ вліяніемъ чужеземныхъ нравовъ.

Ст. 68. Для того, чтобы показать, что это вліяніе преимущественно греческое, сатирикъ, кажется, не безъ цѣли, употребляетъ здѣсь слова „trechedipna“ и „niceteria“, хотя и любитъ влагать иногда въ свою рѣчь греческія выраженія и безъ всякой въ нихъ надобности. Въ особенности такія чужеземныя слова, какъ и въ наше время, были очень обычны въ разговорномъ языкѣ. Иногда они фабриковались въ самомъ Римѣ и вовсе не употреблялись въ Греціи. Къ такимъ словамъ принадлежитъ и „trechedipnum“, въ значеніи „vestimentum parasiticum“, какъ объясняетъ схоліастъ. У Грековъ было слово τρεχέδειπνος, означавшее, какъ это ясно видно изъ его составныхъ частей, человѣка, бѣгущаго на обѣдъ. Это было одно изъ прозвищъ параситовъ. Вѣроятно, Ювеналъ употребилъ свое выраженіе не въ спеціальномъ его значеніи, а въ общемъ, то-есть, въ смыслѣ греческой одежды. Вейднеръ очень странно принялъ разсматриваемое слово въ смыслѣ scortum. Въ древнихъ кодексахъ существовало также чтеніе rechedipna, возникшее, очевидно, по ошибкѣ переписчиковъ. Не смотря на то, Ашентръ внесъ это слово въ свое изданіе, хотя и признается, что не понимаетъ его смысла. Одинъ изъ схоліастовъ Ювенала, принявъ это слово за собственное имя, замѣчаетъ: „Rechedipna est ipse, qui coenam facit“. Подъ „niceteria“ (victoriae insignia или praemia) слѣдуетъ понимать знаки отличія, которыми награждались за свое искусство борцы въ палестрахъ и въ гимназіяхъ. Это также были не любимыя Ювеналомъ греческія учреж-

Библиотека "Руниверс"

денія. Самыя награды, о которыхъ здѣсь рѣчь, состояли изъ ленточекъ, ожерельевъ и цѣпочекъ, которыя носились на груди и на шеѣ. Послѣдняя называется здѣсь „ceromaticum“, то-есть, умащенною, отъ латинизированнаго греческаго слова cerома (мази изъ воска и масла, которою борцы умащали открытыя части своего тѣла, для того, чтобы оно скользило подъ руками антагониста). Человѣкъ, на обязанности котораго лежало такое умащеніе назывался „aliptes“. Впрочемъ, въ ст. 76, подъ этимъ словомъ можно разумѣть также баньщика и парикмахера. Въ такомъ нарядѣ, который описанъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, римскіе щеголи, слѣдуя греческой модѣ, являлись на пиршества и вообще въ публику, и это приводитъ въ негодованіе поэта, постоянно мечтавшаго о сабинской простотѣ нравовъ.

Ст. 72. Греки очень удачно называются здѣсь нутромъ (viscera), то-есть, необходимою принадлежностію знатныхъ римскихъ фамилій (magnarum domuum) и будущими вельможами.

Ст. 74. „Isaeo torrentior“ значитъ: torrentior quam sermo Isaei. Здѣсь разумѣется не знаменитый аттическій ораторъ, а другой Изей, риторъ и современникъ Ювенала, отличавшійся бойкостью рѣчи. Его, какъ оратора, хвалитъ Плиній въ своихъ письмахъ (II, 3).

Ст. 79. Здѣсь имѣется въ виду не миѳическій Дедалъ, или Икаръ, какъ прежде думали, а какой-то бѣднякъ, родомъ Грекъ, который, при Неронѣ, изъ угожденія ему, прицѣпилъ себѣ крылья и вздумалъ подняться на воздухъ, но очень неудачно (Suet. Nero, 12).

Ст. 89. Антей, сынъ Нептуна и Геи (Земли), извѣстный въ миѳахъ великанъ и силачъ, котораго никто не могъ побороть, такъ какъ онъ воспринималъ силу отъ своей матери. Потому, въ борьбѣ съ Антеемъ Геркулесъ поднялъ его на воздухъ и, отдѣливъ отъ земли, лишилъ ея помощи.

Ст. 90 и 91 представляютъ довольно искусственную конструкцію, изъ чего, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, что Ювеналъ не могъ ея употребить. Къ „ille“ здѣсь нужно подразумѣвать изъ второй половины предложенія слово „maritus“ (то-есть, gallus). Затѣмъ, вмѣсто творительнаго „quo“ (то-есть, a quo) уже Руперти предлагалъ читать cui. Въ примѣръ такой конструкціи можно привести извѣстныя слова Горація: „Ili, scripta quibus comoedia prisca viris est“. Другіе предлагали читать этотъ стихъ: „illa sonat, quum“ и проч.

Ст. 93. Греки, говоритъ Ювеналъ,—какъ бы прирожденные комедіанты. Вмѣстѣ съ лестью они соединяютъ актерскія способности, и

Библиотека "Руниверс"

потому вполнѣ владѣютъ сценическимъ искусствомъ не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ роляхъ. Послѣднія, какъ извѣстно, исполнялись на греческихъ театрахъ мужскимъ персоналомъ, и это тѣмъ понятнѣе, что актеры выходили на сцену въ маскахъ. Въ Римѣ были и актрисы, но онѣ появились тамъ, какъ кажется, не ранѣе III вѣка. По крайней мѣрѣ, до этого времени даже въ пантомимахъ, то-есть, въ римскомъ балетѣ, женскія роли представляемы были мужчинами. См. „Пропилеи", кн. IV, стр. 575. Ѳаида обозначаетъ здѣсь гетеру, „uxor" — честную матрону, а Дорида, не прикрытая даже коротенькимъ палліумомъ, можетъ быть, служанку, какъ думаетъ и схоліастъ.

Ст. 95. Иллюзія, прибавляетъ поэтъ, до того велика (когда Грекъ является въ женской роли), что и тѣло-то его, подумаешь, устроено по женски.

Ст. 98. Антіохъ, Стратоклъ, Деметрій и Гемъ не выдуманныя лица, а современные Ювеналу греческіе актеры. О нихъ упоминаетъ и Квинтиліанъ (XI, 3), называя ихъ „maximi actores comoediarum". Деметрій, замѣчаетъ онъ,—особенно отличался въ роляхъ матронъ и старухъ.

Ст. 130. Греческое слово „endromis" схоліастъ не совсѣмъ точно понималъ въ смыслѣ „одѣяло" (lodicem qua se cooperiat). Это также одно изъ тѣхъ словъ, которыя въ Римѣ получили своеобразное значеніе. Въ греческомъ языкѣ оно собственно означало охотничью обувь, въ родѣ той, въ какой на памятникахъ искусства изображается Діана и нимфы изъ ея свиты. Въ Римѣ это слово употреблялось въ значеніи верхней одежды изъ толстой мохнатой матеріи. Это была зимняя одежда. Марціалъ (IV, 19) посылаетъ своему другу «peregrinam endromida".

Ст. 103. Риббекъ, въ числѣ множества другихъ Ювеналовыхъ стиховъ, объявилъ и означенное мѣсто вставочнымъ (v. spurius), а новый издатель Ювенала, Вейднеръ, исключилъ этотъ стихъ изъ текста только на основаніи такъ-называемой субъективной критики, которая не всегда примѣнима къ древнимъ писателямъ.

Ст. 108 одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ разсматриваемой сатирѣ. Одинъ изъ схоліастовъ безъ дальнихъ околичностей объясняетъ его словами „si pederit", и дѣйствительно, такое толкованіе, очень подходящее къ предшествующимъ выраженіямъ ructare и mingere, можетъ показаться наиболѣе правильнымъ. Потому оно, можно сказать, общепринятое и повторяется почти всѣми издателями Ювенала, при чёмъ

Библиотека "Руниверс"

подъ „trulla aurea", то-есть, подъ золотою лаханью, разумѣется здѣсь брюхо богатаго патрона, а подъ „fundus"—ея дно, или низъ, въ смыслѣ anus. Избалованный и грубый патронъ, въ родѣ Петроніева Тримальхіона (такъ обыкновенно разумѣютъ это мѣсто), не стѣсняется присутствіемъ своихъ кліентовъ и позволяетъ себѣ за своимъ обѣдомъ всякія безобразія. Между прочимъ, онъ „fundum invertit", выпячиваетъ или выворачиваетъ свой задъ и „crepitum dat", при чемъ Graeculi готовы его прославлять (laudare paratus) за его нахальство. Въ послѣднее время Вейднеръ старался устранить отъ этого стиха придаваемый ему циническій смыслъ. Подъ „trulla aurea" онъ понимаетъ золотой ковшъ, которымъ патронъ черпаетъ вино изъ бочки, или изъ виннаго сосуда (vas vinarium). Выходка патрона, по мнѣнію Вейднера, состоитъ въ томъ, что онъ незамѣтно поворачиваетъ опорожненный сосудъ вверхъ дномъ (invertit fundum) и затѣмъ приглашаетъ кліента, можетъ быть, не замѣтившаго этой продѣлки или, вѣрнѣе, показывающаго видъ, что не замѣтилъ, черпать вино этимъ ковшемъ, при чемъ онъ, ударившись о дно, производитъ стукъ (crepitum dat). Это толкованіе, конечно, болѣе приличнаго свойства, но разумѣется, должно казаться далеко неудовлетворительнымъ. Дѣйствительно, стоило ли сатирику говорить о такой въ сущности невинной шуткѣ и сопоставлять ее съ тѣмъ цинизмомъ, о которомъ упоминается въ непосредственно предшествующихъ словахъ? Такимъ образомъ невольно приходится остановиться на первомъ объясненіи.

Стихи отъ 114 до 118 по справедливости считаются не принадлежащими Ювеналу. Они, очевидно, присочинены какимъ-нибудь риторомъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Тацита. Вотъ они:

Et quoniam coepit Graecorum mentio, transi
Gymnasia atque audi facinus maioris abollae.
Stoicus occidit Baream delator, amicum
Discipulumque senex, ripa nutritus in illa,
Ad quam Gorgonei delapsa est pinna caballi.

Въ переводѣ это значитъ: „Такъ какъ рѣчь зашла (началось упоминаніе) о Грекахъ, то пройди по гимназіямъ и послушай (что тамъ говорятъ) о преступленіи высшаго разбора. Стоикъ-доносчикъ извелъ (убилъ) Барею, своего ученика и друга убилъ старикъ, вскормленный на томъ побережьѣ, куда спустился крылатый конь Горгоны (Пегасъ)".

Къ глаголу „transi" здѣсь можно также подразумѣвать silentio

Библиотека "Руниверс"

какъ и у насъ говорится: пройдти молчаніемъ. При этомъ условіи, точный смыслъ Ювеналовой рѣчи можетъ быть такой: пройди молчаніемъ, то-есть, оставь въ сторонѣ гимназіи, гдѣ Греки опозорили себя многими безчестными дѣлами, и выслушай о злодѣяніи одного изъ нихъ, принадлежащаго не къ обыкновенному люду, а къ сектѣ стоиковъ. Такъ нужно понимать выраженіе „maioris abollae". Слово abolla могло образоваться изъ ἀναβολή, въ точномъ переводѣ накидка. Оно обозначало верхнюю одежду, какую носили стоики (dallium philosophicum). Рѣчь въ разсматриваемомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, идетъ о P. Egnatius Celer, который, при Неронѣ (въ 65 г.), сдѣлалъ, изъ корыстныхъ видовъ, ложный доносъ на своего ученика друга и благодѣтеля Барею Сорана (Bareas Soranus), послѣдствіемъ чего была его казнь. Объ этомъ упоминаетъ и Тацитъ почти въ самомъ концѣ уцѣлѣвшей части своей лѣтописи (кн. XVI), присоединяя при этомъ слѣдующую характеристику Эгнація: „Cliens hic Sorani et tunc emptus ad opprimendum amicum auctoritatem stoicae sectae praeferebat, habitu et ore ad exprimendam imaginem honesti exer, citus, ceterum animo perfidiosus, subdolus, avaritiam ac libidinem occultans и пр. Онъ провелъ ранніе годы своей жизни или, какъ выражается поэтъ, былъ вскормленъ въ Тарсѣ, горбдѣ Киликіи, откуда родомъ былъ и апостолъ Павелъ. Здѣсь, по миѳическому преданію, спустился на землю крылатый конь, то-есть, Пегасъ (pinna Gorgonei caballi=Pegasus alatus), который называется Горгонскимъ отъ того, что родился изъ крови Медузы, или Горгоны. Можно понимать и такъ, что „pinna", то-есть, одно изъ перьевъ этого крылатаго копя, во время его полета, упало въ Тарсъ и хранилось тамъ, какъ нѣкая святыня.

Ст. 120—125. Протогенъ, Дифилъ и Гермархъ вовсе не историческіе, какъ старались доказать нѣкоторые ученые, а первыя имена пришедшія въ голову поэту, которыми онъ воспользовался для обозначенія Грековъ. Жалоба на то, что кліентство приноситъ мало пользы, съ современной точки зрѣнія можетъ показаться очень некрасивою, но не слѣдуетъ забывать, что эти слова влагаются въ уста бѣдняка, и притомъ римскаго.

Ст. 126—136. Жить бѣдняку въ Римѣ, продолжаетъ Умбриціи,— не возможно, ибо тамъ нисколько не цѣнятся ни заслуги его, ни услуги (officia et merita). Да и какъ можетъ быть иначе, когда даже люди богатые и знатные (togati) превратились въ кліентовъ, когда даже какой-нибудь преторъ еще ночью отправляется съ визитомъ

Библиотека "Руниверс"

(salutatio matutina) къ богатымъ старухамъ для того, чтобы поздравить ихъ съ добрымъ утромъ раньше своего товарища? Причина этой усердной поспѣшности, какъ ясно видно изъ самаго текста, въ томъ что Модія и Альбина богатыя, и притомъ бездѣтныя (orbae) старухи, или старыя дѣвы. Многолѣтіе ихъ ясно обозначается выраженіемъ „dudum vigilantibus", такъ какъ безсонница, или короткій сонъ, служитъ однимъ изъ признаковъ старости. Прилагательное orbus, равно какъ и причастіе orbatus, обозначаетъ вообще человѣка, лишеннаго чего-нибудь (aliqua re). Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о вдовахъ (viduae), какъ думаетъ Вейднеръ, а о бездѣтныхъ старухахъ. Въ этомъ главное. Цѣль раннихъ визитовъ къ разнымъ Модіямъ, очевидно, заключалась въ желаніи и надеждѣ получить отъ нихъ наслѣдство. Это видно и изъ того, что Ювеналъ постоянно громитъ такъ-называвшихся heredipetae, то-есть, искателей наслѣдствъ, какихъ въ Римѣ было очень много. Помянутыя женщины называются здѣсь orbae совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ въ ст. 221 „Persicus orborum lautissimus". Въ томъ же короткомъ примѣчаніи своемъ къ ст. 129 Вейднеръ дѣлаетъ и другую странную ошибку, полагая, что подъ выраженіемъ „dudum vigilantibus orbis" слѣдуетъ разумѣть сиротъ, ночью ожидающихъ претора въ его пріемной, для того, чтобы предъявить ему какой-нибудь искъ, а онъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, отправляется, въ сопровожденіи своего ликтора, съ визитомъ. Но вѣдь преторы, какъ и другія административныя лица, конечно, имѣли опредѣленные часы для пріема просителей, что, разумѣется, происходило не ночью, а днемъ. Только къ народнымъ трибунамъ (и то во время республики) доступъ былъ свободенъ во всякое время. Почтенный ученый, очевидно, слишкомъ довѣрился въ данномъ случаѣ словамъ схоліаста, который къ приведенному выраженію древняго текста присоединилъ слѣдующее нелѣпое примѣчаніе: „uti sibi praetor tutorem det, qui eos (то-есть, orbos) contemnens festinat".

Затѣмъ (ст. 131—136) приводится другой наглядный примѣръ въ доказательство, какое значеніе имѣло въ Римѣ богатство. Съ одной стороны, поэтъ указываетъ на сына благородныхъ (ingenuorum) родителей, а съ другой—на разбогатѣвшаго раба (servi), то-есть, отпущенника (libertus), какъ на одинъ изъ самыхъ выдающихся типовъ въ императорскомъ Римѣ. И вотъ первый изъ нихъ дѣлается кліентомъ второго—„cludit latus". Это выраженіе (говорилось также tegere latus) собственно значитъ идетъ съ боку, какъ это дѣлали кліенты,

Библиотека "Руниверс"

сопровождая по улицамъ своихъ патроновъ. Это была одна изъ главныхъ ихъ обязанностей, и оттого они назывались также провожатыми (comites). И это потому, что аристократическій юноша бѣденъ, растративъ свое состояніе на разныя развратныя прихоти, каждый разъ платя за ласки какой-нибудь Кальвины или Катіены (это, очевидно, высшаго разбора римскія камеліи) столько, сколько военные трибуны получали жалованья за цѣлый годъ. Упоминаемая въ стихѣ 136-мъ Хіона также не простая женщина, въ родѣ тѣхъ, которыя „ad circum prostabant“ (ст. 65), что видно также изъ выраженія „scortum vestitum“, при чемъ послѣднее слово обозначаетъ здѣсь не просто одѣтую, но разодѣтую, то-есть, разряженную женщину. Хіона была извѣстная въ Римѣ особа, о которой упоминаетъ и Марціалъ, и при томъ очень дорогая. И вотъ почему бѣднякъ задумывается „alta Chionen deducere sella“; здѣсь нужно разумѣть высокое сѣдалище или поставленное на возвышеніи кресло, на которомъ возсѣдаетъ Хіона, и съ котораго ее сводятъ ея денежные обожатели. Вейднеръ и эпизодъ о Хіонѣ объясняетъ очень неудачно, и притомъ полагаетъ, что dubitatio (очевидно, бѣдняка), о которой рѣчь въ ст. 136 „nicht nur ein pekuniäres, sondern mehr ein sittliches Bedenken zu sein scheint“. Его объясненіе выраженія „alter enim“ (ст. 132) также вовсе не вытекаетъ изъ текста.

Ст. 137 — 146. Съ другой стороны, говоритъ поэтъ,—не только знатность, но и честность, общественныя заслуги и даже самопожертвованіе на пользу государства—все это не имѣетъ въ Римѣ никакого значенія. Подъ „hospes numinis Idaei“, какъ замѣтилъ уже схоліастъ, разумѣется здѣсь Публій Корнелій Сципіонъ Назика. Онъ называется „hospes“ потому, что hospitio excepit, то-есть, гостепріимно взялъ въ свой домъ (во время второй Пунической войны) упавшій съ неба истуканъ фригійской великой матери боговъ, Кивелы, культъ которой особенно развитъ былъ въ окрестностяхъ горы Иды. Сенатъ поручилъ Сципіону, какъ лучшему изъ людей, доставить это изображеніе изъ Пессинунта въ Римъ (Tit. Livius 29, гл. 11). Упоминаемый затѣмъ человѣкъ, спасшій Минерву (ея статуя оригинально называется здѣсь „trepida“) изъ горящаго храма, былъ Луцій Цецилій Метеллъ, который въ 513 году города, съ опасностію жизни, вынесъ изъ этого храма (Весты) палладіумъ, при чемъ потерялъ зрѣніе и получилъ прозвище Coecus.

Ст. 144. Мистеріи острова Самооракіи, или культъ кабировъ имѣли не мало приверженцевъ между Римлянами, очень падкими

Библиотека "Руниверс"

на все иноземное, даже въ дѣлѣ религіи. Здѣсь, впрочемъ, о нихъ упоминается не спеціально, а въ общемъ значеніи. Пусть, говоритъ поэтъ,—бѣднякъ сколько угодно клянется и чужими, и своими богами, или святынями, ему никто не вѣритъ. Всѣ убѣждены въ томъ, что онъ пренебрегаетъ перунами, какъ человѣкъ, которому нечего терять, и что сами боги не караютъ его за клятвопреступленіе.

Ст. 147 — 153. Бѣдность тяжела и тѣмъ, что дѣлаетъ людей смѣшными, подвергаетъ ихъ постояннымъ глумленіямъ, вызываемымъ самымъ внѣшнимъ видомъ бѣдняка. При этомъ сатирикъ очень картинно описываетъ его жалкій костюмъ.

Ст. 153—159. Съ бѣднымъ, хотя бы и порядочнымъ человѣкомъ не церемонятся. Описываемая здѣсь сцена происходитъ въ театрѣ и, для яснаго ея пониманія, необходимо припомнить lex Roscia theatralis или de quatuordecim ordinibus. Этотъ законъ еще незадолго до консульства Цицерона былъ предложенъ народнымъ трибуномъ Луціемъ Росціемъ Отономъ, отъ котораго получилъ и свое названіе. Въ силу этого закона, мѣста въ первыхъ четырнадцати рядахъ римскихъ театровъ были отведены исключительно для всадниковъ, вслѣдъ за сенаторами, которые, вмѣстѣ съ иностранными послами и другими почетными лицами, сидѣли прямо передъ сценою, въ оркестрѣ. Доступъ въ ordo equester (высшее сословіе, которое слѣдовало прямо за ordo senatorius) уже со времени республики былъ открытъ всякому, кто имѣлъ census equester, то-есть, закономъ опредѣленный всадническій цензъ. Очень естественно, что при такомъ условіи въ это сословіе втерлось не мало людей ничтожныхъ, а съ другой стороны, много было исключено изъ него людей родовитыхъ и почтенныхъ. Все это причиняло послѣднимъ не мало горечи, и негодованіе Ювенала въ данномъ случаѣ вполнѣ понятно. Недаромъ онъ называетъ Отона „vanus“. Наблюденіе за строгимъ исполненіемъ означеннаго закона было возложено на особыхъ театральныхъ служителей, которые назывались designatores. Слова „exeat“ и пр., могутъ, конечно, принадлежать такому служителю; но глаголъ „inquit“ могъ быть употребленъ авторомъ и безлично. Затѣмъ, слова „et sedeant hic“ и пр. (ст. 155) до „Othoni“ (ст. 159) включительно, не могутъ, по моему мнѣнію, принадлежать никому, кромѣ самого Ювенала. Онъ иронически прерываетъ здѣсь чужую рѣчь и вставляетъ свое мнѣніе. Потому вводный знакъ долженъ быть поставленъ здѣсь не послѣ слова „Othoni“, какъ это принято, а послѣ „sufficit“. Такимъ образомъ слова „et sedeant hic“,

Библиотека "Руниверс"

которыя должны здѣсь значить: „такъ пусть же сидятъ здѣсь“ и пр., непремѣнно слѣдуетъ отдѣлить отъ предыдущихъ нѣсколькими точками. Ювеналъ, очевидно, вставляетъ ихъ отъ своего лица, ратуя при этомъ противъ тѣхъ, которые не усматривали никакой несообразности въ lex theatralis Отона.

Въ 158 ст. слово „pinnirapus“ (срыватель перьевъ) обозначаетъ особый видъ гладіаторовъ. Они должны были срывать перья, которыми украшались шлемы ихъ противниковъ, называвшихся самнитами (Samnites). Подъ „pinnirapi culti iuvenes“ слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть тѣхъ аристократическихъ юношей, которые посѣщали школы гладіаторовъ и изучали тамъ ихъ искусство. Этого, вѣроятно, требовалъ хорошій тонъ.

Ст. 162. Эдилы были полицейскіе чиновники, наблюдали за порядкомъ въ городѣ и имѣли въ своемъ завѣдываніи юрисдикцію по дѣламъ полицейскаго свойства. Такъ какъ таковыхъ было множество, то при нихъ состоялъ совѣтъ (consilium), въ члены котораго должны были избираться люди надежные. Слѣдующія затѣмъ слова относятся къ извѣстной secessio in montem sacrum.

Ст. 164—190. Рѣчь идетъ о дороговизнѣ въ Римѣ и о разныхъ поборахъ съ людей бѣдныхъ. Съ другой стороны, указывается на дешевизну въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ. Слово „hospitium“ ст. 166) обозначало въ латыни серебрянаго вѣка наемную квартиру, а „cucullus“, то-есть, lacerna cum cucullo (ст. 170), означаетъ, въ смыслѣ провинціальнаго костюма, накидку съ капюшономъ (cucullus) изъ грубой матеріи (durus) сѣраго или, по другимъ, голубоватаго цвѣта (venetus).

Ст. 171 и слѣд. Въ Римѣ ношеніе тоги не только требовалось приличіемъ, но и было обязательнымъ, особенно въ періодъ республики, для римскаго гражданина. Это былъ его офиціальный и узаконенный костюмъ. Въ остальной Италіи, особенно по разнымъ ея захолустьямъ, нравы были проще. Тамъ, говоритъ поэтъ,—и въ праздничные дни даже высшія мѣстныя власти (эдилы) являются въ публику въ туникѣ, а въ тогу одѣваютъ только покойниковъ. Это же видно и изъ слѣдующаго затѣмъ живаго и граціознаго описанія торжественнаго захолустнаго спектакля, въ которомъ, относительно костюма, нѣтъ никакого различія между орхестрой и остальными зрителями. Объ экзодіяхъ и ателланахъ (о нихъ, конечно, здѣсь рѣчь), въ которыхъ на сцену являлись страшныя маски, см. въ „Пропилеяхъ“, кн. II, стр. 151—165.

Библиотека "Руниверс"

Ст. 180 — 189. Римъ, напротивъ, наполненъ тщеславными бѣдняками (ambitiosa paupertas), которые живутъ не по средствамъ, да и все тамъ дорого, за все нужно платить (omnia cum pretio). Даже кліенты должны платить подать щеголеватымъ рабамъ (cultis servis) и увеличивать ихъ капиталъ (peculium). Послѣднее слово означало денежное имущество, которое господинъ дозволялъ своему рабу удерживать при себѣ, такъ какъ, по закону, оно принадлежало рабовладѣльцу. Впрочемъ, можно думать, что въ разсматриваемыхъ стихахъ рѣчь идетъ не объ обыкновенныхъ кліентахъ, то-есть, не о такихъ, которые ежедневно являлись къ своимъ патронамъ за спортулой, а о такихъ, которые заискивали въ нихъ ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Упоминаемый здѣсь Вейентонъ (ст. 185), который принималъ своихъ кліентовъ „clauso labello“ поджавъ губы, то-есть, съ высокомѣрнымъ молчаніемъ, былъ любимецъ Домиціана и одинъ изъ наиболѣе страшныхъ его доносчиковъ (delator). Плиній, въ своихъ письмахъ, отзывается о немъ коротко, но очень ясно (IV, 22, 4): „dixi omnia cum hominem nominavi“. Ювеналъ упоминаетъ о Вейентонѣ и въ четвертой своей сатирѣ, какъ о человѣкѣ очень хитромъ (ст. 112) и непомѣрномъ льстецѣ Домиціана (ст. 123). При Неронѣ, разказываетъ Тацитъ (XIV, 50),—онъ былъ сосланъ за свои пасквили противъ сенаторовъ и жрецовъ и въ то же время былъ уличенъ во взяткахъ. Эти пасквили, прибавляетъ Тацитъ,—прилежно собирались, пока это сопряжено было съ опасностью, а затѣмъ были забыты. Что касается до Косса, то о немъ ничего неизвѣстно. Замѣчу еще, что, вопреки общему мнѣнію, въ концѣ ст. 184 и 185, должны стоять восклицательные знаки, а не вопросительные. Заключающіяся въ этихъ стихахъ слова, для того, чтобъ имѣть какой-нибудь смыслъ, никакъ не могутъ являться въ видѣ вопросовъ, со стороны „culti servi“, и, очевидно, составляютъ восклицанія сѣтующаго кліента.

Въ ст. 186 и слѣд. приведены два случая поборовъ съ кліентовъ въ домахъ ихъ патроновъ. Это—первое бритье бороды барича, какъ знакъ перехода его изъ отроческаго въ болѣе зрѣлый возрастъ, и первая стрижка его волосъ, которые при этомъ посвящались богамъ и обыкновенно хранились въ какомъ-нибудь дорогомъ ларцѣ или сосудѣ. Оба названные случая считались въ Римѣ семейнымъ праздникомъ, въ которомъ принимали участіе и кліенты. Впрочемъ, подъ словомъ „amati“ можно разумѣть здѣсь не только любимаго сына, но и любезнаго, въ циническомъ смыслѣ этого выраженія, что было бы совершенно согласно съ римскими нравами, какъ это видно изъ дру-

Библиотека "Руниверс"

гихъ мѣстъ нашего сатирика. Видно также, что кліенты являлись на эти праздники съ жертвенными лепешками („liba“=placentae sacrae). Онѣ называются здѣсь продажными (venalia), потому что поступали въ собственность рабовъ или слугъ богатаго дома, которые продавали ихъ по дешевой цѣнѣ разнымъ бѣднякамъ. У Горація, въ его посланіи къ Фуску Аристію (I, X, ст. 10), также упоминаются эти жертвенныя лепешки, съ тѣмъ только различіемъ, что у него рѣчь о liba, которыхъ множество, какъ и естественно, накоплялось въ домахъ жрецовъ, и которыми до пресыщенія наѣдались ихъ слуги. См. „Горацій и его время“ (второе изданіе), стр. 212, примѣчаніе 2. Дѣло, кажется, ясное, и потому совершенно непонятно, почему Вейднеръ выраженіе liba принимаетъ въ смыслѣ servi (?). Это крайне странное недомысліе было причиною, что онъ извратилъ смыслъ и двухъ слѣдующихъ стиховъ, который также очевиденъ. „Accipe“, какъ часто, значитъ здѣсь audi, а „fermentum“, какъ тоже часто, употреблено въ иносказательномъ значеніи.

Ст. 190—222. Сначала жалобы Умбриція на тѣ не только неудобства, но и опасности, съ которыми была сопряжена въ Римѣ жизнь бѣдняка, а затѣмъ, съ ст. 212, риторическая и гиперболическая антитеза о благополучіи богатыхъ людей. Пренеста (Praeneste) называется здѣсь „gelida“ (у Горація, въ одахъ III, 4, 22 „frigidum Pr.“), конечно, не въ русскомъ, а въ итальянскомъ смыслѣ этого слова; и потому въ переводѣ необходимо было употребить слово „прохладная“. Далѣе, Тибуръ (теперь Тиволи) называется „pronum“ (а у Горація supinum), потому что былъ построенъ на покатости холма, по которому и теперь нужно подыматься, чтобы попасть въ городъ. Подъ словомъ „tibicen“ (ст. 193) разумѣются здѣсь подпорки, которыми были укрѣплены „labentia“ (aedificia), то-есть, готовыя рухнуть зданія. Рѣчь идетъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя строились съ цѣлію отдачи въ наемъ дешевыхъ квартиръ (meritoria, ст. 234), въ какихъ обыкновенно жили люди недостаточные, и назывались insulae. Часто это были многоэтажные дома. Марціалъ въ своихъ эпиграммахъ (I, 117) говоритъ о себѣ: „scalis habito tribus, sed altis“. Надъ многими этажами нерѣдко устроивался coenaculum, то-есть, этажъ подъ самою крышей, съ мансардами. О такомъ помѣщеніи говорится въ 201 ст. О римскихъ домахъ см. у Фридлендера: Darstellungen aus der Sittengesch. Roms. Ч. I, стр. 5. О значеніи слова „villicus“ у Горація см. въ указанной монографіи, стр. 220, примѣч. 1. Здѣсь (ст. 195) оно означаетъ управляющаго домомъ.

Библиотека "Руниверс"

Замазавъ какъ-нибудь щели дома, говоритъ Ювеналъ,—и подставивъ къ нему подпорки, управитель велитъ жильцамъ спать себѣ спокойно.

Въ ст. 198 и слѣд. помѣщено очень живое изображеніе суматохи во время пожара и жилища бѣднаго поэта Кодра, вѣроятно, того же самого, о которомъ говорится въ самомъ началѣ I-й сатиры. „Ucalegon", имя заимствованное изъ Виргиліевой Энеиды (II, 311: „iam proximus ardet Ucalegon"). Ст. 203. На столѣ („abacus", см. въ моемъ изданіи Персія, стр. 129) въ квартирѣ Кодра, вмѣсто дорогихъ вазъ, какіе-то горшечки, а подъ столомъ, конечно, дешевая статуэтка кентавра Хирона (sigillum, какъ вѣрно объясняетъ схоліастъ), такъ какъ вверху не нашлось для него мѣста. „Recubans"—лежащій, то-есть, въ лежачемъ положеніи, покоющійся. Затѣмъ упоминается старый книжный шкафъ съ греческими книжками, то-есть, рукописями, и мыши, которыя грызли „божественныя стихотворенія". Послѣднее выраженіе обыкновенно относятъ къ твореніямъ Гомера, Софокла и т. д., но кажется, здѣсь вѣрнѣе разумѣть произведенія самого Кодра, которыя онъ, конечно, считалъ божественными. Безъ такого пониманія этого мѣста было бы не ясно, что тутъ рѣчь не просто о бѣднякѣ, а о бѣдномъ поэтѣ, да и уменьшительное „libelli" едва ли можетъ быть удобно отнесено къ твореніямъ знаменитыхъ греческихъ авторовъ. Наконецъ, и изъ примѣчанія схоліаста къ ст. 206 видно, что, по его мнѣнію, здѣсь разумѣются „libri inutiles et imperiti", что также близко подходитъ къ нашему объясненію.

Ст. 207 Слово „opicus" (=oscus) обыкновенно употребляется въ смыслѣ: невѣжественный, грубый. Объ историческомъ происхожденіи этого значенія см. въ „Пропилеяхъ", кн. II, стр. 159. Въ ст. 210 въ новыхъ изданіяхъ преобладаетъ чтеніе „frusta", но встрѣчается и frustra (то-есть, тщетно, напрасно, безъ успѣха). Изъ неумѣлой замѣтки схоліаста къ этому мѣсту: „frustra rogantem: aut sine causa, aut panem petentem" видно, что оба эти чтенія извѣстны были и въ древности.

Ст. 212. Астуникъ является здѣсь типомъ человѣка богатаго и знатнаго, которому, при удобномъ случаѣ, всякій спѣшитъ выказать свое сочувствіе, въ надеждѣ попасть въ его духовное завѣщаніе: дѣло въ древнемъ Римѣ очень обычное. „Horrida mater" (то-есть matrona)=sine cultu, incomta, что считалось внѣшнимъ выраженіемъ печали и траура. Сюда же относилось и временное закрытіе судовъ (differt vadimonia praetor), но правильно это случалось только при общественныхъ бѣдствіяхъ, при luctus publicus.

Библиотека "Руниверс"

Ст. 216. Сочувствіе погорѣвшему аристократу выражается и въ томъ, что ему дарятъ драгоцѣнныя произведенія лучшихъ греческихъ художниковъ (напримѣръ, Евфранора и Поликлета), вѣроятно, въ замѣнъ утраченныхъ при пожарѣ. Цѣнность ихъ увеличивается и тѣмъ, что они когда-то составляли украшеніе азіатскихъ храмовъ, и потому, кромѣ художественнаго, имѣли еще историческое значеніе. Такъ, кажется мнѣ, нужно понимать въ ст. 218 выраженіе „haec Asianorum" и проч., которое возбудило столько споровъ и сомнѣній, что указанный стихъ многими считается теперь вставочнымъ. Означенный его смыслъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтверждается VIII-ю сатирою Ювенала (ст. 110 и слѣд.), гдѣ говорится о томъ, какъ римскіе чиновники грабили провинціи, при чемъ не щадили и священныхъ предметовъ. Разные римскіе военачальники и проконсулы вывозили ихъ оттуда въ Римъ, преимущественно изъ Малой Азіи, въ большомъ количествѣ. И еще задолго до Ювенала Цицеронъ также краснорѣчиво негодовалъ на такое святотатство, въ своей рѣчи „pro lege Manilia" (гл. 22). Подробнѣе объ этомъ и вообще о положеніи римскихъ провинцій въ моей книгѣ „Горацій и его время", стр. 175 и слѣд. Чтеніе „Phaecasianorum" (вмѣсто „haec Asianorum"), которое когда-то защищалъ Руперти, а за нимъ и Веберъ, давно уже всѣми оставлено.

Въ ст. 219 выраженіе „media Minerva" нужно понимать въ смыслѣ какъ бы „серединная Минерва", ибо ея бюсты и статуи, какъ богини мудрости, обыкновенно ставились въ серединѣ библіотечной залы.

Ст. 220. Нѣтъ необходимости думать, что „Persicus" съ упомянутымъ выше Астурикомъ одно и то же лицо, и составляетъ какъ бы его прозвище (cognomen). По всей вѣроятности, это имена вымышленныя. „Persicus" упоминается и въ ст. 57 XI-й сатиры, но съ другою обстановкою. Къ ст. 221 слѣдуетъ замѣтить, что поджоги домовъ съ корыстною цѣлію не составляли въ Римѣ чего-нибудь исключительнаго.

Ст. 223—231. Въ мастерски нарисованной здѣсь картинѣ простой и тихой жизни по разнымъ городкамъ древней Италіи, въ родѣ Соры, Фабратеріи или Фрузинона, очень большое затрудненіе представляетъ послѣдній изъ означенныхъ стиховъ, гдѣ поэтъ, заявивъ сначала о томъ, какъ дешево и удобно завестись въ подобныхъ городкахъ домкомъ и вообще хозяйствомъ, прибавляетъ, что пріятно быть собственникомъ хотя бы „unius lacertae", то-есть, хотя бы одной ящe-

Библиотека "Руниверс"

рицы или, какъ читаютъ другіе, „unius lacernae“, одной лацерны (шинели), словомъ, ничтожной, грошовой вещи. Но развѣ бѣднякъ не могъ владѣть такою вещью и въ Римѣ, особенно лацерицей, которая встрѣчается тамъ на каждомъ шагу? Развѣ для этого ему непремѣнно нужно было удалиться куда-нибудь въ захолустье? Въ виду этого, предлагали было читать здѣсь tabernae (въ смыслѣ casae, то-есть, хижины); но эта, вполнѣ неудачная конъектура никѣмъ не была принята. А между тѣмъ, въ новомъ чтеніи настоитъ въ данномъ случаѣ не малая потребность. Нельзя не видѣть, что Ювеналъ отожествляетъ здѣсь жизнь въ Сорѣ и т. д. съ сельскою жизнью, что̀ ясно уже изъ слова „bidens“ (ст. 228), которое, безъ сомнѣнія, употреблено здѣсь въ общемъ значеніи, то-есть, въ смыслѣ res rustica. Оттуда, слѣдовательно, долженъ быть заимствованъ и колоритъ, съ которымъ ни шинель, ни лацерица не имѣютъ ничего общаго. Въ виду всего сказаннаго, есть нѣкоторый, какъ мнѣ кажется, поводъ думать, что въ древнѣйшихъ текстахъ Ювенала могло стоять lacerti. Извѣстно, что слово lacertus и въ золотомъ вѣкѣ употреблялось не только вмѣсто lacerta (напримѣръ, у Виргилія, Eclog. II, 9), но имѣло также и самостоятельный смыслъ, обозначая верхнюю часть руки (отъ плеча до локтя), а также и вообще руку, такъ что въ данномъ случаѣ это чтеніе (lacertus) могло бы обозначать столько земли, сколько можетъ захватить ее рука (eine Hand voll Erde, какъ выразился бы Нѣмецъ), то-есть, горсть или, какъ у насъ еще ближе можно передать это слово—пядь или локоть земли. Конечно, и такое объясненіе можетъ вызвать критику, но все же, по моему убѣжденію, оно гораздо ближе подходитъ къ смыслу сатиры, чѣмъ всѣ безплодныя усилія отстоять въ ней чтеніе „lacerta“ или „lacerna“. У Руперти, во второмъ его изданіи сатиръ Ювенала (Lips. 1819 г.), на стр. 514 I тома, помѣщено спеціальное разслѣдованіе стиха 231 (excursus), при чемъ приведено одно мнѣніе (чье—не сказано), близко подходящее къ нашему разъясненію.

Ст. 231—248. Важныя неудобства жизни въ столицѣ, которыя влекутъ за собою для бѣднаго люда печальныя послѣдствія, это: 1, безсонница или, вѣрнѣе, невозможность спать по ночамъ въ дурно̀ устроенныхъ наемныхъ квартирахъ (meritoria); 2, дурная и неудобоваримая пища (cibus imperfectus), и 3, вѣчная давка на улицахъ. Всего этого легко избѣжать людямъ богатымъ. «Mandra» (въ ст. 237) обозначаетъ здѣсь цѣлый рядъ телѣгъ, то-есть, обозъ, а затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

подъ Друзомъ (Тиберій Клавдій Друзъ) разумѣется императоръ Клавдій, который (Suet. 8 и 33) отличался своею сонливостію и здѣсь, не очень для него лестно, сопоставляется съ морскими тюленями.

Въ ст. 240 можетъ показаться неумѣстнымъ слово «liburna» (скороходное либурнское судно, бригантинъ). Такъ называется здѣсь просторная (ingens) лектика, для которой употреблялось восемь носильщиковъ (octophoros). Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ менѣе удачно принято чтеніе Liburno, въ смыслѣ: „понесется Либурномъ“ или, точнѣе, Либурнцами, то-есть, рабами изъ Либурніи (или изъ Illyricum, теперешней Далмаціи и Кроаціи). Уроженцы этой мѣстности, какъ люди рослые и сильные, дѣйствительно нерѣдко выбирались въ lecticarii.

Ст. 249—267. Здѣсь слово „sportula“ употреблено не въ обычномъ своемъ значеніи, а въ смыслѣ складчиннаго обѣда (coena collaticia), или пикника, въ которомъ принимаетъ участіе много гостей, а за ними слѣдуютъ ихъ слуги съ разными припасами и, съ дымящимися жаровнями („culina“=foci cum obsontis). Все это еще болѣе увеличиваетъ уличную суматоху. Подъ „Corbulo“ (ст. 251) нужно разумѣть здѣсь извѣстнаго полководца Кая Домиція Корбулона, который, при Клавдіѣ и Неронѣ, былъ преторомъ и консуломъ, а затѣмъ полководцемъ въ Германіи и Арменіи. Онъ отличался огромнымъ ростомъ („corpore ingens“, говоритъ о немъ Тацитъ, въ Annal. XIII, 8).

Затѣмъ (ст. 254 и слѣд.) слѣдуетъ нѣсколько преувеличенное описаніе тѣхъ опасностей, которымъ подвергался пѣшеходъ на римскихъ улицахъ, въ особенности отъ телегъ, нагруженныхъ разными тяжестями. Впрочемъ, и Марціалъ, современникъ Ювенала, говоритъ объ этомъ почти то же самое (V, 22): „Vixque datur longas multorum vincere mandras Quaeque trahi multo marmora lune vides“. Одна изъ такихъ телегъ везетъ „saxa Ligustica“ (ст. 257), то-есть, мраморъ изъ Лигуріи (marmor lunense), гдѣ находился городъ Luna, теперешняя Каррара, при чемъ ось ломается, и телега выгружаетъ эти каменныя глыбы надъ толпою. При этомъ, прибавляетъ поэтъ,—люди погибаютъ такъ, что и слѣда отъ нихъ не остается. Такая участь, какъ видно изъ слѣдующей затѣмъ картины (ст. 261 и слѣд.), постигаетъ, между прочимъ, раба, можетъ быть того самаго, о которомъ говорится въ ст. 250, а не „ehrsamen Bürger“, какъ думаетъ, вслѣдъ за Гейнрихомъ, Вейднеръ, въ противность тексту, гдѣ говорится о „vulgi cadaver“ (который погибаетъ „more animae“, то-есть, безслѣдно). Это

Библиотека "Руниверс"

выраженіе не есть „eine komische Wendung“, какъ полагаетъ Вейднеръ, а языческое воззрѣніе, которое, впрочемъ, также допускало идею загробной жизни, слѣды чего можно встрѣтить и у самаго Ювенала. Слѣдующія затѣмъ слова необходимо отнести къ слугамъ, ожидающимъ возвращенія своего товарища. Слово „domus“ употреблено здѣсь въ смыслѣ familia (древняя форма famulia, ср. famulus), то-есть, servi. Ничего не зная, они спокойно (secura) занимаются своими служительскими обязанностями, „а онъ“, то-есть, раздавленный рабъ, уже сидитъ на берегу Ахеронта или Стикса, пугаясь какъ новичекъ, перевозчика (Харона) и не надѣясь переѣхать черезъ рѣку въ подземное царство, такъ какъ не имѣетъ во рту мелкой монеты (trientem), для уплаты за перевозъ. Все это согласно съ древними вѣрованіями, на основаніи которыхъ и у Грековъ въ ротъ покойникамъ влагался оболъ. Такая плата называлась у нихъ νάυλον, и безъ нея тѣнь умершаго (umbra, σκία) обречена была скитаться по берегу подземной рѣки.

Ст. 268—278. Описывается опасность, грозящая жизни проходящихъ (впрочемъ, не только бѣдняковъ, но и богатыхъ) отъ паденія съ крыши черепицы и тяжелыхъ вазъ съ оконъ. „Tot fata“ собственно значитъ: столько роковыхъ случайностей, и уже схоліастъ вѣрно понялъ это выраженіе въ смыслѣ „tot mortes“. „Vigiles fenestrae“, то-есть, бодрствующія окна, необходимо признать искусственнымъ выраженіемъ, вмѣсто обыкновеннаго: отворенныя или не запертыя окна, или окна, „за которыми еще не спятъ люди“, какъ объясняетъ Гейнрихъ, а за нимъ и Вейднеръ, прибавляя „erleuchtete Fenster“. Впрочемъ, въ такомъ объяснительномъ переводѣ означеннаго выраженія нѣтъ никакой нужды, такъ какъ и безъ того видно, что разные тяжелые горшки или вазы (vasa) падали съ оконъ не случайно, а выбрасывались на улицу неразумными ихъ собственниками, и притомъ, какъ вещи негодныя. Это ясно изъ словъ „rimosa et curta“. Иначе не было бы никакой возможности объяснить эти эпитеты. Вотъ почему поэтъ вовсе не имѣлъ никакой нужды упоминать о людяхъ, находящихся за окнами. Это разумѣется само собою, также, какъ и въ выраженіи „ut sint contentae“ и пр., гдѣ Гейнрихъ справедливо видитъ метонимію, то-есть, перенесеніе на самыя окна того дѣйствія, которое относится къ находящимся за ними людямъ, для чего, однако, какъ и для паденія горшковъ, нѣтъ особенной нужды въ освѣщенныхъ окнахъ. „Pelves“ уже схоліасты понимали въ смыслѣ ноч-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ горшковъ (ut stercore perfundaris) и тазовъ, въ которыхъ мыли ноги (conchas in quibus pedes lavant).

Ст. 278—301. Въ числѣ неудобствъ римской жизни сатирикъ живо рисуетъ оскорбленія отъ пьяныхъ шалуновъ, которые по ночамъ приставали на улицахъ къ мирнымъ жителямъ и безнаказанно причиняли имъ разныя непріятности, такъ какъ сколько-нибудь правильно организованный полицейскій надзоръ существовалъ въ Римѣ только при Августѣ. Здѣсь, конечно, можно думать о commissationes и commissatores, то-есть, о ночныхъ попойкахъ и о возвращавшихся съ нихъ гулякахъ, но и безъ нихъ не мало было въ Римѣ охотниковъ до скандаловъ. Ими прославилъ-себя и Неронъ, какъ о томъ засвидѣтельствовано историками. У Персія также есть намекъ на эти безобразія, а можетъ быть, и на Нерона. См. въ моемъ изданіи Персія, въ примѣчаніи къ одному изъ самыхъ темныхъ стиховъ его IV-й сат. (ст. 49), на стр. 233. У Ювенала ночнымъ буяномъ является здѣсь не простой гулякa, а богатый аристократъ, какъ это видно изъ его обстановки, при описаніи которой упоминается и бронзовый канделябръ (aenea lampas), что̀ собственно составляло insigne кесарей (имъ онъ предносился по ночамъ), между тѣмъ какъ обыкновенные люди довольствовались „candela“, вѣроятно̀, въ родѣ тѣхъ черино (cerino), то-есть, восковыхъ завитушекъ, какія и теперь еще, по необходимости, въ употребленіи, потому что и до сихъ поръ въ большей части римскихъ домовъ лѣстницы не освѣщаются. Въ древнемъ же Римѣ мракъ господствовалъ и на улицахъ. Въ началѣ разсматриваемаго отрывка (ст. 278) описаніе „Ахилловой ночи“ очевидно, возникло подъ вліяніемъ „Иліады“ (XXIV, 3), а остроумное выраженіе „ubi tu pulsas, ego vapulo tantum“ (ст. 289) уже схоліасты удачно сопоставили съ словами Теренція (Adelphi, II, 2, 5): «Ego vapulando, ille verberando, usque ambo defecti sumus“. Ст. 281, дѣйствительно, неудачный, не только Риббекомъ, но и многими другими считается вставочнымъ, на основаніи, впрочемъ, не всегда пригодной субъективной критики.

Ст. 296. „Proseucha“ вообще означаетъ молельню, но здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется подъ нею синагога. Во всѣхъ ругательствахъ наглаго буяна сквозитъ желаніе его унизить общественное положеніе своей жертвы, какъ человѣка ничтожнаго. Здѣсь онъ не прямо, а иносказательно называется Жидомъ. Уже выше замѣчено, въ какомъ презрѣніи были въ Римѣ Евреи. Какъ и другіе простые и бѣдные люди, они бо̀льшую часть дня проводили на улицѣ, выжи-

Библиотека "Руниверс"

дая какого-нибудь дѣла, и имѣли свои стоянки у разныхъ храмовъ и другихъ общественныхъ зданій. Этимъ объясняется точный смыслъ словъ: „ede ubi consistas?“, то-есть: говори, гдѣ ты стоишь, гдѣ твоя стоянка? „Vadimonia faciunt“ значитъ: заводятъ процессы, то-есть, пользуясь своимъ вліяніемъ, приносятъ въ судъ жалобу тѣ же люди, которые сами кругомъ виноваты.

Ст. 303—314. Кромѣ этихъ ночныхъ буяновъ, говоритъ поэтъ,— въ Римѣ нѣтъ недостатка и въ настоящихъ разбойникахъ, которые, также по ночамъ, не только грабятъ, но и убиваютъ прохожихъ. Обычными ихъ притонами, прибавляетъ онъ,—служатъ Помптинскія болота (къ югу отъ Рима, въ весьма недалекомъ отъ него разстояніи) и Галлинарскій сосновый лѣсъ, въ Кампаніи, близъ Кумъ; и когда бандиты по временамъ вытѣсняются оттуда вооруженною стражей, то направляются въ Римъ. Въ ст. 304 „siluit“ значитъ: когда водворяется молчаніе, а „fixa catenatae compago tabernae“= taberna catenis fixa et compacta“ (по вѣрному объясненію Гейнриха). Начиная съ ст. 309 патетическая гипербола, для обозначенія непомѣрнаго количества разбойниковъ и другихъ преступниковъ, которыхъ приходится заковывать въ желѣзные кандалы. Здѣсь же къ слову „fornace“ слѣдуетъ дополнить non, а въ слѣд. стихѣ „modus„=copia. Въ ст. 314 подъ „carcer“ слѣдуетъ разумѣть древнѣйшую, исторически извѣстную римскую темницу, называвшуюся Tullianum, такъ какъ она была построена Сервіемъ Тулліемъ (Liv. I, 33) или, вѣрнѣе, выдолблена въ скалѣ, при самой подошвѣ Капитолія. Здѣсь, по приказанію Цицерона, были казнены сообщники Катилины, а нѣсколько позже, въ первое время христіанства, заключенъ апостолъ Петръ, вслѣдствіе чего эта темница и превращена была въ церковь, носящую названіе S. Pietro in carcere.

Отъ ст. 315 до конца заключеніе сатиры, которую поэтъ кончаетъ не потому, что исчерпалъ свой сюжетъ, а по чисто внѣшнимъ и случайнымъ причинамъ, на которыя онъ здѣсь указываетъ. Затѣмъ Умбрицій окончательно прощается съ Ювеналомъ и приглашаетъ его завертывать къ себѣ въ Кумы всякій разъ, какъ онъ, ради отдыха, будетъ посѣщать свою родину, Аквинумъ, довольно значительный городъ Лаціума, лежавшій при via Latina. Очень можетъ быть, что здѣсь онъ владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ, вблизи котораго, а можетъ быть, и въ самомъ городѣ, находились храмы Цереры и Діаны. Эпитетъ Helvina или Elvina, приданный здѣсь первой изъ этихъ богинь, до сихъ поръ еще не дождался сколько нибудь

Библиотека "Руниверс"

удовлетворительнаго разъясненія, и уже Руперти, мнѣніе котораго, впрочемъ, не нашло послѣдователей, предлагалъ замѣнить его чтеніемъ Eleusina. Изъ слова „vestram“ можно заключить, что культъ Діаны былъ въ Аквинумѣ преобладающимъ. Слово „gelidus“ слѣдуетъ понимать въ послѣдней строкѣ въ томъ же смыслѣ, какъ и въ стихѣ 190. „Caligatus“ собственно означаетъ человѣка въ солдатской обуви (caliga). Здѣсь это слово употреблено въ переносномъ значеніи, въ смыслѣ: хорошо вооруженный или, какъ я перевелъ, „во всеоружіи“. Въ нѣмецкомъ языкѣ встрѣчается еще болѣе подходящее выраженіе „in Stiefel und Sporn“.

Н. Благовѣщенскій.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Іоанна Антіохійскаго. Издалъ, перевелъ и объяснилъ баронъ *В. Р. Розенъ*. С.-Петербургъ. 1883.

Предъ нами большой томъ въ 622 страницы, посвященный Византіи и написанный оріенталистомъ. Для небольшаго кружка русскихъ византинистовъ, возлагающихъ обширныя надежды на византійскія занятія въ интересахъ научной постановки древняго періода славянорусской исторіи, пріобрѣтеніе въ свои ряды такого ученаго имени, какъ авторъ названнаго сочиненія, составляетъ весьма пріятное и еще болѣе—важное событіе. Баронъ В. Р. Розенъ не скрываетъ, что его обращеніе къ вѣрѣ и надеждамъ византинистовъ вызвано учеными вліяніями, идущими изъ изслѣдованій А. А. Куникіи и В. Г. Васильевскаго. Эти благотворныя вліянія коснулись въ послѣднее время не одного С.-Петербургскаго, но и другихъ русскихъ университетовъ, вызвавъ интересъ къ изученію Византіи и породивъ рядъ научныхъ работъ, свидѣтельствующихъ столько же о неослабной энергіи научныхъ воздѣйствій, сколько о воспріимчивости къ серьезнымъ урокамъ въ средѣ молодыхъ университетскихъ поколѣній. Будущая исторія науки, къ которой принадлежитъ книга барона Розена, всегда съ благодарностью вспомнитъ названныя имъ имена.

Да проститъ намъ однако авторъ, что мы не можемъ начать съ того, съ чего обыкновенно начинаетъ рецензентъ, если говоритъ о сочувственной ему книгѣ. Нужно прямо сознаться—было бы по-

Библиотека "Руниверс"

хоже на шутку, обидную равно для автора и для публики, если бы мы стали сулить книгѣ „Императоръ Василій Болгаробойца" широкій кругъ читателей, извѣстность въ публикѣ и успѣхъ въ продажѣ. Ничего подобнаго ни пожелать, ни сказать нельзя. Книга написана для очень тѣснаго круга ученыхъ, и прочтутъ ее весьма немногіе. Въ ней нѣтъ цѣльнаго разказа, она не посвящена изслѣдованію одного какого-либо вопроса: есть же въ ней текстъ арабскаго лѣтописца, который тонетъ въ безграничномъ морѣ объясненій, цитатъ и большихъ извлеченій изъ византійскихъ, турецкихъ, арабскихъ и другихъ писателей. Тщательно собранные, провѣренные и оцѣненные авторомъ, совсѣмъ неизвѣстные или малоизвѣстные литературные факты сдѣланы достояніемъ ученыхъ самыхъ различныхъ спеціальностей, которые и могутъ теперь пользоваться сочиненіемъ барона Розена—каждый для своихъ цѣлей. Такимъ образомъ, и научная оцѣнка этого сочиненія не во всѣхъ частяхъ доступна спеціалисту въ одной какой-либо области.

И такъ, отказываясь дѣлать отчетъ обо всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ авторомъ въ примѣчаніяхъ, число которыхъ доходитъ до 431, мы должны прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ той части книги, о которой можемъ говорить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предоставляетъ дѣлать дальнѣйшіе выводы и заключенія византинистамъ и славистамъ. Это по преимуществу касается тѣхъ извѣстій Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ и русско-византійскихъ отношеніяхъ, которыя или не находятся у византійскихъ писателей, или значительно отъ нихъ разнятся. На этой почвѣ, уступаемой авторомъ-арабистомъ историку-византинисту, мы находимъ возможнымъ не только судить о книгѣ барона Розена, но и принять на себя задачу посредничества между авторомъ и образованною публикой. При ближайшемъ ознакомленіи съ книгой оказывается, что затрогиваемые въ ней вопросы имѣютъ глубокую важность не для тѣснаго круга, который прочтетъ ее; что получаемые изъ нея выводы имѣютъ отношеніе къ историческимъ теоріямъ, занимающимъ не однихъ спеціалистовъ; что наконецъ, обосновываемые авторомъ новые факты вступаютъ въ связь съ группой другихъ, общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ. Словомъ, хотя и написанная для спеціалистовъ, книга б. Розена имѣетъ полное право на вниманіе образованной публики.

Свое посредничество мы должны ограничить тѣсными и точно установленными предѣлами. Такъ, мы оставимъ въ сторонѣ всѣ статьи, написанныя мастеромъ своего дѣла, не имѣющимъ соперниковъ. Изъ

Библиотека "Руниверс"

введенія, трактующаго о литературѣ предмета, о жизни Яхъи, о сочиненіяхъ его и объ источникахъ его исторіи, наконецъ о сохранившихся списках исторіи Яхъи, возьмемъ лишь немногое—съ цѣлью ознакомленія съ новымъ арабскимъ источникомъ.

Въ 1874 г. академикъ Куникъ (О запискѣ Готскаго топарха, стр. 147) указалъ на важность извѣстій арабскаго писателя ал-Макина въ вопросѣ о крещеніи св. Владиміра. Въ 1876 г. профессоръ Васильевскій (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, апрѣль 1876 г.: Русско-Византійскіе отрывки, II, стр. 132 и слѣд.) воспользовался лѣтописью ал-Макина уже для болѣе широкихъ задачъ, именно для выясненія запутанныхъ вопросовъ византійской, славянской и русской исторіи послѣдней четверти X вѣка. Оба ученые пользовались при этомъ содѣйствіемъ барона Розена, переводившаго для нихъ арабскіе тексты. Находимъ излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробности о томъ, почему ал-Макинъ обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и что̀ привлекаетъ его извѣстія въ исторію византійско-русскихъ отношеній 986—989 года. Довольно сказать, что по странной игрѣ случая, у арабскаго писателя сохранились такія извѣстія, какихъ нѣтъ ни въ византійской, ни въ русской лѣтописи. Но такъ какъ ал-Макинъ жилъ въ XIII в., и слѣдовательно, показанія его для X в. на столько могутъ быть компетентны, на сколько хороши источники, которыми онъ пользовался, то очевидно, вопросъ объ источникахъ ал-Макина долженъ играть первостепенную роль при оцѣнкѣ самыхъ извѣстій о концѣ X вѣка. Остроумныя сближенія, сдѣланныя по этому поводу г. Васильевскимъ (тамъ же, стр. 129—130), не наводятъ однако изслѣдователей на надлежащую дорогу. Первая и самая безспорная заслуга барона Розена состоитъ въ томъ, что онъ показалъ наглядно источникъ ал-Макина въ другомъ арабскомъ писателѣ, жившемъ въ концѣ, X и въ XI вѣкѣ. Оказывается, что ал-Макинъ для X и XI в. почти дословно списываетъ лѣтопись Яхъи Антіохійскаго. Нечего и говорить, сколько этимъ упрощается вопросъ объ источникахъ ал-Макина, и какъ авторитетъ этого писателя долженъ понизиться, когда будетъ общедоступенъ Яхъя, его источникъ.

Можно сказать, что Яхъя открытъ и впервые изученъ барономъ Розеномъ. Все введеніе поэтому представляетъ интересъ оригинальности и новизны и обличаетъ въ авторѣ мастера своего дѣла. Отсюда мы узнаемъ что историческій трудъ Яхъи тѣсно примыкаетъ къ сочиненію Александрійскаго патріарха Евтихія „Нить драгоцѣнныхъ камней“, доведенному до 937 г. (Migne, Patrologia t. CXI, p. 858),

Библиотека "Руниверс"

и что доселѣ извѣстны три списка вновь открытаго источника, два изъ которыхъ были въ распоряженіи бар. Розена. О жизни автора и о происхожденіи его историческаго труда сообщаются слѣдующія данныя: Яхъя былъ въ родствѣ съ патріархомъ Евтихіемъ. Онъ родился въ концѣ семидесятыхъ годовъ X в. въ Египтѣ, гдѣ и провелъ первую половину своей жизни. Онъ избралъ себѣ медицинскую профессію по примѣру своего знаменитаго родственника, и около 1006 г. получилъ предложеніе продолжать исторію патріарха Евтихія. „Цѣль моя", говоритъ онъ,—„повѣствовать о событіяхъ, происходившихъ съ того времени, до котораго доходитъ лѣтопись Саида, сына Батрика, патріарха Александрійскаго, и по сіе наше время, дабы тѣмъ исполнить требованіе того, кто меня просилъ о ея составленіи". Въ 405 г. гиджры (1014—1015) онъ переселился въ Антіохію по примѣру многихъ единовѣрцевъ, которые массами переселялись въ византійскія владѣнія, между прочимъ въ Лаодикію и Антіохію. Здѣсь онъ имѣлъ случай познакомиться съ новыми матеріалами, которые позволили ему частью дополнить, частью передѣлать свой трудъ. Здѣсь же онъ продолжалъ писать исторію своего времени, пользуясь современными разказами и письменными извѣстіями. Онъ снискалъ себѣ извѣстность и уваженіе въ Антіохіи своими учеными трудами и благочестіемъ. По всей вѣроятности, онъ велъ историческій разказъ до послѣднихъ дней своей жизни, именно до 1066 года. Но въ обоихъ спискахъ, бывшихъ въ распоряженіи барона Розена, текстъ обрывается на смерти царя Константина VIII брата Василія Болгаробойцы (1028 г.), то-есть, оба списка, по видимому, не полны.

Но если бар. Розенъ разрѣшилъ вопросъ объ источникѣ ал-Макина введеніемъ въ научный оборотъ историка Яхъи, то историческая критика должна затѣмъ относительно этого послѣдняго предъявить тѣ же требованія, какія прежде предъявляла къ ал-Макину. Нашъ ученый оріенталистъ не могъ уклониться по крайней мѣрѣ отъ попытки отвѣчать на совершенно справедливый запросъ объ источникахъ Яхъи. По этому поводу отмѣтимъ одно недоразумѣніе на стр. 075: „Что же касается до тѣхъ частей его труда, гдѣ онъ разказываетъ уже не какъ современникъ, то значеніе ихъ будетъ зависѣть отъ качества его источниковъ и его умѣнья пользоваться ими". Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ источникахъ имѣетъ одинаковое значеніе для той и другой части труда Яхъи, ибо приводимое, напримѣръ, на стр. 059 извѣстіе о набѣгѣ Русскихъ на Константинополь не становится безспорнымъ только оттого, что оно случилось при жизни

Библиотека "Руниверс"

Яхъи. Историческая критика по вопросу объ источникахъ дѣлаетъ изъятіе только въ пользу писателя-очевидца или принимавшаго участіе въ описываемыхъ событіяхъ.

Требованіямъ общей критики г. Розенъ пытается удовлетворить въ 3-й и 4-й главахъ введенія. Въ третьей главѣ дается анализъ всего сочиненія Яхъи; онъ важенъ столько же по тому, что позволяетъ опредѣлить историческій кругозоръ писателя и отмѣтить тѣ страны и событія, на которыхъ болѣе останавливается его вниманіе, сколько по тому, что даетъ возможность составить понятіе о всемъ трудѣ Яхъи въ совокупности, такъ какъ на первый разъ бар. Розенъ ограничивается изданіемъ отрывковъ, относящихся ко времени царя Василія II. Мимоходомъ замѣтимъ, что вопросъ объ источникахъ и можетъ быть рѣшаемъ собственно на изученіи отрывковъ или отдѣльныхъ извѣстій. Четвертая глава, трактующая объ источникахъ Яхъи, при всей ея неполнотѣ съ общей точки зрѣнія, обильна остроумными соображеніями и заслуживаетъ высшаго одобренія по прекраснымъ, хотя и весьма смѣлымъ наблюденіямъ и выводамъ. Авторомъ здѣсь руководило хорошее чутье, которое иногда покидаетъ его въ примѣчаніяхъ. Мы считаемъ весьма справедливымъ пріемъ съ датами, который привелъ автора къ заключенію, что точныя даты почерпнуты Яхъей изъ особенныхъ источниковъ съ переложеніемъ найденнаго въ нихъ лѣтосчисленія на мусульманское. Если же справедливо, что большинство указаній на годъ, мѣсяцъ и даже день событій относится къ византійскимъ или христіанскимъ дѣламъ, то-есть, къ событіямъ въ Константинополѣ, Малой Азіи и Сиріи, которыми мусульманскіе писатели вообще занимаются весьма мало, то является вполнѣ законнымъ выводъ о зависимости этой части извѣстій Яхъи отъ византійскихъ источниковъ. Пусть сохранившаяся византійская традиція стоитъ въ несогласіи съ арабскимъ писателемъ: состояніе византійскихъ источниковъ относительно конца X и XI вѣка таково, что историческая критика можетъ по всей справедливости иногда отдать предпочтеніе хорошо переданному извѣстію Яхъи передъ сообщеніями позднѣйшихъ писателей Кедрина и Зонары. Критика въ этомъ случаѣ будетъ отправляться изъ соображенія, что арабскій писатель пользовался утраченнымъ греческимъ источникомъ.

При оцѣнкѣ главнаго содержанія книги, то-есть, извлеченій изъ лѣтописи и примѣчаній, мы ограничиваемъ свою задачу только двумя вопросами: болгарскою войной и русско-византійскими отношеніями.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, какого свойства извѣстія Яхъи о болгарской войнѣ при Василіѣ II, и какъ баронъ Розенъ отнесся къ этимъ извѣстіямъ?

Самая существенная сторона извѣстій Яхъи заключается не въ количествѣ новыхъ фактовъ, вносимыхъ въ исторію войнъ Византіи съ Болгаріей, а вопервыхъ, въ качествѣ, или лучше сказать, во взглядѣ на элементы, поддерживавшіе движеніе въ Болгаріи; вовторыхъ, въ сравнительномъ богатствѣ хронологическихъ данныхъ. Нельзя сказать, что Яхъя пополняетъ наши свѣдѣнія о болгарской войнѣ, ибо часто у него недостаетъ такихъ фактовъ, которые несомнѣнно имѣли мѣсто, и о которыхъ сообщаютъ Византійцы. Болѣе вѣрнымъ представлялось бы намъ такое заключеніе, что у Яхъи сохранился взглядъ на болгарское движеніе не совсѣмъ согласный съ византійскою традиціей. Бар. Розенъ, замѣчая несогласіе Яхъи съ Византійцами, высказывается за тщательный пересмотръ существующихъ теорій о началѣ Самуиловой державы. Мы охотно раздѣлимъ его мнѣніе, если окажется, что Яхъя заслуживаетъ большей достовѣрности въ вопросѣ о болгарскихъ дѣлахъ, чѣмъ Скилица, Кедринъ и Зонара. Но для этого не сдѣлано еще перваго и необходимаго шага, не указаны основанія въ пользу предпочтенія арабскаго писателя, составившаго свое сочиненіе на востокѣ. Баронъ Розенъ догадывается, и вполнѣ основательно, что истина должна быть на сторонѣ хотя и довольно смутныхъ, но все же болѣе искренныхъ и безпристрастныхъ извѣстій, идущихъ отъ восточныхъ писателей, которые не имѣли тенденціи скрывать, ослаблять или вообще представлять въ иномъ свѣтѣ оскорбительные для патріотическаго чувства факты. Но прежде чѣмъ рекомендовать какія-нибудь новыя теоретическія построенія на основаніи Яхъи, требуется дать хотя приблизительное понятіе о происхожденіи особенностей въ его извѣстіяхъ и о заключеніяхъ, къ которымъ можно на основаніи ихъ приходить.

Для этого существуетъ одно средство, которое, впрочемъ, мы затрудняемся рекомендовать бар. Розену, такъ какъ примѣненіе его едва ли въ настоящее время возможно. Это средство должно заключаться въ указаніи рода греческихъ источниковъ, которыми Яхъя могъ пользоваться въ Антіохіи. Но далѣе, въ вопросѣ о значеніи Яхъи, и именно что касается болгарскихъ и русскихъ дѣлъ, есть нѣсколько уже предрѣшенныхъ пунктовъ. Слишкомъ невыгодно для книги бар. Розена то обстоятельство, что за пять лѣтъ назадъ профессоръ Васильевскій снялъ покровъ таинственности съ ал-Макина и лишилъ такимъ образомъ свѣжести, неожиданности и новизны источникъ, изъ

Библиотека "Руниверс"

котораго заимствованы сообщаемыя имъ данныя о болгарскихъ дѣлахъ. Издателю лѣтописца Яхъи слѣдовало съ особенною силой отмѣтить тѣ стороны, которыя или остались совсѣмъ не воспроизведенными, или слегка измѣнены въ компиляціи ал-Макина. Говоря точнѣе, къ барону Розену можно предъявить два требованія съ точки зрѣнія извѣстій Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ: а) чѣмъ именно новый источникъ дополняетъ или измѣняетъ имѣвшіяся прежде свѣдѣнія; б) какое положеніе извѣстія Яхъи должны занять въ наукѣ по сравненію ихъ съ другими матеріалами? Ясно, что этимъ требованіямъ не иначе можно удовлетворить, какъ подвергнувъ критикѣ отдѣльныя мѣста вновь издаваемаго писателя. Критика извѣстій Яхъи находится въ примѣчаніяхъ. Эти послѣднія, если обобщить сдѣланные б. Розеномъ выводы, могутъ формулироваться въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) извѣстія Яхъи такъ важны, что вызываютъ потребность въ пересмотрѣ вопроса о началѣ Самуиловой державы; 2) отличаясь особенностями противъ сохранившейся византійской традиціи, они въ то же время подкрѣпляютъ ее точными хронологическими указаніями; но 3) чтобъ усвоить наукѣ показанія арабскаго писателя, нужно предварительно рѣшить вопросъ о значеніи и способѣ употребленія у Яхъи термина комитопулъ. Въ этомъ послѣднемъ терминѣ дѣйствительно кроется загадка, отъ разъясненія которой зависитъ указаніе надлежащаго мѣста и болѣе выгодное освѣщеніе всѣхъ извѣстій Яхъи о болгарской войнѣ. Оставляя въ сторонѣ все другое, мы намѣрены относительно болгарскихъ дѣлъ ограничиться провѣркой мѣстъ о комитопулѣ.

Болѣе трудностей представляетъ первое мѣсто (Извлеченія, стр. 20—21), читаемое такъ: „И употребили хитрость оба сына Самуила, царя Болгаръ, которыхъ Іоаннъ Цимисхій взялъ и держалъ въ заключеніи во дворцѣ, и бѣжали изъ своего мѣста заключенія на лошадяхъ, которыхъ они приказали держать на готовѣ для себя. И когда они очутились на перевалѣ, ведущемъ въ Болгарію, обѣ лошади, на которыхъ они сидѣли, остановились. И слѣзли они съ нихъ и скрылись въ горахъ, боясь быть догнанными, и пошли пѣшкомъ. И опередилъ старшій изъ нихъ на пути младшаго своего брата. И былъ онъ переодѣтымъ, и замѣтила его толпа Болгаръ, которые охраняли ту гору отъ разбойниковъ. И выстрѣлилъ одинъ изъ нихъ въ него, не узнавъ его, такъ какъ онъ былъ одинъ, и убилъ его. И пришелъ по слѣдамъ его младшій братъ и объявилъ имъ кто онъ. И увели они его и потомъ сдѣлали своимъ царемъ. И былъ у него

Библиотека "Руниверс"

рабъ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ, и собрались къ нему Болгары и воевали страны Грековъ. И отправился противъ нихъ царь съ большимъ войскомъ и подошелъ къ ихъ городу, именуемому Абаріей, и осадилъ его. И пошелъ слухъ по его войскамъ ночью, что перевалъ имъ отрѣзанъ. И обратился тогда въ бѣгство царь и все его войско во вторникъ 17-го аба (августа) 1297 (986), то-есть, 7-го рабіа II, 376, и устремились къ перевалу. И преслѣдовали его Болгары и разграбили его обозъ и казну, и погибло многое множество его войска. И было это въ десятомъ году его царствованія". Комментарій этого мѣста находится на стр. 175—191 книги барона Розена.

Не предрѣшая—вѣрно или нѣтъ передаетъ Яхъя изложенный историческій фактъ, попытаемся точнѣе опредѣлить его точку зрѣнія на элементы болгарскаго движенія и на роль Комитопула, на основаніи его же собственныхъ показаній. Въ приведенномъ мѣстѣ отношеніе Комитопула къ бѣжавшему изъ плѣна царевичу установлено весьма ясно: тотъ и другой дѣлаютъ одно и то же дѣло, то-есть, являются предводителями Болгаръ въ войнѣ ихъ съ Греками; притомъ Комитопулъ стоитъ на сторонѣ бѣжавшаго изъ Константинополя царевича, который сдѣлался царемъ Болгаръ. Ради соображеній, имѣющихъ выясниться ниже, замѣтимъ, что Комитопулъ означаетъ не собственное имя, а нарицательное, напримѣръ, бояринъ или сынъ боярскій, властель или властеличъ, жупанъ или подобное. Правда, съ точки зрѣнія Яхъи, Комитопулъ не имѣетъ самостоятельной роли въ болгарскомъ движеніи, если на лицо находится царь; но мы должны твердо помнить, что этотъ царь есть сынъ Самуила: обстоятельство не случайное въ извѣстіяхъ арабскаго историка. Не останавливаясь пока на анализѣ приведеннаго мѣста, посмотримъ, вездѣ ли строго выдержана точка зрѣнія Яхъи на Комитопула и его роль. На стр. 28 читаемъ: „И встрѣтилъ царь Василій Болгаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ въ плѣнъ ихъ царя и возвратилъ его въ темницу, изъ которой онъ бѣжалъ. И спасся Комитопулъ, начальникъ его войскъ, и управлялъ государствомъ болгарскимъ". На стр. 34: „И сдѣлалъ царь Василій магистра Никифора Урана доместикомъ и отправилъ его на войну съ Болгарами. И столкнулся онъ съ Комитопуломъ, вождемъ ихъ, и побѣдилъ ихъ и убилъ изъ Болгаръ великое множество и привезъ въ Константинополь тысячу головъ и двѣнадцать тысячъ плѣнниковъ. И написалъ Комитопулъ царю Василію, унижаясь передъ нимъ и обѣщая ему покорность и прося его, чтобы

Библиотека "Руниверс"

онъ оказалъ ему милость. И намѣревался было царь согласиться на это, но случилось, что царь Болгаръ, который находился въ заключеніи у царя въ Константинополѣ, умеръ. И дошла смерть его до его раба Комитопула, вождя Болгаръ. И провозгласилъ онъ тогда себя царемъ". На стр. 42: „И когда состоялось перемиріе... царь вернулся въ Болгарію для войны и оставался тамъ четыре года и одержалъ надъ Болгарами полную побѣду, убивая и полоня. И бѣжалъ передъ нимъ Комитопулъ ихъ царь". Наконецъ, на стр. 58 находимъ еще послѣднее упоминаніе о Комитопулѣ: „И въ 407 г. (10-го іюня 1016—29-го мая 1017) одинъ изъ вождей болгарскихъ, по имени Аронъ, напалъ на царя ихъ Комитопула, раба Самуила, и убилъ его и овладѣлъ государствомъ Болгаръ. И былъ Аронъ этотъ изъ тѣхъ, коихъ предкамъ принадлежало преимущество въ царствованіи надъ ними".

Сравнивая между собою всѣ мѣста о Комитопулѣ, мы должны прямо высказаться противъ Яхъи и не колеблясь признать ошибочною его точку зрѣнія на элементы болгарскаго движенія и на роль Комитопула. Точно также не можетъ быть рѣчи о послѣдовательности или соотвѣтствіи между различными мѣстами, такъ какъ очевидно, писатель и самъ не былъ снабженъ достаточными матеріалами относительно дѣйствовавшихъ въ Болгаріи лицъ и отношеній между ними. Изъ сопоставленія перваго и послѣдняго мѣста мы можемъ довольно точно опредѣлить, чего не зналъ Яхъя, то-есть, чего онъ не въ состояніи былъ себѣ уяснить на основаніи того источника—во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хорошаго, который былъ у него подъ руками. Вся бѣда въ томъ, что въ его источникѣ не было ни одного почти собственнаго имени. Изъ этого произошло то, что Яхъя остался въ заблужденіи на счетъ имени Комитопула, считая его собственнымъ именемъ и ни разу не попытавшись связать его, какъ бы это слѣдовало, съ довольно громкимъ въ то время именемъ Самуила, слухи о которомъ могли доходить и до Антіохіи. Это громкое имя, по требованіямъ причинности и послѣдовательности, онъ нашелъ всего удобнѣе связать съ угасающею династіей Болгарскихъ царей, чѣмъ и поставленъ былъ въ необходимость придать ей больше значенія, чѣмъ какое въ дѣйствительности она имѣла въ описываемыхъ событіяхъ. Итакъ, главная ошибка Яхъи заключается въ слѣдующемъ: вопервыхъ, онъ смѣшалъ сыновей царя Петра съ сыновьями Шишмана (комита); вовторыхъ, имѣя самое смутное понятіе о Комитопулѣ, онъ не распозналъ подъ этимъ именемъ Самуила и выдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лилъ его изъ рода комитопуловъ Шишманидовъ; втретьихъ, его сознанію чужды отношенія между комитопулами: Давидомъ, Моисеемъ, Ааропомъ и Самуиломъ и ихъ потомствомъ, вслѣдствіе чего онъ не могъ быть точнымъ въ обозначеніи детальныхъ событій, происходившихъ въ Болгаріи. Такимъ образомъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ (Извлеченія, стр. 58) говорится, что Аарону принадлежало преимущество въ царствованіи надъ Болгарами, должно толковаться только въ томъ смыслѣ, что Ааронъ былъ старше Самуила и соперничалъ съ нимъ изъ-за власти. Изъ этого видно, что Яхъя не можетъ быть надежнымъ руководителемъ въ указаніи дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во имя національной свободы лицъ и въ обозначеніи раздиравшихъ страну усобицъ.

Но было бы весьма несправедливо дѣлать отсюда общія заключенія къ извѣстіямъ Яхъи о болгарской войнѣ. Не смотря на ука занную путаницу именъ и отношеній, мы все же, такъ-сказать, осязаемъ у Яхъи чистый и живой родникъ свѣдѣній о болгарскихъ дѣлахъ и считаемъ не поколебленнымъ авторитетъ его вслѣдствіе того, что онъ не могъ поставить на своемъ мѣстѣ собственныя имена. Слабыя мѣста Яхъи легко могутъ быть поняты, если мы оцѣнимъ сильныя его мѣста. Для этого находимъ необходимымъ войдти въ нѣкоторыя подробности, имѣя въ виду по преимуществу первое мѣсто о комитопулѣ.

Выраженіе „комитопулъ“ идетъ несомнѣнно изъ византійскихъ источниковъ. Основное мѣсто читается у Кедрина II, 346—347: „Сыновья его (то-есть, Петра, царя Болгарскаго) посланы были въ Болгарію, съ тѣмъ, чтобы принять отеческое царство и сдержать дальнѣйшее движеніе комитопуловъ. Ибо сыновья одного изъ могущественнѣйшихъ болгарскихъ комитовъ задумали возстаніе и взволновали Болгарію“. Хотя это свидѣтельство Кедрина, по видимому, относится къ другому времени, чѣмъ первое мѣсто о комитопулѣ у Яхъи; но мы склонны видѣть въ немъ тождество съ нижеслѣдующимъ у того же Кедрина II, 434—435: „Когда же Болгаре со смертію царя Іоанна (то-есть, Цимисхія) начали возстаніе, владѣть ими избираются четыре братья: Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуилъ—дѣти одного изъ могущественнѣйшихъ болгарскихъ комитовъ и посему называемые комитопулами. Ибо изъ родичей Петра одни перемерли, сыновья же его Борисъ и Романъ, отведенные въ столицу, какъ выше сказано, оставались въ ней... И когда случилась смерть Іоанна, они бѣжали въ Болгарію“. Далѣе совершенно сходно съ разказомъ

Библиотека "Руниверс"

Яхъи. Хорошо знаетъ комитопуловъ и другой византійскій писатель Зонара. „Когда“ говоритъ онъ,—„стала извѣстна смерть Цимисхія, Болгаре передаютъ власть четыремъ братьямъ Давиду, Моисею, Аарону и Самуилу, которые назывались комитопулами, потому что были дѣти одного изъ бояръ (властелей), именуемыхъ комитами, а царскій родъ у нихъ пресѣкся, такъ какъ остается въ живыхъ одинъ только сынъ Петра, сконецъ Романъ“ (Zonarae IV, 110, ed. Dindorf.). Ясно, что Яхъѣ недоступны были такіе византійскіе источники, которые называли бы по именамъ комитопуловъ и дѣлали различіе между родомъ Шишмана и сыновьями Петра Симеоновича. Но у него былъ источникъ другаго рода, представленіе о которомъ можно составить себѣ на основаніи поэтическаго произведенія Іоанна Геометра „на комитопула“:

Ανω κομίτης ἔφλεγε τον αἰθέρα,
Κάτω κομήτης πυρπολεῖ τὴν ἑσπέραν и проч.

и съ которымъ по способу отношенія къ личнымъ и мѣстнымъ именамъ соперничествуетъ особый родъ ораторскихъ произведеній (духовныя и свѣтскія слова), составляющій первоначальный источникъ византійской лѣтописи. О Геометрѣ см. у г. Васильевскаго, Журн. М. Н. Просв., апрѣль 1876, стр. 162; произведеніе „на комитопула“ издано ар. Cramer Anecdota Graeca IV, 283. Что касается до значенія выраженія „комитъ“ въ византійской литературѣ, оно несомнѣнно указываетъ на земское происхожденіе термина и должно стоять въ связи съ другими словами: митрокомія и комитура. Мы обращали вниманіе на эти слова по другому случаю, и въ настоящее время находимъ достаточнымъ сослаться на употребленіе термина комитъ у Анны Комниной (Alexias. II, 71, 132), друнгарокомитъ у Константина Порфиророднаго (De ceremoniis p. 482) (см. въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, январь 1883, статью „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи“, стр. 71; февраль, стр. 329—333). Комитопулъ Яхъи, Геометра и Кедрина есть также представитель земскаго элемента въ Болгаріи.

Такимъ образомъ, при существованіи другихъ источниковъ, по которымъ возстановляется отношеніе комитопуловъ къ старой династіи царей и опредѣляется ихъ роль,—нѣтъ особенной причины жалѣть о томъ, что Яхъя перемѣшалъ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности еслибъ извѣстія его о болгарской войнѣ оказались заслуживающими предпочтительнаго вниманія въ другихъ отношеніяхъ. На этомъ вопросѣ и слѣдуетъ теперь сосредоточить все вниманіе.

Библиотека "Руниверс"

Общая оцѣнка извѣстію Яхьи о пораженіи Болгарами византійскаго войска при Сардикѣ-Срѣдцѣ (Абарія) въ десатомъ году царствованія Василія (разбираемое нами мѣсто о комитопулѣ находится въ связи съ этимъ извѣстіемъ) сдѣлана уже тѣмъ ученымъ, которому посчастливилось открыть для русской науки ал-Макина, пользовавшагося Яхьей. Будучи поставлено, согласно точнымъ хронологическимъ указаніямъ арабскихъ писателей, между событіями 986 года, это извѣстіе дало профессору Васильевскому точку отправленія для новой теоріи русско-византійскихъ отношеній въ 987—989 гг., чѣмъ авторитетъ арабскаго писателя утвержденъ уже на весьма прочныхъ основаніяхъ. Позволяемъ себѣ въ этомъ отношеніи сдѣлать нѣсколько дополненій къ прекраснымъ соображеніямъ нашего историка. Не можетъ быть теперь сомнѣнія, что разказанное Львомъ Діакономъ дѣло въ 10-й книгѣ, гл. 8 (Bonn. 171—173) есть то самое пораженіе Грековъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Яхья въ изучаемомъ нами мѣстѣ (б. Розенъ, стр. 20 и примѣч. 143, 145). Профессоръ Васильевскій, тщательно изучившій Льва Діакона, не могъ не замѣтить, что Русскіе у этого писателя упоминаются или подъ именемъ Руси, или подъ именемъ Скиѳовъ, и что именно такъ называетъ онъ Святослава и пришедшее съ нимъ войско. Напримѣръ: ἀποχρίσεις τοῦ Σκύθου δεξάμενος (разумѣется Святославъ, а Русь тутъ же названа Тавроскиѳы—р. 105); Σκύθαι=Ταυροσκύθαι (р. 110—111); сравн. р. 129, 132, 134; Ῥῶς δὲ καὶ αὐτοὶ πρὸς τοῦ σφῶν παραχρτούμενοι στρατηγοῦ (Σφέγκελος δὲ ἦν οὗτος, ὁ τρίτην ἔχων τιμὴν παρὰ Σκύθαις—р. 135); Скиѳы=Тавроскиѳы=Русскіе (р. 137); то же самое на стр. 139. Правда, нельзя считать вездѣ выдержанною терминологію Льва Діакона, такъ какъ и про Симеона, вождя Мисійцевъ (Болгаръ), онъ говоритъ: εἰς ἀπόνοιάν τε τὴν Σκυθικὴν καὶ συνήθη ἐπαρθεὶς (р. 123); но все же слѣдуетъ признать, что обычно Левъ Діаконъ подъ Скиѳами разумѣетъ Русскихъ, и что прилагая терминъ „скиѳскій“ къ Болгарамъ, онъ опредѣляетъ имъ не этнографическое свойство, а нѣкоторыя общія у Болгаръ съ Русскими качества. Если присоединить сюда наблюденія надъ употребленіемъ словъ „Скиѳъ“ и „скиѳскій“ у другаго писателя того же времени, І. Геометра, то окажутся очень серьезныя основанія къ тому, чтобы не уступать безъ уважительныхъ причинъ толкованіе слова „скиѳскій“ въ пользу болгарской, а не въ пользу русской народности.

Профессоръ Васильевскій поступился безъ борьбы двумя такими мѣстами въ описаніи у Льва Діакона дѣла при Срѣдцѣ 986 года. Пусть первое мѣсто: τὴν Σαρδικὴν ἣν καὶ Τράλιτζαν ἡ Σκυθικὴ συνήθεια

Библиотека "Руниверс"

κέκλημεν—толкуется въ значеніи болгарскаго языка въ тѣсномъ смыслѣ, хотя это не будетъ исключать и болѣе широкаго толкованія въ смыслѣ русскаго языка, подобно тому, какъ ἡ ἀπόνοια Σκυθική съ такимъ же правомъ можетъ быть переведено скиѳская, какъ и русская дерзость или безразсудство: сравн. ἀπόνοια βαρβαρική у Льва Діакона, р. 106, въ приложеніи къ Святославу. Но нельзя съ тою же легкостью поступиться другимъ мѣстомъ: καὶ μάχαιρας Σκυθικῆς γέγονα παρανάλωμα (р. 173). Мы тѣмъ болѣе должны дорожить этими словами, что они составляютъ свидѣтельство очевидца. „Тамъ былъ и я, описывающій это несчастное дѣло, сопутствуя императору и исполняя при немъ службу діакона: и мнѣ не оставалось почти исхода, и я сдѣлался бы жертвою меча скиѳскаго, если бы нѣкоторое божественное попеченіе не извело меня изъ самой опасности". Мы не думаемъ, чтобы Левъ Діаконъ случайно употребилъ здѣсь выраженіе „скиѳскій мечъ", или чтобы μάχαιρα, какъ и συνήθεια, съ одинакимъ удобствомъ могли имѣть при себѣ опредѣленіе скиѳскій, то-есть, болгарскій или русскій. Нѣтъ, эти слова могутъ указывать на дѣйствительный фактъ участія Русскихъ въ византійско-болгарской войнѣ 986 года.

Если о присутствіи Русскихъ въ Болгаріи, то-есть, именно князя Владиміра, можно предполагать, на основаніи извѣстія Льва Діакона, то выступаетъ весьма интересный вопросъ о приведеніи въ связь этого довольно неожиданнаго намека съ русскою лѣтописью. Подъ 985 годомъ въ лѣтописи (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изданіе археографической коммиссіи, стр. 82) находится слѣдующее извѣстіе: „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ. И побѣди Болгары". Извѣстно, что русскіе историки, начиная съ Карамзина, относятъ это извѣстіе къ Камскимъ и Волжскимъ Болгарамъ, основываясь на прибавкѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ при имени Болгаръ: „низовскіе" или „иже по Волгѣ" (Карамзинъ I, прим. 436). Съ точки зрѣнія исторіи походовъ князя Владиміра, по нашему мнѣнію, натуральнѣе здѣсь видѣть Балканскихъ Болгаръ, предпочтеніе же въ пользу Камскихъ можно объяснять только тѣмъ, что вообще мы слишкомъ еще мало выяснили исторію X вѣка. Не говоря уже о томъ, что Владиміръ прославился именно походами на западъ и на югъ (Червенскіе города, Корсунь), очень трудно представлять себѣ въ X вѣкѣ плывущій по Волгѣ русскій флотъ, сопровождаемый по берегамъ конными наемными войсками. И прибавка о носящихъ сапоги, въ противоположность къ лапотникамъ, скорѣе мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ имѣть приложеніе къ греко-славянскому населенію на Дунаѣ, чѣмъ къ камскимъ Болгарамъ. По всей вѣроятности, на чтеніе приведеннаго мѣста лѣтописи имѣла значительное вліяніе приводимая подъ слѣдующимъ годомъ легенда о посольствѣ въ Кіевъ волжскихъ Болгаръ.

Такъ или иначе, но едва ли не слѣдуетъ возвратиться въ толкованіи этого мѣста къ тексту Татищева (Исторія Россійская, кн. II, стр. 63): Владимиръ, собравъ воинство великое, и Добрыню вуя своего призвавъ, съ Новгородцы пошелъ на Болгары и Сербы въ лодіяхъ по Днѣпру, а конныя войска Русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенкихъ послалъ прямо въ землю болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца его и брата договоровъ, и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія"... Этотъ взглядъ находитъ себѣ оправданіе въ открытой преосвященнымъ Макаріемъ „Похвалѣ монаха Іакова": и Ятъвяги взя, и сребреныя (Сербяны) Болгары побѣди.

Впослѣдствіи мы надѣемся подробнѣе изложить свой взглядъ на русско-болгарскія и византійскія отношенія конца X вѣка, а теперь ограничимся краткимъ замѣчаніемъ. Союзъ Никифора Фоки съ княземъ Святославомъ могъ имѣть для Византіи роковое значеніе, ибо Русскіе скоро поняли свои интересы на Дунаѣ и обратились въ союзниковъ Болгаръ противъ Грековъ. Сначала они были на сторонѣ старой династіи болгарскихъ царей, а потомъ послѣ Святослава поддерживали національное славянское движеніе и боролись въ союзѣ съ комитопулами противъ Грековъ и партіи сыновей Петра Симеоновича: этимъ положеніемъ дѣлъ мы объясняемъ извѣстіе Татищева о войнѣ Владиміра съ Болгарами. Но событія 988—989 годовъ круто измѣнили политику русскихъ князей. Принятіе Русью христіанства отъ Грековъ, а не отъ Болгаръ сопровождалось величайшими послѣдствіями, измѣнившими ходъ событій въ юго-восточной Европѣ. Между прочимъ, оно доставило преобладаніе греческому элементу на Балканскомъ полуостровѣ и было причиной утраты политической роли Россіи на югѣ. Византійская политика достигла того, что съ 989 года Русь изъ страшилища Грековъ обратилась въ защитницу и помощницу ихъ на востокѣ и западѣ и дала возможность царю Василію круто расправиться съ Болгарами. Съ этой точки зрѣнія пересмотръ извѣстій о русско-болгарскихъ отношеніяхъ является вопросомъ глубокой важности въ русской исторической наукѣ. Тою ролью, которую Русь играла въ болгарско-византійскихъ отношеніяхъ,

Библиотека "Руниверс"

объясняется до нѣкоторой степени сказаніе лѣтописи о предложеніяхъ вѣры: Греки, равно какъ Болгаре разныхъ политическихъ партій, имѣли интересъ именно въ 986—987 году домогаться посредствомъ посольствъ соглашенія съ Кіевомъ. Но это пока отдаленные выводы. Ближайшій же состоитъ въ томъ, что византійская и русская лѣтопись можетъ оправдать участіе князя Владиміра въ войнѣ Болгаръ съ Греками въ 986 году.

Теперь мы можемъ снова обратиться къ Яхъѣ или, лучше, къ тому источнику, который былъ у него подъ руками, съ слѣдующимъ запросомъ: не сохранилъ ли онъ хотя бы и безсознательно нѣкотораго намека на Владиміра?—Относящееся сюда мѣсто баронъ Розенъ передаетъ такъ: „И увели они его (то-есть, Болгаре, того царевича, который остался въ живыхъ) и потомъ сдѣлали своимъ царемъ. И былъ у него рабъ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ, и собрались къ нему Болгары и воевали страны Грековъ. И отправился противъ нихъ царь съ большимъ войскомъ“ (Извлеченія, стр. 21).

Такъ какъ отвѣчать за Яхъю съ полнымъ правомъ можетъ только б. Розенъ, то мы прежде всего обращаемся къ нему съ просьбой: еще разъ допросить Араба по тому пункту, по которому на него сдѣланъ оговоръ другими свидѣтелями. И между прочимъ просимъ обратить вниманіе на то слово или оборотъ въ арабскомъ текстѣ, которому соотвѣтствуетъ „тотъ“ перевода. Имѣя всѣ основанія полагать, что свидѣтельство Яхъи почерпнуто изъ хорошаго источника, но неискусно воспроизведено, мы должны со всею тщательностію разобрать его формальную сторону. Для Яхъи, какъ и для пользовавшагося имъ ал-Макина, остались неизвѣстны виновники смутъ въ Болгаріи и средства, которыми они располагали. Тѣмъ не менѣе, легко судить, что у перваго дѣйствующими элементами являются: 1) тотъ, кого сдѣлали царемъ; 2) комитопулъ (а можетъ быть, и еще кто, если придавать значеніе подчеркнутому слову „тотъ“); 3) народъ; у втораго же, который писалъ къ XIII в. и могъ быть знакомъ съ литературными произведеніями для исторіи X вѣка, дѣйствуютъ только: 1) кого сдѣлали царемъ, 2) приставшіе къ нему Болгаре, то-есть, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно соединены въ одно два элемента Яхъи, ибо тотъ, кого сдѣлали царемъ, оказывается комитопуломъ. Но посмотримъ, какой видъ должно было получить свидѣтельство Яхъи, введеннаго въ затрудненіе отсутствіемъ собственныхъ именъ въ его источникѣ. Роль комитопула уже и потому должна представляться у

Библиотека "Руниверс"

него въ ложномъ свѣтѣ, что бѣжавшіе изъ Византіи царевичи, по ошибкѣ названные сыновьями Самуила, то-есть, настоящаго комитопула, должны были въ представленіи Яхъи, а слѣдовательно, и въ изложеніи его, или обмѣняться чертами съ реальнымъ комитопуломъ Самуиломъ, или слиться съ нимъ, но это одинаково должно было отразиться и на образѣ рисуемаго Яхъей воображаемаго комитопула, на котораго перенесены историческія черты сына Петра Симеоновича. Что же касается втораго дѣятеля, исполняющаго у Яхъи роль комитопула, то на его мѣсто также приходится поставить реальное лицо, арабскому писателю едва ли извѣстное. Единственную черту для нашихъ сближеній представляетъ здѣсь выраженіе: „и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ". Такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія допустить союзъ реальнаго комитопула съ сыномъ Петра Симеоновича, то мы легко можемъ подставить на мѣсто воображаемаго комитопула и мѣстоименія тотъ Русскаго князя Владиміра. Въ ожиданіи авторитетнаго суда самого барона Розена, который одинъ можетъ сказать: возможно ли оправдать нашу догадку съ точки зрѣнія арабскаго текста, мы можемъ присоединить здѣсь слѣдующее замѣчаніе. Съ точки зрѣнія византійской и славянской исторіи нѣтъ возможности оправдать взглядъ Яхъи на отношенія комитопула къ старой династіи Болгарскихъ царей. Сынъ Петра Симеоновича не былъ избранъ Болгарскимъ царемъ, и комитопулъ не держалъ его сторону. Походъ Василія II въ 986 году предпринятъ былъ не противъ сына Петра, а противъ Самуила, и самое бѣгство царевичей изъ Константинополя правильнѣе должно быть разсматриваемо, какъ политическая мѣра со стороны византійскаго правительства, допущенная съ цѣлью поддержанія порядка и византійской партіи въ Болгаріи противъ усилившагося значенія комитопула Самуила.

Яхъя, ал-Макинъ, Асохикъ и другіе восточные писатели неповинны въ умышленномъ искаженіи фактовъ; но тотъ первоначальный источникъ, изъ котораго черпалъ Яхъя, очевидно, представлялъ для него непреодолимыя затрудненія и повелъ къ путаницѣ. Выше мы замѣтили, что этотъ источникъ страдалъ отсутствіемъ собственныхъ именъ и довольно неопредѣленными намеками на элементы, поддерживавшіе въ Болгаріи броженіе. Далѣе въ немъ можетъ быть указана тенденція, выражающаяся въ склонности игнорировать элементы національнаго освободительнаго движенія и выставлять на видъ притязанія старой царской династіи. Наконецъ, по своему характеру

Библиотека "Руниверс"

онъ былъ таковъ, что не давалъ готовыхъ фактовъ, а представлялъ возможность комбинацій и догадокъ (различіе въ извѣстіяхъ Яхъи и ал-Макина). По этимъ признакамъ можно опредѣлить и родъ первоначальнаго источника. Нѣтъ сомнѣнія, что и относительно X вѣка памятники ораторскаго искусства должны представлять собою первоисточникъ для историческихъ произведеній, какъ это можетъ считаться теперь установленнымъ для XII и XIII вв. [пишущему эти строки удалось возстановить исторію болгарскаго освободительнаго движенія въ XII в. на основаніи словъ и рѣчей, см. Образованіе втораго Болгарскаго царства, Одесса 1879; сравн. о значеніи ораторскихъ произведеній въ изданіи византійскихъ писателей о крестовыхъ походахъ французскаго византиниста Миллера (Historiens Grecs)]. Словомъ, мы приходимъ къ выводу, что у Яхъи было передъ глазами или похвальное слово, или другое свѣтское или духовное ораторское произведеніе, въ которомъ, по обычаю времени и требованіямъ стиля, лица не назывались, а только описывались. Не будучи хорошо знакомъ съ болгарскими отношеніями, Арабъ старался, не мудрствуя лукаво, передать отвлеченныя и описательныя выраженія своего источника въ конкретной формѣ и, конечно, не могъ избѣжать путаницы. Но если мы называемъ источникомъ Яхъи современное событіямъ ораторское произведеніе, то этимъ самымъ высказываемся за оригинальность и важность извѣстія арабскаго писателя. Яхъя до тѣхъ поръ будетъ удерживать за собою авторитетъ оригинальности, пока не посчастливится разыскать тотъ греческій источникъ, которымъ онъ пользовался въ Антіохіи.

Изъ предыдущаго можно вывести, въ чемъ мы не согласны съ б. Розеномъ относительно комментарія на извѣстія Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ. Въ комментаріяхъ онъ не остался вѣренъ болѣе справедливому общему выводу, сдѣланному во Введеніи (напримѣръ, 089), о близости Яхъи къ одной изъ сохранившихся греческихъ лѣтописей. Комментируя отдѣльныя извѣстія, онъ пришелъ наоборотъ къ убѣжденію, что источникъ Яхъи довольно рѣзко противорѣчитъ Скилицію-Кедрину и еще болѣе толкователямъ ихъ скудныхъ и темныхъ показаній (прим. 145, стр. 188; прим. 183, стр. 229—230 и др.), и потому долженъ былъ отстаивать, по крайней мѣрѣ — по нашему мнѣнію, невозможную теорію, будто царствованіе Самуила не соединено было съ явнымъ отреченіемъ отъ прежняго правительства, и будто Самуилъ ждалъ смерти послѣдняго представителя старой династіи, чтобы возложить на себя царскій вѣнецъ. Эту теорію мы считаемъ ошибочною и объясняемъ ее тѣмъ, что авторъ не вникъ

Библиотека "Руниверс"

въ положеніе Яхъи и позволилъ себѣ увлечься оригинальностью его ошибки.

Мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что разборомъ одного мѣста дали ключъ къ объясненію другихъ извѣстій Яхъи о болгарской войнѣ, въ которыхъ повторяется имя комитопула. Весьма можетъ быть, что относительно каждаго мѣста потребуется принять въ соображеніе свои особыя обстоятельства, которыя могутъ привести къ примиренію арабскаго писателя съ византійскою лѣтописью. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что Яхъя, не понявъ значенія комитопула рядомъ съ представителями прежней династіи, ничего не знаетъ о семейной враждѣ между самими комитопулами, о смѣнѣ одного лица другимъ въ управленіи Болгаріей, наконецъ объ измѣнѣ нѣкоторыхъ представителей этого рода національному дѣлу. Входить въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ мѣстъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что это повело бы насъ къ необходимости категорически отвѣтить на вопросъ о томъ, какое значеніе, среди другихъ источниковъ, вообще должны имѣть извѣстія Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ, и на сколько увеличиваются наши знанія по болгарской исторіи вслѣдствіе открытія этого новаго источника. Дѣло въ томъ, что, кромѣ путаницы въ именахъ, въ исторіи Яхъи замѣчаются пропуски весьма важныхъ событій: такъ, онъ не даетъ свѣдѣній о смерти Самуила. Но такъ какъ качество извѣстій можетъ искупать неполноту и отсутствіе находимыхъ у греческихъ авторовъ подробностей, то очевидно, въ общей оцѣнкѣ Яхъи нужно будетъ отправляться изъ разсмотрѣнія мелочей и частностей. Одно уже то, что онъ далъ хронологическое указаніе для пораженія Грековъ Болгарами при Срѣдцѣ въ 986 году, указаніе, совершенно измѣняющее взглядъ на цѣлый рядъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ, приковываетъ къ Яхъѣ пытливое вниманіе изслѣдователя, лишеннаго хронологическихъ опоръ въ другихъ источникахъ. Но и для послѣдующихъ войнъ съ Болгарами арабскій писатель или прямо указываетъ даты, или позволяетъ установить ихъ изъ связи разказа. Вслѣдствіе того получается возможность болѣе правильнаго распредѣленія историческаго матеріала и пополненія скорбнаго листа Болгаръ фактами, пріуроченными къ опредѣленнымъ годамъ. Оказывается, что какъ-разъ въ тѣ годы, когда, по мнѣнію историковъ, ни Болгаре, ни Византія не предпринимали другъ противъ друга никакихъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ шла на Балканскомъ полуостровѣ упорная борьба (Извлеченія, стр. 27—28, прим. 183). Изъ этого видно, что извѣстія Яхъи дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительно на столько важны по своимъ датамъ, что вызываютъ потребность переработки существующихъ изложеній хода борьбы Грековъ съ Болгарами. Бар. Розенъ съ своей стороны положилъ начало для подобной работы, тщательно сведя византійскія извѣстія и разобравъ мнѣнія историковъ. Будущему ученому, который приметъ на себя задачу писать исторію Болгаръ въ X и XI вв., можемъ еще рекомендовать справляться съ Русскою лѣтописью и воспользоваться книгой В. Г. Васильевскаго „Совѣты и разказы византійскаго боярина" (С.-Петербургъ, 1881), равно какъ его же статьей „Русско-византійскіе отрывки", помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1876 г. Рядомъ съ особенностями хронологическаго свойства, Яхъю дѣлаютъ не замѣнимымъ тѣ черты, которыя онъ сохранилъ изъ современнаго событіямъ источника, утраченнаго для позднѣйшихъ византійскихъ писателей. Выше мы намѣтили до нѣкоторой степени такую черту въ извѣстіи его о болгарской войнѣ 986 г. Но съ особенною силой бьетъ эта живая струя въ его извѣстіяхъ о Руси, которыя обезпечиваютъ Яхъѣ совершенно особое вниманіе со стороны русской науки. Прежде чѣмъ перейдти къ этой категоріи свидѣтельствъ, остановимся еще на одномъ—по отношенію къ Болгаріи. Извѣстіе Яхъи о мѣрахъ, принятыхъ Василіемъ II по замиреніи Болгаріи, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи стоитъ несравненно выше византійскихъ. Отъ него также вѣетъ свѣжестью и новизною, почерпнутою изъ хорошаго источника, какимъ не пользовались Кедринъ и Скилица, а потому оно должно быть отнесено къ числу безпримѣрныхъ въ литературѣ.

Разказавъ о послѣднемъ кровавомъ дѣлѣ въ семьѣ комитопуловъ, именно объ убіеніи Іоанномъ-Владиславомъ, сыномъ Аарона, Гавріила-Романа, сына Самуила (имена подставлены, б. Розенъ, прим. 358), Яхъя продолжаетъ (Извлеченія, стр. 58—59): „И послалъ онъ къ царю Василію и написалъ ему, обѣщая ему покорность и дружбу и обязываясь, что будетъ управлять государствомъ, которымъ завладѣлъ, согласно его (царя) желаніямъ, и не предприметъ никакого дѣла противъ его воли. И оставался онъ царемъ одинъ годъ и былъ въ свою очередь убитъ рукой одного изъ своихъ подчиненныхъ. И написали вожди Болгаръ царю Василію, унижаясь передъ нимъ и выражая свое желаніе, чтобъ онъ принялъ находившіяся въ ихъ рукахъ крѣпости и области и прося его разрѣшенія прибыть къ нему и дѣйствовать согласно его приказаніямъ. И пошелъ тогда царь въ Болгарію въ Шаввалѣ 408 (20-го февраля—20-го

Библиотека "Руниверс"

марта 1018 г.), и вышли ему на встрѣчу всѣ тамошніе вожди и были также выведены жена Аарона, царя Болгаръ, и дѣти его. И принялъ онъ ихъ крѣпости и оказалъ имъ милости и далъ каждому изъ нихъ должности согласно тому, чего требовали его заслуги. И оставилъ себѣ сильныя крѣпости и назначилъ надъ ними правителей изъ Грековъ, и срылъ остальныя. И устроилъ дѣла Болгаріи и назначилъ туда василиковъ, то-есть, управляющихъ всѣми дѣлами и имуществами. И стало государство Болгарское присоединеннымъ къ государству Грековъ, и сдѣлалъ онъ его катепанатомъ. И было это въ сорокъ-четвертомъ году его царствованія. И вернулся онъ въ Константинополь. И вступили въ бракъ дочери Болгаръ съ сыновьями Грековъ и дочери Грековъ съ сыновьями Болгаръ, и смѣшалъ онъ однихъ съ другими и тѣмъ уничтожилъ старую вражду, которая была между ними".

На этомъ прекрасномъ мѣстѣ Яхъи нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что б. Розенъ, судя о немъ съ точки зрѣнія путаницы именъ (прим. 358, стр. 364), умалилъ его значеніе. Мѣсто это слѣдуетъ оцѣнивать со стороны характера извѣстій объ администраціи Болгаріи подъ византійскимъ господствомъ и со стороны средствъ, принятыхъ Василіемъ II къ окончательному замиренію страны. Та и другая сторона остается совсѣмъ не затронутою въ произведеніяхъ византійскихъ писателей Скилицы и Кедрина, ограничившихся незначительною парой словъ по этому интересному вопросу (Cedrenus II, 530, 716). Память объ устройствѣ Болгаріи послѣ завоеванія сохранилась лишь въ новеллахъ царя Василія, вошедшихъ въ извѣстный хризовулъ Михаила Палеолога отъ 1272 года (Zachariae, Jus Graeco-romanum III, 319 и полнѣе у Голубинскаго: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, 259—263). Но по своему содержанію, новеллы Василія имѣютъ частный характеръ: обезпечивая политическія и имущественныя права Болгарской церкви, онѣ совсѣмъ не касаются гражданскаго устроенія Болгаріи. Такимъ образомъ Яхъѣ суждено восполнить давно уже ощущаемую пустоту между источниками и ближайшимъ образомъ удовлетворить запросъ: можно ли предполагать связь между предоставленными церкви привилегіями и политическими правами, дарованными гражданскимъ сословіямъ. Поставленное рядомъ съ хризовулами, приведенное мѣсто можетъ дать точные и опредѣленные выводы (см. мою книгу: Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 17—20, 57—73) объ общей формѣ устройства Болгаріи послѣ подчиненія. Позволимъ себѣ

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать нѣкоторыя частныя замѣчанія. Болгарія не была, такъ-сказать, взята на щитъ и не сдалась на безусловную волю завоевателя. Замиреніе Болгаріи достигнуто было столько же военною силой, сколько интригой и подкупомъ. Въ византійскую партію переходятъ члены дома комитопуловъ: таковъ былъ Аронъ и его сынъ; послѣднему наконецъ удалось погубить Гавріила Самуиловича и тѣмъ нанести окончательный ударъ партіи національной свободы. Измѣна національному дѣлу разъѣдаетъ также высшіе слои дворянства и духовенства; усиленіе грекофильской партіи постепенно давало царю Василію точку опоры для новыхъ военныхъ успѣховъ надъ Болгарами. Упоминаніе въ хризовулѣ Василія II объ особенныхъ заслугахъ Видинскаго епископа, достойныхъ преимущественныхъ наградъ, дополняется свидѣтельствомъ Яхьи о болгарскихъ вождяхъ, которые просили Греческаго царя принять находившіяся въ ихъ рукахъ крѣпости и области. Оказывается возможнымъ иллюстрировать эти указанія и конкретными фактами, какихъ не мало можно найдти въ сочиненіи В. Г. Васильевскаго: Совѣты византійскаго боярина (стр. 35 Дмитрій Полемархъ, Николица). Замиреніе Болгаріи, говоритъ онъ,— въ томъ и состояло, что Василій II привлекъ на свою сторону болгарское боярство, щедро раздавая ему византійскіе чины и званія. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ получается возможность составить до нѣкоторой степени опредѣленную идею о формѣ устройства подчиненной Болгаріи, и эта идея, смѣло можно сказать, дана въ извѣстіи Яхьи. На первый разъ не могло быть и рѣчи о введеніи византійской системы управленія, суда, податей и т. п., къ чему стремится византійское правительство впослѣдствіи; на первый разъ царь ограничился занятіемъ крѣпостей и срытіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могли служить точкой опоры въ случаѣ возстанія, назначеніемъ высшихъ административныхъ чиновниковъ, называемыхъ проноитами (προνοητής—Sathas, Documents inédits II p. IV; Васильевскій, Совѣты, стр. 22), и уравненіемъ въ политическихъ правахъ Грековъ съ Болгарами и на оборотъ, чѣмъ открытъ былъ просторъ для колонизаціи Болгаріи Греками. Весьма вѣроятно, что условія подчиненія Болгаріи были изложены въ документѣ, который былъ доступенъ Яхьѣ, но остался утраченнымъ для позднѣйшихъ греческихъ историковъ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что каждое слово Яхьи заслуживаетъ вниманія и изученія. Темный намекъ на перемѣну въ отношеніяхъ Византіи къ Болгаріи слышится уже въ извѣстіи Кедрина о переложеніи довольно легкой натуральной по-

Библиотека "Руниверс"

дати въ денежную, что̀ вызвало недовольство и первое движеніе въ странѣ (Cedr. 11. 530).

Мы далеко не исчерпали всего содержанія, даваемаго лѣтописью Яхъи даже въ тѣсномъ кругѣ византійско-болгарскихъ отношеній. Такъ, нами не тронуты извѣстія его о войнѣ Святослава и Іоанна Цимисхія (прим. 143, стр. 177—185), и не тронуты только потому, что не находимъ здѣсь удобнымъ вдаваться въ провѣрку всей хронологіи царствованія Василія II. Эти извѣстія отличаются также особенностями, почерпнутыми, по всей вѣроятности, изъ хорошаго источника. „Яхъя относитъ дунайскій походъ Цимисхія къ 971 году. Пять мѣсяцевъ этого года стояли египетскія войска предъ Антіохіей, и въ это самое время I. Цимисхій находился въ Болгаріи, воюя ее“ (б. Розенъ, стр. 182). Вниманію византинистовъ можно рекомендовать еще слѣдующее мѣсто, заслуживающее комментарія. Послѣ разказа о смерти Василія Яхъя говоритъ о его преемникѣ (Извлеченія, стр. 69—70): „И отпустилъ онъ всѣхъ заключенныхъ въ темницы участниковъ возстанія Фоки и Ксифія, равно какъ другихъ преступниковъ. И роздалъ придворнымъ должности по разрядамъ ихъ и сложилъ съ обитателей Греческой земли недоимки и взимавшіеся съ нихъ доходы съ (тѣхъ) не обработываемыхъ царскихъ имѣній, которыя находились въ сосѣдствѣ каждой группы ихъ (обитателей земли Греческой), до тѣхъ поръ, пока они не будутъ опять обработаны“. Но по поводу этого мѣста нужно ждать дополнительныхъ объясненій отъ б. Розена. Такъ, было бы желательно знать, тѣсный или широкій смыслъ заключается въ арабскомъ текстѣ въ тѣхъ оборотахъ, которые переданы на русскомъ въ словахъ „по разрядамъ“ и „каждой группы“, и нельзя ли допустить другаго перевода, если отправляться изъ греческихъ словъ: „митрокомія“, „комитура“ или славянскихъ: „община“ и „задруга“.

Переходимъ къ извѣстіямъ Яхъи о Руси.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время вопросъ о крещеніи Руси и о походѣ Владиміра на Корсунь пріобрѣлъ особую привлекательность, обратившую къ нему пытливое вниманіе ученыхъ самыхъ разныхъ спеціальностей. Новая и освѣжающая струя потекла въ эту отдаленную древность изъ двухъ, какъ оказалось, мало разработываемыхъ источниковъ—изъ изученія византійскихъ и арабскихъ памятниковъ. На сколько мы понимаемъ современное положеніе этого вопроса съ точки зрѣнія новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ византійскихъ и арабскихъ источниковъ, теперь предстоитъ задача: а)

Библиотека "Руниверс"

подвести итогъ арабскимъ извѣстіямъ, касающимся крещенія Руси при Владимірѣ; б) поставить въ связь эти извѣстія съ сохранившеюся византійскою традиціей, тщательно отмѣтивъ детальныя несогласія, ибо въ общемъ тѣ другія, какъ извѣстно, гораздо ближе между собой, чѣмъ къ русскому преданію; в) отдавать предпочтеніе восточной традиціи предъ византійскою, объясняя несогласія между ними въ томъ смыслѣ, что Арабы пользовались хорошимъ византійскимъ источникомъ, который пока нужно считать утраченнымъ. Попытаемся взглянуть съ этой стороны на сообщаемый Яхъей матеріалъ, такъ какъ говорить объ общемъ значеніи извѣстій Араба значило бы повторять ранѣе насъ сказанное профессоромъ Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки, Журн. М. Н. Просв., апрѣль 1876; Варяго-Русская дружина, тамъ же ноябрь 1874), академикомъ Куникомъ (О запискѣ готскаго топарха, С.-Пб. 1874), и наконецъ, самимъ издателемъ Яхъи, барономъ Розеномъ (прим. стр. 194—198, 212—224).

Сопоставимъ сначала Яхъю и пользовавшагося имъ ал-Макина.

Б. *Розенъ*, Извлеченія, стр. 23—24.

И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ середу, день праздника креста, 14 айлуля (сентября) 1298 (987), то-есть джумады 1 377 и овладѣвъ страною Грековъ до Дорилеи и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опасно дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощались его богатства и побудила его нужда послать къ царю Русовъ—а они его враги—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они

Текстъ ал-Макина въ указанныхъ выше статьяхъ гг. *Куника* и *Васильевскаго*.

И взбунтовался открыто Варда Фока и приглашалъ (людей) признать его за царя во второмъ Джумада 377 года, и овладѣлъ всѣми землями Руссъ (Грековъ) до берега моря.

И стало важнымъ дѣло его, и боялся его царь Василій болѣзнію великою.

И истощились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Русовъ; они же были его врагами; и онъ просилъ у него помощи. И царь Русовъ согласился на это, и просилъ свойства съ нимъ. И женился царь Русовъ на сестрѣ Василія, царя Грековъ, послѣ того какъ онъ (Василій) поставилъ условіемъ принятіе христіанства и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. И не было у нихъ до этого времени религіознаго закона и не вѣровали они ни во что. И они—народъ великій, и съ этой по-

Библиотека "Руниверс"

окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска Русовъ также и соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку и завладѣлъ царь Василій приморскою областію и захватилъ всѣ суда, которыя были въ рукахъ у Фоки. И уже послалъ царь Василій, послѣ того какъ войска Фоки расположились въ окрестностяхъ Константинополя и завладѣли областью востока, магистра Таронита моремъ въ Требизондъ.... И дошла до нихъ (то-есть на востокъ, дѣйствовалъ Таронитъ) въ эту пору вѣсть о побѣдѣ войскъ царя Василія надъ Фокою на морѣ въ Хрисополѣ.... И выступилъ царь Василій и братъ его Константинъ со своими войсками и съ войсками Русовъ и столкнулись съ Вардою Фокою въ Абидосѣ—а это близко отъ берега Константинопольскаго—и побѣдили Фоку; и былъ онъ убитъ въ субботу 13 нисана (апрѣля) того же года, то-есть третьяго Мухаррема 379, и была голова его принесена въ Константинополь и тамъ выставлена. И была продолжительность его бунта одинъ годъ и семь мѣсяцевъ.

ры всѣ они стали христіанами по сіе время.

И отправился царь Русовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ.

И они оба сговорились пойдти на встрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ и обратили его въ бѣгство, и завладѣлъ Василій всѣмъ своимъ государствомъ.

и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его 3-го Мухаррема 379 года;

и была голова его принесена въ Константинополь и тамъ выставлена. И была продолжительность бунта его одинъ годъ и семь мѣсяцевъ.

Б. Розенъ сравнилъ оба эти извѣстія и отмѣтилъ главнѣйшія отступленія. Кратко говоря, сравненіе обоихъ историковъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Ал-Макинъ сокращалъ Яхью, отбрасывая не только точныя и подробныя даты, но частію детали изложенія. Такъ онъ выпустилъ мѣстныя имена изъ разказа о движеніи Фоки; точно также выбросилъ мѣстныя имена въ повѣствованіи о побѣдѣ, одержанной надъ Фокой даремъ Василіемъ, что̀ не выгодно отразилось на цѣломъ его разказѣ; ни словомъ не упомянулъ о посольствѣ Таронита на востокъ. Но независимо отъ этого, встрѣчаемъ у него неточность въ передачѣ смысла источника, отчего получается

Библиотека "Руниверс"

спутанность въ преемственномъ и послѣдовательномъ развитіи отдѣльныхъ чертъ разказа: посылка митрополитовъ и сестры царя Василія, отмѣченная у Яхъи прибавкой „впослѣдствіи“ (значеніе этой прибавки хорошо понялъ б. Розенъ, стр. 196). Самое же главное отличіе ал-Макина, это—прибавка такой черты, которой нѣтъ въ его источникѣ, и которая свидѣтельствуетъ о личномъ участіи князя Владиміра въ войнѣ Василія II съ Вардой Фокой. Это уже такое важное отступленіе, которое, если не считать его вмѣстѣ съ б. Розеномъ (примѣч. стр. 200) комбинаціей самого писателя, возбуждаетъ вопросъ о томъ, не пользовался ли ал-Макинъ еще и другимъ, кромѣ Яхъи, источникомъ.

Но намъ слѣдуетъ еще нѣсколько остановиться на выясненіи восточной традиціи. Вопервыхъ, существуетъ турецкій переводъ ал-Макина, „въ которомъ“—пользуемся здѣсь словами б. Розена—„есть опять нѣсколько варіантовъ, указывающихъ на то, что рукопись, по которой Турокъ переводилъ, кое въ чемъ разнилась отъ другихъ списковъ ал-Макина“. Этотъ турецкій переводъ или, лучше сказать, изложеніе, повторяетъ указанную выше черту о походѣ самаго Владиміра въ Константинополь. „Затѣмъ царь Русовъ, собравъ большое войско, пришелъ, и соединившись съ Василіемъ, они напали съ моря и съ суши на Варду Фоку и побѣдили Варду Фоку“ (б. Розенъ, стр. 199). Вовторыхъ, въ частностяхъ нѣсколько отличающуюся, но въ общемъ сходную традицію сохранилъ Ибнъ-ал-Атиръ, жившій нѣсколько ранѣе ал-Макина (первый умеръ въ 1233, второй—въ 1273 году). У него о крещеніи Руси сообщается слѣдующее (б. Розенъ, стр. 201): „И перешелъ Вардисъ проливъ и осадилъ Константинополь. И были въ немъ два царя, сыновья Арманусa, то-есть Василій и Константинъ. И онъ притѣснилъ ихъ, и послали они тогда пословъ къ царю Русовъ и просили у него помощи и женили его на одной ихъ сестрѣ. И отказалась она отдать себя человѣку неодинаковой съ нею религіи, и принялъ онъ тогда христіанство. И было это началомъ христіанства у Русовъ. И женился онъ на ней и пошелъ на встрѣчу Вардису, и они сражались и воевали, И былъ убитъ Вардисъ, и оба царя утвердились въ своей власти“. Въ началѣ у него находится черта, которою не слѣдуетъ пренебрегать: Варда Фока на пути въ страны Грековъ успѣлъ склонить на свою сторону бедуиновъ и возбудилъ ихъ жадность обѣщаніемъ жалованья и добычи. Извѣстіе Ибнъ-ал-Атира, по нашему разумѣнію, не вполнѣ оцѣнено ни б. Розеномъ, ни г. Васильевскимъ.

Библиотека "Руниверс"

Возстановляя восточную традицію, мы не должны пренебрегать ни одною чертой уже, потому что каждая можетъ пригодиться впослѣдствіи, когда открытъ будетъ византійскій источникъ, а до того времени нельзя приступать къ выбору болѣе или менѣе правдоподобныхъ деталей. И такъ, основныя черты извѣстія этого писателя заключаются, при всѣхъ сходствахъ съ предыдущими, въ слѣдующихъ отступленіяхъ: Варда Фока, въ отрядѣ котораго были между прочимъ бедуины, держалъ Константинополь въ осадѣ, перешедши проливъ; съ этимъ хорошо вяжется и послѣдующее слово „притѣснилъ". Довольно неясныя въ изложеніи Яхъи и неточныя у ал-Макина извѣстія о ходѣ переговоровъ или вообще о послѣдовательности событій, касающихся женитьбы, посылки митрополитовъ и военной помощи, въ изложеніи Ибнъ-ал-Атира получаютъ новое освѣщеніе, если только допустить, совершенно впрочемъ необходимую и законную, поправку: не „женили его", а обручили его, ибо иначе было бы не возможно ей „отказаться" отъ брака. При этомъ находимъ такую весьма естественную зависимость событій, сближающую разказъ Ибнъ-ал-Атира съ повѣствованіемъ Яхъи. Политическій союзъ Византіи съ Русью сопровождался обрученіемъ, а послѣ того была женитьба, которая обусловливала крещеніе. Наконецъ, этотъ писатель, по всѣмъ вѣроятіямъ независимый отъ предыдущихъ, также утверждаетъ личное присутствіе князя Владиміра во время войны съ Вардой Фокой.

Соединяя отдѣльныя черты всѣхъ писателей, мы получимъ общій типъ восточной традиціи о крещеніи Руси. Этотъ типъ характеризуется слѣдующими признаками:

1) Поставленный въ безвыходное положеніе возстаніемъ и военными успѣхами Варды Фоки (= осадившаго Константинополь по ал-Атиру), Византійскій императоръ нашелся вынужденнымъ обратиться за помощію къ Русскимъ.

2) Русскіе были во враждѣ съ Византіей. — Это извѣстіе находится у тѣхъ писателей, которые сообщаютъ ранѣе нѣкоторыя подробности о византійско-болгарскихъ отношеніяхъ (Яхъя и ал-Макинъ). Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, здѣсь находится подтвержденіе тому, что Владиміръ участвовалъ въ греко-болгарской войнѣ 986 года.

3) Переговоры о военной помощи повели къ договору о свойствѣ.

4) Но осуществленіе одной части договора встрѣтило препятствія, о которыхъ даетъ понять выраженіе Яхъи: „послѣ того какъ онъ поста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ ему условіе" и „впослѣдствіи", а равно фраза ал-Атира: „но она отказалась".

5) Бракъ греческой царевны съ Русскимъ княземъ послѣдовалъ за крещеніемъ этого послѣдняго.

6) Военная помощь оказана „когда было рѣшено дѣло о бракѣ" (Яхъя), или что̀ то же: „женился онъ на ней и пошелъ на встрѣчу Вардѣ" (ал-Атиръ).

7) Князь Владиміръ лично участвовалъ въ походѣ (Яхъя этого не отрицаетъ, другіе же категорически утверждаютъ).

8) Варда Фока пораженъ былъ союзными войсками въ двухъ сраженіяхъ при Хрисополѣ и Абидосѣ (Яхъя).

Довольно слабыя опоры находимъ лишь для оправданія 5-го и 6-го положенія, которыя естественно должны лучше выясниться на основаніи либо византійскаго, либо русскаго преданія. Но въ другихъ отношеніяхъ арабская традиція имѣетъ на своей сторонѣ значительную степень правдоподобности, а главное—послѣдовательности и соотвѣтствія между частями. Само собою напрашивается еще замѣчаніе, что личный походъ въ Константинополь князя Владиміра, утверждаемый Арабами, не предполагаетъ необходимо участія его въ обоихъ сраженіяхъ съ Вардой Фокой и, слѣдовательно, не стоитъ въ неразрывной связи съ общимъ вопросомъ о военной помощи.

Легкое дополненіе къ арабской традиціи представляетъ извѣстіе армянскаго историка Асохика, относящееся къ 1000 году. Асохикъ разказываетъ здѣсь случай, имѣвшій мѣсто въ византійскомъ отрядѣ, бывшемъ тогда въ Арменіи: „Изъ пѣхотнаго отряда Рузовъ какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ (Грузинъ) и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь къ Рузу другой Рузъ. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые прибѣжавъ убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа" (Васильевскій, Варяго-Русская дружина, I, 125). Свидѣтельство Асохика въ сущности даетъ дополненіе къ 3-му пункту арабской традиціи. Шеститысячный русскій корпусъ можетъ быть разсматриваемъ независимо отъ крещенія Руси, то-есть, онъ могъ быть посланъ прежде, чѣмъ осуществлены были другія статьи византійско-русскаго договора. Иначе говоря, князь Владиміръ могъ быть

Библиотека "Руниверс"

подъ Константинополемъ не вслѣдствіе просьбы о помощи, а по другимъ причинамъ и нѣсколько позже (рекомендуемъ остроумный анализъ мѣста Яхьи у б. Розена, стр. 197—198).

Вторая задача критики должна направляться къ сличенію арабской традиціи съ византійскою. Эта задача была уже поставлена прежде насъ, и для рѣшенія ея мы можемъ воспользоваться готовыми матеріалами, собранными г. Васильевскимъ и б. Розеномъ. Византійскій взглядъ на занимающія насъ событія несомнѣнно утраченъ. То, что сохранилось, не выдерживаетъ сравненія съ послѣдовательною, относительно полною и опирающеюся на хронологію восточною традиціей. Общій взглядъ на отрывочныя и случайныя византійскія извѣстія даетъ В. Г. Васильевскій: „Самая важная особенность арабскихъ разказовъ, въ сравненіи съ извѣстными доселѣ византійскими, состоитъ въ томъ, что они прямо и рѣшительно ставятъ обращеніе Русскаго князя въ христіанство, или точнѣе, его крещеніе, въ связь съ политическими событіями времени. Византійцы говорятъ только о помощи, оказанной Русскими въ самую критическую минуту, о прибытіи на помощь Василію русскаго союзнаго корпуса; только мимоходомъ и буквально въ скобкахъ сообщаютъ они о заключеніи брачнаго союза между Кіевскимъ княземъ и Византійскимъ императорскимъ домомъ; о крещеніи же Владиміра они всѣ умалчиваютъ. Левъ Діаконъ, современникъ событій, и Пселлъ, другой самостоятельный писатель, проходятъ молчаніемъ самый брачный договоръ". Словомъ, Арабы лучше знаютъ спеціальный вопросъ русской исторіи, чѣмъ Византійцы. Но попытаемся собрать отдѣльныя черты византійскихъ извѣстій.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Пселла. Онъ даетъ подробныя свѣдѣнія о возмущеніи Склира и Фоки, при чемъ нѣкоторыми чертами подтверждаетъ арабскую традицію, почти сближаясь съ взглядомъ ал-Атира (см. выше пунктъ 1-й восточной традиціи): οἳ μὲν οὖν τάξεσι καὶ παρεμβολαῖς ἐπεποίθεσαν, καὶ μέχρι τῆς Προποντίδος καὶ τῶν παραλίων ἐν ταύτῃ χωρίων κατεληλύθεσαν, ἐπ ἀσφαλοῦς τοὺς χάρακας θέμενοι, καὶ μονονοῦ ὑπεράλλεσθαι καὶ αὐτὴν ἐπιχειροῦντες τὴν θάλασσαν. Sathas, Bibl. Graeca. IV. p. 10. Но вслѣдъ за этими словами идущее извѣстіе о Руси далеко не отличается ни точностью, ни подробностью: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ незадолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

противу расположенной на другой сторонѣ фаланги". Это значитъ, что Пселлъ выпустилъ все содержаніе арабской традиціи и ограничился передачей только послѣдняго пункта изъ нея, и то съ опущеніемъ мѣстныхъ именъ.

Въ вопросѣ о пораженіи Фоки, согласно съ Арабами, онъ различаетъ два момента—сраженіе при Хрисополѣ и Абидосѣ; въ томъ и другомъ можно предполагать участіе Русскихъ. Другой греческій писатель Кедринъ (ed. Bonn., II, p. 444) сообщаетъ не безынтересныя свѣдѣнія о расположеніи войскъ Варды Фоки: одна часть подъ начальствомъ Дельфины стояла у Хрисополя, другая подъ личнымъ начальствомъ Фоки—въ Абидосѣ: τὸ δὲ λοιπὸν ἅπαν τῆς στρατιᾶς ἄγων μεθ' ἑαυτοῦ κάτεισιν εἰς Ἄβυδον, ἐλπίσας οὕτω κατεχομένων τῶν στενῶν πεπιεσμένους ἐνδείᾳ πασαστήσεσθαι τοὺς πολίτας—мѣсто особенно важное для объясненія двойной битвы. Но самое свидѣтельство о Русскихъ только одною чертой, и притомъ отмѣченною мимоходомъ, отличается отъ приведеннаго мѣста Пселла. „Императоръ... приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь (ибо ему удалось призвать изъ нихъ союзную силу и сдѣлать затемъ князя ихъ Владиміра по сестрѣ своей Аннѣ); переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки". Далѣе описывается отдѣльное сраженіе съ Фокой, въ которомъ участвовали оба брата, Василій и Константинъ, но съ опущеніемъ находящагося у Пселла, намека на присутствіе Русскихъ.

Третій историкъ, Зонара, уже ни одной новой черты не прибавляетъ къ свидѣтельствамъ первыхъ двухъ (Zonarae, ed. Dindorfii VI, p. 114): „Фока, вручивъ часть войска патрицію Дельфинѣ, посылаетъ его въ Хрисополь, что̀ противъ столицы; самъ же съ остальною силой пришелъ къ Абидосу. На Дельфину, расположившагося въ Хрисополѣ, неожиданно напалъ царь съ Русскимъ народомъ, потому что онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ, и легко одержалъ верхъ... Потомъ идетъ къ Абидосу съ братомъ Константиномъ". Совершенно отдѣльно стоитъ глава Льва Діакона (ed. Bonn. p. 173), близкая къ извѣстію ал-Атира по описанію осаднаго положенія столицы: ἐφρούρει τὸν τοῦ Ἑλλησπόντου πορθμόν.

Легко замѣтить, какъ бѣдны византійскія извѣстія сравнительно съ восточными. Собственно говоря, здѣсь излишне было бы говорить о традиціи, которой нѣтъ. Возвращаясь къ основнымъ положеніямъ

Библиотека "Руниверс"

восточнаго взгляда, мы можемъ сказать, что Византійцы не передаютъ съ удовлетворительною полнотой ни одной черты, за исключеніемъ означенной подъ пунктомъ 8-мъ, и только частію затронули еще двѣ черты (пункты 1-й и 3-й), лишивъ ихъ однако того освѣщенія и исторической обстановки, въ которой онѣ являются у Арабовъ. Хотя недостатки византійскихъ извѣстій слишкомъ очевидны, тѣмъ не менѣе не безполезно будетъ формулировать ихъ.

1) Византійцы тщательно избѣгаютъ намековъ на стѣснительное положеніе, въ которое былъ поставленъ царь Василій. Только одна фраза — τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνωκώς — выдаетъ Пселла и позволяетъ думать, что онъ имѣлъ основаніе, если бы захотѣлъ, сказать съ Яхъей: „И стало опасно дѣло его... и побудила его нужда“ и проч. Освобождая своихъ читателей отъ не совсѣмъ пріятныхъ воспоминаній, которыя однако могутъ быть возстановлены на извѣстной новеллѣ Василія II и по свидѣтельству Льва Діакона (Васильевскій, 118), византійскіе писатели уже легко могли пропустить и вынужденное политическою необходимостью посольство къ Русскимъ. Вслѣдствіе того

2) не было необходимости говорить о враждебныхъ отношеніяхъ Руси къ Византіи;

3) не было нужды говорить о переговорахъ: это было бы равносильно искательству, а писатели передаютъ такой взглядъ, яко бы вспомогательный отрядъ изъ Руси пришелъ случайно или самъ собой.

4) Такъ какъ устраненъ элементъ просьбы, обращенной къ князю Владиміру, то оказались излишни подробности о томъ, съ какими препятствіями соединено было исполненіе заключеннаго между Русью и Византіей договора.

5) О бракѣ Владиміра говорятъ мимоходомъ, соединяя эту статью съ дѣйствіями вспомогательнаго отряда. Этимъ мимоходнымъ замѣчаніемъ Византійцы передаютъ черты арабской традиціи въ пунктахъ 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 8-мъ. Никто изъ Византійцевъ не ставитъ брачный союзъ въ связь съ крещеніемъ, о послѣднемъ хранится молчаніе.

6) Не объясняется, была ли связь между посылкой вспомогательнаго отряда и брачнымъ союзомъ.

7) Ни одинъ изъ приведенныхъ писателей не говоритъ о походѣ князя Владиміра въ Константинополь и о личномъ его участіи въ войнѣ съ Вардой Фокой. Хотя мы лично глубоко увѣрены въ справедливости на этотъ счетъ арабскаго воззрѣнія и, слѣдовательно,

Библиотека "Руниверс"

должны бы были съ благодарностью послѣдовать за В. Г. Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки II, стр. 150—151), усматривающимъ указаніе на личное присутствіе князя Владиміра въ текстѣ Пселла (λογὰς ἀξιόμαχος) и въ латинскомъ переводѣ Скилицы, тѣмъ не менѣе, считая эти мѣста не совсѣмъ убѣдительными, удерживаемъ за собою сдѣланный выше выводъ, что Греки не говорятъ объ участіи Владиміра въ войнѣ съ Вардой Фокой.

8) Относительно двойной битвы при Хрисополѣ и Абидосѣ совпадаютъ арабскія и византійскія извѣстія.

Само собою разумѣется, уже сами по себѣ поучительны умолчанія византійскихъ писателей. Нѣкоторыя изъ этихъ умолчаній легко объясняются политическими соображеніями, патріотизмомъ, или же наконецъ, просто побужденіями послѣдовательности: выпущенъ исходный моментъ, становятся не нужны и ближайшіе выводы. Но этимъ путемъ нельзя объяснить умолчаній по двумъ очень важнымъ вопросамъ: о крещеніи Руси и участіи Владиміра въ войнѣ. Если можно разсуждать о томъ, что позднѣйшіе историки утратили память объ этихъ событіяхъ и не позаботились справиться съ хорошими источниками, которые, напримѣръ, были доступны Яхъѣ, то никакъ нельзя того же сказать о Львѣ Діаконѣ, написавшемъ, между прочимъ, главу о возмущеніи Варды Фоки. Мы видѣли, что и арабскія, и византійскія извѣстія говорятъ о Руси именно по связи съ этимъ вопросомъ; слѣдовательно, у ближайшаго современника и жителя Константинополя, который притомъ же не имѣетъ себѣ равнаго по знакомству съ Русью, мы тѣмъ болѣе имѣли бы основаній встрѣтить нужныя намъ данныя. Но Левъ Діаконъ (р. 173—174) въ главѣ о двойной побѣдѣ надъ Вардой Фокой нашелъ возможнымъ вполнѣ устранить вопросъ объ услугахъ, оказанныхъ русскимъ княземъ, а слѣдовательно о крещеніи и о прочемъ. Какъ будто Византія устыдилась того, что просвѣтила Россію христіанствомъ, будто для духовнаго лица не могло составлять удовольствія говорить о широкихъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ христіанскою вѣрой! Умолчанія Льва Діакона болѣе знаменательны, чѣмъ сокращенія у другихъ писателей. Объясненіе этому нужно искать, однако, у него же.

Совершенно справедливо оказано б. Розеномъ вниманіе находящимся у Яхъи (Извлеченія, стр. 26, 28—29, и примѣч. стр. 214 и слѣд.) извѣстіямъ о знаменіяхъ и бѣдствіяхъ, случившихся въ 989 году, которымъ посвящена также глава и у Льва Діакона. Разборомъ извѣстій о знаменіяхъ занимался и профессоръ Васильевскій въ статьѣ

Библиотека "Руниверс"

объ ал-Макинѣ. Важность этихъ извѣстій усматривается изъ слѣдующаго: Левъ Діаконъ (p. 175) говоритъ, что эти знаменія были предвѣстниками страшныхъ бѣдствій, и между прочимъ огненные столбы предсказывали послѣдовавшее затѣмъ взятіе Корсуни Русскими и Верріи Болгарами, то-есть, Левъ Діаконъ даетъ хронологическую опору для одного событія, составляющаго камень преткновенія и соблазна для русскихъ историковъ. Арабы (Яхъя и ал-Макинъ) и на этотъ разъ послужили русской исторіи, обозначивъ время знаменій и бѣдствій. Профессору Васильевскому удалось доказать, что Корсунь взята позже апрѣля 989 г., баронъ Розенъ нашелъ возможнымъ расширить хронологическіе выводы: огненные столбы были видны 7-го апрѣля, но 27-го іюля показалась комета; первые съ точки зрѣнія византійскаго историка предвѣщали нашествіе Русскихъ на Корсунь, вторая—землетрясеніе 25-го октября. Совершенно законный выводъ, что первое бѣдствіе послѣдовало ранѣе появленія кометы, то-есть, взятіе Корсуня Русскими случилось раньше 27-го іюля, примѣрно въ іюнѣ или въ началѣ іюля. Нѣтъ сомнѣнія, что такой выводъ влечетъ за собою важныя послѣдствія въ примѣненіи къ сказанію о корсунскомъ походѣ въ русской лѣтописи и къ обстоятельствамъ крещенія князя Владиміра. Но этого мы не будемъ касаться.

Наши изслѣдователи не взвѣсили вытекающихъ отсюда послѣдствій для критики византійскаго взгляда на событія 989 года. Возвращаясь къ умолчаніямъ Льва Діакона о Руси въ главѣ, описывающей войну съ Вардой Фокой, напомнимъ, что всѣ другіе византійскіе писатели именно по поводу дѣлъ съ Вардой Фокой упоминаютъ о русскомъ вспомогательномъ отрядѣ. При этомъ замѣчается небольшая странность, можетъ быть, имѣющая однако основанія. Болѣе компетентный писатель Михаилъ Пселлъ не считаетъ нужнымъ говорить, упоминая о русскомъ отрядѣ, о бракѣ князя Владиміра и царевны Анны; болѣе же поздніе и менѣе авторитетные относительно X вѣка — дѣлаютъ объ этомъ мимоходное замѣчаніе, въ скобкахъ прибавляя интересующую насъ фразу. Если фраза оброненa мимоходомъ—а въ этомъ нельзя сомнѣваться,—то ей можетъ быть не тутъ надлежащее мѣсто. Благодаря точнымъ хронологическимъ указаніямъ арабскихъ писателей, дѣйствія русскаго вспомогательнаго отряда пріурочиваются—послѣднее 13-го апрѣля 989 г. (побѣда надъ Фокой при Абидосѣ), первое (дѣло съ Дельфиной при Хрисополѣ) даже къ лѣту 988 г., и во всякомъ случаѣ между первымъ и вторымъ сраже-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ оказывается промежутокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Далѣе, то обстоятельство, что ни одинъ изъ греческихъ историковъ, за исключеніемъ Льва Діакона, не говоритъ о взятіи Русскими Корсуни, не можетъ въ глазахъ историка не имѣть значенія въ критикѣ византійскаго взгляда на крещеніе Руси. А можетъ быть, у Іоанна Скилицы-Кедрина и Зонары именно потому и оказался печальный пропускъ двухъ извѣстій — о крещеніи Руси и походѣ Владиміра въ Константинополь, что у нихъ же нѣтъ исходнаго момента для этихъ извѣстій — взятія Корсуни? Въ приложеніи къ Льву Діакону можно формулировать нашъ выводъ съ большею точностью: не потому онъ не говоритъ о Русскихъ въ главѣ о возмущеніи Варды Фоки, что желалъ или находилъ нужнымъ умолчать объ этомъ, а потому, что за посылкой вспомогательнаго отряда въ дѣйствительности не послѣдовало еще ни брачнаго союза, ни крещенія Руси: то и другое стояло въ связи и было послѣдствіемъ похода на Корсунь, сопровождавшагося также другими важными послѣдствіями (и между прочимъ, походомъ Владиміра на Константинополь). Въ дальнѣйшихъ выводахъ византійскій взглядъ ведетъ къ различенію двухъ группъ событій: политическій союзъ Византіи съ Русью, и присылка вспомогательнаго отряда (центральный пунктъ — возмущеніе Варды Фоки); брачный союзъ и крещеніе (центральный пунктъ—взятіе Корсуни).

Рядъ событій изъ послѣдней группы оттого и остался не выясненнымъ въ сохранившихся лѣтописяхъ, что въ нихъ пропущенъ Корсунскій походъ. А если это такъ, то за дополненіями къ византійской традиціи нужно обратиться къ русскимъ источникамъ, часть которыхъ дѣйствительно придаетъ походу на Корсунь первостепенное значеніе въ дѣлѣ обращенія великаго князя Владиміра. Нѣтъ сомнѣнія, что между русскими источниками окажутся и такіе, которые представляютъ собою отголосокъ арабско-византійской традиціи, иначе говоря—переводъ съ утраченнаго греческаго извѣстія. Таково, напримѣръ, слѣдующее, очевидно, переводное произведеніе:

„И въ днехъ царства ею (Константина и Василія) и абіе сниде Владиміръ князь Роусьный съ всею силою своею великою дажде и до самаго Цариграда съ враждою идый на царство греческое. Мановеніемъ божіимъ и благодатію Святаго Духа внезапу прѣложися отъ звѣринаго нрава на смиреніе божественное и бысть агня Христово въ мѣсто волка. И тако сіи пріимъ святое крещеніе и евангеліе Христово. И нарече имя ему царь

Библиотека "Руниверс"

на святомъ крещеніи Василеи" (А. Попова, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ. Москва, 1875; на это мѣсто обращено вниманіе у г. Васильевскаго, стр. 152). Арабская традиція должна будетъ потерпѣть несущественныя измѣненія, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) Нужно остановиться на болѣе точномъ показаніи Яхъи, что князя Владиміра не было, когда русскій вспомогательный отрядъ дѣйствовалъ противъ Варды Фоки, но что походъ его на Константинополь имѣлъ мѣсто послѣ апрѣля, именно въ іюнѣ или іюлѣ 989 г.

2) Нужно признать, что арабскіе писатели имѣли хорошія свѣдѣнія о занимающемъ насъ вопросѣ, которыя и позволили имъ отмѣтить разность между двумя рядами событій, наблюдаемую и въ извѣстіяхъ Византійцевъ. Но такъ какъ источникъ, изъ котораго черпалъ ближайшій къ событіямъ Яхъя, заключался или въ похвальномъ словѣ, или въ другомъ ораторскомъ произведеніи, то и Яхъѣ легко было бы не совсѣмъ точно передать эту разность. Такимъ образомъ не тогда была оказана военная помощь, когда было рѣшено дѣло о бракѣ, а бракъ и крещеніе послѣдовалъ за прибытіемъ князя Владиміра въ Константинополь, когда была оказана другая помощь, имѣющая отношеніе уже къ послѣдующему. О взятіи Корсуни Арабы не знаютъ.

Само собою разумѣется, все это ждетъ еще подтвержденія свидѣтельствомъ современнымъ. Но пока его нѣтъ, все же, по нашему мнѣнію, результаты арабско-византійской традиціи могутъ служить болѣе твердою опорой для выясненія византійско-русскихъ отношеній въ 986—989 году, чѣмъ русское преданіе, не приведенное съ ними въ связь.

Въ заключеніе не можемъ не порадоваться за счастливую мысль барона В. Р. Розена—посвятить свои знанія разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые такъ дороги и такъ важны для русской науки. Изданіе отрывковъ Яхъи должно возбудить въ византинистахъ и славистахъ новыя чаянія и надежды. Не все еще утраченное Византійцами можетъ считаться безвозвратно потеряннымъ для славянской и русской науки, если на помощь къ ней придутъ такіе ученые оріенталисты, какъ баронъ Розенъ. Труды, подобные представленному имъ, имѣютъ свойство — возбуждать духъ изслѣдованія и пытливости, оживлять науку и поддерживать интересъ къ вопросамъ, которые многими почитаются покончеными и сданными въ архивъ.

Ѳ. Успенскій.

Библиотека "Руниверс"

Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. *Н. М. Пржевальскаго.* Съ двумя картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. С.-Пб. 1883.

Имя г. Пржевальскаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ путешественниковъ по азіатскому востоку, сдѣлалось за послѣднее десятилѣтіе извѣстнымъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка. Еще въ 1870 г. онъ совершилъ и описалъ свое первое „Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ"; съ тѣхъ поръ и до времени послѣдней поѣздки въ Тибетъ, онъ, въ двукратно предпринимаемыхъ экспедиціяхъ, исходилъ около 15,000 верстъ по Монголіи и Восточному Туркестану; не мудрено поэтому, что когда г. Пржевальскій окончилъ свою новую и уже третью по счету поѣздку въ центральную Азію, при чемъ ему пришлось прослѣдить еще 7180 верстъ почти неизвѣстныхъ намъ мѣстъ, русское общество привѣтствовало его съ восторгомъ. Оно имѣло для сего полнѣйшее основаніе, и особенно потому, что пройденная г. Пржевальскимъ обширная страна давно уже манила къ себѣ для изслѣдованій географа, геолога и натуралиста, обѣщала дать богатые матеріалы этнографу, этнологу и лингвисту и для науки вообще представляла собою въ настоящее время гораздо болѣе интереса, чѣмъ какая-либо изъ неизвѣстныхъ странъ земнаго шара. Понятно отсюда, почему многими съ такимъ нетерпѣніемъ были ожидаемы коллекціи г. Пржевальскаго, и наконецъ, его книга, долженствовавшая описывать самое путешествіе и пройденныя экспедиціей мѣстности. Г. Пржевальскій не заставилъ долго ждать того и другаго: его коллекціи уже давно обработываются и описываются теперь учеными естествоиспытателями, а книга съ полнымъ интересомъ прочитана многими и вызвала нѣсколько лестныхъ реценэій почти вслѣдъ за выходомъ своимъ изъ печати. Между прочимъ одна изъ реценэій на книгу г. Пржевальскаго начинается слѣдующими словами: „Книга г. Пржевальскаго есть правдивое сказаніе о великомъ подвигѣ. Ея краснорѣчивое содержаніе, помимо научнаго интереса, исполнено высокой назидательности". Тотъ же рецензентъ утверждаетъ далѣе, что „отъ начала до конца прочтетъ эту книгу и спеціалистъ географъ, и заурядный читатель,—даже не особенный любитель географіи, принявшись за чтеніе путешествія, необходимо долженъ будетъ оцѣнить великую прелесть содержанія и мастерство изложенія" [1]).

[1]) *Новое Время* 1883 г., № 2594.

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительно, г. Пржевальскій долженъ стать въ ряду нашихъ лучшихъ литераторовъ-путешественниковъ: его книга совсѣмъ не походитъ на беллетристическое „Путешествіе по Китаю“ г. Пясецкаго, или на сухіе „Очерки сѣверо-западной Монголіи“ г. Потанина; нѣтъ, г. Пржевальскій съ строго научнымъ и серьезнымъ содержаніемъ умѣетъ соединить всегда такую простоту и легкость въ разсказѣ, что его книга понятна и интересна для каждаго. Словомъ, мы совершенно согласны съ тѣмъ, что г. Пржевальскій не только замѣчательный путешественникъ, но и даровитый писатель, ибо никто изъ Русскихъ не исходилъ еще такихъ громадныхъ пространствъ въ Азіи, никто не задавалъ себѣ такихъ смѣлыхъ и громадныхъ плановъ, никто не посягалъ на такія трудности и не преодолѣвалъ ихъ съ такою энергіей, никто наконецъ не бесѣдовалъ съ читателемъ въ такой простотѣ и живости о своихъ научныхъ изысканіяхъ, какъ г. Пржевальскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Пржевальскій стоитъ теперь въ ряду лучшихъ знатоковъ топографіи центральной Азіи. Прослѣдивъ въ предѣлахъ этой страны 22,260 верстъ, изъ которыхъ 11,470 положено имъ глазомѣрною съемкою на карту, онъ естественно изучилъ общій характеръ, направленіе, свойства и особенности горъ, рѣчекъ, пустынь и долинъ обширныхъ средне-азіатскихъ пространствъ. Никто лучше его поэтому не могъ бы представить общаго очерка центральной Азіи, и г. Пржевальскій въ настоящее время далъ намъ именно этотъ очеркъ, какъ результатъ своего путешествія изъ Зайсана, черезъ Хами, въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Очеркъ набросанъ мастерски и изобилуетъ массою новыхъ свѣдѣній, новыхъ научныхъ естественно-историческихъ и географическихъ фактовъ; но за всѣмъ тѣмъ, нельзя не сказать, что очеркъ этотъ не всегда и во всемъ понятенъ, не смотря на то, что отличается ясностью изложенія и по мѣстамъ даже блещетъ яркостью своихъ описаній. Человѣкъ, уже имѣющій понятіе о пройденныхъ г. Пржевальскимъ странахъ, прочитавъ его книгу, почувствуетъ, что у него прибавилось очень мало положительныхъ знаній, и что обращаться за справками къ этой книгѣ ему едва ли когда-нибудь придется; у незнакомаго же съ характеромъ средне-азіатскихъ пространствъ останутся въ головѣ лишь какія-то общія представленія о чемъ-то частномъ, при чемъ онъ навѣрное перемѣшаетъ характеристику джунгарской пустыни съ пустынями алашаньскими, или съ южно-монгольскою гоби. И это совершенно понятно, ибо какое же отчетливое представленіе можно пріобрѣсти, положимъ,

Библиотека "Руниверс"

о 200-верстномъ пространствѣ, если описаніе его изложено въ 10, 15 строкахъ, и не смѣшается ли въ представленіи читателя это пространство съ цѣлыми десятками другихъ такихъ же пространствъ, описанныхъ съ тою же общностью и краткостью? Таковъ общій результатъ прочтенія книги: усвоеніе ея свѣдѣній крайне трудно. Но кромѣ того, при чтеніи книги г. Пржевальскаго весьма часто возникаютъ вопросы, на которые читатель не находитъ въ ней ни какихъ отвѣтовъ, хотя, казалось бы, г. Пржевальскій долженъ былъ дать ихъ. Очень можетъ быть, что возникновеніе этихъ вопросовъ обусловливается ограниченностью нашихъ собственныхъ свѣдѣній въ географіи Азіи и массою знаній по этой части у г. Пржевальскаго; но вѣдь позволительно думать, что задача каждаго путешествія состоитъ именно въ томъ, чтобы сообщить и установить вѣрныя и обстоятельныя знанія, а не только возбуждать новые вопросы неопредѣленностью своихъ сообщеній. Въ особенности это должно относиться къ путешествіямъ по тѣмъ странамъ, которыя почти не извѣстны, и снаряженіе экспедицій въ которыя трудно по весьма многимъ обстоятельствамъ. Для насъ дорогъ въ этихъ случаяхъ каждый шагъ, сдѣланный и описанный путешественникомъ, поучительно именно описаніе каждой горы и каждой рѣки, которыя онъ видѣлъ, каждаго явленія, которое онъ наблюдалъ на своей дорогѣ. Сохранить эти частности возможно только въ точномъ дневникѣ, а не при общемъ обзорѣ; вотъ почему и кажется намъ неудачнымъ тотъ методъ, который принятъ г. Пржевальскимъ въ описаніи своего путешествія. Впрочемъ, взять тотъ или другой методъ — это дѣло личнаго вкуса, а потому намъ остается теперь послѣдовать за самымъ описаніемъ.

Зная, какъ трудно путешествовать въ такихъ дикихъ и непривѣтливыхъ пустыняхъ, какими богата центральная Азія, г. Пржевальскій начинаетъ книгу именно описаніемъ самаго снаряженія своего каравана. Онъ подробно разказываетъ о томъ, какіе именно и въ какомъ количествѣ были взяты имъ продовольственные запасы, какое было потребно для него боевое и охотничье вооруженіе, какіе приборы были взяты для научныхъ работъ, какія пригоднѣе всего были одежда, обувь и жилище для путниковъ; еще далѣе излагаетъ онъ свѣдѣнія о томъ, какія были взяты имъ деньги, каковъ былъ способъ ихъ упаковки, равно какъ и укладки всего багажа, какія животныя снаряжены были для провоза экспедиціи, и какой именно проводникъ оказался лучшимъ для ея цѣлей. Слышать все это изъ устъ г. Пржевальскаго, какъ опытнаго путешественника по Азіи, конечно,

Библиотека "Руниверс"

весьма поучительно, и послѣдующіе за нимъ начальники экспедицій, особливо новички въ дѣлѣ, должны будутъ выразить ему за это сообщеніе особенную благодарность. За симъ, окончивъ снаряженіе каравана, г. Пржевальскій выступилъ изъ Зайсанскаго поста 21-го марта 1879 года и такимъ образомъ началъ свое путешествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе онаго.

Первая глава этого описанія заключаетъ въ себѣ путь г. Пржевальскаго отъ Зайсана по Чжунгаріи, долинами рѣкъ Угрунгу и Булгуна. Помянутыя мѣстности до нѣкоторой степени уже были намъ извѣстны изъ дневныхъ путевыхъ записокъ гг. Потанина и Пѣвцова, почему, вѣроятно, г. Пржевальскій и не представляетъ описанія означенной страны съ должною полнотой, а лишь въ немногихъ строкахъ излагаетъ всѣ свои замѣчанія о 175-верстномъ пространствѣ, лежащемъ между Зайсанскимъ постомъ и озеромъ Улюнгуромъ. Съ тою же краткостію повторяетъ онъ нѣкоторыя показанія своихъ предшественниковъ и относительно самаго этого озера, прибавляя къ нимъ только замѣтку, что „рыболовство въ озерѣ Улюнгурѣ совсѣмъ не производится“. Однако достовѣрно извѣстно, что Торгоуты, живущіе нынѣ по восточному берегу озера Улюнгура, получаютъ именно отъ этого рыболовства, равно какъ и отъ охоты на обильно плодящихся по этимъ мѣстамъ сайгаковъ, главныя средства для своего существованія [1]). Но оставляя въ сторонѣ эти извѣстныя намъ пространства, равно какъ и краткое описаніе китайскаго города Булунь-тохоя, перейдемъ къ менѣе знакомой намъ рѣкѣ Урунгу, на берега которой вышелъ г. Пржевальскій въ 4 верстахъ отъ названнаго города.

---

[1]) Эти Торгоуты прежде кочевали въ горахъ Салбурту и имѣли у себя значительное скотоводство; но въ 1872—1873 гг. постоянными нападеніями Кизильаховъ они были приведены въ совершенное разстройство, потеряли весь свой скотъ и съ тѣхъ поръ должны были оставить свои старыя кочевья. Переселившись къ озеру Улюнгуру, они въ недавнее время завели здѣсь свои пашни, которыя располагаются теперь также на восточной сторонѣ Улюнгура, верстахъ въ 10 отъ города Булунь-тохоя. Кочевой образъ жизни Торгоуты эти уже совершенно покинули и только лѣто проводятъ въ своихъ войлочныхъ юртахъ, а на зиму переходятъ въ хижины изъ сырцоваго кирпича, которыя построены ими тутъ же на пашняхъ. Въ 1878 г. кобдоскій амбань доносилъ китайскому министерству въ Пекинѣ, что эти Торгоуты отказались отъ содержанія почтовыхъ станцій между городами Чугучакомъ и Кобдо, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что скотоводства они у себя не имѣютъ и при крайне незначительномъ земледѣліи пропитываютъ себя только охотою да рыболовствомъ изъ озера Улюнгура.

Библиотека "Руниверс"

Мѣстности, залегающія по этой рѣкѣ, до настоящаго времени были пройдены только г. Пѣвцовымъ, да и то лишь въ нижнемъ и въ среднемъ теченіяхъ этой рѣки, верховья же Урунгу, равно какъ и тянущаяся отсюда на сѣверо-востокъ рѣка Булгунъ, были для насъ положительною terra incognita. Понятенъ отсюда весь интересъ точнаго описанія этой рѣки. „Истоки Урунгу", говоритъ г. Пржевальскій,—„лежатъ въ южномъ Алтаѣ, длина же всего ея теченія, принимая за вершину рѣку Чингиль, около 450 верстъ". Здѣсь помимо общаго обозначенія истоковъ рѣки Урунгу (которые, впрочемъ, можно опредѣлить тѣми же словами, взглянувъ на Д'анвилеву карту прошлаго столѣтія), является новостью каждое слово г. Пржевальскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ словомъ возбуждаются и новые вопросы. Прежде всего, напримѣръ, для насъ рѣшительно не ясно, почему г. Пржевальскій принимаетъ за вершины рѣки Урунгу рѣку Чингиль, если до сего времени и по всеобщему убѣжденію признавалась таковою вершиною рѣка Булгунъ? Объ этомъ при слѣдованіи г. Пѣвцова по той же рѣкѣ Урунгу заявляли ему мѣстные Торгоуты [1]); точно также и г. Потанинъ, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, категорически утверждаетъ, что „рѣка Булгунъ въ нижнемъ своемъ теченіи называется Урунгу" [2]); то же переименованіе Булгуна утверждаютъ, наконецъ, и китайскіе географы [3]). Спрашивается теперь: на чемъ же основываетъ свое мнѣніе г. Пржевальскій? Произвелъ ли онъ какое-либо новое изслѣдованіе по этому вопросу? Отвѣтовъ на это мы не находимъ, если только не считать за отвѣты то новое сообщеніе г. Пржевальскаго, что „Чингиль рѣка главная по величинѣ", и что „Булгунъ длиною менѣе Чингиля". Но что̀ значитъ „рѣка главная по величинѣ", и какую именно величину разумѣетъ здѣсь г. Пржевальскій? Если слова эти суть видоизмѣненіе того же сообщенія, что „Булгунъ длиною менѣе Чингиля", то опять-таки это утвержденіе требуетъ основательныхъ изслѣдованій и подтвержденій, ибо по китайскимъ свѣдѣніямъ намъ извѣстно, что Булгунъ до переименованія его въ Урунгу течетъ на пространствѣ свыше 435 китайскихъ ли (около 230 верстъ), а теченіе Чингиля, отъ истоковъ его до устья, имѣетъ протяженіе только на 250 ли (около 130 верстъ) [4]). Изъ сказаннаго явствуетъ, что г. Пржевальскому не-

[1]) *Пѣвцовъ*, Путевыя очерки Чжунгаріи, стр. 34.

[2]) *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, т. I, стр. 67.

[3]) Си-юй-шуй-дао-цзи, цзюань 5, л. 18.

[4]) Ibid., л. 17.

Библиотека "Руниверс"

обходимо было объяснить, какія именно свѣдѣнія были добыты имъ о рѣкѣ Чингилѣ, и на какихъ основаніяхъ принимаетъ онъ эту рѣку за вершины Урунгу; иначе сообщеніе его только запутываетъ наши географическія познанія объ этомъ краѣ, а равно и заключеніе его объ общей длинѣ рѣки Урунгу не можетъ почитаться основательнымъ.

Характеризуя болѣе частнымъ образомъ нижнее теченіе рѣки Урунгу, г. Пржевальскій замѣчаетъ, что „вообще она течетъ какъ бы въ глубокой рытвинѣ. Дно этой рытвины, расширяющейся верстъ на 15, въ низовьяхъ описываемой рѣки футовъ на 300, 400 ниже ея окрестностей. Послѣднія представляютъ сначала, то-есть, въ нижнемъ теченіи рѣки, необозримую, слегка шероховатую равнину, которая далѣе къ востоку начинаетъ волноваться небольшими увалами, горками и скалистыми холмами, а затѣмъ, въ верховьяхъ той же Урунгу, переходитъ въ настоящую горную страну южнаго Алтая".

Комментарій къ этой характеристикѣ мы можемъ найдти у г. Пѣвцова, который, болѣе обстоятельно изложивъ характеръ этого плоскогорія, пришелъ къ положительному заключенію, что увалы, горки и холмы его носятъ на себѣ всѣ признаки распавшихся на мѣстѣ горъ. Было бы, конечно, весьма интересно пополнить эти изслѣдованія и слышать заключенія г. Пржевальскаго по сказанному вопросу; но послѣдній обходитъ это полнымъ молчаніемъ: на всемъ, свыше трехсотъ-верстномъ, пространствѣ теченія рѣки Урунгу онъ не называетъ ни одного имени урочища, ни одного названія попутной мѣстности; хотя въ отношеніи къ разсматриваемому нами пространству, это было бы особенно важно, ибо, по китайскимъ свѣдѣніямъ, рѣка Урунгу именно въ этихъ мѣстахъ должна протекать у сѣвернаго подножія горъ Ха-ра-манъ-най [1]). Очень можетъ быть, что именно эти горы и представляютъ собою въ настоящее время тѣ разлагающіеся горные массивы, о которыхъ упоминаетъ г. Пѣвцовъ.

„Съ поднятіемъ вверхъ по рѣкѣ, ея рытвина постепенно суживается и наконецъ въ 70 верстахъ отъ озера Улюнгура, боковые обрывы подходятъ прямо къ Урунгу, такъ что нерѣдко не оставляютъ вовсе мѣста для долины. Отсюда и начинается среднее теченіе этой рѣки, характеризуемое обиліемъ ущелій".

Собственно эту характеристику средняго теченія рѣки Урунгу могли мы найдти и у г. Пѣвцова; но замѣчательно, что, по вычи-

[1]) Си-юй-шуй-дао-цзи, цзюань 5, л. 18.

Библиотека "Руниверс"

сленіямъ этого послѣдняго путешественника, суженіе долины рѣки Урунгу обнаруживается только въ 160 верстахъ отъ Вулунь-тохоя [1]); такимъ образомъ пространство нижняго теченія рѣки Урунгу, по г. Пржевальскому, сокращается больше чѣмъ вдвое. Чѣмъ объяснить это противорѣчіе двухъ изслѣдователей, ѣхавшихъ по одному и тому же берегу рѣки Урунгу и, можетъ быть, по одной и той же тропинкѣ, мы не знаемъ, — за то, ни мало не сомнѣвансь, мы принимаемъ къ свѣдѣнію сообщеніе г. Пржевальскаго, что „земледѣлія въ долинѣ Урунгу нигдѣ нѣтъ", хотя отъ Китайцевъ намъ и было извѣстно, что по Урунгу прежде существовали пашни Торгоутовъ, да и г. Потанинъ, назадъ тому только два года, сообщалъ, что близъ Урунгу Торгоуты имѣютъ значительное хлѣбопашество, особливо въ мѣстностяхъ, соприкасающихся низовьямъ рѣкъ Чингиля и Булгуна, и даже говорилъ, будто бы они засѣваютъ здѣсь ячмень и пшеницу.

Описывая среднее теченіе рѣки Урунгу, г. Пржевальскій представляетъ кстати поразительную картину зимовки Киргизовъ, бѣжавшихъ въ 1878 г. изъ Россіи въ предѣлы Китая. Картина эта, какъ снятая съ натуры, превосходно выясняетъ, какъ могутъ обезобразить самую счастливую мѣстность кочевники, предоставленные своей волѣ и живя по своимъ вкусамъ.

Но возвращаемся снова къ частному описанію рѣки Урунгу г. Пржевальскимъ, и именно къ его свѣдѣніямъ о верхнемъ ея теченіи. „Не вдалекѣ отъ поворота Гученской (почтовой) дороги", говоритъ онъ,—„начинается верхнее теченіе Урунгу, которая образуется здѣсь изъ трехъ рѣкъ: Чингиля—главной по величинѣ и двухъ, близко другъ отъ друга въ тотъ же Чингиль впадающихъ, Цаганъ-гола и Вулгуна. Отъ устья этого послѣдняго соединенная рѣка и принимаетъ названіе Урунгу". . . . . .

Для читателя, конечно, не составляетъ особенной важности то, гдѣ находится это „невдалекѣ", то-есть, къ востоку или къ западу отъ поворота дороги, равно какъ и то, не имѣется ли какой-нибудь болѣе существенной, хоть напримѣръ, естественной грани для отдѣленія средняго теченія рѣки отъ ея верхняго теченія; но полагаю, что каждый, интересующійся географіей описываемыхъ странъ, пожалѣетъ о краткости, съ которою сообщаетъ г. Пржевальскій свои изслѣдованія въ помянутой мѣстности. Вся эта terra incognita ле-

[1]) *Пѣвцовъ*, Путев. очерки Чжунгаріи, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

житъ вѣдь почти у нашей границы, а между тѣмъ мы имѣемъ о ней едва ли болѣе опредѣленныя знанія, чѣмъ о пустыняхъ Алашаня, или странахъ Ордоса, и это благодаря тому, что каждый путешественникъ приноситъ намъ свои, одно другому противорѣчащія свѣдѣнія объ этой странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по г. Пржевальскому, рѣка Цаганъ-голъ является впадающею въ Чингиль, равно какъ и Булгунъ сливаетъ свои воды съ тою же рѣкою Чингилемъ. Между тѣмъ на картѣ г. Потанина мы находимъ, что Цаганъ-голъ въ теченіи своемъ, отъ самыхъ истоковъ до устья, почти совершенно параллельна Чингилю и впадаетъ въ Булгунъ верстахъ въ 20, 25 восточнѣе сліянія этого послѣдняго съ Чингилемъ. При такихъ противорѣчіяхъ мы снова недоумѣваемъ; кому же вѣрить изъ этихъ двухъ путешественниковъ? Но у г. Пржевальскаго нельзя не замѣтить той странности, что, называя Чингиль рѣкою главною по величинѣ, онъ однако ни единымъ словомъ не упоминается потомъ о Чингилѣ: въ его книгѣ нѣтъ ни описанія Чингиля, ни указаній на ширину этой рѣки и общій ея характеръ, ни даже упоминанія о мѣстѣ сліянія Чингиля съ Булгуномъ. Правда, путешественникъ говоритъ, что онъ съ своею экспедиціей пересѣкъ по кордѣ южный поворотъ рѣки Урунгу, и это, конечно, заставило его на время уклонить свой дальнѣйшій путь отъ берега рѣки; на картѣ же мы видимъ, что именно въ мѣстахъ этого уклоненія пути отъ берега и помѣщаетъ онъ сліяніе рѣки Чингиля. Такимъ образомъ намъ дѣлается яснымъ, что г. Пржевальскій прошелъ верстахъ въ пяти отъ мѣста сліянія Чингиля съ Булгуномъ; но видѣлъ ли онъ это мѣсто, или нѣтъ, книга г. Пржевальскаго не выясняетъ того.

Ища разъясненія противорѣчія, представляемаго сообщеніями помянутыхъ русскихъ путешественниковъ, волей-неволей должны мы обратиться къ своему послѣднему источнику знаній, то-есть, къ Китайцамъ и китайскимъ географіямъ; а отъ нихъ получаются новыя и совершенно неожиданныя для насъ данныя, въ виду которыхъ можно понимать и то, почему г. Пржевальскій ни слова не говоритъ о Чингилѣ. Все дѣло въ томъ, что онъ никогда не видалъ и не могъ видѣть Чингиля, потому что не бывалъ на устьяхъ этой рѣки. Сочиненіе „Сиюй-шуй-дао-цзи“ съ свойственною ему опредѣленностью передаетъ, что р. Булгунъ въ 150 ли (то-есть, въ 75-ти верстахъ) ниже того мѣста, гдѣ воды ея омываютъ подножія горъ Хотунъ-обо, принимаетъ въ себя рѣку Цаганъ-голъ. Свѣдѣніе это совершенно соотвѣтствуетъ показаніямъ г. Потанина. Что касается рѣки Цаганъ-голъ, то она по-

Библиотека "Руниверс"

лучаетъ свое начало изъ горы, извѣстной подъ именемъ Боро-обо, тремя незначительными рѣчками, которыя, протекая на югъ приблизительно верстъ 50 (около 100 кит. ли), сливаются вмѣстѣ и здѣсь получаютъ общее названіе Цаганъ-гола. Верстахъ въ 20 ниже этого слiянія Цаганъ-голъ принимаетъ въ себя р. Чингиль и, продолжая за симъ свое теченіе въ юго-восточномъ направленіи верстъ на 30, впадаетъ въ Булгунъ [1]). Нужно ли пояснять послѣ сего, что по понятіямъ Китайцевъ, Чингиль не только не принимаетъ въ себя Цаганъ-гола и Булгуна, а напротивъ Чингиль самъ впадаетъ въ Цаганъ-голъ, а послѣдній въ свою очередь вливается въ Булгунъ. Отсюда дѣлается яснымъ и то, что путь г. Пржевальскаго лежалъ не менѣе какъ въ 35 верстахъ южнѣе устьевъ Чингиля, и что нашему путешественнику едва ли пришлось наблюдать эту рѣку. И такъ, напримѣръ, г. Пржевальскій, не изслѣдовавъ и даже не видавъ этой рѣки, утверждаетъ, что рѣка эта главная по величинѣ изъ трехъ рѣкъ, составляющихъ Урунгу.

Слѣдуя далѣе за показаніями „Си-юй-шуй-дао-цзи“, мы узнаемъ, что Булгунъ, принявъ въ себя Цаганъ-голъ, течетъ около 30 ли (15 верстъ) къ юго-востоку, а за симъ поворачиваетъ къ западу и въ 40 ли (20 верстахъ) ниже этого новорота, вступаетъ въ гористую страну южнаго Алтая, омывая съ одной стороны южныя подошвы горъ Аргалинту, а съ другой—сѣверныя оконечности хребта Ху-ту-сы (Кутусъ г. Пѣвцова). Отсюда воды Булгуна протекаютъ еще въ западно-сѣверно-западномъ направленіи около 100 ли и достигаютъ до южнаго ската хребта Уланъ-бомъ. Въ этомъ то именно пространствѣ рѣка Булгунъ и принимаетъ названіе Урунгу [2]). Такимъ образомъ, по сообщеніямъ Китайцевъ оказывается, что переименованіе Булгуна въ Урунгу происходитъ не непосредственно по слiянiи Булгуна съ Чингилемъ, какъ говоритъ г. Пржевальскій (по китайскимъ свѣдѣніямъ этого слiянiя собственно и не существуетъ), а тогда уже, когда Булгунъ, принявъ въ себя Цаганъ-голъ, протекаетъ все протяженіе хребта Кутусъ и подходитъ къ горамъ Уланъ-бом'скимъ. Справедливо ли все это или нѣтъ—представляется опять-таки вопросомъ, ибо г. Пржевальскій не передаетъ въ своемъ путешествіи ни объ одной изъ этихъ частностей и не упоминаетъ ни объ одномъ изъ указанныхъ хреб-

---

[1]) Си-юй-шуй-дао-цзи, цзюань 5-я, л. 17.
[2]) Ibid., цзюань 5-я, л. 18-й.

Библиотека "Руниверс"

товъ, существованіе которыхъ по Булгуну доказывается китайскими географіями и подтверждается изслѣдованіями г. Пѣвцова.

Перешедши къ нижнему теченію рѣки Булгуна, г. Пржевальскій нашелъ, что берега этой рѣки бѣдны флорою, что рощи по нимъ уже не встрѣчаются, а окрестныя горы высоки и крайне безплодны. Непривлекательность этой мѣстности авторъ, по видимому, думаетъ объяснить тѣмъ, что земная поверхность поднимается здѣсь уже на 3,500 футовъ абсолютной высоты и, слѣдовательно, лежитъ значительно выше окрестностей Урунгу. Однако исторически извѣстно, что пройденныя г. Пржевальскимъ низовья Булгуна, при изслѣдованіи ихъ Китайцами, признавались всегда за однѣ изъ самыхъ лучшихъ и удобнѣйшихъ для хлѣбопашества мѣстъ во всей сѣверной Монголіи и Чжунгаріи. Китайское сочиненіе „Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-лѣ“ содержитъ подробное сказаніе о томъ, что маньчжурскіе императоры Канси и Цянь-лунъ, въ періодъ завоеванія Чжунгаріи и современной западной Халхи, постоянно заботились о развитіи земледѣлія въ этихъ странахъ, а для изслѣдованія мѣстностей ихъ снаряжали спеціальныя экспедиціи. Доклады этихъ экспедицій имѣютъ, конечно, громадное значеніе, какъ матеріалы для исторіи страны, и въ высшей степени поучительны не только потому, что экспедиціи ученыхъ Китайцевъ проѣзжали при этомъ громадныя пространства, но и потому, что онѣ описывали эти пространства съ необычайною точностію и полнотою. И замѣчательно, первая же изъ этихъ экспедицій указала на мѣстности, залегающія по нижнему теченію и при устьяхъ рѣки Булгуна, какъ на лучшія для хлѣбопашества. По сему докладу императоръ Канси еще въ 1715 году поручилъ гуну (князю 5-й степени) Фурданю набрать людей опытныхъ въ земледѣліи и начать обработку пашень при устьяхъ Булгуна [1]). Съ тѣхъ поръ хлѣбопашество въ этихъ краяхъ то прерывалось подъ вліяніемъ войнъ чжунгарскихъ, то снова возникало въ періоды мира и перемирія; съ подчиненіемъ же Чжунгаріи маньчжурскому дому, оно, очевидно, стало здѣсь на твердыхъ основаніяхъ. Это достовѣрно для насъ по сказаніямъ Китайцевъ, и безъ сомнѣнія, именно эта казенная обработка земель на ряду съ частнымъ хлѣбопашествомъ дала поводъ г. Потанину сообщить, что „Торгоуты имѣютъ значительныя пашни въ низовьяхъ Булгуна“ [2]) Но наблюдалъ ли это хлѣбопашество г. Пржевальскій, и справедливы

[1]) Хуанъ-чао-фанъ-бу-яо-лѣ, цзюань 4-я, листъ 16-й.

[2]) *Потанинъ*, Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи, т. II, стр. 43.

Библиотека "Руниверс"

ли вышеозначенныя показанія Китайцевъ и г. Потанина,—это является для насъ также вопросомъ, ибо, описывая бѣдность флоры по берегамъ р. Булгуна, г. Пржевальскій говоритъ, что здѣсь только изрѣдка попадается тростникъ, а на лучшихъ мѣстахъ долины ростетъ дырисунъ. Такъ на всемъ протяженіи 40 верстъ, которыя прошла экспедиція г. Пржевальскаго по Булгуну. Миновавъ эти 40 верстъ, г. Пржевальскій поворотилъ на югъ, въ обширную Чжунгарскую пустыню, залегающую между Алтаемъ и Тянь-шанемъ; но описаніе этой пустыни составляетъ уже предметъ второй главы „Путешествія"; первую же главу авторъ оканчиваетъ интереснымъ разказомъ о своей охотѣ на кабановъ. Что касается дальнѣйшихъ за симъ замѣтокъ г. Пржевальскаго о мѣстномъ населеніи, то-есть, Торгоутахъ, то онѣ очень кратки. Тутъ между прочимъ г. Пржевальскій говоритъ, напримѣръ, что „жилищемъ для Торгоутовъ, какъ и для всѣхъ Монголовъ, служитъ войлочная юрта"; но такое сообщеніе не даетъ въ сущности понятія о жилищѣ Торгоутовъ, ибо это послѣднее, въ дѣйствительности, только своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаетъ юрты Монголовъ, а по своимъ главнымъ составнымъ частямъ и по своему устройству, значительно разнится отъ нихъ. То же самое можно сказать и о сообщеніяхъ, что „одежда Торгоутовъ состоитъ изъ халата", и что „Торгоутки носятъ платье похожее на мужское". Извѣстно, что халатъ халату рознь; всѣ Азіаты одѣваются въ халаты, и тѣмъ не менѣе каждый азіатскій народъ и нерѣдко каждое его поколѣніе различаются этнографическою наукою по одеждѣ, потому что всѣ они имѣютъ свои національные халаты. Что касается одежды Торгоутокъ, то она отличается отъ мужской едва ли не болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ монгольскихъ поколѣній; объ этомъ обстоятельно говоритъ Палласъ въ Samlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, T. I. 105, и г. Потанинъ въ своихъ Очеркахъ Сѣверо-Западной Монголіи, т. II, 105.

Описаніе пути г. Пржевальскаго отъ Алтая до Тянь-шаня, составляющее предметъ второй главы „Путешествія", представлено авторомъ еще болѣе кратко, чѣмъ изслѣдованія его въ долинахъ рѣкъ Урунгу и Булгуна, не смотря на то, что эти мѣстности отъ Алтая до Тянь-шаня представляли собою именно такое пространство, на которое, какъ говорятъ, не ступала еще нога Европейца. Что это за мѣста, прославленныя въ исторіи чжунгарскихъ походовъ, чрезъ какія именно урочища проходилъ г. Пржевальскій, каковъ характеръ этихъ урочищъ и каково ихъ взаимное отношеніе,—вотъ вопросы, которые могутъ прежде всего занимать историка этихъ странъ; гдѣ останавли-

Библиотека "Руниверс"

вался г. Пржевальскій, и какъ велики были его переходы, на сколько обильно было каждое изъ мѣстъ его остановокъ и ночлеговъ водою и травою, вотъ что, навѣрное, захочетъ искать въ „Путешествіи“ человѣкъ практики, купецъ или пограничный военный начальникъ, которымъ понадобится отправить свой караванъ или отрядъ по той же дорогѣ. Но напрасно будутъ они искать отвѣтовъ на эти вопросы у г. Пржевальскаго. Онъ даетъ только общую характеристику чжунгарской пустыни и не на своемъ пути, а на всемъ ея протяженіи— отъ подножія Тарбагатая до великой гоби. Эту характеристику ведетъ онъ частію на основаніи мѣстъ, посѣщенныхъ имъ самимъ въ прежнихъ экспедиціяхъ, частію по изслѣдованіямъ другихъ путешественниковъ, частію наконецъ на основаніи своихъ догадокъ и предположеній. Такимъ образомъ разсматриваетъ онъ общую форму поверхности чжунгарской пустыни, ея почву, орошеніе и климатъ, излагаетъ причины центрально-азіатскихъ бурь, перечисляетъ виды растительности въ чжунгарской пустынѣ и съ особенною подробностію описываетъ саксаулъ и дырисунъ, сообщаетъ свѣдѣнія и о животномъ царствѣ, перечисляя различные виды птицъ и млекопитающихся, при чемъ особенно останавливается онъ на разсказахъ о дикой лошади и дикомъ верблюдѣ. Изъ всѣхъ этихъ различныхъ отдѣловъ описанія чжунгарской пустыни болѣе всего должны обратить на себя вниманіе, конечно, извѣстія г. Пржевальскаго о лёссѣ, уже давно извѣстномъ и изслѣдованномъ европейскими путешественниками по Китаю, но едва ли не впервые описываемомъ въ русскомъ путешествіи по центральной Азіи. Это описаніе не можетъ не быть поставлено г. Пржевальскому въ важную заслугу, ибо отъ изученія помянутой интересной формаціи мы можемъ ожидать драгоцѣнныхъ данныхъ для ознакомленія, какъ съ положеніемъ вещей въ Китаѣ и сопредѣльныхъ ему странахъ въ доисторическія или раннія историческія эпохи, такъ и для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ современной жизни Китая. Значеніе лёсса въ этомъ отношеніи прежде всего основывается на его главномъ свойствѣ, то-есть, на производительности этой почвы. Если бы сѣверная и сѣверо-западная Чжунгарія имѣла нынѣ болѣе благопріятный климатъ, она, какъ и весь сѣверный Китай, причислялась бы къ самымъ плодороднымъ странамъ въ свѣтѣ, ибо лёссъ распространенъ въ ней повсемѣстно. Понятно, почему въ старыя времена Чжунгарія стояла на гораздо высшей степени цивилизаціи, чѣмъ въ настоящее время: въ ту пору горы Монголіи и Чжунгаріи были покрыты еще лѣсами, и климатъ страны былъ мягче; это давало полную возмож-

Библиотека "Руниверс"

ность развиваться здѣсь земледѣлію, а вслѣдъ за нимъ осѣдлой, культурной жизни обитателей. Понятно и то, почему весь сѣверный Китай съ незапамятныхъ временъ представляется намъ испещреннымъ канавами, и до нынѣ почти ни одно поле не воздѣлывается тамъ безъ искусственнаго орошенія: лёссовая поверхность сѣвернаго Китая, вслѣдствіе присущей ей способности легко пропускать сквозь себя влагу, естественно нуждается въ болѣе частомъ орошеніи, чѣмъ всякая другая почва. Понятно наконецъ и то, почему при засухахъ, сравнительно незначительныхъ, сѣверныя провинціи Китая за послѣдніе годы страдали отъ неурожаевъ до такой степени, что поля ихъ, по выраженію Китайцевъ, имѣли видъ пустыни: при отсутствіи влаги, верхній слой лёссовой почвы легко уносится вѣтромъ, сѣмена обнажаются и, подвергаясь дѣйствію солнца, не прорастаютъ. Таковы заключенія, которыя возникаютъ при первомъ знакомствѣ съ свойствами лёсса даже у человѣка, вовсе не знакомаго съ естественными науками; дальнѣйшее же изслѣдованіе этихъ свойствъ, несомнѣнно, должно повести еще къ новымъ выводамъ.

Но увлекшись разсужденіемъ о важности изученія лёссовой почвы, мы оставили въ сторонѣ изслѣдованія по этой части г. Пржевальскаго. Впрочемъ, о нихъ собственно и нельзя сказать многаго. Данное имъ описаніе свойствъ лёсса не сообщаетъ ничего новаго человѣку, уже знакомому съ этою почвою по изслѣдованіямъ барона Рихтгофена, хотя бы на основаніи его лѣтъ двѣнадцать тому назадъ обнародованныхъ писемъ къ германскому коммерческому обществу въ Шанхаѣ; напротивъ того, замѣтки г. Пржевальскаго значительно бѣднѣе и короче этихъ изслѣдованій. Мы, конечно, далеки отъ мысли ставить въ вину г. Пржевальскому, что онъ не произвелъ спеціальныхъ изысканій по этому предмету, но не можемъ не высказать своего сожалѣнія о томъ, что онъ не указываетъ даже и мѣстъ, въ которыхъ удалось наблюдать ему лёссовую почву. Это было бы важнымъ пріобрѣтеніемъ, какъ для людей, изучающихъ исторію и географію посѣщенной г. Пржевальскимъ страны, такъ и для желающихъ опредѣлить, какія именно мѣстности болѣе цѣнны въ ней въ настоящее время. Мы уже сказали выше, и повторяемъ еще разъ, что опущеніе частностей есть, по нашему мнѣнію, общій и главный недостатокъ книги г. Пржевальскаго. Въ его трудѣ мы желали бы видѣть прежде всего подробное описаніе пройденныхъ экспедиціей странъ: это, безъ сомнѣнія, дало бы намъ новыя и обстоятельныя свѣдѣнія; но г. Пржевальскій произвольно увеличилъ свою задачу: вмѣсто описанія своего

Библиотека "Руниверс"

пути онъ задумалъ описывать вообще всю страну, по которой путешествовалъ; въ результатѣ получается то, что путешественникъ передаетъ чужія и уже обнародованныя свѣдѣнія вмѣстѣ со своими, говоритъ о странахъ, имъ не посѣщенныхъ, а на долю дѣйствительно пройденнаго имъ самимъ пространства, на долю тѣхъ мѣстъ, которыя были намъ неизвѣстны, и описанія которыхъ ожидали мы отъ г. Пржевальскаго, у него едва выпадаетъ нѣсколько страницъ. Такова между прочимъ и вторая глава „Путешествія", описывающая страны между Алтаемъ и Тянь-шанемъ: въ ней болѣе двухъ печатныхъ листовъ посвящается на повтореніе уже извѣстнаго намъ прежде; описаніе же 300-верстнаго пространства, залегающаго отъ Булгуна до Баркюля и впервые пройденнаго нынѣ г. Пржевальскимъ, занимаетъ только $^3/_4$ листа, да и отсюда нужно еще исключить разныя личныя впечатлѣнія и разсужденія автора. Да не подумаетъ однако читатель, чтобы мы измѣряли заслуги путешественника количествомъ написанныхъ имъ листовъ; сказанное имѣетъ цѣлью показать, въ какихъ общихъ чертахъ изложено описаніе г. Пржевальскаго, ибо понятно, на полулистѣ нельзя сообщить многихъ частностей и большихъ подробностей о 300-верстномъ пространствѣ; притомъ, разбирать самое содержаніе „Путешествія" г. Пржевальскаго и не легко именно по причинѣ его неопредѣленности и краткости. Для примѣра однако просмотримъ описаніе лежащей къ югу отъ Алтая равнины, на которую вступила экспедиція, разставшись съ рѣкою Булгуномъ.

„Равнина, по которой проходили мы отъ Алтая", говоритъ г. Пржевальскій,—„имѣетъ около 3,500 фут. абсолютной высоты и кое гдѣ испещрена небольшими группами холмовъ. Почва въ сѣверной ея половинѣ глинисто-солончаковая, достаточно поросшая травою, удобною для корма скота. Здѣсь зимовья кочевья Торгоутовъ. Мѣстами соль лежитъ сплошными кусками въ дюймъ толщиною. Солончаки эти составляютъ продолженіе рѣчекъ Уюнчи и Барлыкъ, которыя выбѣгаютъ изъ Алтая и теряются въ описываемой равнинѣ".

Вотъ и все географическо-топографическое описаніе 100-верстнаго пространства! Замѣтьте, что это говорится о мѣстности зимнихъ кочевьевъ Торгоутовъ, о мѣстности обитаемой, такой, слѣдовательно, гдѣ извѣстенъ туземцамъ каждый ручеекъ, гдѣ каждая гора имѣетъ свое названіе, и каждый холмикъ—свое прозвище. Описывать такія страны очень не трудно; въ нихъ всегда можно опредѣленно указать, гдѣ и какой лежитъ солончакъ, на какое пространство онъ тянется и чѣмъ ограничивается. Очень можетъ быть, что словами „солончаки эти

Библиотека "Руниверс"

составляютъ продолженіе рѣчекъ Уюнчи и Барлыкъ" авторъ именно хотѣлъ опредѣлить положеніе солончаковъ; но что такое рѣчки Уюнчи и Барлыкъ, гдѣ ихъ начало, по какой мѣстности онѣ текутъ, какова ихъ величина и каково протяженіе ихъ теченія, гдѣ видѣлъ и переходилъ ихъ г. Пржевальскій, и въ какомъ именно мѣстѣ теряются онѣ въ описываемой равнинѣ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нѣтъ отвѣта въ книгѣ г. Пржевальскаго, а на картѣ его даже и вовсе не показано ни Уюнчи, ни Барлыка, такъ что мы остаемся въ полной неизвѣстности относительно теченія этихъ рѣкъ, а слѣдовательно, и положенія солончаковъ. Правда, мы знаемъ, что г. Потанинъ на пути отъ Кобдо къ Баркюлю шелъ по р. Барлыку; но это мало помогаетъ дѣлу, ибо нельзя утверждать, что это тотъ же Барлыкъ, о которомъ говоритъ г. Пржевальскій, такъ какъ путь г. Потанина лежалъ, во-первыхъ, довольно далеко отъ мѣстъ, по которымъ проходила экспедиція г. Пржевальскаго, а во-вторыхъ, г. Потанинъ, въ свою очередь, не обозначаетъ мѣста, гдѣ теряется Барлыкъ. Что касается р. Уюнчи, то таковое имя, по свѣдѣніямъ Китайцевъ, принадлежитъ среднему теченію рѣки Наринъ-гола, которая, по выходѣ своемъ изъ Алтая, принимаетъ названіе Уюнчи, а въ нижнемъ своемъ теченіи называется Ча-гань-тунь-кэ. О рѣкѣ этой Китайцы замѣчаютъ какъ о мѣстности, по которой располагаются значительныя пашни Торгоутовъ; но опять-таки та ли это р. Уюнчи, которую видѣлъ г. Пржевальскій,— сказать трудно, тѣмъ болѣе, что, по понятіямъ Китайцевъ, ихъ Уюнчи не сохраняетъ своего имени до самаго конца. Такъ неудобопонятны становятся сообщенія г. Пржевальскаго даже о тѣхъ, пройденныхъ его экспедиціей пространствахъ, мѣстонахожденіе которыхъ онъ опредѣляетъ собственными именами; нужно ли говорить послѣ сего, на сколько точныя свѣдѣнія можемъ мы извлечь изъ тѣхъ топографическихъ описаній его, гдѣ онъ не даетъ ни одного названія ни горъ, ни рѣкъ, ни урочищъ? Въ разсматриваемой главѣ таково, между прочимъ, описаніе всего пространства отъ горъ Куку-сырхэ до Баркуля, приблизительно верстъ въ 150. Путешественникъ объясняетъ, что по выходѣ изъ Алтая онъ имѣлъ у себя дурного проводника и въ концѣ концовъ принужденъ былъ прогнать его и остался одинъ въ невѣдомыхъ странахъ. Отсюда дѣлается понятнымъ, что въ дальнѣйшемъ пути своемъ, онъ долженъ былъ идти какъ глухо-нѣмой. Онъ только видѣлъ страну, но изучать ее, хотя бы въ нѣкоторой точности, путемъ распросовъ, конечно, не могъ. „Сдѣлавъ отъ горъ Куку-сырхэ два небольшихъ перехода, мы опять вошли въ горы": вотъ характери-

Библиотека "Руниверс"

стика этихъ глухонѣмыхъ изслѣдованій. Г. Пржевальскій могъ еще замѣтить, что „преобладающею породою является въ этихъ горахъ гнейсъ", что „узкія долины встрѣчаются здѣсь часто, а ущелія болѣе рѣдки"; но какъ называются эти долины и эти ущелья, не представляютъ ли онѣ собою чего-либо замѣчательнаго, всего этого онъ естественно не могъ узнать, и объяснить намъ [1]). Совершая свой путь безъ знающихъ мѣстность туземцевъ, г. Пржевальскій невольно долженъ былъ проходить мимо замѣчательнѣйшихъ и достойныхъ всесторонняго изслѣдованія пространствъ, какъ среди пустынныхъ равнинъ или оголенныхъ скалъ. Вернемся, напримѣръ, хоть къ мѣстности, залегающей между названными уже рѣкою Уюнчи и горами Куку-сырхэ. Въ пекинской газетѣ Цзинь-бао (1-го числа 12-й луны 1874 г.) было напечатано, между прочимъ, донесеніе баркульскихъ правителей пекинскому министерству о томъ, что къ сѣверу отъ Баркуля и горъ Куку-сырхэ, неподалеку отъ границъ Кобдоскаго округа, находились прежде свинцовые рудники. Въ видахъ удешевленія военныхъ припасовъ (на происходившую въ то время войну Китая съ дунганами), баркульскія власти рѣшили, не открывая новыхъ рудниковъ, заготовить своими людьми нужный имъ запасъ изъ старыхъ площадей, такъ какъ этимъ способомъ заготовка припасовъ обходилась значительно дешевле, чѣмъ доставкою изъ Китая. Что это за рудники и гдѣ именно лежатъ они? Можно навѣрное сказать, что г. Пржевальскій проходилъ недалеко отъ нихъ; но могъ ли онъ узнать о нихъ безъ указаній знакомыхъ съ мѣстностью туземцевъ? Такъ добрался путешественникъ до Баркуля.

Болѣе половины третьей главы „Путешествія", озаглавливаемой „Отъ Баркуля до Хами", занимаетъ разказъ объ обыденной жизни путешественниковъ во время слѣдованія экспедиціи. Написанный чрезвычайно живо и картинно, разказъ этотъ вводитъ насъ въ жизнь

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что путешествіе безъ проводника въ этихъ странахъ уже далеко не новость. Г. Потанинъ, маршруты котораго отличаются полнотою и опредѣленностью, весь свой передній путь отъ Кобдо, въ Баркуль и Хами, а за симъ обратный на Улясутай и озеро Косоголъ совершалъ, по недостаточности средствъ, безъ спеціальнаго проводника. Онъ нанималъ только въ погонщики своихъ верблюдовъ людей бывалыхъ, ходившихъ прежде съ караванами. Такіе возчики всегда знаютъ не только дорогу, но и названія всѣхъ замѣчательныхъ мѣстъ, рѣкъ и урочищъ, какъ лежащихъ по дорогѣ, такъ и въ сторонѣ отъ нея; а большаго и отъ проводника ничего не требуется. Г. Пржевальскій не имѣлъ при себѣ и такихъ возчиковъ, и напрасно.

Библиотека "Руниверс"

путешественниковъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ собою много интереснаго для каждаго читателя, но собственно для науки не имѣетъ значенія. Г. Пржевальскій искусно помѣстилъ впрочемъ весь этотъ разказъ именно при описаніи такого пространства, которое, хотя и въ самой незначительной степени, но все-таки было извѣстно намъ изъ дневника г. Потанина. Весьма вѣроятно, что именно это обстоятельство и побудило г. Пржевальскаго изложить всѣ результаты своего изученія Баркюльской равнины въ какихъ-нибудь десяти строкахъ. (Замѣтимъ кстати по поводу этихъ мѣстностей, что въ книгѣ онъ говоритъ, будто р. Ирды-хэ впадаетъ въ Баркюльское озеро съ запада, а на картѣ показываетъ ее впадающею съ востока). Самый городъ Баркюль не былъ посѣщенъ авторомъ. Экспедиція остановилась въ 20 верстахъ отъ города, близъ деревни Сянъ-то-хауза, и отсюда г. Пржевальскій посылалъ въ городъ своего казака, а самъ удовольствовался только внѣшнимъ осмотромъ Баркюльской крѣпости, что было вполнѣ возможно, ибо, по словамъ автора, Баркюль довольно хорошо былъ видѣнъ съ мѣста его стоянки. Подробнаго описанія пройденнаго за симъ экспедиціей пути отъ Баркюля до Хами „Путешествіе“ также не представляетъ: г. Пржевальскій рисуетъ только общій очеркъ тянущихся на этомъ пути Тяньшаньскихъ горъ, кратко говоритъ о лѣсахъ по сѣверному склону Тянь-шаня и замѣчаетъ, что альпійская область этихъ горъ осталась вовсе не изслѣдованною, ибо она „была посѣщена экспедиціей только мимоходомъ“. Въ замѣнъ того г. Пржевальскій повторяетъ переведенныя съ китайскаго сообщенія русскихъ и западно-европейскихъ синологовъ о не изслѣдованныхъ еще Европейцами, но давно уже извѣстныхъ намъ изъ китайской исторіи и географіи путяхъ, ведущихъ изъ Китая въ Чжунгарію и залегающихъ по сѣверному (бейлу) и южному (нань-лу) подножію Тянь-шаньскаго хребта; здѣсь же наконецъ представляетъ онъ и перечень собранныхъ имъ растеній и добытыхъ животныхъ.

Оазису и городу Хами какъ-то всегда и особенно не счастливилось въ русскихъ описаніяхъ. Г. Потанинъ явился сюда въ 1877 г. въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и въ отчетѣ о своемъ путешествіи прямо говоритъ, что ему мало удалось видѣть Хами и узнать о немъ, потому что время пребыванія его въ этомъ городѣ было значительно сокращено сношеніями съ властями. Въ пополненіе своихъ извѣстій о Хами, г. Потанинъ приложилъ къ своему дневнику выписки о Хамійскомъ оазисѣ изъ не изданныхъ путевыхъ замѣтокъ г. Матусовскаго; но этому дѣльному путешественнику пришлось посѣтить Хами въ

Библиотека "Руниверс"

составѣ экспедиціи Сосновскаго, принесшей такъ мало научныхъ результатовъ. Г. Пржевальскій былъ, собственно говоря, первымъ изъ русскихъ путешественниковъ, попавшихъ въ Хами при болѣе благопріятной обстановкѣ: его предупредительно встрѣчали и провожали здѣсь Китайцы; матеріальныя средства его были достаточны для того, чтобъ основательно ознакомиться съ жизнью и бытомъ этого края; но и г. Пржевальскій въ своемъ описаніи Хамійскаго оазиса даетъ гораздо менѣе, чѣмъ было бы желательно. Такъ, въ рубрикѣ о туземцахъ, онъ не сообщаетъ, какъ велико, хотя приблизительно населеніе Хамійскаго оазиса, чѣмъ занимаются хамійскіе жители, какъ они живутъ, кочевники они, осѣдлые, или полукочевые; въ рубрикѣ о стратегическомъ и торговомъ значеніи Хами не объясняетъ, чѣмъ торгуетъ Хами, и какова эта торговля, что производитъ Хамійскій оазисъ, и чѣмъ пользуется онъ отъ другихъ странъ, какіе предметы его ввоза и вывоза, откуда и куда направляется этотъ ввозъ и вывозъ. За всѣмъ тѣмъ разказъ о пребываніи г. Пржевальскаго въ Хами читается съ большимъ интересомъ. Авторъ описываетъ здѣсь подробности своихъ сношеній съ хамійскими властями, разказываетъ о церемоніяхъ визитовъ у Китайцевъ, объ ихъ званныхъ обѣдахъ, и во всемъ этомъ живо отпечатлѣваются жизнь, нравы и обычаи китайскаго народа. Болѣе серьезное вниманіе г. Пржевальскій обратилъ, по видимому, на изученіе китайскихъ войскъ, но и по сему предмету прибавляетъ очень немногое къ прежнимъ своимъ наблюденіямъ, изложеннымъ въ его сочиненіи: „Монголія и страна Тангутовъ“ (ср. напримѣръ, стр. 81 и 82 настоящей книги и стр. 273 прежняго сочиненія), хотя и можно было бы ожидать противнаго, ибо достовѣрно извѣстно, что реорганизаціонная дѣятельность китайскаго правительства въ отношеніи боевыхъ силъ государства идетъ быстрыми шагами. Рѣзче всего проявилась она въ устройствѣ разнаго рода военно-техническихъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что именно въ Хами имѣется оружейный заводъ подъ управленіемъ нѣсколькихъ англійскихъ мастеровъ; но нашъ путешественникъ проходитъ это обстоятельство совершеннымъ молчаніемъ и вмѣсто того упоминаетъ только о не видѣнныхъ имъ оружейныхъ заводахъ въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ, Наикинѣ, Кантонѣ и Ланьчжоу; но если уже хотѣлось ему говорить о не видѣномъ, и сообщать свѣдѣнія о малоизвѣстномъ для насъ, то почему же было не прибавить, что Китайцы имѣютъ еще морской арсеналъ и литейную мастерскую въ Фу-чжоу [1]), пороховые заводы въ Карашарѣ и Аксу,

[1]) *Голосъ* 12-го іюля 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

пушечный заводъ въ Кашгарѣ, да еще строятъ новые такіе же заводы въ Гиринѣ и портѣ Ли? Впрочемъ г. Пржевальскій, очевидно, не придаетъ ни какого значенія военнымъ реформамъ Китая. Сравнивая настоящія замѣтки г. Пржевальскаго о видѣнныхъ имъ китайскихъ войскахъ съ прежними, можно даже сказать, что эти прежнія значительно полнѣе, нежели изложеніе настоящей книги; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ своемъ трудѣ, всѣ изслѣдованія автора сводятся къ одному заключенію, что вообще въ Китаѣ нѣтъ ни малѣйшаго военнаго образованія [1]). При крайней скудости нашихъ свѣдѣній о военныхъ силахъ Китая, оспоривать всецѣло это положеніе г. Пржевальскаго, конечно, трудно; ярко бросается въ глаза только то, почему такъ говоритъ г. Пржевальскій обо всѣхъ китайскихъ войскахъ, когда онъ видѣлъ только одну пограничную армію Цзо-цзунъ-тана? Притомъ и относительно этой арміи у насъ имѣются свѣдѣнія, несогласныя съ показаніями путешественника. Такъ, по словамъ г. Пржевальскаго, вооруженіе Цзо-цзунъ-тановой арміи состоитъ изъ старыхъ англійскихъ, гладкоствольныхъ пистонныхъ ружей, у коихъ большая часть стволовъ урѣзана на $^1/_3$ длины „для удобства привѣшиванія ружья къ сѣдлу“ (такъ объяснили это г. Пржевальскому лѣнивые и не могущіе сами даже нести ружья китайскіе солдаты); между тѣмъ статья Генри Вульфа, помѣщенная въ американскомъ журналѣ The Californian,—свидѣтельствуетъ, что армія Цзо-цзунъ-тана вовсе не такъ плоха по своему вооруженію. Значительная часть пѣхоты—говоритъ Вульфъ—вооружена въ ней ружьями Ремингтона и Мартини-Пибоди, вся кавалерія—револьверами Ремингтона и карабинами Шарпа. Въ полевой артиллеріи нѣкоторая часть орудій системы Круппа, а также есть и картечницы

[1]) Замѣчательно, что изслѣдованія г. Пржевальскаго производились уже послѣ того, какъ стало положительно извѣстнымъ, что часть китайскихъ войскъ обучается европейскими инструкторами и что въ войскахъ Ли-хунъ-чжана еще съ 1870 г. былъ введенъ прусскій военный уставъ. Еще за три-четыре года до того времени, какъ русскій путешественникъ высказалъ свое заключеніе о китайскихъ войскахъ, годовые отчеты Лёбеля, издаваемые подъ именемъ «Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Militärwesen», извѣщали, что въ китайскихъ войскахъ вводится однообразное вооруженіе ружьями системы Маузера, что въ 1878 г. было доставлено въ Китай съ одного завода Круппа около 400 орудій, что китайскій посланникъ въ Берлинѣ перевелъ съ нѣмецкаго военныя руководства и инструкціи для преподаванія оныхъ китайскимъ войскамъ, и проч.

Библиотека "Руниверс"

Гатлинга. „Осадная артиллерія имѣетъ 20-ти и 40 фунтовыя орудія Круппа“ [1]). При такихъ противорѣчіяхъ показаній намъ остается только недоумѣвать и спрашивать самихъ себя: хочетъ ли американскій органъ запугать Европу китайскимъ прогрессомъ, или же русскому путешественнику во что бы то ни стало хочется доказать свою мысль, что Европейцамъ стоитъ только двинуться въ любую часть срединнаго государства, чтобы заранѣе расчитывать на вѣрную побѣду. Изслѣдовать военный вопросъ въ Китаѣ было бы, конечно, дѣломъ великой важности; но къ несчастію, г. Пржевальскій не даетъ для сего фактическихъ данныхъ, и всѣ свои замѣчанія о китайскихъ солдатахъ ограничиваетъ только приложеніемъ къ нимъ эпитетовъ въ родѣ: безнравственные и безчестные люди, лѣнтяи, воры, взяточники, грабители и т. д.

Окончивъ рѣчь о китайскихъ войскахъ, г. Пржевальскій оканчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе Хамійскаго оазиса. Отсюда, по собственному его сознанію, начинался „путь самый интересный по мѣстностямъ почти невѣдомымъ“, но и это сознаніе не внушило г. Пржевальскому мысли разказывать о пройденной дорогѣ съ большею подробностью. Въ описаніи пространствъ, залегающихъ отъ Хами до Са-чжеу, онъ, по старому, только въ общихъ словахъ очерчиваетъ топографическій рельефъ Хамійской пустыни, картинно рисуетъ ея ужасающую дикость, бросаетъ нѣсколько словъ о видѣнныхъ имъ растеніяхъ и животныхъ и отмѣчаетъ три-четыре колодца, которые экспедиція повстрѣчала между прочимъ на своемъ пути. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ интересующихся географіей этихъ странъ и до появленія книги г. Пржевальскаго хорошо зналъ, что отъ оазиса Са-чжеу на цѣлыя сотни верстъ во всѣ стороны залегаютъ ровныя песчаныя степи, по мѣстамъ испещренныя безплодными скалами; но тѣмъ интереснѣе и не разрѣшимѣе былъ для насъ вопросъ, какимъ образомъ при послѣднемъ дунганскомъ возстаніи проходили по этимъ пустынямъ цѣлыя китайскія арміи, а затѣмъ непрестанно тянулись караваны и обозы съ подвозимымъ для нихъ провіантомъ? Если все это фактъ, то слѣдовательно, пустыня эта удобопроходима, слѣдовательно, въ ней не мало воды, не мало колодцевъ. А сколько ихъ, гдѣ и какъ они располагаются, далеко ли отстоятъ другъ отъ друга—вотъ первое, что желали бы мы знать, не претендуя уже на

[1]) *Русскій Инвалидъ* 1881 г. № 58.

Библиотека "Руниверс"

то, чтобы были сообщены названія всѣхъ этихъ колодцевъ, которыя впрочемъ записать очень легко, и которыя имѣютъ несомнѣнную важность для исторіи и точнаго познанія края. Все это осталось для насъ загадкою, равно какъ и современный характеръ единственной въ этихъ мѣстахъ рѣки Булунцзира, которая, по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Пржевальскимъ, теряется въ пескахъ Хамійской пустыни, а по извѣстіямъ китайскихъ географовъ, доведена до озера Хара-норъ. Мы умышленно употребляемъ слово „доведена", ибо рѣки Булунцзира или Булунгира въ томъ мѣстѣ, гдѣ переходилъ ее г. Пржевальскій, собственно не существуетъ, а есть здѣсь только искуственный каналъ, проведенный отъ рѣки Булунгира, который г. Пржевальскій и смѣшалъ съ природнымъ русломъ рѣки. По географіи Китайцевъ, рѣка Булунгиръ получаетъ свое начало въ Наньшаньскомъ хребтѣ изъ горъ Чанъ-ма-шань; отсюда своимъ природнымъ русломъ течетъ она до Ань-си-чжоу; но далѣе на западъ еще въ прошломъ столѣтіи она протекала только на 150 ли до караула Э-р-цзи и здѣсь терялась въ пескахъ. Въ 5-мъ году правленія Юнъчжэна (1728 г.), по свидѣтельству китайскихъ историковъ, русло Булунгира было прорыто, продолжено до мѣстности Куку-шавша и соединено съ р. Данхэ; все это наконецъ было сдѣлано въ виду развитія судоходства на этихъ сѣверо-западныхъ окраинахъ Китая [1]). На сколько разумно, возможно и полезно было это стремленіе, пользуются ли теперь этимъ судоходствомъ Китайцы хотя бы только во время общаго разлива рѣкъ, это опять-таки вопросы не малой важности; да и вообще вся Хамійская пустыня представляется интересною для изслѣдованія во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ и по своему климату, о которомъ мы также не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но который, очевидно, представляетъ рѣзкія особенности отъ окрестныхъ странъ. По словамъ г. Пржевальскаго, четырнадцать дней перехода по Хамійской пустынѣ отозвались на всей дѣятельности организма его закаленныхъ въ походахъ спутниковъ. Такъ волосы на головѣ и бородѣ у нихъ росли необыкновенно быстро, а у молодыхъ казаковъ вдругъ начали расти усы и борода.

Оазисъ Ша-чжеу или Са-чжеу, о плодородіи и богатствѣ котораго восторженно говорятъ всѣ сыны Небесной имперіи, обитающіе за предѣлами собственнаго Китая, описанъ г. Пржевальскимъ еще

---

[1]) Си-юй-шуй-дао-дзи, цзюань 3-я, л. 11-й.

Библиотека "Руниверс"

болѣе кратко, чѣмъ оазисъ Хамійскій. „Путешествіе“ упоминаетъ только о многочисленныхъ садахъ, разводимыхъ въ Ша-чжеу, чѣмъ подтверждаются сказанія Марко-Поло, что ша-чжуские жители живутъ главнымъ образомъ сбытомъ возращаемыхъ ими плодовъ [1]); говоритъ, что въ половинѣ іюня хлѣба были уже выколосившись и наливали зерна; но когда совершаются посѣвы въ Ша-чжеу, какую жатву и сколько разъ въ годъ получаютъ Ша-чжоусы—это не объяснено. Говоря о жителяхъ, г. Пржевальскій замѣчаетъ, что „всѣхъ ихъ въ городѣ и въ деревняхъ считалось до 10 тысячъ взрослыхъ мужчинъ“; но сколько деревень въ Ша-чжоуйскомъ оазисѣ, и каковы эти деревни, это опять осталось вопросомъ, и только судя по тому, что сказано „въ городѣ“, а не „въ городахъ“, мы должны заключать, что городъ здѣсь, по наблюденіямъ г. Пржевальскаго, одинъ, хотя Китайцы и до сего времени считаютъ въ оазисѣ Ша-чжеу два города, а именно—старый Ша-чжеу, или Дунъ-хуанъ, лежащій на левой сторонѣ р. Данъ-хэ, и новый Ша-чжеу, расположенный на правой сторонѣ той же рѣки [2]). Существуютъ ли теперь оба эти города, или одинъ изъ нихъ уже разрушился, не представляютъ ли эти, почитаемые Китайцами за отдѣльные, города такой тѣсной связи между собою, что кажутся однимъ городомъ, только расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ рѣки,—все это остается для насъ полною загадкой, потому что г. Пржевальскій не указалъ намъ и мѣстоположенія г. Ша-чжеу, не говоритъ даже того, стоитъ ли этотъ городъ на р. Данъ-хэ, или какомъ-нибудь изъ ея притоковъ.

„Прида въ Ша-чжеу“, говоритъ авторъ,—„мы расположились не доходя шести верстъ до города, въ урочищѣ Санъ-чю-шуй, на берегу небольшаго рукава р. Данъ-хэ, возлѣ котораго раскидывался обширный солончаковый лугъ; на немъ удобно могли пастись наши верблюды. Притомъ мѣсто это находилось нѣсколько въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги и густаго населенія, такъ что мы, до извѣстной степени, избавлялись отъ „зрителей“. Са-чжеускія власти, выславшія къ намъ на встрѣчу нѣсколькихъ человѣкъ, предлагали остановиться въ самомъ городѣ, но я рѣшительно отклонилъ подобное предложеніе и самъ выбралъ мѣсто для бивуака. Если бы съ нашимъ караваномъ забраться въ китайскій городъ, то можно ручаться, что дни, здѣсь проведенные, были бы днями истинныхъ мученій отъ назой-

[1]) Marco-Polo, ed. *Ramusio*, II, c. 36, fol. 12.

[2]) Си-юй-шуй-дао-цзи, цзюань 3-я, л. 19.

Библиотека "Руниверс"

ливой и грубой толпы. Я уже испыталъ это въ 1871 году въ городахъ Бауту и Дыиху. Съ тѣхъ поръ мы располагали свой бивуакъ всегда подальше отъ города и уже отсюда ѣздили за необходимыми покупками. Такъ поступили и въ Ша-чжеу. За то ежедневно посылаемые въ городъ переводчикъ и два казака испивали до дна чашу нахальнаго любопытства и грубаго отношенія Китайцевъ къ чужеземцамъ". Таковъ разказъ и разсужденія путешественника по поводу пребыванія его въ Ша-чжеу. Читатель можетъ самъ догадаться отсюда, каковы должны быть результаты при такомъ изслѣдованіи. Страннымъ однако кажется, что экспедиція закупила въ Ша-чжеу весь свой провіантъ при посредствѣ тѣхъ же докучливыхъ для нея Китайцевъ, и не менѣе удивительно то, что, ушедши изъ Ша-чжеу и нечаянно натолкнувшись на замѣчательнѣйшія пещеры, г. Пржевальскій какъ бы съ досадой и упрекомъ замѣчаетъ: „и до сихъ поръ намъ никто ни единымъ словомъ не намекнулъ объ этой замѣчательности". Да неужели же, избѣгая встрѣчи съ туземцами, г. Пржевальскій думалъ, что они сами придутъ къ нему и скажутъ: „У насъ-де вотъ что и вотъ что замѣчательно, пожалуйте посмотрѣть". Но еслибъ онъ завелъ съ ними прямыя сношенія, провелъ хотя одинъ вечеръ въ мирной бесѣдѣ, то навѣрное получилъ бы цѣлую массу свѣдѣній къ уясненію, какъ пройденнаго, такъ и предстоящаго пути; оставалось бы только намѣчать себѣ болѣе интересную дорогу, наблюдать ее и провѣрять показанія туземцевъ.

Выступивъ изъ Ша-чжеу, г. Пржевальскій двинулся въ страну китайскихъ золотыхъ розсыпей. По извѣстіямъ Китайцевъ, золото извлекаютъ здѣсь изъ горъ [1]), вымываютъ изъ песку рѣкъ [2]) и наконецъ находятъ, раскапывая колодцы въ долинахъ [3]). Г. Пржевальскій разказываетъ, что самъ онъ постоянно наталкивался здѣсь на старыя, заброшенныя шахты, а равно и путники его невзначай встрѣтили Китайцевъ, которые тихомолкомъ занимались промывкою золота; но кромѣ этихъ случайностей, г. Пржевальскій и не могъ узнать ничего болѣе. Уже на третій день по выходѣ изъ Ша-чжеу онъ прогналъ своихъ проводниковъ, и слѣдовательно, опять остался нѣмымъ

---

[1]) Золото, добываемое этимъ способомъ, почитается самымъ лучшимъ въ Китаѣ и по своей добротѣ дѣлится на три сорта: первый—такъ-называемый ма-ти-цзинь, второй—кань-лянь-цзинь, и третій—гуа-дзю-цзинь.

[2]) Это сорта: 1) гоу-тоу-цзинь и 2)—оу-ме-цзинь.

[3]) Сортъ болота, называемый минь-ша-цзинь.

Библиотека "Руниверс"

созерцателемъ пустыни, не зная куда онъ идетъ, мимо чего проходитъ, что встрѣтитъ онъ на своемъ пути, и что дѣйствительно стоило бы ему повстрѣчать и осмотрѣть. Дорогу по проходимымъ теперь мѣстамъ экспедиція розыскивала себѣ разъѣздами, и этотъ способъ путешествованія особенно понравился г. Пржевальскому: „Главное", говоритъ онъ,—„самъ дѣлаешься хозяиномъ пути". Не станемъ разбирать, на сколько удобно быть хозяиномъ того, чего не знаешь; но признаемъ, что труда и усилій было положено здѣсь экспедиціей не мало; а вотъ и результаты ихъ: „Оставшись безъ проводника, мы хотѣли идти равниною вверхъ по р. Данъ-хэ, но глубокія балки съ отвѣсными боками сразу преградили намъ дальнѣйшій путь. Пришлось вернуться, спуститься опять въ ущелье Данъ-хэ и, переправившись черезъ эту чрезвычайно быструю и довольно глубокую рѣку, остановиться".... и т. д. По счастію блуждать такимъ образомъ г. Пржевальскому пришлось не долго: на первомъ же своемъ разъѣздѣ онъ повстрѣчалъ въ степи охотниковъ-Монголовъ, захватилъ ихъ въ плѣнъ, и подъ угрозою быть растрѣляннными, Монголы эти должны были указать экспедиціи дорогу къ Цайдаму. Это было однако довольно легко. Съ большимъ трудомъ экспедиція должна была только переправиться съ лѣваго берега рѣки Данъ-хэ на правый. За симъ по дорогѣ, указанной Монголами, для переправы на лѣвый берегъ рѣки оказался даже маленькій мостикъ; еще двѣ-три версты, и нашлось „довольно обширное луговое мѣсто, обильное ключами и превосходнымъ кормомъ". И сколько такихъ мѣстъ, вѣроятно, находилось въ двухъ-трехъ верстахъ отъ пути г. Пржевальскаго. Признаемся, знать ихъ намъ было бы, конечно, полезнѣе, чѣмъ читать разказы о безцѣльныхъ блужданіяхъ экспедиціи и на основаніи этихъ разказовъ мѣста совершенно удобопроходимыя почитать за усѣянныя неприступными скалами и обрывами, лишенными всякой растительности и орошенія.

VI-я и VII-я главы „Путешествія" посвящены изложенію свѣдѣній о громадномъ снѣговомъ хребтѣ Нань-шань и описанію пребыванія экспедиціи въ помянутыхъ горахъ. Авторъ изслѣдуетъ здѣсь характеристичныя особенности отдѣльныхъ частей Нань-шаньскаго хребта, даетъ опредѣленныя данныя для познанія его климата, флоры и фауны, съ особенною подробностью останавливается на описаніи новооткрытаго имъ марала (Cervus albirostris) и разказываетъ о посѣщеніи нань-шаньскихъ ледниковъ. Эти главы, цѣликомъ наполненныя есте-

Библиотека "Руниверс"

ственно-историческими данными, можетъ быть, однѣ изъ лучшихъ въ книгѣ.

Переваливъ Нань-шаньскій хребетъ, экспедиція вступила въ равнину озера Сыртынъ, принадлежащую обширному Цайдаму. Очерки этой послѣдней страны составляютъ предметъ изложенія VIII-й главы „Путешествія“ и должны были бы быть для насъ драгоцѣнными, такъ какъ страна эта не только неизвѣстна была до сихъ поръ по описаніямъ Европейцевъ, но даже и Китайцы въ своихъ географіяхъ отказываются отъ опредѣленія границъ и разстояній, особливо сѣвернаго Цайдама. Къ несчастію, г. Пржевальскій разказываетъ о Цайдамѣ едва ли не съ большею краткостью, чѣмъ о какой-либо другой странѣ. Общее географическое обозрѣніе Цайдама изложено у него всего въ десяти строкахъ. Говоря о жителяхъ Цайдама, путешественникъ замѣчаетъ, что они принадлежатъ къ кочевому племени Олотовъ, но вслѣдствіе помѣси съ Тангутами значительно утратили свой родовой типъ; занимаются они скотоводствомъ и въ самой незначительной степени земледѣліемъ; въ административномъ отношеніи раздѣляются на пять хошуновъ. Кромѣ этихъ общихъ замѣтокъ о жизни и благосостояніи Цайдамцевъ, г. Пржевальскій разказываетъ еще объ одной особенности ихъ быта, которая невольно должна обратить на себя вниманіе каждаго, но опять-таки представляетъ не разрѣшимую загадку.

„Далеко не спокойно“, говоритъ г. Пржевальскій, — „живутъ цайдамскіе Монголы. Каждогодно они подвергаются то въ одномъ, то въ другомъ хошунѣ набѣгамъ Хара-тангутовъ съ верховьевъ Желтой рѣки и Голыковъ, также тангутскаго племени, обитающихъ на р. Муръ-усу въ сѣверномъ Тибетѣ. Тѣ и другіе разбойники слывутъ у Цайдамцевъ подъ общимъ именемъ „оронгынъ“. Сопротивленія вооруженною силою разбойники почти никогда не встрѣчаютъ, разъ,—вслѣдствіе трусости самихъ Монголовъ, а вовторыхъ, потому, что за каждаго убитаго оронгына, платится большой штрафъ его семейству. Такой порядокъ узаконенъ сининскими амбанями (губернаторами), съ которыми разбойники, вѣроятно, дѣлятся своею добычею“.

Извѣстіе это очень любопытно, такъ какъ оно характеризуетъ не только отношенія между собою совершенно неизвѣстныхъ намъ племенъ и народностей, обитающихъ на сѣверныхъ границахъ Тибета, но даже и отношенія къ нимъ китайскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, что это за племя Голыковъ, или Оронгынъ, о которомъ

Библиотека "Руниверс"

едва находимъ мы отрывочныя извѣстія въ китайскихъ историческихъ и географическихъ памятникахъ, и которое притомъ такъ разбойнически грабитъ бѣдныхъ Цайдамцевъ? По офиціальнымъ докладамъ и указамъ маньчжурскаго правительства относительно благоустройства Куку-норской области, изданнымъ въ особомъ сочиненіи „Пинъ-фань-цзоу-и", извѣстно, что въ 3-мъ году царствованія императора Цянь-луна (1739 г.) на сѣверный Цайдамъ дѣйствительно нападалъ тангутскій родъ Голо-кэ, равно какъ и другіе тангутскіе роды, но противъ этихъ вторженій Тангутовъ въ Цайдамъ тогда же были приняты строгія мѣры. Фани были переселены на южный берегъ Желтой рѣки и не могли выходить отсюда на сѣверъ. Во 2-мъ году правленія Дао-гуана (1822 г.) изданъ былъ указъ, по которому каждаго Тангута, пришедшаго къ границамъ хошоутскихъ кочевьевъ, съ намѣреніемъ пробраться внутрь страны, повелѣвалось хватать, отбирать у него скотъ и не давать ему никакого провіанта на обратный путь. Въ 1823 году у Тангутовъ отняты были всѣ средства къ пріобрѣтенію себѣ пропитанія отъ цайдамскихъ Олотовъ, и въ странѣ этихъ послѣднихъ; фанямъ, жившимъ въ предѣлахъ олотскихъ кочевьевъ, запрещено было продавать хлѣбъ, чай и другіе жизненные продукты. Всѣ эти и подобныя имъ мѣры имѣли большое значеніе для водворенія спокойствія въ краѣ; объ отмѣнѣ ихъ ничего не извѣстно, и тѣмъ болѣе непонятнымъ является для насъ, отчего такъ сильно измѣнилась китайская политика, и почему это племя Голыковъ пользуется теперь такимъ расположеніемъ китайскаго правительства, что за убійство Оронгына платится даже большой штрафъ его семейству? Не все ли равно для Китая, будетъ ли убитъ въ нападеніи Оронгынъ, или Олотъ? Г. Пржевальскій въ разъясненіе этого послѣдняго вопроса представляетъ свое соображеніе, что разбойники, вѣроятно, дѣлятся своею добычею съ синиискими амбанями; но это едва ли правдоподобно, потому что совершенно противорѣчитъ обычаямъ китайскихъ начальниковъ: обобрать инородца они всегда способны и всегда могутъ найдти для того удобный случай, но издавать съ этою цѣлью какое-либо постановленіе, охраняющее личность того или другаго иноплеменника, — это уже не по китайски. Такъ оставались мы въ полной неизвѣстности, касательно причинъ измѣненія китайской политики въ отношеніяхъ къ Голыкамъ-Оронгынамъ, пока бесѣда съ однимъ изъ членовъ китайскаго посольства при русскомъ дворѣ не натолкнула насъ на совершенно иную мысль. Въ разговорѣ мы просили Китайца разъяснить, что это за племя Голыковъ, и гдѣ можно

Библиотека "Руниверс"

прочитать особливо о послѣднихъ судьбахъ этого племени? Къ нашему удивленію, Китаецъ отвѣчалъ, что таковаго племени онъ не знаетъ и никогда не слыхалъ о немъ; но что прозваніе „голоки" носятъ у нихъ знаменныя китайскія войска, поселенныя для постоянной службы въ Тибетѣ. На сколько справедливо и подходяще это объясненіе къ данному случаю, утверждать, конечно, трудно: но замѣчательно, что слово „оронгынъ", которымъ, по свидѣтельству г. Пржевальскаго, называютъ Цайдамцы грабящихъ ихъ голыковъ, на языкѣ Олотовъ означаетъ именно „знаменный солдатъ" и есть ничто иное, какъ родительный падежъ отъ существительнаго „оронга", знамя. Если объясненіе Китайца признать правдоподобнымъ, тогда намъ будетъ понятно, что грабители эти суть никто иные, какъ китайскіе же солдаты, а отсюда ясно и то, почему китайскія власти такъ благоволятъ къ голыкамъ-орогынамъ, что за голову каждаго изъ нихъ налагаютъ еще большой штрафъ на потерпѣвшихъ Цайдамцевъ. Противорѣчіе сказанному находимъ мы въ томъ, что г. Пржевальскій въ XI-й главѣ своего „Путешествія" выставляетъ нѣкоторыя подробности о Голыкахъ, признаетъ ихъ за отдѣльное тангутское племя, и именно за то самое, которое нападаетъ на Цайдамъ, но тѣмъ не менѣе намъ надлежитъ помнить, что всѣ свои свѣдѣнія о Голыкахъ нашъ путешественникъ добылъ путемъ разпроса; самъ онъ страны Голыковъ никогда не посѣщалъ, и по собственному признанію, никогда не видалъ ни одного Голыка. И такъ, не произошло ли у него, вслѣдствіе созвучія именъ, смѣшеніе понятій? При крайней недостаточности свѣдѣній, собранныхъ г. Пржевальскимъ, и краткости его разказа дѣло это остается въ полной темнотѣ.

Но возвращаемся къ равнинѣ Сэртэнъ, на которую вышла экспедиція г. Пржевальскаго, переваливъ Нань-шаньскій хребетъ. Равнина эта для насъ, Русскихъ, замѣчательна тѣмъ, что не далѣе какъ въ прошломъ столѣтіи китайское правительство поселило здѣсь нашихъ данниковъ, Калмыковъ, и во главѣ ихъ Арабчжура, сына знаменитаго въ русской исторіи калмыцкаго Аюки-хана. Сохранилось ли теперь у жителей равнины Сэртэнъ какое-либо воспоминаніе о русскомъ имени, этого изслѣдовать г. Пржевальскій, конечно, не могъ; онъ говоритъ только, что Монголы (собственно Монголовъ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, а есть Хошоуты или Калмыки), живущіе въ сыртынской равнинѣ, принадлежатъ вѣдомству князя Курлыкъ-бэйсэ; это названіе есть чисто мѣстное, а потому и опредѣлить, что это за князь Курлыкъ-бэйсэ (то-есть, живущій около озера Курлыкъ) довольно трудно. Сэр-

Библиотека "Руниверс"

тэновцы приняли экспедицію довольно радушно (не имѣло ли въ самомъ дѣлѣ здѣсь вліянія русское имя экспедиціи?), и хотя отказались вести ее прямо въ Тибетъ, однако охотно дали проводника до ставки своего князя. Такимъ образомъ г. Пржевальскій долженъ былъ сдѣлать довольно значительный обходъ по Цайдаму къ озеру Курлыкъ-нору, и это въ свою очередь дало ему возможность изслѣдовать сѣверо-восточный Цайдамъ. Впрочемъ мѣстности, залегающія здѣсь, представляютъ собою почти безплодныя степи и оттого даютъ весьма мало матеріала для описаній: г. Пржевальскій останавливается только на озерахъ Йэхэ-цайдамынинъ-норъ и Бага-цайдамынинъ-норъ; за симъ болѣе плодородныя мѣста нашелъ онъ на р. Балгынъ-голѣ. Окрестности Балгынъ-гола изобилуютъ харыкомъ и тамарискомъ, почему г. Пржевальскій представляетъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ растеніяхъ и наконецъ дѣлаетъ замѣтку о мѣстныхъ пашняхъ, принадлежащихъ Цайдамцамъ и князю ихъ Курлыкъ-бэйсэ.

Поссорившись съ этимъ княземъ, который, не смотря на строгое требованіе г. Пржевальскаго, не хотѣлъ ни давать ему проводника, ни продавать необходимый для пути провіантъ, экспедиція должна была направиться въ кочевья Дзунъ-засака цайдамскаго. Сюда влекла ее, вопервыхъ, необходимость купить верблюдовъ, а вовторыхъ, то обстоятельство, что „послѣ недоброжелательныхъ сношеній съ Курлыкъ-бэйсэ въ кочевьяхъ его уже не возможно было оставить лишнюю кладь экспедиціи до возвращенія ея изъ Тибета". Отъ Балгынъ-гола до хырмы (ставки) Дзунъ-засака разстояніе равнялось 120 верстамъ. Проходя ихъ, авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе на климатъ Цайдама, который оказался рѣзко отличающимся отъ климата Наньшаня, еще такъ недавно оставленнаго путниками. Что касается географическаго описанія помянутаго пространства, то и оно сдѣлано г. Пржевальскимъ по прежнему, кратко. Упомянувъ о положеніи Курлыкъ-нора и Тосо-нора, путешественникъ разказываетъ, что за симъ экспедиція вступила въ мѣста крайне безплодныя, гдѣ все было мертво — ни птицы, ни звѣря, ни даже ящерицъ. Такъ вплоть до р. Булунгира и даже далѣе до р. Баянъ-гола, на берегахъ которой встрѣтилась путникамъ лучшая растительность. Но по поводу этихъ рѣкъ, которыя г. Пржевальскій описываетъ съ большею подробностью, возникаетъ опять недоразумѣніе, и именно относительно р. Булунгира показанія г. Пржевальскаго совершенно сходствуютъ съ китайскими, въ томъ, что рѣка эта впадаетъ Баянъ-голъ, но вытекаетъ она, по г. Пржевальскому, изъ болотъ Иргицыха, лежащихъ на об-

Библиотека "Руниверс"

широкой солончаковой равнинѣ, Китайцы же утверждаютъ, что ея истоки находятся у озера Алакъ-нора, лежащаго среди горъ того же имени. Что р. Баянъ-голъ вытекаетъ изъ озера Тосо-норъ, объ этомъ одинаково говорятъ, какъ г. Пржевальскій, такъ и Китайцы; но первый утверждаетъ, что она впадаетъ въ мелководное соляное озеро, а послѣдніе, болѣе обстоятельно указывая урочища, по которымъ протекаетъ Баянъ-голъ, говорятъ, что рѣка эта, принявъ въ себя Булунгиръ въ мѣстности Шара-чжуръ-тала, продолжаетъ свое теченіе въ западно-сѣверно-западномъ направленіи на 120 ли и затѣмъ теряется въ пескахъ. Впрочемъ съ Баянъ-голомъ, очевидно, вообще не ладится г. Пржевальскому. Въ настоящей книгѣ онъ исправляетъ ошибки своего стараго путешествія, сдѣланныя—какъ онъ объясняетъ—потому, что мѣстные Монголы дали ему ложныя показанія; однако же и теперь, для сообщенія новыхъ свѣдѣній о той же рѣкѣ, ему пришлось пользоваться тѣмъ же источникомъ. Сдѣлавъ отъ переправы чрезъ Баянъ-голъ 23 версты, экспедиція вышла на свою старую дорогу и остановилась у хырмы Дзунъ-засака съ тѣмъ, чтобы переформировавшись здѣсь, начать новый путь въ Тибетъ, „страну полной неизвѣстности". Этою остановкой у Дзунъ-засака г. Пржевальскій оканчиваетъ первый періодъ своего путешествія.

Дальнѣйшее слѣдованіе экспедиціи можетъ быть въ свою очередь раздѣлено на два отдѣла. Въ составъ перваго входятъ изслѣдованія мѣстностей, вовсе намъ неизвѣстныхъ, каковы: сѣверный Тибетъ, верховья Желтой рѣки, а равно страна отъ р. Чурмына, притока Хуанъ-хэ, до озера Куку-нора; второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе обратнаго пути экспедиціи отъ Куку-нора по горамъ Гань-су, черезъ Алашань и пустыню Гоби въ Ургу. Оба эти отдѣла рѣзко различаются въ книгѣ г. Пржевальскаго по своему изложенію: въ первомъ изъ нихъ, вслѣдствіе движенія экспедиціи по невѣдомымъ для насъ странамъ, почти каждое сообщеніе путешественника является новизной, и почти каждое слово его исполнено интереса; во второмъ—гдѣ г. Пржевальскій описываетъ дорогу, пройденную имъ еще въ 1873 году, онъ по большей части только перефразируетъ свои прежнія извѣстія, не прибавляя къ нимъ ничего новаго и даже значительно сокращая изложеніе своей книги „Монголія и страна Тангутовъ". Понятно поэтому, что наши замѣчанія по каждой изъ этихъ частей не могутъ быть обширны.

Свое описаніе Тибета г. Пржевальскій начинаетъ краткимъ общимъ очеркомъ этой страны. Здѣсь авторъ прежде всего напоминаетъ

Библиотека "Руниверс"

читателю о малоизвѣстности Тибета и о причинахъ, породившихъ ее; затѣмъ разказываетъ о различныхъ частяхъ Тибета, о горахъ, которыя служатъ окраинами тибетскаго плато, и о самомъ этомъ плато, о горахъ, возвышающихся на общемъ тибетскомъ нагорьи и о характерѣ этихъ горъ, о рѣкахъ и озерахъ Тибета, его о климатѣ, флорѣ, фаунѣ и наконецъ о жителяхъ. Помянутый очеркъ составленъ г. Пржевальскимъ, какъ на основаніи его собственныхъ наблюденій въ настоящемъ и прежнемъ путешествіяхъ, такъ равно и по показаніямъ другихъ путешественниковъ, какъ-то Рихтгофена, Наинъ Синга и прочихъ пундитовъ, въ разное время посѣщавшихъ Тибетъ со стороны Индіи или Китая. Что касается описанія собственнаго пути г. Пржевальскаго по Тибету, то оно занимаетъ въ его книгѣ сравнительно очень не много мѣста. Здѣсь, какъ и въ разказѣ о Хамійской и Чжунгарской пустыняхъ, путешественникъ только изрѣдка указываетъ мѣста остановки своего каравана и не даетъ никакихъ данныхъ даже для опредѣленія разстояній между главными пунктами, по которымъ совершалось движеніе. О какихъ-нибудь частностяхъ и особенностяхъ страны, замѣченныхъ экспедиціей на пути, нѣтъ и рѣчи. Авторъ опускаетъ даже самыя главныя и существенныя для насъ свѣдѣнія: такъ на пути отъ Хырмы Дзунъ-засака до рѣки Номохунъ-гола, то-есть, на пространствѣ, которое, по видимому, пройдено экспедиціей въ трое, а можетъ быть, и въ четверо сутокъ, не показано ни одной рѣчки, ни одного ручья или колодца. То же можно сказать о пространствѣ между рѣками Напчитай-уланъ-мурень и Хабчикъ-уланъ-мурень, между рѣкою Хабчикъ-уланъ-мурень и Думбуре—голомъ и пр. Г. Пржевальскій намѣчаетъ только главные пункты на своей дорогѣ и ихъ только описываетъ; но разказы его въ данныхъ случаяхъ не относятся исключительно къ тому, что онъ наблюдалъ на своемъ пути, а заключаютъ въ себѣ весь запасъ общихъ и основныхъ свѣдѣній о странѣ, когда-либо и какимъ-либо способомъ пріобрѣтенныхъ г. Пржевальскимъ. Такъ, въ главѣ, озаглавливаемой „описаніе пути по сѣверному Тибету“, онъ говоритъ о хребтѣ Бурханъ-будда и объ ущельи Номохунъ-гола, объ урочищѣ Дынсы-обо, о хребтѣ Шуга и рѣкѣ того же имени, о равнинѣ по рѣкѣ Напчитай-уланъ-мурени, о хребтахъ Куку-шили и Думбуре, о горахъ Цаганъ-обо, о верхнемъ теченіи Голубой рѣки, о рѣкѣ Токтонай-уланъ-мурени, о хребтѣ Танла и о горѣ Бумза, бывшей послѣднимъ пунктомъ, до котораго достигла экспедиція въ своемъ движеніи въ сѣверный Тибетъ.

Библиотека "Руниверс"

Безспорно, всѣ изложенныя г. Пржевальскимъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ частяхъ тибетской страны, горныхъ хребтахъ, рѣкахъ и долинахъ, по которымъ протекаютъ эти рѣки, равно какъ и общій очеркъ сѣвернаго Тибета, имѣютъ свое значеніе; но, какъ результатъ путешествія по неизвѣстной странѣ, они по нашему мнѣнію, далеко не удовлетворяютъ своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ пріобрѣтаетъ наука изъ такихъ описаній? Человѣкъ, изучающій Тибетъ по книгѣ г. Пржевальскаго, не имѣетъ возможности познакомиться съ этою страной сознательно и осмысленно, потому что ему не дается, собственно говоря ни одного живаго факта; необходимо схватывать на лету и затверживать только заключенія г. Пржевальскаго, по большей части не извѣстно на чемъ основанныя. Можно сказать, что для успѣховъ науки подобнаго рода отчеты о путешествіяхъ даже вредны и, конечно, тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе пользуется авторитетомъ самъ путешественникъ.

Еще менѣе удовлетворяетъ насъ „Путешествіе“ г. Пржевальскаго въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ при вышеуказанной формѣ изложенія въ немъ встрѣчаются ясныя, но совершенно необъяснимыя для насъ противорѣчія. Не успѣвъ пробраться въ Тибетъ, г. Пржевальскій направился къ озеру Куку-нору, которое было посѣщено имъ еще въ 1873 году. Въ то время, описывая помянутое озеро, путешественникъ сообщалъ намъ, что въ „западной части Куку-нора, верстахъ въ 20 отъ его южнаго берега, лежитъ скалистый островъ, имѣющій въ окружности отъ 8—10 верстъ“, что на островѣ этомъ „построена небольшая кумирня, въ которой живутъ десять ламъ“, и что „по словамъ мѣстныхъ жителей, на Куку-норѣ только одинъ островъ“ [1]). Въ настоящемъ своемъ путешествіи (стр. 316) г. Пржевальскій пишетъ, что „на озерѣ пять острововъ: изъ нихъ два скалистые лежатъ въ его западной части, три же другіе, низкіе и песчанные находятся не вдалекѣ отъ сѣверо-восточнаго берега“. Затѣмъ на стр. 317 онъ разказываетъ о помянутыхъ островахъ болѣе подробно, и здѣсь оказывается, что изъ числа скалистыхъ острововъ одинъ меньше, а другой больше, при чемъ „на большомъ островѣ, лежащемъ на самой срединѣ Куку-нора, выстроена небольшая кумирня“. Спрашивается теперь: гдѣ же лежитъ этотъ большой скалистый островъ— въ западной ли части озера или посрединѣ его? Затѣмъ относительно

[1] Монголія и страна Тангутовъ, т. I, стр. 279

Библиотека "Руниверс"

трехъ песчаныхъ острововъ на стр. 396 оказывается, что они составляютъ продолженіе гряды наносныхъ песковъ, постоянно приносимыхъ вѣтрами съ запада и время отъ времени все болѣе и болѣе засыпающихъ берега Куку-нора и обмеляющихъ самое это озеро. И такъ, что же это? Отдѣльные ли острова или отмели одной общей песчаной гряды, успѣвшія до 1880 года обнаружиться на поверхности озера только тремя точками? [1]) Фактъ этотъ требовалъ бы возможно болѣе полнаго изслѣдованія и описанія, также точно какъ не малую услугу для географіи могли бы оказать и вообще подробныя замѣтки путешественника о распространеніи песковъ по берегамъ Куку-нора. Дѣло въ томъ, что эти пески несомнѣнно оказываютъ свое вліяніе и на измѣненіе формы озера, и на измѣненіе его глубины, и на перемѣны въ его бассейнѣ. Г. Пржевальскій сообщаетъ намъ теперь, что Куку-норъ имѣетъ у себя въ настоящее время только 26 притоковъ, между тѣмъ офиціальные китайскіе географы начала нынѣшняго столѣтія насчитывали впадающихъ въ Куку-норъ всего 72 рѣчки. Произошла ли ошибка у китайскихъ географовъ, не досмотрѣлъ ли г. Пржевальскій, или наконецъ, изъ числа рѣкъ, впадавшихъ прежде въ озеро, нѣкоторыя уже совершенно занесены теперь песками? Еслибы г. Пржевальскій велъ и представилъ намъ обстоятельный дневникъ своего путешествія, мы, безъ сомнѣнія, могли бы найдти въ немъ многое къ разрѣшенію этихъ вопросовъ; при отсутствіи же частныхъ описаній все это остается загадкой, хотя у насъ и есть основаніе думать, что Китайцы не ошибались въ своемъ исчисленіи. Въ самомъ дѣлѣ, описывая свое лѣтнее посѣщеніе береговъ озера Куку-нора, г. Пржевальскій, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку о пройденной имъ рѣкѣ Ара-голѣ: „Устье р. Ара-голъ пересыпано, должно быть недавно, пескомъ, такъ что нынѣ рѣка эта не впадаетъ въ Куку-норъ, но образуетъ не далеко отъ его берега три небольшихъ прѣсноводныхъ озера". И такъ, по наблюденіямъ самаго г. Пржевальскаго, Ара-голъ еще недавно впадала въ Куку-норъ, и слѣдовательно, также недавно Куку-норъ имѣлъ у себя не 26, а 27 притоковъ. Очень можетъ быть, что тщательное наблюденіе надъ пройденнымъ

[1]) Китайскія и монгольскія описанія Куку-нора знаютъ на этомъ озерѣ только два острова: первый большой, называемый Хуйсунъ тологой, съ построенною на немъ кумирней, лежитъ посреди озера, но ближе къ восточному его берегу; второй меньшій, называемый Цаганъ тологой, лежитъ въ западной части озера. Эрдэн. эрих., гл. 29-я, л. 42.

Библиотека "Руниверс"

пространствомъ указало бы г. Пржевальскому и еще нѣсколько такихъ пересохшихъ и пересыпанныхъ песками руслъ и такимъ образомъ дало бы намъ возможность удостовѣриться въ томъ, что окрестности Куку-нора дѣйствительно значительно измѣнились за послѣднее десятилѣтіе, или, что то же, съ того времени какъ были онѣ описаны Китайцами. Вѣдь, собственно говоря, на большую часть извѣстныхъ намъ географическихъ изслѣдованій Китайцевъ мы и не можемъ смотрѣть иначе какъ на матеріалы для исторической географіи, и это потому, что помянутыя изслѣдованія производимы были Китайцами за полтораста и даже за двѣсти лѣтъ до нашего времени. Съ тѣхъ поръ могло измѣниться очень многое въ физической географіи азіатскихъ пространствъ, а отсюда и самыя географическія свѣдѣнія, извлекаемыя нами изъ китайскихъ источниковъ, должны быть передаваемы нынѣ съ большимъ разборомъ. На позднѣйшія можно полагаться съ большею вѣроятностью, но въ болѣе старыхъ необходимо видѣть лишь такія географическія данныя, которыя интересны для своей провѣрки и могутъ послужить при томъ важнымъ пособіемъ для геологіи и геогнозіи. Европейскому путешественнику, конечно, необходимо имѣть въ виду тѣ и другія данныя, чтобы провѣрять первыя и производить изслѣдованія во вторыхъ. Но у насъ, къ несчастію, не развился еще этотъ взглядъ на географическую литературу Китайцевъ; въ замѣнъ того у насъ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна (по преимуществу — синологовъ) безъавѣтно вѣруетъ въ китайскія извѣстія и почитаетъ даже старинныя изъ нихъ за непреложную истину въ настоящемъ; другая отрицаетъ всякую ихъ правдивость и утверждаетъ, что всѣ изслѣдованія Китайцевъ ложны, а потому не заслуживаютъ никакого вниманія. Къ представителямъ этой послѣдней партіи несомнѣнно принадлежитъ и г. Пржевальскій, который, отправившись съ береговъ Куку-нора изслѣдовать истоки Желтой рѣки и опять-таки не добравшись до нихъ, тѣмъ не менѣе не преминулъ замѣтить, что вообще разъяснить истоки Хуанъ-хэ возможно лишь изслѣдованіями европейскихъ путешественниковъ, а не по китайскимъ описаніямъ. Чтобы подтвердить свою мысль, онъ постоянно иронизируетъ надъ извѣстіями Китайцевъ, не разбирая того, что это за извѣстія, и къ какому времени онѣ относятся? Такъ напримѣръ, г. Пржевальскій счелъ нужнымъ указать на мнѣніе Китайцевъ, будто истоки Хуанъ-хэ лежатъ въ верховьяхъ р. Тарима. Но путешественникъ, вѣроятно, не подумалъ о томъ, что это мнѣніе было высказываемо въ Китаѣ еще за 135 лѣтъ до Р. Х., когда гео-

Библиотека "Руниверс"

графическія понятія всѣхъ народовъ стояли еще на самой первой ступени развитія. Китайцы и сами смотрятъ теперь съ ироніей на эти заблужденія своихъ предковъ. Но съ тѣхъ поръ измѣнилось многое, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Европѣ. Китайцы до самаго послѣдняго времени постоянно предпринимаютъ экспедиціи съ цѣлью изслѣдованія всѣхъ своихъ земель вообще, а въ томъ числѣ и Желтой рѣки: ихъ путешественники, ходившіе по Хуанъ-хэ, описываютъ ея теченіе съ необычайною точностью и подробностью, измѣряютъ каждый изгибъ рѣки, изслѣдуютъ ея притоки; тѣмъ не менѣе отъ опредѣленія истоковъ Хуанъ-хэ они и до нынѣ положительно отказываются. Г. же Пржевальскій, прошедшій вверхъ по Желтой рѣкѣ отъ параллели Хо-чжоу на какихъ-нибудь 100 верстъ, уже старается опредѣлить ея истоки и говоритъ, что „мѣстность эта (то-есть, истоковъ Хуанъ-хэ) лежитъ къ югу отъ озера Куку-нора, тамъ гдѣ подъ вліяніемъ геологическихъ и климатическихъ условій мощное тибетское плато обнажаетъ свой горный скелетъ и превращается въ дикую, альпійскую страну". На сколько ясно и убѣдительно для науки это опредѣленіе—мы говорить не будемъ; скажемъ только, что Китайцы проходили вверхъ по рѣкѣ Хуанъ-хэ приблизительно верстъ на 520 выше того пункта, до котораго доходилъ г. Пржевальскій, подробно описали теченіе рѣки на этомъ пространствѣ, равно какъ и соприкасающіяся ему мѣстности; но, минуя Одонь-тала и достигши низовьевъ Алтанъ-гола, они всегда заявляли, что останавливались здѣсь по непроходимости дальнѣйшаго пути. Такимъ образомъ г. Пржевальскій сразу опередилъ уже Китайцевъ въ попыткахъ опредѣлить истоки Хуанъ-хэ, хотя это обстоятельство не уменьшаетъ, конечно, достоинства и китайскихъ изслѣдованій. Напротивъ того, на основаніи этихъ изслѣдованій мы можемъ значительно пополнять и уяснять краткія описанія и разсказы г. Пржевальскаго. Путешественникъ нашъ говоритъ, напримѣръ, что отъ урочища Балекумъ гоми, Желтая рѣка вплоть до впаденія въ нее р. Бага-горги не имѣетъ у себя ни одного притока съ лѣвой стороны; отъ китайскихъ же писателей мы узнаемъ, что здѣсь впадаетъ въ Хуанъ-хэ съ лѣвой стороны рѣка Хуху-усу. Съ правой стороны, говоритъ г. Пржевальскій,—на томъ же пространствѣ впадаетъ въ Хуанъ-хэ одна рѣчка неизвѣстнаго намъ имени, которая протекаетъ въ глубокой траншеѣ; отъ Китайцевъ мы узнаемъ, что эта рѣка называется Эрхунь, что глубокую траншею, по которой протекаетъ эта рѣка, образуютъ соприкасающіяся ея теченію горы Йэхэ-тургэнь-шань, что рѣка Эрхунь на всемъ своемъ теченіи

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ у себя только одинъ притокъ съ правой стороны — Ха-ке-ту и т. д. Мы могли бы представить и еще многое къ уясненію разказовъ г. Пржевальскаго, но это значило бы передавать китайскія извѣстія о теченіи Хуанъ-хэ, что̀ едва ли будетъ здѣсь умѣстно. Къ тому же отъ впаденія р. Бага-горги г. Пржевальскій сдѣлалъ собственно 12—15 верстъ вверхъ по Желтой рѣкѣ и возвратился къ Куку-нору съ тѣмъ, чтобы предпринять обратный путь въ Россію по дорогѣ, пройденной имъ еще въ 1873 году. Объ описаніи этой послѣдней дороги мы уже сказали свое слово выше.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ книги г. Пржевальскаго, остается сказать еще нѣсколько словъ о приложенныхъ къ ней рисункахъ. Не суди о ихъ художественномъ достоинствѣ, а только о ихъ этнографической цѣнности, можно замѣтить, что типы по крайней мѣрѣ видѣнныхъ нами лично монгольскихъ народностей (каковы: халхаскіе Монголы, алашаньскіе Олоты и Уроты) представляются въ книгѣ г. Пржевальскаго черезъ-чуръ неудовлетворительными. Выяснить съ полною основательностью, въ чемъ заключается эта неудовлетворительность, мы не беремся (все дѣло состоитъ здѣсь въ разности угловъ, подъ которыми соединяются кости черепа и лица); но полагаемъ, что въ справедливости нашего заявленія убѣдиться не трудно. Сличите, напримѣръ, лица алашаньскаго князя и гегена, исполненныя съ фотографіи, съ рисунками всѣхъ прочихъ Монголовъ, снятыхъ съ натуры, и вы увидите, какъ велико ихъ различіе. Другія представленныя г. Пржевальскимъ народности намъ мало извѣстны, но изображенія ихъ опять-таки поразительны, по крайней мѣрѣ, своею чудовищностью. Напримѣръ, къ стр. 266 приложенъ типъ Тибетца въ рисункѣ тибетскаго солдата. У этого человѣка голова не превышаетъ и шестой доли его туловища, тогда какъ обыкновенно человѣческая голова составляетъ почти восьмую часть его тѣла. На рисункѣ къ стр. 382 представляется не менѣе удивительное явленіе: въ типахъ изображенныхъ здѣсь Хара-Тангутовъ линія, проведенная на уровнѣ ушей, равна вертикальному размѣру отъ макушки до подбородка, то-есть, голова человѣка съ его ушами вписывается въ квадратъ. Кто не скажетъ, что такого рода необычайности заставляютъ, по меньшей мѣрѣ, сомнѣваться въ правдивости рисунковъ!

Въ заключеніе нашего отзыва о книгѣ г. Пржевальскаго, отзыва, который могутъ найдти слишкомъ строгимъ, — мы должны сказать, что мы никакъ ни намѣрены и ничуть не желаемъ умалять заслуги почтеннаго и смѣлаго путешественника. Повторяемъ, поѣздка его

Библиотека "Руниверс"

въ Тибетъ уже сама по себѣ есть подвигъ—подвигъ, на который не рѣшался еще ни одинъ изъ русскихъ путешественниковъ; притомъ г. Пржевальскій собралъ большую коллекцію растеній и животныхъ и представилъ глазомѣрную съемку всего пройденнаго имъ пути; все это очень важно и полезно. Но мы судили не объ этихъ результатахъ экспедиціи г. Пржевальскаго, а о самомъ его „Путешествіи", и находимъ, что книга его мало удовлетворяетъ требованіямъ науки. Отличительный характеръ его изложенія составляетъ догматичность, даже въ тѣхъ частяхъ, гдѣ на каждомъ словѣ требуются еще изслѣдованія и доказательства. Интереснѣйшими и новѣйшими отдѣлами въ этой книгѣ представляются сообщенія о горныхъ хребтахъ; но и тутъ мы не имѣемъ ни одного подробнаго описанія того, что дѣйствительно видѣлъ и наблюдалъ путешественникъ, а въ замѣнъ того получаемъ цѣлую теорію о составѣ горъ центральной Азіи, объ ихъ направленіи, взаимной связи и проч. Результатъ такого способа изложенія понятенъ: мы не можемъ составить себѣ ни какихъ опредѣленныхъ понятій о дѣйствительности и обязаны во всемъ подчиняться взглядамъ г. Пржевальскаго, не спрашивая себя — справедливы эти взгляды или нѣтъ. И такъ, повторяемъ, отсутствіе частныхъ описаній есть существенный недостатокъ книги, а въ особенности прискорбно то, что благодаря своей манерѣ изложенія, а можетъ быть, и самому способу наблюденія, г. Пржевальскій на всемъ своемъ огромномъ пути просмотрѣлъ самый интересный для насъ предметъ, именно—человѣка средней Азіи и его культуру: о нихъ въ книгѣ говорится всего менѣе.

А. Позднѣевъ.

Русскій проповѣдникъ XVII вѣка и нѣсколько статей изъ его сочиненія «Статиръ». Изложилъ и издалъ протоіерей *І. Яхонтовъ*. С.-Петербургъ. 1883.

Іеродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка. Изслѣдованіе прот. *І. Яхонтова*. С.-Петербургъ. 1884.

Объ эти книжки почтеннаго протоіерея І. Яхонтова имѣютъ задачею указать современному русскому обществу, въ назиданіе его, древніе русскіе идеалы. „Давно уже", говоритъ авторъ въ самомъ концѣ второй своей книжки,—„раздаются голоса, а особенно изъ лагеря такъ-называемыхъ народниковъ, о неудовлетворительномъ состояніи нашего просвѣщенія въ самыхъ корняхъ его, объ отсутствіи

Библиотека "Руниверс"

или расшатанности положительныхъ началъ науки, о разобщенности и мертвомъ бездѣйствіи патентованныхъ органовъ ея, о необходимости возвратиться „домой", къ характеру, направленію и складу жизни до-Петровской эпохи. Но куда идти? Гдѣ искать указаній къ изученію этой эпохи? Гдѣ яснѣе и болѣе всего проявилась истинно-русская жизнь? Конечно, въ письменности и въ остаткахъ бытовой народной жизни. Надобно неослабнымъ трудомъ, усиленнымъ вниманіемъ, при любви къ дѣлу и счастливыхъ обстоятельствахъ, открывать, или лучше — отрывать эту старинную русскую жизнь, этого не испорченнаго русскаго человѣка въ памятникахъ русскаго творчества, чтобы представить его въ надлежащемъ свѣтѣ предъ очи современнаго читателя. Но предметъ, здѣсь затронутый, требуетъ особаго изслѣдованія. Предлагаемъ пока вниманію читателя двухъ старинныхъ Русскихъ людей—автора „Статира" и іеродіакона Дамаскина... Указывая на нихъ, осмѣливаемся сказать: „вотъ русскіе идеалы!".. (стр. 96). Такимъ образомъ объ книжки имѣютъ въ виду не столько научную цѣль, сколько публицистическую: этимъ объясняется, почему о. Яхонтовъ и не дорожитъ буквальнымъ текстомъ изслѣдуемыхъ и издаваемыхъ имъ памятниковъ, сокращая и перелагая ихъ на современную рѣчь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ книжки эти не лишены и научнаго интереса, такъ какъ онѣ касаются малоизвѣстныхъ и малоизслѣдованныхъ древне-русскихъ памятниковъ конца XVII и начала XVIII вѣка, касающихся интересной эпохи воздѣйствія тогдашняго южно-русскаго образованія на сѣверно-русское и столкновенія перваго съ послѣднимъ, а также и съ греческимъ образованіемъ, занесеннымъ туда Лихудами. Къ сожалѣнію, о. Яхонтовъ взглянулъ на дѣло не совсѣмъ объективно: онъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе московскимъ ученымъ того времени, черпавшимъ свою ученость въ сокровищницѣ греческой и древне-русской литературы, предъ южно-русскою образованностью, которая, по его словамъ, не привилась Русскому государству и народу, не сроднилась съ ними, не принесла тѣхъ плодовъ, какіе могла дать; такимъ образомъ авторъ забываетъ историческія заслуги южно-русской образованности для обще-русскаго просвѣщенія въ лицѣ даже такихъ дѣятелей Русской православной церкви и науки, какимъ былъ, напримѣръ, св. Димитрій Ростовскій.

Первая изъ разбираемыхъ книгъ „Русскій проповѣдникъ XVII в. и нѣсколько статей изъ его сочиненія Статиръ" знакомитъ читателей съ письменными трудами одного стариннаго русскаго пропо-

Библиотека "Руниверс"

вѣдника, неизвѣстнаго по имени, который жилъ и священствовалъ сначала въ г. Соликамскѣ, а потомъ въ вотчинѣ Георгія или Григорія Дмитріевича Строгонова Орлѣ, городкѣ нынѣшней Пермской губерніи, гдѣ онъ и написалъ въ 1683 и 1684 годахъ свой „Статиръ", заключающій въ себѣ 156 проповѣдей на воскресные и праздничные дни церковнаго года. Свѣдѣнія объ этомъ „Статирѣ" и нѣсколько поученій изъ него помѣщены были о. протоіереемъ еще въ 1858 году въ журналѣ Духовная Бесѣда, при чемъ поученія явились въ переложеніи на современную рѣчь и отчасти въ сокращеніи, такъ что „иногда при этомъ сохранялось только, такъ-сказать, ядро поученія, а шелуха отбрасывалась" По поводу напечатанныхъ въ Духовной Бесѣдѣ поученій изъ „Статира" профессоръ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій помѣстилъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи (апрѣль 1861 года) статью подъ заглавіемъ „Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII вѣка", гдѣ между прочимъ довольно убѣдительно проводилъ ту мысль, что возрожденіе церковной проповѣди, и притомъ устной, на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ произошло подъ сильнымъ вліяніемъ южно-русскаго проповѣдничества, отразившимся и на „Статирѣ" орловскаго священника. Въ настоящей книгѣ о. Яхонтовъ издалъ 20 сравнительно лучшихъ проповѣдей изъ „Статира", но опять-таки въ переводѣ на современную русскую рѣчь (за исключеніемъ трехъ проповѣдей) и въ сокращеніи, при чемъ исключилъ все заимствованное орловскимъ священникомъ изъ „Учительнаго Евангелія" южно-русскаго проповѣдника Кирилла Транквилліона Ставровецкаго. Не смотря на эти заимствованія, о. Яхонтовъ признаетъ автора „Статира" замѣчательнымъ самороднымъ сѣверно-русскимъ проповѣдникомъ того времени. „Нашъ проповѣдникъ", говоритъ онъ въ предисловіи,— „представляетъ собою блестящій самородокъ, который долженъ быть дорогъ нашему сердцу. Его рѣдкій талантъ проповѣдника, чистота и искренность вѣры, горячая преданность православной церкви и ревность о духовномъ просвѣщеніи Россіи, громадный трудъ, все дѣлаетъ его рѣдкимъ, высоко-выдающимся явленіемъ, которымъ мы имѣемъ право любоваться и гордиться". О. Яхонтовъ не отвергаетъ однако того, что образцами для автора „Статира", по собственному признанію послѣдняго, были „Учительное Евангеліе" Кирилла Транквилліона Ставровецкаго и „Обѣдъ" и „Вечеря" Симеона Полоцкаго, и что онъ много заимствовалъ изъ нихъ въ свою книгу и расположилъ заимствованное въ разныхъ мѣстахъ своего сборника. Но

Библиотека "Руниверс"

выбросивъ изъ „Статира“ всѣ эти выписки изъ Симеона Полоцкаго и Кирилла Транквилліона, какъ ненужный балластъ, авторъ лишилъ читателя возможности уяснить во всей полнотѣ зависимость орловскаго священника въ его проповѣднической дѣятельности отъ вліянія указанныхъ выше проповѣдниковъ съ южно-русскимъ образованіемъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ составѣ своемъ книжка о. Яхонтова, вопреки его желанію, показываетъ не предубѣжденному человѣку, что орловскій священникъ, авторъ „Статира“, даже независимо отъ буквальныхъ заимствованій у Кирилла Транквилліона и Симеона Полоцкаго, весьма много обязанъ имъ своимъ возбужденіемъ къ устному проповѣдничеству, духомъ и характеромъ и даже построеніемъ и складомъ своихъ проповѣдей.

Другая книжка о. Яхонтова объ „Іеродіаконѣ Дамаскинѣ, русскомъ полемистѣ XVII вѣка“ съ бо́льшимъ основаніемъ и правомъ старается показать преимущество московскихъ ученыхъ XVII вѣка, „черпавшихъ свою ученость въ сокровищницѣ греческой и древнерусской литературы“, предъ южно-русскими учеными того времени. Однако, и тутъ нельзя вполнѣ согласиться съ основными воззрѣніями и выводами автора. Эта книжка касается чрезвычайно интересной эпохи въ исторіи нашей образованности, эпохи борьбы пришлой кіево-латинской учености съ туземною греко-московскою. Однимъ изъ главныхъ противниковъ кіево-латинской учености является іеродіаконъ Чудова монастыря въ Москвѣ Дамаскинъ, ученикъ Лихудовъ, малоизвѣстный доселѣ писатель конца XVII и начала XVIII вѣковъ, которому посчастливилось въ нашей литературѣ только въ послѣднее время. Въ 1883 году намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры архимандритъ Леонидъ издалъ въ „Памятникахъ древней письменности“, описаніе Аѳонскихъ монастырей въ сравненіи ихъ съ Соловецкою лаврою, съ нѣкоторыми другими произведеніями Дамаскина, а въ настоящемъ 1884 году о. Яхонтовъ издалъ въ разсматриваемой нами книгѣ, но съ сокращеніями и переложеніемъ на современную рѣчь, другое произведеніе того же Дамаскина, именно—догматико-полемическое сочиненіе о времени пресуществленія Христовыхъ тайнъ на литургіи.

Исторія предмета полемики, по изложенію о. Яхонтова, слѣдующая: На Флорентійскомъ соборѣ самимъ папою Евгеніемъ IV былъ поднятъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ на божественной литургіи и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что освященіе даровъ совершается произнесеніемъ или повтореніемъ словъ Спасителя на

Библиотека "Руниверс"

Тайной вечери: пріимите, ядите..., пійте отъ нея, и проч. Между тѣмъ отцы, какъ восточной, такъ и древней западной церкви, а равно и всѣ древнія литургіи, единогласно свидѣтельствуютъ, что освященіе даровъ на литургіи совершается молитвою священнослужителя и призываніемъ Св. Духа. На Флорентійскомъ соборѣ измѣнники и перебѣжчики Виссаріонъ и Исидоръ отвѣчали довольно хитро и уклончиво на вопросъ папы, впрочемъ явно благопріятствуя римскому ученію. Но другіе епископы, съ Маркомъ Ефесскимъ во главѣ, отвергли толкованіе измѣнниковъ и остались вѣрными св. церкви. Ученіе Восточной церкви, защищенное Маркомъ Ефесскимъ и Николаемъ Кавасилою, архіепископомъ Солунскимъ, окончательно утверждено было на Іерусалимскомъ соборѣ 1672 года и опредѣленно выражено въ „Православномъ исповѣданіи", одобренномъ всѣми восточными патріархами. Но въ XVII вѣкѣ многіе кіевскіе ученые, отправляясь для усовершенствованія себя въ наукахъ въ западныя школы и университеты, усвоивали здѣсь болѣе или менѣе характеръ и мнѣнія Западной церкви. Такъ, одинъ изъ нихъ, Ѳеодосій Сафоновичъ, бывшій въ 1665 г. игуменомъ Кіево-Михайловскаго монастыря, составилъ цѣлую книгу, наполненную латинскими заблужденіями, подъ названіемъ „Выкладъ о церкви и ея тайнахъ". Эту-то книгу кіевскіе выходцы привезли съ собою въ Москву и стали здѣсь распространять и доказывать выраженныя въ ней мнѣнія. Русскіе и греческіе ревнители православія ополчились противъ новыхъ ученій и ихъ приверженцевъ. Патріархъ Іоакимъ поручилъ ученому иноку Евѳимію написать сочиненіе противъ книги „Выкладъ". Это сочиненіе, подъ заглавіемъ „Остенъ" (рожонъ, бодецъ), было одобрено патріархомъ и послано имъ къ Кіевскому митрополиту и другимъ епископамъ. Заблужденія латинствующихъ были разсмотрѣны и осуждены на Московскомъ соборѣ 1690 года. Не смотря на все это, латинствующіе не усмирялись. Противъ книги „Остенъ" и ея автора, равно какъ противъ Всероссійскаго патріарха Іоакима, братьевъ Лихудовъ и вообще греко-московскихъ ученыхъ, появилось цѣлое сочиненіе въ формѣ „Вопросовъ" (числомъ 105). Авторомъ этого сочиненія былъ кіевскій выходецъ Гавріилъ Домецкій, бывшій архимандритомъ сперва Симонова монастыря въ Москвѣ, потомъ Юрьевскаго въ Новгородѣ, и пользовавшійся нѣкоторое время расположеніемъ и любовью Новгородскаго митрополита Іова. Противъ этого-то сочиненія Домецкаго и направлено изданное о. Яхонтовымъ сочиненіе іеродіакона Дамаскина, написанное въ 1704 году.

Библиотека "Руниверс"

Личности противниковъ о. Яхонтовъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: „Личность Дамаскина, о которой поведемъ теперь рѣчь", говоритъ онъ въ первой главѣ изслѣдованія,—„чрезвычайно замѣчательна, какъ типъ истинно-русскаго человѣка, не испорченнаго схолаетическою наукою, хотя для своего времени и званія очень образованнаго, честнаго, неподкупнаго, съ прямымъ здравымъ смысломъ, непритворно смиреннаго и благочестиваго, но неустрашимаго борца за свою вѣру и народность... Въ соперникѣ его Домецкомъ мы видимъ тоже человѣка русскаго и какъ бы православнаго, но уже окуреннаго и подкрашеннаго западною іезуитскою ученостію, хитраго, пронырливаго, тщеславнаго, способнаго къ лести, коварству, интригѣ, клеветѣ, ищущаго только своихъ выгодъ, отличій и преимуществъ, а главное—средствъ къ наслажденію благами временной жизни". Въ полемикѣ между этими противниками побѣжденнымъ оказался въ концѣ концовъ Домецкій. „Покровитель его", говоритъ о. Яхонтовъ,—„увидѣлъ истину въ словахъ смиреннаго іеродіакона и удалилъ отъ себя кіевскаго обманщика, который и возвратился въ свой любимый городъ". А „Дамаскинъ, кончивъ свой церковно-гражданскій подвигъ, свой литературный трудъ, удалился съ поприща общественной дѣятельности; о немъ уже нигдѣ не говорится"... Всего „вѣроятнѣе, что Дамаскинъ удалился на возлюбленный имъ Аѳонъ и тамъ кончилъ дни свои въ невидимомъ для міра служеніи Господу".

Этимъ оканчивается книжка протоіерея Яхонтова; но она не исчерпываетъ вполнѣ вопроса о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи, и потому, смѣемъ думать, смотритъ на него довольно односторонне. Мы имѣемъ въ двухъ спискахъ не оконченный трактатъ „о пресуществленіи", писанный въ началѣ XVIII вѣка неизвѣстнымъ авторомъ [1]), который имѣлъ въ виду и „Остенъ", и сочиненіе Дамаскина противъ Домецкаго, и старался найдти посредствующее звено для примиренія и соглашенія противоположныхъ мнѣній, а въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ даже склонялся къ мнѣнію г. Домецкаго: „Различнои различно о томъ гадателствуютъ", пишетъ авторъ этого трактата.—„Едни глаголютъ, яко самѣми токмо

[1]) Одинъ списокъ см. въ «Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи», вып. 2-й, 1877 г., № 296, л. 227 и сл. Второй списокъ поступилъ въ тотъ же музей въ декабрѣ 1883 года отъ профессора Н. И. Щеголева.

Библиотека "Руниверс"

словесы Христовыми бываетъ пресуществленіе, кромѣ воследствующаго іерейскаго моленія... Друзіи весма отсѣцаютъ силу словесъ Христовыхъ, глаголюще та быти ничтоже дѣйствующая отнюдъ, но токмо історически воспоминаемая, и велятъ народу, да не покланяются въ возглашеніи словесъ оныхъ, всю же силу пресуществленіа въ самомъ токмо іерейскомъ моленіи полагаютъ... Третіи обое то, и словеса Христова, и словеса іерейская, единомѣстно въ пресуществленіе пріемлютъ, сказующе, яко словесы Христовыми начинается, а молитвою окончеваетъся пресуществленіе, и суть словеса Христова основаніе пресуществленію, молитва же на совершеніе, и едино безъ другаго быти не можетъ". Авторъ отвергаетъ первыя два мнѣнія и принимаетъ послѣднее. „Сице", говоритъ онъ, — „блаженныя памяти святѣйшаго патріарха Іоакима, еже онъ въ соборѣ Московскомъ въ лѣто бытія 7198 (1690), м-ца іануарія, читалъ, написано, яко словеса Христова суть начало и основаніе пресуществленію, молитва же на вершеніе". Послѣ этого авторъ трактата рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ и другой соединенный съ первымъ вопросъ — о томъ, „подобаетъ ли въ возглашеніи словесъ Христовыхъ кланятися": „О семъ споръ многій слышится въ духовныхъ и мірскихъ, овымъ кланяющимъся въ возглашеніи Христовыхъ словесъ, овымъ же не кланяющимъся и кланятися возбраняющимъ. И болѣзненно есть слышати и видѣти несогласіе и распрю людій единовѣрныхъ, единыя матере церкве Христовы чадъ сущихъ, ѵкую болѣзнь сердца доселѣ носихъ терпѣніемъ, ово молчаніе любя, ово же снисходя человѣческимъ нравамъ. Егда же внійдоша въ рудѣ мои тетрадій двохъ отъ духовнаго чина высокаго творцовъ, не токмо кланятися въ возглашеніи словесъ возбраняющія, но и преизлишно хулящія то поклоненіе, въ ересь же и въ погибель душевную вмѣняющія—тогда судихъ, отложши молчаніе, проглаголати нѣчто въ примиреніе немирныхъ, въ еже привести въ согласіе несогласная (аще кіи привестися и примиритися изволятъ); не всегда бо есть и молчаніе полезно, паче же и вредно бываетъ, егда молчаніемъ попускаетъся умножатися распрямъ и раздорамъ въ Христовой церквѣ. Еще же и вопросами многихъ, иже наставитися отъ насъ ищутъ, па сіе подвигохся, еже полезна отвѣта помощію Божіею поискати. Творцовъ убо оныхъ въ духовномъ чину высокихъ (именъ ихъ не изъявляю, вѣдятъ вѣдущіи) тетради пріемъ, и прочетъ, и силу тетрадій тѣхъ уразумѣвъ, здѣ и въ началѣ предлагаю имущуюся сице". Сдѣлавъ извлеченіе изъ обоихъ тетрадей, авторъ затѣмъ приступаетъ къ рѣшенію слѣдую-

Библиотека "Руниверс"

щихъ болѣе частныхъ вопросовъ „О поклоненіи св. дарамъ“: „1) Отъ латинъ ли пріятся въ Російстей церквѣ еже кланятися въ возглашеніи словесъ Христовыхъ? 2) Согласуютъ ли Римляномъ кланяющіися въ возглашеніи словесъ Христовыхъ? 3) Исторически глаголемая словеса Христова имѣютъ ли какову силу къ освященію предложенныхъ даровъ? 4) Кланяющіися предложеннымъ св. дарамъ прежде пресуществленія ихъ простому ли хлѣбу и вину кланяются, и есть ли то ихъ поклонъ ересь и грѣхъ и души погибель? 5) Кланяющіися въ возглашеніи словесъ Христовыхъ твари ли отдаютъ поклонъ Божій? 6) Соборъ вселенскій седмый повелѣлъ ли не кланятися въ возглашеніи словесъ Христовыхъ? 7) Поклонъ, ввозглашеніи словесъ Христовыхъ творимый, есть ли мерзостенъ Христу Спасителю нашему?“ Къ сожалѣнію, трактатъ остался не оконченнымъ по случаю смерти автора. Въ одномъ изъ списковъ его, послѣ рѣшенія 4-го вопроса, замѣчено: „Не довершено сіе, прекрати бо смерть, трехъ разсмотрѣній“.

Кто былъ авторъ этого трактата—съ достовѣрностью сказать не умѣемъ. Можно сказать только, что, вопервыхъ, трактатъ писанъ въ самый разгаръ спора о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи, именно послѣ 1705 года, то-есть, послѣ доставленія сочиненія іеродіакона Дамаскина Новгородскому митрополиту Іову; вовторыхъ, писанъ авторитетнымъ лицомъ, получившимъ южно-русское образованіе и имѣвшимъ болѣе широкій взглядъ на дѣло, чѣмъ взгляды Дамаскина и Домецкаго; втретьихъ, писанъ такимъ лицомъ, которое и скончалось въ самый разгаръ спора, не дописавъ своего трактата. Оба списка интересующаго насъ тратата „О пресуществленіи“ и „О поклоненіи св. дарамъ“ помѣщены между сочиненіями св. Димитрія Ростовскаго, которому предположительно и можно приписать его.

Во всякомъ случаѣ, мы не раздѣляемъ увлеченія о. Яхонтова умственными и нравственными качествами іеродіакона Дамаскина и полагаемъ, что неизвѣстный авторъ указаннаго нами трактата стоялъ, по своему образованію и взглядамъ, несравненно выше и Гавріила Домецкаго, и іеродіакона Дамаскина.

И. Нетровъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКИ О СРЕДНИХЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

I.

Лицеи.—Интернатъ.

Среднее образованіе существуетъ во Франціи, можно сказать, съ XIV столѣтія. Первоначально тогдашнія парижскія коллегіи (collèges) предназначены были служить убѣжищемъ для студентовъ знаменитой Сорбонны, не имѣвшихъ средствъ найдти себѣ иное помѣщеніе. При такихъ коллегіяхъ стало, мало по малу, устраиваться преподаваніе: возникли курсы, читаемые профессорами Сорбонны, и лекціи эти стали привлекать слушателей.

Религіозныя войны XVI вѣка много повредили успѣшному процвѣтанію французскихъ коллегій. Начиная съ исхода этого вѣка имъ приходилось вести борьбу съ іезуитскимъ орденомъ, основавшимъ во Франціи многочисленныя школы, гдѣ образованіе стояло въ то время на высокомъ уровнѣ развитія. Только послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Франціи въ 1764 году, Парижскій университетъ снова вступилъ въ свои права—быть проводникомъ просвѣщенія для всей страны; коллегіи снова стали процвѣтать, дѣятельность ихъ расширилась; многія прежнія іезуитскія школы преобразованы были въ свѣтскія.

Въ такомъ положеніи застала Францію революція 1789 года,—и унесла съ собою всѣ благія начинанія стараго времени въ области народнаго просвѣщенія. Среди бурь революціи уцѣлѣла одна только коллегія Louis le Grand, нынѣшній лицей того же имени. Только въ періодъ революціи эта коллегія нѣсколько разъ мѣняла свое названіе: то называлась collège de Clermont, то institut des boursiers, то collège de l'Egalité, то Prytanée français, впрочемъ не мѣняя суще-

Библиотека "Руниверс"

ственно метода своего преподаванія; во времена первой имперіи въ 1804 году она получила названіе Lycée Impérial и стала образцовымъ типомъ средняго учебнаго заведенія для всего государства. По этому образцу стали устраиваться всѣ лицеи-коллегіи.

Существенная реформа Наполеона I въ области народнаго просвѣщенія заключалась въ томъ, что прежній французскій университетъ (названіе Université принадлежало въ старину корпораціи ученыхъ, составлявшихъ какъ бы монопольную коммиссію для чтенія лекцій, производства экзаменовъ, дарованія ученыхъ степеней) сталъ учрежденіемъ государственнымъ. То обстоятельство, что государство взяло въ свои руки все дѣло просвѣщенія въ странѣ, что правительственныя учебныя заведенія получили совершенную монополію въ своей дѣятельности имѣло для Франціи огромныя послѣдствія: всякая инициатива частныхъ лицъ и общества въ дѣлѣ народнаго образованія была уничтожена, а въ вмѣстѣ съ тѣмъ устранилась и всякая возможность какой-либо конкуренціи общества съ правительствомъ въ этой области. Отсюда произошла та канцелярская рутинность, которую мы замѣчаемъ во Франціи до сихъ поръ во всемъ, что касается народнаго просвѣщенія.

Организація средняго образованія во Франціи, существующая за немногими измѣненіями и до сихъ поръ, дана ей декретомъ правительства, подвившимся 15-го марта 1850 года [1]). Съ тѣхъ поръ замѣчается только значительное ослабленіе образованія, получаемаго въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ періодъ съ 1854 по 1865 годъ закрылось 168 частныхъ училищъ, а съ 1865 года по 1876—еще 163. Извѣстно, что на ряду со свѣтскимъ образованіемъ, во Франціи существуетъ духовное, получаемое юношествомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ и управляемыхъ духовенствомъ. Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ духовныхъ училищахъ число учениковъ увеличилось съ 35.000 до 46.000; если прибавить еще къ этому до 30.000 воспитанниковъ мелкихъ католическихъ семинарій, то ока-

[1]) Нижеслѣдующія статистическія данныя о среднемъ образованіи во Франціи заимствованы мною изъ оффиціальнаго изданія французскаго министерства народнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ: «Statistique de l'enseignement secondaire» (1 vol. in 4°. 1882). Для статистики образованія народнаго и высшаго есть такія же изданія „Statistique de l'enseignement primaire и Statistique de l'enseignement supérieur". Первый опытъ подобной статистики народнаго просвѣщенія во Франціи былъ изданъ въ 1843 году въ министерство Вильмена, второй—въ 1868 году въ министерство Дюрюи. Изданіе 1882 года является третьимъ.

Библиотека "Руниверс"

жется что до 76.000 учениковъ воспитываются въ настоящее время въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ въ свѣтскихъ правительственныхъ училищахъ воспитывается не многимъ болѣе, а именно 79.000 человѣкъ.

Въ послѣдніе десять лѣтъ не смотря на потерю Эльзаса и Лотарингіи число духовныхъ учебныхъ заведеній возросло съ 278 до 309. Свѣтскіе же лицеи въ то же время увеличились въ числѣ на 9 (съ 77 на 86). Поразительна эта необыкновенная медленность въ возрастаніи числа лицеевъ. На Парижъ приходится ихъ не болѣе 5, и что всего удивительнѣе — эта цифра не повысилась съ 1820 года. Къ 5 существующимъ въ Парижѣ лицеямъ, слѣдуетъ прибавить коллегію Роллена (collège Rollin), содержимую на средства города, коллегію Станислава (collège Stanislas), содержимую духовною общиной, и наконецъ, вновь строющуюся коллегію въ Пасси. Такимъ образомъ, въ общей сложности всѣхъ лицеевъ и коллегій будетъ 8—цифра весьма не значительная для огромнаго населенія Парижа.

Главная причина этого малаго числа лицеевъ заключается, конечно, въ интернатѣ, въ томъ, что Французы до сихъ поръ не могутъ свыкнуться съ мыслью объ экстернатѣ. Вслѣдствіе того, даже такіе большіе города какъ Ліонъ, Бордо, Марсель, имѣютъ только по одному лицею. Хотя въ послѣднее время въ окрестностяхъ большихъ городовъ открыто нѣсколько лицеевъ съ интернатами, имѣющихъ только младшіе классы, напримѣръ, lycée de Vanves около Парижа, lycée Saint-Rambert около Ліона, lycée Talence около Бордо и т. д., однако это не болѣе какъ прогимназіи. Укоренившійся у Французовъ обычай непремѣнно при каждомъ лицеѣ открывать интернатъ требовалъ для учрежденія новыхъ лицеевъ такихъ суммъ, которыми не располагало министерство. Вслѣдствіе той же причины старые лицеи оставались въ прежнемъ своемъ видѣ и большею частію даже не ремонтировались; къ тому же они еще нерѣдко давали въ своихъ стѣнахъ мѣсто и классамъ реальнаго училища (enseignement spécial). И дѣйствительно, ни въ какой иной странѣ нельзя видѣть учебныхъ заведеній, столь устарѣлыхъ по внѣшней обстановкѣ, столь лишенныхъ всѣхъ самыхъ необходимыхъ усовершенствованій и приспособленій, предписываемыхъ современною школьною гигіеной, какъ во Франціи. Предпринявъ изученіе французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, я счелъ возможнымъ ограничить свои наблюденія столицей, такъ какъ Парижъ безъ всякаго сомнѣнія есть самый просвѣщенный центръ страны, и по его училищамъ можно составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе о томъ

Библиотека "Руниверс"

уровнѣ, на которомъ вообще стоитъ среднее образованіе во Франціи. Я обращалъ вниманіе на внутреннюю организацію лицеевъ, на особенности устройства въ нихъ интерната, учебные планы и методы преподаванія учебныхъ предметовъ. Осмотръ парижскихъ лицеевъ я началъ съ извѣстнаго лицея Louis-le-Grand. (Въ немъ зиму 1882—1883 гг. происходили безпорядки, о которыхъ сообщали парижскія газеты).

Кстати замѣтить, доступъ постороннему въ среднія учебныя заведенія во Франціи гораздо затруднительнѣе, нежели въ Германіи. Въ Германіи для этого мнѣ было достаточно визитныхъ карточекъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ директоровъ гимназій, карточекъ, которыя были адресованы ими къ ихъ коллегамъ, директорамъ тѣхъ заведеній, которыя я желалъ осмотрѣть. Въ Парижѣ мнѣ необходимо было запасаться открытымъ листомъ за подписью попечителя округа. Самый же листъ этотъ былъ мнѣ выданъ только по письменному распоряженію министра народнаго просвѣщенія. Вообще безъ разрѣшенія попечителя округа никто во Франціи не допускается въ среднія учебныя заведенія.

Современный французскій лицей заключаетъ въ себѣ слѣдующіе классы, группируемые по отдѣленіямъ (divisions): 1) Элементарное отдѣленіе въ которое входитъ: приготовительный классъ (возрастъ учениковъ—8 лѣтъ), classe de huitième—(9—лѣтъ) и classe de septième (—10 лѣтъ). 2) Грамматическое отдѣленіе, въ которое входятъ: classe de sixième (11 лѣтъ), classe de cinquième (12 лѣтъ) и classe de quatrième (13 лѣтъ). 3) Высшее отдѣленіе, въ которое входятъ: classe de troisième (14 лѣтъ), classe de second (15 лѣтъ), classe de rhétorique (16 лѣтъ) и classe de philosophie (17 лѣтъ). При каждомъ лицеѣ имѣется интернатъ, большею частью весьма многочисленный; въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ онъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ, напримѣръ, въ лицеѣ Louis-le-Grand до 1400 интерновъ.

Интернатъ до того вошелъ въ нравы и обычаи Французовъ, до того сдѣлался у нихъ необходимымъ условіемъ средняго образованія, что, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ не имѣть громаднаго вліянія на самый характеръ французскаго общества. Въ продолженіе болѣе чѣмъ семидесяти лѣтъ, лицеи принимаютъ въ свои стѣны дѣтей младшаго возраста, и продержавъ ихъ здѣсь въ годы отрочества и юношескаго возраста, возвращаютъ своихъ питомцевъ обществу съ сформировавшимся уже отчасти характеромъ, на которомъ несомнѣнно отразились впечатлѣнія закрытой школы. Интернатъ искуственнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ привитъ Франціи реформами Наполеона I. Его цѣлью было создать учебныя заведенія, въ которыхъ воспитывалось бы юношество въ непоколебимой вѣрѣ въ могущество принципа императорской власти, всегда готовое защищать этотъ принципъ въ общественной жизни. Наполеону стоило большихъ трудовъ наполнить вновь созданные лицеи. Приходилось прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ. Появился рядъ декретовъ, запрещающій открытіе частныхъ пансіоновъ; таковы напримѣръ: декретъ 15-го ноября 1811 года, предписывавшій, чтобы директора частныхъ пансіоновъ отнюдь не держали у себя дѣтей старше 9-ти лѣтъ, если въ пансіонахъ правительственныхъ учебныхъ заведеній того же города есть свободныя вакансіи, или декретъ 18-го января 1811 года, запрещавшій профессорамъ принимать къ себѣ на жительство болѣе двухъ воспитанниковъ. Такими репрессивными мѣрами правительство мало по малу добилось того, что его учебныя заведенія съ интернатами стали наполняться. И послѣ паденія первой имперіи французское правительство всѣхъ оттѣнковъ держалось той же системы преслѣдованія всякой частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Оно всячески поощряло увеличеніе интернатовъ при лицеяхъ и открывало стипендіи при нихъ; начальство заведеній, гдѣ интернаты процвѣтали, было на хорошемъ счету; однимъ словомъ, правительству удалось такимъ образомъ мало по малу водворить интернатъ до того, что и понынѣ Французы не могутъ себѣ представить средняго учебнаго заведенія безъ существованія при немъ пансіона. Такъ, не далѣе какъ въ 1882 году былъ открытъ въ Парижѣ новый лицей Janson de Sailly, предназначенный для 400 интерновъ; устройство его, по офиціальнымъ даннымъ, стоитъ 11 милліоновъ франковъ.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: какая причина такого предпочтенія, оказываемаго Французами интернату? Гдѣ искать настоящую причину тому, что интернатъ такъ крѣпко укоренился въ ихъ педагогическихъ нравахъ?

Причину эту объясняли и объясняютъ различно. Нѣмцы, конечно, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обвинить Французовъ въ ослабленіи семейныхъ узъ, и объясняютъ это явленіе ихъ желаніемъ поскорѣе отдѣлаться отъ дѣтей, отъ воспитательныхъ заботъ, стѣсняющихъ родителей. Такъ напримѣръ, Гольцапфель, въ своей книгѣ: „Mitteilungen über Erziehung und Unterricht in Frankreich (Magdeburg, 1858), прямо говоритъ, что семейная жизнь во Франціи приняла совершенно иной характеръ, чѣмъ у Нѣмцевъ: „Нѣтъ у нихъ той любви къ домашнему очагу, которою отличаются германскіе на-

Библиотека "Руниверс"

роды. У нихъ на бракъ смотрятъ, какъ на спекуляцію, на воспитаніе дѣтей—какъ на дѣло трудное и непріятное, отъ котораго весьма пріятно бываетъ отдѣлаться и поручить его другимъ". Нельзя не признать, что это сужденіе о національномъ характерѣ Французовъ весьма преувеличено; такъ поверхностно нельзя судить о цѣлой націи. Очевидно, что надо разсматривать этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія. Надо скорѣе допустить, что большинство родителей, отдавая своихъ дѣтей въ интернаты, рѣшается на это съ трудомъ, противъ воли, но поступаетъ такъ въ убѣжденіи, что интернатъ окажетъ благотворное вліяніе на ихъ сына. Они смотрятъ на это, какъ на крайнюю необходимость, къ которой пріучены уже десятками лѣтъ, какъ на обычай, существующій въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Въ другихъ странахъ это иначе. Въ Германіи, напримѣръ. вошло въ обычай, и притомъ весьма давно, помѣщать дѣтей, посѣщающихъ гимназію или вообще среднее учебное заведеніе и не могущихъ оставаться дома, въ частныя семейства, которыя изъявляютъ желаніе принять къ себѣ нѣсколькихъ пансіонеровъ, или къ одному изъ преподавателей посѣщаемаго ими училища. Обыкновенно это обходится не дорого, и такого рода пансіонеры становятся какъ бы членами семьи, въ которой нашли себѣ пріютъ. Весьма часто отношенія, возникшія между воспитанникомъ и пріютившею его семьей, сохраняются на всю жизнь. Когда принимаетъ къ себѣ въ домъ воспитанниковъ профессоръ или преподаватель учебнаго заведенія, у него образуется такимъ образомъ маленькая домашняя семинарія. Дѣти въ свободное отъ занятій время присутствуютъ въ домашнемъ кругу своего учителя принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ, съ интересомъ прислушиваются къ разсказамъ его объ интересующихъ его вопросахъ науки или вообще о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку. Они такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ серьезной бесѣдѣ въ семейной средѣ; это постоянное общеніе съ интеллигентными людьми, часто даже съ людьми науки, несомнѣнно дѣйствуютъ на нихъ развивающимъ образомъ. Если воспитатель, принявшій къ себѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ, дѣйствительно любитъ молодежь и обладаетъ даромъ понимать ее и быть ею понятымъ, то онъ можетъ въ широкой мѣрѣ оказывать нравственно-педагогическое вліяніе на своихъ питомцевъ, можетъ изучать ихъ характеръ, вести бесѣды съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно и такимъ образомъ всячески направлять ихъ. Часто въ лѣтнее или осеннее время устраиваются маленькія экскурсіи, большею частію пѣшкомъ, въ окрестности. Онѣ предпринимаются съ различными цѣлями — ботаническими, геологическими и проч. и

Библиотека "Руниверс"

служатъ еще больше средствомъ къ общенію воспитателя съ его питомцами. Въ свою очередь ученики при такомъ воспитаніи пріучаются къ домашней жизни, съ раннихъ лѣтъ сталкиваются со всѣми домашними, жизненными заботами, выпадающими на долю средней по состоянію семьи, и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ нѣкоторый жизненный опытъ. Весьма важно въ этомъ родѣ воспитанія и то, что мальчикъ такимъ образомъ весьма рано пріучается къ той средѣ, въ которой придется ему вращаться впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы. Если по рожденію онъ принадлежитъ къ средѣ болѣе высокой и въ матеріальномъ отношеніи болѣе обезпеченной, чѣмъ та среда, въ которую онъ попадаетъ, то время юношества, проведенное имъ въ этой умѣренной средѣ, можетъ быть для него только благотворнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; если же онъ вступаетъ въ среду однородную со своею домашнею, то съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ къ обществу, къ женскому элементу въ семьѣ. Иногда въ этихъ домашнихъ пансіонахъ число воспитанниковъ доходитъ до 12, 15. Тогда является необходимость въ особомъ устройствѣ помѣщенія; въ помощники къ воспитателю выбирается одинъ изъ старшихъ учениковъ, внушающій довѣріе своимъ характеромъ и поведеніемъ. Дисциплина отъ этого только выигрываетъ. Извѣстно, что лучшее средство дать юношѣ консервативное направленіе, это облечь его нѣкоторою властью надъ товарищами. Если только число такихъ частныхъ воспитанниковъ не слишкомъ велико, и если такимъ образомъ все предпріятіе не обращается въ спекуляцію, то подобный способъ воспитанія является, по моему, самымъ желательнымъ, самымъ цѣлесообразнымъ—послѣ, разумѣется, воспитанія въ родной семьѣ. Но безъ сомнѣнія, для его осуществленія прежде всего необходимъ тотъ высоко-нравственный уровень, то твердое сознаніе долга и святости принятой на себя обязанности, которымъ дѣйствительно сильно проникнуто педагогическое сословіе въ Германіи.

Вернемся теперь къ Франціи. Противъ нѣмецкой системы воспитанія, которая, конечно, имѣетъ и свои недостатки, какъ всякая система, Французы приводятъ то соображеніе, что всякій отецъ, любящій своего сына, призадумается надъ тѣмъ, чтобъ отдать его на попеченіе чужой семьи, хотя бы эта семья отлично воспитывала своихъ дѣтей. Между тѣмъ во Франціи отецъ не задумывается отдавать своего девятилѣтняго сына въ интернатъ, въ общество совершенно ему неизвѣстныхъ дѣтей, вышедшихъ изъ всѣхъ слоевъ общества, со всѣми дурными наклонностями и привычками, свойственными юношеству, когда оно не находится подъ руководствомъ людей зрѣлыхъ. Когда

Библиотека "Руниверс"

результаты такого неестественнаго воспитанія оказываются плачевными, дѣло объясняютъ дурными наклонностями ученика, трудностью воспитательныхъ заботъ, распущенностью вѣка, но никто не задаетъ себѣ вопроса: на сколько воспитаніе въ интернатахъ является цѣлесообразнымъ.

Взглянемъ же поближе на это воспитаніе, на этотъ интернатъ, который беретъ на себя задачей—воспитывать половину всего французскаго юношества (другая половина поступаетъ, какъ мы видѣли, въ духовныя училища), и постараемся опредѣлить: на сколько онъ въ состояніи выполнить свою задачу.

Мы видѣли, что прототипомъ для правительственныхъ интернатовъ послужили школы, открытыя іезуитскимъ орденомъ, въ которыхъ католическое духовенство дѣйствительно управляло и духомъ, и тѣломъ своихъ питомцевъ. По примѣру этихъ школъ правительство Наполеона создало интернаты во всѣхъ частяхъ Франціи. Согласно декрету 15-го ноября 1811 года въ каждомъ изъ нихъ должно было помѣщаться не менѣе 200 воспитанниковъ. Въ общей сложности 6400 учениковъ должны были получать воспитаніе въ этихъ интернатахъ. Въ 1865 году изъ 32,000 учениковъ французскихъ лицеевъ 18,000 были интернами. Надо впрочемъ сказать, что въ настоящее время и во Франціи интернаты уже не пользуются репутаціей лучшаго способа воспитанія, какъ то было лѣтъ сорокъ тому назадъ.

Извѣстно, что самъ Людовикъ-Филиппъ помѣстилъ своихъ сыновей въ лицей Henri IV. На интернатъ смотрѣли тогда, какъ на какую-то идеальную республику, въ которой будто бы всѣ равны, и гдѣ только талантъ и дѣйствительное достоинство даютъ первое мѣсто. Поэтому въ немъ видѣли лучшее подготовленіе къ общественной жизни. Но при этомъ забывали, съ какими цѣлями были устроены первые интернаты сперва іезуитами и потомъ правительствомъ имперіи; забывали, что нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ искуственнымъ образомъ создавать среду, которая, имѣя въ виду подготовлять молодое поколѣніе къ общественной жизни, систематически лишаетъ его всякой свободы дѣйствія, парализируя всякое свободное его движеніе. Въ интернатѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ до сихъ поръ во Франціи, вся тяжесть дисциплины падаетъ на малолѣтнихъ, которыя не въ состояніи переносить ее и терпятъ тяжелую затворническую жизнь единственно по принужденію начальства. Здравые педагогическіе принципы весьма мало знакомы воспитателямъ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Французы довольствуются министерскими предписаніями и нѣкоторыми старинными педагогиче-

Библиотека "Руниверс"

скими сочиненіями. О какомъ бы то ни было движеніи впередъ въ области педагогики нѣтъ у нихъ и рѣчи; мало того, и въ дѣлѣ выработки методовъ преподаванія Французы не отошли отъ устарѣлой рутины; учительскіе съѣзды, педагогическіе журналы — явленіе до сихъ поръ крайне рѣдкое во Франціи. Каждый преподаватель довольствуется собственнымъ опытомъ и нисколько не интересуется успѣхами педагогической науки. Въ этомъ отношеніи современные Французы значительно отстали не только отъ Нѣмцевъ, но даже и отъ своихъ предковъ XVII и XVIII столѣтій, обнаруживавшихъ живой интересъ къ педагогическимъ вопросамъ.

Самое устройство интерната, распредѣленіе занятій и обязанностей между начальствующими лицами, отношенія воспитанниковъ къ своему ближайшему начальству и между собою вызываютъ постоянныя волненія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, вносятъ раздоръ и безпорядокъ въ школьную жизнь и препятствуютъ успѣшному ходу учебныхъ занятій. Наблюденіе за интернами распредѣлено между директоромъ (proviseur), инспекторомъ (censeur) и воспитателями (maitres d'étude). Proviseur—главный начальникъ заведенія. Въ его вѣдѣніи находится и учебная, и хозяйственная часть. На основаніи устава, онъ долженъ наблюдать за школьною жизнью во всѣхъ частяхъ заведенія—въ спальняхъ, въ больницѣ, въ классахъ; долженъ предсѣдательствовать въ педагогическомъ и хозяйственномъ совѣтахъ, слѣдить за канцеляріей заведенія, подписывать всѣ бумаги и нести отвѣтственность за сохранность всѣхъ денежныхъ суммъ, поступающихъ въ кассу. Кромѣ того, онъ обязанъ слѣдить за ходомъ преподаванія, давать самъ нѣкоторое число уроковъ въ недѣлю, принимать въ опредѣленные часы родителей воспитанниковъ и доставлять имъ всѣ нужныя разъясненія. Очевидно, что не хватитъ силъ самаго энергичнаго и добросовѣстнаго человѣка, для выполненія всѣхъ этихъ многосложныхъ обязанностей. Въ Германіи, гдѣ при гимназіяхъ почти не существуетъ интернатовъ, раздаются всеобщія жалобы на то, что директора слишкомъ завалены офиціальною перепиской, и что административныя занятія слишкомъ отвлекаютъ ихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей—слѣдить за ходомъ преподаванія и нравственно руководить юношество. Что же послѣ того сказать о положеніи директора лицея во Франціи? На обязанностяхъ лица, называемаго censeur, лежитъ спеціальное наблюденіе за поведеніемъ интерновъ, за ихъ жизнью въ интернатѣ, за успѣшнымъ ходомъ ихъ занятій. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаетъ и за экстернами, обязательно присутствуетъ въ столовой и спальной воспитанниковъ, сопутствуетъ имъ во время прогулокъ и

Библиотека "Руниверс"

рекреацій. Въ его вѣдѣніи находятся, кромѣ того, библіотека и научныя коллекціи, принадлежащія заведенію. Спрашивается: какое вліяніе можетъ онъ оказывать на каждаго отдѣльнаго интерна, когда ихъ, какъ, напримѣръ, въ лицеѣ Louis-le-grand, 1400 человѣкъ? Очевидно, его свѣдѣнія относительно каждаго воспитанника могутъ быть только весьма поверхностныя или исключительно заимствованныя изъ штрафнаго и класснаго журнала, въ которомъ ежедневно дѣлаются отмѣтки объ успѣхахъ воспитанниковъ. О томъ, чтобъ инспекторъ оказывалъ какое-либо нравственное вліяніе на каждаго отдѣльнаго ученика, не можетъ быть и рѣчи.

Наконецъ, что касается обязанностей, лежащихъ на многочисленныхъ maîtres d'etude, то прежде всего должно замѣтить, что согласно уставамъ, воспитатели денно и нощно не покидаютъ интерновъ и должны руководить всѣми ихъ движеніями. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ maîtres d'étude поступаютъ или молодые люди въ ожиданіи другой лучшей должности, въ надеждѣ, что они въ свободное время въ состояніи будутъ готовиться къ предстоящимъ экзаменамъ; слѣдовательно, люди, не окончившіе еще полнаго курса образованія, не обладающіе никакою педагогическою опытностью, мысли которыхъ сосредоточены на дальнѣйшихъ экзаменахъ и на приготовленіи часто къ совершенно иной карьерѣ. Или же воспитательскія мѣста занимаютъ люди старые, давно несущіе трудную и неблагодарную должность дежурства въ многочисленномъ интернатѣ и давно желающіе покинуть эту обузу, но не покидающіе ее единственно вслѣдствіе полной невозможности заработать себѣ кусокъ хлѣба инымъ путемъ. Это ли желательные типы воспитателей юношества? Большинство maîtres d'etude, внутренно сознавая свое полное безсиліе передъ шаловливою, своевольною, вѣчно рѣзвою и бойкою толпою мальчиковъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ и наклонностей, довольствуются формальнымъ исполненіемъ того, что отъ нихъ требуется начальствомъ, а именно—заботятся лишь о томъ, чтобъ ихъ воспитанники не шумѣли въ классахъ и спальняхъ, ходили стройными рядами и проч. Они держатъ себя по возможности далеко отъ своихъ питомцевъ, наказываютъ ихъ какъ можно чаще и такимъ образомъ замѣняютъ здравое воспитаніе чисто внѣшнею дисциплиною. Самыя наказанія налагаются не сообразно со степенью проступка, а лишь для удержанія этой массы въ повиновеніи. Часто воспитатель намѣренно закрываетъ глаза на такой проступокъ воспитанника, который весьма для него пагубенъ, но не оказываетъ вліянія на его товарищей, и напротивъ того, даже легкій проступокъ, могущій вліять на другихъ во-

Библиотека "Руниверс"

спитанниковъ, наказывается весьма строго. Тутъ, такъ-сказать, политическія соображенія постоянно берутъ верхъ надъ нравственными. Большинство воспитателей въ интернатахъ какъ будто забываетъ ту основную идею здравой педагогики, что слѣдуетъ прежде всего дѣйствовать на хорошую сторону характера каждаго человѣка, что нужно умѣть вызывать эти дремлющія въ немъ лучшія свойства души и умѣть направлять ихъ на пользу какъ ему самому, такъ и ближнимъ. Вмѣсто того чтобы нравственно вліять на питомцевъ бесѣдой и примѣромъ, вмѣсто того, чтобъ изучать ихъ характеръ, ихъ слабыя и хорошія стороны, воспитатели ограничиваются формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и думаютъ, что испорченную дѣтскую натуру можно исправить одними наказаніями. Да, наконецъ, они поставлены въ фактическую невозможность поступить иначе при многочисленности интерната. Бываютъ, разумѣется, и тутъ исключенія, бываютъ такіе рѣдкіе воспитатели, которые и при столь печальномъ порядкѣ вещей успѣваютъ своимъ высоконравственнымъ авторитетомъ возбудить въ массѣ учениковъ хорошія стремленія и своимъ нравственнымъ обаяніемъ привязываютъ къ себѣ сердца своихъ питомцевъ; но эти случаи крайне рѣдки и по своей исключительности никакъ не могутъ спасти дѣло воспитанія въ интернатахъ.

Мы уже говорили, что во Франціи многіе смотрятъ на интернатъ какъ на отличную подготовительную школу жизни, убѣждены, что это кажущееся равенство между всѣми воспитанниками пріучаетъ ихъ впослѣдствіи къ справедливости, вырабатываетъ въ нихъ характеръ, пріучаетъ къ дисциплинѣ и проч. Изъ всѣхъ этихъ заслугъ, приписываемыхъ интернату, вѣрно только послѣднее. Дѣйствительно, ученики проходятъ въ немъ тяжелую школу; внѣшняя дисциплина дѣйствительно господствуетъ вездѣ, но только внѣшняя. Равенство же, которое будто бы существуетъ между всѣми воспитанниками, чисто кажущееся. Не надо забывать, что и въ этомъ маленькомъ обществѣ юношей немедленно образуются различныя группы — богатыхъ и бѣдныхъ, сильныхъ и слабыхъ, и тутъ опять-таки, какъ и вездѣ, первые живутъ на счетъ вторыхъ, эксплуатируютъ ихъ всячески. Эгоистическія чувства быстро развиваются; болѣе слабые во всемъ должны подчиниться сильнѣйшимъ; самая жизнь интерната ведетъ къ такимъ отношеніямъ. А такъ какъ въ число интерновъ поступаютъ всѣ дѣти извѣстнаго возраста изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, со всѣми наклонностями и привычками выростившей ихъ среды, то естественно, они приносятъ съ собою не одни только хорошія свойства характера. Среди большинства, конечно, хорошаго

Библиотека "Руниверс"

элемента воспитанниковъ, въ каждомъ интернатѣ всегда попадаются испорченныя натуры, которыя своимъ вліяніемъ заражаютъ другихъ, а не на оборотъ. Такимъ образомъ ребенокъ, за которымъ дома наблюдали во всѣ глаза, предупреждали всякую возможность общенія его съ дурными товарищами, строго слѣдили за его чтеніемъ, попадаетъ въ лучшіе годы своего дѣтства въ интернатъ, въ общество товарищей, представляющихъ такую разнообразную смѣсь, изъ которой онъ навѣрное не выйдетъ тѣмъ, какимъ онъ вошелъ туда; и слава еще Богу, если онъ выйдетъ оттуда, не утративъ всѣхъ тѣхъ неоцѣненныхъ задатковъ добра, которыми надѣлила его природа и материнское вліяніе. Удивительно ли, что многіе изъ такихъ интерновъ вступаютъ въ жизнь уже на половину надломанными, уже утративъ тѣ идеалы добра и правды, которые одни нравственно возвышаютъ человѣка. Весьма пагубно дѣйствуетъ на молодую, воспріимчивую душу ребенка то недовѣріе къ юношеству, которое возведено въ интернатѣ въ принципъ. Вѣчно находясь въ подозрѣніи у воспитателя, не отходящаго отъ него ни на шагъ, ребенокъ постепенно привыкаетъ смотрѣть на него, какъ на заклятаго своего врага. Отсюда является въ немъ желаніе во что бы то ни стало обмануть или провести его, при чемъ развивается необыкновенный духъ солидарности среди воспитанниковъ. Между учениками и начальствомъ заведенія завязывается скрытая борьба. Ученики съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ неповиновенію, воспитываютъ въ себѣ духъ оппозиціи; все, что предписывается начальствомъ, становится имъ ненавистнымъ. Извѣстно, какъ разыгрывается большинство этихъ школьныхъ волненій. Ежегодно въ томъ или другомъ интернатѣ происходятъ волненія, принимающія болѣе или менѣе острый характеръ. Часто требуется вмѣшательство полицейской власти; но правительство не предпринимаетъ ничего для удаленія причинъ, вызывающихъ такія анормальныя явленія [1]).

[1]) Пособіями для составленія вышеизложеннаго очерка объ особенностяхъ интерната во Франціи служили мнѣ, кромѣ личныхъ наблюденій, слѣдующія сочиненія: 1) Quelques mots sur l'instruction publique en France, par *Michel Bréal* (Paris, 1881)—книга, написанная очень умно и разсматривающая школьное дѣло во Франціи весьма обстоятельно, но страдающая уже крайнимъ пессимизмомъ по отношенію къ тамошнимъ школьнымъ порядкамъ; 2) статья *Сентъ-Клеръ-Девиля* (Sainte Claire Deville) въ *Revue scientifique* отъ 2-го сентября 1871 года, разсматривающая нѣкоторыя физіологическія послѣдствія жизни въ интернатахъ; 3) брошюра: Nos lycées, par *Ulysse Fermaud* (P. 1871). Кромѣ того, по этому вопросу можно прочитать не безъ интереса книгу *Адама* (Adam): «Notes sur l'administration d'un lycée». Изъ интернатовъ въ Парижѣ мною осмотрѣны были

Библиотека "Руниверс"

II.

Учебные планы лицеевъ.—Преподаваніе древнихъ языковъ.

Учебный планъ французскихъ лицеевъ, какъ уже сказано, распредѣляется между тремя группами классовъ. Считаю излишнимъ приводить здѣсь программы всѣхъ предметовъ по классамъ, но приведу таблицу числа уроковъ по каждому предмету во всѣхъ классахъ. Вотъ эта таблица:

	Общее число уроковъ.	Число уроковъ по классамъ.									
			VIII	VII	VI	V	IV	III	II	Rhétorique.	Philosophie.
Отечественный языкъ	49	10	10	8	3	3	3	3	4	5	Философія 8
Исторія и географія.	36	4	4	4	3	3	3	4	4	4	Исторія 3
Математика . . .	40	4	4	4	3	4	3	3	3	3	Математ. физик. и химія 9
Одинъ новый языкъ	29	4	4	4	3	3	2	3	3	3	Новый яз. 1
Латинскій языкъ .	29	—	—	—	10	10	6	5	4	4	—
Греческій языкъ .	20	—	—	—	—	—	6	5	5	4	—
Рисованіе	20	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Всего въ каждомъ классѣ. . . .	—	24	24	22	24	25	25	25	25	25	23

слѣдующіе лицеи: Louis le Grand, самый многочисленный, Saint-Louis, Charlemagne и Henri IV. Всѣ они отличаются почти одинаковымъ характеромъ; зданія по большей части весьма устарѣлыя. Причина тому, какъ мы видѣли, недостатокъ средствъ, для открытія новыхъ лицеевъ съ интернатами. Классы довольно низки, плохо вентилированы, темны; въ спальняхъ мало воздуха; однимъ словомъ, внутреннее устройство французскихъ интернатовъ даже парижскихъ, ни въ какомъ отношеніи не отвѣчаетъ самымъ даже элементарнымъ требованіямъ школьной гигіены.

Библиотека "Руниверс"

Обращусь теперь къ обзору методовъ преподаванія учебныхъ предметовъ, входящихъ въ учебный планъ французскихъ лицеевъ; методы эти крайне своеобразны, свойственны одной только Франціи.

Преподаванію латинскаго языка удѣляется весьма много времени, сравнительно со всѣми прочими предметами учебнаго курса. Существенное различіе, введенное въ послѣднее время въ учебный планъ лицеевъ состоитъ въ томъ, что отнынѣ латинскій языкъ начинается только съ division de grammaire, то-есть, съ classe de sixième, куда ученики поступаютъ 11-ти лѣтъ, тогда какъ прежде его начинали съ classe de huitième, то-есть, съ 9-ти лѣтняго возраста, также какъ и въ Германіи. Съ самаго учрежденія лицеевъ латинскій языкъ лежалъ въ основаніи его учебнаго плана. Еще 10-го декабря 1802 г. изданъ былъ декретъ, касающійся организаціи средняго образованія во Франціи и полагающій въ основаніе учебнаго курса лицеевъ латинскій языкъ и математику. Въ Германіи, какъ извѣстно, на ряду съ латинскимъ языкомъ весьма видное мѣсто занимаетъ и греческій, а также отечественный языкъ, математика и исторія. Во Франціи же латинскій языкъ положительно преобладаетъ надъ всѣми прочими предметами въ продолженіе всего учебнаго курса. Казалось бы, что это явленіе должно имѣть слѣдствіемъ весьма основательное изученіе латыни, весьма сильное проникновеніе ученика духомъ римской культуры. Между тѣмъ на дѣлѣ замѣчается совершенно противоположное. Во Франціи изучаютъ латинскій языкъ гораздо менѣе основательно, чѣмъ у насъ, не говоря уже о Германіи. Ученикъ, прошедшій полный курсъ лицея, не обладаетъ ни основательнымъ знаніемъ латинской грамматики, ни начитанностью въ классическихъ авторахъ; большинство же воспитанниковъ, по окончаніи курса, спѣшитъ сбросить съ себя ненавистное ему бремя классицизма и не заглядываетъ больше ни въ какую латинскую книгу. Эти печальные результаты неизбѣжны при той системѣ, при тѣхъ методахъ преподаванія древнихъ языковъ, которыя до сихъ поръ господствуютъ во Франціи. Извѣстно, что одна изъ существенныхъ пользъ, оказываемыхъ ученику изученіемъ древнихъ языковъ, состоитъ въ томъ, что оно выводитъ ученика изъ обычнаго круга оборотовъ рѣчи и выраженій, свойственныхъ новымъ языкамъ, и тѣмъ самымъ заставляетъ его задумываться надъ новыми для него конструкціями древняго языка, заставляетъ его, такъ-сказать, иначе думать, иначе выражать свои мысли. Вслѣдствіе того, всякое своеобразное грамматическое правило, всякая конструкція, свойственная исключительно древнему языку, представляетъ весьма цѣнный

Библиотека "Руниверс"

вкладъ для умственной дисциплины ученика: задача грамматики состоитъ тутъ не въ томъ, чтобы облегчить эти грамматическія трудности и тѣмъ сдѣлать всякое умственное усиліе со стороны ученика безполезнымъ, а лишь въ томъ, чтобы расположить эти трудныя грамматическія правила въ извѣстномъ логическомъ порядкѣ, такъ какъ основательное усвоеніе этихъ особенностей, преодолѣніе этихъ трудныхъ конструкцій и составляетъ одну изъ существенныхъ выгодъ для умственнаго развитія ученика въ изученіи древнихъ языковъ преимущественно передъ новыми. Между тѣмъ французскіе учебники какъ будто игнорируютъ это. Они задаются мыслью во что бы то ни стало облегчить ученику всякій умственный трудъ, сдѣлать его совершенно лишнимъ. Подъ предлогомъ облегченія пониманія древняго автора, они подъ каждымъ латинскимъ предложеніемъ помѣщаютъ французскій оборотъ рѣчи, посредствомъ котораго это латинское предложеніе всего удобнѣе переводится на французскій языкъ, нисколько не заботясь о томъ, чтобы нагляднымъ образомъ выставить для ученика причину и смыслъ того или другаго синтаксическаго правила. Большинство латинскихъ грамматикъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, начиная отъ извѣстной, весьма распространенной въ свое время грамматики Ломона (Lhomond) и до новѣйшихъ, напримѣръ, Бюрнуфа, написано съ этой узкой точки зрѣнія—служить для ученика пособіемъ къ переводу съ латинскаго на отечественный языкъ. Все у нихъ основано на памяти. Ученику остается только заучивать правила наизусть, чтобы воспользоваться ими при переводѣ.

Притомъ во Франціи при чтеніи латинскаго текста не обращаютъ вниманія на краткость и долготу гласныхъ, вслѣдствіе чего ученики уже съ младшихъ классовъ привыкаютъ къ совершенно неправильной интонаціи. Такая неправильная система совершенно теряетъ изъ виду одну изъ воспитательныхъ цѣлей преподаванія древнихъ языковъ — представить по возможности наглядно все богатство и все разнообразіе флексій древнихъ языковъ, посредствомъ которыхъ такъ легко выражаются на нихъ разнообразныя отношенія словъ между собою, такъ легко видоизмѣняется смыслъ цѣлаго предложенія. Это богатство флексій и составляетъ существенное различіе древнихъ языковъ отъ новыхъ, принужденныхъ обращаться къ помощи предлоговъ, мѣстоименій и вспомогательныхъ глаголовъ. Между тѣмъ грамматики, составленныя исключительно съ цѣлью облегчить ученику переводы на французскій языкъ, теряютъ совершенно всякое самостоятельное значеніе и отучаютъ ученика отъ всякаго

Библиотека "Руниверс"

умственнаго труда, отъ всякаго послѣдовательнаго мышленія. Главное, на что обращаютъ вниманіе эти грамматики, — это снабжать учениковъ достаточнымъ количествомъ латинскихъ примѣровъ, на которые переводятся всевозможные галлицизмы. Текстъ автора служитъ тутъ только комментаріемъ для этихъ примѣровъ, объясняетъ только способъ ими пользоваться. Когда ученикъ усвоилъ себѣ эти примѣры, заучилъ ихъ наизусть, ему остается только подыскать, который изъ нихъ соотвѣтствуетъ предложенію, читаемому имъ въ латинскомъ текстѣ. Тутъ, разумѣется, потребуется нѣкоторая усидчивость, нѣкоторая сноровка въ пріисканіи подходящихъ оборотовъ рѣчи, но не можетъ быть и рѣчи о пониманіи духа и особенностей древняго языка, о перенесеніи ученика въ иную совершенно область—древняго классическаго вѣка съ его своеобразными понятіями и взглядами; однимъ словомъ, при такой системѣ преподаванія древнихъ языковъ нѣтъ мѣста для умственнаго труда ученика надъ изученіемъ грамматическихъ формъ языка, которыя должны были бы представляться ему въ строгой логической послѣдовательности; значитъ, нѣтъ и той умственно развивающей его пользы, которая заключается въ самой трудности изученія древнихъ языковъ сравнительно съ новыми.

Въ старшихъ классахъ лицеевъ въ большомъ ходу такъ-называемыя thèmes de style. Все вниманіе тутъ сосредоточивается на томъ, чтобы какъ можно болѣе пріучать учениковъ къ хорошему латинскому стилю. Извѣстно, что для Французовъ слогъ всегда составлялъ предметъ особой заботы. Ученикъ долженъ умѣть, изъ цѣлаго ряда выдающихся по стилю выраженій, выбрать для своего перевода съ французскаго языка на латинскій лучшее; онъ долженъ заботиться объ округленіи своихъ фразъ, объ утонченности слога.

Благодаря грамматикамъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, благодаря всевозможнымъ словарямъ, въ родѣ, напримѣръ, Quicherat, гдѣ для ученика, такъ-сказать, все уже сдѣлано, всѣ труднѣйшія конструкціи объяснены, и откуда остается ему только списывать готовый переводъ затрудняющаго его мѣста въ текстѣ, ученики даже младшихъ классовъ лицеевъ представляютъ такіе переводы, которые едва ли возможны въ Германіи и у насъ даже въ старшихъ классахъ. Но работа эта вовсе не самостоятельная и очень мало можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительныхъ, фактическихъ знаніяхъ ученика, а стало быть, она мало развиваетъ его и напротивъ отучаетъ отъ всякаго умственнаго труда и тѣмъ притупляетъ его.

Описанная система преподаванія латинскаго языка, упорно дер-

Библиотека "Руниверс"

жащаяся во Франціи до сихъ поръ, имѣла, по моему мнѣнію, между прочимъ послѣдствіемъ то явленіе, что Французы съ крайнимъ трудомъ изучаютъ не только древніе, но и новые языки. Они совершенно не привыкли изучать самостоятельно законы и внутренній строй иностранныхъ языковъ. Грамматика въ томъ видѣ, въ какомъ ее изучаютъ во Франціи, представляется какъ будто лишенною возможности всякаго движенія впередъ. Изучаемый языкъ какъ будто подверженъ застою, тогда какъ это понятіе діаметрально противоположно самой природѣ всякаго языка, который постепенно и непрерывно развивается въ своемъ строѣ. Однимъ словомъ, существенный недостатокъ системы преподаванія латинской грамматики во Франціи состоитъ въ томъ, что она совершенно упускаетъ изъ виду философскую и историческую сторону изученія языка, не даетъ мѣста для самостоятельной, умственной работы ученика, развиваетъ въ немъ одну только память, но нисколько не дѣйствуетъ на умственное его развитіе.

Письменные переводы съ французскаго языка на латинскій, такъ-называемыя во Франціи thèmes latins, занимаютъ, какъ мы уже видѣли, главное мѣсто въ преподаваніи латинскаго языка въ старшихъ классахъ. Предпочтеніе, оказываемое этимъ занятіямъ, существуетъ еще со временъ іезуитовъ. Еще въ началѣ прошлаго вѣка Роллень, въ своемъ „Traité des études“, протестовалъ противъ исключительности этихъ занятій. Онъ находилъ вполнѣ справедливо, что эти занятія начинаются слишкомъ рано, тогда, когда ученики еще слишкомъ мало прочитали древнихъ авторовъ. Дѣйствительно, чтобы правильно писать по латыни, надо сперва нѣсколько освоиться съ языкомъ, съ его грамматикой, со свойственными ему оборотами рѣчи, надо обладать уже достаточнымъ запасомъ словъ и выраженій. Все это пріобрѣтается только основательнымъ чтеніемъ авторовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи ученики почти вовсе не упражняются въ экстемпораліяхъ, которыя въ такомъ ходу въ Германіи и у насъ. Вмѣсто нихъ постоянно задаются письменные переводы съ французскаго языка на латинскій на дому, и большая часть урока въ классѣ уходитъ на ихъ поправку. Переводы эти дѣлаются при помощи тѣхъ грамматикъ и объемистыхъ словарей, о которыхъ я уже упоминалъ. Мы видѣли результатъ этихъ занятій. Ученики даже младшихъ классовъ представляютъ переводы образцовые по отношенію къ слогу, но ясно указывающіе на то, что это не самостоятельный трудъ учениковъ, а только болѣе или менѣе удачное воспроизведеніе

Библиотека "Руниверс"

различныхъ стилистическихъ тонкостей, списанныхъ цѣликомъ изъ тѣхъ антипедагогическихъ пособій, которыми ученики безпрепятственно пользуются. Ученики мало по малу пріобрѣтаютъ большую сноровку въ этого рода занятіяхъ. Они съ успѣхомъ употребляютъ выраженія Цицерона, Горація, не прочитавъ еще ни одной строки изъ этихъ авторовъ. Самыя трудныя синтаксическія конструкціи для нихъ ни по чемъ, такъ какъ они безсознательно выучили эти синтаксическія схемы наизусть; но за то они не въ состояніи объяснить самаго простаго латинскаго оборота рѣчи, самаго элементарнаго синтаксическаго правила. Противоположное явленіе замѣчаемъ мы въ Германіи. Тамъ примѣры, задаваемые для перевода съ нѣмецкаго языка на латинскій, служатъ, такъ-сказать, только провѣркою знанія ученика, указываютъ на то, на сколько онъ усвоилъ себѣ грамматическія правила. Работа же, задаваемая французскому лицеисту—изъ цѣлой массы изысканныхъ выраженій выбрать самое подходящее, подъ стать развѣ уже опытному, начитанному латинисту. Ученикъ же лицея видитъ въ ней только пустое, безсодержательное занятіе; онъ теряетъ весьма много времени на отысканіе подходящихъ выраженій въ многочисленныхъ своихъ классныхъ пособіяхъ, но умственныя его способности отъ этого вовсе не развиваются.

Текстомъ для thèmes latins служатъ не избранныя мѣста изъ Цицерона, Тита Ливія и другихъ образцовыхъ латинскихъ авторовъ, а отрывки изъ сочиненій Боссюета, Фенелона, Роллена, а также и новѣйшихъ авторовъ, представляющихъ уже по своему языку, по цѣлому ряду понятій, не существовавшихъ въ эпоху древней культуры, часто непреодолимыя препятствія для перевода на латинскій языкъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, на сколько эти упражненія безполезны для умственнаго развитія ученика. Для весьма немногихъ изъ питомцевъ лицеевъ эти занятія, направленныя на отдѣлку слога, на изученіе тончайшихъ его оттѣнковъ, уже съ раннихъ лѣтъ служатъ подготовленіемъ для выработки изъ нихъ будущихъ ораторовъ, публицистовъ, литераторовъ. И дѣйствительно, ни въ одной странѣ, можно сказать, школа не готовитъ такъ успѣшно къ будущей общественной карьерѣ, какъ во Франціи. Но для большинства учениковъ эта система—обращать главное и почти исключительное вниманіе на слова, на внѣшнюю форму выраженія мыслей и въ ней видѣть какъ бы конечную цѣль, руководящую авторомъ, безполезна; она по неволѣ пріучаетъ ученика придавать слишкомъ большое значеніе словамъ и слишкомъ часто, увлекаясь ими, терять изъ виду нить повѣство-

Библиотека "Руниверс"

ванія, забывать тѣ основныя мысли, которыя должны были бы лежать въ основаніи его письменнаго труда.

Для большинства учениковъ эта система имѣетъ еще тотъ существенный недостатокъ, что не только не пріохочиваетъ ихъ къ изученію классическихъ литературъ, но напротивъ внушаетъ отвращеніе къ нимъ, такъ какъ не передаетъ имъ внутренняго, культурнаго значенія выдающихся произведеній, а занимаетъ вниманіе учениковъ исключительно стилистическими тонкостями языка.

Перейдемъ теперь къ другаго рода занятіямъ латинскимъ языкомъ въ французскихъ лицеяхъ. Я имѣю въ виду классное чтеніе авторовъ и такъ-называемыя „versions", то-есть, переводы отдѣльныхъ отрывковъ съ латинскаго на французскій языкъ, переводы, на которые во Франціи обращается особенное вниманіе. Предпочтеніе, оказываемое этимъ versions, существуетъ еще со временъ іезуитовъ, имѣвшихъ обыкновеніе задавать цѣлому классу къ переводу отдѣльныя мѣста изъ разныхъ латинскихъ авторовъ, обращая при этомъ главное вниманіе на изысканность, образность отечественнаго языка. Подобные переводы цѣнятся во Франціи гораздо выше, чѣмъ чтеніе авторовъ, стоящее здѣсь вообще на довольно низкомъ уровнѣ. Текстомъ для этихъ versions служатъ обыкновенно отрывки изъ такихъ авторовъ, которые недоступны по развитію уровню класса. Нерѣдко предлагаемый для перевода текстъ является своднымъ изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ, мало имѣющихъ между собою общаго, авторовъ. Важнымъ представляется тутъ не содержаніе переводимаго автора, а по возможности трудно составленный текстъ, предлагающій трудности для перевода на образцовый французскій языкъ.

Затѣмъ, что касается собственно чтенія авторовъ, то въ программахъ лицея обозначенъ цѣлый рядъ латинскихъ писателей: Виргилій, Горацій, Цицеронъ, Титъ Ливій и Тацитъ. Но на самомъ дѣлѣ ихъ читаютъ въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, и почти исключительно въ старшихъ классахъ. Во всякомъ случаѣ чтеніе авторовъ всегда уступаетъ мѣсто тѣмъ versions, о которыхъ я говорилъ выше. На Виргилія смотрятъ съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ онъ нуженъ ученикамъ, какъ образецъ для сочиненія латинскихъ стиховъ. Вся начитанность французскаго лицеиста, кончающаго курсъ, ограничивается большею частью нѣсколькими посланіями и одами Горація и нѣсколькими десятками страницъ изъ Цицерона. Вотъ и все. Не удивительно послѣ того, что французскій лицеистъ кончаетъ курсъ съ весьма поверхностнымъ знаніемъ латинскихъ авторовъ, не говоря

Библиотека "Руниверс"

уже о полномъ его невѣжествѣ въ классическихъ древностяхъ; чтеніе авторовъ не могло имѣть на него никакого серьезнаго вліянія, не могло дѣйствовать на него развивающимъ образомъ, потому что было слишкомъ неразнообразно, слишкомъ поверхностно. Очевидно, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о проникновеніи ученика духомъ древней культуры. Не такъ читаются авторы въ Германіи. Чтеніе тамъ бываетъ двоякое: такъ-называемое lectio statoria, сопровождаемое всѣми нужными комментаріями, и lectio cursoria, бѣглое чтеніе, производимое въ классѣ и на дому, въ которомъ ученики отдаютъ отчетъ въ опредѣленные сроки. Благодаря въ особенности второму способу чтенія, въ Германіи удается въ продолженіе гимназическаго курса прочитать гораздо болѣе авторовъ, нежели у насъ, а тѣмъ болѣе во Франціи. Такимъ образомъ въ Германіи еще въ secundâ (нашъ 6-й классъ) прочитываются до 10-ти книгъ Тита Ливія, а въ prima (нашъ 7-й классъ) — до 14-ти рѣчей Цицерона и цѣлое „De officiis“. Кромѣ того, въ продолженіе гимназическаго курса должны обязательно быть прочитаны Саллюстій, Виргилій и оды Горація. Прибавимъ еще, что во Франціи преподаватели нерѣдко являются полными невѣжами по отношенію къ критическому анализу текста; они не имѣютъ о немъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о латинскихъ стихахъ— упражненіи, которое въ настоящее время въ одной только Франціи, да отчасти въ Англіи, сохранило еще свое прежнее высокое мѣсто въ ряду школьныхъ занятій латинскимъ языкомъ. Первоначальною цѣлью сочиненія латинскихъ стиховъ учениками было прославленіе доблестей разныхъ покровителей школы. Въ настоящее время эти упражненія сохраняются во Франціи съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, Французы полагаютъ, что это необходимо для основательнаго усвоенія латинской поэзіи учениками, и во-вторыхъ, этими упражненіями предполагается развивать въ ученикахъ литературный вкусъ, эстетическое чутье. Но въ дѣйствительности оказывается, что ученики читаютъ латинскихъ поэтовъ только для того, чтобы запастись нужными оборотами рѣчи, эпитетами, перифразами для сочиненія собственныхъ стиховъ. Привыкнувъ смотрѣть на читаемаго поэта, какъ на сборникъ нужныхъ для него поэтическихъ оборотовъ рѣчи, ученикъ часто упускаетъ изъ виду цѣльность поэмы, обращаетъ исключительное вниманіе на внѣшнее выраженіе мысли, на поэтическія вольности языка. Лучшіе ученики дѣйствительно съ большимъ рве-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ отдаются сочиненію латинскихъ стиховъ, но посредственные и слабые въ этомъ упражненіи — а такихъ насчитываютъ болѣе $^2/_3$ класса—занимаются имъ весьма неохотно, теряютъ вслѣдствіе того всякую любовь къ изученію латинскаго языка и выносятъ съ собою изъ школы какое-то непонятное отвращеніе къ древнимъ языкамъ и даже къ древнему классическому міру.

Мы видѣли, что вслѣдствіе дурной системы преподаваніе латинскаго языка не приноситъ желаемыхъ результатовъ во французскихъ лицеяхъ. Еще болѣе можно сказать это относительно преподаванія языка греческаго. Даже въ Германіи, шедшей всегда впереди въ дѣлѣ изученія древнихъ языковъ, знакомство уровня класса съ греческимъ языкомъ, почти вездѣ ниже, чѣмъ знакомство съ латинскимъ. У насъ это явленіе замѣчается еще болѣе. Точно также и во Франціи. Здѣсь преподаваніе греческаго языка продолжается только 4 года, начиная съ classe de quatrième, то-есть, съ 13-ти лѣтняго возраста учениковъ, и кончая classe de rhétorique—16-ти-лѣтнимъ. Въ этотъ краткій промежутокъ времени насчитывается не болѣе 20-ти уроковъ греческаго языка въ недѣлю во всѣхъ 4-хъ классахъ, а распредѣляются уроки слѣдующимъ образомъ: въ classe de IV—6 уроковъ, classe de III—5, classe de II — 5 и classe de rhtorique — 4. Первое, что̀ весьма непріятно поражаетъ во Франціи въ преподаваніи греческаго языка, это—несоблюденіе удареній ни въ чтеніи, ни въ письмѣ, отъ чего, разумѣется, теряется вся звучность, вся музыкальность греческой рѣчи. На предложенный мною вопросъ, почему такъ дѣлается, мнѣ было отвѣчено, что и безъ соблюденія удареній едва хватаетъ времени для занятій греческимъ языкомъ, если же проходить еще правила объ удареніяхъ, то было бы не возможно выполнить предписанную программу.

Система преподаванія греческаго языка во Франціи та же, что̀ и латинскаго. Тѣ же грамматики, ничего не объясняющія, но которыя ученики зубрятъ наизусть, не отдавая себѣ отчета въ грамматическихъ правилахъ; тѣ же словари, наполненные готовыми оборотами рѣчи и цѣлыми отрывками изъ греческихъ авторовъ, служащіе ученикамъ слишкомъ удобнымъ, и вслѣдствіе того, вреднымъ пособіемъ при домашнихъ переводахъ съ французскаго на греческій; тѣ же стилистическія упражненія—thème grecque, version grecque, имѣющія характеръ совершенно одинаковый съ соотвѣтствующими имъ латинскими упражненіями; тотъ же недостатокъ въ чтеніи авторовъ, остающихся для большинства класса совершенно неизвѣстными. Весь спи-

Библиотека "Руниверс"

сокъ читаемыхъ въ классѣ греческихъ авторовъ ограничивается нѣсколькими біографіями Плутарха, двумя - тремя пѣснями Гомера, одною, и то неполною, рѣчью Демосѳена, и одною трагедіей Софокла и Еврипида. Спрашивается: какое представленіе можетъ составить себѣ кончающій курсъ лицеистъ по этимъ отдѣльнымъ, безсвязнымъ отрывкамъ о богатѣйшей, разнообразнѣйшей греческой литературѣ, изобилующей прекрасными лирическими и эпическими твореніями, могущими нравственно развивающимъ образомъ дѣйствовать на впечатлительный умъ юноши, выработать въ немъ вкусъ къ эстетическимъ произведеніямъ греческой словесности, къ міросозерцанію древняго классическаго міра? Для достиженія этихъ результатовъ необходима другая система.

Должно однако сказать въ заключеніе настоящаго обзора, что лучшіе изъ современныхъ французскихъ педагоговъ вполнѣ сознаютъ всю непригодность нынѣ господствующей во Франціи системы преподаванія древнихъ языковъ, въ особенности греческаго, и дѣлаютъ попытки поднять его на подобающую высоту; но всѣ старанія ихъ остаются тщетными вслѣдствіе той устарѣлой рутины, тѣхъ вѣками сложившихся педагогическихъ пріемовъ, въ которыхъ безвозвратно коснѣетъ большинство французскихъ преподавателей, и того полнѣйшаго равнодушія, которымъ отличается французское общество относительно всякихъ педагогическихъ вопросовъ.

Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Теорія словесности. Составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній *П. Смирновскій*. С.-Петербургъ. 1883.

Въ предисловіи авторъ указываетъ отличія своего учебника отъ многихъ другихъ. Отличій этихъ собственно два: а) первая часть учебника, соотвѣтствующая стилистикѣ, построена иначе, и содержаніе ея значительно шире; б) при изложеніи авторъ пользовался сравнительнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сравнительно-историческимъ методомъ гораздо болѣе, чѣмъ многіе другіе составители учебниковъ по теоріи словесности.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о томъ и другомъ отличіи.

По объему, содержаніе стилистики въ книгѣ г. Смирновскаго вовсе не шире того, какой она имѣетъ въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ того же рода. Надобно думать, что подъ широтой авторъ разумѣлъ особо введенную имъ статью объ элементахъ, изъ коихъ слагается содержаніе сочиненій. Эту статью онъ считаетъ второю особенностью своего труда, которую мы, однакожь, соединяемъ съ первою. Ученіе объ элементахъ сочиненій—говорится въ предисловіи—устраняетъ нѣкоторыя странности старинныхъ подраздѣленій и многія недоразумѣнія и даетъ прочную опору при занятіяхъ теоріей словесности. Какимъ же образомъ? „Ученикъ не станетъ признавать описаніе и повѣствованіе какими-то особыми видами прозы, а будетъ считать ихъ не болѣе, какъ основными элементами, которые одинаково могутъ входить, какъ въ сочиненія прозаическія, такъ и въ сочиненія поэтическія. Встрѣ-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

тивши въ христоматіи, въ отдѣлѣ прозаическихъ описаній, отрывокъ изъ повѣсти или романа, онъ не удивится, потому что будетъ знать, что проза не отгорожена отъ поэзіи непроницаемою стѣною: въ прозѣ можетъ быть поэтическій элементъ, а въ поэтическомъ произведеніи можетъ быть и проза. Не станетъ онъ въ тупикъ и тогда, когда увидитъ, что въ одной книгѣ „Жалоба Цереры" названа балладой, а въ другой—элегіей, такъ какъ ему будетъ извѣстенъ тотъ фактъ, что чистыя литературныя формы рѣдки, и что сочиненія въ большинствѣ случаевъ слагаются изъ различныхъ элементовъ, которые иногда могутъ быть такъ уравновѣшены, что произведеніе столько же можно отнести къ одному виду, сколько и къ другому" (стр. III).

Если только этимъ результатомъ ограничивается расширеніе содержанія стилистики, то такое расширеніе и несущественно, и не обѣщаетъ большой пользы. Кромѣ того, оно представляетъ невыгодныя стороны, которыя не вознаграждаются ожидаемою авторомъ выгодой отъ ученія объ элементахъ, а именно:

1) Что̀ бы ни говорилъ авторъ о странностяхъ старинныхъ дѣленій и подраздѣленій сочиненій, эти дѣленія до сихъ поръ остаются и навсегда останутся во всей своей силѣ. Книга его также дѣлитъ прозаическія сочиненія, по преобладающему въ нихъ элементу, на описательныя, повѣствовательныя и разсужденія; описательныя подраздѣляются на путешествія и очерки, и т. д. Конечно, при дѣленіи берется въ разчетъ преобладаніе того или другаго содержанія, того или другаго элемента: это—не новость, хотя и есть чистыя описанія, чистыя повѣствованія и чистыя разсужденія, ничего инаго въ себѣ не заключающія, кромѣ описанія, повѣствованія и разсужденія. Каждому извѣстно, что всѣ предметы могутъ служить содержаніемъ и прозы, и поэзіи, но это ни сколько не мѣшаетъ дѣленію литературныхъ произведеній на прозаическія и поэтическія.

2) Слово элементъ въ книгѣ г. Смирновскаго употребляется въ двоякомъ значеніи, что̀ въ учебной книгѣ можетъ вести къ неопредѣленности. На стр. 2 и 3 исчислены слѣдующіе элементы каждаго сочиненія: тема, содержаніе, планъ, изложеніе: а на стр. 6, подъ названіемъ: „элементы, изъ которыхъ слагается содержаніе сочиненій", различаются слѣдующіе элементы: лирическій элементъ, описаніе, повѣствованіе, разсужденіе, характеристика.

3) Подъ лирическимъ элементомъ разумѣется выраженіе чувствованій, и сочиненія, въ которыхъ этотъ элементъ является главнымъ,

Библиотека "Руниверс"

названы лирическими. Это не совсѣмъ вѣрно. Разказъ больнаго доктору о своихъ страдальческихъ ощущеніяхъ, какъ бы они ни были сильны, никогда не составитъ поэтическаго произведенія.

4) Каждый изъ означенныхъ элементовъ вошелъ потомъ въ изложеніе теоріи прозы или поэзіи, какъ особый родъ или видъ, кромѣ однакожь характеристики. По какой причинѣ? Если она, по своей сущности, не можетъ относиться ни къ одному роду или виду исчисленныхъ сочиненій, то надобно образовать особый, самостоятельный видъ.

5) Но главное неудобство нововведенія, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ двухъ разныхъ мѣстахъ: о лирическомъ элементѣ на стр. 38 (въ статьѣ объ элементахъ) и на стр. 83 (въ статьѣ о лирической поэзіи); объ описаніяхъ, повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ—на стр. 38—43 (тоже въ статьѣ объ элементахъ) и въ теоріи прозаическихъ сочиненій (стр.49—54), причемъ въ послѣднемъ случаѣ говорится меньше, чѣмъ въ первомъ, тогда какъ слѣдовало бы на оборотъ. Вообще отдѣлъ о сочиненіяхъ прозаическихъ очень бѣденъ. Особенною скудостью отличается статья о разсужденіи, такомъ родѣ прозы, на который преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся.

Что касается до сравнительнаго, а частію сравнительно-историческаго метода въ изложеніи, то они, особенно послѣдній, едва ли могутъ имѣть дѣйствительное значеніе и оказывать дѣйствительную пользу въ школѣ. Теорія словесности проходится въ 5-мъ классѣ, гдѣ учащіеся еще очень бѣдны матеріалами для сравненія однихъ литературныхъ произведеній съ другими; еще менѣе у нихъ фактовъ, относящихся къ историческому развитію родовъ и видовъ, какъ прозы, такъ и поэзіи. Это—дѣло высшаго образованія. Нѣмецкіе учебники, принявшіе въ основаніе сказанный методъ, выдерживаютъ его отъ начала до конца. Въ нихъ и дѣленіе прозаическихъ и поэтическихъ родовъ основано на историческомъ ихъ развитіи, на родственномъ происхожденіи однихъ отъ другихъ. Такъ, напримѣръ, въ постепенномъ развитіи эпики различаютъ они три ступени: эпическая (чистая) эпика, лирическая эпика, дидактическая эпика; три ступени и въ развитіи лирики: эпическая лирика, дидактическая лирика, лирическая лирика. Нашъ же такъ-называемый историческій методъ ограничивается почти всегда кое-какими историческими свѣдѣніями, иногда вовсе не имѣющими отношенія къ предмету, такъ что по нимъ нельзя открыть никакого теоретическаго сродства

Библиотека "Руниверс"

между первобытнымъ и позднѣйшимъ видомъ какого-либо поэтическаго рода.

На стр. 32—33 опредѣляется слогъ: онъ есть характеръ изложенія. Характеръ этотъ, по словамъ автора, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ однакожь указано только одно—личность автора: „одинъ, на всемъ протяженіи своего сочиненія рисуетъ образы, картины; другой прибѣгаетъ къ образному языку лишь мѣстами“ и т. д. То же самое подтверждено и цитатой изъ Жуковскаго, „Знаете ли, что такое слогъ? Я здѣсь повторю слова знаменитаго Бюффона: слогъ есть человѣкъ“. Но эти слова Бюффона указываютъ на одну только сторону слога—личную или субъективную, зависящую отъ духовныхъ способностей автора: гдѣ же другая—общая или объективная, зависящая не отъ автора, а отъ предмета, содержанія и цѣли сочиненія? Одинъ и тотъ же Пушкинъ написалъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Исторію Пугачевскаго бунта“ не одинаковымъ слогомъ. Только такіе искатели краснорѣчія, какъ Марлинскій и Бенедиктовъ, могутъ стараться на всемъ протяженіи своихъ сочиненій рисовать образы и картины. Истинный талантъ, при всемъ преобладаніи въ немъ какой-либо способности, знаетъ, какимъ слогомъ пишется исторія, и какимъ—лирическая поэма.

Изложеніе въ книгѣ г. Смирновскаго ясное и толковое; притомъ же она снабжена небольшимъ сборникомъ статей, на которыя указываетъ учебникъ, но которыхъ нѣтъ въ хрестоматіяхъ, употребляемыхъ при занятіяхъ теоріей словесности.

Н. Бучинскій. Начальная русская грамматика (въ связи съ практическими упражненіями) для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій. Составлена по учебному плану министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1884. Цѣна 30 к.

Г. Бучанскій, не находя между множествомъ изданныхъ учебниковъ по грамматикѣ ни одного, который, по его мнѣнію, можно было бы признать вполнѣ пригоднымъ для приготовительныхъ классовъ гимназій, занялся составленіемъ такого учебника, задавшись цѣлью, 1) чтобъ онъ соотвѣтствовалъ учебному плану министерства народнаго просвѣщенія, какъ относительно объема свѣдѣній, такъ и въ отношеніи порядка распредѣленія грамматическаго матеріала, и 2) чтобы все заключающееся въ немъ было изложено по возможности просто, доступно дѣтскому возрасту.

Книжка г. Бучинскаго, при небольшомъ объемѣ (60 страницъ),

Библиотека "Руниверс"

очень содержательна: первоначальныя правила русской грамматики поясиены достаточнымъ количествомъ примѣровъ, между которыми рядомъ съ отдѣльными изреченіями (пословицами по преимуществу) есть небольшія статейки, пригодныя и для практическихъ упражненій: списыванія, систематическаго диктанта, для заучиванья наизусть и т. д. Въ концѣ книги приложены: списокъ коренныхъ словъ съ буквою ѣ и церковно-славянская азбука, дано понятіе о титлахъ и главныхъ словосокращеніяхъ, чтобы со свѣдѣніями, пріобрѣтенными по учебнику г. Бучинскаго, дѣти прямо могли перейдти къ чтенію книгъ церковно-славянской печати. Изданіе очень опрятно, цѣна не дорога.

Но нельзя не обратить вниманіе автора на нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны его труда:

1) Не удобнѣе ли выключить нѣкоторыя стихотворенія, замѣнивъ ихъ другими? „Жница“ (стр. 8) представляетъ отрывочную картинку, довольно безсодержательную и во всякомъ случаѣ мало понятную для дѣтей. Трудно понять, что побудило г. Бучинскаго помѣстить отрывокъ „Изъ писемъ институтки“ (стр. 12). Онъ совершенно неумѣстенъ. Шутливое подражаніе наивно-мечтательному тону институтки ребенокъ пожалуй приметъ за образецъ слога и изложенія. „Парусъ“ (Лермонтова) — прекрасное стихотвореніе, но не для учениковъ приготовительнаго класса. То же можно сказать и о переводѣ изъ Гете: „Горныя вершины“ (стр. 45). „Ночлегъ въ деревнѣ“ (стр. 23) — мрачная и тенденціозная картина. Вообще врядъ ли удобно воспитывать поэтическое чувство дѣтей на болѣзненныхъ произведеніяхъ Никитина и Некрасова. Не для дѣтскаго возраста написано и граціозное стихотвореніе Пушкина:

Цвѣты, послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей и т. д. (стр. 33).

Туманны для дѣтей первыя строки вообще довольно слабаго стихотворенія Козлова „Сиротка“:

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою... (стр. 33).

Стихотвореніе „Зимнія вьюги“ Кольцова (стр. 36) говоритъ объ ощущеніяхъ, незнакомыхъ дѣтямъ, и возбуждаетъ болѣзненную безпредметную мечтательность, которую развивать совсѣмъ не желательно.

2) Требуетъ измѣненія редакція нѣкоторыхъ правилъ:

Стр. 7. Гласные звуки и буквы легко произносятся. Такой

Библиотека "Руниверс"

же недосмотръ встрѣчаемъ на стр. 8 по поводу звуковъ согласныхъ.

Стр. 9. „ъ и ь показываютъ твердое и мягкое произношеніе согласныхъ". Слѣдовало бы выразиться точнѣе: „предшествующихъ имъ согласныхъ".

Стр. 10. „Буква і называется десятиричнымъ"... Странное согласованіе. Указывая на различіе въ правописаніи и значеніи словъ „міръ" и „миръ", слѣдуетъ упомянуть, что это различіе сохраняется и во всѣхъ производныхъ отъ нихъ словахъ вообще, а не въ одномъ имени „Владиміръ".

Стр. 11 и 18. Нельзя пріучать дѣтей къ такимъ логическимъ несообразностямъ какъ „опредѣленіе опредѣляетъ", „дополненіе дополняетъ". Странно также смѣшивать „обстоятельства" съ „обстоятельственными словами" (ср. стр. 19).

Стр. 21. „Предметомъ называется все то, что̀ мы видимъ, или то, что̀ можемъ представить въ умѣ"... Элементарная недомолвка.

Стр. 44. „Дѣйствія бываютъ различны, и это различіе дѣйствій обозначается залогами". Въ чемъ же состоитъ различіе?

Стр. 45. „Отъ дѣйствительнаго залога происходитъ страдательный"...

Стр. 46. Понятія о наклоненіяхъ вовсе не дано; далѣе ребенку предлагается различать ихъ только по формѣ.

Стр. 62. Неизвѣстныя слова, служащія для кратчайшаго выраженія чувствъ, называются междометіями.

3) Не излишне было бы пересмотрѣть примѣры, заимствованные изъ пословицъ. Пословицы представляютъ такой богатый грамматическій матеріалъ, что, при выборѣ изъ нихъ, легко избѣжать примѣровъ неясныхъ, грубыхъ по содержанію или формѣ и вообще мало поучительныхъ для дѣтей. Не лучше ли замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе умѣстнымъ для дѣтскаго возраста, хотя бы, напримѣръ, слѣдующія пословицы: Ретивая лошадка не долго живетъ. — Не велика честь, коли нечего ѣсть.—Обычай бычій, умъ телячій. — Подойдетъ бѣда, отворяй ворота. — Бѣленькія ручки чужіе труды любятъ. — Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ, и другъ.

4) Корректура вообще выдержана хорошо, но изъ немногихъ оставшихся опечатокъ есть довольно грубыя для учебника; напримѣръ, стр. 42 Ана вм. Она, или стр. 36:

Шли, какъ облачки (,)
Мимо солнышка...

Все это требуетъ исправленія.

Библиотека "Руниверс"

556 РАЗСКАЗОВЪ И СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ въ приготовительномъ, 1-мъ и 2-мъ классахъ гимназій. Составилъ *А. Н. Поповъ*. Кишеневъ. 1883. Цѣна 1 р. 50 коп.

Въ предисловіи или „необходимомъ объясненіи" (какъ называетъ свое предисловіе авторъ) высказано нѣсколько здравыхъ взглядовъ на условія, которымъ должна отвѣчать „начальная хрестоматія": г. Поповъ—не изъ поклонниковъ хрестоматій, написанныхъ съ цѣлью замѣнить собою элементарные учебники по естествовѣдѣнію, исторіи и т. д.; не считаетъ нужнымъ посвящать полкниги вопросамъ для воображаемаго „облегченія пересказа" и объясненію отдѣльныхъ словъ и выраженій, довольствуясь небольшимъ „объяснительнымъ словаремъ" въ концѣ книги; признаетъ самою доступною для учениковъ двухъ младшихъ классовъ гимназіи формою статей „небольшіе разсказы, въ которыхъ передаются движеніе, дѣйствіе, сцены въ связи съ чувствомъ, знакомымъ ребенку", допуская „описанія" не ранѣе II-го класса, и то подъ условіемъ, чтобъ описанія эти были не длинны и „не подавляли множествомъ хотя бы и живописныхъ признаковъ"; прозаическія статьи авторъ находитъ полезнымъ чередовать съ стихотвореніями, преимущественно съ баснями. Наконецъ, г. Поповъ обратилъ вниманіе и на „однообразіе въ употребленіи знаковъ препинанія, которые иногда съ трудомъ поддаются объясненію по своеобразному ихъ употребленію у нѣкоторыхъ писателей, а равно — и на однообразіе правописанія, которое весьма часто ставитъ ученика въ тупикъ" (авторъ, конечно, хотѣлъ сказать: и на однообразіе въ правописаніи „такъ какъ различное правописаніе словъ, повторяющихся въ той же книгѣ, затрудняетъ ученика" и только по недосмотру высказалъ мысль совершенно противоположную).

Но то же предисловіе, къ сожалѣнію, не упоминаетъ о многихъ другихъ условіяхъ, существенныхъ для первоначальной хрестоматіи: о томъ, что помѣщенныя въ ней статьи должны быть написаны вполнѣ правильнымъ, даже изящнымъ языкомъ, что статьи образцовыхъ писателей, вполнѣ удобопонятныя дѣтямъ, не слѣдуетъ передавать въ плохихъ передѣлкахъ, что отрывки, заимствованные у нихъ, должны заключать въ себѣ нѣчто цѣльное и осмысленное, что статьи хрестоматіи должны имѣть въ виду строго опредѣленный возрастъ, наконецъ и то, что волпи разочарованія, тяжелыхъ сомнѣній, мрачныя картины — неумѣстны для дѣтей, учащихся „въ приготовительномъ

Библиотека "Руниверс"

и двухъ первыхъ классахъ гимназій". Обо всѣхъ этихъ условіяхъ г. Поповъ не упомянулъ въ своемъ предисловіи, по видимому, не потому только, что считалъ ихъ слишкомъ общеизвѣстными, не требующими упоминанія, а потому, что не вполнѣ сознавалъ ихъ; по крайней мѣрѣ ни одно изъ нихъ не соблюдено въ разсматриваемомъ трудѣ его.

Языкъ многихъ статей неудовлетворителенъ. Укажемъ для примѣра хоть бы на стихотвореніе „Учащимся", принадлежащее, вѣроятно, перу самого г. Попова (стр. V):

Всѣ эти жемчужины чистой воды,
Всѣ эти крупицы—топазы,
Что также, какъ жемчугъ, играютъ, горятъ
И блещутъ порой, какъ алмазы,
Я бережно собралъ—и нынѣ на судъ
Несу ихъ въ убогой кошницѣ:
Да славится жемчугъ! да свидетъ хвала
И къ блещущей искрой крупицѣ!

Или на разказъ „Оселъ въ львиной шкурѣ" (статья 6-я):

„Оселъ убѣжалъ въ лѣсъ. Здѣсь онъ случайно нашелъ шкуру льва. Прикрывшись ею, оселъ сталъ наводить страхъ на людей и звѣрей: они думали, что это, дѣйствительно, левъ появился въ ихъ лѣсу. Хозяинъ, разыскивая его (?), пришелъ въ этотъ (?) лѣсъ. Оселъ, какъ увидѣлъ его (?), началъ страшно (!) ревѣть. Онъ (?) надѣялся этимъ испугать и своего хозяина. Но отъ неловкаго движенія шкура съѣхала съ головы осла. Тогда хозяинъ схватилъ его за длинныя уши и со смѣхомъ вскричалъ: „Обманывай другихъ, длинноухій пріятель, а меня не проведешь!" Съ этими словами онъ схватилъ палку и погналъ осла домой".

(Ср. также статьи 1, 3, 15, 17, 21, 27, 45, 50, 65, 101, 105, 122, 162, 166, 177, 189, 449 и др.).

Не владѣя художественнымъ слогомъ, г. Поповъ рѣшается однако замѣнять своимъ пересказомъ басни Крылова, Дмитріева, Хемницера, стихотворенія Жуковскаго, Лермонтова, Майкова и др., не щадя даже такихъ замѣчательныхъ по простотѣ и художественности языка произведеній, какъ „Два голубя", „Пустынникъ и медвѣдь", „Каннитферстанъ", „Пѣсню про купца Калашникова" и др. (ср. статьи 126, 199, 209, 211, 221, 234, 250, 251, 393, 418, 424 и др.). Той же участи подверглись и былины о Микулѣ Селяниновичѣ, о Садкѣ и др.

Нѣкоторыя статьи представляютъ собою отрывки изъ стихотво-

Библиотека "Руниверс"

реній, утратившіе всякій смыслъ. Какое значеніе имѣетъ, напримѣръ, отдѣльно взятое первое четверостишіе плохаго стихотворенія Кольцова „Человѣкъ“:

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ! (ст. 555)?

(Ср. статьи 28, 73, 228, 315 и др.).

Многія статьи неумѣстны, какъ не соотвѣтствующія познаніямъ дѣтей или не подходящія къ возрасту по затронутымъ мотивамъ, или по мрачному впечатлѣнію, которое онѣ производятъ. Таковы отрывки изъ поэмы Некрасова „Несчастные“ (ст. 228, 440), „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ Достоевскаго, стихотворенія Лермонтова: „Ангелъ“, „Тучки“, „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“, „Сосна“, А. Толстаго „Змѣй Тугаринъ“, Майкова „Сонъ Негра“ и др. Эти произведенія особенно странно встрѣтить рядомъ съ слѣдующимъ, напримѣръ, стихотвореніемъ (ст. 436):

Я видывалъ въ полѣ цвѣточекъ весной:
Зеленая ножка, глазокъ голубой.
Въ травѣ онъ чуть видѣнъ, не пышно ростетъ,
Но пахнетъ чудесно, хоть скромно цвѣтетъ.
Примѣромъ дитяти онъ можетъ служить,
Какъ надо съ достоинствомъ скромность хранить.
Названье его угадалъ ли дружокъ?
Скажи—и въ награду получишь цвѣтокъ.

Нѣкоторые статьи ничтожны по содержанію или проповѣдуютъ крайне странныя воззрѣнія; напримѣръ, разказъ 23-й повѣствуетъ о мальчикѣ, который изъ упрямства не хотѣлъ произнести „а“, но во все горло сталъ кричать „а-а-а!“ когда съ цѣлью побороть его упрямство „употреблены были въ дѣло розги“; стихотвореніе 157-е воспѣваетъ прелести псовой охоты (по Некрасову) и заключается словами:

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ!

Ст. 439-я разказываетъ, какія бѣды претерпѣлъ купецъ, который рѣшился уѣхать въ дорогу, не обративъ вниманія на „дурной сонъ“, приснившійся его женѣ; ст. 370-я повторяетъ старую пѣсню о томъ, что русская „сметка“ выше „нѣмецкаго струмента“, и т. д. (Ср. также ст. 12, 86, 101, 163, 223, 227, 230, 408, 449 и др.).

Библиотека "Руниверс"

Подробный словарь къ Запискамъ К. Юлія Цезаря о Галльской войнѣ. Составилъ *Н. Шрамекъ*, директоръ 5-ой С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1882. Цѣна 25 коп.

C. Julii Caesaris Commentarii de Bello Gallico ad optimarum editionum fidem in usum scholarum edidit *Otto Eichert*, Dr. phil. Petropoli. 1882. Цѣна 35 коп.

Юлій Цезарь, какъ вполнѣ образцовый латинскій писатель, существуетъ и въ нашей учебной литературѣ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ снабжены болѣе или менѣе удовлетворительными объясненіями и спеціальными латино-русскими словарями; словари эти составлены преимущественно по Отто Эйхерту. Въ настоящее время мы имѣемъ предъ собою еще новое изданіе Цезаря, или вѣрнѣе сказать, перепечатку латинскаго текста De Bello Gallico въ изданіи О. Эйхерта, съ приложеніемъ даже словаря въ нѣкоторой передѣлкѣ на русскій языкъ. Трудъ г. Шрамека, во всякомъ случаѣ не составляетъ, по классической пословицѣ, обогащенія Аѳинъ еще одною совой: латинскій текстъ перепечатанъ исправно и отчетливо; въ немъ почти нѣтъ опечатокъ и разныхъ непослѣдовательностей въ латинской пунктуаціи. Въ виду столь рѣдкаго факта въ нашей учебно-книжной практикѣ, мы готовы уже были порадоваться и за нашихъ корректоровъ, и за наши типографіи, какъ вдругъ на самой послѣдней страницѣ, въ укромномъ уголкѣ прочитали: Vratislaviae typis Roberti Nischkowsky. Напрасно г. Шрамекъ, такъ горько и такъ справедливо жалующійся въ своемъ замѣчаніи, помѣщенномъ предъ заглавіемъ его книги, на произволъ и странные порядки нашихъ отечественныхъ типографій, не указалъ укоризненно, при столь удобномъ случаѣ, на то, гдѣ именно отпечатана главнѣйшая часть издаваемой имъ книги, то-есть, весь латинскій текстъ о Галльской войнѣ.

На сколько одна часть книги, отпечатанная въ Бреславлѣ, исправна, на столько же другая, заключающая въ себѣ однакожь собственный трудъ г. Шрамека, неудачна, и какъ будто потому именно и неудачна, что вышла изъ типографіи Григорьева въ С.-Петербургѣ. Впрочемъ, надо полагать, нѣкоторая доля вины въ этой неисправности падаетъ и на самого составителя; по крайней мѣрѣ неточности въ родѣ нижеслѣдующихъ едва ли позволительно приписать чему-нибудь другому, кромѣ неосмотрительности

Библиотека "Руниверс"

самого автора. Напримѣръ, латинское слово sanitas переведено мало неупотребительнымъ русскимъ разумность; глаг. seco, ui, переданъ по русски сѣкать; praecaveo—предостерегаться; inflo —напыщать; сущ. acerbitas — горкость и т. п. Нѣкоторой невнимательности со стороны переводчика можно приписать также переводъ русскимъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ всѣхъ первыхъ лицъ единств. числа соотвѣтственныхъ латинскихъ глаголовъ. Правда, и по нѣмецки у Эйхерта допущенъ такой же переводъ латинскихъ глаголовъ; но съ одной стороны, эта во всякомъ случаѣ неточность не заслуживаетъ подражанія, а съ другой — въ нѣмецкой книгѣ она сглаживается тѣмъ, что тамъ вездѣ неопустительно при латинскихъ глаголахъ поставлены всѣ главныя времена вмѣстѣ съ неокончательнымъ наклоненіемъ, такъ что непосредственно слѣдующій нѣмецкій переводъ можетъ хорошо согласоваться съ предыдущею формой латинскаго глагола. Но г. Шрамекъ почти вездѣ опускаетъ латинскій infinitivus, а между тѣмъ рядомъ съ предшествующими первыми лицами ставитъ русское неокончательное: habeo, ui — имѣть, gusto — вкушать, extimesco — испугаться и проч. Послѣдній примѣръ указываетъ также и на то, что не слѣдовало бы допускать безразличнаго смѣшенія русскихъ многократныхъ видовъ съ однократными: expello —выгонять, устранить; experior—испытывать, выжидать; derimo — прерывать, прекратить и проч. И къ корректурѣ собственно русскаго текста нужно было бы отнестись съ гораздо большею осмотрительностью: непріятно встрѣчать, особенно въ учебной книгѣ, такого рода ореографическія ошибки, какъ напримѣръ, стрѣмительно (стр. 193 s. v. praeceps), о предмѣтахъ (при словѣ postulo), при insinuo—невилинами, кривизнами впускать и т. под. При переводѣ и нѣкоторой передѣлкѣ нѣмецкаго словаря, полагаемъ, можно было бы устранить изъ русскаго учебнаго пособія такія формы латинскихъ словъ, которыя не встрѣчаются преимущественно у образцовыхъ латинскихъ писателей; къ чему, напримѣръ, при несложномъ глаголѣ cerno (въ значеніи видѣть) ставить perf. crevi, при глаг. fugio sup. fugitum и под.? Вѣдь впослѣдствіи ученикамъ придется отвыкать отъ того, къ чему они совершенно напрасно пріучаются при изученіи Юлія Цезаря. Даже и при глаголѣ fallo мы скорѣе поставили бы falsus, чѣмъ falsum. Обозначая при всѣхъ именахъ родительные падежы единств. или множеств. числа, не худо было бы послѣдовательно удерживать это обозначеніе, особенно при тѣхъ словахъ, которыя именно въ родительномъ падежѣ оказываются непра-

Библиотека "Руниверс"

вильными; при plerique, напримѣръ, выписаны женскій и средній роды, а о родительномъ ничего не упомянуто, такъ что ученику дается возможность дѣлать грубыя ошибки, особенно въ письменныхъ упражненіяхъ. Иногда оказывается неудобнымъ, даже въ элементарныхъ книгахъ, излишній грамматическій формализмъ; къ чему, напримѣръ, заносить въ словарь вовсе неупотребительный мужескій родъ именительнаго единств. ceterus, или хотя бы exterus съ его превосходною степенью extimus? Въ замѣнъ этихъ сомнительныхъ или даже вовсе неупотребительныхъ падежей лучше было бы удѣлить мѣсто для такихъ двойственныхъ формъ, которыя дѣйствительно приводятся въ иныхъ и даже довольно ходкихъ изданіяхъ Цезаря; напримѣръ, имя Orgetorix, кромѣ короткаго гласнаго на концѣ основы, встрѣчается также и съ долгимъ i.

При объясненіи значеній нѣкоторыхъ словъ г. Шрамекъ отступаетъ иногда отъ своего главнѣйшаго руководителя Эйхерта, но не всегда вполнѣ удачно; напримѣръ, для census первое значеніе дано такое: „оцѣнка имущества римскаго гражданина“; у Эйхерта сказано: „Abschätzung der römischen Bürger nach Vermögen“. Или: cervi у г. Шрамека значитъ: „въ военномъ дѣлѣ суковатые колья, рогатки“, а въ нѣмецкомъ дано болѣе полное и болѣе понятное объясненіе этого термина: „gabelförmig nach Art eines Hirschgeweihes in zwei Aeste auslaufender Baumstamm, um das Ersteigen des Walles zu hindern“. При гл. rogo сказано: „спрашивать — milites sacramento consulis привести солдатъ къ присягѣ“; затѣмъ въ скобкахъ поставлено: „собственно“. Мы полагаемъ, что не нужно было бы ни этого отдаленнаго перевода, ни мало понятнаго заключительнаго вопроса, ни употребленія названія солдатъ, столь мало подходящаго къ условіямъ римской службы, если бы г. Шрамекъ точно перевелъ нѣмецкій текстъ: „fragen, ob sie sich durch einen Eid zum Kriegsdienst für den Consul verpflichten wollen, d. i., zur Fahne des Consul schwören lassen“ и пр.

И въ латинскомъ, и въ русскомъ текстѣ словаря можно встрѣтить порядочное количество разнаго рода опечатокъ: suppetīvi, caplo (при гл. praecipio), ignōtus, прописное В вмѣсто такого же S впереди словъ, начинающихся съ s, преторскій и пр.

Не смотря на замѣченные нами недосмотры, мы все же полагаемъ, что трудъ г. Шрамека, даже и въ нынѣшнемъ своемъ изданіи, можетъ быть съ пользою употребляемъ въ школѣ.

Библиотека "Руниверс"

Объяснительный словарь къ сочиненію Ю. Цезаря: Commentarii de Bello Gallico, *Германа Пертеса*, пособіе при домашнемъ повтореніи переведеннаго въ классѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Лилова*. Часть первая. Тифлисъ. 1883.

Нѣтъ нужды говорить здѣсь о достоинствахъ или недостаткахъ того новаго способа, при посредствѣ котораго нѣмецкій педагогъ Германъ Пертесъ совѣтуетъ вести первоначальное обученіе латинскому языку; можетъ быть, Пертесъ и не такъ настойчиво укоряетъ общераспространенный способъ изученія классическихъ языковъ въ подавленіи всѣхъ способностей души учащагося, кромѣ памяти, какъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи русскій переводчикъ его, директоръ 2-й Тифлисской гимназіи г. Лиловъ. Вообще можно, кажется, думать, что психологическая терминологія нашего переводчика не вездѣ заботится о точномъ соотвѣтствіи даже съ основными положеніями той философской школы (Гербарта), къ которой причисляетъ себя Германъ Пертесъ; по крайней мѣрѣ послѣдователю Гербарта не приходится говорить о способностяхъ души. Впрочемъ, будемъ ли мы начинать изученіе латинскаго языка „съ готовыхъ парадигмъ“, или же приступимъ прямо „къ чтенію латинскаго текста, изъ котораго постепенно и будемъ извлекать эти парадигмы и разныя грамматическія правила“,—во всякомъ случаѣ разсматриваемый словарь можетъ оказать значительное облегченіе при опредѣленіи и заучиваніи разныхъ значеній одного и того же вокабула въ разныхъ оборотахъ рѣчи. Слово, усвоенное въ одной группѣ или фразѣ, получаетъ при новомъ словосочетаніи нерѣдко новое освѣщеніе, и такимъ образомъ постепенно могутъ раскрываться предъ ученикомъ разнообразные оттѣнки въ значеніи слова; постепенными выводами изъ прежде даннаго, основнаго или этимологическаго значенія облегчается усвоеніе развѣтленій въ значеніи словъ, и притомъ словъ и фразъ, часто встрѣчающихся, то-есть, особенно употребительныхъ. Хорошо также и то, что учащійся, по словамъ переводчика, имѣя подъ руками словарь Пертеса, будетъ избѣгать въ своихъ переводахъ искаженій отечественнаго языка, будетъ передавать латинскій текстъ въ возможной точности, въ правильныхъ оборотахъ родной рѣчи. Конечно, послѣднее условіе—полагаемъ—достижимо только въ томъ случаѣ, если и въ самомъ словарѣ нѣтъ недосмотровъ относительно обычной фразеологіи роднаго языка.

Не имѣя подъ руками нѣмецкаго оригинала, мы, къ сожалѣнію,

Библиотека "Руниверс"

не можемъ сказать, на сколько русскій переводъ полонъ; что же касается собственно русскаго языка, то вообще онъ удовлетворителенъ хотя и встрѣчаются нѣкоторыя шероховатости, происходящія, быть можетъ, отъ слишкомъ буквальной передачи г. Лиловымъ нѣмецкихъ выраженій. Такъ (стр. 3, столб. 2), при alicui filiam in matrimonium dare, сказано: выдавать дочь за мужъ за кого-нибудь, и тутъ же въ скобкахъ поставлено: (=въ бракъ). Если послѣднее слово восполнить предшествующимъ глаголомъ, то скорѣе выйдетъ нѣкоторая игра словъ съ довольно ироническимъ намекомъ, чѣмъ гладкій переводъ латинской фразы; выдавать въ бракъ можно сказать о предметахъ или неудавшихся при своей окончательной отдѣлкѣ, или же вслѣдствіе долгаго или частаго обращенія потерявшихъ уже свою цѣну. Или, на этой же страницѣ, при suppeto сказано: „стремиться снизу вверхъ, пополнять", а въ скобкахъ замѣчено: „снизу убывающее на верху". Совсѣмъ не понятно, къ какому глаголу относить нарѣчіе снизу, и къ какому—на верху?

Ничего не говоритъ переводчикъ о томъ, почему онъ въ однихъ латинскихъ словахъ обозначаетъ количественность гласныхъ, а другія слова оставляетъ безъ этихъ нерѣдко очень даже необходимыхъ въ начальной книгѣ обозначеній. Сравн. слова: colo (1 стр.) cotidie (стр. 2); adspicio (та же страница), при чемъ въ скобкахъ поставлено совсѣмъ невозможное въ сложеніи adspecere; habeo (здѣсь же) и проч. Мы указали слова, почему-то обозначенныя не только на предпослѣднемъ слогѣ, но иногда даже и на всѣхъ безъ исключенія слогахъ, напримѣръ, cotidie; съ другой же стороны, не встрѣчаемъ никакихъ обозначеній и преимущественно долготы слоговъ во всѣхъ почти словахъ этого пособія, хотя, какъ кажется, самъ г. Лиловъ даетъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, должное значеніе обозначеніямъ количественности: онъ, напримѣръ, на словѣ homo (стр. 1) не только поставилъ краткость, но даже счелъ нужнымъ тутъ же объяснить элементарное значеніе этого знака (ŏ короткое). На стр. 30 мы вдругъ попадаемъ на знаки долготы при всякой встрѣчѣ съ глаг. augere. Почему же здѣсь и только при этомъ неокончательномъ наклоненіи понадобилось столь усиленное напоминаніе. Вѣдь еще на стр. 3, при auctoritas, это же слово, предпочтительно передъ всѣми остальными (obtinere, persuadere и проч.) было уже обозначено. По какой причинѣ, напримѣръ, suppeto, въ началѣ книги (стр. 3) оставлено безъ самаго необходимаго знака количественности, а на стр. 16 этотъ вокабулъ уже получилъ два знака, даже надъ u, что,

Библиотека "Руниверс"

конечно, составляетъ совершенное излишество. Или, еще недоумѣніе для учащагося: почему quottidianus (стр. 1) имѣетъ короткое i, а нарѣчіе отъ него—cotidie (на оборотѣ) уже съ долгимъ? Вообще встрѣчаются въ этой книгѣ и опечатки.

Точный и возможно буквальный переводъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ еще только въ первый разъ, былъ бы особеннымъ достоинствомъ разсматриваемаго словаря: только изъ такого значенія вокабула ученикъ могъ бы, въ соотвѣтствіе главной задачѣ этого словаря, выводить и понимать дальнѣйшія развѣтленія основныхъ значеній. Поэтому мы можемъ относить также къ недостаткамъ труда г. Лилова такія опредѣленія, какъ напримѣръ, глагола afficio: „приводить кого въ какое-либо положеніе. Что же удержалось изъ этого начальнаго значенія при переводѣ самимъ г. Лиловымъ слѣдующей, напримѣръ, фразы: magno dolore affici? Что общаго между вышеуказаннымъ первичнымъ опредѣленіемъ гл. afficio и переводомъ этого же слова на стр. 77: ne... supplicio afficerentur? Главнѣйшая мысль этого пособія по новѣйшей методѣ, кажется, значительно помрачается, по крайней мѣрѣ относительно случаевъ, подобныхъ только что указанному; а между тѣмъ метода эта все-таки не видитъ пользы въ изученіи готовыхъ правилъ изъ синтаксиса, хотя бы, напримѣръ, такъ удобно приспособленныхъ и для перевода глагола afficio съ творительными падежами существительныхъ: praemio, dolore, gaudio, injuria, gravi morbo и подобн.

Словарь г. Лилова ограничивается пока только первыми четырьмя комментаріями de Bello Gallico, и о времени появленія окончанія книги ничего не сказано.

Epitome of the English Grammar. Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ *П. Милославскій*. Казань. 1881. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 95 коп.

Небольшая книга г. Милославскаго имѣетъ цѣлію, какъ это видно изъ предисловія, дать желающимъ изучить англійскій языкъ краткое изложеніе главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, составляя въ нѣкоторомъ родѣ пособіе для справокъ въ случаѣ того или другаго сомнѣнія. Вообще говоря, книга можетъ отвѣчать своему назначенію, хотя въ иныхъ мѣстахъ ея и встрѣчаются кое-какіе недостатки, особенно по отношенію къ примѣрамъ, долженствующимъ служить иллюстраціей самихъ правилъ: здѣсь дѣйствительно попадаются ошибки въ конструкціи ихъ. Самая лучшая часть этого руководства,

Библиотека "Руниверс"

быть можетъ—та, въ которой трактуется о произношеніи; однакожь и здѣсь встрѣчается нѣсколько серьезныхъ ошибокъ, которыя необходимо должны быть исправлены. Напримѣръ, на стр. 26, сказано: h не произносится въ словахъ hospital, humble; на стр. 29, слогъ ve ошибочно относится къ нѣмымъ въ словахъ: twelve month; на стр. 32 невѣрно сказано, что th не произносится въ clothes; послѣднее замѣчаніе представляется особенно страннымъ: авторъ, какъ видно, не знаетъ того, что только fewclothesmen (иные продавцы платья) опускаютъ при произношеніи звукъ th. Выборъ правилъ хорошъ, но изложеніе ихъ—что также важно—отличается краткостью и надлежащею точностью. Однакожь, къ сожалѣнію, надо замѣтить, что правило (стр. 41), касающееся употребленія Sir Mistir, не отличается требуемою опредѣленностью, такъ какъ иностранцы почти постоянно дѣлаютъ ошибки при употребленіи этихъ оборотовъ рѣчи; судя по тому, что здѣсь говорится, можно пожалуй заключить, что вмѣсто Mr. всегда пишется слово Mistir вполнѣ, такъ какъ о сокращеніи Mr. совершенно ничего не сказано. Но самая очевидная погрѣшность состоитъ въ выборѣ примѣровъ; представимъ два или три образчика: слово diseased ошибочно два раза (стр. 50 и 96) употреблено съ значеніемъ нездоровый; въ слѣдующемъ предложеніи (стр. 97) опредѣлительный членъ поставленъ безъ нужды „find plasure in the travelling a foot"; другой примѣръ: the learned (стр. 99) поставлено въ значеніи plur.: ученые люди. Такая фраза, какъ the Pericles's age (стр. 28), никогда не можетъ быть употреблена Англичанином, предпочитающимъ въ замѣнъ того говорить: the age of Pericles и избѣгающимъ стеченія многихъ s или вообще не нужнаго и притомъ неблагозвучнаго скопленія одинаковыхъ согласныхъ. Авторъ неудачно выбралъ I dress myself примѣромъ возвратнаго залога, такъ какъ возвратное мѣстоименіе употребляется при глаголахъ dress, undress, wash только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно необходимо собственно для обращенія вниманія на тотъ фактъ, что это есмь я, который одѣваетъ самого себя безъ помощи слуги или какого-нибудь другаго лица.

Эти и нѣсколько другихъ ошибокъ подобнаго рода должны быть внимательно исправлены; г. Милославскій при второмъ изданіи своего труда хорошо поступитъ, если посовѣтуется относительно вышеупомянутыхъ пунктовъ съ какимъ-нибудь компетентнымъ Англичанином. Не смотря однако на указанныя ошибки, руководство г. Милославскаго принадлежитъ къ полезнымъ изданіямъ и вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть употребляемо всѣми тѣми, кто принимается изучать англійскій языкъ, но не имѣетъ ни времени, ни благопріятныхъ обстоятельствъ для того, чтобы обращаться къ большимъ и подробнѣйшимъ сочиненіямъ.

Руководство къ средней исторіи. Курсъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Беллярминовъ*. Цѣна 60 коп. Изданіе третье, пересмотрѣнное и съ 40 рисунками. С.-Петербургъ. 1883.

„Руководство къ средней исторіи", составленное г. Беллярминовымъ, въ первомъ своемъ изданіи было подробно и тщательно разобрано въ свое время въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Во второмъ изданіи книжка явилась съ значительными измѣненіями и дополненіями, идущими къ дѣлу и вообще удачными, притомъ не только съ точки зрѣнія выбора фактовъ или содержанія, но также и со стороны изложенія, въ отношеніи котораго авторъ иногда навлекалъ на себя довольно справедливые упреки. Страницы, вновь написанныя и пересмотрѣнныя, оказались свободными отъ прежняго стремленія къ замысловатымъ, искусственнымъ выраженіямъ, что иногда не мало вредило ясности, простотѣ и особенно изяществу рѣчи въ первоначальной редакціи, какъ этого учебника, такъ и другихъ изданій автора. Нѣкоторыя, вновь написанныя главы втораго изданія оказались вполнѣ хорошо изложенными; таковы были главы объ Арабахъ до Магомета и о началѣ исламизма, о первоначальной исторіи Болгаръ и о царяхъ Борисѣ и Симеонѣ; особенную же заслугу автора составляли во второмъ изданіи отдѣлы, посвященные исторіи архитектуры, сопровождаемые значительнымъ количествомъ плановъ и рисунковъ. Въ первый разъ на страницахъ русской учебной книги давалось правильное понятіе и наглядное объясненіе о базиликѣ, романскомъ, готическомъ и арабскомъ стиляхъ,—а развѣ не дѣло школы и не обязанность учебника по средней исторіи остановить вниманіе на этихъ предметахъ и на этихъ терминахъ, столь обыденныхъ и столь рѣдко понимаемыхъ надлежащимъ образомъ?

Теперь мы имѣемъ предъ собою третье изданіе; и въ этомъ изданіи составитель еще разъ доказываетъ свою постоянную добросовѣстную заботливость объ улучшеніи своей книги. Прежде всего это выразилось въ той внимательности, съ которою онъ отнесся къ частнымъ, отдѣльнымъ замѣчаніямъ, ему сдѣланнымъ, и въ соотвѣтствующихъ исправленіяхъ. Сверхъ того, уже по собственному по-

Библиотека "Руниверс"

бужденію, авторъ внесъ въ свое новое (третье) изданіе и другія измѣненія съ цѣлію наибольшаго приноровленія книги къ потребностямъ школы и для облегченія учащихся. Въ содержаніи учебнаго матеріала, сравнительно съ предшествующими двумя изданіями, сдѣланы слѣдующія перемѣны: сокращены отдѣлы о Византіи и о мусульманскомъ востокѣ, распространены важнѣйшія эпохи первостепенныхъ Романо-Германскихъ государствъ; отдѣлъ объ образованіи выдѣленъ въ особую главу, а глава объ архитектурѣ помѣщена теперь въ видѣ приложенія въ самомъ концѣ книги.

Признаемся, на сей разъ не всѣ перемѣны находимъ мы равно удачными; прежде всего не можемъ мы быть довольными тѣмъ, за что другіе скорѣе склонны будутъ похвалить автора; разумѣемъ сокращенія, предпринятыя въ исторіи Византіи; они коснулись, по нашему мнѣнію, не только кое-чего излишняго, но также и необходимаго. Ничего, конечно, нельзя возразить противъ того, что авторъ пропустилъ въ новомъ изложеніи высказанное профессоромъ Васильевскимъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія предположеніе объ участіи русскихъ отрядовъ и князя Василька Ростиславича въ сраженіи, избавившемъ Византію отъ страшной опасности, которая ей предъ самымъ (первымъ) крестовымъ походомъ грозила со стороны Печенѣговъ и союзныхъ имъ Турокъ-Сельджуковъ. Несомнѣнно, что только общепризнанные результаты ученыхъ изслѣдованій могутъ быть заносимы на страницы учебника. На этомъ-то основаніи мы между прочимъ и не можемъ одобрить, что одинъ изъ нашихъ историковъ-педагоговъ печатаетъ въ своихъ изданіяхъ соотвѣтственно своимъ крайне сомнительнымъ ученымъ теоріямъ: „Гунны, то-есть, восточные Славяне“ и т. п. Намъ извѣстно, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ знающіе и разумные преподаватели: они велятъ своимъ ученикамъ подобныя фразы зачеркивать, и самое лучшее—безъ всякихъ объясненій, могущихъ только поколебать авторитетъ учебной книги въ глазахъ учащихся. Что касается сокращеній, сдѣланныхъ теперь г. Беллярминовымъ въ отдѣлѣ по исторіи Византіи, невыгодная сторона ихъ обнаруживается особенно на стр. 18. Здѣсь, вопервыхъ, послѣднимъ императоромъ Македонскаго дома названъ Константинъ IX Мономахъ, что во всякомъ случаѣ есть неточность. Затѣмъ слѣдуетъ § 14 съ заглавіемъ „первые Комнины“, въ которомъ очень многое неясно и невразумительно—именно отъ излишней краткости. Такъ, напримѣръ, говорится: „Домъ Комниновъ правилъ Византіею болѣе ста лѣтъ“. Тутъ не показано, откуда начинается счетъ, а это

Библиотека "Руниверс"

было тѣмъ болѣе необходимо, что счетъ можетъ быть различный: либо отъ Исаака I (1056 г), который однако не былъ основателемъ династіи, а передалъ власть другому дому (Дуки), либо отъ Алексѣя I, съ коего собственно начинается послѣдовательный рядъ государей дома Комниновъ. Далѣе: „Первый императоръ этого дома принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ Грековъ; и онъ замѣстилъ придворныя и государственныя должности лицами учеными. Къ несчастію, эти ученые не были знакомы съ военнымъ дѣломъ, между тѣмъ имперія въ то время болѣе нуждалась въ искусныхъ военныхъ людяхъ". Даже для знакомаго съ дѣломъ читателя не вдругъ будетъ ясно, о комъ тутъ идетъ рѣчь, такъ какъ никто не названъ, начиная съ самаго императора: только послѣ обнаруживается, что тутъ разумѣется Исаакъ. А если это былъ Исаакъ, то слѣдуетъ ли на него взводить обвиненіе въ гибельномъ предпочтеніи ученыхъ людей военнымъ? По нашему соображенію, либо совсѣмъ нужно выбросить такое вскользь сдѣланное замѣчаніе, либо уже разъяснить его надлежащимъ образомъ, назвавъ лица.— „Чрезъ нѣкоторое время послѣ Исаака (Романъ Діогенъ) вступилъ на престолъ племянникъ его Алексѣй (1081—1108). Въ началѣ правленія этотъ императоръ долженъ былъ, по требованію патріарха, принести церковное покаяніе для искупленія преступленій, которыми онъ очистилъ себѣ путь къ престолу". Чрезъ нѣкоторое время: прошла цѣлая четверть вѣка, о чемъ, конечно, не даетъ понятія употребленное выраженіе, уже по самой неопредѣленности своей неумѣстное въ учебникѣ; тутъ пропущены три государя изъ фамиліи Дукъ, и даже Романъ Діогенъ, знаменитый и своею героическою борьбою съ Турками, и своею трагическою судьбою, отмѣченъ только въ скобкахъ и мелкимъ шрифтомъ: въ любомъ французскомъ и нѣмецкомъ учебникѣ вы всегда встрѣтите разказъ объ его плѣнѣ и о пріемѣ, оказанномъ ему Альпъ-Арсланомъ. Что это за преступленія, которыми Алексѣй открылъ себѣ путь къ престолу? Гораздо лучше было бы сказать прямо: „за неистовства, совершенныя его арміей при насильственномъ завладѣніи столицею, при чемъ иноплеменники, входившіе въ ея составъ, не пощадили монастырей и храмовъ". Мы увѣрены, что безъ этого объясненія, оборотъ фразы непремѣнно заставитъ думать о чемъ-либо другомъ—о насильственномъ низверженіи или убійствѣ родственника или предшественника, о какомъ-нибудь вѣроломствѣ, чѣмъ всего чаще сопровождается незаконное достиженіе престола какъ въ Византіи, такъ и вообще въ средней исторіи.—„Алексѣй Комнинъ освободился отъ вра-

Библиотека "Руниверс"

говъ частію оружіемъ, частію подкупомъ. При немъ начались крестовые походы западныхъ народовъ на Востокъ". И все; этого съ одной стороны слишкомъ мало, а съ другой—пожалуй, даже и сказанное излишне, потому что слишкомъ обще, слишкомъ не характеристично. Очень не мѣшало бы упомянуть о борьбѣ съ Робертомъ Гвискардомъ, а затѣмъ Боэмундомъ, о союзѣ съ Венеціей и объ основаніи венеціанской колоніи въ Цареградѣ, такъ какъ съ этого начинается преобладаніе Италіанцевъ на Черномъ морѣ, распространившееся затѣмъ на сѣверные берега Понта и Азовскаго моря и покрывшее ихъ цвѣтущими колоніями. Довольно странны привычки нашихъ авторовъ-педагоговъ, предъ которыми преклонился г. Беллярминовъ въ новомъ изданіи своего учебника: они опускаютъ именно тѣ факты, о которыхъ имѣютъ двойное побужденіе говорить, съ одной стороны, ради ихъ общаго интереса, на основаніи котораго не опускаютъ ихъ служащіе въ другихъ случаяхъ образцами иностранные учебники, съ другой — ради ихъ отношенія къ русской исторіи. Въ свое оправданіе г. Беллярминовъ можетъ сказать, что у него все-таки въ другомъ мѣстѣ упомянуто о торговыхъ льготахъ, данныхъ Венеціи Алексѣемъ Комниномъ; но это было бы напрасное оправданіе; мѣсто и способъ упоминанія служатъ только къ большему осужденію автора (на стр. 83 въ примѣчаніи мелкимъ шрифтомъ). Если нельзя было безъ этого упоминанія обойдтись, то слѣдовало сдѣлать его на надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащей связи.

Оставимъ Византію и посмотримъ теперь, какъ распространены важнѣйшія эпохи, эпохи первостепенныхъ Романо-Германскихъ государствъ. Здѣсь испытали нѣкоторое преобразованіе главы, посвященныя возникновенію и развитію феодальной системы, и все-таки нельзя сказать, чтобы дѣло было доведено до желаемаго совершенства. Отдѣлъ о феодальной системѣ во всѣхъ русскихъ учебникахъ по средней исторіи излагается и какъ будто долженъ излагаться неудовлетворительно и сбивчиво. Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ (пересмотрѣннымъ) были указаны тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ трактовать этотъ вопросъ въ учебникѣ; но кажется, никто не обратилъ на это вниманія. Въ разборахъ на нѣкоторыя учебныя руководства по средней исторіи, напечатанныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, были даже указаны иностранныя и русскія пособія для надлежащаго составленія требуемыхъ страницъ въ руководствѣ; но составители учебниковъ этимъ пока не воспользовались. Г. Беллярминовъ изла-

Библиотека "Руниверс"

гаетъ дѣло еще лучше другихъ, но что̀ мы у него находимъ?.. При объясненіи образованія феодальной системы (стр. 36) онъ обходится аллодіалами, которые тожественны съ дружинниками, получившими участки при завоеваніи на правахъ полнаго владѣнія, и служилыми людьми, получившими уже отъ короля во временное владѣніе лены или бенефиціи, при чемъ остается неяснымъ, въ какомъ отношеніи эти служилые люди находятся къ классу аллодіаловъ. Онъ говоритъ: „Пользуясь усобицами въ королевствѣ, служилые люди мало по малу стали превращать бенефиціи въ наслѣдственныя владѣнія, вслѣдствіе чего короли изъ крупныхъ землевладѣльцевъ превратились въ мелкихъ помѣщиковъ". Послѣднія слова, которыхъ, кстати замѣтить, не было въ предыдущемъ изданіи, представляютъ явную неловкость, могущую подать поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Но и остальное все не находится въ соотвѣтствіи съ настоящимъ состояніемъ науки. Спеціальное и окончательное объясненіе феодализма находится на стр. 46—48 въ §42: „Керсійскій капитулярій. Начало феодализма". Хорошо, что авторъ нашелъ нужнымъ говорить о превращеніи государственныхъ должностей (графа и герцога) въ наслѣдственныя, въ частное достояніе; это объясняетъ образованіе феодальной іерархіи, происхожденіе ея верхнихъ слоевъ. Но не ладно то, что происхожденіе низшихъ степеней этой іерархіи ставится въ прямую зависимость отъ того же Керсійскаго капитулярія; дѣло представляется въ такомъ видѣ, что герцоги и графы, сдѣлавшись полунезависимыми правителями, въ свою очередь стали раздавать бенефиціи, и отсюда возникли баронія и бароны. Во всѣхъ отношеніяхъ, и прежде всего въ хронологическомъ отношеніи, это не вѣрно. Было бы довольно легко исправить ошибку, еслибъ авторъ не опустилъ сказать слова два-три объ иммунитетахъ тамъ, гдѣ онъ въ первый разъ разсуждалъ о бенефиціяхъ; то-есть, ему нужно было бы сказать, что служилые люди на земляхъ, даваемыхъ имъ въ пользованіе, получали не только право экономическаго пользованія, но и государственное право суда, и такимъ образомъ уже дѣлались маленькими государями на своихъ территоріяхъ. Теперь надъ этими маленькими государями стали на верху графы и герцоги, обратившіе ихъ въ своихъ вассаловъ. Вообще большая ошибка въ учебникахъ при изложеніи феодальной системы заключается въ томъ, что опускаются изъ виду иммунитеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставляется не разъясненною самая существенная сторона феодализма—соединеніе

Библиотека "Руниверс"

правъ владѣльческихъ, правъ частныхъ съ государственнымъ правомъ суда. Безъ этого никакъ нельзя себѣ объяснить и положенія низшихъ классовъ въ феодальную эпоху сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ, какъ это и оказывается въ разбираемомъ учебникѣ на стр. 48, гдѣ говорится о рабахъ, крестьянахъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ сервахъ и виллanахъ. Есть даже поводъ думать, что въ представленіи самаго автора сервы не отличаются рѣзко отъ рабовъ: „Положеніе крестьянъ, не говоря уже о сервахъ, въ феодальную эпоху было крайне тягостно". Укажемъ еще одно неловкое выраженіе на той же страницѣ, не стоящее въ связи съ общею ошибкой: „На вассалахъ лежала исключительная обязанность оборонять страну отъ непріятеля". Не страну обязаны были вассалы защищать, а своего сюзерена.

Изъ мелкихъ промаховъ отмѣтимъ неточную замѣтку на стр. 95, будто королевское достоинство у Англо-Саксовъ было вполнѣ избирательнымъ, и на стр. 89 странное написаніе Бовинэ: „при городѣ Бовинэ Филиппъ одержалъ блистательную побѣду".

Повторяемъ, что недостатки книги, нами оцѣниваемой, большею частію суть общіе недостатки нашихъ учебниковъ по средней исторіи, и что въ извѣстной степени они уравновѣшиваются и вознаграждаются педагогическими и другими достоинствами предлежащаго изданія, принадлежащими только ему одному..

Очерки и картины изъ географіи Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Составилъ *Н. Малининъ*, преподаватель Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Москва. 1883. Цѣна 1 р. 50 коп.

Хрестоматія эта состоитъ изъ 249 статей. Однѣ статьи представляютъ дословное извлеченіе изъ географическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, другія—съ сокращеніями или перестановкой, а нѣкоторыя статьи обработаны на основаніи двухъ и даже трехъ сочиненій. Кромѣ матеріала, относящагося къ области географіи, въ хрестоматію вошло нѣсколько статей съ содержаніемъ историческимъ, два мѣста изъ книги Іова, три или четыре стихотворенія. Матеріалъ заимствованъ изъ многочисленныхъ и довольно разнообразныхъ сочиненій, и съ полною справедливостью можно сказать, что составитель бралъ свое добро всюду, гдѣ его находилъ. Нѣсколько статей заимствованы изъ важнаго источника географіи, именно изъ путешествій. Такъ, изъ Норова взяты статьи: „На пути передъ Іерусалимомъ", „Пасхальная заутреня", „Бегемотъ", „Крокодилъ", Пирамиды"; изъ Бере-

Библиотека "Руниверс"

зина—„Сцены на р. Евфратѣ"; изъ Головина—„Ѣзда на собакахъ по Камчаткѣ"; изъ Мюльгаузена—„Буйволы саваннъ и охота на нихъ", „Игры Индѣйцевъ С. Америки", „Индѣйцы Камчатки"; изъ Вамбери—„Въ Туранской пустынѣ", „Туркмены"; изъ Варрена—„Путешествіе на слонѣ", „Москиты", „Время жаровъ въ Индіи", „Время дождей въ Индіи", „Въ домѣ у богатаго Англичанина въ Индіи" и т. д.; изъ Ливингстона—„Водопадъ Викторія на Замбези"; изъ Гумбольдта—„Дѣйствіе природы Индіи на путешественника"; изъ Пальгрева—„Аравійскій кустарникъ гаду", „Самумъ въ Аравіи", „Поѣздка въ бедуинамъ"; изъ Циммермана—„Миссисипи", „Кактусъ", „Желѣзныя дороги въ Америкѣ", „Американскія гостинницы", „Прогулка по Ньюіорку," „Новый Орлеанъ", „С. Луи" и др.

Описанія животныхъ и растеній извлечены изъ сочиненій авторитетныхъ иностранныхъ натуралистовъ. Къ такимъ статьямъ относятся: „Коралловыя строенія" по Дарвину; „Зебра", „Ламы", „Арабская лошадь", „Иглистая ехидна" по Брему; „Жираффа", „Львносы", „Шоколадное дерево какао" по Гартвигу; „Бананъ", „Дурра или гоми", „Маніокъ", „Хлѣбное дерево" по Рудольфу; „Уай" по Скау.

О дальнѣйшемъ разнообразіи сочиненій, которыми пользовался составитель, можно судить по слѣдующему: изъ Гельвальда взяты статьи: „Мароккскій дуаръ—деревня изъ палатокъ", „Фецъ—западная Мекка", „Туареки", „Алеуты—Индѣйцы Аляски", „Квебекъ—бывшая столица Канады" „Китайцы-кули въ Сѣв. Америкѣ", „Индѣйцы Центральной Америки", „Мексиканцы", „Ріо-де-Жанейро", „С. Яго", „Лима", „Австралійцы"; изъ Космоса по Керберу—„Борьба за существованіе въ тропической Америкѣ", „Волненія Индійскаго океана"; изъ Водовозовой—„Турецкое кладбище въ Скутари", „Дервиши", „Персидскія и турецкія бани"; изъ книжки Китай—„Праздникъ запашки", „Праздникъ шелковицы", „Воспитаніе дѣтей", „Китайское начальное образованіе", „Китайская вѣжливость", „Искусственное разведеніе рыбы въ Китаѣ", „Искусственное размноженіе домашнихъ птицъ въ Китаѣ"; изъ книжки Японія—„Классы японскаго общества", „Іеддо", „Кіото или Міако"; изъ книжки Австралія—„Страшныя засухи и наводненія въ Австраліи", „Изъ характеристики Австралійцевъ"; изъ Библіотеки моихъ старшихъ дѣтей—„Великаны и старцы растительнаго міра въ Калифорніи"; изъ Библіотеки Путешествій—„Пампасы и ихъ обитатели"; изъ Гранвидье—„Индусскій городъ"; изъ Чистякова—„Исламизмъ", „Жемчугъ"; — изъ Ушинскаго — „Китъ", „Сѣверный олень", „Слонъ", „Страусъ"; изъ Перевлѣсскаго—„Камфора", „Мед-

Библиотека "Руниверс"

вѣдь", „Кимпези или шимпанзе", „Хамелеонъ", „Аспидъ"; изъ Галахова — „Африканская пустыня-Сахара", „Самумъ въ Сахарѣ"; изъ Равина — „Вобръ", „Носорогъ"; изъ Всемірнаго Путешественника — „Восхожденіе на вулканъ Мауна-Лоа", „Маркизасцы", „Гавайцы"; изъ журнала Природа и люди—„Обитатели Судана", „Коно—Лондонъ Судана", „Растительный міръ южной Африки", „Животный міръ южной Африки", „Негры южной Африки"; изъ журнала Вокругъ Свѣта—„Польза и вредъ отъ бегемотовъ", „Водопадъ на р. Ніагарѣ", „Гремучая змѣя", „Изъ міра понятій краснокожихъ Южной Америки"; изъ журнала Семья и Школа—„Торговля невольниками-Неграми"; изъ журнала Учитель — „Индійскія священныя обезьяны", „Американскій пересмѣшникъ", „Муравьѣдъ"; изъ журнала Дѣтское чтеніе — „Колибри"; изъ журнала Пантеонъ—„Кугуаръ или американскій левъ", „Ночлегъ съ кугуаромъ"; изъ Московскихъ Вѣдомостей—„Гастрономія въ Китаѣ".

Не оставлены г. Малининымъ безъ вниманія учебники и учебныя пособія по географіи и исторіи. Такъ изъ Смирнова взяты „Кокосовая пальма", „Религія Индусовъ", „Сельвасы", „Амазонская рѣка"; изъ Лядова—„Сѣверный Ледовитый океанъ"; изъ Павловскаго—„Сибирская тундра", „Саранча въ Алжиріи", „Кабилы", „Фелахи", „Дагомейская женская гвардія", „Образъ жизни и охота австралійскаго дикаря", „Открытіе золота въ Австраліи"; изъ Географическихъ Очерковъ и Картинъ Грубе—„Іерусалимъ", „Бедуины", „Финиковая пальма въ Африкѣ", „Сухой воздухъ Сѣверныхъ Штатовъ и его вліяніе на привычки и нравы"; изъ Историческихъ Очерковъ Грубе—„Кааба"; изъ Начальныхъ уроковъ исторіи Мельгунова — „Нилъ". Сверхъ того, встрѣчается двѣ-три статьи Завалишина, Щуровскаго, Симонена, Гюбнера, Араго и др.; статьи сводныя—„Очковая змѣя" по Грандидье и др., „Верблюдъ" по Ушинскому и др., „Киргизскія степи" по сочиненію Ковалевскаго и др., „Индійскій способъ путешествія" по Грандидье, Вейсу, Карьеру и др.

Статьи съ историческимъ содержаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ: изъ Всемірнаго Путешественника — „Изъ исторіи борьбы краснокожихъ съ бѣлыми"; изъ Вѣстника Европы—„Историческая замѣтка объ Африкѣ"; изъ Гюмбера — „Начало Японіи"; изъ Мельгунова — „Древности Египта"; изъ Карьера: „Отрывки изъ поэтическихъ надписей на египетскихъ храмахъ и гробницахъ".

Статьи въ большой части случаевъ не длинныя. Наиболѣе краткія статьи естественно-историческаго содержанія. Отъ 1-й и 2-хъ до

Библиотека "Руниверс"

2½ страницъ посвящается только характернымъ экземплярамъ изъ растительнаго и животнаго міра, а нѣкоторыя описанія ограничиваются 20 и 40 строками. Къ самымъ обширнымъ статьямъ относятся: „Сцены на Евфратѣ" Березина въ 7 страницъ, „Поѣздка къ бедуинамъ Средней Аравіи" Пальгрева—8 страницъ и „Борьба за существованіе въ Центральной Америкѣ" изъ Космоса по Керберу—10 страницъ. Объемъ остальныхъ статей колеблется между 1-й, 2-я и 3-мя страницами. Статьи расположены, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи,—въ порядкѣ употребительнѣйшихъ учебниковъ; такъ по отношенію къ Азіи 38 статей вошли въ рубрику, озаглавленную: „общее обозрѣніе", затѣмъ соединены въ одну рубрику девять статей, относящихся къ Азіатской Турціи; то же самое сдѣлано съ статьями, касающимися Аравіи, Ирана, Индостана и т. д. и т. д. Впрочемъ, распорядокъ статей не вездѣ соблюденъ надлежащимъ образомъ; такъ, статьи „О чаѣ", „Аравійскомъ кофе", „О воздѣлываніи риса въ Индіи" и другія должны бы быть помѣщены не въ общемъ обозрѣніи, а въ частномъ, и тогда очерки, касающіеся той или другой азіатской страны, были бы цѣльнѣе и картиннѣе.

Въ краткомъ предисловіи г. Малининъ говоритъ, что книга его должна служить пособіемъ при преподаваніи географіи, при чемъ, по предположенію автора, однѣ статьи должны быть прочитаны учениками самимъ преподавателемъ во время урока; другія, указанныя учителемъ, читаютъ сами ученики дома, и кромѣ того, нѣкоторыя статьи назначаются для приватнаго чтенія. Въ прослушанномъ въ классѣ и прочитанномъ дома по указанію преподавателя ученики даютъ отчетъ; такимъ образомъ г. Малининъ ставитъ свой трудъ въ ближайшія отношенія къ преподаванію географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и придаетъ ему значеніе, по видимому, не меньшее, чѣмъ учебнику. Но съ такими мнѣніями автора согласиться нельзя. Курсъ географіи II-го класса гимназіи, для котораго предназначается хрестоматія, едва ли не самый трудный изъ всего гимназическаго курса поименованнаго предмета. Въ этомъ классѣ обозрѣваются четыре материка: Азія, Африка, Америка, Австралія. Свѣдѣнія многочисленны, разнообразны, усвоеніе которыхъ мало облегчается изученіемъ другихъ предметовъ. Особенно давитъ дѣтей номенклатура, чуждая ихъ слуху. Въ I-мъ классѣ учениковъ затрудняетъ повтореніе со словъ учителя нѣкоторыхъ географическихъ названій, и на этомъ основаніи всѣ такого рода названія нерѣдко повторяются учениками въ классѣ нѣсколько разъ, а иногда и произносятся хоромъ. Умственный

Библиотека "Руниверс"

ростъ учениковъ II-го класса не на столько разнится отъ I-го класса, чтобы многочисленная и спеціальная географическая номенклатура давалась имъ легко. Къ этому надо присоединить, что со II-го класса начинается черченіе картъ, работа, требующая много времени, которая часто совершается не въ предѣлахъ времени, предназначеннаго для географіи, а на счетъ времени, отведеннаго для отдыха или же для изученія другихъ предметовъ. Понятно, что при такомъ положеніи можно только съ крайнею осторожностью расширять учебный матеріалъ противъ того, что предлагается въ учебникахъ. Хрестоматія г. Малинина даетъ не мало краткихъ, удобопонятныхъ, интересныхъ статей, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли бы быть прочитаны учениками дома; но статьи эти или переходятъ за предѣлы обще-образовательнаго курса географіи, или составляютъ предметъ простаго любопытства, или даже географическій курьезъ. Къ первой категоріи относятся статьи естественно-историческаго содержанія, чтеніе которыхъ по предположенію автора, обязательно для учениковъ. Но по задачѣ гимназическаго курса, ученики должны только знать о географическомъ распространеніи растеній и животныхъ, подробности же таковыхъ не входятъ въ этотъ курсъ, а слѣдовательно, и чтеніе такихъ статей должно быть предоставлено доброй волѣ учениковъ. Ко второму разряду мы относимъ разнаго рода бытовыя статьи, какъ напримѣръ: „Ѣзда на собакахъ въ Камчаткѣ“, „Персидскія и турецкія бани“, „Китайская гастрономія“, „Американскія гостинницы“, „Дагомейская женская гвардія“ и подобныя имъ статьи, которыя могутъ быть предложены ученикамъ для отвлеченія ихъ или отъ шалостей или отъ чтенія вещей болѣе безполезныхъ. Статьи же серьезныя, углубляющія географическій курсъ гимназій, какъ-то: путешествія, описанія поразительныхъ, неизмѣнныхъ явленій природы, описаніе борьбы человѣка съ природой и т. п., могутъ имѣть интересъ во всемъ ихъ объемѣ только для учениковъ старшаго возраста. Въ упрежденіи такого интереса не представляется ни учебныхъ, ни методическихъ основаній. Но не говоря уже о II-мъ классѣ, полагаемъ, что вообще въ низшихъ классахъ географическая хрестоматія не можетъ играть той роли, какую придаетъ ей г. Малининъ на ряду съ другими преподавателями. Въ этихъ классахъ главнымъ и постояннымъ пособіемъ должна служить географическая карта. Всякій учебникъ географіи, если онъ не представляетъ конспекта, есть уже вредный въ методическомъ отношеніи конкуррентъ карты. Но болѣе опаснымъ конкурентомъ служатъ подробные геогра-

Библиотека "Руниверс"

фическіе учебники, а равно и всѣ тѣ книги, въ которыхъ содержаніе отвѣчаетъ главнымъ образомъ на вопросы: что̀ и какъ.

Всякая хрестоматія, по существу своему, должна заниматься болѣе описательною частью, то-есть, такимъ матеріаломъ, который можетъ быть усвояемъ совершенно безъ карты. Хрестоматія г. Малинина въ этомъ отношеніи не можетъ подходить подъ исключеніе, и притомъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ вышедшая ранѣе хрестоматія Грубе. Но трудъ г. Малинина во всякомъ случаѣ составляетъ цѣнное приращеніе въ нашей географической литературѣ. Статьи выбраны вообще удачно—по содержанію занимательны, а тѣ изъ нихъ, которыя обработаны самимъ авторомъ, изложены хорошо и правильнымъ языкомъ. Нельзя не указать только на неумѣстность помѣщенія въ такомъ сборникѣ извлеченій изъ книги Іова.

Краткое пособіе для рѣшенія письменныхъ практическихъ ариѳметическихъ задачъ съ простыми дробями, когда при условіи задачи не дана единица, а только части ея. Составилъ и изложилъ преподаватель ариѳметики частнаго приготовительнаго училища 3-го разряда *Ф. А. Щелкуновъ*. Изъ курса II класса гражданскихъ гимназій и вообще среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 30 коп.

Ариѳметика. Часть II. Составилъ и изложилъ преподаватель частнаго училища 3-го разряда, инженеръ-механикъ, поручикъ въ отставкѣ *Ф. А. Щелкуновъ*. Курсъ III класса гражданскихъ гимназій. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 45 коп.

По изобилію и степени отрицательныхъ качествъ обѣ эти книги или брошюры заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что промахи автора не случайны, и что почти всѣ страницы этихъ книжекъ представляютъ непрерывный рядъ ошибокъ, неизвинительныхъ даже ученикамъ, слѣдовало бы выписать весь текстъ отъ слова до слова; но и нижеприведенныхъ выдержекъ будетъ достаточно для безошибочнаго сужденія о томъ, къ какой категоріи учебниковъ должны быть причислены эти ариѳметическія сочиненія г. Щелкунова.

Текстъ первой книжки содержитъ въ себѣ только 10 страницъ (отъ 5-й до 14-й), которымъ предшествуютъ слѣдующія слова автора: „Написавъ I часть ариѳметики, дозволенную для печати, я не могъ издать по дороговизнѣ и неимѣнію средствъ; для того, чтобы имѣть возможность отпечатать ее, я написалъ еще два сочиненія по пароходной механикѣ, имѣя въ виду, предварительно продавъ ихъ какъ полезныя,

Библиотека "Руниверс"

на пріобрѣтенныя средства издать и ариѳметику мою, для чего и публиковалъ въ газетѣ Петербургскій Листокъ объ этомъ, но, не встрѣтивъ отъ общества поддержки моимъ трудамъ въ матеріальномъ отношеніи, я рѣшился быть полезнымъ для дѣтей на свой счетъ, написавъ эту брошюру, посильную по моимъ средствамъ для отпечатанія, въ которой излагаю краткое руководство для рѣшенія письменныхъ практическихъ задачъ съ простыми дробями въ тѣхъ случаяхъ, когда при условіи заданія не дана единица, а только части ея, такъ какъ этотъ отдѣлъ ариѳметики самый трудный и заставляетъ небогатыхъ родителей брать для дѣтей своихъ репетиторовъ или быть вынужденными взять своихъ дѣтей изъ училища по невозможности имъ продолжать ученіе. Само по себѣ репетированіе уроковъ для дѣтей не только полезно, но даже необходимо, но доступно для людей, имѣющихъ средства". Это предисловіе знакомитъ не только съ способомъ автора выражать свои мысли, но и съ его педагогическими воззрѣніями (на роль репетиторовъ, на недоступность 2-й части ариѳметики дѣтямъ бѣдныхъ родителей), а также и съ его высокимъ мнѣніемъ о значеніи своего труда: „я рѣшился быть полезнымъ для дѣтей на свой счетъ".

Особенность терминологіи, употребляемой авторомъ, и нѣкоторыя его научныя воззрѣнія достаточно обнаруживаются уже на 1-й (то-есть, на 5-й) страницѣ его первой книги. А именно онъ говоритъ: „Для рѣшенія письменныхъ практическихъ задачъ съ дробями простыми и десятичными, когда при условіи заданія не дана единица, а только части ея, надо умѣть составить ариѳметическое равенство по смыслу задачи, изъ котораго уже рѣшая находится неизвѣстное число по двумъ или нѣсколькимъ извѣстнымъ, относительно единицы или при помощи x"... „Задача, которая не можетъ быть рѣшена относительно единицы, будетъ или алгебраическою, или совсѣмъ неопредѣленна. Неопредѣленныя задачи—тѣ, которыя при условіи заданія имѣютъ меньше двухъ извѣстныхъ чиселъ; подобнаго рода задачи или совсѣмъ невозможно рѣшить, или рѣшаются условно". Какимъ образомъ ученики будутъ въ состояніи одолѣть этотъ текстъ, гдѣ каждая фраза столь же понятна, какъ загадка сфинкса?

Первая изъ задачъ, помѣщенныхъ въ книгѣ (стр. 7), слѣдующая: „$^1/_4$ числа въ 5 разъ больше $^4/_{20}$ доли его. Найдти неизвѣстное число". Вторая задача (стр. 7 и 8): „$^3/_4$ неизвѣстнаго числа въ 4 раза больше $^6/_{16}$ его. Найдти это число". Первую задачу авторъ не рѣшаетъ, а только приводитъ слѣдующую странную „повѣрку":

Библиотека "Руниверс"

$^1/_4 = {}^5/_{20}$

$^4/_4 = \frac{20}{20} = 1$ $\qquad$ $^1/_4 : {}^1/_{20} = \frac{20}{4} = 5$, то-есть

$^1/_4$ отъ един. $> {}^1/_{20}$ ея въ 5 разъ.

Вторую задачу рѣшаетъ такимъ образомъ:

$^3/_4 = \frac{12}{16} = {}^3/_4$

$^1/_4 = \frac{12}{48} = {}^1/_4$ $\qquad$ Повѣрка:

$^4/_4 = {}^4/_4 = 1$ $\qquad$ $^3/_4 : {}^3/_{16} = \frac{16}{4} = 4.$

Едва ли не еще замѣчательнѣе задача 3-я (стр. 8), которую также приводимъ буквально:

„$^2/_5$ неизвѣстнаго числа въ 7 разъ больше $^1/_{20}$ его. Найдти это число.

$^2/_5 = {}^7/_{20}$

$^1/_5 = {}^7/_{40}$ $\qquad$ Повѣрка:

$^5/_5 = \frac{35}{40} = {}^7/_8$ $\qquad$ $^7/_8 \cdot {}^2/_5 = \frac{14}{40}$

$^7/_8 \cdot {}^1/_{20} = {}^7/_{160}$

$\frac{14}{40} : {}^7/_{160} = \frac{14.160}{7.40} = \frac{160}{20} = 8.$

„частное 8 надо понимать такъ: чтобы получить $^2/_5$ числа, которое въ 7 разъ больше $^1/_{20}$ его, надо $^1/_{20}$ его взять 7 разъ кромѣ самого себя. Возьмемъ для примѣра число 10, найдемъ $^2/_5$ его и $^1/_{20}$. $10 \times {}^2/_5 = \frac{20}{5} = 4$, $10 \times {}^1/_{20} = \frac{10}{20} = {}^1/_2$, сравнимъ во сколько разъ 4 больше $^1/_2$, получимъ $4 : {}^1/_2 = 8$, что показываетъ слѣдующее:

$$^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 + {}^1/_2 \text{ или } {}^1/_2 \times 8 = 4$$

то-есть, $^1/_{20}$ отъ 10, умноженная на 8 или взятая 7 разъ, кромѣ самой себя, будетъ въ 7 разъ больше $^2/_5$ отъ него“. Это открытое авторомъ свойство чиселъ не требуетъ никакихъ комментаріевъ.

Столь же краснорѣчиво говорятъ о достоинствахъ сочиненія всѣ дальнѣйшія страницы книги. Для доказательства выпишемъ по одной строкѣ, напримѣръ, по третьей снизу, изъ каждыхъ трехъ ближайшихъ слѣдующихъ страницъ:

На стр. 9: $^1/_8 = \frac{34}{17} = 2.$

На стр. 10: $162 {}^1/_2 : 50 = 3 {}^1/_4$ руб. (то-есть, отъ дѣленія отвлеченнаго числа въ частномъ получаются рубли).

На стр. 11: $^6/_6 = 5{,}000 \times 9 = 45{,}000$ руб.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 12 въ третьей строкѣ снизу вычисленій нѣтъ, а потому выпишемъ, напримѣръ, шестую строку снизу: $^1/_2 = \frac{12}{12} = 1$.

На стр. 13, кромѣ равенствъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, напримѣръ:

$$\frac{67}{10} = \frac{134}{5}, \quad ^1/_{10} = \frac{134}{67.5}, \quad \frac{268}{7} = 4 \text{ и т. д.},$$

авторъ дѣлаетъ еще слѣдующее открытіе относительно скорости движенія минутной стрѣлки въ обыкновенныхъ часахъ: „когда часовая стрѣлка пройдетъ пространство равное часу, то минутная пройдетъ 60 разъ всѣ 12 часовъ по кругу...“.

Въ предисловіи ко второй брошюрѣ авторъ перечисляетъ достоинства своей Ариѳметики, а именно онъ говоритъ: „Ариѳметика моя вообще отличается отъ имѣемыхъ руководствъ полнотою содержанія и простотою изложенія; II часть составлена систематично, почему непрерывныя дроби и помѣщены въ ней, такъ какъ при рѣшеніи задачъ I части ариѳметики онѣ совсѣмъ не употребляются, кромѣ того ни въ одномъ изъ имѣемыхъ руководствъ нѣтъ правила погони и встрѣчи; помѣстивъ это правило въ моемъ руководствѣ, какъ весьма нужное на практикѣ, и рѣшивъ всѣ задачи двояко, относительно единицы и пропорціями, надѣюсь встрѣтить сочувствіе общества и учащихся, которыхъ прошу, въ случаѣ если найдутся и въ моемъ сочиненіи какіе-либо недостатки, не оставить меня сообщеніемъ объ этомъ, что приму съ глубокою благодарностью“.

Эта вторая часть изобилуетъ такими же грубо ошибочными равенствами, какъ и предыдущая. Напримѣръ:

Стр. 12: $^1/_5 = 5.5 = 25, \; ^1/_5 = 5 = \frac{25}{5}, \; \frac{5}{5} = \frac{2 \times 8 \times 5}{10 \times 40},$

$$4 : 20 = 2 \times 8 \times 10 \times 10, \quad ^1/_5 = \frac{2 \times 8}{10 \times 40};$$

Стр. 13: $\frac{24}{24} : \frac{80}{16} = \frac{36}{15} : \frac{30}{10}, \; \frac{18}{24} = \frac{45}{15} : \frac{40}{10} = 1,$

$$\frac{20}{16} = \frac{30}{10} : \frac{36}{15} = 1, \; \frac{18}{24} = \frac{45 \times 10}{40 \times 15} = 1,$$

$$\frac{20}{16} = \frac{30 \times 15}{36 \times 10} = 1, \; 18 : 20 = 45 \times 10 \times 36 : 40 \times 15 \times 30 = 1,$$

и такъ далѣе.

Сверхъ таковыхъ, заслуживаютъ указанія еще слѣдующія особенности:

Стр. 6. Авторъ полагаетъ, что архимедово отношеніе окруж-

Библиотека "Руниверс"

ности къ своему діаметру равно 3,1415926, и изображаетъ эту дробь въ такомъ видѣ: $3\frac{1415926}{1.000000}$.

Ариѳметической пропорціи приписаны слѣдующія свойства (стр. 8): „Если къ предыдущимъ членамъ или послѣдующимъ придадимъ какое-нибудь число, то ариѳметическое отношеніе уменьшится, а если вычтемъ, то оно увеличится... Если у ариѳметической пропорціи сократить члены, то она уменьшится".

Относительно свойствъ геометрической пропорціи сказано (стр. 10): „Если въ пропорціи всѣ члены раздѣлить на одно и то же число, то она уменьшится, а отъ умноженія—увеличится".

На той же страницѣ 10 читаемъ: „Подробно непрерывныя геометрическія пропорціи разсматриваетъ алгебра, потому что для извлеченія корней изъ чиселъ надо знать возвышеніе чиселъ въ степени по способу бинома Ньютона". А на слѣдующей 11: „Корней чиселъ, отъ которыхъ они происходятъ два рода: квадратный и кубическій...".

На стр. 13: „Всѣ пропорціи, у которыхъ знаменатель, равны единицѣ, принадлежатъ къ цѣпнымъ пропорціямъ".

При рѣшеніи задачъ, относящихся къ сложному тройному правилу, г. Щелкуновъ употребляетъ такой пріемъ составленія одной пропорціи изъ нѣсколькихъ:

$$45 : 75 = 2040 : x$$
$$56 : 70 = 2040 : x$$

слѣдовательно, $45 \times 56 : 75 \times 70 = 2040 : x$ (стр. 15).

$$20 : 35 = x : 36^2/_3$$
$$25 : 42 = x : 36^2/_3$$
$$20 \times 25 : 35 \times 42 = x : 36^2/_3 \text{ (стр. 16).}$$

и такъ далѣе.

Относительно процентовъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: Стр. 16: „Процентомъ для денегъ называется условная плата съ рубля или ста рублей въ годъ, утвержденная правительствомъ... Проценты для денегъ бываютъ простые и сложные. Простые проценты на капиталъ уплачиваются по прошествіи условленнаго времени или года съ лицомъ, дающимъ деньги для роста, по прошествіи котораго ему возвращается и капиталъ, если оно не пожелаетъ оставить его для роста на дальнѣйшее время..." Стр. 19: „При вычисленіи сложныхъ процентовъ надо къ концу втораго года считать проценты на капиталъ вмѣстѣ съ процентными деньгами отъ перваго года, а не

Библиотека "Руниверс"

отдѣльно проценты на капиталъ и проценты на проценты, тогда получится меньше слѣдуемаго".

Въ тѣхъ задачахъ, относящихся до правила смѣшенія, которыя допускаютъ множество рѣшеній, авторъ не подозрѣваетъ этой неопредѣленности и получаетъ всегда только одно рѣшеніе, и притомъ не удовлетворяющее условіямъ заданія. Напримѣръ, на стр. 27 и 28: „Желаютъ составить смѣсь въ 6 пудъ 25 фунт. изъ трехъ сортовъ кофе: 1-го сорта фунтъ стоитъ 40 коп., 2-й сортъ 35 коп. и 3-й сортъ 20 коп. Сколько надо взять каждаго сорта, чтобы фунтъ смѣси стоилъ 25 коп.". Получено такое рѣшеніе: $^2/_{11}$ части 1-го сорта, $^4/_{11}$ втораго и $^5/_{11}$ третьяго. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, если взять 2 части перваго сорта и 3 части второго, то третьяго надо взять 12 частей. Подобныя же невѣрныя рѣшенія получаетъ авторъ и для другихъ задачъ того же рода.

Элементарная начертательная геометрія съ чертежами въ текстѣ и съ задачами для самостоятельныхъ работъ учащихся. Составилъ *А. Фроловъ*. С.-Петербургъ. 1884. Стр. IV+132, въ 8-ку. Цѣна 75 коп.

Имя г. Фролова, автора одного изъ лучшихъ элементарныхъ учебниковъ по аналитической геометріи, не безызвѣстно въ нашей педагогической литературѣ. Новому труду почтеннаго педагога — мы не сомнѣваемся—суждено упрочить еще болѣе эту извѣстность.

Учебникъ „Элементарная Начертательная Геометрія" написанъ безукоризненнымъ языкомъ, безошибоченъ въ научномъ отношеніи и изложенъ въ такой формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ сущности трактуемаго предмета. Исходя изъ той правильной мысли, что начертательная геометрія, болѣе чѣмъ всякій другой учебный предметъ, требуетъ отъ учащихся самодѣятельной работы и значительныхъ упражненій въ составленіи эпюръ, авторъ обстоятельно изложилъ въ своей книгѣ всѣ важнѣйшія положенія и методы начертательной геометріи; примѣненія же послѣднихъ къ рѣшенію задачъ онъ предоставилъ самодѣятельности своихъ читателей, въ помощь которымъ даны лишь образчики и кое-гдѣ краткія указанія. Такое отношеніе къ трактуемому предмету обличаетъ въ авторѣ опытнаго педагога.

Книга г. Фролова раздѣлена на два отдѣла. Въ первомъ говорится о проектированіи только на одну плоскость; во второмъ, подраздѣленномъ на девять главъ, изложено все относящееся къ проекціямъ на двѣ взаимно-перпендикулярныя плоскости, включая сюда ученіе о

Библиотека "Руниверс"

касательныхъ плоскостяхъ, о развертываніи поверхностей и о построеніи проекцій винтовъ съ треугольною и квадратною нарѣзками. Этими двумя отдѣлами исчерпывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и программа начертательной геометріи въ нашихъ реальныхъ училищахъ.

Чертежи, помѣщенные въ текстѣ книги, имѣютъ двоякій характеръ: одни, впрочемъ въ ограниченномъ числѣ, служатъ для уясненія опредѣленій и развиваемыхъ авторомъ понятій; другіе, въ формѣ эпюръ, изображаютъ проекціи точекъ, линій и поверхностей на двѣ взаимно-перпендикулярныя плоскости.

Въ коротенькомъ „Предисловіи для ученика“ авторъ совѣтуетъ читателю тщательно выполнять, при помощи циркуля и линейки, всѣ проекціонные чертежи и „рѣшать одинъ и тотъ же вопросъ при различныхъ относительныхъ положеніяхъ данныхъ элементовъ“.

Къ сожалѣнію, авторъ обошелъ въ своей книгѣ полнымъ молчаніемъ двѣ статьи: „Основныя правила перспективы“ и „Планъ, фасадъ, профиль и главные разрѣзы зданій“, вслѣдствіе чего разсматриваемый учебникъ оказывается не вполнѣ соотвѣтствующимъ нынѣ дѣйствующей программѣ реальныхъ училищъ.

Начертательная геометрія. Руководство для реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инженеръ-механикъ *П. М. Тетеревъ*, преподаватель Кіевскаго реальнаго училища. Кіевъ. 1883.

Г. Тетеревъ воспользовался весьма умѣло 108-ю страницами, чтобъ изложить начертательную геометрію въ объемѣ нашихъ реальныхъ училищъ, не исключая даже и такихъ статей официальной примѣрной программы, какъ „Планъ, фасадъ и разрѣзы“ и „Основныя правила перспективы“; статьи эти помѣщены въ концѣ книги—въ главахъ XII и XIII.

Разсматриваемое сочиненіе раздѣлено на тринадцать отдѣловъ, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ по нѣсколько основныхъ и образцовыхъ „задачъ“, поясняющихъ соотвѣтственную теоретическую часть этого отдѣла, и оканчивается бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ „упражненій“, предназначенныхъ для самостоятельныхъ занятій учащихся. „Первоначальныя понятія“, служащія введеніемъ въ начертательную геометрію, изложены въ I-мъ отдѣлѣ. „О методахъ рѣшенія задачъ въ начертательной геометріи“ говорится въ IV-мъ отдѣлѣ, послѣ разбора, въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ, задачъ, относящихся къ точкѣ, прямой линіи, плоскости и къ построенію трехгранныхъ угловъ. Проекціи окружностей и многогранниковъ вы-

Библиотека "Руниверс"

дѣлены соотвѣтственно въ отдѣлы V-й и VI-й. О сѣченіяхъ и развертк̀ѣ многогранниковъ изложено въ VII-мъ отдѣлѣ, круглыхъ тѣлъ—въ X-мъ. Проекціями кривыхъ поверхностей и касательныхъ плоскостей авторъ занимается въ отдѣлахъ VIII-мъ и IX-мъ, вычерчиваніемъ винтовой линіи—въ XI-мъ.

За исключеніемъ этого послѣдняго отдѣла, въ которомъ, къ сожалѣнію, сказано лишь очень немногое о вычерчиваніи винтовыхъ поверхностей, всѣ другіе, не смотря на сжатость изложенія, разработаны достаточно полно и толково. Такъ, напримѣръ, въ очеркѣ линейной перспективы, занимающемъ въ книгѣ г. Тетерева всего только 6 страницъ (102—108), дано весьма отчетливое понятіе объ основныхъ началахъ излагаемаго предмета. Столь же кратко, но еще болѣе обстоятельно, разказано на страницахъ 67—71 о построеніи всѣхъ пяти правильныхъ тѣлъ.

Недостатки разсматриваемаго сочиненія, сравнительно съ его достоинствами, незначительны. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 78 помѣщено такое опредѣленіе: „Кривою поверхностью называютъ совокупность различныхъ положеній движущейся въ пространствѣ по извѣстному закону линіи, кривой или прямой“. Подъ это узкое опредѣленіе, очевидно, подходятъ далеко не всѣ кривыя поверхности.

На стр. 2 авторъ ошибочно утверждаетъ, что ось проекцій иногда называется земною осью. Впрочемъ, быть можетъ, эта ошибка не болѣе какъ обмолвка, произшедшая отъ желанія автора перенести на русскую почву французскій терминъ ligne de terre.

На стр. 5 авторъ называетъ извѣстные углы, образуемые плоскостями проекцій, верхне-переднимъ, верхне-заднимъ, нижне-заднимъ, нижне-переднимъ, и какъ бы сознавая нѣкоторую неуклюжесть этихъ терминовъ, впослѣдствіи (стр. 13) возвращается къ общеупотребительнымъ.

И вообще стр. 5 какъ-то особенно не посчастливилось. Такъ, на ней сгруппировались слѣдующія неловкія выраженія: ...„отличаютъ вертикальную проекцію (точки) отъ горизонтальной знакомъ примъ“; ...„вращая вертикальную плоскость..., нижняя часть... совмѣщается“..; ...„каждая часть листа бумаги, на которыя она раздѣляется осью проекцій, имѣетъ двоякое значеніе“...

Спѣшимъ прибавить впрочемъ, что подобныя выраженія являются лишь въ видѣ исключеній въ книгѣ г. Тетерева, написанной, въ общемъ ея объемѣ, правильнымъ и толковымъ языкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ типографскомъ отношеніи разсматриваемое сочиненіе и приложенный къ нему атласъ чертежей удовлетворительны. Попадающіяся кое-гдѣ въ текстѣ и въ атласѣ не оговоренныя опечатки немногочисленны (стр. 4, 11, 23, 35, 45, 48 и др., черт. 55, 61, 64 и др.). Одну изъ опечатокъ, вѣрнѣе сказать—описку, находимъ не безполезнымъ отмѣтить: на стр. 96 напечатано 180°, вмѣсто 360°.

Подводя итогъ всему сказанному, нельзя не придти къ заключенію, что обстоятельность и ясность изложенія, полнота содержанія и обдуманность въ расположеніи матеріала даютъ книгѣ г. Тетерева, не смотря на нѣкоторые ея недостатки, право на одно изъ видныхъ мѣстъ среди существующихъ въ русской литературѣ элементарныхъ учебниковъ по начертательной геометріи.

Приложенія алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Составилъ *А. Фроловъ*. Часть I. Приложеніе алгебры къ геометріи. По программѣ военныхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Пятое изданіе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1883. Стр. IV+76. Цѣна 45 коп.

Ни по своему содержанію, ни по методу изложенія учебникъ этотъ не представляетъ ничего такого, чего не было бы въ другихъ элементарныхъ руководствахъ приложенія алгебры къ геометріи; но онъ имѣетъ то весьма существенное достоинство, что въ немъ нѣтъ, или почти нѣтъ, погрѣшностей и даже недосмотровъ, за исключеніемъ немногихъ маловажныхъ. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на нѣкоторые изъ такихъ недосмотровъ:

1) Рѣшивъ задачу: „Начертить прямоугольный треугольникъ, котораго одинъ катетъ менѣе другаго на линію a и менѣе гипотенузы на линію b", и получивъ для искомаго катета (KL=x) два рѣшенія

$$x=b-a\pm\sqrt{2b\,(b-a)},$$

авторъ говоритъ (стр. 13): „Въ нашемъ вопросѣ ищется только безусловная величина катета KL, направленіе же его можетъ быть какое угодно; поэтому отрицательное значеніе x должно быть откинуто". Между тѣмъ слѣдовало бы обратить вниманіе учениковъ на то обстоятельство, что, измѣнивъ во второмъ рѣшеніи

$$x=b-a-\sqrt{2b\,(b-a)},$$

x на $-x$, получимъ отвѣтъ на такую задачу: Начертить прямоугольный треугольникъ, сумма катетовъ котораго равна a, а сумма одного изъ катетовъ и гипотенузы равна b.

Библиотека "Руниверс"

2) На стр. 16 сказано: „Линейныя формулы, извѣстныя намъ изъ элементарной геометріи, имѣютъ ту особенность, что не заключаютъ въ себѣ буквенныхъ дѣлителей и содержатъ, каждая, только по одному буквенному множителю". Но развѣ формула, выражающая проекцію одной стороны треугольника на другую, по даннымъ тремъ сторонамъ этого треугольника, не содержитъ буквеннаго дѣлителя? Или, напримѣръ, формула, выражающая длину внѣшняго отрѣзка сѣкущей, и многія другія подобныя,—развѣ онѣ не содержатъ буквенныхъ дѣлителей? Правильнѣе было бы, вмѣсто слова „линейныя формулы, извѣстныя намъ изъ элементарной геометріи", сказать: „наипростѣйшія линейныя формулы".

То же замѣчаніе относится къ сказанному на стр. 17 о количествахъ двухъ измѣреній и на стр. 19 о количествахъ трехъ измѣреній.

3) Относительно простѣйшихъ формулъ, выражающихъ объемы, сказано (стр. 19): „Буквенные множители въ этихъ формулахъ могутъ быть приняты за числа линейныхъ единицъ, заключающихся въ ребрахъ нѣкотораго параллелепипеда". Слѣдовало сказать: „прямоугольнаго параллелепипеда".

4) О количествахъ 4-хъ, 5-ти и болѣе измѣреній авторъ говоритъ (стр. 20): „Хотя и не существуетъ протяженій, имѣющихъ болѣе трехъ измѣреній (въ длину, ширину и высоту), но при вычисленіяхъ могутъ появиться, вслѣдствіе различныхъ преобразованій въ уравненіяхъ, такія произведенія, которыя содержатъ и болѣе трехъ линейныхъ множителей, напримѣръ, b^5, $3c^2d^3$ и проч.; въ этомъ случаѣ линейные множители называются также измѣреніями; слѣдовательно b^5 и $3c^2d^3$ суть количества пяти измѣреній". Непонятно, вопервыхъ, какія формулы подразумѣваетъ авторъ: относящіяся ли до приложеній алгебры къ геометріи, или же вообще алгебраическія формулы, или формулы изъ другихъ наукъ (механики, физики и т. п.). Притомъ нѣтъ никакой надобности объяснять ученикамъ, уже знающимъ алгебру, что произведенія могутъ содержать болѣе трехъ линейныхъ множителей (то-есть, буквенныхъ множителей 1-й степени) и какъ бы оправдывать существованіе такихъ произведеній, говоря, что они могутъ появиться при вычисленіяхъ вслѣдствіе различныхъ преобразованій въ уравненіяхъ: авторъ какъ бы забываетъ, что происхожденіе формулъ весьма различно, и могутъ быть такія, напримѣръ, эмпирическія

Библиотека "Руниверс"

формулы, которыя были получены безъ помощи какихъ-либо преобразованій въ уравненіяхъ.

5) На стр. 21 авторъ говоритъ: „При всякомъ другомъ числѣ измѣреній многочленъ не имѣетъ геометрическаго значенія"... „Если число измѣреній дроби больше трехъ или отрицательное, то дробь не имѣетъ геометрическаго значенія". На стр. 23: „Уравненія и получаемыя изъ нихъ формулы при рѣшеніи геометрическихъ вопросовъ всегда бываютъ однородныя". А затѣмъ, на стр. 24 онъ объясняетъ, отчего можетъ произойдти нарушеніе однородности въ геометрическихъ формулахъ, показываетъ, какъ ее возстановить, и приводитъ примѣры построенія такихъ формулъ ($x=2$, $x=\frac{a}{b}$, $x=ab$ и т. д.). Такое сопоставленіе идей, противорѣчащихъ одна другой, можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе со стороны учениковъ: сперва говорится, что неоднородные многочлены и всѣ вообще формулы, не удовлетворяющіе нѣкоторымъ условіямъ относительно числа измѣреній, не имѣютъ геометрическаго значенія; а затѣмъ говорится, что они имѣютъ геометрическое значеніе, если только возстановить въ нихъ нарушенную однородность. Автору было бы весьма легко избѣжать этого повода къ недоразумѣніямъ, если бы только онъ расположилъ выше приведенныя идеи въ другомъ порядкѣ. Слѣдовало бы начать съ указанія, что если ни одна изъ линій, входящихъ въ данный геометрическій вопросъ, не принята за единицу, а всѣ онѣ обозначены буквами, то получится непремѣнно формула однородная и требуемаго числа измѣреній, но если принять которую-либо изъ линій вопроса за единицу, или же выразить ее ариѳметическимъ числомъ, то полученная формула не будетъ уже удовлетворять этому условію. Слѣдовало бы также сказать, что не только въ формулахъ, полученныхъ при рѣшеніи геометрическихъ вопросовъ, можно возстановлять нарушенную однородность, но что вообще всякой формулѣ можно придать геометрическое значеніе и построить ее.

Нѣтъ надобности перечислять другіе недосмотры въ учебникѣ А. Фролова: они еще маловажнѣе указанныхъ, и во всякомъ случаѣ не отнимаютъ достоинства у этой полезной книги.

Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ *С. Бѣликовъ*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное статьями о межеваніи, нивеллированіи, составленіи картъ и другими. Съ чертежами въ текстѣ. Москва. 1884. Цѣна 1 р. 75 к.

Курсъ топографіи г. Бѣликова состоитъ изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ, озаглавленномъ „предварительныя понятія", ко-

Библиотека "Руниверс"

ворится о назначеніи геодезіи, о ея раздѣленіи на высшую и низшую о различіи между картой и планомъ, и т. п., затѣмъ—о нанесеніи и измѣреніи на бумагѣ линій и угловъ. Все это изложено въ простой и удобопонятной формѣ; особеннаго вниманія заслуживаетъ, по своей полнотѣ и тщательной разработкѣ, статья о масштабахъ. Во второмъ отдѣлѣ („Основныя геодезическія дѣйствія") изложено: вѣшеніе и измѣреніе линій на мѣстности, эклиметръ, рѣшеніе задачъ помощью цѣпи, эккеръ, общія понятія объ устройствѣ угломѣрныхъ инструментовъ—лимбъ, коніусъ, визирные приборы, отвѣсъ и уровень; за тѣмъ слѣдуютъ описанія простѣйшихъ и употребительнѣйшихъ угломѣрныхъ инструментовъ (буссоль, астролябія и пантометръ) и мензулы, съ ея принадлежностями; сюда же включена теорія дальномѣровъ. Въ третьемъ отдѣлѣ („Производство съемокъ") изложены: межевая съемка и мензульная съемка. Въ четвертомъ—„Черченіе и копированіе плановъ. Вычисленіе и дѣленіе площадей". Въ пятомъ отдѣлѣ („Нивеллированіе")—общее понятіе о нивеллированіи, инструменты для топографическаго нивеллированія, производство онаго и составленіе профилей. Въ главу эту включены, между прочимъ: поправка отъ сферическаго вида земли и рефракціи, нивеллированіе водныхъ пространствъ и нивеллированіе цѣлыхъ участковъ мѣстности; далѣе слѣдуетъ—изображеніе неровностей мѣстности горизонталями и штрихами (шкалы: Лемана, Болотова и военно-топографическаго отдѣла), практическія правила при ситуаціонномъ черченіи, съёмка неровностей и нанесеніе ихъ на планъ при помощи мензулы и кипрегеля—высотомѣра. Шестой отдѣлъ содержитъ въ себѣ слѣдующія краткія дополненія къ курсу: о проекціяхъ (ортографической, стереографической, конической, Бонна, Гаусса и Меркатора); о тригонометрической тріангуляціи и прокладкѣ точекъ сѣти; различныя задачи, относящіяся до составленія сѣти по перенесеннымъ точкамъ и направленіямъ; опредѣленіе четвертой точки по тремъ даннымъ; о секстантѣ; о маршрутной съемкѣ.

Принимая въ соображеніе такую обширность и полноту содержанія учебника, нельзя не признать, что объемъ его невеликъ, и цѣна сравнительно не высока (1 р. 75 к.), хотя желательно чтобъ она была еще болѣе понижена. Полезно было бы также, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ этой книги былъ употребленъ болѣе мелкій шрифтъ для тѣхъ статей, которыя могутъ быть необязательны для малоуспѣшныхъ учениковъ и, въ случаѣ недостатка времени на прохожденіе всего заключающагося въ книгѣ, могутъ быть опущены,

Библиотека "Руниверс"

таковъ, напримѣръ, VI-й отдѣлъ, и въ особенности многія детали, относящіяся до копированія плановъ и ситуаціоннаго черченія, масштабъ шаговъ и разныя другія подробности практическаго свойства, занимающія не мало мѣста въ книгѣ. Это дозволило бы автору, не умаляя полноты и достоинства учебника, уменьшить дороговизну изданія и, слѣдовательно, сдѣлать его болѣе общедоступнымъ по своей цѣнѣ.

При теорически правильномъ и обстоятельномъ изложеніи всѣхъ вопросовъ, содержащихся въ книгѣ, въ ней много весьма полезныхъ указаній, которыя могли быть извлечены авторомъ только изъ продолжительной практики. По поводу нѣкоторыхъ подробностей можно бы сказать, что онѣ неумѣстны въ курсѣ топографіи въ такомъ детальномъ видѣ, какъ изложены авторомъ; но въ сущности всѣ такія детали увеличиваютъ достоинство книги, расширяя сферу ея полезности: онѣ безъ затрудненія могутъ быть опущены по указанію учителя, но окажутъ ученикамъ не малыя услуги впослѣдствіи, въ различныхъ случаяхъ практики.

Нельзя однако сказать, чтобы книга эта не содержала въ себѣ никакихъ промаховъ или, по крайней мѣрѣ, не требовала бы улучшеній въ слѣдующихъ изданіяхъ. На стр. 3 сказано: „Вслѣдствіе сферическаго вида земли всѣ точки земной поверхности имѣютъ с в о и отвѣсныя линіи, с о в п а д а ю щія с ъ н а п р а в л е н і е м ъ р а д і у с о в ъ з е м л и". Вопервыхъ, здѣсь нельзя признать удачными слова: „свои" и „направленіемъ радіусовъ земли". Вовторыхъ, сказанное авторомъ невѣрно: геодезическая фигура земли не есть правильная сфера, а потому отвѣсная линія въ каждой данной точкѣ совпадаетъ съ направленіемъ радіуса кривизны этой точки земной поверхности, а не съ направленіемъ земнаго радіуса, то-есть, не съ геоцентрическою линіей. Хотя фигура земли мало отличается отъ шара, вслѣдствіе чего уголъ отвѣсной линіи съ геоцентрическою весьма невеликъ, однако уголъ этотъ равенъ нулю только подъ экваторомъ и у полюсовъ, подъ широтою 45^0 онъ достигаетъ почти 12-ти минутъ (не говоря уже о мѣстныхъ уклоненіяхъ земной фигуры отъ правильнаго эллиптическаго вида). Вообще укорененіе такихъ понятій, какъ тожество отвѣсной линіи съ геоцентрическою, можетъ впослѣдствіи быть источникомъ недоразумѣній со стороны учениковъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ высшей геодезіи или небесной механики и т. п. Автору слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о дѣйствительномъ видѣ земли и объ уклоненіи отвѣсной линіи отъ геоцентрической; слѣдовало бы упомянуть

Библиотека "Руниверс"

о незначительности этого отклоненія, а также и о томъ, что, при геодезическихъ операціяхъ на большихъ пространствахъ, его слѣдуетъ принимать въ разчетъ. Такія дополненія или разъясненія, занимая въ книгѣ лишь нѣсколько строкъ, были бы весьма полезны для учениковъ и освободили бы автора отъ упрека въ неполной точности.

Слѣдующія затѣмъ слова на стр. 3: „поэтому всякому болѣе или менѣе значительному участку мѣстности будетъ соотвѣтствовать безчисленное множество горизонтальныхъ плоскостей, образующихъ въ своемъ соединеніи сферическую поверхность, параллельную мысленно продолженной поверхности океана", могли бы быть безъ всякаго ущерба исключены изъ книги, потому что, хотя слова эти выражаютъ вполнѣ вѣрную мысль, но едва ли онѣ будутъ содѣйствовать ученикамъ къ ея пониманію.

§ 7 озаглавленъ авторомъ такъ: „О геодезической дѣятельности въ Россіи и о геодезическомъ образованіи". Читатель въ правѣ ожидать въ этомъ параграфѣ изложенія исторіи русскихъ геодезическихъ работъ, или ихъ характеристики, или чего-либо подобнаго; такого же рода ожиданія онъ въ правѣ имѣть по поводу словъ: „о геодезическомъ образованіи"; между тѣмъ въ § 7, состоящемъ изъ немногихъ строкъ, сказано лишь, что производство геодезическихъ работъ „относится къ дѣятельности спеціальныхъ техниковъ, какъ-то: землемѣровъ межеваго, лѣснаго и другихъ вѣдомствъ и чиновъ корпуса военныхъ топографовъ". Затѣмъ говорится, что рѣдкому человѣку не приходится имѣть дѣла съ планомъ или картою, что первую задачу топографическаго образованія составляетъ умѣніе читать планы или карты, а второй и болѣе спеціальный вопросъ—обученіе производству самостоятельныхъ съемокъ и нивеллировокъ. Параграфу этому слѣдовало бы дать болѣе скромное заглавіе.

Едва ли также можно признать удачнымъ заглавіе § 93: „Необходимость обозначенія на планѣ склоненія магнитной стрѣлки". Во-первыхъ, не всегда въ этомъ обозначеніи имѣется дѣйствительная необходимость; во-вторыхъ, авторъ не приводитъ никакихъ доказательствъ такой необходимости, а только говоритъ, что склоненіе магнитной стрѣлки, бывшее во время съемки, должно быть непремѣнно опредѣлено.

Хотя къ книгѣ приложенъ перечень опечатокъ, но онъ не полонъ; такъ напримѣръ, на стр. 10, въ чертежѣ 7, пропущены буквы

Библиотека "Руниверс"

B и *A*, не включенныя въ списокъ опечатокъ; или на стр. 203 „извѣстные пункту", вмѣсто „извѣстные пункты" и т. д.

На стр. 33 весьма неудачно напечатано ABC'C=*D'D*. Не ABC'C= D'D, а только C'C=D'D.

На стр. 38 сказано: „Счетъ дѣленій ведется обыкновенно въ томъ направленіи, какъ показано на черт. 31 стрѣлкою, то-есть, отъ лѣвой руки къ правой, или по солнцу, предполагая наблюдателя въ центрѣ круга. Смотря же снаружи увеличеніе градусной подписи идетъ отъ правой руки къ лѣвой". Здѣсь, вопервыхъ, неудачно выраженіе „увеличеніе градусной подписи"; вовторыхъ, что̀ значитъ: смотря же снаружи? Если смотрѣть снаружи на градусное дѣленіе ближайшей половины круга, то оно дѣйствительно будетъ въ томъ порядкѣ какъ сказано авторомъ; но этого не будетъ, если смотрѣть снаружи на градусное дѣленіе другой половины круга. Въ замѣнъ всего вышесказаннаго, было бы несравненно проще и понятнѣе сказать, что счетъ дѣленій ведется по направленію движенія стрѣлокъ часовъ.

На стр. 40 сказано: „Оцѣнка этого промежутка, или части дѣленія лимба, въ простыхъ, и неточныхъ инструментахъ дѣлается на глазъ". Слово „неточныхъ" едва ли умѣстно; удобнѣе было бы сказать: „въ простѣйшихъ инструментахъ".

На стр. 203 говорится, что такъ какъ изготовленіе глобусовъ представляетъ много практическихъ затрудненій, то „въ высшей геодезіи изучаются способы изображенія значительныхъ участковъ земли не на шаровой поверхности, но на плоскости"... Авторъ, конечно, не имѣлъ въ виду сказать, что еслибъ изготовленіе глобусовъ было легче, то въ географическихъ и топографическихъ картахъ не имѣлось бы надобности между тѣмъ; изъ сказаннаго имъ слѣдуетъ именно такое заключеніе. Далѣе, на той же страницѣ: „Такъ какъ поверхность шара не можетъ быть развернута въ плоскость безъ перегиба или перелома, то" и т. д. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, поверхность шара не можетъ быть развернута въ плоскость даже съ перегибами или переломами, а не иначе какъ съ разрывами во всѣхъ своихъ элементахъ.

Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ здѣсь замѣчаній могутъ быть названы весьма не существенными; но книга, служащая руководствомъ для учениковъ, должна быть по возможности безупречна во всѣхъ отношеніяхъ; поэтому желательно, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ всѣ, даже самыя маловажные недостатки были исправлены.

Библиотека "Руниверс"

Учебникъ геометріи. Составилъ *А. Лёвшинъ*, преподаватель Гомельскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища при либаво-роменской желѣзной дорогѣ. Минскъ. 1883. Цѣна 50 коп.

Въ предисловіи автора сказано, что учебникъ этотъ предназначается для техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ. Слѣдовательно, при обсужденіи достоинства этой книги необходимо имѣть въ виду спеціальное ея предназначеніе.

Составить учебникъ геометріи для такихъ школъ, гдѣ недостатокъ времени и разныя другія обстоятельства вынуждаютъ къ отступленіямъ отъ общепринятаго способа преподаванія этой науки, не дозволяютъ изучать ее иначе какъ въ сокращенномъ объемѣ, и преимущественно съ практическими цѣлями, есть дѣло большой трудности. Запросъ на такой учебникъ весьма великъ и долженъ быстро возростать по мѣрѣ того, какъ распространяется образованіе въ средѣ народа и сознаніе важности, для прогресса различныхъ частей техники, геометрическихъ свѣдѣній рабочихъ. Конечно, школы, подобныя техническимъ желѣзно-дорожнымъ, нуждаются въ составленіи учебныхъ руководствъ не по одной только геометріи, а по многимъ предметамъ (по ариѳметикѣ, физикѣ, механикѣ и т. п.); но едва ли учебникъ геометріи не важнѣе всѣхъ остальныхъ потому, что наука эта не только имѣетъ общеобразовательное значеніе, но и служитъ фундаментомъ и физики, и механики, и разныхъ другихъ спеціальныхъ знаній, преподаваемыхъ въ техническихъ школахъ. Продолжительное отсутствіе руководства, приспособленнаго къ вышеупомянутымъ условіямъ, можетъ укоренить въ низшихъ и среднихъ техническихъ школахъ поверхностное и нецѣлесообразное преподаваніе геометріи, измѣнить которое будетъ весьма трудно. Поэтому всякая сколько-нибудь удачная попытка къ составленію такого учебника, который въ то же время удовлетворялъ бы главнѣйшимъ условіямъ, требуемымъ наукою, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Геометрія г. Лёвшина имѣетъ многіе недостатки, которые и будутъ указаны ниже, и ее нельзя назвать вполнѣ приспособленною къ потребностямъ упомянутыхъ школъ; тѣмъ не менѣе достоинства ея несомнѣнны и важны.

1) Авторъ не отступаетъ отъ строгаго геометрическаго метода въ доказательствахъ теоремъ и во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, за весьма немногими исключеніями. Притомъ исключенія эти по большей части состоятъ въ маловажныхъ и такъ-сказать случайныхъ неточ-

Библиотека "Руниверс"

ностяхъ, примѣры которыхъ будутъ приведены въ этой рецензіи. Слѣдовательно, онъ не посягаетъ на замѣну математическихъ доказательствъ поверхностными или такъ-называемыми наглядными объясненіями, и учебникъ, имъ составленный, есть систематическій, а не пропедевтическій курсъ геометріи. Между тѣмъ всѣ части курса изложены на столько удобопонятно, доказательства и выводы на столько несложны, что не затруднятъ даже мало подготовленныхъ учениковъ; теоремы расположены въ такой послѣдовательности, что взаимная связь между ними очевидна, а потому ученику будетъ легко не только запомнить самыя теоремы, но и уразумѣть сущность геометрическаго метода. Авторъ не измѣняетъ ни общей системы геометріи, ни способа изложенія теоремъ; единственнымъ средствомъ достигнуть соединенія строгости разсужденій съ удобопонятностью и съ краткимъ объемомъ курса служитъ автору удачный выборъ общепринятыхъ доказательствъ и исключеніе изъ цѣпи теоремъ всего того, что̀ не составляетъ неизбѣжной необходимости для дальнѣйшихъ теоремъ.

Даже такіе вопросы, какъ о несоизмѣримыхъ отношеніяхъ, или теоремы, полное доказательство которыхъ требовало бы ознакомленія учениковъ съ способомъ предѣловъ или включенія сложныхъ вспомогательныхъ теоремъ, изложены авторомъ весьма кратко и до нѣкоторой степени удачно. Опредѣливъ несоизмѣримыя линіи, какъ не имѣющія общей мѣры (стр. 75), авторъ даетъ понятіе о невозможности выразить точно никакою дробью отношенія между ними, и вмѣстѣ съ тѣмъ, о возможности найдти два числа, разнствующія одно отъ другаго на произвольно малую дробь $^1/_n$, изъ которыхъ одно было бы болѣе, а другое менѣе искомаго неизмѣримаго отношенія [1]). Затѣмъ (на стр. 78) онъ употребляетъ слѣдующій способъ доказательства, что теорема („двѣ параллельныя линіи, пересѣкающія стороны угла, отсѣкаютъ отъ нихъ части пропорціональныя какъ между собою, такъ и отрѣзкамъ самихъ параллельныхъ“), уже доказанная для случая соизмѣримости отрѣзковъ OA и OC, будетъ справедлива и въ случаѣ ихъ несоизмѣримости. Онъ доказываетъ, что съ какою бы произвольною точностью $(\frac{1}{n})$ не было найдено отношеніе $\frac{OA}{OC}$, оно будетъ равно отношенію отрѣзковъ OD и OB, выраженному

[1]) Авторъ говоритъ не буквально такъ, какъ здѣсь сказано; мы приводимъ лишь сущность его пріема изложенія.

Библиотека "Руниверс"

съ тою же степенью точности; а изъ этого заключаетъ, что ни какой разности между отношеніями $\frac{OA}{OC}$ и $\frac{OD}{OB}$ быть не можетъ. Тамъ, гдѣ авторъ употребляетъ недостаточно строгое доказательство, напримѣръ на страницѣ 100 (въ теоремѣ: „Отношеніе окружностей равно отношенію ихъ діаметровъ"), онъ не оставляетъ читателя въ недоразумѣніи и говоритъ въ примѣчаніи, что „доказательство этой теоремы не вполнѣ точное". По этому поводу можно сдѣлать только одно возраженіе, что подобное примѣчаніе не указываетъ, въ чемъ именно состоитъ пробѣлъ или недостатокъ въ доказательствѣ (притомъ слѣдовало бы сказать, что теорема можетъ быть доказана вполнѣ строго, но доказательство потребовало бы много времени).

2) Въ учебникѣ имѣется 307 задачъ для упражненій, размѣщенныхъ по различнымъ главамъ книги и представляющихъ весьма хорошій матеріалъ для практики, какъ въ геометрическихъ построеніяхъ, такъ и въ вычисленіяхъ. Всѣ задачи эти на столько не сложны, что могутъ быть рѣшаемы непосредственно самими учениками или, по крайней мѣрѣ, при небольшомъ содѣйствіи учителя. При надлежащемъ веденіи преподаванія, то-есть, если всѣ задачи будутъ дѣйствительно рѣшены учениками, результатъ изученія геометріи получится вполнѣ удовлетворительный. Къ числу этихъ же практическихъ упражненій отнесены тѣ теоремы, которыя не служатъ основаніемъ для послѣдующихъ теоремъ, а также „такъ-называемыя основныя геометрическія задачи, которыя необходимо должны быть рѣшаемы на урокахъ" (раздѣлить данную прямую линію на 2, на 4, на 8 и т. д. равныхъ частей; изъ середины данной прямой возставить къ ней перпендикуляръ; черезъ данную точку прямой провести къ ней перпендикуляръ, и т. п.) Никакой способъ преподаванія геометріи не можетъ быть столько плодотворенъ, какъ тотъ, когда учитель пріучаетъ учениковъ непосредственно самимъ доходить до рѣшенія задачи или до открытія доказательства теоремы; это не только даетъ прочное знаніе, но и умѣніе имъ пользоваться и вообще развиваетъ соображеніе и любознательность учениковъ. Поэтому нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ попытку автора включить въ курсъ только ту цѣпь теоремъ, изученіе которой этимъ способомъ было бы затруднительно или потребовало бы много времени, и отнесеніе задачъ и всѣхъ остальныхъ теоремъ къ категоріи практическихъ упражненій.

3) Въ концѣ книги приложены два прибавленія: одно заключаетъ

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ „геометрическія задачи въ примѣненіи къ съемкѣ и нивеллировкѣ", а другое—„геометрическія задачи въ примѣненіи къ техникѣ". Относительно втораго прибавленія авторъ вполнѣ справедливо говоритъ въ своемъ предисловіи: „Задачи эти, въ видѣ болѣе или менѣе систематическаго сборника, представляютъ лишь первый опытъ примѣненія элементарной геометріи къ желѣзнодорожной техникѣ, и я думаю, что, улучшая постепенно ихъ подборъ, можно достигнуть весьма полезныхъ результатовъ не только для практики вообще, но и по отношенію къ изученію самой геометріи,—такъ какъ, обнаруживая тѣсную связь этой науки съ практическимъ, живымъ и доступнымъ пониманію ученика дѣломъ, подобнаго рода задачи несомнѣнно должны возбуждать въ учащихся большій интересъ къ изученію геометрическихъ началъ и парализовать недовѣріе къ ихъ практической приложимости". Заслуживаютъ весьма большаго сожалѣнія два обстоятельства: Вопервыхъ, то, что авторъ не приложилъ къ этимъ задачамъ чертежей—по крайней мѣрѣ къ тѣмъ, гдѣ чертежъ необходимъ для уясненія заданія не спеціалистамъ желѣзнодорожной техники, при чемъ могли бы быть исключены всѣ детали, не относящіяся къ существу задачи, и слѣдовательно, исполненіе такихъ чертежей не увеличило бы значительно стоимости изданія. Вовторыхъ, авторъ не даетъ никакихъ указаній для рѣшенія задачъ; между тѣмъ въ задачахъ, подобныхъ, напримѣръ, слѣдующимъ: найдти центръ и опредѣлить радіусъ паровознаго колеса (зад. 11), дана кулисса Стефенсона, опредѣлить ея радіусъ (зад. 13) и т. п., все дѣло состоитъ въ отысканіи практически-удобныхъ пріемовъ рѣшенія. Что касается до прибавленія 1-го („геометрическія задачи въ примѣненіи къ съемкѣ и нивеллировкѣ"), то и къ нему ни чертежей, ни какого-либо объяснительнаго текста не приложено; между тѣмъ въ прибавленіи этомъ можетъ оказаться надобность только для такихъ школъ, гдѣ уроковъ топографіи не имѣется, и обязанность сообщить ученикамъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету возложена на учителя геометріи. Авторъ говоритъ, что прибавленіе 1-е имѣетъ значеніе „скорѣе конспекта для преподавателя, чѣмъ пособія для учащихся"; въ дѣйствительности же это даже не конспектъ, а программа, такъ какъ объясненіе одной задачи, напримѣръ, такой: „снять планъ данной мѣстности посредствомъ: a) эккера, b) астролябіи и c) мензулы", потребовало бы краткаго изложенія цѣлыхъ отдѣловъ топографіи. Вопросы, помѣщенные въ этомъ прибавленіи, по степени возможности для учениковъ пользоваться ими,

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ характеръ такъ-сказать противоположный тѣмъ 307 задачамъ для упражненія, о которыхъ было сказано выше: послѣднія, при небольшомъ содѣйствіи учителя, могутъ быть рѣшаемы учениками, тогда какъ первыя недоступны пониманію не знакомыхъ съ топографіей. Прибавленіе 1-е принесло бы дѣйствительную пользу, если бы было снабжено объяснительнымъ текстомъ и необходимыми рисунками, а въ томъ видѣ, какой имѣетъ теперь, оно почти лишено всякаго значенія.

Въ учебникѣ г. А. Лёвшина весьма многое однако требуетъ исправленій. Такъ напримѣръ:

1) Излагая на первыхъ страницахъ основныя геометрическія понятія, авторъ ведетъ длинную рѣчь о различіи между тѣломъ вещественнымъ и тѣломъ геометрическимъ и (по поводу фиг. II, стр. 2) говоритъ: „Пунктирныя линіи обозначаютъ границы, отдѣляющія кубъ отъ окружающаго его пространства; но не надо однако думать, что эти пунктиры существуютъ въ дѣйствительности: они проведены здѣсь единственно лишь для помощи нашему воображенію". Но развѣ линіи, воображаемыя или дѣйствительныя, пунктирныя или какія бы то ни было, могутъ быть границами тѣла?

2) На стр. 9 авторъ приводитъ такой примѣръ теоремы: „чисто періодическая дробь равна такой простой „дроби" и т. д. Употребленный имъ терминъ „чисто-періодическая дробь", въ замѣнъ общепринятаго: „простая періодическая дробь" весьма не удаченъ. Притомъ полезнѣе было бы въ учебникѣ геометріи, который можетъ быть удобо-изучаемъ прежде ознакомленія съ періодическими дробями, избрать другой примѣръ для разъясненія понятія о теоремѣ.

3) На стр. 7 сказано: „Всякій знаетъ какая линія называется прямою; опредѣлить же, то-есть, точно выразить словами, что именно называется прямою линіею,—не возможно". Затѣмъ на стр. 11: „§ 1. Аксіома. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками". Что мѣшало автору принять это свойство прямой за ея опредѣленіе, а за аксіому—тотъ фактъ, что между двумя точками пространства можетъ быть только одно кратчайшее разстояніе?

4) Нельзя признать удачною редакцію § 3 (стр. 12): „Если прямая линія не распространяется безконечно въ обѣ стороны, а ограничена двумя точками, какъ напримѣръ, линія AB или линія

Библиотека "Руниверс"

CD, то разстояніе между этими точками называется длиною прямой линіи".

5) Стр. 18 (задача 9): „Показать, что внѣшняя ломаная линія болѣе внутренней, если у нихъ общіе концы, и каждая изъ нихъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ двухъ прямыхъ". Слѣдовало сказать, для избѣжанія недоразумѣній, что здѣсь рѣчь идетъ только о выпуклыхъ линіяхъ, то-есть, не имѣющихъ входящихъ угловъ.

6) Стр. 23: „Сумма нѣсколькихъ, рядомъ лежащихъ угловъ, по одну сторону прямой = 2d". Изъ этихъ словъ не видно, что здѣсь дѣло идетъ о той совокупности всѣхъ смежныхъ угловъ, которую подразумѣвалъ авторъ.

7) Стр. 32 (зад. 36): „Изъ конца прямой возставить къ ней перпендикуляръ". Заданіе заставляетъ предполагать, что требуется возставить перпендикуляръ къ прямой, не продолжая ее; между тѣмъ авторъ не имѣлъ этого въ виду, такъ какъ задача съ такимъ требованіемъ будетъ дана впослѣдствіи (зад. 136, стр. 72), когда ученики узнаютъ теоремы, на основаніи которыхъ она можетъ быть рѣшена.

8) На стр. 33 сказано: „Аксіома. Двѣ прямыя, составляющія съ сѣкущею внутренніе односторонніе углы, сумма которыхъ менѣе двухъ прямыхъ, при продолженіи своемъ непремѣнно встрѣчаются". Между тѣмъ это вовсе не аксіома, а постулатъ или не доказуемая теорема.

9) Линейный уголъ, служащій мѣрою двугранаго угла, названъ (стр. 122) угломъ наклоненія двугранаго угла, вмѣсто того, чтобы сказать: „уголъ взаимнаго наклоненія плоскостей двугранаго угла".

10) На стр. 64, послѣ доказательства теоремы: „отношеніе центральныхъ угловъ = отношенію соотвѣтствующихъ дугъ", для соизмѣренныхъ дугъ, въ примѣчаніи сказано, что доказательство это не годится для того случая, когда отношеніе дугъ не можетъ быть выражено ни цѣлымъ числомъ, ни простою дробью, и сдѣлана ссылка на § 50, въ которомъ (стр. 78) приведено доказательство подобной же теоремы въ случаѣ несоизмѣримаго отношенія линій. Автору было бы удобнѣе избѣжать не педагогическаго пріема основывать предыдущее на послѣдующемъ; для этого стоило только главѣ объ измѣреніи угловъ дугами предпослать понятіе объ отношеніяхъ линій.

Не перечисляя всего, что должно бы подлежать измѣненію въ

Библиотека "Руниверс"

разсматриваемой книгѣ, ограничимся указаніемъ еще слѣдующихъ двухъ существенно важныхъ промаховъ автора.

Не упомянуто вовсе о равенствѣ треугольниковъ, имѣющихъ равныя стороны и по равному углу противъ большей изъ этихъ сторонъ. Притомъ, въ задачахъ для упражненія — изъ которыхъ не малое число относится до построенія треугольника по различнымъ даннымъ—пропущено построеніе треугольника по двумъ даннымъ сторонамъ и углу, противолежащему одной изъ этихъ сторонъ. Пропускъ упомянутой теоремы и задачи не дозволителенъ въ учебникѣ геометріи.

Въ стереометріи не упоминается вовсе о симметричныхъ многогранныхъ углахъ и о симметріи многогранниковъ, что также нельзя не считать пробѣломъ, избѣжать котораго не представило бы особыхъ затрудненій.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что учебникъ геометріи г. А. Лёвшина требуетъ еще многихъ улучшеній, которыя, вѣроятно, и будутъ сдѣланы авторомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Статьи дополнительныя къ курсу Алгебры. Руководство для учениковъ общаго отдѣленія дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ преподаватель математики Сызранскаго реальнаго училища *С. Сластниковъ*. Выпускъ I. Казань. 1881. Цѣна 45 коп.

Въ этихъ двухъ книжкахъ или выпускахъ содержатся слѣдующія статьи: 1) преобразованіе выраженій вида $\pm\sqrt{a\pm\sqrt{b}}$, 2) мнимыя выраженія, 3) приложеніе свойствъ трехчлена второй степени къ розысканію maximum и minimum, 4) теорія соединеній и 5) способъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ.

Статьи эти весьма различны не только по своимъ качествамъ, но даже по языку. Такъ напримѣръ, во 2-й, въ 3-й и въ 5-й статьяхъ авторъ употребляетъ слово „операція“, вмѣсто „дѣйствія“, и говоритъ: „произведемъ операцію“, „результатъ операцій“ и т. п. (стр. 9, 12, 15.....), а также слово „вычисленіе“ замѣняетъ словомъ „счетъ“ (стр. 26: „простымъ счетомъ убѣдимся, что модуль частнаго двухъ мнимыхъ выраженій равенъ частному ихъ модулей“), тогда какъ въ статьяхъ 1-й и 4-й не встрѣчается подобнаго рода переводовъ на русскій языкъ словъ: opération и calcul.

Первая статья есть не что иное, какъ изложеніе на 6-ти страницахъ теоремы:

Библиотека "Руниверс"

$$\sqrt{a \pm \sqrt{b}} = \sqrt{\frac{a+\sqrt{a^2-b}}{2}} \pm \sqrt{\frac{a-\sqrt{a^2-b}}{2}},$$

которая въ хорошихъ учебникахъ начальной алгебры, напримѣръ. въ составленномъ акад. Сомовымъ, изложена съ достаточною полнотою въ немногихъ строкахъ. Въ статьѣ этой, какъ и во всѣхъ остальныхъ, кромѣ опечатокъ, указанныхъ авторомъ, есть весьма важные недостатки. Напримѣръ, вмѣсто $\sqrt{m}+\sqrt{n}$, напечатано: $\sqrt{m+\sqrt{n}}$ (стр. 2). Въ формулѣ 5-й пропущенъ знакъ равенства. Сказанное на стр. 6: „Отсюда заключаемъ, что корни биквадратнаго уравненія тогда выразятся суммою двухъ радикаловъ второй степени, когда извѣстный членъ этого уравненія будетъ точнымъ квадратомъ“—не вѣрно, ибо авторъ разсматривалъ такое биквадратное уравненіе, первый членъ котораго имѣетъ коэффиціентъ r, а не единицу, слѣдовательно, для выполняемости упомянутаго условія, полнымъ квадратомъ долженъ быть не послѣдній членъ (то-есть, извѣстный), а его отношеніе къ коэффиціенту перваго члена. Задача 6-я: „Могутъ ли быть корни уравненія:

$$\sqrt[x]{\frac{b}{x}} - x = \frac{1+x^2}{\sqrt{x}}$$

приведены къ виду $\sqrt{a+\sqrt{b}}$?“—очевидно, задана ошибочно, такъ какъ данное въ ней уравненіе не можетъ быть приведено къ биквадратному, которое подразумѣвалось авторомъ.

Что касается до 2-й статьи, занимающей 64 страницы, то она не содержитъ въ себѣ математическихъ ошибокъ; еслибъ это была не заимствованная статья, а самостоятельная работа автора, то о ней можно было бы сказать, что она изложена удовлетворительно для помѣщенія въ какомъ-либо математическомъ журналѣ; но для учебника она не пригодна по своей растянутости и по изобилію повтореній. Притомъ, кромѣ сказаннаго уже выше относительно перевода словъ: opération и calcul, въ ней не мало другихъ промаховъ, по всей вѣроятности происшедшихъ также отъ неправильнаго перевода. Не перечисляя ихъ всѣ, укажемъ только на нѣ которые.

1) На стр. 9 говорится, что Карданъ показалъ, что уравненіе 3-й степени имѣетъ всегда три корня, „но только одинъ б о л ь ш е ю частью представляетъ рѣшеніе на вопросъ, два же другіе, онъ признаетъ невозможными, не имѣющими смысла ни реальнаго,

Библиотека "Руниверс"

ни логическаго". Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, будто Карданъ утверждалъ, что даже и единственный вещественный корень уравненія 3-й степени не всегда, а только большею частью, представляетъ рѣшеніе даннаго вопроса, чего, конечно, Карданъ никогда не думалъ утверждать. Притомъ сказанное о Карданѣ ошибочно уже потому, что геометру этому было вполнѣ извѣстно существованіе такихъ кубичныхъ уравненій, которые имѣютъ всѣ три корня вещественные неравные. Способъ рѣшенія кубичныхъ уравненій, извѣстный подъ именемъ способа Кардана, принадлежитъ Николаю Тарталеа или, можетъ быть, Сципіону Феррео, а главная заслуга Кардана состоитъ не только въ обнародованіи этого способа, но и въ открытіи такъ-называемаго неприводимаго случая: онъ обнаружилъ, что способъ, который Тарталеа ему сообщилъ, не примѣнимъ къ уравненію $x^3 - 9x - 10 = 0$, имѣющему три рѣшенія: $x = -2$, $x = 1 + \sqrt{6}$ и $x = 1 - \sqrt{6}$.

Далѣе на той же страницѣ сказано: „На долю нынѣшняго столѣтія выпала слава показать, что мнимыя величины по происхожденію своему тожественны съ другими, противоположными имъ, величинами дѣйствительными и являются или какъ результатъ извлеченія корней, напримѣръ $\sqrt{-a^2}$, или какъ величина, удовлетворяющая уравненію $x^2 + a = o$". Неужели авторъ предполагаетъ, что только въ нынѣшнемъ столѣтіи узнали, что корень квадратный изъ отрицательнаго количества есть величина мнимая? Притомъ не извѣстно, что онъ подразумѣваетъ подъ словами: „мнимыя величины по происхожденію своему тожественны съ другими, противоположными имъ, величинами дѣйствительными"?

Не смотря на излишне большой объемъ статьи о мнимыхъ выраженіяхъ, въ ней не мало пропусковъ. Такъ напримѣръ, въ доказательствѣ (стр. 17), что модуль суммы мнимыхъ выраженій $(a + bi$ и $a' + b'i)$ менѣе суммы модулей этихъ выраженій, не упомянуто о случаѣ, составляющемъ исключеніе изъ этой теоремы, то-есть, когда $ab' = a'b$. При длинныхъ разсужденіяхъ и повтореніяхъ объ аргументѣ мнимаго выраженія $a + bi$ не упомянуто наиболѣе простое и удобное опредѣленіе аргумента, то-есть, не сказано, что аргументомъ называется уголъ, котораго тангенсъ равенъ $\frac{a}{b}$.

О слогѣ автора можно судить по слѣдующему отрывку (стр. 68): „И такъ, чтобы рѣшить уравненіе вида (9), нужно посмотрѣть,

Библиотека "Руниверс"

можетъ ли оно быть разсматриваемо требуемымъ частнымъ; если оно удовлетворитъ этому требованію, то. ."

Статья 3-я, хотя и менѣе объемомъ статьи 2-й, но все же содержитъ въ себѣ 28 страницъ; а между тѣмъ это содержимое могло бы быть изложено, съ удовлетворительною полнотою, на двухъ или трехъ страницахъ. Притомъ, промаховъ и опечатокъ въ этой статьѣ не менѣе, чѣмъ въ предыдущей. Достаточно указать слѣдующія: на стр. 73 утверждается, будто „для каждаго значенія перемѣннаго независимаго функція его будетъ имѣть только одно опредѣленное значеніе"; на стр. 87 сказано, что неравенство $x^2+6x-9<0$ будетъ удовлетворено при всякомъ значеніи перемѣннаго x, кромѣ x=3, обращающаго его въ равенство.

Статья 4-я представляетъ очевидное заимствованіе изъ весьма хорошаго трактата о теоріи соединеній, но г. Сластникову принадлежатъ въ ней только многократныя повторенія, безполезныя вставки и растянутость. Въ этой статьѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, помѣщено достаточное число задачъ для упражненій, что, конечно, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ книги, но не приложено отвѣта ни на одну изъ задачъ; а между тѣмъ отвѣты эти были бы весьма полезны, такъ какъ большая часть задачъ не принадлежитъ къ такимъ простымъ, которыя не требовали бы провѣрки результата.

Статья 5-я не только несравненно ниже всѣхъ предыдущихъ по своимъ качествамъ, но и заключаетъ въ себѣ такіе грубые промахи, при которыхъ книга оказывается невозможною для класснаго употребленія. Достаточно указать лишь на слѣдующія разсужденія автора на стр. 41 и 42, гдѣ онъ говоритъ о разложеніи раціональныхъ дробей на простѣйшія: Обозначивъ данную дробь чрезъ $\frac{\varphi(x)}{F(x)}$, предположивъ степень числителя единицею меньше степени знаменателя, x_0 однимъ изъ корней уравненія $F(x)=0$, а $f(x)$ частнымъ отъ дѣленія знаменателя на $x-x_0$, онъ приходитъ къ заключенію, что дробь $\frac{\varphi(x)}{F(x)}$ должна равняться нѣкоторому постоянному количеству A_0. Но такое заключеніе есть грубѣйшая ошибка, такъ какъ данная дробь должна быть не сократимою (если же бы она была сократима, то необходимо произвести сокращеніе прежде приступа къ разложенію на частныя дроби). Исходя изъ такого ложнаго заключенія, онъ пишетъ равенство:

Библиотека "Руниверс"

$$\frac{\varphi(x)}{f(x)} - A_0 = 0$$

$$\frac{\varphi(x) - A_0 f(x)}{f(x)} = 0$$

(3) . . . . $\varphi(x) - A_0 f(x) = 0$

И затѣмъ говоритъ: „Такъ какъ f (x) обращается въ нуль при $x=x_0$, то отъ подстановки этого значенія x въ уравненіе (3) увидимъ, что и φ (x) становится нулемъ при томъ же значеніи, слѣдовательно x_0 есть одновременно корень и уравненія $\varphi(x)=0$". Все это, равно какъ и дальнѣйшіе выводы, представляетъ рядъ ошибокъ: по предположенію самаго автора, x_0 есть корень функціи F (x), а не функціи f (x), и очевидно, что при этомъ выводѣ подразумѣвается не тотъ случай разложенія дроби, когда x_0 есть одинъ изъ кратныхъ корней знаменателя.

Въ виду такихъ ошибокъ, уже излишне останавливаться на странныхъ и запутанныхъ разсужденіяхъ стр. 37 или стр. 50 и т. п.

Въ ряду многочисленныхъ опечатокъ въ книгѣ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя изъ постоянно повторяющихся: „по крайнѣй мѣрѣ", „всѣвозможныя", „низсшихъ". Вмѣсто „абсцисса" вездѣ напечатано: „абецисса"; впрочемъ эта послѣдняя опечатка указана въ спискѣ опечатокъ, но только два раза, а она повторяется въ книгѣ вездѣ, гдѣ только встрѣчается это слово.

Световыя явленія въ атмосферѣ. Составилъ преподаватель физики Вольскаго реальнаго училища *С. И. Сластниковъ*. Вольскъ. 1883. Цѣна 80 коп.

Книга г. Сластникова содержитъ въ себѣ шесть главъ. Въ первой авторъ разсматриваетъ происхожденіе небеснаго свода и его голубаго цвѣта, во второй—поглощеніе свѣта въ атмосферѣ, въ третьей—явленіе утренней и вечерней зари, въ четвертой—рефракцію и явленія миража, въ пятой—радугу, и наконецъ, въ шестой—короны, гало, ложныя солнца и т. д.

Описаніе внѣшняго вида и объясненія этихъ явленій несомнѣнно обнаруживаютъ, какъ начитанность автора, такъ и умѣнье его въ сжатой, но ясной формѣ компилировать прочитанное. Нѣкоторыя мѣста, особенно второй части книги, изложены вполнѣ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, эти достоинства книги болѣе чѣмъ уравновѣшиваются крупными недостатками, каковы ошибочныя объясненія, странныя фразы и многочисленныя опечатки.

Библиотека "Руниверс"

Укажемъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ ошибокъ.

На стр. 8 помѣщено такое объясненіе голубаго цвѣта небеснаго свода: „свѣтовыя волны отражаются отъ плавающихъ въ воздухѣ весьма малыхъ тѣлъ; чѣмъ меньше эти тѣла, тѣмъ меньшія волны могутъ отражаться, а потому въ отраженномъ свѣтѣ избычествуютъ малыя волны", то-есть, преобладаетъ голубой цвѣтъ. Авторъ позабываетъ, что волны расположены вдоль, а не поперекъ луча.

На стр. 10 встрѣчаемъ утвержденіе, что разложеніе солнечнаго свѣта въ атмосферѣ принадлежитъ исключительно водяному пару, что, конечно, не вѣрно и противорѣчитъ сказанному на стр. 7 и 8, гдѣ говорится о частичкахъ, принадлежащихъ всѣмъ тремъ царствамъ природы.

На стр. 12 говорится: „вполнѣ доказано, что поглащательная способность газовъ возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія сложности ихъ структуры". Это не вѣрно. Есть газы, имѣющіе весьма сложную структуру и все же въ высокой степени прозрачные, напримѣръ, пары алкоголя, эфира и т. д. Съ другой стороны, хлоръ, нѣкоторые окислы азота, пары брома и іода имѣютъ огромную поглощательную способность и въ то же время очень простую структуру.

Въ главѣ III сумерки объяснены отраженіемъ свѣта только отъ предѣльнаго слоя атмосферы, что и приводитъ автора, на стр. 31, къ такому заключенію: еслибъ атмосфера не имѣла предѣловъ, то-есть, еслибъ ея плотность уменьшалась до нуля, тогда свѣтовой лучъ не встрѣтилъ бы никакой поверхности, отъ которой могъ бы отразиться, а слѣдовательно, явленіе сумерокъ было бы намъ незнакомо. Этого, конечно, опровергать не стоитъ.

Болѣе мелкихъ промаховъ встрѣчаемъ много. Обращаемся къ страннымъ фразамъ и выраженіямъ. Такъ, на стр. 3 говорится о „надзвѣздныхъ мірахъ", и что „небо есть безконечность пространствъ, вѣчно, идущихъ одно за другимъ по всѣвозможнымъ направленіямъ и т. д.". На стр. 4: „Небо есть, такъ-сказать, математическое представленіе нашихъ чувствъ". На стр. 7: „. . . . изслѣдованія Тиндаля надъ производствомъ искуственныхъ (актиническихъ) небесъ, совершенно тожественныхъ съ настоящими", и т. д... На стр. 19: „днемъ совершенно затмѣвается (!) мерцаніе звѣздъ". На стр. 74: „... такія полныя картины природы являются черезъ десятки и даже можетъ быть сотни лѣтъ и т. д." На стр. 45 помѣщено совершенно непонятное объясненіе бокового миража. Упоминаніе на стр. 4 „клерикальныхъ писателей" и на стр. 15 „самопроизвольнаго зарожде-

Библиотека "Руниверс"

нія" нельзя не признать неумѣстнымъ. Странно, что авторъ вездѣ пишетъ суммерки вмѣсто сумерки.

Въ книгѣ много опечатокъ, особенно въ не русскихъ словахъ: стр. 24 Alpenglühen, стр. 67 Brochen вмѣсто Alpenglühen, Brocken; стр. 42 „которой" вмѣсто „котораго", стр. 43 ветвь, стр. 50 I вмѣсто і, стр. 67 мѣлки вмѣсто мелки, стр. 68 нѣсколько опечатокъ, затрудняющихъ пониманіе чертежа. Чертежъ 10-й сдѣланъ не вѣрно: точка C должна быть значительно ниже, и вмѣсто O должно быть D.

Начальный курсъ химіи. *А. Потылицина*, профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Изданіе 2-е, измѣненное и дополненное. С.-Петербургъ. 1883.

Въ предисловіи къ первому изданію „Начальнаго курса химіи" авторъ говоритъ, что въ 1879 г. комитетъ, занимавшійся пересмотромъ программъ химіи при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, утвердилъ слѣдующія положенія: 1) химія въ военныхъ училищахъ есть предметъ общеобразовательный; 2) курсъ ея долженъ занимать не болѣе трехъ часовъ въ недѣлю, считая тутъ же и репетиціи; 3) программа ея должна обнимать главныя основы неорганической и органической химіи. Затѣмъ въ той же коммиссіи выработана была программа курса химіи, которая и приложена къ книгѣ вслѣдъ за предисловіемъ. Вотъ сокращенный перечень важнѣйшихъ статей, упоминаемыхъ въ этой программѣ:

Введеніе. Вода, водородъ. Кислородъ, окисленіе. Щелочи, кислоты, соли. Озонъ; перекись водорода. О строеніи вещества, химическія формулы. Хлоръ, поваренная соль, кислородныя соединенія хлора. Бромъ, іодъ и фторъ. Сѣра, сѣрнистый водородъ, сѣрнистый газъ; сѣрная кислота, купоросы. Селенъ, теллуръ. Азотъ, амміакъ; азотная кислота, нитроглицеринъ, селитра, порохъ. Фосфоръ. Кислородныя и водородныя его соединенія. Мышьякъ и сурьма.

Углеродъ. Углекислый газъ, соли угольной кислоты, окись углерода. Болотный газъ. Понятіе о предѣльности углеводородовъ; нефть, парафинъ. Этиленъ, ацетиленъ; скипидаръ. Бензолъ; свѣтильный газъ. Одноатомные и многоатомные спирты. Винный спиртъ. Глицеринъ. Глюкозы, сахаръ, крахмалъ, клѣтчатка. Переходъ отъ спиртовъ къ кислотамъ. Объ основности кислотъ. Жирныя кислоты: уксусная и твердая кислоты жирнаго ряда. Щавелевая кислота. О эфирахъ. Жиры, масла. Синеродъ; синильная кислота; синеродистый калій. Бѣлокъ; фибринъ, казеинъ, клей.

Библиотека "Руниверс"

Кремній. Его соединенія, стекло. Глина, фарфоръ. Олово. Понятіе о естественной системѣ элементовъ. Металлы. Физическія свойства. О теплоемкости. Химическія свойства металловъ. Сплавы. Нахожденіе металловъ въ природѣ; общіе способы извлеченія ихъ изъ рудъ. Добываніе желѣза. Желѣзо, сталь, чугунъ.

Г. Потылицинъ строго держался этой программы, прибавивъ только главу, въ которой разсматриваетъ боръ, аллюминій, галлій, и въ концѣ книги статьи о щелочныхъ, щелочно-земельныхъ и тяжелыхъ металлахъ. Вся послѣдняя статья напечатана мелкимъ шрифтомъ и безъ особаго заглавія, такъ что учащіеся причислятъ всѣ тяжелые металлы къ щелочно-земельнымъ.

Разборъ программы и вышеупомянутыхъ трехъ положеній и сравненіе ихъ съ примѣрною программою химіи, какъ она преподается въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, приводятъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

I. По второму положенію видно, что книга г. Потылицина назначена для преподаванія химіи въ одинъ годъ по три урока въ недѣлю. Въ реальныхъ училищахъ имѣются четыре урока, а потому и курсъ можетъ быть обширнѣе.

II. По третьему положенію видно, что на органическую и на неорганическую химію должно быть обращено одинаковое вниманіе. По программѣ химіи для реальныхъ училищъ предполагается сперва довольно основательное ознакомленіе съ неорганическою химіей и затѣмъ уже, какъ говорится въ учебныхъ планахъ, „въ концѣ учебнаго курса слѣдуетъ удѣлить 15—20 уроковъ на ознакомленіе съ органическими веществами, особенно важными для жизни животныхъ и растеній. Таковы: уксусная, щавелевая, винокаменная кислоты; обыкновенный спиртъ; сахаръ, клѣтчатка, крахмалъ, бѣлковыя вещества, жиры“.

Требованіе—одинаково пройдти основы неорганической и органической химіи, конечно, составляетъ преимущество программы военныхъ гимназій, но при трехъ урокахъ оно не выполнимо. Приходится значительно урѣзать курсъ неорганической химіи, что и сдѣлано въ программѣ, въ которой почти цѣликомъ выброшено ученіе о металлахъ. Весьма желательно, чтобы программа органической химіи была увеличена, но не съ указанными послѣдствіями.

III. Органическая химія вставлена посреди курса, какъ химія углеродныхъ соединеній. По программѣ химіи для реальныхъ училищъ органическая химія помѣщена послѣ неорганической, къ которой

Библиотека "Руниверс"

отнесены, какъ это всегда и дѣлаютъ, только окислы углерода, нѣсколько углеводородовъ (болотный газъ, этиленъ, ацетиленъ) и синеродъ. Врядъ ли цѣлесообразно помѣщать органическую химію посреди курса, когда даже металлоиды еще не всѣ пройдены. Ученики, изучившіе только металлоиды, врядъ ли достаточно подготовлены для того, чтобы съ успѣхомъ пройдти трудное и сравнительно многосложное ученіе объ органическихъ соединеніяхъ.

IV. Ученіе о металлахъ изъ программы выброшено; въ ней упоминаются только сурьма, олово и желѣзо. Авторъ уже отъ себя прибавилъ, и то большею частію мелкимъ шрифтомъ и въ концѣ книги, ученіе о металлахъ.

V. Порядокъ, въ которомъ расположенъ матеріалъ, весьма странный. Одно изъ двухъ: или слѣдуетъ сперва пройдти всѣ металлоиды, а затѣмъ, металлы, или всѣ элементы слѣдуетъ разсматривать по группамъ соотвѣтственно естественной системѣ Д. И. Менделѣева. Примѣръ перваго можно видѣть въ учебникѣ Роско, втораго—въ учебникѣ г. Ковалевскаго. Въ учебникѣ г. Потылицина указанныя системы распредѣленія матеріала перемѣшаны. Элементы, правда, распредѣлены по группамъ, но не всѣ. Такъ, въ группѣ кремнія пропущенъ свинецъ. Авторъ разсматриваетъ его не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, то-есть; не на стр. 245, а на стр. 297. Металлы, разсмотрѣнные въ концѣ книги, раздѣлены на группы, но алюминій, галлій, олово, сурьма и висмутъ здѣсь пропущены, такъ какъ они разсматривались раньше. Странно также, что на стр. 254 довольно много говорится о металлѣ галліи, а металлы литій, бериллій, цезій, рубидій и др. почти или вовсе не упомянуты.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, дѣлающихъ книгу г. Потылицина не соотвѣтствующею курсу реальныхъ училищъ, авторъ однако, такъ-сказать, неповиненъ: онъ не могъ слишкомъ уклоняться отъ предложенной программы.

Обращаемся къ частному разбору книги. Въ ней удѣлено слишкомъ много мѣста пороху, нитроглицерину, динамиту и вообще взрывчатымъ веществамъ.

Въ книгѣ не мало опечатокъ. Такъ, на стр. 170 напечатано $C H_2 Cl$ вмѣсто $CH_2 Cl_2$ (хлористый метиленъ); эта опечатка безъ исправленія перешла изъ перваго во второе изданіе. На стр. 27: p^0 вмѣсто p^0. На стр. 296: ртуть застываетъ при 39,5° вмѣсто при—39,5° и т. д. Встрѣчаются мѣста плохо редактированныя: На стр. 50 слова: „Дѣйствуютъ какъ будто своимъ присутствіемъ“ составляютъ

Библиотека "Руниверс"

отдѣльное предложеніе. На стр. 80 тоже слова: „При 0° и подъ давленіемъ въ 26,2 атмосферъ сжимается". На стр. 258 сказано: „зная ихъ свойства напередъ, этимъ можно руководиться..."

Весьма неудобно, что знаки n, 2n, 2n — 1, 2 n+2 и т. п. напечатаны въ одну строку большими буквами, а не ниже и маленькими, напримѣръ, на стр. 173, 176, 177 и т. д.

Переходимъ къ разбору встрѣчающихся въ книгѣ неточностей, промаховъ и ошибокъ; большинство ихъ безъ измѣненія перешло изъ перваго во второе изданіе.

На стр. 1 сказано: „Всѣ явленія, при которыхъ совершаются глубокія измѣненія въ свойствахъ тѣлъ будутъ составлять область химіи". Опредѣленіе, очевидно, невѣрное. Вопервыхъ, слово „глубокія" весьма неопредѣленное; вовторыхъ, превращеніе тѣлъ изъ твердаго въ газообразное состояніе, намагничиваніе, электризованіе уже во всякомъ случаѣ сопряжены съ „глубокими измѣненіями въ свойствѣ тѣлъ", но они составляютъ область физики.

Стр. 1. Указавъ на то, что свѣча въ закрытой колбѣ скоро гаснетъ, авторъ продолжаетъ: „Изъ этого видно, что свѣча при горѣніи беретъ нѣкоторую составную часть воздуха". Такъ, очевидно, заключенія дѣлать нельзя; для начинающихъ это мѣсто положительно опасно.

Стр. 5. „Гипотеза доступная повѣркѣ—оправдывается она или опровергается опытомъ—освѣщая хотя бы и временно путь изслѣдованія, всегда ведетъ къ раскрытію истины". Къ несчастію это, какъ извѣстно, не такъ.

Стр. 12. „Эти превращенія энергіи и составляютъ всѣ физическія и химическія явленія". Напрасно авторъ такъ ограничиваетъ область физики, которая разсматриваетъ множество явленій, не сопровождаемыхъ превращеніями энергіи. Укажемъ хотя бы на явленія отраженія, преломленія и поляризаціи свѣта, на двойное лучепреломленіе, коническую рефракцію, магнитное вращеніе плоскости поляризаціи, диффизію газовъ, многія звуковыя явленія и т. д.

На стр. 13 авторъ однако еще болѣе суживаетъ область физики. Онъ говоритъ: „Физику можно назвать наукой о явленіяхъ превращенія различныхъ видовъ внѣшней (кинетической) энергіи". Это до крайности невѣрно. Во всѣхъ явленіяхъ замѣчаются непрерывные переходы отъ внѣшней энергіи къ внутренней и обратно, и лишь рѣдко одна форма внѣшней энергіи переходитъ въ другую, напримѣръ, при ударѣ неупругихъ тѣлъ и въ электрическомъ токѣ.

Библиотека "Руниверс"

Автору, вѣроятно, извѣстно о внутренней (лучше сказать: скрытой), то-есть, потенціальной энергіи приподнятаго груза, согнутой пружины, сдавленнаго газа, наэлектризованныхъ и намагниченныхъ тѣлъ. Когда камень брошенъ къ верху, когда пружина свертывается и т. д., происходитъ превращеніе внѣшней энергіи во внутреннюю. Все ученіе объ электричествѣ (кромѣ главы о разрядѣ) есть ученіе объ особенномъ случаѣ внутренней энергіи. Навѣрное въ 90% явленій, сопровождаемыхъ измѣненіями энергіи и разсматриваемыхъ въ физикѣ, играютъ одинаковую роль, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя энергія.

Стр. 18. „Наименьшее количество, распадающееся уже на разнородныя частицы, будетъ недѣлимая частица тѣла". Сопоставленіе словъ „распадающееся" и „недѣлимая" навѣрное затруднитъ учащагося.

Стр. 19. „Въ твердыхъ тѣлахъ каждая частица колеблется около другой какъ постояннаго центра". Представленіе невѣрное, да и геометрически несообразное.

Стр. 20. „Въ жидкостяхъ частица преодолѣваетъ притяженіе сосѣднихъ частицъ, но не можетъ преодолѣть притяженія всѣхъ остальныхъ". Эта новая гипотеза весьма мало правдоподобна. Мгновенное испареніе въ пустотѣ противорѣчитъ ей.

Стр. 26. Законъ Гей-Люссака выраженъ такъ: „.... относительное приращеніе объема газа происходитъ пропорціонально температурѣ...." вмѣсто „пропорціонально приращенію температуры".

На той же страницѣ сказано: „при нагрѣваніи до t^0" вмѣсто „при нагрѣваніи на t градусовъ".

На стр. 27 въ знаменателѣ дроби напечатано произведеніе $1+\alpha t \cdot 760$ вмѣсто $(1+\alpha t)\ 760$.

На стр. 30 сказано, что выше температуры абсолютнаго кипѣнія пары имѣютъ всѣ свойства постояннаго газа — чего утверждать не имѣемъ никакого права.

Стр. 35. „Температуры, при которыхъ вода переходитъ изъ одного состоянія въ другое, постоянны". А зависимость отъ внѣшняго давленія и даже отъ матеріала сосуда?

Стр. 35. „Въ умѣренномъ поясѣ господствовалъ бы ледяной климатъ полярныхъ странъ"—еслибы ледъ опускался на дно. Утвержденіе не мотивированное и врядъ ли вѣрное.

Стр. 36. „Въ растворѣ твердое тѣло находится какъ бы въ жидкомъ состояніи", и затѣмъ тотчасъ „при растореніи твердое тѣло переходитъ въ жидкое состояніе".

Библиотека "Руниверс"

Стр. 37. Объяснивъ охлажденіе при раствореніи превращеніемъ тѣла изъ твердаго въ жидкое состояніе и разсѣяніемъ его въ жидкости, авторъ прибавляетъ: „Послѣдній процессъ обыкновенно преобладаетъ, на чемъ и основано приготовленіе охлаждающихъ смѣсей". Напротивъ—вѣроятно, всегда преобладаетъ первый процессъ.

Стр. 55. Авторъ пишетъ:

$x : 0{,}0143 = 100 : 0{,}01609 = 88{,}87\%$ кислорода.

Второй знакъ равенства не имѣетъ смысла. Должно быть:

$x : 0{,}0143 = 100 : 0{,}01609$; $x = 88{,}87\%$ кислорода.

Та же ошибка повторяется и въ слѣдующей тотчасъ же строкѣ.

Стр. 57. „Температура внутренней части пламени очень низка". Слѣдуетъ прибавить „сравнительно".

На стр. 80 растворъ хлористаго водорода въ водѣ названъ соляною кислотой, а на стр. 85 самъ хлористый водородъ названъ соляною кислотой.

Стр. 107. „Многіе сѣрнистые металлы не растворимы въ водѣ, и потому если въ растворы солей такихъ металловъ пропускать сѣроводородъ, то образуется сѣрнистый металлъ, а кислота выдѣляется". Слово „потому" учащійся не пойметъ, такъ какъ раньше нигдѣ не было указано на законъ преимущественнаго выдѣленія нерастворимыхъ осадковъ.

Стр. 120. „Среднее давленіе воздуха равно столбу ртути и т. д." Давленіе не можетъ равняться столбу ртути.

Стр. 120. „Температура уменьшается приблизительно 1° на каждые 500—600 фут., отчего на извѣстной высотѣ будетъ господствовать постоянно нуль. Это будетъ линія вѣчныхъ снѣговъ"... Тутъ, очевидно, все не вѣрно. Высоты постояннаго нуля нѣтъ; вездѣ замѣчается годичное колебаніе температуры.

Стр. 149 и 150. Одно и то же соединеніе, PH_3, названо въ одномъ мѣстѣ трехводородистымъ фосфоромъ, въ другомъ—фосфористымъ водородомъ.

На стр. 164 встрѣчаемъ странную фразу о графитѣ: „Онъ мягокъ, маратъ пальцы, почему и употребляется для карандашей".

Стр. 206 и 209. Въ одномъ мѣстѣ сказано: „Окислы углерода чрезвычайно легко переходятъ одинъ въ другой", а въ другомъ: „Углекислый газъ принадлежитъ къ числу очень прочныхъ химическихъ соединеній". Противорѣчіе.

Стр. 120. „По мѣрѣ поднятія вверхъ плотность воздуха уменьшается въ геометрической прогрессіи и т. д.". Это, конечно, совер-

Библиотека "Руниверс"

шенно не вѣрно. То же самое слѣдуетъ сказать и о численномъ примѣрѣ, который приведенъ авторомъ.

Стр. 168. „Химическая энергія углерода и водорода, выдѣляющаяся при горѣніи ихъ въ видѣ тепла, представляетъ единственный дешевый механическій двигатель, который приводитъ въ дѣйствіе всѣ машины фабрикъ“ и т. д. Авторъ позабываетъ о болѣе дешевыхъ источникахъ: текущая вода, вѣтеръ и солнечная теплота.

На стр. 99 „встрѣчаемъ такую фразу ..... „воды, выкачиваемыя... содержатъ отъ 40 до 100 мил. гр. на литръ чистаго іода....“, вмѣсто: .... „содержатъ въ одномъ литрѣ отъ 40 до 100 мил. гр. чистаго іода“.

Стр. 264. „Точка плавленія сплавовъ всегда ниже точки плавленія металловъ, изъ которыхъ они составлены“. Это не вѣрно: точка плавленія олова 230°, свинца 330°, сплава ихъ 1 ч. олова и 4 ч. свинца 259°.

Намъ остается указать на наиболѣе роковой промахъ, могущій поставить учащагося въ самое крайнее затрудненіе. Дѣло въ томъ, что авторъ пропустилъ объясненіе цѣлаго ряда совершенно новыхъ для ученика терминовъ и понятій и однако вдругъ употребляетъ эти термины, предполагаетъ новыя понятія объясненными. Авторъ ни слова не говоритъ о гипотезѣ, допускающей, что атомъ углерода обладаетъ четырьмя единицами сродства, не объясняетъ, что̀ означаютъ слова „предѣльныя“ и „непредѣльныя“ соединенія, нигдѣ ни слова не говоритъ о строеніи частицы и однако вдругъ на стр. 173 говоритъ: „Потому углеводородъ $C_2 H_6$, этанъ, будетъ также соединеніемъ насыщеннымъ, предѣльнымъ; въ немъ три единицы сродства каждаго пая угля насыщены водородомъ, четвертая и т. д.“. Далѣе, на той же страницѣ: „Можно получить цѣлый рядъ предѣльныхъ углеводородовъ“.—„На взаимную связь идетъ не менѣе двухъ единицъ сродства“ и т. д. На весьма многихъ мѣстахъ авторъ пользуется необъясненными терминами. Въ учебникахъ г. Ковалевскаго и Роско, конечно, предпосылаются особыя главы для объясненія и ввода новыхъ понятій.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

ПРИ ВѢНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Живя въ Вѣнѣ зимою 1882—1883 года, я успѣлъ познакомиться съ однимъ изъ выдающихся образовательно-ученыхъ учрежденій Австріи, съ состоящимъ при философскомъ факультетѣ Вѣнскаго университета Историческимъ Институтомъ (Institut für österreichische Geschichtsforschung). Меня привлекло сюда желаніе воспользоваться, по указанію проф. В. И. Ламанскаго, чтеніями по латинской палеографіи извѣстнаго знатока этой науки и средневѣковой дипломатики профессора Ѳ. Зикеля. Хотя я, имѣя возможность посѣщать курсы только двухъ профессоровъ, и не могъ изучить во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ сторонъ состояніе института, весь ходъ занятій и пріемы преподаванія всѣхъ предметовъ въ немъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ я успѣлъ присмотрѣться къ устройству и порядкамъ этого учрежденія, къ общему методу занятій, къ отношенію профессоровъ и слушателей къ своимъ обязанностямъ. Въ виду высокаго научнаго значенія, которое пріобрѣлъ вѣнскій институтъ въ послѣднія десятилѣтія, и той великой пользы, которую онъ приноситъ, быть можетъ, и тѣ немногія свѣдѣнія, какія я намѣренъ сообщить здѣсь, не будутъ сочтены излишними.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о судьбѣ института. Мысль объ основаніи высшей школы для содѣйствія успѣхамъ австрійской исторіографіи возникла въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ. Примѣръ парижской école des Chartes, оказавшей уже огромныя услуги разработкѣ національной исторіи во Франціи, не могъ не стать заразитель-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и не увлечь патріотовъ-ученыхъ въ другихъ странахъ. Особенно усердно пропагандировалъ мысль объ учрежденіи исторической школы по образцу парижской école извѣстный историкъ Гельфертъ (Helfert). Само австрійское правительство ощущало тогда недостатокъ въ ученыхъ силахъ по этой спеціальности, особенно для цѣлей образовательныхъ (для преподаванія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ). Въ 1854 году со стороны правительства послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе такой высшей исторической школы, а проэктъ устава для нея было поручено составить профессору австрійской исторіи въ Вѣнѣ А. Егеру (Jäger), горячо принявшему къ сердцу это новое дѣло. На долю того же Егера выпало и осуществленіе проэкта. Вообще его энергіи и упорству въ преслѣдованіи намѣченной цѣли нынѣшній институтъ всецѣло обязанъ своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ, такъ какъ много пришлось преодолѣть препятствій и затрудненій, прежде чѣмъ дѣло пошло на ладъ, и новое учрежденіе стало прочно на ноги. Зародышъ или зерно этого послѣдняго уже имѣлось въ рукахъ у самого Егера. Какъ у университетскаго профессора, у него была своя историческая семинарія, которая и послужила зерномъ, изъ котораго развился мало по малу самостоятельный институтъ. Егеръ съ одушевленіемъ руководилъ занятіями своихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были будущіе извѣстные ученые Лоренцъ, Штумфъ и Томашекъ.

Успѣхи, достигнутые Егеромъ въ этой преподавательской дѣятельности, поддерживали его энергію и свѣтлыя надежды при созиданіи широко-задуманнаго учрежденія. Программа преподаванія, особенно теоретическаго, въ выработанномъ имъ уставѣ, предположена обширная и многосторонняя. По мысли Егера, задача новой школы должна была состоять въ подготовленіи молодыхъ людей къ основательнѣйшему изученію исторіи Австріи, а слѣдовательно, вообще къ научнымъ работамъ по историческому изслѣдованію—путемъ ознакомленія съ основаніями и пріемами послѣдняго, съ вспомогательными историческими науками, путемъ упражненія въ пользованіи источниками и другимъ ученымъ матеріаломъ. Болѣе спеціальною задачей предполагалось приготовленіе опытныхъ и ученыхъ архивистовъ, библіотекарей и хранителей музеевъ, въ чемъ чувствовался большой недостатокъ. Теоретическое преподаваніе, какъ уже замѣчено, должно было идти по весьма обширной программѣ. Между языками мы находимъ и старо-славянскій, въ числѣ древностей—и славянскія древности на ряду съ римскими, кельтскими и германскими; изъ юридическихъ

Библиотека "Руниверс"

предметовъ—исторію права, церковное право и пр. Вспомогательныя науки (какъ палеографія, архивное дѣло и пр.) должны были преподаваться болѣе практически; рядомъ съ преподаваніемъ требовались отъ слушателей и самостоятельныя занятія, письменная разработка задаваемыхъ темъ, рефераты на лекціяхъ съ обсужденіемъ представленныхъ отвѣтовъ при участіи всей аудиторіи и т. п. Изъ среды слушателей института предполагалось назначать лучшихъ репетиторами. Преподавателями должны были быть лишь университетскіе профессора, а для экзаменовъ назначалась бы министерствомъ особая коммиссія съ полномочіемъ не только производить выпускныя испытанія, но и раздавать свидѣтельства и рекомендовать молодыхъ людей на должности приватъ-доцентовъ и профессоровъ, или на службу въ архивы, библіотеки и музеи. Курсъ въ институтѣ предполагался трехгодичный, при чемъ одинъ годъ былъ бы подготовительнымъ. Число слушателей или членовъ института по первоначальному плану было опредѣлено самое ограниченное въ виду ограниченности самыхъ средствъ и помѣщенія института: ординарные члены (всего 6) были уже тѣмъ самымъ и стипендіатами. Сверхъ нихъ, было еще трое экстраординарныхъ. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ уставъ Егера. Послѣднему пришлось однако считаться и съ другими, нѣсколько иными взглядами на дѣло, и войдти въ соглашеніе съ ихъ защитниками, особенно съ проф. Гельфертомъ, который налегалъ преимущественно на широкое и основательное преподаваніе вспомогательныхъ историческихъ предметовъ и не желалъ, чтобъ институтъ въ своемъ устройствѣ удалился слишкомъ отъ своего прототипа—école des Chartes.

Когда проэктъ былъ готовъ, осуществленіе его должно было встрѣтить еще не мало препятствій и затрудненій. Однимъ изъ главныхъ было совершенное отсутствіе годныхъ ученыхъ силъ для преподаванія. Ни одинъ изъ профессоровъ университета не соглашался посвятить часть трудовъ своихъ институту. Егеръ оставался одинокимъ. Кромѣ того, многія статьи устава, какъ напримѣръ о репетиторахъ, объ экзаменахъ, о подготовительномъ годовомъ курсѣ, также не могли быть осуществлены. Тѣмъ не менѣе энергическій учредитель не падалъ духомъ: выбравъ изъ своихъ университетскихъ учениковъ въ члены института шесть самыхъ способныхъ и дѣльныхъ и взявъ на себя одного все преподаваніе, онъ открылъ въ 1855 г., въ качествѣ директора, первый курсъ.

Недостатокъ необходимыхъ научныхъ пособій, которыя могли

Библиотека "Руниверс"

добываться только изъ университетской библіотеки, тормазилъ, конечно, въ первое время занятія источниками. Но Егеръ дѣлалъ что могъ, читалъ лекціи и задавалъ темы своимъ слушателямъ. И въ палеографическихъ занятіяхъ онъ руководилъ ими по мѣрѣ силъ, хотя самъ и не былъ особеннымъ знатокомъ-спеціалистомъ по этому предмету. Къ сожалѣнію, для необходимыхъ упражненій не было подъ руками ни рукописей, ни снимковъ, и Егеру стоило большаго труда получить право посѣщать съ двоими изъ своихъ слушателей нѣкоторые архивы. Но при всѣхъ личныхъ усиліяхъ директора и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнаго руководителя и профессора, дѣло не могло не хромать, и самое существованіе новаго учрежденія было очень не прочно и шатко. Студенты института не были ни чѣмъ обезпечены въ будущемъ, и такая неопредѣленность положенія мѣшала имъ спокойно и всецѣло посвящать свое время спеціальнымъ занятіямъ въ институтѣ и дальнѣйшему самообразованію въ избранномъ направленіи. Егеръ продолжалъ энергически хлопотать, и вопросъ объ организаціи института вновь подвергся пересмотру и обсужденію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Личное ознакомленіе проф. Гельферта съ парижскою école des Chartes не мало повліяло на результаты этого пересмотра, ибо было признано полезнымъ по возможности приблизить вѣнскій институтъ къ этому образцу. Между тѣмъ обстоятельства привели въ Вѣну и познакомили съ школой Егера одного ученаго изъ сѣверной Германіи, которому скоро суждено было занять видное мѣсто въ новомъ учрежденіи и имѣть рѣшающее значеніе въ его дальнѣйшей судьбѣ и развитіи. Это былъ Зикель, нынѣшній директоръ института, знаменитый палеографъ. Ученая подготовка и познанія Зикеля, работавшаго въ вѣнскихъ архивахъ и нѣсколько разъ уже руководившаго частнымъ образомъ палеографическими занятіями учениковъ Егера, были замѣчены и оцѣнены послѣднимъ, и въ 1856 г. Зикель былъ приглашенъ въ институтъ доцентомъ по преподаванію вспомогательныхъ, историческихъ предметовъ, а черезъ годъ получилъ должность экстраординарнаго профессора въ университетѣ. Понятно, что съ прибавленіемъ этой новой свѣжей силы, дѣятельность школы оживилась и занятія пошли успѣшнѣе. Но и теперь объ исполненіи первоначальной широкой программы преподаванія не могло быть рѣчи. Надо было ограничиться самымъ существеннымъ. Оба профессора раздѣлили между собою предметы. Егеръ, согласно съ направленіемъ собственныхъ спеціальныхъ занятій, сталъ читать литературу

Библиотека "Руниверс"

австрійской исторіи и ея источниковъ; Зикель взялъ на себя преподаваніе палеографіи, хронологіи и дипломатики. Первые два изъ этихъ трехъ предметовъ обязаны были слушать и нѣкоторые изъ студентовъ университета. Послѣдній же былъ курсомъ вполнѣ спеціальнымъ. Профессора института имѣли возможность ознакомиться нѣсколько съ своими будущими слушателями еще въ университетѣ и могли такимъ образомъ легче дѣлать выборъ изъ числа желавшихъ поступить въ члены спеціальной школы; а число такихъ лицъ постепенно возрастало. При выборѣ руководились также и тѣмъ соображеніемъ, чтобъ въ институтъ попадали уроженцы, по возможности, всѣхъ частей разноплеменной Имперіи. Первый годъ былъ подготовительнымъ: въ теченіе его руководители могли еще ближе узнать своихъ слушателей и затѣмъ съ большею увѣренностью раздавать стипендіи (свыше 400 гульденовъ каждая). Особенныя старанія Егера и Зикеля были направлены на усиленіе средствъ института, на увеличеніе научныхъ пособій и необходимыхъ для успѣха дѣла изданій.

Успѣшное преподаваніе палеографіи всецѣло зависѣло отъ количества имѣвшихся подъ руками снимковъ съ рукописей. Были пріобрѣтены изданія école des Chartes и нѣмецкія, какія въ то время имѣлись, а впослѣдствіи пошли въ дѣло и Monumenta graphica medii aevi (трудъ самого Зикеля). Съ большимъ трудомъ добился Зикель разрѣшенія располагать рукописными собраніями вѣнскихъ архивовъ для фотографическаго воспроизведенія нужныхъ при его преподавательскихъ занятіяхъ рукописей. До этого разрѣшенія онъ долженъ былъ извлекать этотъ матеріалъ изъ иностранныхъ архивовъ (Венеціи и Ломбардіи). Пособія института умножались съ частными пожертвованіями: нерѣдко ему приносились въ даръ собранія подлинныхъ документовъ, грамотъ и т. п. Библіотека также обогащалась. Такимъ образомъ молодое учрежденіе все крѣпче становилось на ноги и развивалось. Что касается самаго характера и метода занятій въ немъ, то вслѣдствіе различія въ направленіяхъ и взглядахъ обоихъ профессоровъ замѣтно было раздвоеніе, которое не могло не отражаться отчасти и на студентахъ. Егеръ имѣлъ въ виду исключительно исторію Австріи и сообразно съ этимъ давалъ лишь спеціальное направленіе историческимъ работамъ и упражненіямъ слушателей. Зикель понималъ задачи института гораздо шире и, исходя изъ той мысли, что главная цѣль преподаванія состоитъ въ усвоеніи студентами общихъ научныхъ пріемовъ и опытности на возможно большемъ и разно-

Библиотека "Руниверс"

образномъ матеріалѣ, не ограничивалъ своего преподаванія вспомогательныхъ наукъ предѣлами австрійской территоріи и опредѣленной эпохи, а обнималъ матеріалъ очень обширный и общій.

Высшая правительственная власть не дала однако слишкомъ развиться этому вредному для дѣла раздвоенію и разногласію. Практическая сторона дѣла, то-есть, обезпеченіе студентовъ по окончаніи курса, также не была упущена изъ виду. Съ этою цѣлью были введены выпускные экзамены (въ особой для этого учрежденной коммиссіи изъ университетскихъ профессоровъ), на основаніи которыхъ выдавались свидѣтельства, доставлявшія окончившимъ курсъ различныя мѣста въ архивахъ, библіотекахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ.

Въ 1869 году Егеръ, утомленный продолжительными, неусыпными трудами и заботами о своемъ дѣтищѣ, подалъ въ отставку, и управленіе институтомъ было сперва временно, а впослѣдствіи окончательно поручено Зикелю. Ему же было предложено составить проэктъ преобразованія института. Зикель имѣлъ въ виду обратить сей послѣдній въ спеціальную школу для приготовленія архивистовъ и пр., а оканчивающимъ въ ней курсъ правительство было готово предоставить соотвѣтственныя права. Но вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ ту пору въ правительственныхъ сферахъ, реформу пришлось отсрочить на нѣкоторое время. Впослѣдствіи однако само министерство взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и съ этого момента для института наступаетъ новая, счастливѣйшая эра. Программа преподаванія была расширена введеніемъ въ нее нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, которые впрочемъ имѣлись въ виду уже въ первоначальномъ планѣ, а именно средневѣковой археологіи и исторіи искусства. Эту каѳедру занялъ бывшій ученикъ института, профессоръ университета, д-ръ Таузингъ. Кромѣ него, институту предложили свои услуги еще два лица: профессоръ Цейсбергъ и директоръ главнаго архива Кюршнеръ. Въ 1874 году, наконецъ, послѣдовало окончательное преобразованіе института. Задача его оставалась по прежнему двоякая: съ одной стороны, подготовлять и направлять молодыхъ ученыхъ къ плодотворнымъ занятіямъ исторіей вообще, и австрійскою въ частности, съ другой—готовить дѣльныхъ работниковъ для службы въ архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ. Къ прежнимъ предметамъ прибавились еще геральдика, сфрагистика, архивное и библіотечное дѣло. Преподаваніе исторіи искусствъ должно было сопровождаться упражненіями въ спеціальной критикѣ памятниковъ.

По новому уставу (понынѣ дѣйствующему), число слушателей въ

Библиотека "Руниверс"

первомъ, подготовительномъ году не ограничено; оно обусловлено только матеріальными средствами учрежденія (размѣрами помѣщенія, количествомъ пособій и т. п.). Со втораго года начинаются уже спеціальные курсы. Члены института раздѣляются на ординарныхъ и экстраординарныхъ. Ординарные составляютъ предметъ главныхъ и спеціальныхъ заботъ институтской дирекціи и профессоровъ. Они получаютъ стипендіи и неуклонно должны исполнять возложенныя на нихъ опредѣленныя обязанности. Число ихъ ограничено (не превышаетъ 6 человѣкъ). Экстраординарные слушатели посѣщаютъ институтъ въ качествѣ обыкновенныхъ студентовъ, но обязаны однако подчиняться правиламъ институтскаго устава [1]). На третьемъ году ординарные члены должны выбрать одну изъ трехъ главныхъ группъ предметовъ (то-есть: 1) писателей—„scriptores", 2) дипломатику, или 3) исторію искусства). Выпускные экзамены для членовъ вообще состоятъ изъ письменной домашней работы (по предмету главной спеціальности), письменныхъ отвѣтовъ безъ приготовленія по палеографіи, дипломатикѣ, источниковѣдѣнію (Quellenkunde), изъ устныхъ испытаній по тѣмъ же предметамъ и, кромѣ того, изъ хронологіи и австрійской исторіи. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ число членовъ института принимаются не одни студенты Вѣнскаго университета, но и окончившіе курсъ въ другихъ университетахъ, даже не австрійскихъ, равно какъ и имѣющіе уже степень доктора, доценты и пр. [2]). Естественно, что при такомъ цѣлесообразномъ и практическомъ устройствѣ школы развитіе и процвѣтаніе ея вполнѣ обезпечены. Дѣйствительно, за послѣднее время (со введенія новаго устава) нѣтъ недостатка ни въ преподавательскихъ силахъ, ни въ слушателяхъ; институтъ замѣтно растетъ и развивается, а результаты его дѣятельности становятся все виднѣе и ощутительнѣе. Конечно, этимъ онъ всего болѣе обязанъ своему главному организатору и директору—Ѳ. Зикелю.

Я сказалъ выше, что меня привлекло въ институтъ желаніе послушать чтенія самого Зикеля, составившаго себѣ такую громкую извѣстность и въ германскомъ ученомъ мірѣ и за его предѣлами.

---

[1]) Они могутъ также, по выдержаніи выпускныхъ испытаній, получать такіе же аттестаты и права, какъ и ординарные члены.

[2]) Эти свѣдѣнія о судьбѣ института заимствованы изъ статьи о томъ *Зикеля*, въ I томѣ изданія: Mittheilungen des Instituts für oesterr. Geschichtsforschung, Innsbr. 1880.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ въ Вѣну, я немедленно принялъ необходимыя мѣры, чтобы получить доступъ въ историческій институтъ. Такъ какъ послѣдній непосредственно состоитъ при философскомъ факультетѣ, представляя какъ бы его спеціальное отдѣленіе, то чтобы попасть въ число его слушателей оказалось необходимымъ записаться просто въ студенты университета. Я не имѣлъ предусмотрительности запастись какимъ-нибудь свидѣтельствомъ отъ С.-Петербургскаго университета, но меня выручилъ мой паспортъ, который былъ признанъ достаточнымъ документомъ. Для меня впрочемъ дѣло облегчено было еще тѣмъ, что я имѣлъ рекомендательное письмо къ самому Зикелю отъ одного изъ его бывшихъ учениковъ. Оказалось однако не совсѣмъ то, чего я ожидалъ: самъ Зикель не читаетъ болѣе палеографіи, а преподаетъ только дипломатику спеціалистамъ старшихъ курсовъ. Преподаваніе же палеографіи поручено молодому профессору Э. Мюльбахеру. Тѣмъ не менѣе я поспѣшилъ записаться на курсы обоихъ профессоровъ [1]), такъ какъ мнѣ было интересно познакомиться съ содержаніемъ этихъ курсовъ, съ методой преподаванія и вообще съ порядками школы.

Институтъ пріютился въ особой небольшой пристройкѣ (или флигелѣ) главнаго зданія стараго университета (Universit-Platz). Нынѣшнее помѣщеніе не только не отличается особеннымъ удобствомъ и просторомъ, а напротивъ заставляетъ въ этомъ отношеніи желать многаго. Съ развитіемъ и ростомъ самаго учрежденія, съ увеличеніемъ библіотеки и разныхъ ученыхъ коллекцій естественно чувствуется потребность большаго простора. Теперь помѣщеніе состоитъ всего изъ нѣсколькихъ комнатъ средней величины, въ числѣ которыхъ находимъ двѣ аудиторіи, одну залу для занятій слушателей (экстраординарныхъ), служащую также рабочимъ кабинетомъ профессора и редактора институтскихъ Извѣстій, Э. Мюльбахера, и затѣмъ библіотеку, которой пользуются ординарные члены института для своихъ занятій. Тутъ же рядомъ (но съ особымъ входомъ) кабинетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріемная директора Зикеля. Обстановка институтскаго помѣщенія самая скромная и неприхотливая.

Лекціи въ институтѣ читаются въ обыкновенныя университетскіе часы (отъ 9-ти до 3-хъ), при чемъ онѣ, конечно, согласованы съ историко-филологическими лекціями въ самомъ университетѣ, чтобы сту-

[1]) По 5-ти часовъ въ недѣлю у каждаго. За слушаніе лекцій пришлось внести обычную плату: за весь семестръ по 5-ти гульденовъ за каждый предметъ.

Библиотека "Руниверс"

дентамъ ничто не мѣшало посѣщать первыя безъ ущерба для другихъ факультетскихъ предметовъ. Вообще преподаваніе въ институтѣ идетъ въ самой тѣсной связи съ университетскимъ: читаютъ одни и тѣ же профессора, и институтскія чтенія входятъ въ общій планъ университетскаго преподаванія [1]). Кромѣ учебныхъ часовъ, помѣщеніе института открыто для его членовъ, конечно, и въ другое время дня и вечеромъ, ибо для практическихъ ихъ занятій и для приготовленія задаваемыхъ профессорами работъ имъ необходимо имѣть въ полномъ распоряженіи матеріалъ, который въ изобиліи представляютъ имъ библіотека и музей института.

Занятія членовъ института состоятъ: вопервыхъ, въ посѣщеніи теоретическихъ лекцій (Vorträge); вовторыхъ, въ практическихъ упражненіяхъ подъ руководствомъ профессоровъ (то-есть, въ такъ-называемыхъ семинаріяхъ), напримѣръ въ палеографіи, въ чтеніи, переводѣ и объясненіи средневѣковыхъ историческихъ памятниковъ; втретьихъ, въ рефератахъ на задаваемыя темы и общемъ обсужденіи вопросовъ; наконецъ, вчетвертыхъ, въ работахъ внѣ учебныхъ часовъ, приготовленіи отвѣтовъ на темы, самостоятельныхъ практическихъ упражненіяхъ и проч. Всѣ эти занятія для ординарныхъ членовъ имѣютъ характеръ безусловно обязательный; отношеніе къ экстраординарнымъ — иное, хотя и ихъ по возможности привлекаютъ къ участію въ этихъ упражненіяхъ и нѣсколько косо смотрятъ на тѣхъ, которые отъ такого участія уклоняются.

Конечно къ первокурсникамъ профессора относятся снисходительнѣе. Въ теченіе этого приготовительнаго года студентъ имѣетъ возможность вполнѣ познакомиться съ порядками института, съ усло-

---

[1]) По уставу, планъ занятій въ институтѣ слѣдующій:

Предметы обязательные: I. Въ *первомъ* подготовительномъ году: 1) источники (Quellenkunde) и литература австрійской исторіи; 2) палеографія; 3) хронологія; 4) всеобщая исторія искусства въ средніе вѣка и въ періодъ Renaissance. II. Во *второмъ* году: 1) чтеніе австрійскихъ историческихъ источниковъ; 2) палеографическія упражненія; 3) дипломатика; 4) геральдика и сфрагистика; 5) спеціальный курсъ исторіи искусствъ съ упражненіями. III. Въ *третьемъ* году: 1) критика какого-нибудь австрійскаго историческаго источника; 2) практическія занятія дипломатикой; 3) критика источниковъ и памятниковъ исторіи искусства; 4) архивное и библіотечное дѣло.

Желательные предметы занятій членовъ: 1) діалекты нѣмецкаго языка; 2) одинъ изъ главныхъ языковъ Австріи (кромѣ нѣмецкаго): славянскій, мадьярскій или италіанскій; 3) одинъ изъ иностранныхъ языковъ (испанскій, французскій, англійскій); 4) исторія германскаго права; 5) церковное право.

Библиотека "Руниверс"

віями и пріемами преподаванія, съ обязанностями членовъ, а потому и во́ время удалиться, если не чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ и охоты исполнять предъявляемыя требованія. Съ другой стороны, и преподаватели за этотъ годъ на столько успѣваютъ изучить своихъ слушателей, что безошибочно могутъ сдѣлать изъ нихъ выборъ и намѣтить заслуживающихъ особеннаго вниманія и поощренія.

Перехожу къ курсамъ, которые мнѣ удалось слушать, чтобъ сообщить нѣсколько подробностей о томъ, какъ профессора Зикель и Мюльбахеръ ведутъ свое дѣло.

Профессоръ Э. Мюльбахеръ (Mühlbacher), еще молодой человѣкъ, кончившій также курсъ въ институтѣ (выпуска 1875 г.), извѣстенъ уже въ наукѣ нѣсколькими основательными работами по изданію и критикѣ средневѣковыхъ источниковъ (напримѣръ, die Urkunden Karl d. III, Wien 1879) и многими критико-историческими и библіографическими статьями. Въ бытность мою въ Вѣнѣ онъ печаталъ новый трудъ: J. F. Böhmer Regesta Imperii I. Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern 752—918. Neu bearbeitet von Engelbert Mühlbacher. До перехода въ Вѣну онъ былъ профессоромъ (по той же каѳедрѣ вспомогательныхъ историческихъ предметовъ) въ Градецкомъ университетѣ (Graz, въ Штиріи). Сначала онъ былъ сдѣланъ редакторомъ институтскаго органа „Mittheilungen“, а затѣмъ приглашенъ и преподавать. Это — человѣкъ способный, трудолюбивый и дѣятельный, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный руководитель и профессоръ. Онъ преподаетъ средневѣковую латинскую палеографію на первомъ курсѣ.

Занятія у него состоятъ частью изъ теоретическаго изложенія предмета и наглядныхъ разъясненій посредствомъ демонстрированія и ознакомленія тутъ же, на лекціи, съ тѣми предметами, письменами, рукописями, и изданіями, о которыхъ шла рѣчь, частью изъ практическихъ упражненій въ разборѣ и чтеніи образцовъ письма (по фотографическимъ и инымъ снимкамъ). Изложивъ какой-нибудь отдѣлъ или частицу курса теоретически, надо сказать—очень ясно и систематично, сопровождая вмѣстѣ съ тѣмъ это изложеніе безпрестаннымъ указаніемъ примѣровъ на имѣвшихся подъ рукою обращикахъ письма, профессоръ переходилъ затѣмъ къ практическому примѣненію и провѣркѣ сообщенныхъ свѣдѣній и перечитывалъ съ слушателями цѣлый рядъ образцовъ даннаго вида письма, соблюдая притомъ строгую постепенность и останавливаясь на извѣстной категоріи меньше или дольше, смотря по трудности и важности ея. Какъ при теорети-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ изложеніи, такъ и во время упражненій онъ не разставался съ мѣломъ и все, что̀ сообщалъ о формахъ, характерѣ буквъ и письма, о знакахъ, сокращеніяхъ и пр., сопровождалъ точнымъ изображеніемъ на доскѣ. Передъ тѣмъ, какъ приступить къ самымъ упражненіямъ въ чтеніи различныхъ текстовъ, проф. Мюльбахеръ познакомилъ слушателей съ главными и самыми употребительными сокращеніями словъ, безъ твердаго знанія которыхъ не возможно обойдтись на первыхъ порахъ, а затѣмъ, по мѣрѣ встрѣчи съ новыми знаками и сокращенными формами, подвигался далѣе отъ легкаго къ болѣе трудному, постоянно однако возвращаясь къ старому и повторяя по многу разъ то, что̀ запоминалось студентами не такъ быстро, а между тѣмъ было существенно и требовало прочнаго усвоенія. Когда первыя трудности были преодолѣны, явилась возможность внести болѣе порядка и системы въ упражненія и привлечь къ участію всѣхъ, тогда какъ первоначально пробовали свои силы только нѣкоторые, болѣе прыткіе и смѣтливые изъ слушателей. Профессоръ назначалъ заранѣе тексты для чтенія въ слѣдующій разъ и требовалъ нѣкотораго приготовленія. На лекціяхъ студенты читали поочередно и по назначенію самого Мюльбахера, чтобы не было никакихъ уловокъ и отвиливанія въ средѣ слушателей.

Что касается матеріала, пособій, то въ нихъ не было недостатка. Институтъ располагаетъ такими коллекціями снимковъ (въ большомъ числѣ экземпляровъ), что на аудиторію человѣкъ въ 15 ихъ вполнѣ хватаетъ, и никогда въ этомъ отношеніи не бываетъ затрудненій. Давая какой-нибудь текстъ для разбора, Мюльбахеръ не ограничивался однимъ прочтеніемъ его: онъ требовалъ затѣмъ отъ прочитавшаго обстоятельныхъ отвѣтовъ на рядъ поставленныхъ разъ на всегда (по извѣстной схемѣ) вопросовъ, относящихся къ внѣшнимъ признакамъ рукописи (линевка, строки и пр.), къ виду и характеру письма и отдѣльныхъ буквъ, способу сокращеній, наконецъ къ самому содержанію текста, формуламъ, календарнымъ датамъ и проч. Такимъ образомъ успѣхи дѣлались довольно быстро, конечно—не всѣми въ одинаковой мѣрѣ, но въ этомъ уже нельзя винить профессора. Съ своей стороны, онъ дѣлалъ все, что̀ могъ. Въ теоретическихъ своихъ лекціяхъ Мюльбахеръ не упускалъ случая знакомить слушателей съ литературою предмета и сообщалъ много библіографическихъ данныхъ.

Чтобы познакомить читателей съ содержаніемъ курса Мюльбахера, я вкратцѣ приведу его планъ.

Профессоръ началъ свои чтенія съ общаго введенія, въ которомъ сооб-

Библиотека "Руниверс"

щилъ свѣдѣнія: 1) по исторіи палеографіи въ связи съ исторіей дипломатики (литература предмета; палеографическія работы во Франціи, Италіи, Германіи, Англіи); 2) о способахъ воспроизведенія рукописей; 3) о письменномъ дѣлѣ вообще (зависимость письма отъ матеріала); 4) о матеріалѣ для письма (камень, металлъ, папирусъ, вощенныя доски, пергаментъ, бумага); 5) о терминахъ, употребительныхъ въ письменномъ дѣлѣ; 6) объ орудіяхъ письма; 7) о писцахъ и переписчикахъ; наконецъ, 7) о книжномъ дѣлѣ и библіотекахъ. Послѣ этого вступленія было приступлено къ изложенію исторіи развитія письма и сперва къ общей характеристикѣ каждаго рода и вида. При этомъ собственно имѣлись въ виду только средніе вѣка, и лишь для ясности и полноты захватывалась слегка древность.

Профессоръ представилъ сначала общій ходъ развитія письма, характеризуя главные его виды (capitale, unciale, полуунціалъ, то-есть, полууставъ, курсивное письмо, тиронскія ноты, наконецъ національные типы письма, такъ-называемая scriptura mixta) и устанавливая ихъ генетическую связь. Затѣмъ уже слѣдовала подробная исторія развитія, характеристика и употребленіе каждаго рода и вида письма — отдѣльно: I) Capitale; II) Unciale; III) Полуунціалъ; Scriptura mixta; IV) О „тиронскихъ нотахъ“ и тайнописи; V) Курсивъ (его происхожденіе и виды). Этимъ Мюльбахеръ заключилъ первую половину семестра, и послѣ пятинедѣльнаго перерыва перешелъ къ отдѣлу такъ-называемыхъ національныхъ типовъ письма: 1) Лангобардское письмо, 2) Вестготское, 3) Англосаксонское, Ирское, 4) Меровингское, и наконецъ 5) Карловингское письмо (минускель). Среди изложенія его происхожденія и развитія мнѣ пришлось, къ сожалѣнію, прервать посѣщеніе лекцій, такъ какъ мои спеціальныя задачи увлекли меня изъ Вѣны. Могу сказать, что я съ большимъ удовольствіемъ и пользою прослушалъ все-таки бо́льшую часть курса Мюльбахера. При этомъ долгомъ считаю высказать свое впечатлѣніе, что какъ по методѣ преподаванія, такъ и по содержанію своему, и наконецъ, по ясности и систематичности изложенія, лекціи этого профессора рѣшительно не оставляютъ желать ничего лучшаго. Онъ разсказываетъ дѣльно и просто, но всегда живо и интересно, а природный его юморъ, направленный часто по адресу иныхъ не довольно внимательныхъ и не довольно сообразительныхъ при чтеніи слушателей, еще болѣе оживляетъ занятія.

Съ не меньшимъ удовольствіемъ я прослушалъ часть курса про-

Библиотека "Руниверс"

фессора Ѳ. Зикеля[1]) по дипломатикѣ, и именно папской (въ предыдущій семестръ онъ читалъ о государственныхъ документахъ). Его слушаютъ студенты старшихъ курсовъ, и эти занятія имѣютъ дѣйствительно болѣе спеціально-научный характеръ, предполагаютъ въ аудиторіи гораздо бо́льшія познанія, бо́льшее развитіе и зрѣлость.

Лекціи Зикеля раздѣлялись также на теоретическія и практическія. На первыхъ профессоръ систематически излагалъ свой предметъ, прибѣгая также нерѣдко къ наглядным поясненіямъ на доскѣ, вторыя состояли въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ, переводѣ и разборѣ документовъ и слушаніи рефератовъ. Постараюсь въ немногихъ словахъ познакомить читателя съ теоретическимъ курсомъ проф. Зикеля.

Своему курсу онъ предпослалъ небольшое вступленіе о самомъ предметѣ науки (папской дипломатикѣ) и ея значеніи. Сказавъ о роли и сферѣ вліянія и дѣятельности папской куріи въ средніе вѣка, онъ указалъ на важность изученія папскихъ буллъ и грамотъ, не только со стороны содержанія, какъ источниковъ папской исторіи, но и со стороны формы, въ виду ихъ тѣсной связи и отношенія къ другимъ, подобнымъ же источникамъ. Папскіе дипломы, тѣсно примыкая къ памятникамъ римской древности (подобно тому, какъ вся церковная римская организація и устройство папской куріи выросли изъ до-христіанскихъ римскихъ порядковъ), служили образцами для однородныхъ документовъ (въ другихъ сферахъ), которые поэтому часто становятся намъ понятными лишь при изученіи первыхъ, и вообще учрежденій папской канцеляріи. Сфера дѣятельности и вліяніе послѣдней были очень значительны. Затѣмъ Зикель охарактеризовалъ неудовлетворительное состояніе науки вслѣдствіе многихъ условій, тормазящихъ дѣло изученія (громадность матеріала, масса подложныхъ документовъ, недоступность Ватиканскаго архива) и перешелъ къ обзору литературы предмета (труды Французовъ и Нѣмцевъ, слабость первыхъ опытовъ; неполнота матеріала; новѣйшія собранія папскихъ буллъ и писемъ; труды Яффе, Подгаста и друг.). Для изученія папской дипломатики необходимо предварительно познакомиться съ устройствомъ и прослѣдить развитіе папской канцеляріи, ея по-

[1]) Ученые труды Зикеля по палеографіи и дипломатикѣ настолько извѣстны, что говорить о нихъ почти излишне. Его капитальный трудъ Monumenta graphica medii aevi ex archivis et bibliothecis imperii Austriaci collecta (Wien, 1856—1869) пріобрѣлъ заслуженную извѣстность въ палеографической наукѣ.

Библиотека "Руниверс"

рядковъ и обычаевъ. Къ этому и предстояло обратиться, но чтобы сдѣлать свое изложеніе еще болѣе понятнымъ, профессоръ представилъ сначала очеркъ возникновенія первоначальной организаціи и развитія римской церкви. Затѣмъ онъ перешелъ къ устройству папской канцеляріи, къ ея архиву и къ его содержанію—регистрамъ (registra) документовъ, разказалъ, какъ послѣдніе хранились, какимъ напастямъ подвергался рим. архивъ въ теченіе вѣковъ, что въ немъ уцѣлѣло и что безвозвратно потеряно. Послѣ этого обстоятельнаго и чрезвычайно интереснаго введенія, Зикель началъ излагать первый отдѣлъ своего курса о папскихъ регистрахъ (registra=regesta). За общими замѣчаніями слѣдовало подробное разсмотрѣніе (всегда съ библіографическими указаніями) по порядку сохранившихся регистровъ, начиная съ папы Григорія I (собранія его писемъ, старые эксцерпты изъ регистровъ). Особенное вниманіе было посвящено регистрамъ папъ Іоанна VIII, Григорія VII. Въ этомъ изложеніи Зикель дошелъ до времени Иннокентія III. Второй отдѣлъ, о формулахъ, былъ не менѣе содержателенъ и интересенъ. Послѣ нѣсколькихъ разсужденій о постепенномъ расширеніи авторитета папы, его обязанностяхъ и разнообразной дѣятельности, профессоръ указалъ на значеніе установленныхъ нормъ и формулъ, обязательныхъ въ сношеніяхъ и дѣлахъ папской куріи. Съ большими подробностями онъ распространился о знаменитомъ собраніи формулъ въ такъ-называемомъ „Liber Diurnus“, о происхожденіи и исторіи этого кодекса, о судьбѣ его, ватиканской рукописи и другихъ списковъ, о всѣхъ изданіяхъ до послѣдняго и лучшаго — де-Розьера: Liber Diurnus ou Recueil des formules, publiées par Eugène de Rozière (Paris, 1869). Затѣмъ Зикель перешелъ къ каноническимъ собраніямъ, которыя также разсмотрѣлъ обстоятельно. Сказавъ далѣе о положеніи христіанской церкви въ Германіи съ древнихъ временъ и о монастыряхъ, и охарактеризовавъ отношеніе церквей Германіи къ Риму и постепенное съ нимъ сближеніе, онъ естественно пришелъ къ важному роду папскихъ документовъ, именно къ привилегіямъ (монастырскимъ), послѣ чего слѣдовало уже разсмотрѣніе самыхъ формулъ въ папскихъ письмахъ. По этому поводу профессоръ снова вернулся къ внутреннему устройству куріи и папской канцеляріи, на этотъ разъ уже со всѣми подробностями. Разбирая формулы (а также и календарныя даты) въ папскихъ грамотахъ и привилегіяхъ, онъ постоянно налегалъ на важность ихъ, въ виду ихъ сильнаго вліянія на образованіе формулъ въ грамотахъ королевскаго и потомъ императорскаго дворовъ. Отъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

общихъ теоретическихъ сообщеній Зикель обратился уже прямо къ папскимъ грамотамъ X вѣка и до половины XI вѣка и представилъ ихъ характеристику со стороны изложенія и формы и со стороны внѣшнихъ признаковъ рукописи. Этимъ онъ и закончилъ первую половину семестра. Слышать продолженіе его курса мнѣ уже не пришлось. Но, кажется, достаточно и вышеизложеннаго, чтобы судить о достоинствахъ содержанія и системы этого курса дипломатики. Остается прибавить, что этимъ внутреннимъ достоинствамъ соотвѣтствуютъ и внѣшнія: ясность и живость изложенія Зикеля, доходившая иногда до увлекательности.

Также серьезно и строго относился профессоръ Зикель и къ практическимъ занятіямъ со студентами, имѣвшими цѣлью непосредственное ознакомленіе на дѣлѣ съ тѣмъ, что сообщалось до того теоретически. Къ этимъ упражненіямъ слушатели также приготовлялись заранѣе. Это были или переводъ и разборъ документовъ, или цѣлые рефераты по отдѣльнымъ предлагаемымъ вопросамъ, которые дѣлались членами института поочередно. Для упражненій въ чтеніи и разборѣ папскихъ писемъ служило изданіе ихъ: Monumenta Carolina, edidit Philippus Jaffé (Bibliotheca rerum, Germanicarum, tomus quartus, Berolini 1867), а затѣмъ для разбора формулъ—Liber Diurnus. Профессоръ требовалъ отъ студентовъ не только точнаго и гладкаго перевода текста (съ латинскаго на нѣмецкій языкъ), но и комментированіе его, при чемъ самъ часто ставилъ вопросы, а когда встрѣчался пунктъ спорный и возможно было разное толкованіе, онъ спрашивалъ мнѣнія также другихъ слушателей и вызывалъ общее обсужденіе вопроса; точно также онъ обращался къ другимъ, когда отвѣчавшій не зналъ чего-нибудь. Вообще онъ требовалъ отъ всѣхъ самостоятельной работы и такихъ же выводовъ и мнѣній, и когда слышалъ чье-либо дѣльное объясненіе или остроумную догадку, то самъ охотно принималъ ее и поощрялъ всячески рвеніе и пытливость своихъ слушателей. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ указывалъ имъ на ихъ промахи и упущенія при пользованіи источниками и пособіями, заставляя тутъ же, на лекціи, исполнять недодѣланное, рыться въ разныхъ справочныхъ изданіяхъ и словаряхъ, которые поэтому всегда должны были быть подъ руками. Такимъ образомъ студенты невольно пріучались къ основательной работѣ, утверждались въ научныхъ пріемахъ и способахъ умѣло пользоваться источниками. Строгость и требовательность профессора за-

Библиотека "Руниверс"

ставляла ихъ дѣйствительно усердно заниматься, не отставать другъ отъ друга, и результаты получались самые утѣшительные и крупные.

Таковы характеръ и методы преподаванія двухъ основныхъ предметовъ историческаго института—палеографіи и дипломатики. Безъ сомнѣнія, въ томъ же направленіи и по той же системѣ ведется преподаваніе и другихъ предметовъ, входящихъ въ институтскую программу. Если мы сравнимъ эти методы и пріемы съ тѣми, которые приняты и съ блестящимъ успѣхомъ проводятся во французской École des Chartes [1]), то замѣтимъ значительное сходство и аналогичность. Да иначе и быть не можетъ, когда учредители и организаторы института (въ томъ числѣ самъ Зикель) имѣли почти единственнымъ образцомъ эту именно школу съ ея уставомъ и порядкомъ, которые наперед близко изучили. Конечно, это не мѣшаетъ вѣнскому институту имѣть свой оригинальный характеръ, ибо типическія черты нѣмецкаго національнаго духа и нѣмецкой учености не могли не сказаться и тутъ въ полной мѣрѣ.

Располагая чрезвычайно богатыми и рѣдкими собраніями памятниковъ и историческихъ источниковъ, многочисленными коллекціями всякихъ снимковъ (facsimile), и значительною библіотекой [2]), институтъ оказываетъ благодѣяніе не однимъ своимъ членамъ, но простираетъ свои услуги и далѣе. Бывшіе его члены и слушатели имѣютъ право и возможность во всякое время пользоваться его пособіями и коллекціями, что̀ они и дѣлаютъ постоянно, такъ что поддерживаютъ связь и общеніе съ молодыми, вновь наростающими учеными силами; такимъ образомъ Институтъ является средоточіемъ научной дѣятельности въ области исторіи, средствомъ сближенія, общенія и обмѣна мыслей между отдѣльными представителями науки, притомъ разныхъ поколѣній. Для этихъ же цѣлей служитъ и ученый органъ института, о которомъ скажу ниже.

Итакъ, мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ устройство и порядки вѣнскаго Института, познакомились съ его учебной программой и съ

---

[1]) См. статью г. *Фортинскаго*: Историческія занятія въ École des Chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ, въ *Журн. М. Н. Пр.* 1876 г., январь.

[2]) Квартира института едва хватаетъ для помѣщенія всего этого имущества. Уже въ 1880 году библіотека его состояла изъ 2500 томовъ; отдѣлъ исторіи искусствъ заключалъ въ себѣ 2560 снимковъ; печатей было 185 штукъ; въ отдѣлѣ палеографіи и дипломатики было 182 оригинальныя грамоты и 959 снимковъ, предназначенныхъ частью для общихъ упражненій на лекціяхъ, частью для частныхъ работъ членовъ (см. *Mittheilungen*, I т.).

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыми курсами, наконецъ—съ характеромъ и методомъ преподаванія. Все это не можетъ не убѣдить насъ въ томъ, что эта высшая школа, вообще, должна прекрасно выполнять свои задачи и свое назначеніе. Дѣйствительно, факты прямо свидѣтельствуютъ о томъ. Огромная польза, какую уже оказала она наукѣ исторіографіи въ Австріи, да отчасти и за ея предѣлами, всего краснорѣчивѣе доказывается результатами ученой дѣятельности и почетною репутаціей бывшихъ ея воспитанниковъ, а равно и тѣмъ, что огромное большинство прежнихъ членовъ института (а число ихъ за все время существованія института простирается до 100 человѣкъ), какъ показываютъ статистическія данныя, занимаетъ такія мѣста и должности, на которыхъ они имѣютъ полную возможность примѣнять къ дѣлу богатый запасъ спеціальныхъ познаній, пріобрѣтенный ими въ институтѣ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго о пользѣ, принесенной уже этимъ учрежденіемъ исторіографіи, достаточно назвать имена нѣкоторыхъ бывшихъ его питомцевъ. Въ первый періодъ, до 1861 г., изъ него вышли: Кронесъ, нынѣ профессоръ исторіи въ Градецкомъ университетѣ; Лоренцъ, профессоръ въ Вѣнскомъ университетѣ; покойный Рёслеръ; Эмлеръ, извѣстный чешскій ученый и профессоръ въ Прагѣ; Таузингъ, профессоръ исторіи искусства въ Вѣнскомъ университетѣ. Съ 1861 г. по 1871 г. изъ института вышли: Цейсбергъ, профессоръ въ Вѣнѣ; Вруннеръ—въ Берлинѣ; Лозертъ, профессоръ Черновицкаго университета. Въ 1870-хъ годахъ кончили курсъ: Ригеръ, профессоръ вспомогательныхъ историческихъ предметовъ въ Вѣнскомъ университетѣ (и институтѣ); Геллеръ (Heller) въ Берлинѣ; Мюльбахеръ, профессоръ въ институтѣ; чехъ Марешъ, молодой архивистъ въ Вѣнскомъ архивѣ князя Шварценберга, и мадьяръ Фехерпатаки (Fehérpataky), профессоръ исторіи въ Пештскомъ университетѣ и мн. др. [1]).

Признавъ вполнѣ высокое значеніе вѣнскаго института, приносимую имъ неоспоримую пользу наукѣ вообще и исторіи Австріи въ частности, равно какъ и прекрасную организацію его, я не могу однако же умолчать здѣсь объ одномъ поразившемъ меня существен-

[1]) Съ наступленіемъ дуализма въ Австріи—подданные Венгріи потеряли право на стипендіи изъ Цислейтанскаго бюджета. Съ тѣхъ поръ Академія Наукъ въ Пештѣ сама заботится (на свои средства) объ образованіи въ институтѣ нѣсколькихъ своихъ молодыхъ ученыхъ, но въ ихъ число попадаютъ, конечно, только природные Мадьяры.

Библиотека "Руниверс"

номъ недостаткѣ или, лучше сказать, пробѣлѣ въ преподаваніи, который необходимо долженъ отражаться на ученой подготовкѣ и результатахъ научной дѣятельности тѣхъ новыхъ силъ, которыя образуются въ стѣнахъ института. Я говорю о слишкомъ исключительномъ направленіи въ кругѣ читаемыхъ предметовъ и въ ученыхъ занятіяхъ, о томъ, что самая задача институтскаго образованія съужена, и имѣется въ виду разработка исторіи какъ-будто только одной Германіи или нѣмецкихъ земель и лишь отчасти другихъ западноевропейскихъ странъ, поскольку они были замѣшаны въ исторіи нѣмецкаго племени. Такимъ образомъ мы не видимъ осуществленія ни первоначальнаго плана и мысли Егера о спеціальномъ назначеніи созданнаго имъ учрежденія—двигать собственно австрійскую исторіографію [1]), ни желанія самого Зикеля, чтобы институтъ вообще служилъ успѣхамъ исторической науки, безъ какихъ-либо узкихъ границъ территоріальныхъ или племенныхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ не должно бы быть того пробѣла, о которомъ я говорю, а именно—совершеннаго упущенія изъ виду, въ программѣ преподаванія, разработки исторіи не нѣмецкаго населенія Австріи, и въ особенности славянскихъ народовъ, составляющихъ огромное большинство австрійскаго народонаселенія и такъ тѣсно привязывающихъ Австро-Венгрію къ міру восточному.

Вспомнимъ, что въ первоначальный планъ Егера входили предметами и древне-славянскій языкъ, и славянскія древности; но это осталось только на бумагѣ; между тѣмъ припомнимъ еще, что въ виды института и нынѣ входитъ—привлеченіе въ него представителей всѣхъ австрійскихъ національностей, и именно съ тою цѣлію, чтобы (какъ высказано было самими учредителями) уберечь этихъ молодыхъ людей отъ опасности сбиться съ истиннаго научнаго пути и сдѣлаться и въ наукѣ „людьми стремленій“ (то-есть, національныхъ). Не знаю, достигаетъ ли этого институтъ. Но во всякомъ случаѣ онъ достигаетъ того, что воспитанники его, при всей своей учености спеціалистовъ и несомнѣнномъ умѣніи работать, выходятъ съ довольно ограниченнымъ научнымъ кругозоромъ, и всѣ они, не исключая и славянъ, почти не имѣютъ понятія о восточномъ мірѣ въ его исторіи и современной жизни, положеніи и успѣхахъ исторіографіи вообще и вспомогательныхъ историческихъ наукъ на греко-славянскомъ востокѣ,

---

[1]) Оттого институтъ и носитъ нынѣ ничѣмъ не оправдываемое названіе: Institut für Oesterreichische Geschichtsforschung.

Библиотека "Руниверс"

остаются безъ всякаго знакомства съ ученою историческою литературой этого отдѣла и съ русскою въ особенности. Какъ же при такомъ пробѣлѣ въ подготовкѣ избѣжать односторонности и узкости въ своихъ ученыхъ трудахъ и воззрѣніяхъ? Конечно, это не частный, характерный недостатокъ занимающей насъ школы, это ужъ общій капитальный грѣхъ всей западной и въ частности нѣмецкой науки; но дѣло отъ того не мѣняется. Приходится только сожалѣть, что австрійскій разсадникъ ученыхъ дѣятелей, поставленный въ этомъ отношеніи въ несравненно болѣе выгодныя условія, чѣмъ какой-нибудь другой западно-европейскій, не пользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ.

Но, дѣлая этотъ упрекъ, мы должны однако признать, что институтъ не совсѣмъ чуждается славянства и именно западнаго (чешской и польской исторіографіи), поскольку оно входитъ въ область изслѣдованій его бывшихъ питомцевъ, и отводитъ ему мѣсто на страницахъ своего изданія, которое такимъ образомъ представляетъ интересъ и для слависта. Мнѣ остается теперь познакомить читателей съ этимъ изданіемъ, въ которомъ также въ извѣстной мѣрѣ проявляется жизнь и дѣятельность института. Онъ служитъ центромъ, притягивающимъ къ себѣ наличныя силы школы по всѣмъ наукамъ въ ней преподаваемымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ связью между нею и бывшими ея воспитанниками, принимающими дѣятельное участіе въ изданіи. Кромѣ того, привлекаются къ сотрудничеству и посторонніе спеціалисты по предметамъ исторической науки.

Журналъ этотъ выходитъ подъ названіемъ Mittheilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung, unter Mitwirkung von Th. Sickel, M. Thausing und H. R, von Zeissberg, redigirt von E. Mühlbacher (Innsbruck). Къ изданію его было приступлено въ 1879 г. и редакторомъ назначенъ бывшій слушатель института д-ръ Фольцъ, но преждевременная смерть застигла этого молодаго ученаго во время печатанія первыхъ листовъ перваго выпуска. Пришлось искать новаго редактора, и тутъ выборъ палъ на окончившаго въ 1875 г. курсъ въ институтѣ молодаго доцента Мюльбахера, который уже достаточно знакомъ читателю изъ предыдущаго изложенія. Журналъ выходитъ четырьмя выпусками въ годъ: изъ нихъ составляется томъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Ученыя изслѣдованія и монографіи по исторіи и вспомогательнымъ историческимъ наукамъ; 2) Небольшія сообщенія и замѣтки; 3) Литература, то-есть, критическій отдѣлъ и библіографія, 4) Personalia,

Библиотека "Руниверс"

то-есть, свѣдѣнія о личномъ составѣ института. Первый томъ вышелъ въ 1880 году. Чтобы ближе ознакомить читателей Журнала Мин. Народ. Просв. съ содержаніемъ этого изданія, я сообщаю здѣсь въ примѣчаніи перечень нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся и интересныхъ (особенно для славистовъ) статей, помѣщенныхъ въ Mittheilungen за протекшіе года [1]).

---

[1]) *I томъ*: Изъ изслѣдованій выдаются: *Ficker*, Neue Beiträge zur Urkundenlehre; Неизданные дипломы изъ Аквилеи (799—1082), сообщенные *Ioppi*, дополненные изъ матеріала Monumenta Germaniae, съ введеніемъ *Мюльбахера*; *Krones*: Jakub Unrests, Bruchstück einer deutschen Chronik von Ungarn; статьи *Цейсберга*, *Рицера* по дипломатикѣ и друг. Отдѣлъ мелкихъ сообщеній содержитъ въ себѣ не мало интересныхъ замѣтокъ по исторіи, палеографіи, дипломатикѣ, о новыхъ находкахъ, новыхъ предпріятіяхъ, архивахъ и проч. (авторы Ficker, Mühlbacher, Huber, Zimmermann и друг.). Литература (библіографія) охватываетъ еще болѣе широкую область не одной исторіи и спеціальныхъ вспомогательныхъ наукъ, но и литературы и вообще исторіи образованности. Здѣсь находимъ рецензіи на книги: *Tomaschek*, Geschichtsquellen der Stadt Wien; *Mühlbacher*, die Urkunden Karl d. III; о работахъ *Ioppi* по исторіи Фріули и Истріи; объ изданіяхъ Мадьярской академіи наукъ; о трудахъ *Шемберы*, *Брандля*, *Вашка*, и *Иречка*—о старо-чешскихъ литературныхъ памятникахъ; обозрѣніе періодической литературы Австро-Венгріи; о книгѣ *Werunsky*, Geschichte Kaiser Karl IV und seiner Zeit, I B. (Innsbr. 1880); объ изданіяхъ Краковской академіи наукъ и проч.

II томъ: Изслѣдованія: *Loserth*, Der Umfang des Böhmischen Reiches unter Boleslaw II; его же: Die Herrschaft der Langobarden in Böhmen, Mähren und Rugiland; *Huber*: Beiträge zur älteren Geschichte Oesterreichs (Die Ausdehnung des grosmährisch. Reiches nach Südosten, Die Ausdehnung des böhmischen Reiches unter Boleslaw II, Böhmen und das Wormser Concordat); *Ficker*: Neue Beiträge zur Urkundenlehre; статьи *Зикеля* по дипломатикѣ и др. Въ отдѣлѣ литературы подверглись критикѣ между прочимъ сочиненія: *Pić*, Ueber die Abstammung der Rumänen (Юнга); *Ewald*, Die Papstbriefe der Brittischen Sammlung; *Kämmel*, die Anfänge des deutschen Lebens in Oesterreich; *Gindely*, Geschichte des dreissigjähr. Krieges, затѣмъ изданія разныхъ ученыхъ обществъ и т. п.

III томъ. Изслѣдованія: *K. Uhlirz*, Die Urkundenfälschung von Passau im zehnten Jahrhundert; *Willibald Hauthaler*: Die Salzburgischen Traditionscodices des X u XI Jahrhund.; *Ed. Richter*, о томъ же; *Redlich*: Die Oesterreichische Annalistik bis zum Ausgange des XIII Jahrhund. Мелкія сообщенія: *Ficker*, Ueber eine irreleitende Datirung aus der Zeit der Mongolengefahr; *Zeissberg*: Zu Thietmar von Merseburg; *Károlyi*: Zur Einführung des gregorianischen Kalenders in Ungarn. Въ библіографіи—о книгахъ: *Sybel*, Entstehung des deutschen Königthums (Sickel); *Krusch*, Studien zur christlich-mittelalterl. Chronologie; *Bunge*, Liv—Est-und Kurländische Regesten (Winkelmann); замѣтки объ историческихъ работахъ Югославянской академіи, о польской исторіографіи и проч.

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого перечня достаточно видно, какъ разнообразно и интересно содержаніе журнала института. Г. Мюльбахеръ, не смотря на множество другихъ занятій и обязанностей, энергически ведётъ дѣло, и подъ его умѣлою редакціей изданіе имѣетъ успѣхъ, такъ что кругъ его подписчиковъ все расширяется. У насъ, къ сожалѣнію, оно извѣстно пока еще мало. Пожелаемъ же ему въ заключеніе бо́льшаго распространенія и въ нашемъ отечествѣ.

К. Гротъ.

IV томъ (3 выпуска): Изслѣдованія: *Loserth*, Kritische Studien zur älteren Geschichte Böhmens. I. Der Herzog Spitihniew und die angebliche Vertreibung der Deutchen aus Böhmen. *Ficker*: Erörterungen zur Reichsgeschichte des XIII Jahrhund.; *Huber*, Die Steirische Reimchronik und das oesterreichische Interregnum и др. Между мелкими сообщеніями: *Iaksch*, Uebereinige verlorene Geschichtsquellen Kärntens. Рецензіи на сочиненія: *Goll*, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder, II; *Pić*, der Nationalkampf in Ungarn (Huber); *Lindner*, Das Urkundenwesen Karls IV und seiner Nachfolger; *Werunsky*, Geschichte Kaiser Karls IV und seiner Zeit, 2 Bd. (Huber); *Papée*, Die wichtigsten Erscheinungen auf dem Gebiete der polnischen Geschichtsschreibung in den Jahren 1880—1881 и пр.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ ОВЪ УЛУЧШЕНІИ ПРЕПОДАВАНІЯ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Въ сознаніи той важности, какую имѣютъ древніе языки въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніи, а также въ виду недостаточности результатовъ, достигаемыхъ нынѣ по этимъ основнымъ предметамъ гимназическаго преподаванія, попечитель Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскій, въ февралѣ мѣсяцѣ 1881 г., призналъ необходимымъ образовать особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора Н. А. Короваева, изъ преподавателей древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Кавказскаго округа, для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія названныхъ предметовъ. При этомъ имѣлись въ виду ближайшимъ образомъ мѣстныя гимназіи и прогимназіи. Но какъ по широтѣ предложенныхъ на обсужденіе этой коммиссіи вопросовъ, такъ и по подробности, съ которыми они были разобраны и разрѣшены, труды ея представляютъ интересъ не только для преподавателей древнихъ языковъ на Кавказѣ, но и для всѣхъ учителей гимназій и вообще для всѣхъ лицъ, принимающихъ живое участіе въ нашемъ среднемъ образованіи. Въ виду этого считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ результатами, къ которымъ пришла названная коммиссія, пользуясь для того отчетомъ объ ея занятіяхъ, напечатаннымъ въ 1882 году [1]).

---

[1]) Отчетъ о занятіяхъ коммиссіи, учрежденной попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа. Тифлисъ, 1882.

Библиотека "Руниверс"

Самый вопросъ о неудовлетворительности или, правильнѣе сказать, о посредственности только успѣховъ учениковъ по древнимъ языкамъ, какъ очевидный для всѣхъ членовъ и притомъ подтвержденный въ предложеніи попечителя округа, по случаю созыва коммиссіи [1]), обсужденію коммиссіи не подвергался; она прямо приступила къ разъясненію причинъ этой посредственности. Въ числѣ такихъ причинъ коммиссія не могла не признать и того предубѣжденія противъ древнихъ языковъ, которое замѣтно доселѣ въ обществѣ, а при введеніи гимназической реформы и въ первые годы существованія обновленныхъ гимназій было такъ сильно, что служило однимъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ для успѣшнаго хода дѣла. Предубѣжденіе это объясняется довольно просто. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ въ средніе вѣка латинскій языкъ былъ языкомъ школы, литературы, ученыхъ и общественныхъ сношеній, а въ позднѣйшее время равное съ нимъ мѣсто въ школѣ занялъ и языкъ греческій, сначала какъ языкъ Новаго Завѣта и отцовъ восточной церкви, а затѣмъ и какъ языкъ древней классической литературы, — у насъ языки эти, не поддерживаемые въ общественной жизни богослуженіемъ и проповѣдью, никогда не были языками, знакомыми обществу, да и въ школахъ стали изучаться болѣе или менѣе правильно только съ XVIII столѣтія (болѣе ранніе примѣры изученія этихъ языковъ въ школѣ весьма у насъ немногочисленны и имѣютъ характеръ случайности). Съ учрежденіемъ у насъ гимназій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ нихъ введены были въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ и древніе языки; но только съ 1871 года имъ было отведено, по примѣру западной Европы, первенствующее значеніе въ гимназическомъ курсѣ. Извѣстно пристрастное и несправедливое отношеніе къ этой реформѣ со стороны печати, отношеніе, оказавшее вліяніе и на общество. Но у послѣдняго были и другія причины для не-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ предложеніи этомъ мы читаемъ, что изъ 27 работъ учениковъ одной изъ гимназій Кавказскаго учебнаго округа по латинскому языку, сдѣланы ошибки, между прочимъ, противъ правилъ о родѣ именъ существительныхъ въ 12 работахъ, неправильнаго согласованія подлежащаго со сказуемымъ въ 15 работахъ, смѣшенія залоговъ въ 21 работѣ, неправильнаго употребленія временъ въ 25 работахъ, противъ правилъ о послѣдовательности временъ въ 14 работахъ и т. д. Между тѣмъ правила, противъ которыхъ сдѣланы ошибки, проходятся, начиная со II класса, и затѣмъ повторяются во всѣхъ классахъ гимназіи. Примѣръ этотъ далеко не исключительный, а представляетъ явленіе часто встрѣчающееся.

Библиотека "Руниверс"

удовольствія. Реформа застала нашу семью въ расплохъ. Мальчикъ, возвращаясь домой, не находилъ себѣ помощи дома и былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, которыя онъ долженъ былъ слишкомъ напрягать, чтобы не быть неисправнымъ, или же заставлялъ родителей дѣлать лишніе расходы наймомъ домашнихъ учителей. Вина была отчасти, конечно, на преподавателяхъ, отчасти на учебникахъ. Въ настоящее время и то, и другое улучшилось, но предубѣжденіе все-таки еще не совсѣмъ изгладилось, и отъ преподавателей самихъ, какъ было замѣчено въ комиссіи, въ значительнѣйшей степени зависитъ положить конецъ этому злу. Для этого совершенно необходимо, чтобы все, задаваемое ученикамъ на домъ, было вполнѣ объяснено въ классѣ, а грамматика притомъ не только объяснена, но и усвоена учениками, такъ чтобъ имъ оставалось только повторить ее. Остаются, конечно, и другія причины предубѣжденія противъ древнихъ языковъ, но ихъ устранить школа не въ силахъ, и надо только надѣяться, что время сдѣлаетъ свое.

Какъ на другую причину недостаточной успѣшности учениковъ по латинскому и греческому языкамъ—уже спеціально въ Кавказскомъ учебномъ округѣ—въ комиссіи было указано на недостаточное знакомство учениковъ, состоящихъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ, съ русскимъ языкомъ, преимущественно въ первомъ классѣ. Чтобы помочь этому злу, дѣлались предложенія имѣть вмѣсто существующихъ двухъ отдѣленій приготовительнаго класса — три, на подобіе Аннинской и Петропавловской лютеранскихъ школъ въ Петербургѣ; но эта мѣра, какъ слишкомъ обременительная для родителей,—ибо въ сущности она сводилась бы къ прибавкѣ лишняго года ученія, только не въ концѣ, а въ началѣ курса,—была отклонена, а вмѣсто того рѣшено озаботиться тѣмъ, чтобъ ученики приготовительнаго класса переводились не иначе въ первый классъ, какъ по достиженіи ими достаточныхъ познаній въ русскомъ языкѣ, что вполнѣ исполнимо при небольшой, даже домашней подготовкѣ дѣтей, поступающихъ въ приготовительный классъ. Нельзя сказать, чтобъ эта причина малоуспѣшности учениковъ по древнимъ языкамъ не имѣла мѣста и во внутреннихъ губерніяхъ, не смотря на то, что тамъ контингентъ учащихся далеко не одинаковъ съ гимназіями Кавказа и особенно Закавказья; но устраненіе этой причины въ гимназіяхъ внутреннихъ губерній уже не представляетъ трудностей, такъ какъ для этого стоитъ только больше упражнять учениковъ приготовительнаго класса

Библиотека "Руниверс"

въ грамматическомъ разборѣ, нетвердость въ коемъ сильно мѣшаетъ преподавателю латинскаго языка успѣшно вести дѣло.

Наконецъ, есть и еще одна, весьма важная причина малоуспѣшности усвоенія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ: она заключается въ самомъ методѣ преподаванія. Это и было высказано въ предложеніи попечителя Кавказскаго округа о составленіи коммиссіи и признано членами коммиссіи—послѣдними, правда, съ различными оговорками и ссылками на утвержденныя министерствомъ учебные планы, которые—какъ было замѣчено—недостаточно разработали программы по древнимъ языкамъ и содержатъ въ себѣ требованія, не всегда соображенныя съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что учебные планы имѣютъ одну слабую сторону, именно, что въ нихъ съ большою подробностью, доходящею иногда до мелочей, указано по классамъ, какъ должно быть ведено преподаваніе грамматики, а относительно чтенія авторовъ не дано почти никакихъ разъясненій, если не считать двухъ слѣдующихъ руководящихъ указаній въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ: 1) „Чтенію каждаго автора предпосылается краткая его біографія и самыя необходимыя свѣдѣнія о томъ родѣ произведеній, къ которому относится избранное для чтенія сочиненіе“; 2) „При чтеніи авторовъ должно дѣлать требуемыя содержаніемъ объясненія изъ исторіи, географіи, словесности, миѳологіи и древностей“. Подобная краткость въ разъясненіяхъ относительно чтенія древнихъ авторовъ, особенно сравнительно съ тою подробностью, съ какою сдѣланы тѣ же разъясненія относительно грамматики, послужила для многихъ поводомъ думать, что рѣшительно преобладающее значеніе должно имѣть изученіе грамматикъ древнихъ языковъ, и что чтеніе авторовъ является чѣмъ-то какъ бы второстепеннымъ. Между тѣмъ, конечно, учебные планы не имѣли и не могли имѣть въ виду ничего подобнаго. Для устраненія такой неправильности пониманія учебныхъ плановъ, коммиссія признала полезнымъ точно опредѣлить, въ чемъ заключается цѣль преподаванія древнихъ языковъ, чтобы вывести отсюда взаимное отношеніе грамматики и чтенія авторовъ и затѣмъ уже перейдти къ обсужденію спеціальныхъ вопросовъ о методѣ преподаванія классическихъ языковъ. Должно признать, что по этому предмету въ средѣ коммиссіи было высказано много совершенно основательныхъ соображеній. Тѣмъ не менѣе, съ своей стороны, мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ обсужденіе этого вопроса, достаточно выясненнаго и наукой педагогіи, и педагогическою практикой всей Европы, и прямо обращаемся къ

Библиотека "Руниверс"

разсмотрѣнію спеціальныхъ вопросовъ о методѣ преподаванія классическихъ языковъ сообразно съ тѣмъ, какъ вопросы эти были поставлены и обсуждаемы въ средѣ коммиссіи.

На первомъ мѣстѣ поставленъ былъ вопросъ о преподаваніи латинскаго языка въ младшихъ классахъ, при чемъ предлагалось разрѣшить, какимъ образомъ оно должно быть ведено практическимъ, или теоретическимъ путемъ. Подъ теоретическимъ способомъ преподаванія разумѣлось здѣсь не что иное, какъ систематическое прохожденіе грамматики съ постояннымъ подкрѣпленіемъ выведенныхъ правилъ различными практическими упражненіями. Въ противоположность этому способу въ коммиссіи предложенъ былъ, и встрѣтилъ сочувствіе, для двухъ младшихъ классовъ гимназіи чисто практическій методъ преподаванія латинскаго языка: предлагалось начинать съ чтенія связныхъ разказовъ, чтобъ отъ него перейдти прямо къ переводу этихъ разказовъ и ихъ разбору, при чемъ правила будутъ выводиться изъ читаннаго отрывка и тутъ же заучиваться путемъ всевозможныхъ упражненій на встрѣтившіяся въ отрывкѣ слова и формы. Одинъ изъ членовъ инспекторъ I-й Тифлисской гимназіи І. Ѳ. Дрбоглавъ, представившій записку, въ которой онъ излагаетъ всѣ преимущества указаннаго способа преподаванія, говоритъ между прочимъ, въ пользу его слѣдующее: „При изученіи всякаго языка вообще мы имѣемъ дѣло съ двумя его сторонами, съ содержаніемъ языка и съ его формой: содержаніе языка, связное изображеніе міра мыслей, очевидно, одинаково какъ въ родномъ, такъ и въ изучаемомъ языкѣ; въ формѣ же, способѣ выраженія этихъ мыслей, одинъ языкъ расходится съ другимъ въ большей или меньшей степени. Итакъ, первое, то-есть, содержаніе, представляется для насъ чѣмъ-то реальнымъ, знакомымъ, способъ же выраженія неизвѣстенъ. Поэтому, слѣдуя главному правилу здраваго воспитанія, требующему начинать отъ извѣстнаго и постепенно переходить къ неизвѣстному, мы должны при первоначальномъ обученіи чужому языку выбрать такой матеріалъ, содержаніе котораго было бы извѣстно ученикамъ уже на родномъ языкѣ“. Съ этою цѣлью авторъ записки предлагаетъ, выбравъ какую-либо латинскую басню и познакомивъ предварительно съ нею учениковъ на урокѣ русскаго языка, заняться на урокѣ латинскаго языка прямо ея переводомъ и разборомъ. Въ видѣ примѣра г. Дрбоглавъ представилъ въ коммиссію сдѣланный имъ разборъ басни „Leo et mus“. Считаемъ небезынтереснымъ познакомить нашихъ читателей, съ этимъ разборомъ обстоятельными выписками и извлеченіями.

Библиотека "Руниверс"

„Учитель пишетъ на доскѣ названіе басни. Прочитайте за мною и напишите въ своихъ тетрадяхъ: Leo et mus. Leo значитъ по латыни левъ, et — и, mus — мышенокъ. Вы замѣчаете, что слова leo et mus весьма близки къ русскимъ названіямъ тѣхъ же животныхъ. Такихъ похожихъ словъ найдемъ большое количество, потому что языкъ латинскій и русскій нѣкогда произошли отъ одного, общаго языка. Какъ называется левъ по латыни? Какъ мышенокъ? Какъ сказать мышенокъ и левъ? Левъ и мышенокъ? Какимъ словомъ соединены слова leo et mus? Какъ перевести слово et? Что дѣлаетъ слово et съ этими двумя словами? Leo magnus dormiebat in silva. То, что я написалъ, выражаетъ извѣстную мысль. Мы понимаемъ изъ всей мысли только одно слово leo. Я вамъ скажу значеніе и другихъ словъ, и послѣ мы постараемся отгадать, что здѣсь сказано: magnus—большой, dormiebat—онъ спалъ (какое русское слово похоже на dormiebat?—дремалъ), in silva — въ лѣсу. Что здѣсь сказано?—Что большой левъ спалъ въ лѣсу.—Теперь попробуемъ объясняться такимъ образомъ: я буду васъ спрашивать по русски, а вы мнѣ будете отвѣчать по латыни. Кто дремалъ въ лѣсу? Гдѣ дремалъ левъ? Что дѣлалъ левъ въ лѣсу? Какой левъ дремалъ въ лѣсу? Скажите мнѣ всю мысль по латыни. Пусть вся скамейка (все отдѣленіе, весь классъ) повторитъ сказанное".

Такимъ же порядкомъ разбирается фраза: Prope ludebant mures, при чемъ для опредѣленія числа слова mures задаются вопросы: „Какъ выражено по латыни мышата? А какъ сказать: мышенокъ? Какое число мышей обозначаетъ слово mus, а какое—mures? Итакъ, въ какомъ числѣ стоитъ слово mus, въ какомъ—mures?" Далѣе слѣдуетъ: Incaute unus nasum leonis tetigit, при чемъ „leonis" переводится учителемъ „льва" и объясняется, что произошло это слово вслѣдствіе перемѣны слова leo, какъ—льва отъ левъ. За симъ учитель спрашиваетъ: „Сколько отдѣльныхъ мыслей мы уже разобрали? Какъ вы называете при разборѣ русской рѣчи мысль, если она выражена словами? Этого названія будемъ придерживаться и на латинскихъ урокахъ. Итакъ, сколько предложеній мы разобрали? Что выражаетъ leo et mus въ верхней строкѣ? Leo et mus выражаетъ, что въ послѣдующихъ за ними строкахъ будутъ разказывать про льва и мышенка. Убѣдились ли вы, что это правда? Это названіе совершенно вѣрно, потому что въ первомъ предложеніи говорится о томъ, что левъ спалъ въ лѣсу; во второмъ предложеніи сказано, что вблизи играли мышата, и въ третьемъ, наконецъ, что одинъ мышонокъ по

Библиотека "Руниверс"

неосторожности задѣлъ носъ льва. Итакъ, названіе разказа вѣрно. Теперь я долженъ вамъ сказать, что названіе какого-нибудь разказа, какой-нибудь книги называется заглавіемъ. Какое заглавіе носитъ этотъ разказъ, вашъ учебникъ, ваша книга для чтенія?" Затѣмъ разбирается дальнѣйшая часть басни. Leo experrectus murem corripit. Tum mus oravit leonem: Da mihi veniam, o magne leo, gratus tibi ero. Путемъ вопросовъ выводится значеніе слова murem, leonem; leonem и leonis сравниваются между собой, опредѣляется, что такое обращеніе и т. п., и вообще дѣлается синтаксическій разборъ, при чемъ выясняется разница между предложеніями утвердительными и повелительными. Такимъ же образомъ дѣлается разборъ и конца басни: Leo respondet: miserum animal! Tu mihi, leoni, proderis? Sed ignoscam tibi et dimittam te, nam leones sunt generosi. Paulo post leo, praedam quaerens, inciderat in laqueos et fremebat maxime. Cito mus, qui a magno leone liberatus erat, accurrit, acutis dentibus laqueorum nodos rodit et laqueos solvit. Sic parvus mus magnum leonem liberavit.

Басня разобрана, переведена, затвержена, выучена наизусть, перебрана, такъ-сказать, по косточкамъ. За этимъ слѣдуетъ повтореніе, которымъ преподаватель пользуется, чтобы выведенныя при разборѣ басни правила привести въ нѣкоторый порядокъ. Такъ напримѣръ, склоненіе объясняется слѣдующимъ образомъ: „Кто спалъ въ лѣсу? Leo. Чей носъ задѣлъ мышонокъ? Leonis. Кому будетъ мышенокъ полезенъ? Leoni. Кого сталъ просить мышонокъ? Leonem. Какъ назвалъ мышонокъ льва, когда обратился къ нему съ просьбой? O leo! Кѣмъ былъ освобожденъ мышонокъ? A leone. Кто великодушенъ? Leones. Кто задѣлъ носъ льва? Mus. Кого схватываетъ левъ? Murem. Кто игралъ въ лѣсу, вблизи спавшаго льва? Mures. Чѣмъ мышонокъ грызетъ узлы? Dentibus. Какія части рѣчи отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы? Остаются имена существительныя безъ измѣненія, или они, смотря по вопросу измѣняются? Что въ нихъ измѣняется? Какъ называется такое измѣненіе? Что такое, слѣдовательно, склоненіе? Какъ называется каждый случай измѣненія въ отдѣльности? Знаете ли вы названія этихъ падежей? Какой падежъ отвѣчаетъ на вопросы: кто, что? кого, чего? кому, чему? Какимъ падежомъ выражается обращеніе одного предмета къ другому? Какой падежъ отвѣчаетъ на вопросы: кѣмъ, чѣмъ? Какой падежъ отвѣчаетъ въ русскомъ на вопросы: о комъ, о чемъ? въ комъ, ъ чемъ? Этотъ послѣдній падежъ имѣетъ въ латинскомъ языкѣ одинаковую форму съ

Библиотека "Руниверс"

творительнымъ падежемъ. Слѣдовательно, латинскій творительный падежъ отвѣчаетъ на вопросы: кѣмъ, чѣмъ? о комъ, о чемъ? въ комъ, въ чемъ? Сколько падежей мы насчитали въ латинскомъ языкѣ? Назовите ихъ! Какая разница между leo и leones, mus и mures? Сколько чиселъ различаемъ мы въ латинскомъ языкѣ? Обратите вниманіе на измѣненія слова leo! Не найдете ли какой-нибудь части этого слова, которая не измѣняется? Эта неизмѣняемая часть слова, leon, составляетъ, такъ-сказать, основаніе всѣхъ измѣненій и поэтому называется основою. Въ какихъ падежахъ выпало въ концѣ основы n? Что будетъ основою въ формахъ mus, murem, mures? Какая перемѣна произошла съ основою въ именительномъ падежѣ? Подобнымъ образомъ отдѣлимъ и въ словѣ dentibus основу отъ окончанія. Замѣтьте, что мы при этомъ разборѣ оставили безъ вниманія нѣкоторыя имена существительныя! Какія именно? Одинаковы ли въ этихъ именахъ существительныхъ окончанія падежей съ тѣми окончаніями, которыя мы видимъ при основахъ leon-, mur-, dent-? Какое заключеніе можно сдѣлать въ виду этой разницы въ окончаніяхъ? Нѣтъ ли того же и въ русскомъ языкѣ?"

Такимъ же приблизительно образомъ, съ соотвѣтствующими измѣненіями, сообщается ученикамъ измѣненіе глаголовъ по временамъ, лицамъ, числамъ, наклоненіямъ, залогамъ и видамъ, при чемъ говорится только о тѣхъ формахъ, которыя встрѣчались при разборѣ басни, такъ что, напримѣръ, 1-е лицо еще совсѣмъ не образуется, подобно тому, какъ при склоненіи совершенно были опущены родительный, дательный, винительный и звательный падежи множественнаго числа. Также, наконецъ, сообщаются правила, касающіяся именъ прилагательныхъ и согласованія ихъ съ существительными, и въ заключеніе дается масса фразъ, составленныхъ изъ словъ, встрѣчавшихся въ этой баснѣ, для перевода съ русскаго на латинскій языкъ.

Даже по этимъ отрывкамъ изъ разбора басни, представленнаго г. Дрбоглавомъ и занимающаго у него 22 печатныя страницы, видно, съ какою подробностью и основательностью онъ сдѣланъ, и дѣйствительно нельзя не согласиться, что авторъ разбора довелъ практическій методъ преподаванія до высокой степени совершенства. Тѣмъ не менѣе за самымъ этимъ методомъ нельзя не признать нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ. Прежде всего, разбросанность всего находящагося въ баснѣ матеріала, который, правда, затѣмъ приводится въ нѣкоторую систему, не кажется особенно удобною. Ученику приходится сразу имѣть дѣло и съ существительными, и

Библиотека "Руниверс"

съ прилагательными, и съ глаголами, притомъ разныхъ спряженій и въ различныхъ временахъ, и съ предлогами, и съ нарѣчіями, и съ мѣстоименіями, однимъ словомъ, со всѣми почти частями рѣчи, и осиливать еще при этомъ нѣкоторыя синтаксическія правила. Очень можетъ быть, что басня и заинтересуетъ учениковъ до нѣкоторой степени; но нельзя также сомнѣваться, что осилить весь этотъ матеріалъ для нихъ будетъ далеко не легкою задачей. Далѣе, слѣдуя совершенно вѣрному правилу, что при преподаваніи слѣдуетъ непремѣнно соблюдать постепенность, переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, мы не должны упускать изъ вида и другое, не менѣе важное правило, что такая же постепенность должна быть соблюдаема и при переходѣ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Между тѣмъ, что мы видимъ хотя бы изъ разбора басни: Leo et mus? Приходится начинать какъ разъ съ третьяго склоненія, которое представляетъ наибольшее число трудностей въ сравненіи съ прочими; начинать же приходится съ него весьма естественно по той причинѣ, что во всякой баснѣ больше всего будетъ существительныхъ 3-го склоненія, такъ какъ и вообще ихъ больше всего въ латинскомъ языкѣ. То же самое можно сказать и относительно глагола, въ которомъ сразу приходится знакомиться съ нѣсколькими временами и даже съ plusquamperfectum, которое ученикамъ не можетъ быть вполнѣ и понятно. Затѣмъ, при способѣ преподаванія, рекомендуемомъ г. Дрбоглавомъ, теряется въ значительной степени воспитательное и образовательное значеніе грамматики, какъ элементарной логики, такъ какъ она изучается такимъ образомъ не въ системѣ, а случайно и отрывочно; между тѣмъ строгая система при прохожденіи грамматики совершенно необходима чтобы лучше всего пріучить учащихся къ стройности и послѣдовательности выводовъ. Наконецъ,—и это, пожалуй, всего существеннѣе—методъ, предлагаемый г. Дрбоглавомъ, далеко еще не гарантируетъ успѣшности изученія латинскаго языка въ двухъ младшихъ классахъ, хотя, казалось бы, противъ такого возраженія говорятъ сами факты. Именно г. Дрбоглавъ велъ такимъ образомъ преподаваніе въ теченіе цѣлаго года и въ концѣ года (8-го мая) далъ пробный урокъ въ присутствіи окружнаго инспектора и коммиссіи, въ составѣ 38 членовъ. Успѣхъ былъ для всѣхъ поразительный. За годъ ученики успѣли пройдти 14 басенъ и усвоить себѣ до 900 словъ, а также пройдти всѣ наиболѣе существенныя грамматическія формы (правильныя); при этомъ количество пройденнаго не было нисколько въ ущербъ качеству. Но, является вопросъ: чему обязанъ г. Дрбоглавъ достигнутыми

Библиотека "Руниверс"

имъ результатами, своему ли методу, или же своему таланту, и не былъ ли бы успѣхъ при практикующемся обыкновенно способѣ преподаванія тотъ же, что̀ и при практиковавшемся въ данномъ случаѣ, конечно, ceteris paribus? Думаемъ, что на послѣдній вопросъ можно отвѣтить утвердительно, потому что, какъ видно изъ разбора басни Leo et mus, г. Дрбоглавъ, дѣйствительно, обладаетъ замѣчательнымъ преподавательскимъ талантомъ. Въ вѣрности нашего заключенія насъ убѣждаетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ Германіи, напримѣръ, практикуется способъ, именуемый грамматическимъ, и результаты, къ которымъ тамъ приходятъ, очень хороши. Объясняется это главнѣйше, независимо отъ лучшей подготовки учащихся по отечественному языку, лучшимъ во многихъ отношеніяхъ составомъ преподавателей и лучшими учебниками. При этомъ возникаетъ еще одинъ весьма важный вопросъ: на сколько всѣ преподаватели древнихъ языковъ, считая средній уровень, способны были бы вести преподаваніе такимъ практическимъ путемъ. Не надо упускать изъ виду, что г. Дрбоглавъ, какъ инспекторъ гимназіи, имѣетъ не больше 12 уроковъ и, слѣдовательно, бо́льшую половину своего времени можетъ посвятить занятіямъ съ первымъ классомъ, что̀ въ значительной мѣрѣ облегчаетъ трудную задачу всѣ встрѣтившіяся случайно правила приводить въ систему, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ о возможной постепенности и полнотѣ сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній. Совершенно въ иномъ положеніи находится большинство учителей, которые имѣютъ по 30 и больше уроковъ въ недѣлю: для нихъ, при прохожденіи грамматики въ безпорядкѣ, не такъ легко сосредоточиться на занятіяхъ въ первомъ классѣ, и вслѣдствіе того могутъ происходить промахи, которые отзовутся неблагопріятно на успѣхахъ учащихся.

Кромѣ этихъ общихъ и наиболѣе существенныхъ недостатковъ практическаго метода, можно указать еще на нѣкоторые частные и менѣе существенные. Напримѣръ, подобное веденіе дѣла почти не допускаетъ возможности пріема въ классъ въ серединѣ учебнаго года, если поступающій ученикъ учился до того по иной системѣ. Затѣмъ, со слабоуспѣвающими учениками не приходилось бы почти совсѣмъ заниматься, такъ какъ они гораздо ощутительнѣе тормозили бы своихъ товарищей, чѣмъ при грамматическомъ способѣ преподаванія и т. п.

Но мы все говоримъ о „грамматическомъ методѣ“, разумѣя подъ этимъ тотъ методъ, который практикуется нынѣ почти всѣми учителями, и для котораго написана бо́льшая часть существующихъ учеб-

Библиотека "Руниверс"

никовъ. Между тѣмъ, въ сущности ему также мало принадлежитъ это названіе, какъ и методу г. Дрбоглава. Чисто-грамматическій способъ преподаванія есть тотъ, при которомъ языкъ изучается посредствомъ предварительнаго ознакомленія съ грамматикой, то-есть, сначала заучиваются грамматическія правила, а потомъ уже подкрѣпляются различными примѣрами и утверждаются въ памяти съ помощью упражненій. Такой способъ преподаванія дѣйствительно имѣетъ для младшихъ классовъ ту нехорошую сторону, что требуетъ отъ учениковъ перваго класса, только что еще начинающихъ развиваться, умѣнія понимать отвлеченности, что, конечно, весьма трудно достижимо и порождаетъ какъ недостаточность успѣховъ, такъ и нѣкоторое отвращеніе къ предмету. Яснѣе всего это будетъ видно изъ примѣра. Скажите, напримѣръ, первоклассснику правило, что русскіе переходные глаголы, если имѣютъ при себѣ отрицаніе, управляютъ не винительнымъ, а родительнымъ падежомъ, тогда какъ по латыни тѣ же глаголы, не смотря на отрицаніе, требуютъ падежа винительнаго, и заставьте его перевести фразу: „Онъ не уважаетъ законовъ"; можно сказать навѣрно, что по крайней мѣрѣ половина учениковъ переведетъ „законовъ" родительнымъ падежомъ, и много придется толковать, чтобы заставить ихъ перевести вѣрно. При обратномъ способѣ, то-есть, если дать латинскую фразу, заставить ее перевести на русскій языкъ и сравнить, какая разница будетъ въ дополненіяхъ, чтобъ ученикъ самъ изъ даннаго частнаго случая вывелъ правило, можно съ такою же вѣрностью сказать, что бо́льшая часть усвоитъ себѣ это правило, и если противъ него и будутъ дѣлаться ошибки, то почти исключительно по невниманію. Такимъ образомъ, вошедшій нынѣ во всеобщее употребленіе способъ преподаванія древнихъ языковъ, который выше, въ отличіе отъ метода г. Дрбоглава, мы называли грамматическимъ, есть въ сущности практическій, но практическій и въ то же время систематическій, тогда какъ въ способѣ г. Дрбоглава мы не видимъ никакой системы. При немъ правила точно также выводятся изъ примѣровъ, отъ частнаго дѣлается переходъ къ общему, но преподаваніе ведется въ строгой системѣ, при которой не можетъ быть такихъ случаевъ, что ученику, не знающему еще перваго склоненія, будетъ предложено третье, или что мальчикъ, не умѣющій еще образовать первое лицо единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія дѣйствительнаго залога, станетъ спрягать inciderat, liberatus erat и т. п. Слѣдовательно, вопросъ весь въ томъ,

Библиотека "Руниверс"

что въ одномъ случаѣ преподаватель беретъ въ видѣ матеріала фразы, въ другомъ—басни. Въ пользу басенъ приводятъ, между прочимъ, тотъ аргументъ, что фразы, какъ не стоящія между собою ни въ какой связи, не могутъ заинтересовать учащихся и потому обременительны для нихъ. Если это и вѣрно, то только отчасти, потому что и басня, которую ученикъ уже знаетъ вдоль и поперекъ, по содержанію не можетъ быть для него интересна, а представляетъ лишь тотъ интересъ, что онъ изъ словъ и съ помощью выученныхъ имъ формъ можетъ образовать на новомъ языкѣ многоразличныя фразы, и что онъ самъ, руководимый учителемъ, изъ частныхъ случаевъ выводитъ общія правила. Но всѣми тѣми же свойствами обладаютъ и фразы, и совершенно отъ искусства преподавателя будетъ зависѣть разнообразить находящіеся въ учебникѣ примѣры. Противъ фразъ можно сказать по справедливости одно, что онѣ очень часто неудачно выбраны. Напримѣръ, такія фразы, какъ: Paris regnum Priami vetus evertit или Ariobarzanes nullum aerarium, nullum vectigal habet, не имѣютъ никакого смысла для первоклассника, который не всѣ собственныя имена и произнести можетъ, а тѣмъ менѣе запомнить ихъ. Необходимо было бы, чтобы подобныя упражненія были составлены болѣе примѣнительно къ возрасту, познаніямъ и понятіямъ учениковъ, такъ чтобы каждое слово фразы говорило имъ что-нибудь, чтобы со всякимъ словомъ они соединяли извѣстное представленіе. Для этого нѣтъ необходимости ограничиваться предметами видимаго міра, изъ отвлеченныхъ понятій вводить только такія, которыя доступны пониманію учениковъ. Мало ли можно найдти такихъ примѣровъ у древнихъ писателей, которые, выражая какую-нибудь вѣчную истину, вполнѣ понятны и десятилѣтнему мальчику? Но даже и этотъ недостатокъ существующихъ учебниковъ для практическаго преподаванія въ системѣ можетъ быть легко устраненъ разумнымъ выборомъ фразъ со стороны учителя. Выбирать же всегда есть изъ чего, потому что примѣровъ для перевода дается всегда почти больше, чѣмъ сколько ихъ можно перевести; такъ, напримѣръ, въ книгѣ упражненій Шульца-Ходобая добрая половина можетъ быть выкинута съ пользою для дѣла.

Такимъ образомъ, улучшеніе преподаванія латинскаго языка въ двухъ младшихъ классахъ сводилось бы къ улучшенію учебниковъ и преподавателей, независимо отъ высказаннаго уже прежде желанія, чтобъ ученики при поступленіи въ первый классъ были лучше знакомы съ грамматикой русскаго языка.

Библиотека "Руниверс"

Что касается до распредѣленія грамматическаго матеріала въ трехъ низшихъ классахъ, то коммиссія признала необходимымъ исключить изъ курса перваго класса всякія отступленія отъ правилъ, перенеся ихъ частью во второй, частью въ третій классы, и введя въ замѣнъ того, кромѣ проходимыхъ и нынѣ въ I-мъ классѣ формъ настоящаго времени обоихъ залоговъ всѣхъ четырехъ спряженій, еще imperfectum, perfectum и futurum I обоихъ же залоговъ. Съ разумностью этой мѣры нельзя не согласиться, такъ какъ множество исключеній, особенностей и неправильностей требуетъ не мало времени, обременяя память учащихся и путая ихъ, вслѣдствіе чего и замѣчается нерѣдкое явленіе, что они не знаютъ твердо обыкновенныхъ правильныхъ этимологическихъ формъ. Въ курсѣ втораго класса рѣшено было проходить пропущенное въ первомъ, но исключить всѣ глаголы недостаточные и безличные, проходя ихъ при случаѣ практическимъ образомъ. Въ третьемъ классѣ, наконецъ, курсъ по этимологіи оставленъ такой же, какой опредѣленъ учебными планами, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что отступающіе глаголы не будутъ составлять особаго предмета изученія и будутъ усвоиваться при чтеніи авторовъ. Съ послѣднимъ можно также согласиться, потому что отъ этого ущерба никакого произойдти не можетъ, а между тѣмъ можетъ быть выиграно не мало времени.

Такимъ образомъ въ третьемъ классѣ, какъ это и предположено учебными планами, заканчивался бы вполнѣ курсъ этимологіи, и далѣе надлежало бы приступить къ изученію синтаксиса. Но вопросъ: какъ его изучать? Многіе члены коммиссіи и тутъ держатся того мнѣнія, что практическій путь есть наилучшій, разумѣя подъ нимъ изученіе грамматики изъ древнихъ авторовъ, такъ чтобъ особыхъ уроковъ для грамматики совсѣмъ не назначалось, а всѣ грамматическія упражненія производились бы на урокахъ назначенныхъ для чтенія авторовъ, переводовъ съ русскаго и экстемпоралій.

Если при прохожденіи этимологіи въ младшихъ классахъ мы возставали противъ такого спорадическаго ея изученія главнѣйшимъ образомъ на томъ основаніи, что совершенно правильно, смѣемъ думать, придавали большое значеніе изученію формъ отдѣльныхъ словъ въ опредѣленной системѣ, признавая за такимъ способомъ большое воспитательное и образовательное значеніе,—то съ несравненно бо́льшимъ правомъ можно то же сказать относительно изученія синтаксиса, какъ потому, что самъ по себѣ синтаксисъ, объясняя взаимную связь частей предложенія и взаимное отношеніе предложеній между собой,

Библиотека "Руниверс"

занимается уже не отдѣльными формами словъ, а общими формами мысли и, слѣдовательно, еще болѣе пригоденъ при систематическомъ прохожденіи для развитія логическаго мышленія въ ученикахъ, такъ и потому, что и ученики старшихъ классовъ еще больше, чѣмъ первоклассники или второклассники, могутъ извлечь пользы изъ такого преподаванія этой, по выраженію Дж. Стюарта Милля, „элементарной логики". Неужели же все равно, что ученикъ узнаетъ только, что, напримѣръ, глаголъ φείδεσθαι по гречески требуетъ родительнаго падежа, или — что онъ будетъ знать, что этотъ глаголъ, означающій собственно „щадить", въ силу присущаго ему значенія „воздерживаться отъ чего-нибудь", то-есть, „удаляться отъ чего-нибудь въ нравственномъ смыслѣ", требуетъ родительнаго падежа, основное значеніе котораго и есть „отдѣленіе одного предмета отъ другаго", такъ-сказать, аблативное значеніе, изъ коего затѣмъ развилось значеніе „происхожденія", почему онъ и именуется родительнымъ? Разница слишкомъ очевидна, чтобы стоило еще распространяться на эту тему, а примѣровъ, подобныхъ вышеприведенному, можно найдти тысячи. Правда, при этомъ предполагалось приводить время отъ времени въ систему правила, выведенныя изъ читаемыхъ отрывковъ при случаѣ. Но откуда для этого взять времени, особенно если принять въ соображеніе, что отъ времени, назначеннаго для чтенія авторовъ, отнять ничего нельзя, такъ какъ и безъ того оно сильно замедлялось бы подобными грамматическими экскурсами, которые—надо еще прибавить,— были бы очень продолжительны, такъ какъ, по мысли коммиссіи, правила должны быть, по возможности, выводимы самими учениками. Далѣе, независимо отъ того, что изученіе синтаксиса такимъ образомъ потеряло бы отчасти свое значеніе, чтеніе авторовъ также не могло бы не пострадать отъ этого не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, такъ какъ произведенія ихъ въ значительной мѣрѣ играли бы роль средства для изученія грамматики, и при большой медленности чтенія, содержаніе читаемаго почти совершенно ускользало бы отъ вниманія учащихся. Нельзя не сочувствовать мысли при изученіи синтаксиса заставлять самихъ учениковъ работать какъ можно больше, наводя ихъ иногда на самостоятельный выводъ правилъ изъ данныхъ примѣровъ; но это одинаково возможно и при систематическомъ прохожденіи грамматики отдѣльно отъ чтенія авторовъ, при чемъ вполнѣ отъ искусства преподавателя будетъ зависѣть выбирать для такихъ примѣровъ мѣста уже читанныя въ классѣ, что могло бы съ одной стороны облегчить имъ вы-

Библиотека "Руниверс"

водъ правила, а съ другой—представить бо́льшій интересъ, такъ какъ фраза эта была бы имъ извѣстна и понятна въ общей связи. Должно впрочемъ замѣтить, что въ концѣ концовъ коммиссія относительно прохожденія синтаксиса рѣшила слѣдовать программамъ министерства, съ выдѣленіемъ особыхъ часовъ для грамматики.

Само собою разумѣется, что все сказанное здѣсь о преподаваніи синтаксиса относится въ одинаковой мѣрѣ какъ къ латинскому, такъ и къ греческому языку. Что же касается до этимологіи, то до сихъ поръ была рѣчь только о латинской. Но коммиссія предлагаетъ проходить греческую этимологію точно также, какъ и латинскую, начиная прямо съ басенъ. Въ пользу этого приводится то соображеніе, что теоретическое изученіе грамматики, гдѣ въ началѣ курса излагаются разныя свѣдѣнія изъ фонетики, затѣмъ идутъ правила о количествѣ, акцентуаціи, энклитикахъ, проклитикахъ, атонахъ и т. п., требуютъ отъ учениковъ одной лишь памяти, безъ участія какой-либо разсудочной дѣятельности. То же, но лишь въ меньшей мѣрѣ, признаетъ коммиссія и за изученіемъ склоненій и т. д. Но всѣ предварительныя правила изъ греческой этимологіи могутъ быть очень удобно перенесены къ концу курса 3-го класса, какъ это и было замѣчено въ коммиссіи, и можно начать прямо съ перваго склоненія, идя тѣмъ же практическимъ путемъ, какъ и при изученіи латинскаго языка въ первомъ классѣ, то-есть, путемъ вывода правилъ изъ фразъ.

Въ греческомъ языкѣ такой способъ представляетъ еще и то удобство сравнительно съ методомъ, при которомъ изученіе языка начинается съ басенъ, что если по латыни неудобно предлагать ученику сразу массу правильныхъ формъ, то вдвойнѣ неудобно предлагать по гречески такую же массу неправильныхъ, безъ чего нельзя обойдтись, такъ какъ едва ли можно найдти одну какую-либо греческую басню, въ которой не было бы неправильныхъ глаголовъ. Такъ напримѣръ, въ баснѣ, разобранной въ видѣ образца однимъ изъ членовъ коммиссіи, мы встрѣчаемъ: εἶχεν, εἶπεν, πεσών, συνέβη, θελήσας, λαβεῖν, и т. п., не говоря уже о глаголахъ на μι, слитныхъ и иныхъ, болѣе или менѣе отступающихъ отъ правильнаго спряженія чистыхъ глаголовъ. Кромѣ этой трудности, самый строй рѣчи въ баснях часто можетъ совершенно поставить въ тупикъ учащихся. Напримѣръ, въ баснѣ, разобранной въ коммиссіи, нравоученіе гласитъ: Ὁ μῦθος δηλοῖ, ὅτι μικροῖς οἱ μεγάλοι συγκοινωνοῦντες ἀμφότεροι σωθήσονται ἐν βίῳ, что подстрочно переведено: „Басня объясняетъ, что великіе (люди), содѣйствующіе малымъ (если содѣйствуютъ), будутъ спасены въ жизни и

Библиотека "Руниверс"

тѣ, и другіе" (?!). Что это значитъ? Въ скобкахъ поясняется: „какъ сами спасутся, такъ и другихъ спасутъ". Но почему это такъ, объ этомъ въ разборѣ нѣтъ ни слова, тогда какъ въ гимназическомъ ученіи то и важно, что на первомъ планѣ является вопросъ не „какъ?" а „почему?".

Что касается до чтенія авторовъ, то кромѣ общихъ замѣчаній относительно того, какъ слѣдуетъ вести его, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ правила, которыя были выработаны въ коммиссіи для комментированія читаемыхъ произведеній со стороны содержанія. Изъ общихъ замѣчаній укажемъ на нижеслѣдующія. Переводъ долженъ дѣлаться въ классѣ дословный и, по возможности, въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ слова и предложенія въ подлинникѣ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда конструкція подлинника совершенно не сходится съ конструкціей роднаго языка, кромѣ дословнаго перевода, долженъ дѣлаться еще второй, болѣе соотвѣтствующій духу русскаго языка, при чемъ полезно дѣлать и такъ-называемую конструкцію. На это позволимъ себѣ возразить, что, кромѣ дословнаго перевода, во всякомъ случаѣ долженъ дѣлаться еще другой, по возможности изящный и литературный, безъ всякихъ шероховатостей, которыя неизбѣжны при дословной передачѣ не только древнихъ авторовъ, но и современныхъ иностранныхъ писателей. Пользы отъ такихъ переводовъ можно ожидать, какъ для самого преподаванія древнихъ языковъ, такъ какъ такимъ образомъ учащіеся могутъ понимать всѣ красоты того отрывка, который они читаютъ, такъ и для русскаго языка, потому что ничто такъ не содѣйствуетъ умѣнью правильно говорить и писать на отечественномъ языкѣ, какъ образцовая передача латинскихъ и греческихъ авторовъ на родной языкъ учащихся; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Маколей, который по добнымъ именно упражненіями и объясняетъ способность Англичанъ легко владѣть перомъ. Весьма вѣрно было замѣчено въ коммиссіи, что при переводѣ не слѣдуетъ прерывать ученика, пока онъ не кончитъ переводить, какъ бы невѣрно онъ ни переводилъ, съ тою цѣлью, чтобы вызвать въ ученикахъ живое участіе къ переводу и дать имъ возможность обнаружить результаты своей домашней подготовки. Относительно встрѣчающихся незнакомыхъ словъ, совершенно правильно было высказано, что необходимо объяснять ихъ какъ въ томъ значеніи, въ которомъ они употреблены въ данномъ мѣстѣ, такъ и въ коренномъ значеніи, при чёмъ корни словъ наибо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе употребительныхъ могутъ быть сопоставляемы съ соотвѣтствующими корнями другихъ языковъ, изучаемыхъ въ гимназіяхъ.

Что же касается до объясненій со стороны содержанія, то они должны относиться къ географіи, политической исторіи, исторіи литературы, древностямъ, миѳологіи и философіи. Весь вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ размѣрахъ и какимъ образомъ должны быть сообщаемы ученикамъ подобныя предметныя свѣдѣнія, такъ какъ надо имѣть постоянно въ виду, что гимназіи не спеціальныя учебныя заведенія, готовящія странѣ филологовъ, но общеобразовательныя школы, имѣющія главнѣйшею цѣлью всестороннее развитіе учениковъ.

На первомъ планѣ, конечно, должно быть ознакомленіе съ страной того народа, быть котораго мы изучаемъ, такъ какъ отъ природы страны въ значительной мѣрѣ зависитъ и самое развитіе живущихъ въ ней людей. Но общее ознакомленіе съ географическимъ положеніемъ и географическими условіями той или другой страны—дѣло не столько преподавателя древнихъ языковъ, сколько преподавателей географіи и исторіи, которые могутъ оказать въ этомъ свое огромное содѣйствіе, особенно же учитель исторіи, который не только предпосылаетъ исторіи каждаго народа краткій географическій очеркъ, но имѣетъ всегда возможность при случаѣ познакомить учениковъ въ достаточной подробности съ планомъ той или иной мѣстности, объясняя, напримѣръ, ходъ какой-нибудь замѣчательной битвы. Само собою разумѣется, что и учитель древнихъ языковъ не преминетъ воспользоваться при чтеніи авторовъ случаемъ, чтобъ или повторить съ учениками уже извѣстное имъ изъ уроковъ исторіи и географіи, или дополнить ихъ свѣдѣнія по этой части и объяснить неизвѣстное для нихъ. Небезынтересно также познакомить учениковъ съ состояніемъ географіи у древнихъ, напримѣръ, съ тѣми географическими свѣдѣніями, которыя находятся у Гомера, съ представленіями Геродота о вселенной и т. п. Объемъ знанія древней географіи комиссія опредѣляетъ приблизительно такъ, чтобъ ученики четвертаго класса умѣли начертить древнюю Грецію и Италію съ горами, рѣками, морями, островами, политическими границами племенъ, жившихъ въ нихъ, и съ указаніемъ важнѣйшихъ городовъ. Для чтенія Цезаря необходимо, кромѣ того, знакомство съ тогдашнею Галліей, Германіей и Британніей, которое, впрочемъ, и пріобрѣтется во время самого чтенія, если оно будетъ ведено съ постоянными указаніями на карты. Въ пятомъ классѣ при чтеніи Гомера ученики могутъ познакомиться съ Гомеровскою географіей, а въ пятомъ и шестомъ—

Библиотека "Руниверс"

съ берегами Средиземнаго моря и съ Малою Азіей, то-есть, со странами, въ которыхъ происходили событія, разсказываемыя Виргиліемъ. При чтеніи Геродота свѣдѣнія эти надо пополнить еще свѣдѣніями о Египтѣ, Персіи и Скиѳіи. Само собою разумѣется, что планы такимъ центровъ древняго міра, какъ Аѳины, Римъ и Карѳагенъ, должны быть знакомы ученикамъ по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

Что касается до свѣдѣній по римскимъ и греческимъ древностямъ, то коммиссія считаетъ желательнымъ, чтобъ они сообщались, по возможности, въ связи съ читаемыми авторами, при чемъ, впрочемъ, были высказываемы также мнѣнія, что полное раздѣленіе матеріала такихъ свѣдѣній по содержанію читаемыхъ авторовъ представляетъ нѣкоторыя неудобства и затрудненія, такъ какъ при чтеніи почти каждаго изъ нихъ встрѣчаются мѣста, требующія сообщенія всѣхъ подобныхъ свѣдѣній. Въ виду этого предлагалось весь матеріалъ древностей распредѣлить по классамъ, сообразуясь не столько съ содержаніемъ авторовъ, сколько съ развитіемъ учащихся. При этомъ, говорилъ одинъ изъ членовъ,—хорошо было бы въ началѣ учебнаго года или полугодія, когда начинается чтеніе новаго автора, предварительно, въ видѣ введенія, передать ученикамъ ту часть матеріала изъ древностей, которая соотвѣтствуетъ развитію класса и имѣетъ отношеніе къ читаемому автору, а затѣмъ уже, при чтеніи, сообщать отрывочныя и болѣе подробныя свѣдѣнія, необходимыя для полнаго пониманія текста читаемаго автора. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, что подобныя общія обозрѣнія желательно было бы дѣлать не въ началѣ, а въ концѣ года или полугодія, такъ чтобы такія предметныя свѣдѣнія являлись результатомъ чтенія авторовъ и ихъ комментированія, и лишь въ особенныхъ случаяхъ можно было бы дѣлать изъ этого правила отступленія, когда, напримѣръ, предварительное знакомство съ какою-либо стороной жизни древнихъ является совершенно необходимымъ для полнаго уразумѣнія предполагаемаго къ чтенію сочиненія. Небезынтересно будетъ привести здѣсь и примѣрныя программы по древностямъ, представленныя въ коммиссію и заслужившія ея одобреніе. Именно, по греческимъ древностямъ въ пятомъ классѣ, гдѣ читаются Ксенофонтъ и Гомеръ, предположено было познакомить учащихся съ военнымъ бытомъ Грековъ по нижеслѣдующему плану:

1) Героическій періодъ. Вооруженіе: копье, панцырь, щитъ, шлемъ, мечъ, лукъ, колесница. Устройство войска: предводитель, войско,

Библиотека "Руниверс"

фаланга, πύργος, γέφυρα. Битва: πρόμαχοι, поединокъ, снятіе доспѣховъ. Сожиганіе и погребеніе убитыхъ. Добыча, припасы.

2) Классическій періодъ. Войско Ксенофонта. Войско Аѳинянъ. Наборъ. Обязанности гражданъ относительно военной службы. Метэки, какъ солдаты. Жалованье, провіантъ, время службы. Военныя упражненія. Военные чины: стратеги, таксіархи, лохаги, ураги, гиппархи. Роды войска: гоплиты, пельтасты, стрѣлки, пращники, всадники. Лагерь и обозъ. Собранія у солдатъ. Герольды и команды. Битва. Боевой порядокъ. Фаланга, лохи. Жертвоприношеніе передъ битвой. Лозунгъ, пэанъ, боевой крикъ. Атака шагомъ и бѣглымъ маршемъ. Бой копьями и мечами. Застрѣльщики. Убитые, раненые и военноплѣнные. Погребеніе убитыхъ. Трофеи. Наемныя войска. Ификратъ.

Въ VI-мъ классѣ, при чтеніи Ѳукидида [1]), ученики могли бы ознакомиться съ военнымъ устройствомъ у Спартанцевъ по слѣдующей приблизительно программѣ: Наборъ. Служба на границѣ Лакедемона. Періэки въ войскѣ. Илоты, какъ оруженосцы. Цари, предводители; ихъ гвардія. Раздѣленіе войска; конница. Военныя упражненія. Спартанское войско въ походѣ и въ лагерѣ. Битва и боевой порядокъ: атака и преслѣдованіе.

Въ VIII-мъ классѣ, наконецъ, знакомство съ военнымъ бытомъ Грековъ заканчивалось бы, въ связи съ чтеніемъ Демосѳена, ознакомленіемъ съ военнымъ устройствомъ Македонянъ. Именно: войско Филиппа и Александра: тяжеловооруженные, легковооруженные, и стрѣлки. Фаланга, χιλιαρχία, σύνταγμα. Гвардія царя. Вооруженіе войска, σάρισσα. Конница и большое ея значеніе. Жалованье. Обозъ и лагерь.

Съ домашнимъ бытомъ Грековъ коммиссія предполагаетъ ознакомить учениковъ въ VI-мъ классѣ при чтеніи Гомера и Плутарха, руководствуясь слѣдующею примѣрною программой: Устройство греческаго дома, украшенія его, убранство, домашняя утварь и посуда. Одежда мужчинъ и женщинъ. Пища и напитки. Пиры, игры, забавы. Рожденіе, свадьба, смерть. Хозяинъ и хозяйка дома. Положеніе женщины у Грековъ. Рабы и ихъ отношеніе къ хозяевамъ. Какъ велось хозяйство. Главные источники доходовъ и богатства. Дачи. Земледѣліе. Воспитаніе дѣтей, домашнее и внѣ дома. Средства къ образованію.

---

[1]) Предполагая, конечно, что онъ уже будетъ читаться въ этомъ классѣ; въ противномъ случаѣ, съ перенесеніемъ его въ другой классъ, и самая программа получила бы соотвѣтствующее измѣненіе.

Библиотека "Руниверс"

Школа, гимнастика, музыка. Учитель и ученики. Книги, библіотеки, книжное дѣло и книжная торговля. Монеты, мѣры и вѣса. Промыслы и торговля. Рынокъ, фабрики, ремесленники.

Свѣдѣнія по религіи и богослуженію предполагается сообщать ученикамъ въ V-мъ и VI-мъ классахъ, и именно:

1) Миѳологія. Сотвореніе міра изъ хаоса. Древнѣйшіе боги. Уранось, Кроносъ, Рея. Титаны и гиганты. Зевесъ, отецъ боговъ и людей. Олимпійскіе боги: Гера, Посейдонъ, Аполлонъ, Артемида, Аѳина, Гефестъ, Афродита, Аресй, Деметра, Гестія и Гермесъ. Мойра или судьба. Гадесъ и адъ. Описаніе ада. Церберъ, Стиксъ, Эливій и тартаръ. Діонисъ, Асклепій, музы, боги и богини полей, лѣсовъ и рѣкъ. Миѳы о Прометеѣ, Девкаліонѣ, Дедалѣ. Греческіе герои: Персей, Геракль, Ѳезей, Эдипъ, Аргонавты. Переселенцы въ Грецію: Кекропсъ, Кадмъ, Данай и Пелопсъ. Троя и герои Гомера.

2) Богослуженіе. Важнѣйшіе культы боговъ: Зевеса, Аполлона, Діониса. Оракулы и ихъ вліяніе на домашнюю и государственную жизнь Грековъ. Храмъ греческій и его отличительные признаки. Колонны ордена дорическаго, іоническаго, коринѳскаго. Крыша храма и ея части. Круглый храмъ; двойной храмъ; храмы, открытые сверху. Описаніе знаменитыхъ храмовъ: Парѳенона, Эрехѳеона, храма Зевеса въ Олимпіи, Артемиды въ Ефесѣ. Внутреннее устройство храма. Статуи боговъ. Жертвенники. Рощи вокругъ храмовъ. Елевзинскія мистеріи. Жертвоприношенія и обряды: принесеніе въ жертву животнаго, гекатомба, воскуреніе, возліяніе. Молитвы, пѣніе и музыка при жертвоприношеніи. Вѣнки, ленты и цвѣты. Жрецы и ихъ помощники, глашатаи, кадильщики и т. п. Одежда жрецовъ, ихъ доходы. Жертвоприношенія для гаданія. Гаданіе. Религіозные праздники.

Для ознакомленія съ государственнымъ бытомъ Грековъ, коммиссія остановилась на VII-мъ классѣ, въ которомъ читаются Ѳукидидъ и трагики [1]), и предлагаетъ слѣдующую программу:

1) Народная жизнь во время Гомера. Цари, ихъ права, вліяніе и сокровища. Подданные и народное собраніе.

2) Классическое время. Топографія Аѳинъ и Спарты. Государственный бытъ Спарты. Цари, геронты, эфоры, народное собраніе Спартіаты, періэки, илоты. Цѣль законодательства Ликурга. Отличительныя черты Спартанскаго управленія. Государственный бытъ Аѳинъ.

[1]) Въ гимназіяхъ другихъ округовъ эти авторы читаются въ VIII-мъ классѣ.

Библиотека "Руниверс"

Архонты. Народное собраніе. Выборы начальствующихъ лицъ и властей. Списки гражданъ. Метэки, ихъ права и обязанности. Правительственныя учрежденія. Совѣтъ. Литургіи. Ареопагъ: его вліяніе, авторитетъ и упадокъ. Уголовное и гражданское судопроизводство. Полиція. Флотъ Аѳинянъ—его важное значеніе для Аѳинъ. Пирей. Театръ. Планъ театра въ Аѳинахъ и части его. Представленія, актеры, хоръ, музыка и пѣніе. Публика временъ Перикла и охлократіи. Теорикон. Законодательство Солона, его цѣль. Сравненіе его съ законами Дракона. Отличительная черта законодательства Солона. Клисѳенъ.

Останавливаясь пока на этихъ программахъ, мы не можемъ не признать, что въ общемъ онѣ составлены довольно раціонально, и дѣйствительно, приспособлены къ полному уразумѣнію древнихъ авторовъ не только съ формальной стороны, но и со стороны содержанія. Но ни съ общею педагогическою постановкою дѣла, ни съ отдѣльными частностями изложенныхъ предположеній коммиссіи согласиться нельзя. Прежде всего, никакъ нельзя допустить, чтобы вмѣсто изученія языка и образцовыхъ произведеній классической древности центръ тяжести переносился на антикварное и археологическое изученіе древностей, а предлагаемыя программы для увлекающихся и неопытныхъ преподавателей могутъ послужить большимъ къ тому соблазномъ. Все-таки нужно помнить, что мы изучаемъ древній міръ — особенно въ гимназіяхъ — не ради его самаго, а ради того, что̀ въ немъ есть общечеловѣческаго, ради того, что̀ въ немъ, то-есть, въ греческой и римской литературахъ, коренятся начала всего европейскаго образованія и развитія—въ области науки, философіи, права. Не слѣдуетъ слишкомъ далеко отходить отъ ближайшей цѣли, и всячески должно стараться держать учениковъ въ непосредственномъ и живомъ общеніи съ самими авторами, въ которыхъ заключается все—здравыя или даже высокія идеи, прекрасное ихъ выраженіе, любопытные и важные факты политической жизни, общественнаго быта. Въ сущности всѣ подробности домашняго или даже военнаго быта Грековъ и Римлянъ сами по себѣ имѣли бы весьма мало значенія въ системѣ общаго образованія, если бы намеки на нихъ не встрѣчались постоянно въ произведеніяхъ литературныхъ, имѣющихъ гораздо болѣе общее и высшее содержаніе. Подробности эти нужны въ гимназіи на столько, на сколько безъ нихъ нельзя обойдтись для пониманія читаемаго; но самостоятельной важности онѣ тутъ не имѣютъ, а потому и не слѣдуетъ посвящать имъ какихъ-то особенныхъ курсовъ. Въ част-

Библиотека "Руниверс"

ности, знакомство съ государственнымъ бытомъ Грековъ есть дѣло прежде всего учителя исторіи, который не можетъ обойдтись безъ сообщенія учащимся свѣдѣній по внутренней исторіи каждаго государства, такъ что преподаватели древнихъ языковъ смѣло могутъ при чтеніи авторовъ предполагать важнѣйшія свѣдѣнія по государственнымъ древностямъ уже извѣстными ученикамъ и только изрѣдка дополнять ихъ, когда того потребуетъ читаемое произведеніе. Далѣе, неумѣстнымъ кажется намъ вводить въ этотъ курсъ все, касающееся театра, исключая, конечно, самыхъ краткихъ свѣдѣній о значеніи его у Аѳинянъ, такъ какъ только это ближайшимъ образомъ относится къ дѣлу. Затѣмъ все остальное должно быть отнесено къ чтенію драматическихъ произведеній и служить къ нему введеніемъ, отъ чего самыя свѣдѣнія эти получатъ для учениковъ бо̀льшій смыслъ и интересъ и займутъ дѣйствительно подобающее имъ мѣсто. Можно было бы также возразить противъ излишней подробности въ курсѣ, намѣченномъ для военныхъ и богослужебныхъ древностей. Впрочемъ, какъ эти программы, такъ и всѣ остальныя, комиссія предлагаетъ только въ видѣ примѣрныхъ, совершенно предоставляя самимъ преподавателямъ сокращать и измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію.

По исторіи греческой литературы комиссія предлагаетъ такую программу: 1) Эпическая поэзія: Гомеръ и Гезіодъ; 2) Лирическая поэзія. Дифирамбъ, элегія, мелосъ, гимны. 3) Драматическая поэзія. Происхожденіе драмы. Трагедія, комедія, сатира. Ѳесписъ, Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ. Древняя, средняя и новая комедія. 4) Литература прозаическая. Историки: Гекатей, Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ. 5) Краснорѣчіе. Большое вліяніе слова на Грековъ. Уваженіе къ ораторамъ уже въ древности. Несторъ, Одиссей. Эпоха высшаго развитія ораторскаго искусства. Периклъ, Лисій, Исократъ, Демосѳенъ, Эсхинъ.

Весь этотъ курсъ по исторіи греческой литературы отнесенъ къ VIII-му классу. Очевидно, что этимъ комиссія хотѣла только выразить, что въ VIII-мъ классѣ должно быть удѣлено нѣсколько уроковъ для повторенія, дополненія и приведенія въ систему свѣдѣній уже сообщенныхъ прежде учащимся въ видѣ введенія къ читавшимся авторамъ, что̀, какъ извѣстно, требуется учебными планами министерства. Не подлежитъ также сомнѣнію, хотя это и не выражено, что главное вниманіе должно быть обращено на тѣхъ именно авторовъ, которые были читаемы, при чемъ остальные являются или связующимъ звеномъ въ общемъ очеркѣ, или же служатъ для болѣе близ-

Библиотека "Руниверс"

каго знакомства съ тѣмъ или другимъ родомъ литературныхъ произведеній и болѣе яснаго представленія о немъ. Первенствующее мѣсто, конечно, какъ это и было высказано въ коммиссіи, должно быть дано трагедіи, какъ высочайшему произведенію генія древности, имѣвшей наибольшее прямое вліяніе на современную литературу.

Изъ дисциплинъ, касающихся римской жизни, коммиссія признала полезнымъ ознакомить учениковъ IV-го класса, гдѣ уже начинается чтеніе Цезаря, съ военными древностями, предлагая въ видѣ примѣрной программы слѣдующій курсъ:

Составъ римскаго войска до Марія. Реформы Марія. Устройство римскаго войска. Боевой строй. Вооруженіе и одежда у пѣхоты, конницы, союзниковъ и вспомогательныхъ войскъ. Багажъ и ноша. Знамена и значки. Военная музыка. Военные чины. Дисциплина и награды солдатъ. Тріумфъ и овація. Устройство лагеря. Разные виды осады. Осадныя и метательныя машины.

Въ пятомъ классѣ, гдѣ проходится, послѣ краткаго эпизодическаго курса, древняя исторія съ бо́льшими подробностями, ученики знакомятся съ государственными древностями.

I. Время царей: 1) Составъ древнѣйшаго римскаго государства: tribus, curiae, gentes; liberi, servi; cives, peregrini, latini; patroni, clientes; patricii, plebei; 2) Реформы Сервія Туллія; 3) Высшія государственныя власти: rex, senatus, comitia (calata, curiata, centuriata, tributa).

II. Время республики: 1) Magistratus: a) ordinarii: consul, praetor, censor, aedilis, quaestor, tribunus plebis; б) extraordinarii: dictator, magister equitum, interrex, tribuni militum consulari potestate; 2) senatus; 3) comitia centuriata, tributa, curiata; 4) Управленіе римскимъ государствомъ: municipia, coloniae, civitates foederatae; 5) Римскія провинціи; ихъ устройство и управленіе ими.

III. Время императоровъ; Imperator и его власть. Magistratus; senatus; comitia.

Относительно предлагаемаго здѣсь курса римскихъ государственныхъ древностей можно сказать то же, что́ выше было сказано о греческихъ, именно, что курсъ этотъ долженъ быть пройденъ на урокахъ исторіи, такъ какъ иначе онъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ ближайшую связь съ читаемыми авторами (Саллюстій и Овидій), и что затѣмъ преподавателю латинскаго языка должно быть предоставлено право дополнять свѣдѣнія, сообщенныя на урокахъ

Библиотека "Руниверс"

исторіи, пользуясь представляющимися для того случаями во всѣхъ слѣдующихъ классахъ.

Въ VI-мъ классѣ предположенъ къ прохожденію курсъ юридическихъ древностей въ слѣдующемъ объемѣ:

Lex et ius. Ius civile, ius privatum, ius publicum, ius sacrum, ius gentium, ius naturae. Iudicia: iudicium privatum, iudicium populi, iudicium publicum. Quaestiones perpetuae. Самый краткій очеркъ судопроизводства по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Iudices, advocati, patroni. Законодательная дѣятельность императора Юстиніана. Corpus iuris и его составныя части: codex, digesta, institutiones, novellae.

Въ этой программѣ мы находимъ довольно много лишняго: учащимся едва ли нужно для пониманія читаемыхъ въ классѣ рѣчей знакомство со всякимъ правомъ или со всѣми судами. Поэтому казалось бы достаточнымъ ознакомить ихъ только съ тѣми родами судовъ и съ тѣмъ правомъ, кои относятся къ читаемой рѣчи. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки желательно дать учащимся общее понятіе о юридическомъ бытѣ Римлянъ; но это удобнѣе было бы сдѣлать уже въ VIII-мъ классѣ или въ концѣ VII-го (въ которомъ чтеніе рѣчей Цицерона заканчивается), въ видѣ повторительнаго курса всѣхъ свѣдѣній, сообщенныхъ по этому предмету въ предыдущіе два года, при чемъ, понятно, придется дѣлать кое-какія дополненія. Въ пользу такого перенесенія этого обозрительнаго курса говоритъ и то обстоятельство, что въ VI-мъ классѣ ученики и безъ того уже знакомятся вновь со спартанскимъ военнымъ бытомъ, съ греческими частными древностями и миѳологіей и съ греческими же богослужебными древностями. При этомъ коммиссія совершенно правильно признала полезнымъ свѣдѣнія по римской миѳологіи соединить съ преподаваніемъ греческой миѳологіи, съ необходимыми дополненіями по римскимъ богослужебнымъ древностямъ, въ слѣдующихъ приблизительно размѣрахъ: Устройство римскихъ храмовъ. Молитвы и жертвоприношенія. Жрецы: pontifices, augures, salii, fetiales, vestales. Положеніе и значеніе жрецовъ. Погребальные обряды. Разные виды предсказаній. Праздники и игры. Устройство цирка, театра и амфитеатра. Игры въ циркѣ, театрѣ и амфитеатрѣ. Гладіаторы. Актеры; сценическое искусство.

Равнымъ образомъ и свѣдѣнія, касающіяся домашняго быта Римлянъ, которыя коммиссія предполагаетъ сообщать учащимся въ VII-мъ классѣ, слѣдовало бы отнести къ VIII-му классу, какъ потому, что, по высказанному выше предположенію, въ VII-мъ классѣ проходились

Библиотека "Руниверс"

бы юридическія древности, такъ и потому, что въ VIII-мъ классѣ свѣдѣнія эти можно было бы привести въ ближайшую связь съ читаемымъ въ этомъ классѣ Горацiемъ, для пониманія котораго необходимо систематическое изложеніе домашнихъ древностей. Программу этого курса коммиссія опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: Города, деревни и дачи. Устройство римскаго дома. Убранство римскаго дома. Освѣщеніе. Домашняя посуда. Одежда и обувь. Пища и напитки. Обѣды и пиры. Игра въ кости, бабки, мячикъ. Купаніе, бани, минеральныя воды. Какъ опредѣлялось время дня и ночи. Календарь. Характеръ римской семьи. Patria potestas. Положеніе римской женщины. Бракъ и способы заключенія брака. Римскія имена: nomen, praenomen, cognomen, nomen gentile, agnomen. Воспитаніе дѣтей въ родительскомъ домѣ. Школы въ Римѣ. Предметы преподаванія. Школьная дисциплина. Положеніе учителей. Высшее образованіе. Книжное дѣло. Письменные приборы. Переписка книгъ. Цѣны книгамъ. Библіотеки публичныя и частныя. Книжные магазины. Рабы. Происхожденіе рабства и положеніе рабовъ. Занятія рабовъ государственныхъ и частныхъ. Освобожденіе отъ рабства. Ремесленники и ремесла. Мореплаваніе и корабли. Торговля. Деньги и мѣра.

Съ исторіей римской литературы предположено познакомить учениковъ въ VIII-мъ классѣ, при чемъ въ VII-мъ уже имъ были бы сообщены передъ чтеніемъ Ливія свѣдѣнія объ исторіографіи у Римлянъ до Ливія, а въ VIII-мъ—передъ чтеніемъ Горація о сатирѣ у Римлянъ до Горація, а передъ чтеніемъ Цицерона о риторикѣ и ораторахъ у Римлянъ. Затѣмъ уже въ концѣ курса былъ бы сдѣланъ краткій очеркъ литературы золотаго вѣка.

Наконецъ, коммиссія высказалась и за то, чтобъ учащимся былъ сообщаемъ краткій очеркъ исторіи древней философіи, на сколько онъ необходимъ при чтеніи Платона и Цицерона; при этомъ коммиссія руководствовалась желаніемъ сдѣлать чтеніе философскихъ сочиненій не безплоднымъ и относительно содержанія. По мнѣнію коммиссіи, при чтеніи Платона совершенно необходимо познакомить учениковъ со всею его философскою системой, дабы читаемое сочиненіе не представлялось уму учащагося обрывкомъ, а членомъ одного органическаго цѣлаго, болѣе подробнымъ развитіемъ одного какого-либо пункта философіи Платона. Но этого мало: во всѣхъ діалогахъ Платона Сократъ играетъ такую выдающуюся роль, и самая философія Платона такъ близко связана съ философіей Сократа, что не менѣе необходимымъ является познакомить учени-

Библиотека "Руниверс"

ковъ и съ сею послѣднею. Но и такое знакомство было бы недостаточно, еслибы не было сообщено ученикамъ, какое положеніе философемы Сократа и Платона занимаютъ въ исторіи древней философіи, иными словами — необходимо связать эти философемы съ предыдущимъ и послѣдующимъ движеніемъ философской мысли въ Греціи. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, г. Мартыновскій, разработавшій съ большою обстоятельностью вопросъ о томъ, что именно должно быть сообщено въ гимназіи по исторіи философіи, предлагаетъ начать съ Милетской школы, чтобы перейдти затѣмъ къ Пивагорейской и Элеатской, къ Гераклиту, Эмпедоклу, атомистамъ и Анаксагору. Такимъ образомъ, по замѣчанію г. Мартыновскаго, ученики поймутъ, что философская мысль въ разныхъ частяхъ Греціи стремилась къ той же цѣли, къ разрѣшенію одного вопроса: какая основа всего сущаго, въ чемъ состоитъ сущность бытія? Наконецъ, когда Аѳины сдѣлались центромъ образованности, тамъ впервые встрѣтились разнообразныя философскія мнѣнія по одному и тому же вопросу; изъ этого уже было ясно, что истина еще не найдена; отсюда помощью скачка пессимисты провозгласили, что истина вообще недостижима, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Этими скептиками и были софисты, противъ которыхъ выступилъ Сократъ, отвергшій недосягаемость истины, но обратившійся для отысканія ея отъ внѣшняго міра къ міру внутреннему, къ основамъ человѣческой души, такъ какъ въ ней хранятся всѣ знанія, доступныя человѣческому постиженію. Но если это такъ, то является вопросъ: откуда они въ ней взялись; а отвѣтъ на этотъ вопросъ и есть исходный пунктъ философіи Платона. Не останавливаясь на этомъ, г. Мартыновскій предлагаетъ познакомить въ самомъ сжатомъ видѣ съ сущностью ученія Аристотеля и закончить очеркъ исторіи философіи въ Греціи скептицизмомъ Пиррона, предоставивъ дальнѣйшее изложеніе исторіи философіи преподавателю латинскаго языка при чтеніи философскихъ сочиненій Цицерона. Прй этомъ, какъ говоритъ г. Мартыновскій,—начать можно со времени послѣ Пиррона, именно съ эпикуреизма, чтобы перейдти затѣмъ къ стоицизму и закончить новою академіей, доведя учениковъ до Александрійскаго періода древней философіи, то-есть, до времени ея полнаго упадка. Въ пользу этого курса говоритъ то, что философія Цицерона воспиталась именно на этихъ трехъ школахъ, которыя поэтому и должны быть приведены въ ближайшую связь. Все это прекрасно; но тутъ опять представляется та опасность, что ради очерка исторіи древней философіи, долженствующаго служить вве-

Библиотека "Руниверс"

деніемъ въ чтеніи Платона и Цицерона, либо совсѣмъ не останется времени для самаго чтенія этихъ авторовъ, либо останется его слишкомъ мало. Еще было бы печальнѣе—а возможно и это,—если бы вмѣсто изученія хотя бы одного или двухъ діалоговъ Платона, введеніе послужило только предлогомъ для широковѣщательныхъ, а пожалуй, и незрѣлыхъ разсужденій мнимо-философскаго характера. Что касается до времени, потребнаго для прохожденія даже бѣглаго очерка исторіи философіи, то г. Мартыновскій разчитываетъ приблизительно, что для греческой философіи нужно было бы удѣлить часовъ 15, для римской же—10. Это совсѣмъ не мало, и даже у того, кто въ принципѣ будетъ согласенъ съ требованіемъ, дальнѣйшая вторая мысль будетъ та, не представится ли возможности свести предлагаемое введеніе къ болѣе умѣреннымъ размѣрамъ, сокративъ до возможнаго минимума изложеніе до-Сократовской философіи.

Такимъ образомъ нами разобраны въ существеннѣйшихъ чертахъ сужденія коммиссіи о преподаваніи грамматики и чтеніи авторовъ. Но при этомъ мы не касались еще вопроса о практическихъ упражненіяхъ при прохожденіи грамматики, о заучиваніи словъ, о заучиваніи наизусть, о повтореніи и другихъ частяхъ преподаванія, которыя, несомнѣнно, требуютъ улучшенія, какъ то и признано коммиссіей.

По первому изъ этихъ вопросовъ—о практическихъ упражненіяхъ учениковъ на проходимыя грамматическія правила, коммиссія рѣшительно высказалась въ пользу выбора для нихъ связныхъ статей, а не отрывочныхъ фразъ. Дѣло идетъ, конечно, о переводахъ съ русскаго языка на древніе, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ. При этомъ коммиссія находитъ, что составленіе разказовъ какъ для устныхъ, такъ и для письменныхъ переводовъ, возможно по латинскому языку уже въ третьемъ классѣ, гдѣ программами министерства полагается чтеніе жизнеописаній Корнелія Непота или басенъ Федра, и даже во второмъ полугодіи втораго класса, такъ какъ тамъ ученикамъ уже извѣстны правила объ употребленіи сослагательнаго наклоненія, accusativus и nominativus cum infinitivo, ablativus absolutus, gerundium, supinum и пр., дающія возможность составлять связныя статьи; для греческаго же эти упражненія, по мнѣнію коммиссіи, возможны въ четвертомъ классѣ, такъ какъ въ немъ начинается чтеніе Ксенофонта. Предпочтительность такого способа веденія практическихъ упражненій коммиссія совершенно справедливо усматриваетъ, какъ въ сравнительной занимательности для учениковъ связ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ статей, такъ и въ томъ, что такимъ способомъ легче всего привести въ связь съ грамматическими упражненіями читаемаго въ классѣ автора. Для этой цѣли рекомендуются прежде всего обратные переводы; но, смѣемъ думать, давать въ началѣ дословный переводъ, какъ было высказано въ коммиссіи, не представляется необходимымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ работать приходилось бы только памятью, а соображеніе оставалось бы безъ всякаго упражненія, не говоря уже о томъ, что такого рода обратный переводъ не могъ бы служить въ то же время упражненіемъ на грамматическія правила. Въ виду этого совершенно необходимо, давая русскій переводъ изъ читаемаго въ классѣ автора, дѣлать соотвѣтствующія измѣненія сообразно грамматическимъ потребностямъ. Благодаря тому ученики будутъ вынуждены внимательнѣе относиться къ тексту читаемыхъ ими произведеній, но не будутъ лишены и необходимыхъ для соображенія упражненій. Нельзя, впрочемъ, не прибавить еще, что упражненія не должны находиться исключительно въ связи съ тѣмъ, что читается въ классѣ, такъ какъ, вопервыхъ, это не всегда способствуетъ стилистическому развитію письменныхъ упражненій учениковъ, въ виду того, что въ гимназіи читаются и такіе авторы, какъ напримѣръ, Саллюстій, и вовторыхъ, могло бы служить помѣхой въ чисто-грамматическихъ упражненіяхъ, ибо не всегда и возможно текстъ читаемаго автора переработать на столько, чтобъ онъ служилъ упражненіемъ на такія-то и такія-то правила грамматики. Съ этою цѣлью полезно было бы время отъ времени, хотя при чтеніи по какому-либо изъ древнихъ языковъ одного только поэтическаго произведенія, заниматься переводами съ русскаго языка на древніе совершенно самостоятельныхъ отдѣльныхъ статей.

Что касается спеціально до письменныхъ работъ, такъ-называемыхъ экстемпоралій, то коммиссія, раздѣляя ихъ на два рода: письменный переводъ на древніе языки диктуемаго учителемъ русскаго текста безъ записыванія текста (собственныя extemporalia) и переводъ, дѣлаемый съ записаннаго подъ диктовку учителя русскаго текста—находитъ, что въ трехъ высшихъ классахъ экстемпораліи должны быть исключительно перваго рода. Не думаемъ, чтобъ это было вполнѣ правильно. Нельзя, конечно, отрицать огромную пользу и даже необходимость такихъ упражненій, такъ какъ они лучше всего пріучаютъ къ быстрому соображенію и къ умѣнію скоро подыскивать соотвѣтствующія слова для выраженія извѣстной мысли,—качества, столь дорого цѣнимыя во всякомъ человѣкѣ и имѣющія принести

Библиотека "Руниверс"

несравненную пользу учащимся на всѣхъ ихъ будущихъ житейскихъ поприщахъ; но не надо лишать учениковъ и такихъ упражненій, гдѣ они могутъ выказать свои познанія основательнымъ и подробнымъ, доходящимъ иногда до тонкости, вниканіемъ въ предложенный текстъ. А такими-то упражненіями и могутъ служить экстемпораліи втораго рода. Не надо также учениковъ менѣе способныхъ и менѣе скоро соображающихъ лишать возможности выказать передъ учителемъ свое умѣніе замѣнить недостатокъ природнаго дарованія усидчивостью работы и внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Такимъ образомъ, оба эти рода письменныхъ классныхъ упражненій должны имѣть мѣсто въ школьномъ преподаваніи, при чемъ однако предпочтеніе, конечно, можетъ быть отдано первому.

Что касается домашнихъ письменныхъ работъ, то въ этомъ отношеніи коммиссія идетъ въ своихъ предположеніяхъ весьма далеко; не ограничиваясь только переводами, она предлагаетъ задавать ученикамъ даже сочиненія на латинскомъ языкѣ, и не только описательныя, но и разсужденія. Въ пользѣ этихъ сочиненій можно однако сильно сомнѣваться. Вопервыхъ, когда ученикъ принужденъ будетъ писать по латыни, онъ волей-неволей будетъ предоставленъ тому запасу словъ, который пріобрѣлъ во время ученія; а такъ какъ запасъ этотъ не можетъ быть достаточенъ для выраженія всѣхъ мыслей, то онъ будетъ сокращать этотъ кругъ мыслей, приноравливая его къ извѣстнымъ ему выраженіямъ, или же ударится во фразерство и наговоритъ кучу не нужныхъ, цвѣтистыхъ фразъ потому только, что онѣ извѣстны ему. Другое дѣло, если бы сочиненія эти ограничивались письменнымъ самостоятельнымъ пересказомъ прочитаннаго изъ какого-либо автора. Такое упражненіе, не стѣсняя учениковъ въ подыскиваніи подходящихъ словъ, имѣло бы значеніе повторенія прочитаннаго и служило бы упражненіемъ въ передачѣ чужихъ мыслей другими словами, давая вмѣстѣ съ тѣмъ случай пользоваться извѣстными уже грамматическими правилами; но, во всякомъ случаѣ, и такія работы должны бы быть задаваемы въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Для заучиванія словъ коммиссія находитъ наиболѣе удобными извѣстныя вокабуляріи Пертеса [1]), гдѣ слова приводятся большею частью по грамматическому окончанію съ различеніемъ primitiva, которыя должны быть заучиваемы наизусть, и derivata, которыя

[1]) См. о нихъ статью *А. Г-скаго* въ майской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1877 годъ.

Библиотека "Руниверс"

предназначаются только для чтенія, и гдѣ они непосредственно примыкаютъ къ читаемому отрывку. Такихъ вокабуляріевъ Пертесъ издалъ не мало и даже составилъ для Bellum Gallicum Цезаря [2]). Но едва ли можно имъ сочувствовать, такъ какъ, благодаря имъ, учащіеся не должны пріискивать неизвѣстныхъ словъ въ словарѣ и подбирать подходящее значеніе, а имѣютъ уже прямо готовый переводъ слова въ данномъ значеніи. Для перваго, и даже пожалуй, для втораго класса, это еще можетъ быть допущено, но отнюдь не для пятаго, такъ какъ подобное подбираніе подходящаго значенія упражняетъ въ значительной мѣрѣ сообразительность учениковъ, пріучаетъ ихъ къ самостоятельности и даже способствуетъ самому запоминанію слова.

Совершенно справедливо коммиссія видитъ въ заучиваніи наизусть отрывковъ изъ читаемыхъ авторовъ одно изъ важныхъ средствъ къ поднятію преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что выучиваемый наизусть отрывокъ долженъ быть самымъ подробнымъ и самымъ основательнымъ образомъ разученъ предварительно въ классѣ со всѣхъ сторонъ, такъ чтобы былъ вполнѣ понятенъ ученикамъ. Не менѣе важно, чтобъ онъ заслуживалъ того разучиванія и по содержанію, и по формѣ. Польза отъ такого упражненія очевидна, такъ какъ имъ прежде всего изощряется память, играющая столь важную роль во всякомъ знаніи человѣческомъ; затѣмъ, все, выученное наизусть, дѣлаясь, такъ-сказать, достояніемъ ученика, заставляетъ его еще больше вникать въ красоты читаемаго автора и понимать ихъ. Учить наизусть нужно преимущественно отрывки изъ поэтическихъ произведеній. Что же касается до количества того, что должно быть выучено наизусть, то коммиссія, предполагая начать разучиваніе текстовъ наизусть съ перваго класса, опредѣлила для этого класса минимумъ въ 100 печатныхъ строкъ, съ тѣмъ, чтобы количество это постепенно увеличивалось сообразно съ возрастомъ учащихся.

Небезынтересны также и тѣ постановленія, къ которымъ пришла коммиссія по вопросу о повтореніи пройденнаго. Исходя изъ того, что при новой системѣ экзаменовъ, требующей отъ учениковъ знанія предмета не въ извѣстные сроки, а во всякое время года, повторенія должны быть постоянными, коммиссія совершенно справедливо находитъ, что для достиженія этой цѣли нужно привести по-

[2]) Послѣдній вокабулярій уже появился въ русскомъ переводѣ директора 2-й Тифлисской гимназіи г. А. Лилова.

Библиотека "Руниверс"

вторѐніе въ связь съ самимъ преподаваніемъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ условій облегченія повторенія является хорошее запоминаніе того, что̀ было выучено въ первый разъ; хорошему же запоминанію больше всего содѣйствуетъ сила впечатлѣнія, оставляемая въ учащемся изучаемымъ предметомъ; а сила эта бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше чувствъ (напримѣръ, слухъ, зрѣніе и т. п.) принимаютъ участіе въ воспріятіи впечатлѣнія, чѣмъ сильнѣе возбуждается интересъ къ предмету обученія и чѣмъ больше будетъ сосредоточено на немъ вниманіе. Второе условіе прочнаго запоминанія заключается въ установленіи связи между новыми впечатлѣніями съ прежними, однородными. Для этого прежнія впечатлѣнія должны быть возстановляемы въ памяти въ первоначальной силѣ (что̀ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и повторѐніемъ), затѣмъ должны быть сопоставляемы съ новыми представленіями и закрѣпляемы съ ними въ возможно большемъ числѣ сходныхъ пунктовъ чтобы связь, еслибы она исчезла изъ памяти въ одномъ пунктѣ, оставалась бы все-таки въ остальныхъ. Такимъ образомъ, повторѐніе было бы постояннымъ, входя въ преподаваніе въ качествѣ составнаго элемента. Само собою понятно, что въ младшихъ классахъ, гдѣ память учениковъ еще не успѣла вполнѣ окрѣпнуть, повторенія должны быть и чаще и старательнѣе.

Какъ на одинъ изъ способовъ улучшить результаты, достигаемые преподаваніемъ древнихъ языковъ, комиссія совершенно справедливо указываетъ на введеніе единства въ преподаваніи предметовъ гимназическаго курса, имѣя въ данномъ случаѣ въ виду прежде всего приведѐніе въ связь преподаванія древнихъ языковъ съ сопредѣльными имъ предметами, именно съ отечественнымъ языкомъ, новыми иностранными языками, исторіей, русскою словесностью. Несомнѣнна истина, что всякій предметъ лучше всего познается путемъ сравненія, особенно если одинъ изъ сравниваемыхъ предметовъ достаточно хорошо извѣстенъ ученикамъ. Нельзя сказать, чтобъ этимъ и нынѣ вполнѣ пренебрегали преподаватели древнихъ языковъ, такъ какъ, напримѣръ, безъ сравненія съ русскимъ языкомъ ни одинъ учитель въ низшихъ классахъ не можетъ обойдтись; но желательно было бы, чтобы сравненія эти дѣлались чаще и не ограничивались лишь отечественнымъ языкомъ, а захватывали бы возможно чаще и новые языки. Преподаваніе отъ этого много выиграло бы и получило бы не малое оживленіе, не говоря уже о той пользѣ, которую ученики извлекли бы изъ такихъ сравненій и сопоставленій при изученіи новыхъ языковъ.

Библиотека "Руниверс"

Но опять-таки едва ли желательно и соотвѣтственно цѣли гимназическаго преподаванія дѣлать изъ этихъ сравненій, имѣющихъ главнѣйше облегчить пониманіе учениками различныхъ грамматическихъ правилъ и содѣйствовать ихъ лучшему запоминанію,—какъ предлагаютъ нѣкоторые члены коммиссіи — особый курсъ сравнительной грамматики языковъ, въ основу которыхъ были бы положены языки русскій и древне-славянскій. Сравнительная грамматика, имѣя въ своемъ основаніи науку сравнительнаго языкознанія, есть дѣло высшаго образованія и чисто-филологическая дисциплина, въ гимназіи уже потому не мыслимая, что и само сравнительное языкознаніе далеко еще не установилось какъ наука и до сихъ поръ гораздо больше поставило вопросовъ, чѣмъ дало отвѣтовъ.

Что касается до исторіи, то пунктами сближенія между нею и древними языками служитъ, конечно, исторія Грековъ и Римлянъ, проходимая въ III-мъ, V-мъ и VIII-мъ классахъ, съ одной стороны, и съ другой—читаемые на урокахъ древнихъ языковъ авторы, преимущественно историческіе. Чтобы связь была возможно полная, необходимо, чтобъ о ней въ равной мѣрѣ заботились какъ учитель исторіи, такъ и учитель древнихъ языковъ. Чтобы достигнуть тутъ полнаго единства, конечно, лучше всего было бы поручать преподаваніе древней исторіи учителю древнихъ языковъ, который могъ бы тогда успѣшно вести преподаваніе обоихъ предметовъ; но то же самое достижимо и при разныхъ преподавателяхъ. Въ виду того, что изъ историческихъ сочиненій въ гимназіяхъ читается сравнительно очень мало, коммиссія высказывалась очень въ пользу приведенія въ исполненіе предлагаемаго въ учебныхъ планахъ министерства необязательнаго домашняго чтенія отрывковъ изъ историческихъ сочиненій.

Далѣе, для приведенія преподаванія древнихъ языковъ въ связь съ уроками русской словесности коммиссія нахрдитъ весьма полезнымъ, брать для уроковъ теоріи словесности отрывки или цѣльныя произведенія греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ, при чемъ можно было бы ограничиться, за невозможностью познакомиться такимъ путемъ со всѣми видами классической словесности, ораторскою рѣчью, одой, поэмой, трагедіей. Наконецъ, учитель русскаго языка часто можетъ выбирать для сочиненій темы, заимствованныя изъ прочитанныхъ учениками древнихъ авторовъ. Чтобы облегчить преподавателямъ выборъ темъ, нѣкоторые члены коммиссіи взяли на себя трудъ составить 78 различныхъ темъ, распредѣливши ихъ по классамъ, примѣнительно къ развитію учащихся и къ читаемому

Библиотека "Руниверс"

въ каждомъ классѣ автору. Темы эти выбраны очень удачно и несомнѣнно могутъ много содѣйствовать оживленію преподаванія древнихъ языковъ.

Заканчивая на этомъ обзоръ соображеній коммиссіи, образованной г. попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа для обсужденія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ, не можемъ не сказать, что хотя не со всѣми ея заключеніями можно вполнѣ согласиться, въ общемъ результаты работъ ея должны быть признаны весьма плодотворными. Многіе возбужденные ею вопросы, безъ сомнѣнія, вызовутъ еще не мало сужденій, которыя могутъ быть полезны для успѣховъ классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

Г. Л—евій.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Характеристика образцовъ литературы, для начальнаго обученія словесности. Составлена *Г. М. Морачевскимъ* (учителемъ Кіевской женской гимназіи). Кіевъ. 1884. Цѣна 1 р.

Такъ-называемыя г. Морачевскимъ характеристики суть не иное что, какъ разборы литературныхъ образцовъ. При составленіи ихъ, какъ извѣщаетъ предисловіе, онъ руководствовался правилами преподаванія словесности, указанными въ объяснительной запискѣ къ учебному плану означеннаго предмета. Почему разборъ образцовъ относится авторомъ къ первоначальному курсу обученія, и по какой причинѣ обученіе это именуется наглядным*ъ*—предисловіе не объясняетъ. Нѣтъ ничего наглядна*г*о въ изложеніи содержанія литературнаго произведенія, въ указаніи его плана, въ грамматическомъ и стилистическомъ разборѣ, въ объясненіи свойствъ того рода или вида сочиненій, къ которому относится образецъ, въ историческомъ къ образцу комментаріи... А между тѣмъ авторъ видитъ какую-то причинную связь между этими предметами: наглядностью и элементами литературнаго разбора, какъ это явствуетъ изъ первыхъ строкъ предисловія: „По общимъ правиламъ обученія, первоначальный курсъ долженъ быть наглядным*ъ*: поэтому (?) характеристики образцовъ литературы должны состоять въ изложеніи содержанія, въ указаніи плана“ и т. д. Союзъ поэтому рѣшительно неумѣстенъ: изъ положенія, выраженнаго въ первой половинѣ періода, вовсе не вытекаетъ слѣдствія, выраженнаго во второй.

Способъ характеристики, или разбора образцовъ, неодинаковъ. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ. Нѣтъ твердо установ-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

ленныхъ пунктовъ, къ которымъ пригонялось бы содержаніе сочиненія и на которыя постоянно обращалось бы вниманіе учащихся. Большею частью отмѣчается содержаніе каждой части образца, при чемъ иногда оно пересказывается, и такой пересказъ въ прозѣ неминуемо вредитъ впечатлѣнію, производимому поэтическою піесой. Вотъ, напримѣръ, начало разбора баллады Свѣтланы:

„Описаніе Крещенскаго вечера. Одинъ разъ дѣвушки гадали о своемъ суженомъ, для чего бросали за ворота башмачекъ, снѣгъ пололи, слушали подъ окномъ, кормили курицу счетнымъ зерномъ, топили красный воскъ, въ чашу съ чистой водой клали золотой перстень и изумрудныя серги, накрывали эту чашу бѣлымъ платкомъ и пѣли подблюдныя пѣсни".

Какая польза, какое удовольствіе отъ повторенія прозой того, что̀ сказано прекрасными стихами? Не лучше ли заставить учащихся вновь прочесть эти стихи или даже выучить ихъ наизусть? Притомъ же и разборъ неправиленъ: Жуковскій описываетъ не крещенскій вечеръ, а гаданье въ крещенскій вечеръ. Другая ошибка состоитъ въ замѣнѣ слова ярый словомъ красный: ярый значитъ наибѣлый, самый чистый, напримѣръ: горитъ свѣча воску яраго. Краснымъ воскомъ никогда не гадали.

Иногда характеристика имѣетъ значеніе оглавленія, только болѣе подробнаго: такъ, содержаніе Капитанской дочки, Тараса Бульбы, Евгенія Онѣгина и другихъ изложено по главамъ. А иногда, какъ при басняхъ Крылова, разборы распредѣлены по свойствамъ, отличающимъ ту или другую породу животныхъ (лицемѣріе, глупость, несправедливость, злость, жестокость и пр.). На сколько тѣ и другіе могутъ приносить пользы—опредѣлить въ точности трудно: это зависитъ отъ таланта, знаній и педагогическаго искусства преподавателей или, вѣрнѣе, отъ качества характеристикъ или разборовъ.

Съ этой-то точки зрѣнія мы и должны посмотрѣть на значеніе книги г. Морачевскаго. Начнемъ съ первой статьи: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ", Ломоносова. По разбору составителя, Ломоносовъ имѣлъ цѣлью замѣнить иностранныя слова церковно-славянскими и „средствомъ къ достиженію этой цѣли положилъ раздѣлить языкъ на три слога: высокій, средній и низкій" (стр. 5). Что̀ значитъ раздѣлить языкъ на слоги (стили)? Ломоносовъ не могъ сказать такой странности. Онъ говоритъ: „Какъ матеріи, изображаемыя словомъ, различествуютъ по мѣрѣ важности, такъ и русскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по при-

Библиотека "Руниверс"

личности имѣетъ разныя степени—высокій, средній и низкій". Развѣ это значитъ дѣлить? Не понялъ г. составитель и различія между этими степенями, указаннаго Ломоносовымъ. „Первый (высокій) долженъ состоять изъ церковно-славянскихъ словъ и дѣепричастій" (!) (ibid.). Нѣтъ, не изъ однихъ церковно-славянскихъ, а изъ славянскихъ и тѣхъ, которыя общи языкамъ славянскому и русскому. Если бы слѣдовать толкованію г. Моравевскаго, то всѣ сочиненія нашихъ авторовъ о важныхъ предметахъ были бы написаны языкомъ церковно-славянскимъ, а этого нѣтъ, да этого вовсе и не имѣлъ въ виду Ломоносовъ, который — какъ самое заглавіе его сочиненія показываетъ—разсуждалъ о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ, то-есть, для русскаго литературнаго языка. Потомъ, что значитъ: „изъ дѣепричастій?" У Ломоносова этого слова нѣтъ при указаніи реченій, свойственныхъ высокому слогу. Онъ только замѣчаетъ, въ видѣ примѣра, что дѣепричастія, неупотребительныя въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ, служатъ къ возвышенію поэтическаго выраженія.—„Второй (то-есть, средній слогъ) состоитъ изъ разговорной рѣчи высшаго и средняго круга" (ib.). Ломоносовъ не то говоритъ; онъ говоритъ просто и ясно: „средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ русскомъ языкѣ употребительныхъ; къ нимъ можно допустить нѣкоторыя реченія славянскія, въ высокомъ стилѣ употребляемыя, но съ великой осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ, а также и слова низкія, однакожъ остерегаясь, чтобы не опуститься въ подлость". О разговорной рѣчи высшаго и средняго круга общества нѣтъ и помина. Наконецъ: „третій слогъ (то-есть, низкій слогъ) состоитъ изъ словъ народныхъ" (ib.). Обращаемся къ Ломоносову и читаемъ слѣдующее: „Низкій штиль принимаютъ реченія третьяго рода, то-есть, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая съ средними, а отъ славянскихъ общенеупотребительныхъ вовсе удаляется; могутъ имѣть въ немъ мѣсто, по разсмотрѣнію и простонародныя низкія слова". Отсюда видно, что послѣднія слова образуютъ самый незначительный элементъ третьяго стиля, а у г. Моравевскаго они получили значеніе единственнаго элемента. Такимъ образомъ, главнѣйшая существенная часть разсужденія Ломоносова истолкована составителемъ характеристикъ не только невѣрно, но и превратно.

При разборѣ разсужденія Карамзина „О любви къ отечеству и народной гордости" есть такой пунктъ: слѣдствія развитія русскаго народнаго достоинства. Къ этимъ слѣдствіямъ отнесено

Библиотека "Руниверс"

„уваженіе Европейцевъ къ русскимъ открытіямъ и усовершенствованіямъ, увеличивающимся въ Россіи съ каждымъ годомъ“ (стр. 9). Ни „открытій“, ни „усовершенствованій“ въ разсужденіи Карамзина не имѣется. Онъ говоритъ только, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, что наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія... Неужели г. составитель считаетъ слово „раскрытія“ синонимомъ слову „открытія?“ На той же страницѣ 9 „понятія, сужденія и умозаключенія названы логическими признаками“, а самое разсужденіе Карамзина опредѣленіемъ, по той причинѣ, что въ немъ (то-есть, въ разсужденіи) „указываются существенныя и случайные признаки для отличія ихъ отъ другихъ родовыхъ признаковъ“. Этого, признаться сказать, мы рѣшительно не понимаемъ.

Характеристика Кантемировой сатиры „къ уму своему“ начинается такими словами: „Въ обращеніи къ уму Кантемиръ выказываетъ нежеланіе свое писать, потому, вопервыхъ, что можно сдѣлаться извѣстнымъ и не посредствомъ статей“ (стр. 13). Можно подумать, что Кантемиръ былъ сотрудникомъ журналовъ, которыхъ въ то время и не существовало. Невѣрно также, что „форма сатиры заимствована отъ французскихъ поэтовъ, подражаніе которымъ перешло къ намъ вмѣстѣ съ науками при Петрѣ Великомъ“ (стр. 14). Это подражаніе началось немного позднѣе.

Въ характеристикѣ оды Ломоносова на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы (стр. 16) являются какія-то ложноклассическіе тропы и фигуры; обращеніе къ миру какъ существу живому, называется метафорой (а не прозопопеей); сравненіе авторомъ себя самого съ пловцемъ, котораго попутный вѣтръ порываетъ въ понтъ чрезъ яры волны (равно какъ и слова Державина: „таковъ Фелица, я развратенъ“, стр. 18) уменьшеніемъ своихъ силъ, особымъ пріемомъ для восхваленія важныхъ лицъ; а выраженія: „Марсъ испугался“, „Нептунъ затрепеталъ“ отнесены къ олицетвореніямъ классическихъ божествъ, какъ будто эти божества не были уже издавна лицами.

Переходимъ къ разбору оды Пушкина „Пророкъ“ (стр. 20). Вотъ начало ея характеристики: „Причина посвященія въ пророки: такъ какъ былъ духовной жаждою томимъ, то и влачился въ пустынѣ мрачной“. Гдѣ внутренняя связь между этими предложеніями или шестнадцатью словами?—А вотъ и конецъ разбора: Главная мысль въ одѣ Пророкъ есть восхваленіе поэта за его высокое призваніе (21). Неправда, ни одного хвалебнаго слова нѣтъ въ піесѣ; главная

Библиотека "Руниверс"

мысль—посвященіе человѣка въ пророки, то-есть, сообщеніе ему даровъ, необходимыхъ для пророчества. Сверхъ того, на какомъ основаніи пророкъ переименованъ въ поэта? Пушкинъ не озаглавилъ своего сочиненія этимъ именемъ, и мы не имѣемъ права навязывать ему своихъ толкованій.

„Свѣтлана" Жуковскаго ошибочно считается подражаніемъ Бюргеровой балладѣ „Ленора". (стр. 27). Послѣдней подражалъ Жуковскій въ „Людмилѣ". Указаніе особенностей слога въ балладахъ Жуковскаго составляетъ своего рода загадку: эти особенности будто бы состоятъ въ словахъ, поставленныхъ съ цѣлью вызвать въ читателѣ страхъ, напримѣръ: страхъ, мертвая тишина, смерть, поникшія головы, свѣчи въ тощихъ рукахъ, впалые глаза, хоръ поетъ „казнь", оцѣпененіе отъ ужаса, зрители дѣлаются нѣмыми.—Думаемъ, что каждый писатель, не одинъ только Жуковскій, имѣя цѣлью возбудить въ читателѣ страхъ, употребитъ слова и выраженія, соотвѣтствующія этому чувству, а не противоположныя ему. Чему жь тутъ удивляться? Эринніи не рисуютъ съ розовыми щеками и нѣжною улыбкой. Притомъ г. Моравевскій, кажется, совершенно упустилъ изъ виду, что баллада „Ивиковы журавли" есть сочиненіе Шиллера: на какомъ же основаніи выраженія, принадлежащія оригиналу и только переложенныя на русскую рѣчь Жуковскимъ, считаются особенностями слога послѣдняго? Странно также ставить одною изъ особенностей романтизма—„стремленіе дѣйствующихъ лицъ дѣлать добро людямъ". Откуда это взято? Изъ какой книги вычитано?

За планами составленія характеристикъ (иначе: примѣры), первымъ отдѣломъ разсматриваемой книги, слѣдуетъ второй, подъ названіемъ: главные роды и виды сочиненій. Здѣсь также не мало странностей, несообразностей и ложныхъ или произвольныхъ толкованій. Прежде всего укажемъ мнѣніе составителя о Потерянномъ раѣ: въ этой поэмѣ, говоритъ онъ,—„подъ видомъ изгнанія Адама и Евы изъ рая представляется первая англійская революція. Роль діавола въ поэмѣ играетъ Кромвель" (стр. 114—115). По неволѣ, придетъ на умъ пословица: „слышу звонъ, да не знаю, гдѣ онъ", то-есть, съ какой колокольни онъ раздается. Колокольней въ настоящемъ случаѣ служитъ, вѣроятно, отзывъ Гете: „Мильтонъ, какъ неудачный революціонеръ, лучше умѣетъ войдти въ роль діавола, чѣмъ въ роль ангела". Развѣ это то же, что играть роль діавола, замѣщать его въ эпосѣ?—Любопытно также сужденіе о лирическихъ

Библиотека "Руниверс"

сочиненіяхъ Гете: „въ нихъ высказано стремленіе современнаго ему общества къ духовно-нравственнымъ началамъ—свободѣ, равенству и братству, почему (?) и сочиненія такія относятся къ лирическимъ. Въ русской литературѣ тѣ же взгляды проводятся въ Мцыри и Героѣ нашего времени Лермонтова и поэмахъ Некрасова“ (115). Вотъ и нѣсколько другихъ подобныхъ сужденій: „сочиненія Некрасова написаны стихами и называются музою мести и печали“; въ одахъ своихъ „Пиндаръ религіозно-торжественнымъ тономъ голоса прославляетъ въ побѣдителѣ его способности и благодаритъ Бога, даровавшаго счастье герою“; „пѣсни Анакреона, Сафо и Коринны выражаютъ чувства одного (?) автора“ (стр. 122); „въ одѣ Пушкина „Наполеонъ“ имѣетъ значеніе не послѣдовательность составныхъ частей, а взглядъ автора на судьбу Наполеона“ (123). „Петрарка положилъ начало сонету, то-есть, такому стихотворенію, которое состояло изъ 16 стиховъ, раздѣленныхъ на строфы такъ, что первыя двѣ состоятъ изъ 4 стиховъ, а послѣднія двѣ по 3 стиха“ (118—119). По самому вѣрному счету, въ итогѣ выйдетъ 14 стиховъ, а не 16. „Содержаніе драмъ Эврипида есть уголовное преступленіе“ (127). „Самый древній памятникъ болгарскаго нарѣчія, на который переведено Священное Писаніе для Русскихъ Славянъ, есть Остромирово Евангеліе, переписанное дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира“ (132), то-есть, Остромирово Евангеліе переведено для Русскихъ на нарѣчіе болгарское и потомъ переписано для Остромира... Чудеса! „Скоро писанное письмо, съ округленными буквами, называлось полууставнымъ“ (ibid): полуустав и скоропись—двѣ вещи разныя. „Самая древняя русская лѣтопись написана Несторомъ и помѣщена въ спискѣ Лаврентія, 1377 г.“ (стр. 133): можно подумать, что самъ лѣтописецъ помѣстилъ ее туда. „Карамзинъ на все смотритъ глазами патріота, и потому, для развитія этого чувства въ читателѣ, онъ измѣняетъ лѣтопись своими выраженіями, добавляетъ ее своими догадками и соображеніями“ (ib): странный способъ возбуждать патріотизмъ! Ошибся составитель и въ счетѣ томовъ Исторіи Соловьева: ихъ не 22 (стр. 139), а 29.

Не останавливаемся долго на третьемъ отдѣлѣ книги (Литературныя направленія), не отличающемся отъ первыхъ двухъ своимъ значеніемъ. Образцомъ низкаго слога Ломоносова ставятся два письма его къ Шувалову (142), какъ будто онъ только дважды писалъ къ своему покровителю. Иностранныя реченія въ литературной рѣчи названы Ломоносовымъ не словами нелѣпости (ib.), что не имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

смысла, а нелѣпостями слова. „Письма Русскаго Путешественника" писалъ Карамзинъ не Петрову (144), а семейству Плещеевыхъ.

А сколько крупныхъ опечатокъ и другихъ погрѣшностей, способныхъ возбудить смѣхъ: массонскій, Лессажъ, Жилъ Блазъ, Васько де Гамма, Барятинскій (вм. Баратынскій), зоняне (то-есть, Іоняне), почти вездѣ Ивыковы журавли, вм. Ивиковы; за то и на оборотъ: вездѣ Пипинъ, вм. Пыпинъ, Сенъ-Жарменъ, Дракомо Леопарди (Джакомо), Панувій (Пакувій), Люциній (Луцилій), Корина (Коринна), Гарацій (Горацій), Ролланъ (Роллонъ), рыцарь Тотенбургъ (Тогенбургъ), и проч.

Сборникъ примѣровъ, правилъ и задачъ для практическихъ занятій по русскому языку, составленный учителемъ кіевской женской гимназіи *Г. М. Моравевскимъ*. Кіевъ. 1883. Цѣна 50 к.

Сборникъ этотъ по составу, содержанію и изложенію, вообще по значенію своему, какъ научному, такъ и учебному, находится въ ближайшемъ родствѣ съ „Характеристиками литературныхъ образцовъ", того же автора. Кто познакомился съ этою послѣднею книгой, тотъ непремѣнно угадалъ бы, что книга, о которой теперь будетъ рѣчь, принадлежитъ тому же самому составителю, хотя бы его фамилія и не была выставлена на заглавномъ листѣ. Здѣсь такія же странности и несообразности, какія часто встрѣчались въ первомъ трудѣ. Даже предисловіе отъ нихъ несвободно. Напримѣръ: „при сообщеніи какихъ-либо правилъ нужно всегда идти отъ наглядnаго къ представляемому" (стр. 6). „Наглядный" значитъ пріобрѣтаемый наглядкою, глазами; на что можно глядѣть, то представляется намъ: слѣдовательно, въ приведенной фразѣ наглядное—одно и то же съ представляемымъ; между этими словами нѣтъ никакой противоположности. Другое дѣло, если бы было сказано: „идти отъ наглядnаго къ представляемому мыслію и умомъ". Другой примѣръ: „правильное произношеніе словъ и предложеній служитъ большею частью ручательствомъ въ правильномъ произношеніи заключающихся въ нихъ мыслей" (стр. 7). Мысли нельзя произносить.

Составъ книги слѣдующій: Литература дидактическихъ и методическихъ правилъ при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ; стихотворенія для обязательнаго изученія и писанія наизусть; извлеченія художественныхъ и сатирическихъ выраженій для стилистическаго разбора; правила для составленія разборовъ; задачи для сочиненій; отвѣты на предложенныя темы, помѣщенные въ сборни-

Библиотека "Руниверс"

кахъ (Галахова, Радонежскаго, Перевлѣсскаго, Полеваго, Грушецкаго, Гаврилова, Холевіуса, Весина); вопросы для объяснительнаго чтенія.

Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣлахъ. „Художественныя и сатирическія выраженія", взятыя изъ разныхъ піесъ и разсматриваемыя отдѣльно, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не приносятъ пользы. Стоя особнякомъ, они часто не представляютъ и слѣдовъ художественности: что̀ художественнаго, поэтичнаго въ выраженіяхъ: „Надежды нѣтъ. Онъ уѣзжаетъ. Боже мой! какъ я ошибся, какъ наказанъ!" (стр. 51); „Поди, поди! раздался крикъ" (стр. 52); „Правилъ нѣтъ безъ исключенія; въ слезахъ раскашлялась старушка" (стр. 53); „Докторъ полоскалъ свой ротъ каждое утро почти три четверти часа" (стр. 56); „Пожалуйста, любезнѣйшій, промолвилъ генералъ: прикажи, чтобъ привели сюда гнѣдую кобылу", и т. д. Кромѣ того, нѣтъ никакой надобности въ такомъ количествѣ художественныхъ и сатирическихъ выраженій, которыя, судя по заглавію, составитель какъ бы противополагаетъ, то-есть, думаетъ, что художественное выраженіе не можетъ быть въ то же время сатирическимъ, и на оборотъ.

Отдѣлъ правилъ для составленія разборовъ заключаетъ въ себѣ многія статьи: этимологію и синтаксисъ, въ родѣ конспекта, логику, стилистику, словесность. Къ чему все это? Вѣдь всѣ исчисленные предметы проходятся въ школѣ по особымъ руководствамъ, и ужь послѣ того, какъ они пройдены, приступаютъ къ всевозможнымъ разборамъ—грамматическому, логическому, стилистическому и т. д. Зачѣмъ же сборникъ наполнять снова изложеніемъ того, что̀ излагалось въ учебникахъ? Въ этомъ отдѣлѣ мы опять встрѣчаемся съ неопредѣленнымъ объясненіемъ признаковъ, отчего этотъ логическій терминъ допускаетъ три различныя толкованія. На стр. 93 сказано: „Разобрать логическій ходъ мыслей—это значитъ указать признаки, понятія, сужденія и умозаключенія". Слѣдовательно, признаки составляютъ нѣчто отличное отъ трехъ формъ мышленія: понятій, сужденій и умозаключеній. На стр. 97 читаемъ: „Въ описаніяхъ излагаются признаки: части, свойства, мѣсто, время, предшествовавшее и послѣдующее". Отсюда видно, что къ признакамъ относятся и части предмета, и его свойства, и мѣсто, и время, и предшествовавшее его состояніе, и состояніе послѣдующее. Наконецъ, стр. 98 гласитъ: „Разсужденіемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ излагаются логическіе признаки: понятія, сужденія и умозаключенія". Въ этомъ случаѣ, на основаніи двоеточія, мы должны смотрѣть на при-

Библиотека "Руниверс"

знаѣ, какъ на родовое понятіе, а на понятія, сужденія и умозаключенія, какъ на его три вида. Какое же изъ трехъ толкованій усвоятъ учащіеся?

Въ „Вопросахъ для объяснительнаго чтенія" не представляется надобности. Каждый преподаватель обязанъ знать, что можно и нужно спрашивать учащихся при чтеніи образца, и какихъ вопросовъ нельзя и не должно предлагать имъ. Опытный учитель—замѣтимъ кстати—не выберетъ какъ образецъ біографіи, стихотвореніе Пушкина: „Овидій". Онъ обратится къ біографіи исторической и не станетъ предлагать вопросы въ родѣ тѣхъ, какіе предложены на стр. 130: „Откуда родомъ? Гдѣ жилъ прежде и въ то время, къ которому относится разказъ? Какъ его зовутъ? Сколько ему лѣтъ, и соотвѣтствуютъ ли его наружности чувства и понятія числу его лѣтъ?... Обижалъ онъ кого нибудь или нѣтъ?.. Когда умеръ и какое оставилъ завѣщаніе? Изъ этого завѣщанія видно ли, что онъ любилъ въ своей жизни?"

Въ виду вышеизложеннаго, эта книга г. Морачевскаго, не можетъ быть пригодна въ школѣ.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школъ, въ 3-хъ томахъ. Изданіе второе. Въ 8-ю д. Москва. 1884. Цѣна 1-го тома—60 к., 2-го—1 р., 3-го—2 руб.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1882 г. и черезъ годъ съ небольшимъ потребовалось новое, что и служитъ доказательствомъ какъ потребности сочиненій перваго, по достоинству, русскаго поэта для читателей, такъ и удовлетворительности редакціи ихъ для школъ. Редакторъ, г. Кузьминъ, преподаватель Московскаго учительскаго института, въ новомъ изданіи воспользовался указаніями, сдѣланными на первое изданіе. Первый томъ, назначенный для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, остался безъ всякихъ измѣненій, такъ что и число страницъ сохранилось прежнее (220). Изъ второго (для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, институтовъ и учительскихъ семинарій) исключены повѣсти: „Выстрѣлъ", „Станціонный смотритель" и „Старая барыня" (отрывокъ изъ „Пиковой Дамы"); прибавлено 19 мелкихъ стихотвореній и 12 картинъ, рисованныхъ академикомъ В. Е. Маковскимъ. Изъ третьяго (для старшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ и институтовъ) выпущено нѣсколько строфъ изъ „Евгенія Онѣгина", а прибавлены: біографія поэта, написанная редакторомъ изданія, и 16 картинъ, рисованныхъ также академикомъ Маков-

Библиотека "Руниверс"

скимъ. Біографія составлена по хорошимъ источникамъ и восполняетъ ощутительный недостатокъ перваго изданія. Равнымъ образомъ, исключенія, сдѣланныя съ педагогическою цѣлью, равно какъ и прибавленія, улучшаютъ новое изданіе.

Учебникъ русскаго слуховова (sic) письма (стенографія безъ значковъ), самостоятельно разработаннаго *М. А. Терне*, преподавателемъ слуховаго письма. Съ 15 таблицами. Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное и передѣланное. С.-Пб. 1879. Цѣна 1 руб.

„Слуховое письмо" представляетъ собою одинъ изъ методовъ стенографіи; потому прежде чѣмъ говорить о его достоинствахъ и недостаткахъ сравнительно съ другими видами стенографическаго записыванія рѣчи, необходимо предварительно остановиться на общемъ вопросѣ: на сколько вообще желательно обученіе стенографіи въ среднихъ и тѣмъ болѣе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Пользу стенографіи въ жизненной практикѣ, особенно при водворяющихся формахъ жизни, конечно, никто оспаривать не станетъ. Не даромъ забота о возможномъ сокращеніи времени, потребнаго для записыванія устной рѣчи, занимала еще Римлянъ, и воскресаетъ съ новою силой съ самаго XVI вѣка въ Европѣ у одного народа за другимъ. Но никто не можетъ также отрицать, что стенографія представляетъ не болѣе, какъ механическій навыкъ, не заключая въ себѣ прямаго образовательнаго, развивающаго элемента. Этого одного достаточно, чтобъ усомниться: слѣдуетъ ли отнимать у дѣтей школьное время на ея изученіе [1]). Тотъ же вопросъ получитъ еще большее значеніе, если вникнемъ въ сущность пріемовъ, вообще употребляемыхъ стенографіей для достиженія предположенной себѣ цѣли, въ частности же—принятыхъ въ основаніе системы полковника Терне.

Въ 1867 г., вслѣдствіе цѣлаго ряда петицій (около 50) отъ стенографическихъ обществъ, вопросъ о введеніи или допущеніи стенографіи въ школу разбирался особою коммиссіей прусской палаты депутатовъ при участіи члена министерства просвѣщенія, извѣстнаго педагога Визе [2]). Коммиссія отнеслась къ своей задачѣ съ большимъ вниманіемъ,

[1]) Времени она беретъ не мало. Въ баварскихъ гимназіяхъ, разрѣшающихъ занятіе стенографіей старшимъ ученикамъ, имѣющимъ твердый навыкъ въ орѳографіи и достаточно искуснымъ въ каллиграфіи, на занятія эти уходитъ отъ двухъ до трехъ учебныхъ часовъ въ недѣлю.

[2]) Отчетъ о засѣданіяхъ этой коммиссіи см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867 г., т. CXXXVI.

Библиотека "Руниверс"

и притомъ имѣла въ виду предварительно (въ 1862 г.) собранный отзывъ всѣхъ провинціальныхъ училищныхъ коллегій, точныя свѣдѣнія о мѣстѣ, отведенномъ стенографіи въ школахъ Австріи и Баваріи; она высказала, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

1) Стенографія не только ускоряетъ письмо, какъ напримѣръ, паровая сила ускоряетъ движеніе колеса сравнительно съ движеніемъ его рукою человѣка, но еще портитъ сущность настоящаго письма, характеристическою особенностью котораго служитъ неразрывная тѣсная связь его съ языкомъ, съ жизнью, съ исторіей языка. Вслѣдствіе этой связи обычное письмо поддерживаетъ въ постоянномъ возбужденіи чувство ритма, флексіи, этимологіи, словомъ—служитъ къ поддержанію, оживленію, распространенію въ народѣ чутья къ языку (Sprachsinn). Связь эта совершенно нарушается при письмѣ стенографическомъ, какъ скоро оно выходитъ за предѣлы упрощенія буквенныхъ знаковъ и символическаго обозначенія гласныхъ. Всѣ остальные пріемы, предлагаемые въ разныхъ системахъ стенографіи (обозначеніе соединенныхъ звуковъ общимъ знакомъ, сокращеніе, условные знаки, прямо возвращающіе насъ къ фигуративному письму, изображеніе изъ всего слова только звуковъ, произносимыхъ при быстрой рѣчи), искажаютъ самый принципъ письма, противодѣйствуютъ грамматическому обученію.

2) Даже выигрышъ времени путемъ стенографіи въ школѣ оказывается только кажущимся и скорѣе есть потеря времени: Обученіе стенографіи грозитъ повести за собою многописаніе въ классахъ и внѣ ихъ, равно какъ и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Чрезмѣрное вниманіе къ письму вредитъ вниманію къ содержанію написаннаго. Между тѣмъ какъ невозможность, при обыкновенномъ письмѣ, слѣдить за живымъ словомъ ведетъ къ сосредоточенію мысли, къ умственному подведенію итоговъ слушаемаго, стенографія, напротивъ, дѣлаетъ записываніе чисто-механическимъ.

3) Слѣдуетъ опасаться, какъ бы изученіе и употребленіе стенографическихъ знаковъ въ раннемъ возрастѣ не оказалось вреднымъ для образованія краснваго, четкаго, характернаго почерка.

4) Одновременное обученіе обыкновенному письму и стенографіи можетъ повлечь за собою вредный дуализмъ, способный породить путаницу, неловкость въ родѣ той, которая ощущается, когда ребенка одновременно обучаютъ мать одному языку, а бонна—другому.

5) Вводить стенографію какъ предметъ необязательный неудобно уже потому, что необязательныхъ предметовъ вообще должно быть

Библиотека "Руниверс"

въ школѣ возможно менѣе; стенографія же особенно непригодна въ этомъ отношеніи: она установила бы между учениками различный уровень въ одномъ изъ важнѣйшихъ орудій обученія—въ письмѣ. (Прибавимъ отъ себя: она бы крайне затруднила учителю контроль надъ занятіями учениковъ).

Всѣ эти доводы, кажутся, такъ основательны, что не согласиться съ ними нельзя. Стенографія вообще можетъ быть допущена развѣ въ VII-мъ, даже въ VIII-мъ классѣ, когда учащіеся уже вполнѣ тверды въ языкѣ, вполнѣ освоились, по крайней мѣрѣ, съ его этимологической структурой и пріобрѣли твердый почеркъ.

Въ частности система г. Терне, въ обще-педагогическомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ также неудобна, какъ и другія: ни одного изъ вышесказанныхъ неудобствъ, связанныхъ съ введеніемъ стенографіи въ школу, она не устраняетъ; противодѣйствіе же грамматикѣ прямо возводитъ въ принципъ, ставя главною задачею своею записывать живую рѣчь съ голоса, писать слова, какъ они произносятся, какъ нѣкогда предлагали Тредіаковскій, Лажечниковъ и др.

Остается еще, отрѣшась отъ обще-педагогической стороны вопроса, высказать, по которой изъ стенографическихъ системъ желательно вести обученіе въ случаяхъ, когда преподаваніе стенографіи допущено? У насъ, кромѣ системы г. Терне, напримѣръ, предлагается еще система Штольце, обработанная примѣнительно къ русскому языку гг. Паульсономъ и Мессеромъ.

Можемъ указать въ пользу г. Терне на то, что система его принята стенографами С.-Петербургскаго стенографическаго общества, заслужила лестный отзывъ отъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, а также свидѣтельство лицъ, обучавшихся стенографіи по его системѣ и знакомыхъ съ системою Штольце. Они удостовѣряютъ, будто слуховое письмо усвоется скорѣе, читается легче, и за отсутствіемъ въ немъ условныхъ знаковъ (Sigel), затрудняющихъ систему Штольце, даетъ менѣе поводовъ къ искаженію записанной рѣчи. Но изъ этихъ отзывовъ,—полагаемъ,—не слѣдуетъ, чтобы можно было дать системѣ г. Терне исключительное господство въ школахъ. Такой пальмы первенства еще не дано ни одной изъ стенографическихъ системъ ни у насъ, ни за границей; рѣшеніе спора о сравнительномъ практическомъ превосходствѣ тѣхъ или другихъ системъ стенографіи, существующихъ или вновь возникающихъ, вездѣ предоставлено свободной конкурренціи. Правительству, при настоящемъ положеніи стенографіи, кажется, остается только не измѣнять принятой систе-

Библиотека "Руниверс"

мы,—предоставлять, по прежнему, дѣло стенографіи собственному развитію, только содѣйствуя этому развитію на сколько возможно безъ вреда прямымъ цѣлямъ школы: уступая помѣщеніе для частнаго преподаванія, допуская сочиненія о стенографіи въ библіотеки фундаментальныя и ученическія для старшихъ классовъ и т. п.

Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ элементарный (3-й классъ). Сост. *В. С. Игнатовичъ*. Часть II. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 60 к.

8-е изданіе означенной книги напечатано съ 5-го изданія. Въ новомъ изданіи сдѣланы слѣдующія измѣненія:

1) Въ методической части учебника (отъ стр. 1—42) и въ объясненіяхъ по грамматикѣ (отъ стр. 90 — 129) формы, составляющія задачу каждаго параграфа, напечатаны болѣе жирнымъ шрифтомъ, что, безъ сомнѣнія, содѣйствуетъ наглядности учебника, особенно желательной въ элементарномъ курсѣ. Кромѣ того, въ грамматическихъ объясненіяхъ сдѣланы нѣкоторыя незначительныя редакціонныя поправки въ §§ 2, 3, 5 и 6.

2) Въ связномъ текстѣ статья № 20: La bonne vache (стр. 56) замѣнена двумя статьями: № 20 (Julie à Constance) и № 20 bis (La machine à vapeur) (стр. 56), которыя предназначены для повторенія свѣдѣній о глаголахъ дѣйствительнаго, страдательнаго, средняго и возвратнаго залоговъ, заключаютъ въ себѣ множество случаевъ ихъ употребленія и прямо соотвѣтствуютъ §§ 12, 13, 14 и 17 методической части. Кромѣ того, въ этомъ изданіи яснѣе указано, что связныя статьи представляютъ не случайный подборъ, а имѣютъ прямое соотношеніе съ текстомъ параграфовъ, изобилуя изучаемыми въ нихъ формами, а потому, независимо отъ этого заявленія, въ предисловіи обозначены при заглавіяхъ статей тѣ параграфы, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ.

3) Наконецъ, на стр. 128 помѣщены нѣкоторыя главнѣйшія указанія по словообразованію, которыхъ не было въ 5-мъ изданіи, но которыя могутъ быть полезны въ практическомъ отношеніи.

Всѣ указанныя измѣненія въ руководствѣ г. Игнатовича составляютъ въ немъ несомнѣнное улучшеніе; но по поводу ихъ можно еще высказать нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся до грамматическаго отдѣла учебника:

Библиотека "Руниверс"

a) Въ § 4 (стр. 97) сказано, что „изъ разсмотрѣнія полной таблицы спряженія правильныхъ глаголовъ видно, что сложныхъ временъ въ нихъ столько же, сколько простыхъ (кромѣ impératif и participe passé simple, для которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ сложныхъ)". По нашему мнѣнію, не слѣдовало обходить молчаніемъ сложную форму impératif, встрѣчающуюся въ такихъ фразахъ, какъ напримѣръ: Ayez abandonné la ville quand l'ennemi y entrera, и т. п. Въ подтвержденіе такого мнѣнія можно сослаться на Grammaire Nationale Вешереля, гласящую, что „сложная форма повелительнаго наклоненія, хотя не упоминается почти ни въ какой грамматикѣ, но, не смотря на то, весьма употребительна (d'un usage fort commun)". Кромѣ того, на сложную форму impératif указываютъ еще извѣстныя грамматики Мэтнера, Браше, Шассана и др. (Chassang. Nouvelle grammaire française, 5-e édit. 1881. Ouvrage adopté pour les écoles de la ville de Paris).

b) Сказать, что имя прилагательное feu не употребляется во множественномъ числѣ (§ 6, стр. 103) — едва ли возможно, не смотря даже на словарь Французской академіи. Повторимъ за Вешерелѐмъ, что „напрасно составители грамматикъ отказываютъ этому слову во множественномъ числѣ. Ничто, напримѣръ, не мѣшаетъ сказать: „les feus Dauphin et Dauphine; mes feues tantes... Un service solennel pour les feus rois Louis XVI et XVII eut lieu à Notre Dame le 14 mai 1814" (Boniface). Литтрѐ сѣтуетъ въ своемъ словарѣ на Французскую академію, не признающую множественнаго числа прилагательнаго feu; „такое примѣчаніе", говоритъ Литтре,—„лишено основанія: les feus rois de Prusse et d'Angleterre, напримѣръ, совершенно правильно".

c) Въ § 16, стр. 120 г. Игнатовичъ причисляетъ мѣстоименныя нарѣчія en и y къ мѣстоименіямъ относительнымъ. Во французской грамматикѣ, составляемой для Русскихъ, гораздо удобнѣе причислить эти adverbes pronominaux къ мѣстоименіямъ личнымъ, такъ какъ на русскій языкъ эти слова переводятся, главнымъ образомъ, мѣстоименіями личными, либо указательными, но не относительными. Въ подтвержденіе своего мнѣнія напомнимъ объ этимологіи этихъ словъ: они происходятъ отъ inde (en) и ibi (y), но не отъ unde (de-unde, dont) и ubi (où). Напротивъ того, dont и où, дѣйствительно, должны быть причисляемы къ мѣстоименіямъ относительнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Ариѳ(е)метическія задачи отъ (?) первоначальнаго обученія до (?) изученія нумераціи. Составилъ *В. С. Поповъ*. Маріуполь. 1883. Цѣна 40 к.

Задачникъ этотъ, предназначаемый авторомъ для учащихся „до изученія (ими) нумераціи", содержитъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы:

1) „Единицы. Числа отъ 1 до 10. Сложеніе. Вычитаніе. Цифры отъ 1 до 10. Сложеніе и вычитаніе" (стр. отъ 1 до 21).

2) „Десятки. Счетъ до 20. Сложеніе и вычитаніе. Умноженіе. Дѣленіе. Совокупность этихъ дѣйствій. Часть цѣлаго. Счетъ до 100" (стр. отъ 21 до 63).

3) „Сотни. Счетъ до 1000. Правила: тройное, товарищества, смѣшенія и процентовъ" (стр. отъ 63 до 83).

4) „Дроби, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе дробей" (стр. 83—99).

5) „Выводъ удобства дѣйствія (?)" (стр. 99 — 106). Наконецъ, отъ стр. 106 до 132 помѣщены: „Таблица мѣръ, таблица умноженія, индійскія цифры (тѣ, которыя обыкновенно принято называть арабскими), римскія цифры до 1000. Отвѣты и рѣшенія на предложенныя задачи и рисунокъ, изображающій счеты (съ 9-ю четками на каждой проволокѣ) для сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія"; но такъ какъ къ этому рисунку никакого описанія не приложено, объясненіе же къ счетамъ авторъ предполагаетъ издать „отдѣльною брошюрою", то и остается непонятнымъ, съ какою цѣлью помѣщенъ тутъ этотъ политипажъ.

На стр. I введенія авторъ говоритъ: „Въ мышленіи нашемъ существуютъ понятія: тепла и холода, свѣтлаго и темнаго, скорости и медленности, движенія и покоя и проч. Явленія эти какъ противоположности сами по себѣ не существуютъ, но мы ихъ принимаемъ какъ таковыя въ предѣлахъ которой (?) и мыслимъ. Сравненіе противоположныхъ явленій наводитъ насъ на понятія величины, которая поэтому есть ничто иное какъ явленіе, представляемое нами большимъ или меньшимъ".

Далѣе, на стр. II, авторъ продолжаетъ: „Но если въ сказанной величинѣ не принять въ расчетъ понятія о противоположности, то 0 какъ начало счета превратится въ понятіе, при которомъ отсутствуетъ величина и, вообще, если въ безконечныхъ величинахъ, не

Библиотека "Руниверс"

принять въ расчетъ понятіе о противоположностяхъ, то получатся величины конечныя" [1]).

Этихъ тирадъ, не отличающихся ни ясностію, ни точностію изложенія, полагаемъ, достаточно, чтобы показать, что книга эта едва ли будетъ доступна ученикамъ, „не приступившимъ еще къ изученію нумераціи". На стр. III предисловія встрѣчается даже терминъ, напечатанный по-гречески.

Съ первой же страницы учебника авторъ даетъ методическія указанія, какъ, по его мнѣнію, учитель долженъ вести занятія въ классѣ. Въ урокѣ 1-мъ, для ознакомленія учащихся съ числами отъ 1 до 10, авторъ предлагаетъ вопросы: „Сколько звѣздъ на небѣ?"—И отвѣчаетъ: „много". Далѣе, „сколько солнцъ? лунъ?" И отвѣчаетъ: „1". Еще далѣе, идутъ вопросы: „Сколько хвостовъ у собаки?" „Сколько у тебя матерей?" „Сколько отцевъ?" и т. д. На эти вопросы авторъ отвѣтовъ не даетъ.

Заглавіе разбираемой книги, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуетъ ея содержанію: въ учебникѣ этомъ предлагаются нѣкоторыя, относительно говоря, весьма сложныя задачи, которыя учащемуся едва ли удастся рѣшить, если онъ не ознакомленъ съ нумераціей. Желательно было бы знать, какъ учащіеся приступятъ, напримѣръ, къ рѣшенію слѣдующихъ задачъ:

635 (стр. 79). „Для общаго торга 3 торговца внесли 120 руб.; одинъ держалъ свой капиталъ въ торговлѣ 3 мѣсяца, другой 2 мѣсяца, третій 1 мѣсяцъ и заработали 720 руб. Какъ нужно подѣлиться этою прибылью?"

690. „Если ежедневно писать по 5 часовъ, то въ мѣсяцъ можно написать меньше 48 листовъ на столько, на сколько, работая по 7 часовъ въ день, можно написать болѣе 48 листовъ. Сколько можно написать въ недѣлю?"

На стр. 122—123 авторъ даетъ рѣшеніе первой изъ этихъ задачъ:

„360 р., 240 р. и 120 р."

Но результаты эти не удовлетворяютъ требованіямъ задачи, такъ какъ въ ней число условій недостаточно: не показано, какую сумму внесъ каждый изъ торговцевъ, и не упомянуто, что они внесли поровну.

---

[1]) Знаки препинанія поставлены согласно съ подлинникомъ.

Библиотека "Руниверс"

Для второй изъ предложенныхъ задачъ авторъ даетъ также полное рѣшеніе и отвѣты: „40 и 56 листовъ". Но рѣшеніе это оказывается невѣрнымъ.

Невѣрно рѣшенныхъ задачъ множество; укажемъ, напримѣръ, на численные примѣры 3-й, 6-й и 8-й задачи 530, а также на задачи 652, 714, 720 и т. д.

Есть и такія задачи, которыя рѣшить не возможно, напримѣръ, 693: „Сплавъ имѣетъ $^5/_8$ примѣси. Сколько въ немъ серебра?" — хотя авторъ и даетъ на нее рѣшеніе.

Книга эта, начиная съ обложки и заглавнаго листа, испещрена опечатками; возьмемъ, напримѣръ, задачу 659. „Книгопродавецъ купилъ съ уступкою 15% — 100 экземпляровъ книгъ; продажная же цѣна каждой книги 30 коп. Сколько нужно заплатить за одну книгу?" Въ рѣшеніи, на стр. 126, находимъ, что за одну книгу надо заплатить „$25^1/_2$ рублей".

Хотя авторъ и даетъ $3^1/_2$ страницы опечатокъ, но не исправленныхъ погрѣшностей оказывается едва ли не вдвое болѣе:

На стр. 103, въ 4-мъ вертикальномъ столбцѣ, отъ умноженія 23 на 6, въ произведеніи получается 144. На стр. 104 находимъ численныя ошибки во 2-мъ и 4-мъ вертикальныхъ столбцахъ. На стр. 105, во второмъ вертикальномъ столбцѣ, отъ дѣленія 792 на 6, получается въ остаткѣ 3, а въ послѣднемъ вертикальномъ столбцѣ, отъ дѣленія 795 „на 6" получается въ остаткѣ „нуль" и т. д.

На стр. 36, въ зад. 343, дается такая схема рѣшеній:

„18 гусей : 9 = 2 индѣйк.,
2 × 7 = 14 уткамъ,
18 : 2 = 9 цыплятамъ".

Изложеніе во многихъ мѣстахъ неправильное: такъ, напримѣръ, на стр. 37, объясняя учащимся происхожденіе дробей, авторъ говоритъ: „Каждая разрѣзная часть будетъ называться второю частью".

Орѳографическихъ ошибокъ также множество; напримѣръ, авторъ пишетъ: „подковали обоихъ лошадей" (стр. 13); „другіе числа" (стр. 36); „наслѣдственные деньги" (стр. 94) и т. д.

Учебныя книги, столь небрежно составляемыя, пользы учащимся приносить не могутъ.

Библиотека "Руниверс"

Дополнительныя статьи алгебры, съ предшествующею статьею „Приложеніе алгебры къ геометріи". Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. 3-е пересмотрѣнное изданіе. Составилъ *А. Блюмбергъ*. Цѣна 1 руб. С.-П.Б. 1883. Стр. 1—44 и 1—88, въ 8-ку

Новое изданіе этой книги является почти перепечаткой 2-го изданія, такъ какъ оно отличается отъ послѣдняго лишь нѣкоторою модификаціей шмуцтителя на оберткѣ и немногими, иногда въ два-три слова, поправками, не повліявшими ни на порядокъ параграфовъ, ни даже на нумерацію страницъ. Къ сожалѣнію, не всѣ даже изъ этихъ мелкихъ поправокъ можно назвать улучшеніями. Такъ, новый заголовокъ книги: „Дополнительныя статьи алгебры съ предшествующею статьею „Приложеніе алгебры къ геометріи" едва ли можно отнести къ удачнымъ. Статья „Мнимыя выраженія" изложена и въ новомъ изданіи безъ необходимыхъ „допущеній". Правда, авторъ пытался—было опять доказать нѣсколько иначе, чѣмъ прежде, что $bi=0$, при $b=0$; но изъ этого опять ничего не вышло. Равенство $i^2=-1$ опять перепечатано безъ всякихъ оговорокъ, какъ и во 2-мъ изданіи книги. Въ объясненія, касающіяся безконечно большой величины, авторъ внесъ нѣкоторое измѣненіе но при этомъ удержалъ прежнія анти-математическія выраженія: „всякая данная малая величина", „всякая данная большая величина" (стр. 19, отд. 2-й.)

Впрочемъ, благодаря нѣкоторымъ дѣйствительнымъ исправленіямъ, третье изданіе разсматриваемаго сочиненія все-таки является нѣсколько улучшеннымъ по сравненію со вторымъ. Конечно, успѣхи автора на пути улучшеній были бы значительнѣе, еслибъ онъ постарался внести въ дѣло хотя нѣкоторую долю собственнаго почина, не дожидаясь непосредственныхъ указаній рецензентовъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе личной иниціативы нашего трудолюбиваго автора компилятивныхъ сочиненій слишкомъ замѣтно. Такъ, напримѣръ, крайне неудовлетворительная редакція задачи № 50 (стр. 44, отд. 1-й) и грубая ошибка (опечатка) въ образцовой задачѣ на стр. 25 отдѣла 2-го перешли въ новое изданіе въ видѣ перепечатокъ.

Учебникъ механики. Составилъ *С. Гуржеевъ*, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. I. Теоретическая механика. Съ 167 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. С.-Петербургъ. 1881. Стр. VII 243, въ 8-ку.

Трудъ г. Гуржеева, заключающій въ себѣ изложеніе теоретической механики, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: кинематики, статики

Библиотека "Руниверс"

и динамики, подраздѣленныхъ на главы (въ числѣ 14) и снабженныхъ въ достаточномъ количествѣ „задачами". Отвѣты на послѣднія помѣщены въ концѣ книги.

Авторъ стремился, выражаясь его словами, „дать учащимся руководство, которое представляло бы науку въ сжатомъ, ясномъ систематическомъ изложеніи". Изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, въ какой мѣрѣ осуществлено это намѣреніе автора.

Въ Предисловіи разсматриваемаго сочиненія приведены извѣстные, вполнѣ основательные доводы, побудившіе автора „начать изложеніе (механики) съ кинематики". Несомнѣнно, выборъ порядка изложенія кинематики играетъ весьма важную роль въ достиженіи цѣли, къ которой стремился авторъ: чѣмъ яснѣе и систематичнѣе изложена кинематика, тѣмъ лучше приготовленъ читатель книги къ изученію зависимости между движеніемъ и причинами этого движенія; обратно, малѣйшая неясность въ изложеніи кинематики отзовется невыгодно на изученіи кинетики.

Учебникъ г. Гуржеева начинается съ изложенія кинематики абсолютнаго движенія точки по прямой линіи и съ выясненія понятій о скорости и объ ускореніи такого движенія (въ гл. I). Вторая глава составляетъ переходъ къ кинематикѣ абсолютнаго криволинейнаго движенія точки. Чтобы объяснить смыслъ соединенія двухъ составляющихъ движеній, автору необходимо было дать понятіе о движеніи точки, хотя бы по отношенію къ ненамѣняемой средѣ (твердому тѣлу), что и сдѣлано въ началѣ главы, а именно—предложено читателю (§ 22) вообразить какое бы то ни было движеніе твердаго тѣла, но о движеніи послѣдняго сказано гораздо позднѣе—въ главѣ IV-й.

Такъ какъ вторая глава, судя по заголовку и содержанію, предназначена къ объясненію сложенія прямолинейныхъ движеній, то ради удобопонятности излагаемаго, автору слѣдовало бы ознакомить читателя предварительно съ поступательнымъ движеніемъ твердаго тѣла, всѣ точки котораго движутся прямолинейно, и уже по отношенію къ этому тѣлу разсмотрѣть относительное движеніе посторонней точки. Такой пріемъ изложенія послужилъ бы учащемуся необходимою и достаточною подготовкой къ чтенію §§ 23—29. Кромѣ того, § 30, съ находящимися въ немъ примѣрами, слѣдовало бы поставить передъ § 23, ибо, помѣщенный въ концѣ главы, онъ представляетъ собою лишь одинъ изъ многочисленныхъ, какъ увидимъ

Библиотека "Руниверс"

ниже, образчиковъ „эпизодическаго изложенія", не одобряемаго самимъ авторомъ (Предисловіе).

Въ §§ 26 и 27 той же второй главы авторъ получаетъ криволинейное движеніе точки, какъ составное изъ двухъ прямолинейныхъ движеній. Въ § 26 онъ говоритъ, что скорость и ускореніе криволинейнаго движенія суть діагонали параллелограммовъ, построенныхъ на скоростяхъ и ускореніяхъ составляющихъ прямолинейныхъ движеній, между тѣмъ какъ параллелограммъ скоростей и ускореній былъ доказанъ не для всякихъ составляющихъ прямолинейныхъ движеній, а только для соединенія двухъ равномѣрныхъ и двухъ равномѣрнопеременныхъ движеній; примѣчаніе же на стр. 37, не смотря на употребленное въ немъ слово „очевидно", не есть доказательство. Кромѣ того, авторъ нигдѣ не доказываетъ, что скорость криволинейнаго движенія, найденная по правилу параллелограмма, направлена по касательной къ траекторіи; въ § 27 упоминается о послѣднемъ обстоятельствѣ, но мимоходомъ въ скобкахъ.

Въ гл. III, въ началѣ § 31, говорится уже какъ объ извѣстномъ, что скорость криволинейнаго движенія направлена по касательной къ траекторіи. Далѣе, въ томъ же параграфѣ, авторъ опредѣляетъ величину ускоренія криволинейнаго движенія, а направленіе ускоренія оставляетъ безъ опредѣленія, ограничиваясь лишь словами: „Предѣлъ средняго ускоренія называется полнымъ ускореніемъ криволинейнаго движенія въ данный моментъ. Этотъ предѣлъ имѣетъ совершенно опредѣленную величину, и направленіе, отличное отъ направленія скорости" (стр. 51). Вотъ и все. Нигдѣ не сказано что слѣдуетъ понимать подъ именемъ направленія ускоренія; нигдѣ не доказано, что ускореніе, полученное по правилу параллелограмма изъ ускореній прямолинейныхъ движеній, тожественно съ тѣмъ, которое вытекаетъ изъ вышеприведеннаго опредѣленія.

Въ § 32 авторъ разлагаетъ ускореніе, безъ всякихъ оговорокъ, на два перемѣнныя направленія: на касательную и нормаль, между тѣмъ какъ до сихъ поръ говорилось только о разложеніи ускоренія на постоянныя направленія. Чтобы дать правильное и отчетливое понятіе объ ускореніи въ криволинейномъ движеніи, необходимо было предварительно выяснить точное понятіе о скорости криволинейнаго движенія точки, чего авторъ, какъ мы видѣли, не сдѣлалъ.

Весьма хорошее опредѣленіе скорости перемѣннаго прямолинейнаго движенія дано въ § 13, но употребленнымъ тамъ построеніемъ авторъ не воспользовался въ примѣненіи къ скорости криволинейн-

Библиотека "Руниверс"

наго движенія. При этомъ замѣтимъ, что напрасно онъ привелъ ранѣе (§ 10) другое понятіе о скорости, неумѣстное въ кинематикѣ (... „предположимъ, что съ этого момента скорость перемѣннаго движенія вдругъ перестала измѣняться").

Изъ четырехъ главъ кинематики наименѣе удовлетворительно составлена гл. III-я. Не смотря на то, что въ ней говорится преимущественно о криволинейномъ движеніи, понятіе объ ускореніи послѣдняго дано однако столь недостаточное, что даже выводъ выраженія величины ускоренія въ движеніи точки съ постоянною скоростью по окружности (§ 33) нельзя признать вполнѣ выясненнымъ. Изъ числа неловкихъ мѣстъ § 38 отмѣтимъ слѣдующую фразу: „Для опредѣленія этого ускоренія могъ бы служить общій пріемъ, указанный въ § 19, но мы наложимъ здѣсь болѣе простой способъ". Въ § 19 говорится однако только объ ускореніи прямолинейнаго движенія, а въ „примѣчаніи" на стр. 53—о томъ, что этотъ пріемъ можно примѣнить къ проекціи ускоренія на касательную; но въ движеніи, разсматриваемомъ въ § 33, такая проекція равна нулю.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній на первыя главы книги г. Гуржеева слегка коснемся и такихъ, по видимому, мелкихъ неправильностей, которыя пріучаютъ неопытнаго читателя элементарныхъ учебниковъ къ неряшливому обращенію со словомъ.

Въ сокращенномъ перечнѣ недостатковъ такого рода поставимъ на первый планъ неправильное употребленіе, неудачный выборъ, неясное, неточное и даже невѣрное толкованіе терминовъ. Такъ на стр. 5 авторъ говоритъ: „въ видѣ уравненія съ двумя неизвѣстными", вмѣсто того, чтобы сказать: „равенство съ двумя перемѣнными". На стр. 25 (§ 16) величина s названа „пространствомъ, пройденнымъ точкою" (въ смыслѣ пройденнаго пути), тогда какъ эта величина выражаетъ только разстояніе движущейся точки отъ точки начальной. На стр. 29—31 введенъ неудачный, въ особенности въ кинематикѣ, терминъ: „вертикальное движеніе", подъ которымъ обыкновенно разумѣется движеніе съ постояннымъ ускореніемъ по вертикальной линіи, при дѣйствіи силы тяжести въ безвоздушномъ пространствѣ. На стр. 40—72 употреблены неловкія выраженія: „разнородныя и неоднородныя движенія". На стр. 1 и 47 отожествлены движенія относительное и кажущееся, которыя необходимо различать. На стр. 49 сказано: „Поэтому всѣ звѣзды кажутся движущимися по небольшимъ сомкнутымъ кривымъ, вслѣдствіе чего и происходитъ аберрація свѣта", а между тѣмъ изъ того, что находится въ книгѣ совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

этого не видно, ибо говорилось лишь объ отклоненіи свѣтоваго луча. Вообще, приведенная цитата крайне неудачна. На стр. 53 говорится о нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ движенія точки по параболѣ, циклоидѣ и др. въ такихъ выраженіяхъ, что можно подумать будто всякое движеніе по циклоидѣ совершается не иначе, какъ указано авторомъ, а всякое движеніе по эллипсу необходимо удовлетворяетъ законамъ Кеплера. Въ § 36 вынесеніе понятія объ идеально твердомъ тѣлѣ („абсолютно-твердомъ") обставлено туманными, въ сущности ничего не говорящими соображеніями, а въ заключеніе сказано: „Наконецъ замѣтимъ, что мы можемъ разсматривать всякую точку, не принадлежащую данной системѣ, какъ одну изъ ея точекъ, если разстояніе ея отъ точекъ данной системы не измѣняется при движеніи". Въ § 37 приведены примѣры тѣлъ, движущихся поступательно, но нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ неудачны: пароходъ, падающія тѣла, грузъ, поднимаемый посредствомъ блока—не всегда движутся поступательно. Въ § 40 авторъ проектируетъ угловое ускореніе на касательную и нормаль (радіусъ) круга, описываемаго точкой, отстоящей отъ оси на единицу длины, и таковыя проекціи называетъ **касательнымъ** и **центростремительнымъ угловыми ускореніями**. Въ механикѣ не представлялось до сихъ поръ нужды ни во введеніи подобныхъ терминовъ, ни въ указанномъ разложеніи угловаго ускоренія, тѣмъ болѣе, что, при употребительномъ изображеніи угловыхъ скоростей и ускореній длинами и при вращеніи тѣла вокругъ неподвижной оси, проекціи угловаго ускоренія на взятыя авторомъ направленія равны нулю.

Касательно задачъ и примѣровъ, относящихся къ первымъ четыремъ главамъ разсматриваемаго учебника, можно сдѣлать не мало возраженій. Такъ, при рѣшеніи задачи № 13 было бы проще означить $\sqrt[3]{x}$ буквою z, чрезъ что получилось бы уравненіе съ двумя вещественными корнями, допускающими (оба, а не одинъ) извѣстныя объясненія. Значеніе одного изъ корней не 345,467, а 352,616 и получается непосредственно и скорѣе, чѣмъ по способу послѣдовательнаго приближенія. На стр. 49 примѣръ 6-й изложенъ неудачно: кажущееся годовое движеніе солнца совершается по нѣкоторой спирали, а то, о которомъ говоритъ авторъ, есть движеніе относительное къ не измѣняемой средѣ, совершающей поступательное движеніе, при чемъ одна изъ точекъ среды совпадаетъ съ центромъ земли. Въ задачѣ 31-й слѣдовало сказать, что $c_x = 0$ и $c_y = -32$ суть начальныя скорости при $t = 0$. Кромѣ того, необходимо было напомнить о при-

Библиотека "Руниверс"

мѣрѣ на стр. 29, въ которомъ $w = 15 - 14t$, а иначе большинство учащихся напишетъ $v_y = -32 + 4t^2$, но не $-32 + 2t^2$.

Наконецъ, въ заключеніе разбора кинематики, замѣтимъ, что ни въ одной изъ четырехъ разсмотрѣнныхъ главъ не дано надлежащаго понятія объ единицахъ скорости и ускоренія; даже столь употребительная единица скорости, какъ узелъ, опредѣлена неправильно.

Второй отдѣлъ книги г. Гуржеева, статика, начинается главой „предварительныя понятія", въ которой рѣчь ведется объ основныхъ положеніяхъ механики, необходимыхъ для изложенія ученія о зависимости между движеніемъ тѣлъ и причинами этого движенія, но не имѣющихъ отношенія къ статикѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы V-я—VIII-я. Динамикѣ посвящены главы IX-я—XIV-я.

Оба названные отдѣла не только составлены безъ строгой системы, о которой говорится въ предисловіи, но въ нихъ нелегко даже подмѣтить какую-либо систему изложенія. Такъ, если допустить, что глава „Предварительныя понятія" предназначена для изложенія основныхъ принциповъ механики, то спрашивается: почему начало равенства дѣйствія и противодѣйствія отнесено къ динамикѣ (гл. IX-я), а не къ статикѣ, опирающейся на это начало? Почему о моментахъ силы относительно точки и оси говорится въ концѣ главы V-й (о сложеніи и равновѣсіи сходящихся силъ), а не въ иномъ мѣстѣ, такъ какъ ни до, ни послѣ того совсѣмъ и не упоминается объ этихъ моментахъ Почему §§ 70 и 71, заключающіе въ себѣ весьма существенныя теоремы о моментѣ равнодѣйствующей параллельныхъ силъ и о моментѣ пары, напечатаны мелкимъ шрифтомъ и, стало быть, могутъ быть пропущены (стр. VII предисловія)? Почему динамика свободной матеріальной точки, опирающаяся на первыя три основныя начала механики, изложена послѣ того параграфа, въ которомъ говорится о началѣ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, тогда какъ въ этомъ—то началѣ она и не нуждается?

Для составителя учебника было обязательно обратить особенное вниманіе на точность и ясность выраженій при изложеніи тѣхъ основныхъ положеній механики, безъ отчетливаго пониманія которыхъ учащемуся не доступно усвоеніе предмета. Мы ожидали, что въ столь важномъ дѣлѣ авторъ отнесется къ каждому своему слову съ особенною осмотрительностью; но эти ожиданія, къ сожалѣнію, не оправдались. Такъ, уже въ первомъ параграфѣ главы „предварительныя понятія" нашли себѣ мѣсто слѣдующія слова: „По началу инерціи,

Библиотека "Руниверс"

движеніе тѣла, при отсутствіи внѣшнихъ причинъ, должно быть равномѣрное и прямолинейное. Отсюда слѣдуетъ, что если тѣло обладаетъ криволинейнымъ перемѣннымъ движеніемъ, то съ момента прекращенія дѣйствія причины, производящей измѣненіе скорости по величинѣ, движеніе сдѣлается равномѣрнымъ; если же сверхъ того прекратится дѣйствіе причины, измѣняющей скорость по направленію, то движеніе сдѣлается прямолинейнымъ..." Въ концѣ этого параграфа, приводя примѣръ проявленія свойства инерціи, но не сказавъ еще ничего о началѣ дѣйствія совокупности причинъ, авторъ указываетъ на паденіе камня, спущеннаго съ вершины мачты, къ основанію послѣдней.

На стр. 77 авторъ противорѣчитъ самому себѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Изъ уравненія (b), то-есть, $\frac{P}{g} = m$, видно, что численная величина массы не зависитъ отъ выбора единицъ силы и ускоренія и что масса равна единицѣ, когда сила и ускореніе выражены однимъ и тѣмъ же числомъ. Если условимся силу выражать въ килограммахъ или пудахъ, а ускореніе въ метрахъ или футахъ, то масса 1, или единица массы, будетъ масса тѣла, вѣсящаго въ первомъ случаѣ 9,81 килограммовъ, а во второмъ 32,2 пуда, для средней широты Россіи, гдѣ ускореніе равно 9,81 метра или 32,2 фута".

Здѣсь умѣстно замѣтить, что авторъ разсматриваемаго учебника, въ подражаніе нѣкоторымъ другимъ, преимущественно русскимъ, составителямъ такихъ же учебниковъ, игнорируетъ уже установившуюся въ наукѣ систему простыхъ и сложныхъ единицъ. Указаніе же на эту систему не только не затруднило бы учащихся, но напротивъ, избавило бъ ихъ отъ возможности впадать въ противорѣчія, подобныя вышеприведенному.

По поводу „многоугольника силъ" (§ 57) авторъ выражается: „Хотя этотъ графическій способъ и не даетъ точныхъ результатовъ, но онъ не допускаетъ грубыхъ ошибокъ, и можетъ быть употребляемъ для повѣрки вычисленій". Мѣстомъ, занимаемымъ этимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ разсужденіемъ, слѣдовало бы воспользоваться, чтобы сказать хотя нѣсколько словъ о проектированіи многоугольника силъ на плоскость, о чемъ въ книгѣ не упомянуто нигдѣ, не смотря на ощущаемую въ томъ потребность (въ концѣ § 62).

Въ главѣ VII-й (центръ тяжести), по простотѣ ея содержанія, казалось бы, нельзя и ожидать неясностей и неопредѣленностей; однако онѣ и тутъ оказываются. Такъ, напримѣръ, въ § 74 читаемъ: „Тяжесть дѣйствуетъ на всѣ тѣла одинаково, то-есть, сообщаетъ имъ въ

Библиотека "Руниверс"

одно и то же время одинаковыя скорости. Если въ дѣйствительности и замѣчается противное, то-есть, что тяжелыя тѣла падаютъ со скоростью большею, нежели легкія, а газообразныя тѣла кажутся даже изъятыми отъ дѣйствія тяжести, то это происходитъ вслѣдствіе сопротивленія, оказываемаго ихъ движенію воздухомъ". Есть въ этой главѣ и поспѣшныя заключенія (примѣчаніе II), и невѣрныя опредѣленія (напримѣръ, плоскости и оси симметріи).

Въ главѣ VIII-й укажемъ прежде всего на одно упущеніе: въ ней ничего не сказано объ условіи, при которомъ система силъ, приложенныхъ къ точкамъ твердаго тѣла, можетъ быть уравновѣшена одною силою. Того, что сказано по этому предмету на стран. 121, недостаточно.

Объ устойчивости равновѣсія сообщается въ разсматриваемой главѣ только то, что обыкновенно помѣщается въ учебникахъ физики. Нѣкоторые примѣры неудачны: на стр. 125 сказано: ... „человѣкъ, стоящій на горизонтальной плоскости, ... представляетъ примѣръ неустойчиваго равновѣсія. Легко понять отсюда, почему носильщикъ".

Что касается задачъ, приложенныхъ къ главѣ VIII-й, то при рѣшеніи № 79 полезно было бы, между прочимъ, указать на выводъ формулы для $\operatorname{tng} \gamma$, основанный на томъ, что точка пересѣченія нормалей должна, при равновѣсіи, находиться на одной вертикальной линіи съ точкою приложенія силы P. При рѣшеніи задачи № 80 не лишне было бы коснуться тѣхъ случаевъ, въ которыхъ натяженіе веревки безконечно велико или отрицательно.

Послѣдній отдѣлъ книги г. Гуржеева, динамика, тоже не свободенъ отъ неисправностей.

Въ главѣ IX-й, на стр. 129, въ выноскѣ, дано неудовлетворительное понятіе о системѣ матеріальныхъ точекъ.

Въ § 93 неправильно утверждается, что начало Ньютона позволяетъ раздѣлить силы на внутреннія и внѣшнія. Въ томъ же параграфѣ (стр. 131) помѣщено слѣдующее странное разсужденіе о жидкостяхъ: „Въ жидкихъ тѣлахъ напряженіе частичныхъ силъ, обусловливающихъ сцѣпленіе ихъ, весьма незначительно, сравнительно съ напряженіемъ частичныхъ силъ твердыхъ тѣлъ, такъ что каждую частицу жидкаго тѣла можно разсматривать какъ свободную, могущую перемѣщаться независимо отъ остальныхъ".

Въ главѣ X-й не упомянуто, что теоремы §§ 112—115 относятся только къ твердому тѣлу.

Въ главѣ XI-й законъ движенія центра инерціи напечатанъ мелкимъ

Библиотека "Руниверс"

шрифтомъ и, слѣдовательно, по мнѣнію автора, можетъ быть „пропущенъ въ классномъ преподаваніи безъ нарушенія связи цѣлаго". Выведенъ онъ изъ закона живой силы для поступательнаго движенія твердаго тѣла, а примѣняется къ системѣ тѣлъ.

Въ § 125 выводъ уравненій равновѣсія твердаго тѣла основанъ на началѣ возможныхъ перемѣщеній, безъ упоминанія объ этомъ началѣ и безъ разъясненія его сущности.

Въ главѣ XII-й, въ § 130 нельзя признать яснымъ слѣдующее разсужденіе автора: „Но мы видѣли, что если какая либо сила дѣйствуетъ на м. (матеріальную) точку или тѣло, то она встрѣчаетъ со стороны послѣднихъ противодѣйствіе, равное и противоположное, которое есть не что иное, какъ сопротивленіе инерціи, оказываемое тѣломъ всякому измѣненію своего состоянія".

Въ главѣ XIII-й (объ ударѣ тѣлъ), на стр. 185, голословно утверждается, что оба тѣла „возстановятъ вполнѣ свою форму въ теченіе времени, равнаго продолжительности перваго періода". Самое слово „періодъ" тутъ неумѣстно.

Въ § 140 объясненіе причины, по которой „сумма живыхъ силъ тѣлъ во все время удара остается постоянною", непонятно; ссылка на § 138 тоже ничего не объясняетъ.

На стр. 189, вслѣдъ за описаніемъ прибора Гравезанда, дано совершенно ошибочное, крайне неудобное въ учебной книгѣ, объясненіе распространенія звука въ воздухѣ („Подобное этому явленіе происходитъ при распространеніи звука въ воздухѣ").

Въ главѣ XIV-й утверждается безъ достаточнаго основанія, что „ядра и пули, во время полета, при треніи о частицы воздуха замѣтно нагрѣваются".

§ 155 изложенъ очень невразумительно. То же самое можно сказать и о выводѣ закона тренія 2-го рода (стр. 204), а также и объ изложеніи теоріи вѣсовъ (§ 164).

Наконецъ, неудовлетворительно объясненіе преимуществъ блока Вестона (стр. 224).

Книга г. Гуржеева прекрасно издана во внѣшнемъ отношеніи, если не ставить ей въ упрекъ прямой шрифтъ въ формулахъ, имѣющій нѣкоторыя неудобства. Стремленіе автора изложить курсъ механики строго систематически, проявившееся до нѣкоторой степени на обработкѣ двухъ первыхъ главъ, сравнительно лучшихъ въ книгѣ, достойно полнаго сочувствія. Затѣмъ весьма ясно и толково объяснены г. Гуржеевымъ явленія, сопровождающія качаніе маятника Фуко,

Библиотека "Руниверс"

хотя мѣсто для этого „примѣра" избрано и не совсѣмъ удачно. Наконецъ, не безъ одобренія слѣдуетъ отнестись и къ указанію автора на случаи, въ которыхъ разложеніе силъ неопредѣленное.

Учебникъ счетоводства для начальныхъ городскихъ, земскихъ и др. училищъ. Счетоводство подотчетныхъ прикащиковъ по самоповѣрочной-русской тройной системѣ, предлагаемой Ѳедоромъ *Езерскимъ*. Изданіе II-е, передѣланное. С.-Пб. 1883. Ц. 60 к.

Въ предисловіи къ разбираемой брошюрѣ авторъ говоритъ, что тотъ отдѣлъ „первоначальнаго счетоводства, въ которомъ прежде всего нуждаются оканчивающіе свое образованіе въ начальныхъ школахъ, есть счетоводство подотчетнаго прикащика". „Подотчетный прикащикъ—это отвѣтственное, по закону, лицо за сохраненіе довѣренныхъ ему товаровъ и цѣнностей". Далѣе, авторъ развиваетъ, что число такихъ счетоводовъ прикащиковъ и прикащицъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Фабриканты, заводчики, сельскіе хозяева открываютъ свои склады и магазины въ мѣстахъ сбыта, а торговыя фирмы, вслѣдствіе легкихъ сношеній по желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ и телеграфамъ, открываютъ отдѣленія, магазины, агентства въ другихъ городахъ, внѣ мѣста своего пребыванія. Отсюда увеличивается потребность въ подотчетномъ счетоводствѣ. Такъ какъ большинство подотчетныхъ прикащиковъ и прикащицъ выходитъ не изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній, а изъ самыхъ начальныхъ училищъ—городскихъ, земскихъ и другихъ, то авторъ не безъ основанія заключаетъ, что ознакомленіе учениковъ начальныхъ школъ, хотя бы съ самыми общими началами счетоводства, является вопросомъ насущной потребности. Съ этою цѣлью и составленъ предлежащій учебникъ счетоводства для начальныхъ училищъ.

Для изложенія своего курса начальнаго счетоводства авторъ считаетъ достаточнымъ употребить 15 лекцій; учитель ариѳметики можетъ сообщить ихъ оканчивающимъ курсъ ученія, въ послѣдніе мѣсяцы передъ выпускомъ изъ школы. Лекціи эти могутъ быть раздѣлены на три курса: одинъ—для старыхъ системъ (такъ-называемой простой или двойной), — которыя помѣщены въ первыхъ пяти урокахъ учебника, и два курса: второй и третій — для системы, названной составителемъ „самоповѣрочною". Второй курсъ содержитъ

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ три урока (VI, VII, VIII) и обнимаетъ счетоводство несложной формы торга, только на наличныя деньги и, наконецъ, третій курсъ (заключающій въ себѣ семь послѣднихъ лекцій) относится къ болѣе сложной формѣ торга, гдѣ товары покупаются и продаются не на одинъ наличныя деньги, но и въ кредитъ.

Если бы начальныя школы затруднились удѣлить столько учебнаго времени, чтобы пройдти весь курсъ, то онѣ могутъ ограничиться только основными и простѣйшими правилами счетоводства, заключающимися въ 3-хъ или 4-хъ первыхъ урокахъ. Содержаніе этихъ лекцій слѣдующее: I) Цѣль счетоводства. II) Перечетный способъ счетоводства, при чемъ учащіеся ознакомляются съ „инвентарною книгою" (составляющею опись средствъ, то-есть, имущества и погашенія съ оцѣнкою на деньги). III) Первоначальный способъ счетоводства долговаго. IV) Простая система счетоводства (прихода и расхода) съ образцами книгъ „кассовой" и „товарной".

Въ видахъ недостатка времени, учащіеся могли бы ограничиться только этими основными и простѣйшими правилами счетоводства, при чемъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, — часть исполнительныхъ работъ, то-есть, составленіе чистовыхъ счетовъ и провѣрка суммъ и итоговъ, могла бы быть отнесена къ урокамъ чистописанія и ариѳметики.

При слѣдующемъ изданіи этого учебника, по нашему мнѣнію, полезно было бы нѣсколько полнѣе изложить указанныя нами первыя четыре главы или лекціи разбираемаго руководства, заключающія въ себѣ основанія такъ-называемой простой (двойной, англійской) системы торговаго счетоводства, такъ какъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и во многихъ учебныхъ заведеніяхъ до сихъ поръ держатся преимущественно этой системы счетоводства. Цѣну брошюры (60 коп. за 3 1/2 печ. листа) нельзя считать умѣренною. Цѣна вѣсовыхъ „за 2 фунта"—показана не точно: брошюра вѣситъ не болѣе полуфунта. Итоги образцовыхъ книгъ вообще вѣрны и система ведена правильно, чего, конечно, и можно было ожидать, такъ какъ авторъ этого учебника извѣстенъ у насъ какъ опытный и знающій свое дѣло счетоводъ.

Разбираемое руководство, несомнѣнно, можетъ принести учащимся практическую пользу, въ особенности же въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введены дополнительные курсы счетоводства.

Библиотека "Руниверс"

Иллюстрированная Исторія Петра Великаго, текстъ *А. Г. Брикнера*, профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ. Два тома. Изданіе *А. С. Суворина*. Петербургъ, 1882. Цѣна за 2 тома 15 руб.; для учебныхъ заведеній, выписывающихъ это изданіе прямо изъ магазина Новаго Времени, дѣлается уступка.

Разсматриваемое съ педагогической точки зрѣнія, прекрасное изданіе г. Суворина наводитъ на грустныя мысли. Въ самомъ дѣлѣ оказывается, что у насъ до перевода на русскій языкъ труда, написаннаго первоначально для иностранцевъ, не было общедоступной и достаточно серьезной исторіи Петра Великаго, что Американцы и Нѣмцы—какъ это и выражено въ предисловіи отъ издателя—опередили насъ въ популяризаціи исторіи величайшаго изъ русскихъ государей. Монументальный трудъ Соловьева, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнный, по своей обширности и документальности малодоступенъ обыкновенному читателю. Правда, составитель предисловія забылъ о публичныхъ лекціяхъ покойнаго историка посвященныхъ Петру Великому по поводу двухсотлѣтняго юбилея. Онѣ напечатаны и, конечно, представляютъ превосходный образецъ популяризаціи, но только совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ какой нуженъ былъ въ данномъ случаѣ. Тамъ разъясняется общій взглядъ на дѣятельность Петра, выставляются на видъ идеи, руководившія его реформами, но все-таки мало фактическаго разказа, повѣствованія объ отдѣльныхъ событіяхъ. Не упомянуты еще въ предисловіи „Разказы изъ исторіи XVIII столѣтія“ г. Щебальскаго, оказавшіе столько услугъ нашей школѣ, написанные съ несомнѣннымъ талантомъ популяризаціи, правильнымъ русскимъ языкомъ, весьма живо и одушевленно: но все-таки здѣсь нѣтъ спеціальной достаточно подробной исторіи Петра, которая удовлетворяла бы во всѣхъ отношеніяхъ научнымъ требованіямъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ придется признать нѣкоторую справедливость заявленія, обличающаго общеизвѣстный грѣхъ русской науки и русской литературы, а также, конечно, беззаботность, небрежность и непредпріимчивость русскихъ издателей и книгопродавцевъ.

Не показалъ большой предпріимчивости и почтенный издатель „Иллюстрированной исторіи Петра Великаго“, взявъ готовое нѣмецкое изданіе, явившееся первоначально въ извѣстномъ сборникѣ Онкена-Гроте „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen“. Конечно, оно принадлежитъ профессору русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ,

Библиотека "Руниверс"

хорошо извѣстному трудами по своей спеціальности и въ русской литературѣ. Никто не будетъ отрицать большихъ заслугъ А. Р. Брикнера предъ наукою русской исторіи. Онъ именно владѣетъ тѣмъ, чего не достаетъ многимъ природнымъ русскимъ ученымъ—умѣньемъ писать не только статьи, но и цѣлыя книги. Для этого нужны не только постоянство и выдержка въ трудѣ, но и еще нѣчто, довольно важное. Г. Брикнеръ несомнѣнно обладаетъ большимъ талантомъ архитектурнаго построенія; онъ умѣетъ не только собрать, но и выбрать матеріалъ, годный для возведенія обширнаго зданія; онъ выработалъ себѣ—въ хорошей, конечно, школѣ—большое искусство въ композиціи цѣлаго, положительное мастерство въ расположеніи большихъ частей и группировкѣ частностей. Кромѣ того, онъ усвоилъ себѣ пріемы ученаго критическаго отношенія къ источникамъ, умѣнье отличать басню и легенду отъ подлинной исторической правды, привыкъ больше вѣрить непосредственнымъ свидѣтелямъ и очевидцамъ, чѣмъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ собирателямъ анекдотовъ. Однимъ словомъ, онъ обладаетъ тѣми условіями, которыя нужны были для написанія хорошей общедоступной — полу-популярной, какъ выражаются нѣмецкіе ученые о характерѣ Онкеновскаго собранія—книги о Петрѣ Великомъ, особенно для нѣмецкой публики... И въ слѣдъ за нѣмецкою критикой мы признаемъ, что составленная г. Брикнеромъ исторія Петра Великаго вполнѣ достойна имени своего автора. Но есть еще одна сторона дѣла, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе, и именно съ педагогической точки зрѣнія.

Г. Брикнеръ познакомилъ серьезную нѣмецкую читающую публику не только съ частными результатами русскихъ ученыхъ изслѣдованій, но и съ общими взглядами на дѣятельность Петра, которые развилъ наиболѣе даровитый и серьезный изъ русскихъ историковъ, С. М. Соловьевъ. Въ этомъ опять его большая, такъ-сказать, международная заслуга, которой никакъ нельзя отрицать. Въ русскомъ изданіи г. Брикнеръ съ достойнымъ похвалы благородствомъ прямо засвидѣтельствовалъ о своей зависимости отъ названнаго русскаго ученаго и даже посвятилъ свой трудъ „Памяти Сергѣя Михайловича Соловьева“. Итакъ, съ точки зрѣнія основнаго взгляда, трудъ дерптскаго профессора, нужно ожидать, не только не оскорбитъ русскаго національнаго чувства, но напротивъ будетъ содѣйствовать его воспитанію и укрѣпленію. При равнодушномъ отношеніи къ предмету въ самомъ дѣлѣ такъ можетъ показаться, и мы съ трудомъ мо-

Библиотека "Руниверс"

жемъ объяснить себѣ ту громадную разницу впечатлѣнія, которое оставляютъ страницы С. М. Соловьева, посвященныя возвеличенію Петра, слѣдовательно, написанныя уже никакъ не въ славянофильскомъ, тѣмъ менѣе узко-патріотическомъ духѣ, и подобныя же мысли развиваемыя въ началѣ и концѣ „Иллюстрированной исторіи". Есть какіе-то внутренніе оттѣнки, на которыхъ, впрочемъ, мы не хотимъ настаивать. Гораздо проще и яснѣе дѣло объясняется отсутствіемъ въ этой „Исторіи" того одушевленія, которымъ было согрѣто изложеніе С. М. Соловьева, нѣкоторою грубостью формулированія и выраженія идей.

„Историческое развитіе Россіи впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго". Такъ гласятъ первыя строки въ русскомъ изданіи за выпускомъ замѣчанія, находившагося въ нѣмецкомъ и направленнаго противъ славянофиловъ.

„Отъ Византіи Россія заимствовала религію и церковь. Однако не во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи было полезнымъ и плодотворнымъ. Византійскому вліянію должно приписать преобладаніе въ міросозерцаніи русскаго народа, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезмѣрно консервативныхъ воззрѣній въ области вѣры, нравственности, умственнаго развитія... (стр. VII).

„При Ѳедорѣ можно было считать вѣроятнымъ окончательный перевѣсъ средневѣковой католической науки, пробившей себѣ путь въ Россію черезъ Польшу и Малороссію.... Это направленіе нѣкоторымъ образомъ классическаго, по крайней мѣрѣ основаннаго на латинскомъ языкѣ, воспитанія было діаметрально противоположно тому реальному обученію, которое Русскіе могли пріобрѣсти отъ германскаго и протестантскаго міра. Многое зависѣло отъ рѣшенія вопроса, кто будетъ главнымъ наставникомъ Россіи.... Россія могла примкнуть или къ романскому католическому міру, великому въ прошедшемъ, не забывшему своихъ прежнихъ правъ и своего прежняго перевѣса, державшемуся отсталыхъ понятій о преимуществѣ имперій и іерархіи, жившему давними воспоминаніями, сдѣлавшемуся анахронизмомъ,—или же къ другой, сѣверо-западной, обращенной къ океану, части Европы, къ представителямъ новой идеи о государствѣ, новой политической системы, открывавшимъ новые пути въ областяхъ

Библиотека "Руниверс"

государственнаго и международнаго права, торговли, промышленности науки, литературы и колонизаціи" (стр. 5).

Вотъ заключительныя строки сочиненія:

„Результаты нашего труда главнымъ образомъ совпадаютъ съ воззрѣніями на этотъ предметъ того достойнаго труженика, памяти котораго посвящено это сочиненіе. Эти результаты относительно значенія Петра въ исторіи слѣдующіе:

„Развитіе историческое происходитъ въ сущности независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра превратилась бы въ европейскую державу, онъ не создалъ новаго направленія въ историческомъ развитіи Россіи; но благодаря геніальности и силѣ воли Петра-патріота, Россія особенно быстро и успѣшно подвинулась впередъ въ указанномъ ей прежде направленіи. Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ бы продуктомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ общечеловѣческою культурою. Глубокое пониманіе необходимости такого соединенія двухъ началъ, національнаго и космополитическаго, доставило Петру на вѣчное время одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества".

Многое здѣсь вызываетъ на возраженія и замѣчанія, но мы отъ нихъ удержимся; думаемъ только, что никто уже не похвалитъ изложенія, языка, которымъ переведено для русской публики и школы сочиненіе, долженствующее быть во всѣхъ отношеніяхъ образовательнымъ. Удивительное дѣло, какъ издатель и редакторъ, сами будучи литераторами, такъ мало придаютъ значенія этой сторонѣ дѣла. Теперь принято жаловаться на паденіе литературнаго и эстетическаго вкуса, паденіе искусства правильно писать и выражаться по русски, и винить въ этомъ отношеніи школу. Не можетъ ли въ свою очередь и школа пожаловаться на литературу, которая наводняетъ ее переводами съ иностраннаго, очень невысокой пробы? Въ данномъ случаѣ характеръ и стиль изложенія должны имѣть первостепеннѣйшую важность, и мы очень сожалѣемъ, почему г. Суворину или г. Шубинскому не пришло на мысль прямо воспользоваться трудомъ Соловьева, предложивъ кому-нибудь изъ его учениковъ или близкихъ сократить его или, какъ говорится, обработать для большой публики.

Г. Брикнеръ по истинѣ можетъ пожаловаться на своего переводчика: онъ исказилъ и обезобразилъ его совершенно приличную въ нѣмецкомъ изданіи книгу; на русскомъ языкѣ она является испещренною совершенно невозможными оборотами и выраженіями. Переводчикъ не всегда понимаетъ правильно значеніе отдѣльныхъ русскихъ

Библиотека "Руниверс"

словъ; особенно же непріятенъ какой-то канцелярскій жаргонъ, какая-то особая наклонность къ принятію мѣръ, къ выдачѣ и невыдачѣ—даже стрѣльцамъ—слѣдуемыхъ имъ денегъ и т. п.; даже тамъ, гдѣ языкъ, по видимому, правиленъ, онъ всегда какъ-то искусственъ. Вмѣсто яркихъ и образныхъ выраженій источниковъ, которые еще сохраняются въ изложеніи Соловьева, въ исторіи стрѣлецкихъ, напримѣръ, бунтовъ и раскольничьей смуты, здѣсь являются совершенно безцвѣтные, казенные, полу-иностранные обороты и фразы. Повторяемъ, что это очень важно въ книгѣ, предназначаемой для большой публики и для школы. Когда намъ начинаютъ повѣствовать о древней Руси такимъ языкомъ, какъ будто рѣчь идетъ о какомъ-то не то нѣмецкомъ, не то совершенно безличномъ государствѣ, даже преждевременно совершаютъ надъ нею европеизацію, то становится грустно. Вредно же это въ томъ отношеніи, что пріучаетъ холодно относиться къ своей родной исторіи; такое изложеніе ни сколько не затрогиваетъ и не возбуждаетъ тѣхъ струнъ сочувствія и симпатіи къ прошлому своего народа, каково оно ни было, которыя, конечно, непремѣнно находятся въ русской душѣ и требуютъ вниманія и уваженія.

„Представители послѣдняго (то-есть, Московскаго государства)—приступили къ принятію мѣръ для доставленія ей (Россіи) возможности участвовать въ общечеловѣческомъ прогрессѣ“ (стр. IX).

„Онъ самъ (то-есть, Матвѣевъ) оказалъ царю существенныя услуги во время пріобрѣтенія Малороссіи“ (стр. 9).

„Извѣстно, что знакомиться съ невѣстою, какъ бы частнымъ человѣкомъ, въ частномъ домѣ было не въ обычаѣ у Русскихъ царей. Правиломъ при женитьбахъ царей были торжественные смотры множества красавицъ, между которыми царь выбиралъ себѣ сожительницу. Извѣстно, какъ часто при подобныхъ случаяхъ между различными семействами происходили страшныя крамолы и даже преступленія“ (стр. 11).

„Театральныя представленія при дворѣ служили Матвѣеву средствомъ для оскорбленія своихъ противниковъ. Когда давали пьесу Юдиѳь, въ Аманѣ хотѣли узнавать кого-то изъ Милославскихъ. Въ Мардохѣ (sic) примѣтенъ былъ Матвѣевъ“ (стр. 12).

„О мелочности крамолъ, направленныхъ противъ Матвѣева, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ мѣрахъ, принятыхъ противъ павшаго боярина, занимаетъ весьма видное мѣсто жало-

Библиотека "Руниверс"

ба датскаго резидента о долгѣ, въ размѣрѣ 500 рублей, за проданное Матвѣеву вино" (стр. 15).

„И съ одной, и съ другой стороны аргументація основывалась на теоріи о волшебствѣ и злыхъ духахъ" (тамъ же).

„Имѣя четыре года, Петръ, черезъ ссылку Матвѣева, лишился друга и покровителя" (стр. 18).

„Тѣмъ не менѣе, въ первые же дни послѣ кончины царя Ѳеодора Алексѣевича дѣла необыкновенно быстро устроились въ пользу Петра...." (стр. 21).

„Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. На одной сторонѣ... были Милославскіе, желавшіе перевѣса своихъ родственниковъ, дѣтей отъ перваго брака царя Алексѣя" (тамъ же).

„Долгорукіе и Голицыны, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, поддѣли подъ платье панцыря" (тамъ же).

„Стрѣльцамъ не давали слѣдуемыхъ имъ денегъ; ихъ принуждали къ работамъ, не входившимъ въ кругъ ихъ обязанностей".

„Произошло убіеніе нѣсколькихъ полковниковъ, любимымъ тогда способомъ" и т. д. (стр. 26).

„Его (Матвѣева) пріѣздъ 11-го мая, не столько былъ средствомъ спасенія многихъ жертвъ, сколько сигналомъ начала кровопролитія" (стр. 29).

„Въ отвѣтъ раздались неистовые крики, что удаленіе царицы желательно" (стр. 32).

„Спрашивалось: сумѣетъ ли правительница, при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ развитія политическихъ способностей женщинъ въ то время, рѣшить предстоявшія ей трудныя задачи—сдѣлать кое-что полезное для государства до достиженія Петромъ совершеннолѣтія? Чѣмъ успѣшнѣе бы она управляла, тѣмъ легче можно было забыть о томъ насиліи и покровительствѣ, которому она была обязана своимъ положеніемъ во главѣ правительства" (стр. 39).

„Раскольники соединялись охотно и легко съ людьми, ненавидѣвшими усиленную государственную власть.....Фарисейство замѣнило настоящую религіозность..... Чѣмъ менѣе образованіе вообще проникало въ народъ, тѣмъ болѣе онъ былъ доступенъ теоріямъ ограниченнаго византинизма и фарисейскаго застоя" (стр. 46).

„Въ разныхъ мѣстахъ столицы появились расколоучители, требовавшіе мѣръ и средствъ къ возстановленію истинной старой

Библиотека "Руниверс"

вѣры; .... требовали доставленія имъ возможности защищать ее въ публичныхъ преніяхъ, вопросахъ церкви и религіи. Въ этомъ проявлялась ненависть къ высшимъ классамъ общества, зараженнымъ, по мнѣнію массы, латинскою ересью" (стр. 41).

„Никита Пустосвятъ былъ сосланъ, а затѣмъ помилованъ за свое мнимое отвлеченіе отъ раскола" (тамъ же).

„Возникъ новый кризисъ. То была опасность военной диктатуры князя Хованскаго" (стр. 45).

Украшеніемъ русскаго изданія, дающимъ ему большое преимущество предъ нѣмецкимъ, могутъ считаться многочисленные портреты, рисунки и картины, разсѣянные по всей книгѣ, въ обоихъ ея томахъ; въ нѣмецкомъ подлинникѣ есть только портреты, притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и конечно, тамъ нѣтъ такихъ рѣдкостей, иногда униковъ, какими могъ располагать русскій издатель или, лучше сказать редакторъ, г. Шубинскій. Но едва ли и здѣсь нѣтъ маленькой погрѣшности противъ вкуса или пожалуй, педагогіи. Ужь очень много пытокъ и казней съ ихъ орудіями; эти предметы являются сейчасъ же съ первыхъ страницъ, затѣмъ въ изобиліи — иногда, впрочемъ, совсѣмъ некстати — повторяются въ концѣ перваго тома (на стр. 292, 295, 299). Можно сказать, что здѣсь иллюстрація совсѣмъ не поддерживаетъ текста, а напротивъ вступаетъ въ борьбу съ намѣреніями автора. Говоря обо всѣхъ этихъ ужасахъ пытки и застѣнка, г. Брикнеръ съ безпристрастіемъ ученаго, желающаго быть справедливымъ, всегда напоминаетъ, что это явленіе не исключительно русское, что нѣчто подобное въ данную эпоху существовало и на западѣ; рисунки, конечно, не представляютъ таковой смягчающей стороны дѣла....

Не смотря на свои недостатки, изданіе г. Суворина по справедливости заслуживаетъ вниманія образованной публики и не лишнимъ будетъ въ гимназическихъ библіотекахъ.

Краткій учебникъ географіи. *Н. Равскаго*, главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири. Описаніе земнаго шара. Съ 27-ю рисунками и 6-ю таблицами. С.-Петербургъ. 1883.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ задался весьма благимъ намѣреніемъ, облегчить, на сколько это зависитъ отъ учебника, начальный курсъ географіи. Въ этихъ видахъ имъ довольно значительно сокращено число географическихъ именъ; математическая географія ограничена самыми элементарными, необходимыми дан-

Библиотека "Руниверс"

ными; описанія наиболѣе характерныхъ растеній иллюстрированы крупными и довольно изящными рисунками; внесено также нѣсколько рисунковъ къ объясненію свѣдѣній изъ математической и физической географіи. Къ концу книжки приложено пять географическихъ чертежей: первый предназначается для ознакомленія съ полуостровами, островами, низменностями, плоскогоріями и горными хребтами стараго свѣта; другой—для ознакомленія съ морями, рѣками, озерами и теченіями также стараго свѣта; третій изображаетъ Америку съ тѣми же данными; четвертый чертежъ даетъ контуръ Европы, съ показаніемъ государствъ и главныхъ городовъ; пятый—Россію съ поименованіемъ губернскихъ городовъ. На картахъ находятся только данныя, встрѣчающіяся въ учебникѣ. Напечатана книжка на прочной, бѣлой бумагѣ, довольно четкимъ шрифтомъ; все это вмѣстѣ составляетъ достоинство разсматриваемой книжки. Но погрѣшности, неизбѣжныя вообще въ первыхъ изданіяхъ, встрѣчаются и въ трудѣ г. Раевскаго. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Стр. 13. По объясненію автора, Тихій океанъ получилъ названіе свое потому, что воды его тише водъ Атлантическаго океана. Это невѣрно: Тихій океанъ буренъ не менѣе Атлантическаго; названіе же свое онъ получилъ отъ Магеллана, спокойно прослѣдовавшаго отъ Америки до Молукскихъ острововъ.

Стр. 14. Вмѣсто одного Китайскаго моря въ учебникѣ показано два моря: Желтое и Китайское, тогда какъ первое составляетъ только сѣверную часть послѣдняго. На той же страницѣ невѣрно представлены границы Великаго океана, ибо Зондскіе острова внесены въ предѣлы его, а въ дѣйствительности они находятся въ Индѣйскомъ океанѣ.

Стр. 21. Сахара отнесена къ низменностямъ, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ она причисляется къ возвышенностямъ.

Стр. 34. Говорится, что моря имѣютъ растительность, и въ доказательство представляется Саргассово море. Но извѣстно, что водоросли Саргассова моря занесены съ материковъ.

Стр. 37. Говорится, что ближе къ полярному кругу сѣютъ ячмень и картофель, а южнѣе рожь и овесъ. Такимъ образомъ выходитъ, что овесъ требуетъ болѣе тепла, чѣмъ ячмень и даже рожь.

Стр. 45. „Швеція и Норвегія признаются за одно королевство со столицею Стокгольмъ". На той же страницѣ говорится, что въ государствахъ съ ограниченною монархическою властью законы издаются не государемъ, а собраніемъ представителей.

Библиотека "Руниверс"

Учебникъ изложенъ простымъ языкомъ, но мѣстами встрѣчаются разнаго рода шероховатости. Для примѣра укажемъ на слѣдующія:

Стр. 17. „Калифорнскій заливъ окрашенъ маленькими рачками".

Стр. 21. „Равнины, покрытыя пескомъ, будутъ пустыни".

Стр. 28. „Когда солнце подогрѣетъ землю".

Стр. 32. „Если всчать лицомъ къ устью рѣки".

Стр. 55. „На фигурѣ 26-й изображено то же самое, только, что въ планѣ".

Опечатки не показаны въ книгѣ, но онѣ разсѣяны не въ маломъ числѣ, напримѣръ: Инду-Китайскій вмѣсто Индо-Китайскій, Сумора вмѣсто Суматра, Ефрать вмѣсто Евфратъ.

Въ картахъ также встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности. На 2-й картѣ названа Архипелагомъ та часть Средиземнаго моря, которая у географовъ называется Левантскимъ моремъ. Тигръ и Евфратъ впадаютъ въ море отдѣльными рѣками. На картѣ написано Индійскій океанъ, а въ учебникѣ Индѣйскій. На картѣ 3-й Лаплата названа Параной. На картѣ 5-й Каспійское море названо, по примѣру нѣмецкихъ картографовъ, Каспійскимъ озеромъ.

Краткій учебникъ географіи *Н. Рѣвскаго*. Западная Европа. Съ 15-ю таблицами чертежей. С.-Петербургъ 1883.

Этотъ учебникъ, состоитъ изъ 71 страницы, одинаковаго съ первымъ формата, и предназначается для третьяго класса гимназій; онъ снабженъ вопросами, мелкими картами и объясненіями для черченія градусныхъ сѣтокъ и также, какъ первый, не изобилуетъ номенклатурой. Погрѣшности встрѣчаются, но, сравнительно съ вышепоименованнымъ учебникомъ, рѣже. Вотъ главныя изъ нихъ:

Стр. 10. „Южная и юговосточная часть Пиринейскаго полуострова предоставлены дѣйствію вѣтровъ, дующихъ съ Сахары; оттого климатъ теплый и растительность мѣстами роскошная"; но на стр. 15 говорится, что вѣтеръ Сахары высушиваетъ растенія.

Стр. 35. „Англія отъ природы какъ будто назначена господствовать надъ сушею и моремъ". Это мѣсто не имѣетъ смысла.

Стр. 45. Торговое значеніе Нюренберга въ средніе вѣка ставится въ зависимость отъ канала, соединяющаго рр. Ренгицъ и Альтмюдь. Но предполагаемый Людовиковъ каналъ проведенъ только въ настоящемъ столѣтіи. Вообще ссылка въ географіи на положеніе тѣхъ или другихъ странъ и городовъ въ древнѣйшія времена состав-

Библиотека "Руниверс"

лнетъ только балластъ для памяти учениковъ. Не безъ основанія же въ учебныхъ планахъ министерства народнаго просвѣщенія не рекомендуется внесеніе такого матеріала въ низшій курсъ географіи.

Стр. 53. Сказано, что Голландцы—реформаты, тогда какъ $^2/_5$ населенія исповѣдуютъ католичество.

Стр. 56. „Валлонскій языкъ считается испорченнымъ французскимъ".

Стр. 64. Число Славянъ въ Австро-Венгріи значительно уменьшено; число же Нѣмцевъ нѣсколько увеличено.

Аппенины, Валлисъ, Корнваллисъ, Валлоны напечатаны безъ свойственнаго этимъ словамъ удвоенія нѣкоторыхъ согласныхъ. Также почему-то составитель употребляетъ „Румыне" (стр. 8) вмѣсто: Румыны, „Лембергъ" вмѣсто: Львовъ.

Въ языкѣ встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности:

Стр. 47. „Низменность Пруссіи рѣкою Эльбою распадается на 2 части".

Стр. 48. „Въ Берлинѣ собраны всевозможныя научныя учрежденія".

Опечатки не показаны, хотя онѣ встрѣчаются. Такъ, напримѣръ, „Лаго, Маджіоре": запятая стоитъ послѣ Лаго; такимъ образомъ выходитъ, какъ бы два озера; Афонъ вмѣсто Аѳонъ.

Карты, приложенныя къ разсматриваемой части учебника, будутъ весьма полезны для справокъ; но изученіе географіи по нимъ однимъ, безъ помощи атласа, рекомендовать не возможно, такъ какъ онѣ изображены безъ сѣтокъ. Къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ страдаютъ довольно грубыми ошибками: На картѣ 2-й Тисса беретъ начало въ Трансильванскомъ плоскогоріи. На картѣ 3-й острова Маіорка и др. прижаты къ Пиринейскому полуострову. На картѣ 4-й Аппенины прерываются три раза и т. п.

Цѣна разсмотрѣнныхъ учебниковъ не обозначена, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ составляетъ неудобство.

И. Гарчинскій. Краткій очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправленій, съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья. Руководство для городскихъ училищъ. Съ рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1884. Цѣна 75 коп.

Преподаваніе естественныхъ наукъ въ нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ до сихъ поръ имѣетъ шаткія формы и не утвердило за собою никакой репутаціи полезнаго и важнаго учебнаго дѣла. Причина тому заключается въ большой трудности

Библиотека "Руниверс"

устроить надлежащимъ образомъ столь краткіе курсы. При ихъ маломъ объемѣ, требуется тщательный выборъ предметовъ изъ обширной, почти безграничной области этихъ наукъ. Для такого выбора нужно установить строгія начала; между тѣмъ обыкновенно объ этомъ мало заботятся и имѣютъ въ виду лишь одно — пробѣжать всю область науки и остановиться слегка, не углубляясь, на самыхъ выдающихся ея пунктахъ. Старинное правило non multa sed multum забывается. Выборъ частностей дѣлается безъ всякой руководящей мысли. Очень обыкновенная мысль о практической полезности естественно-научныхъ познаній не только не помогаетъ дѣлу, а прямо мѣшаетъ, потому что вмѣшиваетъ въ учебный предметъ точку зрѣнія, совершенно чуждую наукѣ.

Чтобы поставить дѣло правильно, нужно очевидно поступать иначе. Нужно выбрать извѣстные отдѣлы науки, а другіе вовсе опустить; нужно взять то, что имѣетъ уже строгую научную форму, и нужно соблюдать вполнѣ эту форму. Тогда предметъ получитъ и важность, и интересъ, и поучительность. Притомъ, нужно быть мастеромъ короткаго и яснаго изложенія, какъ это требуется для всякаго учебнаго предмета. Поэтому, для преподаванія естественныхъ наукъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ особенно важны были бы образцовые учебники. Но такіе учебники составить трудно; они подъ силу только людямъ, вполнѣ проникнутымъ научнымъ духомъ и въ то же время расположеннымъ къ дидактикѣ. Выдающіеся изъ ряда ученые могли бы составить такіе учебники; но эти ученые очень хорошо понимаютъ трудность задачи и потому за нее не берутся. Учебники, составленные свѣтилами науки, большая рѣдкость въ учебной литературѣ; обыкновенно они составляются преподавателями, то-есть, людьми, силы и познанія которыхъ почти всегда недостаточны для этого дѣла, и которые потому и не видятъ его трудности.

Учебникъ, который предстоитъ намъ разбирать, представляетъ очень явные недостатки въ указанныхъ нами отношеніяхъ. Онъ задается не надлежащею руководящею мыслью, не представляетъ нигдѣ научной строгости, часто представляетъ произвольный подборъ подробностей и изложенъ безпорядочно и языкомъ неточнымъ и неяснымъ.

Авторъ ставитъ главною цѣлью своего курса практическую цѣль, то-есть, тутъ изложеніе устройства и отправленій человѣческаго тѣла прямо дѣлается для того, чтобы научить сохранять здоровье и избѣгать болѣзней. Но если брать дѣло строго, то конечно, для этой

Библиотека "Руниверс"

цѣли большая часть его описаній окажутся совершенно лишними, да и съ остальными описаніями совѣты его имѣютъ обыкновенно лишь слабую связь; наконецъ, многіе совѣты высказаны прямо догматически безъ всякихъ объясненій. Самая постановка главнаго вопроса отличается тѣмъ преувеличеніемъ, которое свойственно гигіенистамъ. Вотъ первыя слова книги: „Состояніе нашего здоровья находится въ постоянной зависимости отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ: отъ почвы и климата той мѣстности, гдѣ мы живемъ, отъ качества одежды, окружающей температуры, занимаемаго помѣщенія и безчисленныхъ случайностей, которыя могутъ встрѣтиться на пути нашей жизни" (стр. 3).

Это положеніе, въ той формѣ какъ оно высказано, нужно признать совершенно ложнымъ. Мысль автора понятна, но по неточности выраженія и употребленію лишнихъ словъ, она получаетъ совершенно невѣрный смыслъ. Несправедливо, что наше здоровье находится въ постоянной зависимости отъ тысячи причинъ и отъ случайностей на пути жизни напротивъ, физіологическій фактъ и законъ тотъ, что организмъ можетъ нисколько не измѣниться въ здоровьи, не смотря на разныя перемѣны и вліянія. Если вліянія не переходятъ извѣстной мѣры, то организмъ ихъ переноситъ и отражаетъ безъ малѣйшаго вреда; организмъ гибокъ и упругъ, и это составляетъ большое чудо и загадку для физіологіи.

Этотъ фактъ самозаконности органической жизни нимало и нигдѣ не выясненъ въ книгѣ. Напримѣръ, въ главѣ о температурѣ тѣла вотъ что сказано: „Безпрерывно происходящія въ нашемъ организмѣ соединенія и разложенія тканей, т. е. процессы химическіе, и безпрерывные токи жидкостей, а преимущественно быстрое теченіе крови, т. е. процессы физическіе, служатъ причиной развитія (почему не просто: развиваютъ?) постоянной и опредѣленной температуры всѣхъ частей тѣла" (стр. 99).

Никакъ нельзя понять, почему же отъ химическихъ и физическихъ процессовъ должна произойдти постоянная и опредѣленная температура. Постоянная температура есть большое чудо и загадка для физіологіи, и такъ и слѣдовало бы поставить этотъ фактъ, то-есть, что организмъ, не смотря на различныя внутреннія и внѣшнія обстоятельства, сохраняетъ ту же температуру, что онъ упорно и быстро работаетъ, чтобы не дать ей ни понизиться, ни повыситься, и уступаетъ въ этихъ усиліяхъ только подавляющему вліянію.

Вообще, нельзя писать элементарную анатомію и физіологію иначе,

Библиотека "Руниверс"

какъ указывая цѣли, ради которыхъ существуютъ извѣстныя устройства и происходятъ извѣстные процессы. Въ сущности это будетъ то же, что̀ изложеніе отправленія органовъ, то-есть, ихъ назначенія, ихъ пользы. Такъ, при описаніи костей и мускуловъ, очевидно, нужно прямо поставить на видъ, что кости и мускулы назначены для движенія, и разсматривать ихъ прямо въ томъ удивительномъ приспособленіи, при которомъ становятся возможны такія свободныя движенія и передвиженія, какъ напримѣръ, у человѣка. Между тѣмъ, въ разбираемой книгѣ произвольно захвачены разныя подробности относительно мускуловъ и костей, но механическаго ихъ значенія вовсе почти не показано. Напримѣръ, не показано, какъ мускулы дѣйствуютъ на короткое плечо рычага, и такимъ образомъ малое сокращеніе производитъ большое движеніе, или какъ въ пальцахъ идутъ тяжи и передаютъ имъ силу мускуловъ, лежащихъ въ предплечіи, и т. п.

Какъ примѣръ безпорядочности изложенія можно привести 3-й параграфъ подъ заглавіемъ: общій взглядъ на внутреннее строеніе и отправленія человѣческаго тѣла (стр. 4—8). Этотъ общій взглядъ налагается на двухъ страницахъ, а затѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ, и опять начинается тоже общій взглядъ, который наполняетъ еще страницу. Второй общій взглядъ начинается на стр. 6 такими словами: „Такимъ образомъ, соединяя все сказанное, необходимо привести здѣсь слѣдующіе выводы"... Неужели то, что̀ сказано на двухъ страницахъ, еще не достаточно соединено? И что̀ значитъ привести выводы? Откуда эти выводы? И почему необходимо? Не говоримъ о томъ, что подобныя бѣлыя или сѣрыя нитки, употребляемыя для связи, вовсе неумѣстны въ учебникѣ. И тутъ никакихъ выводовъ нѣтъ, а простое повтореніе того, что̀ уже сказано.

Неточность языка, при постоянномъ многословіи, представляетъ большой недостатокъ книги. Напримѣръ, вотъ опредѣленіе ткани: „Человѣческое тѣло состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ опредѣленной формы, изъ которыхъ образованы ткани" (стр. 4). Что̀ поймётъ изъ такого опредѣленія ученикъ? Тканью называется какой-нибудь однородный, имѣющій однородное строеніе, матеріалъ тѣла: между тѣмъ эта однородность и не указана въ приведенномъ опредѣленіи. Притомъ, что̀ значитъ: изъ которыхъ образованы? Кѣмъ образованы? Какъ образованы? Очевидно, это слово поставлено вмѣсто состоятъ; если же мы вставимъ это слово, то выйдетъ: тѣло состоитъ изъ частицъ, изъ которыхъ состоятъ ткани, то-есть, ничего

Библиотека "Руниверс"

не выйдетъ. Правильный же ходъ мысли долженъ быть такой: тѣло состоитъ изъ тканей, ткани изъ частицъ и т. д.

Если бы мы съ такимъ же вниманіемъ остановились на любой страницѣ разбираемой книги, мы вездѣ нашли бы подобную же неточность языка и напрасное многословіе. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, не держась впрочемъ указанныхъ категорій недостатковъ.

„Вещество кости не сплошное, т. е. не всюду одинаковое". (стр. 12). Сплошнымъ не то называется; нужно было сказать: не однородное.

На страницахъ 25, 26 и далѣе, вмѣсто слова сокращеніе, часто употребляется сократительность, что вовсе не одно и то же. Напримѣръ: „Дѣятельность мышцъ заключается въ сократительности" (стр. 26), то-есть, въ сокращеніи.

„Дѣятельность нервныхъ узловъ соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ процессы, къ которымъ относится питаніе" (стр. 32). Это совершенно не понятно; мысль была та, что всѣ процессы питанія находятся подъ вліяніемъ нервныхъ узловъ.

„Общее свойство всѣхъ нервовъ есть чувствительность" (стр. 32). Неточность чрезвычайно грубая; двигательные нервы нечувствительны. Вообще нужно сказать, что ученіе о различіи двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ изложено въ высшей степени неудовлетворительно.

„Между радужною оболочкой и роговою оболочкой остается свободное пространство" (стр. 42). Всякій пойметъ, что тутъ находится, значитъ, пустота; между тѣмъ авторъ хотѣлъ только сказать, что эти оболочки не прилегаютъ одна къ другой.

„Вслѣдствіе преломленія лучей изображеніе на сѣтчаткѣ получается въ обратномъ видѣ" (стр. 43). Обратный видъ вовсе не происходитъ отъ преломленія лучей, а оттого, что лучи должны проходить прямымъ ходомъ черезъ зрачекъ, слѣдовательно, пересѣкаются и падаютъ на сѣтчаткѣ въ обратномъ порядкѣ.

Было бы очень утомительно продолжать эти замѣчанія, и потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста, если бы мы вздумали показать, какъ неточно объяснены въ книгѣ сколько-нибудь сложные процессы, напримѣръ, процессъ кровообращенія (стр. 81—84). Но прибавимъ еще нѣсколько словъ, относящихся къ гигіеническій сторонѣ книги. Вотъ совѣтъ, который находится въ главѣ о зрѣніи:

„Многимъ приходится сожалѣть о преждевременномъ употребленіи очковъ, если была возможность обойдтись безъ нихъ, потому что гла-

Библиотека "Руниверс"

за скоро привыкаютъ къ помогающимъ зрѣнію оптическимъ средствамъ и затѣмъ обойдтись безъ нихъ уже не могутъ“ (стр. 44).

Здѣсь выраженъ давнишній предразсудокъ, противъ котораго долженъ возстать не только всякій врачъ оптикъ, но и всякій физикъ. Слѣдовало бы сказать напротивъ, что многимъ приходится жалѣть, что они не стали раньше носить очки, потому что чрезмѣрнымъ напряженіемъ они утомляли глаза и истощали послѣдніе остатки своей уменьшающейся способности приспособленія. Глазъ, конечно, требуетъ упражненія, но и въ очкахъ оно и возможно, и неизбѣжно, и предотвращаются только случаи напряженія, превосходящаго силы глаза.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ „Наша учебная литература“, въ мартовской книгѣ Ж. М. Н. Пр., вкрались слѣдующія опечатки, которыя необходимо исправить:

Стран. 72, строка 3 снизу, напечатано: $\frac{a}{b}$

должно быть: $\frac{b}{a}$

Стран. 73, строка снизу, напечатано: $\frac{\varphi(x)}{F(x)}$,

должно быть: $\frac{\varphi(x)}{f(x)}$.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ 1882 ГОДУ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 16-й день марта 1882 года правительствующему сенату, Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше назначить директора Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря И. Д. Делянова, министромъ народнаго просвѣщенія. Вслѣдъ затѣмъ, 22-го апрѣля, назначенъ директоромъ Библіотеки бывшій помощникъ директора, тайный совѣтникъ А. Ѳ. Бычковъ, а 20-го сентября того же года помощникомъ директора Библіотеки назначенъ членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета и членъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Л. Н. Майковъ.

Бывшій директоръ Библіотеки управлялъ ею болѣе двадцати лѣтъ—съ 6-го декабря 1861 года. Совѣтъ Библіотеки, въ засѣданіи, бывшемъ 24-го мая 1882 г., принявъ во вниманіе постоянныя заботы бывшаго ея директора о процвѣтаніи, обогащеніи и благоустройствѣ отечественнаго книгохранилища, единогласно постановилъ просить его принять званіе почетнаго члена Библіотеки. По этому случаю было поднесено И. Д. Делянову, за подписью всѣхъ чиновъ Библіотеки, письмо слѣдующаго содержанія: „Милостивый государь Иванъ Давидовичъ. Назначеніе Васъ министромъ народнаго просвѣщенія было встрѣчено всѣми нами съ искреннею радостью, но вмѣстѣ и

Библиотека "Руниверс"

съ глубокимъ сожалѣніемъ, такъ какъ съ призваніемъ Васъ Высочайшимъ довѣріемъ къ этой новой высокой обязанности отечественное книгохранилище лишалось своего директора. Двадцать лѣтъ мы привыкли видѣть въ лицѣ Вашемъ начальника просвѣщеннаго и справедливаго, человѣка благожелательнаго и отзывчиваго на все доброе. Если ежегодные отчеты Императорской Публичной Библіотеки за этотъ долгій срокъ времени свидѣтельствуютъ, что она при Вашемъ дѣятельномъ участіи продолжала постоянно не только расти, но и обогащаться цѣлыми замѣчательными собраніями рукописей и печатныхъ книгъ, какъ напримѣръ, церковно-славянскими рукописями Гильфердинга, Карамзина, Сокурова, Бутенева; еврейскими и самаритянскими Фирковичей; средне-азіатскими фонъ-Кауфмана; грузинскими князя Грузинскаго, музыкальными автографами Глинки; Палестинскою библіотекою Тоблера, и проч.,—то тѣ же самые отчеты лишены были, конечно, по характеру своему, возможности говорить о томъ, что для насъ всѣхъ имѣло также самое важное значеніе: о Вашемъ сердечномъ участіи къ нашимъ просьбамъ и Вашемъ теплом ходатайствѣ относительно нашихъ нуждъ. Съ ними мы всегда прямо обращались къ Вамъ, никогда не опасаясь встрѣтить холодный отказъ. Нельзя также не упомянуть съ благодарностью, что за время Вашего управленія Императорскою Публичною Библіотекою введены, по Вашему ходатайству, новые ея штаты и увеличены ея средства на пріобрѣтеніе книгъ, и что Вами же положено первое начало къ расширенію ея помѣщенія. Въ полной надеждѣ, что Вы и теперь, какъ министръ народнаго просвѣщенія, будете продолжать содѣйствовать процвѣтанію любимаго Вами отечественнаго книгохранилища и быть ходатаемъ за служащихъ въ немъ лицъ, Императорская Публичная Библіотека тѣмъ не менѣе желаетъ украсить списокъ своихъ почетныхъ членовъ Вашимъ именемъ и такимъ образомъ еще тѣснѣе закрѣпить связь Вашу съ учрежденіемъ, которому Вы посвящали въ теченіе многихъ лѣтъ Вашу полезную дѣятельность, а потому покорнѣйше проситъ Васъ принять это званіе, а лично мы всѣ—увѣреніе въ томъ, что въ нашей благодарной памяти сохранятся на всегда годы Вашего управленія Библіотекою. Примите благосклонно настоящія строки, какъ слабое выраженіе глубокой признательности и учрежденія, и каждаго изъ насъ порознь за все Вами совершенное".

Одновременно съ симъ директоръ Императорской Публичной Библіотеки, по желанію ея чиновъ, испросилъ Высочайшее разрѣ-

Библиотека "Руниверс"

шеніе помѣстить на средства чиновъ Библіотеки въ одной изъ залъ ея портретъ статсъ-секретаря Делянова.

Въ отчетномъ году Библіотека потеряла двухъ своихъ почетныхъ членовъ, членовъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантовъ графа С. Г. Строгонова и К. П. фонъ-Кауфмана. Покойный графъ Сергій Григорьевичъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ вельможъ Россіи, съ именемъ котораго связана цвѣтущая эпоха Московскаго университета и Московскаго учебнаго округа, постоянно весьма сочувственно относился къ отечественному книгохранилищу и, не смотря на свою любовь къ книгамъ, неоднократно жертвовалъ ему рѣдкіе экземпляры изъ своей библіотеки. Имя К. П. фонъ-Кауфмана останется на всегда памятнымъ въ лѣтописяхъ Библіотеки. Онъ обогатилъ ее обширнымъ собраніемъ восточныхъ рукописей, пріобрѣтенныхъ имъ во время его блистательныхъ походовъ въ Средней Азіи. Эти трофеи нашего оружія, которые генералъ фонъ-Кауфманъ охранилъ отъ гибели, и которыми теперь мирно пользуются ученые, помѣщаются въ залѣ рукописей въ двухъ отдѣльныхъ шкафахъ; надпись на нихъ свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи къ наукѣ, которое К. П. фонъ-Кауфманъ постоянно ей оказывалъ.

По случаю исполнившагося 28-го мая пятидесятилѣтняго юбилея Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Императорская Публичная Библіотека поднесла музеямъ отъ имени отечественнаго книгохранилища адресъ слѣдующаго содержанія:

„Императорская Публичная Библіотека съ живѣйшимъ и глубокимъ сочувствіемъ привѣтствуетъ Румянцовскій музей въ день совершившагося пятидесятилѣтія его существованія. Во все это время онъ свято исполнялъ завѣтъ своего основателя: служить „на благое просвѣщеніе“ нашего отечества.

„Полувѣковая жизнь Румянцовскаго музея оставила по себѣ богатый слѣдъ въ русской наукѣ. Получивъ первоначальное основаніе въ стѣнахъ дома одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, канцлера графа Николая Петровича Румянцева, музей въ продолженіе четырехъ царствованій, какъ въ Петербургѣ, гдѣ одно время онъ былъ соединенъ съ Императорскою Публичною Библіотекою подъ однимъ управленіемъ, такъ и въ первопрестольной столицѣ, куда онъ былъ переведенъ съ береговъ Невы и гдѣ явился первою публичною библіотекою, не переставалъ радушно принимать въ своихъ стѣнахъ смѣнявшіяся одно за другимъ поколѣнія отечественныхъ уче-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ, приходившихъ искать матеріалы для своихъ трудовъ въ его письменныхъ и печатныхъ сокровищахъ.

„Благодарные отзывы всѣхъ занимавшихся въ Румянцовскомъ музеѣ, какъ о самомъ музеѣ, такъ и о бывшихъ и настоящихъ его дѣятеляхъ, въ средѣ которыхъ блистаетъ имя отца церковно-славянскаго языкознанія Востокова, посвятившаго цвѣтущіе годы своей жизни изученію и описанію рукописей этого музея, составляетъ самую вѣрную оцѣнку полезной дѣятельности учрежденія, и исторія отечественнаго просвѣщенія несомнѣнно занесетъ на свои страницы заслуги, принесенныя и приносимыя ему музеемъ.

„Императорская Публичная Библіотека горячо желаетъ, чтобы со вступленіемъ въ новое пятидесятилѣтіе плодотворная дѣятельность Румянцовскаго музея все болѣе и болѣе разширялась и преуспѣвала, и чтобъ онъ, имѣя постоянно въ виду высокую мысль, завѣщанную ему его основателемъ, продолжалъ оказывать просвѣщенное содѣйствіе развитію и процвѣтанію науки на пользу и на славу нашего дорогого отечества".

Вмѣстѣ съ препровожденіемъ этого адреса, директоръ музеевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. А. Дашковъ и хранитель рукописей и старопечатныхъ книгъ, статскій совѣтникъ А. Е. Викторовъ, были возведены въ число почетныхъ членовъ Библіотеки.

Касательно внутренняго устройства Библіотеки за 1882 годъ должно отмѣтить слѣдующее:

Художнику Н. Богацкому поручено написать для Библіотеки портретъ Государя Императора Александра III масляными красками, во весь ростъ.

Главное инженерное управленіе препроводило въ Библіотеку восемь мраморныхъ плитъ съ надписями, снятыхъ со стѣнъ турецкихъ крѣпостей, срытыхъ русскими саперами по окончаніи Турецкой войны 1877—1878 годовъ. Плиты эти помѣщены въ нижнемъ этажѣ Библіотеки на стѣнахъ сѣней, передъ большою лѣстницей.

Богатое собраніе печатныхъ сочиненій о Святой Землѣ, принадлежавшее извѣстному путешественнику Тоблеру и поступившее, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Императорскую Публичную Библіотеку, хотя и пополнялось со времени его пріобрѣтенія, тѣмъ не менѣе въ немъ недоставало еще многихъ весьма важныхъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Въ виду общаго христіанскаго интереса этого собранія и того обстоятельства, что въ послѣднее время, особенно съ учрежденія въ Россіи Православнаго Палестинскаго Общества, къ

Библиотека "Руниверс"

названному собранію стали нерѣдко обращаться наши ученые, начальствомъ Библіотеки было положено: всѣ имѣющіяся въ ней сочиненія о Святой Землѣ собрать вмѣстѣ, дать имъ особое помѣщеніе и по мѣрѣ возможности пополнить эту коллекцію всѣмъ въ ней недостающимъ. Къ осуществленію этого уже приступлено въ 1882 году. Для помѣщенія собранія печатныхъ сочиненій о Палестинѣ въ Ларинской залѣ заказаны два отдѣльные шкафа, и Библіотека вошла въ сношеніе съ иностранными книгопродавцами относительно пріобрѣтенія недостающихъ книгъ.

Огромное число имѣющихся въ Библіотекѣ изданій, начиная съ XV вѣка, произведеній знаменитаго римскаго поэта Горація и переводовъ его стихотвореній на разные языки (между изданіями этими много весьма рѣдкихъ) дало мысль образовать изъ нихъ также особое собраніе, пополнить его еще недостающими въ ней изданіями и переводами, а равно и всѣми изслѣдованіями о жизни и произведеніяхъ поэта, которыми такъ богаты западно-европейскія литературы. Къ приведенію этой мысли въ исполненіе также приступлено уже въ 1882 году.

Какъ и въ предшествующіе годы, въ 1882 Библіотека имѣла возможность обогатиться значительными и важными пріобрѣтеніями, поступившими въ нее частію въ даръ, частію покупкою.

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ Библіотеку поступили слѣдующія:

I. Небольшое, но драгоцѣнное собраніе греческихъ пергаменныхъ рукописей, пріобрѣтенное отъ Н. К. Николаидеса на средства, Всемилостивѣйше пожалованныя Библіотекѣ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ. Въ составъ этого собранія входятъ слѣдующія рукописи:

1) Псалтырь. Рукопись конца XI вѣка, въ малую 4-ю д. л., 328 листовъ. Есть вѣроятіе полагать, что настоящая рукопись писана для Константина Багрянороднаго (родился около 1074 года), сына Византійскаго императора Михаила VI Дуки отъ брака его съ Маріей, изъ рода царей Грузинскихъ. Основаніемъ такому мнѣнію служитъ слѣдующее: Начальная буква перваго псалма М составлена изъ трехъ фигуръ: въ серединѣ помѣщена фигура ребенка, вверху которой микроскопическими буквами написано, почеркомъ того же времени, какимъ писана и вся рукопись, сокращенно: Κωνσταντῖνος, а внизу также сокращено: πορφυρογέννητος; справа помѣщена женская фигура, держащая руку на главѣ ребенка; вверху этой фигуры написано, тоже

Библиотека "Руниверс"

микроскопическими буквами и съ сокращеніемъ: Μαρία αὐτοκρατορίσσα; слѣва была тоже фигура, къ сожалѣнію, совершенно стершаяся, равно какъ и надпись надъ нею. Если полагать, что это было изображеніе отца Константина, императора Михаила Дуки, то рукопись надо отнести къ 1074—1078 гг., такъ какъ въ этомъ послѣднемъ году Михаилъ Дука былъ свергнутъ съ престола Никифоромъ Вотаніатомъ. Если же предполагать, что стершаяся фигура изображала Никифора Вотаніата, вскорѣ по своемъ воцареніи обвѣнчавшагося съ императрицею Маріей, то рукопись писана не позднѣе 1081 года, когда Никифоръ Вотаніатъ въ свою очередь лишился престола. Если же стершаяся фигура представляла не упомянутыхъ императоровъ, а какую-либо другую личность, то время написанія рукописи нельзя отнести позднѣе 1088—1090 годовъ: въ промежутокъ этого времени Марія оставила царскій образъ жизни и начала вести монашескій и носить черное платье; въ рукописи же она изображена въ царской одеждѣ и вѣнцѣ. Во всякомъ же случаѣ рукопись писана не ранѣе 1074 года (годъ рожденія Константина) и не позднѣе 1093—1097 годовъ (между этими годами послѣдовала смерть Константина). Но такъ какъ въ рукописи Константинъ изображенъ ребенкомъ, а мать его Марія названа αὐτοκρατορίσσα, то съ большею вѣроятностью можно думать, что рукопись писана не повднѣе 1081 года. Рукопись писана на отлично выдѣланномъ пергаментѣ, однимъ почеркомъ. Заглавія псалмовъ и начальныя буквы стиховъ писаны золотомъ, а нѣкоторыя, сверхъ того, и красками; послѣдній псаломъ писанъ весь золотомъ, въ формѣ креста; въ формѣ же креста писанъ конецъ псалма 76-го; кромѣ того, рукопись украшена тремя превосходными заставками, писанными золотомъ и красками, но еще совершеннѣе миніатюрныя живописныя изображенія, наполняющія нѣсколько буквъ, особенно въ концѣ рукописи. Таковы, кромѣ упомянутой буквы М въ началѣ Псалтыри, слѣдующія на разныхъ листахъ: буква Е—слѣва поколѣнная фигура царя Давида, простирающаго руки къ Спасителю, благословляющему его; надъ царемъ Давидомъ выходитъ фигура ангела съ копьемъ; внизу справа пророкъ Наеанъ; буква А—плящущая Маріамь, представленная въ граціозномъ наклоненномъ движеніи приподнимающею края длиннаго головнаго покрова (къ сожалѣнію, краски въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сошли); буква П, составленная изъ двухъ фигуръ, изъ которыхъ одна съ сіяніемъ (быть можетъ, Моисей и Іисусъ Навинъ); буква Е—слѣва мать Самуила, Анна, поколѣнная фигура съ простертыми руками къ выходящему изъ облака, справа вверху, Спасителю, благословляющему

Библиотека "Руниверс"

ее; справа внизу—стоящій отрокъ Самуилъ; буква К (не оконченная) —пророкъ Аввакумъ; буква Е—слѣва пророкъ Исаія (поколѣнная фигура) съ простертою рукою къ находящемуся вверху Спасителю, благословляющему его; справа внизу стоящія фигуры царя и царицы; буква Е—слѣва фигуры трехъ отроковъ съ простертыми руками, а справа вверху выходящая изъ облака благословляющая рука; буква Е—внизу грудныя изображенія трехъ отроковъ; вверху слѣва, фигура ангела съ простертою рукою, держащею вѣнецъ надъ однимъ изъ трехъ отроковъ; сверхъ того, на одномъ листѣ помѣщенъ маленькій рисунокъ, изображающій вверженіе пророка Іоны въ море. Вообще вся орнаментація рукописи принадлежитъ къ числу лучшихъ, доселѣ извѣстныхъ образцовъ византійской миніатюры. На оборотѣ послѣдняго листа рукописи помѣщено изображеніе царя Давида, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ стершееся. На оборотѣ предпослѣдняго листа находилась запись, намѣренно выскобленная, такъ что возстановить ее нѣтъ возможности.

2) Четвероевангеліе. Рукопись XIII вѣка, въ 4-ю д. л., 285 листовъ. Въ началѣ помѣщено Евсевіево посланіе къ Карпіану о раздѣленіи Евангелій на каноны. Имѣются хорошо сохранившіяся изображенія четырехъ евангелистовъ. Первые листы рукописи обведены красивыми рамками, писанными золотомъ и красками. Каждое Евангеліе украшено красивою заставкой и заглавною буквой, писанными также золотомъ и красками. Сверхъ того, имѣется еще небольшая заставка на одномъ изъ первыхъ листовъ. Самое посланіе Евсевія, столпы евангельскихъ чтеній и оглавленія Евангелій писаны золотомъ.

3) Дѣянія и посланія апостольскія. Рукопись XI—XII вѣка, въ 4-ю д. л., 241 листъ. На трехъ листахъ, имѣются заставки и заглавныя буквы, рисованныя золотомъ и красками.

4) Слова св. Григорія Богослова. Рукопись XII вѣка, въ 4-ю д. л., 282 листа. 12 первыхъ листовъ были утрачены и замѣнены бумажными позднѣйшаго письма, равно какъ и два листа въ срединѣ книги. Всѣхъ словъ помѣщено въ рукописи 16. Каждое слово украшено заставкой и заглавною буквой; передъ словами 1-мъ и 2-мъ заставки и заглавныя буквы рисованы красновато-коричневою краской, а передъ остальными—золотомъ и разноцвѣтными красками.

5) Творенія св. Нила Синайскаго. Рукопись XI—XII вѣка, въ л., 231 листъ. Рукопись заключаетъ въ себѣ шесть статей, представляющихъ нѣкоторыя отмѣны отъ печатнаго текста посланій св. Нила.

6) Четьи-минеи за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь. Руко-

Библиотека "Руниверс"

пись XII вѣка, въ большой листъ, въ два столбца, 309 листовъ. Въ рукописи заключаются 34 статьи—житія святыхъ и поученія. На первомъ листѣ имѣется писанная золотомъ и красками заставка, плохо сохранившаяся.

7) Номоканонъ. Рукопись мелкаго, четкаго письма XIII вѣка, въ 4-ю д. л., 227 листовъ. Рукопись содержитъ въ себѣ сокращенный кодексъ каноновъ съ толкованіями Аристина, къ которому въ концѣ присоединены другія статьи канонической содержанія, нѣсколько посланій св. Ѳеодора Студита и полемическое (догматическое) сочиненіе противъ Армянъ.

II. Переданное по завѣщанію покойнаго Ѳ. К. Опочинина, принадлежавшее ему собраніе автографовъ. Собраніе это, состоящее изъ 283 автографовъ, заключаетъ въ себѣ: 37 автографовъ особъ Царскаго Дома, 175 автографовъ русскихъ государственныхъ и военныхъ дѣятелей, духовныхъ особъ, писателей и ученыхъ и 71 автографъ иностранныхъ дѣятелей, преимущественно французскихъ ученыхъ и литераторовъ. Многіе изъ этихъ автографовъ, которые всѣ принадлежатъ XVIII и XIX вѣкамъ, весьма любопытны.

III. Бумаги Вука Стефановича Караджича, знаменитаго собирателя сербскихъ народныхъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ народнаго быта и словесности. Въ составъ этихъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ покупкой отъ сына Вука Караджича, входятъ: а) сербскія народныя пѣсни, записанныя самимъ Караджичемъ и другими лицами, частью не изданныя, а частью изданныя, но представляющія къ напечатаннымъ варіанты, въ 3 томахъ; б) матеріалы для Караджичева сербскаго словаря, всѣ вошедшіе въ печатное его изданіе, и в) сербскіе народные обычаи, пословицы, загадки, суевѣрія и проч.

IV. Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привилегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 553 томовъ.

V. Продолженіе коллекціи патентовъ и привилегій на разныя изобрѣтенія, выдаваемыхъ германскимъ правительствомъ и имъ приносимой въ даръ Библіотекѣ, въ количествѣ 3659 нумеровъ.

VI. Отъ американской коммиссіи по международному обмѣну изданій—1217 томовъ сочиненій разнообразнаго содержанія.

VII. Отъ французской коммиссіи по международному обмѣну изданій—215 томовъ сочиненій разнообразнаго содержанія.

VIII. Отъ русской коммиссіи по международному обмѣну изданій —93 тома.

Библиотека "Руниверс"

Важнѣйшія отдѣльныя пріобрѣтенія Библіотеки, въ теченіе 1882 г., какъ произведеніями печати, такъ и рукописями, были слѣдующія:

По высочайшему повелѣнію Государя Императора препровождена, для храненія въ Императорской Публичной Библіотекѣ, находившаяся въ числѣ бумагъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича печатная книга: „Манифестъ или, объявленіе, которое чтено въ столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Министрахъ, и прочихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; лѣта 1718, марта въ 5: день". Въ л., 16 страницъ. Особаго заглавнаго листа нѣтъ; безъ означенія года и мѣста печатанія. Напечатанъ, вѣроятно, въ Москвѣ.

По закону Библіотека продолжала, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, получать изданныя въ предѣлахъ Россійской имперіи книги, брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и проч., изъ цензурныхъ учрежденій, какъ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и духовнаго вѣдомства.

Изъ числа приношеній со стороны разныхъ учрежденій (кромѣ цензурныхъ), а также отъ частныхъ лицъ, значительнѣйшія по числу томовъ были: отъ графа К. Ѳ. Литке (394 тт.), отъ доктора Клемминга, директора королевской библіотеки въ Стокгольмѣ, (126 тт.), отъ Л. Креля, въ Лейпцигѣ, почетнаго корреспондента Библіотеки (107 тт.), отъ Геттингенскаго университета (87 тт.), отъ Гамбургской городской библіотеки (69 тт.), отъ Фрейбургскаго университета (57 тт.). Притомъ многія лица приносили Библіотекѣ въ даръ книги подъ условіемъ, чтобъ оказавшіяся изъ числа ихъ дублетами были препровождаемы въ Сибирскій университетъ. Подъ этимъ условіемъ Библіотекѣ пожертвовали книги почетный членъ И. Д. Деляновъ, капитанъ 1-го ранга графъ К. Ѳ. Литке, статскій совѣтникъ П. П. Бореcковъ и др.

По рѣдкости, важности содержанія или цѣнности примѣчательны, изъ числа пріобрѣтенныхъ самою Библіотекою слѣдующія: четыре крайне рѣдкія, а частію и совершенно неизвѣстныя библіографамъ, нѣмецкія брошюры начала XVII вѣка, касающіяся событій въ Прибалтійскомъ краѣ во время царя Іоанна IV; нѣсколько роскошныхъ и цѣнныхъ изданій по археологіи, палеографіи, библіографіи, исторіи искусства и естественнымъ наукамъ; новое изданіе сочиненій и переписки Дидро; собранія сочиненій членовъ Загребской и Краковской академій; издаваемое въ Болоньѣ собраніе памятниковъ ста-

Библиотека "Руниверс"

ринной италіанской литературы подъ заглавіемъ: Scelta di curiosità letterarie inedite o rare; многотомное научное изданіе Международной библіотеки, на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, и пр.

Изъ числа гравюръ, поступившихъ въ художественное отдѣленіе, замѣчательны: портретъ гравера Скородумова, гравированный Ѳ. П. Іорданомъ, и гравированный на деревѣ снимокъ съ неизвѣстнаго до сихъ поръ портрета Петра I, находящагося въ Берлинѣ. Сверхъ того, художественное отдѣленіе получило въ даръ, отъ разныхъ лицъ, для своего собранія фотографій, не мало очень замѣчательныхъ по сюжету и по исполненію фотографическихъ снимковъ съ разныхъ предметовъ. Таковы: 1) 20 фотографій со зданій и главнѣйшихъ рукописей и музейныхъ предметовъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея; 2) Лѣтній ханскій дворецъ въ Самаркандѣ; 3) фотографія съ рѣдкой литографіи Тромонина: „Посольство Лихачева въ 1652 году во Флоренцію", и мн. др.

Изъ числа отдѣльныхъ рукописей, поступившихъ въ Библіотеку въ 1882 г., болѣе замѣчательны слѣдующія:

1) Апостолъ по недѣлямъ. На пергаменѣ, уставомъ XIII вѣка, въ два столбца, 26 листовъ. Въ малый листъ.

2) Постническія слова Исаака Сиріанина. Полууставомъ XV вѣка. 338 листовъ. Въ 4-ю д. л.

3) Сочиненія св. Іоанна Дамаскина. Скорописью конца XV вѣка, 175 листовъ. На л. 1 находится слѣдующая запись, писанная скорописью XVI вѣка: „Селиверстовскихъ государева данья Івана Домаскына". Въ 4-ю д. л.

4) Сборникъ, со статьями о Димитріѣ царевичѣ. Скорописью и полууставомъ конца XVII вѣка, 71 листъ. Въ 4-ю д. л.

5) Краткая повесть о обращеніи из раскола многогрешнаго Ксенофонта, а по постриженіи во иночество Кипріяна, писанная имъ самимъ к нѣкимъ находящімся в той же прелести и хотящимъ быти сынами святыя соборныя и апостолскія церкви. 1792-го года марта 2-го дня. Скорописью конца XVIII вѣка, 22 листа. Въ 4-ю д. л.

6) Сборникъ, въ которомъ содержатся статьи о жизни преп. Нила Сорскаго, его сочиненія, а также и другія статьи духовнаго содержанія. Мелкою скорописью, подходящею къ полууставу, начала XVIII вѣка, 226 листовъ. Въ 24-ю д. л.

7) Стоглавъ. Полууставомъ XVII вѣка, 240 листовъ. Въ 4-ю д. л.

8) Вкладная книга Спасскаго монастыря, или иначе, Строкиной Вассіановой пустыни (Каргопольскаго уѣзда). Подлинникъ. Скорописью

Библиотека "Руниверс"

разныхъ почерковъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, 219 листовъ. Въ 4-ю д. л.

9) Списокъ съ приправочной книги 7096 и 7097 (1588 и 1589) годовъ города Тулы и его посада и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ прилежащихъ станахъ. Списокъ съ приправочной книги 7096 и 7097 (1588 и 1589) годовъ города Дѣдилова и его посада и казачьихъ и помѣстныхъ земель въ уѣздѣ. Скорописью разныхъ почерковъ 1619—1620 г., 965 листовъ. Въ 4-ю д. л.

10) Книга лечения, избранныя (sic) отъ многихъ єилосоєъ і отъ мудрыхъ лекаревъ. Перепись всякимъ зелиямъ отъ всякихъ недуговъ по главамъ. Скорописью разныхъ почерковъ XVIII вѣка, 132 листа. Въ 4-ю д. л.

11) Сборникъ, содержащій въ себѣ два лѣчебника. Скорописью разныхъ почерковъ XVIII вѣка, 60 листовъ. Въ 4-ю д. л.

12) Сия книжица глаголемая пчельникъ, то-есть зерцало, содержащая въ себѣ примѣчанія, какъ содержать и когда что прочитывать и дѣлать надобно содержащему и расплодить желающему пчелы, списася року Божія отъ Адама 7308, отъ Христа 1800. Списалъ Стефанъ Нечеевичъ. Скорописью, 36 листовъ. Въ 8-ю д. л.

13) Иконописный подлинникъ, по мѣсяцамъ. Рукопись изъ собранія П. Фролова. Скорописью XVII вѣка, 274 листа. Въ 8-ю д. л.

14) Стихотворенія И. И. Дмитріева. Въ двухъ частяхъ. Автографъ. На л. 1 написано Дмитріевымъ: „Въ знакъ памяти почтенному Николаю Дмитріевичу И. Писареву. 1824 Марта 6-го"; а въ концѣ рукописи Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Вся книга писана рукою знаменитаго автора, и послѣ напечатанія 6-го изданія его сочиненій подарена мнѣ. Николай Иванчинъ-Писаревъ". Въ рукописи помѣщена большая часть піесъ, находящихся въ 6-мъ изданіи стихотвореній И. И. Дмитріева (С.-Пб. 1823). Въ л., 111 листовъ.

15) Исторія о храбромъ рыцарѣ Францелѣ Венецыанѣ и прекрасной королевнѣ Гишпанской Персіанѣ. Скорописью двухъ почерковъ XVIII вѣка, 124 листа. Въ 4-ю д. л.

16) Сборникъ, составленный изъ бумагъ, оставшихся послѣ статсъ-секретаря В. С. Попова и содержащій въ себѣ, кромѣ нѣсколькихъ статей по древней русской исторіи, много копій съ документовъ Екатерининскаго, Павловскаго и Александровскаго времени. Скорописью разныхъ почерковъ XVIII и начала XIX в., 426 листовъ. Въ л.

17) Сборникъ, въ которомъ помѣщены: Книга о семи мудрецахъ,

Библиотека "Руниверс"

Александрія, Сказаніе о Дракулѣ мутьяньскомъ воеводѣ, Слово о царѣ Давидѣ и о Соломонѣ и о женѣ его, Сказаніе о Троянскомъ царствіи, Повѣсть о созданіи и разореніи Царяграда и Сказаніе о Донскомъ побоищѣ. Скорописью двухъ почерковъ XVII вѣка, 372 листа. Въ 4-ю д. л.

18) Сборникъ, въ коемъ помѣщены: Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, Слово о премудромъ Акирѣ, Свитокъ Іерусалимскій, или епистолія о недѣлѣ, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ и пр. Скорописью XVIII листовъ. Въ 8-ю д. л.

19) Сборникъ, содержащій въ себѣ преимущественно сочиненія и посланія протопопа Аввакума, между коими много до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ печати. Скорописью разныхъ почерковъ второй половинѣ XVII и начала XVIII в., 175 листовъ. Въ 8-ю д. л.

20) Три автографа императора Петра Великаго: а) всеподданнѣйшее прошеніе лейбъ-гвардіи маіора Григорія Скорнякова-Писарева, отъ 25-го октября 1716 года, о повелѣніи выдать ему „трактаменту отъ полка по 55 рублей въ мѣсяцъ, наравнѣ съ прочими его сверстниками", съ резолюціей Петра: „Давать по его чину"; б) подорожная, выданная за подписью Петра 9-го февраля 1718 года гвардіи капитану Григорію Скорнякову-Писареву, посланному „с шестью человѣки салдатъ для нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла"; и в) указъ капитану-поручику Писареву, за подписью Петра, изъ Преображенскаго, отъ 18-го марта 1718 года, объ отправленіи его въ Смоленскъ для розыска по дѣлу полковника Челищева.

21) Опытъ повѣствованія о Россіи. Сочиненіе И. П. Елагина. Черновой экземпляръ, писанный частью самимъ сочинителемъ, а частью писцомъ, съ поправками и перемѣнами, сдѣланными рукою автора. 5 томовъ въ л. Скорописью конца XVIII вѣка.

22) Сатиры К*** А*** К*** сочиненные в Москвѣ. 1730 и 1731 г. Экземпляръ, содержащій въ себѣ первоначальную редакцію сатиръ князя А. Д. Кантемира. Эта замѣчательная рукопись, не представляющая искаженій ни въ стихахъ, ни въ примѣчаніяхъ, была употреблена при изданіи сочиненій князя Кантемира, сдѣланномъ въ 1867 году подъ редакціей П. А. Ефремова. Скорописью XVIII вѣка, 207 страницъ. Въ 4-ю д. л.

23) Сборникъ псальмъ и стихотвореній (числомъ 75) на линейныхъ нотахъ. Полууставомъ, подходящимъ къ скорописи, XVIII вѣка, 82 листа. Въ продолговатую 8-ю д. л.

24) Экземпляръ „Толковаго словаря живаго великорусскаго языка"

Библиотека "Руниверс"

В. И. Даля, съ котораго печаталось второе его изданіе. Онъ состоитъ изъ печатныхъ листовъ перваго изданія, проложенныхъ листами бѣлой бумаги, на которыхъ содержатся дополненія и поправки составителя. 4 тома.

25) Производство С.-Петербургской казенной палаты, заключающее въ себѣ: 1) дѣло по опредѣленію баснописца И. А. Крылова въ 1783 году на службу въ казенную палату, и 2) дѣло объ увольненіи И. А. Крылова въ 1786 году отъ службы въ этой палатѣ и о выдачѣ ему и канцеляристу Сурмину заслуженнаго по день отставки жалованья. Подлинникъ. Почти всѣ документы, заключающіеся въ означенныхъ дѣлахъ и содержащіе въ себѣ матеріалы для біографіи Крылова, напечатаны въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. 6-й, стр. 346—350. Скорописью разныхъ почерковъ, 16 листовъ. Въ л.

26) Подтвердительный актъ договора, заключеннаго 27-го декабря 1842 года полковникомъ Данилевскимъ съ Хивинскимъ владѣльцемъ Рахимъ-Кули-ханомъ и содержащаго въ себѣ основанія добраго согласія между Россіей и Хивой. Актъ данъ въ Петербургѣ 30-го іюня 1843 года. Подлинникъ, за подписаніемъ вице-канцлера графа Нессельрода.

27) Четыре подлинныя письма графа З. Г. Чернышева къ Рижскому генералъ-губернатору Ю. Ю. Броуну, 1769 года.

28) Два собственноручныя письма Н. М. Карамзина, на французскомъ языкѣ, отъ 25-го іюля 1818 г. и отъ 14-го іюля 1821 г., къ Сенъ-Тома (de Saint-Thomas), бывшему въ первой четверти настоящаго столѣтія лекторомъ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ и библіотекаремъ Румянцовскаго музея. Съ знаменитымъ нашимъ исторіографомъ Сенъ-Тома находился въ перепискѣ по случаю перевода подъ его редакціей на французскій языкъ „Исторіи Государства Россійскаго“.

29) Два собственноручныя письма И. И. Дмитріева къ тому же Сенъ-Тома, 1822 и 1825 годовъ.

30) Собственноручное письмо Н. В. Гоголя къ М. Н. Загоскину, отъ 10-го мая 1836 года.

31) Романъ М. Ю. Лермонтова „Княгиня Лиговская“. Автографъ. Напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1882 года, январь.

32) Семь собственноручныхъ писемъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, писанныхъ въ пятидесятыхъ годахъ къ Якутскому гражданскому губернатору К. Н. Григорьеву.

Библиотека "Руниверс"

33) Четыре собственноручныя письма архіепископа Камчатскаго Иннокентія къ тому же К. Н. Григорьеву, 1852 и 1853 гг., представляющія довольно любопытный матеріалъ для біографіи преосв. Иннокентія.

34) Черновые подлинники нѣкоторыхъ сочиненій и переводовъ П. И. Гнѣдича.

35) Автографы гр. М. Ю. Віельгорскаго, А. С. Даргомыжскаго, Ц. А. Кюи и А. Н. Сѣрова.

36) Два письма графа А. Х. Бенкендорфа, отъ 6-го и 30-го января 1842 года, къ Н. В. Кукольнику по поводу историческаго разказа послѣдняго „Сержантъ или всѣ за одно", обратившаго на себя „вниманіе публика желаніемъ выказать дурную сторону Русскаго дворянина и хорошую его дворовaго человѣка" и заслужившаго неодобреніе императора Николая Павловича. Оба эти письма были уже напечатаны въ Русской Старинѣ 1871 года.

37) Атласъ рѣки Дона отъ гор. Ростова по Землѣ войска Донскаго до затона Калачевскаго на протяж. 534 вер. 231 саж., составленный по изысканіямъ въ 1859 году инженеръ-поручикомъ Ключаревымъ. 1860 г.

38) Садъ князя Безбородки при Московскомъ домѣ. Собраніе плановъ и фасадовъ сада и построекъ, въ немъ сдѣланныхъ, съ объяснительными примѣчаніями. Въ л., 23 листа.

39) Verzeichnüs undt Memoriall gethaner Reise des Keyserlichen Gesandtten, als er Anno 1598 von der Röm: Kayserl: Matt. zu dem Grosse-Fürsten in die Muskow verschickett wordenn. Дневникъ Мартина Шиле (Martin Schiele), во многомъ дополняющій его реляцію, напечатанную въ Wichmann's Sammlung kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss Russland, т. I, стр. 423 и слѣд. Скорописью начала XVII вѣка, 29 листовъ Въ 4 д. л.

40) Переводъ на греческій языкъ сочиненія Адама Зерникава объ исхожденіи Св. Духа, сдѣланный архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ. Автографъ Евгенія Булгара. Въ л.

41) Четвероевангеліе на армянскомъ языкѣ, писанное въ царствованіе шаха Сулеймана въ Испаганѣ въ 1137 году армянской эры, то-есть, въ 1688 году, какъ это видно изъ записи. Рукопись украшена многими миніатюрами, къ сожалѣнію, значительно пострадавшими отъ сырости. Въ 16-ю д. л., 336 листовъ.

42) Ново-сирійская рукопись, содержащая въ себѣ разные амулеты. 8 л.

Библиотека "Руниверс"

43) Три альбома рисунковъ карандашемъ, гравюръ и фотографій, изображающихъ находящіеся во Флоренціи памятники искусства, а также портреты извѣстныхъ Флорентинцевъ, съ рукописными и печатными объясненіями къ этимъ изображеніямъ, составленными и собранными почетнымъ членомъ Библіотеки И. И. Бецкимъ.

Вообще, въ теченіе 1882 года, въ Библіотеку поступило: а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ 21679 сочиненій, въ 24469 томахъ; въ томъ числѣ: по закону, цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, въ двухъ экземплярахъ, 9617 сочиненій въ 10073 томахъ; по распоряженіямъ разныхъ учрежденій 2175 соч. въ 2311 т. частныхъ приношеній 7070 соч. въ 7904 т.; куплено самою Библіотекою 2817 соч. въ 4181 т.; б) рукописей и автографовъ 572; въ томъ числѣ: частныхъ приношеній 446, куплено самою Библіотекою 126, в) картъ и плановъ вмѣстѣ 178, г) эстамповъ и фотографій 1169, д) нотъ 620.

Каталогизація рукописей, книгъ, эстамповъ, картъ, нотъ, и проч., поступившихъ въ Библіотеку въ теченіе 1882 года, продолжалась безостановочно, по существующему порядку. Директоромъ Библіотеки окончено печатаніе 3-го выпуска 1-го тома Описанія славянорусскихъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, и затѣмъ этотъ томъ, съ приложеніемъ къ нему алфавитнаго указателя собственныхъ именъ и предметовъ, выпущенъ въ свѣтъ. Въ философскомъ отдѣленіи установлены и описаны три шкафа. Такъ какъ самыя цѣнныя книги философскаго отдѣленія, а именно фоліанты и квартанты XVI, XVII и XVIII вѣковъ, не имѣютъ каталога, хотя частью уже разставлены по алфавиту, то завѣдующій отдѣленіемъ занялся описаніемъ этихъ книгъ и составленіемъ инвентаря. Разбирая старыя книги, онъ нашелъ два рѣдкія изданія Даніила Эльзевира, существованіе которыхъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ до сихъ поръ не было извѣстно.

Въ богословскомъ отдѣленіи приведены въ порядокъ шесть шкафовъ въ двухъ залахъ, заключающіе въ себѣ 2032 сочиненія въ 2073 томахъ, при чемъ исправлены, дополнены и отчасти вновь написаны карточки какъ систематическаго, такъ и алфавитнаго каталога помѣщенныхъ въ означенныхъ шкафахъ книгъ. Затѣмъ по предварительномъ выдѣленіи всѣхъ встрѣчавшихся дублетовъ и сочиненій, принадлежащихъ, по содержанію своему, другимъ отдѣленіямъ, составленъ новый инвентарь. Въ отдѣленіи иностранной изящной словесности внесено въ инвентарный каталогъ болѣе 1320 нѣмецкихъ

Библиотека "Руниверс"

сочиненій, и расположено въ порядкѣ нѣсколько тысячъ французскихъ книгъ по начальнымъ буквамъ именъ авторовъ (буквъ Д—R) по строгому алфавитному порядку; изъ этихъ книгъ отдѣлены около 600 дублетныхъ томовъ. Въ отдѣленіи филологіи соединены въ одномъ помѣщеніи изданія и переводы Горація и всѣ диссертаціи или статьи о немъ. Эта Bibliotheca Horatiana состоитъ въ настоящее время изъ 720 нумеровъ (за исключеніемъ инкунабуловъ, альдовъ и эльзевировъ). Между означенными нумерами есть не мало рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ изданій Горація изъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Библіотекарь Гаркави продолжалъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ пергаменныхъ фрагментовъ изъ библейскихъ рукописей, находящихся во второй коллекціи Фирковича. Въ теченіе 1882 года приведены въ порядокъ и описаны 550 фрагментовъ. Многіе изъ этихъ фрагментовъ заслуживаютъ вниманія древностью своего происхожденія, засвидѣтельствованною либо подлинными надписями писцовъ, либо же продажными записями; другіе фрагменты достопримѣчательны по орнаментамъ и арабескамъ, въ нихъ заключающимся; третьи, наконецъ, обращаютъ на себя вниманіе спеціалистовъ своеобразною системою пунктуаціи, согласною съ произношеніемъ восточными Евреями гласныхъ звуковъ, и критическими примѣчаніями (массорою) на поляхъ и въ концѣ рукописей. Самый ранній изъ датированныхъ эпиграфовъ относится къ 952 году по Р. Х., самый поздній—къ 1435 году.

Пользованіе Библіотекою въ теченіе 1882 года представляется въ слѣдующемъ видѣ: Билетовъ для занятій въ Библіотекѣ выдано 12,322 (въ 1881 г. 12,277). Читателей было въ общей читальной залѣ 121,154 (въ 1881 г. 115,985).

Вытребовано книгъ: изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 68 томовъ (въ 1881 году 64 тома), на русскомъ языкѣ 32,783 тома (въ 1881 году 26,254 тома) и на иностранныхъ языкахъ 15,580 томовъ (въ 1881 году 14,012 томовъ); изъ библіотеки при читальной залѣ 180,620 томовъ (въ 1881 году 168,755 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 161,899 томовъ (въ 1881 году 148,273 тома) и на иностранныхъ языкахъ 18,721 томъ (въ 1881 году 20,482 тома).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 228,983 тома (въ 1881 году 209,085 томовъ), повременныхъ изданій 56,852 нумера (въ 1881 году 60,924 нумера),

Библиотека "Руниверс"

а всего 285,835 томовъ и нумеровъ (въ 1881 году 270,009 томовъ и нумеровъ).

Въ теченіе 1882 года было отказано: въ отдѣленіяхъ по 10,725 требованіямъ (въ 1881 году 8,667 требованіямъ), а изъ библіотеки при читальной залѣ по 4,284 требованіямъ (въ 1881 году по 14,206 требованіямъ), и изъ нихъ по 7,646 требованіямъ русскихъ періодическихъ (въ 1881 году по 13,036 требованіямъ) и по 717 требованіямъ иностранныхъ періодическихъ изданій (въ 1881 году по 1,053 требованіямъ). Главною причиной отказа, также какъ и въ предшествующіе годы, является неимѣніе требуемыхъ сочиненій въ Библіотекѣ въ моментъ спроса, въ томъ числѣ и за неполученіемъ книгъ изъ цензуры; такихъ случаевъ было въ 1882 году 5,299.

Рукописей выдано въ чтеніе 498 (въ 1881 году 267); къ занятіямъ въ отдѣленіи рукописей было допущено 77 лицъ.

Съ Высочайшаго разрѣшенія нѣкоторыя принадлежащія Библіотекѣ рукописи были высылаемы для пользованія за границу, а также выдаваемы въ Археографическую коммиссію.

Обозрѣвали Библіотеку въ 1882 году 4240 человѣкъ (въ 1881 году 4101).

Библиотека "Руниверс"

КУРЛЯНДСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Курляндское общество литературы и искусствъ, находящееся въ Митавѣ,—самое старое изъ подобныхъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ. Основанное въ 1815 году, оно первоначально состояло только изъ восьми лицъ, а въ 1817 г., когда оно было утверждено правительствомъ, число его членовъ простиралось уже до 135. Во время процвѣтанія Общества, въ 20-хъ годахъ, число членовъ его превышало 200. Въ 1882 году всѣхъ членовъ Общества считалось 167. Предсѣдателемъ общества состоитъ баронъ Эдуардъ фонъ-деръ-Бриггенъ. Матеріальныя средства Общества довольно значительны: въ 1881 г., за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, у него насчитывалось 4784 р. капиталу.

По уставу Общества, цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы служить соединительнымъ пунктомъ для мѣстныхъ любителей наукъ, литературы и искусства. И дѣйствительно, просматривая разныя изданія Общества за все время его существованія, въ нихъ можно найдти статьи почти по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности и художествъ; но статьи эти представляютъ по большей части только случайный и временный интересъ и вообще имѣютъ мало значенія. Болѣе важны для науки напечатанные здѣсь акты XVI, XVII и XVIII вѣковъ касательно исторіи Курляндіи. Такихъ актовъ, напримѣръ, въ приложеніи къ отчету за 1882 годъ, напечатано 10. Цѣнными нужно признать также и нѣсколько статей касательно Курляндіи въ этнографическомъ, геологическомъ и географическомъ отношеніяхъ. Изъ нихъ вниманія заслуживаютъ главнымъ образомъ труды пастора Ватсона и статьи: «Geologie Kurlands», г. I (въ Sitzungs-Berichte за 1870—1874 гг.). Въ послѣднее время число подобныхъ статей при

Библиотека "Руниверс"

отчетахъ (Sitzungs-Berichte) значительно увеличилось. Много печатаетъ въ нихъ по географіи и этнографіи Курляндіи г. Ю. Деринъ, секретарь и библіотекарь Общества. Ему принадлежатъ между прочимъ изслѣдованія о такъ-называемыхъ Wella laiwe, надгробныхъ памятникахъ на подобіе кораблей (въ Sitz.-Ber. за 1850—1863), изслѣдованіе о положеніи древняго Герсика (въ Sitz.-Ber. за 1878 съ приложеніемъ плана) и обширный очеркъ этнографіи и географіи Прибалтійскаго края въ XIII в. (въ Sitz.-Ber. за 1880 годъ), съ приложеніемъ этнографической и лингвистической картъ. Въ этой послѣдней статьѣ авторъ основательно разъяснилъ, на сколько было возможно при наличномъ историческомъ матеріалѣ, древнюю географію Курляндіи и отчасти Лифляндіи, указалъ тамошнія этнографическія границы и установилъ нѣкоторые географическіе пункты; менѣе удачна попытка г. Деринга сдѣлать то же относительно Эстляндіи, ибо авторъ пользовался только весьма неточными и неопредѣленными указаніями Генриха Латыша, тогда какъ древніе акты и такъ-называемый Liber census Daniae даютъ относительно Эстляндіи болѣе точныя и подробныя указанія. Что касается собственно вопроса о народности племенъ, населявшихъ Курляндію въ XIII в., то авторъ основательно доказалъ финское происхожденіе Куровъ и истребленіе и выселеніе большей части Земигаловъ; но мало убѣдительны старанія г. Деринга доказать, что Земигалы и Зелоны не были собственно латышскаго происхожденія, и что Курляндія была олатышена колонизаціей изъ Толовы. Такіе факты, какъ то, что лѣтописи ничего не сообщаютъ о національности Земигаловъ и Зелоновъ, что нынѣшніе Летты, населяющіе пространство древней Земгаліи, говорятъ на чистомъ латышскомъ діалектѣ Толовскихъ Леттовъ, и что изъ 74 мѣстныхъ названій въ Земигаліи только 7 могутъ быть удовлетворительно объяснены изъ латышскаго языка, остальныя же объясняются изъ финскихъ нарѣчій, мало свидѣтельствуютъ въ пользу мнѣнія г. Деринга. Извѣстный знатокъ латышскаго языка пасторъ Биленштейнъ опровергаетъ отчасти мнѣніе г. Деринга разборомъ древнихъ названій въ Земгальской странѣ и доказываетъ, что Земгалы безспорно принадлежали къ литво-латышскому племени (см. Sitz.-Ber. за 1881 г.). Тѣмъ не менѣе, мнѣніе г. Деринга о колонизаціи Курляндіи представляется довольно правдоподобнымъ, а вопросъ о степени различія Земгаловъ и Зелоновъ отъ Толовскихъ Леттовъ въ XIII в. едва ли можетъ быть когда-либо рѣшенъ на

Библиотека "Руниверс"

основаніи филологическаго разбора незначительнаго количества мѣстныхъ названій.

При Обществѣ находится Курляндскій провинціальный музей, обязанный своимъ существованіемъ пожертвованіямъ членовъ Общества и другихъ лицъ. Музей этотъ содержитъ въ себѣ очень много разнообразныхъ произведеній мѣстной природы и искусства; такъ, въ немъ есть кабинеты зоологическій, орнитологическій и энтомологическій, коллекціи минераловъ, монетъ, древностей, произведеній искусства и т. п. Библіотека музея содержитъ въ себѣ, сверхъ сочиненій по исторіи Прибалтійскихъ провинцій, много и другихъ сочиненій, касающихся въ чемъ-либо этого края, и постоянно обогащается новыми сочиненіями, приносимыми ей въ даръ. Въ концѣ 1882 года она заключала въ себѣ 10,371 названій.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Февраль 1884 года.

I.

Общество высшаго преподаванія только что отпечатало книгу, по содержанію своему весьма любопытную для всѣхъ интересующихся вопросомъ о высшемъ научномъ преподаваніи во Франціи. Это ежегодникъ курсовъ высшаго преподаванія за 1882—1883 учебный годъ; онъ составляетъ томъ въ 8-ю д. л. и заключаетъ въ себѣ около 300 страницъ (librairie Masson, 120, boulevard Saint-Germain). Сначала идетъ общая таблица всѣхъ читаемыхъ въ Парижѣ курсовъ, занимающая не менѣе 80 страницъ; редакторы ежегодника сожалѣютъ, что не могли соединить подъ общимъ названіемъ Парижскаго университета всѣ учебныя учрежденія, между которыми распредѣляется дѣятельность профессоровъ и студентовъ; они замѣчаютъ, что извѣстный предметъ преподается три или четыре раза въ различныхъ учрежденіяхъ, и сѣтуютъ, что такимъ образомъ средства бюджета расходуются въ двойной, тройной и даже четверной безполезной затратѣ. Тутъ есть доля правды, но есть и преувеличеніе. Такъ напримѣръ, въ Парижѣ существуетъ четыре курса по римской литературѣ и латинскому языку—въ Сорбоннѣ, во Французской коллегіи, въ школѣ высшихъ знаній и въ нормальной школѣ. Въ нѣмецкомъ университетѣ легко можно было бы найдти для того же предмета одного ординарнаго профессора, одного экстра-ординарнаго и многихъ доцентовъ. Притомъ и преподаваніе въ названныхъ учрежденіяхъ ведется неодинаково. Въ нормальной школѣ, учрежденіи закрытомъ, недоступномъ публикѣ, преподаваніе приноровлено къ педагогической

Библиотека "Руниверс"

точкѣ зрѣнія въ видахъ подготовки будущихъ учителей, въ школѣ высшихъ знаній читаются курсы privatissima: молодыхъ людей знакомятъ съ научными методами и объясняютъ имъ техническія пріемы изслѣдованія; въ Сорбоннѣ и во Французской коллегіи даютъ преимущество общимъ научнымъ выводамъ. У насъ, Французовъ, сохраняются по преданію литературные обычаи, уничтожить которые сразу было бы весьма трудно. Ежегодникъ будетъ особенно драгоцѣненъ для иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ, съ цѣлью изученія той или другой науки; въ немъ сгруппированы всѣ лекціи, читаемыя въ Парижѣ по каждой отрасли знанія. Такъ, напримѣръ, если вы желаете заняться эстетикой и исторіей искусства, то можете слушать въ Парижѣ слѣдующія лекціи: во Французской коллегіи: объ эстетикѣ въ преподаваніи искусства, исторія критики искусства за сто лѣтъ (профессоръ Гильомъ); исторія греческой скульптуры въ V вѣкѣ (Рейе); въ школѣ изящныхъ искусствъ: эстетика и исторія искусства (Тэнъ); исторія архитектуры (Ленуаръ); теорія архитектуры (Лесюеръ); въ Луврской школѣ: курсъ древняго искусства (Равессонъ); въ Національной библіотекѣ: исторія керамики и особенно росписныхъ вазъ у Грековъ и въ Италіи (Ленорманъ); въ словесномъ факультетѣ: о происхожденіи греческаго искусства (Перро). Я привожу этотъ образчикъ, чтобы дать понятіе о томъ, какъ составлена эта часть ежегодника. Эта книга любопытна еще тѣмъ, что даетъ возможность доказать громадные успѣхи, сдѣланные по высшему преподаванію во Франціи за послѣднее десятилѣтіе. Если вы возьмете офиціальный ежегодникъ 1872 г., то найдете въ Сорбоннѣ только двѣнадцать каѳедръ. Съ тѣхъ поръ тамъ было основано пять новыхъ каѳедръ: по литературамъ южной Европы, по археологіи, по французской литературѣ среднихъ вѣковъ, по новѣйшей исторіи и по санскритскому языку; кромѣ того, къ факультету было прикомандировано одинадцать преподавателей-руководителей (доцентовъ), а всего учреждено 16 новыхъ курсовъ. Равный этому успѣхъ замѣчается и въ нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ факультетовъ. Такъ, въ Нанси теперь 7 каѳедръ, вмѣсто прежнихъ 5, и кромѣ того, 5 преподавателей-руководителей. Не буду болѣе распространяться объ этихъ любопытныхъ цифрахъ. Ежегодникъ высшаго преподаванія нужно было бы имѣть во всѣхъ университетскихъ библіотекахъ Европы.

Но правительство не ограничилось основаніемъ новыхъ каѳедръ; необходимо было создать и студентовъ. Въ прежнія времена на

Библиотека "Руниверс"

нашихъ словесныхъ факультетахъ были только слушатели; теперь факультеты имѣютъ настоящихъ студентовъ, извѣстное число ихъ—стипендіаты правительства, получающіе субсидіи въ размѣрѣ отъ 600 до 1200 франковъ. Эти студенты слушаютъ курсы, исключительно для нихъ назначенные, не доступные остальной публикѣ. Въ Сорбоннѣ насчитываютъ въ нынѣшнемъ году 300 студентовъ, записавшихся на словесный факультетъ; два профессора назначены для исключительныхъ занятій съ ними, и имъ присвоено названіе руководителей студенческихъ занятій (directeurs des études): это—Альфредъ Круазе—по словесности и филологіи, и Лависсъ—по исторіи. Одинъ разъ въ недѣлю они должны присутствовать въ Сорбоннѣ и давать указанія студентамъ. Недостаточно только обучать, необходимо давать нравственное и умственное направленіе молодымъ людямъ, которые, пріѣзжая изъ провинціи въ Парижъ, по большей части сбиваются съ пути.

Въ нынѣшнемъ году при факультетахъ испытано было еще одно нововведеніе, именно учреждено было чтеніе свободныхъ лекцій лицами, не принадлежащими къ составу факультета; при Парижскомъ словесномъ факультетѣ (въ Сорбоннѣ) такихъ курсовъ открыто было два—о мемуарахъ и письмахъ вѣка Людовика XIV, и объ исторіи феодальнаго управленія съ X по XIV вѣкъ. За слушаніе каждаго изъ этихъ курсовъ платятъ по 5 франковъ за семестръ. Но въ Парижѣ, гдѣ такое множество курсовъ, успѣхъ этого нововведенія не особенно блестящій. Совершенно противное случилось на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ въ росписаніи лекцій нынѣшняго года объявлено 18 свободныхъ курсовъ. Правда, что положеніе врачей совершенно не то, что положеніе другихъ профессоровъ. Достаточно быть врачемъ-спеціалистомъ, чтобъ пріобрѣсти многихъ пользующихся больныхъ, и при этомъ публика, конечно, окажетъ предпочтеніе врачу, преподававшему когда-либо при факультетѣ. Эллинистамъ и историкамъ нельзя имѣть такихъ притязаній. Впрочемъ теперь, съ учрежденіемъ должности преподавателей-руководителей, почти всѣ доктора словесности могутъ надѣяться на вознагражденіе отъ факультета.

Къ несчастію, не смотря на всѣ старанія министровъ и на согласіе палатъ, высшему преподаванію во Франціи не достаетъ денежныхъ средствъ. Многіе изъ преподавателей-руководителей имѣютъ недостаточное содержаніе—3.000 франковъ въ провинціи и 6.000 франковъ въ Парижѣ. Это очень мало, менѣе, чѣмъ содержаніе учителя лицея, который въ Парижѣ получаетъ до 7500 франковъ въ

Библиотека "Руниверс"

годъ. Правда, преподаватель-руководитель можетъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ получить мѣсто ординарнаго профессора. Но и это не особенно блестящее положеніе. Въ Парижѣ профессоръ Сорбонны можетъ достигнуть наибольшаго вознагражденія въ 15.000 франковъ, а профессоръ нормальной школы—въ 10.000, франковъ, профессоръ Французской коллегіи—тоже 10.000, профессоръ школы восточныхъ языковъ—7.500, профессоръ école des chartes—6.000; въ школѣ высшихъ знаній вознагражденіе профессоровъ колеблется между 2.000 и 4.000 франковъ. Въ сущности это жалованье менѣе, чѣмъ содержаніе, получаемое учителями лицеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, учитель лицея имѣетъ возможность давать частные уроки, весьма хорошо оплачиваемые, и брать къ себѣ пенсіонеровъ за значительную плату (въ Парижѣ по 300 франковъ и болѣе въ мѣсяцъ). Всѣ эти выгоды воспрещены профессорамъ высшаго преподаванія; кромѣ того, они должны составлять себѣ значительную библіотеку, а иногда и предпринимать поѣздки съ научными цѣлями. Большая часть профессоровъ, чтобы пополнить недостаточность своего содержанія, занимаютъ по нѣсколько должностей въ одно время. Укажу для примѣра на нѣкоторыхъ извѣстныхъ ученыхъ: химикъ Бертэло состоитъ профессоромъ во Французской коллегіи и въ то же время главнымъ инспекторомъ высшаго преподаванія, Альфредъ Мори—профессоромъ тамъ же и директоромъ національныхъ архивовъ, оріенталистъ Барбье де-Мейнаръ—профессоромъ въ школѣ восточныхъ языковъ и во Французской коллегіи. Это занятіе нѣсколькихъ должностей однимъ лицомъ уже давно вошло въ обычай. Но въ недавнее время палата депутатовъ, изъ духа демократическаго равенства, предприняла походъ противъ такого порядка вещей и требуетъ разъясненія о томъ, кто изъ профессоровъ преподаетъ въ двухъ учрежденіяхъ. Эта предварительная мѣра вызвала сильное волненіе въ нашемъ университетскомъ мірѣ. Эдмонъ Абу, извѣстный публицистъ, бывшій питомецъ нормальной школы и также бывшій преподавателемъ, напечаталъ въ газетѣ XIX Siècle весьма сильную статью въ защиту профессоровъ, занимающихъ одновременно нѣсколько должностей. Онъ замѣчаетъ, что нынѣ дѣйствующій законъ воспрещаетъ занятіе нѣсколькихъ должностей при полученіи свыше 20.000 франковъ содержанія, и что нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ гораздо лучше обезпечены, напримѣръ, Момсенъ получаетъ въ Берлинѣ болѣе 30.000 франковъ. Между тѣмъ въ Парижѣ профессоръ, занимающій двѣ должности, зачастую получаетъ при этомъ

Библиотека "Руниверс"

только половинное содержаніе, что̀ составляетъ прямую выгоду для государственной казны. „Быть можетъ, настанетъ день", говоритъ Абу,—„когда талантъ, знаніе и усердіе профессора не будутъ продаваться по слишкомъ низкимъ цѣнамъ. Тогда мы займемъ должное намъ мѣсто во главѣ цивилизованнаго міра. Теперь же мы какъ бы любезно уступаемъ его другимъ". Эта энергическая статья была перепечатана въ Revue internationale de l'enseignement supérieur, издаваемомъ обществомъ высшаго преподаванія и служащимъ главнымъ органомъ нашего университетскаго міра. Рядомъ съ этимъ журналомъ появился теперь еще другой органъ, занимающійся преимущественно вопросами по среднему образованію. Онъ называется Université и издается книгопродавцемъ Серфомъ (13 rue Médicis). Со временемъ я поговорю о немъ подробнѣе; теперь же достаточно заявить о его появленіи.

Вы уже знаете, что Ж. Ферри оставилъ министерство народнаго просвѣщенія и принялъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Депутатъ Фальеръ замѣнилъ Ферри въ его прежней должности и, кажется, намѣренъ слѣдовать принципамъ своего предшественника. Прежде чѣмъ оставить министерство, Ферри разослалъ ректорамъ академій (попечителямъ учебныхъ округовъ) циркуляръ, въ которомъ выражаетъ желаніе, чтобъ они занялись вопросомъ объ университетахъ. Вамъ извѣстно, что у насъ во Франціи существуютъ только отдѣльные факультеты. Въ этомъ циркулярѣ Ферри изъявляетъ свое сочувствіе къ устройству университетовъ. „Мы достигли бы громаднаго результата", говоритъ онъ въ этомъ циркулярѣ,—„еслибы наконецъ имѣли возможность образовать университеты, которые соединяли бы въ себѣ самые разнообразные предметы преподаванія и проникались бы идеями, присущими каждой части Франціи, стараясь соперничать съ сосѣдними университетами"..... Ж. Ферри приглашаетъ факультеты обсудить этотъ вопросъ въ теченіе 1884 учебнаго года, съ тѣмъ, чтобы результаты совѣщаній ихъ могли быть представлены въ высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія въ будущемъ іюлѣ. Вотъ наиважнѣйшіе вопросы, по которымъ онъ желаетъ знать мнѣніе факультетовъ: Объ университетахъ: „Есть ли выгода соединить всѣ факультеты въ одинъ университетъ? Какого рода автономію желательно было бы предоставить каждому факультету университета? Какого рода администрація должна быть въ университетѣ? Кто будетъ во главѣ его? Какія средства могутъ наиболѣе содѣйствовать развитію жизни и духа

Библиотека "Руниверс"

прогресса въ университетѣ?" — „Устройство университетовъ, имѣющее самоуправленіе подъ высшимъ покровительствомъ государства", говоритъ Ферри, — „было бы, конечно идеаломъ, къ достиженію котораго слѣдовало бы стремиться; но надобно имѣть въ виду духъ общества, прошлое нашей страны, различіе обычаевъ, существующихъ въ различныхъ факультетахъ, старыя традиціи профессоровъ и ихъ мнѣнія. Мы не имѣемъ права дѣлать опыты, результаты которыхъ могутъ быть сомнительные; если есть малѣйшая неувѣренность въ успѣхѣ перемѣнъ, которыя я предлагаю разсмотрѣнію факультетовъ, они должны о томъ заявить: отсрочка реформы для лицъ, имѣющихъ въ виду только общее благо, служитъ часто лучшимъ средствомъ достигнуть полнаго успѣха нѣсколько лѣтъ спустя". Какъ вы видите, министръ не особенно увѣренъ въ томъ, что его стараніе сразу увѣнчается успѣхомъ, и въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать многихъ затрудненій; какъ только нѣкоторые изъ городовъ будутъ имѣть университеты, отдѣльные факультеты другихъ городовъ станутъ приходить въ упадокъ. Да и какъ выбрать нѣкоторые города для устройства въ нихъ университетовъ, не нанося обиды другимъ городамъ? У насъ во Франціи городовъ двадцать, гдѣ существуютъ факультеты; не можемъ же мы имѣть двадцать университетовъ; а при парламентскомъ управленіи неизбѣжно придется испытать сильнѣйшее соперничество, такъ какъ каждый депутатъ будетъ стоять за свой городъ или свой департаментъ. Вѣроятно, осуществленія этой новой организаціи придется ждать еще нѣсколько лѣтъ.

Устройство женскихъ гимназій продолжается, и въ скоромъ времени число ихъ во Франціи будетъ также значительно, какъ и число лицеевъ. Эти правительственныя женскія гимназіи устроены съ содѣйствіемъ муниципалитетовъ; въ Парижѣ не возможно было основать женскую гимназію на этихъ условіяхъ, такъ какъ муниципалитетъ слишкомъ радикальнаго направленія желалъ непремѣнно навязать министерству народнаго просвѣщенія свои воззрѣнія и программы. Послѣ долгихъ и безполезныхъ переговоровъ съ нимъ, Ж. Ферри открылъ женскую гимназію въ Парижѣ исключительно на счетъ государства, наименовавъ ее лицеемъ Фенелона. Избравъ имя великаго епископа, написавшаго замѣчательный трактатъ о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ, министръ ясно доказалъ, что онъ не раздѣляетъ фанатическихъ взглядовъ парижскаго муниципальнаго совѣта.

Библиотека "Руниверс"

II.

Я уже сообщалъ вамъ о коммиссіи, учрежденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, для изданія инструкцій нашимъ посламъ за время съ 1648 года до революціи. Первый томъ этого сборника только что появился подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Собраніе инструкцій, данныхъ французскимъ посламъ и министрамъ. Австрія"; онъ напечатанъ при содѣйствіи правительства издателемъ Альканомъ подъ редакціей Альберта Сореля, главнаго секретаря сената, автора почтенныхъ историческихъ трудовъ, между прочимъ этюда объ Австріи и о восточномъ вопросѣ. Онъ приложилъ къ книгѣ введеніе и весьма любопытныя примѣчанія. Упомянутыя инструкціи—не суть депеши, адресованныя къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ при разныхъ дворахъ, а собственно инструкціи, которыя давались каждому посланнику при его отбытіи къ назначенному посту. Эти документы часто составлялись самими министрами и заключали въ себѣ изложеніе отношеній, существовавшихъ между Франціей и тѣмъ государствомъ, куда отправлялся посланникъ. Всѣ эти документы, и особенно тѣ, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о союзѣ между Франціей и Австріей въ 1756 г. и о Семилѣтней войнѣ, въ высшей степени любопытны. Въ нихъ встрѣчаются замѣчательныя характеристики государственныхъ людей; всѣ документы связаны между собою указаніями, излагающими событія, знать которыя необходимо для пониманія инструкцій. Вообще этотъ первый томъ дипломатическихъ документовъ дѣлаетъ честь нашему министерству иностранныхъ дѣлъ.

Многія изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Парижѣ издаютъ библіотеки, заключающія въ себѣ сочиненія профессоровъ и ихъ слушателей; два изъ этихъ сборниковъ особенно замѣчательны, а именно—школы восточныхъ языковъ и школы высшихъ знаній. Недавно основанная Луврская школа также слѣдуетъ ихъ примѣру. Книгопродавецъ-издатель Леру только что напечаталъ первый томъ Записокъ Луврской школы, въ которомъ помѣщено сочиненіе Бертрана „Галлія до Галловъ" (La Gaule avant les Gaulois). Бертранъ состоитъ директоромъ превосходнаго Сенъ-Жерменскаго музея (близъ Парижа); это галло-романскій музей, основанный Наполеономъ III; въ немъ находятся богатѣйшія сокровища нашихъ національныхъ древностей. Бертранъ, кромѣ того, одинъ изъ редакторовъ Révue Archéologique

Библиотека "Руниверс"

и членъ академіи надписей. Мнѣ не надо рекомендовать эту книгу всѣмъ занимающимся археологіей, наукой, въ которой Бертранъ заявилъ себя уже давно большимъ знатокомъ. Появилось объявленіе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ въ томъ же собраніи „Курса египетскаго права", въ четырехъ частяхъ; это сочиненіе Ревильона, одного изъ лучшихъ нашихъ египтологовъ.

Библіотека школы восточныхъ языковъ только что отпечатала 3-ю книгу большаго турецкаго словаря Барбье де-Мейнара; это— одно изъ полнѣйшихъ сочиненій по лексикографіи мусульманской, появившихся за послѣднее время. Въ той же библіотекѣ появилась другая книга, имѣющая особый интересъ для Русскихъ—французскій переводъ Несторовой лѣтописи Л. Лежера. Это изданіе, надъ которымъ авторъ трудился 15 лѣтъ, заключаетъ въ себѣ: 1) критическое введеніе, 2) переводъ текста лѣтописи по послѣднему изданію археографической коммиссіи, и 3) критическій указатель въ 150 страницъ, въ которомъ авторъ излагаетъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ вопросы, затронутые лѣтописью. Библіографическая часть и всѣ имена собственныя въ указателѣ напечатаны, кромѣ французскаго языка, и по рýсски, что̀ составляетъ любопытное нововведеніе для Франціи. Изданіе это еще разъ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ по славистикѣ во Франціи за послѣднія пятнадцать лѣтъ.

Тотъ же успѣхъ видѣнъ и въ литературѣ путешествій. Книгопродавецъ-издатель Плонъ печатаетъ цѣлое собраніе путешествій, изъ которыхъ укажу особенно на слѣдующія: „Далмація, Іоническіе острова, Аѳины и Аѳонская гора", Станислава де-Нолака. Это цѣлая серія привлекательныхъ этюдовъ, написанныхъ ученымъ туристомъ, который посѣтилъ Полу, Зару, Сплѣтъ, Рагузу, Которъ, Антивари, Корфу, Аѳины и Аѳонскую гору. Пребываніе автора на Аѳонской горѣ составляетъ особенно любопытную главу книги. Найдется не менѣе интереснаго и въ путешествіи Кэ-де-Сентъ-Амура къ южно-славянскимъ народамъ Австріи: „Славонія, Босніа, Герцеговина, Далмація". Авторъ былъ въ этихъ мѣстахъ въ 1879 году, въ то время, когда австрійскія войска заняли Боснію и Герцеговину. Онъ ѣздилъ по порученію французскаго правительства съ археологическою цѣлью и, благодаря этому обстоятельству, былъ первымъ путешественникомъ съ запада, проникшимъ въ эти области послѣ оккупаціи ихъ. Онъ особенно тщательно изучалъ положеніе Босняковъ, при условіяхъ господствующаго у нихъ мусульманскаго поземельнаго закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣтилъ нѣсколько важныхъ памятниковъ древности. Къ

Библиотека "Руниверс"

книгѣ его приложено множество гравюръ, что дѣлаетъ ее еще занимательнѣе. Въ 1882 году славистъ Лежеръ посѣтилъ разныя южнославянскія земли, отъ Люблянъ до Адріанополя, и напечаталъ о своей поѣздкѣ статьи, помѣщенныя сначала въ Лозаннской Bibliothèque Universelle и въ Nouvelle Revue, а теперь собранныя въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: „Сава, Дунай и Балканы, путешествіе къ Словинцамъ, Хорватамъ, Сербамъ и Болгарамъ". Авторъ особенно останавливается на слѣдахъ французскаго владычества въ Иллиріи, на умственномъ и политическомъ состояніи Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ. Болгаріи посвящено около половины книги. Это сочиненіе дастъ отвѣтъ на многіе вопросы о современномъ положеніи южныхъ Славянъ. Журналы и газеты наши отозвались о немъ весьма сочувственно.

Въ области чисто французской литературы прежде всего укажу на замѣчательныя изданія французскихъ классиковъ, книгопродавца-издателя Гашетта. Только что вышли въ свѣтъ VII-й и VIII-й томы сочиненій Мольера. Лучшія піесы, въ нихъ заключающіяся, суть слѣдующія: L'avare, Monsieur de Pourceaugnac, le Bourgeois-gentilhomme, les Fourberies de Scapin. Къ нимъ приложены указанія и комментаріи, дѣлающія это монументальное изданіе вполнѣ законченнымъ трудомъ о Мольерѣ. Начато также изданіе сочиненій Ла-Фонтена; о немъ я буду имѣть случай поговорить со временемъ. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ по исторіи и литературѣ, Гюставъ Мерлэ, окончилъ недавно важный свой трудъ, освѣщающій одинъ изъ наименѣе разработанныхъ періодовъ нашей исторіи литературы: „Картина французской литературы съ 1800 по 1815 годъ" (Tableau de la Littérature française de 1800 à 1815). Первый томъ этого труда Мерлэ издалъ въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ немъ онъ говоритъ о движеніи религіозномъ, философскомъ и въ области поэзіи. Два тома, нынѣ вышедшіе, обозрѣваютъ романъ и исторію, критику и краснорѣчіе. Шатобріанъ, г-жа де-Сталь, Нодье, Ксавье де-Местръ, г-жа Жанлисъ, вотъ важнѣйшіе представители романической литературы того времени. Въ историческомъ отдѣлѣ находимъ имена Дону, Форіеля, Дарю, Мишо, Баранта, Сисмонди и опять Шатобріана, впрочемъ, болѣе поэта, чѣмъ историка. Въ критическомъ отдѣлѣ авторъ изучаетъ Лагарпа—классика по преимуществу, предшественниковъ романтизма, философа Жубера и снова г-жу де-Сталь и Шатобріана. Что касается до краснорѣчія, то въ ту эпоху существовали только офиціальные ораторы. Человѣкъ, отличавшійся въ то время наиболь-

Библиотека "Руниверс"

шимъ краснорѣчіемъ, былъ самъ Наполеонъ; третій томъ Мерлэ оканчивается весьма любопытнымъ этюдомъ о вѣнчанномъ писателѣ, о которомъ Мари-Жозефъ Шенье сказалъ: „Бонапартъ создалъ не только новое военное искусство, но и новое краснорѣчіе, образцомъ котораго самъ и будетъ всегда служить". Вообще этотъ новый трудъ Мерлэ окажетъ большія услуги всѣмъ интересующимся новѣйшею исторіей нашей литературы.

Съ удовольствіемъ извѣщаю васъ о появленіи VI-го и послѣдняго тома „Исторіи Флоренціи отъ начала ея до владычества Медичисовъ", Перранса. О первыхъ томахъ этого сочиненія я сообщалъ вамъ въ свое время. Я отдалъ тогда полную справедливость рѣдкимъ достоинствамъ этого сочиненія, глубокому знанію источниковъ и искусному изложенію. Заслуги Перранса увѣнчаны были академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ, присудившею ему въ 1883 году премію въ 10,000 франковъ. Послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ время съ 1382 г. по 1435; авторъ заявляетъ о своемъ намѣреніи продолжать исторію Флоренціи, если только здоровье позволитъ ему это. Во всякомъ случаѣ за нимъ остается та честь, что онъ далъ наукѣ замѣчательный памятникъ, отсутствовавшій даже и въ италіанской литературѣ.

Я до сихъ поръ не сообщалъ вамъ о появленіи еще въ 1880 году замѣчательнаго руководства по классической филологіи — Соломона Рейнаха, адъюнктъ-профессора университета, бывшаго питомца нашей аѳинской школы. Но это сочиненіе, конечно, было замѣчено русскими филологами. Во всякомъ случаѣ я доволенъ тѣмъ, что могу рекомендовать вамъ второе его изданіе, которое во многихъ отношеніяхъ представляетъ почти новый трудъ. Рейнахъ — одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ нашихъ археологовъ. Первая мысль объ этомъ трудѣ зародилась у него еще въ бытность его воспитанникомъ нормальной школы. Онъ хотѣлъ, какъ самъ о томъ говоритъ въ предисловіи, оказать услугу всѣмъ тѣмъ, кто останавливается на порогѣ своихъ ученыхъ работъ по незнанію источниковъ и библіографіи. Четыреста страницъ этого перваго тома заключаютъ въ себѣ множество свѣдѣній, которыя напрасно будемъ искать въ нашей литературѣ. Авторъ постепенно обозрѣваетъ филологію въ обширномъ значеніи слова, библіографію, эпиграфію, искусство, нумизматику, сравнительную грамматику, исторію, философію, музыку, метрику, общественную и духовную жизнь Грековъ и Римлянъ и миѳологію. Алфа-

Библиотека "Руниверс"

витный указатель, приложенный къ этому первому тому, заключаетъ въ себѣ не менѣе 3000 названій.

Французская наука лишилась двухъ отличныхъ ученыхъ—Франсуа Ленормана и Анри Мартена. Ленорманъ, членъ академіи надписей и изящной словесности, профессоръ археологіи въ Національной библіотекѣ, родился въ 1837 году. Съ юныхъ лѣтъ онъ былъ въ хорошей школѣ: его отецъ, ученый Шарль Ленорманъ, былъ профессоромъ исторіи въ Сорбоннѣ. Въ девятнадцать лѣтъ Франсуа Ленорманъ напечаталъ статью о хронологіи монетъ Лагидовъ; затѣмъ онъ предпринималъ нѣсколько поѣздокъ на Востокъ, результатомъ которыхъ было нѣсколько сочиненій по археологіи и современной политикѣ; былъ библіотекаремъ института; въ 1868 году началъ издавать руководство къ древней исторіи Востока. Это была первая попытка сдѣлать доступными пониманію публики науку археологіи и новыя открытія въ области клинообразныхъ надписей, іероглифовъ и т. д. Этотъ трудъ при самомъ своемъ появленіи увѣнчанъ былъ Французскою академіей; онъ выдержалъ уже нѣсколько изданій; новѣйшее его изданіе очень роскошное, и къ нему приложены отличныя иллюстраціи. Назначенный въ 1874 году профессоромъ археологіи при Національной библіотекѣ вмѣсто Бёле, Ленорманъ избралъ предметомъ для своихъ лекцій монету; онъ напечаталъ по этому предмету важное сочиненіе, которое, по мнѣнію знатоковъ, считается лучшимъ со времени Эккеля. Около того же времени онъ издалъ книгу о древнихъ азбукахъ; съ 1878 г. по 1882 онъ провелъ въ южной Италіи, и результатомъ этого пребыванія было нѣсколько любопытныхъ сочиненій. Рана, полученная имъ во время этого путешествія, причинила преждевременную кончину еще молодаго ученаго, оставившаго по себѣ значительные труды. Много критиковали Франсуа Ленормана, упрекали его за слишкомъ скорую манеру работать, за отсутствіе критическаго взгляда и еще болѣе—за пущенныя имъ въ обращеніе поддѣльные тексты съ цѣлью мистифировать ученыхъ. Тѣмъ не менѣе, смерть его оставила большой пробѣлъ въ нашемъ ученомъ мірѣ; какъ ученый полиграфъ, онъ трудно замѣнимъ. Въ академіи надписей его замѣнилъ Арбуа де-Жюбенвиль, профессоръ кельтической филологіи во Французской коллегіи; какъ профессора археологіи въ національной библіотекѣ, его замѣнилъ Рейе, отличный молодой археологъ.

Анри Мартенъ (1810—1883 гг.) былъ извѣстенъ всей Европѣ какъ авторъ лучшей нынѣ существующей исторіи Франціи. Онъ не

Библиотека "Руниверс"

былъ геніальный поэтъ-историкъ какъ Мишле, но ученый и умѣлый компиляторъ, горячій патріотъ. Мало, кто былъ такъ популяренъ во Франціи, какъ онъ. Онъ началъ съ историческихъ романовъ въ родѣ Вальтера Скотта. Въ 1833 году онъ сталъ печатать свою исторію, имѣвшую потомъ много изданій. Нѣкоторыя части этого большаго сочиненія (19 томовъ въ 8-ю д. л.) были увѣнчаны институтомъ. Авторъ получилъ за него въ 1869 году большую премію въ 20,000 франковъ. Наконецъ, въ 1878 году онъ былъ избранъ членомъ Французской академіи. Анри Мартенъ очень интересовался изученіемъ кельтической археологіи и слишкомъ преувеличивалъ значеніе кельтскаго элемента въ нашей исторіи. Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Этюды по кельтической археологіи" и сильно содѣйствовалъ, какъ сенаторъ, учрежденію этой каѳедры во Французской коллегіи. Онъ интересовался и Россіей, но зналъ ее только по сочиненіямъ Поляка Духинскаго; подъ вліяніемъ этого лже-этнографа, онъ напечаталъ въ 1865 г. незначительную книгу „Россія и Европа". Впослѣдствіи онъ сознался свое заблужденіе и въ статьяхъ, которыя помѣщалъ въ газетѣ Siècle, много разъ отдавалъ должное Россіи. Эдмонъ Абу замѣнилъ его во Французской академіи.

Нѣсколько дней спустя мы потеряли почти его однофамильца, Томаса-Анри Мартена, декана словеснаго факультета въ Реннѣ, члена академіи надписей, одного изъ лучшихъ нашихъ провинціальныхъ ученыхъ. Т.-А. Мартенъ былъ большой эллинистъ и знатокъ исторіи математическихъ и физическихъ наукъ, а также исторіи философіи въ древности. Ему мы обязаны слѣдующими трудами: этюды о Тимеѣ Платона, исторія физическихъ наукъ въ древности, о Галилеѣ и пр. Наконецъ, упомяну о смерти Виктора де-Лапрада, члена Французской академіи и бывшаго профессора словеснаго факультета въЛіонѣ. Лапрадъ извѣстенъ болѣе какъ поэтъ; но онъ оставилъ также нѣсколько сочиненій по литературной критикѣ, именно замѣчательный этюдъ о чувствѣ природы до христіанства, а также сочиненія по педагогикѣ. Онъ родился въ 1812 году и во время имперіи получилъ отставку за политическу сатиру.

Л. Л-ръ.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ минувшемъ году Императорское Русское Географическое Общество понесло значительныя утраты въ числѣ своихъ членовъ. Оно лишилось почетнаго члена графа Е. В. Путятина, извѣстнаго русскаго мореплавателя, на долю котораго выпалъ счастливый жребій прокладывать новые пути къ тѣмъ изъ азіатскихъ странъ, кои по своему географическому положенію представляютъ наибольшую для Россіи важность въ смыслѣ торговаго и политическаго съ ними общенія, именно—къ Персіи и затѣмъ къ Китаю и Японіи; дѣйствительныхъ членовъ: астронома А. Н. Савича, знатока Сибири Н. С. Щукина, синолога К. А. Скачкова, извѣстнаго своими трудами по этнографіи южной Россіи П. П. Чубинскаго, а также А. Д. Нарышкина, князя А. Н. Цертелева и В. К. Шульца. Изъ числа иностранныхъ членовъ скончались двое англійскихъ ученыхъ—знаменитый статистикъ В. Фарръ и генералъ Себайнъ, извѣстный своими наблюденіями надъ качаніемъ маятника и своими работами по земному магнитизму.

Дѣятельность Общества въ 1883 году выражалась главнымъ образомъ въ ученыхъ экспедиціяхъ и изданіяхъ.

Въ ряду ученыхъ предпріятій, осуществленныхъ Обществомъ въ минувшемъ году, первое мѣсто по обширности задачи занимаетъ безспорно экспедиція Н. М. Пржевальскаго въ Тибетъ.

Библиотека "Руниверс"

Окончивъ описаніе своего третьяго путешествія въ центральную Азію, г. Пржевальскій обратился въ совѣтъ Общества съ представленіемъ объ организаціи новой экспедиціи въ глубь азіатскаго материка, на высокое нагорье Тибета, гдѣ все еще остается почти совершенно невѣдомою площадь болѣе 20.000 кв. географ. миль. Приблизительныя границы этой terra incognita намѣчаются на югѣ 30°, на сѣверѣ 39° с. ш., а по долготѣ 82° и 102°, считая къ востоку отъ Гринвича. Большую, западную часть этого пространства занимаетъ, поднятое на высоту 14—15.000 футовъ, столовидное плато сѣвернаго Тибета; меньшую, восточную, составляетъ альпійская страна переходныхъ уступовъ отъ Тибета къ собственно Китаю. На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ, лишь кое-гдѣ довелось побывать европейскимъ путешественникамъ, да кое-гдѣ удалось пройдти секретнымъ туземнымъ агентамъ ость-индскаго правительства. Но всѣ изслѣдованія дали лишь крайне скудный матеріалъ для географическаго и естественно-историческаго познанія этой интересной страны. Г. Пржевальскій задумалъ проникнуть дальше своихъ немногихъ предшественниковъ въ таинственныя владѣнія далай-ламы. Исходнымъ пунктомъ проектированнаго путешествія избраны Кяхта и Урга, откуда предположено двинуться въ путь черезъ Алашань и Куку-норъ въ Цайдамъ. Здѣсь, у подножія Бурханъ-Буда, долженъ быть устроенъ первый складочный пунктъ экспедиціи, на которомъ останется одинъ изъ помощниковъ съ частью команды. Затѣмъ самъ г. Пржевальскій, съ остальными членами экспедиціи, направится на истоки Желтой рѣки и далѣе, сколько возможно, къ городамъ Чамдо и Батану. Если обстоятельства будутъ благопріятствовать, то весна и лѣто 1884 г. посвящены будутъ изслѣдованію страны Си-фаней, лежащей между Куку-норемъ на сѣверѣ и Батаномъ на югѣ, и въ которой несомнѣнно найдется богатѣйшая естественно-историческая добыча. Если же не удастся проникнуть далеко въ горную страну Си-фаней, то экспедиція займется изслѣдованіемъ восточной части сѣвернаго тибетскаго плоскогорья, къ осени вернется на свой складъ и перевезетъ свой багажъ въ западный Цайдамъ, въ урочище Гастъ, гдѣ будетъ устроенъ новый этапъ. Отсюда экспедиція попытается пройдти черезъ сѣверный Тибетъ по направленію къ Хлассѣ и до озера Тенгри-нора; затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, пойдетъ или въ тибетскую провинцію Дзангъ и далѣе вверхъ по Брамапутрѣ, или же повернетъ на сѣверо-западъ къ Ладаку и пройдя озеро Дангра-юмъ-чо, направится въ Гастъ, чтобы пересѣчь тибетское пло-

Библиотека "Руниверс"

скогорье по новому направленію. Изъ Гаста, куда экспедиція прибудетъ, вѣроятно, весною 1885 г., одна ея партія пойдетъ на Лобъ-норъ, а другая въ Керію и отсюда черезъ Черченъ также на Лобъ-норъ. Соединившись здѣсь, обѣ партіи направятся на тибетское плоскогорье къ Каракоруму, а отсюда, внизъ по Хотанской рѣкѣ и черезъ г. Аксу, на озеро Иссыкъ-куль, въ родные предѣлы.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ планъ предполагаемаго путешествія. Въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, планъ этотъ, конечно, можетъ болѣе или менѣе измѣниться, но во всякомъ случаѣ, главною своею задачею г. Пржевальскій ставитъ изслѣдованіе сѣвернаго Тибета. Благодаря Всемилостивѣйшему вниманію Государя Императора къ Географическому Обществу и къ научнымъ заслугамъ г. Пржевальскаго, новое его путешествіе могло быть обставлено въ матеріальномъ отношеніи такъ, какъ ни одна изъ прежнихъ его экспедицій.

3-го августа г. Пржевальскій, отправился изъ Петербурга въ далекое свое странствованіе, въ сообществѣ двухъ ближайшихъ своихъ помощниковъ—подпоручика Роборовскаго и вольноопредѣляющагося Козлова. На пути въ Ургу къ нимъ присоединились и остальные участники экспедиціи — переводчикъ и 20 нижнихъ чиновъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, экспедиція, окончательно снарядившись въ Ургѣ, 8-го ноября 1883 г. оставила этотъ городъ и двинулась на Алашань, срединою Гоби, тѣмъ же путемъ, по которому г. Пржевальскій проходилъ при возвращеніи изъ своего путешествія въ страну Тангутовъ.

Почти одновременно съ этою экспедиціей снаряжена Обществомъ въ среднюю же Азію и другая, подъ начальствомъ Г. Н. Потанина; цѣль ея составляетъ изслѣдованіе китайской провинціи Ганьсу и сопредѣльныхъ съ нею частей Монголіи. Ганьсу, какъ мѣсто для начала изслѣдованія, избрана въ виду интереса, который эта область возбуждаетъ въ этнографическомъ отношеніи, представляя смѣсь племенъ монгольскаго, турецкаго, китайскаго и тангутскаго. Ознакомившись съ шаманистами сѣверной Монголіи, ихъ обрядностью и вѣрованіями и заручившись навыкомъ въ собираніи свѣдѣній этого рода, г. Потанинъ расчитываетъ на югѣ Монголіи найдти совершенно новый матеріалъ, для сравненія съ собраннымъ имъ о сѣверномъ шаманствѣ. Черты внѣшняго быта, и если удастся собрать, сказанія и повѣрья дикарей сѣвернаго Тибета могутъ послужить первыми данными для рѣшенія спорнаго вопроса о первоначальной родинѣ Монголовъ и о направленіи разселенія ихъ. Помимо наблюденій эт-

Библиотека "Руниверс"

нографическихъ, г. Потанинъ предполагаетъ производить наблюденія и по физической географіи мѣстностей, которыя онъ думаетъ посѣтить. Экспедиція обезпечена средствами изъ суммъ Общества и щедрымъ пожертвованіемъ на нее (въ 15,000 р.), поступившимъ отъ В. П. Сукачева. Въ качествѣ натуралиста, Г. Н. Потанина сопровождаетъ М. М. Березовскій, въ качествѣ топографа А. И. Скасси, извѣстный своими съемками на Памирѣ. Экспедиція отправилась въ путь 15-го августа 1883 г. моремъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, на военномъ суднѣ.

Какъ извѣстно, по ходатайству Географическаго Общества участіе Россіи въ международномъ изслѣдованіи метеорологическихъ и магнитныхъ явленій полярной области выразилось устройствомъ двухъ станцій—на устьяхъ Лены и на Новой Землѣ. Въ минувшемъ году Новоземельская полярная станція закончила свои наблюденія, и лица, туда командированныя ея вернулись въ Петербургъ съ обширнымъ запасомъ матеріаловъ, разработка которыхъ займетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наблюденія метеорологическія и магнитныя вычисляются бывшимъ начальникомъ станціи лейтенантомъ Андреевымъ и его помощникомъ мичманомъ Володковскимъ. Окончаніе этой работы ожидается къ 1-го мая текущаго года. Изъ полученныхъ уже результатовъ видно, что наиболѣе суровымъ оказался мѣсяцъ январь, средняя температура котораго равнялась—21,°3 Ц.; въ этомъ мѣсяцѣ была наблюдаема наиболѣе низкая температура за всю зиму—39,2 при довольно свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ. Въ февралѣ средняя температура равнялась—9,7, а наибольшій морозъ не превышалъ—28,2. Февраль, вопреки ожиданіямъ, оказался такимъ образомъ теплѣе декабря, когда термометръ падалъ до—31,0, а средняя температура составляла—15.4. Морозы, впрочемъ, были непродолжительны, и спиртовые термометры, вмѣсто ртутныхъ, пришлось употреблять не болѣе недѣли. Страшнѣе морозовъ оказались вьюги, продолжавшіяся съ декабря по май. Налетали вьюги обыкновенно крайне стремительно; въ теченіе какого-нибудь часа вѣтеръ доходилъ до степени урагана и съ этою силой продолжалъ дуть нѣсколько дней. Анемометры станціи не выдержали перваго же натиска полярной бури, и одинъ за другимъ были ею искорверканы, такъ что наблюденія надъ силой вѣтра могли быть производимы лишь по доскѣ Вильда и на ощупь по Бофортовой шкалѣ. Наблюденія магнитныя встрѣчали еще и другія препятствія: магнитныя возмущенія бывали такъ часты и такъ сильны, что нерѣдко приходилось бросать почти уже оконченную серію наблюденій изъ-за невозможности

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать послѣдній отчетъ. 23-го января 1883 г. вновь поднялось надъ горизонтомъ солнце, въ послѣдній разъ передъ тѣмъ взошедшее 31-го октября 1882 года. Первые признаки весны—птицы, прилетѣли въ апрѣлѣ. Термометръ въ этомъ мѣсяцѣ уже не опускался ниже —15°. Съ мая начались оттепели, и снѣжные сугробы, нанесенные зимними вьюгами, стали быстро убывать. 3-го іюня пришли на станцію первые поморскіе суда и принесли первыя вѣсти съ родины. Въ половинѣ этого мѣсяца показалась трава; наступило короткое, холодное, полярное лѣто, въ теченіе котораго нѣсколько разъ перепадалъ снѣгъ. 20-го августа (1-го сентября) сдѣланы были послѣднія наблюденія, а 23-го августа экспедиція оставила Новую Землю. Во время пребыванія экспедиціи на этомъ островѣ собраны были также естественно-историческія коллекціи, особенно богатыя по зоологіи и ботаникѣ. Первыя доставлены въ зоологическій музей Академіи Наукъ, а вторыя въ ботаническій садъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью станціи находится экскурсія врача ея Л. Ф. Гриневецкаго поперекъ южнаго острова Новой Земли. До сихъ поръ попытки совершить этотъ переходъ, какъ извѣстно, были безуспѣшны, и только г. Гриневецкому удалось осуществить его, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, энергіи и беззавѣтной отвагѣ. Экскурсія продолжалась съ 25-го апрѣля по 9-е мая, при чемъ на переходъ отъ станціи, съ Мало-Кармакульскаго становища, на западномъ берегу Новой Земли, къ Карскому морю, на устье рѣчки Савиной, потребовалось семь дней, на отдыхъ ушло двое сутокъ и на обратный путь шесть сутокъ. Экскурсія г. Гриневецкаго хотя и не дала, кромѣ маршрутной съемки, особенныхъ результатовъ, ибо у путешественника, кромѣ буссоли и термометра, не было никакихъ научныхъ инструментовъ, тѣмъ не менѣе показала, при какихъ условіяхъ возможно повтореніе перехода черезъ Новую Землю.

Другая русская полярная станція на урочищѣ Сагастырь, на крайнемъ сѣверѣ дельты Лены, продолжаетъ еще свою дѣятельность. Согласно международному соглашенію, наблюденія станціи должны были начаться не позже 1-го сентября 1882 г. н. ст. и продолжаться цѣлый годъ; за дальностью разстоянія и трудностью пути, но главнымъ образомъ вслѣдствіе порчи инструментовъ во время бури, при плаваніи экспедиціи внизъ по Ленѣ къ мѣсту своего назначенія, Ленская станція хотя и открыла свои дѣйствія 19-го (31-го) августа, но должна была на первое время ограничиться только метеорологи-

Библиотека "Руниверс"

ческими наблюденіями; магнитныя же опредѣленія могли быть начаты лишь 19-го (31-го) октября. 17-го сентября Лена покрылась плавающимъ льдомъ, а черезъ день уже и ходили и ѣздили по льду. До января морозы только изрѣдка достигали—40° Ц. (32° Р.), но въ январѣ и февралѣ, на оборотъ, теплѣе 40° мороза по Цельсію не бывало, и то лишь во время сильныхъ вѣтровъ; при тихой же погодѣ термометръ стоялъ около—50° Ц. (40° Р.). Самый большой морозъ былъ въ 7 час. утра 9-го февраля нов. ст., а именно—52°,3 Ц. (41,°8 Р.); въ концѣ марта ртуть только ночью опускалась до—35° Ц. (28° Р.), а днемъ, при безоблачномъ небѣ, поднималась даже до—19° Ц. (15° Р.). Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ температуры на мѣстѣ станціи еще не получено. Большой интересъ представляютъ магнитныя явленія въ этой мѣстности по интензивности магнитныхъ возмущеній или бурь, во время которыхъ стрѣлка приборовъ, служащихъ для наблюденій перемѣнъ горизонтальнаго напряженія, отклонялась въ ту или другую сторону отъ нормальнаго (средняго) своего положенія нерѣдко на уголъ, близкій къ 90°, тогда какъ въ средней Европѣ она отклоняется, въ подобныхъ случаяхъ, не болѣе какъ на $1^1/_2°$. Склоненіе магнитной стрѣлки, во время магнитныхъ бурь, измѣнялось также гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ, и стрѣлка отклонялась отъ средняго своего положенія на 25°. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что съемки мѣстностей на крайнемъ сѣверѣ Сибири произведены лишь помощью буссоли и до послѣдняго времени не опирались почти на астрономическія опредѣленія. Этимъ, вѣроятно, и объясняется значительная разница въ конфигураціи Таймырскаго полуострова по русскимъ съемкамъ прошлаго столѣтія и по съемкамъ Норденшельда въ 1878 году.

Въ 1883 г. продолжалась снаряженная Географическимъ Обществомъ экспедиція А. Э. Регеля въ Дарвазъ и Шугнанъ, съ цѣлью изученія собраніемъ тамъ матеріаловъ для флоры и фауны Гиссара, Дарваза, Рошана, Шугнана и Горана, въ мѣстахъ, куда до него не проникалъ еще ни одинъ натуралистъ. 30-го августа 1882 года г. Регель прибылъ въ Кала-и-Хумбъ на границы Дарваза и оттуда пошелъ вверхъ по Пянджу до Кала-баръ-Пянджа, въ Шугнанъ, куда прибылъ 3-го октября. Здѣсь онъ оставался до 4-го января 1883 года, дѣлая экскурсіи въ разныя стороны. 25-го февраля г. Регель возвратился въ Кала-и-Хумбъ, послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, въ теченіе котораго имъ сдѣлано два интересныя географическія открытія: вопервыхъ, констатировано, что рѣка Пянджъ, между

Библиотека "Руниверс"

впаденіемъ въ нее Мургаба съ одной стороны и Ванджа съ другой, представляетъ громадную излучину, существованія которой доселѣ не подозрѣвали; вовторыхъ, озеро Шива, высота котораго надъ уровнемъ моря опредѣлена г. Регелемъ въ 11.000 футъ, оказалось занимающимъ гораздо болѣе обширную площадь, чѣмъ предполагалось; оно оказалось водоемомъ верстъ въ 90 въ окружности. Изъ естественно-историческихъ данныхъ особенно интересно нахожденіе въ дикомъ состояніи нѣкоторыхъ изъ нашихъ культурныхъ растеній, родина которыхъ до сихъ поръ не была извѣстна; таковы: царскіе кудри Fritillaria imperialis, тюльпанъ Tulipa suaveolens, тацетъ Narcissus Tazetta. Въ концѣ минувшаго года г. Регель вернулся въ Ташкентъ, откуда намѣревается весною отправиться на среднее теченіе Аму-Дарьи, а въ серединѣ лѣта думаетъ перебраться на кашгарскую окраину Памировъ.

Уже извѣстный нѣсколькими учеными поѣздками въ Сибири, А. В. Адріановъ, въ 1883 году провелъ лѣто въ южной части Кузнецкаго Алатау, на верховьяхъ Томи. Цѣль поѣздки г. Адріанова была преимущественно этнографическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ не было упущено изъ виду и собираніе естественно-историческаго матеріала всюду, гдѣ только представлялась къ тому малѣйшая возможность. Такимъ образомъ имъ составлены довольно обширный гербарій, коллекція окаменѣлостей съ низовьевъ Абакана, собраніе насѣкомыхъ, собраніе образцовъ горныхъ породъ и почвъ. Кромѣ того, произведены были въ окрестностяхъ Минусинска раскопки, доставившія важныя данныя по доисторической археологіи и антропологіи доисторическихъ обитателей этой мѣстности: въ одномъ курганѣ, напримѣръ, найдено 86 человѣческихъ череповъ, съ множествомъ предметовъ домашняго обихода похороненныхъ тутъ дикарей, не знавшихъ еще желѣза: всѣ вещи оказались или изъ кости, или изъ мѣди. Особенно интересно нахожденіе на черепахъ погребальныхъ масокъ изъ гипса. Обиліе добытаго матеріала и недостатокъ свободнаго времени не позволяютъ г. Адріанову надѣяться окончить ранѣе двухъ лѣтъ разработку всего имъ собраннаго.

Кромѣ ученыхъ экспедицій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, къ числу ученыхъ предпріятій Общества необходимо причислить еще и продолжавшееся въ минувшемъ году собираніе наблюденій надъ осадками и грозами: наблюденія присылались изъ 70 пунктовъ; въ 18 производились наблюденія надъ осадками и грозами, въ 20 надъ одними осадками и въ 32 надъ однѣми грозами. Въ 1883 году

Библиотека "Руниверс"

открыто 3 новыя станціи для наблюденія надъ осадками и 19 станцій для наблюденій надъ одиѣми грозами. Наблюденія надъ осадками передавались въ главную физическую обсерваторію, которая въ настоящее время занята обработкою ихъ за десятилѣтній періодъ и надѣется издать ихъ въ теченіе 1884 года; наблюденія надъ грозами обработаны А. В. Клоссовскимъ и приготовляются къ печати.

Въ минувшемъ году Обществомъ выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія:

1) „Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Изъ Зайсана чрезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки", Н. М. Пржевальскаго. Дополненіемъ къ этому труду, болѣе общаго содержанія, послужатъ спеціальные томы, посвященные спеціальнымъ результатамъ путешествій г. Пржевальскаго въ центральной Азіи. Ботаническій отдѣлъ обрабатывается извѣстнымъ путешественникомъ по Японіи и Амуру, академикомъ К. И. Максимовичемъ. Зоологическія коллекціи, частью уже обработаны, частью еще обрабатываются, также какъ и геогностическія.

2) „Очерки сѣверо-Западной Монголіи", Г. Н. Потанина, выпускъ IV-й, представляющій томъ въ 1026 страницъ и заключающій въ себѣ этнографическіе матеріалы, собранные неутомимымъ путешественникомъ во время его экспедиціи 1879 года. III-й выпускъ того же сочиненія, содержащій въ себѣ дневникъ путешествія автора въ томъ же году, уже оконченъ печатаніемъ, но не можетъ быть пока выпущенъ въ свѣтъ, вслѣдствіе нѣкотораго замедленія по изготовленію карты мѣстностей, посѣщенныхъ экспедиціей.

3) „Географическо-Статистическій Словарь", издаваемый подъ редакціей вице-предсѣдателя Общества П. П. Семенова, вышедшими въ свѣтъ въ отчетномъ году 4-мъ и 5-мъ выпусками V-го тома доведенъ до слога „ши". Заключительный выпускъ Словаря печатается и будетъ выпущенъ изъ типографіи весной 1884 года. Вслѣдъ затѣмъ начнутся работы по оставленію дополненій къ Словарю, на что, по мнѣнію редактора онаго, потребуется около двухъ лѣтъ.

4) X-й томъ Записокъ по Общей Географіи, печатавшійся подъ наблюденіемъ М. Н. Богданова и заключающій въ себѣ не изданныя до сихъ поръ путешествія извѣстнаго натуралиста, нынѣ покойнаго, Г. С. Карелина по Каспійскому морю.

5) XI-й томъ Записокъ по Отдѣленію Этнографіи содержитъ въ себѣ результаты антропологическихъ изслѣдованій В. Н. Майнова среди Мордвы-Эрзи. Вторая часть отчета г. Майнова, подъ заглавіемъ

Библиотека "Руниверс"

„Юридическій бытъ Мордвы", доставлена въ Общество осенью минувшаго года; къ изданію ея будетъ приступлено въ текущемъ году.

6) XII-й томъ Записокъ по Отдѣленію Этнографіи, содержащій въ себѣ трудъ недавно скончавшагося даровитаго собирателя этнографическихъ матеріаловъ, Д. Н. Садовникова, подъ заглавіемъ „Сказки и преданія Самарскаго края"; сборникъ этотъ, на ряду съ другими подобными же сборниками русскихъ народныхъ разказовъ, составляетъ богатый вкладъ въ русскую этнографію и послужитъ новымъ важнымъ матеріаломъ для изученія русскаго народнаго творчества.

7) Извѣстія Общества продолжали выходить въ минувшемъ году несрочными выпусками, которыхъ издано 5. Въ XIX-мъ томѣ Извѣстій, кромѣ журналовъ засѣданій совѣта, отдѣленій и постоянныхъ коммиссій Общества за 1883 г., помѣщено нѣсколько оригинальныхъ статей, преимущественно по общей географіи, отчасти также и по этнографіи, и статистикѣ. Въ приложеніи къ этому тому явились: составленный В. И. Межовымъ „Указатель русской литературы по географіи, этнографіи и Статистикѣ за 1880 годъ" и Отчетъ И. С. Полякова о его путешествіяхъ по Сахалину.

Обычныя занятія общаго собранія Общества и его отдѣленій состояли въ чтеніи рефэратовъ и въ преніяхъ по нимъ. Матеріаломъ для этихъ сообщеній служили главнымъ образомъ отчеты о совершенныхъ по порученію Общества или при его содѣйствіи ученыхъ изслѣдованіяхъ, а также извлеченія изъ трудовъ, внесенныхъ членами для напечатанія въ изданіяхъ Общества. О томъ и другомъ уже сообщено выше. Въ концѣ отчетнаго періода Общество, по обычаю, присудило установленныя имъ почетныя награды въ области землевѣдѣнія. Высшая награда, Константиновская медаль, присуждена Н. А. Сѣверцову за его физико-географическія изслѣдованія въ средней Азіи, а медаль имени графа Ѳ. П. Литке—Г. И. Вильду за его труды по организаціи метеорологической службы въ Россіи и за сочиненіе „О температурѣ воздуха въ Россіи". Сверхъ того, четыремъ лицамъ присуждены малыя золотыя медали, двѣнадцати—серебряныя, и одному бронзовая.

Въ минувшемъ году окончено приведеніе въ порядокъ обширной и богатой библіотеки Общества. Общее число томовъ ея къ 1-му января 1884 г., равно было 44,362; изъ нихъ 22,682 тома приходилось на 12,611 непериодическихъ изданій и 21,680 на 591 періодическихъ. Произведенною въ 1883 г. повѣркою обнаружено, что утра-

Библиотека "Руниверс"

чено 422 названія въ 723 томахъ; вовсе не было занесено въ каталогъ 1826 названій въ 6701 томѣ, и неправильно занесены были 6604 названія въ 10,112 томахъ. Въ 1883 году вновь поступило 4,001 томъ (1,123 названія), изъ коихъ 350 томовъ—192 названія пріобрѣтены покупкою, остальные получены въ даръ и въ обмѣнъ на изданія Общества. Въ настоящее время представляется возможность приступить къ составленію систематическаго каталога библіотеки, а также къ каталогизаціи собранія картъ. Состоящій при Обществѣ этнографическій музей обогатился въ минувшемъ году нѣсколькими интересными пожертвованіями.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1883 ГОДУ.

Одесское Общество исторіи и древностей понесло въ минувшемъ году значительныя утраты въ составѣ своихъ членовъ: 14-го ноября скончался почетный членъ, преосвященный Дмитрій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, занимавшій должность вице-президента Общества съ 1858 г. по 1875, а 15-го октября—Н. Н. Мурзакевичъ, одинъ изъ основателей Общества въ 1839 г., съ того же времени по 1875 г. состоявшій секретаремъ его, и съ 1875 г. по самую кончину — вице-предсѣдателемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Мурзакевичъ былъ и директоромъ находящагося при Обществѣ музея [1]). Кромѣ названныхъ лицъ, Общество лишилось еще слѣдующихъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ: А. Е. Викторова, Г. Э. Караулова, Т. П. Юзефовича. На мѣсто Н. Н. Мурзакевича вице-президентомъ Общества избранъ В. Н. Юргевичъ, а въ должность секретаря—проф. Ѳ. И. Леонтовичъ.

Дѣятельность Общества въ минувшемъ году заключалась въ собраніяхъ, въ изданіи Записокъ, въ производствѣ раскопокъ и въ принятіи мѣръ къ охраненію существующихъ въ южной Россіи древностей.

Въ теченіе отчетнаго періода Общество имѣло шесть засѣданій, въ коихъ члены сообщали свои новыя работы и изслѣдованія. Изъ сообщенныхъ такимъ образомъ матеріаловъ составился XIII-й томъ Записокъ, который и вышелъ въ 1883 году. Важнѣйшія помѣщен-

---

[1]) См. свѣдѣнія объ ученой дѣятельности Н. Н. Мурзакевича въ декабрьской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* за минувшій годъ.

Библиотека "Руниверс"

ныя въ немъ статьи суть слѣдующія: изслѣдованія В. Н. Юргевича о греческихъ надписяхъ, вновь найденныхъ на мѣстѣ древнихъ городовъ Херсонеса и Тираса; житіе епископа Готѳіи Іоанна, греческій текстъ съ переводомъ; рядъ документовъ по исторіи южной Россіи за XVIII и XIX столѣтія; лѣтопись Общества, и пр.

Производившіяся въ 1883 г. по иниціативѣ Общества раскопки составляли продолженіе прежде начатыхъ работъ по раскрытію остатковъ древняго города Херсонеса Таврическаго; работами 1883 года обнаружено еще нѣсколько улицъ древняго города и остатки различныхъ зданій. Вещей при этомъ не найдено никакихъ, кромѣ 20 болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ древнихъ монетъ. Вообще малоуспѣшность этихъ раскопокъ въ 1883 г. объясняется главнымъ образомъ ограниченностью средствъ, которыя Общество могло на нихъ удѣлить; а такъ какъ и эти немногія средства всѣ истощились, то дальнѣйшія изслѣдованія на мѣстѣ Херсонеса Общество принуждено совсѣмъ прекратить впредь до полученія особыхъ на то суммъ отъ правительства или отъ частныхъ жертвователей. По той же причинѣ Общество лишено пока возможности устроить, согласно своему предположенію, въ Херсонесѣ, изъ открытыхъ мраморовъ и другихъ предметовъ, христіанскій музей; для этой цѣли нынѣ имѣется въ распоряженіи Общества только небольшая сумма въ 600 р.

Заботясь объ охраненіи и поддержаніи древнихъ памятниковъ въ южной Россіи, Общество въ теченіе 1883 года сносилось съ Ѳеодосійскимъ городскимъ головою о поддержаніи починкою генуэзской Константиновской башни и тамошняго музея; въ Алуштѣ поддерживало остатки византійскихъ башенъ строенія Юстиніана I; въ Керчи въ Мелекъ-Чесмесскомъ курганѣ привело въ порядокъ древнюю гробницу, замѣчательную по особенной древней ея архитектурѣ,—построило въѣздныя ворота къ кургану и шоссировало къ нему дорогу; наконецъ, въ генуэзской Судакской крѣпости, удивляющей до сихъ поръ путешественника своими стѣнами и башнями съ надписями, которыхъ починка и охраненіе поручены Обществомъ Д. Г. Романовскому на счетъ ежегодной платы, вносимой колонистами за пользованіе окраиною означенной крѣпости,—Общество предоставило право настоятелю армяно-католической Судакской церкви реставрировать генуэзскую капеллу, построенную консуломъ Каталано въ 1420 году: въ 1883 году капелла эта освящена въ честь Покрова Пресвятой Дѣвы Маріи.

Библиотека "Руниверс"

Важнымъ событіемъ въ жизни Общества въ минувшемъ году было новое устройство его музея въ Одессѣ. Одесскій городской голова Г. Г. Маразли, видя, что прежнее зданіе, построенное Обществомъ въ 1840 году, для храненія поступающихъ древностей, становится тѣснымъ, пожертвовалъ 30 тысячъ рублей на постройку новаго, болѣе обширнаго зданія, съ условіемъ, чтобы въ немъ помѣщалась, кромѣ музея, и Одесская городская публичная библіотека. Одесская городская дума, получивъ въ свое распоряженіе означенную сумму, приступила къ постройкѣ 22-го августа 1882 года по плану архитектора Гонсіоровскаго, при чемъ отпустила съ своей стороны для этой цѣли изъ городскихъ суммъ 18.900 рублей; къ 1-му іюля 1883 года новое зданіе было окончено. Коллекціи Общества, кромѣ портретовъ историческихъ лицъ, хранящихся въ зданіи думы, перенесены въ предоставленное подъ музей помѣщеніе въ концѣ сентября, но по причинѣ дѣлаемыхъ внутри приспособленій и смерти вице-президента, который былъ вмѣстѣ и директоромъ Музея, еще не могли быть къ концу отчетнаго періода приведены въ порядокъ и открыты для посѣтителей. Судя однакожъ по ходу работъ, вновь устроенный музей будетъ вполнѣ готовъ и доступенъ для обозрѣнія ко времени имѣющаго собраться въ Одессѣ, въ текущемъ году, шестаго русскаго археологическаго съѣзда.

Не смотря на переустройство свое, музей Общества продолжалъ обогащаться и въ минувшемъ году: въ теченіе этого періода въ музей поступило 960 древнихъ и новыхъ монетъ, медалей и жетоновъ и 15 другихъ предметовъ, а въ библіотеку при музеѣ 72 тома. Въ общей же сложности по 14-е ноября 1883 г. въ библіотекѣ имѣлось: книгъ 1.490 названій въ 2.641 тт.; рукописей старинныхъ и новыхъ сборниковъ 125; восточныхъ рукописей и печатныхъ книгъ 41; картъ, плановъ и чертежей 570; старинныхъ документовъ 159; фотографій и гравированныхъ портретовъ членовъ Общества 57; портретовъ историческихъ лицъ 44; иконъ и церковныхъ вещей 90. Въ музеѣ Общества хранятся древнія статуи, терракоты, разнородные архитектурные орнаменты, стеклянные сосуды, росписныя вазы и разныя другія вещи происхожденія эллинскаго, римскаго, италіанскаго, русскаго и пр., всего до 2.000 предметовъ, и сверхъ того, богатое нумизматическое собраніе, въ которомъ преобладаютъ древнія монеты изъ причерноморскихъ мѣстностей; всѣхъ монетъ: золотыхъ 114, серебряныхъ 1.741 и мѣдныхъ 7.210, а медалей и жетоновъ 171.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ Одесскаго музея, при Обществѣ состоитъ и музей въ г. Ѳеодосіи. Въ немъ насчитывается болѣе 400 разныхъ древнихъ предметовъ, и сверхъ того, нумизматическое собраніе, въ коемъ до 200 древнихъ монетъ. Музей этотъ также сдѣлалъ въ 1883 г. нѣсколько пріобрѣтеній.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состоянiи и дѣятельности Московскаго университета въ 1883 году: личный составъ преподавателей; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ; публичныя лекцiи и командировки съ ученою цѣлiю; свѣдѣнiя объ учащихся; мѣры къ усиленiю учебной дѣятельности студентовъ и для контроли надъ занятiями ихъ; присужденiе наградъ за сочиненiя; удостоенiе ученыхъ степеней и званiй; приготовленiе къ профессорскому званiю; бюджетъ университета; ученыя общества.

Наличный составъ преподавателей въ Московскомъ университетѣ къ концу 1883 года былъ слѣдующiй: сверхъ профессора богословiя, состояло: ординарныхъ профессоровъ—на историко-филологическомъ факультетѣ 8, на физико-математическомъ 9, на юридическомъ 9, на медицинскомъ 12, итого 39; экстраординарныхъ — на историко-филологическомъ факультетѣ 3, на физико-математическомъ 3, на медицинскомъ 4, итого 10; доцентовъ—на историко-филологическомъ факультетѣ 5, на физико-математическомъ 4, на юридическомъ 3, на медицинскомъ 11, итого 23; прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 3; всего 81 преподаватель. Сверхъ того, состояли четыре сторонних преподавателя: одинъ—по исторiи англiйской и французской литературъ XVIII столѣтiя, второй—по энциклопедiи математики, третiй—по энциклопедiи права и четвертый—по ученiю о вывихахъ, переломахъ и повязкахъ. Приватъ-доцентовъ имѣлось 8 по слѣдующимъ предметамъ: ученiю о накожныхъ болѣзняхъ, ученiю о мочеполовыхъ болѣзняхъ, ученiю о женскихъ болѣзняхъ и акушерству, ученiю о дѣтскихъ болѣзняхъ,

Библиотека "Руниверс"

по электротерапіи, терапевтической клиникѣ, физіологіи питанія и микологіи въ примѣненіи къ научной медицинѣ. Такимъ образомъ, общее число преподавателей къ концу 1883 года, считая какъ штатныхъ профессоровъ и преподавателей, такъ и сторонникъ преподавателей и приватъ-доцентовъ, было 93.

Преподаватели Московскаго университета и другія служащія въ немъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессора — протоіерей Сергіевскій напечаталъ сочиненія: „Твореніе міра и человѣка, апологетическое изслѣдованіе библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторіею“ и вторымъ изданіемъ „Публичныя лекціи объ основныхъ истинахъ христіанства“; Поповъ помѣстилъ статьи: въ Православномъ Обозрѣніи — „Литературный споръ о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ между католиками и православными на славянскомъ югѣ“, въ Archiv für slawische Philologie — „Zwei Bruchstücke der russischen Volksdichtung aus den Zeiten Peters des Grossen“, въ Русской Старинѣ — „Императоръ Николай въ Московскомъ университетѣ въ 1837 году“ и въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ — „Извѣстія о похожденіяхъ Симеона Степановича Пишчевича (1731—1785 г.)“; Герье напечаталъ въ журналѣ Русская Мысль статью о Мабли; Троицкій вновь обработалъ и отпечаталъ вторымъ изданіемъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“; Дювернуа составилъ, для помѣщенія въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, записку, содержащую археографическое обозрѣніе части Изборника 1703 года, изданной О. М. Бодянскимъ; Иванцовъ-Платоновъ напечаталъ нѣсколько мелкихъ статей въ Православномъ Обозрѣніи и газетѣ Русь, и съ разрѣшенія св. синода открылъ курсъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ для дѣвицъ и женщинъ, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній или имѣющихъ соотвѣтственное тому образованіе; Коршъ помѣстилъ въ Archiv für slawische Philologie разборъ диссертаціи И. Нетушила „Объ аористахъ въ латинскомъ языкѣ“; Стороженко выпустилъ первый томъ переведенной имъ съ англійскаго языка „Исторіи испанской литературы“ Тикнора, предпославъ переводу біографическій очеркъ автора; Цвѣтаевъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія двѣ статьи подъ заглавіемъ „Фалисскія надписи“ и издалъ въ Лейпцигѣ „Sylloge inscriptionum Italicarum“; Ключевскій напечаталъ второе, съ поправками и дополненіями, изданіе книги „Боярская дума древней Руси“; Дави-

Библиотека "Руниверс"

довъ помѣстилъ въ Journal de Mathem. pures et appliquées статью „Sur une formule générale des integrals définies"; Бредихинъ печаталъ X-й томъ Анналъ астрономической обсерваторіи, въ который вошли его теоретическія работы и наблюденія, и помѣщалъ астрономическія статьи въ трехъ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ; Слудскій помѣстилъ въ Бюллетенѣ Московскаго Общества испытателей природы статьи: „О движеніи земли съ луною около солнца" и „Новыя дополненія къ новымъ изслѣдованіямъ по кинетикѣ капельной жидкости"; Бугаевъ напечаталъ „Стереометрію" и помѣстилъ въ Математическомъ Сборникѣ двѣ статьи: „Частные числовые законы, вытекающіе изъ разсмотрѣнія эллиптическихъ постоянныхъ" и „Раціональныя функціи, находящіяся въ связи съ приближеннымъ извлеченіемъ квадратныхъ корней"; Толстопятовъ занимался составленіемъ каталога минералогическаго кабинѣта; Марковниковъ напечаталъ въ русскомъ и французскомъ періодическихъ изданіяхъ „Изслѣдованіе кавказской нефти"; Борзенковъ началъ печатать въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета свой „Курсъ сравнительной анатоміи"; Тимирязевъ помѣстилъ въ Comptes rendus французской академіи статью „La distribution de l'énergie dans la spectre solaire et la chlorophylle", сдѣлалъ сообщенія: въ Обществѣ любителей естествознанія—„Растеніе и солнечная энергія" и въ Обществѣ испытателей природы—„Критика работы Энгельмана: „Farbe und Assimilation" и „Микро-эвдіометрія", редактировалъ переводъ двухъ сочиненій Рейнеке: „Краткій учебникъ физіологіи растеній" и „Ботаника"; Горожанкинъ издалъ въ Страсбургѣ брошюру „Ueber den Befruchtungs-Process bei Pinus Pumilio" и написалъ для редакціи Botanische Zeitung статью „Zur Entwickelungsgeschichte der Gymnospermen"; Павловъ помѣстилъ въ Христіанскомъ Чтеніи статью „О 50-й главѣ Кормчей, какъ историческомъ и практическомъ источникѣ русскаго брачнаго права" и редактировалъ переводъ греческихъ толкованій на церковныя права, издаваемыхъ въ Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія; Янжулъ напечаталъ въ Трудахъ коммиссіи, учрежденной Московскимъ генералъ-губернаторомъ, переводъ англійскихъ и швейцарскихъ законовъ объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими, съ собственными примѣчаніями и предисловіемъ; Муромцевъ издалъ въ свѣтъ свой курсъ лекцій подъ заглавіемъ „Гражданское право древняго Рима" и редактировалъ Журналъ Юридическій Вѣстникъ; Ковалевскій помѣстилъ въ журналѣ Русская Мысль двѣ статьи: „О поземельной политикѣ

Библиотека "Руниверс"

Сѣверо-Американцевъ" и „О поземельныхъ и сословныхъ отношеніяхъ у Кавказскихъ горцевъ"; Мрочекъ-Дроздовскій готовилъ къ печати второй выпускъ „Изслѣдованій о Русской Правдѣ"; Комаровскій помѣстилъ статьи: въ журналѣ Русская Мысль — „О работахъ института международнаго права по вопросу о выдачѣ преступниковъ" и въ Юридическомъ Вѣстникѣ — „О Туринскомъ съѣздѣ института" и прочелъ въ Юридическомъ обществѣ докладъ: „Разборъ сочиненія Мартенса „Современное международное право"; Бабухинъ напечаталъ статьи: въ Archiv für Anatomie und Physiologie — „Zur Begründung des Satzes von dem Präformation der electrischen Elemente im Organ der Zitterfische" и въ Centralblatt für die medicinische Wissenschaft — „Die Säulenzahl im electrischen Organ von Torpedo marmorata"; Новацкій занимался составленіемъ отчета за 10 лѣтъ дѣятельности хирургической госпитальной клиники; Склифасовскій напечаталъ въ журналѣ Врачъ: а) 35 овариотомій и б) матеріалы для этіологіи школьнаго искривленія позвоночника (scoliosis habitualis); Кожевниковъ помѣстилъ въ Archives de Neurologie статью: „Cas de sclérose latérale amyotrophique, la dégénérescence des faisceaux pyramidaux se propageant à travers tout l'encephale"; Зерновъ напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ университета статьи: „Къ вопросу о предѣлахъ индивидуальныхъ и племенныхъ видоизмѣненій бороздъ и извилинъ мозга". Доценты: Миллеръ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія двѣ статьи: „О матеріалахъ для изслѣдованія мѣстностей и племенъ Кавказа" и „Объ изслѣдованіи Д. Куликовскаго: „Разборъ ведійскаго мифа о соколѣ", дѣлалъ сообщенія въ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; во время командировки на Кавказъ собиралъ матеріалы для осетинско-русскаго словаря и для изученія южно-осетинскаго нарѣчія, и сдѣлалъ въ комитетѣ политехническаго музея сообщеніе о своей поѣздкѣ въ горскія общества Кабарды"; Фортунатовъ напечаталъ въ Göttingische gelehrte Anzeigen разборъ книги Бецценбергера: „Litonische Forschungen"; Зубковъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія переводъ въ стихахъ трагедіи Софокла „Эдипъ въ Колонѣ", и печаталъ 5-е изданіе латинской грамматики Эллендта-Зейферта: Орловъ редактировалъ одинъ изъ отдѣловъ Ученыхъ Записокъ университета и сдѣлалъ сообщеніе въ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ; Анучинъ напечаталъ: въ Восточномъ Обозрѣніи—статью „Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ въ Сибири", въ Журналѣ Министерства

Библиотека "Руниверс"

Народнаго Просвѣщенія — рецензію на сочиненіе Лихачева: „Самоубійство въ западной Европѣ и Россіи“ и въ Протоколахъ Московскаго археологическаго общества — отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ и нѣсколько мелкихъ сообщеній; Соколовъ помѣстилъ въ Журналѣ физико-химическаго общества статью „О кривой диффракціонной сѣткѣ“; Церсесовъ готовилъ къ печати сочиненіе „О бумагахъ на предъявителя“; Алексѣевъ приготовилъ къ печати статью „Современное состояніе вопроса о классификаціи государственныхъ формъ въ нѣмецкой литературѣ“: Колоколовъ помѣстилъ статьи: въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„Очеркъ соціальнаго быта Германцевъ во времена Цезаря и Тацита“ и въ Судебной Газетѣ—четыре статьи, посвященныя разбору проекта новаго уложенія; Макѣевъ занятъ былъ составленіемъ научнаго отчета по акушерской клиникѣ за десятилѣтнее завѣдываніе ею; Богословскій напечаталъ вторымъ изданіемъ: „Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды въ историческомъ, врачебномъ и экономическомъ отношеніяхъ“ и „Сѣрныя воды при лѣченіи сифилиса и меркуріализма“; Синицынъ сдѣлалъ въ Хирургическомъ обществѣ сообщеніе: „О лѣченіи раковыхъ сужеиій пищепровода расширеніемъ“ и „Объ эписпадіи съ выпаденіемъ пузыря“ и напечаталъ ихъ въ Лѣтописи названнаго общества, и редактировалъ III-й томъ перевода сочиненія Альберта: „Клиническая и оперативная хирургія“; Шервинскій редактировалъ переводъ учебника: „Частная патологія и терапія внутреннихъ болѣзней“; Тихомировъ приготовилъ для Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou статью: „Die Paternoster-Bohnen mit einigen anderen Papilionaceen Samen verglichen“, и сдѣлалъ сообщенія: на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей — „Морфологія цвѣтка Pilocarpus pennatifolius. Lem.“ и „Гистологическое и микроскопическое изслѣдованіе сѣмени Abrus praecatorius“ и въ Московскомъ Медицинскомъ Обществѣ—„Хекверити и его свойства“; Эрисманъ напечаталъ въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московскому уѣзду „Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда“. Преподаватели: Звѣревъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ университета изслѣдованіе: „Основаніе классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи“; Бобровъ издалъ отдѣльной книгой сочиненіе „Вывихи и переломы“, вып. I; Веселовскій напечаталъ біографическій очеркъ Мольера въ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Мольера въ русскомъ переводѣ. Ассистенты: Бѣлопольскій приготовилъ для напечатанія въ Анналахъ обсерва-

Библиотека "Руниверс"

торіи три статьи: „Observations des planètes au cercle méridien", „Essai d'une détermination du rayon apparent du soleil au moyen de la photographie" и „Observations photohéliographiques en 1883"; Тихомировъ изготовилъ для съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей статью „Къ эмбріологіи прѣсноводныхъ Amphipoda", въ Обществѣ акклиматизаціи сдѣлалъ сообщеніе „О пѣтухообразныхъ курахъ" и перевелъ съ нѣмецкаго языка сочиненіе Цопфа „Die Spaltpilze"; Митрофановъ напечаталъ въ Biologisches Centralblatt статью „Beiträge zur Kenntniss der Hamatozoloe" и въ Обществѣ любителей естествознанія сдѣлалъ сообщеніе „Новыя изслѣдованія о нервныхъ окончаніяхъ въ кожѣ". Хранители музеевъ: Зографъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Общества любителей естествознанія „Матеріалы къ познанію эмбріональнаго развитія Grophilus ferrugineus L. K. и geophilus proximus L. K." и сдѣлалъ рефераты: на съѣздѣ естествоиспытателей — „Объ эмбріональномъ развитіи Myriapoda", „О границахъ между антропологическими типами Сѣверной Азіи и Сѣверной Россіи", въ обществѣ акклиматизаціи — „О рыбахъ семейства Labirinthici", въ Обществѣ улучшенія скотоводства—„О паразитахъ домашнихъ животныхъ"; Павловъ напечаталъ въ Запискахъ Минералогическаго Общества геологическое изслѣдованіе горскихъ отложеній Симбирской и смежныхъ съ нею губерній подъ заглавіемъ „Нижневолжская гора" и сдѣлалъ сообщенія: въ Обществѣ испытателей природы — „О меззоистыхъ отложеніяхъ нагорнаго берега Волги", въ С.-Петербургскомъ Минералогическомъ Обществѣ—„О границѣ между горскою и мѣловою системами въ Симбирской губерніи" и въ С.-Петербургскомъ Обществѣ испытателей природы—„О возрастѣ городищенской глины на Келловейскихъ слояхъ въ восточной Россіи". Астрономъ-наблюдатель Церасскій помѣщалъ ученыя замѣтки въ Astronomische Nachrichten. Лекторъ Гамиліанъ готовилъ къ печати „Учебникъ французскаго языка для студентовъ" и состоялъ редакторомъ-издателемъ газеты Русское Садоводство. Лаборантъ Брюсовъ сообщилъ въ Общество любителей естествознанія и напечаталъ въ журналѣ Электричество статью: „О наивыгоднѣйшемъ распредѣленіи лампъ съ накаливаніемъ въ цѣпи электрической машины". Помощникъ прозектора Тихомировъ началъ печатать „Курсъ анатоміи человѣка" — лекціи, читанныя имъ въ школѣ живописи, ваянія и зодчества. Приватъ-доцентъ Кузьминъ напечаталъ статьи: въ Хирургической Лѣтописи — „Хирургическія письма изъ Вѣны", „О результатахъ изсѣченія черепныхъ костей", „О патолого-анатомиче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ изслѣдованіяхъ спиннаго мозга при травматическихъ поврежденіяхъ" и „Новый инструментъ для введенія дренажей и объ операціи заячьей губы съ выстоящимъ межчелюстномъ отросткомъ", въ Wiener Allgemeine Medicinische Zeitung—„Ueber den Einfluss der Nervendungsschneidung auf die Callusbildung bei Fracturen" и въ Протоколахъ Хирургическаго Общества—„Объ изсѣченіи язычнаго нерва и объ артротоміяхъ при неправильныхъ вывихахъ большаго пальца.

Нѣкоторые преподаватели университета читали публичныя лекціи, именно профессора: Тимирязевъ—„Круговоротъ углерода въ природѣ", Чупровъ—„О квартирномъ и продовольственномъ вопросахъ въ большихъ городахъ", Ковалевскій—„О національномъ характерѣ Сѣверо-Американцевъ" и хранитель зоологическаго музея Зографъ принималъ участіе въ публичныхъ воскресныхъ чтеніяхъ политехническаго музея. Командированы были съ ученою цѣлью: а) за границу—профессора Марковниковъ, Ковалевскій и Горожанкинъ, доценты Виноградовъ, Снегиревъ, Эриксонъ и Гликъ, астрономъ-наблюдатель Церасскій и ассистентъ Бубновъ; б) внутри Россіи, на Кавказъ—доцентъ Миллеръ.

Студентовъ въ Московскомъ университетѣ къ началу 1883 года состояло 2,598; въ теченіе 1883 года вновь поступило 715 (изъ правительственныхъ гимназій 588, изъ лицея Цесаревича Николая съ аттестатами зрѣлости 5, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 57, изъ другихъ университетовъ 37, изъ высшихъ учебныхъ заведеній 5, бывшихъ студентовъ Московскаго университета 23); въ теченіе года выбыло изъ университета 514 (до окончанія курса 193, по окончаніи полнаго курса и сдачѣ экзамена 321); затѣмъ къ 1-му января 1884 г. состояло на лицо 2,799 студентовъ, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 267, на физико-математическомъ 526 (по отдѣлу математическихъ наукъ 343, по отдѣлу естественныхъ наукъ 183), на юридическомъ 692, на медицинскомъ 1,314. Сверхъ студентовъ, было: сторонніхъ слушателей 91 и аптекарскихъ помощниковъ, посѣщавшихъ въ качествѣ сторонніхъ слушателей лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена—302; всего же студентовъ, сторонніхъ слушателей и аптекарскихъ помощниковъ—3,191. Въ теченіе года выдано было стипендій: въ первомъ полугодіи 447 студентамъ, во второмъ—455 и, всего на сумму 121,357 руб.; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 500 руб. въ годъ. Въ теченіе же года освобождено отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ по-

Библиотека "Руниверс"

лугодіи изъ числа 2,598 студентовъ — 936 (отъ полной платы 885, отъ половинной—51); во второмъ полугодіи изъ 2,799 студентовъ—915 (отъ полной платы 888, отъ половинной — 27). Сверхъ того, Обществомъ для пособія недостаточнымъ студентамъ внесено въ 1883 году 3,115 руб. за слушаніе лекцій 127-ю студентами (27 физико-математическаго факультета, 12 историко-филологическаго, 14 юридическаго и 74 медицинскаго), и изъ процентовъ съ капитала имени Митрино внесено: въ первомъ полугодіи за 19 студентовъ 475 руб., а во второмъ, за 8 студентовъ—187 руб. Единовременныхъ пособій выдано было: а) изъ университетскихъ суммъ: въ первомъ полугодіи 280 студентамъ на 6,139 руб., вовторомъ—481 студенту на 11,179 руб.; размѣръ пособій простирался отъ 10 до 35 руб.; б) изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго на сей предметъ г. Куманинымъ, выдано было въ два полугодія 1,000 руб.; в) Обществомъ для пособія недостаточнымъ студентамъ выдано 45 студентамъ 629 руб. Независимо отъ сего, выдано четыремъ студентамъ подъ обезпеченіе ихъ стипендій 300 руб., уплачено въ больницы за лѣченіе 37 руб., и за безплатные обѣды въ студенческую столовую и кухмистерскую, въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ уплачено 5,992 руб.

Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ, при историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ существуютъ семинаріи, дѣятельность которыхъ въ теченіе 1883 года представляется въ слѣдующемъ видѣ: На историко-филологическомъ факультетѣ занятія въ семинаріяхъ велись, какъ и въ предыдущихъ годахъ, по важнѣйшимъ предметамъ факультетскаго преподаванія. Такъ, по исторіи русской литературы студенты во второй половинѣ года занимались составленіемъ и разработкою рефератовъ на предложенныя профессоромъ темы: а) Сказаніе о Царѣградѣ; б) Слово Даніила Заточника; в) Задонщина; г) Римскія Дѣянія; д) Фацеціи и смѣхотворныя повѣсти въ литературѣ XVII—XVIII вв.; е) Русская комедія въ XVIII вѣкѣ. По церковно-славянскому языку былъ разобранъ, подъ руководствомъ профессора, Патерикъ Синайскій по рукописи синодальной библіотеки XII в., при участіи одного изъ студентовъ IV курса, и апокрифъ „Откровеніе Авраама" по изданію профессора Тихонравова, при участіи студента III курса. Въ первомъ семестрѣ, по желанію аудиторіи, были предпочтены рукописи старой рецензіи: Изборникъ 1706 года и Софійская Кормчая 1282 года. Разборъ перваго велъ руководитель семинаріи; въ разборѣ отрывковъ изъ послѣдней (со включеніемъ ста-

Библиотека "Руниверс"

тей Русской Правды) принимали участіе четыре студента IV курса и одинъ студентъ III курса. По исторіи всеобщей литературы занятія въ первомъ полугодіи состояли въ чтеніи и объясненіи памятниковъ стариннаго французскаго языка по хрестоматіи Барча. Чтеніе отрывковъ сопровождалось со стороны студентовъ грамматическими, а со стороны профессора литературными объясненіями. Кромѣ того, къ экзамену каждый изъ студентовъ долженъ былъ представить письменный переводъ избраннаго имъ отрывка. Во второмъ полугодіи работы студентовъ состояли въ тѣсной связи съ курсомъ по исторіи англійской драмы, читаннымъ руководителемъ семинарія. Студенты раздѣлили между собою піесы Шекспира и представляли рефераты съ подробною характеристикой ихъ, которые и разбирались участниками семинарія подъ руководствомъ профессора. Предметомъ занятій по римской словесности служила X глава Institutiones Квинтиліана. Члены семинарія и сторонніе посѣтители изъ студентовъ историко-филологическаго факультета, раздѣливъ избранный текстъ на части, представляли письменные переводы его на русскій языкъ. Отъ перевода требовалась не только точность по отношенію къ подлиннику, но и литературное изящество русскаго языка. Въ этомъ направленіи шли всѣ разборы, которымъ подвергались эти упражненія студентовъ въ общихъ собраніяхъ семинарія. Вмѣстѣ съ переводомъ членами семинарія былъ составленъ реальный словарь къ этой книгѣ сочиненія Квинтиліана, гдѣ были сведены всѣ существенноважныя данныя относительно собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ. По окончаніи этой работы, предпринятъ былъ свободный переводъ сочиненія Авла Геллія Noctes Atticae, какъ труда, необходимаго при изученіи римской литературы и римскихъ древностей. Независимо отъ этого, члены семинарія должны были избрать спеціальныя темы для сочиненій по исторіи римской литературы. Изъ представленныхъ трудовъ этого рода особеннаго одобренія заслуживаютъ сочиненія студентовъ IV курса: Владимірскаго—„О Катуллѣ“, Леонтьева—„Словарь Феста и его значеніе въ наукѣ о римской древности“, и студентовъ III курса: Касицина—„О сочиненіи Тацита Vita Agricolae“, Хмѣлева—„О нѣкоторыхъ сатирахъ Ювенала“, Карбилова—„О двухъ первыхъ книгахъ Анналъ Тацита“, и студента лицея Цесаревича Николая Денисова—„О нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Катулла“. Въ греко-латинскомъ семинаріѣ по отдѣленію греческаго языка студенты писали рефераты экзегетическаго содержанія о греческихъ лирикахъ, выбирая отрывки изъ Antologie aus griechischen

Библиотека "Руниверс"

Lyrikern Бухольца. Эти рефераты обсуждались затѣмъ въ семинаріѣ прочими членами его подъ руководствомъ профессора. Въ семинаріѣ по всеобщей исторіи въ первомъ полугодіи студенты перваго отдѣленія занимались по различнымъ пособіямъ изученіемъ главныхъ событій XVI вѣка, а студенты втораго отдѣленія—ознакомленіемъ съ источниками для исторіи XVIII вѣка. Въ семинаріѣ по русской исторіи, въ первое полугодіе студенты III и IV курсовъ историческаго отдѣленія писали рефераты о Русской Правдѣ, заданные имъ во второмъ полугодіи 1882 года. Въ то же время преподаватель читалъ студентамъ курсъ, имѣвшій цѣлью пополнить ихъ свѣдѣнія по русской исторіи, вынесенныя изъ общаго курса, слушаннаго ими раньше. Въ этихъ дополнительныхъ чтеніяхъ подробнѣе изложены были явленія нашей исторіи, которыхъ въ общемъ курсѣ можно было коснуться лишь мимоходомъ. Эти явленія излагались не въ прагматической послѣдовательности, а по такимъ отдѣламъ: территорія, населеніе, правительственныя учрежденія, общественные классы и т. д. По каждому отдѣлу обзоръ доводился по возможности до половины XIX в., или до 1860-хъ годовъ. Во второе полугодіе студенты обоихъ курсовъ читали избранныя главы первыхъ четырехъ томовъ Исторіи Россіи Соловьева и по нимъ налагали изустные рефераты на заданные вопросы. Въ семинаріѣ по исторіи церкви, студенты IV курса историческаго отдѣленія въ первое полугодіе занимались разсмотрѣніемъ вопросовъ о подлинности и взаимныхъ отношеніяхъ Евангелій и критико-экзегетическихъ чтеніяхъ V, VI и VII гл. Евангелія Матѳея. Въ этихъ занятіяхъ принимали участіе и желающіе изъ студентовъ III курса; остальные же студенты этого курса подготовляли матеріалъ для рефератовъ слѣдующаго полугодія (по изученію Посланій Апостольскихъ). Въ юридическомъ факультетѣ: Семинарій по исторіи римскаго права состоялъ въ слѣдующемъ: въ первомъ полугодіи занимались изученіемъ законовъ XII таблицъ и разборомъ рефератовъ по этому предмету. Во второмъ полугодіи студенты изучали, подъ руководствомъ профессора, царскіе законы и законы XII таблицъ, при чемъ розданы темы для рефератовъ, въ которыхъ студенты должны представить очеркъ главнѣйшихъ моментовъ развитія институтовъ гражданскаго права по законамъ царскимъ, XII таблицамъ, институціямъ Гая и Юстиніанову законодательству. Особый видъ получили занятія студентовъ III курса по римскому праву. Въ сентябрѣ 1883 года профессоръ Муромцевъ издалъ свой курсъ въ печати, и такъ какъ за симъ студенты имѣли

Библиотека "Руниверс"

предъ собою лекціи въ полномъ видѣ съ начала учебнаго года, то профессоромъ былъ видоизмѣненъ, сравнительно съ обычнымъ, характеръ преподаванія. Часть часовъ, назначенныхъ на римское право, была употреблена на чтеніе лекцій, на которыхъ или предлагались общіе обзоры даннаго отдѣла или періода, или разъяснялись наиболѣе трудные вопросы, или же, наконецъ, изустныя лекціи содержали въ себѣ дополненіе къ напечатаннымъ: такъ, между прочимъ, была изложена исторія римскаго права въ Италіи, и затѣмъ предположено изложеніе исторіи того же права въ Германіи. Другая часть часовъ была посвящена занятіямъ, въ которыхъ ближайшее участіе принимали сами студенты. Цѣль этихъ занятій состояла въ томъ, чтобы пройдти предъ аудиторіей курсъ, содержащійся въ напечатанныхъ лекціяхъ, но въ такой формѣ, которая не была бы повтореніемъ книги и дала бы студентамъ возможность разширить ихъ познанія. Вниманіе слушающихъ было обращено къ тексту законодательства XII таблицъ и преторскаго эдикта, какъ двухъ основныхъ источниковъ римскаго гражданскаго права. Студентамъ предлагалось составить, при помощи напечатанныхъ лекцій и другихъ пособій, комментарій на постановленія таблицъ и эдикта и устно излагать комментарій предъ аудиторіей, подъ руководствомъ и контролемъ профессора. Такъ было пройдено главное содержаніе курса, при чемъ студенты получили возможность ознакомиться наиболѣе близкимъ образомъ съ главнѣйшими памятниками римскаго права. По сравнительной исторіи права, въ первомъ полугодіи студенты II и IV курсовъ, подъ руководствомъ профессора, занимались по вопросамъ мѣстнаго управленія и въ частности земскаго устройства. Семинарій по политической экономіи для студентовъ II и III курсовъ состоялъ въ обсужденіи, подъ руководствомъ профессора, представленныхъ ими рефератовъ. Предметомъ рефератовъ въ первое полугодіе были: описаніе и критика главныхъ формъ владѣнія и пользованія землей; на вторую половину года темой было избрано: изученіе состоянія кустарной промышленности въ Россіи по матеріаламъ, изданнымъ земствами и коммиссіею по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ. Въ ожиданіи представленія студентами рефератовъ по обозначенной темѣ, было подвергнуто подробному разбору сначала студентами, а потомъ профессоромъ, одно изъ курсовыхъ сочиненій о заработной платѣ, отличавшееся особенно полнымъ изслѣдованіемъ вопроса.

Для соисканія наградъ медалями предложены были факультетами

Библиотека "Руниверс"

слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ — „Силій Италикъ и его отношеніе къ источникамъ и образцамъ", „Разборъ древнихъ апокрифическихъ сказаній о жизни и проповѣди Апостоловъ„ и „Гамлетъ и его толкователи въ англійской и нѣмецкой литературѣ"; физико-математическимъ—„Метаморфозы и псевдоморфозы минераловъ" и „Ученіе о геометрическихъ производныхъ функціяхъ и приложеніе его въ теоріи ускоренія различныхъ порядковъ"; юридическимъ—„О договорахъ въ пользу третьихъ лицъ"; медицинскимъ—„Клиническое значеніе альбуминурія". За представленныя на эти темы сочиненія нижеслѣдующіе студенты удостоены: а) золотыми медалями: историко-филологическаго факультета, IV курса—Розановъ и Быковъ, III курса—Котляревскій, юридическаго—IV курса Дубовицкій, медицинскаго—V курса Сербскій и Габричевскій; б) серебряными: историко-филологическаго факультета II курса—Ивановъ и IV—Пипегинъ, медицинскаго факультета: IV курса—Куриковъ и V—Нагель; в) почетнаго отзыва:—студенты IV курса юридическаго факультета Гюнсбургъ и Сусоровъ.—За особые успѣхи по древнимъ языкамъ удостоены: одинъ студентъ—полной филологической преміи, одинъ—половинной такой преміи и два студента—похвальнаго отзыва, а двумъ кандидатамъ физико-математическаго факультета за представленныя ими сочиненія присуждена премія Н. Д. Брашмана.

Совѣтомъ Московскаго университета, на основаніи удостоенія факультетовъ, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: магистръ Миллеръ — сравнительнаго языковѣдѣнія, лѣкаря: Янковскій, Кацауровъ, Кропотовъ, Змѣевъ, Шнаубертъ, Исполатовъ, Вейсъ и Корсаковъ — медицины; б) въ степени магистра, кандидаты: Некрасовъ — чистой математики, Звѣревъ—государственнаго права и провизоръ Дворковичъ—фармаціи; в) кандидата—103 (по историко-филологическому факультету 26, по физико-математическому 28, по юридическому 49); г) званіе дѣйствительнаго студента—30 (историко-филологическаго факультета 5, физико-математическаго 9, юридическаго 16). По медицинскому факультету утверждено въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени лѣкаря 185 (изъ нихъ 8 съ отличіемъ), въ званіи инспектора врачебной управы 1, въ званіи акушера какъ члена врачебной управы 1, въ званіи уѣзднаго врача 15, въ степени провизора 46, въ званіи аптекарскаго помощника 115, въ званіи дантиста 3 и въ званіи повивальной бабки 147. На званіе учителя гимназіи получили свидѣтельства 5 лицъ, а изъ студентовъ лицея цесаревича Николая удо-

Библиотека "Руниверс"

стоены: степени кандидата—3 и званія дѣйствительнаго студента—1, и одно лицо изъ постороннихъ утверждено кандидатомъ.

Для усовершенствованія въ наукахъ и для приготовленія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ 32 лица; изъ нихъ получали стипендіи: изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 20, изъ спеціальныхъ средствъ университета 6, остальные 6 стипендіями не пользовались. По факультетамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 11, въ физико-математическомъ 12, въ юридическомъ 8, въ медицинскомъ 1. Командировано съ тою же цѣлью за границу 6 лицъ.

Денежныя средства Московскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано 550.373 руб. 78 коп. (на содержаніе личнаго состава 247.896 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 162.796 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 50.740 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 2.237 руб. 50 к., на пособіе Обществу естествоиспытателей 2.500 руб,, на ремонтъ зданій и передѣлку лабораторіи 70.000 р., на содержаніе лицъ, оставленныхъ при университетѣ, а также стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа и другихъ 14.203); б) благотворительныхъ капиталовъ состояло 1.052.855 руб. 51¼ к. (въ процентныхъ бумагахъ 990.738 руб., въ наличныхъ деньгахъ 62.117 руб. 51¼ к.); в) суммы сбора за слушаніе лекцій со студентовъ: къ 1-му января 1883 года состояло 102.032 руб. 10¼ к., въ теченіе 1883 года поступило 87.908 руб. 75 коп., въ тотъ-же срокъ израсходовано 67.357 руб. 93 коп., затѣмъ къ началу 1884 года осталось на лицо 122.582 руб. 92¼ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на разные непредвидѣнные расходы 41.143 руб. 33 коп., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 11.107 руб. 74 коп., на учрежденіе стипендій, на выдачу стипендій и пособій студентамъ, на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ 4.874 руб. 49 коп., на вознагражденіе профессоровъ и прочихъ преподавателей за чтеніе лекцій по другимъ каѳедрамъ 3.266 руб. 67 коп., на ученыя командировки внутри Россіи и за границей 2.683 руб. 33 коп.

При Московскомъ университетѣ состоятъ пять ученыхъ обществъ, дѣятельность которыхъ въ теченіе 1883 года выразилась въ слѣдующемъ.

Библиотека "Руниверс"

Московское общество испытателей природы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, стремилось поддерживать и расширять свои сношенія съ учеными обществами и учрежденіями европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ, съ главною цѣлью пополненія своей библіотеки, и заботилось о томъ, чтобы содѣйствовать научнымъ изслѣдованіямъ своихъ членовъ, какъ публикованіемъ трудовъ ихъ въ издаваемыхъ имъ Запискахъ, такъ и посредничествомъ между отдѣльными лицами и учрежденіями. Съ сею цѣлью Общество ходатайствовало предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о предоставленіи члену Общества Коротневу одного рабочаго стола въ зоологической станціи д-ра Дорна въ Неаполѣ въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ, каковое ходатайство было уважено министерствомъ. Для облегченія научныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ г. Миклашевскимъ въ Черниговской губерніи и г. Колаковскимъ въ губерніяхъ Пензенской и Симбирской, Общество обращалось въ губернскія земскія управы этихъ губерній съ просьбою о выдачѣ названнымъ лицамъ открытыхъ листовъ для наибольшей успѣшности ихъ работъ, и просьба эта всѣми тремя управами была исполнена. Сергачская земская управа обращалась въ Общество объ опредѣленіи нѣкоторыхъ вредныхъ насѣкомыхъ, появившихся на колосьяхъ хлѣбныхъ злаковъ лѣтомъ 1883 года. Профессору Траутшольду, предпринимавшему весною поѣздку въ Крымъ, Общество выдало денежную субсидію для содѣйствія успѣху предпринятаго имъ изслѣдованія. Общество продолжало издавать свои Записки, какъ и въ предыдущіе годы, подъ редакціей своего вице-президента. Въ теченіе 1883 года были изданы четыре нумера Бюллетеня и четвертый выпускъ XIV тома Новыхъ Мемуаровъ. Въ этихъ выпускахъ напечатаны слѣдующія изслѣдованія: В. Яковлева—„Матеріалы для фауны полужесткокрылыхъ Россіи и сосѣднихъ странъ“, А. Умнова—„Матеріалы для познанія энтомологической фауны Симбирской губерніи. Ванессы г. Симбирска“, И. Фауста—„Европейскіе и Азіатскіе виды Eririhinus, Notaris, Icaris и Dorylomus“, К. Линдемана—„Союзъ короѣда типографа и гриба опенка въ борьбѣ съ елью“, „Tarinostola frumentalis“, „Dorcadion carinatum и Schizoneura“, Обозрѣніе географическаго распространенія нѣкоторыхъ вредныхъ насѣкомыхъ Россіи“; М. Мензбира—„Сравнительный очеркъ орнитологической фауны губерній Московской и Тульской“, О. Радошковскаго—„О нѣкоторыхъ русскихъ видахъ Bombus“, В. Цингера—„Списокъ растеній, собранныхъ въ 1878 году въ области Войска Донскаго, близъ Урюпинской станицы“ и

Библиотека "Руниверс"

„Potentilla tanaitica", А. фонъ-Ризенкампфа—„Полный списокъ растеній Пятигорской флоры", А. Рейнгарда—„О бацилляріяхъ Бѣлаго моря", М. Гандоже—„Описаніе новыхъ европейскихъ видовъ Mentha", В. Мѣшаева—„О приспособленіи растеній къ сохраненію вертикальнаго положенія и о движеніи воды въ организмѣ ихъ", Траутшольда—„Объ измѣненіи уровня океана", „О терминологіи чашечныхъ пластинокъ у морскихъ лилій" и „Научные результаты, полученные при заложеніи буровыхъ скважинъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ", А. Богуславскаго—„Описаніе сколіографа, или снаряда для черченія кривыхъ высшихъ степеней", Ѳ. Слудскаго—„О движеніи земли съ луною около солнца" и „Новыя дополненія къ новымъ изслѣдованіямъ по кенетикѣ капельной жидкости", Н. Жуковскаго—„О вліяніи колебаній штатива на время качанія маятника", В. Бахметева—„Метеорологическія наблюденія, сдѣланныя въ Петровской академіи за 1882 годъ", Н. Зворыкина, Брюсова и Бѣлопольскаго—„Круги и ложныя солнца" 27-го декабря 1882 года въ Москвѣ", Н. Зворыкина—„Наблюденіе надъ атмосфернымъ электричествомъ въ іюлѣ 1882 года въ Муромѣ", Ѳ. Бредихина—„О большой кометѣ 1882 г.", „О хвостѣ перваго типа большой кометы 1882 г.", барона В. фонъ-Розена—„О вліяніи количества теплоты и максимальной теплоты на развитіе цвѣтка", К. Вейрауха—„О взаимодѣйствіи постоянныхъ магнитовъ", И. Кристофа—„Изъ поѣздки въ Ахалъ-Текке", А. Регеля—„Изъ путешествія въ Бухару". Некрологъ Ѳ. Шмидта, составленный д-ромъ А. Ризенкампфомъ, и Отчетъ о публичномъ засѣданіи Общества для чествованія пятидесятилѣтняго докторскаго юбилея вице-президента К. И. Ренара, составленный И. Дюмушелемъ.—Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годичное засѣданіе, въ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, доложены были слѣдующіе рефераты научнаго содержанія: Н. Сѣверцовымъ—о помѣси между Anas boschas и Anas crecca, К. Линдеманомъ—„о коройдѣ типографѣ" и „ячменной моли", А. Коротневымъ—о нервной системѣ трубчатниковъ, К. Тимирязевымъ—а) о сущности жизни и б) критическій разборъ работы Энгельмана, озаглавленной: „Farbe und Assimilation", В. Тихомировымъ—о ложной хинной коркѣ: China cuprea, Н. Цабелемъ—о гомологіи элементовъ женскаго цвѣтка растеній и о вліяніи сѣрнистаго углерода на зерна и сѣмена растеній, В. Мѣшаевымъ—а) о назначеніи лубяной ткани и о движеніи воды въ растеніяхъ и б) о роли лубяной ткани, Г. Шиклашевскимъ—о геологическомъ строеніи почвы Глуховскаго уѣзда, С. Никитинымъ—о полосатыхъ

Библиотека "Руниверс"

и пестрыхъ глинахъ по берегамъ рѣкъ сѣверной и восточной Россіи, Г. Траутшольдомъ—а) „Archegosaurus Stuckenbergi изъ пермскихъ осадковъ Вятской губерніи", и б) о неокомскихъ ископаемыхъ Крыма, А. Павловымъ—о мезозойныхъ отложеніяхъ нагорнаго берега Волги, А. Сабанѣевымъ—о нѣкоторыхъ ацетиленовыхъ, этиленовыхъ-виниловыхъ соединеніяхъ, Л. Шишковымъ—объ отдѣленіи сливокъ при помощи аппарата Лаваля, Д. Анучинымъ—а) о карликовыхъ племенахъ Азіи и Африки и б) объ ученой дѣятельности В. Ковалевскаго, А. Столѣтовымъ—объ энергіи солнца, Я. Вейнбергомъ—объ укрощеніи морскихъ волнъ, А. Богуславскимъ—критическія замѣчанія по поводу геометріи Грассмана, Ѳ. Бредихинымъ—а) о длинѣ маятника въ Москвѣ и б) о главныхъ результатахъ наблюденій надъ большой кометой 1882 года, П. Зиловымъ—объ общемъ законѣ насыщеннаго пара, В. Цингеромъ—по поводу работы Петерсона объ изгибаніи поверхностей, В. Бензенгромъ—о Ліонскомъ обществѣ любителей естественныхъ наукъ и его музей.—Денежныя средства общества въ 1883 году состояли изъ суммы, ежегодно отпускаемой правительствомъ въ размѣрѣ 4.857 руб., и изъ членскихъ взносовъ, которыхъ поступило всего 140 руб. Въ обмѣнъ на свои изданія Общество пріобрѣло въ теченіе года 1.273 тома книгъ, между которыми есть много драгоцѣнныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта. Для скорѣйшаго приведенія въ окончательный порядокъ своей библіотеки, Общество ассигновало въ 1883 году единовременно 500 руб., благодаря чему библіотека къ началу 1884 года почти совершенно приведена въ порядокъ, при чемъ выяснилось, что Общество болѣе или менѣе постоянно получаетъ 485 періодическихъ изданій ученыхъ обществъ и учрежденій.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Въ теченіе 1883 года засѣданій Общества, его отдѣловъ, отдѣленій и состоящихъ при отдѣленіи физическихъ наукъ коммиссіи прикладной физики и коммиссіи физико-математической было всего 39. Въ засѣданіяхъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: Д. Анучина—а) „Къ анатоміи африканскаго слона", б) о дореформенныхъ черепахъ съ Кавказа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Россіи, в) о черепахъ Полинезійцевъ, г) объ антропологическихъ и этнографическихъ музеяхъ Европы, д) о новыхъ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по антропологіи Кавказа, и е) о черепахъ и мозгахъ замѣчательныхъ людей; Н. Зографа—объ органигенезисѣ Mugiaroda, П. Митрофанова—а) о гистологическомъ строеніи кишечнаго канала

Библиотека "Руниверс"

Cobitis fossilis, б) о нѣкоторыхъ особенностяхъ строенія монадообразныхъ паразитовъ крови и в) новые изслѣдованія о нервныхъ окончаніяхъ кожи; Н. Насонова—о строеніи височной железы африканскаго слона, А. Тихомирова—„Къ эмбріологіи прѣсноводныхъ бокоплавовъ, Н. Шаврова—о чешуекрылыхъ Орловской и Кутаисской губ., В. Шимкевича—наблюденіе надъ прѣсноводной фауной Новгородской губерніи, К. Тимирязева—растеніе и солнечная энергія, Н. Цабеля—вліяніе сѣрнистаго углерода на сѣмена и растенія и значеніе его въ сельскомъ хозяйствѣ, В. Бензенгра — а) некрологъ Бертильона и б) новый случай микроцераліи, Д. Зернова—о мозгѣ ребенка микроцефала, М. Ковалевскаго—о поземельныхъ и сословныхъ отношеніяхъ у кавказскихъ горцевъ, В. Миллера — а) очеркъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ Осетинъ и б) новыя данныя о бытѣ Команчей, П. Кулаковскаго—празднованіе Славы у Сербовъ, В. Михайловскаго—этнографическій очеркъ южно-африканскихъ племенъ и ихъ словесныхъ произведеній, Е. Покровскаго—вліяніе колыбели на деформацію черепа, Распопова — очеркъ киргизскихъ народныхъ пѣсенъ, А. Риттиха—историко-этнографическія свѣдѣнія о славянскомъ мірѣ, И. Севрюгина—описаніе одного карлика, Е. Соловьева—описаніе пещеры Шелангуръ, Ѳ. Трейланда—очеркъ латышскихъ обрядовъ, совершаемыхъ при рожденіи и крещеніи ребенка, Г. Успенскаго——описаніе находки костей мамонта и носорога въ Тамбовской губерніи, Г. Халатіанца—объ армянскихъ народныхъ сказкахъ, М. Харузина—остатки родоваго быта, сохранившіеся среди Вотяковъ и Черемисовъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, К. Шапошникова—данныя о бытѣ алтайскихъ Калмыковъ, Ѳ. Бредихина—большія кометы 1882 года. Я Вейнберга—а) обмелѣніе рѣкъ въ связи съ истребленіемъ лѣсовъ б) Электрическая свѣча Brard'a и в) проектъ фотометра съ селеномъ, Г. Барскаго—о критическомъ состояніи тѣлъ, В. Бобынина—о книгѣ профессора Ващенко-Захарченко „Исторія математики", А. Богуславскаго—о геометріи Грассмана, Е. Брюсова—а) опыты Жубера съ машинами перемѣннаго тока и б) о наивыгоднѣйшемъ размѣщеніи лампъ, А. Бѣлопольскаго—а) о гнутіи оптической оси меридіональнаго круга, б) о полярныхъ сіяніяхъ и в) измѣреніе видимыхъ радіусовъ солнца съ помощью фотографій, Н. Жуковскаго, а) реакція вытекающей и втекающей жидкости, б) ударъ падающаго тѣла о плавающее тѣло, в) къ вопросу о безмѣрныхъ линіяхъ въ пространствѣ, г) опредѣленіе кометныхъ и планетныхъ орбитъ, д) объ опытахъ г. Арнольдова

Библиотека "Руниверс"

(истеченіе жидкости изъ сосуда чрезъ длинныя трубки), е) о колебаніяхъ плавающихъ тѣлъ, ж) опредѣленіе скорости по поводу снаряда профессора Шведова для показанія обертки волнъ, Д. Гольдгаммера — термодинамическая поверхность воды, Н. Зворыкина а) объ атмосферномъ электричествѣ и б) по поводу маятника Фуко, П. Капустина—а) о теллуріи особаго устройства и б) объ устроенномъ имъ оптометрѣ, А. Доброхотова-Майкова—а) о лампѣ, имъ изобрѣтенной, и б) преимущества альтернативныхъ лампъ, А. Минина—а) о функціяхъ образующихъ и б) объ одномъ символическомъ рядѣ со многими перемѣнными, В. Ребикова—а) о лампахъ съ накаливаніемъ, б) о значеніи аккумуляторовъ при установкѣ электрическаго освѣщенія, в) потенціональный гальванометръ М. Депре, г) динамо-электрическая машина Ферранти, е) сравнительная оцѣнка лампъ съ накаливаніемъ, ж) о лампѣ П. Ѳ. Римашевскаго, з) опыты М. Депре по электрической передачѣ работы на растоянія, А. Репмана—а) аналогія между системою калорической передачи работы и системою электрическаго освѣщенія, б) проектъ динамо-электрическаго аппарата безъ желѣза и в) примѣненіе телефона къ обнаруженію минимальныхъ индуктивныхъ токовъ; С. Свѣтовидова—а) очеркъ теоріи кватерніоновъ и б) объ аналогіи между задачами о діэлектрической поллеризаціи и о стаціонарномъ токѣ, В. Скаржинскаго—а) о динамомашинахъ, б) фотометрическіе графики различныхъ электрическихъ лампъ, в) о случаяхъ пораженія рабочихъ при неумѣломъ обращеніи съ аппаратами электрическаго освѣщенія, г) о группировкѣ гальваническихъ элементовъ для наивыгоднѣйшаго освѣщенія даннымъ числомъ лампъ, д) Эддисоновъ способъ распредѣленія проводовъ, е) о нѣкоторыхъ новыхъ динамо-машинахъ и ж) фотометрія электрическихъ лампъ, А. Соколова—теорія кривыхъ дифференціальныхъ сѣтокъ, Б. Станкевича—а) объ электропроводности газовъ и б) теорія нестаціонарнаго электрическаго тока въ газѣ, А. Столѣтова—а) о вогнутыхъ сѣткахъ Роуланда, б) объ акустическихъ работахъ свящ. Израилева и о приборѣ его для опредѣленія и повѣрки камертоновъ и в) объ опытахъ электрическаго освященія у Храма Спасителя, В. Тагайчинова—о примѣненіи аккумуляторовъ Планта къ подачѣ акустическихъ желѣзнодорожныхъ сигналовъ, И. Хайновскаго—а) объ опытѣ Оливье и б) горизонтальный вѣтряный двигатель, В. Церасскаго—а) о небесныхъ картахъ Петерса и б) объ астрофотометрическихъ наблюденіяхъ и о фотометрѣ Московской обсерваторіи, Н. Шапошникова—а) основанія алгебры терніоновъ, б) основанія общей алгебры про-

Библиотека "Руниверс"

странства и измѣреній и в) извлеченіе корней изъ терніоновъ, Н. Шиллера—о движеніи центра инерцій. — Въ 1883 году Общество издало три выпуска своихъ Извѣстій, которые заключаютъ въ себѣ слѣдующія статьи: вып. 2-й тома XLVI—„Московскій музей прикладныхъ знаній. Засѣданія комитета музея за 1877 и 1882 г."; вып. 2-й тома XLIV — „Воскресныя объясненія коллекцій политехническаго музея 1882 и 1883 гг.", вып. 1-й тома XLIII—„Труды лабораторіи зоологическаго музея Московскаго университета", и Н. Зографъ—Матеріалы къ познанію эмбріональнаго развитія Geophilus ferrugineus L. K. и G. proximus L. K.".—15-го октября 1883 г. исполнилось 20-тилѣтіе существованія Общества. По этому случаю Общество было почтено привѣтственной телеграммой г. министра народнаго просвѣщенія. По тому же поводу Общество присудило золотыя медали: Я. И. Вейнбергу, Н. Ю. Зографу и А. А. Тихомирову, за изданныя ими сочиненія, и Ф. Д. Нефедову—за произведенныя раскопки.—Предпринятое въ 1882 году антропологическимъ отдѣломъ Общества собираніе свѣдѣній о цвѣтѣ глазъ и волосъ, благодаря содѣйствію штаба Московскаго военнаго округа, дало весьма значительное число наблюденій. Въ 1883 году Общество получило обѣщаніе о таковомъ же содѣйствіи со стороны штабовъ еще шести округовъ. Прислано уже 45.000 свѣдѣній относительно призывныхъ, всего же ожидается около 150.000. Сверхъ того, нѣсколько тысячъ свѣдѣній отъ частныхъ лицъ по губерніямъ Тверской, Казанской и Прибалтійскимъ.

Физико-Медицинское Общество имѣло 9 засѣданій, на которыхъ, кромѣ обсужденія текущихъ дѣлъ, дѣйствительные члены и посѣтители сдѣлали слѣдующія сообщенія: В. Добронравовъ—о Листеровскихъ принципахъ въ примѣненіи къ акушерству, А. Парщевскій—объ оперативномъ лѣченіи перитонита, В. Остроглазовъ—о собираніи статистики заболѣваемости въ Москвѣ заразными болѣзными по карточной системѣ, А. Регманъ—по поводу электротерапіи Эрба 1882 года, и демонстрировалъ два имъ устроенные пахитропа, Г. Каспари—объ ихтіолѣ и различныхъ мазяхъ и пластыряхъ, рекомендованныхъ Иппа въ различныхъ заболѣваніяхъ кожи, И. Сыромятниковъ и Снегиревъ—по вопросу о радикальномъ лѣченіи рака матки, Н. Погожевъ—нѣкоторыя практическія замѣчанія относительно мнимыхъ и притворныхъ больныхъ, г. Мороховецъ—о несостоятельности ученія Ал. Шмидта о свертываніи кожи, г. Голубовъ сообщилъ три наблюденія надъ дѣйствіемъ каприна, И. Заборовскій—о капринѣ,

Библиотека "Руниверс"

г. Кузьминъ демонстрировалъ опухоль, удаленную имъ per laparatomiam, и сдѣлалъ сообщеніе о травматическихъ поврежденіяхъ спиннаго мозга, Н. Гагманъ читалъ отчетъ о дѣятельности его ортопедическаго института за второе пятилѣтіе его существованія, г. Россолимо—о вліяніи нервовъ на питаніе, г. Миноръ—о непропатологической школѣ Шарко въ Парижскомъ убѣжищѣ Salpêtrière, г. Блументаль—экспериментальныя изслѣдованія по поводу происхожденія различныхъ формъ воспаленія почекъ, В. Чирковъ—матеріалъ къ изученію перитонита.—По иниціативѣ предсѣдателя Общества и подъ его руководствомъ, составлена изъ семи членовъ Общества коммиссія для всесторонняго разсмотрѣнія интереснаго вопроса о вырѣзываніи раково-перерожденной матки.

Математическое Общество имѣло въ 1883 году пять засѣданій, на которыхъ сообщенія были сдѣланы шестью членами Общества и двумя посторонними посѣтителями. Общество докончило изданіе X тома своего журнала и приступило къ изданію XI тома.

Московское Юридическое Общество главнымъ образомъ занималось обсужденіемъ проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, препровожденнаго министерствомъ юстиціи, въ силу Высочайшаго повелѣнія, вмѣстѣ съ объяснительною запискою, для выработки замѣчаній на проектъ. Общество избрало для этой цѣли особую коммиссію. Правительственный проектъ, въ связи съ замѣчаніями коммиссіи, были обсужены въ публичныхъ засѣданіяхъ Общества. Часть трудовъ Общества по этому предмету уже препровождена въ министерство юстиціи, другая же часть имѣетъ быть представлена въ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, Общество посвятило нѣсколько засѣданій обсужденію проекта устава о векселяхъ, 1882 года, при чемъ матеріаломъ послужилъ рефератъ члена Общества Н. Ржондковскаго. Кромѣ этого реферата, доложены Обществу еще слѣдующіе: В. Судейкина—о городскихъ общественныхъ банкахъ, В. Гольцева—о новой книгѣ Менгера о методологіи политической экономіи, и графа А. Комаровскаго—о современномъ международномъ правѣ цивилизованныхъ народовъ. При Обществѣ имѣется особое статистическое отдѣленіе, въ коемъ, въ теченіе 1883 года, доложены были слѣдующіе рефераты: А. Чупровымъ—а) о возрастномъ составѣ населенія въ программахъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, б) о новыхъ земскихъ статистическихъ трудахъ, в) о жизни и трудахъ умершихъ ученыхъ К. Маркса и А. Бертильона, и г) некрологъ А. И. Кошелева; В. Гольцевымъ—а) статистическія данныя объ

Библиотека "Руниверс"

артеляхъ Тверскаго земства, б) объ изданіи Фр. Нейманна: „Beiträge zur Geschichte der Bevölkerung in Deutschland", Н. Каблуковымъ—а) статистика сельскаго хозяйства Англіи и б) о нѣкоторыхъ новыхъ иностранныхъ и русскихъ статистическихъ трудахъ, В. Орловымъ—о ходѣ земскихъ статистическихъ работъ въ теченіе 1883 года, В. Судейкинымъ—о русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ по Ежегоднику кредитныхъ учрежденій, изданному подъ редакціей г. Ивайценка, А. Фортунатовымъ—о поденной платѣ въ русскомъ земледѣліи въ 1882 году, М. Ѳедоровымъ—о хлѣбной конкурренціи Россіи съ Америкой, К. Панкѣевымъ—о четвертной формѣ землевладѣнія на югѣ Рязанской губерніи, И. Боголѣповымъ—о промышленности уѣздныхъ городовъ Московской губерніи, В. Пругавинымъ—о русской сельской общинѣ по послѣднимъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

DE LEGE ANTIMACHEA SCAENICA.

Quod in litterarum studiis haud ita raro accidere solet, ut gravissimae quaestiones, quae olim doctissimorum virorum ingenia exercuerunt, antequam ad exitum perducantur, quasi tacito omnium consensu, defatigatis magis quam convictis disceptantium legentiumque animis deserantur, idem huiusce etiam commentarioli argumento contigisse videtur. Neque enim in contentione adhuc positam facile dixeris quaestionem, quam post F. Leonem et O. Keckium [1]) nemo tractaverit, neque vero ullo pacto pro composita haberi potest controversia, cum de rei summa etiamnunc ambigere liceat. Nam et parum certa sunt quibus fulciri coacti sumus veterum testimonia, et quae a nostrae aetatis philologis prolata sunt plerumque ita comparata esse videbis, quasi etiam hic locum habeat boni Eueni λόγος εἷς ὁ παλαιός «σοὶ μὲν ταῦτα δοκοῦντ' ἔστιν, ἐμοὶ δ' ἕτερα». Neque tamen ideo in certamen descendi, ut eorum qui ante me de eadem re scripserunt sententias aut colligerem, qui labor ingratissimus foret, aut, quod etiam minus probandum esset, refutarem; novi aliquid mihi invenisse videor, unde parvam saltem quaestionis huius partem expediri tandem posse spero; quod quo facilius percipiatur, quid adhuc a viris doctis actum sit breviter recensere liceat.

Comoediae Atticae libertatem nulla lege antiquitus coercitam fuisse nemo est qui neget; quod autem a nonnullis auctoribus traditur etiam

[1]) *F. Leo*, Quaestiones Aristophaneae 1873; *O. Keck*, Quaestiones Aristophaneae 1875; utramque disputationem neglegenter ut fere solet recensuit *Av. Bamberg* (*Lit. Cbl.* 1874 col. 425 sq.; 1877 col. 892 sqq..

Библиотека "Руниверс"

lege cautum fuisse, ut ne quis maledicendi delicias poetis eriperet [1]), fide parum dignum esse quivis Th. Bergkio et C. G. Cobeto [2]) concedet. Qui cum in universum optime de ea re disseruerint, hoc unum minus recte mihi statuisse videntur in sola popularis imperii libertate comicorum praesidium positum fuisse; ἐπ' ὀλίγου γὰρ εἶχετο. Qua in re vereor ne nobili illo Aristotelis testimonio decepti sint, quo Megarenses Nisaeos sibi comoediae primordia vindicare tradit eo nisos argumento, quod primi Theagene tyranno expulso ad plebem imperium detulerint [3]). De Megarensium comoedia non est quod dubitemus; prorsus diversa autem erat ionicae Atticorum comoediae condicio. Quae cum ex bacchicis phallophororum carminibus orta esset, cum Bacchi religione indissolubili vinculo conexa tenebatur; ipse deus igitur bacchantibus hanc licentiam dedisse putabatur ὥστ' ἀζημίους παίζειν τε καὶ χορεύειν. Quod si quis probe consideraverit, profecto non mirabitur principes civitatis viros, genere et fama nobiles, mordaces bacchicorum agminum iocos initio patienter tulisse; neque enim nostri temporis homines, eos dico, qui benigniore condicione usi integra Saturnalium festivitate delectantur, graviter ferre solent, si inter gaudia et tumultus paullo iniquius habiti sunt; alioquin prorsus stomachosum et umbraticum mortalem dixeris. Qualis ad exitum iam properante ionicae comoediae fortuna Agyrrhius extitisse videtur, tristis homo, qui κωμῳδηθεὶς ἐν ταῖς πατρίοις τελεταῖς ταῖς τοῦ Διονύσου ad levem thyrsi ictum scutum sustulisse et poetarum mercede imminuenda comoediae venam substrinxisse fertur; quem suo iure Aristophanes propter id factum a ludis bacchicis prohibet [4]).

Attamen nulla res est, quae, si insolenter ea abuti velis, diu tolerabilis remaneat; neque gratus erit risus, ubi sub ludicra bacchantis persona torvum infestissimi inimici voltum deprehenderis. Comoedorum

---

[1]) Cic. de rep. IV, 10 et Graeci quidem antiquiores vitiosae suae opinionis quandam convenientiam servaverunt, apud quos fuit etiam lege concessum, ut quod vellet comoedia de quo vellet nominatim diceret; cf. Themist. VIII, p. 110 B.

[2]) *Th. Bergk—Schmidt's Zft. f. Geschichtswft* 1844 (II) 198 sqq.; *C. G. Cobet*, Obss. critt. in Plat. com. rell. 27 sqq.

[3]) Poet. 3 ἀντιποιοῦνται... τῆς κωμῳδίας οἱ Μεγαρεῖς οἵ τε ἐνταῦθα ὡς ἐπὶ τῆς παρ' αὐτοῖς δημοκρατίας γενομένης, καὶ οἱ ἐκ Σικελίας. UvWilamowitz argumenta quibus Megarensium comoediam omnino nunquam extitisse et sibi et aliis persuasit (*Herm.* IX, 319 sqq.) prorsus ex nihilo hausta esse data occasione demonstrabo.

[4]) *Ran.* 368.

Библиотека "Руниверс"

loci, qui facile ferri poterant, dum aequis lancibus pensi in unumquemque iactabantur, nimis amari extiterunt, ex quo in unum eumque optimum civem mitti coepti sunt. Quare mirandum non est, quod anno 440 legem rogatam esse videmus ad effrenatam maledicendi libidinem reprimendam. Quae quid voluerit diserto eruditissimi scholiastae (ad Ach. 67) testimonio constat: ἐπ' Εὐθυμένους ἄρχοντος· οὗτος ὁ ἄρχων ἐφ' οὗ κατελύθη τὸ ψήφισμα τὸ περὶ τοῦ μὴ κωμῳδεῖν, γραφὲν ἐπὶ Μορυχίδου· ἴσχυσε δὲ ἐκεῖνόν τε τὸν ἐνιαυτὸν καὶ δύο τοὺς ἑξῆς ἐπὶ Γλαυκίνου [1]) τε καὶ Θεοδώρου, μεθ' οὓς ἐπ' Εὐθυμένους κατελύθη. Qui cum ceteroqui bene nos de lege illa certiores faciat, quod duabus de rebus nimium chartae pepercit dolendum est: quis enim legis auctor fautorve fuerit, aut quomodo accipiendum sit περὶ τοῦ μὴ κωμῳδεῖν illud, aeque nescitur, neque explorari potest nisi coniectura satis illa quidem incerta.

Utramque quaestionem philologorum ingenia haud mediocriter vexavisse facile credes. Cratinus quin fere solus immodico cavillandi ardore Morychidae legem provocaverit nemo dubitat: qui tamen cum multos lacessierit multosque inimicos habuerit, a quo potissimum non immeritam poenam sibi contraxerit non satis liquet. Primus quod sciam [2]) CGCobet [3]) nisi a Pericle legem illam scaenicam a nullo populo suaderi potuisse affirmavit, et ita affirmavit, quasi de re certa exploratoque ageretur; neque tamen persuasit Th. Bergkio [4]), qui neque Periclem, neque optimates huiuscemodi legis fautores extitisse contendit. Non eum fuisse Periclem, cui comicorum facetiae atram bilem movere potuerint, nec si revera viri eximii interfuisset, ut thymelae nimia petulantia purgarentur, futurum fuisse ut iam tribus annis post poetae pristinae libertatis usum recuperarent. Optimatium autem non tantam fuisse auctoritatem, ut quicquam invita plebe assequi potuerint. Solos igitur remanere Lamponis Diopithisque de grege insulsissimos tenebriones, quos iam dudum liberiore temporum inclinatione offensos, et nuper in Cratini comoediis male habitos cum alios nobilissimos viros, Protagoram Anaxagoram Diagoram internecivo odio persecutos esse, tum nimis luxurianti comoediae alas praecidisse. Qua in re doleo

[1]) Nisi Γλαυκίδου praestat; de quo cf. *G. Dindorf*, praef. Eur. Alc. VIII; *Th. Bergk*, comm. de reli. com. ant. 142, CGCobet, l. c. 9.

[2]) Nam neque Clarissii «de Pericle» commentatione, neque F. V. Fritzschii «quaestionibus Aristophaneis» me uti potuisse fateor.

[3]) L. c. 9 sq.

[4]) *Schmidt's Zft.* l. c. 202 sqq.

Библиотека "Руниверс"

equidem virum ingeniosissimum speciosis fictionibus voculisque sonoris quam rationibus uti maluisse. Nam «religiosam reactionem»—si qua est barbare loquenti venia—repressae comicorum licentiae causam non fuisse vel ex eis patet, quae supra dicta sunt; ludi scaenici cum Baccho celebrati sint, a religione ipsa repetenda est sacrosancta poetarum comicorum potestas, quam nemo violare poterat, nisi qui deum ipsum iratum habere volebat. Iam vides quantae oriantur ineptiae, si ipsos sacerdotes ludorum bacchicorum festivitati obtrectavisse tibi persuaseris. Qui optimates legi favisse negat, me assentientem habebit; neque enim obliviscendum est, et Cimoni et Niciae summam a comicis laudem tributam fuisse [1]). Quare acquie scendum puto in CGCobeti aliorumque opinione, Periclis nutu factum esse, ut prava calumnias audiendi voluptas populo eriperetur; neque ullus est timori locus, ne splendida generosi civis imago hac quasi macula offuscetur, quod se eosque, quos caros habebat, sordidissimis conviciis diutius obnoxios esse non tulit. Quod autem per tres tantum annos Morychidea lex valuisse fertur, mirari non debebat Th. Bergk; simplicissima res est, sive plebeculam, qua erat inconstantia, προστάτην suum deseruisse, sive Periclem desideriis eius ultro gratificatum esse statuis. Ad summam, ut verisimillimum est, legem de qua nunc agimus nisi a Pericle populo commendari non potuisse, ita pro certo ne id quidem affirmaverim.

Neque magis quis orator fuerit, qui legem in comitiis rogavit, a scholiasta edocemur. Periclem ipsum id fecisse parum probabile est; verissime enim Th. Bergk [2]) observavit huiusmodi πολυπραγμοσύνην a Pericle alienam fuisse, qui nisi rei gravitas postulabat, ipse legibus rogandis operam non dabat, sed amicorum ope utebatur, ne popularium invidiam moveret. Quare ne illud quidem decretum ex sua persona rogasse videtur—non enim tanti erat—sed ex amicis aliquem in certamen misisse. Eadem est etiam C. G. Cobeti sententia; sed cum hic incertus haereat, utrum Ephialtes an Hagnon an alius quispiam suum plebiscito nomen ascripserit, Th. Bergk accuratius legis auctorem nominari posse putat; neminem enim alium eam tulisse nisi Antimachum.

---

[1]) Tertius Thucydides Melesiae filius addendus esset, si recte se haberet, quod plerique affirmant, H. Müller-Strübing (Aristoph. u. d. hist. Kritik 320 sqq.) suo, ut mihi quidem videtur, iure negat, Thucydidem illum, quem Aristophanes Ach. 703 sqq. commemorat, Melesiae filium fuisse.

[2]) *Schmidt's Zft.* l. c.

Библиотека "Руниверс"

Antimachi tunc temporis quattuor vel quinque fuerunt, si qua fides est scholiastis ad Nub. 1022

καὶ πρὸς τούτοις τῆς Ἀντιμάχου
καταπυγοσύνης ἀναπλήσει.

τῆς Ἀντιμάχου· οὗτος εἰς θηλύτητα κωμῳδεῖται καὶ εὐμορφίαν· ἔστι δὲ καὶ ἕτερος ἐπὶ πονηρίᾳ κωμῳδούμενος· τρίτος ὁ Ψακάδος λεγόμενος· τέταρτος ὁ τραπεζίτης, οὗ μέμνηται Εὔπολις ἐν Δήμοις· πέμπτος ἱστοριογράφος· τάχα δὲ ὁ αὐτός ἐστι τῷ εὐμόρφῳ. At nihil obstat, quominus haec omnia ad solum Sputatoris filium pertinere putemus, de quo paullo fusius agit Aristophanes Acharn. 1150 sqq.

Ἀντίμαχον τὸν Ψακάδος τὸν ξυγγραφῆ, τῶν μελέων ποιητήν,
ὡς μὲν ἁπλῷ λόγῳ κακῶς ἐξολέσειεν ὁ Ζεύς·
ὅς γ' ἐμὲ τὸν τλήμονα Δήναια χορηγῶν ἀπέκλειστ' ἄδειπνον [1]).

Bellum enim hunc quoque fuisse haud scio an schol. ad hos versus testetur (ποιητὴς ὢν καλὸς χορηγῶν ποτε μικρολόγως τοῖς χορευταῖς ἐχρήσατο); quanquam et fieri potest, ut ille καλός vocem ea significatione usurpaverit, quae apud nostrae aetatis Graecos unice legitima est, et bonum tantummodo poetam Antimachum appellaverit—et suo iure F. Leo [2]) κακός coniecisse videtur Fueritne mollis et καταπύγων, nescio; certe epularum deliciis eum non mediocriter deditum fuisse ex Aristophanis ipsius qui secuntur versibus facile colligas, neque ab-

[1]) Virorum doctorum de his versibus constituendis sententias uno in conspectu posuisse haud inutile erit, quippe qui toti disputationi quasi fundamentum substrati sint. Quam in contextum recepi Ravennatis est lectio; eam G. Dindorf et Th. Bergk tuentur, plaudentibus G. F. Schömanno (Opusc. acad. IV, 170 sqq.) et G. Droysseno. P. Elmsley contra voce ξυγγραφῆ, credo, offensus, cui diiambo in antistropha haud recte choriambus responderet, τὸν μέλεον τῶν μελέων ποιητήν conicit, ut in verborum μέλεος et μέλος similitudine luserit poeta, idque popularibus suis R. Dobraeo P. Porsoni F. Blaydesio persuasit; quam sententiam etiam AMüller et W. Ribbeck amplexi sunt. G. Küstero lenior coniectura τὸν μέλεον ποιητὴν probatur; A. Nauck (*Bull. de l' Ac. de Ptb.* VI, 66) v. ξυγγραφῆ omnino eiciendum esse ratus etiam antistrophae v. νυκτερινόν expellit; A. Meineke cum τὸν ξυρίαν τὸν μέλεον ποιητὴν proponit se ipse lusisse fatetur. Plane inanis denique est H. Schmidtii (Antike Compositionslehre, in canticorum Aristophaneorum contextu) coniectura τὸν λόγιον. V. 1155 utrum ἀπέλυσ' an ἀπέκλειστ', ἄδειπνον an δείπνων scribatur cum nihil intersit, editionum discrepantias enumerare supersedeo.

[2]) L. c. 22.

Библиотека "Руниверс"

sonum est eum veneri qualicunque operam dedisse [1]); unde non diversum eum fuisse a primo Antimacho minime audax suspicio est. Porro dives fuit, sed choragi munere functus iusto parcius choreutas tenuit; quare trapezitam eum aut fuisse, aut ab Eupolide appellatum esse probabiliter conicias; utut est, diversum eum a quarto Antimacho fuisse non crediderim. Tum quintus etiam Antimachus rerum gestarum scriptor extitisse traditur; noster autem sive Aristophanis ipsius, sive interpolatoris eius, scituli ut videtur homuncionis, testimonio ξυγγραφεύς fuisse perhibetur. Alter denique Antimachus πονηρίας accusabatur; quod tale opprobrium est, ut—unum alterumve si exceperis—in omnes panthei Aristophanei genios valeat. Omnino autem scholiasta ita operam instituisse videtur, ut quae diversis locis legerat ad diversos viros referret; qui error non minus creber est, quam si quis ea, quae diversis locis sub eodem nomine dicta sunt, necessario ad eundem hominem pertinere sibi persuaserit. Sed haec tanti sunt; nobis de uno Antimacho Ψακάδος filio agendum est

De quo admodum memorabilia sunt scholiastarum (ad Ach. 1150) verba. Ἀντίμαχον· φασὶ γὰρ αὐτὸν γράψαι ψήφισμα ὥστε τοὺς χορεύτας μηδὲν ἐκ τῶν χορηγῶν λαμβάνειν. τὸν Ψακάδος ἔφη. οἱ μὲν ὅτι οὕτως ἐπεκαλεῖτο διὰ τὸ συνεχῶς πτύειν, ἢ διὰ τὸ μηδὲν ἀναλῶσαι.—τὸν συγγραφέα. Ψακὰς δὲ οὗτος ἐκαλεῖτο, ἐπειδὴ προσέρραινε τοὺς συνομιλοῦντας διαλεγόμενος... ἐδόκει δὲ ὁ Ἀντίμαχος οὗτος ψήφισμα πεποιηκέναι, μὴ δεῖν κωμῳδεῖν ἐξ ὀνόματος. καὶ ἐπὶ τούτῳ πολλοὶ τῶν ποιητῶν οὐ προσῆλθον λῃψόμενοι τὸν χορόν, καὶ δηλονότι πολλοὶ τῶν χορευτῶν ἐπαίνων. ἐχορήγει δὲ ὁ Ἀντίμαχος τότε, ὅτε εἰσήνεγκε τὸ ψήφισμα. οἱ δὲ λέγουσιν ὅτι ποιητὴς ὢν καλὸς χορηγῶν ποτε μικρολόγως τοῖς χορευταῖς ἐχρήσατο.

Tres igitur sunt scholiastarum explicationes. Aut enim choreutas offendit Antimachus cum legem rogavit, ut ne quid praemii choreutae a choragis expeterent, aut alia multoque graviore περὶ τοῦ μὴ κωμῳδεῖν lege lata; aut denique cum choragi munere functus illiberaliter cum choreutis egit. Aristophanis ipsius verba cui interpretationi faveant obscurum non est; nihil enim amplius homini opprobrio vertunt, quam quod Λήναια χορηγῶν chorum ἀπέκλεισε δείπνων. Sed ne haec quidem

[1]) Haud obscura sunt quae ei imprecatur Aristophanes v. 1165. κἀθ' ἕτερον νυκτερινὸν γένοιτο· ἡπιαλῶν γὰρ οἰκαδ' ἐξ ἱππασίας βαδίζων...; quamvis enim longe ab eorum mira prurigine abhorream, qui cuilibet Aristophanis ioco phallum appingere solent, tamen de hac nocturna equitatione vera H. Müllerum-Strübingium (Arist. u. d. hist. Kritik 31) vidisse concedo.

Библиотека "Руниверс"

verba quomodo accipienda sint constat; atque duae potissimum quaestiones sunt de quibus ambigatur—nam quae tertio loco tractanda erat, utrum ἀπέλυσ' ἄδειπνον an ἀπέκλεισε δείπνων iusta esset scriptura, eam hoc loco nihil moror.

Prior igitur ἀπορία haec est. Quis ille fuit, qui se ab Antimacho incenatum dimissum esse queritur? Ego meas potius rationes quam scholiastarum verba secutus—quorum in hisce rebus auctoritatem nauci faciendam non esse facile concedo—de toto choro cogitavi; sunt tamen qui poetam ipsum sub chori persona haec loquentem faciant [1]). Aristophanem nempe cum Δαιταλέας anni 427 Lenaeis Callistrato committendam tradiderit, ab Antimacho, qui Callistrati choragus fuerit, epulis exclusum esse, quippe qui comoediam non suo nomine docendam curaverit. Quam sententiam si qua par est diligentia examinare vellem, tota „de Callistrato et Philonide" quaestio retractanda esset [2]), qua haud scio an nulla unquam sterilior aut ingratior extiterit. Quod cum huius disputatiunculae fines transgrediatur, unum monuisse satis habeo, nisi in parabasi nunquam chorum poetae partes agere. «At haec ipsa, inquiunt, parabasis est» [3]). Bellam hercle parabasim, quae neque anapaestos neque epirrhemata habeat. Sed sit licet parabasis, ne in parabasi quidem poeta choreutarum ore loquitur, nisi in eis partibus, quae a solo coryphaeo pronuntiantur, anapaestos dico; idque bona ratione nititur. Nam cum antiquissimis comoediae temporibus poeta etiam coryphaei partes egerit, quomodo factum sit, ut etiam postea—neque tamen ultra Niciae pacem—haec arcta inter poetam et coryphaeum necessitudo remaneret, facile explicatur [4]). Quod quam nihil valeat in ea cantica, quae a toto choro pronuntiabantur, neminem fore puto quin intellegat. Iam cum nemodum extiterit, qui canticum nostrum a solo coryphaeo pronuntiatum esse contenderet, diutius in re certa commorari nolo. Quo tendam vides: chorum ipsum ab Antimacho exclusum esse pro demonstrato habeo.

Tum autem oboritur dubitatio, de quibus tandem Lenaeis agatur. Qua in re quantum dissentiant viri docti vix credibile est. Anni 425 Lenaeis cum in scaenam commissa sit Acharnenses, his ipsis et cho-

---

[1]) E quibus unum nominasse G. Droysenum satis habeo.

[2]) De qua recentissima quod sciam est F. Leonis disputatio (*Rh. M.* 33, 400 sqq.).

[3]) Haec est W. Ribbeckii sententia; nam C. Agthii (Parab. u. d. Zwischenakte d. att. Kom. passim) inanem loquacitatem nil moror.

[4]) Cf. H. T. Hornung (comm. de partt. com. gr. 24).

Библиотека "Руниверс"

ragum fuisse Antimachum et illiberaliter cum choreutis egisse coniecit A. Meineke [1]). U. v. Wilamowitz [2]) contra adeo confidenter ad prioris anni Lenaea (426) et hoc et illud referri contendit, ut eo quasi fundamento ad firmandam suam de Centauri Aristophaneae tempore coniecturam—ceteroquin neque illepidam neque, rei summam si spectas, quae defendi nequeat—abuti audeat; neque alia est G. Droysenі aut F. Leonis [3]) opinio. F. V. Fritzsche [4]) denique, cui assentitur Th. Bergk [5]) de tertii ante actam Acharnenses anni Lenaeis agi existimat, quippe ad quae sola certa Aristophanis fabula—Epulones—referri possit. At utinam pro certo posset; nam quibus ludis acta sit Epulones a nullo traditur, neque affirmare licet praeter Epulones et Babylonios nullam fabulam ab Aristophane ante Acharnenses doctam esse. Sed haec nunc non curo; etenim ut quid ipse sentiam profitear, omnes viros doctos falsos esse censeo praeter A. Meinekium; ac ne A. Meinekium quidem vera vidisse. Nam quis amabo sanae rationis homo ipso Lenaeorum tempore quicquam „Lenaeis“ factum esse dicet? atqui Lenaeis actam esse Acharnenses constat. Eiusne ipsius anni Lenaea respiciebat? tum et brevius et distinctius locutus esset, si simpliciter νυνί dixisset. An prioris anni? At ineptum foret nisi τὰ πέρυσι Λήναια addidisset. An tertii? at ποτέ particula vel simili quadam nequaquam carere possumus. Omnino autem Λήναια χορηγῶν nisi Dionysiis—nam haec sola in quaestionem venire possunt—dici potuisse nunquam credam. Sed quid inde? Num ideo didascaliis, quibus nihil omnino certius est, fidem habendam esse negabimus? Non ea sum audacia, ut ad tale facinus accingar. Sed cum aliunde demonstrari possit Acharnenses inter διεσκευασμένα habendam esse, totum de quo agimus canticum retractatae fabulae esse persuasum habeo. Scio perdifficilem esse quaestionem et plerosque viros doctos alius atque me opinionis esse. Tamen re diu diligenterque perpensa facere non possum, quin H. Müllerum Strübingium [6]) magna ex parte vera vidisse concedam; quod iam pridem in his ipsis Annalibus

[1]) HC 41.

[2]) Obss. crit. 15.

[3]) L. c., 22.

[4]) De Daetalensibus 9.

[5]) Apud *A. Meinekium* FCG II, 2, 1021.

[6]) Aristoph. u. d. histor. Krit. 498 sqq., neglegenter recensus ab A. Bamberg (*Lit. Cbl.* 1874, col. 1193 sqq.) Alios enumerare longum est.

Библиотека "Руниверс"

professus sum [1]). Rei igitur summa haec est. Achavnenses fabula a. 425 Lenaeis acta cum adeo placuisset, ut primo praemio ornaretur, poeta retractandae consilium cepit, ut eiusdem anni Dionysiis coram maiore theatro iterum committere posset. Plane eadem est Ranarum fabulae condicio; quanquam ne id quidem plerisque viris doctis opinionis praesumptae iusto tenacioribus probari video.

Quibus expositis ad Antimachum reverti placet; quem cum a. 425 Lenaeis choragus fuerit cum Aristophanis vel Callistrati choro minus laute egisse Aristophanes ipse testatur. Quod haud ita raro accidisse videtur; nam et Eupolis (fgm. 306 K.) de choragi cuiusdam sordida parsimonia conqueritur, et Aristophanes ipse Thesmophoriazusis quae dicuntur posterioribus mulieres indignantes facit (fgm. 318), quod nihil lautitiarum γυναιξὶ κοπιώσαισιν ἐπεχορήγησαν, et alii loci—ut Pac. 1022—huc referendi esse videntur. Nihil igitur aliunde cepit qui ad poetae verba haec annotavit: ὅτι ποιητὴς ὢν κακὸς (s. καλὸς) χορηγῶν ποτε μικρολόγως τοῖς χορευταῖς ἐχρήσατο. Nisi quod unde bonum malumve poetam fuisse Antimachum compererit tuo iure quaeras. Atque haec mihi quidem argumento sunt scholiastam etiam hoc apud Aristophanem ipsum legisse. Qui cum Ravennatis testimonio τῶν μελέων ποιητήν scripsisse tradatur neque facile quicquam conicere possis, quo boni notio in contextum inferatur, mali mihi reponenda esse videtur; quare GKüstero assentior τὸν μέλεον ποιητήν divinanti. Qua coniectura recepta iam nihil habes, unde lyricum fuisse poetam Antimachum colligas; poeta certe fuit, de genere autem nihil constat [2]). Atque haec tertii erat scholiastae opinio.

Eadem fere etiam primi sententia est, nisi quod psephismate rogato ab Antimacho effectum esse scribit, ut choreutas convivio excipiendi officio liberaretur; quod cum et ineptissimum sit, et ex ceterorum scholiastarum verbis conflatum videatur, statim ad alterius testimonium transire lubet, omnium sane memoratu dignissimum. Legem igitur rogaverit Antimachus μὴ δεῖν χωμῳδεῖν ἐξ ὀνόματος, καὶ ἐπὶ τού-

[1]) 1883 p. 175 sqq., sive disputationis meae О синтагмахъ въ древней гр. комедіи p. 44 sqq.; cui quae addam sane multa habeo; ea tamen in posterius tempus differre placet.

[2]) Scio equidem etiam Diogenianum (VIII, 71) Gregorium Cyprium L. (III, 41) Apostolium (XVIII, 51) paroemiographos μελῶν ποιητήν habere; qui tamen cum ex ipsius Aristophanis et contextu et scholiis sua exscripserint, magni faciendi non sunt.

Библиотека "Руниверс"

τῳ πολλοὶ τῶν ποιητῶν οὐ προσῆλθον ληψόμενοι τὸν χορὸν καὶ δῆλον ὅτι πολλοὶ τῶν χορευτῶν ἐπείνων· ἐχορήγει δὲ ὁ Ἀντίμαχος τότε ὅτε εἰσήνεγκε τὸ ψήφισμα. Quod omnes [1]) fere viri docti his verbis fidem habuerunt non est quod mireris; minime enim ariolantis est loquendi tenor, sed eius, qui cum probe sciat se vera referre, aliquem saltem conexum inter rem relatam et poetae verba, quae sibi explicanda proposuerit efficere conetur. Quem artificiosissimum esse facile concedes; quaerendum tamen est, possitne in Aristophanis verbis quicquam inveniri, quod scholiastae in re referenda auctoritatem fulcire videatur. Atque post FVFritzschium [2]) audacter conicientem

Ἀντίμαχον τὸν Ψακαδᾶ τὸν ξυγγραφῆ τῶν μελέων ποιητῶν

—quae coniectura iam a C. G. Cobeto [3]) explosa ne cui probetur verendum non est—G. F. Schömann hanc esse ξυγγραφέως vocis vim affirmavit, ut de oratore forensi usurpari optime potuerit. Quem usum quattuor exemplis collatis evincere conatus est: Thesm. 431

ταῦτ' ἐγὼ φανερῶς λέγω,
τὰ δ'ἄλλα μετὰ τοῦ γραμματέως συγγράψομαι.

Plat. Gorg. 451, B εἶποιμ' ἂν ὥσπερ οἱ ἐν τῷ δήμῳ συγγραφόμενοι, ὅτι τὰ μὲν ἄλλα etc.; id. Phaedr. 258 A ἔδοξέ πού φησι τῇ βουλῇ ἢ τῷ δήμῳ ἢ ἀμφοτέροις· καὶ ὃς εἶπε, τὸν ἑαυτὸν δὴ λέγων μάλα σεμνῶς καὶ ἐγκωμιάζων ὁ συγγραφεύς. Thom. Mag. 344 R καὶ τοὺς γράφοντας ἢ ψηφίσματα ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον συγγραφέας ἐκάλουν. Haud male; quamquam quo sensu accipiendum sit Aristophaneo loco v. ξυγγραφεύς etiamnunc obscurum est, siquidem non psephismata tantum, sed etiam ἄλλο τι τοιοῦτον γράφοντες συγγραφεῖς nominabantur; quare Platonem altero loco οἱ ἐν τῷ δήμῳ σ. dixisse, altero τῇ βούλῃ ἢ τῷ δήμῳ praemisisse vides, ne ambigua evaderet oratio. Maxime autem dolco virum sollertissimum C. G. Cobeti verba adeo nihili fecisse, qui „contractum" ξυγγραφῆ accusativum apud Atticum poetam ferri posse negavit; quae si reputaveris, vix poteris dubitare quin plane inversa via ingredienda sit. Nimirum cum psephisma tulisse Antimachum aliunde compertum haberet sagax interpolator, in ipsius poetae verbis huius facti mentionem desiderabat; quam ut efficeret simulque versui hianti consuleret, τὸν ξυγγαφῆ in contextum intrusit. Vides igitur me hac de re et cum

[1]) Praeter C. G. Cobetum (obss. critt. in Plat. com. rell. 34 sqq.).
[2]) Quaestiones Aristophaneae 306.
[3]) l. c.

Библиотека "Руниверс"

PElmsleio, et cum ANauckio facere; in ceteris cur viris summis assentiri nequeam breviter exponam. P. Elmsley hoc ipso versus loco unde τὸν ξυγγραφῆ expulerat lacunam statuendam esse ratus τὸν μέλεον τῶν μελέων ποιητήν proponit, ut verborum quidam lusus evadat eo sensu „miserum carminum poetam". Itane vero? ego multis multorum poetarum locis comparatis, quorum insignissimus est Soph. OT. 479

μέλεος μελέᾳ ποδὶ χηρεύων

pro certo habeo neminem Graecum haec verba alio sensu accepturum fuisse nisi „miserum miserorum poetam". Exemplum autem quod conferri iubet (Antiph. Tritagon.=Mein. FCG III, 121)

οἱ νῦν δὲ κισσόπληκτα καὶ κρηναῖα καὶ
ἀνθεσιπότατα μέλεα μελέοις ὀνόμασιν
ποιοῦσιν ἐμπλέκοντες ἀλλότρια μέλη.

nihil probare, immo contra ipsum facere apertum est. ANauckium v. τὸν ξυγγραφῆ expuncta ut quattuor tantum pedum versus evaderet effecisse iam supra dixi; qui cum v. νυκτερινόν, quae in antistropha extat, sublata symmetricae rationi satisfecisset, parum eurythmicae consuluit; nam cum tertius versus ex quinque pedibus constet, totidem primo desideramus, ut hoc carminis schema sit: 5. 4. 5; cf. Ach. v. 971 sqq. (6. 5. 6). Sed ut iam dicam quid ipse sentiam, ante vocem Ἀντίμαχον lacunam statuendam esse puto; hoc enim haud raro in Aristophanis codicibus accidisse constat, ut primae longioris versus litterae omitterentur; cf. e. c. Ach. 986; Lys. 517. Iam cum nemo sanae rationis homo lacunam se expleturum esse profiteri possit, hunc in modum loco perdifficili constituto acquiesco:

— ⏑ ⏑ — Ἀντίμαχον τὸν Ψακάδος, τὸν μέλεον ποιητὴν
ὡς μὲν ἁπλῷ λόγῳ κακῶς ἐξολέσειεν ὁ Ζεύς.

Unde etiam maiorem fidem eis habendam esse, quae a scholiasta de lege illa Antimachea traduntur, sua sponte elucet. Sed quando tandem rogata est? ἐχορήγει δὲ ὁ Ἀντίμαχος τότε, ὅτε εἰσήνεγκε τὸ ψήφισμα addit; quae ita dicta sunt, ut de eorum de quibus ipse poeta loquitur Lenaeorum chorago, i. e. a. 425—cogitandum sit. Sed cum nemo adhuc extiterit cui haec verba probarentur meaque ipsius longe alia sit sententia, ea nimis premere nolo. In universum duplex est via quam ingredi possis. Aut enim cum A. Boeckhio [1]) Th. Bergkio G. Droysene legem Antimacheam eandem esse atque Morychideam dixeris, scilicet

[1]) Staatshaush. d. Athener I, 437.

Библиотека "Руниверс"

ut Antimachus legis Morychide archonte latae suasor fuerit, aut cum recentioribus F. Leone O. Keckio eam diversam fuisse crediderís. Priorem viam qui elegerunt eo maxime argumento nituntur, quod prioribus belli Peloponnesiaci annis indomita comoediae licentia fuisse videtur, ut intellegi nequeat quomodo lex περὶ τοῦ μὴ κωμῳδεῖν tunc temporis valuisse possit. Contra F. Leo et O. Keck minime infinitam fuisse comoediae per hoc temporis spatium libertatem contendunt; qua de re cum consentiant, in verbis τοῦ μὴ κομῳδεῖν ὀνομαστί explicandis dissentiunt. F. Leo enim „lege illa cautum fuisse" arbitratur „ne nomen magistratus aperte et contumeliose nominaretur"; cui explicationi ipsius Aristophanis comoedías parum favere ne ipse quidem negat, cum sub finem disputationis confitetur „legum naturam si ducibus indagare studueris eis, qui ipsis observandis quantum possent supersederent, nec legibus nec poetis satisfecisse videbere". Vere dictum; tum autem ipsa F. Leonis interpretatio, quippe quae hoc solo fundamento nitatur, ex aëre pendere videtur. Paullo aliter H. Keck iudicat; qui „ut nominarent magistratus semper poetis comicis permissum fuisse" putat, „dum ne ipsos in scaenam nominatim producerent". Non credo; nam ut nullum comoediarum locum huic interpretationi prorsus refragari concedam—nisi quod Eq. 973 sqq.

ἥδιστον φάος ἡμέρας
ἔσται τοῖσι παροῦσι καὶ
τοῖσιν εἰσαφικνουμένοις
ἢν Κλέων ἀπόληται.

ipse Cleonis nomen pro glossemate habendum esse censet [1]) — unquam tam inutilem rogationem populo Atheniensi probatam esse mihi persuadere nequeo. Quid enim refert, utrum suo nomine an Paphlagonis servi canisve Cydathenaeensis Cleo inducatur, cum de eo uno agi nemo nesciat? Immo eo maiorem fuisse puto contumeliam, quo indigniore voltu habituque in scaena apparebat. Praeterea autem tam rara sunt civium nominatim inductorum exempla, ut nullos inter eos inveniri magistratu quod mireris non sit.

Nihil igitur in Aristophanis comoediis extat, unde aut quo tempore lata sit lex Antimachea, aut quid voluerit colligere possis. Itaque ad aliorum testimonia nos convertamus; quae cum pleraque congesserit FLeonis diligentia, minime arduus erit labor. Primum igitur examinandum erit schol. ad Ach. 378 διὰ τὴν πέρυσι κωμῳδίαν· τοὺς Βα-

[1]) Qui coniecturae suae ἦν οὗτός γ' ἀπ. ne ipse quidem multum tribuit. Confidentius O. Schneider (Fl. Jb. 117, 672) poetae verba hunc in modum corrumpit: ἦν κλέων ἀπ.

Библиотека "Руниверс"

βυλωνίους λέγει. τούτους γὰρ πρὸ τῶν 'Αχαρνέων 'Αριστοφάνης ἐδίδαξεν, ἐν οἷς πολλοὺς κακῶς εἶπεν. ἐκωμῴδησε γὰρ τάς τε κληρωτὰς καὶ χειροτονητὰς ἀρχὰς καὶ Κλέωνα παρόντων τῶν ξένων· εἶπε γὰρ δρᾶμα τοὺς Βαβυλωνίους τῇ Διονυσίων ἑορτῇ, ἥτις ἐν τῷ ἔαρι ἐπιτελεῖται ἐν ᾧ ἔφερον τοὺς φόρους οἱ σύμμαχοι: καὶ διὰ τοῦτο ὀργισθεὶς ὁ Κλέων ἐγράψατο αὐτὸν ἀδικίας εἰς τοὺς πολίτας ὡς εἰς ὕβριν τοῦ δήμου καὶ τῆς βουλῆς ταῦτα πεποιηκότα. καὶ ξενίας αὐτὸν ἐγράψατο καὶ εἰς ἀγῶνα ἐνέβαλεν· τὰ δὲ Δήναια ἐν τῷ μετοπώρῳ ἤγετο ἐν οἷς οὐ παρῆσαν οἱ ξένοι, ὅτε τὸ δρᾶμα τοῦτο οἱ 'Αχαρνεῖς ἐδιδάσκετο. Consulto totum locum exscripsi, ut quam nihil nos adiuvet videas. Quid enim inde colligas? Utrum τὰς κληρωτὰς καὶ χειροτονητὰς ἀρχὰς perstringi lege vetitum fuisse, ceteros licuisse? An coram sociis tantummodo effrenatam maledicendi libidinem coercendam fuisse, coram solis popularibus minus? Mihi ne de ulla quidem lege hoc loco agi videtur; nulla enim nominatur, neque si revera legem violasset Aristophanes, futurum fuisse, ut a populo absolveretur, concedes, praesertim cum auctoritatem consideraveris, qua Cleo tunc temporis utebatur. Quare hoc velim teneas, haec certe verba ad legem Antimacheam illustrandam nullam afferre lucem. Alia tamen F. Leonis opinio fuit. Qui cum nescio qua „satis certa coniectura" expediri posse putet, „utrum quod poeta commiserit ipsum sua lege vetitum fuerit an communi feriarum lege qua linguis omnibus favendum erat" — quasi omnino de certa lege cogitare cogamur—certius testimonium affert nobilem illam „de re publica Atheniensium" auctoris querelam (II, 18) κωμῳδεῖν δ'αὖ καὶ κακῶς λέγειν τὸν μὲν δῆμον οὐκ ἐῶσιν ἵνα μὴ αὐτοὶ ἀκούωσι κακῶς· ἰδίᾳ δὲ κελεύουσιν εἴ τίς τινα βούλεται, εὖ εἰδότες, ὅτι οὐχὶ τοῦ δήμου ἐστὶν οὐδὲ τοῦ πλήθους ὁ κωμῳδούμενος ὡς ἐπὶ τὸ πολύ, ἀλλ' ἥ πλούσιος ἢ γενναῖος ἢ δυνάμενος· ὀλίγοι δέ τινες τῶν πενήτων καὶ τῶν δημοτικῶν κωμῳδοῦνται, καὶ οὐδ' οὗτοι, ἐὰν μὴ διὰ πολυπραγμοσύνην καὶ διὰ τὸ ζητεῖν πλέον τι ἔχειν τοῦ δήμου, ὥστε οὐδὲ τοὺς τοιούτους ἄχθονται κωμῳδουμένους. Qui libellus cum W. Roscheri et A. Kirchhoffii sententia—quibuscum nuper etiam L. Lange [1]) se consentire professus est—a. 425 s. 424 scriptus sit, nostro iure sperare possumus quae exscripsi verba ad quaestionem nostram expediendam non inutilia fore. Atque unum certum videtur, aliquo modo coercitam fuisse eo tempore comicorum poetarum licentiam, ita ut viros quosdam in comoediis perstringi vetitum esset. Primo loco de archontibus cogites; ὁ γὰρ θεσμοθέτης οὐδενὸς

[1]) De pristina libelli de republica Atheniensium forma restituenda commentatio. Pars prior. Lipsiae. 1882.

Библиотека "Руниверс"

ἀνθρώπων ἔστ' ὄνομα, ἀλλὰ τῆς πόλεως, ut cum Demosthene loquar (XXI, 32), quare suo iure populus Atheniensis archonte offenso suam ipsius maiestatem laesam esse arbitrabatur. Haec, inquam, pro certissimis haberi possunt. Quaeritur autem, utrum recenti plebiscito archontes ceterorum civium condicione exempti fuerint an antiqua lege; FLeo et hoc et illud probat, cum iam dudum talem legem extitisse, plebiscita autem redintegrandae legi violatae totiens ut obsolevisse videretur consuluisse conicit, neque immerito ob hanc coniecturam ab OKeckio reprehenditur. Aut enim extabant qui in maledicos poetas ξυνηγόρων munere fungi vellent, aut non extabant; si extabant, nihil erat redintegranda lege opus, quippe quae nondum abrogata esset; si non extabant, quod vix credideris, quid vel sexcenties renovato psephismate proficiebatur? Atque mihi quidem non recenti plebiscito, sed vetere lege cautum fuisse videtur, ne archontum sacrosancta potestas a comicis poetis ludibrio haberetur. Ita enim accipienda puto scholiastae ad Nub. 31 verba

ἀτὰρ τί χρέος ἔβα με μετὰ τὸν Πασίαν;
τρεῖς μναῖ διφρίσκου καὶ τροχοῖν Ἀμυνίᾳ.

Ἀμυνίας· τῶν περὶ ἵππους ἐπταικότων. μέμνηται δὲ αὐτοῦ καὶ ἐν τοῖς Σφηξί· νῦν δὲ οὐκ ἐκείνου καθάψασθαι βουλόμενος μνημονεύει αὐτοῦ, ἀλλὰ τὸν τότε ἄρχοντα διασύρειν προαιρούμενος τῇ ἐκείνου προσηγορίᾳ ἐχρήσατο. τότε γὰρ ἦρχεν Ἀμεινίας ὁ τοῦ Προνάπου υἱός· ἐπεὶ οὖν τοὺς Ἀθηναίους πρότερον κωμῳδεῖν τὸν ἄρχοντα ὁ νόμος ἐκώλυεν, ἀφαιρέσει μὲν τοῦ ει προστεθέντος δὲ τοῦ υ παρατρέψας ὀλίγον Ἀμυνίαν αὐτὸν εἶπεν ἀντὶ τοῦ Ἀμεινίαν. Huc etiam aliud scholion pertinet ad Ran. 501

μὰ Δί', ἀλλ' ἀληθῶς οὐκ Μελίτης μαστιγίας

οὐκ Μελίτης μαστιγίας.... Ἀπολλώνιος δὲ οὐ κακῶς ὑπονενοῆσθαί φησι τὸ κωμῳδεῖσθαί τινα. ἴσως δὲ ὅτι ἦρχε, διὰ τοῦτο οὐκ ὠνομάσθη... Καλλίας γὰρ ὁ Ἱππονίκου ἐν Μελίτῃ ᾤκει. Non is sum qui quovis pacto scholiastis fidem esse habendam arbitrer. Sed horum quae modo exscripsi scholiorum plane idem est tenor atque illius de Antimacho scholii; et hic et illic res referuntur, quae neque ex poetae verbis haustae sunt, neque ad explicanda ea quicquam conferunt, immo nisi vi adhibita cum eis conecti omnino nequeunt; legem igitur quae hoc archontes beneficio donaret ut comicorum contumeliis liberarentur, extitisse persuasum habeo. Neque tamen ulla cum Antimachea lege necessitudine teneri. Non enim ea fuit scholiastae opinio, quem nisi sequamur ducem, plane in tenebris errabimus; qui cum de νόμῳ loquitur,

Библиотека "Руниверс"

non videtur de ephemero plebiscito cogitasse, idque multo etiam minus posteriore loco, cum inter legem Antimacheam et Ranas fabulam commissam et Syracusii plebiscitum intercesserit, et Agyrrhii qualiscunque fuit rogatio. Quid multa? Antiquissimam legem fuisse puto, certe non minus antiquam Romana illa „si quis occentavisset“ duodecim tabularum lege (Cic. r. p. IV, 10); nam licet recentiora fuerint comoediae incrementa, antiquitus tamen fuerunt et Dionysia et phallophori et ithyphalli, a quibus exortam suo temporis momento ad comoediam translatam fuisse legem verisimillimum est. Atque cum Solon ipse eiusdem generis legem tulisse perhibeatur—Plut. Sol. 21 ἐπαινεῖται δὲ τοῦ Σόλωνος καὶ ὁ κωλύων νόμος τὸν τεθνηκότα κακῶς ἀγορεύειν· καὶ γὰρ ὅσιον τοὺς μεθεστῶτας ἱεροὺς νομίζειν καὶ δίκαιον ἀπέχεσθαι τῶν οὐχ ὑπαρχόντων καὶ πολιτικὸν ἀφαιρεῖν τῆς ἔχθρας τὸ ἀίδιον· ζῶντα δὲ κακῶς λέγειν ἀκώλυσε πρὸς ἱεροῖς καὶ δικαστηρίοις καὶ ἀρχείοις καὶ θεωρίας οὔσης ἀγώνων—quin ea etiam de qua agimus lex eum auctorem habuerit, dubitare vix possum. Unum tamen argumentum addam, quod quanti facturus sis nescio; ipse maximi facio. Idem enim mirae ἀκρισίας auctor, Plutarchum dico, hoc nobis de lege quadam Atheniensium testimonium tradit, quod ut exploderetur iam dudum tempus erat: (bellone an pace praestent Athenienses 348 c.) τῶν δραματοποιῶν τὴν μὲν κωμῳδοποιίαν οὕτως ἄσεμνον ἡγοῦντο καὶ φορτικόν, ὥστε νόμος ἦν μηδένα ποιεῖν κωμῳδίας Ἀρεοπαγίτην.

Sed quae haec amabo tam insana lex est? Nostrum si quis lege caveri voluerit ut ne quis e. c. senator ludicris diurnalibus edendis operam navet, „insignis tota cantabitur urbe“; apud Athenienses tale portentum extitisse tibi persuadebis? Tum vero quis unquam inhonesta fuisse comicorum studia audivit [1])? Quod antequam credam, multo lubentius Plutarchum nostrum χύτραις λημῶντα auctoris sui verba legisse supponam, quae ita fere restituo: παρὰ τοῖς Ἀθηναίοις νόμος ἦν μηδένα κωμῳδεῖν Ἀρεοπαγίτην—cf. scholiastae verba supra collati κωμῳδεῖν τὸν ἄρχοντα ὁ νόμος ἐκώλυε. Quae si posueris, iam vides, quam bene cum eis quae supra attuli concinant. Areopagitae enim ei tantum fiebant

[1]) Unum omnium si exceperis invocatum Euripidis patronum IAHartungum (Euripides restitutus II, 337); quem non puduit Aristotelis Plutarchi aliorum testimonia collegisse ut eundem comicis Atheniensium poetis honorem tributum esse probaret, quo etiam Baubones dignae essent. Quae quam nihil valeant inspectis apud ipsum locis ultro videbis. Risit inanem furorem Aristophanes et ne digitum quidem ad propulsandam ineptissimam calumniam sustulit.

Библиотека "Руниверс"

qui archontatus munere antea functi erant; mirum igitur non est, si una cum archontibus lege contra scaenarum iniurias protegebantur. Neque absonum est, si hanc legem a Solone latam esse conicimus, cui quantum debeat areopagus notum est. Neque vero amplius cum F. Leone (QA 38) quaerere licebit, quae tandem ratio fuerit, qua archon quem eponymon vocabant prae ceteris privilegii beneficio donaretur quo comicorum metu liberaretur; non enim de eponymo agitur— neque unquam agebatur; omnino nescire me fateor, unde hunc eponymon arripuerit F. Leo — sed de numeroso gravissimorum virorum collegio, quod cum antiquissima Dirarum religione coniunctum erat.

Hoc igitur a comicis violari nefas erat. Num etiam alios? Non credo. Cogitaveris de imperatoribus; obstat tamen Platonii non contemnenda auctoritas (proll. de com. ὑποθέσεις... τῇ; παλαιᾶς κωμῳδίας ἦσαν αὗται· τὸ στρατηγοῖς ἐπιτιμᾶν καὶ δικασταῖς etc.), qui certe non primo loco imperatores posuisset si sacrosanctos eos fuisse compertum habuisset. Sane ne ab archontibus quidem perstringendis semper abstinuit comicorum licentia; ita Cratinus Bubulcos comoediam in archontem quendam scripsisse videtur, qui et ipsi petenti chorum denegaverat, et Sophocli, dederat autem Gnesippo. Sed neque dici potest, num id ei impune cesserit, neque talibus exemplis quicquam tribuendum est; nemo enim legem ferret, nisi eam violatum iri praesentiret.

Sed iam, si placet, ad Antimachum revertamur. Eum legem de areopagitis tulisse ne credas non vereor; non enim tanta fuit areopagi auctoritas belli Peloponnesiaci aetate, neque ita videntur accipienda esse Plutarchei auctoris verba, ut ad psephisma per breve tempus valens referantur. Cum igitur haec comicae licentiae coercitio ad multo antiquius tempus spectet, ceteroquin autem eis de quibus loquimur annis summa fuerit comoediae libertas — neque enim ullum eam frenum pati video — cum ABoeckhio aliisque statuendum erit, Antimacheam legem eandem esse atque Morychideam; Morychide archonte (a. 440) Antimachum eam rogavisse, Euthymene archonte (a. 437) nescio quem abrogasse.

At, inquies, num inde quod nullum quo coercita fuerit eo tempore comoedia frenum indagari potest, revera nullum eam passam esse efficitur? Idque tuo iure facies; obscuriorem enim esse μὴ δεῖν κωμῳδεῖν ἐξ ὀνόματος locutionem quivis concedet. Sed novi aliquid me allaturum esse promisi, quo haec de Antimacho quaestio ad liquidum perduceretur; iam vide, utrum promissi fidem praestiturus sim necne. Nam et optimae frugis esse quae a scholiasta traduntur concedo — ut

Библиотека "Руниверс"

iam initio huius disputatiunculae professus sum, et nihilo secius nullam fuisse Antimachi legem contendo.

De Morychidae archontis nomine constat (cf. A. B. Böckh. C. I. G. I, nn. 229, sq.). Derivatur hoc nomen a voce Μόρυχος, quod Suidae testimonio Bacchi erat in Sicilia cognomen, quia a vindemitoribus voltus eius faece perunguebatur, ἐμορύσσετο. Cf. C. A. Lobeck proll. 339. Quocum si comparaveris quod apud Photium [1]) (p. 284, 10) extat proverbium — Μωρότερος Μορύχου· παροιμία· Πολέμων λέγεσθαι ταύτην παρὰ Σικελιώταις οὕτως· μωρότερός εἰμι Μορύχου, ὃς τἄνδον ἀφεὶς ἔξω τῆς οἰκίας κάθηται—vix aliter rem concinnare poteris, nisi ut statuas ex comico Bacchi thiaso petitam esse hanc personam eodem modo atque Acconem, de qua cf. Schol. Plat. 353, Bekk. Ἀκκοῦς... ἦν οὕτως εὐήθη λέγουσιν ὡς ἀπὸ τοῦ ἱστοῦ θοἰμάτιον καθελομένην ἡμίεργον ἀμφιέσασθαι, εἴς τε τὸ κάτοπτρον βλέπουσαν πρὸς τὴν παρ' αὐτῆς ἔμφασιν... ὡς ἑτέρᾳ προσλαλεῖν γυναικί. Similem inter masculos thiasotas genium Morychum fuisse probabile est. Haec duo nomina igitur ex Doriensium comoedia petita sunt; quod de Accone etiam inde apparet, quod indissolubili vinculo hoc nomen cum Atellanae comoediae Macco conexum tenetur, ut iam C. A. Lobeck elem. I, 113 intellexisse videtur; iam enim veteres verbum μακκοᾶν ab Ἀκκώ derivabant, cf. Et. M. 574, 10 Μακκοᾶν παρὰ τὸ μὴ καὶ κοῶ· ἢ ὅτι Ἀκκὼ γυνὴ γέγονεν ἐπὶ μωρίᾳ διαβαλλομένη, cui assentitur Hesychius. De Maesone revoco te ad U. v. Wilamowitz (Herm. IX, 339); non multum ille a Morycho diversus erat. Diversissimus contra erat Myllus, quem inepte quidam comicum poetam fuisse finxerunt (cf. U. v. Wil. l. c.). Μύλλος πάντ' ἀκούει· ἐπὶ τῶν ἀκουόντων καὶ κωφότητα προσποιουμένων (Hesychius; cf. A. Meinecke H. C., 26). Inde etiam verbum διαμυλλαίνειν Ar. Vesp. 1315

ὁ δ'ἀναπραγὼν ἀντήκασ' αὐτὸν πάρνοπι
τὰ θρῖα τοῦ τρίβωνος ἀποβεβληκότι...
οἱ δ'ἀνεκρότησαν πλήν γε Θουφράστου μόνου.
οὗτος δὲ διεμύλλαινεν, ὡς δὴ δεξιός·

i. e., audisse se senis facetias dissimulavit. De origine vocis μύλλος si quaerimus, item ad Siculos mittimur, apud quos μύλλοι phalli erant (cf. E. Rohde Rh. M. 25, 552), quanquam, cur ita nominati sint, cum μύλλος μύλλειν voces ad μύειν radicem redire (cf. G. Curtius G. Z...) videantur, non expedio; de τυφλαῖς ἐγχέλυσιν Archilocheis certe cogitare

[1]) Cf. Zenob. V, 13 et quae ibi connexit F. G. Scheidewin.

Библиотека "Руниверс"

non audeo. Sed haec tanti sunt. Phalli si μόλλοι nominati sunt, optime hoc nomen etiam ad phaletes, ex quibus comicus thiasus constabat, transire poterat; itaque et Myllus, et Morychus ludicrae personae erant et simul in proverbium abierunt.

Nunc autem filum orationis interrumpere et aliam quaestiunculam intercalare placet, quae etsi ab huius disputationis argumento aliena videtur, quam bene huc pertineat mox cognosces. Ter enim Aristophanes mentionem facit Orestae cuiusdam; nostro Acharnensium loco, ubi Antimacho imprecatur, ut ab equitatione nocturna domum revertentis

εἶτα κατάξειέ τις αὐτοῦ μεθύων τὴν κεφαλὴν Ὀρέστης μαινόμενος,

tum in Avium parabasi, ubi hieme appropinquante Atheniensibus suadet (v. 712)

...Ὀρέστῃ χλαῖναν ὑφαίνειν, ἵνα μὴ ριγῶν ἀποδύῃ.

peculiari denique cantico v. 1482 sqq., quo de remota in lucernarum deserto ora agitur:

ἔνθα τοῖς ἥρωσιν ἄνθρω-
ποι ξυναριστῶσι καὶ ξύν-
εισι, πλὴν τῆς ἑσπέρας.
τηνικαῦτα δ' οὐκέτ' ἦν
ἀσφαλὲς ξυντυγχάνειν·
εἰ γὰρ ἐντύχοι τις ἥρῳ
τῶν βροτῶν νύκτωρ Ὀρέστῃ,
γυμνὸς ἦν πληγεὶς ὑπ' αὐτοῦ
πάντα τἀπιδέξια.

De quo haec sunt scholiastarum verba, Ach. 1167 τῆς κεφαλῆς Ὀρέστης· ὁ δὲ Ὀρέστης οὗτος προσποιούμενος μωρίαν τοὺς παριόντας ἀπέδυεν. ἦν γαρ λωποδύτης· πρὸς τὴν ὁμωνυμίαν ἀντὶ τοῦ ὁ μαινόμενος. Av. 712 Ὀρέστης μανίαν προσποιούμενος ἐν τῷ σκότει τοὺς ἀνθρώπους ἀπέδυεν. 1487 ξύνεισι πλὴν τῆς ἑσπέρας· χαριέντως δὲ τοῦτο, ὅτι σκότους ὄντος Ὀρέστης ὁ Τιμοκράτους λωποδυτεῖ τοὺς προστυγχάνοντας· τὰς νύκτας γὰρ μόνας ἐλῄστευεν Ὀρέστης. 1490 εἰ γὰρ ἐντύχοι τις ἥρῳ· ἥρωα αὐτόν φησι διὰ τὴν ὁμωνυμίαν τὴν πρὸς τὸν Ἀγαμέμνονος υἱὸν Ὀρέστην. Vides igitur hanc constantem fuisse veterum opinionem, unum fuisse tunc temporis Athenis Orestam Timocratis filium. Quam totam amplecti non possumus; neque enim, ut bene H. Müller-Strübing monuit (l. c. 29 sqq.) concedere licet Orestam verum fuisse hominis nomen, cum Athenienses quae erat eorum δεισιδαιμονία magnopere ca-

Библиотека "Руниверс"

verint ne liberis suis heroum heroidumve nomina darent. Tum autem bene idem vir doctus observavit nullo pacto admitti posse eundem mortalem Athenis per undecim annos—tot enim inter Acharnenses et Aves actas intercesserunt—impune τῆς λωποδυσίας latrocinium exercuisse, cum capitale fuisse hoc scelus constaret. Huic sententiae me quoque ambabus manibus ascribo. Erravit autem cum Acharnensium fabulae Orestam diversum fuisse affirmavit ab eo, qui in Avibus commemoratur, omninoque appellativo hoc nomine usos esse Atheniense ad nocturnos commissatores designandus. Quod iniuria ex τις vocula

εἶτα κατάξειέ τις αὐτοῦ μεθύων τὴν κεφαλὴν Ὀρέστης

colligit (p. 32 das irgend ein beweist ja ganz klar, dass wir es hier gar nicht mit einem Eigennamen zu tun haben, sondern dass der „tolle Orestes" ein Gattungsname ist für einen beliebigen übermütigen tollen Kerl, wir wir etwa sagen würden „irgend ein rasender Roland"). Eodem enim modo haec particula alio Aristophanis loco usurpatur Ach. 839

καρπώσεται γὰρ ἄνηρ
ἐν τἀγορᾷ καθήμενος·
κἂν εἰσίῃ τις Κτησίας,
ἢ συκοφάντης ἄλλος, οἰ-
μώζων καθεδεῖται.

„Ctesias vel eius similis" haec est τις particulae vis; itaque etiam v. 1167 vertendum erit „Orestes vel eius similis" nomenque Orestae pro proprio habendum, sed pro cognomine, ut violentus quidam vir, Timocratis filius significatus sit. De λωποδυσίᾳ eius autem idem censeo atque de quinque talentis quae Cleon evomuisse dicitur. Sed cur tandem Orestes dictus est? Novam de hac re coniecturam proponit H. Müller-Strübing (p. 33 in ann.) cum de Oreste Agamemnonis filio cogitari vetat: „es passt ja kein einziger Zug in dem Treiben der nächtlichen Unfugmacher auf das, was die Sage vom Sohne des Agamemnon berichtet... Sollte vielleicht jener spätere Orest, Echekratides Sohn, der thessalische Kronpraetendent... das nachher zum Gattungsnamen verallgemeinerte Original sein?» Quem Athenienses a. 455 in regnum restituere conati sunt, sed re infecta secum Athenas reduxerunt. „Ist es nun nicht sehr wohl denkbar, dass der thessalische Prinz sich dann einem wüsten, liederlichen Leben ergab und seine früheren Hoffnungen im Wein zu vergessen suchte... so dass sein Name zum Sprichwort ward für einen nächtlichen Skandalmacher?". At altero

Библиотека "Руниверс"

Avium loco aperte heros Orestes Agamemnonis filius denotatur; num re vera conflatus est ex Timocratis Echecratidae Agamemnonis filiis? Quod parum convenire putat H. Müller nocturnas Timocratis filii grassationes cum eis quae de Oresta mythico novimus, vere dicit; sed ne Hercules quidem ille, quem ex comoediis novimus, impudentissimus gulo, multa communia habet cum Promethei liberatore. Ita Orestae quoque cognomen ad Agamemnonis filium redire puto, non recta tamen via, sed ita ut ab eo qui in comoediis erat Orestą profectum sit. Vix enim dubium est quin huius quoque personam ἡ φορτικὴ κωμῳδία arripuerit insanientemque in scaenam induxerit—eodem modo atque Herculem furentem Ran. 564

κἄπειτ' ἐπειδὴ ταῤγύριον ἐπραττόμην,
ἔβλεψεν εἴς με δριμὺ κἀμυχᾶτό γε
καὶ τὸ ξίφος γ' ἐσπᾶτο μαίνεσθαι δοκῶν...
ὁ δ' ὤχετ' ἐξάξας γε τὰς ψιάθους λαβών.

Hercules igitur furens stragula rapit; quidni similia etiam Orestem furentem fecisse putamus? Qui cum in furore suo vias publicas peragraverit, vides quam bene viatores spoliare potuerit. Ita omnia bene procedunt; atque hoc velim teneas, ex comoedia petitum civis cuiusdam cognomen ita usitatum fuisse, ut verum nomen in posteriorum memoria plane expulerit. Sed iam ad propositum revertamur.

Iam si Morychum quoque, ludicrae personae nomen, belli Peloponnesiaci aetate nil nisi cognomen civis Atheniensis fuisse contendero, nihil spero habebis quod obloquaris. Videamus igitur de Morycho illo.

Primum nobis nomen eius occurrit in scholio ad Arist. Ach. 61, quo versu inducuntur legati a Persarum rege revertentes: οἱ παρὰ βασιλέως· πρέσβεις δὲ οὗτοί εἰσιν οἱ περὶ τὸν Μόρυχον ἐμπληsθέντες τρυφῆς. Quo ex loco colligas Morychum legatum ad Persarum regem missum esse; atque Th. Bergk [1]) magnopere confirmari dixit eam suspicionem alio loco poetae (Vesp. 1142).

ΦΙΛ. τουτὶ τὸ κακόν τί ἐστι πρὸς πάντων θεῶν;
ΒΔΕ. οἱ μὲν καλοῦσι Περσίδ', οἱ δὲ καυνάκην.
ΦΙΛ. ἐγὼ δὲ σίσυραν φόμην Θυμαιτίδα.
ΒΔΕ. κοὐ θαῦμά γ'· εἰς Σάρδεις γὰρ οὐκ ἐλήλυθας.
ἔγνως γὰρ ἄν· νῦν δ' οὐχὶ γιγνώσκεις· ΦΙΛ. ἐγώ;

[1]) Apud *A. Meinekium* C. F. G. II p. 970.

Библиотека "Руниверс"

μὰ τὸν Δί', οὐ τοίνυν. ἀτὰρ δοκεῖ γέ μοι
ἐοικέναι μάλιστα Μορύχου σάγματι·
ΒΔΕ. οὔκ, ἀλλ' ἐν 'Εκβατάνοισι ταῦθ' ὑφαίνεται.

ubi nil memoratu dignum scholiastae. Vehementer eum impugnavit H. Müller-Strübing [1]), cum plane contrarium ex Aristophanis verbis colligendum esse contendit; nam si revera Morychus Ecbatana legatus missus esset, Bdelycleonem patri, qui Morychi σάγματι similem esse quam ipse indueret gausapam animadvertisset, magnopere assensurum fuisse, cum ipse quoque Morychus Ecbatanis suam emisset. Medium tenuere beati. Th. Bergk enim revera mira notitiarum coincidentia deceptus ex poetae verbis aliquid collegisse videtur, quod minime inde colligere licebat; H. Müller-Strübing autem οὐκ ἀλλὰ particularun vim non bene intellexit. Quae quomodo accipiendae sint versus docet Vesp. 74.

ΞΑΝ. 'Αμυνίας μὲν ὁ Προνάπους φῄ' οὑτοσὶ
εἶναι φιλόκυβον αὐτόν· ἀλλ' οὐδὲν λέγει.
ΣΩΣ. μὰ Δί' ἀλλ' ἀφ' αὐτοῦ τὴν νόσον τεκμαίρεται.
ΞΑΝ. οὔκ, ἀλλὰ φιλο μέν ἐστιν ἀρχὴ τοῦ κακοῦ.

Non igitur negantis, sed coercentis tantum sunt; itaque nostro loco vertendae erunt „Morychi quidem pallio ita simile non est, attamen et ipsum Ecbatanis contextum est". Ita haec verba si intellexeris, iam nihil habebis, unde aut interfuisse aut non interfuisse colligas Morychum legationi illi, quae initio belli Peloponnesiaci ad Persas abiisse videtur. Remanebunt sola Acharnensium scholiastae verba, quae tamen cave cum H. Müllero-Strübingio W. Ribbeckio aliis ita vertas „homines Morychi similes, sc. Clisthenes Strato alii", tum enim scholiastae dicendum erat οἱ περὶ Κλεισθένη vel tale quid. Sed ut οἱ περὶ Πλάτωνα sunt Plato Platonisque discipuli, ita hic de Morycho parasitisque eius cogitandum erit. Qui cum revera Ecbatana minime abierint—eius enim legationis, si qua fuit, princeps erat Diotimus Strombichi filius [2])—quaerimus unde sua hauserit scholiasta. Cui quaestioni, ut saepius, ita respondendum videtur, ut ex comica nescio cuius poetae fictione errorem natum esse statuamus. Et nisi egregie fallor, poetae quoque nomen indagare licet. Ad versum enim Vesparum 506

εἰ καὶ νῦν ἐγὼ
τὸν πατέρ' ὅτι βούλομαι τούτων ἀπαλλαχθέντα τῶν
ὀρθροφοιτοσυκοφαντοδικοταλαιπώρων τρόπων

[1]) l. c. p. 700.
[2]) Cf. *H. Müller-Strübing*, l. c. p. 703.

Библиотека "Руниверс"

ζῆν βίον γενναῖον ὥσπερ Μόρυχος, αἰτίαν ἔχω
ταῦτα δρᾶν ξυνωμότης ὢν καὶ φρονῶν τυραννικά.

haec annotavit scholiasta (verba ex A. Meinekii emendatione exscribo) πρὸς τὸν τοὺς Ἀψευδεῖς ποιήσαντα, ὅτι τὸν Μόρυχον τῶν πολιτικῶν πεποίηκε μετέχοντα πραγμάτων, ἀγνοήσας ὅτι τρυφερὸς καὶ ἡδύβιος κωμῳδεῖται. Talia grammaticorum testimonia, quibus vetus aliquis scriptor impugnatur, certissimae esse fidei constat. Apseudes autem cum Pollucis iterato testimonio [1]) fabula fuerit Teleclidis, eum illius quam dixi fictionis auctorem fuisse probabile est. Fabulae titulum sunt qui p. v. „Veraces" vertant, perquam inepte; mihi similes tituli Ἡσιόδοι Ἀρχίλοχοι ceterorum ingens multitudo argumento sunt, hic quoque nomen proprium Apseudem quaerendum esse. Apseudes autem archon fuit a. 432, quo anno, quippe qui bellum Peloponnesiacum exortum proxime praecesserit, legationem Morychiam abiisse verisimillimum est. Atque minime alienas fuisse hasce fictiones a comicorum ingenio quivis concedet. Ita enim Cleocritus tantae maciei homo, ut in eo gravitationis vis sublata videatur, in summum aerem mittitur, ut Atheniensium phalangibus praevolans aceto hostium oculos aspergat [2]); ita etiam Nothippus voracissimus, ut videtur, mortalis, in Peloponnesum mittitur, ut eam totam devoret [3]). Morychus autem cum delicatae et fere Asiaticae vitae deditus fuerit, omnium maxime idoneus videbatur qui ad Artaxerxem mitteretur; οἱ βάρβαροι γὰρ ἄνδρας ἡγοῦνται μόνους τοὺς πλεῖστα δυναμένους φαγεῖν τε καὶ πιεῖν.

Quae de Morycho bacchici thiasi daemone supra contendi, ea magnopere firmantur Platonis comici fragmento, atque eo magis, quo minus A. Meineke cum corruptissimum locum emendaret de explicatione mea cogitavit. Est autem ex Περιαλγεῖ fgm. 106 K.

ὦ θεῖε Μόρυχε, πῶς γὰρ οὐ δαίμων ἔφυς;
καὶ Γλαυκέτης ἡ ψῆττα, καὶ Λεωγόρας,
οἱ ζῆτε τερπνῶς οὐδὲν ἐνθυμούμενοι·

Praeterea autem nihil inde colligas. Domus eius commemoratur etiam Platonici Phaedri initio: παρ' Ἐπικράτει ἐν τῇδε τῇ πλησίον τοῦ Ὀλυμπίου οἰκίᾳ τῇ Μορυχίᾳ. Neque tamen inde discimus quis ille civis fuerit, cuius nomen proprium sub Morychi cognomine prope obrutum est.

---

[1]) V. *T. Kockii* C. A. F. 212 sq.
[2]) *Ran.* 1437 sqq.
[3]) Herm. fgm. 45 K.

Библиотека "Руниверс"

Quem si indagare volumus necesse est scholiastae ad Pac. 1008 verba perpendamus.

καὶ Κωπάδων ἐλθεῖν σπυρίδας,
καὶ περὶ ταύτας ἡμᾶς ἀθρόους
ὀψωνοῦντας τυρβάζεσθαι
Μορύχῳ, Τελέᾳ, Γλαυκέτῃ, ἄλλοις
τένθαις πολλοῖς.

Μορύχῳ, Τελέᾳ· καὶ τούτους ἀεὶ ἀπεῖναι βούλεται τῶν ὄψων, διὰ τούτου αὐτοὺς κολάζων ὡς γαστριμάργους ὥς φησιν ἐν τοῖς Ἀχαρνεῦσιν. νῦν δ' οὐκ οἶδα ὅπως τὸ ἐναντίον φησίν· ἴσως οὖν τῇ παρουσίᾳ τούτων Μελάνθιον λυπῆσαι βούλεται ὄντα καὶ αὐτὸν λίχνον. ἦν δὲ τραγῳδίας ποιητὴς ὡς προείρηται.

Nihil tale in Acharnensibus de Morycho legitur—nam Morychum solum intellegit, cum τούτους scribit, ut verba ἦν δὲ τραγῳδίας ποιητὴς docent—ut arceri eum lautitiis ab Aristophane colligas; omninoque semel sub hoc cognomine memoratur, v. 887, ubi Dicaeopolis ita anguillam alloquitur

ἦλθες ποθεινὴ μὲν τρυγῳδικοῖς χοροῖς
φίλη δὲ Μορύχῳ.

Attamen summa fide digna esse scholiastae verba non infitiaberis; mirantis enim sunt dubitantisque eiusdemque notae atque quae alibi ζητεῖται δὲ formula incipiunt [1]).

Quae cum ita sint, haec mihi sola via esse videtur, quam ingredi possimus. Videndum est, num quem Atheniensem Aristophanes Acharnensibus ἀπεῖναι τῶν ὄψων velit; quem si invenerimus, hic habendus erit pro eo, cui alibi Morychus cognomen est. Quod si concesseris—neque enim video, quid obloqui possis—iam est spes aliqua, nos verum Morychi istius nomen erunturos esse. Unum enim solum novi (v. 1157 sqq)

ὃν ἔτ' ἐπίδοιμι τευθίδος
δεόμενον, ἡ δ' ὠπτημένη
σίζουσα πάραλος ἐπὶ τραπέζῃ κειμένη
ὀκέλλοι· κἄτα μέλλοντος λαβεῖν
αὐτοῦ κύων ἁρπάσασα φεύγοι—

i. e. Ἀντίμαχον τὸν Ψακάδος τὸν μέλεον ποιητήν. Cui cognomen Morycho fuisse ne nimis audax coniectura videatur, computes, quaeso,

[1]) De quibus cf. *C. Lehrs*, Pindarscholien p. 111.

Библиотека "Руниверс"

quae nobis de utroque nota sunt. Antimachus dives fuit; idem de Morycho praedicatur. Antimachus molli vitae deditus fuisse perhibetur; neque alia sunt quae de Morycho novimus. Antimachus denique malus poeta, μελεος ποιητής ab ipso Aristophane nominatur; Morychus autem disertis scholiastarum testimoniis (praeter Pac. 1008 cf. Ach. 887 ἦν δὲ καὶ τῶν ἡδέως βιούντων· τραγῳδίας δὲ ποιητὴς οὗτος') tragicus poeta fuisse traditur [1]). Sed restant etiam alia quae coniecturam meam confirment.

Convertamus nos ad Dicaeopolidis allocutionem v. 885

ὦ φιλτάτη σὺ καὶ πάλαι ποθουμένη,
ἦλθες ποθεινὴ μὲν τρυγῳδικοῖς χοροῖς,
φίλη δὲ Μορύχῳ.

Haec verba duplicem sensum habere possunt, uterque tamen habet quo displiceat. Si illusionem servavit poeta, de Atheniensium urbe cogitandum est, cui pace a Dicaeopolide facta commercium cum finitimis redditum erat; tum nihil miri habet Morychi commemoratio, quippe qui omnium primus pacis oblectamentis fruiturus fuerit; at quid sibi tum volunt trygoedici chori? Rursus si sustulisse illusionem poetam statueris, de sola scaena cogitandum erit; tum optime intelleguntur trygoedici chori, quippe qui brevi hunc ipsum piscem gustaturi fuerint—nam χοροῖς pro χορῷ nil moror—at sensu cassa est Morychi commemoratio. Vides necesse esse quendam inter trygoedicos choros et Morychum conexum statui; qui qualis fuerit dubium non est. Aristophanes enim cum fuerit ποιητής, Callistratus διδάσκαλος, Morychus nihil aliud esse poterat nisi choragus. Tum autem rursus ad Antimachun Sputatoris filium remittimur; is enim

ἐμὲ τὸν τλήμονα Δήναια χορηγῶν ἀπέκλεισε δεῖπνων.

Plura attulissem si plura scirem; sed ne ita quidem, si quid video, ullus dubitationi locus est, quin Morychus Antimachi cognomen fuerit, qui cum et ipse tragoedias scriptitaret, et comicos choros conducere, plus uno nomine bacchico agmini accensus erat.

Sed ut ad disputationis meae propositum revertamur, Morychide archonte legem de comicorum licentia coercenda latam esse novimus. Iam cum Antimachum quoque, seu potius Morychum eiusdem argumenti

[1]) Admodum mira ad scholiastae fidem labefactandam protulit P. Elmsley ad v. 887 «ex hoc loco male intellecto tragicum poetam fuisse Morychum statuit scholiasta, quasi ποθεινὴ μὲν τρυγῳδικοῖς χοροῖς, φίλη δὲ τραγῳδοῖς dixisset».

Библиотека "Руниверс"

legem tulisse nonulli tradant, dubium esse non potest, quin de eadem lege agatur, quae per confusionem a Morychide ad Morychum, id est Antimachum translata sit.

Atque haec habui quae de ea re proponerem. Quae si tibi recte disputata videntur, magnopere laetabor; sin minus, dubites licet, dum ne in dubitando acquiescas.

Th. Zielinski.

Библиотека "Руниверс"

ELOGIA SCIPIONUM,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АРХАИЧЕСКОЙ ЛАТИНИ [1]).

Titulus E.

HONC, HĒC, HIC. Слѣдуетъ сознаться, что этимологія мѣстоименія hic, haec, hoc—вопросъ очень трудный и доселѣ еще положительно не рѣшенный, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ родственномъ языкѣ оно не находитъ себѣ морфологическаго соотвѣтствія; по всей вѣроятности, это—продуктъ чисто-римской лингвистической почвы (Benary, 170).

Что касается основы этого мѣстоименія, то изъ падежныхъ формъ, особенно архаическаго склоненія, она выводится легко:

м. р.	ж. р.	ср. р.
ho-ius	„	ho-ius
ho-ic	„	ho-ic
ho-n-c	ha-n-c	ho-c
ho-c	ha-c	„
ho-rum	ha-rum	ho-rum
ho-s	ha-s	—

(Corss. Krit. Nachtr. 90–91).

Отсюда видно, что основа муж. и средн. родовъ ho, жен. ha; но какова былъ первоначальный видъ кореннаго созвучія, изъ котораго она развилась, гдѣ искать этотъ корень, и какимъ путемъ сформировался nom. sg.—вопросы не легкіе, и въ наукѣ послѣдняго слова о нихъ еще не сказано.

Рейзигъ (189, § 124), вѣрный принципу греческой деривацiи,

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

отожествляетъ латинское hic, haec, hoc съ греческимъ ὅγε, ἥγε, τόγε, и для приведенія своего взгляда не останавливается ни предъ какими препятствіями. Такъ какъ въ греческомъ мѣстоименіи основы ὁ ἁ чередуются съ το τα, въ латинскомъ же h сохраняется во всѣхъ падежахъ, то Рейзигъ выводитъ это h въ первомъ случаѣ изъ spir. asper, во второмъ изъ τ, не указывая вовсе причины такой дисгармоніи. Далѣе, какимъ образомъ masc. ὅγε и neutr. τόγε, если h происходитъ изъ τ, дали въ латинскомъ двѣ различныя формы: hic и hoc—это Рейзигъ объясняетъ просто намѣреннымъ дифференцированіемъ различныхъ родовыхъ формъ, при чемъ masc. hic могло произойдти и не собственно отъ ὅ-γε, а отъ другой мѣстоименно-указательной основы ἰ+γε; затѣмъ—почему genet. huius и dat. huic утвердились для всѣхъ трехъ родовъ при раздѣльности соотвѣтствующихъ греческихъ формъ—остается у Рейзига вовсе не объясненнымъ, и вообще его гипотеза крайне невѣроятна.

Сюда же отчасти примыкаетъ мнѣніе Кюнера (I, 392, § 136), который латинскія основы ho ha ставитъ также въ связь съ греческими ὁ ἡ (ἀ) ἰ, но иначе развиваетъ флективную сторону вопроса. Подобно Рейзигу онъ въ nom. sg. masc. принимаетъ основу hi, откуда образуется nom. hi-s (по аналогіи съ i-s), а съ прибавленіемъ указательнаго аффикса -ce (изъ перв. ka, слав. сѣ-и): hisce, гдѣ по отпаденіи e исчезъ и знакъ именительнаго s, такъ какъ окончаніе sc не терпимо латинскою фонетикой. Nom. sg. neutr тотъ же ученый выводитъ изъ первоначальнаго hod (по аналогіи съ quod)+указ. ce: hodce, по отпаденіи e: hodc, hoc (ср. I, 55, 8). Варіантъ hĕc у Кюнера остается не объясненнымъ.

Изъ филологовъ-компаративистовъ А. Бенари (Lautl. 169—170), сознавшись прежде всего, что „das lateinische hic ist höchst unbestimmten Stammes", пытается однакоже вывести его изъ санскритской частицы hi, составляющей позднѣйшій варіантъ такъ-называемой particula expletiva ha, присоединяемой къ падежнымъ формамъ для болѣе энергичнаго подтвержденія, подобно греческому γέ.

Того же мнѣнія и Бенфей (Scr. Gr. 331), принимающій въ данномъ случаѣ первообразомъ ведическую энклитику gha, откуда онъ производитъ какъ скр. ha (лат. ha-, ho-), такъ и греч. γέ (γά).

Подробнѣе развита эта гипотеза у Корссена (Krit. Beitr. 541—543; Krit. Nachtr. 89—96). Авторъ опровергаетъ прежде всего мнѣніе Боппа и Лоттнера, по которымъ латинское hic, haec, hoc и qui, quae quod сводятся къ одному корню ka, ki,—деривація сомнительная,

Библиотека "Руниверс"

по недоказанности для латинскаго языка перехода твердаго ḱ въ придыхательное h. Принимая затѣмъ мысль Бенфея, Корссенъ даетъ (Krit. Nachtr. 90—91) таблицу падежныхъ формъ разбираемаго мѣстоименія отъ основъ ha, ho. Въ частности nom. s. masc. hic объясняется имъ (l. c. 95; ср. krit. Beitr. 542; Auspr. I, 211) такимъ образомъ: къ основѣ ho, усиленной указательнымъ ī (ср. выше quoius), присоединился второй указательный аффиксъ ce отъ мѣстоимен. корня ka, (Corss. Auspr. II², 235): hoice; затѣмъ дифтонгъ oi перешелъ въ средній тонъ между ē и ī (I, 202—204); отсюда написанія hēce, hice, по усѣченіи конечнаго e: hēc, hīc [1]); изъ послѣдняго per correptionem явилось классическое hĭc. Долгота видна еще въ разбираемомъ эпиграфѣ:

consól, censór, aidílis // híc fuét apúd vos,

и вообще она нерѣдка у комиковъ и дактиликовъ (Kühn. I, 393).

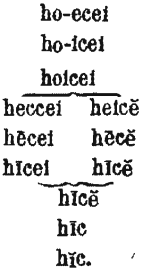
Довольно сходно съ Корссеномъ объясняетъ формацію hic и Мерге (Form. 164). Принимая ту же основу ho и тотъ же аффиксъ ce, онъ для послѣдняго предполагаетъ лишь болѣе древній видъ. Мы уже упоминали, что ce (невѣрно отожествляемое Лоттнеромъ съ c въ ac, nec, вм. atque, neque, Merg. 163) выводится изъ указательнаго корня ka (слав. се-ѣ); оно считается формой locativi (Corss. I, 271), сохранившею первоначальную долготу въ написаніи cei: heicei (по Ричлю: heic, ei=hei, tit. Mum. Op. IV, 110+A.) situst mimus=hīc situs est mimus, читается въ эпитафіи Протогена; это cei Мерге отожествляетъ съ греческимъ χεῖ въ ἐ-χεῖ, ἀ-χεῖ-νος, ἐ-χεῖ-σε etc. при чемъ допускаетъ, что въ древнѣйшій періодъ языка и въ латинскомъ существовала форма ĕ-cei, съ паденіемъ e въ ī: ĭ-cei. Съ ея-то помощью и образованъ nom. sg. masc. ho-ĭ-cei; съ переходомъ дифтонга oi въ средній тонъ между e и i: heicei, hēcei, hīcei; по утратѣ аффиксомъ своей долготы: heicĕ, hēcĕ, hicĕ (heicĭne, hēcĭne, hicĭne), и наконецъ съ отпаденіемъ ĕ: heic, hēc, hīc. Въ нашихъ памятникахъ формы уже апокопированы; но со времени Sc. de Bacanalibus (185) встрѣчаются чаще полныя: haice, hoce, hance etc.; а съ 99 г. до Р. Х. конечное e опять исчезаетъ (Kühn. I, 392, § 136; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 89).

Такимъ образомъ по Мерге послѣдовательный генезисъ разбираемой формы былъ таковъ:

---

[1]) Nom. sg. masc. heic не встрѣчается; (*Rüeh.* 29); heic (vovit) на Сорской надписи есть locativus; *Ritschl*, ep. Sor. Op. IV, 133+A.

Библиотека "Руниверс"



Ни одна изъ приведенныхъ теорій не можетъ назваться вполнѣ убѣдительною; въ двухъ лучшихъ—Корссена и Мерге—есть все-таки не совсѣмъ вѣроятныя стороны: въ первой—наслоеніе указательныхъ аффиксовъ i и ce, во второй—перенесеніе цѣликомъ греческаго ἐκεῖ на почву латинской рѣчи, притомъ на основаніи единственнаго и не всѣми одинаково объясняемаго примѣра heicei, такъ что вопросъ этотъ должно признать еще открытымъ.

Генезисъ второй изъ разбираемыхъ формъ, honc, довольно ясенъ. Къ винительному падежу основы м. р. ho: hom присоединенъ указательный аффиксъ ce: homce [1]); по отпаденіи конечнаго e: homc; подъ вліяніемъ гортаннаго c—m перешло въ гортанный же n (n adulterinum): honc, откуда съ паденіемъ o въ u явилось классическое hunc, въ народномъ говорѣ huc съ опущеніемъ знака слабаго гортаннаго n (Corss I, 108. 136; Schuch. I, 107).

Вообще о формахъ даннаго мѣстоименія см. Schn. I, 15, 29; Reisig, 180, § 124; Benary, 169—170; Corss. Auspr. I, 136. 210—211; 262. 271; Krit. Beitr. 541—545, Krit. Nachtr. 89—96; Büch. 29. 41—42; 51. 53. 115: 121; Merg. 160—165; Neue, II, 203—209; Kuhn. I, 55, 8; 392—395: Zell, II, 75; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 89. 100 + A; Epigr. Sor. ib. 132; vocal. gem. ib. 156. 168; die ält. Scip. ib. 224; Plautin. Exc. Op. II, 646—649; ср. 556.

OINO = unum. На двѣ изъ аберрацій этой формы, то-есть, на сохраненіе примѣты O и на отсутствіе знака для глухаго конечнаго m, мы указали выше при разборѣ именъ Taurasia и Samnio; теперь обратимся къ третьему отличію ея—дифтонгу oi сравнительно съ классическимъ u.

Наиболѣе вѣроятна этимологія числительнаго unus (арх. oinos), принятая у Бенари (Lautl. 61), Корссена, I², 387, Мерге (133)

[1]) Ср. honce loucom на Сполетскомъ камнѣ, *Garr.* Syll. add. 1881, p. 10, n. 2381.

Библиотека "Руниверс"

и Кюнера (I, 418, § 148, 1), по которой остающееся при расчленении формы oinos на составныя части: oi-no-s созвучіе oi приводится въ связь съ мѣстоименно-указательнымъ корнемъ i, сохранившимся въ такихъ формахъ, какъ:

скр. i-dam (этотъ); лат.: i-dem; греч. древ. ῐ;			слав. Н (онъ)
i-ti (такъ)	i-ta	οὑτοσ-ί	ТО-Н
i-tas (отсюда)	i-s	τουτον-ί	СѢ-Н
etc.	i-s-te		ДОБРЪІ-Н
	i-pse	etc.	etc.

Относительно смысла особыхъ препятствій здѣсь нѣтъ. Частное понятіе указанія „этотъ", свойственное корню i, предполагаетъ сосредоточеніе нашего мышленія на какомъ-нибудь фактѣ, который почему-либо привлекъ наше вниманіе предпочтительно передъ другими, а потому въ данный моментъ въ нашемъ представленіи, по крайней мѣрѣ, изолируется отъ прочихъ; такое частное понятіе довольно легко могло перейдти въ понятіе единичности: „одинъ", въ которое мы вкладываемъ ту же изолированность даннаго факта отъ прочихъ, но такъ-сказать, съ математическимъ оттѣнкомъ.

Обратимся въ фонетической сторонѣ вопроса. Въ чистомъ видѣ корень i для означенія „единицы" сохранился въ древне-славянскомъ языкѣ, удержавшемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе первоначальныя формы сравнительно съ классическими. Здѣсь отъ корня i съ помощью словообразовательнаго суффикса нъ (изъ перв. на, но; ср. со-нъ, сто-нъ, пълъ-нъ, ю-нъ и др.) составилось числительное и-нъ, сохранившееся какъ въ позднѣйшемъ ед-инъ, такъ и въ формахъ ин-ый, ин-окъ, люд-инъ, Половч-инъ и т. п.

Въ родственныхъ языкахъ корень i подвергся измѣненіямъ. Такъ въ санскритѣ онъ для той же роли является въ усиленномъ посредствомъ подъема видѣ ê (изъ ai), но съ другимъ суффиксомъ—ka: ê-ka (одинъ).

Въ греческомъ мы находимъ этотъ корень, съ одной стороны, въ усиленіи ἑ, nom. εἷς изъ ἑ-ν-ς, откуда Рейзигъ (181, § 119) прямо заимствуетъ и латинское unus; къ формѣ εἷς довольно близко подходитъ готское ai-n-s, нѣм. ei-n-s съ остаткомъ суффикса -no; съ другой стороны, въ греческомъ же корень i подвергся довольно распространенному виду подъема въ οι (ср. λιπ: λοιπός, λιβ: λοιβή, κι: κοίτη, слав. би: бой, гни: гной, пи: пой-ло и т. п.) и явилось равнозначущее числительное οἶος—по Боппу, Курціусу и Кюнеру изъ οἰ-νο-ς, по Бенари—изъ οἰ-ϝο-ς.

Библиотека "Руниверс"

Такую же форму подъема корня i можно указать и въ латинскомъ, ср.

div: doivom (Фуд. бр. см. Цвѣт. въ Ж. М. Н. Пр. Іюль 1882),

fid: foideratei,

li: loebesum (болѣе древ. loibesom, Benary, 59 sq.; Corss. I 156: Kühn. I, 53, 5); vi: vois (Цвѣт. l. c.).

Отъ усиленнаго созвучія oi съ помощью вышеупомянутаго суффикса no (ср. ag-no-s, som-no-s, pug-no-s, si-no-s, mag-no-s, dig-no-s, Kühn. I, 654.2; 671, § 224) произведена именная основа oi-no-, nom. sg. masc. oi-no-s, accus. oinom, по исчезновеніи знака глухаго конечнаго m: oino: то-есть, разбираемая форма.

Въ такомъ видѣ она сохранялась довольно долго; въ Sc. de Bacan., гдѣ исключительно еще преобладаетъ oi (foideratei comoinem), читается oinvorsei=universi, n. pl. masc. Есть—косвенное, правда—[1]) свидѣтельство о томъ, что двугласный oi уже въ эпоху древнѣйшихъ письменныхъ реликвій латинской рѣчи подвергся той же вокалистической модуляціи, что мы видѣли выше (gnaivod) въ дифтонгѣ ai: тонкое i подъ вліяніемъ полнозвучнаго o перешло также въ болѣе широкій тонъ e, такъ что получился вокальный аккордъ, означаемый написаніемъ oe; конечно, какъ произносился этотъ аккордъ, и былъ ли онъ дѣйствительно таковымъ, а не простымъ тономъ—сказать трудно; полагаютъ, что онъ звучалъ въ родѣ нѣмецкаго ö (Corss. I, 201; Kühn. I, 40, A; но ср. Schn. I, 77), какъ онъ теперь и произносится.

Косвенное доказательство этого заключается въ слѣдующемъ: составитель надписи на извѣстной columna rostrata, за немногими исключеніями довольно толково выбиравшій архаическія формы (Ritschl. tit. col. vostr. Op. IV, 204, sqq; Corss. I, 196), помѣстилъ, однако, въ редижируемый текстъ написаніе POENICAS (v. 8), вѣроятно, потому, что имѣлъ на это какое-нибудь монументальное указаніе изъ эпохи около 260 г. до Р. Х.; иначе онъ, конечно, написалъ бы POINICAS, такъ какъ въ бывшихъ у него подъ руками древнихъ текстахъ дифтонгъ oi, безъ сомнѣнія, встрѣчался. Если это соображеніе справедливо, то вѣрно и положеніе Корссена (I² 705) и Кюнера (I, 47,5): „die Trübung von oi zu oe beginnt mit der von ai

[1]) Мы оставляемъ въ сторонѣ сомнительное чтеніе Гарруччи COERAE (Mélang. d'Arch. t. IV, p. 31), неправленное имъ по внимательномъ разсмотрѣніи этого poculum въ COIRA (Syll. p. 143, n. 478; *Corss.* I², 705; *Ritschl*, Prisc. lat. ep. suppl. V, Op. IV, 566 + Anm., cf. *Momms.* ad C. I. L. I. n. 45).

Библиотека "Руниверс"

zu ae zu gleicher Zeit", то-есть, приблизительно въ эпоху надписей B и E, ср. выше gnaivod.

Эпиграфически же de facto oi пережило этотъ періодъ: quoiei читается еще въ tit. K (ок. 138 до P. X.), coiperit въ lex. rep. ок. 122. Лишь около времени Кимврскихъ набѣговъ (113 до P. X.) на надписяхъ является oe: coerare, foedere, oetantur etc. (Corss. I, 196; Ritschl, tit. Aletr. Op. IV, 168: „fatendum... coerare scripturam... post annum demum 640 (113) usurpari coeptam esse cum finitimis foedere, oetantur, loedos, moerum"). Конечно, это еще не даетъ намъ права утверждать, что только около указаннаго года дифтонгъ oi сталъ произноситься какъ oe; возможно, что старинная орѳографія, особенно въ памятникахъ болѣе или менѣе оффиціальнаго характера, держалась по преданію еще долго послѣ того, какъ въ живой рѣчи постепенно сформировалось созвучіе oe; возможно, что уже Энній (239—169) и Плавтъ (254—184) писали oe; такъ въ текстъ перваго издатель его Валенъ (Vahlen) вводитъ форму noenum (изъ ne + oinom, noenom), класс. non (ср. греч. οὐδ + ἓν = οὐδέν, Corss. I, 196, A.), а въ текстѣ втораго Ричль удерживаетъ рукописныя преданія старины: moenia, inmoene и т. п. (Prolegg. Plaut. op. V, 350—351).

Но и послѣ эпиграфическаго признанія права гражданства за написаніемъ oe, oi еще изрѣдка встрѣчается: такъ oina (lex Thor. 111 г. до P. X.), coiraverunt (titt. Camp. 107—104 г. до P. X. C. I. L. I, 565 — 568; Ritschl, tit. Aletr. Op. IV, 168; Corss. I. 194—195); спорадически oi встрѣчается даже въ эпоху Цезаря: foidere (lex. Iul. Mun. 45 г. до P. X.) ср. moiros (tit. Aeclan. 90—80 до P. X. C. I. L. I, 1230, Ritschl, Corss. l.l. c.c.), когда классическое oe во многихъ случаяхъ преобладаетъ.

Какимъ образомъ изъ oenos, oenus явилось ūnos, ūnus, и нельзя ли модуляцію ū вывести прямо изъ oi,—по этимъ вопросамъ мнѣнія ученыхъ несогласны.

Корссенъ (I, 210) предполагаетъ такой процессъ: въ виду малочисленности примѣровъ перехода oi въ ui: Ianui, вм. Ianoi (dat. Fest.), cui и huic вм. quoi и hoic, нельзя принять вообще ui за переходную ступень отъ oi къ ū, хотя созвучіе ui путемъ ассимиляціи и стяженія легко даетъ ū, напримѣръ, genett. victūs, senatūs, gradūs изъ victuis, senatuis, graduis; остается такою переходною модуляціей считать oe, произносимое какъ ö.

Параллельно съ паденіемъ древняго o въ u перешло съ теченіемъ времени и ö въ ü, то-есть, приблизительно въ тонъ греческаго υ, для котораго мы въ эпоху Гракховъ находимъ иногда дѣйствительно

Библиотека "Руниверс"

транскрипцію oe (ö): Hoelas (Ὕλας), Moesia (Μοσία), Antamoenides (Ἀνταμονίδης), Froegiae (Φρυγίας etc. ср. Ritschl, quaestt. onomatol. Plaut. Op. III, 346—349), рекомендуемую и грамматиками, напримѣръ, Максимомъ Викториномъ: „litterae peregrinae sunt z et y, quae propter graeca quaedam assumptae sunt ut Hylas, zephyrus; quae si non essent, Hoelas et sdephoerus diceremus“ (c. 1945; cf. Rithschl, l. c.; Schneid. I, 45, 84).

Затѣмъ ū перешелъ въ болѣе глубокій топъ u, установившійся въ классическій періодъ, такъ что генезисъ нашей формы по этой теоріи слѣдующій:

oinos
oinus
oenus (önus)
ūnus
ūnus.

Аналогичный ходъ развитія предполагается тою же гипотезой и въ plus, plura изъ ploira (ср. ниже ploirume), ploera, plūra, utilis—изъ oitilis, oetilis, ūtilis, curare—изъ coirare, coerare, cūrare и т. п.

Другаго рода процессъ предполагаетъ Шухардтъ (Voc. II, 281—282). Онъ указываетъ прежде всего на то, что самъ Корссенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ возможность и другаго генезиса, напримѣръ, plura изъ plouira, ploura (I, 161; 171 sq.), curare изъ covirare, courare (ib. 172, 197; krit. Beitr. 180, ср. Ritschl. Pr. lat. ep. suppl. II, Op. IV, 517), а также и на то, что, принявъ u за результатъ движенія oe (ö)—ū—u, придется неизбѣжно считать это oe несравненно древнѣйшимъ, чѣмъ оно фактически засвидѣтельствовано; дѣйствительно utier (др. oitier) читается въ tit. F ок. 173 г. до Р. Х., поп въ tit. K ок. 138 г.; una C. I. L. I, 1011 ок. 134 г., Kühn. I, 418, 1, то-есть, въ ту эпоху, когда oe на памятникахъ еще не появлялось; но если принять во вниманіе приведенное выше соображеніе о возможной древности произношенія oe, второй аргументъ Шухардта не особенно доказателенъ. Въ своей гипотезѣ Шухардтъ допускаетъ, что въ дифтонгѣ oi довольно рано произошла не только ассимиляція послѣдующаго гласнаго предыдущему, но и стяженіе ихъ въ ō (ср. coraveron...=coiraveront, C. I. L. I, 73; Ritschl, Praenest. Lat. Op. IV, 491+A; Pr. lat. ep. suppl. II, ib. 512—517: „hunc titulum... saeculo sexto aut quinto exeunti tribuendum esse... certissime perspicitur“, то-есть, ок. 250 — 200 до Р. Х., ср. поп, tit. K), откуда легко могло возникнуть и классическое u. Вообще по Шухардту генезисъ разбираемой формы нѣсколько проще:

Библиотека "Руниверс"

oinos
oenos
oonos
ōnos
ūno(u)s.

Впослѣдствіи Корссенъ нѣсколько измѣнилъ свою гипотезу (Aussprr. I², 709 sq.+Anm.); онъ возвратился къ отрицаемому имъ нѣкогда (I¹, 201) предположенію о возможности такого процесса: oi—ui—ū, напримѣръ, hoic, quoi = huic, cui; senatuis, domuis = senatūs, domūs; слѣд. oinos = *uinos = unos.

Которая гипотеза въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе—рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что ни промежуточная ступень oenos, ни гипотетическое uinos для нашей формы эпиграфически не сохранились.

Къ разбираемому вопросу относится отчасти разсмотрѣніе и слѣдующаго.

PLOIRVME=plurimi. Здѣсь дифтонгъ oi возникъ уже инымъ путемъ, сравнительно съ oinos, что и увидимъ изъ этимологическаго анализа.

Корнемъ какъ для данной формы, такъ и для родственныхъ съ нею, можно считать созвучіе pal (par) — „наполнять", „умножать" (Corss. krit. Beitr. 379), сохранившееся въ имени божества Pales и его празднества Palilia, Parilia [1]); о чередованіи плавныхъ l и r см. выше consol.

Въ большей части формацій корень pal подвергся двумъ параллельнымъ рядамъ измѣненій.

Съ одной стороны, подобно измѣненію корня sal въ sol (ср. выше consol) и созвучіе pal перешло въ pol:

греч. πολ-ύς (откуда Рейзигъ 170 § 111 прямо выводитъ латинское plus, не обращая вниманія ни на разностепенность обѣихъ формъ: πολύς posit., plus—compar., ни на количественное: plūs изъ ploūs, но πολῦς, ни на основное ихъ различіе: πολϝο-, plus-, plur-).

πόλ-ις, слав. плънъ, древ.-русск. пълънъ, совр. по́лонъ; лат. popol-os, класс. populus съ удвоеніемъ корня (Corss. Krit. Beitr. 300).

Съ другой стороны, въ сочетаніи pal произошла перестановка: pla (Kühn. I, 133, § 45) съ паденіемъ a въ e (Ib. I, 51, 2):

греч. πίμ-πλη-μι лат. -ple-re
πλῆ-θος ple-nus

[1]) Имя «Pales» едва ли отъ parĕre. *Corss.* I, 80, или отъ корня phal—цвѣсти, откуда «flos». *Benary*, 182.

Библиотека "Руниверс"

πλή-ρης	ple-rus
πλέ-ον	ple-bes
πλε-ῖστος	ple-ores (изъ pleioses, carm. fr.

Arv. C. I. L. I, 28; Kühn. I, 131 a; 367, A. 10; Korsch de v. s. 125).

Изъ ple черезъ подъемъ e въ o (Kühn. I, 51, § 11, 2; Corss. I, 233 sq.) явилось созвучіе plo, ср.

лат. fero—fors,	греч. λέγω—λόγος,	рус. велю—воля
tego—toga	τρέφω—τροφή	беру—сборъ
pendo—pondus	φέρω—φορός	несу—занось
cello—collis	γένος—γόνος	везу—возъ
mens—moneo	πλέκω—πλόκαμος	веду—доводъ.

Отъ этого корня plo основа превосходной степени могла быть образована двоякимъ образомъ.

A. По теоріи Корссена (I¹, 87, II², 42; Merg. 122; Kühn. I, 367, A. 10), для этой цѣли послужила основа comparativi: plo+īōs (скр.-ījāns, ījās) -ploios-; сюда съ помощью соединительнаго гласнаго u, о тонѣ котораго см. выше parisuma, присоединенъ суффиксъ превосходной степени mo (pri-mo-s, mi-ni-mo-s, sum-mo-s): plo-ios-u-mo; эта гипотетическая основа подвергалась затѣмъ разнообразнымъ фонетическимъ варіаціямъ.

I. Въ суффиксѣ -ios—o понизилось въ u:-ius-; начальное i, перейдя въ согласный j, между двумя гласными выпало (ср. pleores, изъ pleiores, plejores; греч. πλέον изъ πλέ-ιον, πλέjον): plousumo- (ср. plous въ Sc. de Bacan.); затѣмъ дифтонгъ ou монотонировался въ ū: plusumo- (класс. comparat. plūs); наконецъ, u въ сочетаніи -umo- могло быть изображено въ видѣ i: plusimo; такую фазу развитія мы находимъ дѣйствительно въ формѣ plusima (Carm. Sal. ap. Varr. L. L. VII, § 27; Kühn. I, 367, A. 10).

II. Суффиксъ -ios- путемъ стяженія измѣнился въ īs; явилось plo-is-u-mo- (ср. mag-is); дифтонгъ oi черезъ фазу ei перешелъ въ средній тонъ между ē и i, изображавшійся часто i: plisumo-; принявъ наконецъ для u написаніе i, получимъ основу plisimo, сохраненную у Феста въ формѣ plisima (p. 204; Kühn. l. c.).

Другіе варіанты нашей основы явились по переходѣ s въ r. Близкое, но для насъ теперь не совсѣмъ понятное родство этихъ согласныхъ замѣчается еще на почвѣ санскрита: оба они могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ переходить въ придыхательный s- висаргу, которая, въ свою очередь, даетъ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ то s, то r. Это же родство замѣтно между ними и въ латинскомъ, гдѣ особенно распространенъ переходъ s въ r между двумя гласными, начавшійся

Библиотека "Руниверс"

предположительно въ IV в. до Р. Х., какъ можно заключить изъ свидѣтельства Цицерона (ad fam. IX, 21), что L. Papirius Crassus, кс. 336 г. до Р. Х. первый началъ зваться такъ вм. Papisius, родоваго имени его предковъ (Schn. I, 341 — 342; Corss. I, 85—88; Jordan, Krit. Beitr. S. 104 — 124; Kühn. I, 106, 2); вслѣдствіе такого перехода явилось громадное количество формъ въ родѣ: rosarum, generis, ruris, Lares, Aurelius, eram, dari, quaero, dirimo etc. вм. genesis, rosasum (суф. genet. plur. sām), rusis, Lases (carm. fr. Arv.), Auselius (кор. us-, ur- „жечь", откуда ur-o, aur-or-a), esam, dasi, quaeso, dis-impo.

Принявъ этотъ переходъ, получимъ слѣдующіе варіанты разбираемой основы:

III. Изъ I. plousumo- можетъ явиться plourumo-, чему примѣръ есть въ приведенной выше эпитафіи Протогена:

plouruma que fecit populo soveis gaudia nuges.

IV. Изъ Варроновскаго plusima такимъ же путемъ возникаетъ классическое plurima.

V. Изъ II. ploisumo- получается основа и разбираемой формы ploirumo-.

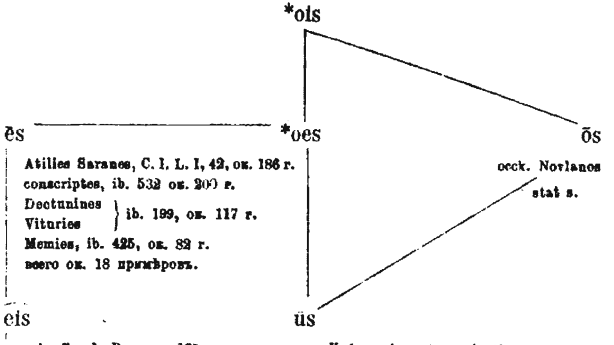
В. Прилагая къ образованію ея общую гипотезу Мерге (131—132), съ принятымъ нами небольшимъ отступленіемъ (ср. выше parisuma), мы придемъ къ разбираемой основѣ такимъ путемъ: съ корнемъ plo соединились два суффикса превосходной степени: plo-isto-mo-; подъ вліяніемъ акцентовки ploístomo- t не только ассимилировалось предыдущему s, но даже исчезло совершенно: ploisomo-, ploisumo-, а съ переходомъ s въ r: ploiromo, ploirumo-, генезисъ, довольно простой и понятный.

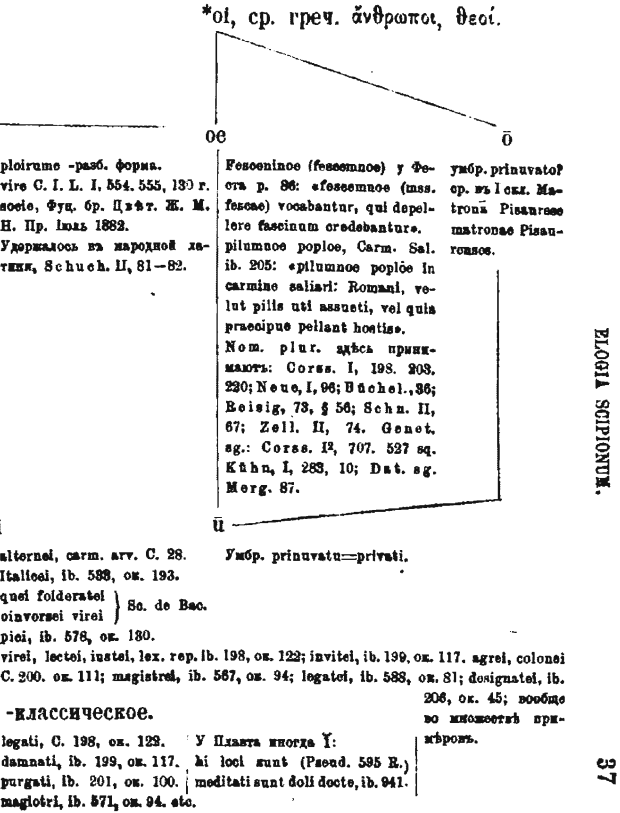
Изъ этой основы ploisumo- не трудно вывести и другіе варіанты. Дифтонгъ oi, какъ мы видѣли для oino, можетъ перейти въ u; является plusumo-, plusimo- (у Варрона); съ другой стороны онъ нерѣдко измѣняется въ ī; тогда получится plisumo-, plisimo- (у Феста); что же касается основы plourumo- (compar. plous-, plour-), то при объясненіи формы Loucanam мы замѣтили, что ou во многихъ случаяхъ едва ли изображеніе дифтонга, а скорѣе средняго тона между ō и ū, возникшаго въ варіантѣ *plōrumo- (ср. cōrare), когда коренное ō (plō-) стало клониться къ паденію въ u.

Затѣмъ отъ полученной нами основы ploirumo- образованъ nom. plur. masc. ploirume, окончаніе котораго требуетъ разъясненія.

Извѣстно, что основы на o (II скл.) въ этомъ падежѣ представляютъ двѣ параллельныя группы окончаній:

Библиотека "Руниверс"





Библиотека "Руниверс"

На взаимныя отношенія обѣихъ группъ существуютъ различные взгляды: одни ученые считаютъ ихъ независимыми одна отъ другой, другіе—стараются свести всѣ ихъ варіанты къ одному началу.

Къ первой категоріи относятся между прочимъ:

Бюхелеръ (decl. 36), принимающій для nom. plur. II decl. двойную формацію: такъ-называемую греческую или мѣстоименную (ср. Schn. II, 67 + A*; Reisig, 72, § 55; 73, § 56), гдѣ знакомъ мн. ч. является i, присоединяемое къ именной основѣ на -o :-oi, откуда постепенно: -oe, -e,-ei, -ī // -ō, -ū, и италійскую со знакомъ мн. ч. s (nom. pl. m. -os), сохранившуюся въ осскомъ ûs (os), умбр. us; въ латинскомъ же вмѣсто древняго -os мы видимъ одинъ изъ переходовъ изъ основъ на -o въ основы на -i, откуда окончанія nom. pl. -ēs, -eis -īs по аналогіи съ omnēs, omneis, omnis. Взглядъ Бюхелера раздѣляетъ Кюнеръ (I, 287, 17; 289, 18).

Нёйе (I, 95 — 96), допуская съ одной стороны упомянутую греческую формацію, видитъ въ окончаніяхъ ēs, eis, īs варіанты первоначальнаго ās, уцѣлѣвшаго въ санскритѣ.

Ко второй категоріи принадлежатъ:

Мерге (Form. 102 — 104), по которому общій суффиксъ мн. ч. есть ēs изъ первон. ās, утратившій долготу какъ въ греческомъ (σφῆκ-ες, ἄνδρ-ες), такъ и въ латинскомъ I и II скл. Въ послѣднемъ генезисъ окончанія по этой теоріи таковъ:

-o + ēs = -oes, -ēs, -eis, -īs // -ōs, -ūs; съ отпаденіемъ глухаго s:
-oe, -ē, -ei, -ī // -ō, ū; отпаденіе s Мерге объясняетъ намѣреннымъ дифференцированіемъ формъ nom. pl. отъ формъ dat. abl. того же числа, звучавшихъ одинако: -ois, -oes, -eis, is (ср. ниже facteis).

Также проста была и первая гипотеза Корссена (I[1], 203), считающаго общимъ суффиксомъ is, возникшее, конечно, изъ того же санскр. ās; нѣкоторое преимущество предъ взглядомъ Мерге она имѣетъ въ томъ, что ею легко объясняются формы nom. pl. I decl. haice tabelai datai (Sc. de Bac.), для которыхъ по теоріи Мерге (103) приходится считать написаніе ai соотвѣтствующимъ дѣйствительному выговору ae, то-есть, видѣть здѣсь такого рода случай, когда ai, не различаемое уже произношеніемъ отъ ae, попало, вслѣдствіе этого смѣшенія, туда, гдѣ этимологически ему быть не слѣдовало бы; по теоріи же Корссена это ai развилось такъ:

tabela + is = tabelais, по отпаденіи s —
tabelai,

Библиотека "Руниверс"

а потому, оправдываясь этимологически, оно и не нуждается ни въ какой натяжкѣ.

Изъ того предположенія легко объясняются и всѣ варіанты n. pl. masc. основъ на o, представленные на нашей таблицѣ, такъ что вообще гипотезѣ Корссена должно дать предпочтеніе предъ остальными.

Впослѣдствіи этотъ ученый отступилъ отъ своего мнѣнія. Въ Ausspr. I², 747—759, разбирая тотъ же вопросъ и опровергая мнѣніе Шлейхера (Comp. p. 534 sqq.), сводящаго сигматическіе и не сигматическіе варіанты къ общему окончанію ājas, и Мейера, который производитъ сигматическія формы отъ несигматическихъ съ прибавкой суффикса pluralis s, Корссенъ (l. c. 756) указываетъ на мнѣніе Боппа, который (Vergl. Gramm. I, 449 sq.) видитъ въ сигматическихъ варіантахъ аналогизацію основъ на o основамъ на i (III скл.); опираясь на то, что эпиграфически эти варіанты позднѣе несигматическихъ, Корссенъ формулируетъ свое новое предположеніе слѣдующимъ образомъ: (стр. 758): die später als oe, ē, ei auftretenden Endungen es, eis, is des Nom. Plur. von nominalen wie von pronominalen Stämmen, die auf dem Boden der italischen Sprachen auf o auslauten, der Analogie der Formen des Nom. Pl. auf ES, EIS, IS von I- Stämmen gefolgt sind.

Ко разобраннымъ oino и ploirume см. Schn. I, 15. 29. 82. 83. II, 66—68; Benary, 59—67; Reisig, 72, § 55; 73, § 56; 181, § 119; 169, § 111. Lachm. ad Lucret. IV, 602, p. 244—246; Corss. Ausspr. I, 87. 110. 144. 156. 161. 171. 194. 198. 203. 220—222. 241. 252. 335; II, 147; Krit. Beitr. 379—380; Krit. Nachtr. 79. 296—297; Schuch. II, 81—82. 281—282; Büch. 27. 36—40. 53; Neue, I, 95—103; Merg. 100—104. 131—133: Kühn. I, 47, 5; 85, 1; 116, § 39, 2; 287, 17: 289, 18; 367, A. 10; 418, § 148, 1; Zell, R. Ep. II, 71. 74. Ritschl. tit. Aletr. Op. IV, 168. 173; Praenest. Lat. ib. 488; Pr. lat. ep. suppl. II, ib. 517; Mil. Popil. ib. 117; Vocales gem. ib. 161, невѣрное производство ploirumos изъ plovirumos, plovisumos: „ordiendum videtur a pristina quadam plovirumos (vel etiam antiquiore plovisumos) forma, unde vel v vel i extrita vel ploirumos fieret, vel plourumos“; cf. Praen. Lat. 490—491: „einem alten plovirumos (plovisumus) theils plovrumus, theils ploirumus (plisimus) entstammte“. Plaut. Exc. Op. II, 647—648; Quaest. onomat. Plaut. Op. III, 346—349. Garr. Syll. p. 571 sq,

COSENTIONT. Выше, при объясненіи формы patre, мы замѣтили, что такъ-называемый „соединительный гласный“ (Bindevocal) состав-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ не всѣми признаваемый постулатъ; вообще это такое явленіе, въ сущности котораго взгляды даже одного и того же лица въ разное время не одинаковы.

Окончаніе III ps. pl. ind. praes, III et IV coniugg. unt (арх. ont): tegunt, vestiunt, и pf. всѣхъ 4-хъ спрр.: portaverunt, terruerunt, texerunt, vestiverunt, соотвѣтствуетъ санскр. окончанію тѣхъ же формъ: anti: dadanti, santi etc. и древне-латинскому onti, уцѣлѣвшему въ единственномъ примѣрѣ tremonti (Carm. Sal. Fest. 205; Corss. I, 260 — 261; Merg. 256), съ чѣмъ можно сопоставить дорическое λύοντι (att. λύουσι изъ λύονσι) и др.-слав. ИД-МТЬ (в=i); въ другихъ случаяхъ окончаніе это утратило i: ont. Въ упомянутыхъ первоначальномъ anti Курціусъ (Г. и М. 46) принимаетъ a за соединительный гласный, nti подобно Боппу и Лепсіусу (ib. 28) за личный суффиксъ, состоящій изъ мѣстоименнаго корня ti (3 л. ед. ч.), усиленнаго носовымъ n для указанія на понятіе множественности; того же мнѣнія и Кюнеръ (I, 437, A[1]): „das n ist wahrscheinlich nur eingeschoben um die Form zu verstärken und dadurch von der des Sing. (то-есть ti) zu unterscheiden". Въ другомъ же мѣстѣ (Das Verbum, I, 66) Курціусъ принимаетъ въ окончаніи anti an за мѣстоименно-указательный корень въ значеніи „тотъ", „онъ", a ti за тожественное съ суф. 3 л. ед. ч.: „тотъ", „онъ"; какимъ образомъ значеніе всего an-ti: „онъ"+„онъ"=„они", толкованіе, которое Кюнеръ (l. c.) справедливо называетъ „zu künstlich", сознаваясь, что вообще это n передъ ti объяснить весьма трудно.

И въ окончаніи anti гласный a, какъ и въ основахъ II скл. (см. выше samnio) весьма рано понизился въ o:

dedrot C. I. L. I, 173.
dedro ib. 177. } соврем. разб. эпигр.
cosentiont 235—230 до P. X.

Neue, II, 389; Corss. I, 260—261; Kühn. I, 436, § 163; Ritschl, tit. Aletr. Op. IV, 180—181.

Но уже со времени Sc. de Bacan. (185) является unt: въ текстѣ этого памятника читаемъ классическія: sunt, erunt и полуархаическое consoluerunt; на Сорской надписи (ок. 150 г.): danunt, на mil. Popill. 131 г.: sunt; это же окончаніе господствуетъ въ текстѣ legis rep. ок. 122 и Генуэзской доски ок. 117. Вообще со времени Гракховъ формы на unt становятся господствующими Corss. I, 261; Kühn. I, 437, 1 2) и sont (рядомъ съ ludunt) на Алетринской надписи (C. I.

Библиотека "Руниверс"

L. I, 1166, ок. 130) въ эту пору является совершенно изолированнымъ остаткомъ древности („valde singulare vetustatis documentum", Ritschl, tit. Aletr. Op. IV, 181). Въ народномъ говорѣ ont сохранялось, какъ видно, до весьма поздняго періода и перешло въ романскіе языки, напримѣръ, итал. sono, servirono, фр. sont, serviront etc.
DVONORO= bonorum.

Однимъ изъ любопытныхъ явленій латинской фонетики слѣдуетъ считать переходъ архаическаго du, dv въ словахъ: duellum, Duellius, Duilius, duis, dvis, duonus, Duelona (Sc. de Bacan.), dvidens въ классическое b: bellum, Bellius [1]), Bilius, bis, bonus, Belona [2]), Bellona; ср. Duenos (Bennus?) Цвѣт. Ит. н. Ж. М. Н. Пр. іюль, 1882.

Корссенъ (I, 58—59), держась прежде мнѣнія Шнейдера (I. 228), предполагалъ здѣсь такой процессъ: подъ вліяніемъ зубно-губнаго v (изъ u) исчезло зубное d, а затѣмъ, ставшее начальнымъ v отвердѣло до степени b; но впослѣдствіи (Krit. Beitr. 63. 166; Krit. Nachtr. 77. 172 sqq. Ausspr. I, [2], 125), принимая во вниманіе то обстоятельство, что хотя въ формахъ viginti (изъ dvi-ginti) и suavis (изъ suadvis, ср. греч. ἁδ-ύς) и исчезло d передъ v, но само v не измѣнилось, Корссенъ объясняетъ дѣло иначе: подъ вліяніемъ зубно-губнаго v, d перешло въ губное b: bvis, bvellum, bvonus etc., и затѣмъ созвучіе bv сгладилось въ простое b: bis, bellum, bonus—объясненіе, принятое и Кюнеромъ (I, 102, 6). Такой же процессъ предполагается Корссеномъ и для boare, bos, греч. βοή, βοῦς) изъ gvoare, gvos (санскр. gu- звучать; gau- корова, кор. gov-, слав. гок-мдс, metathes. gvo) черезъ фазы bvoare, bvos.

OPTVMO=optimum, см. выше parisuma Taurasia и Samnio.

FVISE VIRO. Коршъ, защищающій (72—73) цѣлость втораго стиха разбираемаго эпиграфа, указываетъ для этой цѣли съ одной стороны въ формѣ fuise на долготу какъ и (см. выше fūit), такъ и е въ аористическомъ окончаніи se=греч. σαι τιμῆσαι, δουλῶσαι (Merg. 249. Büch. 15, A[1]; Neue, II, 405, § 29; Kühn. I, 65, 6; 447, § 167, 1),

---

[1]) Cic. or. XLV, 153 ut duellum bellum, et duis bis, sic Duellium eum, qui Poenos classe devicit, Bellium nominaverunt, cum superiores appellati essent semper Duellii»; но форма эта въ употребленіе не вошла, Quintil. inst. or. I, 4, 15.

[2]) BE⌊O⌊AI POCO⌊OM C. I. L. I, 44 описка диттографическаго характера, ви. Belonai; *Ritschl*, de fictil. lit. Op. IV, 294. 282; Pr. lat. ep. suppl. V, ib. 567; *Jordan*, Krit. Beitr. S. 7; ср. однако *Garr.* Syll. p. 143, n. 477, *Corss.* Aussp. I[2], 124.

Библиотека "Руниверс"

съ другой—на долготу гласнаго i въ словѣ vĭr, какъ родственномъ скр. vīras, греч. ἥρως, гот. vair (но класс. vĭr), такъ что съ опущеніемъ двухъ тезисовъ у Корша получается скандовка:

duonóro óptumó // fúisé víro.

LVCIOM, см. выше Lucius и Samnio.

SCIPIONE см. выше Taurasia.

FILIOS см. выше Samnio и Cornelio

FVĒT, DEDĒT: древній видъ соединительнаго гласнаго (класс. fuit, dedit), слившагося во второмъ случаѣ съ примѣтой основы dede- (изъ первоначальнаго dada-), ср. выше fuit; ср. также dedet, Henzen, Bull. dell' inst. 1873, p. 89—90; Garr. Syll. add. n. 2341; feced, надпись Дуэноса, Цвѣт.—Журн. Мин. Нар. Просв. іюль 1882.

CORSICA ALERIAQVE VRBE см. выше Taurasia, Samnio.

TEMPESTATEBVS—составляетъ аналогію съ предыдущими fuēt и dedēt: и здѣсь мы имѣемъ случай сохраненія древняго тона соедн. гласнаго ă въ ĕ: tempestat-e-bus, послѣдній примѣръ чего даетъ намъ Генуэзская доска 117 г. въ формѣ Dectuninebus, хотя въ народной латини e передъ суфф. bus держалось до весьма поздняго времени; формы domebus, fletebus, singultebus, fedelebus, omnebus и т. п. встрѣчаются даже въ VIII в. по Р. Х. (Schuch. II, 1; 10—11; Corss. I, 140, 295; Curt. T. u. M. 44; Merg. 109—110; Neue, I, 288—289; Kühn. I, 38, 2; Schn. I, 15; II, 269; Ritschl, Ep. Sor. Op. IV, 132; tit. Aletr. ib. 177; Die alt. Scip. ib. 224 A**; Syllab. ind. ib. 765).

Если же принимать здѣсь, какъ дѣлаетъ Бюхелеръ (123), e передъ bus за примѣту основы tempestati-, то такой подъемъ i въ e въ данномъ случаѣ весьма трудно объяснимъ; что же касается navebos на col. rostr., гдѣ можно бы, казалось, видѣть примѣръ этого подъема, то самое navebos есть уже черезчуръ аффектированная архаизація, а потому доказательствомъ служить не можетъ; если уже допускать мнѣніе Бюхелера, то не иначе, какъ съ условіемъ, что здѣсь повліяло народное произношеніе, часто предпочитавшее e классическому i (ср. выше aidiles).

Соглашаясь съ Ричлемъ (Die alt. Scip. Op. IV, 217; P. L. M. E. ecarr.) въ скандовкѣ этого стиха (см. выше переводъ текстовъ), мы не останавливаемся на вопросѣ о первоначальной долготѣ суффикса -bus, о чемъ см. Corss. I, 359; Merg. 109, § 102; Büch. 123; Kühn. I, 70, 13; Ritschl, Plautin. Exc. Op. II, 636.

Библиотека "Руниверс"

AIDE, см. выше Taurasia.

MERETO. И здѣсь мы находимъ е на мѣстѣ классическаго і не въ соединительномъ гласномъ, но въ примѣтѣ глагола II спр., и притомъ не въ первоначальномъ долгомъ видѣ, а, какъ показываетъ размѣръ:

dedét témpestátebus /aíde méréto(d) votam,

уже въ сокращенномъ, сравн. epigr. Soran.

donú danúnt Hércolei /máxsumé méréto

Epigr. Sor. Ritschl, Op. IV, 131; Zell, R. Ep. II, tab. III, 8; ср. mereto, Henzen—Bull. dell' inst. 1873, p. 89—90.

А что примѣта II спр. была когда-то во всѣхъ формахъ долгой—свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, классическія monēs, monēmus, monētis, monēbo etc., съ другой—эпиграфико-метрическіе остатки древности, какъ-напримѣръ:

aetáte quóm párva /pósidét hoc sáxsum

tit. K. ок. 138 г.,

куда относятся и нерѣдкія въ текстѣ Плавта скандовки: solét, lubét, habét etc., встрѣчающіяся иногда даже у поэтовъ золотаго вѣка (Corss. I, 350—351; Lachm. ad Lucr. II, 27, p. 75—77; Neue, II. 434 — 437; Merg. 187; Kühn. I, 64, A²; 68, β; 69, 11; Ritschl, Prolegg. Plaut. Op. V, 424—425).

Но вѣроятно, одновременно съ довольно раннимъ сокращеніемъ этой примѣты произошло и паденіе ея въ і въ супинѣ и производныхъ отъ него формахъ; такъ на tit. Flor. приблизительно современномъ разбираемому тексту, читается:

donum dat libens meritod (C. I. L. I, 190; Ritschl, de fictil. lit. Op. IV, 292; Corss. I, 289), хотя написаніе mereta встрѣчается еще въ tit. Aletr. (C. I. L. I, 1166; Ritschl, tit. Al. Op. IV, 177; ок. 130 г. до Р. Х.; ср. Epigr. Sor. ib. 132); вообще же ĕ передъ t держалось до самаго классическаго періода; такъ въ текстѣ legis Iuliae Munic. 45 г. до Р. Х. есть: habetabatur, sineto, intercedeto, что должно быть, по всей вѣроятности, приписано вліянію народнаго говора, гдѣ ĕ какъ вообще, такъ и въ частности передъ t было весьма распространеннымъ фонетическимъ явленіемъ (Schuch. II, 31—37; Corss. I, 290; Kühn. I, 644), отвоевавшимъ себѣ даже право гражданства въ: genetivus (засвидѣтельствованномъ древнѣйшими рукописями), genetrix, obstetrix, meretrix рядомъ съ genitus, genitivus (защищается Шульцемъ, Quaestt. orthogr. decas, 17—21),

Библиотека "Руниверс"

genitalis, genitrix, institor, meritorius, meritum, meritrix и т. п. варіантами, гдѣ выборъ затруднялъ уже самыхъ древнихъ грамматиковъ (Schn. I, 16—17; Schuch. II, 31—32; Lachm. ad Lucret. p. 15—16; Kühn. I, 79, 3).

Выше, при переводѣ tit. E мы приняли конъектуру Ричля

..... mereto(d) vota(m),

но сказать рѣшительно, mereto или meretod стояло на камнѣ—довольно трудно; послѣднее, впрочемъ, вѣроятнѣе потому, что глухое конечное d, кажется, лучше уживалось съ болѣе низкими тонами o, u, чѣмъ съ болѣе звучными a, e; на разобранномъ выше tit. B мы читаемъ Gnaivod patre, на почти современной ему Веронской бронзѣ (C. I. L. I, 181) aire moltaticod; на Болонской бронзовой полоскѣ (ib. 812—813) castud facitud (Ritschl, Ep.—gr. Miscell. Op. IV, 728); на упомянутомъ выше tit. Flor. meritod; на Люцерійскомъ камнѣ: ioudicatod, Momms. Eph. Ep. v. II, 1875, p. 205, n. 298; Garr. Syll. p. 561, n. 2327; eod, на Сполетской надписи радомъ съ quo, die, sine dolo, dolo malo, см. Bull. dell' inst. 1879, p. 67—68; Notizie degli scavi, 1879, p. 30; Garr. Syll. add. 1881, p. 10, n. 2381; надпись эта, впрочемъ, разсматривается Гарруччи какъ памятникъ намѣренной архаизаціи („affectatae antiquitatis exemplum", l. c.) meritod. Лишь со времени Sc. de Bacan. исчезаетъ это d въ основахъ на o: in agro Teurano стоитъ въ концѣ документа, въ самомъ же текстѣ его читаются еще: in oquoltod, in poplicod, in preivatod; награвированное тамъ же спорное PROMAGISTRATVO мы оставимъ въ сторонѣ, хотя и въ немъ возможно принять конечное o просто за описку рѣзчика вм. D. (Benary, 83; Corss I, 74; Neue, I, 359; Merg. 93; Büch. 95; Kühn. I, 114, 3; ср. выше Gnaivod).

Titulus F.

QVEI см. выше tit. B.

APICE INSIGNE, см. Taurasia.

FLAMINIS. Примѣръ productionis brevis syllabae in arsi, не безъ вліянія также и позиціи; такія явленія встрѣчаются и у классическихъ поэтовъ, напримѣръ, Verg. Aen. XI, 69:

seu mollis violae seu languentis hyacinthi (ср. Kühn. I, 69, 12).

Само по себѣ имя flamen принадлежитъ къ основамъ на согласную a суфф. род. ед. ĭs кратко, какъ развившееся изъ первоначальнаго краткаго же ăs (Büch. 59—60; Merg. 72; Neue, I, 190—191;

Библиотека "Руниверс"

Kühn. I, 174, 3); единственный же примѣръ parenteis изъ эпохи Суллы:

amor parenteis, quem dedit natae suae (C. I. L. I, 1009)

едва ли можетъ служить доказательствомъ противнаго, такъ какъ это, вѣроятно, просто ошибка, „ein Versehen des Arbeiters", по мнѣнію Нёйе (I, 191); также и думалъ Ричль: „es wäre ja ein wahres Wunder, wenn unter Hunderten von Monumenten nicht ein einziges auch einmal ei für ī fälschlich geben sollte" (Plaut. Exc. Op. II, 643); „der Genitiv parenteis in der römischen Grabschrift der Licinia Eucharis hat noch ein Recht unter den wirklichen Ausnahmen zu erscheinen, welche durch ihre Seltenheit die Regel nur bestätigen. Und in dieser Inschrift fehlt es ja nicht an andern Verschreibungen, wie ocule corrigirt in oculo, infistae für infestae, tacent für iacent", ib. A**.

GESISTEI, примѣръ написанія ei вм. обыкновеннаго долгаго ī, ср. выше quei. Само по себѣ окончаніе II л. изъяв. пр. сов. sti, происшедшее съ греческимъ σθᾰ (οἶσθα, ἦσθα, πάθησθα, βάλησθα) изъ первоначальнаго thă (scr. dadithă=dedisti), при чемъ st (σθ) является лишь звуковымъ усиленіемъ („eine lautliche Erweiterung") для t или th (Curt. T. u. M. 22—23), или сформировавшееся изъ отзвука глагола esse—s съ прибавленіемъ того же thă: s-thă, stă, stī (Kühn. I, 434, § 161, 2), или же наконецъ возникшее путемъ наслоенія суффиксовъ изъ обыкновеннаго s (ama-s, mone-s, τίθη-ς, δίδω-ς)+упомянутое thă (tă, tī) (Merg. 254; ср. Neue II, 389)—должно было бы оставаться краткимъ: stĭ, но, какъ мы уже замѣчали выше (см. quei), productio является здѣсь спеціально-латинскимъ фактомъ, гарантирующимъ цѣлость окончанія, существенно важнаго для неизмѣняемости значенія извѣстной формы (Merg. 81, 155, 216, 254).

ŌMNIA какъ ōmnja, ср. ниже mieis.

BRĒVIA, brēvja
INGĒNIVM, ingēnjum } примѣры productionis подъ вліяніемъ полугласнаго j, Kühn. I, 94.

HONŌS. Выше, при разборѣ формы ploirume, мы упоминали о родствѣ между r и s и о частомъ въ лат. яз. переходѣ послѣдняго въ первое между двумя гласными. Это же явленіе имѣетъ мѣсто и въ падежныхъ формахъ основъ на s (nom. as, es, is, os, us), напримѣръ, mas, pubes, glis, flos, mus. Передъ всѣми, начинающимися гласнымъ звукомъ, суффиксами падежей основное s, опирающееся также на гласный, за исключеніемъ vas—vasis и as—assis, переходитъ въ r: maris, puberis, gliris, floris, muris; mari, puberi, gliri, flori, muri, etc. Въ архаической же латини встрѣчаются примѣры сохра-

Библиотека "Руниверс"

нія основнаго s, о чемъ свидѣтельствуютъ и древніе грамматики. Такое постоянство ротацизма въ косвенныхъ падежахъ не осталось, конечно, безъ вліянія и на именительный, гдѣ весьма рано, въ древнѣйшихъ памятникахъ, замѣчается колебаніе между конечными s и r.

Что касается въ частности основъ на os, то изъ нихъ только односложныя: flos, glos, mos, os (лицо), и ros окончательно удержали въ nom. архаическую примѣту s; въ многосложныхъ же преобладаетъ or: aegror, algor, amor, arbor, calor, color, dolor, favor, honor etc., рядомъ съ которыми держится иногда и древнее aegros, algos, amos, arbos и др. Исключается одно lepos, варіантъ котораго lepor не встрѣчается, хотя Agroetius, грамматикъ V в. по Р. Х., въ своемъ сочиненіи „de orthographia et proprietate et differentia sermonis" предлагаетъ такого рода различеніе, что „lepor—iucunditas voluptatis, lepos—eloquii" (p. 2272; Neue, I, 168; Kühn. I, 189, c, 6.).

Для нашего honos такой nominativus можетъ назваться даже гораздо употребительнѣйшимъ, а у нѣкоторыхъ авторовъ, какъ напримѣръ, у Цицерона, Ливія и Виргилія, онъ почти—у послѣдняго совершенно—исключаетъ параллельное honor. И въ разбираемыхъ памятникахъ honos встрѣчается два раза (titt. F. K.), honor только разъ, tit. L. Schn. II, 176, ср. I, 343; Lachm. ad Lucret. IV, 1260, p. 423—424. Büchel. 16—17; Neue, I, 169—170; Kühn. I, 190.

Относительно количества окончаній os и or можно замѣтить, что оба они были первоначально долги, но дальнѣйшая судьба ихъ была неодинакова. Уже со времени Плавта начинается сокращеніе именъ на or ямбическаго размѣра, напримѣръ, sŏrŏr, ămŏr, pŭdŏr въ пиррихій sŏrŏr, ămŏr, pŭdŏr, хотя въ его же текстѣ встрѣчаются и sorōr, uxōr, amōr и т. п., напримѣръ.

í, sorór, abscéde tu á me... (Poenul. I, 2, 151).

hóstis ést uxór invita... (Stich. I, 2, 83).

Ritschl, Prolegg. de rat. emend. Plaut. Op. V, 416—417; Corss. 1, 364; Merg. 50; Neue, I, 170—171; Kühn. I, 70, 16.

И у классическихъ поэтовъ, въ эпоху которыхъ or не только въ nom. sg., но и повсемѣстно въ концѣ словъ сократилось, есть примѣры старины, извиняемые обыкновенно метрическими основаніями Таковъ извѣстный стихъ Виргилія:

omnia vincit Amŏr//et nos cedamus Amori (Ecl. X, 69)

или: considant, si tantus amŏr//, ei moenia condant (Aen. XI, 323), гдѣ такая акцентовка можетъ быть оправдана вліяніемъ арсиса предъ цезурой.

Библиотека "Руниверс"

Напротивъ, окончаніе os удержало свою первоначальную долготу не только въ архаической поэзіи:

honṓs famá vertúsque... tit. F.
nón honṓs honóre... tit. K.,

но даже и въ классической, что замѣчено извѣстнымъ комментаторомъ Вергилія Сервіемъ: „tunc r in s mutatur, cum longa opus est syllaba, ut colŏr colōs, labŏr lapōs, honŏr et honōs“ (Verg. Georg. II, 256; Neue, I, 168). Для объясненія этого факта Мерге (50—51) предлагаетъ весьма остроумную гипотезу: извѣстно, что древнее ōs является въ сокращенномъ видѣ за исключеніемъ lepŏs, venŏs, vetŏs, класс. lepŭs, venŭs, vetŭs лишь въ именахъ средняго рода; такъ въ comparatt. meliŏs, peiŏs, maiŏs, minŏs, doctiŏs, stultiŏs и т. п. и въ другихъ neutra: corpŏs, facinŏs, genŏs, tempŏs, vulnŏs и др., откуда съ паденіемъ ŏ въ ŭ получаются класс. meliŭs, peiŭs, maiŭs, minŭs, doctiŭs, stultiŭs, corpŭs, facinŭs, genŭs, tempŭs, vulnŭs etc.; подобное постоянство соединенія ŏs, ŭs съ понятіями средняго рода могло подать поводъ къ такого рода диффенцированію, что въ именахъ муж. р. съ классическимъ nomin. на ŏr въ видѣ параллельной формы удержалось не ŏs, ставшее почти неотъемлемою принадлежностью именъ ср. р., а древнее ōs даже и тамъ, гдѣ коренное o было краткимъ, что мы видимъ въ единственномъ femin. arbōs рядомъ съ класс. arbŏr, arbŏris, которое именно вслѣдствіе своей единичности легко подчинилось распространенному параллелизму формъ муж. рода на ŏr и ōs.

FAMÁ, см. выше formá.

SEI. По своему происхожденію условное si, какъ намъ кажется, можетъ быть поставлено въ связь съ мѣстоименно-указательнымъ корнемъ sa (этотъ) [1]), который въ 4-хъ формахъ sum, sam, sos, sas (=eum, eam, eos, eas) указанъ въ текстѣ Эннія Фестомъ. Корень этотъ, безъ сомнѣнія, въ этимологическомъ родствѣ съ такими формами, какъ скр. sas (этотъ), греч. σφε σφι (не съ ŏ, ă, какъ думаетъ Кюнеръ, I, 391, § 135, 1. ср. выше honc), лат. sic, архаич. ipsos, ipsus (клас. ipse), sapsa, reapse, sirempse (Corss. II. 64—273—275;

[1]) По Корссену (Aussprr. I², 778—9)—отъ корня *sva* «selbst» значеніе locat. masc. *sei* измѣнялось по мнѣнію этого ученаго сл. обр.: «da, zeitlich: dann oder beides bedeutet, dann... die demonstrative Bedeutung in die relative überging: wo, wann, endlich auf Bedingungssätze verwandt: wenn», генезисъ, для меня по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ понятный.

Библиотека "Руниверс"

Merg. 166; Neue, II, 197 — 198; Kühn. I, 151, a; 389, 9; 693; Ritschl, „siremps" in der lex Rubria. Op. IV, 56—63; Nachträge zu der lex Rub. ib. 74—81). Въ частности мы принимаемъ si за́ форму locativi fem. основы sa- въ первоначальномъ значеніи: на этомъ мѣстѣ, здѣсь.

Прежде чѣмъ дать фонетическое объясненіе нашего производства, мы постараемся показать, какимъ образомъ мѣстное значеніе здѣсь могло выработаться въ условное.

Извѣстно, что понятія мѣста и времени весьма близко граничатъ одно съ другимъ: мы даже не въ силахъ представить себѣ временной моментъ иначе, какъ въ образѣ протяженія въ пространствѣ, и ассоціація по времени есть только видъ ассоціаціи по пространству, по смежности. Такимъ образомъ идея времени легко вызываетъ идею пространства, и на оборотъ, послѣдней не трудно сформироваться въ представленіе о времени: изъ понятія здѣсь можетъ явиться понятіе теперь, то-есть, понятіе о моментѣ времени, совмѣстномъ съ даннымъ моментомъ бытія говорящаго лица. Но въ нашемъ мышленіи идея настоящаго не ограничивается представленіемъ одного только дѣйствительно сосуществующаго съ нашею рѣчью временнаго момента; силою воображенія мы можемъ распространить эту идею, съ одной стороны, на факты поры минувшей, съ другой—на область будущаго; и прошедшія и будущія событія мы въ состояніи заставить мысленно пройдти предъ нашими глазами, такъ что ихъ воображаемое бытіе становится въ нашемъ представленіи также настоящимъ. Въ силу этого и выраженіе „теперь" можетъ указывать не только на фактъ дѣйствительно настоящій, но и на представляемый, мыслимый какъ таковой, короче говоря—въ прегнантномъ значеніи „теперь" можетъ получить смыслъ: представимъ, положимъ, откуда уже недалекъ переходъ и къ чисто-условному „если".

Что касается фонетической стороны нашего производства, то она затрудненій не представляетъ. Корнемъ мѣстоименія sos было созвучіе sa, точнѣе sva, удержавшееся въ древне-латинскомъ нарѣчіи svad, о которомъ Фестъ сообщаетъ, что svad ted idem ait esse (Verrius Flaccus): sic te" (Corss. I, 64, 274); по своей формѣ это svad есть ablat. sg. fem. въ значеніи такъ, такимъ образомъ.

Мѣстный падежъ ед. ч. основы sva, равнозвучной корню, съ прибавленіемъ суффикса i (скр. suhrid-i, nom. suhrit- другъ; греч. χαμα-ί, лат. hum-i, dom-i, rur-i, Büch. 117, Merg. 81—62; Neue, I, 1) будетъ svai, форма, сохранившаяся въ древне-осскомъ svai = лат. si

Библиотека "Руниверс"

(Corss. I, 191 — 192; ср. Kühn. I, 178, 12). Дальнѣйшій генезисъ этой формы такой же, что мы видѣли въ вышеобъясненномъ Lucius изъ гипотетическаго Lucaiias: дифтонгъ ai формируется въ ae: svae, удержавшееся въ позднѣйшемъ осскомъ нарѣчіи (Corss. l. c.); созвучіе ae переходитъ въ простое e: sve форма умбрійскаго діалекта. Параллельно шли фонетическія модуляціи и въ латинскомъ, съ тою впрочемъ разницей, что здѣсь мы встрѣчаемъ данный корень съ утратой придыхательнаго v: sa; основа ж. р.: sa, locat. sai, sae, se; послѣднее сохранилось въ вольскомъ se (=sī) и въ лат. ni-se (lex Rubr. Corss. I, 227; Neue, II, 804; Kühn. I, 631, 11; Ritschl lex Rubr. Op. IV, 50, 66), qua-se: „sibe et quase scriptum in multorum libris est", Quint. inst. or. I, 7, 24; Schuch. Voc. II, 50; дѣйствительно, se и quase хирографически засвидѣтельствованы въ нѣкоторыхъ кодексахъ Плавта, Цицерона, Вергилія, Ливія и Фронтона (Neue, II, 804—805; Lachm. ad Lucret. II, 291, p. 91; Ritschl, Plaut. Exc. Op. II, 631); затѣмъ прежде окончательнаго паденія ē въ ī (класс. sī) форма sē прошла черезъ довольно употребительную въ архаической латини фазу sei, кромѣ нашего мѣста встрѣчающуюся еще, напримѣръ, въ sc. de Bacan. sei ques esent... 185 г., tit. Bant. (C. I. L. I. 197, 133—118 до Р. Х., lex repet. ib. 198, 123—122 г., tit. Genuat. ib. 199, 117 г., lex agr. ib. 200, 111 г., lex Rubr., lex Iul. Munic. etc. (Schn. I, 70; Corss. I, 227—228; Kühn., Neue., Ritschl, ll. cc; Garr. Syll. p. 574, add. 1881, p. 10, n. 2381. Momms. Eph. ep. v. II, 1875, p. 205, n. 298. Условное значеніе выработалось изъ мѣстнаго, вѣроятно, и въ греческомъ εἰ, locat. мѣст.-указ. корня ι; это же касается латинскаго sic (seic, C. I. L. I, 818), тожественнаго по происхожденію съ нашимъ sī (Corss. II; 64, 275, 277; Merg. 82; Kuhn. I, 693, 4), то въ немъ указательно-модальное значеніе, выработавшись изъ указательно-мѣстнаго, удержалось благодаря усиленію аффиксомъ ce (ср. выше honc).

TIBE, SIBEI (tit. L.), MI (=mihi, ibid.). Что въ основѣ этихъ 3-хъ dativi: mihi, tibi, sibi лежатъ мѣстоименные корни ma, tva, sva, сохранившіеся въ санскритѣ и родственныхъ съ нимъ языкахъ индоевропейской семьи, и что всѣ три формы образованы однимъ суффиксомъ, это ясно; взгляды ученыхъ расходятся только въ томъ вопросѣ, какой именно здѣсь суффиксъ, и какого онъ происхожденія: чисто ли латинскаго, или же общаго индо-европейскаго.

По мнѣнію Мерге (91—92), суффиксъ bi въ tibi, sibi, ubi, ibi и вызванный диссимиляціей подъ вліяніемъ губнаго m варіантъ его hi

Библиотека "Руниверс"

въ mihi нельзя производить ни отъ санскр. bhjam (въ mahjam tubhjam=mihi, tibi), потому что въ такомъ случаѣ конечное am или по крайней мѣрѣ m сохранились бы и въ латинскомъ, ни отъ санскр. bhi, гласный котораго кратокъ, тогда какъ написаніями mihei (C. I. L. I, 1016; 1277; IV, 1846) tibei (C. I. L. I, 542. 1453) sibei (tit. L.; вообще нерѣдкая форма, напримѣръ, C. I. L. I, 196. 198. 200. 205 etc.), ubei, ibei (Sc. de Bacan. Corss. I, 226—227; Neue, II, 180) засвидѣтельствована первоначальная долгота суффикса bi. Поэтому Мерге предлагаетъ видѣть въ окончаніяхъ be, bei, bi лишь параллельные, усиленные согласнымъ звукомъ варіанты обыкновеннаго окончанія dativi ē (изъ ai), ei, i (см. выше virtutei): „bi, bei stellt sich als eine nur durch eingetretenen Consonanten von dem gewöhnlichem i, ei verschiedene Nebenform dieses letztern dar“, но изъ этого объясненія не видно, почему же для усиленія послужилъ именно b-звукъ, а не какой-либо другой, не видно причины и самаго усиленія.

Ближе къ истинѣ гипотезы Рейзига, Корссена и Кюнера.

Первый (178, § 122), не вдаваясь въ подробности, выводитъ mihi, tibi, sibi изъ ἀμίν, τίν (вол.; Гом. τεῖν), σφί(ν); хотя въ данномъ случаѣ и нельзя признать непосредственнаго генетическаго преемства между греческими и латинскими формами, но родство между ними, какъ увидимъ, несомнѣнно.

Корссенъ (I, 340; II, 148; Krit. Beitr. 506. 553—554; Krit. Nachtr. 205—207; Ausspr. I², 783; ср. Neue, II, 179—180, 218—219) признаетъ за общій суффиксъ для трехъ разбираемыхъ формъ—bhjam. Предполагаемый имъ генезисъ такого рода: bhjam на классической почвѣ явилось въ гипотетическомъ fiem, съ переходнымъ bh въ f, напримѣръ:

лат. scrofa,	греч. γρόμφας,	санскр.	√	scrabh
„ tofus,	„ τόφος,	„	√	stabh
„ fero,	„ φέρω,	„	√	bhar
„ fuo,	„ φύω,	„	√	bhu, ср. Benary, 145.

и съ паденіемъ a въ e; въ греческомъ это fiem путемъ стяженія гласныхъ выработалось въ φῖν, весьма рано сократившееся въ φῖν, по отпаденіи ν—φῖ: αὐτόφῖ (ν), ἰκριόφι(ν), ἤφι(ν) βίηφ(ν) etc.; затѣмъ черезъ фазу ἰν явилось ἰν, сохранившееся въ ἐμίν, τίν (τεῖν). Изъ италійскихъ нарѣчій древнее fiem наиболѣе цѣлостно сохранилось въ стяженномъ умбрійскомъ fēm vapefem, Corss. Krit. Nachtr. 206. 218, съ отпаденіемъ m: fē: ifē, tefē (ibi, tibi); отсюда развились 1) диссимилированный варіантъ hē: mehē (умбр. =лат. mihē, C. I. L.

Библиотека "Руниверс"

I, 1049), 2) bē въ tibē, ясно засвидѣтельствованномъ только въ разбираемомъ эпиграфѣ (Schneid., I, 15; Neue, II, 180), и въ болѣе частномъ sibē (C. I. L. I, 1267. III, 1808. V, 300. 379. 398 etc. Neue l. c.; Schn. I, 69; ср. вышепривед. мѣсто Квинтиліана). Что же касается перехода f, съ одной стороны, въ h, съ другой—въ b, то вслѣдствіе близкаго родства между всѣми тремя звуками, онъ фонетическихъ затрудненій не представляетъ и оправдывается такими примѣрами, какъ:

f въ h:		f въ b:	
fasena (sabin.)	harena	umbr. prufe	probe
fedus (sabin.)	hedus	„ tafla	tabula
farreum	horreum	„ trifor	tribus (dat.)
fariolus	hariolus	греч. ἀμφί	ambo
fanula	hanula etc.	„ ὀμφαλός	umbilicus etc.
Corss. I, 47—48; Kühn. I, 102, 3.		Corss. I, 65, Kühn. I, 103.	

Дальнѣйшій генезисъ полученныхъ такимъ образомъ формъ mihē, tibē, sibē понятенъ: mihē, tibē, sibē—mihēi, tibēi, sibēi—mihī, tibī, sibī, со времени уже Плавта класс. mihy, tibY, sibY (Ritschl, Prolegg. Plaut p. 169; Corss. I, 339; Buch. 111, § 289; Kühn. I, 65, 7; 379, 4), при чемъ, по преданію, иногда держалось и древнее написаніе черезъ ēi, напримѣръ:

de decuma victŏr tĭbēi Lucius Mumius donum (C. I. L. I, 542; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 97).

maiorum optenui laudem, út sĭbēi me esse creatum laetentur tit. L.

Здѣсь tibei и sibei представляютъ собою пиррихій.

Такимъ образомъ по гипотезѣ Корссена генезисъ разбираемыхъ формъ былъ таковъ:

первонач. ma, tva, sva+bhjam

греко-италійскія.

me-fiem		te-fiem		se-fiem	
греч.	итал.	греч.	итал.	греч.	итал.
ἐ-με-φῖν	me-fem	τε-φῖν	te-fem	σε-φῖν	se-fem
ἐ-με-φῖν	me-fe	τε-φῖν	te-fe	σε-φῖν	se-fe
ἐ-με-ῖν	me-he mi-he	τε-ῖν	te-fe ti-be	σ -φῖν	se-te si-be
ἐ-με-ῖν	mi-hei	τε-ῖν	ti-bei	σ -φί	se-fi, sefi si-bei
ἐ-μ-ῖν	mi-hī	τ -ῖν	ti-bī		см. выше sibī
	mi-hY		ti-bY		parisuma sibY

Библиотека "Руниверс"

Простота и наглядность этой гипотезы заставляютъ насъ отдать ей предпочтеніе какъ надъ упомянутыми теоріями Рейзига и Мерге, такъ и надъ мнѣніемъ Бенари (204) и Кюнера (I, 379, 4; 688, § 227, A; ср. Büch. 112), которые считаютъ общимъ суффиксомъ bhi, при чемъ остается не объясненною первоначальная долгота окончаній въ mihei, tibei, sibei.

Встрѣчающееся со времени Плавта стяженіе mihi въ mi (mei, Ritschl, Prolegg. Pl. 291. 347; Corss. I. 52; Lachm. ad Lucret. IV, 602, p. 245—246; Büch. 112; Neue, II, 180; Kühn. I, 379—380), попадается въ tit. L, гдѣ впрочемъ Ричль (Pr. lat. ep. suppl. III, Op. IV, 537—540 ср. P. L. M. E. enarr. t. c.) считаетъ вырѣзанное на камнѣ PROGENIEMIGENVI просто опиской вм. PROGENIEMGENVI, тогда какъ Моммсенъ (C. I. L. I, 38 enarr.) принимаетъ написанное такъ, какъ оно есть, и скандируетъ per synecphonesim:

prŏgĕnjĕ mi gĕnŭi:

„est autem hoc rarissimum et antiquiorum poetarum proprium συνεκφωνήσεως genus, in quo i vocalis ita delitescit, ut syllabam non faciat longam", замѣчаетъ о такой синекфонезѣ Лахманъ (ad Lucret. II, 991, p. 129).

При скандовкѣ нашего стиха приходится форму tibe читать моносиллабически:

quibús sei in lónga licui // sét tibe útier vita, Corss. II, 420, Ritschl, P. L. M. E. en.

quibus seí in longá licuíset // tíbe utiér vita, Büch. 113; Korsch, de v. s. 77. 126.

VTIER весьма любопытная и доселѣ еще загадочная форма inf. praes. pass., встрѣчающаяся въ количествѣ всего около 356 примѣровъ со времени законовъ XII досокъ (V в. до Р. Х) до эпохи Авзонія и Арнобія (IV в. по Р. Х.), эпиграфически несомнѣнно засвидѣтельствованная въ Sc. de Bacan. (185 г.), гдѣ читаются gnoscier и figier, и въ почти современномъ этому памятнику элогіи F. utier. Болѣе раннихъ, несомнѣнно переданныхъ случаевъ употребленія inf. на ier эпиграфически нѣтъ.

Обыкновенныя классическія формы на I встрѣчаются также довольно рано: по свидѣтельству Цицерона (de leg. II, 24. 61), уже въ текстѣ XII досокъ были infinitivi adici, capi, вм. adicier, capier; но монументальное подтвержденіе они находятъ себѣ только со времени Генуэзской доски (C. I. L. I, 199, 117 г.), гдѣ исключительно чи-

Библиотека "Руниверс"

таются statui, sequi, frui, solvei, mittei, liberi (описка вм. liberari), хотя въ текстѣ комиковъ Плавта и Теренція формы на i употребительнѣе архаическихъ на ier (Reisig, 240, § 148; Zell, R. Ep. II, 76; Neue, II, 406—410; Merg. 248; Kühn. I, 448, § 168).

Наиболѣе простое объясненіе въ данномъ случаѣ предложено Кюнеромъ (I, 447, § 167, 2; здѣсь и литература вопроса), который выводитъ inf. pass. на ier и rier изъ inf. act. такимъ путемъ: въ I, II и IV спрр. къ усѣченнымъ формамъ amar-, docer-, audir-, для образованія именныхъ основъ присоединяется суффиксъ ia (ср. audac-ia, sapient-ia, miser-ia, temperant-ia и др.); для сообщенія этимъ основамъ возвратно-страдательнаго значенія, къ нимъ прибавляется еще accus. pr. reflex. se: amariase, doceriase, audiriase; s между двумя гласными переходитъ въ r, подъ вліяніемъ котораго предыдущее a понижается въ e: amariere, doceriere, audiriere, а съ отпаденіемъ конечнаго гласнаго: amarier, docerier, audirier. Въ III согласномъ спряженіи окончаніе iase, iare, iere, ier присоединяется къ корню глагола: reg—ier. Наконецъ, изъ формъ amarier, docerier, regier, audirier по отпаденіи конечнаго r и по стяженіи ie въ i являются классическія amarī, docerī, regī, audirī. О скандовкѣ utier какъ utjer см. ниже mieis.

Болѣе сложно объясненіе Корссена, который въ данномъ случаѣ принимаетъ такой процессъ (II², 478—479): къ глагольной основѣ, напримѣръ, da, присоединился сперва именной суффиксъ as въ видѣ -s: da-s; къ этой основѣ для образованія глагольнаго существительнаго прибавленъ суффиксъ-ia (ж. р.), какъ напр., въ cu-r-ia, glo-r-ia изъ cu-s-ia, glo-s-ia; для сообщенія основѣ da-s-ia- возвратнаго, а затѣмъ и страдательнаго значенія, съ нею соединяется accus. pron. reflex. se: da-s-ia-se, da-s ie-se; затѣмъ это da-s-ie-se измѣняется сообразно законамъ латинской фонетики въ I. da-s-ie-s, da-r-ie-r, II. da-s-i, da-r-i. Въ согласныхъ основахъ (III стр.) inf. pass. образуется безъ суффикса as: ag-ia-se, ag-ie-s, ag-ie-r, ag-i.

Любопытно, что классическая форма inf. pass. на r i читается уже въ надписи Дуэноса (pacari), которую ученые склонны считать древнѣйшимъ памятникомъ латинской письменности; см. Цвѣтаевъ, Ит. надп. Ж. М. Н. Пр. Іюль 1882.

FACILE. Коршъ, касаясь разбираемаго элогія (de v. s. 81), говоритъ: quo iure homines docti (то-есть, Ричль, P. L. M. E. enarr. t. c., Buch. 97; ср. у самаго Корша стр. 81, 126) legant

facilĕ facteis superāses // glōriām maiōrum,

Библиотека "Руниверс"

ipsi viderint: neque enim demonstratum est hoc e ablativi esse *(какъ думаетъ Бюхелеръ, l. c.) Дѣйствительно, хотя въ латини есть много нарѣчій, гдѣ ясно видна форма ablat., напр., facilumed (Sc. de Bacan.), и по отпаденіи d: facilimē, clarissimē, clarē, doctē, (но benĕ malĕ), frustrā, extrā, suprā, continuō, certō, mutuō, rarō etc. etc., но есть и такія, гдѣ ничто не препятствуетъ видѣть nom. sg. neutr. ceterum, multum, plus, plurimum, solum, tantum, quantum, paulum, parum, recens, facilĕ, impunĕ, ср. греч. μόνον, πολύ, ἡδύ, русск. хорошо, худо, весело, грустно и т. п., а въ такомъ случаѣ наше făcĭlĕ есть трибрахъ, и стихъ возможно безъ всякой натяжки скандировать съ разрѣшеніемъ 1-го ямба:

facíle facteís superáses // glóriám maiórum,

какъ и читаетъ Корссенъ (II, 420. 460); ср. Plaut. Men. 876:

qui ví me cógunt, út vălĭdus insăniám;

Neue, II, 679; Kühn. I, 143. 677 sq.

FACTEIS. Во множ. числѣ латинскій языкъ не дѣлаетъ различія между dat. и ablat.; ихъ тожественное происхожденіе очевидно тѣмъ болѣе, что еще на почвѣ санскрита оба падежа одного и того же образованія. Откуда произвести ихъ латинскій суффиксъ ĭs, встрѣчающійся преимущественно въ I и II скл.: silva-ĭs, agro-ĭs, класс. silvīs, agrīs, и стоитъ ли онъ въ генетической связи съ другими суффиксами тѣхъ же падежей: bis, bus, или же развился независимо отъ нихъ,—вотъ вопросы, на которые ученые отвѣчаютъ различно. Такъ Рейзигъ (69, § 53; 72, § 55) производитъ окончаніе is въ I и II скл. прямо отъ греческихъ αις и οις, отдѣляя его по происхожденію отъ другихъ варіантовъ, которые онъ считаетъ остаткомъ древне-италійской отрасли языка („als Rest altitalischen Stammes“).

Принципъ раздѣльности лежитъ въ основѣ взгляда и Бюхелера, который (122—130) всѣ три варіанта возводитъ къ различнымъ началамъ; такъ, суфф. bus (serva-bus, amici-bus, reg-i-bus, artu-bus, die-bus) по его мнѣнію развился изъ bhjas (суфф. dat. abl. plur.); bīs (no-bis vo-bis) суфф. dat. sg. bi (tibi, sibi, ubi, ibi) + знакъ plur. s: bī-s (взглядъ, высказанный еще Дюнцеромъ Kuhn's Zeitschr. XVII, 51); что же касается ĭs въ гипотетическихъ silva-ĭs, agro-ĭs, то здѣсь Бюхелеръ признаетъ аналогичную формацію ись греческими ὅλα-ι-ς, ἀγρο-ῖ-ς, образованными съ помощью суфф. locativi pl. σι (scr. su), Гом. θεο-ῖ-σι, πόλῃ-σι и т. п.

Иначе распредѣляетъ наши суффиксы Бенари (Lautl. I. 204-207): bŭs и ĭs онъ производитъ отъ скр. суфф. instrum. bhĭs: „das b hatte

den Einfluss das kurze ĭ in das ihm beliebtere ŭ zu verwandeln"; для суффикса же bĭs онъ предполагаетъ стяженіе изъ bhjas.

Наконецъ Мерге (113—117), указывая на то, что въ кругу значеній лат. ablativi мы находимъ еще ясные слѣды самостоятельныхъ нѣкогда (какъ въ санскритѣ) падежей instrumentalis и locativi, предполагаетъ въ существованіи различныхъ суффиксовъ ablativi не что иное, какъ внѣшнее констатированіе факта указаннаго внутренняго объединенія въ одинъ падежъ столь разнообразныхъ функцій. Въ частности суффиксъ bus онъ производитъ изъ bhjas (ср. Kühn. I, 177, 10), созвучіе bĭs изъ bhĭs, при чемъ удлиненіе гласнаго ĭ объясняетъ стремленіемъ къ аналогіи съ ĭs въ I и II скл.; наконецъ, варіантъ ĭs вывѣтвился, по Мерге, изъ того же bhĭs, по всей вѣроятности, не безъ вліянія родственныхъ ὕλα-ις и ἀγρο-ῖς.

Изъ унитаристическихъ теорій отмѣтимъ принимаемую и Шлейхеромъ гипотезу Боппа (I, 424, 485 A. 2; ср. Merg. 113, Corss. Crit. Nachtr. 213), который всѣ три разновидности: bus, bĭs и is выводитъ изъ bhjas, черезъ посредствующую фазу bios, bius, съ утратой i: bŭs, по стяженіи iu въ ĭ: bĭs, по исчезновеніи b: is, процессъ, не особенно вѣроятный, какъ и замѣтилъ Корссенъ; въ Krit. Nachtr. 216 онъ, принимая въ основѣ теорію Боппа, исправляетъ ея слабую сторону тѣмъ, что предполагаетъ въ суффиксѣ bhjas на италійской почвѣ переходъ bh въ f (ср. выше tibe): fjas, fias, а въ этой фазѣ принимаетъ весьма раннее раздвоеніе fius—fies (ср. лат. dius—diurnus, и dies—ho-dier-nus отъ одной основы diva-). Изъ fius по выпаденіи i явилось fus, а отсюда 1) лат. bus и 2) умбр. us (изъ hus); изъ fies по стяженіи ie въ ĭ: fis (ср. siet-sīt), отсюда 1) bĭs и 2) is (изъ his); ср. Ausspr., I², 764.

Общій недостатокъ всѣхъ унитаристическихъ теорій въ данномъ случаѣ тотъ, что, принимая для объединенія различныхъ варіантовъ въ одномъ началѣ довольно форсированные звуковые переходы, онѣ ставятъ притомъ очень трудную задачу: на какомъ же основаніи, въ силу какихъ внутреннихъ потребностей возникли разбираемые варіанты? Рѣшенія этой задачи доселѣ не предложено, да — судя по трудности вопроса — оно едва ли и возможно (Merg. 113—114); а потому намъ кажется удобнѣйшимъ признать одну изъ дифференцирующихъ гипотезъ, именно Мерге, какъ обоснованную внутренно, и не страдающую насиліемъ надъ фонетическими законами языка.

Перейдемъ къ морфологической формаціи нашего facteis. Къ именной основѣ facto присоединился указанный суффиксъ ĭs: factoĭs;

Библиотека "Руниверс"

но въ такомъ чистомъ видѣ латинское нарѣчіе не сохранило ни одной формы; suois cnatois у Моммсена причисляется къ сабельскому или пелигнскому діалекту. Возможно, что слѣдующая фаза развитія была factoes (ср. выше oino, ploirume), но помимо двухъ примѣровъ у Феста: ab oloes (ab illis; ille, арх. ollus, осн., ollo-, olo-) и prvicloes (=privis), возстановленнаго изъ рукоп. privicllioes (p. 19, 3; ed. Müller, 205), она также не сохранилась; поэтому, кажется, можно принять наше facteis развившимся прямо изъ *factois съ ослабленіемъ o въ e; такимъ образомъ, здѣсь ei еще, вѣроятно, дифтонгъ, а не средній тонъ между ē и ī, тѣмъ болѣе, что варіантъ ēs встрѣчается только въ не-латинскихъ именахъ: Cavaturines, Mentovines, Martses, tab. Genuat. C. I. L. I, 199, ок. 117 г. Schn. II, 71; Corss., I, 198, 225; Mergg. 111; Büch. 128; Neue, I, 120; Kühn. I, 294; Фуд. бр. см. Цвѣт. Ж. М. Н. Пр. іюль 1882 г.; ср. Garr. Syll. add. 1881 г., p. 18, n. 2418), хотя es нерѣдко въ позднѣйшей народной латини: posteres, grates, matures, astres (см. Schuch. II, 82—83) [1]); что же касается написанія eis, то оно засвидѣтельствовано множествомъ примѣровъ съ древнѣйшей поры вплоть до эпохи Августа включительно: на monum. Ancyr. 14 г. по Р. Х. читается еще: Dalmateis, quadrigeis, emeriteis (Büch. 128); изрѣдка попадается оно по преданію и въ древнѣйшихъ рукописяхъ: въ Ambros. Плавта: tueis ingratieis, въ Medic. Цицерона: ludeis, Marseis, lateis etc., хотя, конечно, въ эту эпоху ei уже не было дифтонгомъ; переходъ въ I для даннаго случая встрѣчается уже со времени Гракховъ: въ lex repet. (C. I. L. I, 198, ок. 122 г.) читаемъ класс. rostris, annis, reis (Corss. I, 223—226, Kühn. l. c.).

SVPERASES, см. выше parisuma.

LVBENS, см. тамъ же.

GREMIV. По тщательному разсмотрѣнію мраморовъ Гельбигомъ, это gremiu, равно какъ ниже Antioco и annoru, оказались вѣрно прочитанными безъ конечнаго m, а потому всѣ три формы могутъ быть отнесены къ упомянутому уже нами фонетическому явленію—исчезновенію на письмѣ слабо звучавшаго m въ концѣ словъ ср. выше Taurasia; см. Ritschl, pr. lat. ep. suppl. III, Op. IV, 538—539.

---

[1]) Ср. *nuges* въ упомянутой выше эпитафіи Протогена.

Библиотека "Руниверс"

Titulus G.

CORNELI Nom. sg. Что это nom. sg.=Cornelius—ясно какъ изъ смысла надписи, такъ и изъ сравненія ея съ другими, напримѣръ, tit. B C E H K L; вопросъ только въ томъ, какимъ образомъ возникла эта и подобныя ей формы: Aemili, Caecili, Claudi, Luci, Minuci, Valeri etc. (Neue, I, 75) изъ полныхъ Cornelius, Aemilius, Caecilius, Claudius, Lucius, Minucius, Valerius? Здѣсь возможными кажутся два способа объясненія.

На томъ основаніи, что въ именахъ на -ios, -ius эпиграфически засвидѣтельствованы nominatt. на is: Anavis, Caecilis, Clodis, Aurelis, Lucilis и др., происшедшіе или вслѣдствіе стяженія io, iu въ i (Merg., 29. 65), или по выпаденіи примѣты o, u (Corss. Krit. Beitr. 562; Büch. 24—25), можно бы считать nom. на I происшедшимъ изъ nom. на is по исчезновеніи глухаго конечнаго s, подобно тому, какъ рядомъ съ Cornelios мы имѣемъ Cornelio (ср. выше); такого мнѣнія и держатся Бюхелеръ (25) и Ричль, который въ своей диссертаціи „de declinatione quadam latina reconditiore", Op IV, 459 выражается такъ: „apertissimum esse putamus scripturam illam omnem, qua i littera nomina gentilicia finiuntur, ex ea aetate linguae repetendam esse qua non alius sed alis, non Clodius sed Clodis diceretur ad idemque exemplum Cornelis, Sulpicis, Caecilis, Opis, Mumis, Fanis et similia omnia, eae autem formae non plene scriberentur, sed abiecta de pristina consuetudine littera finali Clodi, Corneli, Sulpici, plane ut pleniores quae successere formae scriptae sunt: Opio, Piautio, Fabrecio". На основаніи такихъ nominat. на is и vocat. на I (Publī Cornelī, tit. F) въ соединеніи съ нѣсколькими сомнительными эпиграфическими преданіями, Ричль построилъ даже цѣлую схему склоненія: N. Cornelis, G. Cornelis, D. Corneli, Ac. Cornelim, Voc. Cornelī, Abl. Cornelid; однако строгій критическій анализъ этой теоріи у Корссена (Krit. Beitr. 562—567) показалъ ея несостоятельность.

Итакъ, почему бы не принять Corneli происшедшимъ изъ Cornelis? Но дѣло въ томъ, что формы на is встрѣчаются лишь со времени Гракховъ, при усиленіи греческаго вліянія; Моммсенъ и считаетъ поэтому nom. на is аналогіей греческимъ передѣлкамъ Λίτορις, Αὐρῆλις, Λοῦκις, Τιβέρις и др. и чисто греч. Διονύσις, Ἀμμώνις Ἀνατόλις etc.; ср. Ritschl, l. c. 446—449; древнѣйшіе примѣры этого едва ли восходятъ ранѣе 2-й половины II в. до Р. Х., тогда какъ примѣры

Библиотека "Руниверс"

Clauri, Valeri, Minuci даются еще текстомъ Sc. de Bacan. 185 г., да и наше Corneli приблизительно 165 года.

Проще и вѣрнѣе второй способъ объясненія, предложенный Нёйе (I, 75), съ которымъ согласны Кюнеръ (I, 278, 5) и отчасти Мерге (29); въ формахъ на i, по Нёйе, можно видѣть обыкновенныя графическія абревіатуры, вообще не стѣсняющіяся количествомъ опускаемыхъ литеръ, напримѣръ: Cor. Corne. Cornel., Aemi. Aemil., Pop. Popil. и др. (Neue, l. c.). Это объясненіе даже проще мнѣнія Корссена, который (Ausspr. I², 289) полагаетъ, что форма на i есть отголосокъ осскихъ памятниковъ, гдѣ онѣ встрѣчаются рядомъ съ болѣе полными на is, находимыми и въ другихъ діалектахъ. Одно изъ подтвержденій гипотезы Нёйе мы видимъ въ началѣ Sc. de Bacan., гдѣ gentilicia консуловъ выписаны вполнѣ: Marcius, Postumius; имена же второстепенныхъ лицъ — секретарей — сокращены: Claudi, Valeri, Minuci.

QVAIST. см. выше Gnaivod.

GNATVS. titt. G. K. и вѣроятно Н. Мягкій гортанный *g* въ латинскомъ языкѣ, подвергаясь вліянію слѣдующаго за нимъ плавнаго (l, m, n), полугласнаго (j, v) и шипящаго s (въ сочетаніяхъ rg, lg), исчезаетъ: такимъ путемъ являются формы:

lac вм. glac, греч. γάλα(κ)
lucuns „ glucuns „ γλυκύς
flamen „ flagmen „ φλέγειν, лат. flagrare.
natus „ gnatus, ср. prognatus, отъ кор. ǵan (рождать): gen-us, γέν-ος, жен-а, зем-л-я, Kin-d; metathes.: ǵna, gna.

narro, nosco вм. gnarro, gnosco (ср. ignosco) отъ кор. ǵna ср. зна-ть, γνῶ-σις, γι-γνώ-σκω;

maior „ mag-ior, ср. mag-nus, mag-is, μάκ-ρός,
отъ кор. mah (расти).
aio „ ag-io, ср. ad-ag-ium, кор. ah (говорить).
vivo „ vig-vo, ср. vixi изъ vig-si,
nivis „ nigvis „ nix=nig-s, наше снѣг-ъ.
sparsi „ spargsi, praes. sparg-o
mersi „ mergsi, „ merg-o
alsi „ algsi, „ alg-eo
mulsi „ mulgsi, „ mulg-eo.

Нѣкоторыя изъ полныхъ формъ, какъ напримѣръ, gnarus, удержались и въ классической прозѣ, другія (gnatus) только у поэтовъ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ присутствіе подобныхъ архаизмовъ оправдывается требованіями поэтическаго слога (Schuch. I, 274; Corss. I, 42—45; Krit Beitr. 55 flg.; Krit. Nachtr. 82 flg.; Kühn. I, 111, 2; 117, § 40 3).

ANTIOCO=Antiochum. Одинъ изъ примѣровъ употребленія вм. греч. χ твердаго гортаннаго C; болѣе позднее обозначеніе ch явилось вмѣстѣ съ другими транскрипціями: ph (φ), th (θ) и rh (ῥ), за исключеніемъ Мумміевой надписи (Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 89—90) ок. 145 г., гдѣ читаются: Achaia, triumphans, вообще не ранѣе конца II и начала I в. до Р. Х., то-есть, въ эпоху весьма замѣтнаго вліянія греческой культуры, когда аспирація, распространенная и на лат. формы, напримѣръ, pulcher, Gracchus, Cethegus и др. вм. болѣе древнихъ pulcer, Graccus, Cetegus, вошла въ моду, доводимую иногда до крайностей, послужившихъ поводомъ къ извѣстной эпиграммѣ Катулла. До этого времени Римляне передавали греч. θ просто черезъ t: Teses=Θησεύς (C. I. L. I, 1501), не имѣя для θ подходящаго знака въ алфавитѣ; что же касается другихъ случаевъ, то хотя въ латинской рѣчи и были губной и гортанный придыхательные f и h, но первый не вполнѣ соотвѣтствовалъ греческому φ, какъ можно заключить, напримѣръ, изъ Цицерона, подтрунившаго надъ однимъ Грекомъ, который въ имени Fundanius выговаривалъ F какъ φ, Квинтиліана, находящаго латинское f гораздо жестче φ, и Присціана, который замѣчаетъ, что f произносить должно не сближая губъ, какъ при ph (то-есть, φ; Corss. I, 64), хотя Греки, за неимѣніемъ равносильнаго знака, передавали лат. f черезъ φ: Φάβιος, Φορτοῦνα, Φούριος etc.; второй же, кромѣ словъ traho и veho, подходилъ скорѣе къ spir. asper, древнимъ знакомъ котораго и было удержанное въ латинскомъ H, чѣмъ къ f, а потому, при усовершенствованіи транскрипціи для обоихъ потребовались особыя комбинаціи ph и ch, вм. которыхъ архаическая латынь пользовалась простыми tenues p и c: Melerpanta (Βελλεροφόντης, C. I. L. I, 60), triumpe (Carm. Arv. C. I. L. I, 28), Bacanal (Sc. de Bacan.), Actles (C. I. L. I, 1500). Такъ было и съ ῥ, передававшимся въ до-классическій періодъ r: Burrus, arrabo, поздн. Pyrrhus, arrhabo (Πύρρος, ἀρραβών; Schn. I, 182—183; 198—214; Reisig, 59; Benary, 122—127; 128—132; 134; Lachm. ad Lucr. VI, 434, p. 371; Corss. I, 46—47; 64, 68; Kühn. I, 44, § 5; Zell, R. Ep. II, 70, I. Ritschl, tit. M. Op. IV, 89—90; Syllab. ind. ib. 765). Сохраненіе же древней примѣты o, сравнительно съ класс. Antiochum, вѣрно объясняется Ричлемъ (Die ält. Scip. Op. IV, 232),

Библиотека "Руниверс"

какъ вліяніе греческаго Ἀντίοχον. Объ отпаденіи конечнаго m см. выше Taurasia, gremiu.

SVBECIT, см. выше Gnaivod.

Titulus H.

ASIACENVS, см. выше Gnaivod.

ANNORV, см. Taurasia, gremiu.

Titulus K.

MAGNA SAPIENTIA, см. выше Taurasia.

QVOM=cum, praepos. Нѣтъ сомнѣнія, что предлогъ этотъ родственъ нашему съ, со, греч. σύν, скр. sa, sá, но каково ихъ общее происхожденіе—сказать трудно (Hand, Tursell. II, 134—135). Можетъ быть, это accus. указательнаго корня ka въ значеніи сюда, откуда возможенъ переходъ въ общее понятіе присоединенія, совокупности. Хотя съ фонетической стороны препятствій къ такому производству и нѣтъ,—переходъ k въ s (co, σύν, sá) не рѣдкость, и вообще первоначальное kam могло дать указанные варіанты, мы все-таки на этой деривации не настаиваемъ; ср. Jordan, Krit. Beitr. p. 217 flgg., который приписываетъ Акцію дифференцированіе предлога cum отъ союза quom. Дальнѣйшій генезисъ нашего quom тотъ же, что̀ и въ объясненномъ выше quoius: quom (въ сложеніи иногда com, con, cor, col, co; ср. греч. συρ-, συλ-), QVM (C. I. L. I, p. 577) CVM (l. c.); послѣдняя, класс. форма встрѣчается въ употребленіи уже съ половины II в. до Р. Х., хотя архаическое quom извѣстно еще Теренцію Скавру и Фронтону, жившимъ во II в. нашей эры (Schn. I, 32, 336—337; Corss. I, 244—245. 308. 314—315; Büch. 52, § 128+A⁴. Kühn. I, 620, 13).

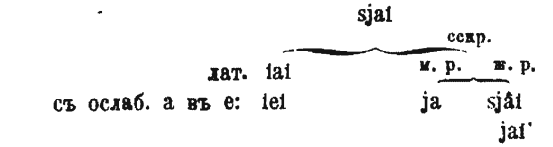
POSIDĒT см. выше parisuma и mereto.

SAXSVM. Въ устахъ Римлянина x звучалъ иначе, чѣмъ въ нашихъ; мы не дѣлаемъ разницы между выговоромъ x и cs, gs (ks) тогда какъ въ латинскомъ x шипящій s превалировалъ на столько, что графическая точность требовала написанія xs вмѣсто простаго x. Уже въ Sc. de Bacan., рядомъ съ exdeicendum, exdeicatis находятся exstrad (v. 16. 29) (ср. Ritschl, Syllab. ind. Op. IV, 765), сюда же относится наше saxsum. Довольно часто xs въ эпоху Гракховъ; изрѣдка попадается оно и въ классическихъ эпиграфахъ, гдѣ мы находимъ и другаго рода подтвержденія звучности s въ сочетаніи x: въ устахъ

Библиотека "Руниверс"

народа s осилилъ до такой степени предшествующій гортанный, что послѣдній исчезъ или, по крайней мѣрѣ, ассимилировался ему, напримѣръ vis (vix); coius (coniux), unsit (unxit) (ср. класс. sescenti, Sestius), bissit (vixit), vissis (vixis), что̀ перешло и въ романскіе языки: итал.: massimo, prossimo, sasso, фр. tisser, laisser etc.=maximus, proximus, saxum, texere, laxare (Schn. I, 220; 370. 374 — 375; Schuch. I, 132—133; II, 351; III, 68—69; 277; Corss. I, 4—5; 124—125; Krit. B. 495; Büch. 10, § 20; Kühn. I, 43, 10.

QVOIEI. Эта трудная для объясненія форма, кромѣ нашего мѣста, встрѣчается еще семь разъ: въ lex. rep. (C. 198, ок. 122 г.) и въ lex. agr. (C. 200, ок. 111: 1 прим. quoiei и 5 прр. quoeique). Neue, II, 228. И въ данномъ случаѣ наиболѣе вѣроятна гипотеза Мерге (92—93). Форму quoiei онъ разлагаетъ: quo+iei; это iei онъ производитъ отъ первоначальнаго sjai, уцѣлѣвшаго въ санскритѣ въ dat. sg. fem. pron., напримѣръ, ja-sjâi, съ утратой начальнаго s въ dat. sg. fem. основъ на ā: gatâjâi; соотвѣтствующая муж. форма лишилась и конечнаго i: gataja. Такимъ образомъ генезисъ суффикса iei по Мерге таковъ:



Менѣе вѣроятны и болѣе сложны гипотезы: Шлейхера (Comp. 630), который разлагаетъ данную форму на quo-i-ei, гдѣ i принимаетъ за обыкновенное окончаніе дат. п. (patr-i, gener-i, ἐλπίδ-ι, λέοντ-ι), а ei за варіантъ указательнаго 1 (οὗτοσι), и Корссена (Ausspr. I, 216. 339; Krit. Beitr. 544—545; Kr. Nachtr. 92—94), считающаго на оборотъ i за locat. указ. i, а ei за собственное окончаніе dativi, съ чѣмъ согласны Бюхелеръ (115) и Кюнеръ (I, 398, 5).

Но рядомъ съ древнимъ quoei въ эпоху Гракховъ является quoi, возникшее черезъ стяженіе i-ei, i-e͡i (средній тонъ) въ I, или по Бюхелеру (115, ср. Corss. Krit. Nachtr. 94), образованное самостоятельно отъ основы quo+суфф. dat. i; ср. dat. fem. quai C. II, 89, и засвидѣтельствованное надписями до-классическаго и классическаго періодовъ, а также спорадически рукописями. По Квинтиліану, лишь въ его время обыкновенное cui (изъ quoi, quui) замѣнило собою архаическое quoi: „illud nunc melius, quo cui tribus quas posui litteris enotamus, in quo pueris nobis ad pinguem sane sonum qu et oi

Библиотека "Руниверс"

(т. е. quoi) utebantur" (Neue, II, 228; Schn. I, 31—32; 100 A.; Reisig, 190, § 125; Zell, II, 75; Bücheler. 114—115; Kühner. l. c. 385, c.).

HONORE, dativus, см. выше virtutei.

VIRTVTEI, см. выше patrei.

QVAIRATĪS, см. gnaivod. Флекейзенъ (Corss. I, 359, A*) полагаетъ, что оконч. tis было первоначально долгимъ; но, оставляя въ сторонѣ сомнительное мѣсто Плавта, Mil. 157: videritis, мы, кромѣ нашего эпиграфа, находимъ еще примѣръ у Вергилія: oratis? equidem et vivis concedere vellem, Aen. XI, 111; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ tis должно быть скорѣе объясняемо вліяніемъ арсиса предъ цезурой или діэрезой, чѣмъ первоначальною долготой, которая въ данномъ случаѣ вещь не доказанная: сскр. daditha, слав. дас-тѣ, греч. δίδοτε; поэтому Коршъ справедливо выражается относительно этого стиха: „donec terminationem II ps. pl. tis aliquis productam vocalem habuisse demonstraverit, in eiusdem licentiae (то-есть, протяженіе въ арс. краткаго слога) exemplis numerandus est hic versis", de v. s. 39; Cors. l. c.; Neue, II, 389, § 26; Merg. 256, § 196; Curt. T. u M. 27—28; Kühner. I, 69. 12; 436, 3.).

QVEI=quī, locativus основы quo+суф. locat. i; изъ quoi по смягченіи o въ e явилось quei. Часто этотъ locat. замѣняетъ собою ablat. различныхъ родовъ и чиселъ, напримѣръ:

quī homine... nemo vivit fortunatior, Plaut. Capt. 528.
dedi ei meam gnatam, quicum aetatem exigat, Trin. 15.
ex coeno nescioquī, Cic. in Vatin. IX, 23.
quī efferretur, vix reliquerit, Nep. Arist. III, 2.

А являясь въ качествѣ abl., qui естественно можетъ получать и причинный смыслъ, „почему": quī fit Maecenas... Hor. Sat. I, 1, 1,—въ прямомъ вопросѣ; въ нашемъ мѣстѣ—въ косвенныхъ (Benary, 97; Reisig, 570 A. 490; Corss. Krit. Nachtr. 92; Neue, II, 229, § 36; Bücheler., 121 § 316; Kühner. I, 399, 6, ср. Corss. Ausspr. I, 209).

MĬNŸS SIT=minu'sit, ср. выше forti'vir, tit. B, примѣръ того явленія, что слабо звучавшее конечное s не дѣлаетъ позиціи предъ согласнымъ слѣдующаго слова; это составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ архаической поэзіи, засвидѣтельствованный какъ многочисленными примѣрами въ родѣ:

tum laterālĭs dŏlor certĭssĭmŭs nŭntĭus mortĭs
imāgĭnĭs fŏrmam } Энній.

Библиотека "Руниверс"

fraúdūs sit / núllūs sum } Плавтъ. pássūs sim / frétus sim } Теренцій.

prudéntĭbŭs structus / manántĭbŭs stillent } Лукрецій.

.tú dăbĭs supplicium, Catull. CXVI, 8.

такъ и отзывами древнихъ, напримѣръ, Цицерона, во время котораго подобное произношеніе уже вышло изъ употребленія (ср. выше Cornelio); Марціалъ подтруниваетъ уже, какъ надъ архаизмомъ, надъ стихомъ Люцилія:

Lucili columella hic sĭtŭs Metrophanes (XI, 90; ср. Donat. ad Terent. Phorm. II, I, 57; Schneid. I, 346—352; Lachm. ad Lucr. I, 186 p. 28—29; Korsch, 35; Kühn. I, 139, A. 9.

Titulus L.

AID. см. Gnaivod.

SL. = Slitibus (stlitibus), litibus. Этимологически связано, по мнѣнію Потта (Et. Forsch. II, 196; Corss. Krit. Beitr. 461) съ нѣм. streit, греч. στερέω, στερίσκω.

По свидѣтельству Плинія Старшаго, у Присціана (I, 38 H. Corss. I, 78 — 79) l наиболѣе полно звучало въ концѣ словъ или слоговъ, а также послѣ согласнаго въ томъ же слогѣ. Вліяніемъ этого звучнаго произношенія и слѣдуетъ объяснять измѣненія созвучія stl. Прежде всего исчезъ отбивной t, составлявшій преграду между длительными s и l—фаза, сохраненная нашимъ мѣстомъ; ср. наше если (изъ есть-ли), слать (изъ стлать); затѣмъ въ нетерпимомъ класс. рѣчью сочетаніи sl исчезаетъ s и изъ архаическихъ: stlis, stlocus, stlatus (этимологіи ихъ см. у Корссена, Krit. Beitr. 462—463) уже въ эпоху Гракховъ явились классическія lis, locus, latus (Corss. I, 79; Krit. Beitr. 380. 461—464; Zell, II, 71, A. 12; Kühn. I, 109 sq. 42, 7), хотя древнее XVIR STL. IVDIC. держалось, по преданію, въ оффиціальныхъ документахъ до поздней, императорской эпохи.

IVDIK = iudicandis, см. выше Gnaivod.

MIEIS. Отъ лично-мѣстоименнаго корня ma еще въ древнюю пору языка развились 2 параллельныя основы pr. poss. mio-, и meo-съ nom. mios (mius) и meos (класс. meus). Существованіе первой под-

Библиотека "Руниверс"

тверждается какъ свидѣтельствами древнихъ грамматиковъ (Neue, II, 187; Corss. I, 300), такъ и завѣщанными древностью формами: Voc. sg. mī (изъ mie), по анал. съ Publie—Publī, Cornelie—Cornelī filie (у Присціана)—filī и др. N. V. plur. mī (у Плавта, изъ mi-ei, mi-i), D. Abl. mieis (въ рукк. Плавта и одинъ разъ у Цицерона cod. Med. ad. Famil. I, 9,20) изъ miois ср. выше *factois facteis. Во всѣхъ этихъ случаяхъ mi удержалось вслѣдствіе диссимиляціи: mie, mi вм. mee, miei, mī вм. meei (класс. mei) etc.; по переходѣ ei въ i созвучіе mi вслѣдствіе того же замѣнилось параллельнымъ me: mei, meis, искл. Voc. sg. mī, который во избѣжаніе двусмысленности остался въ первоначальномъ видѣ. Въ народномъ языкѣ основа mio осталась и въ послѣ-класс. періодъ: mio на надп. 175 г. по Р. Х. (Kühn. I, 282), и перешло въ ром. языки: итал. и исп. mio (Kühn. l. c. 386, 387, § 133; 526 — 527; Corss. I, 300, 309. 312 — 313; Büch. 44; Merg. 149; Neue II, 187, § 8; Schn. I, 124; Reisig, 199, § 130 meus отъ ἐμός per metath. μεός).

Для объясненія моносиллабическаго mieis Ричль (de decl. lat. recond. p. 22) принимаетъ такую же схему склоненія гипотетическаго mis (nom. sg.), какъ мы видѣли выше въ Cornelī; но такъ какъ существованіе такой схемы опровергнуто Корссеномъ (Krit. Beitr. 562 sqq.), то намъ кажется возможнымъ допустить здѣсь нерѣдкій видъ синекфонезы, когда і передъ гласнымъ или двугласнымъ ослабляется въ j: mi͡eis; ср. tit. F. omn͡ja, brev͡ja, utj͡er, ingenj͡um; npp. см. Kühn. I, 94—95, c. β.; Corss. II, 168. sqq.; Lachm. ad Lucret. I, 1114, p. 73; II, 719, p. 115—116; II, 991, p. 129—131; III, 917, p. 192—193; V, 85, p. 281).

ACCVMVLAVI, по тщательному изслѣдованію камня Гельбигомъ (Ritschl, P. L. Ep. Suppl. III, Op. IV, 539) чтеніе accumulavi единственно правильное.

OPTENVI. Въ сохраненіи кореннаго e мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, слѣдъ вліянія народнаго говора, гдѣ, при общей любви къ гласному e, въ данномъ случаѣ весьма упорно держался корень ten in compositis тамъ, гдѣ въ класс. языкѣ мы находимъ tin, которое Ноній въ формахъ tetinisse и tetinerit (Neue II, 464; Kühn. I, 588; Schn. I, 14) приводитъ еще изъ Пакувія (219—132 до Р. Х.) и Акція (170—94); и въ нашихъ элогіяхъ мы имѣемъ такіе примѣры, какъ sub-i-git (кор. ag, eg), opsides (sad, sed) tit. B; recipit (cap, cep.) tit. F. posi-

Библиотека "Руниверс"

det (sad, sed) tit. К. Въ народной же латини созвучіе ten въ сложеніи эпи- и хирографически сохранилось до очень поздняго времени (Schuch. II, 24), перейдя затѣмъ и въ романскія нарѣчія, напримѣръ, ит. contener, sustener, фр. contenir, soutenir etc.

SIBEI см. выше tibe.

И. Холодняк.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ.

(Переводъ съ греческаго).

Въ сочиненіяхъ Аристотеля есть три текста Этики: 1) Никомахова Этика (Ἠθικὰ Νικομάχεια), написанная Аристотелемъ къ сыну своему Никомаху, 2) Эвдемова Этика (Ἠθικὰ Εὐδήμια), и 3) такъ-называемая Большая Этика. Филологическія изслѣдованія показали, что истинный текстъ, который дѣйствительно принадлежитъ Аристотелю, есть Этика Никомахова. Эвдемова Этика есть лишь переработка Никомаховой, сдѣланная Эвдемомъ, ученикомъ Аристотеля, а Большая Этика — извлеченіе изъ Эвдемовой. При чтеніи Никомаховой Этики должно не упускать изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ лекціями Аристотеля, записанными его учениками, а не съ сочиненіемъ, написаннымъ Аристотелемъ собственноручно. Этимъ объясняются непослѣдовательности и нѣкоторыя повторенія, встрѣчающіяся въ изложеніи. Не смотря на то, въ Этикѣ мы замѣчаемъ весьма строгій планъ, который нарушается лишь въ одномъ мѣстѣ, именно въ книгѣ VII-й: здѣсь авторъ, въ концѣ книги, возвращается къ вопросу о наслажденіи, который онъ разсматривалъ уже раньше, и который еще разъ подробно разсматриваетъ въ X-й книгѣ. Этика раздѣляется на десять книгъ. Въ I-й книгѣ Аристотель разсматриваетъ вопросъ о томъ, что должно считать высшимъ благомъ, и находитъ, что, оно заключается въ дѣятельности, сообразной съ добродѣтелью (ἐνέργεια κατ' ἀρετήν). II-я книга посвящена анализу понятія добродѣтели, при чемъ Аристотель находитъ, что добродѣтель—пріобрѣтенное, не прирожденное свойство души, средина между двумя крайностями. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе различныхъ добродѣтелей (мужество, умѣренность, щедрость, великодушіе и т. д.); оно занимаетъ III-ю—VII-ю книги. Наконецъ, въ VIII-й и IX-й книгахъ трактуется о дружбѣ, въ X-й—о наслажденіи.

Библиотека "Руниверс"

Этика (къ Никомаху).

Книга I.

§ 1. Всякое искусство и всякая наука, а также и дѣятельность и намѣреніе, стремятся къ извѣстному благу; поэтому благо хорошо опредѣлили такъ: оно есть то, къ чему все стремится. Оказывается однако различіе цѣлей: онѣ—частью дѣятельности, частью—независимые отъ нихъ предметы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть помимо дѣятельности цѣль, тамъ предметъ цѣннѣе самой дѣятельности. Цѣли должны быть разнообразны, такъ какъ существуютъ различныя дѣйствія и искусства, и науки: цѣль врачебнаго искусства—здоровье, судостроительнаго—судно, стратегіи—побѣда, экономіи—богатство. Тѣ изъ цѣлей, которыя подчинены одной какой-либо способности, какъ напримѣръ, умѣнье сдѣлать уздечку и другія необходимыя принадлежности упряжи, подчинено уходу за лошадьми, точно также какъ все относящееся до войны подчинено стратегіи (подобное же подчиненіе существуетъ и въ другихъ областяхъ),—во всѣхъ этихъ случаяхъ наиболѣе архитектоническія [то-есть, общія и важныя] цѣли должны быть предпочтены цѣлямъ, имъ подчиненнымъ, потому что ради первыхъ люди прибѣгаютъ ко вторымъ. Нѣтъ разницы, будетъ ли цѣль дѣйствій въ дѣятельности, или же, помимо послѣдней, въ чемъ-либо иномъ, какъ напримѣръ, въ перечисленныхъ наукахъ. Если же есть цѣль въ области, осуществимой дѣятельностью, къ которой мы стремимся ради ея самой, а къ другимъ цѣлямъ лишь ради ея, и если мы не стремимся ко всему ради чего-либо инаго (ибо въ такомъ случаѣ возникъ бы безконечный рядъ, и наше стремленіе стало бы пустымъ и тщетнымъ), то ясно, что это именно и есть благо и добро. Познаніе его имѣетъ важное значеніе для жизни, ибо не лучше ли тогда мы, какъ стрѣлки, ясно видящіе цѣль, достигнемъ желаемаго? Если это такъ, то слѣдуетъ постараться опредѣлить въ общихъ чертахъ высшее благо, и къ какимъ наукамъ или способностямъ оно относится. Кажется, что оно относится къ наиболѣе могущественной и архитектонической наукѣ, а такова политика, ибо она опредѣляетъ науки, въ которыхъ нуждаются государства, и какимъ наукамъ слѣдуетъ обучаться отдѣльнымъ лицамъ, и въ какихъ предѣлахъ. Кромѣ того, мы видимъ, что наиболѣе уважаемыя способности служатъ ей, какъ напримѣръ, стратегія, экономія, риторика. Такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ она пользуется остальными науками, имѣющими дѣло съ практикой, и такъ какъ она сверхъ того предписываетъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать и отъ чего воздерживаться, то ея цѣль, вѣроятно, охватываетъ цѣли всѣхъ остальныхъ наукъ и заключаетъ въ себѣ высшее благо человѣка, и хотя оно и тожественно для отдѣльнаго лица и государства, но кажется, будетъ дѣломъ болѣе великимъ и совершеннымъ постичь и спасти благо государства; хорошо это уже и для отдѣльнаго человѣка, но прекраснѣе и совершеннѣе для цѣлаго народа или государства. И такъ, вотъ къ чему стремится наша наука, относящаяся къ политикѣ: о ней въ такомъ случаѣ достаточно сказано, если объясненіе дано на столько, на сколько то дозволяетъ самый предметъ, потому что не во всѣхъ размышленіяхъ слѣдуетъ стремиться къ одинаковой точности, какъ напримѣръ, не слѣдуетъ искать точности въ произведеніяхъ ремесла. Прекрасное же и справедливое, объекты политической науки, заключаютъ въ себѣ такое различіе и неопредѣленность, что кажутся скорѣе чѣмъ-то условнымъ, нежели абсолютнымъ (по природѣ). Та же неопредѣленность господствуетъ и относительно благъ, въ силу чего они многимъ приносятъ вредъ: нѣкоторыхъ погубило богатство, другихъ—мужество. Имѣя дѣло съ подобными понятіями и выводами изъ нихъ, слѣдуетъ довольствоваться указаніемъ истины въ общихъ и крупныхъ чертахъ, и имѣя дѣло съ тѣмъ, что̀ случается по большей части, также и съ выводами изъ такихъ посылокъ, должно стремиться къ подобнымъ же заключеніямъ [вѣроятнымъ]. Эту точку врѣнія слѣдуетъ прилагать ко всякому отдѣльному изслѣдованію. Образованный [„знающій“] человѣкъ станетъ стремиться въ каждой отдѣльной наукѣ только къ той степени точности, которую допускаетъ природа изслѣдуемаго предмета. Одинаково нелѣпо, кажется, требовать отъ математика убѣжденій краснорѣчивыхъ, а отъ оратора — точныхъ доказательствъ.

Всякій судитъ хорошо о томъ, что̀ знаетъ, и въ этой области онъ хорошій судья; въ каждой отдѣльной области такимъ является человѣкъ науки, а всесторонне-образованный человѣкъ будетъ безотносительно хорошимъ судьей; поэтому-то молодой человѣкъ не пригоденъ къ занятію политическою наукой, такъ какъ онъ не опытенъ въ дѣлахъ житейскихъ, а политика именно занята ими и заключеніями изъ нихъ. Сверхъ того, молодой человѣкъ, живущій подъ вліяніемъ аффектовъ, станетъ напрасно и безполезно слушать лекціи по политикѣ, такъ какъ цѣль ихъ—не познаніе, а практика, дѣятельность. При этотъ нѣтъ разницы, будетъ ли слушатель молодъ годами или

Библиотека "Руниверс"

имѣть юношескій нравъ, ибо недостатокъ—не въ годахъ, а въ жизни, управляемой аффектами, и въ отсутствіи интереса къ отвлеченному. Подобнаго рода людямъ познаніе приноситъ столь же мало пользы, какъ и невоздержнымъ. Напротивъ, познаніе подобныхъ предметовъ чрезвычайно полезно людямъ, подчиняющимъ свои стремленія и свою дѣятельность разуму.

§ 2. Достаточно сказаннаго относительно слушателя, относительно нашей точки зрѣнія и нашей цѣли. Вернемся вновь къ началу. Такъ какъ всякая наука и намѣреніе стремятся къ извѣстному благу, то спрашивается: въ чемъ заключается цѣль политики, и каково высшее благо, осуществимое дѣятельностью? На словахъ почти всѣ люди согласны между собою: блаженство считается высшимъ благомъ, какъ людьми не образованными, такъ и образованными, а подъ словомъ „блаженство“ разумѣютъ: „пріятную жизнь и жизнь въ довольствѣ“. Но относительно понятія блаженства мнѣнія расходятся, и не образованные люди иначе опредѣляютъ его, чѣмъ мудрецы: одни относятъ блаженство къ яснымъ и бросающимся въ глаза предметамъ, какъ напримѣръ, къ наслажденію, или богатству, или почести; другіе считаютъ его чѣмъ-то инымъ; часто одинъ и тотъ же человѣкъ опредѣляетъ блаженство то такъ, то иначе: больной видитъ его въ здоровьѣ, неимущій—въ богатствѣ; люди, сознающіе свое невѣжество, особенно удивляются тѣмъ, кто говоритъ о чемъ-то великомъ и имъ недоступномъ. А нѣкоторые думаютъ, что, помимо всѣхъ этихъ благъ, существуетъ „благо само по себѣ“, въ которомъ и заключается причина того, что мы считаемъ перечисленныя блага таковыми. Изслѣдовать всѣ мнѣнія, пожалуй, будетъ безполезно: достаточно остановиться на самыхъ обычныхъ и имѣющихъ какое-либо основаніе. Но мы не должны упускать изъ виду различіе методовъ — идущаго отъ принциповъ и идущаго къ принципамъ. Справедливо поэтому Платонъ останавливался на этомъ затрудненіи и изслѣдовалъ вопросъ, какого метода слѣдуетъ держаться—ведущаго ли отъ принциповъ, или ведущаго къ принципамъ, подобно тому, какъ можно себя спросить: долженъ ли бѣгъ въ стадіяхъ совершаться по направленію къ экспертамъ, назначающимъ награды, или же, напротивъ, отъ нихъ. Начинать слѣдуетъ отъ извѣстнаго, а это двоякаго рода: частью извѣстное намъ, частью безусловно-извѣстное. Пожалуй, что намъ слѣдуетъ начинать съ того, что намъ извѣстно. Здѣсь-то и лежитъ причина, почему тотъ, кто хочетъ съ пользой слушать изслѣдованіе о прекрасномъ и справедливомъ и

Библиотека "Руниверс"

вообще о политикѣ, долженъ быть нравственнымъ человѣкомъ, ибо началомъ изслѣдованія должно быть понятіе нравственности; если оно существуетъ въ человѣкѣ въ достаточной мѣрѣ, то онъ не будетъ нуждаться въ изслѣдованіи причины, ибо подобный человѣкъ самъ обладаетъ принципами или легко найдетъ ихъ; тотъ же, кто не имѣетъ ни того, ни другаго [то-есть, ни понятія, ни причины], пусть послушаетъ Гезіода:

Тотъ превосходный человѣкъ, кто все самъ позналъ,
Хорошъ также и тотъ, кто слушаетъ умныя рѣчи.
А тотъ, кто и самъ ни о чемъ не мыслитъ и не принимаетъ къ сердцу
Рѣчи другаго, тотъ совершенно безполезный [1]).

§ 3. Вернемся вновь къ началу. Не безъ основанія люди образуютъ понятія блага и блаженства сообразно съ жизнью, которую они ведутъ. Необразованная и грубая толпа видитъ благо и блаженство въ наслажденіи, и поэтому любитъ проводить жизнь въ удовольствіяхъ. Существуютъ три наиболѣе выдающихся образа жизни: только что упомянутый, далѣе—политическій и третій—созерцательный. И такъ, большинство людей, отдавая предпочтеніе животной жизни, тѣмъ доказываютъ свой рабскій образъ мышленія; но они имѣютъ оправданіе въ томъ, что многіе изъ людей, живущихъ въ довольствѣ, сочувствуютъ Сарданапалу. Люди образованные и дѣятельные, высшимъ благомъ считаютъ почести, ибо въ нихъ почти исключительно лежитъ цѣль политической жизни. Но это опредѣленіе кажется слишкомъ поверхностнымъ для искомаго нами понятія, ибо честь болѣе принадлежитъ тому, кто ею надѣляетъ, чѣмъ тому, кого ею надѣляютъ; мы уже предчувствуемъ, что благо есть нѣчто неотъемлемое и свойственное человѣку, стремящемуся къ нему. Сверхъ того, вѣдь люди, кажется, для того стремятся къ почестямъ, чтобы убѣдить самихъ себя въ своихъ хорошихъ качествахъ, поэтому-то они желаютъ уваженія людей благомыслящихъ и знающихъ ихъ, и уваженія ради собственной добродѣтели. Ясно, что такіе люди ставятъ выше чести добродѣтель; поэтому-то скорѣе въ этой послѣдней слѣдуетъ видѣть цѣль политической жизни. Но и добродѣтель, кажется, не есть истинная цѣль политической жизни, ибо можетъ случиться, что добродѣтельный человѣкъ проспитъ или будетъ бездѣйствовать въ теченіе всей жизни, а сверхъ того, еще будетъ терпѣть всякія невзгоды и несчастія. Такого человѣка никто не назоветъ блаженнымъ, развѣ только защищая свой тезисъ. Но объ этомъ до-

[1]) Ἡσίοδος Ἔργα καὶ Ἡμέραι, стихи 293—296.

Библиотека "Руниверс"

статочно уже говорено въ энциклическихъ лекціяхъ. Третій образъ жизни—созерцательный; къ его изслѣдованію мы обратимся позднѣе. Что же касается образа жизни, посвященнаго наживѣ, то онъ какой-то неестественный и насильственный, и ясно, что богатство не заключаетъ въ себѣ искомаго блага, ибо богатство только полезно и служитъ средствомъ для другихъ цѣлей; поэтому люди скорѣе признаютъ вышеупомянутые образы жизни цѣлями, ибо къ нимъ мы стремимся ради ихъ самихъ. Но кажется, и они не суть высшее благо, хотя въ пользу ихъ приведены многіе доводы. Но этотъ предметъ мы оставимъ.

§ 4. Можетъ быть, полезнѣе разсмотрѣть и изслѣдовать воззрѣніе, полагающее высшее благо въ общемъ [въ идеѣ], хотя подобное изслѣдованіе затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что ученіе объ идеяхъ было выставлено людьми мнѣ близкими. Но лучше для спасенія истины оставить безъ вниманія личности, въ особенности же слѣдуетъ держаться этого правила философамъ, и хотя Платонъ и истина мнѣ дороги, однако священный долгъ велитъ отдать предпочтеніе истинѣ. Философы, впервые установившіе ученіе объ идеяхъ, не предполагали существованія особыхъ идей въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дано временное различіе позднѣйшаго отъ болѣе ранняго; поэтому-то они не принимали особыхъ идей для чиселъ. Благо же относится какъ къ категоріи бытія, такъ и къ категоріи качества и отношенія, а существующее само по себѣ, по своей природѣ ранѣе отношенія. Послѣднее—лишь случайный признакъ бытія и подобно его отпрыску, такъ что и эти категоріи не могутъ подходить подъ одну общую идею. Далѣе, такъ какъ благо и бытіе подходятъ подъ однѣ и тѣ же категоріи (въ категоріи бытія, напримѣръ, оно называется Богомъ и разумомъ, въ категоріи качества—добродѣтелями, въ категоріи количества—мѣрою, въ категоріи отношенія—полезнымъ, въ категоріи времени — удобнымъ случаемъ, въ категоріи пространства — пріятнымъ мѣстопребываніемъ и т. п.), то ясно, что оно не можетъ быть одною общею идеей, ибо въ такомъ случаѣ благо не подходило бы подъ всѣ категоріи, а лишь подъ одну. Далѣе, относительно всѣхъ благъ должна бы быть одна наука, такъ какъ понятіями, стоящими въ одной категоріи, занята всегда одна наука. Въ данномъ случаѣ многія науки заняты понятіями, относящимися къ одной категоріи: такъ, напримѣръ, благопріятное время въ войнѣ изслѣдуетъ стратегія, въ болѣзни—врачебное искусство, мѣру въ пищѣ врачебное искусство, а въ тѣлесномъ упражненіи—гимнастика. Къ тому же возникаетъ

Библиотека "Руниверс"

затрудненіе, что они хотятъ сказать своею „абсолютною идеей", если понятіе „человѣка самого по себѣ" и понятіе человѣка [въ отдѣльности] тожественны, ибо по скольку онъ человѣкъ, онъ нисколько не отличается отъ понятія человѣка „самого по себѣ". Если это такъ, то и благо „само по себѣ" нисколько не отличается отъ относительнаго блага. Благо нисколько не станетъ большимъ благомъ въ силу того, что оно вѣчно, точно также какъ то, что въ теченіе долгаго времени сохраняетъ бѣлый цвѣтъ, нисколько не бѣлѣе того, что сохранитъ этотъ цвѣтъ лишь въ теченіе одного дня. Въ этомъ случаѣ Пиѳагорейцы учили, какъ кажется, болѣе правдоподобно, полагая и единое въ число благъ. Кажется, что и Спевсиппъ слѣдовалъ ихъ мнѣнію. Но объ этомъ будетъ говорено въ другой разъ. Что касается сказаннаго, то возникаетъ нѣкоторое затрудненіе: рѣчь шла не о всемъ благѣ; вѣдь Платонъ относилъ къ одному виду то благо, къ которому стремятся, и котораго желаютъ ради его самаго, а къ другому виду то, которое служитъ лишь какъ средство создать или сохранить благо или защититься отъ противоположнаго зла; этотъ второй видъ существуетъ лишь благодаря первому и называется благомъ въ иномъ смыслѣ. И такъ ясно, что онъ понятіе блага употреблялъ въ двоякомъ значеніи, разумѣя подъ этимъ то благо само по себѣ, то благо относительное. Различивъ благо само по себѣ отъ полезностей, посмотримъ, могутъ ли они быть подведены подъ одну идею. Но что считать благомъ самимъ по себѣ? Можетъ быть, то, что само по себѣ въ отдѣльности составляетъ предметъ стремленій, какъ, напримѣръ, мышленіе или зрѣніе, или извѣстныя наслажденія, или почести. Хотя ко всему этому мы стремимся ради иной цѣли, но все жъ ихъ въ извѣстномъ смыслѣ можно назвать благомъ „самимъ по себѣ?" Или же ничто не считать таковымъ, за исключеніемъ идеи. Но въ такомъ случаѣ упомянутое различіе становится совершенно напраснымъ. Если же допустить, что только что названное относится къ благу самому по себѣ, то понятіе блага во всѣхъ должно быть однимъ и тѣмъ же, какъ, напримѣръ, понятіе бѣлизны въ снѣгѣ и бѣлилахъ; однако понятія почести, мышленія и наслажденія различны, и различны именно, по скольку они суть блага. И такъ, благо не есть нѣчто общее, подходящее подъ одну идею. Но въ какомъ же смыслѣ употребляется это понятіе? Вѣдь не случайно же столь различное названо однимъ именемъ [благомъ]: можетъ быть, потому, что все это вытекаетъ изъ одного принципа, или же потому, что все направлено къ одному принципу, или же по аналогіи? Какъ, напримѣръ, зрѣніе

Библиотека "Руниверс"

въ тѣлѣ, такъ разумъ въ душѣ и другія тому подобныя аналогіи. Но можетъ быть, слѣдуетъ оставить теперь эту тему; болѣе точное изслѣдованіе ея относится къ другой части философіи. Оставимъ также и идеи, потому что если бы даже и было благо, существующее само по себѣ и употребляемое какъ общее сказуемое, то ясно, что оно не осуществимо и для человѣка не достижимо. Мы же желаемъ теперь найдти достижимое благо. Но можетъ быть, кому-либо покажется полезнымъ познаніе идеи блага для различенія достижимыхъ практическихъ благъ: имѣя какъ бы примѣръ, мы тѣмъ легче узнаемъ относительныя блага человѣка, и если будемъ знать благо само по себѣ, то тѣмъ легче достигнемъ относительныхъ благъ. Этотъ доводъ имѣетъ извѣстнаго рода убѣдительность, но не подтверждается науками, ибо онѣ, стремясь къ опредѣленному благу, стараются найдти именно это и пренебрегаютъ познаніемъ блага самого по себѣ; съ другой стороны и нелѣпо предположить, чтобы всѣ практики (τεχνῖται) пренебрегали подобной помощью и не старались о ея пріобрѣтеніи. Къ тому же неясно, какого рода помощь можетъ подать познаніе блага самого по себѣ ткачу или плотнику въ ихъ ремеслѣ, и почему бы тотъ, кто позналъ идею саму по себѣ, сталъ лучшимъ врачомъ или полководцемъ. Вѣдь врачъ не съ этой [идеальной] точки зрѣнія разсматриваетъ здоровье вообще, а здоровье человѣка, и притомъ именно извѣстнаго человѣка, ибо лѣчитъ онъ каждаго въ отдѣльности.

§ 5. Но объ этомъ достаточно сказано. Вернемся вновь къ изслѣдуемому нами понятію блага и посмотримъ, что̀ оно такое? Оно различно въ различныхъ дѣятельностяхъ и искусствахъ. Оно одно въ врачебномъ искусствѣ, другое въ стратегіи, и подобнымъ же образомъ иное въ остальныхъ. Что̀ же считать благомъ для каждой отдѣльной дѣятельности? Не то ли, ради чего все остальное предпринимается? А это во врачебномъ искусствѣ—здоровье, въ стратегіи—побѣда, въ строительномъ искусствѣ—домъ, а въ другихъ нѣчто другое, во всѣхъ же дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ — цѣль, ибо всѣ ради цѣли предпринимаютъ остальное. Такъ что если всѣ дѣйствія имѣютъ одну цѣль, то она то и будетъ осуществимое благо; если же нѣсколько, то онѣ будутъ таковыми. Наше разсужденіе инымъ путемъ опять пришло къ тому же самому результату, и его-то должно постараться сдѣлать еще болѣе яснымъ. Такъ какъ существуютъ различныя цѣли, изъ которыхъ мы однѣ выбираемъ лишь какъ средства, напримѣръ, богатство, флейту и вообще всѣ инструменты, то ясно, что не всѣ

Библиотека "Руниверс"

цѣли одинаково совершенны, высшее же благо кажется чѣмъ-то совершеннымъ, такъ что если есть одна совершенная цѣль, то она и должна быть искомою нами; если же ихъ нѣсколько, то совершеннѣйшая изъ нихъ будетъ искомою нами. То, къ чему стремятся ради его самаго, мы называемъ болѣе совершеннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремятся лишь какъ къ средству, а то, что̀ никогда не бываетъ средствомъ для чего-либо иного, мы называемъ болѣе совершеннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремятся то какъ къ цѣли самой по себѣ, то какъ къ средству; безусловно же совершеннымъ мы называемъ то, къ чему всегда стремятся какъ къ цѣли самой по себѣ и никогда какъ къ средству; блаженство болѣе всего кажется чѣмъ-то подобнымъ, ибо его мы всегда избираемъ какъ цѣль и никогда какъ средство; къ почести же, наслажденію, разуму и всей добродѣтели мы стремимся то какъ къ цѣлямъ (ибо мы выбрали бы каждое отдѣльное изъ перечисленныхъ явленій, даже если бы не имѣли отъ нихъ никакой пользы), то ради блаженства, считая ихъ средствами къ блаженству; блаженства же никто не выбираетъ ради этого или какъ средство къ чему-либо иному. То же самое слѣдуетъ изъ понятія самоудовлетворенности (αὐτάρκεια): совершенное благо должно удовлетворять само себя. Когда мы говоримъ о самоудовлетворенности, то мы не разумѣемъ здѣсь нѣчто такое, что̀ удовлетворяло бы человѣка, живущаго исключительно для себя жизнью одинокаго, а такое, что̀ удовлетворило бы и родителей, дѣтей, жену и вообще друзей и соотечественниковъ, такъ какъ человѣкъ по своей природѣ существо политическое. Однако необходимо положить извѣстный предѣлъ этимъ отношеніямъ, ибо если распространить ихъ и на родителей, и на все наше потомство, и на друзей нашихъ друзей, то получится безконечный рядъ. Это мы разсмотримъ послѣ, а подъ понятіемъ самоудовлетворенности будемъ разумѣть то, что̀ само по себѣ дѣлаетъ жизнь желанною и ни въ чемъ не нуждающеюся; нѣчто подобное и есть, какъ мы полагаемъ, блаженство. Сверхъ того, блаженство, будучи болѣе желаннымъ, чѣмъ все остальное, не есть нѣчто сложное [изъ отдѣльныхъ благъ], ибо ясно, что въ такомъ случаѣ достаточно бы прибавить самое незначительное благо, чтобы сдѣлать блаженство еще болѣе желаннымъ, ибо эта прибавка создала бы перевѣсъ благъ, а всегда большее благо въ то же время и болѣе желательно. Такимъ образомъ блаженство, будучи цѣлью человѣческой дѣятельности, представляется чѣмъ-то совершеннымъ и самоудовлетворяющимся.

Библиотека "Руниверс"

§ 6. Однако, соглашаясь съ тѣмъ, что блаженство прекрасно, можно желать болѣе яснаго опредѣленія понятія; этого же мы, можетъ быть, достигнемъ, если опредѣлимъ назначеніе человѣка. Подобно тому, какъ музыкантъ или скульпторъ и всякій художникъ, или даже вообще всякій человѣкъ, занятый какимъ-либо дѣломъ, въ этомъ своемъ дѣлѣ видитъ благо и [находитъ] удовлетвореніе, точно то же можно бы подумать и относительно человѣка вообще, если только у него есть какое-либо назначеніе. Но неужели же плотникъ и сапожникъ имѣютъ извѣстнаго рода назначеніе и дѣло, а человѣкъ по природѣ не имѣетъ назначенія? Не вѣроятнѣе ли, что какъ глазъ, или рука, или нога, или вообще всякій членъ имѣетъ свое назначеніе, точно такъ же и человѣкъ, помимо всего этого, имѣетъ свое спеціальное назначеніе? Въ чемъ же оно состоитъ? Жизнь свойственна и растеніямъ, а мы ищемъ спеціально принадлежащее [человѣку]: и такъ, мы должны выдѣлить жизнь питательную и растительную. Слѣдующій видъ жизни—чувствующій; но и онъ свойственъ какъ лошади, такъ и быку, и вообще всѣмъ животнымъ. Остается дѣятельная жизнь разумнаго существа, притомъ такого, которое частью повинуется разуму, частью же владѣетъ разумомъ и мышленіемъ. А такъ какъ разумная жизнь понимается въ двоякомъ смыслѣ, то мы должны разумѣть здѣсь дѣятельную, ибо послѣдней болѣе соотвѣтствуетъ названіе разумной. И такъ, назначеніе человѣка—въ разумной дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, не въ неразумной дѣятельности души; при этомъ мы употребляемъ понятіе назначенія въ родовомъ значеніи тожественно съ индивидуальнымъ значеніемъ, напримѣръ, для хорошаго человѣка; подобно тому, какъ мы сказали бы, что назначеніе играющаго на кіѳарѣ и хорошо играющаго на кіѳарѣ тожественны, и это безусловно вѣрно во всѣхъ случаяхъ: мы только къ самой дѣятельности прибавляемъ превосходство мастерскаго выполненія; такъ, про играющаго на кіѳарѣ мы говоримъ, что его назначеніе играть на кіѳарѣ, про хорошо играющаго—играть мастерски на кіѳарѣ. Точно также мы назначеніе человѣка видимъ въ извѣстнаго рода жизни, а именно—состоящей въ разумной душевной энергіи и дѣятельности, а назначеніе хорошаго человѣка—въ хорошемъ и прекрасномъ выполненіи этой дѣятельности, каждое же дѣйствіе тогда хорошо, когда оно сообразуется съ спеціально относящійся къ нему добродѣтелью. И такъ, ежели все это справедливо, то благо человѣка заключается въ дѣятельности души, сообразной съ добродѣтелью, а если добродѣтелей нѣсколько, то въ дѣятельности, сооб-

Библиотека "Руниверс"

разной съ лучшею и совершеннѣйшею добродѣтелью, и притомъ въ теченіе всей жизни, ибо „одна ласточка еще не дѣлаетъ весны", какъ не дѣлаетъ ея и одинъ день; точно также одинъ день или короткое время еще не дѣлаетъ человѣка счастливымъ или блаженнымъ.

§ 7. Удовлетворимся такимъ опредѣленіемъ блага, потому что сначала достаточно опредѣлить его въ общихъ чертахъ, а потомъ уже описать его подробнѣе; всякій, кажется, въ состояніи разчленить и довести до конца описаніе того, что хорошо опредѣлено въ общихъ чертахъ; въ такомъ дѣлѣ время является добрымъ указателемъ и помощникомъ; этимъ объясняются успѣхи искусствъ и ремеслъ, ибо всякій въ состояніи добавить недостающее. Должно при этомъ вспомнить сказанное раньше и не стремиться въ одинаковой точности во всѣхъ изслѣдованіяхъ, а въ каждомъ отдѣльномъ удовлетворяться точностью, допускаемою изслѣдуемымъ предметомъ и спеціальнымъ методомъ изслѣдованія. Вѣдь различнымъ же образомъ изслѣдуютъ прямую линію плотникъ и геометръ: первый на столько, на сколько это полезно для его дѣла, второй же изслѣдуетъ понятіе прямой и ея свойства, такъ какъ онъ интересуется истиной [не пользой]. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и въ остальномъ, для того, чтобы по пословицѣ, второстепеннаго не было больше, чѣмъ относящагося къ дѣлу. Не слѣдуетъ также во всемъ одинаково требовать указанія причины, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно указать на понятіе (τὸ ὅτι), какъ напримѣръ, когда дѣло идетъ о принципахъ ибо понятіе и есть начало изслѣдованія; одни принципы опредѣляются путемъ наведенія, другіе—ощущеніемъ, третьи—извѣстнаго рода привычкой, иные же другими средствами. Методъ изслѣдованія принциповъ должно стараться сообразовать съ ихъ природой и особенно стараться о вѣрномъ ихъ опредѣленіи, ибо они имѣютъ громадное значеніе по отношенію къ слѣдствіямъ; кажется, что начатое дѣло—на половину сдѣланное дѣло, и многія изслѣдованія становятся ясными, благодаря началамъ.

§ 8. Мы должны изслѣдовать высшее благо не только путемъ умозаключенія и посылокъ, но и обращать вниманіе на то, что сказано о немъ [философами], ибо все дѣйствительно существующее согласуется съ истиной, и не истинное тотчасъ выдѣляется отъ истиннаго. Блага дѣлятся на три группы: на такъ-называемыя внѣшнія, на психическія и тѣлесныя; психическія блага, наиболѣе важныя—и ихъ по преимуществу мы называемъ благами. Дѣйствія же и психическую энергію мы относимъ къ области души. И такъ, можно

Библиотека "Руниверс"

утверждать, что наше опредѣленіе вѣрно, такъ какъ оно согласно съ древнимъ, принятымъ философами опредѣленіемъ, но столь же справедливо и утвержденіе, что цѣль [человѣческой жизни] заключается въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ и энергіи, ибо такимъ образомъ цѣль помѣщена въ число душевныхъ благъ, а не внѣшнихъ; это наше опредѣленіе подтверждается еще и тѣмъ, что про блаженнаго говорится, что онъ счастливо живетъ и успѣваетъ въ жизни; при этомъ подъ счастливою жизнью разумѣютъ успѣшную дѣятельность.

§ 9. Кажется, различныя мнѣнія, высказанныя относительно блаженства, сходятся съ сказаннымъ нами: одни видятъ блаженство въ добродѣтели, другіе—въ здравомысліи, третьи—въ мудрости, четвертые—во всемъ этомъ вмѣстѣ въ связи съ наслажденіемъ или, по крайней мѣрѣ, не безъ наслажденія; нѣкоторые вносятъ въ число условій блаженства и внѣшнее благосостояніе. Одну часть этихъ мнѣній защищаютъ многіе древніе философы, другую—хотя и не многіе, но знаменитые. Не вѣроятно, чтобъ и тѣ, и другіе въ своихъ мнѣніяхъ во всемъ ошибались; вѣроятнѣе, что то или другое или даже бо́льшая часть вопросовъ рѣшалась ими вѣрно. Что касается тѣхъ, которые считаютъ блаженство добродѣтелью [вообще] или одною спеціальною добродѣтелью, то наше опредѣленіе съ ними согласуется, ибо дѣятельность, сообразная съ добродѣтелью, причастна добродѣтели; но немаловажно различіе въ пониманіи высшаго блага—какъ обладанія, или какъ пользованія, какъ пріобрѣтеннаго качества души, или же какъ энергіи [дѣятельности]: вѣдь хорошее качество можетъ быть въ человѣкѣ, но бездѣйствовать, какъ напримѣръ, въ спящемъ или по какой-либо иной причинѣ бездѣятельномъ. Съ энергіей этого не можетъ быть, ибо она по необходимости дѣйствуетъ и стремится къ благу. И подобно тому, какъ на Олимпійскихъ играхъ награждаются вѣнцомъ не самые красивые и самые сильные, а принимавшіе участіе въ состязаніяхъ (ибо въ ихъ числѣ находятся побѣдители), точно также и въ жизни только тѣ достигаютъ καλοκἀγαθίαν, которые дѣйствуютъ. За то жизнь такихъ людей сама по себѣ пріятна, ибо наслажденіе—душевное состояніе, и каждому пріятно только то, что̀ онъ любитъ; такъ, человѣку, любящему лошадей, нравятся лошади, любящему зрѣлища нравится театръ; точно также все справедливое нравится человѣку, любящему справедливость, и вообще всякая добродѣтель нравится человѣку, любящему добродѣтель. Наслажденія большинства людей, правда, противорѣчатъ другъ другу вслѣдствіе того, что ихъ наслажденія

Библиотека "Руниверс"

не суть таковыя по природѣ; напротивъ того, люди, любящіе прекрасное, наслаждаются тѣмъ, что по своей природѣ способно доставить наслажденіе, а къ такимъ предметамъ должно причислить дѣйствія, сообразныя съ добродѣтелью: они-то и нравятся подобнымъ людямъ и прекрасны сами по себѣ. Жизнь такихъ людей вовсе не нуждается въ наслажденіи, какъ въ какомъ-то украшеніи, ибо содержитъ въ себѣ наслажденіе. Сверхъ всего сказаннаго, тотъ человѣкъ нехорошъ, который не восхищается прекрасными поступками, точно также, какъ никто не назоветъ справедливымъ того, кто не восхищается справедливыми поступками, или же щедрымъ того, кто не восхищается щедростью. Это справедливо и въ другихъ случаяхъ. Если это такъ, то и дѣйствія, сообразныя съ добродѣтелью, должны быть сами по себѣ пріятными, а сверхъ того, и хорошими и прекрасными, и притомъ каждое изъ указанныхъ качествъ имъ свойственно въ высшей мѣрѣ, если только вѣрно наше утвержденіе, что о такихъ дѣйствіяхъ судить хорошо въ состояніи лишь хорошій человѣкъ. И такъ, блаженство лучше всего, прекраснѣе и пріятнѣе всего, и эти три качества въ немъ нераздѣльны, какъ въ эпиграммѣ въ Делосѣ, которая гласитъ:

> Справедливость прекраснѣе всего, лучше всего здоровье,
> А пріятнѣе всего—достичь того, что любишь.

Все это соединено въ дѣйствіяхъ, сообразныхъ съ добродѣтелью, а они-то или одни изъ нихъ—наиболѣе высокія, и суть блаженство, какъ мы утверждаемъ. Однако, кажется, что блаженство все же нуждается, какъ мы сказали, и въ внѣшнихъ благахъ, ибо не возможно или трудно человѣку неимущему дѣлать прекрасныя дѣла, и многое можетъ быть осуществлено лишь при помощи, такъ-сказать, инструментовъ, то-есть, друзей, богатства и политическаго вліянія; при отсутствіи извѣстныхъ условій, какъ напримѣръ, благороднаго происхожденія, хорошихъ дѣтей, красоты, блаженство неполно; тотъ, конечно, не очень пригоденъ къ блаженству, у кого видъ непристойный, или кто неблагороднаго происхожденія, или холостъ, или бездѣтенъ, а еще менѣе пригоденъ тотъ, дѣти коего и друзья или совсѣмъ дурны, или же если они, бывши хорошими, умерли. И такъ кажется, что блаженство нуждается, какъ мы сказали, и въ подобной тщетѣ; отсюда и возникаетъ то, что одни приравниваютъ блаженство къ внѣшнимъ условіямъ счастья, а другіе къ добродѣтели.

§ 10. Отсюда является затрудненіе объяснить, какъ возникаетъ блаженство: можно ли ему научиться, или пріобрѣсть привычкой, или

Библиотека "Руниверс"

другимъ какимъ путемъ, или же оно дается какою-то божественною судьбой, или даже просто случаемъ. Конечно, если боги надѣлили чѣмъ-либо человѣка, то слѣдуетъ и блаженство считать даромъ боговъ, и тѣмъ болѣе, что оно есть лучшее, чѣмъ владѣютъ люди. Этотъ вопросъ лучше разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ, но если бы даже блаженство не было даромъ боговъ, а пріобрѣтено было добродѣтелью, или обученіемъ, или упражненіемъ, то все же оно останется чѣмъ-то божественнымъ. Ибо кажется, что цѣль и награда добродѣтели должна быть чѣмъ-то прекраснымъ, божественнымъ и блаженнымъ. Въ такомъ случаѣ блаженство есть цѣль общая всѣмъ, ибо всѣ, не совсѣмъ лишенные добродѣтелей, въ состояніи достичь его извѣстнымъ обученіемъ и трудомъ. И если это справедливо, то лучше стать блаженнымъ этимъ путемъ, чѣмъ случаемъ, а весьма вѣроятно, что оно справедливо, если только справедливо, что все въ природѣ наилучшимъ образомъ приспособлено. То же самое можно сказать про созданія искусства и всякой вообще причины, а тѣмъ болѣе высшей причины; было бы ошибочно предоставить все лучшее и величайшее случаю; это явствуетъ и изъ опредѣленія изслѣдуемаго нами объекта: вѣдь сказано, что блаженство состоитъ въ извѣстнаго рода дѣятельности, сообразной съ добродѣтелью. Что касается остальныхъ благъ, то они частью необходимы, частью же играютъ роль пособій, полезностей и средствъ. Все это согласно съ тѣмъ, что̀ сказано въ началѣ: тамъ мы высказали мысль, что цѣль политики—наиболѣе высокая; ея главная забота состоитъ въ томъ, чтобы придать гражданамъ извѣстнаго рода хорошія качества и сдѣлать ихъ людьми, поступающими прекрасно; поэтому-то мы и не называемъ ни быка, ни лошадь, ни другое какое либо животное блаженнымъ, ибо ни одно изъ нихъ не въ состояніи принять участіе въ подобной дѣятельности. По этой же самой причинѣ и ребенокъ не блаженъ, потому что онъ, въ силу своего возраста, не можетъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, а если же мы и назовемъ его блаженнымъ, то лишь въ надеждѣ на будущее; поэтому необходима, какъ мы сказали, совершенная добродѣтель и совершенная жизнь, а такъ какъ жизнь подвержена многимъ измѣненіямъ и разнообразнымъ случайностямъ, то можетъ произойдти, что на того, кому очень хорошо жилось, подъ старость обрушатся несчастія, какъ, напримѣръ, разсказываютъ въ героическихъ пѣсняхъ про Пріама; человѣка, испытавшаго подобныя бѣдствія и умершаго въ несчастіи, никто не назоветъ счастливымъ.

§ 11. А можетъ быть, вообще ни одного человѣка не слѣдуетъ

Библиотека "Руниверс"

считать счастливымъ, пока онъ живетъ, и должно, по выраженію Солона, смотрѣть на конецъ. Но если даже и такъ, то спрашивается: можетъ ли быть счастливымъ тотъ, кто умеръ? Не совершенно ли это нелѣпо, особенно для насъ, полагающихъ блаженство въ дѣятельности? Но даже если бы мы и не называли умершаго счастливымъ, и если Солонъ не это хотѣлъ сказать, а лишь то, что только тогда можно безошибочно назвать человѣка блаженнымъ, когда онъ находится внѣ всякихъ несчастій и бѣдствій, даже и въ этомъ случаѣ остается нѣкоторое затрудненіе. Вѣдь, кажется, и для умершаго есть своего рода зло и благо, какъ напримѣръ, почести или безчестіе, счастье или несчастье дѣтей или вообще потомства, точно также, какъ для человѣка живаго, но не чувствующаго [напримѣръ, спящаго]. Но вотъ и еще затрудненіе: человѣкъ, до старости счастливо жившій и въ счастіи умершій, можетъ подвергнуться разнымъ превратностямъ судьбы по отношенію къ потомкамъ: одни изъ нихъ могутъ быть людьми хорошими и получить въ удѣлъ жизнь по заслугамъ, другіе—на оборотъ; ясно, что ихъ судьба во многомъ можетъ отличаться отъ судьбы родителей; нелѣпо въ такомъ случаѣ и умершаго подвергать превратностямъ судьбы и дѣлать его то счастливымъ, то вновь несчастнымъ; съ другой стороны, также утверждать, что нѣтъ никакой связи и ни въ какое время между судьбой родителей и ихъ потомковъ—нелѣпо. Но вернемся къ первому затрудненію; можетъ быть, оно уяснитъ намъ и настоящее [затрудненіе]. Если же должно взирать на конецъ и считать каждаго блаженнымъ не по стольку, по сколько онъ теперь блаженъ, а по скольку онъ ранѣе былъ такимъ, то какъ же избѣжать нелѣпости, что человѣку счастливому въ настоящемъ времени нельзя приписать качества принадлежащаго ему, не впадая въ ошибку, и это только вслѣдствіе нехотѣнія назвать счастливыми живущихъ, помня превратности судьбы и считая блаженство чѣмъ-то твердымъ и неизмѣннымъ, въ то время какъ одни и тѣ же люди подвержены круговороту судьбы. Ясно, что если мы будемъ слѣдовать за судьбами, то намъ часто придется одного и того же называть то счастливымъ, то опять несчастнымъ, и мы сдѣлаемъ изъ блаженства своего рода хамелеона и нѣчто не имѣющее прочнаго основанія.

Или, можетъ быть, совершенно невѣрно сообразовать наше сужденіе съ измѣненіями судьбы: вѣдь не въ нихъ лежитъ счастье или несчастье; они лишь нужны, какъ мы сказали, для человѣческой жизни, въ то время, какъ блаженствомъ управляетъ дѣятельность, сообразная

Библиотека "Руниверс"

съ добродѣтелью, злополучіемъ же—противоположное. Только что высказанное затрудненіе свидѣтельствуетъ объ истинности нашего опредѣленія, ибо ни въ какомъ другомъ дѣлѣ не проявляется на столько человѣческая твердость и постоянство, какъ въ дѣйствіяхъ сообразныхъ съ добродѣтелью; она намъ кажется даже постояннѣе, чѣмъ науки; изъ подобныхъ дѣйствій тѣ цѣнятся выше всего, которыя наиболѣе постоянны, ибо въ нихъ по преимуществу проходитъ жизнь блаженныхъ людей. Въ этомъ, кажется, лежитъ причина, почему они [то-есть, подобныя дѣйствія] не забываются. И такъ, блаженный будетъ обладать искомымъ качествомъ, и онъ будетъ таковымъ въ теченіе всей жизни, ибо онъ всегда или, по крайней мѣрѣ, по большей части будетъ дѣйствовать и мыслить сообразно съ добродѣтелью, а превратности судьбы отлично будетъ переносить, какъ вообще человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій, про котораго можно сказать, что онъ „совершенный“ (τετράγωνος) и безупречный. Человѣческая жизнь полна различныхъ, частью большихъ, частью малыхъ случайностей. Ясно, что незначительныя счастливыя случайности и также, на оборотъ, незначительныя бѣды не имѣютъ важности въ жизни; за то большія и частыя счастливыя случайности дѣлаютъ жизнь болѣе блаженною (такъ какъ они сами по себѣ украшаютъ жизнь, а кромѣ того, ими можно воспользоваться для хорошихъ и добрыхъ дѣлъ); напротивъ того, великія бѣдствія уменьшаютъ и омрачаютъ блаженство, ибо они создаютъ печаль и препятствуютъ многимъ дѣйствіямъ. Но и въ такихъ обстоятельствахъ можетъ проявиться прекрасная душа, какъ скоро человѣкъ станетъ бодро переносить великія и частыя бѣдствія, и не вслѣдствіе равнодушнаго характера, а въ силу благородства и великодушія. Если жизнь зависитъ отъ дѣятельности, какъ мы сказали, то ни одинъ блаженный не можетъ стать несчастнымъ, ибо никогда не станетъ дѣлать ненавистное и дурное.

Мы думаемъ, что тотъ есть истинно хорошій и благомыслящій человѣкъ, кто съ нѣкоторымъ достоинствомъ переноситъ превратности судьбы и всегда при извѣстныхъ данныхъ обстоятельствахъ поступаетъ наилучшимъ образомъ, подобно хорошему полководцу, который съ предоставленнымъ ему войскомъ достигаетъ наибольшихъ военныхъ успѣховъ, или подобно хорошему сапожнику, который изъ данной ему кожи сошьетъ наилучшіе сапоги; это справедливо и относительно остальныхъ художниковъ и ремесленниковъ. Если это такъ, то счастливый никогда не можетъ стать несчастнымъ; онъ не ста-

Библиотека "Руниверс"

нетъ и блаженнымъ, если на него обрушатся несчастія Пріама, однако все же не будетъ перемѣнчивымъ, и не легко будетъ лишить его блаженства случайными несчастіями, а развѣ только великими и часто повторяющимися; но, разъ впавъ въ несчастье, онъ не станетъ въ короткое время вновь счастливымъ, развѣ только если ему удастся совершить великія и прекрасныя дѣла въ теченіе долгаго и непрерывнаго времени. И такъ, что мѣшаетъ намъ назвать счастливымъ человѣка, дѣйствующаго сообразно съ совершенною добродѣтелью, въ достаточной мѣрѣ надѣленнаго внѣшними благами и притомъ дѣйствующаго не въ теченіе какого-либо срока, а въ теченіе всей жизни? Или же слѣдуетъ прибавить: человѣка, жившаго такъ и умершаго такъ, въ виду того, что грядущее намъ не ясно, а блаженство мы считаемъ цѣлью во всѣхъ отношеніяхъ законченною? Если такъ, то блаженными, и притомъ блаженными людьми, мы назовемъ тѣхъ, которые имѣютъ или будутъ имѣть указанныя качества. Пусть будетъ достаточно сказаннаго объ этихъ вопросахъ. Все же, однако, кажется противорѣчащимъ общепринятымъ мнѣніямъ—вовсе не принимать въ разчетъ судьбу потомковъ и всѣхъ друзей. Такъ какъ превратности судьбы различаются, какъ количественно, такъ и качественно, и такъ какъ однѣ изъ нихъ имѣютъ большее значеніе, другія—меньшее, то распредѣленіе ихъ на группы покажется обширною и даже безполезною задачей; достаточно будетъ дать нѣсколько общихъ точекъ зрѣнія въ крупныхъ чертахъ. Одни несчастія имѣютъ извѣстное значеніе и вліяніе на нашу жизнь, а другія менѣе важны; то же должно сказать и о всѣхъ несчастіяхъ, касающихся нашихъ друзей; но разница въ томъ, обрушится ли несчастье на живущаго или на умершаго; разница гораздо большая, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы видимъ ужасы и беззаконія въ трагедіи, или совершающимися въ дѣйствительности. Должно, значитъ, принять въ разчетъ и это различіе, и еще большее затрудненіе—причастны ли вообще умершіе къ счастью или къ несчастью. Изъ того, что сказано, слѣдуетъ, что даже если бы счастіе и несчастіе касалось хоть сколько-нибудь умершихъ, то все же лишь немного или незначительно, и притомъ это участіе ихъ или безусловно незначительно, или же таково лишь для нихъ. А если же даже и не такъ, то все же это участіе не на столько велико, чтобы сдѣлать ихъ изъ счастливыхъ несчастными или же у блаженныхъ отнять блаженство.

И такъ, кажется, что благоденствіе и бѣдствія друзей хоть нѣсколько касаются умершихъ, но однако не на столько, чтобы сдѣлать

Библиотека "Руниверс"

ихъ изъ счастливыхъ несчастными, или вообще не на столько, чтобъ измѣнить ихъ состояніе.

§ 12. Разъяснивъ это, разсмотримъ вопросъ, слѣдуетъ ли блаженство относить къ предметамъ, заслуживающимъ похвалы, или же скорѣе къ предметамъ, заслуживающимъ уваженія. Ясно, что оно не относится къ возможностямъ. Все что̀ хвалимо, представляется извѣстнымъ качествомъ и хвалится по отношенію къ чему-либо. Справедливаго, храбраго и вообще хорошаго человѣка и добродѣтель мы хвалимъ за ихъ дѣйствія и дѣла, точно также и сильнаго или быстраго и т. д. мы хвалимъ за ихъ качества и за то, что они имѣютъ извѣстное отношеніе къ благу и къ нравственному совершенству. Ясно это и изъ похвалъ, обращаемыхъ къ богамъ: онѣ покажутся смѣшными въ приложеніи къ нимъ, и это потому, что всякая похвала возникаетъ, какъ мы сказали, изъ извѣстнаго отношенія. Если такова природа похвалы, то она не приложима къ самымъ высокимъ предметамъ, а имъ, какъ кажется, свойственно нѣчто большее и лучшее, ибо боговъ мы не хвалимъ, а почитаемъ блаженными и счастливѣйшими; точно также мы почитаемъ блаженными и наиболѣе божественныхъ людей. То же самое можно сказать и о благахъ. Никто не хвалитъ блаженство или справедливость, а считаютъ ихъ чѣмъ-то божественнымъ и превосходнымъ, чѣмъ-то стоящимъ выше всякихъ похвалъ. По этой-то причинѣ и Эвдоксъ справедливо причислилъ наслажденіе къ прекраснѣйшимъ предметамъ; онъ полагалъ, что оно лучше, чѣмъ предметы, заслуживающіе похвалы, такъ какъ его не хвалятъ, хотя оно и принадлежитъ къ числу благъ; Божество и высшее благо онъ относилъ туда же, такъ какъ все остальное зависитъ отъ нихъ. Похвала же принадлежитъ добродѣтели, ибо она дѣлаетъ насъ способными ко всему прекрасному; хвалебные же гимны относятся въ одинаковой мѣрѣ, какъ къ душевной, такъ и къ физической дѣятельности. Но разсмотрѣніе этого вопроса скорѣе относится къ наукѣ, изслѣдующей хвалебные гимны [ритóрикѣ]. Для насъ же ясно, что блаженство относится къ предметамъ, заслуживающимъ уваженія, и притомъ безусловно. Это слѣдуетъ, какъ кажется, и изъ того, что блаженство—начало [принципъ], ибо къ нему мы направляемъ всю нашу дѣятельность. Принципъ же и причину благъ мы называемъ чѣмъ-то божественнымъ и заслуживающимъ уваженія.

§ 13. Если блаженство состоитъ въ душевной дѣятельности, сообразной съ добродѣтелью, то мы должны изслѣдовать добродѣтель; можетъ быть, что мы тогда лучше поймемъ и природу блаженства.

Библиотека "Руниверс"

Кажется также, что истинный государственный человѣкъ болѣе всего заботится о добродѣтели, ибо онъ хочетъ сдѣлать гражданъ хорошими людьми, повинующимися законамъ: примѣромъ намъ могутъ служить законодатели Крита и Лакедемона и другіе, равные имъ по значенію. Если этотъ вопросъ относится къ политикѣ, то ясно, что наше разсужденіе слѣдуетъ пути, котораго мы намѣревались держаться. Если мы говоримъ, что нужно изслѣдовать понятіе добродѣтели, то конечно, мы разумѣемъ человѣческую добродѣтель, ибо вѣдь мы изслѣдуемъ благо человѣческое и блаженство человѣческое; но говоря о человѣческой добродѣтели, мы разумѣемъ не тѣлесную, а душевную: вѣдь и блаженство мы опредѣлили какъ душевную дѣятельность. Если это такъ, то ясно, что политикъ долженъ въ то же время знать нѣсколько психологію, подобно тому, какъ тотъ, кто хочетъ лѣчить глазъ, долженъ знать строеніе всего тѣла, и притомъ эти свѣдѣнія для перваго на столько необходимѣе, на сколько политика выше врачебнаго искусства,—поэтому образованные врачи усердно занимаются познаніемъ тѣла. И такъ, и политикъ долженъ заняться психологіей, и притомъ заняться ради своего предмета, но на столько, на сколько достаточно для изслѣдуемаго имъ объекта, ибо болѣе подробное и внимательное занятіе психологіей отвлекло бы его только отъ его непосредственной задачи. Нѣкоторые отдѣлы психологіи въ достаточной мѣрѣ изложены въ экзотерическихъ лекціяхъ, и ими можно воспользоваться; напримѣръ, можно заимствовать положеніе, что одна часть души не разумна, другая же разумна. Для настоящаго изслѣдованія не имѣетъ значенія вопросъ, отдѣлимы ли эти части подобно членамъ тѣла и подобно всему протяженному, или же онѣ не отдѣлимы, и только мышленіе разложило ихъ на два понятія, подобно тому, какъ въ кругѣ не отдѣлимы выпуклая отъ вогнутой стороны линіи. Одна часть неразумной души—растительная—обща всѣмъ существамъ: я разумѣю причину питанія и роста; эту душевную способность необходимо принять во всемъ, что̀ питается, и даже въ эмбріонахъ, но ее же съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ какую-либо иную, должно принять и въ существахъ вполнѣ развитыхъ. И такъ, добродѣтель этой части души обща всѣмъ существамъ, а не спеціально человѣческая. Кажется, что эта часть и способность человѣческой души болѣе всего дѣятельна во время сна; и хорошій, и дурной человѣкъ менѣе всего проявляются во снѣ, почему и говорятъ, что половина жизни счастливыхъ людей ничѣмъ не отличается отъ жизни несчастныхъ, и это весьма естественно, ибо сонъ есть бездѣйствіе

Библиотека "Руниверс"

именно той способности души, въ силу которой она называется хорошею или дурною; разница только въ томъ случаѣ, когда кое-какія слабыя движенія достигаютъ все же души, и поэтому сновидѣнія порядочныхъ людей становятся лучшими, чѣмъ другихъ какихъ-либо. Но достаточно объ этомъ. Оставимъ въ сторонѣ питательную часть души, такъ какъ она не имѣетъ отношенія къ человѣческой добродѣтели. Кажется, что и еще одна сторона души неразумна, хотя и стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ разуму. Вѣдь хвалимъ же мы въ человѣкѣ воздержномъ и невоздержномъ разумъ и разумную часть души, ибо онъ побуждаетъ къ истинѣ и прекрасному. Но есть въ этихъ людяхъ, какъ кажется, нѣчто другое помимо разума, что̀ борется и противодѣйствуетъ ему. Какъ члены тѣла, разбитые параличомъ, повертываются въ лѣвую сторону, когда человѣкъ намѣренъ передвинуть ихъ вправо, точно то же происходитъ и въ душѣ невоздержныхъ людей, страсти которыхъ влекутъ ихъ въ сторону противоположную [разуму]. Разница только въ томъ, что въ тѣлѣ мы видимъ это обратное движеніе, въ душѣ же не видимъ; тѣмъ не менѣе однако нужно будетъ и въ душѣ признать нѣчто помимо разума, что̀ противодѣйствуетъ ему и идетъ на перекоръ. Дальнѣйшія различія насъ здѣсь не касаются.

Однако, какъ мы сказали, это нѣчто причастно разуму, ибо у людей воздержныхъ оно повинуется разуму, а у людей умѣренныхъ и мужественныхъ оно повинуется тѣмъ охотнѣе, что въ нихъ все согласуется съ разумомъ. И такъ, и неразумная часть души двоякая: растительная, нисколько непричастная разуму, и страстная или, вообще говоря, стремящаяся, причастная, по скольку она повинуется разуму и слушаетъ его [1]). Наставленія и вообще всякая похвала и хула указываютъ на то, что неразумная часть души нѣсколько повинуется разуму. И такъ, если слѣдуетъ допустить, что и эта часть души причастна разуму, то необходимо признать и разумъ двоякимъ: съ одной стороны, властвующимъ и владѣющимъ разумомъ, съ другой—повинующимся какъ бы отеческой власти. Слѣдуя этому различію, нужно раздѣлить и добродѣтель: однѣ добродѣтели мы назовемъ діаноэтическими [интеллектуальными], другія — этическими [волевыми добродѣтелями характера]. Мудрость, разумность и

---

[1]) Здѣсь пропущено слѣдующее предложеніе: οὕτω δὴ καὶ τοῦ πατρὸς καὶ τῶν φίλων φαμὲν ἔχειν λόγον, καὶ οὐχ ὥσπερ τῶν μαθηματικῶν. Очевидно, испорченъ текстъ.

Библиотека "Руниверс"

благоразуміе мы отнесемъ къ діаноэтическимъ, щедрость и умѣренность—къ этическимъ добродѣтелямъ. Говоря о характерѣ кого-либо, мы не назовемъ его мудрымъ или разумнымъ, а кроткимъ или умѣреннымъ, а хвалимъ мы также и мудраго за пріобрѣтенное имъ качество. Добродѣтелями вообще мы называемъ похвальныя пріобрѣтенныя свойства души.

Э. Радловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

НОВЫЯ РАСКОПКИ ВЪ ЕЛЕВСИНѢ.

Значеніе, которое имѣлъ Елевсинъ въ религіозной жизни эллинскаго міра, давно заставило обратить вниманіе на его развалины. У первыхъ путешественниковъ по Элладѣ, отъ Спона и Уелера (Wheler) до Фушеро, мы встрѣчаемъ уже болѣе или менѣе обстоятельныя описанія Елевсина. Англійскому обществу дилеттантовъ (Society of Dilettanti), взявшему на себя продолжать работы Стюарта и Реветта, принадлежитъ мысль произвести научныя изысканія на мѣстѣ, гдѣ стояли священныя зданія Елевсина. Археологи, командированные обществомъ въ 1764 году для изслѣдованія Малой Азіи и Эллады, первые предприняли очищеніе почвы, на которой стояли священныя зданія Елевсина (Antiq. of Jonia, t. II, pref. II; ср. стр. 22); но обстоятельства того времени были такъ неблагопріятны, что работы скоро пришлось оставить. Спустя пятьдесятъ лѣтъ общество отправило въ Элладу новую коммиссію, во главѣ которой стояли Гелль, Генди и Бедфордъ; этой коммиссіи удалось, въ общемъ, блистательно выполнить возложенную на нее задачу [1]). Англійскіе археологи подвергли между прочимъ изслѣдованію площадь, прилегающую съ юго-востока къ холму, служившему елевсинскимъ акрополемъ [2]); здѣсь ими открыты или точнѣе описаны храмъ Артемиды, пропилеи, ведшія въ священный округъ Деметры и Коры, внутренній порталъ (малыя пропилеи),

---

[1]) Результаты работъ англійскихъ археологовъ изложены въ Inedited Antiquities of Attica; въ аѳинскихъ библіотекахъ нѣтъ этого изданія, и потому я пользовался французскимъ переводомъ *Hittorff* (Paris. 1832).

[2]) Периволъ, окружавшій большой елевсинскій храмъ, составлялъ, какъ извѣстно, также существенную часть елевсинской крѣпости. Liv. XXXI, 25. Ср. Scyl. Per. 57.

Библиотека "Руниверс"

стѣна священнаго округа и большой елевсинскій храмъ. Первыя три зданія изслѣдованы и реконструированы англійскими учеными на столько удачно, что дальнѣйшія изысканія едва-ли прибавятъ что-либо существенное, тѣмъ болѣе, что многое, найденное англійскими археологами, исчезло потомъ безслѣдно. Напротивъ того, храмъ Димитры и Коры и периволъ по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ изслѣдователей [1]), были раскопаны очень поверхностно, и получившіеся результаты оставляли желать очень многаго. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что англійскія раскопки касались только священныхъ зданій Елевсина, оставляя нетронутыми акрополь и остатки нижняго елевсинскаго города, разбросанные главнымъ образомъ между периволомъ большаго храма и берегомъ Елевсинской бухты. Попытка Фр. Ленормана докончить дѣло, начатое обществомъ дилеттантовъ, осталась безуспѣшною. Такимъ образомъ только Аѳинскому археологическому обществу (Ἡ ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικὴ Ἑταιρία) удалось въ послѣднее время сильно подвинуть впередъ изслѣдованіе, начатое болѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1882 года етэрія командировала ефора Филія (Φίλιος) для производства раскопокъ въ священномъ округѣ Елевсина, при чемъ данная совѣтомъ етэріи инструкція обязывала ефора начать изысканія съ храма Димитры и Коры; согласно этому раскопки сосредоточивались до сихъ поръ на храмѣ и ближайшей къ нему части священнаго округа. Къ декабрю мѣсяцу 1882 года раскопки подвинулись впередъ на столько, что явилась возможность дать планъ, обнимающій, кромѣ храма, почти весь τέμενος къ юго-западу отъ пропилей; планъ былъ сдѣланъ по предложенію Археологическаго общества В. Дёрпфельдомъ и опубликованъ въ видѣ приложенія къ отчету Филія, помѣщенному въ Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας за 1882 г. (стр. 84—103). Лѣтомъ 1883 года раскопки продолжались подъ руководствомъ того же ефора; сдѣланныя открытія еще нѣсколько дополняютъ данныя, сообщенныя на планѣ. Открытія, добытыя двухлѣтними раскопками, вполнѣ даютъ возможность составить понятіе объ архитектурѣ знаменитаго храма [2]).

---

[1]) Antiquités inédites p. *Hittorff*, p. 30: Beaucoup d' habitations modernes, qui occupent cette pente formée des nombreux débris de l'édifice, s'opposèrent d'une manière fâcheuse aux investigations nécessaires pour relever l' ensemble général du plan. Ср. p. 34.

[2]) Считаю долгомъ выразить при семъ свою благодарность завѣдующему раскопками г. Филію. Имѣвъ случай неоднократно посѣщать елевсинскія раскопки, я всегда встрѣчалъ со стороны г. ефора предупредительнѣйшее содѣйствіе

Библиотека "Руниверс"

Прежде чѣмъ обратиться къ тѣмъ даннымъ, какія констатированы раскопками относительно храма, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ состояніи, въ которомъ находится перивол[1]). Направленіе, въ которомъ шелъ периволъ между пропилеями (на сѣверѣ τέμενος'а) и сооруженіемъ изъ четырехугольныхъ колоннъ, обозначенныхъ на планѣ къ сѣверо-западу отъ стѣны A, не можетъ быть указано несомнѣнно; впрочемъ, на сколько можно дѣлать предположенія, направленіе стѣны вѣрно угадано англійскими археологами (Bursian, Geogr. d. Griechenl., I, taf. VII). Изъ стѣнъ, составляющихъ параллелограммъ K, наружная сложена изъ камней, принадлежащихъ по обдѣлкѣ хорошему времени эллинской архитектуры. Несомнѣннымъ становится направленіе перивола къ юго-востоку отъ угла ξ; способъ устройства стѣны здѣсь не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при самой постройкѣ имѣли въ виду извнутри засыпать ее (ср. Πρακτ. стр. 93, прим.). На разстояніи 10 метровъ отъ угла ξ (по линіи параллельно фронту храма) пространство, гдѣ долженъ проходить периволъ, еще не изслѣдовано; онъ открывается противъ восточнаго изъ контрфорсовъ стои храма μ. Отсюда до екседры π извнутри τέμενος'а можно прослѣдить двѣ параллельныя вѣтви перивола, изъ которыхъ на планѣ проектирована только наружная; эти двѣ вѣтви соединялись между собою нѣсколькими поперечными стѣнами; разстояніе между (главными) вѣтвями 5,70; всѣ эти стѣны выстроены очень небрежно. Двѣ вѣтви восточной части перивола вмѣстѣ съ стѣнами параллелограмма K дали, вѣроятно, англійскимъ изслѣдователямъ поводъ принять, что вокругъ храма было двѣ приблизительно параллельныя стѣны, и соотвѣтственно тому два τέμενος'а (см. планъ у Бурзіана). Что касается наружной стороны восточнаго перивола, то на данномъ протяженіи сохранившуюся стѣну по архитектурѣ нужно раздѣлить на нѣсколько участковъ. На разстояніи около 12 метровъ отъ угла, проектированнаго нѣсколько восточнѣе контрфорса μ, она могла возникнуть только въ позднѣйшее время; камни, принадлежащіе самымъ

въ моихъ работахъ. Г. Филій дѣлаетъ самое широкое употребленіе изъ той φιλελευθερία въ отношеніи къ иностраннымъ ученымъ, которою, по справедливости, гордится Аѳинское археологическое общество.

[1]) Слѣдующія ссылки относятся къ прилагаемому плану раскопокъ, взятому изъ Πρακτικά. Бо́льшая часть даваемыхъ ниже измѣреній заимствована изъ упомянутой статьи г. Филія.

Библиотека "Руниверс"

разнымъ періодамъ архитектуры, задѣланы здѣсь рядомъ. Въ слѣдующей части, длина которой можетъ быть принята въ 19 м., фундаментъ еще не разрытъ; изъ-подъ массы земли видно отъ двухъ до пяти рядовъ камней; судя по обдѣлкѣ лицевой стороны плитъ, эта часть стѣны могла возникнуть только въ римское время. Надъ обоими отмѣченными участками сохранились вверху остатки средневѣковой постройки. Далѣе къ югу на протяженіи 56 м. периболъ еще не раскопанъ, и только по мѣстамъ встрѣчаются, по видимому, in situ плохо обдѣланные камни изъ слабаго саламинскаго известняка. Остальная часть восточной стѣны, наравнѣ съ южною стѣною, принадлежитъ лучшей порѣ эллинской архитектуры. Прекрасно обдѣланные камни, изъ которыхъ она возведена, сложены безъ цемента; наружу они обращены попеременно, по рядамъ, то широкою, то узкою своею стороной; поперечныя фуги соотвѣтствующихъ рядовъ находятся на прямой линіи; высота южной стѣны по мѣстамъ доходитъ до 3 м. [1]). Въ западной части τέμενος поднимался къ акрополю, заканчиваясь террасою Е Е; относительно стѣны, замыкавшей террасу со стороны холма акрополя, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Посреди священнаго округа находился храмъ. Предъ его фронтомъ, съ восточной стороны, открыты остатки стои; со всею вѣроятностію можно предположить, что мы имѣемъ дѣло съ стоею, построенною предъ елевсинскимъ святилищемъ въ концѣ IV в. до Р. Х. архитекторомъ Филономъ [2]); архитектура портика вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе. На сколько раскопанъ стереобатъ стои, его составляли отъ восьми до одиннадцати рядовъ камней, смотря по уровню почвы; съ восточной стороны стереобатъ поддерживаютъ три [3]) контрфорса, имѣющіе форму столбовъ одной высоты съ стереобатомъ; средняя ширина ихъ 2 м. при толщинѣ

---

[1]) Нѣсколько далѣе церкви къ западу въ стѣнѣ сохранились значительные остатки четырехугольной башни; отъ круглой башни, заканчивавшей периболъ на югѣ, виденъ только фундаментъ.

[2]) Vitruv. VIII. praef. Eleusine Cereris et Proserpinae cellam, immani magnitudine, Ictinus Dorico more sine exterioribus columnis ad laxamentum usus sacrificiorum pertexuit. Eam autem postea, quum Demetrius Phalereus Athenis rerum potiretur, Philon, ante templum in fronte columnis constitutis, prostylon fecit: ita aucto vestibulo laxamentum initiantibus operique summam adiecit auctoritatem.

[3]) На планѣ указано только два; но послѣ работъ Дёрпфельда открытъ еще третій, приблизительно на срединѣ стереобата стои.

Библиотека "Руниверс"

1,70. Расположеніе рядовъ камней въ контфорсахъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что они выстроены въ то время, когда стереобатъ былъ уже готовъ. Наибольшая высота стереобата стои съ сѣверной стороны 5,50; обдѣлка камней, составляющихъ его, очень плоха; по видимому, уже при самой постройкѣ его предполагалось засыпать. На камняхъ, заложенныхъ въ нижніе ряды, встрѣчается много помѣтокъ каменьщиковъ [1]) (Versatzmarken). Крипида возвышается надъ стереобатомъ тремя ступенями, сдѣланными изъ такъ называемаго елевсинскаго камня [2]). Отъ колоннъ стои сохранились только обломки; нѣкоторые изъ нихъ, принадлежащіе нижнимъ спондиламъ, находятся еще in situ; мѣсто остальныхъ достаточно указывается углубленіями на полу стои, въ которыя прилаживался нижній спондилъ [3]). По фронту стои возвышалось 12 колоннъ, и по одной находилось по бокамъ на линіи стѣнъ храма. Колонны были изъ пентельскаго мрамора, дорическаго ордена; по видимому, онѣ никогда не были окончательно обдѣланы; по крайней мѣрѣ, на сохранившихся частяхъ стержня каннелюры существуютъ только въ нижнемъ спондилѣ на 0,17 высоты отъ стилобата [4]) и по ὑποτραχήλιον'у на 0,20 отъ annuli. Между каннелюрами существуютъ scamilli, а annuli отличаются замѣчательною шириной (0,015). Діаметръ колоннъ приблизительно можно принять въ 1,97; высота колоннъ не можетъ быть опредѣлена вполнѣ точно, но по обычной пропорціи ее можно предполагать въ 10,80, что̀ приблизительно равняется высотѣ колоннъ храма Зевса въ Олимпіи. Intercolumnium между передними колоннами составляетъ 2,85, между боковыми 2,40; боковыя стѣны храмовой целлы оканчивались къ стоѣ антами. Глубина стои до стѣны храмовой целлы составляетъ 11,50; это обстоятельство заставляетъ предполагать, что при одномъ рядѣ колоннъ крыша надъ стоей не могла быть каменною. Отъ верхней части стои сохранились самые ничтожные

---

[1]) Образцы ихъ даны въ Ἐφ. Ἀρχ. τεῦχ. δεύτερ. стр. 107.

[2]) Филій въ своемъ отчетѣ (стр. 86, прим. 2) отмѣчаетъ фактъ, что на восточной и сѣверной сторонахъ стои ступени крипиды не покрываютъ стереобата, а на югѣ, напротивъ, крипида выступаетъ впередъ стереобата. Это явленіе объясняется тѣмъ, что почва, на которой воздвигнутъ стереобатъ стои, понижается отъ запада къ востоку, и потому въ восточной части для колоннъ была необходима бо́льшая плоскость опоры.

[3]) Первыя обозначены на планѣ затушеванными кругами.

[4]) Относительно тэніи, существующей здѣсь въ верхней части каннелюръ, см. Πρακτ. стр. 87, прим. 1.

Библиотека "Руниверс"

остатки [1]); высота одного найденнаго триглифа изъ пентельскаго мрамора 1,63, ширина 0,90 [2]).

Непосредственное продолженіе стереобата стои составляетъ стереобатъ целлы храма: его высота неодинаковая: между тѣмъ какъ подъ крипидою стои съ сѣверной стороны открыто до сихъ поръ 11 рядовъ камней при высотѣ 5,50, съ поднятіемъ поверхности по направленію къ западу высота подстройки уменьшается, такъ что полъ целлы на всемъ пространствѣ, занятомъ колоннами, былъ вырубленъ прямо въ скалѣ. Крипида целлы поднималась двумя ступенями, для которыхъ былъ употребленъ елевсинскій камень; эти двѣ ступени были на одной высотѣ съ двумя верхними ступенями крипиды стои. Часть южной стѣны целлы къ сѣверо-западу отъ дверн Ω и вся западная стѣна целлы были вырублены въ скалѣ акрополя; наибольшая высота обрубленной скалы простирается здѣсь до 3,50; кромѣ того, на западной сторонѣ сохранился in situ рядъ камней, составлявшихъ вверху продолженіе естественной стѣны, такъ что наибольшая высота открытой до сихъ поръ стѣны храмовой целлы со стороны акрополя можетъ быть принята въ 5 м. Отъ остальной стѣны целлы найдены ничтожные остатки; судя по камнямъ, открытымъ in situ въ пунктѣ b на южной сторонѣ, нужно предполагать, что она состояла изъ двойнаго ряда связанныхъ между собою плитъ елевсинскаго камня; оба горизонтальные ряда давали вмѣстѣ толщину 1,20—1,25. Вдоль стѣны целлы извнутри, вѣроятно, со всѣхъ четырехъ сторонъ шли восемь ступеней Ψ, которыя на западной и отчасти на южной сторонахъ

---

[1]) Англійскіе археологи видѣли plusieurs des caissons en marbre du plafond Ant. inéd. стр. 36. Метопы стои были, по видимому, безъ скульптурныхъ украшеній. Ср. Πρακτ. стр. 102.

[2]) Вопросъ о томъ, предполагалась ли стоя первоначальнымъ планомъ храма, выполненіе котораго откладывалось по разнымъ причинамъ до конца IV вѣка, или же она составляетъ придѣлку, идея которой принадлежала Филону, рѣшается различно. Англійскіе археологи держались перваго взгляда и, по видимому, совершенно основательно; въ виду того, что противъ выставленнаго ими предположенія говоритъ вышеприведенное мѣсто Витрувія, они замѣчаютъ (стр. 31): Mais les notions de cet auteur sont souvent inéxactes, et il n'est pas naturel de penser que l'adjonction d'un portique, qu'il était nécessaire de raccorder avec les proportions et la grandeur des parties existantes, aurait pu s'effectuer de manière à produire un monument en rapport dans tous ses détails, à moins que ce portique ajouté ne fût une continuation de plan primitif. Возраженіе Гиттторфа (прим. 3) противъ этого взгляда основывается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Витрувія.

Библиотека "Руниверс"

были вырублены въ скалѣ, а въ остальной части храма устроены искусственно изъ камней сѣраго мѣстнаго известняка, какъ это доказываютъ остатки этого сооруженія, найденные вдоль южной и восточной стѣнъ целлы [1]). На разрытой части пока найдено много остатковъ колоннъ, по которымъ удобно возстановляется схема расположенія послѣднихъ. Вся внутренность целлы была занята 42 колоннами, изъ которыхъ составлялись 6 рядовъ, параллельныхъ передней сторонѣ храма, и 7—боковымъ. Базы колоннъ состояли изъ круглыхъ плитъ елевсинскаго камня въ 1,40 въ діаметрѣ при высотѣ 0,30, для стержня былъ употребленъ простой известнякъ и конгломератъ; при такомъ устройствѣ естественно предполагать, что стержень колонны былъ покрытъ штукатуркою, скрывавшею неправильность его устройства; это предположеніе подтверждается тѣмъ, что діаметръ стержня нѣсколько меньше діаметра базы [2]). Ближе къ западу базы колоннъ устанавливались прямо на полу целлы; въ восточной части, гдѣ почва ниже, подъ базами была еще подкладка, состоявшая изъ четырехъугольныхъ плитъ. Впрочемъ, устройство подкладки подъ базами не вездѣ одинаково, но встрѣчающіяся отступленія не имѣютъ особаго значенія (Πρακτ. стр. 97, прим.). Intercolumnium между рядами колоннъ съ востока на западъ неодинаковъ, хотя существующая разница и не можетъ пока быть опредѣлена съ точностью. Высѣченная въ скалѣ площадь, служившая естественнымъ поломъ целлы [3]), была покрыта сверху искусственнымъ помостомъ [4]); на это достаточно указываетъ небрежная об-

---

[1]) Число этихъ ступеней и самое ихъ существованіе несомнѣнно констатированы только относительно западной и южной стѣнъ целлы; относительно двухъ другихъ стѣнъ можно дѣлать заключенія по самой вѣроятной аналогіи См. Πρακτ., стр. 98, прим. 1.

[2]) Колонны храма Зевса въ Додонѣ были сдѣланы также изъ самаго дурнаго матеріала и, безъ сомнѣнія, были оштукатурены. *Carapanos*, Dodone et ses ruines p. 18.

[3]) Эта площадь, по измѣреніямъ англійскихъ изслѣдователей, должна лежать значительно ниже пола стои: L'existence de ce pavé, dont le niveau était considérablement plus bas que celui du portique... (стр. 30). Измѣреніями работавшаго въ Елевсинѣ (въ окт. 1883) французскаго архитектора Блаветта доказано, что Dilettanti ошибались: на самомъ дѣлѣ естественный полъ целлы на 0,50 выше помоста стои.

[4]) Σφόδρα πιθανὸν ὅμως καὶ σχεδὸν βέβαιον εἶναι ὅτι ὁ ναὸς ἐπὶ τοῦ βραχώδους αὐτοῦ ἐδάφους εἶχεν ἄλλο τεχνητὸν δάπεδον. Πρακτ. стр. 99, прим.—Dilettanti предполагали невозможность, чтобы открытый полъ могъ принадлежать целлѣ,

Библиотека "Руниверс"

дѣлка самой скалы и неправильности въ устройствѣ подкладокъ подъ базы; эти явленія едва ли могли бы имѣть мѣсто, еслибъ искусственный полъ не скрывалъ отъ глаза всю плоскость ниже базъ колоннъ [1]). Съ южной стороны тамъ, гдѣ целла выдвигается въ скалу, открыта дверь Ω; ширина ея 3,37; порогъ двери сохранился почти въ цѣлости [2]). Внутри целлы открытъ триглифъ пентельскаго мрамора [3]); высота его 1,655 при ширинѣ 0,95; эти размѣры, показывающіе значительную разницу съ триглифомъ стои, исключаютъ возможность предположенія, что этотъ триглифъ перенесенъ сюда отъ стои.

Таковы въ главномъ найденные остатки большаго елевсинскаго храма; значительная часть целлы еще не освобождена отъ насыпи; но будущія изслѣдованія едва ли измѣнятъ существенно добытые уже результаты. Филій въ своемъ отчетѣ замѣчаетъ, что схема целлы

но согласно теоріи, выставленной ими для объясненія внутренняго устройства храма, представляли полъ целлы лежавшимъ значительно выше на открытыхъ колоннахъ (стр. 30).

[1]) Я позволю себѣ высказать догадку, что этотъ помостъ былъ изъ одного матеріала съ базами колоннъ, то-есть, изъ елевсинскаго камня.

[2]) До сихъ поръ не найдено еще остатковъ двери, ведшей въ целлу храма отъ стои, но въ существованіи ея едва ли можно сомнѣваться, и Dilettanti нанесли ее на своемъ планѣ. Независимо отъ другихъ соображеній это подтверждается, по моему мнѣнію, и одною надписью. На поверхности стои или по близости отъ нея найдено много постаментовъ отъ статуй съ надписями на передней сторонѣ. Имѣя въ виду прямое свидѣтельство, что надписи выставлялись въ Елевсинѣ во дворѣ святилища (Ἐφημ. Ἀρχαιολ. τεῦχ. δεύτερ. стр. 86), можно допустить, что всѣ эти памятники находились, во всякомъ случаѣ, предъ передней стороною храма. Основываясь на томъ, что камни почти всегда обдѣланы только съ трехъ сторонъ (спереди и съ боковъ), я готовъ былъ бы принять, что они были выставлены у стѣны, отдѣлявшей стою отъ целлы. На одномъ обломкѣ пентельскаго мрамора, очевидно, принадлежавшемъ постаменту, въ надписи находится интересное мѣсто, которое я привожу здѣсь съ небольшими, сдѣланными мной дополненіями. Отъ имени статуи въ надписи говорятся: ἱστάμαθ' ἀγχίθυροι (Δ)ηοῦς καὶ Κούρης (δ)αιδηφόρου, οὐδέμε νύκτες (λήσ)ουτ' ἠελίου κάλλιον (λαμ)π(όμ)εναι. Если представленное выше соображеніе о мѣстѣ первоначальнаго нахожденія постамента имѣетъ право на вѣроятность, то изъ приведенныхъ словъ слѣдуетъ, что съ восточной стороны целлы находилась дверь, игравшая видную роль во время процессій, которыя входили существеннымъ образомъ въ мистеріи. (Надпись издана въ Ἐφημ. ἀρχ. τεῦχ. τρίτον стр. 145).

[3]) Dilettanti видѣли въ целлѣ гораздо больше остатковъ θριγκός'α (стр. 30).

Библиотека "Руниверс"

является παράδοξον καὶ πρωτοφανὲς τῇ Ἑλληνικῇ ἀρχιτεκτονικῇ (стр. 96). Англійскіе археологи, пытаясь объяснить особенности въ постройкѣ, открытой на мѣстѣ целлы, предполагали, что мы имѣемъ дѣло съ криптою, подземнымъ ходомъ, которымъ пользовались при мистеріяхъ для театральныхъ цѣлей [1]). Это объясненіе, благодаря новымъ открытіямъ, падаетъ само собою. Не должно упускать изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ особымъ типомъ храмоваго зданія, при постройкѣ котораго имѣлись въ виду спеціальныя цѣли, которыя могли не согласоваться съ идеею, лежавшею въ основѣ обычнаго типа греческаго храма. При совершеніи мистерій присутствовали многочисленные зрители; главная церемонія происходила ночью: μυστικὸς σηκός долженъ былъ служить и театромъ, въ которомъ давались ночныя представленія. Совершенно естественно такимъ образомъ, что собственное жилище бога могло быть отдѣлено отъ мѣста, гдѣ совершался главный актъ мистерій, а послѣдніе, сообразно своему характеру, могли быть перенесены въ подземное или вообще скрытое отъ дневнаго свѣта отдѣленіе святилища. Эта архитектурная задача всего полнѣе и естественнѣе разрѣшается типомъ вообще столь рѣдкаго въ греческой архитектурѣ двухъ-этажнаго храма. Согласно прямому свидѣтельству Плутарха [2]), остатки, найденные на мѣстѣ целлы елевсинскаго храма, должны считаться принадлежащими нижнему этажу святилища, который, можетъ быть, носилъ спеціальное названіе τελεστήριον. Ступени, шедшія по сторонамъ целлы, служили мѣстами, сидя на которыхъ посвященные могли созерцать мистическія представленія; древніе сообщаютъ намъ о большихъ массахъ народу, могшихъ помѣститься въ Елевсинскомъ храмѣ [3]); эти извѣстія достаточно подтверждаются тою цыфрою зрителей, которая могла удобно

---

[1]) Стр. 30.

[2]) Periel. XIII: τὸ δ'ἐν Ἐλευσῖνι τελεστήριον ἤρξατο μὲν Κόροιβος οἰκοδομεῖν, καὶ τοὺς ἐπ' ἐδάφους κίονας ἔθηκεν οὗτος καὶ τοῖς ἐπιστυλίοις ἐπέζευξεν. ἀποθανόντος δὲ τούτου Μεταγένης ὁ Ξυπέτιος τὸ διάζωμα καὶ τοὺς ἄνω κίονας ἐπέστησε· τὸ δ' ὀπαῖον ἐπὶ τοῦ ἀνακτόρου Ξενοκλῆς ὁ Χολαργεὺς ἐκορύφωσε.

[3]) Aristid. Panath. Vol. I, p. 191, 8: Μόνοι δὲ τῶν Ἑλλήνων καθ' ἕκαστον ἔτος ποιεῖτε πανήγυριν, οὐδεμιᾶς πεντετηρίδος φαυλοτέραν καὶ δέχεσθε τῷ Ἐλευσινίῳ πλείους ἢ ἕτεροι τῇ πάσῃ πόλει.

Strab. IX, 395: Ἐλευσὶς πόλις, ἐν ᾗ τὸ τῆς Δήμητρος ἱερὸν τῆς Ἐλευσινίας καὶ ὁ μυστικὸς σηκός, ὃν κατεσκεύασεν Ἰκτῖνος ὄχλον θεάτρου δέχεσθαι δυνάμενον (въ послѣднемъ выраженіи, быть можетъ, скрывается намекъ на извѣстное сходство мистической целлы съ театромъ). Ср. выше Vitruv.

Библиотека "Руниверс"

размѣститься на открытыхъ ступеняхъ [1]). Что касается высоты нижняго этажа, то, принимая во вниманіе, что ступени поднимаются вверхъ на 2,50 (ср. Πρακτ. стр. 97), ее едва ли можно принимать менѣе 5 м., то-есть, приблизительно, высоты вырубленной въ скалѣ западной стѣны целлы. Стѣны целлы были, вѣроятно, глухія; дневной свѣтъ могъ проникать внутрь перваго этажа черезъ двери. Главное назначеніе многочисленныхъ колоннъ состояло въ томъ, чтобы поддерживать второй этажъ; но конечно, онѣ могли служить и для другихъ цѣлей: такъ, за ними удобно могли скрываться многочисленныя приспособленія для производства театральныхъ эффектовъ, которыми такъ богаты были мистеріи, особенно въ римскую пору своего существованія. Соотвѣтственно своему назначенію и расположенію въ храмѣ, нижнія колонны едва ли имѣли соотвѣтствующій имъ θριγκός (Gebälk), и у Плутарха упоминаются на нихъ только епистиліи. Надъ телестиріемъ былъ другой этажъ, носившій, быть можетъ, названіе ἀνάκτορον, ἱερόν [2]). Эта верхняя постройка имѣла, быть можетъ, болѣе сходства съ общимъ типомъ греческаго храма. Верхнему этажу принадлежитъ, по моему мнѣнію, упомянутый выше, найденный въ целлѣ триглифъ [3]). Какъ шли стѣны и колонны втораго этажа и какимъ образомъ были соединены между собой зданія целлы и стои, эти и тому подобные вопросы могутъ подлежать рѣшенію только спеціалистовъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что при скудости свѣдѣній, сообщенныхъ намъ древними о храмѣ, и при исключительности архитектурнаго типа, къ которому принадлежитъ святилище, едва ли когда удастся реконструировать его несомнѣнно. Притомъ степень разрушенія, которое испыталъ храмъ, такъ велика, что на этотъ фактъ обратили вниманіе уже англійскіе изслѣдователи, пытаясь объяснить его изъ исторіи Аттики въ началѣ византійскаго періода [4]). Но не

---

[1]) Пока еще трудно дать точную цыфру; но если мы для длины всѣхъ рядовъ возьмемъ измѣреніе нижней ступени, то общая длина ступеней получится 1344 м.; разсчитывая на человѣка по 0,5 въ длину, получимъ 2,688 человѣкъ, какъ minimum для массы зрителей, могшихъ свободно размѣститься въ целлѣ. Совершенно понятнымъ становится въ такомъ случаѣ, что въ храмъ могли проникать и посторонніе лица. Liv. XXXI, 14.

[2]) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Страбона различаются, какъ отдѣльныя зданія, τὸ τῆς Δήμητρος ἱερόν и ὁ μυστικὸς σηκός; это объясняется удовлетворительно, если мы принимаемъ, что храмъ былъ двухэтажный.

[3]) Трудно сказать, какое значеніе имѣютъ упомянутыя у Плутарха διάζωμα и ὀπαῖον.

[4]) Стр. 5.

Библиотека "Руниверс"

подлежитъ сомнѣнію, что дѣло разрушенія довершено въ сравнительно уже позднее время; еще Спонъ и Уелеръ видѣли несравненно больше остатковъ храмовыхъ колоннъ и θριγκός'а, чѣмъ сколько ихъ открыто настоящими раскопками [1]).

Отъ храма раскопки шли до сихъ поръ въ двухъ направленіяхъ: на юго-востокъ стои отъ екседры π къ стѣнѣ A, и къ западу отъ двери храма Ω. Между стоею и юго-восточною стѣною перивола открыто много другихъ стѣнъ и фундаментовъ, происхожденіе и назначеніе которыхъ остаются еще весьма темными. Въ теченіе многовѣковаго существованія зданія τέμενος'а подвергались перестройкамъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія; размѣры и формы священнаго округа могли мѣняться; между остатками сооруженій, открытыхъ на данномъ пространствѣ, встрѣчаются самые разнообразные типы архитектурнаго искусства отъ архаическаго полигональнаго до построекъ, существованіе которыхъ можно приписывать славянскому поселенію, бывшему одно время на мѣстѣ Елевсина. Систематическія изслѣдованія почвы шли въ данномъ пространствѣ только на глубину нижнихъ рядовъ стереобата стои, а между тѣмъ теперь уже можно различать еще ниже фундаменты отъ построекъ, далеко превосходящихъ своею древностію храмъ Корина. Не имѣя возможности входить въ подробное описаніе всѣхъ открытій, сдѣланныхъ въ указанной части священнаго округа, я позволяю себѣ только отмѣтить два замѣчательные факта, которые могутъ имѣть важное значеніе для рѣшенія вопроса объ исторіи перивола, и затѣмъ указать на то состояніе, въ которомъ находилась, по всѣмъ соображеніямъ, эта часть τέμενος'а въ позднее, сравнительно, время, именно въ римскую эпоху. Къ юго-востоку отъ восточнаго изъ контрфорсовъ стои открыта полигональная стѣна φ—η изъ елевсинскаго камня; точно такая же стѣна, хотя гораздо худшей работы, открыта въ послѣднее время на сѣверной сторонѣ целлы приблизительно противъ перваго (восточнаго) ряда колоннъ [2]); высота этихъ стѣнъ нѣсколько меньше

---

[1]) Voyage d'Italie, de Dalmatie, de Grèce et du Levant, II, p. 165: Tout est en confusion et ce n'est qu'un amas informe de colonnes, de frises et de corniches de marbre. Это они видѣли, кажется, въ самомъ храмѣ.

[2]) Раскопками констатировано до сихъ поръ присутствіе и въ другихъ пунктахъ остатковъ полигональныхъ сооруженій изъ елевсинскаго камня, какъ напримѣръ, на западъ отъ храма по линіи ζ—ζ.

Библиотека "Руниверс"

высоты стереобата стои. Это обстоятельство указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что приблизительно одновременно съ окончаніемъ храма съ восточной и сѣверной стороны его, на одной высотѣ съ крипидою была воздвигнута насыпь, скрывавшая остатки разрушенныхъ зданій предшествующаго періода. Далѣе особенный интересъ возбуждаетъ стѣна θ—ι, также сохранившаяся почти на одной высотѣ съ крипидою стои; какъ показываютъ фундаменты, она доходила нѣкогда по прямой линіи до стереобата стои; часть, ближайшая къ стоѣ, была потомъ разрушена. Съ южной стороны стѣна сдѣлана замѣчательно изящно, между тѣмъ какъ съ сѣверной ея стороны камни не задѣланы въ сплошную кладь, а разставлены клѣтками; свободное пространство въ этихъ клѣткахъ плотно забито мелкимъ камнемъ, при чемъ заслуживаетъ вниманія фактъ, что мелкіе камни надѣланы изъ плитъ, взятыхъ изъ противолежащей полигональной стѣны φ—η. Способъ устройства стѣны дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что во время ея сооруженія пространство на югъ было еще свободно, тогда какъ все разстояніе до контрфорса μ было уже засыпано и стѣна θ—ι служила собственно облицовкой этой насыпи, чѣмъ и объясняются особенности ея архитектуры. Послѣдняя перестройка, которой подверглась ю.-в. часть священнаго округа, должна была произойти въ римское время. Все пространство между передней стороною стои и параллельнымъ ей периволомъ до наружной его вѣтви было засыпано приблизительно въ уровень съ верхнимъ рядомъ камней стереобата стои [1]). Сверху, сколько можно судить по сохранившимся остаткамъ, насыпь была залита известью и вымощена мраморными плитами [2]). На этомъ уже полу возвышались постаменты отъ статуй, изъ которыхъ многіе найдены in situ, и между прочимъ екседра π. Здѣсь былъ, очевидно, дворъ храма (ἡ αὐλὴ τοῦ ἱεροῦ); занимая пространство между стоею и периволомъ, онъ рас-

---

[1]) Между екседрою и стѣною θ—ι для насыпи употребленъ морской песокъ; ближе къ стоѣ на пескѣ встрѣчаются слои, образованные изъ мелкаго камня и извести.

[2]) Размѣры этихъ плитъ у самой стои 1,05×0,80 при толщинѣ 0,05—0,06. Англійскіе археологи представляютъ устройство этого помоста нѣсколько иначе: En fouillant le long des marches en avant de la façade du temple, on a découvert le pavé en marbre du péribole; помостъ на насыпи былъ, по ихъ словамъ, двойной.

Библиотека "Руниверс"

пространялся еще нѣсколько къ сѣверу и къ югу отъ стои. На с.-в. отъ двора храма прекрасная стѣна ν—ξ и сооруженіе изъ двухъ рядовъ четырехъугольныхъ колоннъ [1]) должны были возникнуть одновременно. Какое назначеніе имѣли четырехгранныя колонны и могли ли онѣ существовать не засыпанными въ одно время съ дворомъ въ его позднѣйшемъ видѣ, эти вопросы не могутъ быть рѣшены при данномъ состояніи раскопокъ.

Изъ архитектурныхъ открытій, сдѣланныхъ къ западу отъ храма, заслуживаетъ вниманія постройка, обозначенная на планѣ параллелограммомъ δ; наибольшая высота ея почти равна высотѣ стереобата. Принимая во вниманіе, что съ сѣверной стороны стои открыто въ соотвѣтствующемъ пунктѣ аналогичное сооруженіе (не отмѣченное еще на планѣ), едва ли можно сомнѣваться, что оба параллелограмма играли какую-нибудь роль въ то время, когда храмъ былъ еще не оконченъ съ восточной стороны. Далѣе къ западу отъ двери Ω открыта вырубленная въ скалѣ ниша B, полъ которой нѣсколько выше уровня естественнаго пола храма; высота ея 1,40, ширина 2,05, глубина 1,80. Отъ ниши вверхъ поднимается цѣлая система ступеней P, различныхъ по длинѣ, ширинѣ и высотѣ; ось этого замѣчательнаго сооруженія находится подъ прямымъ угломъ къ плоскости южной стѣны храма; длина самой верхней ступени 19 м.; она находится на одной высотѣ съ террасою EE, проходящею на высотѣ западной стѣны целлы между храмомъ и акрополемъ. Въ западной части ступеней находится сооруженіе, очень напоминающее алтарь Зевса Высочайшаго на аѳинскомъ холмѣ Пникса. На двѣ ступени ниже террасы EE выдѣляется изъ скалы грубо обсѣченная глыба; ширина ея 4,90, глубина 3,95, снизу, съ юго-востока, къ ней ведутъ шесть ступеней; высота ея по бокамъ 0,55; сзади она примыкаетъ къ плоскости третьей ступени отъ верху. На сѣверо-востокѣ терраса EE заканчивается остатками какого-то зданія Γ; по мнѣнію англійскихъ археологовъ, здѣсь долженъ былъ находиться portal formant, selon toute apparence, l'entrée de la citadelle (p. 34).

Изъ найденныхъ при раскопкахъ надписей большинство принадлежитъ къ постаментамъ отъ статуй, выставлявшихся въ стоѣ и во дворѣ храма; всѣ открытые до сихъ поръ постаменты должны быть

[1]) Обдѣлка камней въ этихъ колоннахъ замѣчательно тщательна; всего лучше сохранилась крайняя колонна наружнаго ряда, у стѣны A; высота ея около 5,40.

Библиотека "Руниверс"

отнесены къ римскому времени. Наиболѣе замѣчательною изъ всѣхъ надписей является отчетъ въ издержкахъ по какой-то постройкѣ (Ἐφημ. Ἀρχαιολ. τεῦχ. πρῶτον. σελ. 1); греческій издатель датируетъ его второю половиною IV в. до Р. Что касается скульптурныхъ произведеній, терракотъ и монетъ, то сдѣланныя до послѣдняго времени въ Елевсинѣ по этимъ отдѣламъ предметовъ древности находки не представляютъ ничего выдающагося.

Д. Корольковъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

— оу=у: второе иногда употребляется вмѣсто перваго.

— х: черта, спускающаяся съ права на лѣво, тонкая, длиннѣе противоположной и иногда въ самомъ низу согнута на право.

— ч: верхній ухватъ не равносторонѣнъ: лѣвая сторона болѣе округлена, правая прижата и толще.

— щ господствуетъ.

— ъı: безъ перекладинки.

— ѫ: нѣтъ.

— ѧ: употребляется преимущественно въ мягкихъ слогахъ: молѧщи, морѧ, избавителѧ; а ѩ какъ іотированное а (хотя бы оно и было=ѧ): летаѩ, ѩза.

— точка надъ гласными употребляется какъ знакъ смягченія, слога, очень часто независимо отъ ѣ: послоушаѩ, оуѩснивъ, вѣтиѩ, ѩза, невѣжьствиѥ, ѥдино, ѥрсмланъ, въпиющоу, божьствьноую, й, йстъчникъ, мой, мойхъ, аплъ, ананиѥ, лукиана, оче, иларионе, оуѩснивъ... съ тѣмъ вмѣстѣ иногда употребляется е безъ точки вмѣсто ѣ: своему, утѣшение.

— вязи и титла рѣдки; но чаще чѣмъ въ прежнихъ памятникахъ.

Правописаніе нельзя не назвать Русскимъ, хотя есть и многія отклоненія отъ требованій Русскаго языка. Въ этомъ отношеніи должно отмѣтить:

1. ѫ нѣтъ; ѧ употребляется равносильно съ ѩ.

2. ъ и ь часто передъ р и л: тържество, скъръбь, оутвьржениѥ, въздьржаниѥмь,—напълъненъ, вълънениѩ.

3. ж. вм. жд, ч вм. шт: не вижю, одежею, невѣжьствиѥ, наслажайсѧ, рожениѥ, оутвьржениѥ, дажь, тъпъчющи.

4. оро, ере, оло мнѣ не встрѣтилось.

5. д опущенное не встрѣтилось.

6. о въ началѣ словъ тоже нѣтъ.

7. е вм. ѣ: предъ, телесъноую.

8. к несмягченное не встрѣтилось.

9. о вм. а въ роз: нѣтъ.

10. смѣшенія оу и в нѣтъ.

11. о вм. ъ: нѣтъ. Есть е (ѣ) вм. ь: рѣвьностию

12. вы вм. из нѣтъ.

Къ этому еще замѣтимъ и вм. ѣ: причистаѩ.

Изъ особенныхъ признаковъ отмѣтимъ:

— смѣшеніе ъ и ь: тѣлесъноую.

— смѣшеніе ѣ и ѩ (=ѧ): измаильтѣне, зиновиѣ.

Кромѣ того замѣчательно:

— мы въ 1-мъ лицѣ мн. числа: изливаѥмъı.

Библиотека "Руниверс"

Мѣсячная минея 1097 г.

Писана на нехорошемъ пергаминѣ въ малую 4-ку (длиною въ 5 вершк., шириною болѣе 4-хъ вершк.). Сохранилась не вполнѣ: не достаетъ одной тетради и конца. Всего сохранилось 174 лл. Писана въ одинъ столбецъ по 25 строкъ на страницѣ безъ всякихъ украшеній. Строчныя буквы по величинѣ своей двоякаго рода: однѣ на большей части листовъ такой же величины, какъ и въ минеѣ 1096 года, другія на нѣкоторыхъ листахъ. крупнѣе. — Заключаетъ въ себѣ службы на дни ноября.

Изъ приписокъ въ этой книгѣ любопытны слѣдующія:

— на листѣ 35-мъ съ боку очень мелко и сжато:

Г҃и пози
рабоу св(о)
емоу мі
хаилоу

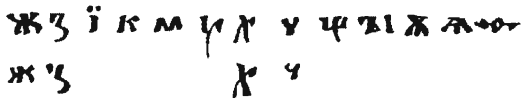
— на л. 89-мъ такъ же

Г҃и помо
зи рабоу
свомоу ми
хаилъ а мі
ръскы бѣ
(г)ына. а про
стите ма
грѣшъна
аго и оунъ
лааго.
и недосто
инаго.

— на л. 171. Послѣ канона Андрею Первозванному, чѣмъ бы могла быть окончена книга:

въ лѣ ѕ҃. х҃. е҃.—

Изъ буквъ по рисунку болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія:



— ж. большею частью въ четыре пріема.

— з. почти такъ же, какъ въ Минеѣ 1096 г.

Библиотека "Руниверс"

- ї. употребляется иногда вмѣсто и: достодївьнии; обыкновенно послѣ гласныхъ и и ы: бжиї, странѣнъыїмъ, бещисльнъыїхъ, въ безакониїхъ, мысльниї, въпшьниї.

— к. такое же, какъ въ Минеѣ 1096 г.

— м. тоже.

у. нѣсколько отличается отъ другихъ написаній выгнутостью длиной черты, къ верхней части которой придѣлывается обыкновенно толстый крючекъ.

— х. такое же какъ въ Минеѣ 1096 г.

— ч. иногда съ глубокимъ равностороннимъ рычагомъ, иногда такое же, какъ въ Минеѣ 1096 г.

— щ. господствуетъ.

— ъı. безъ перекладинки.

— ѫ. очень рѣдко.

— ѧ. употребляется иногда и вмѣсто ꙗ (=ja): моѧ, радоуѧсѧ, веселоуѧсѧ, съдѣѧнии, а большею частью для показанія мягкости слога.

— ѳ. употребляется какъ нотный знакъ надъ словами.

— точка надъ гласными употребляется и надъ іотированными гласными: велиꙗ, възвѣщениꙗ, въпиѥши, ѥдино, твоѥ; или вмѣсто і: оумилениѥ, присносущьноѥ, ѥси, приѥмла; нерѣдко и надъ и: ѵзбави, съкроушениї, твоѥ, бесплътънъıмъ, ѵ, велиꙗ, а также и надъ а, о, оу: сильнаа́го, о́че, о́ного, о́гньмъ, оу́бо=у́бо, оу́щедрити. Иногда не пишется: дьрзновениемъ, единъ, егоже.

— вязи и титла рѣдки.

Правописаніе должно назвать Русскимъ:

1. По отсутствію ѫ и по особенности употребленія ѧ.

2. По употребленію иногда ъ и ь передъ р. и л: дьрзновение, пьрвъи, държавоу, съпьньчнаго, дължьно, мълчаниѧ, немълъчьно.

3. По употребленію ж вм. жд: рожьство.

4. По употребленію е вм. ѣ: премоудрости, средѣ, прѣдъ, а можетъ быть и по употребленію и вм. ѣ: присиѩюще, непристаньнѣ.

Любопытно еще смягченіе согласныхъ мягкихъ: праздноующѥ, архистратижѥ, нощѥ, пишѥться, весѥльнок, праздьноующю, чиноначалиѩ.

— Смѣшеніе ч и ц: свѣтодавьча, съ безначально, съконьцаваѩ, средѣ циновъ, пороцьноу.

— Зват. пад. равный именительному: архистратигъ; или съ не смягченнымъ окончаніемъ: архистратиге.

Изъ остатковъ не Русскаго письма замѣтимъ смѣшеніе ѣ и ѧ: напьдъша на нѣ.

Изъ остатковъ древности замѣчательно сохраненіе и (=ь): жидоущаѩ.

Библиотека "Руниверс"

Сводъ данныхъ о древнимъ письмѣ изъ книгъ XI вѣка..

Почерки книгъ XI вѣка можно раздѣлить вообще на два рода: 1. крупный уставъ, какимъ написанъ текстъ Остромирова Евангелія; 2. мелкое уставное письмо, какъ въ примѣчаніяхъ къ Остромирову Евангелію и въ остальныхъ книгахъ. Только для крупнаго устава раскепъ пера былъ надрѣзанъ тупо, такъ что можно было этимъ перомъ вести черты очень толстыя, и въ то же время бокомъ раскепа можно было вести черту очень тонкую. Для малаго устава раскепъ пера былъ надрѣзываемъ довольно остро. Въ обоихъ уставахъ буквы были въ высоту длиннѣе чѣмъ въ ширину.

— три вида а: употребляются безъ различія.

— два е: оба въ Остр. евангеліи и второе только въ немъ.

— три вида ж: въ три пріема въ Остромировомъ Евангеліи, въ Изборникѣ 1073 г., въ Сборникѣ 1076 г., въ Минеѣ 1096; въ пять пріемовъ въ Изборникѣ 1073; въ четыре пріема въ Сборникѣ 1076 и въ Минеяхъ 1096 и 1097 гг.

— ѕ и ꙁ употреблялись безразлично; второе было обычнѣе.

— з: первое въ Остр. Ев., въ Изб. 1073 г., въ Сбор. 1076 г.; второе—съ длиннымъ хвостомъ въ Сбор. 1076 г. и почти такое же въ Минеяхъ 1096, 1097 гг.; третье—съ крючковатымъ хвостомъ въ Минеѣ 1096 и 1097 гг.;

— и: второе въ Остр. Еванг. въ крупномъ письмѣ.

— ї вм. и попадается и въ Остр. Евангеліи.

— два к: первое въ Остр. Еванг., въ Изб. 1073 г., въ Сбор. 1076 г.; второе въ Минеяхъ.

— л: второе иногда только.

— три м: первое въ Остр. Еванг. и Изборн. 1073 г.; почти такое же въ Сборн. 1076 г., только языкъ заходитъ за строку.; второе — съ острою серединою — въ Остр. Еванг. и въ Изборн. 1073 г.; третье—съ косыми основными чертами—въ Минеяхъ, попадается и въ Остр. Еванг.

— два н: второе есть и въ Остр. Еванг. и въ Изб. 1073 г.

— два о: обѣ формы въ Остр. Еванг. и въ Изборн.; позже господствуетъ второе; двойное ѡ рѣдко вездѣ.

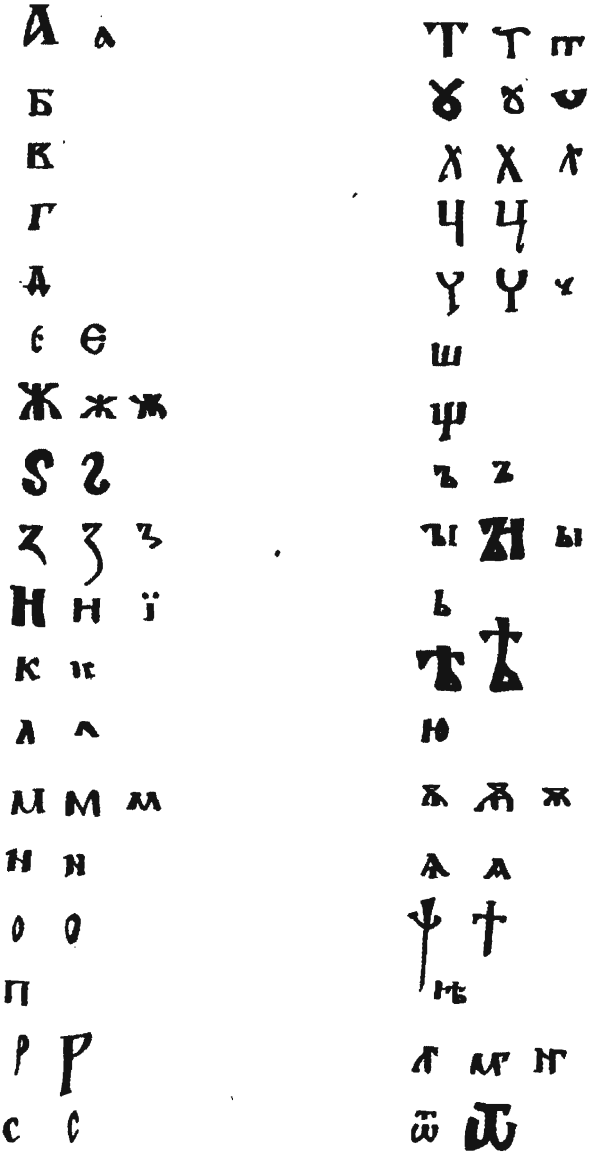
— п: вездѣ одинаково.

— два р: первое вездѣ, второе попадается въ Остр. Еванг. и въ Сборн. 1076 г.

— два с: оба въ Изборн. 1073, второе вездѣ.

— три т: второе въ Сборн. 1076 г., гдѣ между прочимъ попалось и третье.

Библиотека "Руниверс"



— два двойныхъ у: первое въ Остр. Еванг., второе вездѣ. Кромѣ того въ Остр. Еванг. и въ Изборн. 1073 г. встрѣчается третья сокращенная форма.

— три х: первое вездѣ, второе въ Изборн. 1073, третье въ Минеяхъ.

— два ц: первое вездѣ, второе въ Изборн. 1073 г.

— два ч: первое въ Остр. Еванг., въ Изборн. 1073 г. и Сборн. 1076 г., второе въ Минеяхъ. Равностороннее ч двухъ оттѣнковъ: въ Остр. Еванг. ухватъ не глубокъ, а въ Минеяхъ и въ Сборн. 1076 года глубокъ.

— ш: вездѣ одинаковы.

— щ: рѣдко въ Остр. Еванг., Изборн. 1073 г., Сборн. 1076 г., а въ Минеяхъ исключительно.

— два ъ: второе въ Изборн. 1073 г.

— ы: съ соединительной чертой или безъ нея—въ Остр. Еванг. и Изборн. 1073 г.; ъı безъ соединительной черты — исключительно въ Минеяхъ; ы господствуетъ въ Сборн. 1076 г.

— ь: вездѣ одинаковъ.

— ѣ: первое обычно вездѣ.

— ю: вездѣ одинаковы.

— три формы ѫ: первая въ Остр. Ев. и въ Изб. 1073 г., вторая въ Изб. 1073 г., третья въ Сборн. 1076 г. Буквы этой нѣтъ въ Минеяхъ.

— двѣ формы ѧ: вторая только въ Остр. Ев.

— двѣ формы ѱ: первая только въ Остр. Ев.

— іотированное ѣ: въ Изборн. 1073 г. и въ Сбор. 1076.

— мягкое ѯ въ Изб. 1073 г. и въ Сбор. 1076 г.; мягкое ѥ и ѩ въ Изб. 1073 г.

— точки надъ гласными въ Остр. Ев. рѣдко, въ Изб. 1073 г. очень часто, въ Сборн. 1076 г. нѣтъ, въ Минеяхъ часто.

— изъ вязей самая важная кромѣ щ и ѵ есть ѿ; въ Остр. Ев. вторая форма.

Одно изъ самыхъ важныхъ данныхъ, любопытныхъ для палеографа есть то, что Русское правописаніе, обозначающееся своеобразнымъ употребленіемъ ѧ (какъ ѩ и какъ а въ мягкихъ слогахъ) и неупотребленіемъ ѫ, сдѣлалось почти исключительно господствующимъ къ концу XI вѣка.

Не менѣе важно и то, что сквозь Русскія уклоненія отъ извода, съ котораго списывали писцы, проглядываетъ по крайней мѣрѣ два особыхъ нарѣчія: одно правильное старо-Славянское, другое—нечистое, смѣшивающее ѫ и ѧ, ъ и ь.

Библиотека "Руниверс"

Разсмотрѣнные памятники XI вѣка потому и названы Русскими, что въ нихъ есть признаки языка Русскаго; тѣмъ не менѣе не во всѣхъ нихъ эти Русскіе признаки повторяются въ одинаковой степени. Представлю нѣсколько отрывковъ для показанія различій:

Изъ Остромирова Евангелія л. 135, л. 260.

...сынъ чловѣчьскыи. прѣ
данъ бѫдеть а
рхиереомъ и къ
нижьникомъ
и осѫдать и на
съмрьть и прѣ
дадать и ꙗзы
комъ и поржга
ѭтьса ѥмоу. и
оутепѫть и. и о
плюѭть и. и оу
биѭть и. и тре
тии дьнь въ
скрьснеть.

— кънижьникомъ ср. книгы, книгамъ.

— ꙗзъıкомъ—ср. ꙗзъıкъ, ꙗзыцѣхъ.

— оубиѭть—ср. оубиють. 271 б.

приде Ис̃. отъ
Галилеа на И
ерданъ къ
Иоаноу. крь
ститъса отъ нѥ
го иоанъ же. въ
збраняаше ѥму
гл̃ѧ. азъ требѫ
ѭ отъ тебе крь
ститиса а ты
градеши къ мъ
нѣ.

— галилеа ср. Галилеѧ.

— гл̃ѧ—ср. гл̃а, гл̃ѧ.

— трѣбѫѭ—ср. трѣбоукши, трѣбоукть, трѣбоукмъ, трѣбоукте, трѣбоукть.

Изъ Святославова Изборника 1073 г.

жена въ добрѣхъ дѣлѣхъ съвѣдѣтельствѹѥма аште ѥ чада въскрѣмила. аште ѥ штѫждаѧ гостиꙗ. аште ѥсть стыимъ нозѣ

Библиотека "Руниверс"

оумъівала. аште скрѣбьнъіймъ довълъ даѧ. аште и всакого добра дѣла въслѣдова.

— чада—ср. чада.

— штѫждаѧ—ср. штѹждаѧ.

— всакого—ср. всѧкъ, всакъімъ.

вѣра без дѣлъ мьртва єсть. ѧко же и дѣла без вѣры. да тѣмь подоба вьсеѫ силоѫ. без блазна хранитиса чистомъ. отъ нечистъіихъ дѣлъ. да не ію насъ речено бѫде ба исповѣдаѭтьса вѣдоуште а дѣлъі са отъмештоу.

— мьртва—ср. мрьтъвъ.

— отъмештоу—ср. отъмештѫть.

Изъ Сборника 1076 г.

веселик свѣта сего. съ плачьмь кончаваѭтьса. и се ѧвѣ видѣти въ мирѣ семь въ двоихъ соусѣдѣхъ. оу сихъ сватьбоу творать. а оу дроугъіихъ мьрьтвьца плачютьса. и тъже плачь соуктьнъі. дньсь плачютьса. а оутро оупиваѭтьса.

— соусѣдѣхъ—ср. сѫсѣдь.

— сватьбоу—вм. сватьбѫ.

— плачютьса—вм. плачѫтьса; ср. оупиваѭтьса.

Изъ Минеи 1096 г.

— ѧко въ мл҃твахъ теплъ застоупьникъ и просащихъ всѣхъ послоушаѧ. приими м҃лтвъі наша... въ ст҃ъіхъ почиваѭи.

— послоушаѧ—вм. послоушаѧ.

— наша—вм. наша.

— почиваѭи—вм. почиваѭи.

Изъ Минеи 1097.

— Идеже осѣнаѥть бг҃одать твоѧ всехвальне отътоудоу и диѧвола прогониса сила. не търпить бо. свѣта твоего видѣти съпадъіи дн҃ьница.

— отътоудоу—ср. отътѫдъ.

— диѧвола—вм. диѧвола.

свѣтѫ тъі съчетоваса. прѣчистованѫ оумѫ. бѫствьномъ свѣтомъ. блѫне. ѥго же на земли разоумнѥ ѥсно имѧаше.

— свѣтѫ—вм. свѣтоу.

— прѣчистованѫ оумѫ:—ѫ вм. оу.

— свѣтомъ—вм. свѣтъмь.

— имѧаше—вм. имѧаше: ѧ=ѣ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ нельзя видѣть ни всего разнообразія оттѣнковъ Русскаго языка, ни даже отличія въ этомъ отношеніи рукописей конца XI в. отъ рукописей болѣе древнихъ, а потому прибавлю:

Библиотека "Руниверс"

1. Во всѣхъ этихъ рукописяхъ видимъ: а) смѣшеніе ѫ съ оу, ѭ съ ю, ѧ—съ а, ѩ съ ѣ; б) смѣшанное употребленіе ъ и ь—послѣ р и л и передъ р и л: тръгъ и търгъ, испълнь и испълнь, срьдьце и сърдьце; в) смягченіе д въ жд и въ ж: прихожѫ и прихождѫ; т въ шт=щ и въ ч: клевещѫть и клевечѫть; г) употребленіе иногда оро, ере, оло вм. ра, рѣ, ла: норови, вередити, полонъ; д) употребленіе о наравнѣ съ е въ началѣ словъ: оже, одъва; е) употребленіе раз и роз; ж) употребленіе иногда е вм. ѣ послѣ р: потребно.

2. Всѣ эти признаки въ наименьшемъ числѣ встрѣчаются въ Остр. Еванг. и въ Изборникѣ 1073 года; а позже довольно часто.

Книги XI вѣка, на которыхъ нѣтъ показанія времени.

Имѣя въ виду вышеозначенные признаки, можно съ нѣкоторою достов'рностью отдѣлить изъ числа другихъ древнихъ памятниковъ Русскаго письма тѣ, которые писаны до XII вѣка, какъ это отчасти уже и было сдѣлано нашими прежними палеографами, Калайдовичемъ и Востоковымъ. Въ рядъ этихъ памятниковъ должны войдти:

— Книга Евангельскихъ чтеній: отрывокъ (12 лл. въ 4-ку) въ Типографской библіотекѣ. Изданъ мною (Свѣд. и Зам. XXV).

— Книга Евангельскихъ чтеній: отрывокъ (2 лл. въ 4-ку) у И. П. Корнилова. (Свѣд. и Зам. XXXIII).

— Толковая псалтырь, такъ называемая Евгеніевская (16 лл. въ 2 ст. въ б. 4-ку); 14 лл. принадлежатъ Имп. Публ. Библіотекѣ, а 2 Академіи наукъ. (Въ Древ. памят. сполна).

— Толковая псалтырь Чудовскаго монастыря: 176 лл. въ б. 4-ку (Древн. памят.).

— Толковая Псалтырь Имп. Публ. библіотеки: 269 лл. въ б. 4-ку (Древн. памят.).

— Отрывокъ изъ Сборника: 2 лл. изъ житія Кондрата въ б. 4-ку въ 2 ст. Имп. Публ. Библ. (Древн. памят. сполна).

— Отрывокъ изъ Сборника: 2 лл. изъ житія Ѳеклы, въ б. 4-ку въ 2 ст. Имп. Публ. Библ. (Древн. памят. сполна).

— XIII словъ Григорія Назіанзина: 377 лл. въ б. 4-ку въ 2 ст. (Древ. памят. отрывокъ).

— Пандектъ Антіоха: 310 лл. въ 4-ку въ 2 ст. въ Воскр. Новоіерус. монастырѣ. (Древн. памят. отрывокъ).

— Патерикъ Синайскій: рукопись Московской Синодальной библіотеки (184 лл. въ 8-у).

Библиотека "Руниверс"

— Мѣсячныя минеи:

— февраль: отрывокъ. 51 лл. въ 4-ку. Типографской библіотеки № 51 б.

— февраль: 168 лл. въ 4-ку. Типогр. библ. № 67.

— апрѣль: 110 лл. въ 4-ку. Типогр. библ. № 52.

— май: 134 лл. въ 4-ку. Новг. Соф. библ.

— іюль: 52 лл. въ 4-ку. Отрывокъ. Типогр. библ. № 109.

— августъ: 112 лл. въ 4-ку. Безъ начала. Типогр. библ. № 55[6].

— сентябрь: 176 лл. въ 4-ку. Типогр. библ. № 88[6]. Нѣсколько разъ въ припискахъ означено имя писца Дъмъки, извѣстное и по мѣсячной минеѣ окт. 1096 г.

— Тріодь цвѣтная: 181 лл. въ 4-ку. Типограф. библ. № 70.

— Трефологій: 149 лл. въ м. 4-ку. Безъ конца. Типографской библ. № 76.

Изъ числа этихъ памятниковъ три замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ промежду кирилловскими буквами есть и глаголическія. Памятники эти: Евгеніевская псалтырь, Слова Григорія Назіанзина, апрѣльская минея.

Не менѣе замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ изъ миней и въ другихъ церковныхъ книгахъ есть надъ словами музыкальные крюки, обозначающіе какъ что̀ должно быть пѣто.

Къ числу этого отдѣла памятниковъ отнесли, какъ и слѣдовало, и одну рукопись письма не Русскаго—такъ называемую Супрасльскую рукопись (253 лл. въ б. 4-у), и листокъ изъ Книги Еванг. чтеній (хранится въ Имп. Публ. библіотекѣ). Сюда же отношу я и Саввину книгу, найденную мною въ Москвѣ.

Такъ мало по малу открылось около 20 рукописей XI вѣка, и есть надежда, что дальнѣйшія изслѣдованія увеличатъ это число еще болѣе. Тѣмъ не менѣе, все это ничтожный клочекъ сравнительно съ тѣмъ, что̀ могло бы быть сохранено. Вспомнимъ только то, что̀ могло бы быть сохранено у насъ:

— Каждая церковь должна была имѣть хоть главныя части круга богослужебныхъ книгъ: служебникъ, требникъ, евангеліе, апостолъ, тріоди и т. д.

— Въ монастыряхъ должны были быть книги устава: уставъ Студійскій введенъ въ Кіево-Печерскій монастырь около 1068 года, будучи привезенъ въ спискѣ.

— Въ монастыряхъ же и въ церквахъ были читаемы поученія, переведенныя съ Греческаго и свои. Довольно вспомнить изъ своихъ поученія Ѳеодосія Печерскаго, сохранившіяся въ позднѣйшихъ спискахъ. Къ числу этихъ чтеній должно отнести житія святыхъ, и

Библиотека "Руниверс"

между прочимъ произведенія нашихъ писателей—Іакова Черноризца, Нестора.

— Учительныя посланія въ родѣ тѣхъ, какія намъ остались въ позднихъ спискахъ изъ трудовъ Ѳеодосія, Іакова, Іоанна II, также могли бы сохраниться.

— Извѣстія о перепискѣ Владимира Мономаха съ сыномъ его Мстиславомъ и кн. Олегомъ Святославичемъ заставляютъ предполагать, что были и другія грамоты.

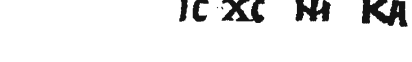
— Лѣтописи XI вѣка сохранились намъ только въ болѣе позднихъ сводахъ.

Вещи.

Гробница Ярослава.

Она находится въ Кіевѣ въ Софійской церкви, въ придѣлѣ св. Владимира въ алтарѣ, въ южномъ углу, прислонена къ стѣнѣ заднею и боковою сторонами. Она изъ бѣловатаго мрамора и состоитъ изъ двухъ частей: нижняя представляетъ четырехстороннюю призму, а верхняя трехстороннюю. Длина нижней 3 ар. 6 верш., а верхней 3 ар. 7 верш.; высота нижней $14^1/_2$ верш., верхней $17^1/_2$, всего 2 аршина; широта 1 ар. 4 в.

По окрошившимся краямъ мраморныхъ камней и по недревней между камнями извести можно заключить, что гробница была взламываема и передѣлываема. Вѣроятно, была переносима (см. Закревскаго Лѣтопись и описаніе Кіева 212—213. Чт. Общ. др. 1858 г. II). На лицевыхъ сторонахъ находятся выпукло-высѣченныя украшенія, изображающія кресты, листья, дерева, вѣнцы, рыбъ, птицъ. У двухъ изъ крестовъ есть напись:



Буквы всѣ одинаковой высоты. Любопытна буква а и вязь н+и (на обоихъ крестахъ).

Тмутороканскій камень 1068 г.

Въ 1794 году въ Историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи Тмутороканскаго княженія (стр. 55) появилось въ первый разъ извѣстіе о находкѣ Тмутороканскаго камня. Камень этотъ

Библиотека "Руниверс"

найденъ, какъ тамъ сказано, на островѣ Таманѣ флотскимъ капитаномъ Пустошкинымъ, о чемъ и донесено было Императрицѣ Екатеринѣ, съ объясненіемъ, что онъ взятъ изъ развалинъ древняго города близъ крѣпости Тамана въ солдатской казармѣ, гдѣ положенъ былъ вмѣсто порога. То же извѣстіе сообщено и П. Палласомъ въ его Reise in die S. S. des Russichen Reichs (1801: II. стр. 297), съ тою разницею, что находка камня сдѣлана маіоромъ Розенбергомъ, и что камень перевезенъ былъ въ Николаевъ. Въ 1803 г. камень оказался впрочемъ въ Таманѣ (Фанагоріи), гдѣ найденъ былъ Н. А. Львовымъ заваленнымъ въ церковной оградѣ другими мраморными отломками. Львовъ рѣшился перенести его въ церковь и изъ него вмѣстѣ съ другими остатками древности составить памятникъ съ надписью: «Свидѣтел: вѣков: прошедших: послужй: великой Екатеринѣ к: обрѣтенію исторической истинны о царствѣ Тмутараканском: найденный въ 1792 Атаманом: Головатымъ: свидѣтельство его свѣту сообщилъ грф. Пушкин: из: былія извел: Львов: Никольской 1803. VIII. 7. при начальст: маіор: Васюренцова при пастыр. протоіерея Павла Деменко». Изображеніе этого памятника приложено къ Письму А. Оленина о камнѣ Тмутороканскомъ, гдѣ помѣщенъ и первый обстоятельный разборъ камня и надписи на немъ находящейся. Въ послѣдствіи камень перевезенъ былъ въ Петербургъ и хранится теперь въ Эрмитажѣ.

Длина камня съ небольшимъ три аршина, ширина болѣе 1½ арш., толщина болѣе 5 вер. На одной изъ длинныхъ сторонъ по толщинѣ съ боку нарѣзана надпись въ двѣ строки, длиною въ 1¼ арш., занимая въ ширину 2 верш., такъ что высота буквъ есть ⁹⁄₁₆ верш. Надпись заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

въ лѣто 6576 і҃н҃і҃ 6 Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м(оре)

по леду ѿ Тмуторокана до Кърчева 10,000 и 4000 сажен(ъ).

Годъ 6576, дѣйствительно соотвѣтствовавшій 6-му индикту, какъ индиктіонный, то-есть, сентябрьскій=1067—1068 г., какъ мартовскій=1068—1069. Море по льду могло быть измѣряемо до марта, слѣдовательно въ годъ 6-го индикта только зимой новаго 1068 г. и слѣд. въ 6576 сентябрьскомъ году.

Былъ ли въ это время княземъ Тмутороканскимъ Глѣбъ, изъ сказаній лѣтописныхъ не видно. Въ нихъ находимъ свѣдѣнія о Глѣбѣ, князѣ въ Тмуторокани, только въ годы 1064 и 1065, когда два внука Ярославовы, Ростиславъ Владимировичь и Глѣбъ Святославичь, оспаривали другъ у друга право на Тмуторокань. Выгнанный Ростиславомъ Глѣбъ возбудилъ противъ него своего отца, Святослава, и вновь былъ введенъ въ Тмуторокань; но едва Святославъ

Библиотека "Руниверс"

удалился, какъ Ростиславъ снова явился въ Тмуторокань и опять прогналъ Глѣба. Не долго однако пришлось Ростиславу покняжить: онъ былъ отравленъ Греками и, умерши 3-го февраля 1066 года, былъ погребенъ въ Тмутороканской церкви св. Богородицы. Сталъ ли Глѣбъ опять княземъ Тмутороканскимъ, изъ лѣтописей это не видно. Недостающее въ лѣтописи дополняется Кіево-Печерскимъ Патерикомъ: «ѿмерш8 Ростиславъ Владимировичъ8 ѿмоленъ бысть преподоб. о. Никонъ отъ людей страны тоя поити къ Святославъ Ярославичу, князю Черниговскомъ8 и молити его да пѹстить онъ сына своего Глѣба на столъ Тмѹтороканскій. Дошедъ же до острова Тмѹтороканскаго съ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ и ономъ сѣдш8 на столѣ ѹправи якоже обѣщася монастырь свои и възвратися вспять» (то же въ житіи Ѳеодосія, изд. Бодянскаго л. 13 об.). Изъ этого дополнительнаго свѣдѣнія ясно, что Глѣбъ возвратился въ Тмуторокань и могъ оставаться тамъ до 1069 года, когда, какъ показываетъ Новгородская лѣтопись, былъ княземъ въ Новгородѣ. Запись на камнѣ Тмутороканскомъ удостовѣряетъ, что онъ былъ въ Тмуторокани въ началѣ 1068 года.

Что касается до содержанія записи, то Оленинъ разобралъ его внимательно, опредѣливъ, между прочимъ, что 14,000 саженъ=21 вер. 200 саж. дѣйствительнаго разстоянія между двумя берегами. Если считать по 2½ арш. въ сажени, то въ 14,000 саж. будетъ 35,000 арш., то-есть, нынѣшнихъ верстъ 23⅓; если же принять сажень въ три локтя (по 13 верш.), то въ 14,000 такихъ саженъ будетъ 22 версты 375 саж. Точности измѣренія въ XI столѣтіи при мѣряніи по льду не могло быть и потому, что дорога не могла быть протянута совершенно по прямой линіи.

Бо̀льшая часть буквъ, употребленныхъ въ записи, по рисунку походятъ на буквы Остромирова Евангелія, между прочимъ є, ѕ, ꙁ, і м, о, р, а. Буква ж такая же, какъ въ Сборникѣ 1076 г. и въ Минеяхъ 1096 и 1097 гг. Буква ч не совсѣмъ похожа на рисунокъ буквы ч въ Русскихъ памятникахъ XI вѣка опредѣленнаго времени, но очень похожа на то, какъ она пишется въ древнѣйшихъ памятникахъ не Русскихъ,—вѣроятно потому, что легче было вырѣзать въ камнѣ. Буква ѿ имѣетъ сходство съ ѿ въ Остромировомъ Евангеліи, но должна быть древнѣе.

Въ отношеніи къ языку любопытно:

— сохраненіе ъ въ словѣ Кърчевъ: ср. Тъмѹторокань.

— не сохраненіе ь въ словѣ по ледѹ.

— сохраненіе а въ словѣ сажс(нь).

— употребленіе причастія мѣрилъ безъ сущ. глагола есть.

Библиотека "Руниверс"

ТМУТОРОКАНСКІЙ КАМЕНЬ.

ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО.

Мусинъ-Пушкинскій экземпляръ.

Деритскій экземпляръ.

Строгольскій экземпляръ.

Библиотека "Руниверс"

Монеты.

Что были въ древней Руси въ ходу монеты не только въ XI в., но и ранѣе, на это есть разныя доказательства. Изъ числа ихъ можемъ отмѣтить: 1) важныя торговыя связи съ мусульманскимъ Востокомъ и съ Византіей, а частью и съ Западомъ европейскимъ, въ слѣдствіе которыхъ иноземныя деньги легко могли заходить на Русь и имѣть въ ней цѣнность если не какъ деньги, то хоть какъ металлъ; 2) обиліе серебра и золота въ казнахъ князей, о которомъ есть указанія въ лѣтописныхъ и другихъ сказаніяхъ; 3) свидѣтельства о платѣ дани гривнами и шлягами: такъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ читаемъ, что князь Олегъ уставилъ «Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля», и что онъ же «посла къ Радимичемъ рька... не дайте Козаромъ но мнѣ дайте, и въдаша Ольгові по щьлягѣ, яко же и Козаромъ даяху» и пр.; 4) клады монетъ Арабскихъ и западныхъ Европейскихъ, находимые въ разныхъ краяхъ Русскихъ. Всѣ эти свидѣтельства, впрочемъ, не даютъ никакого понятія о деньгахъ собственно Русскихъ. Понятіе о нихъ можно составить только по сохранившимся экземплярамъ. Найдены были въ разныхъ мѣстахъ монеты серебряныя и золотыя. Главный кладъ есть Нѣжинскій, котораго часть перешла въ собственность Кіевскаго университета.

Болѣе другихъ по отчетливости экземпляровъ замѣчательно сребро Ярослава. Три экземпляра его, Мусинъ-Пушкинскій, Дерптскій и Стокгольмскій одинаково важны.

На одной сторонѣ каждой изъ этихъ монетъ изображенъ святой съ копьемъ и щитомъ, а на другой—какой-то знакъ, принимаемый одними за паникадило, другими за птицу (св. голубь). У изображенія святого по сторонамъ стоятъ слова: о гєѡѵгіо=о гєѡргіо (ὁ Γεώργιος=св. Георгій), а вокругъ знака—круговая надпись: ꙗрославле сѣребро.

Почти всѣ буквы этой надписи той же формы, какъ и въ другихъ памятникахъ XI вѣка. Только р кромѣ обычной формы, имѣетъ формы особенныя: одну въ Греческомъ словѣ гєоѵгіо похожую на Греческую ν, и другую Латинскую въ Стокгольмскомъ экземплярѣ въ словѣ ꙗросла..ле, которая, впрочемъ, попадается и въ Греческихъ памятникахъ до XII вѣка. Имя Ярослава въ соединеніи съ именемъ Георгія, крестнымъ именемъ Ярослава Владимировича, позволяетъ не сомнѣваться, что это есть монета Ярослава I, слѣдовательно, выбита до 1054 года.

Библиотека "Руниверс"

Похожи на эту монету и тѣ, которыя имѣютъ имя Владимира: съ одной стороны тотъ же знакъ, а съ другой князь (?) (судя по шапкѣ) съ крестомъ въ рукѣ и въ сіяніи.

Вокругъ этого изображенія читаются буквы, которыя можно объяснить такъ: Владимиръ на столѣ а се его сребро (такъ въ экземплярѣ Бычкова). Князь на столѣ (престолѣ) есть конечно Владимиръ, но уже признанный святымъ, судя по сіянію, слѣдовательно монета бита уже не при его жизни, потому что и послѣ смерти своей не разомъ онъ признанъ былъ святымъ.

Черниговская гривна.

Слово гривна, теперь столь общеизвѣстное въ исключительномъ смыслѣ денежной мѣры въ десять копеекъ, въ древности имѣло другое значеніе. Оно встрѣчается нерѣдко и въ древнемъ переводѣ св. писанія. Такъ:

— Быт. XLI. 41—43. И снем фараонъ перьстень съ рѫкы своея. и възложи иосифѹ на рѫкѹ. и облече и в ризѹ червленѹ. и възложи гривнѹ златѹ на вѣю его (χλοιὸν χρυσοῦν).

— Числ. XXXI. 50. Се же принесохомъ даръ гдоу. еже кто обрѣлъ есть съсоудъ златъ. ѡбрѫчи и гривны. перстни и ѯсерязе (ψέλλιον).

— Суд. VIII. 26. Развѣ гривенъ златыхъ иже на вѣхъ вельблѫждихъ (περιθεμάτων).

— 2 Ездр. III. 6. И гривнѹ окрестъ вѣи (μανιάκην).

— Притч. I. 9. Вѣнець бо благодати приимеши на своемь версѣ. и гривнѹ златѹ о своеи вѣи (χλόιον χρύσιον).—XXV. 11. Яблоко злато на гривнѣ сардіи (ἐν ὁρμίσκῳ σαρδίῳ—in monili Sardii).

— Сир. VI. 25. Введи нозѣ своѧ въ пѫти ѩ. и в гривнѹ ея вѣю свою (εἰς τον χλοιὸν)—31: гривны ѩ на одѣаніе славы. (οἱ χλοιοί).

— Іезек. XVI. 12. Гривну на вѣи (χάθεμα).

— Дан. V. 7. 16. 29: гривна златая на вѣи его (μανιάκης).

— Ис. III. 18. Въплитаніа златаѧ на главѣ и трѣзны ризныя и мѣсяця гривьныя (μηνίσκος).

Изъ этихъ мѣстъ видно, что гривна употреблена вмѣсто χλοιός, ψέλλιον, περίθεμα, ὁρμισκός, χάθεμα, μανιάκης. Мѣста эти вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что гривны въ томъ народѣ, на языкъ котораго переводилось св. Писаніе, были въ обычаѣ. Гривны, впрочемъ, были въ обычаѣ не у какого-нибудь одного народа Славянскаго. Были гривны въ обычаѣ и у Чеховъ, какъ видно изъ

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

отдѣл.

1. (29-го ноября 1883 г.). Объ учрежденіи Александровскаго евангелическаго училища въ городѣ Москвѣ 3

2. (23-го декабря 1883 года). Объ измѣненіи назначенія капитала, пожертвованнаго купцомъ Житенскимъ. 6

3. (27-го декабря 1883 г.). О штатѣ шестиклассныхъ мужскихъ прогимназій Варшавскаго учебнаго округа. 7

4. (30-го декабря 1883 г.). Объ открытіи школы иконописанія при Холуйскомъ начальномъ народномъ училищѣ Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи 10

5. (17-го января 1884 года). Объ учрежденіи въ городѣ Читѣ мужской гимназіи 35

6. (15-го февраля 1884 года). Объ учрежденіи премій имени А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма 36

Высочайшіе приказы.

13-го января 1883 года (№ 1). 10

15-го февраля 1884 года (№ 2) 37

Библиотека "Руниверс"

Министерскія распоряженія.

стран.

1. (18-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нейлисова Брониславы Нейлисовой при гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института 12

2. (12-го августа 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи научно-художественнаго журнала „Изографъ“ . . . . . —

3. (6-го октября 1883 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи сочиненія Вейнберга „Лѣсъ“. 13

4. (31-го октября 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи „Собранія вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи“ Верещагина . . . . . —

5. (13-го ноября 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи „Пермской лѣтописи“, изд. Шишонко 14

6. (10-го декабря 1883 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при Бѣльской 6-классной мужской прогимназіи въ ознаменованіе дня священаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. 14

7. (9-го января 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи сочиненія Велишскаго „Бытъ Грековъ и Римлянъ“. 15

8. (14-го января 1884 года). Положеніе о стипендіи, въ память спасенія жизни въ Бозѣ почившаго Императора Александра II 2-го апрѣля 1879 г., при Уржумской женской прогимназіи. 16

9. (19-го января 1884 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Петра Алексѣевича Бильбасова, учрежденныхъ при Полтавской Маріинской женской гимназіи. 17

10. (23-го января 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи изданнаго г. Родевичемъ „Сборника дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ“ 18

11. (29-го января 1884 г.). Положеніе о стипендіи Мусина-Пушкина въ Казанскомъ университетѣ . . . . . —

12. (30-го января 1883 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи окончившимъ курсъ семинаристамъ учительскихъ должностей въ начальныхъ сельскихъ училищахъ безъ требованія отъ нихъ даже пробнаго урока 20

13. (15-го февраля 1884 г.). Положеніе о русскомъ филологическомъ институтѣ при Лейпцигскомъ университетѣ. 38

14. (23-го февраля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Гавриловича Осокина при Императорской Казанской первой гимназіи 44

Библиотека "Руниверс"

стран.

15. (28-го февраля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о времени пребыванія учениковъ учительскихъ семинарій въ одномъ и томъ же классѣ 45

16. (29-го февраля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о закрытіи учебныхъ заведеній въ случаѣ появленія въ нихъ заразительныхъ болѣзней 45

17. (5-го марта 1884 года). Положеніе о стипендіи въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Аполлоновича Аренса. 47

18. (5-го марта 1884 года). Положеніе о стипендіи въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ имени доцента сего университета Димитрія Александровича Кожевникова. 48

19. (6-го марта 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о правахъ на пенсію чиновъ учебнаго вѣдомства . . . . . —

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

29-го января 1883 г. (№ 1) 21

28-го февраля 1884 года (№ 2) 50

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости“. Составилъ *А. Фроловъ* 27

О книгѣ: „Элементарная начертательная геометрія“. Составилъ *А. Фроловъ*. . . . . —

О книгѣ: „Epitome of the English grammar“. Составилъ *И. Милославскій* . . . . . —

О книгѣ: „Подробный словарь къ запискамъ К. Юлія Цезаря о Галльской войнѣ“. Составилъ *И. Шрамекъ* . . . . . —

О книгѣ: „Теорія словесности“. Составилъ *П. Смирновскій* . . . —

О книгѣ: „Начертательная геометрія“. Составилъ *П. М. Тетеревъ*. —

О книгѣ: „Курсъ топографіи или низшей геодезіи“. Составилъ *С. Беликовъ* . . . . . —

О книгѣ: „Grammaire française comparée à la grammaire russe“. Составилъ *Н. Фену* 28

О книгѣ: „Chrestomatie française“. Составилъ *Н. Фену* . . . . —

О книгѣ: „Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру“. Изданіе Общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціей *Ф. Гольбке*, *П. Никитина*, *М. Пустошкина* и *Ф. Зелинскаго*. 53

О книгѣ: „Объяснительный словарь къ сочиненію Ю. Цезаря“: Commentarii de bello gallico. *Германа Перпеса*. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Лилова* 54

Библиотека "Руниверс"

стран.

О книгѣ: „Учебникъ геометріи“. Составилъ *А. Левшинъ* 54
О книгѣ: „Руководство къ средней исторіи“. Составилъ *И. Бѣлярминовъ* . . . . . —
О книгѣ: „Очерки и картины изъ географіи Азіи, Африки, Америки и Австраліи“. Составилъ *Н. Малининъ*. . . . . —
О книгѣ: „Русская хрестоматія“. Составилъ *П. Смирновскій*. . . —
О книгѣ: „Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій“. Соч. *Ивана Барсукова* . . . . . —
О книгахъ: 1) „Орестейя“, 2) „Греческій театръ“. Переводъ *Н. Котелова* . . . . . —

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Разказы стараго матроса“. Составилъ *Н. П. Боголюбовъ*. Изд. „Народной библіотеки“ 28
О книгѣ: „Кавказскій плѣнникъ“. Разказъ гр. *Л. Н. Толстаго*. Изд. „Народной библіотеки“. . . . . —
О книгѣ: „За Дунаемъ“. Соч. *В. И. Немировича-Данченка*. Изд. учебнаго магазина „Начальная школа“ *Е. Н. Тихомировой* . . . . —
О книгѣ: „Напутное молодому русскому солдату“. Священника Петро-Павловской церкви въ г. Волковыскѣ *Дмитрія Булгаковскаго*. . 29
О книгѣ: „Нашъ другъ“. Барона *Н. А. Корфа*. . . . . —
О книгѣ: „Учебникъ счетоводства для начальныхъ городскихъ, земскихъ и др. училищъ“. *Ѳ. Езерскій* . . . . . —
О книгѣ: „Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей“. Составилъ *В. Лядовъ* . . . . . —
О книгѣ: „Для солдатъ и народа. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разказъ III. Чесменскій бой“. Изданіе склада учебныхъ пособій для войскъ. *В. А. Березовскаго*. . . . . —
О книгѣ: „Милости хочу, а не жертвы“. Соч. *В. К. Турвина*. Изд. Общества распространія полезныхъ книгъ . . . . . —
О книгѣ: „Первые разказы изъ естественной исторіи“. *Германа Вагнера*. Переводъ *Вал. Висковатова* . . . . . —
О книгѣ: „Азбука правописанія“. Составилъ *Д. Тихомировъ* . . . 55
О книгѣ: „Учебникъ всеобщей географіи“. Составилъ *А. Воронецкій* . . . . . —
О книгѣ: „Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать“. Составилъ *Н. Горбуновъ* . . . . . —
О брошюрахъ: 1) „Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ“. Составилъ *А. Изергинъ*. 2) „Не стыдно насмѣшекъ“. . . —
О книгахъ: 1) „Исторія бѣднаго Ѳеди“. Приключенія маленькаго Словака. Разказъ *Фрица Маутнера*. Переводъ *М. И. Ильвайской*. 2) „Крутыя горки“. *М. Юрьева* . . . . . —
О книгѣ: „Руководство къ обученію грамотѣ и началамъ русскаго языка“. Составилъ *Н. Соломоновскій*. 56

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

О журналѣ: „Народная школа“, издаваемомъ *А. П. Пятковскимъ*. . 56
О книгѣ: „Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“. Составилъ *Ѳ. Пуцыковичъ*. . . . . —
О книгахъ: 1) „Гриша или любовь сестры“, 2) „Золотой гусь“. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ . . . . . —
О книгѣ: „Разказы стараго матроса“. Составилъ *Н. П. Боголюбовъ*. Изданіе „Народной библіотеки“ . . . . . —
О книгѣ: „Робинзонъ“. Изъ „Ясной поляны“ гр. *Л. Н. Толстаго*. —
О книгѣ: „Мірскіе захребетники“. Сочиненіе *Модеста Богданова*. Изданіе редакціи „Родникъ“ . . . . . —
О книгѣ: „Исторія храма Христа Спасителя“. Составилъ *М. Мостовскій*. 57
О книгѣ: „Прописи и образцы рисованія по клѣткамъ“. Составилъ *В. С. Гербачъ*. . . . . —
Офиціальныя извѣщенія . . . . . 30 и 57
Открытіе училищъ . . . . . 32 и 58
Объявленія: отъ главной физической обсерваторіи 58
отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго общества 60

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. Ѳ. Миллеръ. Къ вопросу о славянской азбукѣ 1
Н. В. Кудрявцевъ. Русская Лапландія . . . . . 36 и 216
В. В. Бобынинъ. Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI вѣка 183
Н. М. Благовѣщенскій. Третья сатира Ювенала 242

Критика и библіографія.

А. Д. Ряжскій. Славянское церковное пѣніе въ латинской обработкѣ 72
И. В. Помяловскій. Реальный словарь классической древности *Любкера* въ русскомъ переводѣ 119
И. И. Б. Наши педагогическіе вопросы. Бар. *К. Корфа*. М. 1882 . 144
А. С. Будиловичъ. Маріинское Четвероевангеліе. Трудъ *В. Ягича*. С.-Пб. 1883. 152
Ѳ. И. Успенскій. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченъ изъ Яхъи Антіохійскаго. Барона *Б. Р. Розена*. С.-Пб. 1883 . . . 284
А. М. Позднѣевъ. Третье путешествіе по центральной Азіи. *Н. М. Пржевальскаго*. С.-Пб. 1883 316
Н. И. Петровъ. Русскій проповѣдникъ XVII вѣка. *І. Яхонтова*. С.-Пб. 1883—Іеродіаконъ Дамаскинъ. Его же. С.-Пб. 1883. 350
Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи . . 169

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

	стран.
Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Замѣтки о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. I—II.	1
К. Я. Гротъ. Историческій институтъ при Вѣнскомъ университетѣ	83
Г. А. Л—скій. Къ вопросу объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ	104
Наша учебная литература (разборъ 32 книгъ)	23 и 137

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Публичная Библіотека въ 1882 году	1
Курляндское общество литературы и искусствъ	18
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	20
Императорское Русское Географическое Общество въ 1883 г.	33
Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1883 г.	43
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Th. Zielinsky. De lege Antimachea scaenica	1
И. И. Холодняк. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латыни (*окончаніе*)	26
Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. I.	67
Д. Н. Корольковъ. Новыя раскопки въ Елевсинѣ	88

Въ приложеніи:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія	121

Библиотека "Руниверс"